

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ,
ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Нестор-История
Санкт-Петербург – Киев – Минск
2008

УДК 947
ББК 63.3(2)

Рецензент

Кандидат исторических наук

М. М. Сафонов

(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Редакционная коллегия

М. Н. Барышников

А. В. Голубев

М. В. Друзин

С. В. Куликов

В. И. Меньковский

Е. С. Сениявская

А. С. Сениявский

В. А. Токарев

А. Н. Цамутали

Н. Н. Юсова

(д. и. н., РГПУ им. А. И. Герцена);

(к. и. н., Институт российской истории РАН);

(отв. редактор);

(к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН);

(д. и. н., Белорусский гос. ун-т);

(д. и. н., Институт российской истории РАН);

(д. и. н., Институт российской истории РАН);

(к. и. н., Магнитогорский гос. ун-т);

(д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН);

(к. и. н., Институт истории Украины НАН Украины).

П 78 **Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования.** Сборник научных статей / Редкол.: М. Н. Барышников, А. В. Голубев и др.; отв. ред. М. В. Друзин. — СПб.; К.; Мн.: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАН Украины; Белорусский гос. ун-т, 2008. — 682 с.

ISBN 978-5981-87297-6

- © Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2008
- © Институт истории Украины НАН Украины, 2008
- © Белорусский государственный университет, 2008
- © Редколлегия сборника «Проблемы отечественной истории: источники историография, исследования» (составитель), 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Издательство «Нестор-История», 2008

Предисловие

Распад Советского Союза вызвал в начале 1990-х годов временное если не взаимное отчуждение, то разобщение исторической науки некогда союзных республик. Однако исследования отечественной истории продолжались, не ограничиваясь изучением прошлого только своей страны, но охватывая все историческое полотно Древней Руси — Московского царства и его ближайших соседей — Российской империи — СССР. Безусловно, серьезное влияние на исследования подобного рода оказывали такие факторы как суверенизация бывших советских республик и необходимость обосновать национальную государственность. Сегодня идет процесс постепенного, достаточно сложного и неравномерного, преодоления околонучных конъюнктурных «оснований» научно-исследовательских исторических концепций отечественной истории. Представляется, что взаимное ознакомление с подходами белорусских, российских, украинских ученых и ученых других государств постсоветского пространства будет всемерно способствовать как интеграции исторических исследований, так и их большей объективности и научности, свободных от идеологических «ярлыков» и «штампов».

Сборник научных статей «Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования», подготовленный российскими, украинскими и белорусскими историками, являет собой опыт тесного научного сотрудничества ученых. При этом, важно отметить, что российская сторона представлена исследованиями не только столичных историков, но и работами ученых Сибири, Урала, Поволжья, Южного, Центрального, Северо-Западного и Западного регионов, т. е. фактически всей России. Белоруссию и Украину представляют исторические школы Минска и Киева.

Отдельно необходимо остановиться на структуре сборника «Проблемы отечественной истории». Его подзаглавие — «источники, историография, исследования» — изначально предполагает наличие трех больших разделов, составляющих собой историческую науку в целом: источниковедение, историографию и собственно историю.

Первый раздел, «Источники», включает в себя материалы, носящие не только источниковый, но и источниковедческий характер. Открывает раздел блок, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося ленинградского историка, профессора Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987). Его составили воспоминания младших коллег и учеников Владимира Васильевича — А. С. Азбелева, Н. А. Мининкова, В. М. Панеяха, А. Н. Цамутали и его сына, Валентина Владимировича. Впервые здесь публикуются письма В. В. Мавродина к коллегам. Особая значимость данного блока для многих из составителей и авторов представляемого сборника заключается в том, что он был полностью подготовлен благодаря идее, инициативе и огромному труду прекрасного ученого, пытливого историка и очень хорошего и доброго человека, безвременно ушедшего из жизни — Натальи Николаевны Юсовой (1974–2008), старшего научного сотрудника Института истории Украины Национальной Академии наук Украины.

Помимо вышеизложенного, источниковый характер носят публикуемые материалы периодической печати Урала времен Первой мировой войны, отражающие восприятие проблемы плена и военнопленных местной властью и общественным мнением.

Источниковедческую часть раздела составляют статьи, полностью опирающиеся на те или иные виды источников либо избирающие последние предметом своего исследования. Таковыми источниками в настоящем сборнике выступили: материалы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма), периодическая печать и визуальные источники (миниатюры Летописного свода и художественное кино).

Следующий раздел, «Историография», включил в себя исследования белорусских, украинских и российских историков по российской и англо-американской историографии российской истории. Здесь же представлен аналитический обзор петербургской школы историков и научно-педагогический вклад в нее К. Н. Бестужева-Рюмина.

И, наконец, третий, самый большой раздел «Исследования» структурно выполнен в классическом виде. В блоке «Социально-экономические исследования» представлены статьи, посвященные крестьянскому и аграрному вопросам на протяжении XIX–XX вв., а также рассмотрены теоретические основы денежной реформы 1922–1924 гг. «Политическая история» освещает проблемы системы центрального и местного управления первой трети XIX в. и рубежа XIX–XX вв.; касается вопросов конфессиональной политики российского правительства в Северо-Западном крае во второй половине XIX – начале XX в., открывает новые аспекты советской индустриализации. Подраздел «Общество: ментальность, культура, духовная жизнь» раскрывает различные стороны духовной жизни российского – советского общества, начиная со старообрядческих самосожжений конца XVII–XVIII вв. и завершая проблемами восприятия населением коммунизма во второй половине XX в.

Высокий исследовательский интерес к истории войн и революций обусловил необходимость выделить самостоятельный в составе раздела блок «Войны и революции: теория, методология, история». Здесь представлены статьи теоретического и практического характера по истории революции 1917 г., периодов Гражданской и Великой Отечественной войн.

Завершают раздел «Исследования» подразделы, характерные для периодических изданий – «Научная жизнь» и «Критика и библиография». И это не случайно. Хочется надеяться, что сборник «Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования» станет если не ежегодным, то хотя бы продолжающимся изданием, объединяющим историков всего постсоветского пространства.

В заключение вводного слова хочется искренне поблагодарить Ивана Яковлевича Галкина, генерального директора ЗАО «ЭКВИБАЛТ», за помощь, оказанную при издании настоящего сборника научных трудов.

Источники

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

*К 100-летию со дня рождения
Владимира Васильевича Мавродина*

Вспоминая В. В. Мавродина — не забываем других

2008 год оказался богат на столетние юбилеи тех ученых, которые своим вкладом способствовали развитию научной исторической мысли в целом и ее компонента — собственно историописания — в неоднозначную в идеологическом плане советскую эпоху.

Сегодня надлежит отдать дань памяти и уважения ленинградским профессорам Владимиру Васильевичу Мавродину (21.02.1908–20.11.1987)¹, Семену Бенциановичу Окуню (25.07.1908–23.2.1972)², Александру Львовичу Шапиро (7.07.1908–1994)³, а также московскому археологу, академику Борису Александровичу Рыбакову (3.06.1908–27.12.2001)⁴. По первоначальному замыслов редакторов этого сборника предполагалось получить воспоминания от людей, близко или хорошо знавших не одного В. В. Мавродина. Была проведена определенная работа, и даже получено не только согласие, но и уверения в самом быстрейшем написании подобного рода эссе. Особо же радовало то, что для иллюстрации тех или иных нюансов жизни и творчества Бориса Александровича Рыбакова даже предполагалось включить его искрометные самокритические автографические записки, дарственные надписи, письма, к которым планировалось присоединить одно из его посланий военного времени к Николаю Леонидовичу Рубинштейну, как заместителю директора по научной работе Государственного исторического музея⁵.

Однако, очевидно, именно фактор ограниченного времени, отведенного для подготовки воспоминаний, сыграл здесь свою отрицательную роль. Нами до настоящего времени (апрель 2008 г.) не получены обещанные материалы ни от российских, ни от украинских и болгарских коллег. Вместе с тем, редколлегия не снимает с себя всей ответственности за то, что в данном издании представлены материалы, освещающие отдельные этапы творческого пути лишь одного из авторитетных юбиляров — В. В. Мавродина.

Прояснением отмеченных обстоятельств редколлегия сборника подчеркивает, что какой-либо субъективной предвзятости при отборе кандидатур во всех отношениях достойных юбиляров не было: предполагалось представить всех из названных историков-юбиляров.

В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, А. Л. Шапиро и Б. А. Рыбаков как ученые хорошо известны, известны и основные вехи их жизненного пути и творческое наследие. Помещение, в связи с этим, очередного информационно-хронологического изложения биографий чествуемых ученых представляется бессмысленным и непродуктивным. Несравненно больший практический интерес для исследователя-

специалиста, равно как и для восстановления звеньев историографического процесса в целом, являет собой путь воссоздания образа историка посредством воспоминаний и введения в научный оборот неизвестного (или ничтожно мало ведомого) наследия. В представляемом научном сборнике таким неизданным ранее наследием предстают автографические письма В. В. Мавродина, разбросанные по различным архивохранилищам России и Украины.

Говоря о собранных и публикуемых здесь воспоминаниях, следует отметить необычайную скромность их авторов. Во время личных бесед, например, с сыном авторитетного историка-методолога советского времени Александра Павловича Пронштейна доктором исторических наук, профессором и заведующим кафедрой Южного федерального (составной частью которого стал Ростовский государственный) университета Николаем Александровичем Мининковым, удалось узнать гораздо больше о взаимоотношениях ленинградского и ростовского коллег. Оба семейства связывали долголетние дружеские взаимоотношения. Однако это никак не отражалось на научной позиции ученых, где по отдельным вопросам имели место принципиальные дискуссии. К примеру, многим известно научное увлечение В. В. Мавродина изучением истории крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. А. П. Пронштейн же считал, что его ленинградский коллега преувеличивает роль некоторых факторов, а также процесс капитализации общества в целом.

Н. А. Мининков был непосредственно знаком и с А. Л. Шапиро, который был определен в ноябре 1978 г., вместе с А. Г. Маньковым, его оппонентом на защите кандидатского диссертационного исследования, а место председателя Ученого совета занимал тогда В. В. Мавродин.

Сергей Николаевич Азбелев, пройдя студенческую школу ленинградского истфака, все эти годы проработал в «Пушкинском Доме», став известным специалистом в области древнерусского фольклора, летописеведения, а также истории Новгородской земли. Для современного исследователя представляет особый интерес аккумулированный взгляд человека, не только знавшего изнутри, но и испытывавшего на себе разнообразные превратности той системы, порождавшей особый тип взаимоотношений, так называемое «клеветство».

Ценность и значимость воспоминаний людей, которые непосредственно были знакомы с выдающимися учеными советского времени, и, к тому же, сами являющиеся профессиональными исследователями, необычайно велика. Думается, им в большей мере дан моральный императив выносить те или иные суждения о личностях историков, их жизненной и научной позициях, проводить первичный сопоставительный анализ «героя»/«героев» и его/их взаимодействия с социокультурной средой.

Итак, Владимиру Васильевичу Мавродину в плане чествования в год столетнего юбилея, несомненно, если так можно выразиться, «повезло» больше, нежели его коллегам по ленинградскому истфаку — Семену Бенциановичу Окуню, Александру Львовичу Шапиро и московскому археологу Борису Александровичу Рыбакову. В конце марта — 27–28 числа — в стенах сохраненного в годы лихолетий его любимого детища — исторического факультета теперь уже Санкт-Петербургского государственного университета прошли очередные «Мавродинские чтения». Их проведение, как и издание сборников материалов, стало уже доброй традицией⁶. На юбилейных чтениях прозвучали воспоминания Даниила Натановича Альшица,

Рафаила Шоломовича Ганелина, Абрама Давыдовича Столяра и сына Владимира Васильевича — Валентина Владимировича Мавродина. К юбилею была переиздана книга В. В. Мавродина «Образование древнерусского государства»⁷.

Вместе с тем, было бы целесообразно на том же историческом факультете Санкт-Петербургского университета в этом, 2008-м, юбилейном году провести научное мероприятие, посвященное всем юбилярам. И вовсе необязательно показывать массовость такой конференции. Зачастую, довольно эффективными на практике оказываются узко-проблемные и умеренно-представительские научные форумы. В данном случае можно сделать доклады по основным проблемам исторического развития, которые изучались представителями так называемой ленинградской школы послевоенного периода. Именно на период второй половины 1940–1950-х гг. сложилась марксистско-ленинская концепция истории. Одновременно наблюдался сложный комплекс идеологических перипетий со стороны власти. Ввиду неординарности историографической ситуации было бы полезным проанализировать ее различные дискретные моменты на основе привлечения материалов личного происхождения. Иными словами — проследить непосредственное влияние авторитетных ученых на формирование той или иной концепции, а вместе с тем и воздействие на повседневную и творческую жизнь репрезентантов науки различных факторов-агентов. В отношении же Б. А. Рыбакова можно сказать, что и его исследовательская деятельность испытывала непосредственное влияние ленинградской социокультурной среды интеллектуалов-гуманитариев, при том также активно воздействуя на нее. Таким образом, проведение проблемного научного мероприятия и стало бы той данью памяти нашим известным ученым и коллегам — С. Б. Окуню, А. Л. Шапиро, В. В. Мавродину и Б. А. Рыбакову. Надеемся, что вышеотмеченное будет воспринято в качестве доброго пожелания.

И в заключение вступительных замечаний и пояснений к публикуемым здесь свидетельствам эпохи юбиляра хочется отметить следующее. Соприкасаясь с материалами, раскрывающими определенные аспекты жизненного и творческого пути В. В. Мавродина, невольно, но очень осязаемо чувствуется та обстановка, в которой приходилось творить всем названным виновникам отмечаемого на страницах данного издания торжества, зримо улавливаются коллизии амбивалентного влияния «власть — историк»/«историк — историописание».

Воспоминания С. Н. Азбелева и Н. А. Мининкова публикуются в авторской редакции.

Н. Н. Юсова, к. и. н.

* * *

«Вспоминая В. В. Мавродина — не забываем других»... Под таким заглавием Наталья Николаевна Юсова составила вступительное слово к публикуемым здесь воспоминаниям о Владимире Васильевиче Мавродине в апреле 2008 г. А 12 июля ее не стало, и трогательный заголовок обрел новый трагический смысл.

Идея отметить 100-летний юбилей Владимира Васильевича Мавродина родилась у Натальи Николаевны в Новогоднюю ночь, 1 января 2008 года. В очередном новогоднем письме она сообщила, что в 2008 г. исполняется 100 лет со дня рождения В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова и Ф. П. Филина, и предложила в готовящемся сбор-

нике научных статей сделать раздел, посвященный их совместному юбилею. Идея сразу же заразила сознанием уникальности и историографической ценности предполагаемого материала. В процессе поиска младших коллег и учеников юбиляров, которые смогли бы поделиться своими воспоминаниями о них, выяснилось (благодаря подсказке Александра Васильевича Антощенко), что сверстниками В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова и Ф. П. Филина были также С. Б. Окунь и А. Л. Шапиро. Работа шла по всем направлениям. Наталья Николаевна задействовала друзей и коллег из разных городов России и Украины, сама писала и звонила всем, кто мог бы помочь в составлении юбилейного раздела. Сразу же откликнулись С. Н. Азбелев и Н. А. Мининков, в короткий срок вылавлившие в редакцию свои воспоминания о В. В. Мавродине. Однако почтовая и телефонная связь, к сожалению, не всегда способны заменить собой беседы с глазу на глаз, особенно, когда дело касается такого сугубо личного вопроса как написание воспоминаний. Таковой же возможности не представилось. Положение осложнялось тем, что по первоначальному плану данный сборник должен был появиться на свет летом 2008 г., а потому сроки подготовки оказались максимально сжаты во времени. В итоге, к апрелю в распоряжении редакции имелись воспоминания Сергея Николаевича Азбелева и Николая Александровича Мининкова, а также блок автографических писем и телеграмм В. В. Мавродина, выявленных и подготовленных к предварительной публикации Натальей Николаевной и Святославом Леонидовичем Юсовыми.

Ответ на вопрос о том, кто будет писать вступление к разделу, составленному в честь юбилея В. В. Мавродина, был очевиден. Наталья Николаевна, посвятив себя изучению историографии проблем древнерусской народности в советской исторической науке 1930–1940-х гг., хорошо знала труды В. В. Мавродина, его биографию, круг научного общения, была лично знакома со многими из младших коллег и учеников ленинградского историка, общалась с Валентином Владимировичем Мавродиным. К концу апреля 2008 г. вступительное слово было готово в том виде, в каком оно опубликовано выше.

Но в силу разного рода причин и обстоятельств издание сборника отложилось. Отложилось на слишком долгий срок — на целую человеческую жизнь...

Осенью 2008 г. раздел пополнился воспоминаниями В. М. Панеяха, А. Н. Цамутали и В. В. Мавродина, с которыми прежде связаться не удалось. Повторяя наблюдение Натальи Николаевны, отметим, что в ходе личных бесед с авторами воспоминаний раскрывалось множество ярких и интересных страниц из жизни Владимира Васильевича, которые не вошли в публикуемые воспоминания. Остается уповать на то, что все сказанное, но недописанное, будет издано в отдельных томах их мемуаров.

Виктор Моисеевич Панеях, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, историограф, известный специалист в области древней истории России, впервые познакомился с В. В. Мавродиным на студенческой скамье истфака Ленинградского университета. Их более тесное знакомство состоялось в 1960-е гг., в период совместной работы над трехтомным исследованием по истории Пугачевского восстания. Позже, Виктор Моисеевич поспособствовал знакомству А. П. Пронштейна и В. В. Мавродина.

Ценными для современного исследователя советской исторической науки 1950–1970-х гг. представляются воспоминания Алексея Николаевича Цамутали, доктора исторических наук, заведующего отделом новой истории России Санкт-

Петербургского института истории РАН. Его студенческие, а затем и более зрелые впечатления о В. В. Мавродине, пропущенные сквозь собственный историографический опыт, являют пример критического осмысления неоднозначной и противоречивой эпохи в истории отечественной науки.

Яркие штрихи к портрету отца добавил Валентин Владимирович Мавродин, тоже историк, кандидат наук. Во время наших двух встреч Валентин Владимирович из памяти извлекал такие живые картинки из жизни Владимира Васильевича и так их образно передавал, что казалось — смотришь семейную кинохронику. Один из интереснейших сюжетов Валентин Владимирович доверил пересказать здесь, дабы восстановить историческую правду. Отметим, что ниже приведенный рассказ является еще и живой иллюстрацией к повседневной жизни советских граждан начала 1930-х гг.

Всем хорошо известно, что Владимир Васильевич родился в 1908 году в г. Кишиневе. Этот вполне обычный факт биографии историка получил, однако, неожиданное продолжение: В. В. Мавродин стал молдаванином. Национальная принадлежность настолько прочно закрепилась за ленинградским профессором, что к нему даже поступали предложения из Академии наук Молдавии занять самые престижные научные должности в республике с присвоением звания академика. И никто никогда не ставил под сомнение молдавское происхождение Владимира Васильевича. Позже это нашло свое закономерное отражение на страницах биографических исследований. Так, как же *русский* стал *молдаванином*?

В 1932 г. в СССР была введена паспортная система. Вся страна встала в очереди за доселе неизвестным большинству документом. Самым печальным же оказалось то, что с паспортом были плохо знакомы люди не только его получавшие, но и выдававшие этот главный документ гражданина Советского Союза. Молодой Владимир Мавродин вместе со своим товарищем в полной мере испытывали на себе издержки новой системы.

Здесь стоит напомнить, что в дореволюционной России графы «Национальность» как таковой в документах и официальных опросниках не существовало. Для правительства того времени более важной представлялась вероисповедная самоидентификация подданных Империи. В новой, советской, России, борющейся за право наций на самоопределение, графа «Национальность» стала приоритетной. Однако большинство граждан страны к началу 1930-х гг. продолжало еще себя определять по религиозному, а не национальному признаку.

Но вернемся к очереди в паспортный стол, в которой стоят В. Мавродин и его товарищ. Сначала подошел черёд Владимира Васильевича. Открылось окошко, оттуда выглянула девушка в красной косынке и спросила фамилию.

— Мавродин, — ответил Владимир Васильевич.

— Получите и распишитесь, — сказала паспортистка, выдавая документ удостоверения личности.

Владимир Васильевич раскрыл паспорт и замер: в графе «Национальность» черным по белому было написано: «Молдаванин». Далее произошел примерно следующий диалог:

— Позвольте, девушка! Ну, какой же я молдаванин!? С чего Вы взяли!?

— Место рождения — Кишинев?

— Да.

— Следующий!

Новоявленный молдаванин отошел в сторонку, чтобы не задерживать очередь, и стал дожидаться товарища, привыкая к новой ипостаси. Невольно продолжая наблюдать за происходящим у паспортного стола, В. Мавродин заметил, как округлились глаза у стоявшего за ним друга по паспортному «несчастью», когда тот раскрыл свой паспорт. Девушка в красной косынке, как и в предыдущем случае, возражений не принимала. Впрочем, ознакомившись со своей «национальностью», товарищ В. Мавродина не мог вымолвить и слова. Как он потом рассказал, заполняя карточку, в графе «Национальность», по дореволюционной привычке указал свою вероисповедную принадлежность — «Иудей». В новом же паспорте безапелляционно красовалось: «Индеец».

Валентин Владимирович спрашивал отца, почему же он потом не исправил ошибку, была же возможность? Но Владимир Васильевич лишь отмахивался, говоря, что просто не обращал на это внимание и не придавал особого значения тому, какая национальность стоит у него в паспорте. И так «молдаванин» стал кочевать из одного документа в другой, потом в третий, оттуда — в биографические справки, а затем и в биографические исследования.

Рассказав эту историю, Валентин Владимирович сказал: «Ну, кто же мне теперь поверит?!». А кому же еще верить, если не сыну Владимира Васильевича!?

В заключение отметим, что в 2008 г. чествование юбиляров все же состоялось, хотя и не всех. Помимо Мавродинских чтений, которые выше подробно осветила Н. Н. Юсова, в Москве, 23 октября в рамках XXXIX Сергиевских чтений, несколько докладов было посвящено памяти Б. А. Рыбакова, а 4–5 декабря на Историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоится конференция, посвященная 100-летию юбилею со дня рождения А. Л. Шапиро.

К сожалению, 2008 год оказался богат не только на юбилеи. Теперь, вспоминая В. В. Мавродина, мы всегда будем вспоминать о Наталье Николаевне Юсовой.

Воспоминания публикуются в авторской редакции.

М. В. Друзин

Примечания

- 1 *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. 192 с.
- 2 Окунь Семен Бенцианович // Энциклопедия Санкт-Петербурга // <http://www.ensspb.ru/ru/article.php?kod=2805400188>, а также: <http://bse.sci-lib.com/article084141.html>
- 3 Шапиро Александр Львович // Энциклопедия Санкт-Петербурга // <http://www.ensspb.ru/ru/article.php?kod=2805400328>.
З. В. Дмитриева и А. Н. Цамутали отмечают обычно ошибочное указание в документах года рождения А. Л. Шапиро как 1905 г. (См.: *Дмитриева З. В., Цамутали А. Н.* Александр Львович Шапиро — ученый и педагог // *Английская набережная*, 4. [Вып. 1]. СПб., 1997).
- 4 Рыбаков Борис Александрович // <http://ru.wikipedia.org/wiki>, а также <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000031/st012.shtml>
- 5 НИОР РГБ. Ф. 521. К. 26. Д. 53. Рыбаков Б. А. Письмо к Рубинштейну Н. Л. 1943 г. На 2 л.
- 6 Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994; Мавродинские чтения. Сб. статей / Под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2002; Мавродинские чтения-2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского университета / Под. ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004.
- 7 *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 591 с.

С. Н. Азбелев
Санкт-Петербург

Воспоминания о В. В. Мавродине

Владимир Васильевич никогда не был моим *официальным научным руководителем*: в Университете курсовые работы и дипломную я писал у других преподавателей; не он являлся формальным руководителем моей кандидатской диссертации. Мы вообще сравнительно редко с ним общались — кроме, конечно, неперемennого моего присутствия на всех его лекциях, где я всегда сидел в первом ряду, поближе к кафедре, стараясь не пропустить ни одного слова. Я мог бы упомянуть нескольких не только превосходно знавших, но, по-видимому, и любивших свой предмет учителей тогдашнего студенчества среди профессоров Исторического факультета, который я окончил с отличием в 1955 году. Но называть настоящим своим УЧИТЕЛЕМ «с большой буквы» могу только Владимира Васильевича Мавродина.

Дело даже не в том, что лекции его были мне особенно близки по своей тематике, всегда богаты неординарным содержанием и читались с только ему одному свойственными теплотой и задушевностью. В то очень непростое время по-настоящему честное преподавание отечественной истории требовало мужества. И им действительно обладал Владимир Васильевич — при внешней мягкости и даже покладистости своего характера. Он не заботился — как заботились, порой весьма старательно, иные профессора — о том, чтобы его лекционный курс воспринимался в фарватере то якобы незыблемых, то вдруг круто изменявшихся идеологических установок. Мавродин вообще к ситуациям НЕ ПРИСПОСАБЛИВАЛСЯ, а неуклонно предлагал в своих лекциях им самим разработанную и, можно даже сказать, им выстраданную концепцию истории Древней Руси. Кое-что в этой концепции могло претерпевать изменения, но они являлись результатами только внутренней эволюции научных представлений УЧЕНОГО.

Владимир Васильевич не получал самых престижных государственных премий и высоких академических званий — в то время, как получали другие, постаравшиеся не без успеха, чтобы к их трудам благосклонно отнесся «вождь народов» и «корифей науки», который присвоил себе высший арбитраж не только в ней, но и во всех областях человеческой деятельности. Мавродин ни к кому не подлаживался, и именно этому далеко не в последнюю очередь обязан был высочайший моральный его авторитет среди историков (и не только историков).

Независимость суждений, обоснование их широко проработанным и увлекательно подаваемым материалом — всегда обеспечивали «аншлаг» лекциям Владимира Васильевича, который читал их вполне академично, без «театральных эффектов», от чего не свободны были некоторые другие лекционные курсы.

Впрочем, нередко в его лекциях проскальзывал сдержанный добрый юмор, особенно свойственный Владимиру Васильевичу в «неформальных» ситуациях. Позволю себе привести пример из «опыта» первокурсника. Перед первой в моей жизни сессией профессор Мавродин, заканчивая свою финальную лекцию по истории Древней Руси, пожелал нашему курсу успешно сдать предстоящий экзамен (который сам же и принимал), сказав: «Ни пуха, ни пера!» По студенческой своей склонности к озорству, я, будучи старостой курса, встал и громко

произнес: «Идите к черту, Владимир Васильевич!». Направлявшийся к двери Мавродин обернулся и ответил с доброй улыбкой: «Я уже иду!» (можно предположить, что шел на прием к кому-либо из столпов тогдашнего университетского начальства).

На экзаменах он бывал благожелателен, но справедлив, и никогда не завышал оценки студентам, пытавшимся «понравиться» экзаменатору. Доброта Мавродина не была сродни доброте тогда же преподававшего на Истфаке престарелого академика В. В. Струве. Студенты шутили между собой, что если прочесть один раз его толстый учебник «История Древнего Востока», то пятерка от Василия Васильевича обеспечена, а если ни разу не прочесть, то обеспечена четверка. Ниже четверки он, кажется, действительно оценок тогда не ставил. Если Струве видел, что студент билета совсем не знает, то сам рассказывал ему ответ и сносно повторившему это студенту выставлял «хорошо» — добавляя с улыбкой обычные свои слова: «Голубчик, Вы меня утешили!».

Мавродин на экзаменах, конечно, требовал самостоятельного ответа. А если студент оказывался действительно хорошо знающим, то Владимир Васильевич не давал времени на слишком развернутое повествование по самому билету, а превращал экзамен в краткое собеседование, где студент мог уже обнаружить зарождение будущих своих научных интересов.

Именно профессор Мавродин стал «крестным отцом» первой моей статьи в вузовском научном журнале — статьи, которую я отважился представить на его суд, только завершив кандидатское сочинение. Эта небольшая публикация не была уже связана тематически с моей диссертацией, но появилась в «Вестнике Ленинградского университета» почти одновременно с ее защитой (ровно пятьдесят лет назад). В самой диссертации и в предшествовавших ей публикациях я тогда еще выступал только как источниковед (это было связано с тем, что в аспирантуру попал в литературоведческий институт). Однако статья моя, которую благословил печатать Владимир Васильевич, претендовала уже на решение «собственно исторического» вопроса: она называлась «Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь?».

Кандидатская диссертация о новгородских летописях была через два года после защиты издана под маркой Академии наук в Новгороде, вопреки требованию Новгородского обкома КПСС рассыпать набор этой книги — под предлогом несоответствия ее содержания основному профилю тамошнего издательства. Книга вышла благодаря вмешательству двух академиков — М. П. Алексеева и В. В. Виноградова (возглавлявшего тогда Отделение литературы и языка Академии наук), которые сразу же обратились с аргументированными письмами к первому секретарю обкома. Готов был обратиться от лица Университета и декан Исторического факультета В. В. Мавродин, но давления со стороны Академии тогда оказалось достаточно.

Владимир Васильевич возглавлял и факультет, и его основную кафедру, однако далеко не просто оказалось ученикам и коллегам добиться издания сборника статей, посвященного юбилею В. В. Мавродина. Шестидесятилетие его было в 1968 году, но книга вышла только через три года. Участвовали в ней тридцать ученых-историков. Все они являлись либо преподавателями Университета, либо выпускниками Истфака. Памятуя благожелательную готовность Владимира Васильевича добиваться издания моей книги о новгородских летописях, я посвятил

свою статью юбилейного сборника отражению в этих летописях Куликовской битвы (790-летие ее отмечалось годом ранее, а издание посвященных ей источников было отрецензировано в «Известиях Академии наук» именно В. В. Мавродиным — в том же году, когда упомянутая моя книга все же увидела свет).

Изредка мне доводилось видеть профессора Мавродина в обстановке неофициальной. Однажды в 1970-х годах я был на его даче в Зеленогорске, куда он пригласил меня, чтобы дать письменную рекомендацию моей статье, которую в то время сложно было опубликовать. Много позже я оказался его соседом за столом на свадьбе оканчивавшего Истфак студента (который только что получил от меня редакторское добро на публикацию первой своей работы в фольклористическом научном сборнике). Разница в возрасте между деканом Мавродиным и мной тогда уже не очень ощущалась.

Остроумный собеседник, постоянно пересыпавший разговор шутками и всегда очень удачным цитированием на память русской классической литературы и даже классического древнерусского фольклора, Владимир Васильевич был в общении незабываемо прост и доброжелателен.

Январь 2008 г.

*Н. А. Мининков
Ростов-на-Дону*

Владимир Васильевич Мавродин (краткие воспоминания)

О Владимире Васильевиче Мавродине я слышал еще с первого курса учебы на историческом факультете Ростовского госуниверситета. Во-первых, о нем нам рассказывала Ангелина Григорьевна Задёра, которая читала нам историю СССР периода до конца XVIII в., при изучении разных тем курса — от происхождения государства на Руси до восстания Е. Пугачева. С этими, как и со многими другими темами, были связаны труды ленинградского историка. Во-вторых, более углубленно с его трудами мне довелось познакомиться самому в связи с изучением истории донского казачества за период с XVI до начала XVIII вв., которая оказалась в центре моего внимания. Уже студентом я обратил внимание на широту научных интересов ученого, глубокое знание им историографии и источников, на аргументированность положений и выводов, и в то же время на оригинальность и смелость отдельных построений, относившихся, в частности, к проблеме происхождения казачества и дискуссии по вопросу о существовании исторических предшественников казачества вроде бродников.

Весной 1978 г. у меня состоялось личное знакомство с выдающимся историком. В то время я выезжал в Ленинград на обсуждение своей кандидатской диссертации. Она была посвящена политике московского правительства на Дону за период с XVI в. до 1671 г., когда было подавлено Разинское восстание. Обсуждение проходило на кафедре истории СССР периода феодализма, которой заведовал Владимир Васильевич. Основным докладчиком по моему вопросу выступал

в то время молодой еще доцент Александр Якимович Дегтярев. Однако и Владимир Васильевич, несмотря на всю свою загруженность, очень основательно, как я понял, познакомился с моим текстом и дал ценные советы. Уже в то время самое благоприятное впечатление на меня произвела дружеская, демократичная обстановка на кафедре, включавшей в свой состав таких видных, помимо самого заведующего, историков, как Александр Львович Шапиро и Руслан Григорьевич Скрынников. Тогда мне стало понятно, что руководителем такого коллектива мог быть не только крупный ученый, но и масштабная личность.

Второй раз мне довелось увидеть Владимира Васильевича в ноябре того же года, когда в Совете при историческом факультете ЛГУ я защищал кандидатскую диссертацию. Он был тогда председателем специализированного совета. Запомнилось его выступление в ходе обсуждения моей работы. Он очень доброжелательно отнесся к ней. В то же время, подводя итог предыдущим выступлениям, он указал на те положения, которые нуждались в дальнейшей доработке. За глубокое личное участие, проявленное Владимиром Васильевичем в период обсуждения и в период моей защиты кандидатской диссертации, я ему очень благодарен.

Увидеть Владимира Васильевича в дальнейшем мне не пришлось. Однако с некоторыми его трудами мне довелось более углубленно познакомиться. Это, прежде всего, касалось фундаментального трехтомного исследования по истории Пугачевского восстания, выполненного коллективом ленинградских историков в 60-х – 70-х годах. В частности, обращал на себя внимание первый том, написанный целиком Владимиром Васильевичем и относившийся к историографии восстания и к источниковой базе по этой проблеме. Вплоть до наших дней он интересен не только своим содержанием, но и тем, что в нем заключается своего рода образец написания историографического обзора крупной проблемы. Его внимательный анализ дает, кроме того, представление по дискуссионной к настоящему времени проблеме объекта историографического исследования и определения круга историографических источников и историографических фактов. Судя по приведенному Владимиром Васильевичем материалу, относящемуся к историографии пугачевского восстания, историографическое исследование может включать в себя весь комплекс материалов, характеризующих состояние не только исторической науки, но и в целом общественно-исторической мысли. В этой связи не случайно им было обращено самое серьезное внимание на такие нетрадиционные историографические источники, как фольклор и произведения художественной литературы, относившиеся к теме Пугачевского восстания и к биографии его предводителя.

Благодарная память о Владимире Васильевиче сохранилась среди историков, и, в частности, о нем и его трудах помнят в нынешнем Южном федеральном университете. На историческом факультете СПбГУ регулярно проводятся Мавродинские чтения. На одном из них, в 1994 г., мне пришлось участвовать. Несомненно, что бурная, переломная эпоха тех сложных, но очень интересных, замечательных и памятных 90-х годов, с их духом свободы и раскрепощения мысли, наложила свой отпечаток на проведение чтений. Поэтому не случайно, что характерной их чертой было незримое, но вполне ощущаемое присутствие при обсуждении вопросов истории острых проблем современности. Вместе с тем дух научного поиска, который всегда был характерен для исторического факультета

ЛГУ при Владимире Васильевиче, в полной мере сохранялся. По крайней мере, участники конференции не только могли выносить на суд коллег свои идеи, но и сопоставлять с теми высокими стандартами научности, которые сложились на историческом факультете ЛГУ в результате, в том числе, научной деятельности Владимира Васильевича.

В настоящее время, на нынешнем витке развития исторической мысли и осмысления историографического наследия прошлых лет, вполне, как представляется, назрела необходимость специального изучения вклада в историческую науку В. В. Мавродина. Тема интересна не только сама по себе, ввиду масштабов личности ученого и значимости его трудов. Она представит несомненный интерес ввиду того, что при ее исследовании историк сможет погрузиться в непростую обстановку, в которой жила отечественная историческая наука в период жизни и деятельности Владимира Васильевича и дать более глубокое и взвешенное представление о ней самой и о том периоде развития отечественной истории и культуры.

[Январь 2008 г.]

В. М. Панях
Санкт-Петербург

В. В. Мавродин — руководитель работы по исследованию пугачевского восстания

В. В. Мавродин в конце 50-х годов XX в. поставил перед собой цель — подготовить обобщающее исследование о восстании под предводительством Емельяна Пугачева. Первым шагом на этом пути стало написание им первого тома, посвященного его своего рода предыстории¹. Книга распадалась на две, строго говоря, не связанные между собой части. В первой автор исследовал историографию крестьянской войны, которую он рассматривал расширительно — освещал не только изучение восстания исторической наукой, в том числе зарубежной, но и его отражение в общественно-политической мысли, художественной литературе, устном народном творчестве и искусстве. Во второй части В. В. Мавродин исследовал классовую борьбу перед восстанием Пугачева.

Еще до выхода в свет первого тома исследования В. В. Мавродин, вероятно, понял, что дальнейшая работа затянется на долгие годы, если не десятилетия. Поэтому он принял решение о комплектовании авторского коллектива и обратился с этой целью в дирекцию Института истории АН СССР и к руководству его Ленинградского отделения (ЛОИИ). Ответ был положительным. Институт предложил включить в коллектив А. И. Андрущенко, М. Д. Курмачеву и Р. В. Овчинникова, занимавшихся этой проблематикой, а ЛОИИ — Ю. А. Лимонова, Л. С. Прокофьеву и меня, никогда прежде не соприкасавшихся с историей России второй половины XVIII в. Незадолго до этого я закончил аспирантуру в

¹ *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1961. Т. I.

ЛОИИ и оставался без работы. Дело было представлено таким образом, будто бы меня оставляют в ЛОИИ при условии, что я возьмусь за эту работу. В. В. Мавродин тогда вновь после долгого перерыва стал деканом истфака ЛГУ и заведующим кафедрой истории СССР. Он пригласил меня на кафедру и уговаривал не отказываться от этого предложения, и я решил согласиться.

В. В. я помнил по студенческим годам, когда он, будучи деканом исторического факультета и заведующим кафедрой истории СССР, читал на первом курсе общий курс истории России до XVIII в. включительно. Он был доброжелательным и добрым человеком, его любили и уважали студенты.

В конце 40-х – начале 50-х годов в условиях гонений и проработок В. В. лишился всего: поста декана, затем заведующего кафедрой. В конечном счете, он был уволен из университета и исключен из рядов КПСС, выдворен из служебной квартиры во дворе университета и жил на даче в Зеленогорске. Говорили, что он пишет книгу.

Меня В. В. знал как ученика Б. А. Романова, к которому он относился с глубоким уважением и пригласил его в 1944 г. на работу в университете. Весной 1953 г., когда В. В. вернули на истфак, но еще не восстановили в партии, я, пятикурсник, зашел на кафедру, чтобы выразить В. В. свое удовлетворение тем, что вижу его вновь на факультете.

Для дальнейших переговоров о работе над историей пугачевского восстания В. В. пригласил меня к себе на дачу, где познакомил с планом работы, который он подготовил. Тут же В. В. попросил меня стать «бригадиром» коллективного труда. Я легко согласился, полагая, что на меня будут возложены организационные функции — переписка с иногородними авторами, получение в срок уже написанных глав и тому подобная работа. Первое время этим все и ограничивалось, и я засел за работу над своими главами.

Вскоре, однако, выяснилось, что силами ЛГУ и Института истории (включая ЛОИИ) такое объемное и многоаспектное исследование не одолеть, и В. В. привлек еще авторов из числа бывших аспирантов и стажеров. В результате в авторский коллектив влились также Н. И. Сергеева из Ленинградского библиотечного института, Д. Ш. Сот из пушкинского заповедника в Михайловском, И. З. Кадсон из Музея истории религии и атеизма, Е. И. Глазатова из Читы, Г. И. Семенюк из Алма-Аты, аспирант Л. Д. Рысляев и ряд других. Перед началом работы В. В. созвал совещание, на котором был уточнен план издания второго тома, распределены задания и уточнены сроки их выполнения — 1964 г.

Работать с В. В. было легко. Он был человеком доступным, не чванным и склонным идти на уступки. Он умело гасил конфликты, неизбежно возникавшие в коллективе, в котором авторы по-разному понимали свои задачи и не всегда были склонны согласовывать свои интересы с интересами других. Ситуация обострилась, когда наступило время представлять написанные главы. Они разительно не совпадали по стилю, глубине исследования и другим параметрам. В. В. к этому времени получил квартиру в городе и встречи с ним были облегчены. Он и позвал меня для обсуждения возникших затруднений.

В. В. предложил мне включиться в редактирование текстов: разные тексты редактирует каждый из нас, а затем обмениваемся ими и проходимся по ним вторично. Здесь впервые и возникли казалось бы непреодолимые противоречия. Мне В. В. поручил сообщать иногородним авторам о результатах проделанной

редакторской работы. Их недовольство было адресовано мне, как автору писем. Тут вступал в дело В. В. Иногда он соглашался с возражениями, иногда делал вид, что соглашался, иногда писал умиротворяющие, но ни к чему не обязывающие письма.

В самом начале этой работы мне пришла пора защищать кандидатскую диссертацию на историческом факультете ЛГУ, поскольку в своем учреждении тогда это делать было запрещено. Я и обратился к В. В., понимая, что там стоит длинная очередь. Он сказал мне сакраментальную фразу, которую я слышал от него в других случаях: «Как говорили в Одессе, если церковь полна, губернатору всегда найдется место». Более того, он вызвался быть моим официальным оппонентом.

Мы с ним отлично ладили, пока я не стал предъявлять авторам, с точки зрения В. В., завышенные требования. «Знаете, — сказал он, — мы с Вами принадлежим к разным школам. Я не люблю делать события из выеденного яйца». Я возразил, выразив мнение, что иногда это необходимо. «Нет, — отрезал он, — придется не заходить так далеко».

Когда мы сдавали второй том в Издательство ЛГУ, стало ясно, что представленный материал не умещается в два тома. Пока шла работа с редактором издательства, чтение корректур и прочее, мы сформировали еще два тома коллективного труда и готовились к работе с авторами. В 1966 г. вышел в свет второй том¹.

Вскоре после издания второго тома выяснилось, что издательство отказалось выпускать еще два тома, предложив ограничиться одним. Сложность ситуации состояла в том, что авторские тексты были уже подготовлены. В. В. поручил мне провести необходимые сокращения, что я и попытался сделать. Во время согласования преобразованных текстов возник скандал: А. И. Андрущенко и моя коллега по ЛОИИ Л. С. Прокофьева пожаловались в московскую дирекцию. Но поскольку В. В. Мавродин ей не подчинялся, то гнев начальства был направлен на меня. Дело было так. Однажды мне позвонила из Москвы сотрудница Института, включенная в авторский коллектив, М. Д. Курмачева и с тревогой сообщила, что ее вызвал заместитель директора Института истории Л. С. Гапоненко и потребовал, чтобы она дала ему телефон В. В. Мавродина, чтобы пожаловаться на меня. Она сказала, что его не знает, и спросила меня, что делать. Я пошел к В. В., который просил передать ей, чтобы она сообщила Л. С. Гапоненко его телефон. Одновременно он написал ему письмо с объяснением, чем вызвано сокращение объема работ. Казалось, конфликт был погашен.

Но вскоре на Ученом совете ЛОИИ выступили директор Института В. М. Хвостов и его заместитель Л. С. Гапоненко. Это был один из эпизодов борьбы дирекции с Н. Е. Носовым, исполнявшим обязанности зав. ЛОИИ. В выступлении Л. С. Гапоненко были перечислены прегрешения Н. Е. Носова, среди которых названо неправильное распределение обязанностей. Например, младший научный сотрудник редактирует важный коллективный труд. Речь, разумеется, шла обо мне. В конечном счете, после каких-то действий В. В. этот выпад не имел

¹ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева / Отв. ред. проф. В. В. Мавродин. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1966. Т. II. Перед выходом в свет этого тома В. В. предложил мне выпустить том под редакцией двух лиц — его и меня. Я отказался, и В. В. в конце предисловия написал: «Редакторами второго тома являются В. В. Мавродин и В. М. Панеях» (с. 4). И это указание, как оказалось, вызвало скандал.

последствий. В 1970 г. вышел в свет третий, последний, том истории пугачевского восстания^I.

На оба тома появились рецензии. Одна из них была весьма комплиментарна^{II}. В другой были поставлены серьезные проблемы и прозвучала острая критика всего издания^{III}. В оценке этой критической статьи мы с В. В. разошлись. Он был уязвлен, а я считал, что в ней много справедливых замечаний. В. В. предложил мне написать вдвоем ответ, но я отказался. В. В. вроде бы обиделся — тем более, что кто-то ему сообщил о моей беседе с авторами статьи, в ходе которой я говорил о их правоте. Впрочем, эта обида не перешла в неприязнь: в 1974 г., когда я защищал докторскую диссертацию, В. В. присутствовал, а потом почтил меня, придя с женой на банкет.

Побочным результатом нашей общей работы стала популярная книга, написанная Ю. А. Лимоновым, В. В. Мавродиным и мной^{IV}, в которой дана серия исторических портретов.

[Октябрь 2008 г.]

А. Н. Цамутали
Санкт-Петербург

Несколько слов о Владимире Васильевиче Мавродине

Владимира Васильевича Мавродина я впервые увидел, когда поступил осенью 1948 г. на исторический факультет Ленинградского университета. Тогда же я узнал, что он возглавляет исторический факультет и кафедру истории СССР. Впоследствии, после окончания университета мне не раз приходилось сталкиваться с В. В. Быстро летело время. Кое-кто из тех, кто в мое время были студентами или аспирантами, защищали диссертации, становились доцентами и профессорами, даже возглавляли кафедры на историческом факультете. В. В. долгие годы оставался и деканом факультета, и заведующим кафедрой истории СССР. Поэтому в разные годы поводы для встреч с ним менялись.

В первые же дни занятий в университете я услышал от студентов, что В. В. во всех своих ипостасях очень доступен и доброжелателен. Вскоре я в этом мог убедиться. В. В. мог разрешить студенту, у которого вдруг возникли неприятности со здоровьем, на какое-то время дать краткосрочный отпуск, а студентке, у которой не было иных средств к существованию кроме студенческой стипендии, пользоваться «свободным расписанием». На старших курсах многие студенты,

^I Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева / Ответственный редактор профессор В. В. Мавродин. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1970. Т. III.

^{II} Ее написали А. П. Пронштейн и А. А. Пушкаренко: История СССР. 1968. № 4. С. 145–148.

^{III} Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773–1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71–88.

^{IV} Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965. Второе издание вышло в 1974 г.

особенно те, кто вернулся с войны, иногда успевали в течение года сдать экзамены за два курса. Так же доброжелательны и внимательны к студентами были заместитель декана по студенческим делам Анна Николаевна Вигдорчик и секретарь деканата Валентина Константиновна Анисимова. К нашему сожалению В. В. был освобожден от обязанностей декана. Покинула свой пост и Анна Николаевна. Новый заместитель декана по студенческим делам начал с того, что собрал в своем кабинете старост студенческих групп и произнес речь, которой предпослал афоризм: «Староста — собака в группе».

К В. В. часто обращались студенты и с вопросами, касавшимися читаемого им курса. При этом не только подходили к нему в перерыве между лекциями. Часто и на кафедре истории СССР, и около кабинета декана в ожидании прихода В. В. сидел кто-нибудь из наиболее бойких студентов. Я к числу последних не принадлежал, но стал ближе соприкасаться с В. В., наверное, на IV курсе. В это время я был членом факультетского Совета Студенческого научного общества (СНО) и редактором «Бюллетеня СНО». Какое-то время В. В. был своего рода куратором факультетского СНО (не помню, как он официально именовался). Надо сказать, что и раньше В. В. был внимателен к СНО. Студенты, занимавшиеся в его семинаре, делали доклады на заседаниях кружка истории СССР. Один из таких докладов, посвященный проблемам, связанным с движением (восстанием) Емельяна Пугачева, читал Илья Зиновьевич Кадсон. Детали не сохранились в памяти. Но помню, что в обсуждении этого доклада участвовала Александра Дмитриевна Люблинская, которая полемизировала с докладчиком по поводу его соображений о степени стихийности в ходе крестьянских движений. Присутствовал на заседании и В. В. На заседании кафедры истории СССР один из руководителей кружка Олег Александрович Ваганов выступил с докладом о работе кружка. Доклад вызвал оживленные прения. В памяти остались выступления, касавшиеся трудностей, связанных с работой по истории СССР советского периода. Выступавшие говорили о том, что трудно получить доступ не только к архивным документам, но и к газетам, особенно 1917–1939 гг. В. В., как мне показалось, понимал, что проблему доступа к такого рода источникам усилием факультета решить трудно и советовал давать студентам темы, которые можно изучать, пользуясь опубликованными документами. Помню, что как возможную тему он называл «Военные взгляды М. В. Фрунзе», советовал изучать опубликованные труды и выступления. Заниматься делами факультетского СНО В. В. пришлось в трудное для него время. Он был освобожден от обязанностей и декана, и заведующего кафедрой. На доске объявлений на белом листе бумаги от руки, но броско было написано извещение о закрытом партийном собрании, созываемом для обсуждения «персонального дела» В. В. Несмотря на эти неприятности, В. В. не подавал виду, участвовал в заседаниях Совета СНО, помогал в проведении заседаний и конференций.

Какое-то время после окончания университета я не видел В. В. Но, наверное, в 1954 г. я встретил В. В. на Литейном проспекте. В ответ на мой поклон он не только ответил, но остановился и вытащил из портфеля большой том «Очерков истории СССР. Период феодализма» и атлас с разными породами птиц. Очень оживленно В. В. стал рассказывать о своем участии в подготовке только что приобретенного тома «Очерков», с улыбкой подчеркнув, что в числе написанных им глав и разделов есть и раздел о Тьмутараканском княжестве. Затем В. В. сказал,

что «у каждого свой бзык», что в переводе с польского означает «увлечение», что его «бзык» — охота. Вскоре после этой встречи я стал бывать на историческом факультете, так как благодаря содействию тогдашнего ректора математика Александра Даниловича Александрова стал соискателем и начал сдавать экзамены по программе кандидатского минимума. В. В. не входил в состав экзаменационных комиссий, но, встречая меня, всегда подбадривал и желал хороших отметок. Быстро сдав минимум, я довольно долго тянул с написанием диссертации. Наконец, в начале 1960-х гг. она была готова. Для защиты стали требовать опубликованные статьи. Здесь мне опять-таки помогли, как в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ), где я числился заочным аспирантом с 1957 г. и работал младшим научным сотрудником с 1962 г., так и на историческом факультете Ленинградского университета. В «Вестнике Ленинградского университета» была напечатана моя статья «И. Г. Прыжов — историк-революционер». С публикацией этой статьи мне помогли Лидия Ефимовна Анкудинова — ответственный секретарь редакции «Вестника», Юрий Давидович Марголис, рецензировавший мою статью, Семен Бенцианович Окунь, возглавлявший сектор на кафедре истории СССР, и, конечно же, В. В.

В то время, когда подошел мой срок защищать диссертацию, существовало вскоре отмененное правило, требовавшее: защищать диссертацию следует не по месту работы. Вместе с ученым секретарем Ученого совета исторического факультета ЛГУ Леонидом Сергеевичем Семёновым, тоже всячески мне помогавшим, я пошел к В. В. Тот выслушал нас, долго молчал, затем сказал: «В церкви теснота, места нет. Но пришел губернатор — место нашлось». Моя защита была назначена на самый конец июня 1964-го, на последнее заседание в 1963/64 учебном году. Под председательством В. В. прошло заседание, на котором мне довелось защищать диссертацию. В. В. поздравил меня с успешной защитой.

Круг обязанностей декана и заведующего кафедрой и широк, и исполнение этих обязанностей сопряжено с немалыми трудностями. Я оказывался в отношениях с В. В. в ситуациях, когда видел с его стороны и доброжелательность, и готовность помочь. Разумеется, я был лишь одним из многих, с кем приходилось сталкиваться В. В. К тому же я был далек от повседневной жизни исторического факультета. Я понимаю, как трудно было В. В. держать в руках исторический факультет. Приходилось мне слышать и критические замечания, как от его ровесников, так и от тех, кто примерно в одно время со мной был студентом, а затем, в отличие от меня, работал на историческом факультете, и потому те и другие видели В. В. в ином ракурсе, чем я. Так, близкие к В. В. люди, по их словам, спрашивали В. В., как он, будучи деканом, терпел на факультете преподавателей, не блиставших способностями, но известных, мягко говоря, скандальным характером. В. В. отвечал, что в винегрете должны быть всякие овощи. Исходя из этой формулы, наверное, следует признать, что, сохраняя (пока он мог это делать) таких профессоров, как Борис Александрович Романов, Сигизмунд Натанович Валк и им подобных, В. В. создавал равновесие, при котором влияние немногочисленных отрицательных фигур нейтрализовалось. Приходилось мне слышать и о том, что, как декан, В. В. порой, когда, например, речь шла о распределении ставок между кафедрами, занимал жесткую позицию. Впрочем, такого рода штрихи не меняли общего доброжелательного отношения к В. В. Я, например, присутствовал на чествовании В. В. в день его 50-летия. На факультете кроме преподавателей и сту-

дентов собралось немало выпускников, среди которых было несколько человек, окончивших университет еще до войны.

Ближние ученики В. В. писали о нем и как о человеке, и как о лекторе и исследователе. Тем не менее, мне хотелось поделиться собственными впечатлениями, прежде всего о В. В., каким он был в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Лекции по истории СССР В. В. читал всегда в аудитории, которая тогда носила № 53, а теперь, кажется, названа в честь В. В. Мавродинской. Трудно было занять место поблизости от кафедры. Я обычно прибегал за несколько минут до начала лекции и сидел где-нибудь в середине или даже в конце аудитории. Тем не менее голос В. В. был слышен хорошо. Отмечу одну из особенностей лекций, читавшихся В. В. осенью 1948 г. Они были насыщены сведениями об археологических памятниках. Я впервые услышал о Трипольской культуре. В общую канву повествования вплетались сюжеты из русских былин. При этом В. В. иной раз привлекал внимание слушателей несколько неожиданными размышлениями. Так, образно описав былинных богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича, он вдруг говорил, что, возможно, они были реальными историческими персонажами, образы которых запечатлелись в памяти сначала современников, а затем и потомков. Нет документальных доказательств, что эти богатыри были, но нет и доказательств того, что их не было. При этом В. В. хитро улыбался, предоставляя первокурсникам самим решать, были в действительности такие богатыри или нет. В. В. иногда вспоминал об аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Среди тех, у кого он учился, В. В. часто называл Николая Яковлевича Марра. Рассказывая, как молодые аспиранты окружали Н. Я. Марра, имитировал его речь с кавказским акцентом и южным темпераментом. Влияние идей Марра, видимо, в чем-то сказывалось в лекциях тех лет. Помню, что В. В. говорил, что «волнами, волнами» перемещались те или иные племена и народы. Подчеркивал В. В. особенности созданной при Петре I русской армии, противопоставляя её наёмным армиям западно-европейских стран.

Обосновывая свои взгляды, например, относительно причин распада Киевской Руси на отдельные княжества, В. В. критиковал взгляды дореволюционных историков, в частности, В. О. Ключевского. Вместе с тем отдавал должное их трудам, как содержащим богатый материал и хорошо написанным, советовал читать их работы, особенно В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Под влиянием В. В. весной 1949 г. в букинистическом магазине на Невском (не доходя до Литейного проспекта) я купил «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – начала XVII вв.» С. Ф. Платонова. От В. В. я впервые услышал и про лекцию В. О. Ключевского «Предки Евгения Онегина». Прочел её, а потом потихоньку стал брать в библиотеке и читать том за томом «Курс русской истории». У меня, вообще-то, было впечатление, что В. В. не раз советовал нам обратить внимание на эти хотя и содержавшие концептуальные ошибки, но полезные для нас труды. Не знаю, повторял ли В. В. призывы читать Ключевского и Платонова в последующие годы.

Признаюсь, что я оказался не готов к тому, чтобы постигнуть содержание книги В. В. «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945). Эта книга была рекомендована в числе других для конспектирования на I курсе. Каждый студент должен был законспектировать одну монографию. Этому придавалось

большое значение, и я помню, как в неожиданной для меня ситуации комсорг нашей группы Руслан Григорьевич Скрынников спросил, как у меня обстоят дела с монографией. Дела обстояли плохо. Я запутался среди протославян и протофиннов, других непонятных мне, вчерашнему школьнику, терминов, щедро рассыпанных на страницах монографии В. В. об образовании Древнерусского государства. Выход я нашел неожиданный, обратившись, к неудовольствию моих однокурсников искусствоведов, к книге М. Н. Тихомирова «Русские города». Конспект по этой книге я составил, а Р. Г. Скрынников перешел в другую группу, где занятия вел Б. А. Романов. Много лет спустя в уже пожелтевших номерах журнала «Вопросы истории» я прочел рецензию Н. Л. Рубинштейна и К. В. Базилевича, у которых, оказывается, тоже были недоуменные вопросы по поводу отдельных мест в книгах В. В. Несмотря на первую неудачу с изучением трудов В. В., я внимательно следил за его новыми работами.

Я вновь обратился к трудам В. В. по истории Киевской Руси в конце 1960-х – 1970-е гг. Занимаясь историческими взглядами русских историков XIX – начала XX вв., я должен был обратиться и к трудам, написанным в более поздние годы. О своем неудачном опыте изучения трудов В. В. в студенческие годы я рассказал С. Н. Валку. Отвечая мне, С. Н. Валк сказал, что В. В. в ранних работах ставил немало новых интересных вопросов, вовлекая тем самым и в дискуссию, и в дальнейшее изучение конкретных проблем. При этом С. Н. добавил, что с его точки зрения, наиболее значительной среди ранних работ В. В. являются его «Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.)», вышедшие в свет в издательстве Ленинградского университета в 1940 г. и принесшие автору ученую степень доктора исторических наук.

У меня сложилось впечатление, что В. В. в глубине души не был сторонником защиты устоявшихся концепций, стремился к поиску новых решений и новых построений. Как мне представляется, он и своим ученикам предоставлял возможность каждому искать свой путь в науке. Когда создавался усилиями университета и ЛОИИ труд по историографии и источниковедению Киевской Руси, я оказался в числе его рецензентов. Читая рукописи и наблюдая за работой редколлегии, за взаимоотношениями между авторами этого труда, я впервые близко столкнулся с тем, насколько по-разному на многие проблемы истории Киевской Руси смотрят два ученика В. В. — Михаил Борисович Свердлов и Игорь Яковлевич Фроянов. Оба боготворили В. В., а он был благосклонен к ним обоим. Мне пришло в голову, что сам В. В. считает возможным развитие разных концепций с тем, что постепенно сложится какая-то третья, возможно более объективная, чем другие, концепция.

Помимо рассказов о Н. Я. Марре, от В. В. я слышал о том, как в горниле ГАИМК рождались новые идеи и концепции. Кстати сказать, в одной из своих статей, посвященных Б. Д. Грекову, которого В. В. считал и называл учителем, очень почитал и уважал, дана живая картинка, воссоздающая общую атмосферу в ГАИМК. Повествуя о том, как «энергично и весьма плодотворно Борис Дмитриевич приступил к разработке проблем Киевской Руси с осени 1930 г., когда он начал работать в секторе феодализма Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), возглавляемой Н. Я. Марром»¹, В. В. писал: «ГАИМК

¹ Мавродин В. В. Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со Дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 38.

в начале 30-х годов представляла бурлящий котел идей и страстей. Она отдала дань времени, когда основным содержанием деятельности гуманитарных научных учреждений и высших учебных заведений являлись обсуждения кардинальных проблем исторического развития, диспуты, дискуссии, нередко носившие очень острый политический характер»¹. Среди тех, кто «варился» в этом котле, было немало впоследствии известных историков и археологов. Среди них был и Иван Иванович Смирнов, которого я знал, так как, будучи студентом университета, читал его книгу о восстании Болотникова, видел в те дни, когда он приезжал на защиту диссертаций и дипломных работ, а позже — как младший коллега в ЛОИИ. На мою долю выпало идти в университет и сообщить там печальную весть о смерти Ивана Ивановича. Почти подойдя к дверям исторического факультета, я встретил В. В., который шел мне навстречу вместе с кем-то из коллег. Помню, как в ответ на мои слова о случившемся, В. В. остановился и сказал: «Ивана не стало. Иван умер». Я почувствовал, что у В. В. многое связано с И. И. Смирновым, что его смерть большая для него потеря. Рассказывал В. В. и о лицах, о которых мне приходилось только слышать. Так, он не раз вспоминал М. М. Цвибака, как историка, у которого всегда было много идей, которые он разбрасывал, не будучи особенно озабочен тем, чтобы самому их четко обобщить и сформулировать.

Такого рода детали, характеризовавшие особенности научной жизни в исторических учреждениях Ленинграда, не раз мелькали в разговорах, которые приходилось мне вести с В. В. В моей памяти В. В. остался очень интересным и вместе с тем сложным Человеком. Невольно думаю, что многое из того, что он видел и знал, навсегда ушло вместе с ним. В моей же жизни он оказался одним из тех, кто не раз помог мне и в житейских ситуациях, и в моих занятиях историей.

[Октябрь 2008 г.]

В. В. Мавродин
Санкт-Петербург

Из несохранившегося архива Владимира Васильевича Мавродина

Мой отец получал очень много писем, открыток и телеграмм, но рассказать о них трудно. И вот почему. Всю корреспонденцию он хранил долго — месяцами и даже годами, потом собирал, укладывал стопкой, перевязывал, всегда только рыболовной леской, и увозил на дачу. Там очень внимательно пересчитывал каждое, а потом сжигал. Почему он так делал, я не знаю, и никогда об этом его не спрашивал, можно лишь предполагать. Но ни в коем случае в этом нельзя усматривать пренебрежения к людям. Полагаю, что со мною согласятся все, кто с ним встречался хотя бы мимолетно, не говоря уже о его коллегах и учениках.

Писем отец мне не читал, но бывали исключения. В. С. Пикуль обратился к нему с просьбой написать предисловие к роману «Слово и дело». Отец написал

¹ Там же. С. 39.

предисловие¹ за один день и попросил меня напечатать и отправить его В. Пикулю. Прочитав предисловие, я сказал отцу: «Ну, что же ты наделал!?». Он изумленно спросил: «А что, плохое предисловие?». Я ничего ответить на его вопрос не мог. Роман В. Пикуля я не читал, но почувствовал, что после такого предисловия его можно не читать. Каково же было мое удивление словам В. Пикуля, содержащимся в письме к отцу. А написано там было буквально следующее: «Дорогой Владимир Васильевич! Счастлив, что под одной обложкой поместятся наши имена. Но после Вашего предисловия мой роман можно уже и не читать». Письмо это тоже не сохранилось, но первые строки я запомнил, почему и позволил себе такую цитату.

Отец обладал уникальным даром популяризации. Не раз, когда к нему обращались как к специалисту по Петру I, отец отвечал: «Я не специалист по Петру I. Я его популяризатор».

Одно письмо мне всё-таки удалось сберечь. К стыду своему добавлю. В этом письме Михаила Тимофеевича Калашникова, адресованном отцу, речь идет об автореферате моей диссертации. Я взял это письмо себе и сохранил. Вот его полный текст:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Получил автореферат Вашего сына, из которого видно, что Валентин добросовестно поработал над весьма сложной темой о перевооружении русской армии и флота стрелковым оружием.

В историческом аспекте, подробно проанализирован интереснейший период конструктивного совершенствования ручного огнестрельного оружия.

После четырех столетий медленного, постепенного совершенствования его отдельных элементов (замки, технология изготовления стволов и др.) наступает период бурного развития конструкторской мысли, поиска новых принципов и радикальной ломки традиционного подхода к решению задач, сравнимый разве с этапом, наступившим после первой мировой войны в области автоматического оружия (подчеркнуто мною. — В. М.).

Совершенно правильно отражена историческая необходимость этого процесса, обусловленная развитием капиталистических отношений в мировой экономике, отсталость царской России, вызвавшей эту «Ружейную драму» даже вопреки уровню передовой технической мысли.

Привлечение ранее не использованных архивных материалов позволило внести уточнения и исправления в некоторые дореволюционные взгляды на уровень совершенства образцов стрелкового оружия русской армии периода Крымской войны.

Надеюсь, что ученые университета им. А. А. Жданова по достоинству оценят этот труд.

Желаю Валентину Владимировичу успешной защиты и дальнейшей плодотворной работы.

С добрым приветом и праздничными поздравлениями конструктор М. Калашников. — Герой Социалистического труда, доктор технических наук.

25. X. 73 г.»

¹ Мавродин В. В. Исторический роман из эпохи дворцовых переворотов // Пикуль В. Слово и дело. Роман-хроника в 2-х кн. / Кн. 1. Царица престопадного зраку. [Л.:] Лениздат, 1974. С. 5–34.

Ниже — подпись Михаила Тимофеевича Калашникова.

Почерк М. Т. Калашникова я хорошо знаю. Подпись сделана его рукой. Полагаю, что и весь текст написан им самим (письмо напечатано), о чем говорит подчеркнутый мною текст. В таком аспекте проблему мог увидеть именно конструктор.

[2 ноября 2008 г.]

Н. Н. Юсова, С. Л. Юсов
Киев

Письма Владимира Васильевича Мавродина: предварительные заметки к реконструкции эпистолярного наследия

Среди историков, живших и творивших в советскую эпоху, есть немало личностей, чей пример служения науки, стиль жизни и поведение в обществе вызывают несомненное уважение. Очевидно, что они, по крайней мере, не могут быть просто забыты. Второй минимум состоит в том, что научная объективность и чувство справедливости требует противостоять репрезентации наследия советских историков и их личностей в недостоверном ракурсе. Последнее, к сожалению, приходится довольно часто наблюдать в историографии, когда в силу различных причин, субъективных (прежде всего!) и объективных по характеру, подаются недостоверно не только концепции ученых советского периода, но и фигуры самих исследователей, а их взаимоотношения с коллегами предстают в искаженном виде. И такая тенденция достаточно ощутимо сказывается на формировании негативных и нивелирующих стереотипов в сознании определенных сегментов общества по отношению как к прошлому, так и, в не малой степени, к настоящему положению в историописании.

В настоящее время представляется бесспорным положение о том, что в умах академических и вузовских ученых СССР зарождались и формировались те или иные основные концепты, бравшиеся на вооружение советской идеологией. Деятельность представителей научной среды в этом отношении проходила зачастую отнюдь «не в безоблачных» условиях: учитывая как реалии собственно тоталитарной системы, так и разнообразные перипетии повседневной жизни. Оба эти фактора накладывались на процесс творчества (в том числе — научного) советской интеллигенции. Поэтому, при исследовании данной тематики приходится осторожно подходить к вынесению каких-либо оценочных суждений, соотносить их с реальностью, памятуя об амбивалентности воздействия названных сомножителей. Кроме того, следует помнить о приговоре французского историка М. Ферро в отношении историознания, когда истории отведена соподчиненная роль идеологии, как ее «орудия», а научная «одежда» и методология исторической дисциплины служат в качестве своеобразного «фигового листка» идеологии¹.

Принимая во внимания специфические условия советской эпохи, многие ситуации следует рассматривать и обобщать через фокус личностного или, шире, — антропогенного фактора. Зачастую от позиции, занятой теми или иными представителями интеллигенции, зависело очень многое. И в наше время, рассматривая острые вопросы из жизни той поры, будет слишком упрощенно все недостатки в сфере науки «списывать» на жестокую каверзность системы.

Одно из проявлений общеметодологической тенденции современных исторических исследований заключается в том, что полноценное полотно соответствующей эпохи целесообразно реконструировать посредством приобщения к анализу микроисторических дискретных ситуаций. Во многом прояснить многочисленные нюансы и, тем самым, воссоздать целостную картину жизни и деятельности тех или иных фигурантов научного мира возможно благодаря сочетанию комплексного использования методов интервьюирования и камеральной археографии.

Существенно расширить наше представление о тех или иных отдельных аспектах историографического процесса и, тем самым, получить о нем более глубокое и целостное представление позволяет изучение разного рода контактов между историками. Немаловажное место среди таких контактов занимает переписка между учеными.

Реконструировать событийный ряд и расставить достоверные акценты во многом помогают источники личного происхождения, даже, несмотря на их изначальную субъективность; они раскрывают перед нами «жизнь изнутри»: чем был наполнен внутренний мир ученого. Несомненно, воссозданный образ не будет полным без привлечения компонента повседневности. Любые источники личного происхождения приобретают самодостаточный характер в случаях, когда не сохранился архив ученого. В такой ситуации материал, найденный в других фондах различных архивохранилищ, требует каталогизации и, по возможности, публикации. Таким образом, исследователь становится обладателем материалов, позволяющих реконструировать определенные аспекты интеллектуальной и повседневной жизни историков того времени, персонализировать историографическую ситуацию на определенном хронологическом отрезке².

Наследие и жизнедеятельность авторитетного советского историка Владимира Васильевича Мавродина уже частично стали предметом научного обсуждения³. При этом, хотелось бы особо отметить, что в современной исторической литературе фиксируется искривленная и упрощенная интерпретация позиции (поскольку речь идет о формировании контраверсионной концепции/теории древнерусской народности, приобретшей черты политической актуализации, считаем уместным употребить именно слово «позиция», подразумевая под этим и научный компонент), занятой ученым⁴.

Личного архива историка, к сожалению, не сохранилось: по мере накопления бумаг, они уничтожались⁵. Поэтому на тщательное и скрупулезное рассмотрение вправе претендовать каждое автографическое письмо В. В. Мавродина. После разговора с Валентином Мавродиным, сыном ленинградского историка, в мае 2003 г. возникло желание попытаться разыскать хотя бы часть из той обширной переписки, которую вел ученый. Среди его адресатов и, одновременно, корреспондентов были видные советские историки середины и второй половины XX в.: Н. Державин, Л. Черепнин, М. Тихомиров, А. Пронштейн, А. Панкратова, Н. Рубинштейн

и др. За эти годы частично были опубликованы письма В. Мавродина к Н. Рубинштейну⁶, два письма к Н. Державину⁷, послания к К. Гуслисту⁸.

Представляется необходимым предварять каждый блок эпистолярный вводной статьей, где всесторонне, с привлечением архивного материала, а также данных интервьюирования, раскрывался бы их смысл. Приходится констатировать, что не все эссе могут быть в одинаковой степени полноценно раскрыты, поскольку не всегда удастся отыскать сопутствующие информативные источники. При анализе писем зачастую приходится прибегать и к помощи метода интервьюирования очевидцев, что значительно расширяет диапазон реконструируемых событий. Считаем целесообразным предпринимать подобные предварительные публикации посланий к каждому из известных адресатов, ведь до момента их включения в общую планируемую нами книгу вполне могут возникнуть ценные подсказки, высказанные сведущими людьми.

На сегодня известно 33 автографических письма и 4 телеграммы В. Мавродина, а также одно послание к Владимиру Васильевичу⁹. Наибольшее количество из обнаруженных писем хранится в Архиве Российской Академии наук; это — 8 писем и 1 телеграмма академику М. Тихомирову¹⁰, 6 писем и 2 телеграммы академику Л. Черепнину¹¹ и 2 письма академику А. Панкратовой¹². Второй по количеству документов пласт эпистолярного наследия находится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Здесь имеются — 2 письма к А. Козаченку¹³, 5 писем и 1 телеграмма — Н. Рубинштейну¹⁴ и одно — Ф. Филину¹⁵. Заметим: в именном каталоге НИОР РГБ значится только письмо Ф. Филину.

В двух научных архивохранилищах Санкт-Петербурга, города, ставшего для ученого родным, и с которым связана вся его научная и научно-педагогическая деятельность, тоже отложились часть эпистолярного наследия В. Мавродина. Небольшой, но чрезвычайно емкий пласт писем хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук; это — эпистолярный военных лет (2 письма), когда В. Мавродин пребывал в эвакуации в г. Саратове, адресованный академику Н. Державину¹⁶. Здесь же имеется одно автографическое письмо на бланке декана исторического факультета, где затрагиваются производственные проблемы, к М. Доброклонскому¹⁷. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится только одно автографическое письмо к историку Г. Дейчу¹⁸.

Представляется перспективным продолжить поиск эпистолярного наследия ленинградского ученого в архивах областных центров Российской Федерации, а также — бывших союзных республик, где могли проживать историки-адресаты, с кем В. Мавродин в той или иной степени поддерживал разнообразные научные контакты. Скажем, в Государственном архиве Ростовской области укомплектован именной фонд известного специалиста-методолога А. Пронштейна, где обнаружено 3 автографических послания его ленинградского коллеги¹⁹. А в Институте Archivоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (НБУВ) в личном фонде член-корреспондента АН УССР, историка, этнолога К. Гуслистога отложились 2 автографических письма В. Мавродина²⁰. Кроме того, в другом структурном подразделении НБУВ имеется машинопись обращения в ЦК КП УССР с автографом личной подписи В. Мавродина, где речь идет о перипетиях с изданием книги его сотрудницы по истфаку Е. Косачевской²¹.

Указанное обращение, пожалуй, можно включить в список эпистолярный ленинградского ученого. При этом возникают некоторые проблемы классификации: насколько можно считать подобное обращение наследием именно лично В. Мавродина²². Да, в конце имеется автограф подписи ученого, но ведь схожие обращения в фонде Е. Косачевской имеются и от других коллег по истфакаку ЛГУ²³; как, впрочем, в аналогичных случаях, когда требовалось подписывать письма в официальные инстанции, поступали и другие представители интеллигенции.

Столь подробное изложение фактов именно о количественной характеристике эпистолярный ленинградского ученого связано с тем, что в литературе встречается упоминание о четырех письмах В. Мавродина, из которых два — военных лет и одно — 1978 г. Из этих четырех — два к Н. Державину, уже упоминавшиеся нами. Впервые, фрагментарно, в научный оборот их ввели современные саратовские исследователи Г. Бурдей и С. Наумов²⁴. А вот третье упоминание корреспонденции В. Мавродина к коллеге по «саратовскому сиденью», долгие годы бессменному директору научной зональной библиотеки Саратовского университета, — В. Артисевич, с чем пришлось столкнуться на страницах книг²⁵, крайне загадочно. Так, в монографии А. Дворниченко, посвященной жизни и творчеству В. Мавродина, приводится довольно обширная цитата из письма В. Мавродина к В. Артисевич 1978 г.:

«Год тому назад перенес инфаркт. Пора. Возраст и профессия обязывают. Но эту осень начал нормально, в аудитории, а не в больнице. Идет одна книжка, уже была верстка. На очереди у редакторов другая, а в помыслах — третья. Тружусь в меру сил и возможностей, хотя, говоря о такого рода труде, вспоминаю афоризм Марк Твена: “Когда мне говорят о труде художника, ученого, писателя, поэта, я улыбаюсь и вспоминаю труд землекопа”».

Отсылка в 112-й подстрочной сноске страдает библиографическим дефектом: указан только номер фонда, без уточнения даже единицы хранения и конкретного архивного листа. Приведем ее полностью: «В. В. Мавродин — В. А. Артисевич. 1978 г. ОР ГПБ. Ф. 794»²⁶.

Однако, в именном каталоге ОР РНБ (старое название — Отдел Рукописей Государственной публичной библиотеки — ОР ГПБ) на май 2003 г. обнаружено только: «В. Мавродин, о нем: ОР РНБ. Ф. 1137. Разумовская Л. В. Д. 89. Рогов Александр Иванович, научный сотрудник Института славяноведения АН СССР. Письма (7) Л. В. Разумовской. [К. 1964 г.] — февраль 1968 г. Москва. Здесь же: черновик Л. В. Разумовской 30 января в дирекцию Института славяноведения о согласии взять на себя подготовку к изданию хроники Адама Бременского. 10 лл.». Правда, в ОР РНБ хранятся-таки письма В. Артисевич, но к библиографу и историку Г. Фирсову²⁷, впрочем, как и существует фонд под № 794: «Ф. 794. Туманский Василий Иванович. 1800–1860 — поэт пушкинской плеяды». Дабы исключить какую-либо ошибку, было решено проверить все из возможных комбинаций цифр 794, мало того — одновременно была получена консультация у библиографов и тщательно просмотрены все каталоги ОР РНБ.

Второй единицей хранения, где имеются сведения об ученом, является уже приведенная отсылка на письмо к историку Г. Дейчу.

Кроме того, на стр. 21 указанной книги А. Дворниченко встречаем информацию о том, что существуют *письма* (множественное число) В. Мавродина к директору региональной библиотеки Саратовского университета В. Артисевич,

«наполненные любовью к Саратову и саратовцам». И на этот раз сноска 59 на стр. 21 составлена аналогичным образом: «В. В. Мавродин — В. А. Артисевич. 1978 г. ОР ГПБ. Ф. 794»²⁸. Причем пересказ, ибо текст незакавычен, со стороны автора монографии текстологически совпадает со стилем В. Мавродина (данная ремарка сделана к тому, что бы акцентировать: письма отнюдь не виртуальны): «... Сюда [в г. Саратов. — Н. Ю., С. Ю.] он приезжал на празднование юбилея университета, бродил по Липкам, сидел на любимых скамеечках... Навсегда он сохранил память о городе, освещенном луной, о третьем корпусе университета, о великолепной библиотеке»²⁹.

Из приведенного выше казуистического случая, очевидно: есть, по крайней мере, в свое время существовали, письма В. Мавродина к В. Артисевич. Вполне возможно, что в процессе подготовки монографии о В. Мавродине ее автор, либо И. Фроянов или В. Брачев, которым А. Дворниченко «приносит искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой»³⁰, располагали их текстами. Правомерным является и предположение, что существует именной фонд В. Артисевич, и корреспонденция В. Мавродина отложилась именно там. Ввиду отсутствия возможности непосредственно побывать в г. Саратове, следует обратиться с просьбой к коллегам помочь в поиске интересующих нас материалов.

Высказанное выше предположение о том, что в личном архиве И. Фроянова могут быть письма или их копии В. Мавродина, подтверждается фактом публикации копии одного письма ленинградского профессора к И. Минцу. Это и есть четвертое упоминание, встречающееся в научной литературе. Впервые указанное письмо В. Мавродина к академику И. Минцу было опубликовано в книге И. Фроянова «Начало христианства на Руси» (Ижевск, 2003)³¹. Вторая републикация письма осуществлена в прошлом году в переиздании книги И. Фроянова одним из московских изданий³². В небольшой преамбуле, предворяющей письму, говорится, что оно публикуется по копии, которая хранится в личном архиве И. Фроянова, а сам текст передает атмосферу, царившую в науке начала 1980-х гг. Далее повествуются о перипетиях, связанных с изданием книги И. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии»³³.

Таким образом, общее количество писем, которые могут быть введены в научный оборот, составляет на сегодня 33 (плюс одно только что упомянутое выше и в определенной степени уже введенное). Опыт подсказывает — это не окончательное число.

Представленная ниже предварительная публикации писем заведомо подана без углубленной археографической обработки, предусматривающей комментарий излагаемых фактов и упоминающихся имен. Блоки писем расположены согласно алфавитному принципу, а деление на первое, второе и т. д. письма произведено по их очередности в архивном деле (при этом, как в случае с письмами к Н. Л. Рубинштейну, хронологическая привязка в некоторых случаях будет иной, что легко прочитывается из контекста эпистолярный). При публикации сохранена стилистика и орфография автора, например: своеобразное инвариантное написание слова славяне, употреблявшего «о» и «а», а также слов «кон'юнктура», «об'ем», равно как и написание некоторых словосочетаний — «какнибудь», «коекак» и т. п.; расставлены только некоторые знаки пунктуации в виде запятых. В тех случаях, где прочтение текста является проблематичным, проставлен знак вопроса в квадратных скобках. В связи с тем, что осуществлена всего лишь озна-

комительная публикация писем, не считаем целесообразным давать конкретные отсылки на архивные листы каждой корреспонденции — каждый блок предвещает общая отсылка с указанием архива, фонда и дела, а также и общего числа листов той или иной папки.

В среде научной интеллигенции уже давно сформировалось мнение о В. Мавродине, — как о глубоко порядочном и благородном человеке. Остановимся только на одном красноречивом примере. Современный канадский ученый, профессор Квебекского университета (г. Монреаль) Р. Сербин, хотя и стоит на противоположной точке зрения, нежели та, которая исповедовалась советской историографией в лице В. Мавродина, однако, с большой симпатией вспоминает встречу. Тогда еще молодой канадский исследователь занимался изучением проблем истории Киевской Руси. Для него очень важна была беседа с В. В. Мавродиным, состоявшаяся в 1970 г. в Москве. Первое визуальное впечатление несколько смутило Р. Сербина по причине, связанной с заболеванием позвоночника у ленинградского профессора. Однако это смущение очень быстро рассеялось: буквально после первых слов, произнесенных В. Мавродиным, Р. Сербин был поражен его жизнелюбием и добротой.

Следует сделать еще одно небольшое замечание. Говоря об эпистолярном наследии В. Мавродина, нельзя не вспомнить, что благодаря изложенным фактам в одном из его писем к московскому коллеге Н. Рубинштейну, для потомков объективно расставляются акценты их взаимоотношений на период середины и второй половины 1940-х гг. После проведенной реконструкции фактов по поводу упомянутой рецензии Н. Рубинштейна можно констатировать, что и этот авторитетный историограф не позволил себе допустить даже малейшего подвоха в дружеских отношениях с В. Мавродиным. (Отсылки на статьи, где подробно излагается данная ситуация, приведены выше). В другом случае одно небольшое письмо к К. Гуслисту, где речь шла о сроках приезда В. Мавродина в Киев, позволило более детально проанализировать своеобразную «эпопею» с докторской защитой украинского этнолога. Из указанного выше следует, что до проведения углубленного поиска нельзя судить о степени значимости любого из представленных здесь автографических посланий.

Бесспорно, информативные пласты, хранящиеся в эпистолярном наследии, иногда оказываются своего рода фактором, вызывающим «культурный шок». Однако, памятуя о главнейшей цели исторических разысканий — идти по пути приближения к истине — следует трансформировать в собственном сознании полученные сведения и соотносить их с реалиями конкретных исторических ситуаций.

И в конце надлежит еще раз обратиться к коллегам-историкам и просто к тем, кто знал В. Мавродина или людей, упоминающихся в его корреспонденциях, с огромной просьбой: своими советами, замечаниями способствовать полноценной реконструкции не просто жизненных и творческих вех биографии ленинградского ученого, но и историографического процесса в целом. Одновременно выражаем благодарность коллегам, которые способствовали нахождению корреспонденции, а также получению информации по поводу изложенных в письмах фактов: С. Блащук, В. Горленку, В. Зинич, Д. Ковпак, Е. Критски, В. Мавродину, Н. Мининкову, Е. Назаровой и В. Назарову, А. Пригарину, В. Пузанову, Д. Сеню и И. Фроянову.

Примечания

- 1 *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 10.
- 2 *Андреев В. М.* Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини ХХ ст.? (Досвід вивчення інтелектуальної біографії історика) // Український історичний журнал. 2007. № 4. С. 103–104; *Василенко В. В.* Интеллектуальная биография П. А. Сорокина: Опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006; История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005; *Колесник І. І.* Федір Шевченко: Інтелектуальна генеалогія українського радянського історика // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 178–192; *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- 3 *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин — историк Древней Руси (1930–1950 гг.) // *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. (С древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 397–415; *Он же.* Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. С. 5. Прим. 1; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. В. В.* Мавродин — историк Древней Руси (30–50-е гг.) // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / Редкол.: А. Г. Маньков, Н. Н. Масленникова, А. П. Павлов (отв. ред.) и др. СПб., 2002. С. 584–603; *В. В. Пугачев, В. А. Динес.* Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л. Е. Герасимовой. Саратов, 1995. С. 157–187; *Юсова Н.* Володимир Мавродін та генезис концепції давньоруської народності в радянській історіографії: кінець 1930-х — початок 1940-х рр. // Український історичний збірник-2004. (Вип. 7). Гол. ред. В. Смолій, заст. гол. ред. Т. Чухліб. К., 2004. С. 447–458; *Она же.* Генезис концепції давньоруської народності в працях В. Мавродіна: від виникнення ідеї до розгорнутої постановки проблеми // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. І. / НАН України. Український комітет славістів. Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. К., 2006. С. 249–268; *Она же.* Из жизни научной интеллигенции: некоторые аспекты деятельности ленинградских историков Е. М. Косачевской и В. В. Мавродина // Еліти і цивілізаційні процеси формування націй. В 2-х тт. Том 1 / Національна академія наук України Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України імені І. Ф. Кураса, Українська академія політичних наук Інститут політичних наук. К., 2006. С. 311–332 и др.; *Она же.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.) Монографія. Вінниця, 2005. 545 с.; *Она же.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). К., 2006. 620 с.
- 4 *Залізняк Л.* Давньоруська народність: імперський міф чи історична реальність // Пам'ять століть. 1996. № 2. С. 3, 4; *Он же.* Де, як і коли виникла давньоруська народність. (До 50-річчя проблеми) // Пам'ять століть. 1998. № 6. С. 2; *Он же.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? // Магістеріум. Вип. 11. Археологічні студії. К., 2003. С. 92; *Наконечний Є.* Украдене ім'я: Чому русини стали українцями / Передмова Я. Дашкевича. 3-є вид., доп. і випр. Львів, 2001. С. 120, 125. Новейший вариант библиографии его работ представлен в статье: *Залізняк Л. Л.* Походження українців очима науковців, політиків та фантастів // 36. наук. праць НДІ українознавства. Т. XV: На пошану проф., чл.-кор. НАН України В. Д. Барана. За заг. ред. проф. П. П. Кононенка. К., 2007. С. 236, прим. 6. Однако такая искаженная критическая направленность современными украинскими историками воспринята от представителей диаспорной историографии. (См., напр.: *Курінний П.* Советські концепції походження великоруської народності та «руської» нації // Наукові записки Українського вільного університету. Ч. 7. Мюнхен, 1963. С. 186).
- 5 *Юсова Н.* Письма В. Мавродина к Г. Гуслисту как источник по изучению интеллектуальной биографии и социокультурной среды 1930-х — первой половины 1960-х гг. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць: У 2-х частинах / Відп. ред. М. Ф. Дмитрієнко. К., 2006. Число 13. Частина 1. С. 216, 235, сноска № 8. Здесь говорится о беседе с сыном ленинградского историка В. Мавродиным, из которой стало известно, как тот поступал с собственными записями, черновыми вариантами рукописей, а также и с корреспонденцией.
- 6 *Юсова Н.* К вопросу о взаимоотношениях В. В. Мавродина и Н. Л. Рубинштейна: по поводу рецензии 1946 г. // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Мат. юбил. конф., посвящен. 70-летию ист. ф-та СПбГУ / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 18–22; *Она же.* Письма В. В. Мавродина и Н. Л. Рубинштейна: реконструкция фактов по поводу рецензии 1946 г. // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История. 2005. С. 95–102.

- 7 Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 525–628, Додаток М. 1, Додаток М. 2; *Она же*. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 601–604, Додаток Р. 1, Додаток Р. 2. Здесь письма Н. Державина опубликованы в виде приложения, а основной смысл писем раскрыт в тексте указанных монографий. (См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 249–250; *Она же*. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 304–307). Однако в названии указанных приложений в первом издании монографии допущена техническая ошибка, когда вместо фамилии Н. Державин прозвучало — «Н. Дружинин».
- 8 Юсова Н. Письма В. Мавродина к Г. Гуслисту как источник по изучению интеллектуальной биографии и социокультурной среды 1930-х — первой половины 1960-х гг. С. 214–251.
- 9 СПбФ Архив РАН. Ф. 893. Райков Борис Евгеньевич. Оп. 4. Д. 67. Райков Б. Е. Письмо Мавродину Владимиру Васильевичу; историк, профессор Ленинградского государственного университета. Из Ленинграда. 1 п. 1964 января 31. На 1 л.
- 10 Архив РАН. Ф. 693. Тихомиров Михаил Николаевич. Оп. 4. Д. 357. Мавродин Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой. Письма М. Н. Тихомирову. Ленинград. [40-е гг.] — 22 октября 1959 г. и б/д. 9 (8 п. + 1 т.). На 13 лл.
- 11 Там же. Ф. 1791. Черепнин Лев Владимирович, академик. Оп. 1. Ед. хр. 382. Мавродин Владимир Васильевич, д. и. н., профессор, зав. кафедрой ЛГУ. 6 п., 2 тел. из Ленинграда. [1969–1970], [1975]. На 11 лл.
- 12 Там же. Ф. 697. Панкратова Анна Михайловна. Оп. 3. Ед. хр. 372. Панкратова Анна Михайловна, академик, историк. Мавродин Владимир Васильевич, историк, д. и. н., профессор. Письма Панкратовой А. М. Ленинград. 1955 г. Янв. 26. На 3 лл.
- 13 НИОР РГБ. Ф. 444. Козаченко Антон Иванович. К. 11. Д. 2. Материалы по изданию учебника «История СССР» для педагогических институтов. (Издательские договоры, схема учебника, переписка авторов учебника Козаченко А. И., Кобакова П. И., Мавродина В. В., Павленко Н. И., письмо редактора «Просвещение» к Козаченко В. М.). 1956–1966 гг. Автографы, машинопись, печатный текст. На 25 лл.
- 14 Там же. Ф. 521. Рубинштейн Николай Леонидович. К. 26. Д. 23. Мавродин В. В. Письма к Рубинштейну Н. Л. 1946–1951 гг. Присоединен печатный оттиск с дарственной надписью В. В. Мавродина — Н. Л. Рубинштейну. На 17 лл.
- 15 Там же. Ф. 816. Филлин Федот Петрович. К. 31. Д. 70. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо к Филину Федоту Петровичу. Автограф. 1970-е гг. На 2 лл.
- 16 СПбФ РАН. Ф. 827. Державин Николай Севастьянович (1877–1958), славист, академик. Оп. 4. Д. 331. Мавродин Владимир Васильевич, историк, профессор Ленинградского ун-та. Письма его к акад. Н. С. Державину. [Между 1943 — 1944 гг.]. г. Саратов. 2 п. На 4 лл.
- 17 Там же. Ф. 955. Доброклонский Михаил Васильевич. Оп. 2. Д. 113. Мавродин Владимир Васильевич, профессор, декан истфака ЛГУ. Письмо его к М. В. Доброклонскому. Ленинград. 1 п. (1 конв.). [1948]. На 2 лл.
- 18 ОР РНБ. Ф. 1276. Дейч Генрих Маркович. Оп. II. Д. 396. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо Генриху Марковичу Дейчу. Ленинград 1 конв. [19 дек. 1958 г.]. На 2 лл.
- 19 ГАРО. Ф. Р-336. А. П. Пронштейн. Оп. 1. Ед. хр. 223. Письма академиков Валка С. Н., Лихачева Д. С., профессоров Лурье Я. С., Пиотровского Б. Б., Луцкого Е., Мавродина В. В., Сахарова А. М., Пушкирева А. П., Хмелевского К. А. и др. 76 писем, 14 конвертов. Список корреспондентов: см. внутреннюю опись. 1971–1994. На 115 лл.
- 20 ИА НБУВ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 64. Письма Мавродина В. Из Москвы в [Киев?]. Рукопись. 14 апреля 1958 г. б/д. 2-а док. На 5 лл.
- 21 Более подробно см.: Юсова Н. Н. Некоторые аспекты жизни и деятельности ленинградских историков В. В. Мавродина и Е. М. Косачевской: украинский аспект (попытка реконструкции на основе материалов ИР НБУВ) // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 520–538; *Она же*. Жизненный и творческий путь Е. М. Косачевской — пример самопожертвенного служения истории // История идей и история общества: Тезисы IV Всероссийской научной конференции (Нижегородовск, 20 апреля 2006 года). Нижегородовск, 2006. С. 195–198.
- 22 ИР НБУВ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 68. Л. 2; Д. 138. 1 л.
- 23 Там же. Д. 140. 1 л.

- 24 Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ. Саратов, 1995. С. 16.
- 25 См.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин — историк Древней Руси (1930–1950 гг.). С. 269; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. В. В. Мавродин — историк древней Руси (30–50-е гг.). С. 592, 602; Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 36.
- 26 Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 36.
- 27 ОР РНБ. Ф. 1262. Фирсов Георгий Гаврилович. Оп. 2. Д. 209. 9 лл.
- 28 См.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 21, сноски № 59.
- 29 Там же. С. 21, сноска № 59. Именно после окончания этих слов идет указанная отсылка.
- 30 Там же. С. 5.
- 31 Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу // Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси / Отв. ред. В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. С. 186–188.
- 32 Приложение I. [Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу] // Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. (Древнейшая история Руси). С. 225–227.
- 33 Там же. С. 225.

В. В. Мавродин. Письма к коллегам

Публикация Н. Н. Юсовой

I.

Письма

Владимира Васильевича Мавродина
к Константину Григорьевичу Гуслисту¹

№ 1.

Дорогой Константин Григорьевич!

Весьма признателен Вам за внимание и дружеское поздравление.

Я всегда рад получить от Вас весточку.

*Большое спасибо Вам за разыскания в области украинского фольклора о Пу-
гачеве. Это мне все известно, но т.[ак] к.[ак] я не ожидал, что все выглядит так
бледно, то и обратился за помощью к Вам.*

Еще раз благодарю за товарищескую помощь.

*Что касается рукописи о складывании украинской народности и нации то,
по-моему, Вы прекрасно справились с этой задачей.*

Особенно мне понравился раздел о нации.

Если позволите, то я выскажу некоторые соображения.

*Думаю, что государственный распад Киевской Руси имел очень большое зна-
чение в расчленении древнерусской народности. Особенно это отразилось в созна-
нии народа (все — «русские»!). Когда-то кто-то (я уже забыл кто) меня здорово
обругал за мои попытки согласно В. И. Ленину (Ленин. Собрание, т. XXX Тезисы
о национ[альном] вопросе), найти в княжествах элементы «национ[альных] об-*

ластей» с диалектными особенностями. Не знаю, как сейчас ставят вопрос языковеды.

На стр. 4 следовало бы привести Постановление ЦК КПСС, Совмин[а] и Верх[овного] Совета о праздновании 300 летия... т.[ак] к.[ак] там очень хорошо сказано о «едином корне» — древнерусс[кой] народности.

На стр. 7. подчеркнуть, что ассимилировались и племена балт.[ийских] языков (напр.[имер], голядь, часть ятвягов).

Стр. 11. В состав Молдавии вошла не только Буковина, но и Галицкое Подонье, Подунавье.

Среди поселявшихся на Украине в XVIII–XIX вв., упомянуто греков, арнаутов (албанцев) немцев, гагаузов (т.[о] е.[сть], правда, скорее передвигались на восток, чем переселялись).

Вот и все, что я мог пожелать, хотя старался придираться.

Если присланный Вами экземпляр можно мне оставить, буду весьма признателен, а если нет, то немедленно вышлю.

Не собираетесь ли в наши края?

Как скоро можно ожидать выхода этой работы?

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Р. С. Горячий привет Николаю Николаевичу

14. 4. 58.

№ 2.

Дорогой Константин Григорьевич!

Я нахожусь в смятении.

У меня нет ни 1) Вашего доклада, ни 2) тех материалов, которые Вы мне обещали и которые должны были бы стать основой моего отзыва, ни 3) даты защиты.

Я безоружен.

После 20 мая я приехать не смогу, до начала июня, точнее, до 10–20 июня.

Что делать?

Жду Вашей информации и материалов.

Желаю Всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

II.

Письмо

Владимира Васильевича Мавродина
к Генриху Марковичу Дейчу²

№ 3.

Дорогой Генрих Маркович!

Мы с С. Б. договорились об обсуждении Вашей работы в начале января. Он хочет привлечь к обсуждению П. А. Г[?]айхелинович, который 4/1 будет в Ленинграде.

Так будет солидней.

Спасибо за архивную справку.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

III.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Николаю Севастьяновичу Державину³**

№ 4.

Многоуважаемый Николай Севастьянович!

Много лет прошло с тех пор, как под Вашим руководством на истфаке ЛГУ была создана кафедра истории славянских народов. Но война помешала нам начать подготовку специалистов по истории славянских народов.

И вот все же мы пытаемся организовать хотя бы подобие преподавания истории славянских народов у нас на истфаке. Прошу Вас, Николай Севастьянович, помочь своим советом.

В другое время все это было бы проще сделать, но сейчас, когда Ваши статьи, выступления и портреты видишь только в газетах и журналах в связи с Вашей деятельностью в Академии Наук, Славянском и Антифашистском комитетах, то единственный способ обращения — письмо.

Пользуясь случаем, поездкой профессора Якова Самойловича Ранидгельда [?], через которого я и передаю это письмо, и которого прошу любить и жаловать, т.[ак] к.[ак] мы, саратовцы, стали совсем провинциалами и боимся, как бы нас в Москве не затолкали (в прямом и переносном смысле этого слова). Хочу попросить у Вас совета.

Дело в том, что мы хотим все же поставить курс истории славянских народов, объемом в 70 ч. (курс годовой). Сюда войдут вопросы истории южных и западных славян. Но как его лучше построить, «от» и «до» какого времени, какие вопросы Вы бы считали необходимым поднять? Если Вас не затруднит, я был бы очень рад и признателен Вам за указания.

Конечно, было бы идеально, если бы Вы могли приехать к нам в Саратов хоть на несколько дней, прочесть пару-другую лекций. Мы бы Вас встретили, как славяне и анты в VI в. встречали гостей, а студенчество сейчас особенно восприимчиво ко всем славянским проблемам.

Николай Севастьянович, не удастся, нет?

Был бы очень благодарен Вам, Николай Севастьянович, если бы Вы сообщили мне, что делается в Академии Наук в отношении этногенеза славян. Говорят, что этим занимается Удальцов. Есть ли печатные следы его изысканий? Нельзя ли какнибудь познакомиться с его трудами в этой области?

Нет ли возможности выписать журнал «Славяне»?

В отношении Антифашистского Комитета я Вам ничего не пишу, т.[ак] к.[ак] Вас, по-видимому, видел Александр Алексеевич и говорил по этому поводу.

Но вот о чем бы я Вас очень просил, — это о присылке Ваших мемуаров для книги «История ЛГУ за 125 лет». Я бы просил Вас дать хотя бы вкратце историю филологического образования в Ун-[иверсите]те с момента его основания, назвать виднейшие имена, школы, направления, воспоминания о Ваших учителях и коллегах, об Ун-[иверсите]те в 1917–1941 г.г., о Вашей деятельности в ун-[иверсите]те (научной, администрат.[ивной]), о Марре, о Ваших учениках, о ФОН-е, Ямфаке и ФИЛ-е, и т.[ак] д.[алее] и т.[ому] п.[одобное], по Вашему усмотрению. Только Николай Севастьянович, если можно, то поскорей вышлите нам

пр.[оект], так [как] в августе наш автор.[ский] коллектив садится за написание и монтаж книги.

Простите, что задал Вам столько хлопот, но я позволил себе к Вам, своему бывшему учителю, обратиться и не по служебным вопросам, помня Ваше обычное внимание.

Желаю Вам всего наилучшего, здоровья, бодрости,

Саратов, Кирова 18

уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 5.

Дорогой

Николай Севастьянович!

Очень рад Вашему письму и прежде всего желаю Вам здоровья и бодрости на благо нашей науки.

Вы — отец нашего советского славяноведения и болеть Вам не полагается ни в коем случае.

Как жаль, что не удалось нам тогда, в 1941 году, осуществить возрождение славяноведения. Все же я не теряю надежды, что под Вашим руководством — работает наша университетская кафедра.

У нас была интересная защита. Е. М. Косачевская защищала работу на тему «Головная Русская Рада». Защита прошла очень интересно и вызвала оживленную дискуссию.

Сейчас у нас читается общий курс истории южных и западных славян, но это далеко не то, что нужно.

Да и требовать нечего.

Очень Вам благодарен за хлопоты о журнале.

Наш славянский журнал меня очень интересует и заслуживает того, чтобы им заинтересовалась широкая публика. Но тираж, к сожалению, мизерный.

Николай Севастьянович!

Я прочел, что вышла Ваша книга о борьбе славян с немцами и, буду нескромен, попрошу Вас об одолжении — нельзя ли ее достать?

Вы не были на докладе Удальцова о происхождении славян? Были ли высказаны какие либо интересные мысли, соображения, приведены новые материалы? Меня эта проблема очень интересует.

Я сейчас занялся историей Киевской Руси, но совершенно не в том аспекте, который характерен для работ Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Я хочу попробовать изложить историю формирования русских той поры, как народности определенной стадии складывания, историю русской культуры, наконец, и это главное, историю политическую, внешнюю, показать Русь в системе государств, ее связи с Востоком, Западом, Византией.

Работаю много, с увлечением и кое что успел сделать.

Написано около 15 п[ечатных]/л[истов].

К сожалению, не все нашел в биб-[лиоте]ках в Саратове и должен буду поехать в Москву.

Сейчас по радио передали о приезде Бенеша и его встрече.

Новая веха в истории славянских народов!

Желаю всего наилучшего, Николай Севастьянович.

Ждем Вас на юбилей Ун-[иверсите]та, долженствующий быть в феврале. На днях получите официальное приглашение.

Желаю здоровья и успехов.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

IV.

Письмо

**Владимира Васильевича Мавродина
к Михайлу Васильевичу Доброклонскому⁴**

№ 6.

*Многоуважаемый
Михаил Васильевич!*

К сожалению, Вы не могли присутствовать на последнем заседании ученого совета.

Мы пришли к выводу, что Н. Н. Пунин нашу надежду не оправдал, реально ничем не доказал своей перестройки и заслужил соответ [ствующую] оценку в статье Герасимова в «Правде».

Ученый Совет поручил Вам немедленно созвать кафедру и обсудить Пунина. Есть основания полагать, что следует сделать оргвыводы. С приветом

[Автограф личной подписи]

V.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Антону Ивановичу Козаченко⁵**

№ 7.

*Дорогой
Антон Иванович!*

Посылаю Вам «Введение». По моему, оно составлено удачно, а те не[которые]; — здесь дефект бумаги. — Н. Ю.] исправления, которые мне хотелось бы сделать, я внес крас[ными] чернилами.

Очень прошу Вас прислать мне:

1) примерный список литературы к одной из глав и

2) Как это ни странно, перечень моих глав и названия (IX, XIV–XVIII вв.), т.[ак] к.[ак], видимо, Вы внесли кое-какие коррективы, а для того, чтобы составить хорошие списки рекомендуемой студентам литературы, мне нужно узнать точно разбивку моего материала по главам и их наименование.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 8.

*Дорогой
Антон Иванович!*

Посылаю вам второй экземпляр недостающей части главы о XVIII веке. Я согласен с Вами относительно карт.

Думаю, что для моих глав следует использовать две карты из «Очерков» (43. «Крымская война 1773–1775 гг.» и 44. «Русско-турецкие войны во втор.[ой] пол.[овине] XVIII в.»).

и две

вставки: 45. Внешняя политика России во вт.[орой] пол.[овине] XVIII в. из учебника по истории СССР для истфаков («Россия в XVII веке» и 46. «Россия в конце XVIII века»).

Возвращаясь к вопросу о том, где лучше поместить в главе о XVIII веке раздел о народах Закавказья и Балкан, полагаю, что все же его лучше оставить на 86-х страницах.

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

VI.

Письмо

**Владимира Васильевича Мавродина
к Исааку Израилевичу Минцу⁶**

№ 9.

Дорогой Исаак Израилевич!

Памятуя наш недавний разговор по телефону, пишу Вам это письмо. Как помните, речь у нас шла о профессоре Игоре Яковлевиче Фроянове — моем ученике, которым, скажу прямо, горжусь.

Это — достойнейший, порядочный человек, талантливый ученый, создавший оригинальную и яркую концепцию истории Киевской Руси, смысл которой сводится к пониманию древнерусского общества как общества с незавершенным процессом классовообразования.

Она изложена в двух книгах: «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (1974) и «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980), также в многочисленных статьях. Работы И. Я. Фроянова получили большой резонанс в научном мире. Как водится в подобных случаях, новая концепция вызвала плодотворные споры, дискуссии. Но, к сожалению, и недостойные нападки, чуждые науке. Именно так я рассматриваю «критические» публикации В. Т. Пашуто и некоторых других авторов, напоминающие скорее проработку, чем научную полемику.

Издательство Ленинградского университета запланировало к выпуску в 1983 г. третью книгу И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии», являющуюся своеобразным продолжением его исследований в области древнерусской истории. К сожалению, на этот раз оппоненты И. Я. Фроянова, видимо, исчерпав свои аргументы, решили помешать выходу книги. Главную роль здесь взял на себя Б. А. Рыбаков, что не могло не сказаться, как Вы сами понимаете, на прохождении рукописи. Он добился того, что рукопись попала к нему на отзыв, который, конечно, не мог быть положительным. Выдержанный далеко не в академическом тоне, он похож более на обвинительное заключение на суде. Вот лишь отдельные примеры: «Умозрительная концепция И. Я. Фроянова по существу отрицает все основные достижения советской марксистско-ленинской науки за полвека от выхода труда Б. Д. Грекова в 1933 г. и до наших дней. Неудивительно, что она нашла положительный отклик в США и ФРГ»; «И. Я. Фроя-

новым ведется война с советскими историками. В настоящее время такая война может радовать только врагов марксизма»; «Рукопись И. Я. Фроянова, пронизанная от начала и до конца враждебной тенденцией, не может быть ни опубликована, ни переработана. Речь идет не об отдельных неточностях или второстепенных разноречиях, а о концепции, которая может увести читателей очень далеко в сторону от марксизма». И это обращено в адрес ученого-коммуниста с почти двадцатилетним стажем, декана исторического факультета ЛГУ, зав. кафедрой истории СССР, человека, преданного идеям марксизма-ленинизма, всегда и везде отстаивающего их в своей научной деятельности.

Согласитесь, в наше время такого рода формулировки выглядят, мягко говоря, политически бестактно и не могут не вызвать чувства возмущения и протеста.

Должен сказать, что работу Игоря Яковлевича рецензировали академик Б. Б. Piotrowski, член-корреспонденты К. В. Чистов и В. Л. Янин, доктора наук А. Л. Шапиро, А. Н. Цамутали, Ю. Г. Алексеев, В. М. Панях, А. Г. Маньков. Все эти уважаемые ученые высказались за публикацию книги И. Я. Фроянова. На фоне этих положительных заключений, кстати известных Б. А. Рыбакову, его позиция не может быть истолкована иначе как стремление незаслуженно опорочить советского ученого и тем самым блокировать выход книги в свет. И это, к огорчению, пока ему удастся.

Обращаюсь к Вам, дорогой Исаак Израилевич, как к видному организатору советской исторической науки, ученому с мировым именем, ответственному редактору первого в нашей стране учебника по историографии истории СССР (эпоха социализма) с просьбой дать отзыв на рукопись книги И. Я. Фроянова и поддержать его своим высоким авторитетом в трудную для него минуту научной жизни.

Шлю Вам самые добрые пожелания.

Всегда Ваш В. В. Мавродин

VII.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Анне Михайловне Панкратовой⁷**

№ 10.

Многоуважаемая
Анна Михайловна!

Посылаю Вам свой маленький *opus* о Пугачеве. Это — небольшой раздел первой главы, посвященной историографии Пугачева, Пугачеву в оценке современников и потомства.

Я заканчиваю работу в архивах Ленинграда, где материалов о Пугачеве очень немного, и надолго переключаюсь на Московские архивы (ЦГАДА и рукописный отдел Ленинской библиотеки).

Думаю, что интерес к данной теме не уменьшается, а вырастает.

В этой связи я хотел просить Вас о помощи. Дело в том, что в одном из номеров журнала «Вопросы истории» была помещена статья В. И. Лебедева о крестьянских войнах. Редакция просила откликнуться на нее.

Я и группа моих учеников, защитивших диссертации по различным вопросам истории восстания Пугачева, прислали в редакцию коллективную статью-отклик.

Мне кажется, что и по материалам, и по высказанным в ней соображениями, она представляет интерес.

К сожалению, она до сих пор не опубликована.

Прошу Вас, Анна Михайловна, если статья наша того заслуживает, помочь ей увидеть свет.

Желаю всего наилучшего

Глубоко уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 11.

Многоуважаемая

Анна Михайловна!

Очень сожалею, что мне не удалось побывать на сессии в Академии Наук у нас в Ленинграде и встретиться с Вами. Днем у меня были экзамены, а вечерами я был занят, как председатель Комиссии, в связи с предстоящими выборами. Вся сессия т.[аким] обр.[азом], прошла, минуя меня. Очень сожалею, что так все неудачно сложилось.

На днях послал в редакцию статью, написанную совместно с моим учеником, И. З. Кадиопом [?], и представляющую собой ответ на статью В. И. Лебедева о крестьянских движениях в России, опубликованную в «Вопросах истории» в порядке обсуждения, мне кажется, что вопрос, затронутый В. И. Лебедевым и, заслуживает внимания, и особенно, проблема крестьянских войн в России.

Если наша статья Вас заинтересует, буду очень рад.

Постепенно, все более и более вникая в характер восстания Пугачева, я прихожу к выводу о специфике этой последней в истории России крестьянской войны.

Выполнил поручения редакции и представил коллективную рецензию на «Очерки истории СССР (XVIII век)». Работа, с нашей точки зрения хорошая. Рецензия несколько своеобразная, но мы сочли не нужным пересказывать книгу, а подчеркнули лишь то, что она дает.

Как видите, Анна Михайловна, стараюсь, в меру сил своих и возможностей, наладить помощь редакции со стороны ленинградских историков.

Желаю всего наилучшего.

Уважающий Вас

В. Мавродин.

VIII.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Александру Павловичу Пронштейну⁸**

№ 12.

Дорогой

Александр Павлович!

Посылаю «Вестник» со статьей Коли. По-моему, статья получилась очень хорошая.

Сейчас мы с И. Я. Фрояновым заканчиваем «юбилейную» статью о советской историографии Киевской Руси. Наш большой коллективный том «Советская историография Киевской Руси» идет по плану изд-[ательств]а «Наука» на

1978 год. Вслед за этим пробиваем том «Советское источниковедение Киевской Руси», куда войдут вспомогательные и смежные науки.

Как трудно все это пробивать, и это несмотря на то, что эти издания принимаются по инициативе высоких кругов.

Как Вы трудитесь, над чем?

Шлю привет Вашему семейству и желаю всего самого наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 13.

Дорогой

Александр Павлович!

Получил Ваше письмо и сразу же отвечаю на него.

Пусть Коля приготовит рецензию на книгу Буганова о крест.[ьянской] войне. Объем 5–6 страниц. Я постараюсь оказать этой рецензии «зеленую улицу». Что бы отличить рецензию со статьею, может быть, ее следовало бы назвать «новая книга о ...».

На днях у меня была очень интересная особа. Она — аспирант филолог.[ического] ф[акультета] — та из Болгарии.

Но Катя Критска (так ее зовут), хоть и из Болгарии, но она русская и потомок некрасовцев. Тема ее диссертации «свадебные обряды донских казаков». Ее интересует возникновение донского казачества, и в этой связи я прошу Вас указать мне три-четыре работы на эту тему, наиболее «современных». Буду очень благодарен. Надеюсь, что до скорой встречи.

Ваш [Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 14.

Дорогой

Александр Павлович!

Получил Ваше письмо и спешу ответить.

Защиту Колей своей диссертации я планирую на весну. Сегодня я еще раз проверил план защит диссертаций во 2-м семестре и т.[ак] ск.[азать] «утвердил» его в списке диссертантов. Но вот, что очень важно — надо отпечатать автореферат. Нельзя ли это сделать в Ростове?

Если что удастся, то прохождение Коли через все этапы будет очень ускорено.

Впрочем, я еще выясню, что нужно для напечатания автореферата, и напишу Вам. Александр Павлович! Вы пишете о моей работоспособности. Спасибо за доброе слово. И все же она, конечно, не та, что в былые годы. Да оно и понятно.

Я в свою очередь удивляюсь Вам — «книжка за книжкой».

И сколько!

Многая лета!

Желаю Всем Вашим

всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

IX.

Письма и телеграмма
Владимира Васильевича Мавродина
к Николаю Леонидовичу Рубинштейну⁹

№ 15.

Дорогой

Николай Леонидович!

Приношу свои извинения за долгое молчание, а также прошу передать мои извинения У. М. Поляковой.

Я получил ее письмо о намерении приехать в Ленинград, собрался ответить, но... потерял письмо, а с ним вместе и ее архангельский адрес.

Очень прошу Вас, Николай Леонидович, передать ей, что в феврале мы сможем организовать обсуждение ее работы на кафедре.

Не собирается ли она что-либо добавить, переделать?

Попрошу ее написать мне.

Как Вы себя чувствуете?

Как здоровье?

Над чем трудитесь?

Я сдал в типографию верстку первого тома «Пугачева». Жду вторую верстку.

Второй и третий том будут коллективными (ЛГУ и Ин-[сти]тут Истории). Так будет быстрее.

Много времени, сил и нервов отнимает деканат, и я себя ругаю за то, что согласился вновь одеть на себя это ярмо.

Возраст уже не «деканатский».

Желаю Вам здоровья,

бодрости и успехов в Новом 1961 году.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 16.

Дорогой Николай Леонидович!

Очень рад был Вашему письму и очень благодарен за томик «Ученых записок». С удовольствием прочел Вашу статью. Откровенно говоря, я ее давно ждал, т.[ак]к.[ак] Вы в свое время делились со мной выводами, к которым пришли. И мне они показались очень интересными. Давно пора поставить вопрос о генезисе капитализма.

К сожалению, в ответ могу послать Вам только филологов, т.[ак]к.[ак] наши тома застряли в типографии, но мне кажется, что штудии наших филологов могут Вас заинтересовать.

Надеюсь в скором времени прислать Вам «Повесть временных лет» И. П. Еремина, «Люди и нравы домонгольской Руси» Б. А. Романова и 2-ые тома В. И. Равдоникаса и С. Бондия [?]. Последний, конечно, сам Вам придет.

Я сейчас готовлю доклад, вынесенный на научную сессию. Тема «Основные этапы истории русского государства до XVI в.». На очереди история морских народов в Др. [евней] Руси, о чем Вы, быть может, прочли в заметке В. И. Селиванова в «Вопросах истории».

И в далекой перспективе окончание Левобережной Украины (до XVI в.).

Дорогой Николай Леонидович!

Я очень благодарен Вам за чуткость и искренность. Грешным делом я сам подумал, что рецензию здорово «подправили». Вы не могли написать так... слабо при такой «шапке» смертоубийственности. И даже если бы все было написано Вашей рукой, я бы не обиделся, а только пожалел бы, что я не мог поговорить с Вами, т.[ак] к.[ак] в результате беседы все выглядело бы иначе, и обо многом мы бы договорились. Я слишком высоко ценю Вас для того, что бы обижаться.

Поежился бы, покрутил головой, удивился бы несколько стилю и некоторой гиперболичности и тенденциозности, но не стал бы обижаться. Узнав же, что Вас основательно исказили, я тем более рад. Я знаю, что многое в книге недодумано, сыро, может быть, и ошибочно и над многим еще следует поработать. Все это я учту и за всякую помощь Вам благодарен. А кто же этот услужливый редактор? Ежели он выполняет определенное задание, то пусть все же он будет столяром, а не плотником.

Простите, Николай Леонидович, дорогой, за внешний вид письма. Лежу в постели т.[ак] к.[ак] повредил себе ребро. Вы не собираетесь в Лен-[ингра]д?

Еще раз благодарю вас за доброе отношение.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 17.

Дорогой

Николай Леонидович!

Долгое время откладывал свой ответ Вам, т.[ак] к.[ак] думал, что мне удастся приехать в Москву и побеседовать с Вами лично, но моя поездка в столицу сорвалась, т.[ак] к.[ак] скоро состоится наша эвакуация, о чем вам уже, наверное, рассказал Осип Львович, на днях с первым эшелоном выехавший в Москву. Ждем его возвращения и начинаем укладывать свои «монатки».

Николай Леонидович! У меня серьезное к Вам дело. Я хочу вам предложить в порядке какого угодно совместительства и в какой угодно форме и роде участие в работе кафедры, в нашей научной работе и в педагогическом процессе. Ставка, полставки — как вам будет угодно. Любые занятия, любые курсы, любое время.

Мне бы очень хотелось, и не мне одному, что бы Вы дали на это свое согласие. Думаю, что приезд Ваш 1–2 раза в семестр в Лен-[ингра]д не очень бы Вас обременил, а об условиях мы сами постараемся.

Нам же Ваше участие принесло бы большую пользу.

Жду Вашего ответа и надеюсь на его положительный характер, зная Ваше дружеское отношение к своим ленинградским товарищам.

Наша кафедра окрепла и еще больше окрепнет и если в ее составе будут работать и Борис Дмитриевич, и Сигизмунд Натанович, и Окунь, Романов, Предтеченский, Степанов и др.[угие].

Что касается затронутых Вами вопросов о состоянии нашей исторической науки, то, несмотря на то, что в своей Саратовской жизни мы провели как медведи в берлоге, тем не менее, мне кажется, что у нас наблюдается, я бы прямо сказал, измельчание.

Некоторые проблемы ставятся как-то шиворот-на-выворот, все слишком конъюнктурно, прерадяще. «Историч.[еский] журнал» страдает дистрофией III степени и скучен, как ожидание поезда.

И особенно потрясла меня книга Яковлева. В некоторых местах, простите, но это или бред, или «история» типа сатирикон. Мне кажется, что пора приниматься за серьезные проблемы и создавать монографии.

Вот придет Осип Львович, наверное, расскажет нам о Ваших новостях.

Николай Леонидович! Жду ответа.

И, надеюсь, положительного.

Пишите, на всякий случай уже на Ленинград. (В.[ременный] а.[дрес] Университетская наб.[ережная] 7/9, университет, мне).

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 18.

Дорогой Николай Леонидович!

Я очень благодарен вам за дружеское хорошее письмо и очень рад тому, что моя книга попала к Вам на рецензию, ибо уверен в Вашей строгой объективности, которая послужит на пользу и науке, и мне.

Вопросов спорных, конечно, много, но я полагаю, что вряд ли книга выиграла, если бы еще постояла, как хорошее вино. Мысли, изложенные в ней, не результат одного только «саратовского сиденья», а многих предыдущих лет. Пройдет еще год, два, три и я, конечно, буду, надо полагать, эволюционировать. Будет эволюционировать и моя книжка, мои взгляды. Когда же остановиться?

Вот почему я решил ее опубликовать. Я бы только очень хотел, что бы мои московские товарищи различали бы точку зрения от ошибки.

Очень давно, когда еще писалось мое «Образование русского национального государства» (1938 год), блаженной памяти (убит на фронте) редактор Соцэкза Захар Гауф[х?]штейн говорил мне: «Ты, пожалуйста, не умничай. Если что нибудь (это произносилось весьма многозначительно — В. М.) скажет Греков — это будет точка зрения, а если ты, то это будет ошибка».

В своей книге я не хотел бы пойти по стопам тех, кто вместе с водой выплескивает и ребенка. Не хотел бы повторять Грекова и Юшкова и, как мне кажется, это мне удалось.

Борьбу с норманизмом я усматриваю не в том, что бы отрицать наличие норманнов на Руси и объявлять все сказкой, а в том, что бы показать их истинную роль. А то уподобившись тому американскому доктору, который, первый раз попав в зоопарк и увидев верблюда, долго на него смотрел и изрек: «нет такого животного».

В отношении протославян, палеоевропейцев и т.[ому] п.[одобное] я должен заметить следующее.

Я полагаю, что могу назвать палеоевропейцами древнейшие племена неолита Европы. Из современного европейского населения в их состав, напр.[имер], не войдут татары, венгры, калмыки и т.[ому] п.[одобное]. Они (палеоевропейцы) адекватны палеоазиатам Сибири. Процесс их эволюции идет в разном направлении. Прежде всего идет выделение финно-угорских языков, а с индоевропейских языков складываются языки греческий, кельтский и т.[ому] п.[одобное].

Где-то в средиземных районах начинается формирование славянских языков. Это уже протославяне. В состав их включаются одни этнические компоненты и выключаются другие. В книге своей, поэтому то я позволяю себе говорить о разных этапах, стадиях формирования славянства.

Но довольно о ней.

Расскажу наши ленинградские новости.

ЛГУ, как и МГУ, получили оборудование для типографии. Она у нас была и раньше, но удовлетворить наши запросы, естественно, не смогла. С типографиями вообще обстоит в этом году неважно. Боюсь, что выпуск наших трудов очень затормозился.

Сейчас в производстве книга Осипа Львовича (Учебник средних веков для не-историч.[еских] ф-[акульте]тов), Матвея Ал-[?]вича (Возрождение), Равдоникаса (учебник по ист.[ории] первоб.[ытного] об-[щест]ва, т.[ом] II), Романова («Люди и нравы домонгольской Руси»), ученые записки, но...

Открываем отделение истории ВКП(б).

Желающих специализироваться в этой области немало. Растут отделения археологии и истории искусств. Проводили конференцию, посвященную новым работам в области истории (доклады Третьякова, Степанова, Тарле, мой).

Устал я ужасно. Я ведь с 1940 г. ни разу не был в отпуске. Деканат мне стоит много нервов и здоровья.

Но в этом году получу отпуск и хочу отдохнуть в Териоках [?], а затем отправлюсь на охоту в Калининскую область. Представьте себе, что весной я все же провел два дня на охоте и привез не мало дичи. Несколько дней угощал всех утятинной, вальдишнечами и т.[ому] п.[одобным].

Когда и куда Вы собираетесь на отдых?

Далеко или в Подмоскovie?

Как Ваши штудии по XVIII веку?

Недавно у меня был Иван Васильевич Симицын [Синицын?]. Хороший он человек.

Так и пахло Саратовым, о котором у меня остались самые лучшие воспоминания, а моя Анна Афанасьевна просто влюблена в этот город.

Дорогой Николай Леонидович!

Буду очень рад вашему письму.

Желаю вам здоровья и
успеха

Ваш

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 19.

ЛЕНИНГРАДА 11 / 1406 13 16 1217 = МСК ЧИСТЫЕ ПРУДЫ
ТЕЛЕГРАФНЫЙ ПЕРЕУЛОК ОДИН КВ. ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ РУ-
БИНШТЕЙНУ

ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЮ МАВРОДИН

штамп: 27. 10. 48. Москва.

№ 20.

Дорогой

Николай Леонидович!

Очень благодарен Вам за сборник. Он заслуживает внимания и несомненно представляет большой интерес.

Работу над рецензией на БСЭ наша кафедра закончила, и через Петрикеева мы направили ее Ивану Архиповичу Кудрявцеву.

Дорогой Николай Леонидович! Искренне сожалею, но она получилась неблагоприятная для Вас. Вашу часть раздела «История» рецензировали Ив.[ан] Ив.[анович] Смирнов, С. Н. Валк, Д. М. Петрикеев, Н. А. Павлицкая, С. Л. Пештич, М. И. Артамонов и др.[угие]. Отметив ряд недостатков в Вашем разделе, кафедра в резолютивной части пришла к выводу о необходимости коренной перестройки и переработки раздела и разошлась с Вами в определении ряда моментов отечественной истории.

Избавив рецензию от крайностей и резкости, я не мог, конечно, изменить дух ее. И вот в таком виде, к великому для меня сожалению (мне хотелось бы, что бы она Вас порадовала, а не огорчила), она и была направлена в редакцию журнала «Вопросы истории».

Мое мнение по поводу издания этой части БСЭ в качестве отдельной книги положительное. Надо убрать все неполадки, неточности, вообще все, что может вызвать нарекания, и издать отдельной книгой.

У нас идет подготовка к очередной научной сессии. Трудимся. У меня сентябрь, октябрь и начало ноября очень тяжелые, напряженные. Еле успеваю следить за литературой. О творческой работе нечего и думать. Подождет лучших дней.

Быть может завтра вылечу в Москву. Вызывает Топчиев (зам.[еститель] министра). Надеюсь, что на этот раз я успешнее дозвонюсь. У меня нет Вашего домашнего телефона. В справочном тоже я не добился. Вы хоть скажите своим в Музее (из числа тех, кто подходит к Вашему телефонному аппарату) Ваш домашний телефон. Рассчитываю повидать Вас в Москве и тогда уже поговорим обо всем.

Желаю всего наилучшего.
Привет от моего семейства
[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Х.

Письма и телеграмма Владимира Васильевича Мавродина к Михаилу Николаевичу Тихомирову¹⁰

№ 21.

Многоуважаемый
Михаил Николаевич!

Я очень благодарен Вам за ценные указания по моей статье «О происхождении русского народа» и учел Ваши замечания, соответствующим образом исправив и дополнив свой опус.

Одного я, каюсь, не сделал (во всяком случае, в том объеме, в каком следовало бы согласно Вашей рецензии), а именно не дал подробно историю вопроса.

Я остановился на взглядах Шафарика, Нидерле, Погодина, Шахматова, Мариварта, Вернадского и др., о которых Вы упоминали в своем отзыве, но только в общих чертах, т. [ак] к. [ак] ставил своей целью попытаться в данной статье обобщить достижения современной исторической науки, археологии и лингвистики.

Это и дает мне право отказаться от больших историографических отступлений, которые, еще раз каюсь, я очень не люблю.

Уж Вы извините меня великодушно за эту особенность.

Буду очень рад, если моя статья уже в таком, исправленном согласно Вашим замечаниям, виде будет напечатана.

Надеюсь преподнести Вам некоторые свои труды, выходящие из печати.

И если они Вас заинтересуют, еще раз поблагодарить за деловые, дружеские замечания и критику.

У н[ас; — здесь дефект бумаги. — Н. Ю.] сейчас научная сессия. Посылаю Вам книжечку тезисов докладов.

Буду очень рад установить с Вами обмен мнениями и опытом.

С приветом

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

*Ленинград, «164», Университетская
набережная 7/9 университет.*

№ 22.

**МОСКВА ВОЛХОНКА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ТИХОМИРОВУ

ЗЕЛЕНОГОРСКА ЛНГ 269 1526 1350

**ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ИЗБРАНИЕМ ЖЕЛАЮ ДАЛЬНЕЙШИХ
УСПЕХОВ МАВРОДИН**

штамп: 26. 10. 53

Москва 19 гор.

№ 23.

*Многоуважаемый
Михаил Николаевич!*

Посылаю Вам свой опус, посвященный Пугачеву. Этот небольшой разделчик из первой главы, посвященной историографии вопроса.

В течение последних лет я занимался Пугачевым. Несколько моих аспирантов защитили диссертации, посвященные тем или иным вопросам истории пугачевского восстания. Я заканчиваю работу в ленинградских архивах и переключаюсь на несколько лет на ЦГАДА.

С удовольствием почитал Вашу новую книгу о классовой борьбе в XI–XIII вв. Надеюсь, что мне удастся поместить на нее рецензию в нашем университетском «Вестнике». К сожалению, вопросы классовой борьбы в феодальной России до сих пор у нас не привлекли к себе должного внимания.

Свидетельством того является хотя бы то обстоятельство, что написанная мной и моими аспирантами статья об особенностях восстания Пугачева, являющаяся откликом на помещенную в «Вопросах истории» статью В. И. Лебедева об особенностях крестьянских войн, а не власти в России, построенная на новых материалах и заключающая в себе, как мне кажется, кое-какие интересные соображения, лежит в редакции «Вопросов истории» без движения.

Я очень прошу Вас, Михаил Николаевич, если статья того заслуживает, помочь ей увидеть свет.

Ведь все таки у нас нет до сих пор серьезных исследований о Разине и Пугачеве (если не считать книг Тишки Муравьева и Гайсминовича), а они того заслуживают. Начинать же надо с небольшого.

Желаю всего наилучшего

Уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 24.

31/XII.55

*Дорогой
Михаил Николаевич!*

Прежде всего позвольте мне поздравить Вас с Новым Годом и пожелать здоровья и творческих успехов.

Очень благодарен Вам за помощь в опубликовании нашей статьи о Пугачеве.

Я уже получил т.[ак] наз.[ываемые] «вместо гранок».

Что касается Касименко, то я уже в свое время послал в Киев весьма положительный отзыв на его автореферат, а как только получу его книгу или рукопись, то немедленно дам положительную рецензию.

Целиком с Вами согласен в оценке и его работы, и той борьбы, которую он, к сожалению, ведет со всякого рода шакалами от науки.

Хорошо, что все же теперь не уделя[ю]т такого значения анонимкам, оружию тупиц, бездельников и подлецов.

Думаю, что он сможет обезвредить эту публику.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Зеленогорск

Курортный р-н Ленинграда

Проспект Ленина 79

№ 25.

*Дорогой
Михаил Николаевич!*

Большое спасибо за теплое письмо. Рад, что Вам понравился мой «Пугачев».

Я сейчас в отпуске и тружусь над вторым томом «Очерков...»

В связи с этим убедительно прошу Вас поручить кому либо прислать мне мой проспект, высланный в Ин-[сти]тут истории, и сообщить об'ем глав.

Меня испугал А. А. Зимин, написавший мне, что мне на все дается ... 2 п/л!

Судя по договору, это не так, и мне дается 5 п/л.

Очень прошу Вас рассеять мои сомнения.

Посылаю Вам своих «бунтующих смердов».

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 26.

Дорогой Михаил Николаевич!

Очень признателен Вам за информацию по поводу обсуждения 2-го тома «Истории СССР».

Я охотно учту все замечания, сделанные по моим главам в процессе обсуждения.

Что касается Леонида Антоновича Коваленко, то я принял все меры к ускорению подготовки защиты, которая намечена на 8-ое февраля.

*Не сомневайтесь, что все пройдет благополучно.
Если бы Вы прислали пару слов по поводу его работы, было бы очень хорошо.
Я со своими « пугачевцами» заканчиваю второй том «Пугачева». Собираю и третий том.*

Хочется, что б получилось хорошо, но «толком муку покажет».

Желаю всего наилучшего

Ваши

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 27.

Дорогой

Михаил Николаевич!

Большое спасибо за предложение участвовать в шеститомной «Истории СССР».

Я охотно его принимаю, но меня очень смущает Литва. Ведь я никогда собственно Литвой не занимался, а в Москве у вас преуспевает юная поросль настоящих знатоков Литвы.

Если не трудно, черкните пару слов о характере этого издания (стиль, аппарат и т.[ому] п.[одобное]).

Очень хорошо, что оно рассчитано не на «усыпляемых», как Вы пишете.

Книгу «У истоков русского книгопечатания» я прочел с удовольствием, и Вы можете не сомневаться в моем самом благожелательном отзыве на нее.

Не могу не поделиться с Вами своей радостью — наконец то я сдал в университетское издательство первый том «Пугачева», об'емом в 40 п/л.

Труда и души вложил я в него немало.

Желаю всего наилучшего, здоровья и бодрости.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Ленинград-35

Нарымский проспект

д. 27 кв. 181.

№ 28.

Дорогой

Михаил Николаевич!

Я получил очень интересную книгу о начале книгопечатания.

Насколько мне помнится, Вы хотели бы, что бы я дал на отзыв, но куда, в какой форме, когда?

Книга заслуживает самой высокой оценки, но подскажите, пожалуйста, Михаил Николаевич, в какую форму мне следует облечь свой отзыв.

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 29.

Многоуважаемый

Михаил Николаевич!

Спешу уведомить Вас, что вчера Ученый совет университета отменил решение ученого совета исторического факультета по вопросу о защите докторской диссертации В. Д. Отамановским.

Результаты такие: «за» 34 голоса, «против» 54, недействительных бюллетеней 6.

Зачитывались оба Ваши письма, выступал В. А. Голобуцкий, В. В. Струве, Ваш покорный слуга. Выступала и А. Д. Люблинская, и при этом весьма неудачно.

Теперь, согласно инструкции, предстоит т.[ак] ск.[азать] «перезащита» на ученом совете университета, но это уже пустая формальность.

Теперь о другом нашем подзащитном, о А. К. Касименко. Я написал вполне положительный отзыв, хотя, конечно, сделал ряд весьма серьезных замечаний. Думаю, что он должен со мной согласиться. На днях получу свой отзыв от машинистки и пошлю его вместе с рукописью диссертации в ВАК. Одновременно направляю письмо в ВАК, в котором указываю, что я в курсе всех киевских кривотолков, но даю объективный отзыв на работу Касименко, а не его характеристику. Следствием по делу о диссертации Касименко я заниматься не обязан. Ведь правда, Михаил Николаевич? Очень прошу Вас не забыть о моей просьбе и вызвать меня в отделение числа 25-го мая, ибо, таким образом, я смогу «бросить якорь» в Академическом «Якоре»! Попросите Владимира Владимировича, чтобы он об этом не забыл. Я хочу очень поработать в ЦГАДА над Пугачевым, и это единственный месяц, когда мне удастся вырваться.

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

XI.

Письмо

Владимира Васильевича Мавродина
к Федоту Петровичу Филину¹¹

№ 30.

Глубокоуважаемый

Федот Петрович!

Позволяю себе беспокоить Вас просьбой познакомиться с рукописью моего университетского товарища Андрея Григорьевича Рахаренко. Дело в том, что он очень взволнован Вашей статьей «Беречь родное слово». И написал небольшую статью по поводу уродования русского языка. Я буду Вам очень благодарен, если Вы разрешите прислать ее Вам.

Мне кажется, что она может представить интерес.

На склоне лет вернулся к берегам Днепра и завершил составление и редактирование большого коллективного труда «Советская историография Киевской Руси». Ин-[сти]тут Истории СССР включил ее в план своего академического издательства.

Буду весьма признателен за ответ.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Ленинград М-135

пр. Гагарина 27, кв. 67

Владимир Вас.[ильевич] Мавродин.

ХП.

**Письма и телеграммы
Владимира Васильевича Мавродина
ко Льву Владимировичу Черепнину¹²**

№ 31.

Дорогой

Лев Владимирович!

*Горячо благодарю Вас за книгу о Новгородских берестяных грамотах.
Вы сделали для всех нас большое дело, по сути дела, заново открыв их для науки.*

Еще раз благодарю и желаю здоровья и творческих успехов.

Ваш

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 32.

МОСКВА ДМИТРИЯ УЛЬЯНОВА

Ч / 34 КОРПУС А КВ 134

ЛЬВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЧЕРЕПНИНУ

ЛЕНИНГРАДА 164 / 32

27 1 1237

**ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ДОСТОЙНЫМ ПРИЗНАНИЕМ ВАШИХ ЗА-
СЛУГ ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ ЖЕЛАЮ ЗДО-
РОВЬЯ БОДРОСТИ УСПЕХОВ – МАВРОДИН**

штамп: 1. 12. 72. — 0

Москва В-333

№ 33.

Дорогой

Лев Владимирович!

С большим удовольствием и пользой прочитал Вашу статью о крестьянских войнах в России, опубликованную в журнале «Коммунист».

Она снимает ряд спорных вопросов и даст возможность дальнейшей разработки многих важных проблем.

Благодарю Вас за высокую оценку моих работ. Был бы вам весьма признателен за информацию о судьбе моей статьи, посвященной основным проблемам крестьянских войн в России.

Очень жалею, что крайняя перегруженность педагогическими поручениями не дала мне возможности посетить сентябрьскую научную сессию в Лен.[инградском] Отд.[елении] Ин-[ститу]та Истории СССР.

Желаю всего наилучшего

Ваш

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Ленинград М-135

пр. Гагарина 27 кв. 67.

№ 34.

Дорогой

Лев Владимирович!

Буду Вам весьма признателен за информацию о сборнике, посвященном Крестьянским войнам. У меня было такое впечатление, сложившееся еще осенью, что его формируют, но вот подходит май, а его все нет и нет.

Что могло с ним произойти?

Такая задержка может быть результатом деятельности издательства «Наука», а может быть и результатом каких то конъюнктурных соображений.

Последнее, конечно, было бы крайне нежелательным.

Черкните мне, пожалуйста, пару слов.

В начале апреля на заседании группы обсуждали нашу рукопись «Советская историография Киевской Руси».

Кое-что надо будет исправить, кое-что добавить, а самое главное сократить. Но в общем, как будто, приняли наш опус вполне благожелательно.

Желаю всего самого

наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Л-[енингра]д М-135

пр. Гагарина 27, кв. 67.

№ 35.

Дорогой

Лев Владимирович!

Прошу прощения, но позволяю себе обращаться к Вам с просьбой.

Дело в том, что в Ин-[ститу]те Истории может получить работу мой ученик, соискатель по нашей кафедре Юрий Филиппович Субботин.

Он кончил аспирантуру по кафедре политической экономии МГУ, работал по истории народного хозяйства, но после кончины своего руководителя обратился за помощью ко мне.

Круг его научных интересов связан с военной промышленностью Петербурга конца XIX — начала XX вв.

Как принято сейчас говорить — у каждого есть свое хобби. Мое — оружие. Им я заразил и Юру Субботина.

Если можно чем-нибудь помочь ему, буду Вам очень признателен.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

P. S. Свою статью я Вам выслал неделю тому назад.

№ 36.

МОСКВА 333 УЛИЦА ДМИТРИЯ УЛЬЯНОВА
ЧЕТЫРЕ ДРОБЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КОРПУС А
КВАРТИРА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ЛВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЧЕРЕПНИНУ

ЛЕНИНГРАД

164 / 45 30/ 11

1650

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ
БОДРОСТИ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ МНОГИЕ ЛЕТА = МАВРОДИН –

Штамп: 11. 4. 75 — 0

Москва — 333

№ 37.

Дорогой

Лев Владимирович!

Ленинградское Отделение Института представляет нашу «Советскую историографию Киевской Руси» для включения ее в план редакционной подготовки на 1976 год.

Мне кажется, что эта работа, являющаяся результатом деятельности большого коллектива, в течение ряда лет будет представлять интерес, и при этом не только для историков.

Очень прошу Вас поддержать наше начинание.

С пожеланием всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 38.

Дорогой

Лев Владимирович!

Посылаю Вам мой последний пугачевский опус. Я думаю вернуться к [Е.] Пугачеву тогда, когда вплотную возьмусь за работу, посвященную историографии классовой борьбы в России в XVII–XVIII вв., а это будет еще не скоро. Сейчас в издательстве ЛГУ идет моя книга «Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773–1790ые гг.)». Это спецкурс, продолжающий изданный несколько лет тому назад ЛГУ аналогичный спецкурс, посвященный отрезку времени между 1725 и 1772 г.

Всю мою деятельность затормозил инфаркт, который отнял у меня четыре месяца, с сентября по январь.

Я и все мои коллеги по кафедре очень благодарны Вам за статью в «Коммунисте». Все важнейшие вопросы, волнующие нас, «феодалов», поставлены интересно и четко. А споры были, есть и будут, и было бы странно, если бы они прекратились.

В феврале на Ученом Совете Ленинградского Отделения Института Истории СССР будет обсуждаться наш том «Советская историография Киевской Руси». Предварительно его уже обсуждали, а теперь речь будет идти о рекомендации к печати.

Надеюсь, что он получит одобрение, а, следовательно, и соответствующую рекомендацию. Не знаю, как все пойдет в Московских инстанциях, и прошу Вас, дорогой Лев Владимирович, поддержать наше начинание. Том этот является результатом многолетней кропотливой работы целым коллективом историков, археологов, лингвистов, фольклористов, искусствоведов, этнографов. И мне кажется, что он будет весьма полезен.

До сих пор Игорь Яковлевича Фроянова ВАК не утвердил в ученой степени доктора исторических наук. Нет ли какой-нибудь возможности ускорить его утверждение?

Нельзя ли ему помочь?

Он того заслуживает.

Над чем Вы сейчас работаете? Что печатаете?

Желаю всего

наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Примечания

- 1 ИА НБУВ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 64. Письма Мавродина В. Из Москвы в [Киев?]. Рукопись. 14 апреля 1958 г. Б/д. 2-а док. На 5 лл.
- 2 ОР РНБ. Ф. 1276. Дейч Генрих Маркович. Оп. II. Ед. хр. 396. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо Генриху Марковичу Дейчу. Ленинград. 1 конв. [19 дек. 1958 г.]. На 2 лл.
- 3 СПбФ Архива РАН. Ф. 827. Державин Николай Севастьянович. Оп. 4. Ед. хр. 331. Мавродин Владимир Васильевич, профессор, историк Ленинградского университета. Письма его к акад. Н. С. Державину. [Между 1943–1944 гг.]. г. Саратов. 2 п. На 4 лл.
- 4 СПбФ Архива РАН. Ф. 955. Доброклонский Михаил Васильевич. Оп. 2. Д. 113. Мавродин Владимир Васильевич, профессор, декан истфака ЛГУ. Письмо его к М. В. Доброклонскому. Ленинград. 1 п. (1 конв.). [1948]. На 2 лл.
- 5 НИОР РГБ. Ф. 444. Козаченко Антон Иванович. К. 11. Ед. хр. 2. Материалы по изданию учебника «История СССР» для педагогических институтов. (Издательские договоры, схема учебника, переписка авторов учебника Козаченко А. И., Кобакова П. И., Мавродина В. В., Павленко Н. И., письмо редактора «Просвещение» к Козаченко В. М.). 1956–1966 гг. Автографы, машинопись, печатный текст. На 25 лл.
- 6 Опубликовано: Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу // *Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси* / Отв. ред. В. Пузанов. Ижевск, 2003. С. 186–188; Приложение I. [Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу] // *Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси*. М., 2007. С. 225–227.
- 7 Архив РАН. Ф. 697. Панкратова А. М. Оп. 3. Ед. хр. 372. Панкратова Анна Михайловна, академик, историк. Мавродин Владимир Васильевич, историк, д. и. н., профессор. Письма Панкратовой А. М. Ленинград. 1955 г. Янв. 26. На 3 лл.
- 8 ГАРО. Ф. Р-336. А. П. Пронштейн. Оп. 1. Ед. хр. 223. Письма академиков Валка С. Н., Лихачева Д. С., профессоров Лурье Я. С., Пиотровского Б. Б., Луцкого Е., Мавродина В. В., Сахарова А. М., Пушкирева А. П., Хмелевского К. А. и др. 76 писем, 14 конвертов. Список корреспондентов см. внутреннюю опись. 1971–1994. На 115 лл.
I. Внутренняя опись к делу № 223. 25. Мавродин В. В. Л. 53–55.
- 9 НИОР РГБ. Ф. 521. К. 26. Ед. хр. 23. Мавродин В. В. Письма к Рубинштейну Н. Л. 1946–1951 гг. Присоединен печатный оттиск с дарственной надписью В. В. Мавродина — Рубинштейну Н. Л. На 21 лл.
- 10 Архив РАН. Ф. 693. Михаил Николаевич Тихомиров. Оп. 4. Д. 357. Мавродин Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой. Письма М. Н. Тихомирову. Ленинград. [40-е гг.] — 22 октября 1959 г. и Б/д. 9 (8 п. + 1 т.). На 13 лл.
- 11 НИОР РГБ. Ф. 816. Ф. П. Филин. К. 31. Ед. хр. 70. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо к Филину Федоту Петровичу. 1970-е гг. Автограф. На 2 лл.
- 12 Архив РАН. Ф. 1791. Черепнин Лев Владимирович, академик. Оп. 1. Ед. хр. 382. Мавродин Владимир Васильевич, д. и. н., профессор, зав. кафедрой ЛГУ. 6 п., 2 тел. из Ленинграда. [1969–1970], [1975]. На 11 лл.

* * *

Т. А. Андреева
Челябинск

Образ революций 1917 года в сознании Романовых (по мемуарам и дневникам представителей династии)

1917 год отложился в представлениях и памяти членов семьи Романовых как роковой, а Февральская революция с ее социально-политическими последствиями ассоциировалась в их сознании с «проклятьем», «ужасом», «катастрофой». В целом, образ 1917 года выстраивается в системе их чувств и оценок как одномерный и исключительно отрицательный. В большинстве своем они не погружаются в поиски природы и социальных корней этой революционной стихии. Такой угол зрения и концепция понятны и объяснимы, потому что династия оказалась главной персонифицированной жертвой революционного взрыва, а ее реальным представителям победившая революция готовилась предъявить «обвинительный акт» по поводу «исторической несправедливости» и преступности режима самодержавия.

Для выявления «образа» 1917 года в умонастроениях Романовых взят мемуарный комплекс, представленный дневниками вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1847–1928) — матери Николая II¹; воспоминаниями великого князя Александра Михайловича (1866–1933), находившемся с Николаем II в двойном родстве: он приходился императору двоюродным дядей и был женат на его сестре Ксении Александровне²; воспоминаниями князя императорской крови (великокняжеский титул он получит в эмиграции в 1939 г.) Гавриила Константиновича (1887–1955)³; воспоминаниями двоюродной сестры Николая II великой княжны Марии Павловны (1890–1958)⁴; записками великого князя Николая Михайловича (1959–1919) — двоюродного дяди императора, известного историка и представителя «великокняжеской» оппозиции⁵ и дневниками великого князя Андрея Владимировича (1879–1956), которому император приходился двоюродным братом⁶. Дополняют этот мемуарный блок материалы личной переписки, представленной письмами великого князя Николая Михайловича императрице Марии Федоровне за 1915–1918 гг.⁷ и письмами последней (1917 год) к великой княгине Ольге Константиновне — племяннице Александра III, бывшей замужем за родным братом императрицы принцем Вильгельмом, который являлся к тому же греческим королем Георгом I⁸.

Дневник вдовствующей императрицы Марии Федоровны — это хроника повседневной жизни, с фиксацией всех рефлексий, с обозначением болевых точек в размышлениях о переживаемых событиях, как с логическими, здравыми рассуждениями, так и игрой воображения на предмет возможного развития ситуаций. Ее дневник переполнен вопросами, сомнениями, страстями и эмоциями. Автор пребывает в неизвестности относительно последующего исхода переживаемых событий, суть которых ей не всегда ясна и понятна, так как не в каждом из них она — очень энергичный и деятельный человек в недавнем прошлом — непосредственный участник. Часто к ней поступала «отредактированная» информация или вообще дезинформация, поэтому императрица не могла должным образом

квалифицировать текущие события. Это обстоятельство у нее, личности, склонной к анализу, размышлениям и принятию решений, вызывало раздражение.

Великий князь Александр Михайлович, командовавший в годы Первой мировой войны русской военной авиацией, ведет свое повествование, уже имея представление о последствиях случившегося. Тематическое поле его мемуаров сформировалось не стихийно, оно дифференцировано, трактовка событий отредактирована опытом жизни в эмиграции. Масштаб обзора интересующих его фактов выверен самим замыслом. Чувствуется, что мемуарист проделал обширную и тщательную подготовительную работу, отдавая приоритет политически значимым историческим явлениям, причем его авторское «Я» не претендует на исключительное место в повествовании. Великий князь реконструирует свой жизненный путь, находясь на «дальней дистанции» от описываемых сюжетов: подготовкой мемуаров он занимался в начале 1930-х гг.

Мемуары князя Гавриила Константиновича практически не отражают реального контекста событий на политической арене. По натуре он, видимо — человек «камерный» и аполитичный, поэтому в орбите его внимания — преимущественно жизнь дома Романовых до 1917 г. с акцентом на «константиновскую ветвь». Занятый учебой в военной академии, он дистанцируется от политических процессов, и только те общественно-политические сюжеты попадали в поле его зрения и получали оценку, которые затрагивали судьбы династии и императорской семьи. В состав воспоминаний включены записки жены великого князя, которой, ценой больших унижений и мытарств, удалось спасти своего мужа и вывезти его из России.

Дневники великого князя Андрея Владимировича отражают его поездки по фронтам с выполнением отдельных поручений и инспекций, контакты с генеральской средой и штабными работниками, что позволяло ему быть в курсе настроений военной среды. Он мало соприкасался с политическими деятелями, предпочитая великосветскую жизнь и хорошо ориентируясь в проблематике внутрисемейных отношений романовской династии. Революционный водоворот 1917 г. слабо отражен в его дневнике: в январе 1917 г. он уезжает на лечение в Кисловодск, подвергается домашнему аресту в марте–июне 1917 г., случайно избегает репрессий при большевиках и в 1920 г. эмигрирует.

Великий князь Николай Михайлович посвящает 1917 г. две последних главы своих заметок, в которых рассуждает о последствиях убийства Распутина и отречения Николая II. Имеющий репутацию либерала, критически настроенного по отношению всех мероприятий императора, лично знакомый со многими членами Временного правительства, он не запечатлел каких-либо персональных оценок развития политической ситуации. Кроме того, следует иметь в виду, что последняя страница заметок помечена 26 апреля 1917 г. Эволюция его отношения к событиям конца 1916 – весны 1917 г. зафиксирована в мемуарах и дневниках его родственников.

Мемуары великой княжны Марии Павловны — цельное, насыщенное фактологическим материалом и авторскими рассуждениями повествование, где фиксируются периоды ее личной жизни в контексте всех крупных событий в России. Информация о времени и месте подготовки мемуаров в издании отсутствует. Судьба мемуаристки неординарна и нетипична для представительниц рода Романовых. В тексте мемуаров хорошо просматривается, что Мария Пав-

ловна — романтична, чувствительна, сострадательна, деятельна, склонна к размышлениям и анализу. Изолированный с детства образ жизни и отдаленность от царствующей четы в силу семейных обстоятельств, опыт жизни в своем недолгом замужестве при шведском дворе, работа в псковском военном госпитале в годы Первой мировой войны, несомненно, наложили отпечаток на ее характер, вкусы, манеры, интересы. Мемуары позволяют предполагать, что она отличалась демократизмом в общении, невзыскательностью в повседневной жизни, отсутствием высокомерия и чванства, тяготилась титулом великой княгини. Ее мемуары дают возможность ознакомиться с морально-психологическим состоянием членов династии после Февральской революции, с проблемами бытового плана, вставшими перед ними и ранее совершенно незнакомыми. По сути дела, судьба Романовых и России поданы в воспоминаниях как величайшая трагедия. Даже при условии литературно-художественной обработки материалов великой княгини, с учетом субъективизма автора, беллетризации излагаемых событий, они уникальны и несут в себе значительный потенциал информации.

Личная переписка нескольких членов семьи Романовых подчеркивает то психологическое напряжение, тот эмоциональный накал, которые сопровождали обсуждение всей проблематики их существования. Этот небольшой блок писем позволяет «погрузиться» во внутрисемейные отношения «ветвей» династии, оценить характер межличностных отношений и масштабы их коррекции в экстремальных условиях. Письма Марии Федоровны не содержат по сравнению с ее дневниками какой-либо принципиально новой информации, но в них в большей степени обнажены драматические интонации в изложении своих переживаний. Письма Николая Михайловича наполнены резкими и негативными суждениями об обстановке в столице и предназначены лично для Марии Федоровны, доверяющей политическому чутью князя и солидарной с ним в оценках поведения властей, поисках выхода из ситуации. Письма князя в совокупности с мемуарами представляют автора человеком противоречивым, не всегда последовательным в суждениях. «Свирепый революционер» — так он себя называл в письмах — испытывает явное смятение чувств, ибо ситуация преподносила такие «сюрпризы», которые никак не стыковались с его некогда умеренно-реформистскими установками.

В целом этот массив мемуарной и эпистолярной информации позволяет наметить внутренние сопоставительные линии, очертить ассоциативные связи, которые делают возможным оттенить персональные авторские интонации. Следует подчеркнуть, что в стрессовой ситуации, сложившейся для семьи Романовых, в суждениях мемуаристов доминируют прямолинейные оценки, что, конечно же, во многом ограничивает диапазон исследовательских поисков скрытой информации. Этот мемуарный блок лишь в незначительной степени «работает» на реконструкцию эпохи, зато дает возможность попытаться сформировать семейно-психологический портрет царской семьи в экстремальной обстановке. Содержание мемуаров несомненно имеет культурно-познавательную направленность, обладает иллюстративной выразительностью, дополняя уже известные по традиционным источникам сюжеты новыми деталями и штрихами. К сожалению, использованные в статье мемуары, кроме дневников Марии Федоровны, изданы без сопровождения научно-справочного аппарата. В литературе уже высказывалось предположение о том, что эта «группа современной историографии Романовых» объединяет издания, выпуск которых ориентировался на коммерческий успех, а

в рамках подобной книжной политики трудно представить себе плодотворное сотрудничество издателей с архивистами и профессиональными историками⁹.

Ситуацию накануне 1917 г. представители дома Романовых однозначно оценивали как тревожную и чреватую потенциальными неприятностями для судеб страны и династии.

Еще летом 1916 г. великий князь Александр Михайлович, как он пишет, возвращался из Петербурга на фронт «с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом», в «страшном раздражении» от пассивности и инертности Николая II¹⁰. Его брат, великий князь Сергей Михайлович, не только разделял подобные чувства, но и был настроен более пессимистично, высказывая предположение о том, что «мы не сможем долго противостоять революции». На их фоне другой брат — великий князь Николай Михайлович «был прямо оптимистом», потому что еще не отказался от своего убеждения в том, что средство преодоления кризиса — в реформах.

Князь Гавриил Константинович осенью 1916 г. отмечал, что «общественное мнение было возбуждено против Государя и Государыни, особенно против Государыни, за ее якобы вмешательство в государственные дела... Государя обвиняли в слабости характера и в том, что он находится всецело под влиянием Государыни». Он сокрушался по поводу масштабов этих толков и пересудов, будучи уверен в том, что представители общественных кругов «роют яму монархии и самим себе, помогая этим революционерам в их работе по свержению монархии»¹¹. Мария Павловна, находясь в Пскове, также свидетельствует о том, что осенью 1916 г. «Слово “революция” произносилось все чаще и все более открыто... Война, казалось, отошла на задний план... Распутин — это звучало рефреном...»¹².

Вряд ли стоит трактовать подобные предположения, как проявление провидческих способностей великих князей или их глубокого политического чутья. Один из крупнейших государственных деятелей Российской империи начала XX в. граф В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях оговаривается следующим образом: «Скажу только одно, что кто бы ни похвалялся, что предвидел все, что произошло, сказал бы явную неправду. Все чувствовали необычайную тревогу, сознавали, что что-то готовится и надвигается на нас, <...> все ждали просто дворцового переворота, устранения влияния в той или иной форме Императрицы, думали, что явится на смену новый порядок управления, но не произойдет ничего рокового...»¹³.

Некоторым исключением на этом фоне выглядит позиция великого князя Николая Михайловича, который был убежден в неизбежности повторения событий, аналогичных 1905 г. В дневнике великого князя Константина Романова за 1905–1906 гг. неоднократно отмечалось, как Николай Михайлович «...меня называет реакционером, все критикует, бранит...», говорит, «что всех нас — императорскую фамилию — скоро погонят прочь и что надо торопиться спасать детей и движимое имущество»¹⁴. А из дневниковой записи Андрея Владимировича от 29 декабря 1916 г. следует, что Николай Михайлович пребывал в пессимистическом настроении, полагая, что события развиваются по катастрофическому сценарию, и для всех Романовых есть «необходимость в грядущих тяжелых событиях забыть семейные распри и быть всем солидарными»¹⁵. Это позволяет предположить, что в его оценках за несколько месяцев произошли существенные коррективы. Письма Николая Михайловича Марии Федоровне наполнены рез-

ко критическими суждениями в адрес Николая и радикально-уничжительными по части поведения его супруги. Осенью 1916 г. в его конфиденциальных посланиях нарастает концентрация негативных персонифицированных оценок ближайшего окружения царя: «шайка, начиная с Аннеты Вырубовой», «темный сброд» во главе с Григорием, «темные личности», «подлые типы», «полубезумец Протопопов», «негодяй Курлов» и т. п.¹⁶ Так оценивает он известную «министерскую чехарду» в правительстве. Центром, в орбите которого обретались все преступные, антироссийские элементы, Николай Михайлович открыто называл императрицу Александру Федоровну и умолял Марию Федоровну употребить все свое материнское влияние на царя, чтобы не только «открыть Ники глаза», но и «пригласить лучшие медицинские светила для врачебной консультации и отправить Ее в удаленный санаторий... для серьезного лечения»¹⁷. Очевидно, что для великого князя, личности с государственным сознанием и патриота, репутация российской политической системы была дороже, чем материнские чувства императрицы. К тому же, он, вне сомнения, был в курсе многолетней неприязни, вплоть до взаимного отторжения, между императрицами. Следует заметить, что в дневниках Марии Федоровны какая-либо реакция на письма Николая (так она его называла) отсутствует. Великий князь делится со своей корреспонденткой впечатлениями от присутствия в ноябре 1916 г. на заседаниях Государственной думы, и это позволяет ему сделать вывод о том, что «события стремительно надвигаются», ибо всеобщая ненависть к правительству сообщает общественным настроениям катастрофические тенденции¹⁸.

Общезвестно, что в конце 1916 г. в царском доме произошел «раскол»: обозначилась великокняжеская оппозиция во главе с вдовствующей императрицей, предъявлявшая претензии императору по поводу статуса Распутина в царской семье и его роли в политике. В. М. Пуришкевич в своем дневнике отмечает факт «возникновения двух враждебных лагерей», бойкот великими князьями царицы, которая платила «им открытым пренебрежением и холодностью»¹⁹.

Довольно пространным и естественным, с учетом принадлежности мемуаристов к царствующему дому, выглядит в воспоминаниях сюжет об убийстве Распутина и реакции на это событие царской семьи. У Гавриила Константиновича есть отметка о ликовании в городе по этому поводу, но «оглядываясь на прошлое», он эту радость называет ошибочной, ибо убийство Распутина «оказалось сигналом к революции»²⁰. Сам же он вместе с Андреем и Кириллом Владимировичами посетил князя Дмитрия Павловича, чтобы заявить ему, «что, не вникая вовсе в вопрос, виновен ли он или нет в убийстве Распутина, мы все стоим за него, и он может вполне на нас рассчитывать»²¹. Облегчение и, одновременно, опасения относительно дальнейшего развития событий испытали и другие члены семьи Романовых. Это «невероятная», «ужасная» история, из-за которой «почва уходит из-под ног» — так комментировала императрица Мария Федоровна случившееся, увязывая его с обстановкой в семье своего сына, который «ни на что не может решиться из-за... той, которая всех ненавидит и мечтает о мести»²². Характерно, что открытой радости она в дневнике не демонстрирует, но, по воспоминаниям Александра Михайловича, вдовствующая императрица благодарила бога за то, что «Распутин убран с дороги», однако, предрекала «теперь еще большие несчастья»²³. Не все члены династии разделяли подобные опасения: один из участников убийства Распутина Ф. Юсупов — зять великого

князя Александра Михайловича, полагал, что этот авантюрист не был «злочастивным недугом», а являлся всего «лишь болезненным наростом, который нужно было удалить, чтобы вернуть русскую монархию к здоровой жизни»²⁴.

Неожиданный ракурс приобрела «распутинская» тема в «Записках» великого князя Николая Михайловича, которой посвящена отдельная глава «Подробности убийства Распутина». С одной стороны, автор не скрывает своего удовлетворения по поводу того, «что этот мерзавец, наконец, не будет вредить», но с другой — он, выслушав откровения Ф. Юсупова о замысле, плане, деталях этой «отвратительной сцены», сравнивает ее «со средневековым итальянским убийством»²⁵. Воспроизводя в мельчайших подробностях «сценарий» расправы с Распутиным, Николай Михайлович выявляет «распределение ролей» среди участников, проявляя особый интерес к «вкладу» своего племянника Дмитрия Павловича. На воображение Николая Михайловича произвела гнетущее впечатление сцена убийства Распутина и поведение главного действующего лица — Ф. Юсупова. Поэтому так занимает его вопрос о морально-психологическом состоянии участников этой акции. Всех их он зачислил в категорию «невропатов». Автор недоумевает по поводу восторгов своих родственников в адрес «заговорщиков», его поражает отсутствие у Ф. Юсупова чувства раскаяния за убийство человека²⁶. Политическую значимость устранения Распутина он оценивает невысоко: «все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, т. к. надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым...». По его мнению, появятся новые замыслы убийств, «логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было». Однако иная интерпретация этого убийства содержится в письме к Марии Федоровне, где обозреваются события 17–24 декабря²⁷. Во-первых, оно квалифицируется как «патриотический поступок», не имеющий аналогов в отечественной истории, «поступок гражданского мужества, высшего патриотизма и свободы». Во-вторых, князь считает его «историческим днем освобождения величайшей страны... от дьявола в образе мужика». В-третьих, он полагает ненужным и лишним доискиваться до ответа на вопрос «как и кто уничтожил Распутина». Каких-либо рассуждений в духе христианской морали, осуждающей убийство, в этом письме нет. Но присутствуют два весьма нелицеприятных психологических портрета родственников. Один из них — великий князь Дмитрий Павлович — «нервный, взбалмошный кутила, родившийся недоношенным и воспитанный сумасшедшей Эллой...», неразлучный со своей гитарой, ищущий развлечения в женщинах, вине и картах, демонстрировал ребячество в рассуждениях «о кризисе внутри страны». Второй — Феликс Юсупов — «более образованный, более тонкий», «но обладающий железным характером», был заиклен на одном: «как уничтожить Распутина», и эта идея стала навязчивой. Завершая эту тему в письме, великий князь предлагал «закрыть» ее, не искать «больше имена храбрецов» и переключиться на вопросы текущей политики. Главным из них он называет реакцию царствующей пары на гибель Распутина, которая приобрела характер репрессий, продолжение министерской чехарды, демонстрируя тем самым вызов общественности. Политическое поведение императрицы князь диагностирует как безумие. И вновь звучит предложение об отправке ее «или в санаторий или в монастырь», поскольку «речь идет о спасении трона», о судьбе Николая. Характерно, что Николай Михайлович, профессиональный историк и опытный политик, не отождествляет в предрево-

люционной ситуации судьбы «трона» и «династии». И только в феврале 1917 г., находясь в ссылке, он придет к выводу о том, что ежедневное влияние Александры Федоровны на Государя «угрожает уже не только династии — оно угрожает самому существованию России...», это «сулит катастрофы нашему дорогому и любимому отечеству». И снова от него последует обращение к Марии Федоровне «посвятить себя... святому долгу» и как глава Царской семьи, как «добрая мать всех русских людей» «не просите, но требуйте самым решительным образом... немедленного удаления Александры Федоровны»²⁸.

Но самой эмоциональной на убийство Распутина была реакция великой княжны Марии Павловны, так как среди «заговорщиков» был ее обожаемый и горячо любимый брат Дмитрий. Весть об этом застигла ее в Пскове, где она работала сестрой милосердия в военном госпитале. Если окружавшие ее люди демонстрировали «истеричную радость», «восхищение героями дня», чувство облегчения, то она испытала целую гамму смешанных чувств: «потерю от горя рассудка», шок, страх за судьбу брата, гордость за него, желание поддержать и оказать посильную помощь²⁹. Она едет в Петроград, встречается с братом, выслушивает его объяснения относительно мотивов участия в убийстве: «...избавить Россию от чудовища, которое ослабляло ее в самой сердцевине», и внутренне соглашается с ним. Мария Павловна, расставаясь с братом, отправленным на Кавказ в ссылку, ощутила приближение катастрофы, «конца, чего-то неизбежного, глобальное значение которого я чувствовала, но не могла постичь»³⁰.

Великий князь Александр Михайлович описывает свою отчаянную и безрезультатную попытку «просветить» императрицу Александру Федоровну относительно тех слухов и легенд, которые фигурировали в империи и призвать ее отказаться от вмешательства в политику, так как «все классы населения России настроены к вашей политике враждебно», а ее изменение «смягчило бы народный гнев»³¹. Следует отметить, что российская публицистика 1917 г. была единодушна в том, что «царица с ее болезненным мистицизмом и своеобразною гордынею маленькой немецкой принцессы, ставшей русской императрицей, сильно действовала на мужа»³². Александр Михайлович, вращавшийся в кругу высокопоставленных военных и придворных, был убежден в существовании заговора, нацеленного на разрушение империи. Он пишет о фантастических слухах, планах дворцового переворота, в ходе которого произойдет отречение Николая II в пользу царевича Алексея, а «верховная власть» перейдет совету из людей, которые «понимают русский народ». С мрачным юмором он отмечает, что «еще не видел такого человека, который понимал бы русский народ»³³. Эти «измышления», по его убеждению, исходили не иначе как из британского посольства. Хождение слухов в российских политических кругах о готовящемся дворцовом перевороте, обсуждение его способа и возможных последствий подтверждают мемуары П. Н. Милюкова, А. И. Деникина, французского дипломата М. Палеолога³⁴.

По убеждению Александра Михайловича, «генералы-изменники» и «предатели», сидевшие в Ставке и окружавшие императора, под давлением лидеров Думы блокировали отправку дееспособных воинских частей с фронта в Петроград³⁵. Зная о ситуации на фронте, он разделял желание военных о «победе в собственной столице», охваченной забастовками, ибо считал измышлениями информацию об отсутствии в городе хлеба и надвигающемся голоде. Источником формирования и распространения этой дезинформации он называл Государ-

ственную думу, которая намеревалась использовать трудности с доставкой хлеба в столицу в качестве «сигнала для революционного выступления». Горестно-негативное отношение к государственным институтам просматривается у Андрея Владимировича, убежденного, что «в Думе лгут, министры лгут, газеты и подавно, — одним словом, все лжет без удержки и совести... Обидно за Родину». Он характеризует ситуацию на 22 января 1917 г. как вакханалию³⁶.

Настоящий шок среди Романовых вызвало отречение от престола сначала Николая II, а потом его младшего брата великого князя Михаила Александровича. Для них складывалась непредсказуемая ситуация.

Манифест об отречении великий князь Александр Михайлович относит к категории «невероятных» событий и делает предположение о том, что «Вероятно, Никки потерял рассудок», так как при встрече «ничто другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного Манифеста»³⁷. Автор мемуаров весьма прочувствованно пишет о своем потрясении поступком кузена, который «отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих», результатом чего неизбежно будет развал армии и гражданская война. Как катастрофу оценивает это событие и великий князь Андрей Владимирович. Известие об отречении Николая II для него подобно удару грома, а отречение Михаила Александровича ошеломило: «Все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдем!»³⁸.

У великого князя Гавриила Константиновича отсутствуют развернутые и эмоциональные характеристики февральских событий 1917 г. Революция ассоциируется у него с «уличными беспорядками», «кошмарными, тревожными, мрачными днями», и это диссонирует с формулой революции, «которую ее творцы назвали “великой и бескровной”»³⁹. Он признает, что никто не мог предвидеть такого поворота событий и всех «трагических последствий переворота с его роковым концом». Известие об отречении Николая II он квалифицирует как «ужасное», от которого «тяжко и больно».

Развитие революции у Марии Павловны выглядит процессом, который представлен такими явлениями как: нарастание слухов о голодных бунтах, беспорядках, перестрелках в Петрограде, восстаниях полков, заметное ослабление дисциплины в действующей армии, потеря связи со Ставкой императора. Весь этот комплекс событий и позволил ей осознать «смысл слова “революция”» и увязать его с российской действительностью: «Революции происходили в истории, о них были написаны книги, о них читали лекции; они представляли собой сложные явления, далекие и научные. А здесь бунт, произошедший неделю назад, оказался настоящей революцией, и тень смерти реально угрожала нам всем, кто принадлежал к правящему классу».

Настоящее потрясение она пережила, узнав об отречении Николая II. Удар молнии или землетрясение, по ее мнению, имели бы на нее меньшее воздействие. Получив официальную информацию об этом, она «оцепенела», так как воспитанная на монархических канонах, «...не могла представить Россию без династии. Это словно тело без головы»⁴⁰.

Отношение к отречению Николая высказал в последней главе своих записок великий князь Николай Михайлович. Название ее симптоматично — «Как все они предали его». В главе отсутствуют какие-либо политические оценки, она свободна от претензий, возмущения, негодования в адрес Николая-императора,

но пропитана горечью и жалостью автора к Николаю-родственнику. Глава содержит внушительный перечень представителей генералитета, высшей администрации и свиты — высокопоставленных «дезертиров», которые, по мнению автора, легко отреклись от своего государя, продемонстрировав трусость, полную безыдейность и цинизм. Для Николая Михайловича это закономерный итог царствования, так как в окружении Николая оказались ничтожные, ограниченные, грязные интриганы, поглощенные карьерными интересами люди. В отличие от своего отца императора Александра III, «после 23 лет царствования Николай II не оставил ни одного друга, ни среди своих родных, ни в высшем обществе, ни в среде приближенных», в чем ему «помогала» Александра Федоровна⁴¹.

Вдовствующая императрица, находившаяся в Киеве, информацию о февральских событиях в Петрограде получала из писем и встреч с родственниками, придворными и чиновниками, и эти свидетельства многократно оцениваются ею как «ужасные», «горестные», которые вызывают «полное отчаяние». Она не владеет реальной информацией, и это для нее непривычно и мучительно. В дневнике звучат различные предположения и версии относительно возможных вариантов развития событий в Петрограде. Главного виновника этой кризисной ситуации она видит в своей невестке, подозревая ее в роспуске Думы и желании «взять власть в свои руки в отсутствие Ники».

Известие об отречении Николая II, по словам Ольги Александровны, «поразило нас, как гром среди ясного неба... Мы все были парализованы. Моя мать (Мария Федоровна. — Т. А.) была вне себя, и я всю ночь провела у нее»⁴². Императрица находилась в состоянии ужаса и задавалась вопросом: «стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар!». Вместе с великим князем Александром Михайловичем она направляется в Могилев, где находилась Ставка, для встречи с сыном и поражается его «неслыханному» спокойствию и величественности в «этом ужасно унижительном положении». В ее чувствах можно найти следы раздвоенности: с одной стороны ее обуревают материнские жалость, сочувствие к страдающему сыну, но, с другой стороны, она отдает себе отчет в том, что за личной драмой ее сына вырисовывается вопрос о судьбе страны. Как человек с политической интуицией и развитым государственным сознанием она боится, «чтобы все это не повлияло на ход войны, иначе все будет потеряно!»⁴³. Расставание с Николаем II ею названо «одним из самых горестных дней» и страшных в жизни. В этой ситуации Мария Федоровна постоянно обращается к богу, прося у него помощи и защиты своего сына. Вернувшись в Киев, она делится своими горестными мыслями в письме Ольге Константиновне. Все происходящее вокруг представляет она в трагическом и фатально-апокалипсическом измерении: в центре этой «картины» — ее сын «настоящий Мученик, склонившийся перед неотвратимым», а вокруг — предательство: «памятник Столыпину снят», «началось брожение в армии», убийство офицеров, «солдаты... не хотят больше сражаться» — и все это в условиях войны! И вывод: «Для России все будет кончено, все будет в прошлом»⁴⁴.

Великий князь Николай Михайлович отнесся к Февральской революции лояльно, считая этот социальный взрыв неизбежным и обусловленным всеми предшествующими событиями. Его заметки не содержат личных впечатлений, наблюдений за ситуацией и прогнозов. Источником, отчасти позволяющим воспроизвести его умонастроения после возвращения в Петроград в середине марта 1917 г., являются мемуары французского посла М. Палеолога. 21 марта дипломат

отмечает, что видел великого князя, бродящего вокруг своего дворца, одетого в гражданский костюм, что делало его похожим на старого чиновника. Послу было известно, что Николай Михайлович демонстрировал оптимистические настроения относительно перспектив Революции, утверждая, что «падение самодержавия обеспечивает спасение и величие России». Он ознакомил М. Палеолога с содержанием своего письма к Николаю после убийства Распутина, за что император 31 декабря 1916 г. отправил его в «ссылку». В записи от 3 апреля посол информирует о встрече с великим князем, который «корчит из себя оптимиста», преисполнен веры во Временное правительство, которое возглавляют «такие серьезные люди и патриоты, как князь Львов, Милюков и Гучков». Судьба России зависит от них: «если они не устоят, это будет скачок в неизвестность». Во время своего прощального визита к великому князю в мае 1917 г. французский дипломат отмечает: «Как далек он от великолепного оптимизма, который он проявлял в начале нового режима! Он не скрывает от меня своей тоски и печали»⁴⁵.

По свидетельству М. Палеолога, великий князь находился во мрачном настроении, делился сомнениями относительно будущего России, их следующей встречи и собственной судьбы, ибо считал себя потенциальным «висельником».

После оформления новой системы власти Мария Павловна приходит к выводу о том, что ее главной проблемой становится борьба за элементарное выживание. Ее травмирует изменившееся к ней отношение людей, которые еще недавно выражали свое уважение, благодарность: «...казалось, я стала врагом..., для моих соотечественников, которым я отдавала все силы». Положение в Пскове стало опасным: ей не рекомендовали появляться на публике, передвигаться свободно по госпиталю, ходить в церковь — она превратилась в «пленницу в собственной больнице». Ее поражают масштабы революционного презрения ко всему старому, «бойкая демагогия» новых властей, предательство Николая II со стороны придворных, духовенства, интеллигенции⁴⁶.

Князь Гавриил Константинович в течение всего 1917 г. находится в Петрограде, вращается в кругу родственников, пребывавших в подавленном состоянии, ожидающих от Временного правительства решения своей судьбы и пытавшихся прогнозировать дальнейшее течение событий. Он занят решением своих личных проблем, связанных с женитьбой и обустройством жизни после ухода в отставку. Характерно, что бумага об увольнении его с военной службы была подписана военным министром А. Гучковым. Общественно-политическую ситуацию он фиксирует немногословно, в самом общем виде: «Революция развивалась и положение в стране становилось все хуже и хуже. Доблестная <...> армия... распадалась», осенью «стало трудно с деньгами, приходилось распродавать вещи»⁴⁷. Особенностью мемуаров князя Гавриила является то, что они структурно включают воспоминания его жены, которая подробно описывала свои «контакты» и «сражения» с представителями новых режимов, сначала пытаясь добиться лично у А. Ф. Керенского разрешения на выезд в Финляндию, а впоследствии, после ареста князей Романовых в 1918 г., приложила все усилия, чтобы вызволить своего мужа из заключения. Самостоятельный интерес представляют довольно драматические эпизоды в ее записках, где информативно, эмоционально и в художественной форме описываются ее встречи с М. С. Урицким и многочисленные переговоры с представителями петроградской ЧК. Она знакомится с М. Горьким, убеждает его обратиться к Ленину с письменной просьбой об освобождении

больного князя, и с этим письмом ее горничная отправляется в Москву. Ответа не последовало, но в конечном итоге М. Горький и М. Андреева помогли Гавриилу Константиновичу вырваться из тюрьмы, приютили на время в своем доме, «выхлопотали» у Зиновьева разрешение на выезд из России, что произойдет в ноябре 1918 г. Участие М. Андреевой в судьбе Г. Романова подтверждают мемуары В. Н. Коковцова, жена которого также просила ее о пропуске в Финляндию, на что получила ответ: «Обождите, сейчас ничего не могу, у меня на руках Гавриил Константинович, которого нужно переправить туда же»⁴⁸.

Перу самого великого князя Гавриила принадлежит последняя глава воспоминаний, в которой им обрисованы условия пребывания в тюрьме, где одновременно содержались еще четверо Романовых, оказавшихся после убийства М. С. Урицкого заложниками и позднее расстрелянными.

Весну 1917 г. великая княгиня Мария Павловна после возвращения из Пскова проводит в Царском селе в семье своего отца, дом которого казался ей «убежищем от окружающего хаоса и неопределенности». Она фиксирует калейдоскоп событий, в которых ей трудно сориентироваться, однако, со всей очевидностью признает, что ситуация обостряется и имеет непредсказуемый характер. Она говорит об изменении их образа жизни, обусловленного изоляцией, разрывом прежних связей и нарастанием материальных лишений: контакты с ними подвергали людей риску, появилась практика тайных визитов. Мария Павловна становится свидетельницей осложнения жизни всех Романовых, ибо все вокруг «менялось с головокружительной быстротой». Постепенно ими все более овладевали апокалиптические предположения относительно своей судьбы. Однако случались и проблески оптимизма: «Несмотря на революцию, несмотря на оскорбления, с которыми мы сталкивались на каждом шагу, мы по-прежнему верили в традиционный идеал — в русскую душу».

Она сознает, что у них были свои идеалы и иллюзии, но приходилось признавать, «что мы все были в известном смысле виноватыми и теперь несли за это ответственность»⁴⁹. С горечью великая княжна фиксирует нарастающий хаос в столице, пьяные оргии солдат в парках, их варварское отношение к скульптуре, насаждениям и т. д. Мария Павловна отмечает такое политическое явление, как борьбу слабейшего Временного правительства и усиливающихся Советов. До нее доходили слухи о подготовке большевиками под руководством В. И. Ленина в начале июля восстания, в ходе которого большевики должны были «приехать в Царское село на броневиках и вырвать у Временного правительства императора и его семью». Мемуаристка пишет, что ее родственники отдавали себе отчет в том, что их «жизни балансируют между капризами и здравым смыслом соперничавших группировок»⁵⁰.

Отправка императорской семьи в Тобольск произвела на всех Романовых тягостное впечатление, никто из них, кроме брата царя Михаила, не был допущен для прощания. Политическая наивность и, одновременно, отчаянная смелость просматриваются в настойчивых попытках Марии Павловны установить контакты с членами Временного правительства, М. И. Терещенко и А. Ф. Керенским, во имя вызволения из-под ареста своего отца, без присутствия которого она не мыслила себе свою предстоящую свадьбу. Бракосочетание великой княгини совпало по времени с выступлением Л. Г. Корнилова, который в ее описании выглядит «великим русским патриотом», последней надеждой. Любопытно, что в семье Марии Павловны были известны планы Корнилова и история «сделки» Керенского

и Корнилова. Хотя «корниловский переворот не ставил своей целью восстановление монархии», окружение Марии Павловны желало ему успеха в борьбе с «презренным» и «одиозным» Керенским, ибо казалось, «что он может спасти Россию от полной анархии и, возможно, даст нам большую степень личной безопасности». Весьма примечательно, что Мария Павловна высказывает ожидания относительно возможного развития политической ситуации, характерные для значительной части столичной интеллигенции. В качестве единственной и «спасительной» альтернативы Временному правительству, потерявшему контроль над ситуацией, она называет большевистский переворот: «...все готовы были приветствовать его», но «никому не приходило в голову, что большевики могут удержать бразды правления больше двух-трех месяцев», так как «их власть вызовет мощную реакцию, а после этого самое худшее, что могло случиться, это диктатура». Большевистское восстание застало великую княгиню в Москве, куда с мужем они поехали выезжать из банка драгоценности. Мария Павловна характеризует впечатления от происходящего на улицах, как «непрерывный кошмар», «непередаваемый ужас и отчаяние», страх, ибо стрельба, буйство солдатской массы, крики и стоны людей, грабежи домов и квартир в центре, вынудили их несколько дней провести в доме, перешедшем на режим «осажденной крепости», и пережить проблемы с возвращением в Петроград. При описании событий поздней осени 1917 г. рефреном звучат в мемуарах мысли о том, что «мы были полностью в их власти», «мы стояли на краю пропасти», мы жили в «ожидании несчастья» и «опасения за судьбу своих близких». На страницах воспоминаний множество зарисовок о поведении слуг, ставших врагами и шантажистами, поведении солдат, громивших винные погреба, обысках и арестах. В обстановке перманентного страха происходит кардинальная перестройка повседневной жизни, идут поиски средств существования вплоть до оплачиваемой работы, так как частные денежные вклады были конфискованы, а продавать драгоценности было опасно. Ее семья влачит полуголодное существование, принципиально меняя рацион питания и осваивая карточную систему, переживает проблемы с топливом. Получив информацию об убийстве царской семьи, в отчаянии от безысходности их положения, летом 1918 г. великая княгиня с мужем предпринимают попытку вырваться из Советской России. С большими приключениями драматического плана им удалось добраться до Бессарабии.

Великий князь Александр Михайлович и Мария Федоровна после прощания с отрекшимся Николаем II вернулись в Киев и стали свидетелями развития революции на Украине. Князь отмечает грандиозные демонстрации, бесконечные митинги, на которых «ораторы обещали мир, преуспевание и свободу», хотя ему, как человеку военному, трудно было понять «как это произойдет, пока была война». Как государственника и монархиста его удручало содержание политических лозунгов, которые сопровождали эту пока еще «бескровную» революцию, так как они включали в себя требования мира, прекращения войны, возвращения с фронта солдат. В развитии революции великий князь выделил этап с конца марта 1917 г., когда началось движение «украинских самостийников», лидеры которого взяли курс на полную независимость Украины, заручившись поддержкой немецкого генерального штаба. Он припомнил, как его родственник, германский император Вильгельм II, поддразнивал своих русских кузенов темой украинского сепаратизма, «но то, что казалось до революции невинной шуткой, в марте 1917 г. приобретало размер подлинной катастрофы». Александр Михайло-

вич пишет, что планы украинских «самостийников» были расценены как «изменнические» Временным правительством, но впоследствии они найдут поддержку у большевистского руководства. Кроме того, мемуарист убежден в существовании политического сотрудничества большевиков и немцев, суть которого в том, что «Странные сообщники — Ленин и Лудендорф — ...готовы пройти часть пути вместе к объединявшей их стремление цели — разрушения России». «Германизация» Украины привела к изменению внутреннего политического климата, что сразу сказалось на положении Романовых в Киеве, в которых стали видеть «врагов революции и русского народа»⁵¹. В этой изменившейся обстановке им пришлось решать вопрос о местопребывании, тем более, что друзья рекомендовали уехать в Крым. Великий князь детально знакомит с переживаниями, сомнениями, страданиями императрицы Марии Федоровны, не свыкшейся еще до конца с мыслью о ликвидации монархии, и неоднократно заявлявшей о намерении быть вместе с семьей Николая. В конце марта 1917 г. киевские власти сочли пребывание «врагов народа так близко от фронта» большой опасностью для революционной России, и Романовы переправляются в свое крымское имение Ай-Тодор. Причем, как отмечает мемуарист, императрицу «пришлось почти что нести» — так она сопротивлялась переезду, предпочитая ему арест или тюрьму.

Оказавшись в Крыму, Романовы были заключены практически под домашний арест, их жизнь была регламентирована и находилась под перекрестным контролем особого комиссара Временного правительства, ялтинского и севастопольского советов, причем «эти революционные власти» пребывали «в постоянной вражде» и соперничестве по поводу организации надзора за неожиданными «пленниками». У великого князя описаны контакты с «охранниками», представлены их образы, язык общения. Романовы ощущали себя узниками, пребывали в состоянии страха и в ожидании новых опасностей. Осенью 1917 г. в обстановке «полного революционного разложения», они «ежедневно ожидали падения Временного правительства», ничего не зная о судьбе своих родственников в Петрограде. С приходом к власти большевиков положение Романовых осложнилось тем, что они оказались в эпицентре соперничества между ялтинским и севастопольским советами, один из которых горел желанием немедленно расправиться с «врагами народа», а другой занял выжидательную позицию в ожидании суда над ними и специальной директивы по этому поводу от Ленина⁵². Несколько месяцев Романовы жили в условиях осажденной крепости, ожидая решения своей судьбы, вынужденные поддерживать на личном уровне контакты со своими «защитниками». Ситуация разрешится парадоксальным образом: не имеющие никакой информации о происходившем на Украине, они будут неожиданно для себя освобождены весной 1918 г. немецкими войсками, которые по условиям Брестского мира оккупируют Крымский полуостров.

История пребывания Романовых в Крыму, в общих чертах представленная Александром Михайловичем, получает принципиально иной разворот в дневнике императрицы Марии Федоровны. Эти источники информации имеют множество точек соприкосновения. Однако Мария Федоровна демонстрирует картину происходящего в детальном и персонифицированном измерении. Ее дневник отражает все перипетии повседневной жизни Романовых и их окружения, насыщенной волнениями, переживаниями и по поводу режима их жизни, и из-за информационной изоляции, и из-за той ситуации все возрастающего хаоса и раз-

ложения, отражение которых они наблюдали в Крыму и непосредственно ощущали в своей повседневной жизни. Дневник вдовствующей императрицы насыщен зарисовками семейно-бытового плана, в контексте которых она — любящая и страдающая мать, отягощенная неизвестностью по поводу судьбы двух сыновей, опекавшая и окружавшая заботой семьи двух дочерей, которые находились рядом с ней. В ее дневниковых записях ощущается своеобразие переживаемого ею времени и соответствующей ему наэлектризованной атмосферы. Автор дневника демонстрирует широкую панораму чувств и эмоций: здесь гнев и ярость в адрес новых властей, тихая радость от рождения внука, умиротворение от пребывания в розарии или на берегу моря. В этой экстремальной обстановке она иногда «заново» узнавала людей, ее старых знакомых, наделяя их в дневнике новыми характеристиками. Для Марии Федоровны даже в трагический 1917 год — судьба монархии, династии и семьи были слиты воедино.

Пребывание в Крыму в качестве «поднадзорной», фактической узницы для нее ассоциировалось с позором и величайшим унижением. Императрица описывает свое моральное состояние после грубых и бесцеремонных обысков и допросов, в ходе которых ей приходилось контактировать с «мерзавцами», «гнусным сбродом», «негодяями», «мерзким сборищем», терпеть «постыдное», «гнусное», «неслыханное обращение» и расставаться с семейными реликвиями в лице дневников, писем от родственников, религиозной литературы⁵³. После подобных эксцессов она чувствовала себя «обесчещенной», «раздавленной», «оскорбленной» и «униженной» «нашими надзирателями». Мария Федоровна регулярно фиксирует ужесточение режима пребывания их в Ай-Тодоре, в процессе которого к концу июля 1917 г. Романовы превратились в «заключенных», а через месяц — «вход и выход запрещены для всех», находящихся в имении. Свое морально-психологическое состояние она оценивала такими категориями, как «беспросветно», «жуткая хандра», «тоска неопишуемая», «вечная пытка» и т.п. Утешение императрица найдет в религии, а также в общении со своими детьми, внуками, родственниками и небольшим кругом сопровождавших ее фрейлин. Душевную разрядку будет представлять для нее ставшая нерегулярной переписка с любимой сестрой, королевой Британии Александрой. Эта связь с ней посредством писем «воскрешала» Марию Федоровну, делала ее «как будто другим человеком». Еще одним адресатом писем была Ольга Константиновна — «мой дорогой», «любимый», «маленький ангел», которую императрица посвящала в тонкости своих страданий, делилась семейными радостями и проблемами, не сдерживая при этом своих эмоций. Очень часто в письмах фигурировал раздирающий ее душу вопрос о природе окружающей их жестокости и людской злобы⁵⁴. Однако переполненная тревогами о судьбе своей семьи, императрица радуется, когда в июне 1917 г. до нее доходят слухи о «хороших известиях с фронта», о «наступлении наших войск»⁵⁵. Но уже в июле отметит «жуткие беспорядки в Петербурге», «жуткие сообщения», «страшные известия с передовой», где солдаты отказываются воевать, сдаются в плен или бегут с фронта. Для ее патриотического сознания это «позор», «бесчестие», стыд перед союзниками. Захват немцами Риги для нее равноценен беде и позору, от чего она пребывает «в полном отчаянии», от «прикорбных вестей с фронта» ей было так стыдно, что «хотелось умереть!».

Политические события в столице в сентябре 1917 г. нашли отражение в дневнике императрицы, и главными «героями» событий стали Керенский и Корнилов.

Причем последний в оценке Марии Федоровны будет жертвой «лжеца» и «негодяя» Керенского, который действовал «по прямой указке германского Генерального штаба». В провозглашенную республику в России ей «невозможно поверить!». В конце октября в кругу Романовых обсуждались слухи о перевороте в Петербурге, в ходе которого «большевики свергли правительство и арестовали его». После подтверждения слухов она мрачно фиксирует, что «все они евреи под вымышленными именами... Ленина германцы перевезли в Россию в plombированном вагоне. Какая подлость, какой блестящий спектакль они разыграли, эти негодяи»⁵⁶. Дальнейшие записи содержат информацию об ухудшении их бытового положения, гневные интерпретации происходящего в столице, что ассоциировалось с ужасом, крахом, катастрофой и неспособностью что-либо понять в этой круговерти событий.

Самым страшным испытанием для себя Мария Федоровна считала отсутствие достоверной информации о тех родственниках, которые остались в Петрограде. Душевные муки терзали ее по поводу полной неизвестности относительно местопребывания и судьбы великого князя Михаила: еще в конце ноября 1918 г. она не имела о нем никаких сведений. Но в эпицентре ее волнений и страданий будет находиться судьба сына Николая и его семьи, о которых разными путями до Крыма будут доходить фантастические слухи, сочетавшие известия о нахождении бывшего императора у союзников или даже в Дании с утверждениями о гибели всего семейства или одного бывшего царя. Она переживет состояние шока от известия об отправке царской семьи в Сибирь и оценит решение «этих негодяев» из Временного правительства как факт «чудовищный, убийственный, ошеломляющий»⁵⁷. Окружными путями будут доходить до Крыма лаконичные письма-записки от дочерей Николая, а первое письмо от сына Мария Федоровна получит в октябре 1917 г. с описанием условий жизни в Тобольске. Вплоть до отъезда из Крыма на британском военном корабле Мария Федоровна будет терзаться гнетом неизвестности относительно судьбы его семьи⁵⁸. Она отрицательно относилась к информации из королевских домов Дании и Англии о гибели Николая, отказываясь в это верить сама и не позволяя своим близким обсуждать это и впадать в пессимизм. Покидая Россию, она была в состоянии предвкушения трагического исхода для этой страны, поскольку в ее глазах прошлое было опорочено, а будущее — безнадежно.

И лишь один представитель романовской династии во время февральских событий выбрал иную формулу поведения. Великий князь Кирилл Владимирович во главе Гвардейского экипажа с красными бантами появился в Таврическом дворце, чтобы выразить поддержку революции и предложить свои услуги. Романовы считали этот шаг своего родственника позорным и, наверное, не случайно, информация о нем в мемуарах отсутствует. Уже 8 марта он уйдет в отставку, а в июле 1917 г. уедет в Финляндию.

Таким образом, в персональном видении представителей бывшего царствующего дома Романовых не просматриваются контуры революционного процесса 1917 года в известном нам стадийно-историческом измерении. Для них поэтапное развитие событий равнозначно регрессу, дальнейшему разложению и всеобщей деградации. Они демонстрируют нам катастрофическое видение ситуации, переживают душевный надлом и находятся во власти одной мысли — о спасении. И вряд ли мы имеем моральное право упрекать их в человеческих слабостях и социальной близорукости, в их неспособности найти логически выверенное и аргументированное объяснение всему случившемуся.

Примечания

- 1 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.
- 2 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
- 3 Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993.
- 4 Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890–1918. М., 2006; Она же. Из воспоминаний // Наше наследие. 1999. № 48.
- 5 Романов Н. М. Записки // Красный архив. 1931. Т. 6 (49); Великий князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX. М., 2000.
- 6 «Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова // Источник. 1998. № 3; Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова // Октябрь. 1998. № 4, 5; Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26); Фронтовые письма великого князя Андрея Владимировича великой княгине Марии Павловне. 1914–1916 // Отечественные архивы. 1999. № 1; Великий князь Андрей Владимирович. Дневники 1915–1917 гг. // Гибель монархии. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX. М., 2000.
- 7 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне / Публ. Д. Исмаил-Заде // Источник. 1998. № 4 (35).
- 8 Кудрина Ю. В. Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны / Публикация // Новая и новейшая история. 1999. № 6.
- 9 Наумов Е. Ю. Коммуникативные образы современной отечественной историографии Романовых // Россия в новое время: Поиск формулы национальной истории. Материалы Российской межвузовской конференции 27–28 апреля 2001 г. РГГУ. М., 2001. С. 119.
- 10 Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 217–218. В оценке личностных качеств императора с великим князем солидарен британский посол в России: «... он родился автократом, будучи по своему характеру столь неподходящим для этой роли... Будучи глубоко верующим человеком и фаталистом, он всегда готов был принять все, что пошлет ему бог». (Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 223). Французский посол дает аналогичную характеристику царя, ссылаясь на суждения великой княгини Марии Павловны: «У него... лишь отрицательная воля. Когда он сомневается в себе, <...> он перестает реагировать». (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 159).
- 11 Великий князь Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 210.
- 12 Романова М. Воспоминания великой княжны. С. 251.
- 13 Ковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 340.
- 14 Романов К. Из дневника // Красный архив. 1931. 1905 г. Т. 1 (44). С. 138; 1906 г. Т. 245). С. 113.
- 15 Великий князь Андрей Владимирович. Дневники 1915–1917 гг. С. 324; Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 190.
- 16 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С. 16.
- 17 Там же. С. 13, 17.
- 18 Там же. С. 14.
- 19 Пуришкевич В. М. Дневник «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 131.
- 20 Великий князь Гавриил Константинович. Указ. соч. С. 217.
- 21 Великий князь Андрей Владимирович. Дневники 1915–1917 гг. С. 319.
- 22 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 166.
- 23 Там же. С. 219.
- 24 Князь Феликс Юсупов. Конец Распутина. Миасс, 1990. С. 8.
- 25 Великий князь Николай Михайлович. Записки. С. 98, 101.
- 26 Там же. С. 102, 104.
- 27 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С. 20–21.
- 28 Там же. С. 23.
- 29 Романова М. Воспоминания великой княжны. С. 252, 256, 266, 273.
- 30 Там же. С. 270.
- 31 Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 223.
- 32 Арбатский Ф. П. Царствование Николая II. М., 1917. С. 29.
- 33 Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 221.
- 34 Милоков П. Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 331; Палеолог М. Указ. соч. С. 192.

- 35 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 244.
36 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 331.
37 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 227.
38 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 334.
39 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 219.
40 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 289, 293.
41 *Великий князь Николай Михайлович*. Записки. С. 105.
42 Цит по: *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 71.
43 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 171, 174.
44 *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 74.
45 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 271, 290, 328.
46 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 298, 299.
47 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 222, 226.
48 *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 394.
49 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 305–307, 309.
50 Там же. С. 316, 319, 330, 332.
51 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 233–235.
52 Там же. С. 241.
53 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 179–181, 189, 191.
54 *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 76–78.
55 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 194–195, 198, 210.
56 Там же. С. 211, 219.
57 Там же. С. 204.
58 Там же. С. 231, 234, 239, 252

Н. А. Стрижкова
Москва

**Особенности взаимоотношений
в среде пролетарских писателей в 1930-е годы
(по материалам дневников Ф. В. Гладкова,
А. Н. Афиногенова, А. К. Гладкова)**

1930-е годы остались в истории как период формирования тоталитарного режима, годы массовых репрессий и социального оптимизма, «великого перелома», нарушившего мирный ход социальной жизни, и успехов первых пятилеток. А наряду с этими масштабными и драматическими событиями происходило становление и развитие советского общества, формировалось новое поколение советских людей.

В последние десятилетия социальная культура советской эпохи и повседневная жизнь общества вызывает особенный интерес у исследователей. Стало очевидным, что умонастроение и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического развития. Свидетельством повышенного внимания к социальной истории является активная публикация эпистолярного наследия советской эпохи, исследование источников личного происхождения: мемуаров, писем, дневников, которые в наибольшей степени отражают детали и колорит повседневности и культуры. Зачастую эти источники принадлежат представителям интеллигенции.

Русская интеллигенция всегда играла важную роль в общественной жизни и культуре, поиск ответов на «вечные» и «проклятые» вопросы в нашей стране был традиционно ее прерогативой. Особенностью русской интеллигенции является еще и то, что она активизируется в кризисные моменты общественного развития, при этом ее деятельность всегда опосредована письменными практиками.

В 1930-е гг. интеллигенция столкнулась с проблемой адаптации к новым историческим условиям, в сфере культуры происходила переориентация системы ценностей, искоренение прежних идеалов и традиций и возникновение новых. Скрылся за поворотом истории блистательный Серебряный век русской культуры, отшумели общества и кружки 1920-х гг., и на смену им пришли союзы, пленумы и съезды. Творческая интеллигенция была втянута в идеологический проект государственной власти, художник оказался заложником эпохи, служителем (зачастую невольным) сильной власти и «великой идеи». В этих обстоятельствах возникает необходимость самоопределения, самоидентификации, определения своего места и роли в государстве и новых общественных отношениях.

В культурном пространстве советской действительности 1930-х гг. особая роль была отведена писателям. Они должны были стать рупорами эпохи, идейными вдохновителями и строителями нового советского общества, «инженерами человеческих душ». Общий литературный цех — Союз советских писателей, дом в Лаврушинском переулке, дачный поселок Переделкино, совместные путешествия по местам «великих социалистических строек» — все это составляло мир советского литератора, щедро подаренный властью в обмен на лояльность, преданность и идеологическую солидарность. «Писательский улей жужжал почти единообразно, как большое и управляемое сообщество»¹. Но это был фасад, видимость, за которой скрывались судьбы конкретных людей, искавших свой путь в новой советской действительности, вынужденных ежедневно вырабатывать свою модель поведения в утративших прозрачность социальных отношениях. Так, советский поэт Владимир Луговской писал: «Утро — это вся разобщенность, чудовищная дифференциация общей схемы жизни. Каждый раз перед тобой вырастает тысяча маленьких вопросов... Каждое утро я как мирный и мыслящий человек облачаюсь на глупую войну с обстоятельствами, одевая свое условное оружие. Я напяливаю носки, башмаки, костюм, я принимаю дозу пищи и отправляюсь в драку»².

М. А. Булгаков представил в своем бессмертном произведении «Мастер и Маргарита» полную драматизма жизнь писателей 1930-х гг. Некоторым из них, как герою романа, пришлось выбирать между тюрьмой, сумасшествием и самоубийством, другие, впрочем, достигли благополучия.

Долгое время в исследованиях принято было делить писателей на советских и несоветских, пострадавших от власти и облаканных ею, на доносчиков и «внутренних эмигрантов». Но формы поведения, стратегия творческой и повседневной жизни, сценарии профессиональной и личной биографии были более многообразны и всегда индивидуальны. «Положение героев тех лет много раз менялось местами, то из гонимых они превращались в гонителей, то, наоборот, — в изгоев»³. В последние годы выходят статьи и монографии, в которых мир советской творческой интеллигенции и в частности литераторов исследуется более детально и глубоко⁴. Все большее внимание уделяется «частным историям с дружбами и разрывами», которые, по верному замечанию литературоведа и исследователя Н. Ю. Громовой, «открывают подлинное лицо той жизни»⁵.

Исследованию внутренней жизни человека, его независимых суждений о времени, о себе и современниках способствуют, прежде всего, источники личного происхождения, среди которых наибольшую ценность представляет дневник. Именно дневник как источник, в котором «взгляды автора отражены в их первоначальной форме без последующих наслоений, и, как правило, с предельной откровенностью»⁶, позволяет изучить скрытые от прямого наблюдения процессы самоидентификации, поиска своего места в новых исторических условиях, мотивы определения позиции по отношению к власти и коллегам. А в условиях советской диктатуры дневник стал одной из немногих возможностей проанализировать и осмыслить происходящее, зафиксировать правдивые картины своей жизни в контексте эпохи.

Дневники писателей советского периода уже давно вызывают большой интерес у исследователей. Сенсацией стала публикация записей Вс. Вишневского, К. И. Чуковского, М. М. Пришвина. Но государственные и семейные архивы хранят многочисленные неопубликованные дневники, исследование которых позволит внести существенные дополнения в общую картину повседневной жизни советского общества, составить более детальное представление о мировоззрении представителей советской культурной элиты и особенностях взаимоотношений в творческой среде.

Настоящая статья основана на хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) дневниках советских литераторов Ф. В. Гладкова, А. Н. Афиногенова, А. К. Гладкова. Эти литераторы являются представителями нового поколения творцов советской литературы, сформировавшихся в революционные годы, стоявших в авангарде строителей новой социалистической культуры, участников I-го Съезда советских писателей в 1934 году.

Федор Васильевич Гладков (1883–1958) принимал участие в революционном движении, участвовал в гражданской войне, являлся членом ВКП(б), был автором романов «Цемент» и «Энергия», сделавших его одним из самых популярных советских писателей.

Александр Николаевич Афиногенов (1904–1941) — драматург, публицист, теоретик драмы. В начале 1930-х гг. Афиногенов — один из руководителей РАПП, за что и пережил впоследствии период жестокой травли, с 1934 г. — член президиума правления Союза писателей СССР, редактор журнала «Театр и драматургия».

Александр Константинович Гладков (1912–1976) — начинающий драматург, киносценарист, впоследствии автор комедии в стихах «Давным-давно», а также пьес «Бессмертный», «Новогодняя ночь», «Ночное небо» и др. Работал в театре В. Э. Мейерхольда.

Их дневники отражают советскую действительность 1930-х гг., культурные процессы, происходящие в этот период в стране, особенности новых взаимоотношений в среде писателей, и, что наиболее важно, — поиск своего личного места и статуса в этой среде.

В исследуемый период литераторы имели различный социальный статус и возраст. Ф. В. Гладков — признанный, уже немолодой советский писатель. А. Н. Афиногенов в 1930–1931 гг. находился на пике своей литературной карьеры, его пьесы шли в Московских театрах, он стоял у руководства пока еще влиятельной организации РАПП, но уже в 1932 г. 28-летний драматург оказался на

границ ареста. А. К. Гладков в 1930-е лишь начинал свою литературную карьеру, будучи еще очень молодым человеком, он только входил в пространство советской литературы, знакомился с миром литераторов. Это различие положения и возраста оказали прямое влияние на содержание дневников, охват событий советской действительности, взгляды и оценки.

Александр Гладков встречает 1930-е гг. оптимистично и восторженно. Дневник 1932 г. назван «Дневником оптимизма», страницы его пестрят названиями просмотренных спектаклей и кинофильмов, новыми прочитанными произведениями, именами советских и иностранных литераторов, среди которых А. Платонов и А. Блок, С. Есенин и Н. Тихонов, В. Шкловский и В. Катаев, В. Хлебников и М. Пруст, Л. Фейхтвангер и Р. Роллан, и др. Молодой драматург ощущал себя в центре стремительно развивающегося многогранного мира советской культуры, он был полон собственными литературными замыслами, характерными для той эпохи: «Надо найти платформу в новой теме. Тема эта: “Я и эпоха”, “Я и страна”, “Я и революция”, “Я и вообще жизнь”»⁷.

При таком позитивном настрое для него совершенно неожиданной и обескураживающей стала новость о самоубийстве В. В. Маяковского, неестественной, казалось бы, в атмосфере торжествующей социалистической действительности: «Вчера прочел о самоубийстве Маяковского. Это все равно, что сказать, что Сельвинский спился или Безыменский написал антисоветскую поэму»⁸.

Тревожных симптомов надвигающейся драмы А. Гладков не чувствует, он не участвует в процессах, которые происходят в писательском мире, ему не приходится пока делить жизнь на личную и общественную и, как Александру Фадееву, «в частной жизни ценить и искренне любить поэзию Пастернака, а на политической арене предавать его анафеме»⁹.

А. Гладков еще не вошел в профессиональную среду советских писателей. Это позволяло ему искренне и открыто восхищаться Б. Л. Пастернаком, ставить его над всей советской литературой, имя Пастернака в дневнике Гладкова сопровождают эпитеты «вечный», «неизменный», «сложный и удивительный», его творчество он считал мерилом совершенства поэзии. Среди прозаиков такое же влияние на Гладкова оказывал М. М. Пришвин. Проза Пришвина характеризовалась им как «истинная подлинность оригинальности таланта... У меня любовь к нему (М. М. Пришвину. — Н. С.) какая-то родственная, кровная, немного религиозная, она яснее и подлиннее всех ежедневных увлечений...»¹⁰. Произведения Пастернака и Пришвина для Гладкова являлись литературой, проявляющей подлинный талант, дающей нравственные ориентиры.

В сознании А. Гладкова сложилось четкое разделение всего литературного пространства на советских литераторов — «рабочий цех» служителей эпохи и идеи, и настоящих творцов, «мастеров». Он с восторгом и безусловным пиететом читает ходившие по Москве произведения М. Цветаевой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Белого, В. Хлебникова:

«По городу ходят волшебные-прекрасные стихи Марины Цветаевой “Мой стан” и “На смерть Волошина”. А недавно в садике у дома Герцена Д. Бродский читал мне и Лаврову стихи Мандельштама на смерть А. Белого. Да, еще есть стихи в этом мире»¹¹.

Советская литература оценивается им на предмет ее созвучия эпохе, А. Гладков спокойно и критически рассуждает о стихах Э. Багрицкого и

И. Сельвинского, произведениях В. Каверина и И. Эренбурга. Наряду с этими рассуждениями о советской литературе Гладков пытается определить свое место и причисляет себя к новому молодому поколению литераторов, впитавших уроки «мэтров», преодолевающих ошибки современников, поэтому процессы, происходящие в литературной среде, он оценивает не с позиции участника, а с позиции наблюдателя.

Совсем иной взгляд на происходящее в литературной среде был у А. Н. Афиногенова и Ф. В. Гладкова. Им было свойственно ощущение зыбкости своего положения в литературе, атмосферы всеобщего заговора, закулисных интриг, предательства и доносов. Ф. В. Гладков пишет в дневнике 1931–1932 гг.: «Замалчивание — особый вид ненависти и трусости... Одиноко, нет ни одного человека, с которым можно было бы дружески сойтись. Тягостное время я переживаю, идет компания замалчивания — значит, ничего не сказать. Идет свирепое, очень последовательное преследование»¹².

Подобные записи находим и в дневнике А. Афиногенова: «Как жить среди таких двурушников, трусов и слабодушных! Зачем ему (Вс. Иванову. — Н. С.) понадобилось быть со мной в хороших отношениях, считать и называть меня своим другом, а потом — ударить в спину»¹³.

В 1930-е гг. А. Афиногенов написал две пьесы под названием «Страх» и «Ложь», в которых советская действительность, пусть и устами отрицательных персонажей, была названа эпохой большого страха и всеобщей лжи.

А. Афиногенов и Ф. Гладков обличают процветающий в советской литературной среде вождизм и кружковщину. Гладков делает нелицеприятные записи о М. Горьком и его окружении: «С Горьким не вижусь. Звонить об аудиенции — не в характере. Великие люди меня стесняют. Мне невыносимо тяжело и противно. В поведении великих людей есть что-то хамское и унижительное. Горький не только не простой, он — невыносимый. Он живет среди челяди жополизов»¹⁴.

И схожая запись у Афиногенова:

«Да, его все балуют и заговаривают с ними первые, а ты стой в стороне и смотри, потому что еще ничего не сделал такого, за что бы тебя следовало баловать. Значит, ходи как неприкаянный и смотри на игру интересов. Смотри, как Ф[един] обхаживает Ш[олохова] — он его спаивает и целует пьяно, но с хитрецой. Смотрит глазами холодными и хитрыми в рот вождю и ждет, когда тот уже скажет что-нибудь такое, на что можно рассмеяться. Тогда Ф[един] начинает смеяться, давит себе на диафрагму и смеется долго, громко до крика, тонким козлиным смехом, а глазами все косит на вождя, доволен ли эффектом»¹⁵.

Дневники Ф. В. Гладкова и А. Н. Афиногенова наполнены зарисовками портретов современников-литераторов, записями о том, как «Леонов изображается, играет в непоследовательность, с Г[орьким] — подхалим»¹⁶, «о Катаеве все гнусные сплетни. Откуда они пошли? Накоряков¹⁷ уже выбросил его имя из плана, все уже спешно страховались», «Ставский¹⁸ уже говорил Иванову: “Не понимаю, кто сказал, что Панферов¹⁹ хороший писатель? Он же просто неграмотный... и вообще, похвалил я Бирюка²⁰, а он — шпион... И ещё трех хвалил, а их тоже забрали, что тут делать”. На собрании писателей-прозаиков Марк Колосов²¹ громил Панферова. Но поделом, поделом тем, кто целью своей критической работы поставил угодливую конъюнктуру — он всегда сорвется, он разоблачит свою внутреннюю пустоту и гниль»²².

Но, осуждая поведение соратников по перу, критикуя всеобщую трусость и неискренность, и Ф. Гладков, и А. Афиногенов играют по тем же правилам, принимают общую стратегию поведения. Ф. Гладков, определяя идейную линию своих произведений, пишет: «Нет одного героя, когда на сцену выступают массы, каждый в этой массе воюет за свое место в жизни. Личное отходит на второй план»²³.

А в обидах и упреках писательской братии прослеживается досада на то, что ему отведена недостаточно важная роль, что он не в авангарде литературного мира. Вслед за критикой М. Горького и атмосферы всеобщего подхалимажа вокруг него, Гладков отмечает:

«Горький подал руку Л[еонову], С[ейфулиной] и Вс. Ив[анову]. А меня как будто не заметил. Вижу, нарочно не заметил (перед этим за неделю я послал ему письмо с просьбой разрешить посвятить ему роман, а он не ответил). Вернулся, сел около Сейфулиной, о которой раньше высказывался презрительно. Прохожу мимо Горького и наклоняюсь над ним, чтобы испытать, действительно ли он не заметил меня или притворяется. “Разрешите пожать Вам руку, Алексей Максимович?” Он мелочен, если есть грязь, надо было вызвать меня и проверить, а тут отворачивается, мразь... Вечер страшный, он может убить человека. И Горький уже не человек, это — идея, живой памятник»²⁴.

А. Афиногенов и Ф. Гладков — литераторы, еще недавно стоявшие в первых рядах советской литературы, переживают и критикуют скорее не общую ситуацию в среде писателей, а свое, по их мнению, незаслуженное отстранение и унижение. Так, Афиногенов пишет в дневнике 1938 г. о себе в третьем лице и своем положении в мире писателей:

«Он (А. Н. Афиногенов. — *Н. С.*) слышал отдельные голоса, выкрики, гневные фразы, ему было ясно, в нем нашли виновника все эти люди, которые сами были тоже виноваты и теперь лихорадочно искали повода, как бы свалить вину с себя... как будто собрали пауков в банку и они сидят в ней, источая из себя злобы бешеной слюны на всех, кто оказался вне их — счастливее, удачнее, лучше. Это — собрание драматургов!.. Как радуются мелкие сердчишки, хоть здесь куснуть, лягнуть... и как душно становится от злобных их улыбочек»²⁵.

В поведении каждого соратника по перу они видят черты и своего собственного поведения — те же страх, подозрительность и неискренность в разговоре. А. Афиногенов фиксирует в дневнике: «Пришел Аксенов, сидел два часа и говорил, что Погодин был в контрразведке, Тальников²⁶ — писал у Деникина, Шпет²⁷ — арестован... Мямлил о Шекспире и его наследии, потом долго прощался и, наконец, ушел, оставив запах чего-то нудного и неинтересного, хотя и весьма образованный человек сам по себе»²⁸.

Подобная запись есть в дневнике М. М. Пришвина: «Был у него (Б. Пильняка. — *Н. С.*), ночевал, выслушал его исповедь: признался в дружбе с генералом от ГПУ, раскаялся в своем поведении и т.п. В конце концов, у меня осталось, будто я был у публичной женщины и не для того, чтобы воспользоваться ей, а только выслушать ее покаяние»²⁹.

Не удивительно, что в такой атмосфере всеобщего недоверия, подозрительности и неискренности, многие литераторы восприняли создание Союза советских писателей и I-й Съезд ССП без энтузиазма, как очередную видимость, а не проявление реального единства писательского мира.

«Мы избалованы вниманием страны, но нам не хватает внимания друг к другу, — пишет в дневнике А. Афиногенов, — просто дружеского внимания ко всему, что наш товарищ рядом с нами делает. Писатель говорит со страной, страна прислушивается к писателю. Это ощущение связи с писателем, неизбежно теряется тогда свежесть восприятия жизни. Как сохранить себя в непрерывном ощущении общения с людьми страны, в общении друг с другом»³⁰.

А Ф. Гладков оценил съезд писателей так: «Подготовка к Съезду писателей. Члены — болтуны. Каждый старается свалить ответственность на других»³¹.

При враждебности своего литературного окружения, каждый литератор искал защиты и справедливости во внешней силе, которой являлась власть в лице самого Вождя. В нем видели защиту и справедливое возмездие. Ф. Гладков пишет: «Если будет совсем невыносимо жить, обращусь, как к последнему оплоту, с некой надеждой на защиту — к Сталину. Горький меня не только [не] поддержит, а доконает»³².

Афиногенов, переживший годы ожесточенной травли, живший долгое время в ожидании ареста после расстрела соратников по РАППу В. Киршона и Л. Авербаха, запишет в дневнике: «И вот — начало нового года! Личная записка от самого Сталина! Я не мог поверить, читал и перечитывал ее. Впервые после многих лет снова его рука пишет мне, и сразу — прилив нового вдохновения, благодарности к нему, нового желания работать и писать, писать, писать!»³³.

Возможно, этим и объясняется равнодушие, а иногда и торжество, с которыми писатели восприняли репрессии середины 1930-х гг. Страх за свою жизнь уживался с представлением об этой охоте за людьми как возмездии. Запись из дневника Афиногенова:

«Я в смятении, почему меня обливали и смешивали с грязью? Тогда я прямо указывал на Ставского. Потом его выбрали в Верховный Совет. А теперь — идут заседания ЦК, где писатели один за другим разоблачают перед секретарями ЦК его истинную природу, и он молчит, он уже не существует в литературе, все понимают, что с ним нельзя ни жить, ни работать вместе. И Погодин идет ещё дальше, он думает, что если Ставского оставят на свободе — это будет для него великой милостью. О большем он пусть и не мечтает. И вот теперь вспоминаются мои строки о нем. Теперь они оправдываются. Ему придется ответить за всех подлецов и шпионов, которых он укрывал брюхом своим и спиной, за все изломанные женские жизни, за всю свою свиную трусость и беспринципность... Он ведь психологически — один из законченных рапповских типов, питомцев авербахо-киршонцев, они его и вытаскивали, и благословляли на работу против кого — уже не помню. Он же их предал, как предавали сами они и все их выдвигавшие»³⁴.

А. К. Гладков, присутствовавший на некоторых заседаниях и показательных процессах, но сохранивший взгляд стороннего наблюдателя, записал в дневнике:

«Днем на продолжающемся в Союзе писателей собрании драматургов. Клубок страстей, но, боюсь, что меньше всего политических. Под прикрытием политформулировок — сведение счетов. Фигура Вс. Вишневского во многом потеряла для меня свое обаяние. Сегодня в “Советском искусстве” его остервенелая статья “Добить троцкистов в искусстве”, — о Киршоне и авербаховцах. В чем-то он может быть и прав, но чувствуются нотки мести и сведения счетов за обиды, накапливающиеся годами... Все это совершенно голословно, но сейчас этого рода

демагогия пахнет кровью. Я всегда предпочитал Вишневого Киршону и его компании, но такой подстрекательский визг мне противен»³⁵.

А. Гладков воспринимал эти события как очищение дороги молодому поколению литераторов, долгожданное наступление справедливости:

«Но соль истории заключается в том, что не они, эти коммунистические Бэббиты³⁶, понесут на своих плечах завтра, а мы, или такие, как мы. Меня не приняли в горьком писателей как творчески себя не проявившего. Нечего говорить, что Фурманский уже больше года член этого заведения. Будущее принадлежит мне, хронически голодному, просяживающему штаны в Ленинской библиотеке, Якову, уныло слушающему [нрзб.] златоустов в Главуче, Москвичевой, раздавленной отчаянием и стыдом своего вынужденного безделья и тем другим, которые так же одиноко, как и мы накапливают свои силы... неизвестные до времени и которые в горьком писателей означают как творчески себя не проявившие»³⁷.

Не без радости пишет о репрессиях в среде литераторов Ф. Гладков, также воспринимая это как возмездие за все свои обиды:

«Потрясающее письмо ЦК о мерзавцах, злодеях, гнусных троцкистско-каменевских-зиновьевских убийцах. Всех их надо, наконец, уничтожить. Этого требует наш пролетарский гуманизм. Именно во имя нашего гуманизма необходимо всех этих сукиных детей истребить, обезвредить надо страну и общество от гадов. Интересно, что вся эта сволочь в своей мелюзге — из наших критиков — подлюка на подлюке»³⁸.

Среди множества сюжетов и тем, изложенных в дневниковых записях, одной из центральных является поиск творческой и профессиональной самоидентификации в советской культуре 1930-х гг., своей роли и статуса в литературной среде.

Мир советской культурной элиты отражен в дневниках литераторов красочно, но одновременно негативно. Окружение, состоявшее из коллег и соратников по перу, представлено в дневниках как источник тоталитаризма, морального и психологического террора, лжи, лицемерия, подавления личной и творческой свободы. Приближенный к власти писательский мир был полон внутренней борьбы за благополучие, должный статус и славу. В 1930 г. А. Гладков, только начинавший свою литературную карьеру, записал в дневнике: «я хочу быть равным среди замечательных людей нашего времени... Я хочу, чтобы при жизни я стоял наравне с лучшими людьми»³⁹, а уже в 1934 г. в его дневнике появляется запись иного настроения: «Уехать бы куда-нибудь на Дальний Восток, жить без претензий, записывать впечатления и писать только в блокноты»⁴⁰. Признанный, с благополучной писательской карьерой, Ф. В. Гладков, член президиума I-го Съезда ССП, будущий дважды лауреат Сталинской премии, гневно заносит в дневник 1935 г. следующую запись: «затравили вконец... Они выбросили меня за пределы литературы... Как все это надоело и как скучно жить в литературном мире. Хочется уйти от жизни...»⁴¹. Переживший годы жестокой травли А. Н. Афиногенов пишет: «Уехать бы куда-нибудь и писать в одиночестве. Но как далек я сейчас от мыслей о славе, наградах, почестях и о больших театрах. Мне бы пойти в маленький, молодой, живой театр и видеть там глаза, полные интереса к происходящему в искусстве, не знать никого из “заслуженных” и работать до потери сил над тем, что кажется интересным и настоящим»⁴².

Но, помимо этих наполненных усталостью, отчаянием и обидой строк, есть в дневниках записи о желании работать, писать, быть нужным стране и народу, участвовать в общем течении жизни. Это заставляло скрывать свои мысли

и оценки, вырабатывать двойное сознание, разнообразные модели поведения, и порождало недоверие друг к другу, подозрительность. В такой атмосфере репрессивная политика власти воспринималась как заслуженная кара, справедливое возмездие для одних и духовное очищение для других. Так А. Н. Афиногенов записал в дневнике 1939 г.:

«Мы уже очень далеко уплыли друг от друга, но еще видны концы мачт, и при встрече мы трубим, приветствуя, но как понятны стали люди после двух лет испытаний. И как нужен теперь внутренний перелом, подъем, осязательный для самого взлет творческого духа, способного создать что либо истинно новое, подлинное... Первым испытанием на этом пути, которое я с честью выдержал — было отношение к наградам писателей. В эти дни писателей наградили орденами. Сто семьдесят орденов. Среди них моих друзей, люди, которым орден облегчит жизнь сразу: Кассиль, Инбер, Сейфулина... Много, говорят, было обид и вопросов. Почему не дали Пастернаку? Не дали Олеше, Бабелю, Свирослому, Финну, Светлову, Голодному и т.п. Почему, почему, почему? И обо мне поминали — почему мне ничего не дали. Сам же я себя спрашивал, что же чувствую я? Я не только не завидовал награжденным, я радовался тому, что мне не дали ничего. Это позволило мне впервые после восстановления моего — проверить себя как следует и спросить — что же ты такое вынес из всего прожитого за эти два года, и какой ты теперь стал. Ведь три года назад — я бы бегал и падал в истерику, и клял несправедливость, и письма писал, и добивался бы исправления ошибки. Подлинный путь есть проникновение в то, что составляет искусство»⁴³.

И Ф. Гладков, и А. Афиногенов, и А. Гладков пережили 1930-е годы, не разделив участи многих своих современников-литераторов, расстрелянных или отправленных в лагеря, они составили ряды советской литературной элиты. Чем было наполнено для них это десятилетие, в полной мере отражают дневники, сохранившие на своих страницах все тревоги, переживания, надежды и разочарования, творческие замыслы, подробности частной и общественной жизни автора.

Их дальнейшие судьбы сложились по-разному. А. Афиногенов погиб в 1941 г. во время налета фашистской авиации на Москву. Ф. Гладков благополучно пережил войну, написал ряд новых романов и получил в начале 1950-х гг. две Сталинские премии. А. Гладков в 1941 г. создал свою знаменитую пьесу «Давным давно», в 1948 г. был отправлен в лагеря «за хранение антисоветской литературы», вышел на свободу в 1954 г. Оставил воспоминания о В. Э. Мейерхольде, Б. Л. Пастернаке, Ю. К. Олеше.

Примечания

- 1 Громова Н. Ю. Узел. Поэты: дружба и разрывы. М., 2006. С. 8.
- 2 Цит. по: Громова Н. Ю. Указ. соч. С. 431.
- 3 Там же. С. 6.
- 4 Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей 1930–1950-е гг. М., 2005; Громова Н. Ю. Все в чужое глядят окно. М., 2002; Янковская Г. А. Сценарии профессиональной идентичности советских художников в годы сталинизма // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2007. С. 375–386; и др.
- 5 Громова Н. Ю. Узел... С. 8.
- 6 Голубцова В. С. Мемуары как исторический источник по истории советского общества. М., 1970. С. 65.
- 7 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 71. Л. 51.

- 8 Там же. Л. 48.
- 9 Громова Н. Ю. Узел... С. 162.
- 10 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 74. Л. 40 об.
- 11 Там же. Д. 75. Л. 28.
- 12 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 5, 9.
- 13 Афиногенов А. Дневник 1937 г. // Современная драматургия. 1993. № 3. С. 218.
- 14 РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 6.
- 15 Там же. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 6.
- 16 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 10.
- 17 Накоряков Николай Никандрович (1881–1970), член Союза писателей СССР. С 1922 г. работал в Госиздате. Один из организаторов издательства «Советская энциклопедия».
- 18 Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943), писатель, автор повестей, рассказов, очерков о коллективизации. Активный деятель РАПП, в 1928–1933 гг. секретарь РАПП. С 1933 г. один из секретарей Союза писателей, с 1936 по 1941 г. ответственный секретарь правления Союза писателей. Одновременно в 1937–1943 гг. главный редактор «Нового мира». Погиб на фронте.
- 19 Панферов Федор Иванович (1896–1960), писатель, автор романа «Бруски» (1928–1937), посвященного коллективизации. В 1931–1960 гг. главный редактор журнала «Октябрь», дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1949).
- 20 Петров-Бирюк (Петров) Дмитрий Ильич (1900–1977), писатель, автор трилогии «Сказание о казаках» (1935–1951), исторических романов и произведений о гражданской войне.
- 21 Колосов Марк Борисович (1904–1989), прозаик, драматург, автор рассказов и очерков о рабочей молодежи.
- 22 РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 33, 42.
- 23 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 9.
- 24 Там же. Л. 13.
- 25 Там же. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 45, 188.
- 26 Тальников (Шпитальников) Давид Лазаревич (1882–1961), литературный критик и театровед.
- 27 Шпет Густав Густавович (1879–1937), философ, в 1923–1929 гг. вице-президент Государственной академии художественных наук. Репрессирован; посмертно реабилитирован.
- 28 РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 8.
- 29 Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. СПб., 2006. С. 10.
- 30 РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 56.
- 31 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 16.
- 32 Там же. Л. 10.
- 33 Там же. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 183.
- 34 Там же. Л. 158.
- 35 Там же. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 78. Л. 71.
- 36 Имеется в виду главный герой одноименного романа Синклера Льюиса (1922).
- 37 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 74. Л. 4 об.
- 38 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11. Л. 42.
- 39 Там же. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 71. Л. 78 об.
- 40 Там же. Д. 74. Л. 11.
- 41 Там же. Ф. 1052. Оп. 7. Д. 11.
- 42 Там же. Ф. 2172. Оп. 3. Д. 3. Л. 185.
- 43 Там же. Л. 188, 195.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

С. Г. Петров
Великие Луки

Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и местная пресса после выборов в I Государственную Думу (май — август 1906 г.)

В начале XX в. Псковщина представляла собой типично аграрный регион, где 92 % жителей (1 043 000 человек) проживали в сельской местности¹, а доля промышленности в экономике была ничтожно мала (всего предприятий к началу 1900-х гг. было зарегистрировано 118, где трудилось 5 575 человек, исключая рабочих железнодорожных станций)².

Правительство и местные власти до 1905 г. считали губернию спокойной, не подверженной революционному брожению³. Первая русская революция 1905–1907 гг. «подняла градус» общественно-политической жизни края: начались аграрные выступления, возникли местные организации «Союза 17 октября», конституционно-демократической партии, эсеров и Всероссийского крестьянского союза, появилась легальная оппозиционная пресса⁴.

На выборах в I Государственную думу на Псковщине победили граф П. А. Гейден — «левый октябрист» и трое крестьян: К. И. Игнатьев и Т. И. Трофимов — правые, а Ф. М. Максимов — трудовик⁵.

Междумье — период от начала работы I Государственной думы до начала выборов во вторую — на наш взгляд, поможет лучше представить специфику общественно-политической жизни Псковской губернии перед началом новой избирательной кампании. Давайте посмотрим, как откликнулись — через свои издания — на открытие I Думы общественные силы губернии.

Публикации «Псковских епархиальных ведомостей» стали заметно благонамереннее, выдержанными в соответствии с официальным курсом. Например, в день открытия Государственной Думы в речи ректора Псковской духовной семинарии отца Николая говорится: «...Государь Император, как отец, теперь входит в непосредственное общение с народом через его представителей». И далее: «нужно просить у Господа Бога помощи и благословения к объединению деятельности народных представителей, чтобы они преследовали не интересы своих партий, а благо народа, чтобы успокоили отечество наше, внесли бы в него мир и благоденствие»⁶.

В статье «Ближайшие задачи» (без подписи) отмечается: «Жизнь кипит ключом. В ее котле вываривается новый государственно-социальный строй России», духовенство участвовало в выборах Государственной Думы, чтобы помочь проведению реформ (в которых должно найти сочетание духовного и земного). А в самой Думе церковь сражается и против социалистов, и против правых — и работает на дело обновления страны»⁷.

Октябристская «Псковская газета» утверждала: «Уважение к прерогативам Монарха и осуществление тех прав Думы, которые заключаются не в писанных законах, а вытекают из самого существа идеи народного представительства, —

это те главные заповеди, которыми и должна руководиться серьезная деловая Дума»⁸.

Кадетский «Псковский голос», помещая приветственную телеграмму Великолукской городской думы (28 апреля 1906 г.) на имя председателя I Государственной Думы, фактически солидаризовался с ее содержанием: «Великолукская городская Дума шлет приветствие избранникам русского народа и выражает уверенность, что Государственная Дума, в лице лучших людей земли, водворит свободу и законность в нашей родине, безмерно пострадавшей от многовекового произвола.

Да благословит Бог работу народных представителей и да будут они уверены, что к их голосу чутко прислушивается русский народ, готовый беззаветно поддерживать их в тяжелой борьбе за свободу и счастье дорогой родины»⁹.

Скептически высказалась в отношении Думы социал-демократическая «Пчела» в своем первом номере (статья «Накануне Думы»):

«Завтра собирается Государственная Дума. Выборы в эту Думу происходили при такой обстановке, при какой не происходили почти нигде в иностранных государствах. Почти вся Россия была объявлена на исключительном положении, целые губернии подвергались опустошительным набегам казачьих и солдатских отрядов: повсюду царило безграничное своеволие полицейских чиновников, газеты закрывались, собрания разгонялись, выборщики арестовывались и ссылались. Самое участие в выборах, казалось многим делом опасным. Но выборы все-таки шли, и число участников в них достигало значительной величины. Это обстоятельство ясно показывает, что в широких народных массах живет глубокая вера в Думу, что эти массы ждут от Думы облегчения своего бедственного положения; крестьяне ждут земли, рабочие ждут 8-ми часового рабочего дня; и те, и другие ждут политической свободы. Посмотрим же, насколько собирающаяся Дума может оправдать возложенные на нее надежды?».

Задавая вопрос, направленный в будущее, «Пчела» сама тут же дает ответ: едва ли, ибо налицо бесправие избранной Думы, которая не может принять ни одного настоящего закона.

«Чтобы не быть в таком беспомощном положении, чтобы стать действительной защитницей народных нужд, Дума должна избираться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, должна иметь право самостоятельно решать все без исключения законы и требовать отчета и повиновения от всех властей в государстве. И такая Дума неизбежно должна стать на место нынешней, и она только сможет обеспечить мирное и успешное развитие России»¹⁰.

Псковская деревня встретила начало работы I Думы принятием приговоров депутатам. Так, крестьяне Сидоровской волости Псковского уезда и Гусаковской волости Островского уезда в своем наказе депутатам Думы требуют земли¹¹. Об этом же говорится в приговоре крестьян Качановской волости Островского уезда в Трудовую группу I Государственной думы. Приводим текст данного приговора: «Мы, крестьяне Качановской волости, Островского уезда, Псковской губернии, собравшись в количестве 130 человек и обсудив тяжелое наше положение, решили, что все зло происходит от нашей темноты и бесправного положения и малоземелья, что безвластная Государственная Дума, к тому же состоящая на половину из наших врагов — помещиков и капиталистов, мало может помочь в нашей борьбе за землю и волю. Только Трудовая группа является в Думе истинной

выразительницей нужд народа и только она идет по правильному пути в борьбе за народное освобождение. Поэтому мы выражаем нашу благодарность Трудовой группе и просим ее и впредь также бороться неотступно за отчуждение всех кабинетских, казенных, удельных, церковных и монастырских земель, а также принудительное отчуждение всех частновладельческих земель без выкупа для передачи их крестьянским комитетам в полное их распоряжение. Просим также Трудовую группу добиваться необходимых нам свобод. Мы, со своей стороны, готовы всеми мерами поддержать Трудовую группу по первому ее заявлению. Осуществить все перечисленные требования может только полномочное Учредительное Собрание. 130 подписей»¹².

Впрочем, крестьяне принимали и приговоры против консервативных речей псковских депутатов в Думе (графа П. А. Гейдена), как сделали на своем сходе жители Логазовской волости Псковского уезда¹³.

Разворачивалась порой и критика псковских депутатов-крестьян по совсем другому поводу: почему они приняли подачку властей и живут в «ерогинском общежитии»¹⁴. В той же «Пчеле» было напечатано «Письмо к псковским депутатам», смысл которого: «Ваш народ изголодался! Дайте ему земли и хлеба!»¹⁵.

И по-прежнему продолжалась межпартийная борьба. Октябристская «Псковская газета» критиковала левых и особенно кадетов, выдвигая в качестве примера настоящего и ответственного политика графа П. А. Гейдена¹⁶. А председатель Псковской губернской земской управы С. И. Зубчанинов (октябрист) попытался устроить «чистку» среди земских служащих — сторонников кадетской партии (редактор «Псковского голоса» Д. Д. Поддубский был уволен из статистического отделения губернского земства)¹⁷.

Вела критику кадетов и социал-демократическая «Пчела». Так, в статье «О кадетях» (10 мая 1906 г.) газета негодовала: «И теперь кадеты пишут, просят, ходят... И это в то время, когда другие умирают», при этом делался вывод: «Надеясь на самих себя»¹⁸.

А 31 мая 1906 г. «Пчела» писала о программе кадетов:

«Свою программу и тактику они поневоле всегда приспособливают к уже достигнутой ступени требований народа; чтобы не остаться за флагом, им приходится, вприпрыжку и упираясь, бежать за быстро движущейся колесницей российской революции. Это они кричали несколько месяцев назад против всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, против равноправия женщин, против идеи Учредительного собрания, выставленных социал-демократией. Но это они же после октябрьских дней, после всероссийских расстрелов пролетариата и крестьянства, после заполнения всех участков и тюрем России пролетариатом и крестьянством и революционной интеллигенцией, после закрытия всех социал-демократических газет очутились на избирательных платформах, восприняв многие из лозунгов революции, клянясь осуществить “народную свободу”. Карлики надели доспехи великанов. Милюковы, Ковалевские и Родичевы спешно скроили и сшили свою конституционно-демократическую программу. Расстреливаемый пролетариат отказался идти к избирательным урнам. В депутаты проходили все, кто клялся хотя бы обрывками социал-демократических лозунгов. Это были кадеты»¹⁹.

Между прочим, проснувшиеся и осознанные интересы крестьян требовали коллективного обсуждения дел и планомерного организованного действия. Поэ-

тому крестьяне предпринимали попытки устройства сходок-собраний, где можно было сообща принять необходимые решения. Со своей стороны правительство, желая в корне подавить нарождающееся движение, всеми силами старалось не допускать подобных общественных мероприятий.

Студент Михаил Волотовский подал на имя псковского исправника заявление: «В воскресенье, 25 сего июня, в 5 часов вечера близ ст. Черской С.-Петербургско-Варшавской ж.д., у мельницы, назначается собрание крестьян окрестных деревень с участием члена Государственной Думы. Предметы, подлежащие обсуждению собрания, следующие:

- 1) Деятельность Государственной Думы со дня ее открытия до 25 июня.
- 2) Деятельность Государственной Думы в ближайшем будущем».

На заявление это псковским губернатором было объявлено воспреещение собрания, а полицмейстеру дано поручение — немедленно выехать на ст. Черскую для недопущения собрания, с извещением, что в его распоряжении с поездом прибудет рота солдат (24 июня 1906 г., № 1268)²⁰.

Впрочем, такие сходки («маевки») проходили нелегально, без разрешения властей. Подобную «маевку» провели «молодые народники» в лесу около Пскова²¹.

Однако в обстановке политической нестабильности в среде политиков умеренного толка родилась идея о возможности и необходимости встреч и консультаций всех политических сил Псковщины. По инициативе губернского предводителя дворянства В. В. Философова, в Пскове возник внепартийный политический клуб. В основном в его состав вошли октябристы и их сторонники: В. В. Философов, Н. А. Томилин, С. И. Зубчанинов, А. Н. Брянчанинов, отколовшийся от кадетов Л. Б. Крейтер. Но были там представители и других партий: от кадетов — В. А. Садовень, от социал-демократов — А. А. Фотиев, от Крестьянского Союза — А. А. Николаев, от правых — М. М. Карамышев²², что, разумеется, никак не ослабило остроту взаимной межпартийной критики²³.

И, конечно, политические силы губернии ощущали «момент истины» — ожидаемый роспуск Думы. Даже октябристская «Псковская газета» писала: «Государственная Дума в опасности. Ее собираются распустишь. Ее желают разогнать <...>. Это принесет Отечеству много, много горя»²⁴.

Как же отреагировали печатные органы различных партий на роспуск первого российского парламента? Пожалуй, только консервативный «Псковский городской листок» откликнулся на это событие с радостью: «Все истинные патриоты... осознали малоплодие государственной устроительной работы Думы»²⁵. Остальные же, в той или иной степени, были настроены критически.

Даже «Псковские епархиальные ведомости» признали: «Государственная Дума закрыта. Начатое ею, с благословения Божия, великое дело переустройства России приостановилось»²⁶. И тут же следовало горькое признание:

«Скоро надеждам народа суждено было осуществиться: подданные были приглашены Государем разделить с ним бремя управления государством. Тогда и духовенство решило принять участие в общественно-политической жизни страны.

Но первые шаги его в этом направлении были неудачны. Когда в стране началась предвыборная агитация и разные партии занялись междоусобицей, духовные руководители народа оказались (за немногими исключениями) не на высоте своего положения: они не обнаружили желания помочь своим пасомым (из простого народа) разобраться в созданном Манифесте 17-го октября новом

положении вещей, и сами в большинстве впали в односторонне консервативную партийность. Многие пастыри, вместо сочувствия открывавшемуся для России мирному пути к прогрессу через введение конституции, неразумно громили (некоторые даже с церковной кафедры) все освободительное движение, не различая в нем случайных крайностей и единичных увлечений и окрещивая всех прогрессистов мысли “социалистами” и “революционерами”. Следствием такого неразборчивого отношения к переживаемому родиною историческому моменту было то, что все сознательные пасомые отвернулись от своих пастырей и, считая их не на стороне народа, выбирали в представительное учреждение людей или из своей среды, или из светской интеллигенции. <...>

Теперь же приходится признаться, что духовные лица потеряли в глазах народа авторитет жизненных руководителей и защитников прав народа: паства не делится с ними своими задушевыми интересами и не обращается за разрешением всяких недоумений, как это имело место раньше. <...>

Что же будет дальше? Ужели духовенство с легким сердцем передаст по праву принадлежащую ему руководственную роль над народом иным вождям, пришедшим со стороны, и само останется лишь в качестве чиновников-требоисправителей, благо — правительство пока платит ему жалование, и даже выдает пенсии? Но что если в одно прекрасное время русские храмы могут оказаться пустыми и в церковной ограде будут иметь место лишь представители клира? Да, это может случиться... И от характера деятельности пастырей будет зависеть: останутся ли пасомые под влиянием христианства и Церкви или успех будет за социализмом»²⁷.

Кадетский «Псковский голос» оценил роспуск Думы так: «Развившееся сознание народа репрессиями не остановить»²⁸.

Радикальнее всех выступила социал-демократическая «Пчела». На своих страницах она обратилась фактически с воззванием к народу: «Русские граждане! Со вчерашнего дня Государственной Думы не стало и вам остается одно — забрать дело своего спасения в свои собственные руки»²⁹.

А 30 июля 1906 г. «Пчела» поместила статью «О Думе», в которой содержался призыв к всероссийской забастовке с целью созыва всенародного учредительного собрания. В публикации же «Крестьяне и правительство» крестьянским и рабочим советам прямо предлагалось объединиться, чтобы провести всеобщую забастовку. Газета подчеркивала: «Товарищи солдаты... судьба Родины в ваших руках»³⁰. После таких материалов издание закрыли, а «Псковский голос» отметил, что «выпуск 13-го номера “Пчелы” вызвал большое смятение у местной администрации»³¹.

В создавшейся ситуации местные правительственные издания начали разговор о «пене» политической борьбы — нарушениях правопорядка, разгуле преступности. Так, в статье «Надвигающаяся опасность» («Псковские епархиальные ведомости») анонимный автор сетует: «Отовсюду несутся вести о грабежах, убийствах, поджогах, и других диких проявлениях человеческой злобы и ненависти. <...>. Различные политические партии, стремясь вовлечь крестьянскую массу в политическую борьбу, много сделали для ее пробуждения от долговечного сна, но они же зажгли в деревне социальный пожар. Программы и обещания крайних левых партий бьют в одну точку — во что бы то ни стало вызвать неудовлетворенность своим положением, разжечь зависть к людям...».

И резюмирует, что: «Нельзя падение народной религиозности допускать до опасных моментов...»³².

А «Псковский городской листок» сообщал об убийстве помощника великолукского городского пристава Благовещенского и о покушении на пристава Кузьмина³³ (кстати, ученик Великолукского реального училища Г. Огуз, который 19 октября 1905 г. на демонстрации стрелял в местного исправника Попова, был приговорен к одному году тюрьмы. Сенат в апреле 1906 г. подтвердил приговор)³⁴. Там же были помещены сведения о том, что крестьяне села Преображенского Мелеховской волости (Псковский уезд) подожгли помещичий сарай с сеном и скотный двор³⁵, а в деревне Курова Гора Максимовской волости (Великолукский уезд) произошло столкновение крестьян с полицией 23 октября 1906 г. из-за отказа платить подати. В результате столкновения один крестьянин был убит, а трое ранены³⁶.

Призыв псковских кадетов 18 июля 1906 г., думается, был услышан частью населения, но не партиями: «...Теперь не место партийным раздорам, когда освободительному движению, хотя бы и временно, угрожает опасность <...>. Теперь необходимо для полной победы над самодержавной бюрократией бороться только с последней.

Центром настоящей борьбы должно быть: воля и земля народу. <...>. Всеобщего, прямого, тайного и равного голосования на выборах в Государственную Думу. Ответственности министров перед народным представительством.

Принудительного отчуждения частновладельческих земель»³⁷.

Местные партийные организации, как, впрочем, и сами кадеты, начинали «смотреть сил» перед очередными грядущими выборами.

23 августа 1906 г. «Псковский городской листок» помещает «Воззвание Союза 17 октября», в котором указывается населению «путь мирной борьбы, законными средствами за торжество свободы и разумного порядка»³⁸ и в других номерах пропагандирует идеи октябристов³⁹. А вот у «Псковской газеты» произошла «смена всех»: она начинает пропагандировать идеи «партии мирного обновления»⁴⁰ и ее лидера — графа П. А. Гейдена. Здесь был помещен адрес граждан Опочки и Опочецкого уезда последнему. В частности в нем говорилось: «Вы (граф П. А. Гейден. — *С. П.*) явились истинным нашим представителем и в полной мере оправдали наши ожидания»⁴¹.

Снова губернский центр и уездные города начали активно снабжаться экземплярами центральных партийных газет: кадетов — «Речи» и «Реформы», черносотенцев — «России» («Псковский голос» сетовал, что член общества «Царь и свободы» А. И. Чернов наводнил последней Псков)⁴².

Снова кадеты пикируются с октябристами: «И мы смело можем сказать, что бюрократия также залила бы кровью русскую землю, если бы ее единственным выступившим активно врагом явилась та партия, во главе которой стоит, по существу своему, консерватор граф Гейден. Уже и теперь появились вестники сознательного отношения нашего крестьянства к бюрократии — отказы от участия в землеустроительных комиссиях. Мы можем с удовольствием отметить, что и наша Псковская губерния не отстает в этом отношении от других»⁴³. В Печорской волости 22 июля 1906 г. крестьянский сход высказался против землеустроительной комиссии и начинавшейся столыпинской реформы⁴⁴. Наступала пора предвыборной кампании во II Государственную думу.

Выборщики Псковского губернского избирательного собрания, которые определяли кого послать во II Государственную думу, значительно полевели. Депутатами стали лица, являющиеся членами или сочувствующие партии кадетов: Н. Н. Рокотов — председатель Новоржевской уездной земской управы и трое крестьян: Е. Г. Герасимов, В. Г. Федоров (Федулов), П. Н. Никитин⁴⁵.

Примечания

- 1 Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 год. Псков, 1905. С. 1.
- 2 Статистический обзор Псковской губернии за 1906 год. Псков, 1907. С. 23–24.
- 3 Псковский край в истории России. / 2-е изд., испр. и доп. Псков, 2000. С. 146.
- 4 *Петров С. Г.* Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и выборы в I Государственную думу. Автореферат канд. дис. СПб., 2005. С. 18–19.
- 5 *Петров С. Г.* Выборы депутатов в I Государственную Думу в Псковской губернии. СПб., 2005. С. 9.
- 6 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 10. (неофициальная часть). 16–31 мая. С. 246, 248.
- 7 Там же. 1906. № 11. 1–15 июня. С. 266.
- 8 Псковская газета. 1906. 29 апреля. С. 1.
- 9 Псковский голос. 1906. 30 апреля. С. 1.
- 10 Пчела. 1906. 26 апреля. С. 1.
- 11 Там же. 31 мая. С. 2; *Ольгович. [Волькенштейн О. А.]* Что сказала деревня I Государственной Думе. СПб., 1906. С. 9–10.
- 12 Крестьянский депутат. 1906. 30 июня. С. 3.
- 13 *Брамсон Л. М.* К истории трудовой партии. Трудовая группа I Государственной Думы. 2-е изд. Пг., 1917. С. 71.
- 14 Пчела. 1906. 8 июня. С. 2.
- 15 Там же. 24 мая. С. 1.
- 16 Псковская газета. 1906. 2 апреля; 8 апреля; 12 апреля; 15 апреля (особенно статья «Наши левые противники», на стр. 2).
- 17 Псковский голос. 1906. 4 июля. С. 1.
- 18 Пчела. 1906. 10 мая. С. 2.
- 19 Там же. 31 мая. С. 2.
- 20 Известия Псковского губкома РКП. 1925. № 10. С. 37.
- 21 Псковский голос. 1906. 11 мая. С. 1.
- 22 Псковская газета. 1906. 10 мая. С. 4; Псковский голос. 1906. 14 мая. С. 3.
- 23 См. например: Псковская газета. 1906. 13 мая.
- 24 Псковская газета. 1906. 7 июня. С. 1.
- 25 Псковский городской листок. 1906. 16 июля. С. 1.
- 26 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 13–14. 1–31 июля. С. 315.
- 27 Там же. С. 317–319.
- 28 Псковский голос. 1906. 11 июля. С. 1.
- 29 Пчела. 1906. № 12.
- 30 Там же. 30 июля. С. 1.
- 31 Псковский голос. 1906. 17 августа.
- 32 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 17. 1–15 сентября. С. 401–402.
- 33 Псковский городской листок. 1906. № 32. С. 4.
- 34 Псковский голос. 1906. 7 мая. С. 3.
- 35 Псковский городской листок. 1906. № 59.
- 36 Там же. 29 октября. С. 3.
- 37 Псковский голос. 1906. 18 июля. С. 1.
- 38 Псковский городской листок. 1906. 23 августа. С. 2.
- 39 Там же. 12 ноября.
- 40 Псковская газета. 1906. 21 июня. С. 1.
- 41 Там же. 28 июня. С. 3.
- 42 Псковский голос. 1906. 11 июля. С. 3.
- 43 Там же. 28 июля. С. 1.

- 44 Вестник партии народной свободы. 1906. № 23–24. 17 августа. С. 1374.
- 45 См.: Члены Государственной Думы / Сост. М. М. Бойович. 2-е изд. М., 1907. С. 271–274. (В данном издании Н. Н. Рокотов, Е. Г. Герасимов и П. Н. Никитин названы членами конституционно-демократической партии, а В. Г. Федоров (Федулов) — правым). Полагаем, что это неверно: в анкете, заполненной самим депутатом, зафиксировано: «сочувствующий партии народной свободы» (См.: Дело члена Государственной Думы от Псковской губернии В. Г. Федорова (Федулова) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 455. Л. 5)

Н. В. Суржикова
Екатеринбург

Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.)

По обыкновению, историки, как только что оставившие университетскую скамью, так и имеющие солидный исследовательский стаж, склонны недооценивать потенциальные возможности периодической печати, предпочитая этому виду источников архивные документы нормативного, делопроизводственного, статистического и тому подобного характера. Редкое исключение составляют случаи, когда продукция регулярной издательской деятельности избирается в качестве самостоятельного объекта изучения.

Отчасти закономерно пренебрежение и недоверие исследователей к периодике советского времени, специфика которой определялась известной спецификой советской власти и стратегиями властных отношений, реализуемых в социуме. Пресса же дореволюционной России начала XX в. была принципиально иной, поскольку не предполагала абсолютной монополии государства в сфере информации¹.

Основанное на принципах вторичности и дополнительности отношение к материалам периодической печати начала XX в. оставляет, безусловно, слишком мало места для ее подлинно научного использования. Проблема, как представляется, состоит не только в актуализации того фактологического капитала, который аккумулируют в себе старые газеты и журналы. К началу XX в., когда печать уже превращается из элитарного элемента жизни в массовый, а, следовательно, сеть ее агентов и адресатов расширяется, присущая периодике способность одновременно и проецировать (отражать), и реконструировать (задавать или изменять) духовные и предметные грани общественных отношений превращает ее в важнейший пространственно-временной ориентир — в настоящем для современника и в прошлом — для историка.

К удивлению тех, кто свято верует не только в достоверность, но, главное, в достаточность хранимых в архивных запасниках документов, периодическая печать, парадоксально сочетая в себе одинаковую возможность к управляемости и управлению, часто оказывается информативнее и, что существенно, вариативнее в освещении тех или иных событий. Природа этой вариативности неоднозначна. В борьбе за как можно более широкую аудиторию пресса, во-первых, обнаруживает свойственную только ей изобретательность в сюжетах, почвой для кото-

рых служат не только факты, но и слухи. При этом даже подцензурный характер печати не становится препятствием на пути к слиянию в общий, сложно структурированный поток официальной, полуофициальной и неофициальной информации. Подобная «неразборчивость», обусловленная функциональной особенностью периодики, сообщая о далеких и даже взаимоисключающих ситуациях в разных измерениях социального, преодолевать или, как минимум, сокращать пропасть между ними, выгодно отличает прессу от источников узкоспециального назначения с присущей им плоскостью и одномерностью.

Во-вторых, как пространство, где постоянно встречаются и мирно уживаются между собой норма, узус и оказия, периодика успешно конкурирует с альтернативными источниками, отличаясь от них, кроме всего прочего, своим более демократичным языком, стилем, формой. Не отказывая себе в экспериментах с жанрами и их подмножествами, злоупотребляя художественными приемами и изобразительными средствами, печать часто балансирует на грани между правдой и кривдой, преобразуя смыслы и факты по аналогии с зеркалом, со сменой положения которого трансформируются и отражаемые в нем предметы. Несмотря на необязательные неточности объективного и субъективного происхождения, опосредованная через прессу информация тем не менее остаётся интересна историку, но не сама по себе, а вместе с сопутствующими ей коннотативно разными оттенками впечатлений, настроений, мнений. Помимо нейтрального факта прошлого, посредством периодической печати, таким образом, открывается и далеко не нейтральная логика его «эксплуатации» (поворачивания, разворачивания, переворачивания и т. д.) современниками, в которой угадываются как приметы актуальной модели видения реальности, так и механизмы ее производства и воспроизводства.

В-третьих, наивному финализму заверенных подписями и скрепленных печатями документов периодика начала XX в. противопоставляет свою неоспоримую континуальность. Бесстрастная, механистическая систематичность периодики обязывает ее отзываться на перемены социокультурного пейзажа не только ревизией тематики, но и пересмотром структурно-логических параметров всего «медиаландшафта» и его отдельно взятых единиц. Текучесть и гибкость прессы, которые с точки зрения сварливого обывателя являются ее хроническими болезнями, а с точки зрения исследователя — её органическими чертами, позволяют выстраивать динамические ряды из действий и противодействий, бесконечно порождающих друг друга и складывающихся в набор неких социальных (или асоциальных) практик. Его анализ, в свою очередь, может использоваться как инструмент для распознавания в общественных отношениях начала XX в. поверхностных и глубинных процессов, конфликтных и интегрирующих зон, частных и групповых приоритетов, тенденций и маршрутов их перспективной реализации.

Как живое хранилище не только истории, но и историй (версий) истории особенно любопытна независимая газетная печать начала XX столетия. Об этом свидетельствует прагматический «дрейф» по страницам двух уральских изданий, «Зауральского края» и «Уральской жизни»², предпринятый автором с частнонаучной целью изучения реалий уральского плена 1914–1917 гг. Ежедневные широкоформатные газеты «Зауральский край» и «Уральская жизнь» печатались в Екатеринбурге и носили, условно говоря, территориально-провинциальный

характер. При этом «Зауральский край» и «Уральская жизнь» возглавляли список изданий, которые доминировали в городе и его окрестностях, не зная себе равных ни в регулярности, ни в тиражности. За почти три с половиной года, с августа 1914 г. по декабрь 1917 г., вышло более 900 номеров каждой из газет, которые стали не только удачным коммерческим предприятием для владельцев, но и атрибутивно значимым элементом повседневной жизни региона.

Сплошной просмотр газет «Зауральский край» и «Уральская жизнь» показал, что с началом мирового вооруженного конфликта военная тематика прочно закрепилась на страницах местных изданий. В начале августа 1914 г. провинциальную идиллию нарушило прибытие в регион первых партий неприятельских военнопленных, известия о которых не замедлили появиться в газетах Екатеринбурга. Нехитрые подсчеты позволяют утверждать, что в оставшуюся часть 1914 г. сюжеты, связанные с пленом и военнопленными, разнообразили газетную тематику с периодичностью 7–8 раз в месяц³, то есть около двух раз в неделю. В 1915 г. экспансия тематики плена на суверенную территорию изданий «Зауральский край» и «Уральская жизнь» продолжилась. Новости о военнопленных ждали постоянного читателя ведущих екатеринбургских газет каждые 2–3 дня, или более 12 раз в месяц. Отвоевав, таким образом, у прочих публикаций прочные позиции в 1915 г., тематика плена их неумолимо утратила уже в следующем 1916 г., когда число посвященных военнопленным сообщений сократилось до одного в неделю. В 1917 г. отрицательная динамика сохранилась, и постоянство публикаций о пленных иностранцах измерялось показателем в один раз в две, а где-то и один раз в три недели.

Надобно отметить, что частотность обращений местной печати к теме плена — фактор, без преувеличения, говорящий. И говорит он прежде всего о том, что ретроспективного периода оказалось достаточно, чтобы со стремительной сменой общего исторического контекста заметно видоизменилось и общее восприятие военного плена как явления, стабильно влиявшего на местные социально-экономические структуры в течение трех с половиной лет. В прессе 1914–1915 гг. плен подавался и расценивался как нечто экзотическое на фоне давно сложившегося уклада жизни российской провинции. К 1916 г. плен становится обыденностью, на что, в частности, недвусмысленно указывает факт расползания тематики плена, до того концентрировавшейся в пределах рубрик «Хроника» или «Местная жизнь», по разным «углам» газетного пространства, в заголовках которых присутствие той или иной информации о военнопленных могло вообще никак не отмечаться номинативно⁴. Во второй половине 1916 г. и в 1917 г. местную общественность будоражили совсем иные вопросы, нежели вопросы плена, которые, теряя статус обособленных и растворяясь в каждодневной «бытовой пестряди», уступили явно более насущным проблемам «сахарного голода», «дровяных злключенияй», «мучного кризиса», «продовольственных затруднений» и пр.⁵

Излишне доказывать, что различным был и собственно контент сообщений, так или иначе касавшихся военного плена. Треть появившихся за три с половиной года публикаций информировала читателя о провозе или привозе военнопленных, но известия такого рода, тотально преобладавшие среди других в 1914–1915 гг., затем практически исчезли из газет. Другие две трети сообщений сложно квалифицировать по содержательному признаку, поскольку их строгая

классификация неизбежно приведет к ускользанию некоторых небезынтересных нюансов. Экономика и социология плена, как в самом общем виде можно обозначить проблематику оставшейся части газетных публикаций, в действительности не всегда поддаются чёткому разграничению, как не поддается структурированию реальность, слагаемая из бесконечно дискретного числа факторов. Поэтому приводимые ниже материалы газет «Зауральский край» и «Уральская жизнь», в красках воспроизводящие диалектику уральского плена, печатаются в соответствии с хронологическим, а не тематическим принципом. Следует признать, что их отбор для публикации субъективен и предопределен личными предпочтениями составителя подборки, который не видит большого смысла и в их скрупулезном редактировании и комментировании.

* * *

7 августа через ст. Екатеринбург-І⁶ проехали в Вятку 234 чел. германских подданных, взятых в Прибалтийском крае в качестве военнопленных.

Уральская жизнь. 1914. 8 августа. (№ 176).

* * *

Военнопленные

9 часов утра. На вокзале теснота и давка. Время отхода и прихода почти всех пассажирских поездов.

Центр внимания публики — 10 теплушек в хвосте пассажирского поезда, прибывшего из Челябинска. Они расположены на 4-м пути между старым и новым вокзалом и оцеплены цепью солдат. Это первые германские военнопленные.

Их 234 человека. Их свободно, без охраны выпустили гулять по станции. Многие из них окружили газетного разносчика с телеграммами. Большинство их из Риги и плохо говорят по-русски. Их окружает группа русских, преимущественно простолюдины, с интересом их разглядывают. Для пленных эта группа тоже интересна, они останавливаются, слышится русская речь. Подхожу и я. Завязывается разговор. Почти все молодые. Служили в Риге в разных фирмах и конторах. Война была для них в большинстве неожиданностью. Сейчас же всех собрали и велели ехать в Самару.

Здесь два дня держали в тюрьме, а затем отправили в Вятку. Обращение, по их словам, повсюду самое предупредительное, свободу действий почти не стесняют. Неудобно только ехать в теплушках, но приходится мириться. В продолжительность войны не верят и поражаются, для чего она начата.

— Поверьте, — говорит один, — что нам эта война совсем не нужна, нам было хорошо в России. Мы были обеспечены. Теперь нас оторвали и мы не знаем, что будет с нами и с нашими семьями, которые остались по большей части там, на местах.

— Голубчики, бедненькие! Да как же они там? — вмешиваются в разговор две крестьянки. Возглас этот полон такой теплоты и участия, что на глазах у одного из немцев навертываются слезы и он, махнув рукой, отходит. За ним трогается вся группа, приветливо раскланиваясь. Окружающие желают им счастливого пути.

Б. Михайлов⁷

Уральская жизнь. 1914. 8 августа. (№ 176).

* * *

Пленные в Екатеринбурге

Министр внутренних дел обратился по телеграфу к начальнику Пермской губернии с предложением разместить в Пермской губернии пленных австрийцев и германцев с тем, чтобы они были заняты работами для городских и земских самоуправлений. Екатеринбургская городская управа проектирует занять пленных трудом по выработке каменной пешки для замощения мостовых, разработке каменных карьеров и для рубки леса в городской даче для нужд бедного населения.

Для пленных на карьере, где разрабатывается пешка, будут сооружены теплые казармы. Город, не оплачивая труда пленных, будет обязан предоставлять им помещение, теплую одежду и пищу, а также снабжать инструментами для работы.

Уральская жизнь. 1914. 2 сентября. (№ 195).

* * *

Пленные на Урале

Некоторыми горными округами Урала получены предложения воспользоваться трудом военнопленных для заводских и других работ. Казенный Гороблагодатский округ предполагает просить до 10 000 пленных, предполагая с их помощью произвести громадную заготовку дров в даче округа с целью удешевить их стоимость на будущее время. Помощник управляющего округом выехал в Петроград для выяснения деталей содержания военнопленных на лесных работах.

Зауральский край. 1914. 4 сентября. (№ 197).

* * *

Ежедневно в Оренбург прибывают военнопленные немцы и австрийцы громадными партиями, по 1 000 чел. и более. За мужчинами едут женщины и дети. В городе все номера, гостиницы и частные квартиры заняты военнопленными. Цены на квартиру поднялись неимоверно. Пленным запрещено появляться в городе после 21.00 и собираться большими группами. Цены на все растут.

Уральская жизнь. 1914. 4 сентября. (№ 197).

* * *

Пленные в Тюмени

Наблюдающие за работой военнопленных на городском валу и в других местностях приходят к убеждению, что пленные работают вяло, можно сказать совсем плохо. То, что отработают 1 200 человек пленных в день, 100 наших платных рабочих сработают в день, даже больше. Пословица «хоть пень колотит, да день проходит» к ним подходит как нельзя лучше. Да и день-то рабочий у них не более 5–6 часов. Вообще пленные как рабочая сила никуда не годятся.

Три австрийских врача из девяти, находящихся в Тюмени, приставлены к лазарету, устроенному в Романовском училище, где находятся на излечении австрийские и германские пленные солдаты.

Зауральский край. 1914. 26 сентября. (№ 217).

* * *

Труд военнопленных

По Южно-екатеринбургскому горному округу владельцами горных заводов заявлено требование на 500 чел. военнопленных для работ. Изъявили желание иметь военнопленных Ревдинские заводы — до 150 чел., Вознесенские рудники — 100 чел., Шайтанские заводы — 50 чел., остальные предприятия — 20–25 чел. Некоторые из заводских предприятий сначала желают убедиться, пригодны ли военнопленные для работ.

Уральская жизнь. 1914. 10 октября. (№ 226).

* * *

Изоляционный пункт

На станции Екатеринбург-I образован изоляционный пункт для пленных, перевозимых с театра войны⁸.

Назначение пункта — изолирование больных пленных от здоровых. На пункте находится врач, который и свидетельствует прибывающих пленных; здоровые остаются в тех же вагонах, в которых ехали, а больные переводятся в другие вагоны и затем отправляются в лечебные пункты. Среди пленных наблюдаются заболевания дизентерией и т. п.

23 декабря на изоляционном пункте было принято 5000 пленных австрийцев — солдат и несколько десятков офицеров австрийской армии. Все пленные взяты под Краковом. Они производят жалкое впечатление своей обмундировкой и истощенным видом. Последнее объясняется плохим содержанием их армий, где питание доведено до минимума.

Зауральский край. 1914. 30 декабря. (№ 289).

* * *

Военнопленные

Через ст. Екатеринбург-I продолжают ежедневно проходить большие партии военнопленных. 31 декабря провезены в Сибирь до 2000 нижних чинов и 680 офицеров, австрийских и германских. 1 января 1052 нижних чина и 103 офицера, исключительно австрийцы. 2 же января проехала еще партия военнопленных в 202 чел., из них свыше 100 турецких нижних чинов и 5 офицеров.

Турецкие военнопленные, проезжающие впервые, представляют собою смесь из всех восточных народов. Среди них турки, курды, армяне, малоазиатские горцы и арабы с побережья Персидского залива, Багдада и Аравии.

Взяты в плен они в боях у Эрзерума, Ольт, Саракамыш и Ардагана.

Одеты нижние чины в толстые куртки и шинели из серого сукна. У арабов на головах тюрбаны. У большинства совершенно отсутствует обувь. Эти сыны знойных стран никак не могут приучиться к сапогам и бросают их, в результате большинство пообморозили ноги. Среди пленных много больных. Преобладают тифозные и дизентерийные больные.

Среди турок особенное внимание обращает на себя группа кавалеристов, взятая в плен при производстве разведки в пределах Бессарабии в Тарутиной. Все ее участники прекрасно говорят по-русски и охотно рассказывают о своей высадке и разведке. С этой же партией едут и офицеры, командовавшие этим отрядом.

Турецкие офицеры, помещавшиеся в классном вагоне вместе с австрийскими, хорошо говорят по-русски, вежливы и охотно отвечают на вопросы. Часть солдат принадлежит к составу 9 корпуса, уничтоженного нами под Саракамышем.

Во время стоянки поезда была проведена изоляция больных. Некоторые из арабов вышли из вагонов чуть ли не на босу ногу. Собравшаяся около вагонов публика тут же произвела между собою сбор в пользу больных.

Уральская жизнь. 1915. 3 января. (№ 2).

* * *

Селения вблизи станций Омской железной дороги на участке Камышлов–Омск переполнены военнопленными. Большинство из них живут, ничего не делая, часть же помогает крестьянам в работах. Отношения между пленными и населением хорошие. Многие из пленных деятельно занимаются изучением русского языка.

Уральская жизнь. 1915. 11 января. (№ 8).

* * *

Проезд пленных турок

16 января в г.Пермь по железной дороге прибыло 532 пленных с турецкого театра войны. Все пленные изнурены продолжительными голодовками. Из них 104 человека больны тифом и дизентерией, 15 человек находятся при смерти, а 13 — умерло.

Зауральский край. 1915. 22 января. (№ 17).

* * *

1 февраля с вечерним поездом через станцию Пермь-II проследовал в Сибирь поезд в составе 16 вагонов с пленными германцами и австрийцами. Пленные германцы отделены от австрийцев ввиду частых ссор и драк, возникающих между ними.

Зауральский край. 1915. 6 февраля. (№ 28).

* * *

Жизнь пленных турок в Муллах⁹

Местное общество было несколько взволновано появлением в городе и в Муллах пленных турок, из которых больше 100 человек оказались больными брюшным тифом благодаря крайнему истощению. Своевременно принятые городом и земством меры заставили эпидемию быстро пойти на убыль, и в данное время большинство больных находится на пути к выздоровлению¹⁰. Интересны некоторые детали их жизни в Муллах. Благодаря разноплеменности, а также озлобленности и вражде друг с другом жить им в плену, очевидно, «невмоготу», так как почти ежедневно происходят ожесточенные стычки между ними на почве абсолютного неуважения к личности другого и его собственности. Вообще между пленными наблюдается деморализация и полное отсутствие товарищеского отношения. Осторожные на словах и подозрительные они, тем не менее, дают понять, что плен для них не составляет большого позора, особенно после того, как получили вместо своих отрепьев, приличное одеяние и усиленное питание с горячим ужином. Среди пленных — 20 человек офицеров, в том числе два

военных врача. Они держат себя обособленно от других и живут вне интересов их. К местным общественным и правительственным властям офицеры и врачи обратились с петицией на французском языке, в которой, высказывая свою уверенность в культурности и просвещенности России, высказывают и свою надежду на культурное и гуманное с ними обращение. Сами врачи-турки не могли оказать существенной пользы заболевшим тифом; бросается в глаза то обстоятельство, что рецепты они пишут по-французски, и много лекарств против тифа, по их мнению, радикальных, не найти ни в одной нашей аптеке. На вид почти все они рослый и здоровый народ, но крайне истощенный и изнуренный. Отношение пленных к населению Муллов и окрестных деревень снисходительно-пренебрежительное.

Зауральский край. 1915. 11 февраля. (№ 32).

* * *

Турки в Камышлове

Среди расквартированных в г. Камышлове военнопленных турок умерло с 29 января по 6 февраля 6 чел., а всего с начала прибытия партии умерло 46 чел.

Уральская жизнь. 1915. 20 февраля. (№ 40).

* * *

К перевозке военнопленных

Станция Екатеринбург-I назначена под центральный обсервационный пункт для всего Казанского округа при перевозке военнопленных. Все военнопленные будут направляться в Екатеринбург и здесь подвергаться медицинскому осмотру. Больные военнопленные остаются на изоляционном пункте, а здоровые будут направляться в Сибирь.

Предполагается, что скопление военнопленных на ст. Екатеринбург будет достигать 3 000–4 000 человек.

Зауральский край. 1915. 25 февраля. (№ 44).

* * *

На обсервационном пункте

Открытый в Екатеринбурге обсервационный пункт для распределения пленных начал функционировать. 26 февраля на станции Екатеринбург-I высажены 572 чел. пленных австрийцев для распределения по сибирским уездам.

Все пленные до отправки помещены в Вознесенскую и Гоголевскую школы¹¹. Из Екатеринбурга обсервационный пункт будет отправлять [пленных] эшелонами, по 1 000 чел. каждый.

Зауральский край. 1915. 1 марта. (№ 48).

* * *

Сыпной тиф

В последние дни в городскую больницу поступило вновь несколько больных сыпным тифом. 10 марта обнаружены 2 случая заболевания сыпным тифом среди военнопленных, размещенных в здании Гоголевского училища. В связи с этим в помещении училища будет произведена тщательная дезинфекция.

Зауральский край. 1915. 13 марта. (№ 58).

* * *

Военнопленные на работах

Из числа военнопленных, находящихся в распоряжении екатеринбургского воинского начальника, по просьбе заведующего расквартированием воинских чинов отпущены для работ по приспособлению воинских помещений в распоряжение городской управы 10 военнопленных австрийцев. Австрийцы занимают-ся кладкой печей. В настоящее время проходящих военнопленных находится в Вознесенской школе около 80 и в школе им. Н. В. Гоголя 370 чел.

Уральская жизнь. 1915. 11 апреля. (№ 80).

* * *

Концентрационный лагерь

В Тюмени начато строительство концентрационного лагеря для пленных. Всего будет выстроено 20 бараков, при каждом бараке — своя кухня. В лагере будет баня, дезинфекционная камера и госпиталь.

Уральская жизнь. 1915. 11 апреля. (№ 80).

* * *

На ст. Екатеринбург-I Омской железной дороги к ремонтным работам пути привлечены военнопленные славяне. В настоящее время их работает 55 чел. На других станциях тоже разрешено пользоваться трудом пленных славян.

Уральская жизнь. 1915. 15 апреля. (№ 83).

* * *

Побег пленных офицеров

12 апреля около 2-х часов дня житель Верх-Исетского завода Тетенев, возвращавшийся со своей заимки, находящейся около Медного рудника, обратно в лесу на проселочной глухой дороге встретил 3-х мужчин, одетых в шинели и говоривших между собою не по-русски. Решив, что это бежавшие пленные, Тетенев заговорил с ними, предлагая их немного подвезти. Один из встречных отвечал ему на ломаном русском языке.

Поблагодарив Тетенева, разговаривавший с ним переговорил с товарищами и они трое сели к Тетеневу на телегу.

Предлагая подвезти встреченных пленных, Тетенев имел в виду довезти их до Екатеринбурга, а там сдать полиции.

Тетенев так и сделал — у ипподрома своих пассажиров сдал первому встретившемуся стражнику, который их и доставил в квартиру пристава Верх-Исетского завода.

В квартире пристава один из задержанных, говоривший по-русски, заявил, что они германские офицеры, взятые в плен под Перемышлем. Были отправлены из Москвы на Челябинск и по дороге бежали.

При личном обыске у одного оказалось 167 руб. русских денег и две записные книжки, у другого — 33 руб., две русские карты, русско-немецкий словарь и путеводитель, у третьего — 6 руб., записная книжка и 2 компаса. Кроме того, в общей сумке были найдены мелкие дорожные вещи.

Оружия при пленных не оказалось.

После обыска пленные были переведены в екатеринбургское уездное полицейское управление, куда был вызван переводчик.

При допросе пленные сознались, что они бежали из Вознесенской школы в Екатеринбург, откуда бежали ночью, выпрыгнув из окна.

Бежавшие переданы в распоряжение военных властей.

Уральская жизнь. 1915. 15 апреля. (№ 83).

* * *

17 апреля прибыло 1 406 военнопленных австрийцев нижних чинов, которые будут водворены на постоянное жительство в городе. Предварительно их разместили в Харитоновском саду, а затем на постоянное проживание определили в помещение нового Гостиного двора. Из числа этих пленных городская управа получила контингент для разных работ. В связи с этим среди военнопленных был проведен опрос для выявления их профессий.

Уральская жизнь. 1915. 19 апреля. (№ 87).

* * *

Владельцы лесопилен в Екатеринбурге обратились в городскую управу с заявлением о недостатке рабочих рук, из-за которого производство может остановиться. Исходя из такого положения, они видят выход в допущении к работам военнопленных, о чем и просят возбудить городскую управу соответствующее ходатайство.

Уральская жизнь. 1915. 2 мая. (№ 97).

* * *

Ежедневно на метении улиц города работают свыше 100 чел. военнопленных, так как работа не оплачивается, то военнопленные производят ее неохотно и кое-как. 21 чел. производят работы по упорядочению места свалки городских нечистот на Московском тракте¹², работа идет успешно. На днях управа командирует пленных на очистку городских площадей, в первую очередь — Сенной площади.

Уральская жизнь. 1915. 2 мая. (№ 97).

* * *

Перепись военнопленных, проведенная городской управой, выявила среди военнопленных 268 чел., имеющих какую-либо специальность, в том числе: 21 слесарь, 7 ковалей, 3 кузнеца, техников, монтеров и машинистов — 14, фабричных рабочих — 16, каменщиков и штукатуров — 15, горнорабочих — 4, 10 столяров, 32 сапожника, 6 парикмахеров, 9 музыкантов и т. д.

4 мая из общего количества военнопленных отобрано 30 чел., командированных на мощение дороги на Сибирском проспекте. Военнопленные приступили к работе с охотой и относятся к ней старательно. Эти же военнопленные будут потом прокладывать мостовую по Турчаниновской улице. 120 чел. для работ в карьере отбираются и 6 мая будут отправлены в карьер.

Уральская жизнь. 1915. 5 мая. (№ 99).

* * *

Военнопленный австриец, проживающий в одной из деревень Тюменского уезда, оказался женщиной и на днях... родил.

Уральская жизнь. 1915. 19 мая. (№ 109).

* * *

Военнопленные итальянцы

Среди находящихся в городе военнопленных австрийских подданных находится 93 уроженца областей Трент и Триест, которые говорят почти сплошь на одном итальянском языке и держатся отдельной группой от мажар и немцев. Со времени объявления войны 10 мая 1915 г. Италией Австрии немцы и мажары стали относиться к итальянцам недоброжелательно и потому их как хороших каменотесов и специалистов по ломке камня перевели на работы в городском карьере. Они великолепные работники, одеты все очень чисто и опрятно и охотно подчиняются дисциплине.

Объявление войны Италией произвело на них глубокое впечатление и привело в экстаз. На днях ожидается приезд из Петрограда корреспондента итальянских газет, который на местах ознакомится с условиями жизни военнопленных австрийских подданных итальянского происхождения.

Уральская жизнь. 1915. 20 мая. (№ 110).

* * *

Военнопленные-рабочие

В настоящее время военнопленные австрийцы работают не только на городских работах, но и на земских.

Передают, что первое время пленные шли не особенно охотно на работы, рассказывают даже такой случай.

Вызывают работать на земляные работы. Никто не вызывается. Один только пленный-поляк сначала робко спросил: «А платить будут?». Когда на этот вопрос ответили утвердительно, то желающих явилось «больше, чем надо» и все оказались специалистами.

Теперь работают на двух земских школах в Верх-Исетском заводе 27 человек.

Расценка существует такая: за земляные работы по 2 руб. за куб, за забудку канав — 6 руб. за куб. При такой расценке пленные за первую неделю заработали по 31 коп. в день. Из этого видно, что работа пленных далеко не продуктивна. При такой же расценке русские рабочие в обычное время зарабатывают 1 руб. — 1 руб. 50 коп. в день.

Деньги «на руки» пленным не выдаются, а сдаются коменданту.

Работают также пленные на двух земских дорожных трактах — на Невьянском (200 чел.) и Челябинском (50 чел.). Платят им, как вольным рабочим, по 1 руб. 10 коп. в день.

На тракте земством приготовлены бараки для жилья с кубами для кипячения воды. Земство просило подлежащее начальство, чтобы пленным разрешили под особым конвоем жить в бараках, но в просьбе земству отказано. Эти рабочие-пленные живут в Верх-Исетском театре¹³, за 7 верст от места работы.

Некоторые из пленных довольны работой, т.к. труд вернул им здоровый сон. При «ничегонеделании» многие из пленных страдали бессонницей, одолеваемые «тяжелыми думами».

Зауральский край. 1915. 21 мая. (№ 111).

* * *

Труд военнопленных

Пленные в некоторых пунктах губернии использованы для общественных работ. В Шадринском уезде им были поручены дорожные работы, около Каменского завода — каменотесные. Там, где работа была отдана сдельно, военнопленные проявили высокую работоспособность и получили заработок почти вдвое выше наших рабочих. Но там, где труд военнопленных применялся поденно, он оказался крайне непродуктивным. <...>

Труд военнопленных предлагали и для сельскохозяйственных работ, но солдаты отказались, потому что в солдатских письмах с театра войны мужа решительно высказываются против того, чтобы их «заклятый и коварный» враг был размещен в домах их осиротевших семейств. Как видно из последних солдатских писем, озлобление против варварских приемов войны австрийцев и германцев растет в рядах нашей армии и прежнее добродушное отношение к пленным исчезает.

Зауральский край. 1915. 21 мая. (№ 111).

* * *

Пермская жизнь. Покупка книг пленными офицерами

Пленные офицеры большими партиями заходят в местный книжный магазин Амосова и К° и, не стесняясь в уплате стоимости книг, приобретают французские и немецкие книги, русские словари, указатели, путеводители. Денщики австр[ийских] офицеров, как выясняется, большею частью из богатых жителей и, ради личной безопасности, уплачивают офицерам значительные субсидии.

Зауральский край. 1915. 21 мая. (№ 111).

* * *

Из находящихся в Екатеринбурге военнопленных австрийских нижних чинов отпущено на работы на фабрику Злоказовых¹⁴ 35 чел. и на фабрику братьев Макаровых¹⁵ 50 чел. Кроме того, партии военнопленных отпущены для работ на близлежащих горных заводах и более 100 чел. — в распоряжение уездного земства для дорожных работ.

По разрешению главного управления Генерального штаба для работ в Талицком заводе торгового дома Поклевского-Козелл отпущены 70 военнопленных. Прибыли они на завод из г. Ирбита 4 мая и размещены в казармах при винокуренном заводе. 45 чел. предназначены на вырубку дров, а остальные 25 оставлены при дрожжевом заводе на разные хозяйственные работы.

Все пленные — славянского происхождения, большинство — поляки в возрасте от 19 до 39 лет. Кроме означенных пленных, из г. Ирбита отправлено 2 офицера и 300 нижних чинов для работ на асбестовый прииск Поклевского-Козелл в пределы Белоярской волости Екатеринбургского уезда.

Уральская жизнь. 1915. 21 мая. (№ 111).

* * *

Среди военнопленных

В настоящее время в Верх-Исетском народном доме-театре, помимо отпускаемых на работы, находится до 600 чел. военнопленных австрийских нижних чинов и 34 офицера. Все они обмундированы и получили запасы чистого белья.

Пищей, им отпускаемой из ротного котла, они вполне довольны. Все они разделены на роты, находящиеся под командой офицеров. Для того чтобы военнопленные не проводили время праздно, они ежедневно занимаются прохождением строевой службы и гимнастики. Свободное время посвящается изучению ремесел, работам и чтению.

Благодаря упражнениям, пребыванию на воздухе, хорошим условиям жизни и питания военнопленные все здоровы и среди них совершенно прекратились случаи заболеваний.

Уральская жизнь. 1915. 21 мая. (№ 111).

* * *

На днях в Екатеринбург приезжает генерал от инфантерии Сандецкий¹⁶, командированный по соглашению Верховного Главнокомандующего и военного министра для изучения условий жизни и быта военнопленных. В Екатеринбурге генерал будет знакомиться со способами труда военнопленных.

Уральская жизнь. 1915. 23 мая. (№ 113).

* * *

Военнопленные на горных работах

В Пышминско-Ключевской медно-плавильный завод прибыло 150 военнопленных для горных работ и для работ на торфяниках.

Зауральский край. 1915. 5 июня. (№ 124).

* * *

Работающие в городском карьере военнопленные австрийские нижние чины проявляют настолько работоспособности и работа их так продуктивна, что городская управа постановила увеличить им заработную плату.

Уральская жизнь. 1915. 5 июня. (№ 124).

* * *

Разрешен отпуск военнопленных австрийцев-славян на работы в горнозаводских предприятиях Урала. На днях на Калатинский завод Верх-Исетского горного округа доставлено 153 чел. и в Невьянский завод — 300 чел. военнопленных.

Уральская жизнь. 1915. 24 июня. (№ 140).

* * *

Военнопленные на горных работах

Штабом Казанского военного округа разрешен товариществу химических заводов «П. К. Ушаков и К°» отпуск 200 военнопленных для горных работ на Колчеданском руднике товарищества около Кушвы. Выбрать рабочих-специалистов разрешено товариществу из военнопленных, расквартированных в Екатеринбурге, Перми, Верхотурье и Вятке.

Зауральский край. 1915. 19 июля. (№ 161).

* * *

Пермский губернатор сообщил городской управе, что ходатайство ее об отпуске 30 военнопленных нижних чинов для образования оркестра для сада народных развлечений удовлетворено и отпуск военнопленных разрешен.

Уральская жизнь. 1915. 28 июля. (№ 167).

* * *

Пленные на земских работах

По ходатайству екатеринбургской земской управы разрешено воспользоваться трудом 100 военнопленных для работ по постройке здания психиатрической лечебницы. Военнопленные высылаются для земских работ в Екатеринбург из Троицка.

Зауральский край. 1915. 2 августа. (№ 173).

* * *

Неблагонадежный военнопленный

На Уральской линии Омской железной дороги работают на ремонте пути военнопленные. На 11 околотке один из них, русин из Галиции Николай Ильяченко, прекрасно говорящий по-русски, польски и немецки и долго живший в Галиции, начал пропагандировать среди работающих с ним русских различные слухи о неудачах русской армии и выражать восхищение действиями австро-венгерцев. Эта пропаганда удручающе действовала на рабочих. Дорожный мастер 11 околотка г. Лоскутов, обнаружив деятельность Ильяченко, сообщил о ней жандармским властям. Начальником тюменского железнодорожного жандармского отделения приняты меры изолирования Ильяченко и пресечения его деятельности.

Уральская жизнь. 1915. 28 августа. (№ 192).

* * *

Пермский губернатор предложил екатеринбургским уездной земской и городской управам, а также всем предприятиям, которым отпущены военнопленные, сообщать ему о каждом умершем из них. Одновременно сообщение должно делаться и в Центральное справочное бюро о военнопленных при обществе Красного Креста. Туда же должны предоставляться и все вещи и деньги, оставшиеся после умерших.

Уральская жизнь. 1915. 8 сентября. (№ 200).

* * *

Пермский губернатор сообщил городской управе, что военным министерством упразднены нормы отпуска военнопленных на работы в промышленных предприятиях. Таким образом, военнопленные будут отпускаться на работу во все предприятия по действительной надобности.

Уральская жизнь. 1915. 22 сентября. (№ 210).

* * *

Центральный ВПК¹⁷ сообщил Уральскому областному ВПК, что при размещении военнопленных между предприятиями предпочтение будет отдаваться предприятиям, работающим на оборону.

Уральская жизнь. 1915. 24 сентября. (№ 212).

* * *

Военнопленные-пожарные

Городская пожарная комиссия и городская управа предполагают использовать для работы в екатеринбургском пожарном обозе военнопленных. В настоя-

щее время управа вошла в переговоры со штабом Казанского военного округа об отпуске военнопленных для замещения ими пожарных служащих.

Зауральский край. 1915. 7 октября. (№ 223).

* * *

Святым Синодом сделано распоряжение епархиальным властям об устройстве религиозно-нравственных бесед с военнопленными славянами.

В Екатеринбурге епархиальным миссионером о. А. Здравомысловым несколько таких бесед уже проведено. Пленные к таким беседам относятся очень сочувственно и доброжелательно. Для устройства таких бесед по епархии учрежден специальный епархиальный попечительный комитет под председательством екатеринбургского епископа Серафима.

Уральская жизнь. 1915. 13 октября. (№ 227).

* * *

Пленные

Все чаще и чаще стали проходить с театра войны поезда с пленными немцами и австрийцами.

Кроме мелких партий, через Екатеринбург переправляются и большие группы солдат и офицеров вражеских армий. На этой неделе пленных прошло уже около 3000 человек. Из этого числа немцев-солдат было 1829, остальные — австрийцы. <...>

Провозимые теперь пленные далеко не похожи на своих собратьев, прошедших здесь в начале весны и даже нынешним летом. Пленные последнего времени — большинство молодежь или люди весьма солидного возраста. Обмундировка как у немцев, так и австрийцев, особенно у последних, весьма плохого качества, что, несомненно, свидетельствует о «неважном» состоянии вражеского тыла. Между отправляемыми за последнее время через Екатеринбург пленными были две немки-добровольцы, солдаты пулеметной команды.

«Пулеметками», как их называли наши солдаты, публика интересовалась и долго «разглядывала».

Из расспросов выяснилось, что эти женщины — мать и дочь.

«Пулеметок» отправили в один из сибирских уездов.

Зауральский край. 1915. 15 октября. (№ 230).

* * *

О пленных славянах, мадьярах и немцах

Рабочая секция Уральского областного военно-промышленного комитета получила от Министерства торговли и промышленности следующее разъяснение к быту пленных: «По имеющимся сведениям, на некоторых горных и металлургических заводах и предприятиях Урала, обслуживаемых смешанным контингентом пленных, славяне, будучи размещены не обособленным порядком от мадьяр и немцев, претерпевают всякие обиды и притеснения со стороны этих последних на почве племенной вражды вообще и недовольства дружественным отношением славян к России. В видах устранения на будущее время повторения такого явления Военное Министерство признало необходимым, чтобы пленные рабочие из славян размещались на горных и горнозаводских предприятиях без-

условно обособленно от враждебных с ними мадьяр и немцев, причем желательно, по мере возможности, соблюсти ограничение означенных отдельных элементов пленных и при распределении их по работам».

Зауральский край. 1915. 28 октября. (№ 240).

* * *

Дело пленных

3 октября выездной сессией военно-окружного суда рассматривалось дело пленных австрийских солдат Шумаера и Вейса.

К ним предъявлено обвинение в убийстве сторожа Надеждинского завода.

После допроса свидетелей установилось следующее: убийцей является один Шумаер. Он толкнул под проходивший поезд сторожа, который и погиб под колесами вагонов. Вейса суд оправдал, а Шумаера приговорил к смертной казни.

Зауральский край. 1915. 6 ноября. (№ 248).

* * *

Военнопленные на городских работах

Военным ведомством разрешено екатеринбургской городской управе воспользоваться трудом 50 военнопленных для работ в городском ассенизационном обозе, причем для работ разрешается взять лишь пленных немцев и венгров.

Зауральский край. 1916. 1 января. (№ 1).

* * *

Горный институт

5 января состоялось заседание комиссии по постройке екатеринбургского горного института под председательством товарища председателя Н. Ф. Магницкого¹⁸. <...>

Комиссия признала возможным приступить к земляным работам с начала марта, т. к. земля промерзла неглубоко, и работы не будут затруднительными. В апреле предполагается приступить к кладке фундамента¹⁹.

Земляные работы будут производиться военнопленными, из них к марту предполагается взять до 200 человек. Для кладки будет взято также 300 военнопленных, разных других специальностей 100–150 и чернорабочих 600–700.

Так как в Казанском военном округе не предполагается найти достаточный контингент нужных для постройки рабочих военнопленных, возбуждается ходатайство об отпуске военнопленных из Омского военного округа.

К марту будут выстроены для военнопленных на месте постройки 2 полу-теплых барака на 150 человек каждый и в апреле заготовлены материалы для летних бараков на 700 человек.

Ходатайство об отпуске военнопленных поддерживается в соответствующих ведомствах находящимся в Петрограде ректором института проф[ессором] П. П. Веймарном²⁰.

Зауральский край. 1916. 8 января. (№ 5).

* * *

15 января через ст. Екатеринбург-І провезено в Сибирь 28 вагонов с рождественскими подарками для военнопленных германцев и австрийцев. Сопровождают подарки уполномоченные Датского Красного Креста.

Уральская жизнь. 1916. 16 января. (№ 12).

* * *

Екатеринбургская уездная управа обратилась к жителям уезда: в связи с призывом в армию работоспособных жителей деревни и возможным дефицитом рабочих рук в крестьянских хозяйствах можно использовать военнопленных. Раздаются пленные в крестьянские хозяйства по одному или партиями от 2 до 5 чел., охрана их — за домохозяином. Ближайший же надзор и учет пленных — на местной полиции. В хозяйствах с большой запашкой, где число пленных может достичь 10–15 чел., пленные отпускаются при условии найма для их охраны сторожей. Хозяйства дают пленным помещения. Оплата: за каждого пленного назначается в месяц 25 руб., домохозяином из этой оплаты удерживается 10 руб., 7,5 руб. — пленному на руки как поденная плата, а за остальные 7,5 руб. должно снабжать пленных одеждой, обувью и лечением.

Всем желающим получить военнопленных сообщить екатеринбургской уездной земской управе в заявлении не позднее 10 февраля.

Уральская жизнь. 1916. 2 февраля. (№ 26).

* * *

На работах в карьере в настоящее время находится 160 военнопленных; из них 80 работают непродуктивно, хотя и получают плату, одинаковую с русскими рабочими.

Уральская жизнь. 1916. 7 февраля. (№ 30).

* * *

Безвыходное положение

На днях 14 рабочих ассенизационного обоза заявили о своем уходе. Явление массового ухода со службы замечается всегда перед большими праздниками и на масляной неделе. Городской ассенизационный обоз, и без того нуждающийся в рабочих руках, теперь поставлен в почти безвыходное положение. Труд военнопленных в обозе признан недопустимым как роняющий человеческое достоинство, хотя несколько человек военнопленных изъявили желание работать в обозе.

Зауральский край. 1916. 23 февраля. (№ 41).

* * *

Распределительный лагерь для военнопленных

Председатель екатеринбургской уездной земской управы А. М. Симонов²¹ обратился к пермскому губернатору с телеграфным ходатайством следующего содержания:

Комиссия по постройке екатеринбургского горного института, возбудив перед военным министром ходатайство об отпуске военнопленных на работы по постройке зданий института, высказалась за устройство в Екатеринбурге или окрестностях концентрационного лагеря для военнопленных на 4–6 тыс. чел.

Ввиду огромного требования на труд военнопленных со стороны предприятий, работающих на оборону, общественных учреждений и сельских хозяев на предстоящие полевые работы екатеринбургская уездная земская управа считает необходимым учреждение лагеря для военнопленных в Екатеринбурге как главном распределительном пункте на Урале, поддерживает ходатайство комиссии по постройке екатеринбургского горного института и просит довести об этом до сведения военного министра. В свою очередь екатеринбургский городской голова А. Е. Обухов²² обратился к пермскому губернатору с подобным же ходатайством.

Уральская жизнь. 1916. 25 февраля. (№ 43).

* * *

Военнопленные для сельскохозяйственных работ

6 марта в г. Перми состоялось при г[осподине] губернаторе совещание по вопросу о распределении военнопленных, свободных от работ и находящихся в уездах губернии, на предстоящие весенние работы. В губернии имеется свободных от работ 6942 чел. военнопленных.

Совещание решило екатеринбургскому уездному земству отпустить на сельскохозяйственные работы 350 чел. Екатеринбургское земство в настоящее время имеет состоящих на работах в уезде 390 чел. военнопленных и, таким образом, со вновь назначенными будет иметь к предстоящим весенним работам 740 ч[еловек].

Земство же заявляло, что ему необходимо для с[ельско]х[озяйственных] работ 1 800 ч[еловек].

Зауральский край. 1916. 11 марта. (№ 56).

* * *

Кража у военнопленного

На ст. Нижняя Салда горнозаводской линии Пермской железной дороги крестьянином А. Долбаловым была похищена у рабочего австрийца И. Тюрика записная книжка с 21 руб. денег. Когда укравшего бросились догонять, он с железнодорожного моста через р. Салду бросил что-то на лёд. Когда брошенное было поднято, то оказалось похищенным. Похищенное возвращено владельцу, а А. Долбалов задержан.

Уральская жизнь. 1916. 1 апреля. (№ 73).

* * *

Постные дни и военнопленные

Состоялось заседание совета Всероссийской сельскохозяйственной палаты, на котором рассматривался новый закон о введении обязательных постных дней в империи. Было обращено внимание на то обстоятельство, что в законе не содержится никаких указаний относительно обязательности соблюдения постных дней для миллионной армии военнопленных, находящихся ныне в России. Может создаться в высшей степени ненормальное положение, при котором коренное население будет в течение трех дней лишено мясного довольствия, в то время как военнопленным мясной паек будет предоставляться на прежних основаниях.

Постановлено возбудить в срочном порядке ходатайство о необходимости урегулирования вопроса о снабжении военнопленных мясом как в смысле рас-

пространения на них закона об обязательных постных днях, так и в отношении приближения норм довольствия военнопленных к режиму, установленному для наших пленных в Германии и Австрии.

Зауральский край. 1916. 20 апреля. (№ 86).

* * *

Отмена 25-процентных вычетов из заработной платы военнопленных

По возбужденному Центральным ВПК ходатайству о совершенной отмене 25-процентных вычетов из заработной платы военнопленных в специальный фонд на особо открытые счета подлежащих министерств военным министром было сделано соответствующее сношение с министром иностранных дел. Военный министр, признавая с своей стороны осуществление упомянутого мероприятия настоятельно необходимым, просил согласия министра иностранных дел на изменение ст. 9 правил 17 марта 1915 г.²³ в следующем виде:

«Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно за плату, размеры коей устанавливаются соответственно существующим местным ценам для каждой категории рабочих. Означенную заработную плату, за вычетом всех расходов предприятия, налагаемых на него настоящими правилами, предоставляется предприятием по внесению в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, выдавать военнопленным на руки».

С своей стороны министр иностранных дел С. Д. Сазонов²⁴ не встретил препятствий к отмене в надлежащем порядке особого отчисления в специальный фонд как не оправдавшего возложенных на него ожиданий.

Таким образом, отныне вся заработная плата военнопленных, за исключением расходов, понесенных предприятием, в которых работают пленные, на их содержание, одежду и проч., может быть выдаваема военнопленным.

Уральская жизнь. 1916. 13 мая. (№ 105).

* * *

По сведениям на 1 мая в Пермской губернии состоит на работах 50 611 чел. военнопленных, именно: на сельскохозяйственных — 5 060, фабричных и заводских — 34 194, городских и земских — 913, казенных — 5 731, железнодорожных — 4 145 и прочих — 568.

Уральская жизнь. 1916. 24 мая. (№ 113).

* * *

Война и рабочий рынок Урала

Рабочий рынок Урала за время войны не раз подвергался таким резким колебаниям, что заставлял о себе говорить не только магнатов-посессионеров, пытавшихся урегулировать рабочий состав в горнозаводской промышленности привлечением дешевого «желтого труда» и почти дарового труда военнопленных, но и внес значительную долю тревоги в среду «рядовых» промышленников, черпавших рабочую силу из кадра «квалифицированных» рабочих. <...>

По сведениям «Известий» Центрального военно-промышленного комитета, к концу 1915 г. в 31 крупном предприятии Урала числилось 140 тыс. рабочих, в том числе свыше 25 тыс. военнопленных, 12 тыс. женщин и 10 тыс. китайцев. <...>

Процентное отношение пленных к общему числу рабочих таково: лесопромышленность — 24 проц[ента], горнозаводские предприятия — 20 проц[ентов], суконно-ткацкое производство — 14 проц[ентов], льнопрядильно-ткацкое — 8 проц[ентов], машино- вагоностроительное — 7 проц[ентов] и кожевенно-обувное — 7 проц[ентов]. <...>

Зауральский край. 1916. 4 июня. (№ 122).

* * *

с. Бродокалмакское²⁵. Сельскохозяйственные работы

Сев яровых хлебов в текущем году уже закончился. Как проходили полевые работы, много говорить не приходится... Можно сказать лишь одно, что это был трудный сев... Недостаток рабочих рук был на первом плане... <...>

Ходатайство местного сельскохозяйственного общества об отпуске военнопленных Шадринским земством отклонено, и население осталось без работников — пленных...

И площадь посевов яровых хлебов в текущем году очень значительно сократилась. Особенно это заметно в хозяйствах, где все мужчины мобилизованы (а таких семейств немало). Недосев в таких хозяйствах выражается от 40 до 60 %. <...>

Иваникс

Зауральский край. 1916. 8 июня. (№ 125).

* * *

Ходатайство пленных чехов

Расквартированные в Екатеринбурге (в Александровских номерах) пленные офицеры австрийской армии — чехи обратились к благочинному екатеринбургских церквей протоиерею о. Ф. Коровину с просьбой представить епископу Серафиму²⁶ следующее свое ходатайство:

«Военнопленные офицеры — чехи, имена которых на приложенном списке, просят Ваше Преосвященство, чтобы им можно было перейти в Православие. Основания следующие:

Из истории известно, что чешский народ уже с тех пор, когда принял славянскую литургию, донесенную Кириллом и Мефодием в IX столетии, был в борьбе с Римом и католицизмом, который лишил наш народ его великого магистра Яна Гуса, который за свое религиозное убеждение и стремление, наследственное от наших отцов, в 1415 г. был сожжен. По его смерти гуситы, т.е. чешский народ, истекал кровью до тридцатилетней войны за свою жизнь и религию, за способы причащения св. Тайне хлебом и вином.

Габсбургской династии удалось силой оружия и помощью Рима отнять от нас нашу веру, отцов наших и принудить нас перейти в католицизм в Тридцатилетней войне, в которой нас почти истребили: из 5 миллионов осталось только 800 000.

Все дворянство чешское наказали смертью и всех лучших людей изгнали за границу чешского государства. Но народ чешский не изменил своему мученику Яну Гусу и до сих пор живет с тайным желанием и надеждой, что придет время, когда будет возможно ему отступить от Рима.

Вот и пора пришла! Доблестные войска русские воюют за самоуправление славянских народов, и Его Императорское Величество Великий царь Николай II хочет нас освободить.

И потому мы хотим сейчас сделать то, что после победы русского оружия и объединения нашего царства сделает наш народ, т.е. отступить от Рима и перейти в Православие.

Просим, чтобы наше прошение было принято и насколько возможно скоро исполнено, потому что многие из нас ожидают на днях призыва, чтобы сражаться с врагом славянства».

Под прошением подписались 33 офицера-чеха, среди них большинство: инженеры-строители, химики, архитекторы, учителя средних учебных заведений, чиновники и один профессор.

Зауральский край. 1916. 10 июня. (№ 127).

* * *

13 июня на воинских путях ст. Екатеринбург-I во время маневров военнопленному австрийцу нижнему чину К. Иштван, сядившемуся в вагон на ходу поезда, колесами вагона обрзало ступни обеих ног. Пострадавший отправлен в железнодорожную больницу.

Уральская жизнь. 1916. 16 июня. (№ 132).

* * *

23 июня 26 военнопленных чехов — 21 офицер и 5 нижних чинов их денщиков — присоединились к православию. По окончании службы многие молящиеся приветствовали присоединившихся цветами. Затем присоединившиеся и преосвященный Серафим, духовенство, крестные и т. д. были приглашены пленными в свое жилище — Александровские номера на Покровском проспекте.

Уральская жизнь. 1916. 25 июня. (№ 140).

* * *

Чешский хор

Пленные офицеры-чехи, присоединившиеся к православию, исполнили очень удачно молитву «Отче наш» во время обедни 29 июня в Златоустовском храме. Сегодня, 3 июня, в этом же храме офицеры-чехи будут петь за обедней «Отче наш» [и] «Верую». Но новоприсоединенные не ограничатся в будущем пением отдельных молитв, они, как слышно, разучивают всю литургию, и по испытании результатов этого изучения чешский хор в какой-либо праздник будет петь всю службу.

Зауральский край. 1916. 3 июля. (№ 146).

* * *

Добровольцы-чехи

24 июля из Екатеринбурга выехали на фронт пленные чехи-офицеры, присоединившиеся к православию. Все 26 офицеров вступают добровольцами в нашу армию, и их примеру следуют их денщики.

Чехи-екатеринбуржцы устроили своим сородичам теплые проводы.

В этот знаменательный для них день чехи-добровольцы были украшены розетками и бантами русских национальных цветов.

Их провожали задухшевыми пожеланиями — отличия на нашем фронте геройскими подвигами.

Зауральский край. 1916. 29 июля. (№ 168).

* * *

Пермский губернатор сообщил екатеринбургской городской управе, что ввиду частых случаев отказа военнопленных от исполнения возложенных на них работ и самовольного оставления работ за такие проступки они будут подвергаться более суровой, чем до сих пор, каре в виде ареста строгого, усиленного и, наконец, тюремного заключения. Распоряжение это касается всех видов труда военнопленных.

Уральская жизнь. 1916. 29 июля. (№ 169).

* * *

Снимки из жизни военнопленных

Ввиду распространяемых германским и австрийским правительствами измышлений о будто бы тяжелых условиях жизни военнопленных в России, заинтересованные ведомства предложили всем губернаторам тех губерний, где имеются лагеря военнопленных и где происходят массовые работы их, сделать фотографические снимки, которые могли бы иллюстрировать как повседневную жизнь пленных, так и все учреждения, обслуживающиеся их нужды: бараки, бани, кухни, хлебопекарни и т. д. Альбомы таких снимков будут представляться делегатам нейтральных держав до их посещения лагерей, с тем, чтобы они потом могли удостовериться в правдивости изображений.

Зауральский край. 1916. 4 августа. (№ 173).

* * *

Обязательное постановление главноначальствующего Пермской губернии, пермского губернатора, изданное по руководству правилами о военнопленных, утвержденными 6 апреля 1916 года министром внутренних дел по соглашению с министрами военным и земледелия

Воспрещается военнопленным, переданным военными властями в ведение гражданских властей и состоявшим на каких бы то ни было работах, всякие отлучки из места работ и появление на улицах, в публичных местах, а также в лесу, в поле и где бы то ни было вне места работ без сопровождения надлежащего конвоира или назначенного работодателем проводника.

Военнопленные, виновные в нарушении сего, подвергаются аресту на хлебе и на воде при ближайшем волостном правлении или становой квартире до семи суток постановлением ближайшей полицейской власти.

Главначальствующий губернатор Лозина-Лозинский²⁷

Уральская жизнь. 1916. 20 августа. (№ 186).

* * *

Обязательное постановление главноначальствующего Пермской губернии, пермского губернатора, изданное на основании ст. 15 и ст. 26 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, о находящихся в пределах Пермской губернии военнопленных, не подходящих под действие обязательных постановлений от 27 и 28 июля 1915 г.²⁸ с дополнениями к ним от 15 и 19 июля 1916 г.

1. Воспрещается по прибытии и отбытии военнопленных устраивать им какие-либо общие встречи или проводы, собираться толпою, производить шум и крики вступать с ними в разговоры и отношения.

2. Воспрещается подавать военнопленным всякого рода подавания, вспомоществования и пожертвования, иначе как с разрешения и через посредство военного начальника, в ведении коего они находятся.

3. Воспрещаются особые знаки внимания и ухаживания, входить в праздные разговоры, знакомства и близкие отношения с военнопленными.

4. Воспрещается принимать военнопленных партиями или в одиночку на работы без соблюдения порядка, установленного правилами об отпуске военнопленных на те или иные работы.

5. Воспрещается принимать от военнопленных всякого рода корреспонденцию для передачи по назначению или для отправки ее по почте, телеграфу и телефону, а равно получать таковую корреспонденцию на свое имя для передачи военнопленным и всякими вообще способами помогать военнопленным скрывать их корреспонденцию от военной цензуры.

6. Лица, виновные в нарушении сего постановления, подвергаются в административном порядке, по постановлению главноначальствующего или уполномоченного им лица, денежному взысканию до 3-х тыс. руб. или аресту до 3-х месяцев, или заключению в тюрьме на тот же срок.

С изданием сего обязательного постановления прекращается действие обязательного постановления от 21 февраля 1915 г. Настоящее постановление вступает в действие на другой день по получении на местах номера «Пермских губернских ведомостей», в коих оно отпечатано.

Главначальствующий губернатор Лозина-Лозинский²⁹

Уральская жизнь. 1916. 27 августа. (№ 192).

* * *

Когда могут покупать пленные

Ввиду необходимости установления времени для производства закупок на местном рынке пленными продуктов для своей надобности обывательский комитет обратился относительно разрешения этого вопроса к городской продовольственной комиссии.

Последняя определила: пленным предоставляется закупать бакалейные товары на базаре в дни не базарные, по понедельникам, в четверг, с 10 час[ов] утра до 3 час[ов] дня. Хлебные продукты разрешается покупать ежедневно с 12 час[ов] до 3 час[ов] дня.

Зауральский край. 1916. 4 октября. (№ 219).

* * *

Каслинское общество потребителей к празднику Рождества Христова выдавало сахар по 1½ ф. на чел., и те только пользовались, которые успели, а которые не успели или, может быть, их не было дома в то время, остались без сахара. Не взявшие сахар явились за ним на святках, и общество потребителей им этот сахар не выдало, ссылаясь на то, что оставшийся сахар отдан военнопленным.

Уральская жизнь. 1917. 21 января. (№ 17).

* * *

За знакомство с военнопленными

Главнотачальствующим Тобольской губернии за знакомство с водворенными в г. Тобольске подданными воюющих с Россией государств подвергнуты 3 обывательницы Тобольска штрафу по 1 000 р.

Зауральский край. 1917. 27 января. (№ 22).

* * *

Отобрание пленных

Уездная земская управа получила циркуляр относительно того, чтобы все военнопленные, находящиеся в уезде в личном услужении у частных лиц, занимающие должности кучеров, дворников, шоферов, приказчиков и пр., были сняты с этих работ и переданы земской управе.

Страна нуждается в работниках, и военнопленные должны быть использованы для работы по сел[ьскому] хозяйству и другим важнейшим отраслям оброны, а не быть в личном услужении. Таков смысл циркуляра.

Зауральский край. 1917. 5 февраля. (№ 29).

* * *

Земская медицина и военнопленные

Из доклада по медицине верхотурской уездной земской управы последнему очередному уездному земскому собранию видно, что из общего числа больных в земских больницах было принято 133 917 чел. и повторных 380 129. В то же время в докладе отмечается, что в уезде до 35 тыс. военнопленных, из них до 1 300 — в городе, главным образом, больных и неспособных к труду, лечившихся в земской больнице.

За 10 мес[яцев] лечилось 690 чел. [военнопленных]. Земское собрание по этому вопросу вынесло такое постановление: «Поручить управе через губернатора войти с ходатайством перед военным ведомством об освобождении земских больниц в г. Верхотурье от лечения военнопленных путем открытия в городе за счет военного ведомства особой больницы, удовлетворяющей в полном объеме потребности ведомства, а также ходатайствовать перед ведомством о возмещении земству расходов по лечению больных военнопленных, лечившихся за счет этого ведомства не по установленной таксе, а по действительной стоимости; при этом просит, чтобы расчет по действительной стоимости был установлен с начала открытия военных действий».

Зауральский край. 1917. 15 февраля. (№ 35).

* * *

Совещание по топливу

14 и 15 февраля в Екатеринбурге, в зале думских заседаний, под председательством уполномоченного по топливу в Уральском районе проф. П. П. Веймарна, состоялось совещание по вопросу о снабжении древесным топливом Уральского района.

На совещании участвовали уфимский губернатор г. Башилов³⁰, представители администрации городов, земств, заводууправлений и пр. Уральского района.

Совещанием приняты следующие постановления:

<...>

3. Для обеспечения работы заводов и железных дорог, для удовлетворения наиболее неотложных нужд жителей, особенно более крупных населенных центров, в течение 1917–1918 гг. и дальнейших лет необходимо принятие следующих мер:

<...>

и) предоставление в течение ближайшего времени Уральскому району для заготовок дров 17 000 военнопленных или обеспечение условий для получения соответствующего количества китайцев или местных инородцев.

Уральская жизнь. 1917. 19 февраля. (№ 39).

* * *

Работа военнопленных

Министерство внутренних дел предложило заменить всех военнопленных санитаров в земских и городских лечебных заведениях женскою прислугою, за исключением единичных случаев, когда работы совершенно непосильны для женщин. Эта замена может быть произведена постепенно, но с тем, чтобы она была закончена к 1 апреля, и чтобы к этому времени отчисленные от больниц и лазаретов пленные были переданы в сельские хозяйства к самому началу весенних полевых работ.

Зауральский край. 1917. 21 февраля. (№ 40).

* * *

Командующий войсками Казанского военного округа ввиду того, что военнопленные офицеры и солдаты закупают на базарах продукты в большом количестве, отдал приказ, чтобы военнопленные лично не закупали продуктов, и покупка для них делалась бы в определенные дни и по определенной норме.

Уральская жизнь. 1917. 22 февраля. (№ 41).

* * *

Ходатайство об отпуске военнопленных

Екатеринбургская уездная земская управа обратилась к Пермскому губернскому присутствию с тем, чтобы последнее от имени екатеринбургского земства возбудило перед Министерством земледелия ходатайство об отпуске на полевые работы военнопленных в количестве 3 000 чел.

Земство в своем обращении указывает, что необходимо, чтобы военнопленные были на месте не позднее 15 марта, т. к. с первых чисел апреля начнутся полевые работы.

Количество 3 000 чел. не может быть, по мнению земской управы, сокращено, т. к. значительное сокращение повлечет за собой значительное сокращение посевной площади.

В случае же, если ходатайство будет совершенно отклонено, то уезду угрожает опасность остаться без продовольствия.

Зауральский край. 1917. 23 февраля. (№ 42).

* * *

Приветствие военнопленных чехов

Группа военнопленных чехов в Нижнем Тагиле радостно и восторженно приветствует победу великого и светлого дела — освобождение русского народа от ига, которое до сих пор угнетало его. Мы, сыновья демократического народа, который существование свое и свободу защищал целыми веками от того врага, который был и Вашим врагом, с восторгом поздравляем Вас с великой победой братского славянского русского народа.

Жизнь нашего народа вся была посвящена борьбе за существование и свободу. Все знаменитые люди нашего народа посвящали все свои силы борьбе за право и свободу, принося в жертву этому великому идеалу свои жизни. Вот сын чешск[ого] народа Ян Гус, который 500 лет тому назад выступил первый за высокие идеалы права, справедливости и свободы; за это он был приговорен к мученической смерти немецким императором; но за этими светлыми целями наш народ идет до сих пор. И в самых тяжелых моментах нашего боя единственной нашей надеждой был братский славянский русский народ, всегда защищающий все слабые народы славянские от немецких агрессивных планов. Вы свергли иго ненавистной Вам вражеской власти, а наш народ все еще страдает под властью гнусных Габсбургов.

Русский народ в этой роковой борьбе поднял знамя революции во имя свободы, во имя культуры человечества; доблестная армия его сражается против исконного врага всего славянства: против германизации, против германского милитаризма. Мы, которые освободились от позорящего на австрийского ига, тоже подняли красное знамя революции против наших притеснителей. Тысячи наших борцов-революционеров сражаются теперь бок о бок с русскими солдатами-революционерами против общего нашего врага, поражение которого значит освобождение малых славянских народов, которые до сих пор страдают под деспотическим игом коварного врага.

Да здравствует Свободная Россия!

Да здравствует Свободная Славия!

(Следует 125 подписей).

Уральская жизнь. 1917. 25 марта. (№ 67).

* * *

Пожертвование в пользу жертв революции

В Н[ижне]тагильский Совет рабочих депутатов в пользу семей павших борцов за свободу сделаны пожертвования: от рабочих Высокогорского завода снарядного цеха — 284 руб. 90 коп., от рабочих Высокогорского завода механического цеха — 230 руб. 20 коп., от военнопленных германцев — 35 руб., от военнопленных чехов, работающих на Высокогорском механическом заводе, — 200 руб., от служащих торговых предприятий Н[ижнего] Тагила — 462 руб. 35 коп., от военнопленных чехов, находящихся при конторе заводских железных дорог — 30 руб. 50 коп., от рабочих механического завода Т[оварищес]тва Истомина-Воробьева — 28 руб., от рабочих учебно-показательных земских мастерских — 8 руб. 97 коп. и через товарища Мухина борцам за свободу — 89 руб. 25 коп. Всего — 1369 руб. 17 коп.

Деньги 1369 руб. 17 коп. отправлены 18 марта с. г. в Петроград на имя председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе.

Уральская жизнь. 1917. 28 марта. (№ 68).

* * *

Сад народных развлечений

Как уже сообщалось, новый арендатор Харитоновского сада г[осподин] Кастанаев намеревался составить оркестр для сада из военнопленных, проживающих в настоящее время в гор. Ирбите, с этой целью он и возбудил соответствующее ходатайство о разрешении ему вывезти из Ирбита до 25 человек музыкантов-военнопленных.

Ходатайство было возбуждено перед пермским губернским комиссаром, который сообщил, что т.к. военнопленные отпускаются военным ведомством для производства работ, а не для игры в оркестрах, хотя бы даже в свободное от работы время, а также принимая во внимание острую нужду в рабочих руках для сельскохозяйственных работ и предприятий, работающих на оборону, ходатайство М. Х. Кастанаева набрать в г. Ирбите оркестр из 25 военнопленных для игры в течение лета в указанном саду народных развлечений ни в коем случае удовлетворено быть не может.

Страна нуждается в работниках, и военнопленные должны быть использованы для работы по сел[ьскому] хозяйству и другим важнейшим отраслям обороны, а не быть в личном услужении. Таков смысл циркуляра.

Зауральский край. 1917. 2 мая. (№ 95).

* * *

Волнения среди военнопленных

Среди военнопленных, работающих на первом участке Северо-Восточной Уральской железной дороги, возникли волнения. Исполнительной комиссией Комитета общественной безопасности был командирован делегат к месту волнений, который и выяснил, что причиной волнений послужило поведение начальника участка инженера Коллодия и старшего рабочего К. Колесова. Волнения удалось пресечь путем взаимных уступок.

Среди военнопленных, работающих на гончарном заводе П. Ф. Давыдова, возникли волнения ввиду малой заработной платы. Исполнительной комиссией на завод командирован гр[ажданин] Плишкин.

Уральская жизнь. 1917. 6 мая. (№ 97).

* * *

с. Бродокалмакское Шадринского уезда

В конце апреля под председательством вернувшегося с фронта В. Т. Сухова состоялось собрание граждан-солдат и некоторых жителей села. Собранием признана необходимость организации всех возвращающихся граждан-солдат, какую организацию решено назвать «Военная организация для защиты интересов местного населения».

На митинге, устроенном этой новой организацией, вынесено постановление: обратиться в Бродокалмацкий волостной совет сельских депутатов с следующими ходатайствами: <...> установить для военнопленных норму потребления продуктов и запретить держать свиней, которых они откармливают на убой, тогда как наши военнообязанные и пленные в Германии умирают с голода. <...>

Зауральский край. 1917. 24 мая. (№ 111).

* * *

Забастовка и побег пленных

Вернулся из поездки в Ревдинский завод член Исполнительного комитета совета с[олдатских] и р[абочих] депутатов прапорщ[ик] Чернышев.

Гр[ажданин] Чернышев доложил совету о забастовке пленных, происшедшей на постройке линии Казань-Екатеринбургской ж[елезной] дороги.

На железнодорожной выемке Рогальского забастовка была организована работающими тут 25 пленными немцами.

Причина забастовки — намерение подрядчика удалить 5 чел. немцев в лагери для военнопленных.

Забастовка продолжалась 4 дня, закончилась под влиянием уговоров бастующих одного из построечных инженеров. Все бастовавшие теперь работают.

Но не так благополучно обстоит дело на работах 5-го туннеля. Там проходит организованная итальянская забастовка пленных.

Кроме того, пленные бегут с работ ежедневно по 2, по 3 человека. Администрация боится остаться без рабочих рук. Охраны на работах 5-го туннеля совершенно нет.

Администрация высказывается за целесообразность военной охраны для пленных. Кроме администрации за применение военной охраны также высказался и председатель рабочего комитета

Заслушав доклад прапорщика Чернышева, совет письменно сообщил заведующему лагерями военнопленных: Совет принимает меры к улучшению условий труда всех рабочих, т. е. как русских, так и военнопленных. Если рабочие-пленные покидают работу, не дождавшись результатов своих требований, то их надлежит возвращать обратно на работы.

Зауральский край. 1917. 7 июня. (№ 123).

* * *

На днях в Невьянском заводе состоялось собрание солдат, на котором был вынесен ряд постановлений, сводящийся к тому, чтобы военнопленные не ходили без охраны, был усилен над ними надзор, и чтобы за небрежную работу и отказ от таковой пленные подвергались наказанию и переводились на более грязные и тяжелые работы.

Уральская жизнь. 1917. 9 июля. (№ 147).

* * *

Клеймение одежды военнопленных

И[сполняющий] д[ела] губернского комиссара разослал уездным комиссарам, начальникам городской и уездной милиции и всем учреждениям, у которых имеются на работах военнопленные, следующий приказ:

«Главное управление Генерального штаба через начальника штаба Казанского военного округа уведомило меня телеграммой, что ввиду неполучения положительных результатов от дипломатических переговоров с Германией и Австро-Венгрией по вопросу об отмене нашивания полос на одежде наших пленных и клеймения одежды масляной краской, Комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста постановило ныне же, в виде общего мероприятия, ввести и у нас клеймение одежды военноплен-

ных германцев и австрийцев и других вражеских пленных и для этого установил знак «В. П.», который должен быть нарисован на левом рукаве одежды военнопленных масляной краской. Означенное постановление касается только солдат.

В отношении же пленных офицеров вражеских армий решено никаких отличительных знаков не устанавливать, а если в пределах губернии такие знаки уже установлены и пленные офицеры носят их, то надлежит эти знаки отменить.

Сообщая об изложенном прошу Вашего распоряжения о скорейшем приведении этого распоряжения в исполнение и о времени исполнения меня уведомить»³¹.

Зауральский край. 1917. 11 июля. (№ 150).

* * *

Арест коменданта

Около двух месяцев назад комендантом лагеря военнопленных в г. Екатеринбурге был назначен прапорщик Кухтерин. Вскоре по вступлении в должность Кухтерин начал проявлять особенное рвение к открытию и задержанию германских шпионов, подозревая в шпионаже чуть не каждого иностранца. На этой почве у него происходила масса недоразумений. Особенное внимание Кухтерин обратил на Американскую гостиницу, где живет представитель Шведского Красного Креста господин Н[орлин], которого он заподозрил в шпионаже. Явившегося в лазарет военнопленных экспедитора шведского представителя Норлина германского подданного Адлера Горна он арестовал, ссылаясь на то, что тот как германский подданный не имеет права посещать лазарет пленных.

После ареста Горна Кухтерин являлся в Американскую гостиницу, иногда в нетрезвом виде устраивал там дебоши, бил прислугу и пр. На днях Кухтерин явился в Покровскую аптеку, где избил, а затем арестовал служившего там военнопленного. В аптеке Кухтерин буянил и оскорбительно ругал аптекарских служащих, размахивая при этом шашкой. Кроме того, Кухтерин у военнопленных производил обыск, забирая без всякой описи ценные вещи, табак и пр. На деятельность Кухтерина обратила внимание следственная комиссия Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, которая, произведя расследование, донесла командующему войсками, по распоряжению которого начальником екатеринбургского гарнизона Кухтерин отстранен от должности, арестован и на днях будет отправлен в штаб Казанского военного округа.

Предполагают, что Кухтерин на почве контузии страдает манией шпионажа.

Уральская жизнь. 1917. 11 октября. (№ 159).

* * *

Набор военнопленных

Пермский губернский комиссар сообщил, что, согласно распоряжения Главного управления Генерального штаба, ныне производится повсеместно набор добровольцев из военнопленных румын, для каковой цели командированы специальные уполномоченные румынского правительства.

По сообщению начальника Казанского военного округа, набор добровольцев из пленных румынской нации продвигается крайне неуспешно, так как уполномоченные встречают на местах постоянные затруднения со стороны населения, а также часто отрицательное отношение гражданских властей и индифферентное отношение военной администрации. Имеются также сведения, что всевозмож-

ные комитеты и комиссии из рабочих при фабрично-заводских предприятиях и железнодорожных станциях и даже сами работодатели умышленно препятствуют набору пленных. Поэтому губернский комиссар во исполнение распоряжения Главного управления Генерального штаба настоятельно просит уездных комиссаров и начальников милиции широко оповестить население, чтобы оно не только не чинило препятствий в деле набора военнопленных румын, но и по силе возможности содействовало в этом наборе.

Зауральский край. 1917. 13 октября. (№ 163).

* * *

О военнопленных

Министерство внутренних дел циркулярно сообщило губернским и областным комиссарам, что в Центральный комитет по делам военнопленных при главном управлении Красного Креста поступили сведения о том, что работающие на некоторых фабриках и частных предприятиях военнопленные находятся на совершенно исключительном положении. Военнопленные живут свободно, одеты в штатское платье, причем некоторые имеют по несколько пар сапог, имеют на руках крупные деньги от одной — двух тыс. руб. и т. д. Ввиду этого министерство, считая недопустимым такое положение у нас военнопленных, предписывает комиссарам отбирать у военнопленных лишние запасы платья и белья и, кроме того, обязать сдать в депозит все деньги, оставив на руках не более 15 руб. в месяц.

Зауральский край. 1917. 15 октября. (№ 165).

* * *

Просьба военнопленных

Группа военнопленных, работающих в гор[одском] ассенизационном обозе, обратилась к гор[одскому] самоуправлению с просьбой выдать теплую одежду, указывая, что в противн[ом] случае им придется оставить работы, т. к. жалование их слишком незначительно для того, чтобы обмундироваться.

Зауральский край. 1917. 15 октября. (№ 165).

Примечания

- 1 О соотношении государственной и независимой печати на Урале в начале XX в. см.: *Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М., 2001. С. 73, 605–607.
- 2 Историю газет «Уральская жизнь» и «Зауральский край» см.: *Павлов В. А. Крах буржуазной прессы Урала 1917 года // Вопросы истории печати.* Свердловск, 1974; *Он же. Очерки истории журналистики Урала.* Т. 2. Кн. 2. (1880–1890-е гг.). Екатеринбург, 1997; *Периодика Урала. Дореволюционные издания.* Вып. 1. Библиографический указатель / Сост. Г. М. Савиных. Свердловск, 1976; и др.
- 3 Здесь и далее подсчеты автора.
- 4 См., например: *Зауральский край.* 1916. 8 января, 15 января, 18 февраля, 4 июня, 8 июня; 1917. 2 мая; *Уральская жизнь.* 1917. 19 февраля, 21 февраля, 28 марта, 11 октября; и др.
- 5 См., например: *Зауральский край.* 1916. 17 ноября, 21 ноября, 23 декабря; 1917. 4 января; и др.
- 6 Ныне ст. Свердловск Пассажирский.
- 7 Здесь и в предыдущем сообщении речь идет о так называемых гражданских пленных, т. е. поданных враждебного государства, которых война застала на территории противника и которые подлежали принудительной эвакуации вглубь страны.
- 8 Изоляционные бараки для пленных были устроены, помимо Екатеринбургского, в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Оханском, Пермском и Соликамском уездах, а в Ирбите за счет губернского земства был оборудован специальный госпиталь на 210 коек.

- 9 Так в документе. Точное название села — Верхние Муллы. Здесь, в 9 верстах от Премии, был создан первый в регионе стационарный лагерь для пленных иностранцев.
- 10 Во время эпидемии брюшного тифа в Верхних Муллах заболел 221 пленный и 54 скончались. При ее ликвидации заразились 30 чел. медицинского персонала и 11 служителей казачьей сотни, охранявшей пленных; из них 7 чел. погибло. (Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013; 1915. № 1–2. С. 71).
- 11 Имеются в виду здания Вознесенского мужского и Гоголевского женского начальных народных училищ.
- 12 Об упоминаемых здесь и далее улицах и площадях Екатеринбурга см.: Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002; *Зорина Л. И., Служкин В. М.* Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.
- 13 Верх-Исетский народный дом-театр — построен в 1900 г. Обществом попечительства о народной трезвости на Верх-Исетской площади между г. Екатеринбург и Верх-Исетским металлургическим заводом. Самый большой театральный зал Екатеринбурга (1 100 мест). Утратил значение центра театральной жизни Екатеринбурга и Верх-Исетского завода после открытия в 1912 г. Нового городского театра.
- 14 Очевидно, речь идет о суконной фабрике, принадлежавшей наследникам братьев Злоказовых.
- 15 Имеется в виду льнопрядильно-ткацкая и мешочная фабрика товарищества «Братья Макаровы».
- 16 Сандецкий Александр Генрихович (1851–1918), военный, генерал от инфантерии (с 18 апреля 1910). С 24 сентября 1907 г. — командующий войсками Казанского военного округа, с 7 июля 1912 г. — член Военного совета. При проведении мобилизации 19 июля 1914 г. назначен временно командующим войсками Московского военного округа. 24 апреля 1915 г. зачислен в распоряжение Верховного главнокомандующего. С 8 августа 1915 г. по март 1917 г. — снова командующий войсками Казанского военного округа.
- 17 ВПК — военно-промышленный комитет. О Центральном и Уральском ВПК см.: *Адамов В. В.* Из истории местных военно-экономических организаций в годы Первой мировой войны (военно-промышленные комитеты на Урале) // Вопросы истории Урала. № 1. Свердловск, 1958. С. 82–95; *Сергеева С. Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; *Ваганова Л. В., Рукоусев Е. Ю.* Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1918–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; и др.
- 18 Магницкий Николай Флегонтович (1859, Камышлов — ?), юрист, общественный деятель. Юрис-консульт екатеринбургского городского общественного банка, городской думы, екатеринбургского биржевого комитета, екатеринбургского отделения Волжско-Камского банка, Сергинско-Уфалейских горных заводов, Шайтанских горных заводов и т. д. Гласный Екатеринбургской городской думы (1894–1919), член думских комиссий, в том числе председатель юридической комиссии и представитель города в Совете по делам местного хозяйства. Состоял гласным уездного земства, председателем попечительного совета 2-й женской гимназии, председателем библиотеки им. В. Г. Белинского, членом благотворительного общества, семейно-педагогического кружка, УОЛЕ и т. д. В 1908 г. во время суда над екатеринбургской городской организацией кадетов выступал в качестве защитника. В 1917–1919 гг. принимал участие в антисоветской борьбе: товарищ главноуправляющего Министерства внутренних дел областного правительства. Эмигрировал во Францию. Автор благодарит за любезно предоставленную информацию н. с. ИИиА УрО РАН В. П. Микитюка.
- 19 Закладка здания (архитекторы — братья Бернардацци) под будущий горный институт в Екатеринбурге состоялась 17 июля 1916 г. Через два года стройка была заброшена, и занятия студентов пришлось проводить в арендованных помещениях.
- 20 фон Веймарн Петр Петрович (1879–1935), горный инженер, ученый. Открыл новое направление в науке — коллоидную химию. По просьбе екатеринбургского городского головы А. Е. Обухова, лично приехавшего в Санкт-Петербург просить Веймарна взять на себя труд поднять на Урале горный институт, осенью 1915 г. переехал в Екатеринбург, где стал председателем строительной комиссии Уральского горного института и его первым ректором. Несмотря на то, что институт так и не был построен, 11 ноября 1917 г. Екатеринбургская городская дума на одном из последних заседаний присвоила П. П. фон Веймарну звание почетного гражданина города. Летом 1919 г. институт по решению Веймарна эвакуировался на восток с отступающими войсками А. В. Колчака. Год спустя Веймарн возглавил Владивостокский политехнический институт. Эмигрировал в Японию, где до 1931 г. работал в Осаке в Императорском индустриальном институте, затем — в частной лаборатории в Кобе. Умер в Шанхае.

- 21 Симонов Александр Максимович (1858–?), общественный деятель. Гласный Екатеринбургской городской думы (1884–1917), гласный (1888–1917) и председатель (1904–1917) Екатеринбургского уездного земства, член и председатель попечительных советов городской больницы, роддома, 1-й женской гимназии (с 1904), член-учредитель Вольного пожарного общества (с 1879) и начальник трубного отряда, член Общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде, член УОЛЕ (с 1884). В 1905–1907 гг. — член партии кадетов. В 1919 г. уехал из Екатеринбурга, позднее вернулся и проживал как частное лицо.
- 22 Обухов Александр Евлампиевич (1864–?), лесничий, общественный деятель. Гласный Красноуфимского уездного и Пермского губернского земств (1897–1899), гласный Екатеринбургской городской думы (с сентября 1906) и городской голова Екатеринбурга (1908–1917), почетный мировой судья (1906–1917), председатель Екатеринбургского общества взаимного страхования (с 1910), член заводского совещания Уральского района, председатель Екатеринбургского общывательского комитета (с октября 1915), член комиссии по строительству горного института.
- 23 Речь идет о правилах отпуска военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях от 17 марта 1917 г.
- 24 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), государственный деятель, дипломат. На дипломатической службе — с 1883 г. Карьеру начал с должности секретаря посольства в Лондоне, затем был посланником при папе Римском. В 1909 г. назначен товарищем министра иностранных дел, а в 1910 г. — министром. В 1916 г. получил отставку и был назначен присутствующим членом Государственного Совета. 12 января 1917 г. назначен царским послом в Лондон, но пост не занял по причине Февральской революции. В 1918–1920 гг. — член белогвардейских правительств А. В. Колчака и А. И. Деникина, их представитель на Парижской мирной конференции, где добивался расширения интервенции против Советской России. Умер в Ницце.
- 25 Село в Шадринском уезде.
- 26 Серафим (в миру Голубятников Сергей Георгиевич, 1856[1857]–1921), епископ Екатеринбургский и Ирбитский. В 1879 г. окончил Воронежскую Духовную семинарию. В 1879 г. назначен учителем Новосетинского народного училища Острожского уезда Воронежской губернии, с 1880 г. — псаломщик в Донской епархии, 2 августа 1881 г. рукоположен во иерея. В 1895 г. поступил в Московскую Духовную академию, окончил ее в 1899 г. со степенью кандидата богословия. 9 октября 1899 г. принял постриг с именем Серафим и был назначен казначеем Чудова монастыря. 11 мая 1900 г. назначен настоятелем Высоко-Петровского монастыря в Москве с возведением в сан архимандрита. 2 января 1905 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии 15 февраля 1908 г. назначен епископом Подольским и Брацлавским, 20 марта 1914 г. — епископом Екатеринбургским и Ирбитским. 10 мая 1917 г. как один из самых твердых и последовательных монархистов в среде русского епископата епархиальным съездом духовенства изгнан из епархии. Уволен на покой с назначением местопребывания в Московском Новоспасском монастыре. В январе 1918 г., когда монастырь был превращен в тюрьму, епископ Серафим стал ее первым узником. Там и погиб.
- 27 Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский Михаил Александрович (1865–?), государственный деятель, действительный статский советник. Окончил Императорское училище правоведения, привилегированное учебное заведение, в котором обучались только дети потомственных дворян. В мае 1885 г. поступил на государственную службу. В апреле 1900 г. зачислен в ведомство Министерства внутренних дел, где занимал пост управляющего отделом земского хозяйства в Главном управлении по делам местного хозяйства. 22 сентября 1907 г. назначен тифлиским губернатором, пребывал в этой должности до 10 мая 1911 г. В 1914–1917 гг. — пермский губернатор. 6 марта 1917 г. во исполнение распоряжения председателя Временного правительства губернатор М. А. Лозина-Лозинский и вице-губернатор Л. В. Лыщинский-Троекуров подписали акт о передаче власти в губернии председателю губернской земской управы Е. Д. Калугину.
- 28 Речь идет об «Обязательном постановлении о военнопленных, сданных на работы в частных промышленных предприятиях в пределах Пермской губернии» от 27 июля 1915 г. и «Обязательном постановлении о военнопленных, сданных на сельскохозяйственные работы в пределах Пермской губернии» от 28 июля 1915 г.
- 29 Это и предыдущее постановления были опубликованы в «Пермских губернских ведомостях» 11 августа 1916 г. (№ 33).
- 30 Башилов Петр Петрович, государственный деятель, действительный статский советник. С 21 января 1906 г. до 11 июля 1907 г. — эстляндский губернатор, с 13 июля 1907 г. по 28 февраля 1911 г. — новгородский губернатор. С 28 февраля 1911 по 1917 г. — уфимский губернатор.
- 31 Документ был подписан и. д. пермского губернского комиссара по губернскому правлению В. Турчевичем 22 июня 1917 г.

П. А. Козлов
Москва

Роль периодической печати в президентских выборах 1996 г. в Российской Федерации

История современной России начинается с конца декабря 1991 г., когда в результате глубокого социально-экономического и политического кризиса прекратил свое существование СССР. Новому государству предстояло попытаться остановить действие деструктивных процессов, охвативших многие сферы, восстановить управляемость в стране и перейти к реформированию всей системы общественных отношений.

Радикальные экономические и социальные реформы, о планах введения которых так много говорилось в 1990–1991 гг., начались в России в январе 1992 г. Однако промежуточные результаты начавшихся преобразований кардинально отличались от заявленных в начале целей. Либерализация цен привела к их росту, который значительно отличался от правительственных прогнозов. На многие товары цены выросли в десятки раз. Из-за инфляции сгорели многолетние сбережения населения, большую часть которых составляли вклады далеко не самых богатых граждан. Промышленность, финансовая сфера, как и другие, жизненно важные государственные отрасли, как и вся страна в целом, находились в состоянии глубочайшего кризиса. В 1996 г. срок президентского мандата Б. Н. Ельцина подходил к концу.

По результатам сборов кандидатами подписей и проверки их ЦИК РФ к участию в выборах на должность Президента РФ были зарегистрированы одиннадцать кандидатов: Владимир Брынцалов, Юрий Власов, Михаил Горбачёв, Борис Ельцин, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Александр Лебедь, Аман-Гельды Тулеев, Святослав Федоров, Мартин Шаккум, Григорий Явлинский. Девять из одиннадцати вышеупомянутых кандидатов априори не обладали серьезными шансами на победу, решая выставлением своих кандидатур иные, более локальные, задачи¹. Еще перед первым туром была очевидна поляризация сил, и поскольку никто из кандидатов не достиг отметки в 50 %, а наивысшие показатели, как и предполагалось, набрали Б. Н. Ельцин и Г. А. Зюганов, основная борьба развернулась между двумя этими кандидатами. Поскольку они были основными претендентами на президентский пост и обладали серьезными предпосылками для того, чтобы одержать победу, в статье внимание будет преимущественно уделено именно их соперничеству.

Президентская кампания 1996 г. проходила в весьма сложных для страны условиях, что оказало сильное влияние на ее специфику. Проводившийся президентом Б. Н. Ельциным курс, провальные итоги экономических реформ, фактическое разграбление государственной собственности путем проводившейся приватизации, тяжелейшие условия существования подавляющего большинства населения страны и начавшиеся боевые действия в Чечне больно ударили по рейтингу популярности Б. Н. Ельцина и привели к практически полной утрате им авторитета и поддержки среди населения страны.

Перечисленные обстоятельства, наряду с успешно проведенной избирательной кампанией в Парламент в декабре 1995 г., делали лидера КПРФ Г. А. Зюганова самым реальным альтернативным кандидатом на президентское кресло. Однако

перспектива прихода к власти представителя от Блока Народно-патриотических сил и кардинальное изменение дальнейшего хода и направления развития страны не устраивала тех, кто стал обладателями огромных капиталов, незаконно добытых во время приватизации.

Именно по этой причине перед силами, которые поддерживали Б. Н. Ельцина, встала задача любой ценой, любыми методами добиться его переизбрания на второй срок.

Данная задача решалась комплексом различных методов, а именно:

- разработанная стратегия популистских шагов;
- участие в избирательной кампании подставных фигур с целью отобрать голоса у Г. А. Зюганова;
- при помощи некоторых других методов, среди которых одним из важнейших являлось использование пропагандистской кампании в средствах массовой информации, в частности, в периодической печати.

В современном мире средства массовой информации играют огромную роль практически во всех без исключения сферах общественной жизни. Как представляется, не стоит отрицать или приуменьшать значение СМИ как одного из важнейших инструментов политической борьбы, умелое использование которого позволяет его обладателям решать сложнейшие политические задачи в достаточно ограниченные сроки. С их помощью оказывается возможным внедрять в массовое сознание установки, соответствующие корпоративным устремлениям СМИ-сообщества и влиятельных группировок политической и экономической элиты². Такие изменения создают благоприятную среду для целенаправленного манипулирования массовым сознанием.

Широко распространено мнение о том, что СМИ сыграли огромную, если не решающую, роль в крупнейших политических событиях последних лет, в частности, стали одним из важнейших факторов успешного переизбрания Бориса Ельцина на второй срок³.

Целью данной статьи является анализ материалов периодической печати как инструмента информационно-пропагандистского обеспечения президентских выборов 1996 г. Хотя источником здесь может являться весь пласт периодической печати, для решения поставленных задач целесообразно ограничить круг этих изданий наиболее репрезентативными. Критериями отбора периодических изданий для нас выступили значение изданий в структуре периодической печати, специфика изданий, в том числе их идеологическая направленность, и уровень популярности.

Можно выделить три основных идеологических направления, каждое из которых представлено в статье одним или несколькими периодическими изданиями.

Проельцинское направление, позиционировавшее себя как «либерально-демократическое». В данной статье представлено газетой «Московский комсомолец». Это периодическое издание выходило ежедневно, его средний тираж составлял 2,3 млн экз. Газета «Московский комсомолец» имела наибольший тираж среди всех использованных в исследовании газет. Судя по тиражу можно сделать вывод, что газета обладала серьезным уровнем популярности среди читателей, имела высокий потенциал для проведения предвыборной агитации. Говоря о проблематике, которой уделялось внимание на страницах этого издания, стоит отметить, что на протяжении 1995–1996 гг. газета пристально следила за ходом

предвыборной кампании в Государственную Думу и Совет Федерации, а также за ходом борьбы за кресло президента РФ. На страницах издания публиковались не только аналитические материалы корреспондентов газеты, но и мнения непосредственных участников политических баталий. Помимо предвыборных гонок газета освещала и другие злободневные темы текущего времени — внутреннюю политику, развитие ситуации в Чечне, ситуацию в российской экономике, сельском хозяйстве, различные культурные мероприятия и многое другое. Материалы газеты не отличались глубокой аналитикой, поскольку были рассчитаны на среднестатистического гражданина, однако, данное обстоятельство не является недостатком газеты для нашего исследования, поскольку в первую очередь нас интересует содержание информации, а не глубина ее анализа на страницах данного издания. В процессе анализа материалов «Московского комсомольца», исходя из их построения и содержания, тематической направленности, можно сделать вывод, что газета адресовалась в первую очередь молодежной аудитории читателей. Одним из главнейших и особо красноречивых слоганов газеты являлся лозунг «Голосуй сердцем». Такой посыл предполагал, что избиратели, в основном молодые люди, должны руководствоваться в своем выборе не разумом, а, в первую очередь, эмоциями, предрассудками и стереотипами, которые внушались электорату. Со страниц газеты людей зомбировали опасностью возвращения системы лагерей, экспроприацией частной собственности, карточной системой, пустыми полками магазинов и другими опасностями. В сознании избирателей должен был сформироваться эдакий симбиоз квазисистемы, которой в реальности никогда не существовало.

Лево-патриотическое, в том числе прокоммунистическое направление. Оно представлено в статье двумя изданиями. Газета «Советская Россия» выходила несколько раз в неделю тиражом в 250 тыс. экз. и представляла собой авторитетное издание, выражавшее позицию прокоммунистической части общества. Со страниц газеты выражалась точка зрения, принятая партией КПРФ и ее лидером Г. А. Зюгановым. Во время подготовки к парламентским выборам, проходившим в декабре 1995 г., и президентским — 1996 г., издание активно участвовало в агитации, публиковало на своих страницах многие официальные документы КПРФ и кандидата на пост Президента Г. Зюганова, материалы о нем. К примеру, на страницах издания был опубликован целый предвыборный цикл в поддержку Г. Зюганова и КПРФ на парламентских выборах⁴, а также предвыборная платформа Г. Зюганова уже в качестве кандидата от Блока народно-патриотических сил⁵. Среднестатистический тираж газеты «Завтра» составлял 100 тыс. экз. Издание выходило всего четыре раза в месяц. Сразу после старта избирательной кампании 1996 г. по выборам Президента РФ газетой был поддержан только один кандидат — Г. Зюганов. В издании подробно освещалась его предвыборная кампания⁶. За несколько месяцев до выборов, приложением к газете вышли специальные предвыборные выпуски «Зюганов». В свою очередь, печатные органы, поддерживавшие Г. А. Зюганова, обращались к избирателям с призывом голосовать «не только сердцем, но и разумом». Со страниц газет данного идеологического направления звучала критика в адрес президента и правительства. Хотя материалы периодики данного направления также не отличались беспристрастностью и объективностью, они, в отличие от своих политических оппонентов, не прибегали к методам откровенной лжи, клеветы и грязных политических технологий.

Либеральное направление. В статье представлено изданием «Независимая газета», выходящим средним тиражом в 55 тыс. экз. Данное направление претендовало на объективность, формально не отдавало своих симпатий ни одному из двух основных кандидатов, склоняясь к объективной критике и выявляя слабые стороны и недостатки каждого из них. В отличие от первых двух направлений, «Независимая газета» стремилась отразить отношение к происходящему с максимальным исключением эмоций, на сугубо рассудочной основе, предлагая на своих страницах попытку анализа сильных и слабых сторон каждого из двух основных кандидатов. Данное периодическое издание было направлено на образованную, критически мыслящую аудиторию, интеллигенцию.

Рассмотрим предвыборную кампанию в прессе в поддержку Б. Н. Ельцина, согласно стратегии которой, в своей предвыборной агитации он должен был отталкиваться в большой степени от тех направлений во внутренней и внешней политике, а также в экономической сфере, по которым его критиковала оппозиция. Таким образом, сформулированные Б. Ельциным направления работы на следующий президентский срок, за который он собирался побороться, выглядели следующим образом: борьба с бедностью на основе экономического роста; защита семьи, материнства и детства, развитие здравоохранения; развитие культуры, образования и науки; борьба с преступностью и коррупцией; правовая реформа; мир в Чечне; военная реформа; отстаивание российских интересов за рубежом; интеграция с соседями по СНГ; укрепление гражданского мира в России⁷.

Говоря о печатных средствах массовой информации, находившихся на стороне Б. Ельцина, стоит отметить следующую тенденцию. Как уже упоминалось, благодаря поддержке, оказанной Б. Ельцину представителями российской финансовой элиты, в распоряжении президентского избирательного штаба находилось большинство многотиражных газет и журналов страны. Кроме того, ему была обеспечена поддержка со стороны всех крупных телекомпаний — ОРТ, РТР, НТВ, ТВ 6, которые использовались в качестве проводника президентской политической линии. Это давало возможность, в условиях фактической монополии на общероссийские СМИ, освещать все события и акции в одном и том же ключе, и посредством популистских акций и их освещения через СМИ привлекать на свою сторону избирателей, которые, казалось бы, полностью разочаровались к 1996 г. в политике президента.

В поддержку Б. Ельцина было напечатано огромное количество предвыборных памфлетов, листовок и плакатов. К примеру, Общероссийское общественное движение «Реформы — новый курс» опубликовало ряд брошюр, суммировав аргументы избирателей различных категорий. Первой из этой серии вышла брошюра «Почему мы голосуем за Ельцина»⁸. Вслед за тем, вышел еще ряд схожих материалов, инициированных, по словам авторов, письмами, приходившими со всей страны. Эти письма были обобщены в небольшие тематические брошюры, использовавшиеся для агитации в пользу Б. Ельцина. Каждая из брошюр выступала как бы от отдельной социальной группы.

Такой, к примеру, была брошюра «Почему российская “глубинка” голосует за Ельцина», в которой приводились всевозможные «неоспоримые» доводы в пользу действовавшего Президента. «Глубинка» любит и ценит настоящих и сильных людей. Ельцин — крепкой, уральской породы. А мужики там исстари

были “сурьезные”, что тамошний гранит»⁹. Ельцин, как считает «глубинка», человек честный в отличие от многих в «коридорах власти».

«Не может он так, как они там привыкли — когда говорят одно, делают другое, а думают так вовсе о третьем. Вот и плохое у Ельцина с ними взаимопонимание»¹⁰.

Борис Николаевич «на фоне записных говорунов, конечно, не оратор. Зато делает много. И решительности ему не занимать. Крутой мужик, что говорить»¹¹. Ельцину нужно поверить хотя бы потому, что он сам из «глубинки» и не по рассказам знает о жизни там. Согласно мнению составителей брошюры, люди в стране уже отвыкли от прежней, коммунистической власти и привыкли к проводимым реформам, которые нужно продолжать, «а не крутить “кино” обратно»¹². Подводя итоги, авторы призывают отдать свои голоса Б. Ельцину, потому что «из всех нынешних претендентов на президентство он самый “глубинный”, “крестьянский” кандидат»¹³.

В поддержку Б. Ельцина была также подготовлена брошюра, выражавшая точку зрения «старшего» поколения, ветеранов¹⁴. Со страниц здесь звучит и критика в адрес действующего Президента за неудачи в реформировании, за ухудшение уровня жизни: «Многие из нас недовольны им. Есть и малые обиды — живем не слишком богато, есть и большие — реформы во многом лишили нашу жизнь ее прежнего высокого смысла»¹⁵.

Однако они убеждены в том, что эти ошибки в будущем не повторятся: «Ельцин на одни грабли наступать не будет. И Гайдару больше вряд ли поверит, и в новую Чечню вряд ли полезет. А главное — от ответственности за ошибки не отказывается»¹⁶.

В общем, оглядываясь назад, на период первого президентского срока Ельцина, они делают вывод, что у Б. Н. Ельцина действительно есть серьезный расчет на годы вперед, «есть видение новой России и есть желание доделать то, что уже начато ради будущего страны, ради наших детей и внуков»¹⁷. Движение России, если у власти останется Б. Н. Ельцин, обещала агитационная брошюра, обязательно станет более осмысленным, более четким и более человеческим. Президент обязан, и он сделает все для повышения уровня жизни населения, — особенно для слабо защищенных в социальном плане слоев. «Вот на этих условиях, с таким “наказом” мы будем голосовать за него 16 июня»¹⁸, — звучит призыв, с которым обращаются к избирателям от лица ветеранов составители брошюры.

На первый взгляд, у действовавшего Президента РФ Б. Ельцина не было острой необходимости в привлечении альтернативной периодической печати для того, чтобы сохранить свою должность на второй срок. Для избирательной кампании было вполне достаточно ежедневных официальных газет, радио и телевидения. Казалось бы, не имело смысла финансировать новые издания, однако, на то были свои веские причины. Альтернативная периодическая печать за годы своего существования зарекомендовала себя как вечная оппозиция власти, и поддержка Б. Ельцина на страницах таких изданий не оставляла шансов для тех, кто обвинял Президента РФ в использовании административного ресурса в своей избирательной кампании. К тому же, плата за участие в агитационной кампании проводилась в обход российского законодательства наличными деньгами. Об этом свидетельствует ставший хрестоматийным эпизод с выносом иностранной валюты в коробке из-под бумаги для копировального аппарата «Херох» активистами штаба избирательной кампании Б. Ельцина — А. Евстафьевым и

С. Лисовским (с 19 на 20 июня 1996 г.). Поэтому создание новой газеты или финансирование уже существовавшей не представляло особых затруднений. Таки-ми, к примеру, стали газеты «Президент» и «Не дай Бог!».

Впервые за всю историю альтернативных выборов в России агитационная кампания на страницах периодического издания проводилась без демонстрации преимуществ экономических и политических приоритетов того или иного кандидата. Их заменяли повествования об ужасах коммунизма и советской власти и таинственном потенциале Б. Ельцина, не проявившемся в предыдущие годы. Редактор газеты «Президент» Л. Шемаев был лично предан Б. Ельцину еще с 1989 г.¹⁹ Газета «Не дай Бог!» имела броский подзаголовок: «Газета о том, что будет после 16 июня». Она практически не распространялась в Москве. Первые номера избиратели, проживающие в других регионах, обнаружили в своих почтовых ящиках в апреле 1996 г. Вначале в газете не содержалось никаких сведений о редакции и тираже издания. Только в мае издатели и редакция очень осторожно заговорили о себе с полос собственного издания. «Финансирование газеты организовано группой состоятельных российских граждан, которым совершенно безразлично, что произойдет с этой страной после 16 июня»²⁰. Под состоятельными российскими гражданами подразумевались все те же олигархи, а точнее, клан родственников, финансовых магнатов и случайных людей, окружавших первого Президента РФ и не желавших расставаться со своими привилегиями.

Автор обращает внимание на газету «Не дай Бог!» в силу того, что многие приемы и методы агитации, использованные данной газетой, были присущи и газете «Московский комсомолец», только в менее грубой форме.

Издаваемая небывалым для альтернативной периодической печати тиражом — 10 млн экз., газета «Не дай Бог!» не только оставалась фактически анонимной, но и не содержала открытых агитационных призывов. Созданная «политическими технологами», готовившими избирательную кампанию Б. Ельцина, она полностью отвечала поставленным задачам. Во-первых, на страницах газеты вообще не упоминался Б. Ельцин. Зато без красочных карикатур на Г. Зюганова и его сторонников не обходился ни один номер. Что они сделают, если победят на выборах?²¹ — спрашивал еще не легализовавшийся главный редактор Л. Милославский. Ответ же был однозначный: «То, что вы сегодня видите по телевизору, будет видно из вашего разбитого окна»²².

Главными аргументами против прихода к власти лидера КПРФ на страницах газеты выступали события недавнего прошлого: антиалкогольная кампания и очереди за «дефицитом». Для тех, кто надеялся на «брежневскую стабильность после выборов»²³, были подготовлены контраргументы, которые должны были заставить избирателей «одуматься».

На протяжении всей избирательной кампании Б. Ельцина на страницах газеты выступали популярные артисты, высказывавшиеся против прихода к власти Г. Зюганова, а иногда — и против реставрации социализма в России. Зарубежные киноактеры — П. Ришар, В. Кастро, российские — Л. Зыкина, Э. Пьеха, Н. Расстригуев, А. Баталов — вот далеко не полный перечень тех, чьи имена присутствовали на страницах газеты²⁴.

В целом, газета последовательно проводила главную мысль предвыборной кампании Б. Ельцина — в случае ухода действующего Президента жизнь в стране не станет лучше.

«Мы за то, чтобы перестать рассчитывать на новых президентов и красивые лозунги. И еще за то, чтобы понять, что никогда не найти нам идеального Президента, который ежедневно решает за нас все проблемы, не пьет и не курит, постоянно и по любому поводу принимает за нас мудрые решения»²⁵.

Говоря об общероссийских печатных средствах массовой информации, оставшимся на газете «Московский комсомолец» и журнале «Итоги».

Позиция газеты «Московский комсомолец» со времен парламентских выборов эволюционировала от умеренной критики действующего Президента к его оголтелой поддержке в начале президентской предвыборной гонки. Ещё осенью 1995 г. на страницах газеты можно было встретить опасения за функционирование власти в стране в связи с критическим состоянием здоровья Президента: «Второй раз последние полгода Ельцин попадает в больницу с обострением ишемической болезни сердца»²⁶. Это вызывало неприкрытую неудовлетворенность подобным положением дел: «Скорее всего, как и в прошлый раз, мы будем каждый день узнавать об активной деятельности Ельцина. Об указах, которые он принял; о встречах, которые он провел; о телеграммах, которые он разослал. Будет сделано все, чтобы граждане страны были уверены в том, что Президент полностью контролирует ситуацию»²⁷.

Но уже после парламентских выборов, ближе к весне, от толерантности по отношению к кандидату от Блока народно-патриотических сил не осталось и следа. Со страниц газеты к избирателям обращались артисты, бизнесмены и многие другие, призывавшие не голосовать за Г. А. Зюганова.

Газета «Московский комсомолец» также придерживалась тактики запугивания избирателей возможными перспективами в случае прихода к власти коммунистов. Так, выступая со страниц газеты, Егор Гайдар представлял будущее страны в случае прихода к власти коммунистов следующим образом: «Первое — установление цензуры, второе — закрытие оппозиционных газет, третье — политические репрессии, четвертое — конфискация частной собственности, не связанной с коммунистами дружескими узами. И пятое — втягивание страны в различные войны под флагом насильственного восстановления интересов России, Союза и т. д.»²⁸.

Ему вторил Б. А. Березовский, когда, отвечая на вопрос корреспондента о перспективах ОРТ после президентских выборов в случае победы «красного» кандидата, решил «предсказать» не только судьбу ОРТ, но и грядущие изменения в стране в целом: «Если придут коммунисты, я не думаю, что судьба ОРТ будет сильно отличаться от любого частного или смешанного бизнеса. Тут у меня иллюзий и сомнений не существует. ОРТ по причине своей государственной важности будет национализировано в числе первых. Более того, не останется ничего, что не будет национализировано»²⁹.

Таким образом, Б. А. Березовский подводил читателей к следующему выводу: «Мне удивителен идиотский оптимизм огромной части нашего населения, которая думает, что что-то будет по-другому по сравнению с тем, что было, если придут новые коммунисты. Нужно понимать, что они сами себе не принадлежат, а принадлежат системе, в рамках которой заключены. Все будет совершенно по классической схеме — неэффективная экономика, поиски виновных, расстрелы, лагеря»³⁰.

В поддержку Б. Ельцина в преддверии выборов был организован дорогостоящий тур российской эстрады, выступавшей под лозунгом: «Ельцин — наш

президент». Концерты популярных российских артистов должны были пройти в 23 городах страны и закончиться двумя широкомасштабными выступлениями во Владивостоке 7 и 8 июня. Посещение концертов было бесплатным. Данное мероприятие получило широкий резонанс в прессе. Артисты, чье выступление было щедро оплачено предвыборным штабом Б. Ельцина, охотно комментировали свое участие в туре. Популярные в России музыкальные исполнители не скрывали своих политических симпатий по отношению действующему Президенту. Ф. Киркоров, в частности, поведал корреспонденту «МК», что «на семейном совете было принято решение, что я буду работать на избирательной кампании Б. Ельцина. Конечно, президентом должен быть Ельцин: коней на переправе не меняют»³¹. Н. Королева, охарактеризовав Б. Ельцина как сильного, мужественного и импозантного мужчину, была убеждена, что «таким и должен быть президент нашей страны»³². На пресс-конференции после концертов все артисты подтвердили сознательность и обдуманность своего выбора. Они не навязывают его кому-либо, а лишь хотят поделиться своими чувствами и взглядами с теми людьми, которые приходят на концерты во время этого масштабного тура³³. Весь этот спектр мероприятий, а также другие дорогостоящие развлекательные шоу артистов, организованные командой Б. Н. Ельцина, и их широкая огласка в СМИ, как нам кажется, внесли свою лепту, ощутимо повлиявшую на итоги голосования. Не обладавший такой широкой финансовой поддержкой штаб Г. Зюганова был лишен возможности подобного привлечения симпатий избирателей.

Непосредственно перед вторым туром голосования «Московский комсомолец» выходил с кричащими, откровенно анти-зюгановскими заголовками. Некоторые из них, рассчитанные на московского избирателя, грубо противопоставляли «москвичам» всю страну: «Красный пояс затягивается на шее Москвы! Коммунистическая провинция хочет навязать свой образ жизни столице. Только вы, москвичи, можете спасти Россию!»³⁴.

Ряд заголовков прямо призывал голосовать за конкретного кандидата: «Завтра идем на праздник “МК”. В среду голосуем за Ельцина!»³⁵; «Именно твоего голоса может не хватить для победы! Коммунисты не пройдут, если две трети москвичей придут на выборы! Третьего июля пропалываешь грядки — через месяц пропалывают тебя! Голосуй за Ельцина! Используй последний шанс на достойную жизнь!»³⁶.

Некоторые заголовки «Московского Комсомольца» содержали откровенно неpolitкорректные, и даже оскорбительные сравнения: «Даже монголы отказались от коммунизма. Неужели мы глупее?»³⁷.

Журнал «Итоги» начал выходить лишь за несколько месяцев до голосования, однако, сразу же включился в освещение перипетий борьбы за президентское кресло, предложив читателям аналитические материалы. В каждом номере анализу предвыборной борьбы уделялось много внимания. Характерной для «Итогов» особенностью освещения избирательной кампании явилось пристальное внимание к персоне Б. Ельцина, перспективам выдвижения единого кандидата от «третьей силы» и к кандидатам, явно не имевшим серьезных шансов на успех. Лишь изредка упоминавшийся на страницах издания Г. А. Зюганов удостоивался не самых лестных характеристик. Свое отношение к последнему избиратели могли формировать по таким характеристикам: «Стиль Зюганова — монотонность и однообразие. За последний год он не произнес ни единого свежего тези-

са. Неизменными остаются призывы к возрождению духовности и державности, обещания социальной справедливости и многоукладности экономики (словосочетание “частная собственность” язык Зюганова не выговаривает)»³⁸.

Также читателям сообщалось о внутренних проблемах Блока народно-патриотических сил, в связи с чем у Г. А. Зюганова «пропал блеск в глазах, облезла бронза, а рейтинг “завис”», а предвыборные речи из стана Г. Зюганова все больше ведутся о «фальсификациях на будущих выборах, о “продажной прессе”, работающей на одного кандидата», чем они пытаются подготовить оправдание своего провала на грядущих выборах³⁹. По мнению автора цитируемой статьи, удел победителей — не рассуждать, а действовать.

Е. Киселев, размышлявший в своей статье над шансами кандидатов, считал, что перспектива развития страны в случае прихода к власти коммунистов известна и предсказуема, но повторное ельцинское президентство не сулит России наступления хороших времен. Автор опасался, что Б. Ельцин расценит свою возможную победу как «мандат на продолжение прежней политики без каких-либо корректировок, как политическую индульгенцию»⁴⁰, а первыми жертвами президентского триумфа падут те, кто эту победу ковал, в том числе пострадают и журналисты: «скоро лежать нам за это всем вместе лицом на снегу под прицелом у добрых молодцев в камуфляже и черных масках»⁴¹. Тем не менее, как ни странно, выбирая из двух зол меньшее, Е. Киселев предостерегает читателей, что «если все-таки все прогнозы буду опровергнуты и победит Зюганов, нас ожидают как минимум не меньшие неприятности»⁴².

Предвыборная кампания Г. А. Зюганова строилась иначе. В ней лидер оппозиции и его штаб уповали на ошибки действующего режима, его просчеты, недостатки и все то, что не устраивало общественность, утомленную кризисным состоянием, в котором находилась страна. В своей предвыборной платформе Г. А. Зюганов говорит о незаконности роспуска Советского Союза, о тех согражданах, кто, волею судеб, оказался за вновь возникшими границами. Сильную тревогу у Г. Зюганова вызывает постоянно растущий уровень смертности в стране, полное отсутствие какой-либо заботы о пенсионерах, старшем поколении, которые в трудный момент были брошены государством на произвол судьбы⁴³. Г. Зюганов негодует по поводу хаоса, царящего в стране, разворовывания экономики, разбазаривания государственной собственности, в том числе и природных ресурсов. Происходит непрекращающееся наступление на духовные ценности и нравственные идеалы. Страна уже потеряла уважение в мире и ей грозит утрата государственной независимости⁴⁴. Отечественная экономика находится в глубоком кризисе, производство обеспечивает лишь малую часть спроса. Происходит постоянное попрание законов и прав граждан.

В случае прихода к власти представитель Блока народно-патриотических сил обещал гарантировать всем гражданам России право на труд, отдых, жилище, восстановить бесплатное образование и медицинское обслуживание, достойные зарплаты и пенсии. В его программных заявлениях декларировались поддержка семьи, материнства и детства, обеспечение преимущества отечественным производителям всех форм собственности, помощь крестьянству и сельскому хозяйству, укрепление финансовой системы, поддержка научно-технического и культурного потенциала страны, демократизация отношений собственности и создание многоукладной экономики в стране. Важным пунктом в платформе

было обеспечение мира, порядка и безопасности в стране; прекращение войны в Чечне и недопущение новых военных конфликтов на территории России⁴⁵.

В поддержку кандидата от Блока народно-патриотических сил выступали газеты «Советская Россия» и «Завтра». Попытаемся определить основные векторы их критики в адрес соперника и агитации за кандидатуру Г. Зюганова. В целом, в указанной прессе преобладали аналитические статьи, критика действующих властей, агитация в пользу кандидата Г. А. Зюганова. Читателям предлагалась точка зрения как известных людей, так и позиция представителей от народа — простых рабочих, студентов, пенсионеров и др. Также часто встречаются статьи, авторы которых проявляют опасение в связи с возможностью правящих кругов отменить выборы или подтасовать их результаты. Все это должно было способствовать консолидации той части электората, которая была на стороне Г. А. Зюганова, а также привлечению на свою сторону новых голосов.

Так, в октябрьском номере газеты «Советская Россия» выражается опасение в отношении возможных подтасовок результатов выборов. Автор приводит слова главы Центризбиркома Рябова, который в одном из телеэфиров заявил о том, что контроль за правильностью подсчета голосов может осуществляться только государством. И по мнению корреспондента, это позволит власти, в случае успешных для Г. А. Зюганова итогов голосования, добиться «нужного» результата, чтобы, не дай Бог, не победил кандидат от оппозиции⁴⁶. Опасение оппозиционной общественности вызывало также вмешательство в ход предвыборной кампании извне. В статье Евгения Федорова, опубликованной в газете «Завтра», приводятся сведения о грубом и неприкрытом вмешательстве западных спецслужб в ход избирательной кампании в России⁴⁷.

В ответ на постоянно звучащие из поддерживающего Б. Ельцина лагеря заявления об угрозе возврата ГУЛАГа, ликвидации частной собственности в случае прихода к власти Г. Зюганова, прессе, выступавшей за единого кандидата от Блока народно-патриотических сил, ничего не оставалось делать, кроме как открещиваться от этих обвинений. Компартия и Г. Зюганов во всех своих программных документах неизменно повторяли, что категорически не приемлют политику репрессий и беззакония и гарантируют ее неповторение. «Мы против исторической мести», — в который раз повторял Г. А. Зюганов⁴⁸. Что касается частной собственности, то в выпущенной накануне выборов брошюре «Знать и действовать» «красный» кандидат отмечал, что тревога по этому поводу нагнетается специально. Новое правительство сохранит честно заработанное, приобретенное, накопленное. Г. Зюганов гарантировал неприкосновенность трудовой частной собственности, созданной не эксплуатацией, не воровством, не обманом, а собственным честным трудом или трудом своих близких⁴⁹.

Сравнивая двух кандидатов на президентское кресло, газета «Советская Россия» приводила следующие аргументы в пользу Г. Зюганова. Он лучше, основательнее и разностороннее развит, ведет активную организаторскую, научную и политическую деятельность в партии. Ему свойственен демократичный стиль работы, он проще и доступнее, демократичнее по своим личным качествам, чем Б. Ельцин⁵⁰. Говоря о харизме кандидатов, автор статьи полагал, что лидерство Б. Ельцина в этом отношении во многом надуманно, поскольку средства массовой информации, в частности телевидение, были практически недоступны для Г. Зюганова. Б. Ельцин обладал несравнимо большим эфир-

ным временем на основных телеканалах, пользуясь доступом, как в качестве кандидата, так и в качестве действующего главы государства. Г. Зюганов же, не обладая такими возможностями, тем не менее, вызывал симпатию и доверие у избирателей своим искренним и серьезным поведением. Он никогда не эпатировал публику, вообще не использовал в своей публичной деятельности никаких спецприемов и спецэффектов, не пытался подражать западным лидерам, не злоупотреблял популизмом — всегда и везде вел себя естественно и серьезно. Тем и привлекает людей в тяжкую годину, поскольку народу уже опостылела политическая «клоунада»⁵¹.

Известно, что российские президентские выборы 1996 г. вызвали к себе оживленный интерес как в Европе, так и в США. По данным газеты «Советская Россия» со ссылкой на американскую газету «Вашингтон таймс», в американскую прессу просочилась информация о том, что во время встречи Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона в Египте российский президент открытым текстом попросил американского президента помочь ему победить на июньских выборах. Это весьма озадачило Б. Клинтона, так как «он и так делает все, что в его силах, для переизбрания Б. Ельцина, в частности, после его нажима МВФ согласился предоставить сугубо предвыборный кредит Кремлю в размере 10,2 млрд. долларов»⁵².

Анализируя начальный этап предвыборной кампании двух основных участников, корреспондент «Советской России» Константин Молчанов отмечал ожидавшийся провал команды Б. Ельцина, на которого работает вся государственная машина. Однако такой результат, по его мнению, не выглядел неожиданным, поскольку он был логичным следствием общего стиля работы исполнительной власти, ее неспособности решать даже самые элементарные из поставленных задач⁵³. К апрелю 1996 г. Президент испытывал проблемы с политической опорой на предстоящих выборах, которая выглядела довольно ненадежно. Позиции Г. Зюганова на тот момент выглядели гораздо более прочными, так как на его стороне выступала самая массовая и самая опытная партия, успешно прошедшая через целый ряд федеральных и региональных выборов.

Для повышения своего рейтинга и реабилитации в глазах избирателей Б. Н. Ельцин вынужден был пытаться «напустить пыль в глаза народа». Что он при помощи своего предвыборного штаба и старался всячески делать. К этому можно отнести три его наиболее крупных предвыборных акции: выплата долгов по зарплате; план урегулирования в Чечне и подписание договоров с Белоруссией и другими бывшими республиками СССР. Данные акции были широко разрекламированы в прессе как миротворчество, проявление заботы о людях и народах, однако, они были ни чем иным, как попытками исправить свои же собственные промахи, ошибки и преступления⁵⁴. В этом же ключе в периодике рассматривался и факт ликвидации долгов по зарплате, которая выполнялась методом аврала, ударной вахты с применением чрезвычайных административных мер. Признавалось, что подобные методы реализации решений возможны лишь в экстремальных ситуациях. Выборы как нельзя более удачно вписывались в данный контекст. Для того, чтобы выполнить громкие обещания президента, правительство вынуждено было практически остановить финансирование тех же регионов по другим статьям бюджета, а само залезало в новые долги коммерческим банкам, где одолжило деньги на зарплату бюджетникам. Очевидно, что данная акция не решала проблемы по существу, так как принимаемые меры устраняли

последствия негативных процессов, но не их причины. А заключались они в неверной экономической политике и ошибочно выбранном курсе реформ⁵⁵.

Говоря о шансах кандидата Б. Н. Ельцина в борьбе за пост президента, в прессе, поддерживающей Г. Зюганова, повсеместно встречалось указание на объективную слабость политических позиций первого президента, которые, при условии равных возможностей и честных выборов, не могли предоставить ему возможности одержать победу. Пытаясь компенсировать этот гандикап, Б. Ельцин, по рекомендации своих помощников, вынужден был идти на популистские шаги. Во многих предпринятых им мероприятиях, очевидно просматривается стремление выбить козыри из рук оппозиции выполнением как раз того, на что были направлены ее критические стрелы. Приходилось использовать практику давления (к примеру, со сбором подписей), задабривания (к примеру, с выплатами долгов по зарплате и пенсии) или запугивания (избирателей — «ужасами» коммунистического правления, самих коммунистов — отменой выборов и даже применением к ним силовых мер).

«Демократическая» пропаганда представляла Г. Зюганова стране в трех разных ипостасях. Первая: наследник большевизма послеоктябрьской поры, а значит — возвращение лагерей, запрет на инакомыслие, госрегламентация всего и вся, пустые полки в магазинах. Очень характерными в данном случае являются подготовленные накануне выборов и распространявшиеся в общественных местах листовки и плакаты, такие как: стилизованный под плакат времен войны с изображением Г. Зюганова и подписью: «Ты запасся продовольствием?»⁵⁶, или плакат с изображением лидера оппозиции и комментарием: «Купи еды в последний раз!»⁵⁷.

Второй образ: прозападный социал-демократ типа Горбачева (да здравствует свобода, в том числе и свобода для иностранных и отечественных хищников разграблять Россию)⁵⁸. И, наконец, третья «личина» — национал-социалист (лагеря и этнические чистки под лозунгом «Русские превыше всего»)⁵⁹. Издававшаяся на средства олигархов и финансовых магнатов, окружавших Б. Ельцина, газета «Не дай Бог!» деятельность современных российских коммунистов напрямую связывала с событиями 1934–1940 гг. в Германии. «Они пользуются испытанной методикой, принцип которой сформулировал товарищ Геббельс: чтобы в лож поверили, она должна быть чудовищной»⁶⁰.

Каждый из приведенных «образов» предназначался определенной части российского населения и потому их демонстрация происходит поочередно в одних и тех же СМИ по любым поводам: Октябрьскую революцию Г. Зюганов не оплевывает, значит, большевик. Принял участие в международном форуме в Швейцарии — второй «Горбачев». Встретился с русскими писателями и говорил о величии духа России — национал-социалист⁶¹.

Сама предвыборная кампания Г. Зюганова, как уже отмечалось, не получала практически никакого отражения в средствах массовой информации государственного значения. Многие предвыборные поездки Зюганова не были отражены в программах ни одной контролируемой государством телекомпанией, ничего не говорилось о них и главной частной телекомпанией «НТВ». Газета «Советская Россия» приводит слова из статьи корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Алессандры Стэнли. Она делает вывод об очевидном игнорировании государственными средствами массовой информации кандидата в президенты Г. Зюга-

нова. Провозглашенное в России стремление создать настоящую независимую «четвертую власть» на примере предвыборной кампании 1996 г. явно не было реализовано на практике. «Многие репортеры рассматривают президентскую кампанию как борьбу за свое собственное выживание. Все главные некоммунистические газеты публиковали эмоциональные редакционные статьи с предупреждением против избрания президентом Г. Зюганова»⁶².

В подтверждение сказанного «Советская Россия» ссылалась на статью И. Бернштейна, опубликованную в газете «Moscow Times», где речь шла о ярко выраженной политической ангажированности российских средств массовой информации. Приводятся следующие слова автора статьи: «В последние недели информационные программы трех ведущих каналов: ОРТ, РТР и НТВ — более походили на оплаченную политическую рекламу в пользу президента, чем на беспристрастное освещение событий. Хотя официально предвыборная кампания кандидатов в президенты в государственных средствах массовой информации началась только 14 мая, телевизионная реклама Ельцина идет уже давно, причем в форме, попирающей все принципы беспристрастности и объективности»⁶³.

Кроме того, поддерживавшая Г. Зюганова пресса предоставляла возможность высказывать свои доводы представителям различных общественных слоев и различных профессий. Кинорежиссер Станислав Говорухин, обращаясь к читателям, объяснял, почему он собирается голосовать за Г. А. Зюганова следующим образом: «Когда думал за кого голосовать, я задал себе такой вопрос: а за кого 16 июня пойдут голосовать все жулики РФ, за Зюганова или за Ельцина?» — далее он предлагает читателям задуматься над этим вопросом, говоря, что он свой выбор уже сделал, — «я иду голосовать за Зюганова»⁶⁴.

В брошюре «Почему Зюганов должен стать президентом», подготовленной специально к выборам, также приводились мнения различных людей. Об отношении Г. А. Зюганова к религии можно было судить по тому факту, что его поддерживают и священнослужители. Так, отец Дмитрий Дудко видел в Г. Зюганове человека, «который способен объединить русских людей и все патриотические силы России, чья программа не противоречит убеждениям верующего человека»⁶⁵. На взгляд занимающегося предпринимательством Ивана Макушка перспективы развития бизнеса при действующей власти и том хаосе в экономической политике были довольно малообещающими. По его мнению, лишь команда Г. Зюганова была способна направить ход экономической жизни страны в правильное русло, а потому самые оптимистичные перспективы развития бизнеса он связывал с приходом к власти именно Г. Зюганова⁶⁶.

Г. А. Зюганов подкупает своей работоспособностью, грамотностью, широкой эрудицией и богатым жизненным опытом. А. Синцов, в своей статье в газете «Завтра», сравнивал Г. Зюганова с «типичным русским подвижником-проповедником, который открыт и доступен для народа во время своих поездок по стране»⁶⁷.

Газета «Завтра» представляла своего избранника и его единомышленников «как часть народа, которая не может ему не служить» и призывала консолидировано проголосовать против режима Б. Ельцина, который держится на «чиновниках, наживающихся на переделе собственности, на банкирах, обогащающихся на финансовых махинациях и на коммерсантах, обогащающихся на торговле сырьем и энергоресурсами»⁶⁸. Со страниц газеты звучал призыв сплотиться ради

победы над Б. Ельциным, неспособным и нежелающим остановить в стране разруху и воровство.

Авторы газеты «Завтра», помимо критики Б. Ельцина, старались наносить уколы оппоненту Г. Зюганова. Отставка действующего президента воспринималась как решенный вопрос⁶⁹. Постоянно упоминалось о проблемах со здоровьем Президента⁷⁰. «Предвыборная кампания Ельцина напоминает морг, политый медом и вареньем»⁷¹, — язвили сотрудники газеты «Завтра».

Действия кандидата в Президенты РФ генерала А. Лебеда, призвавшего накануне второго тура голосовать за Б. Ельцина, воспринимались как предательство национальных интересов⁷². И если еще в 1994 г. А. Лебедь рассматривался как возможный союзник («Политическая реальность России востребует его талант и волю»⁷³), то уже действия нового секретаря Совета безопасности воспринимались «как смесь утопизма, блефа и антигосударственной политики»⁷⁴.

Анализируя итоги второго тура голосования, в издании отмечалось: «Взорвана над Россией технотронная информационная бомба, невиданной мощности, по своим последствиям страшнее Хиросимы, Чернобыля»⁷⁵; последующая инаугурация Ельцина названа на страницах газеты «страшным ритуальным убийством Родины, не имеющей больше армии, разведки, промышленности...»⁷⁶.

Подводя итоги, стоит отметить, что возможности использования средств массовой информации для ведения предвыборной агитации у Г. Зюганова были в значительной степени ограничены. «Советская Россия» и «Завтра», как и другие газеты, выступавшие в поддержку кандидата от Блока народно-патриотических сил Г. Зюганова, не могли достойно конкурировать с мощной государственной пропагандистской машиной Б. Ельцина. Но нельзя забывать, что поддержку Г. Зюганову оказывали и многие другие альтернативные периодические издания⁷⁷.

Государственное телевидение и радио были монополизированы командой Б. Ельцина и отобилизованы с целью вести целенаправленную дискредитацию кандидата в президенты России от Блока народно-патриотических сил. В руках у сторонников Г. Зюганова имелись лишь незначительные, по сравнению с его соперником, возможности донесения своих предвыборных выступлений до аудитории.

Стоит заметить, что в основном это была конструктивная критика, которая затрагивала действительно наболевшие проблемы российского общества, давала обществу возможность узнать о тех шагах, которые намеревался предпринять Г. А. Зюганов для улучшения ситуации, вывода страны из экономического кризиса, стабилизации внутреннего положения в России. Очевидно, что для расширения своего электората посредством прессы у Г. Зюганова не было достаточных возможностей, и это в значительной степени ограничивало потенциал для агитации. На стороне лидера оппозиции, помимо обозначенных нами изданий и некоторых региональных изданий, в основном, находилась альтернативная периодическая печать⁷⁸.

Несмотря на то, что в политической ангажированности основных печатных изданий в преддверии президентских выборов сомневаться не приходится, стоит отметить, что существовали некоторые издания, предвыборные материалы которых можно отнести к обоюдному и, более-менее, беспристрастному освещению предвыборных баталий. Их можно определить как *«нейтральную прессу»*.

«Независимая газета» пыталась занять объективную позицию, дать общую оценку текущих предвыборных событий. В материалах, представленных на страницах издания присутствуют сообщения, посвященные как одному, так и другому кандидату, производится попытка анализа сильных и слабых сторон обоих. Так, практически все публикации «Независимой газеты» содержат аналитику текущих событий избирательного марафона, разбор предвыборной тактики обоих кандидатов и, напротив, там отсутствуют явные проявления симпатий к одному из них. Авторы статей подвергают анализу исходные позиции кандидатов, действия их предвыборных штабов, дают свою оценку.

Так, Виталий Третьяков обрушился с критикой на демократическое крыло российского политического олимпа за развертывание кампании в поддержку переноса выборов в Госдуму, когда стало очевидно огромное превосходство КПРФ над остальными конкурентами. «Приняв закон о выборах, теперь рыдают от страха потерпеть сокрушительное поражение. Поняв, что оказаться в Думе им не светит, поднимают вселенский хай с требованием переноса выборов и запугиванием всех коммунизмом — печатают фотографии Зюганова в гитлеровских позах. Полные идиоты!»⁷⁹.

Проблемы Б. Ельцина со здоровьем анализировала Л. Шевцова, которая рассматривала его болезнь как политический фактор. «При первой же информации о госпитализации Ельцина, пакуясь буквально на ходу, в Москву ринулись команды репортеров, освещающие бедствия и политические переломы. Биржа вздрогнула. Заволновались западные столицы»⁸⁰.

Несмотря на разочарование в российском президенте, нараставшее последний год, по мнению Л. Шевцовой, Запад продолжал связывать сохранение стабильности в России именно с Б. Н. Ельциным.

В газете отмечалось, что поддержка Б. Ельцина лидером Украины Л. Кучмой имеет под собой определенные предпосылки, в частности, «предвыборная кампания в России — именно то время, когда Украина могла бы потребовать от Ельцина реструктуризации украинских долгов на тех условиях, на которых это сделал для России западный капитал»⁸¹. По мнению автора статьи, Украине будет благоприятствовать победа Б. Ельцина. Тем не менее, там же отмечалось, что на Украине существуют и явные сторонники победы Геннадия Зюганова. В подтверждение тому были озвучены слова лидера левого крыла украинских социалистов Натальи Ветренко, которая считала, что Украина только выиграет, если «ближайший северный сосед обеспечит себе спокойные условия развития, ликвидирует причины криминализации экономики и социальных конфликтов»⁸². Но, по словам автора, демонстративный отказ украинского президента от контактов с Г. Зюгановым и активная поддержка Б. Ельцина на встречах на высшем уровне, свидетельствовал о ставке Украины на Б. Ельцина⁸³.

После окончания парламентских выборов и подведения итогов, «Независимая газета» включилась в освещение президентской кампании. На страницах газеты авторы анализировали стратегию борьбы, направления и тактические приемы пропагандистских акций, а также — шансы кандидатов на прохождение во второй тур выборов и на окончательный успех⁸⁴. Выражая свою авторскую позицию, В. Третьяков отмечал следующие ценности России, которые должны быть сохранены по итогам выборов: политическая стабильность и исключение возможности возникновения гражданской войны; начало полноценного функционирования ре-

альной демократии, то есть смена власти путем законно проведенных выборов; сохранение финансово-экономической стабильности; продолжение реформ⁸⁵.

«По большому счету неважно, кто станет президентом, если в результате не будут порушены эти ценности и публично обеспечены гарантии их неприкосновенности. Дело не в том, чтобы не победил коммунист, а в том, что если даже победит коммунист, ни сопротивление этой победе, ни отстаивание ее не прошли кровавым колесом по этим ценностям»⁸⁶.

В «Независимой газете» также были озвучены результаты анализа публикаций 20 газет в период с марта по апрель 1996 г. Данный анализ проводился службой изучения общественного мнения профессора Бориса Грушина «Vox populi». Приведенные результаты ясно указывали на то, что подавляющее большинство публикаций о Г. Зюганове в прессе носили отрицательный характер, а о Б. Ельцине нейтральный либо положительный⁸⁷.

Таким образом, влияние печатных средств массовой информации на итоги президентских выборов 1996 г. в России оказалось весьма специфическим. Проведя аналитическое рассмотрение публикаций в прессе по трем идеологическим направлениям, мы пришли к следующим выводам.

В ходе избирательной кампании 1996 г. практически весь спектр средств массовой информации принимал прямое или опосредованное участие в освещении предвыборных баталий. Телевидение, радио, печатные и электронные СМИ находились в режиме постоянного оповещения избирателей. Ни один выпуск новостей на телевидении или радиостанции не обходился без предвыборной сводки. Газеты ежедневно сообщали своим читателям о предвыборных фактах, слухах, прогнозах. В информационном пространстве сообщения, связанные с выборами президента РФ, занимали большую часть. Все происходящее с каждым из участников предвыборной гонки, а также события в стране и в мире, рассматривалось средствами массовой информации через призму грядущих выборов.

Говоря непосредственно о периодической печати нужно отметить, что каждого из кандидатов поддерживал определенный круг печатных изданий, которые являлись выразителями его позиции. С их страниц велась предвыборная агитация в поддержку кандидатов, освещались предвыборные мероприятия, осуществляемые кандидатами, производилась критика оппонентов. На примере проанализированных в работе периодических изданий можно составить представление о методах и технологиях используемых печатными СМИ с целью привлечения электората в поддержку каждого из кандидатов.

Говоря о предвыборной стратегии действующего президента Б. Ельцина, стоит отметить следующее. Политика Б. Н. Ельцина, проводившаяся его правительством в течение последних предвыборных лет, оказалась неэффективной. Положение в стране накануне 1996 г. было удручающим. Экономическая политика не привела к обещанным результатам, большая часть населения страны жила на грани бедности. Рейтинг популярности Б. Ельцина неуклонно падал. Начавшиеся в конце 1994 г. военные действия в Чеченской республике стали дополнительным негативным фактором имиджа президента среди населения. К 1996 г. в стране фактически возник кризис власти. Согласно разным статистическим данным Б. Н. Ельцина поддерживали около 5 % населения.

Прекрасно понимая серьезность положения, предвыборная команда первого президента России постаралась сделать все, чтобы совершить невозможное. Из-

бирательный штаб активно стал использовать СМИ, осознавая его важную роль в привлечении электората. На информационном поле доминирование Б. Ельцина над его оппонентом выражалось в процентном отношении как 99 % против 1 % у Г. Зюганова. Такой расклад в значительной степени способствовал конечной победе первого. Благодаря огромному превосходству во всех СМИ — телевидении, радио и в прессе — сторонниками Б. Ельцина фактически проводилось зомбирование электората. Весьма красноречив лозунг, под которым велась основная агитация — «Голосуй сердцем!». Заведомо предлагалось избирателю, в особенности молодому, отключить при выборе своего кандидата здравый смысл и логику. Связь с общественностью выстраивалась на основе инстинктов и предрассудков. Такие газеты как «Известия», «Коммерсант», «Комсомольская правда», а также все правительственные издания активно устанавливали и укрепляли эту связь именно в таком виде. Многие черты, присущие этим изданиям, и методика ведения предвыборной кампании наиболее ярко воплотились в «Московском комсомольце». Наиболее характерной из них являлось запугивание электората репрессиями, лагерями и экспроприацией частной собственности. Довольно распространены были также опорочивание оппонента и откровенно некорректные образы и сравнения, производимые в отношении Г. А. Зюганова. В этом особенно преуспела газета «Не дай Бог!».

Проанализировав периодическую печать, поддерживавшую Г. Зюганова, стоит отметить, что по большей части критика с ее страниц была конструктивной и обозначала те недостатки и откровенные ошибки, которые действительно имели место в правление Б. Ельцина. Газеты «Советская Россия» и «Завтра» активно участвовали в агитационной кампании, каждый номер этих газет за 1996 г. содержал материалы, посвященные выборам. Стоит отметить, что публикации указанных изданий также отличались негативным настроением по отношению к оппоненту Г. Зюганова — не вся информация была объективной. Однако данные издания не позволяли себе опускаться до откровенной клеветы, как это делала проельцинская пресса. По-видимому, для них, в отличие от их оппонентов, закон и правила честной игры не были пустым звуком.

Третьим проанализированным нами направлением периодической печати было объективистское. В отличие от первых двух, оно пыталось выразить свое отношение к происходящему с максимальным исключением эмоций, на сугубо рассудочной основе. Представленное в данной работе «Независимой газетой» оно проявляло, по сути, релятивистское отношение к обоим кандидатам и претендовало на роль объективного судьи в предвыборной борьбе, отмечая как негативные, так и позитивные стороны у обоих кандидатов.

В итоге автор пришел к выводу о том, что печатные СМИ, как с одной, так и с другой стороны, оказали довольно значительное влияние на общие результаты выборов Президента РФ. Печатное слово вкупе с телевидением и радио проникало по своим специфическим каналам в сознание избирателя и, в конечном счете, внесло свой вклад в итоговое распределение голосов. Важнейшей особенностью данных выборов явился тот факт, что возможности доступа к ресурсам периодической печати у кандидатов не были равнозначными. В распоряжении Б. Н. Ельцина находился весь спектр многотиражных и многопрофильных изданий — от развлекательных до сугубо политической направленности, включая такие как: «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и др. Г. А. Зюганов напротив, мог

располагать лишь малотиражными узкопрофильными изданиями политической направленности. Таким образом, победа Б. Ельцина была достигнута благодаря многим факторам, среди которых важную роль сыграло глобальное превосходство в доступе к ресурсам периодической печати и использование самого широкого спектра методов информационно-психологического воздействия без каких-либо ограничений, в том числе морально-этического порядка.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Третьяков В. А* теперь — президентские // Независимая газета. 1996. 21 декабря. С. 9; *Попцов О. М.* Тревожные сны царской свиты. Россия. Кремль. М., 2000. С. 114.
- 2 *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2006. С. 284—295.
- 3 *Мигранян А. М.* Россия. От хаоса к порядку? (1995–2000 гг.) М., 2001. С. 177.
- 4 *Молчанов К.* Портрет глазами избирателя // Советская Россия. 1995. №№ 121, 126, 134, 136, 143, 149.
- 5 *Зюганов Г.* Россия, родина, народ! // Советская Россия. 1996. 11 апреля. С. 3.
- 6 См., например: За! Русские писатели о лидере КПРФ // Завтра. 1996. № 9. С. 1; *Зюганов Г.* «Мы исполним волю народов» // Там же. № 10. С. 1, 3; *Бондаренко В.* Зюганов у монахов // Там же. № 16. С. 1; *Зюганов Г.* «Россия-страна слова» // Там же. № 17. С. 3; *Проханов А.* Знамя победы, святое и красное // Там же. № 19. С. 3; и др.
- 7 [*Ельцин Б. Н.*] Выступления Б. Н. Ельцина на съезде Общероссийского движения общественной поддержки (6 апреля 1996 г.) // Сектор фондов нетрадиционной печати ГПИБ.
- 8 См.: Почему мы голосуем за Ельцина. М., 1996.
- 9 Почему российская «глубинка» голосует за Ельцина. М., 1996. С. 7.
- 10 Там же. С. 8.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 9.
- 13 Там же. С. 14.
- 14 См.: Почему мы, ветераны, голосуем за Ельцина. М., 1996.
- 15 Там же. С. 4.
- 16 Там же. С. 8.
- 17 Там же. С. 13.
- 18 Там же. С. 13.
- 19 *Струкова Е. Н.* Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности. М., 2005. С. 217.
- 20 Это что за газета? // Не дай Бог! 1996. № 4. С. 1.
- 21 *Милославский Л.* Что они с нами сделают, если победят на выборах? // Не дай Бог! 1996. № 1. С. 1, 6.
- 22 В конце концов посадят шурина // Не дай Бог! 1996. № 1. С. 1.
- 23 Там же.
- 24 См.: Не дай Бог! 1996. № 3. С. 3; № 6. С. 3.
- 25 Что это за газета? // Не дай Бог! 1996. № 4. С. 1.
- 26 Московский комсомолец. 1995. 28 октября. С. 1.
- 27 Там же.
- 28 Интервью с Е. Гайдаром // Московский комсомолец. 1996. 20 мая. С. 4.
- 29 Интервью с Б. Березовским // Московский комсомолец. 1996. 11 апреля. С. 3.
- 30 Там же.
- 31 Московский комсомолец. 1996. 18 мая. С. 5.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же. 27 июня. С. 1.
- 35 Там же. 29 июня. С. 1.
- 36 Там же. 1 июля. С. 1.
- 37 Там же. 2 июля. С. 1.
- 38 *Пинскер Д.* Желтая майка лидера пока еще красная // Итоги. 1996. № 2. С. 32.
- 39 *Пинскер Д.* Головокружение до успехов // Итоги. 1996. № 4. С. 18.
- 40 *Киселев Е.* Победа Ельцина — еще не победа демократии // Итоги. 1996. № 5. С. 38.

- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 *Зюганов Г. А.* Россия, Родина, Народ! Предвыборная платформа кандидата на пост Президента Российской Федерации Зюганова Геннадия Андреевича. М., 1996. С. 3.
- 44 Там же. С. 4.
- 45 Там же. С. 16.
- 46 *Тилле А.* Нужен общественный контроль // Советская Россия. 1995. 7 октября. С. 3.
- 47 *Федоров Е.* Провокация по заказу // Завтра. 1996. № 22. Май. С. 5.
- 48 *Молчанов К.* Почему Зюганов. Предвыборный цикл: Портрет глазами избирателя // Советская Россия. 1995. 10 декабря. С. 2.
- 49 *Зюганов Г. А.* Знать и действовать. М., 1996. С. 23.
- 50 *Молчанов К.* Почему Зюганов. С. 2.
- 51 Там же.
- 52 *Иванов Е.* Ходят политшлюхи... // Советская Россия. 1996. 2 апреля. С. 3.
- 53 *Молчанов К.* Президент и кампания // Советская Россия. 1996. 4 апреля. С. 3.
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 Все на выборы Президента России! М., 2006. С. 43.
- 57 Там же. С. 44.
- 58 *Анисин А.* Не маски — лицо // Завтра. 1996. Апрель. Спец. выпуск 2. С. 3.
- 59 Там же.
- 60 Страхнем с ушей лапшу! // Не дай Бог! 1996. № 2. С. 1.
- 61 *Анисин А.* Указ. соч. С. 3.
- 62 «Черная пропаганда» против Зюганова // Советская Россия. 1996. 11 апреля. С. 4.
- 63 Запрыгнув в ельцинский «бэндвэгон»... «Москоу таймс» о политической ангажированности российских СМИ // Советская Россия. 1996. 16 мая. С. 5.
- 64 *Говорухин С.* // Советская Россия. 1996. 25 июня. С. 3.
- 65 Почему Зюганов должен стать президентом. М., 1996. С. 10.
- 66 Там же. С. 25.
- 67 *Синцов А.* Свой среди своих // Завтра. 1996. Апрель. Спец. выпуск 3. С. 2.
- 68 Завтра. 1996. Апрель. Спец. выпуск 4. С. 4.
- 69 См., например: Ельцин, ты проиграл, уходи, мужик! // Завтра. 1996. № 1. С. 1; Товарищ Ельцин, ты большой лингвист // Там же. № 14. С. 1; Скелет Дудаева голосует за Ельцина // Там же. № 22. С. 1.
- 70 Табло: Еще о болезни Ельцина // Завтра. № 19. С. 1.
- 71 Кампания Ельцина: Свадебное путешествие или похоронная процессия? // Завтра. № 23. С. 1.
- 72 См.: Россия — Родина. Лебедь — предатель // Завтра. 1996. № 35. С. 1; Лебедь «сдал» патриотов Ельцину // Там же. № 26. С. 1; Руцкой и Лебедь: Опыты политического вероломства // Там же. № 45. С. 1, 3.
- 73 *Лукин В.* До лебединой песни еще далеко // Завтра. 1994. № 32. С. 1.
- 74 *Поликарпов А. А.* Лебедь — стратегическая угроза России // Завтра. 1996. № 34. С. 1.
- 75 Украденные выборы // Завтра. 1996. № 28. С. 1. См. также: Разгром Ельцина под Сталинградом // Там же. № 25. С. 1.
- 76 Инаугурация на крови // Завтра. 1996. № 22. С. 1.
- 77 *Струкова Е. Н.* Указ. соч. С. 201.
- 78 Там же. С. 221.
- 79 *Третьяков В. А.* Зюганов-то прав // Независимая газета. 1995. 4 ноября. С. 1.
- 80 *Шевцова Л.* Ельцин: феномен выживания или драма конца? // Независимая газета. 1995. 15 ноября.
- 81 *Тимошенко В.* Киев выбирает Бориса Ельцина // Независимая газета. 1996. 20 апреля. С. 4.
- 82 Там же.
- 83 Там же.
- 84 См., например: *Третьяков В. А.* теперь — президентские // Независимая газета. 1995. 21 декабря. С. 9; Кто сильнее и умнее // Там же. 1996. 20 апреля. С. 1–2.
- 85 *Третьяков В.* Русская рулетка: выборы 16 июня // Независимая газета. 1996. 14 июня. С. 1, 3.
- 86 Там же. С. 3.
- 87 Борис Ельцин и Геннадий Зюганов в оценках центральной прессы // Независимая газета. 1996. 20 апреля. С. 9.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А. В. Мартынюк
Минск

Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода

Выдающийся историко-художественный памятник средневековой Руси, Лицевой летописный свод, был создан в третьей четверти XVI в. по повелению царя Ивана Грозного как официальная летопись Московского царства¹. В настоящее время 10 сохранившихся томов Свода находятся на хранении в различных музейных и библиотечных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга (Государственный исторический музей в Москве, Российская национальная библиотека и Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге). Содержательно они могут быть разделены на две группы. В трех первых томах («Музейный сборник», «Хронографический сборник», «Лицевой хронограф») изложены события всемирной истории: ветхозаветные сюжеты, история Троянской войны, отдельные периоды римской и византийской истории и т. д. Данные темы рассматривались составителями Свода как необходимое введение в собственно русскую историю, которой посвящены следующие семь томов (в научной литературе сложилась традиция обозначения «русских» томов Свода по именам их владельцев в XVII–XVIII вв.): «Голицынский»², «Лаптевский»³, 1-й и 2-й «Остермановские»⁴, «Шумиловский»⁵, «Синодальный»⁶ и «Царственная книга»⁷. Эти тома последовательно продолжают друг друга и все вместе составляют единое полотно русской истории с 1114 по 1567 гг. Лицевой летописный свод иллюстрирован более чем 17 000 великолепных миниатюр, из которых около 10 000 относятся к истории Руси. Уникальный характер Свода как историко-художественного произведения предопределил его особое положение среди памятников русского летописания.

Исследователями русского летописания было отмечено, что в лицевых (иллюстрированных) рукописях документальное значение имеет не только летописный текст, но и сопровождающие текст миниатюры. Произведения изобразительного искусства служили в Средние века своеобразными «книгами для неграмотных», которые должны были в общедоступной форме передавать сложное содержание письменного источника. В наибольшей степени это характерно для Лицевого летописного свода. В нем взаимосвязь между текстом и иллюстрацией претерпела значительную эволюцию по сравнению с другими памятниками русской средневековой книжной миниатюры. В Лицевом своде миниатюрам отведено главенствующее место перед текстом как в рамках всего памятника (17 000 миниатюр на 10 000 листов рукописи), так и в пределах отдельной книжной страницы. Миниатюра занимает до двух третей всего пространства книжной страницы, она доминирует над летописным текстом и графически организует его. Можно говорить о том, что текст Свода лишь комментирует подробную и обстоятельную «повесть в лицах»⁸. Значение миниатюр Лицевого летописного свода в качестве исторического источника было обосновано в ряде работ рос-

сийских историков. Необходимо отметить обобщающие исследования А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой, в которых они были рассмотрены в контексте общего развития древнерусской исторической миниатюры, представленной такими памятниками, как «Хроника Георгия Амартола» XIV в., Радзивилловская летопись XV в., лицевые жития святых XIV–XVI вв. В данных работах был установлен и факт использования при работе над Сводом более древних, не дошедших до нас, русских иллюстрированных рукописей.

Изучение средневековой книжной миниатюры в качестве исторического источника имеет свою специфику. Миниатюры дополняют письменные источники, данные археологии и других исторических дисциплин, прежде всего в отношении историко-бытовых реалий средневековья (изображения предметов материальной культуры, одежды и вооружения, архитектурных памятников и т. д.). В тоже время, перед миниатюристами были открыты возможности, которых не было у создателей письменного текста. Отдельные события русской истории складываются благодаря сознательному применению сходных изобразительных приемов в обширные повествовательные циклы (например, княжеские междоусобицы, войны с внешними врагами, отношения с иноземными властителями и т. п.), которые обладают своим внутренним единством и прослеживаются на протяжении многих десятков, а иногда и сотен миниатюр. Устойчивая иконография отдельных сцен (батальных, церемониальных и др.) и случаи отклонения от нее позволяют проследить те акценты, которые расставляют создатели миниатюр в своей интерпретации летописного текста. Таким образом, можно констатировать, что во многих случаях миниатюры несут дополнительную по отношению к письменному источнику информацию, вносят новое понимание в трактовку летописного материала.

Особое значение имеют мировоззренческие представления авторов рукописи, отразившиеся в средневековых миниатюрах. Историческая действительность передавалась в них часто условными и схематичными, но всегда строгими и продуманными средствами художественного выражения. В средневековом изобразительном искусстве, в частности, в древнерусской миниатюре не было ничего случайного. Создателями лицевых рукописей разрабатывались такие принципы иллюстрирования и композиционные приемы, которые должны были с исключительной наглядностью передать рассказ об исторических событиях, обозначить отношение современников к окружающей их исторической действительности. Изучение изобразительной системы Лицевого летописного свода помогает не только правильно прочесть содержание каждой конкретной миниатюрной композиции, но и открывает возможности для более глубокого понимания средневекового мировоззрения в целом. Значение миниатюр Лицевого летописного свода как важного источника по истории русской общественной мысли может быть продемонстрировано на примере отраженных в них представлений о месте Руси в системе восточноевропейских государств в Средние века, в частности, о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды.

Как в самом тексте, так и в миниатюрах Лицевого летописного свода отношения Руси и Орды в XIII–XV вв. уделено значительное внимание. Миниатюры подробно рассказывают о нашествии Батые и разорении монголами русских городов (Рязани, Москвы, Владимира, Суздаля, Торжка, Чернигова, Киева, Владимира-Волынского и др.), о характере взаимоотношений русских князей и

ханов Золотой Орды, об этапах борьбы Руси против татарского владычества. Обширные циклы миниатюр иллюстрируют летописные повести о гибели в Орде русских князей (например, Михаила Всеволодовича Черниговского в 1246 г. и тверских князей в XIV в.), о битве на Куликовом поле (данному событию посвящено около 180 миниатюр) и «стоянии» на реке Угре. Вместе с тем, при изучении миниатюр Свода обращает на себя внимание тот несколько парадоксальный факт, что при таком внимании к татарской тематике они не делают различий при изображении русских и татар. Правители, вельможи, воины, простые люди Руси и Золотой Орды изображены в сходной художественной манере, вплоть до их абсолютной внешней идентичности. Лишь в чрезвычайно редких случаях иллюстраторы Свода делают попытку передать монгольский тип лица или какую-нибудь иную реалистичную деталь. Длинные усы и чуть раскосые глаза выделяют, например, татарского мурзу Челубея в изображении его поединка с иноком Александром Пересветом на Куликовом поле⁹ или царевича Мустафу в сцене битвы на реке Листани в 1443 г.¹⁰ Можно предположить, что к подобным средствам художественного выражения авторы миниатюр прибегали в тех случаях, когда хотели подчеркнуть необычность, экстраординарность события. Именно к таковым, без сомнения, относятся и поединок русского воина-монаха с татарским богатырем на Куликовом поле, и гибель ордынского царевича в ожесточенной зимней битве на Листани с великокняжескими полками, отрядами рязанских казаков (первое их упоминание в русских источниках) и мордвы.

На первый взгляд, сходство изображений русских и татар в миниатюрах Лицевого летописного свода может быть истолковано как проявление схематизма и неумения древнерусских миниатюристов отражать исторические реалии своего времени. Это предположение, однако, было бы, по крайней мере, поспешным. На Руси существовала своя собственная традиция изображения иноплеменников, отразившаяся, например, в миниатюрах Радзивиловской летописи¹¹. Представляется, что за внешним сходством в изображении русских и татар скрывается не только схематизм, но и определенная мировоззренческая позиция создателей и заказчиков Свода. Массовость иллюстративного материала позволяет проанализировать те изобразительные приемы, которые использовали русские миниатюристы при изображении различных народов, и выделить некоторые закономерности.

Исследователями миниатюр Лицевого летописного свода было отмечено, что различные народы отличаются определенными типами одежд и головных уборов. На всем протяжении Свода прослеживается строгая закономерность в изображениях двух больших групп исторических персонажей, которые можно с некоторой долей условности охарактеризовать как «западную» и «восточную». Наиболее наглядной является типология головных уборов (шлемов) в батальных сценах, проанализированная А. В. Арциховским¹². Это, с одной стороны, классические русские сфероконические шлемы-шишаки, хорошо известные по археологическим материалам. В таких шишаках изображаются представители востока — воины из Руси и других православных стран (византийцы, сербы, болгары), а также из Золотой Орды. В миниатюрах Свода им противопоставлены выходцы из западных земель — немцы, шведы, норвежцы, поляки, венгры, отличительным признаком которых являются круглые шлемы. Это противопоставление чрезвычайно последовательно проведено в сотнях миниатюр с изображением батальных сцен. Таким образом, создатели Лицевого летописного свода

вводят определенный изобразительный критерий, который отчетливо делит все известные древнерусским книжникам народы на две большие общности: восточную и западную.

Интересно отметить одну деталь, относящуюся к Великому княжеству Литовскому. Как правило, по вышеназванному критерию литовцы (здесь и далее под этим обобщающим термином понимаются выходцы из Великого княжества Литовского, без дальнейшей конкретизации их этнической принадлежности) относятся к западному типу. Не только в боевой обстановке, но и в сценах совместных походов союзного войска (например, литовско-тверского) русские и литовские воины четко различаются по своему внешнему виду. Последовательно проведена и разграничительная линия между литовцами и татарами, которые, как говорилось выше, внешне не отличаются от русских. Во всех этих миниатюрах литовцы противопоставляются представителям востока — воинам из русских земель и Орды. Однако встречаются и миниатюры (иллюстрации битв литовцев с немцами), в которых литовцы изображены в шишаках русского типа¹³. В этом случае литовцы выступают в качестве представителей востока. Таким образом, в миниатюрах Лицевого летописного свода наглядно отразилось определенная дихотомия Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, где сосуществовали и боролись различные исторические традиции (этнические, конфессиональные, культурные). С точки зрения московских книжников XVI в. летописная «литва» занимала промежуточное положение между востоком и западом, между Русью и странами католической Европы.

Следует подчеркнуть, что данный разделительный критерий шире национальных или конфессиональных границ. Если граница между православной Русью и католическим западом проведена достаточно четко, то граница между Русью и востоком, прежде всего Ордой, остается размытой. Это делает обоснованной постановку вопроса о том, что миниатюры Свода иллюстрируют представление о некотором единстве Руси и Орды, существовавшем, по мнению образованных людей средневековой Руси, в определенную историческую эпоху. Наиболее вероятно, что в миниатюрах нашли свое отражение исторические реалии XIII–XV вв., когда русские земли находилась под властью ханов Золотой Орды. Данное предположение может быть подкреплено анализом системы представлений об иерархии средневековых правителей, отраженной в миниатюрах Свода.

Отличительной особенностью миниатюр Лицевого летописного свода является развитая символика в изображениях форм организации власти. Для миниатюр Свода (как и для русского лицевого летописания в целом) характерно очень строгое отношение к феодальной иерархии, к знакам достоинства властителей различных уровней¹⁴. Средневековое мировоззрение не признавало мелочей в этом вопросе. Строгой регламентации подвергались общие каноны изображения правителя, атрибуты его власти, композиционное построение миниатюр с изображением церемониальных сцен и т. д.¹⁵ Как отметила О. И. Подобедова применительно к Лицевому летописному своду, миниатюры подробно повествуют, «на основе каких прав («по отчине и дедине»), на основании какой документации («ханский ярлык») и с поддержкой каких слоев населения (бояре, воины) сел на престол великий князь владимирский или московский»¹⁶.

В русском лицевом летописании наибольшее значение в качестве символа власти имеет так называемая «древнерусская княжеская шапка». Начиная с

древнейших памятников русской миниатюры («Изборник Святослава» 1073 г.) она является неизменным и обязательным атрибутом древнерусских князей, отличительным признаком их княжеского достоинства. С помощью нюансов в изображении этого головного убора иллюстраторы лицевых рукописей определяют место каждого правителя в иерархии русских князей, формулируют свое представление о законности или незаконности его притязаний, передают оттенки взаимоотношений русских князей между собой и с иноземными властителями¹⁷. При этом система представлений миниатюристов Свода о «феодальной табели о рангах» (термин введен О. И. Подобедовой на основании исследований А. В. Арциховского) правителей Руси претерпевает изменения в соответствии с реалиями соответствующих исторических эпох. Если в изображениях событий XII–XIII вв. княжеской шапкой увенчаны все русские князья, что демонстрирует их фактическое равноправие в период феодальной раздробленности, то для XIV в. эта регалия сохраняется лишь у великих князей — московского, тверского, рязанского, нижегородского, смоленского¹⁸. Правители других русских княжеств теперь лишены этой важной привилегии, что наглядно демонстрирует изменение их иерархического статуса. В дальнейшем, с падением самостоятельности отдельных княжений и подчинением их Москве, исчезает со страниц русских миниатюр и княжеская шапка, а на ее место приходит золотой царский венец — символ власти московских государей. Для того, чтобы лучше понять то значение, которое придавали этому статусному символу создатели Лицевого летописного свода, необходимо совершить краткий экскурс в область истории идей и ознакомиться с теми представлениями о «вселенском царстве», которые были широко распространены на Руси в период средневековья.

В соответствии с этими представлениями, кроме отдельных государств существовало и наднациональное «вселенское царство», земной аналог Царства Небесного и важный элемент существующего миропорядка. Со времени принятия христианства в глазах образованных кругов Древней Руси (а также Болгарии, Сербии и некоторых других стран) этим «истинным царством» была Византийская империя, «царствующим градом» — ее столица Константинополь, «природным цесарем» — ромейский император. Наиболее отчетливо эти представления были сформулированы в сравнительно позднем памятнике — известном письме константинопольского патриарха Антония IV великому князю московскому Василию Дмитриевичу в 1393 г.: «Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь императора»¹⁹. Власть византийского императора, таким образом, простиралась на весь православный мир — по крайней мере, в идеальном, в метафизическом смысле. Эта духовно-политическая доктрина была закреплена поминовением цесаря в церковном богослужении. Однако захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. создал для общественного сознания Древней Руси новую сложную ситуацию. «Царское место» оказалось пустующим. Никейская империя не имела в глазах русских книжников того значения, которое имела прежняя Ромейская держава. Именно на этот период «отсутствия царства» пришлось монгольское завоевание и установление власти Золотой Орды над русскими землями. В этих условиях произошел своеобразный перенос царского титула с византийского императора на хана Золотой Орды, что отразилось в именовании татарских ханов «царями» в русских летописях²⁰. Орда заполнила возникшую лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании Древней Руси пу-

ствующее место «вселенского царства», главенствующего политического института в Восточной Европе. На верхней ступени средневековой иерархии правителей, «феодальной табели о рангах», оказались ханы Золотой Орды, которые в период с 1243 по 1480 гг. облагали данью и формально наделяли властью русских князей. Вероятно, некоторую роль в легитимизации власти Орды в глазах древнерусского общества сыграла и позиция православной церкви²¹. Церковь не только признала власть ордынских царей и добилась для себя определенных преимуществ, но и неоднократно выступала в XIII–XIV вв. посредницей в отношениях между русскими князьями, ханами Золотой Орды, византийскими светскими и церковными иерархами²². Ситуация не изменилась и после отвоевания никейцами Константинополя в 1261 г. Византийские императоры вернули себе право на царский титул, но подлинными цесарями Восточной Европы в глазах русских людей продолжали оставаться правители Золотой Орды. В именовании татарских ханов «царями» исследователи справедливо видят свидетельство того, что сюзеренитет Орды над русскими землями не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли Руси того времени²³.

Таким образом, вопрос о «царском достоинстве» не является узким вопросом официальной титулатуры. Он отражает живые исторические представления образованных людей средневековой Руси. Идея о переходе к Москве царского достоинства от императоров Византии и ханов Золотой Орды, получившая развитие в XV–XVI вв., играла заметную роль в истории русской средневековой общественно-политической мысли и являлась важной составляющей идеологического оформления независимости Руси, создания централизованного Русского государства. Формирование представлений о царском характере власти великого князя московского заняло весьма длительный промежуток времени и закончилось лишь в середине XVI в., а именно в 1547 г., когда Иваном Грозным был официально принят царский титул, что ознаменовало его превращение в «самодержца» — суверенного правителя, не имеющего над собой сюзерена. Данный процесс нашел свое отражение во многих письменных памятниках XV–XVI вв. Достаточно указать на такие произведения общественно-политической мысли средневековой Руси как «Повесть о Вавилонском царстве», «Русский хронограф», «Сказание о князьях владимирских», «Степенная книга царского родословия», публицистические послания Спиридона-Саввы, Филофея и других авторов.

Миниатюры Лицевого летописного свода позволяют проследить последовательное развитие идеи о «преемственности царств» в XIII–XVI вв. В стройной системе регалий древнерусской исторической миниатюры золотой царский венец занимает особое место. Уже в Радзивилловской летописи слово «царь» так же последовательно ассоциируется с этим головным убором, как слово «князь» с древнерусской княжеской шапкой. Титулом царя в летописи и золотым венцом в миниатюрах увенчан правитель вселенского царства, осуществлявший, по представлениям средневековых книжников, верховный суверенитет над многими государствами Восточной Европы. Для миниатюр Лицевого летописного свода, посвященных XII–XIII вв., таким правителем является император Византийской империи. С XIII в., с момента подчинения русских земель власти Золотой Орды, золотая царская корона становится неотъемлемым элементом изображения татарских ханов. Миниатюры Лицевого летописного свода, таким образом, отражают ту же тенденцию, которая прослеживается по письменным источникам.

Данная система проведена в Лицевом летописном своде чрезвычайно строго и последовательно²⁴. Для миниатюр Свода характерна устойчивая иконография сцен взаимоотношений русских князей и их ордынских сюзеренов в XIII–XV вв.: сидящий на троне хан и склоняющийся перед ним в поклоне русский князь²⁵. Во всех случаях правитель Золотой Орды изображен в золотой царской короне, а русский князь — в традиционной княжеской шапке, демонстрирующей его более низкое иерархическое положение. Подчеркнутая скрупулезность в изображении владельческих регалий и устойчивая композиция церемониальных изображений исключают возможность смешения сюзерена и вассала, хана Золотой Орды и русского князя, несмотря на отмеченное внешнее сходство между русскими и татарами. Миниатюры Лицевого летописного свода не оставляют сомнения в том, кому по мнению заказчиков и создателей рукописи принадлежала власть («царство») в рассматриваемый период. Миниатюристов не смущали даже те ситуации, когда они вынуждены были противопоставлять в одной миниатюрной композиции святого благоверного русского князя и татарского хана, названного в сопроводительном летописном тексте «безбожным» и «окаянным» (например, в цикле миниатюр, посвященных Куликовской битве)²⁶. Этот факт тем более показателен, что Лицевой летописный свод создавался в третьей четверти XVI в., спустя значительное время после освобождения Руси от татарской зависимости. Можно сделать вывод, что мировоззренческие представления средневековой Руси о феодальной иерархии оказались сильнее, чем конкретные политические симпатии и антипатии создателей Свода. Для русских книжников XVI в. (и, соответственно, предшествующего времени) Золотая Орда являлась не только враждебным иноземным государством, но и законным «царством», легитимным носителем верховной государственной власти в пределах всей Восточной Европы в период XIII–XV вв. Сравнительно немногочисленные сведения письменных источников находят свое подтверждение в устойчивой иконографии миниатюр Лицевого летописного свода, на массовом иллюстративном материале.

С этой точки зрения становится понятным и то внешнее сходство в изображениях русских и татар, которое было отмечено выше. Как представители единой государственной и исторической общности, единого восточноевропейского царства они противопоставляются выходцам из западных королевств и княжеств — Польши, Литвы, немецких земель. В этом отношении наиболее характерна одна из миниатюр 2-го «Остермановского» тома²⁷, изображающая восточноевропейских властителей в 1410 г. Одну из сторон данной миниатюрной композиции занимают хан Золотой Орды и два зависимых от него русских князя (тверской и рязанский), противоположную — правители Великого княжества Литовского и Польского королевства. В строгом соответствии с «табелью о рангах» все изображенные властители наделены своими регалиями: золотая корона ордынского царя, княжеские шапки его русских вассалов, королевские венцы независимых западных правителей. Здесь Восток противопоставлен Западу, вселенское царство, в состав которого входят и русские земли — иноземным государствам. Так, по-видимому, воспринимали политические реалии XIII–XV вв. современники — образованные люди средневековой Руси. В данном контексте может найти объяснение и закрепившееся в русской исторической традиции за Ордой наименование «Золотая» — с соответствующим положительным семантическим значением. Не иноземная власть, а вселенское царство (пусть и находящееся

временно, между упадком Второго и возвышением Третьего Рима, в руках ино-племенников) вполне заслуживало такого эпитета.

В соответствии с историческими реалиями, ситуация меняется после торжественного венчания на царство Ивана Грозного в 1547 г., которому посвящен в Лицевом летописном своде отдельный обширный цикл миниатюр²⁸. В дипломатической переписке с восточными властителями московские государи начинают именовать себя «белыми царями» (*ак падишах*). Есть все основания рассматривать эту титулатуру как сознательную ориентацию на «золотоордынское наследие» (как известно, Золотая Орда именовалась в восточных источниках XIV–XV вв. «Белой Ордой»²⁹). С этого момента в Лицевом летописном своде золотая корона становится символом власти московских государей, которые занимают в иерархии восточных правителей то место, которое раньше принадлежало царям Орды. Интересно отметить, что цари и царицы татарских ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды (Казанское, Крымское, Астраханское ханства), продолжают и после 1547 г. сохранять в летописном тексте свой царский титул, а в миниатюрах — царские регалии (в том числе и золотой венец). Однако идейное содержание миниатюр становится иным. Если раньше композиционная схема миниатюр фиксировала подчиненное положение русских князей, то теперь ситуация видоизменяется. Перед царем Иваном Грозным, восседающим на троне во всеоружии своих владельческих регалий (золотая корона, скипетр) почтительно склоняются вассальные татарские властители. Миниатюрная композиция воспроизводит все то же представление о царской власти, характерное для книжников средневековой Руси, но роли теперь переменялись, и верховным цесарем Восточной Европы стал правитель Московского государства³⁰. В этом случае миниатюры несут дополнительную по отношению к летописному тексту информацию. Они наглядно фиксируют новую систему отношений между московским царем и татарскими «царями» (начиная с этого момента это слово применительно к последним можно брать в кавычки). В «феодальной табели о рангах» статус татарских «царей» понизился, они были поставлены в положение служебников московского государя. Интересно отметить, что данная ситуация находит свои параллели в той «смене царств», которая произошла в XIII в.: как и византийские императоры после 1261 г., татарские ханы сохраняют свое право на царский титул, но уступают первенствующее место более сильному цесарю. Концепция последовательной «смены царств» — Византии, Золотой Орды, Москвы — прослеживается в миниатюрах Лицевого летописного свода значительно более отчетливо, чем на материале письменных источников, прежде всего за счет весьма значительного количества этих миниатюр. Таким образом, можно сделать вывод, что миниатюры Лицевого летописного свода имеют характер самостоятельного памятника, отражающего последовательную трансформацию представлений о верховной власти и этапы формирования официальной идеологии Московского государства.

Далеко не исчерпано значение миниатюр Лицевого летописного свода в качестве источника наших знаний об историко-бытовых реалиях русского средневековья. Не случайно выдающиеся исследователи считали возможным отойти от академической сдержанности при характеристике значения миниатюр Свода для изучения русской истории. Так, например, Б. М. Клосс говорил о них как о «самой полной энциклопедии исторических знаний средневековой Руси»³¹, а А. В. Арциховский образно назвал миниатюры Радзивилловской летописи и Ли-

цевого летописного свода «окнами на исчезнувший мир древней Руси»³². Разнообразие сюжетов, богатство исторических фактов, обилие уникальных деталей делают миниатюры важнейшим источником по русской истории, существенно дополняющим данные письменных источников, археологии и других исторических дисциплин. Несомненно, дальнейшее изучение миниатюр Свода приведет к расширению наших представлений по многим вопросам, например, о реалиях материальной культуры средневековой Руси, о несохранившихся памятниках архитектуры, о геральдике русских княжеств и других государств Восточной Европы и т. д. В качестве примера можно назвать изображения золотоордынской тамги в «Голицынском томе» Свода, не имеющие аналогов в других памятниках русского изобразительного искусства³³.

Однако значение миниатюр Лицевого свода не ограничивается этим чисто историко-бытовым аспектом. Наряду с письменными источниками, миниатюры Лицевого летописного свода являются замечательным памятником средневекового мировоззрения. Они отражают живые исторические представления о месте Руси среди других восточноевропейских государств, содержат оценку современниками важнейших исторических событий: падение Константинополя, монголо-татарское нашествие, возвышение Москвы и образование единого Русского государства. Исторические события из отдаленного прошлого органично связываются в миниатюрах Лицевого свода с актуальными проблемами современности. Тысячи миниатюр Свода, объединенные единством замысла и общностью художественных средств выражения, создают целостную картину исторического развития средневековой Руси так, как его воспринимали древнерусские книжники. Наиболее выразительно это проявляется в последовательной эволюции представлений об иерархии правителей на Руси и в Восточной Европе в целом. В миниатюрах Свода нашли свое отражение система взаимоотношений русских князей в XII–XIII вв., борьба великих княжений в XIV в., этапы становления московского «самодержавства» в XV–XVI вв., а также взаимоотношения русских земель с Византией и Золотой Ордой. Анализ изображений Лицевого свода позволяет составить более точную картину того, как воспринималась власть Золотой Орды на Руси, какое место занимало иноплеменное «царство» в представлениях современников. В миниатюрах значительно более полно, нежели в письменных источниках, отражен процесс последовательного восхождения московских великих князей к высшей ступени средневековой феодальной иерархии — к титулу царя. Этот процесс получил свое завершение при Иване Грозном и был тогда же документально зафиксирован в выдающемся историко-художественном памятнике русского средневековья — Лицевом летописном своде XVI века.

Примечания

1. Подробнее об истории создания и изучения Лицевого свода см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980; Амосов А. А. Лицевой летописный свод: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.
2. РНБ. F. IV. 225.
3. РНБ. F. IV. 233.
4. БАН. 31. 7. 30-1; 31. 7. 30-2.
5. РНБ. F. IV. 232.
6. ГИМ. Син. 962.

- 7 ГИМ. Син. 149.
- 8 Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 320.
- 9 БАН. 31. 7. 30-2. 2-й «Остермановский» том. Л. 89 об.
- 10 РНБ. F. IV. 225. «Голицынский» том. Л. 625об. (См. указанные иллюстрации в монографии: Martyniuk A. Die Mongolen im Bild. Hamburg, 2002. Иллюстрации 33, 38).
- 11 Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 19–20.
- 12 Там же. С. 61–63.
- 13 Там же. С. 62–63.
- 14 Там же. С. 28–30, 111–112; Подобедова О. И. Указ. соч. С. 276–286.
- 15 См., например, анализ иконографии византийских правителей в классической работе А. Грабара: Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.
- 16 Подобедова О. И. Указ. соч. С. 319.
- 17 Арциховский А. В. Указ. соч. С. 28–31, 111–118.
- 18 Там же. С. 112–114.
- 19 Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 276–283, 543–544.
- 20 Горский А. А. Москва и Орда. М., 2001. С. 87–89.
- 21 Там же. С. 88.
- 22 О роли церковной дипломатии в Восточной Европе того времени см.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978; Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990.
- 23 Горский А. А. Указ. соч. С. 87–89, 149–152.
- 24 Арциховский А. В. Указ. соч. С. 116–118.
- 25 См., например: Martyniuk A. Op. cit. Иллюстрации 32, 36.
- 26 Там же. Иллюстрация 33.
- 27 БАН. 31. 7. 30-2. 2-й «Остермановский» том. Л. 784 об. (См.: Martyniuk A. Op. cit. S. 179–182, иллюстрация 37).
- 28 Подобедова О. И. Указ. соч. С. 116–117.
- 29 Беннигсен А. Экуменизм Ивана Грозного // Русский альманах. Париж, 1981. С. 268–276. См. также: Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- 30 Арциховский А. В. Указ. соч. С. 118; Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Recklinghausen. 1978. S. 186–188.
- 31 Кюсс Б. М. Указ. соч. С. 265.
- 32 Арциховский А. В. Указ. соч. С. 4.
- 33 Martyniuk A. Op. cit. S. 160–163. Иллюстрация 28.

В. А. Токарев
Магнитогорск

Гуманистическая версия антипольской пропаганды в фильме «Мечта»*

Исторически сложившиеся этностереотипы и внешнеполитические образы во многом формируются и воспроизводятся посредством искусства. В этом смысле оправдано обращение к нетрадиционным историческим источникам, например, к художественным фильмам. XX столетие по праву можно назвать веком кинематографа. Способность обольщать зрителя и диктовать ему определенные ценности

* Автор признателен А. С. Дерябину и Н. М. Зоркой за важные замечания и консультации по теме статьи.

превратили кинематограф, наряду с прессой и радио, в инструмент манипулирования общественным сознанием. В Советском Союзе одной из функций киноискусства становится задача пропагандистского обеспечения советского внешнеполитического курса. Посредством экрана зрителям предлагался запоминающийся враждебный образ капиталистического окружения, в котором находился Советский Союз, а также образы его зарубежных классовых союзников.

Длительное время советские историки игнорировали проблему взаимных предубеждений и внешнеполитических стереотипов, тем более такой ее нестандартный аспект, как образы Польши и поляков в советском кинематографе. В-первых, союзнические отношения между Москвой и Варшавой в послевоенный период обернулись непреодолимым табу на разработку ряда «конфликтных» сюжетов из истории русско/советско-польских отношений. Во-вторых, академическая наука, оперировавшая преимущественно категориями социально-экономической истории, с запозданием и малоохотно обращалась к изучению субъективной реальности. Подобная специализация вкупе с методологическими ограничениями превращали художественные фильмы в источник с сомнительной репутацией, который, конечно, позволял более глубоко вникнуть во многие явления общественной жизни, однако, как думалось, игровые фильмы являлись источниками по истории культуры, киноискусства и актерского мастерства. Из-за такого узкого подхода к кинодокументам отечественный художественный кинематограф не сразу превратился в объект изучения профессиональными историками, хотя движение в этом направлении началось, как ни странно, в самые ортодоксальные времена. Одним из первых курс истории кино внедрил в учебный процесс декан исторического факультета Ленинградского университета В. В. Мавродин. Произошло это в 1940-е годы, после чего процесс приобщения историков к кинодокументам уже не приостанавливался.

Отметим, что польский элемент среди остальных «инонациональных» тем советского кинематографа доминировал лишь дважды – в ходе советско-польской войны 1920 г., и после советско-германского раздела Польши (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.). С осени 39-го года, то есть в самый благоприятный период развития кинематографической инфраструктуры, когда в межвоенном СССР достигли максимума просмотровых залов и киноустановок, кинематограф разрабатывал негативный страноведческий образ Польши. Тогдашние художественные фильмы антипольской направленности смогли просмотреть и принять как достоверные свидетельства миллионы советских зрителей. Обойму «польских» фильмов должна была пополнить кинокартина «Мечта», которой посвящено настоящее исследование.

* * *

1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу. В соответствии с условиями секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. в Кремле было принято решение о подготовке военной акции против Польши, которая началась 17 сентября. В этот день под Майкопом мосфильмовская группа «Первой Конной» снимала эпизод перехода буденновцев в 20-м году через польскую границу. Режиссёр Ефим Дзиган чуть позже вспоминал: «В разгар работы радио при-

несло нам весть об историческом решении советского правительства. <...>. Это принятое с восторгом сообщение придало нашей работе особый смысл. Командиры, политработники, тысячи бойцов, местные жители, колхозники, актёры – все участники съёмки с особенным подъёмом продолжали работу. Люди видели знаменательные исторические параллели между прошлым и сегодняшней действительностью. У людей возникали ассоциации, полные глубочайшего смысла. Совпадение ситуации сплетало воедино прошлое и настоящее, реальность и художественный образ, искусство и жизнь!»¹.

На митинге 17 сентября 1939 г. на студии «Ленфильм» кинорежиссер Леонид Трауберг оптимистически уверял коллег, что Красная Армия, если понадобится, не в месяц, а в считанные дни, в считанные часы раздавит любую враждебную страну, любую армию². Киевский режиссер Игорь Савченко, будущий постановщик фильма «Богдан Хмельницкий», с беспощадностью комментировал польский поход Красной Армии: «Суд истории совершен, приговор выполнен. Меч народа опустился на головы ясновельможного панства шляхетского»³.

Накануне польской кампании, в расчёте на важные события на западной границе, руководство союзной кинохроника согласовало с начальником Главупра Красной Армии Л. З. Мехлисом список кинооператоров, которым предстояло выполнить некое «особое» задание. Начиная с 10–11 сентября они «должны были сидеть на чемоданах»⁴. Речь шла об *оперативном* и *тенденциозном* освещении событий на западной границе, в буквальном осуществлении принципа, некогда сформулированного известным кинодокументалистом Н. Кармазинским: «Только факты, которые занимают внимание Советского Союза, только факты, которые агитируют за дело социализма, должны быть материалом киножурнала». Тем не менее, начало польской кампании именно для столичных кинодокументалистов стало неожиданностью, что помешало им в полной мере выполнить свои агитационно-информационные функции. Накануне вторжения из Москвы в войска отбыл Мехлис, нарушив тем самым договорённость с кинематографистами. Когда радио сообщило о переходе Красной Армией советско-польской границы, для столичных кинооператоров началась гонка за событиями.

Председатель Комитета по делам кинематографии при Совнаркомех СССР И. Г. Большаков связался с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и получил от того разрешение делегировать на фронт своих сотрудников. Уже в ночь на 18 сентября в Польшу отбыли первые московские операторы⁵. Решением Комитета по делам кинематографии 20 сентября в Западную Белоруссию была отправлена еще одна фронтовая бригада из семнадцати человек⁶ под руководством Я. Блюха и его заместителя В. Брянцева. В бригаду были включены кинодраматург А. Каплер, известные постановщики игровых и документальных фильмов А. Медведкин и Я. Посельский, сценарист А. Каплер, режиссер-оператор М. Кауфман, операторы М. Трояновский, М. Ошурков, А. Шеленков, Б. Монастырский, второй оператор В. Переяславцев, ассистенты оператора Е. Мухин, Н. Теплухин, А. Пырченко, звукооператор Р. Халушаков и администратор А. Кобрин. Среди кинодокументалистов обретался именитый кинорежиссер Михаил Ильич Ромм (1901–1971), человек неравнодушный и наблюдательный, когда-то покоривший Ромена Роллана своим фильмом «Пышка» и снискавший особое расположение кремлевских зрителей своими культовыми картинами «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». В полном составе бригада Блюха вылетела

из Москвы на «Дугласе» начальника Главного управления Воздушного флота, Героя Советского Союза В. С. Молокова. В Минске произошла непредусмотренная заминка. Киноаппаратура была отправлена к границе поездом, и её прибытия пришлось ожидать в течение трёх дней, т. к. железнодорожные пути были забиты воинскими эшелонами. Только 25 сентября бригада выехала из Минска в восточные воеводства, разместив свой штаб в здании Белостокского воеводства.

Именно в Белостоке произошла случайная встреча Михаила Ромма с московским писателем Евгением Иосифовичем Габриловичем (1899–1993).

В кинематографических кругах Габриловича ценили за сценарий к фильму о революции «Последняя ночь» (1937). Читающая публика знала его как очеркиста и автора рассказов, всегда деликатных и лишенных фальшивого пафоса. В сентябре 39-го, когда комплектовалась группа писателей для сопровождения войск Украинского и Белорусского фронтов, в Политуправлении Красной Армии даже не вспомнили о Габриловиче. С началом польской кампании десятки советских литераторов обратились в Союз писателей и военные инстанции с просьбой направить их в Западную Белоруссию и Западную Украину. Габриловича выручило удостоверение корреспондента газеты «Известий», с которым он проследовал мимо сброшенного на обочину пограничного столба с табличкой «Жечь Посполита Польша, № 177». Пасмурной осенью 39-го кроме него в Польше побывали «известинцы» И. Бачелис, В. Беликов, Б. Борисов, З. Златопольский, И. Константинов, К. Михайлов, Д. Рудь, И. Филиппенко и такие признанные мэтры журналистики, как Евгений Кригер, въехавший во Львов на первом танке, Петр Белявский, нагнавший войска с парашютом за спиной, и Эзра Виленский, возглавлявший когортину информационного отдела «Известий». Вскоре коллеги выделяют Габриловича как одного из самых оперативных журналистов польской кампании⁷.

В восточных воеводствах Михаил Ромм и Евгений Габрилович находились около двух месяцев (в октябре Ромму пришлось на несколько дней выезжать в Москву, чтобы сдать отснятый киновойсковой материал и чтобы проститься с умершим артистом Б. Щукиным). Пока попутчики Красной Армии объездили опаленные войной восточные воеводства, им пришлось сменить не один отель или случайный приют. Провинциальные гостиницы, наподобие той, что в Столбцах – в «полтора подслеповатых этажа», их разочаровали.

«Вообразите базарную площадь, мощенную булыжником. – свидетельство Габрилович из Волковыска. – Клочки соломы и сена, застрявшие между камней. Справа “Гранд-отель” – одноэтажное здание с десятью номерами, с красоткой, лихо изображенной на вывеске, с седоусым швейцаром возле дверей. Слева конкурирующий с “Гранд-отелем” отель “Метрополь” – два этажа, семь номеров, справки о кредитоспособности всех купцов Вильно и Белостока...»⁸.

Другой характерной особенностью гостиничного мирка являлись так называемые «комнаты с пансионом», постояльцы которых произвели на Ромма неизгладимое впечатление: «Внизу находилась лавка,верху огромная комната с длинным столом, за которым всегда сидело пять – шесть человек. За столом, у огромного самовара, играли в карты. Рядом стояли свертки с подошвенной кожей. Я хотел остановиться в номерах, но все комнаты оказались занятыми. Попытки найти общий язык с обитателями номеров, коммивояжерами, представителями мелкой и мельчайшей буржуазии, ничего не дали: увидев нас, они перепугались»⁹.

Ромм и Габрилович были переполнены польскими впечатлениями. Осенью 39-го советские люди попали на европейские задворки – «в глубину польского захолустья, находившегося в состоянии краха». Вдоль изрытой ухабами грунтовой дороги, грязной, как то предписывалось сезоном, а не санацией, о чем советские путешественники предпочитали не договаривать, раскинулись разграфленные поля скудных крестьянских наделов. Узкие полосы земли напоминали лоскутное одеяло. По свидетельству Ромма, кое-где земля обрабатывалась самодельной бороной и архаичными деревянными сохами. В руках крестьян можно было увидеть деревянный цеп для молотбы. По наблюдению Ромма, нищие белорусские деревни состояли из вросших в землю, крытых почерневшей соломой хат¹⁰. В некоторых избах, перегороженных жердочками, жило по две–три семьи. Когда Михаил Ромм подарил местной крестьянке спички, она, к его удивлению, тут же стала ножом разрезать каждую спичку вдоль пополам. Поведение крестьян казалось почти подобострастным. Проходя мимо каменного дома осадника, они, не жалея спины, кланялись старику – бывшему улану. Трое сынов осадника ушли на «империалистическую» войну – защищать «панскую» Польшу от Гитлера. Советский комендант распорядился разделить тридцать коров осадника между нуждавшимися односельчанами.

Местечки и города выглядели как странный «мир бакалейных лавчонок, сараев, канав, белья, развевающегося по ветру»¹¹. Под сенью многочисленных церквей и костелов тянулись привилегированные и непривилегированные улицы. Последние были иногда неопишущей кривизны. Там напозлали друг на друга лачуги и убогие хибарки, изнутри приукрашенные олеографиями на библейские сюжеты, фотографиями с видами Парижа или постерами мотоциклетных и пароходных кампаний с неперемнными пальмами и морем. Кругом теснились многочисленные магазинчики с причудливыми вывесками «Христианская бакалея» или «Иудейская лавка». Между уличной рекламой машин Зингера и бульонов Магги попадались плакаты с изображением палестинской экзотики, которыми сионистские агентства завлекали единоверцев. «Это было скопище мелочных лавчонок и крошечных мастерских, продававших, тачавших, шивших, чинивших. – вспоминал Габрилович, – Их норы шли по маленьким, порченным улицам, где жалко и жадно охотились за клиентами все, кто там жил»¹².

Из небытия вдруг воскресло слово «хозяин», за давностью лет выпавшее из советского лексикона.

Другой вещественный мир и достаток сохранили дома с пышными гербами, принадлежавшие преуспевавшим или знатным особам. Туда советские люди, включая Габриловича, вступали незванными визитерами. Пять часов Габрилович ходил по замку графа Любецкого, удивляясь многочисленным коллекциям и отменному вкусу владельца, арестованного за попытку укрыть у себя польских офицеров. В Новогрудке Габрилович ночевал в доме воеводы. Домашний порядок был нарушен поспешным отъездом хозяев. Шкафы стояли настежь, кругом валялись одежда, банки из-под помады, фотоальбомы, охотничьи сапоги и шпоры. В детской комнате Габрилович увидел плюшевых медведей, кубики, кукол, брошенные детские штанишки и платица. «Пахло домом и детством», – признавался Габрилович. Воевода покинул свой домашний очаг чинно, не перенося горечь бегства на собственное имущество. Зато граф Болеслав Сивловский, напротив, приказал гайдукам измордовать свое имение, как провинившегося хло-

па. Следы безжалостного погрома Габрилович застал, приехав в Беловежскую Пущу. Изящная мебель была разбита, кубки старинной чеканки расплющены, холсты Камиля Коро и Клода Моне изодраны, книги с автографами Франса и Мицкевича залиты чернилами, портьеры и гобелены искромсаны, шубы испорчены, ферма сожжена, а лошади зарезаны... Представители привилегированной среды, посмеявшиеся не посчитаться с восточными претендентами на собственность или же огрызнуться на Красную Армию, были обозначены Роммом как «весьма подозрительные, явно переодетые личности польско-офицерского вида»¹³ (режиссер тогда не предполагал, что среди пленных офицеров обнаружится его племянник по виленской линии, за которого придется замолвить слово, чтобы, как потом выяснится, спасти от катынского финала).

Польские впечатления за обоих подытожил Михаил Ромм: «...мы знали, что такое панская Польша. И все-таки, пересекая линию границы, тянущуюся в глухом, мертвом лесу, мы предполагали, что там, по ту сторону, нас ждало что-то совсем новое, необычное, — какой-то “запад”. И в первые же часы испытываешь странное ощущение: попадаешь в какие-то хорошо тебе известные, но давно забытые места. Сначала не понимаешь, что это такое. Потом догадываешься: это царская Россия. Ты попал в прошлое, в “двадцать лет назад”. Как будто автомобиль движется не в пространстве, а во времени»¹⁴.

Взгляд Михаила Ромма и Евгения Габриловича на Польшу был избирательным, что вытекало из политической культуры эпохи. Независимо от своего благосостояния и образовательного ценза многие советские люди были заложниками комплекса социалистического превосходства, который культивировался властью. По завершению польской кампании Габрилович вспоминал о минском шофере Константине Зарá, который обслуживал журналистов в восточных воеводствах:

«Все не нравилось ему в Польше, в этом мире, куда он попал впервые. Дороги он называл прескверными, магазины — жульническими, товары — гнилыми, города — отвратительными, нравы — жестокими. Особняки с картинами Корро, Делакруа, Менцеля, с бюстами Родена он именовал не иначе, как норами пауков. Он обожал свою родину, свою великую и прекрасную Советскую страну, обожал пламенно, всей душой, и все то, с чем он соприкасался здесь, на ином берегу, внушало ему искреннее омерзение. Он обижался, когда хвалили архитектуру костелов, выходил из себя, когда одобрительно отзывались о чистоте улиц. И готов был побить человека, который сказал бы, что “Шевроле” не уступит ни в чем нашей родной “М-1”. Он ругал нас мещанами, когда мы одобряли качество кофе, приготовленного на машинке “Экспресс”, и однажды не разговаривал с нами неделю за то, что мы удивились вместительности и комфортабельности здешних автобусов»¹⁵.

Отличие от минского шофера, актриса Елена Кузьмина, кстати, супруга режиссера Ромма, принадлежала к тому узкому кругу творческой интеллигенции, который отличал завидный кругозор, утонченный вкус и — самое главное — наличие денежных сумм, чтобы удовлетворить свои разновеликие потребности непосредственно в Советском Союзе. Оказавшись в 1940 г. на Львовщине, где снимались отдельные сцены фильма «Мечта», она с доброжелательной *сдержанностью* ознакомилась с галицийской столицей:

«Город Львов не поразил нашего воображения так, как мы ожидали. Чуждый уклад жизни нас не тронул. Даже просто так продающиеся легковые машины,

стоящие в витрине магазина со сценой на носу! Не поразило нас кружевное бельё, которое можно было купить в любом магазине без очереди, были бы только деньги. Маленькие частные лавчонки, где продавалась всякая снедь, приготовленная не заводами, а просто хозяйками. Это было вкусно, но не поразительно»¹⁶.

По существу перед нами вполне *искренние* впечатления обеспеченного человека. В тоже время дистанция, отделявшая материально благополучную Кузьмину от многих тысяч красноармейцев и командиров, прошагавших дорогами Польши осенью 1939 г., зачастую не отменяла их духовную солидарность.

Единомышленники Елены Кузьминой и Константина Зарá были увлечены коммунистическим грядущим, которое было для них реальней настоящего. Внешний мир сопоставлялся не с текущей советской повседневностью, а с абстрактной коммунистической будущностью. Такое сравнение, конечно, было не в пользу польской действительности. «Всё делалось во имя великого будущего, — вспоминала Е. Кузьмина, — Во имя этого будущего мы гордились своими обносками, казенной баландой, коммунальными квартирами и презирали весь мир, кроме тех, кого считали своими»¹⁷. Пафос эгалитаризма и вера в лучшее будущее порождали крайнюю селективность восприятия иной, несоветской реальности. Часть красноармейцев и командиров приняла польскую действительность в согласии с комплексом социалистического превосходства¹⁸. «Сколько не встречалось нам советских людей, — уверял смоленских земляков журналист Н. Карельский, — все они испытывают род духовного удушья от частной торговли с её темными и грязными “склепами” (магазинами), от ресторанов и столовых, похожих на дрянные кабаки, от всей так называемой “культуры” Запада, убогой и лживой»¹⁹. Именно поэтому, бегло упоминая об уютных на вид одноэтажных коттеджах в польских городках, Габрилович сосредоточился на живописании трущоб. Нахваливая вкусную яичницу с вареньем, которую стряпали в ресторациях, Габрилович жаловался, что скатерти в польских ресторанах грязные, салфетки засаленные, а стаканы мутные. Даже привлекательные стороны польской действительности оттенялись или выдавались за фальшивый фасад, скрывающий общую запущенность и язвы капиталистического общества.

Поэтому появление Красной Армии на землях, обезображенных классовым неравенством, выглядело в глазах московских культуртрегеров оправданным и социально и даже с национальной точки зрения. «Ни одного поляка в этих полунных деревнях! — отмечал Ромм, обзвывая восточные воеводства. — За два дня мы проехали десятки селений и ни разу не слышали польского слова».

Красная Армия и её спутники воспринимались как миротворческий фактор и не иначе как залог завтрашнего процветания белорусов и украинцев. В Белостоке Габрилович стал очевидцем того, как большая толпа из местных жителей смотрела через витрину ресторана, как обедают советские командиры и штатские: «Ресторанов было повсюду много, но толпа стояла именно тут. Через стекло было видно, что все, кто сидел за столами, были веселы и спокойны, и это успокаивало толпу»²⁰.

Даже праздное любопытство обывателей воспринималась как само собой разумеющаяся тяга к советскому. В те дни политическая будущность окрестных территорий не вызвала сомнений. На заданный кем-то вопрос, правда ли, что здесь будет советская власть, политкорректный Ромм про себя ответил: «Да, правда! Здесь будет советская власть, и ничто, никогда эту власть не поколеблет»²¹.

* * *

Еще не завершилась польская кампания, как кинематографисты поспешили приступить к разработке новой темы. Например, на «Ленфильме» намеревались побыстрее поставить короткую киноновеллу о приходе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. В ноябре 1939 г. режиссер Фридрих Эрмлер выехал в Москву для поиска сценария, по которому следовало снять картину. Затея осталась не осуществленной, так как, по признанию Эрмлера, в искусстве «нельзя заниматься вещами, которые далеки от искусства»²². Добротные сценарии попросту отсутствовали. На заседании сценарного совета Комитета по делам кинематографии 11 ноября 1939 г. констатировалось:

«Сейчас намечается тенденция превратить Западную Украину и Западную Белоруссию в крючок, на который все вешают (это чувствуется у нас в сценарном отделе). Какой бы случай не произошёл, всё переносится в Польшу. Германию брать нельзя, в какой-нибудь другой стране, что будет не известно, давайте валить всё на Польшу. Всё многообразие явлений, связанных с проблемами интервенции переносят на маленькую Польшу. По настоящему же о Западной Белоруссии и Западной Украине ещё ничего не сказано, а имеющиеся произведения находятся на очень мелком идейно-художественном уровне. Пока ещё больше работают второстепенные авторы, и тему это может опопшлить»²³.

Опасения подобной тенденции были небезосновательными. Режиссер Л. З. Трауберг, прочитавший многочисленные сценарные заявки, писал об одной из них: «Сценарий об освобождении западных областей Украины и Белоруссии написан в манере лубков 14-го года. Пан Михась бежит от русских в дамской нижней юбке»²⁴.

Нужда заставила кинематографистов задуматься над экранизацией произведений польских писателей. Внимание к себе привлекли повесть Я. Курека «Грипп свирепствует в Неправе» и роман Т. Доленги-Мостовича «Карьера Никодима Дызмы». Проза восходящей литературной величины Ванды Василевской легла в основу сценариев «Вербы и мостовая» и «Повесть о калине». Вскоре оригинальные сценарии были предложены советскими участниками и очевидцами польской кампании: В. Беляевым («Голос Тараса»), М. Большинцовым («Тарас Дудко»), К. Василенко и Е. Помещиковым («Семья Януш»), Б. Горбатовым («Три дня»), А. Дубровским и В. Кучером («Ветер с Востока»), Ф. Кравченко («Польская рапсодия»), М. Лыньковым и С. Таубе («В сентябрьские дни»), И. Прутом («Две ночи»), Б. Рискиндом («Берчик»), Е. Романевич («Наста Верас»), Максимом Танком («Буря над Нарочью») и др.

По возвращению в Москву Ромм и Габрилович также приступили к работе над сценарием на тему: «*Польша тридцатых годов, ее политическая безысходность, социальный тупик и полная необходимость в коренных переменах и переустройства всей ее жизни*». Иногда сцену наговаривал Ромм, а Габрилович придавал ей литературную огранку. Порою, они уединялись, а потом сводили написанные эпизоды в целое. Поначалу соавторы послушно размышляли о помещичьем гнете и драме белорусского крестьянства, к чему их побуждала рабочая аннотация. «Мы даже думали – вспоминал Габрилович, – показать в одной линии сюжета тяжбу крестьянина с землевладельцем, обнажив этим механику действий классового суда и власти шляхетского государства». Однако пред-

писанный социологический анализ лишал сюжет витальной убедительности. В Польше на Ромма большее впечатление произвел не захудалый капитализм, а люди «с иным отношением к жизни, иными целями, иной психологией»²⁵. Тогда соавторы обратились к человеческим судьбам, с которыми они столкнулись в Бресте, Вильно, Белостоке и Гродно.

В Новогрудках Габриловичу запомнилась болезненного вида хозяйка крохотной бакалеи Роза Скороход, озабоченная будущим своего двадцатипятилетнего сына Лазаря, увы, иждивенца: «Вместо того, чтобы заниматься мелочной торговлей, как его брат, он пошел по ученой части, попал в университет. Перебиваясь с хлеба на воду, блестяще кончил университетский курс, несмотря на преследования и даже на побои студентов – панычей. Теперь он адвокат. Нужно же было случиться такому несчастью!».

В течение двух лет её сыну никак не удавалось найти работу по специальности²⁶. В первом же польском городишке, куда попал Ромм, режиссер познакомился с детским врачом. В модном, правда, потрепанном плаще и шляпе тот продавал с лотка яблоки, позабыв о своем предназначении. Подобно адвокату Лазарю и безымянному врачу, множество способных людей — одаренных музыкантов или математиков, — занимались чужим ремеслом²⁷. Доктор мог работать официантом в запущенном ресторане «Атлантический океан», дантист — продавать хомуты в лавке «Париж», юрист — торговать в закутке под вывеской «Бар Аргентина». Безработица скучивала на дому родственников под вывеской коммерческой «кампании», предлагавшей покупателям яблоки или газированную воду. Кого-то безработица вербовала в коммивояжеры «третьей руки». За пятнадцать злотых в неделю пан Слянский и легион его собратьев ходили по местечкам и деревням, нагруженные чемоданами с образцами товаров: «Они бродили стаями, хозяева магазинов гнали их, как нищих. Но надо было кормить семью. Прогнанный из одной лавки, Слянский плелся в другую, раскрывал чемоданы, расхваливал товары...».

Проезд, гостиница и скидки с товара производились за счет Слянского. Другие, как тринадцатилетняя девочка Соня Лазик из Барановичей, вынуждены были батрачить за разовый обед из супа и макарон.

Среди «униженных и оскорбленных» обреталось много иудеев — пасынков «панской» Польши. Интернационалиста Габриловича, называвшего самого себя евреем «как бы сбоку», особенно поразила трагическая развязка недолгой жизни Розы Вельц из Бреста. Девушка замечательных математических способностей поступила на металлургическое отделение в политехникум. До поры она терпела все унижения со стороны антисемитов и просто мужланов. После блестящих экзаменов на третьем курсе Розу жестоко избили в переулке, пришив к платью листок с угрозой: «Ты будешь убита, если вернешься в политехникум». Спустя два дня Роза повесилась, оставив посмертную записку, адресованную директору: «Будьте прокляты».

В Польше внимание Габриловича привлекли люди, заслуживающие, по его мнению, в лучшем случае, снисхождения, а в другом разе — неприятия. Запомнилась странная категория «людей воздуха», например, деликатных до вкрадчивости сватов, облагавших процентами человеческое одиночество и неустроенность²⁸. Их клиентуру составляли засидевшиеся в невестках пани, а между ними — тридцатидвухлетняя Ванда, мерившая свою жизнь «свадебным меркан-

тилизмом». Годы изнурительного труда были потрачены ею, чтобы скопить себе на приданное. «Приданное становилось в сознании дочери мелкого ремесленника, мелкого торговца той путевкой в жизнь, без которой было немислимо мало-мальски сносное существование».

Клиентами поднаторевших свах и журнала «Брак и знакомство» были франтоватые женихи с гвардейской выправкой, знавшие все великосветские новости при пустом кошельке, носившие габардиновые пальто и начищенные штиблеты, однако хранившие свой драгоценный гардероб в утлых меблированных комнатах. Бездельники со снисходительно вежливостью богачей надеялись поправить свое положение удачной женитьбой. Корыстные сердцееды ценили в своих избранницах, прежде всего, капитал, а не человеческие достоинства. Свадьба могла расстроиться, если за невестой числилось не тысяча злотых, а только половина суммы, затребованной расчетливым женихом.

...От первоначального замысла сохранилась украинская крестьянка Анна Колечко, ушедшая пасмурной осенью в город в «поисках работы и счастья». В подлинные человеческие истории Розы Скороход и ее сына Лазаря, коммивояжера Слянского и вечной невестки Ванды, Сони Лазик и Розы Вельц были ассоциативно задрапированы остальные вымышленные персонажи. «Их разнострой и есть человечество с его провалами и попытками вспорхнуть», — подытожит их биографии Габрилович²⁹. Нередко зная в лицо прототипов своих героев, Габрилович и Ромм писали сценарий, иронизируя и сострадая, совершенно «не помышляя о том, кто кого представляет — сколько тут либералов и консерваторов, интеллигентов в слоновой башне и фабрикантов, есть ли тут социал-предатели и отражен ли милитаризм, — вспоминал Е. Габрилович, — мы работали, освободив себя от подсчетов, прикидок и оправдательных документов, выраженных в репликах или немых средствами, но предъявив себе требование, тоже, конечно, достаточно древнее, однако существенно важное по тем временам: человечнее и вглубь!»³⁰ (поэтому на бумаге и на целлулоидной пленке герои получились отнюдь не «картонными», как их привередливо оценил один авторитетный кинокритик³¹).

Сценарий «Мечта» содержал фразу: *«Прошло несколько лет и панская Польша лопнула, как мыльный пузырь»*. Ни в сценарии, ни в фильме почти не афишировалась военная катастрофа, настигшая Польшу (при восстановлении фильма в 1972 г. из «Мечты»³² удалили сцену возвращения с войны извозчика Янека, ничуть не обескураженного последними событиями). Значит, страну разорвала внутренняя ущербность. Не случайно кинопанораму Львова постановщики сопроводили социально-порочным статистическим перечнем: «В этом городе было пять костёлов, две тюрьмы, четыре фабрики, тридцать девять публичных домов, двести сорок торговых лавок...»³³.

По замечанию Сергея Юткевича, изображенные в фильме улицы и комнаты, дансинги и пейзажи были характерны для провинции, мнящей себя «Европой»³⁴. Среди городских заведений числилась затрапезная гостиница «Мечта». Именно там нашла себе место для ночлега крестьянка Анна Колечко (актриса Е. Кузьмина). Глубокой ночью, возвращаясь в «Мечту» из кафе, где она за чаевые трудилась привратницей, Анна, пересилив усталость, мыла полы и чистила обувь обитателей меблированных комнат. Полуночницу выручала малочисленность жильцов, чьи туфли и ботинки были выставлены под дверь-

ми. В «Мечте» обитал бывший художник Зигмунд Домбек (артист М. Болдунман), чью руку когда-то пожимал сам Ренуар. Теперь этот едкий и как-то по неловкому участливый старик «чинил примусы на задворках Европы». Его противоположностью был добродушный, временами восторженный извозчик Янек (артист Р. Плятт), озадаченный тем, почему при таком красивом коне и исправном фаэтоне ему не везло на седоков. Между мужскими ботинками выделялись дамские туфли «пикантной шатенки» Ванды Ландовской (актриса Ада Войцик). Житейский горизонт этой обветшавшей красотой и туалетом дамы был ограничен брачными объявлениями. Самое последнее объявление ей с суровой прямоотой продиктовала сама хозяйка гостиницы: «Девушка с приданным очень хочет выйти замуж, согласна на любой возраст и наружность, кроме прокаженных и сумасшедших...».

Грош за грошом Анна Колечко копила свой щедедушный «капитал», рассчитывая по примеру Ванды когда-нибудь выйти замуж. Единственным утешением для неё становится родной брат Василь (артист В. Соловьев), внешне чем-то напоминавший известного польского революционера Сергея Притыцкого. Однажды окровавленного Василя, избитого в забастовочном пикете полицейскими, приводят приятели (как известно, польская компартия была распущена Коминтерном, поэтому Василь и его товарищи ни разу не были в «Мечте» названы коммунистами). Брат расспрашивает сестру о том, как на днях ей довелось угодить полиции поимкой незнакомого человека. По описанию выясняется, что задержанным оказался рабочий Томаш Крутицкий. Гнев сменяется на милость, когда появляется сам Томаш (артист В. Щеглов), видимо, бежавший из-под ареста. По требованию брата сконфуженная Анна провожает Томаша через город. Заметив полицейских, тот крепко целует Анну, чтобы скрыть свое лицо. Странная прогулка и неожиданный поцелуй, наказанный для приличия пощечиной, будоражат воображение девушки и чуть-чуть скрашивают неудачно сложившийся день.

Гостиница «Мечта», где за койку мыкалась Анна, принадлежала Розе Скороход (актриса Фаина Раневская), ворчливой лавочнице, готовой продать душу за лишний грош (подсунутое покупателю гнилое яблоко — самый невинный прием из её коммерческого арсенала). Хозяйка была скопищем пороков: злая, скучная, завистливая. И при всем том Роза Скороход исподволь жалела людей, но страшилась потерпеть убыток от своей жалости. Она не могла сдавать комнаты безработным, однако не торопилась прогнать извозчика Янека, задолжавшего деньги за три месяца. «Каждый раз меня губит моя доброта...» — говорит она голодной Анне, разрешая доесть прислуге вчерашний суп, но — не прикасаться к котлетам. Ей не безразлична судьба Ванды, однако Роза Скороход никогда не позволит своему великовозрастному сыну Лазарю связать жизнь с бесприданницей. У неё есть оправдание, — всю свою жизнь она посвятила сыну. Она была прачкой, мыла полы в уборных, по месяцам не ела хлеба, зато у её мальчика всегда был хлеб. Она мечтала, чтобы её сын учился, чтобы он стал инженером, чтобы Лазарь «был умный, чистый, богатый»³⁵. Тем не менее, могучий материнский инстинкт не делает Лазаря счастливым. Пятнадцать лет дипломированный инженер Лазарь Скороход (артист А. Кисляков) живет на иждивении матери. Обитатели «Мечты», занятые по вечерам игрой в лото, отказывают Лазарю в участии за его «некредитоспособность» — отсутствие карманных денег. Язвительный Зигмунд

говорит Лазарю: «Вы даже подштанников себе купить не можете». Слышать такое было нестерпимо, к тому же среди игроков находилась пани Ванда, которой Лазарь слегка симпатизировал. Днем Лазарю приходилось торговать яблоками и фруктовой водой в «дрянной дыре», как он называл лавку своей матери. А по ночам Лазарь просиживал над чертежами. На второй год ночных бдений Лазарь завершает проект завода, от которого зависит его профессиональное и личное будущее. Даже Роза Скороход, наконец-то, преисполнилась гордостью за своего отпрыска, когда Лазарь в модном пальто и в шляпе идет на встречу с представителями фирмы, заинтересованной в проекте.

Некоторые персонажи фильма — Станислав Комаровский (артист М. Астангов) — подтверждали фальшивое благополучие западного соседа. Впервые Комаровский возникал в кафе, смахивая перед зеркалом пылинку со своего пиджака. Объектом вожделений обладателя ухоженных усиков являлись «добропорядочные пани» с банковским счетом и ценными бумагами. За внешней стильностью и преувеличенно элегантными манерами «злого манекена, на которого надет единственный франтовской костюм»³⁶, скрывалась нищета, что не мешало ему высказывать пренебрежение, если не презрение к людям своего достатка. Именно в Комаровском, по вечерам стирающем на чердаке свои единственные носки, по мысли сценаристов, заключалась самая сущность шляхетской Польши, чванной и нищей, грозной и пустой. Двойная жизнь, светская и чердачная — это привычный режим существования Комаровских. Хищный и корыстный, брезгливый и надменный — Комаровский преподносился как мещанское подспорье санации, как зеркальное отражение Польши времен Пилсудского³⁷.

Цепляние людей за иную жизнь, чем они отстаивали свое человеческое достоинство, постановщики снисходительно воспринимали как безнадежный самообман и лукавство друг перед другом. На поверку сценаристов опрятный или регламентированный быт обитателей европейских «задворок» являлся мнимостью. В одночасье жизнь обитателей «Мечты» расплывается по швам. В кафе убегавшая Анна опрокидывает кофе на Станислава Комаровского. С капризным клиентом случилась истерика, а оплошавшую официантку гонят с работы. Следующим днем Комаровский появляется в «Мечте», откликнувшись на брачное объявление Ванды. Инженер Лазарь Скороход, перед деловым визитом приревновавший к Ванде, терпит фиаско со своим проектом, — заказчики не хотят тратиться на такой совершенный с инженерной точки зрения завод. Дома Лазарь не смеет признаться матери и жильцам, вновь занятым ненавистным лотом, что его проект отвергнут. Он утверждает обратное: «...мой проект... Что так смотрите?! ...Мой проект принят». В подтверждение своих слов он приглашает Ванду в ресторан «Атлантический океан». Не без терзаний Ванда соглашается, поступившись «решительным» разговором со Станиславом Комаровским. Пока Роза Скороход отсутствует в гостинице, одержимый Лазарь взламывает комод и отсчитывает деньги, накопленные матерью. В ресторане замечтавшуюся пару караулит Комаровский. Ему нужно отомстить этому «нищему босяку», торгующему «гнилыми яблоками у синагоги», который посягнул на его добычу. Когда захмелевший Лазарь не может расплатиться за дорогое шампанское и ананасы, Комаровский поднимает его на смех: «Мошенник! Шарлатан!». Из ресторана Лазарь бежит домой за недостающими сорока злотыми, оставив в качестве залога пиджак, шляпу и... плачущую Ванду.

Тем временем Роза Скороход обнаруживает пропажу денег и обвиняет в краже прислугу Анну. С возвращением потрепанного Лазаря, хозяйка понимает, кто взломщик. В негодовании старуха кричит Лазарю: «Ты обокрал родную мать! Ты мне не сын, негодяй!». Внезапно в сопровождении галантных приятелей появляется Станислав Комаровский. Дамские угодники сообщая «освободили из плена» оскорбленную Ванду и любезно сопроводили её до пристанища. Обозвав Лазаря прощелыгой, визитеры церемонно удаляются. В довершение обнаружилось, что Лазарь растратил на чертежи деньги, которые ему доверяла хранить Анна. Неблагодарный сын. Несостоявшийся инженер. Несостоятельный кавалер. Неблагонадежный человек. За один вечер репутация Лазаря была изодрана в клочья. Вместо того чтобы возместить Анне потерю, хозяйка требует, чтобы прислуга, чей брат Василь арестован полицией, убиралась прочь. Перед тем как уйти обозленная Анна клеймит всех обитателей «Мечты»: «Все вы тут хороши. Озверели, как волки. Только называетесь людьми. Из-за грошей глотки друг другу перегрызете. Нет и не будет вам счастья!». Извозчик Янек увозит Анну на своем фаэтоне и высаживает припозднившуюся пассажирку посреди безлюдной ночной улицы. Три года назад Анна ушла из родной деревни в поиске лучшей доли. Слезы матери и причитания старого отца, молившего Бога пожалеть дочь, были ей тогда родительским напутствием. Мольбы остались не услышанными — под безразличной иллюминацией «Polonia» застыла заживо похороненная Анна.

...Той же ночью экзальтированная пани Ванда пытается вернуть себе расположение Станислава Комаровского. Неожиданно для себя она находит «такого благородного, такого богатого» кавалера на чердаке. Кругом водопроводные трубы, не заправленная металлическая кровать. На стене вместо распятия — лакированные туфли. За корытом — взлохмаченный Комаровский с поникшими по бокам подтяжками... Тот элегантный пан из ресторана оказался всего лишь миражом. Вернувшись в «Мечту», обезумевшая Ванда надрывно наговаривает новые объявления в «Брачную газету». «Все не то... Все это было», — с ужасом восклицает она... Вечная невеста Ванда предпочитает смерть.

Последний акт трагедии разворачивается за пределами гостиницы. Опозоренный Лазарь и отчаявшаяся Анна, чуть было не угодившая на панель, пытаются дойти до России, где, по словам инженера, строили много заводов. Голодных и усталых странников задерживает полиция. Лазаря и Анну обвиняют в бродяжничестве. У блюстителей порядка Роза Скороход выкупает драгоценного сына. «Когда ты очень захочешь кушать, вернешься домой, — говорит опечаленная мать упорствующему Лазарю, — Я тебя знаю». Как сестре политического преступника, Анне предстоит провести в тюрьме целый год. Презрев свое прошлое, она перестает почитать ту власть, которая ничего, кроме прошлого, предложить ей не может. Полицейские чины слышат от неё неприязненное: «Чтобы вы околели, проклятые!». На допросе у следователя Анна в последний раз видит арестованного Томаша Крутицкого. Девушка отказывается признать в нем единомышленника брата Василя, правда, её стоицизм, как выяснится позже, не спасает революционера от эшафота. Потом, полуживая от побоев, Анна думает в камере о Томаше...

Увиденное в Польше больно задело и поразило Ромма, а потому фильм режиссер ставил с полной убежденностью в том, что такая страна и ее «социально-

чуждые» подданные не заслуживали никакого снисхождения. И хотя «Мечта» рождалась с претензией на *политическую* истину, фильм вышел за рамки реликтовой аннотации. В сценарии были соблюдены все предписанные революционные, социальные и бытовые пропорции. Киновоплотившись, они дали не вполне предвиденный результат, уподобив акт художественного творчества эксперименту алхимика. В центре киноповествования оказалась вечная тема человеческого одиночества и погрязших надежд. Получился фильм, где, по словам Н. М. Зоркой, люди «страдали из-за горестей глубоко личных и частных, любили, изнемогали от отсутствия любви, стыдились бедности, старились, надеялись, ждали — словом, испытывали те простые и вечные человеческие чувства, которые с конца 30-х годов уже с трудом проникали на экран»³⁸. Вопреки замыслу постановщиков именно вокруг ворчливой Розы Скороход вращались по заданным орбитам прочие персонажи, включая крестьянку Анну, а революционная тема (рабочие Василь и Томаш) сместилась на периферию сюжета³⁹. Американский писатель Теодор Драйзер, смотревший «Мечту» вместе с президентом Франклином Рузвельтом, был так увлечен образом Розы Скороход, что собирался написать статью об актрисе Фаине Раневской.

Фильм не навязывал готовый обвинительный вердикт, а предлагал зрителю самому задуматься над жизнью постояльцев «Мечты»⁴⁰. Один и тот же герой мог вызвать противоречивую гамму переживаний: от презрения до сочувствия и наоборот. Инженер Лазарь Скороход, торгующий яблоками и фруктовой водой, потому что его знания не востребованы капиталистической системой, обвинял не только среду обитания, но к тому же был укором самому себе, своей инертности и непоследовательности. В черствой и жадной Розе Скороход вдруг обнаруживался мудрец, взлетающий к пониманию самого сложного в человеке⁴¹. В буквально выстраданной артистами сцене тюремного свидания Лазаря со своей любящей матерью, зритель готов был милосердно отпустить Розе её прегрешения. Такая индульгенция подтачивала устои мировоззрения, которое формировала власть. Не случайно председатель Государственного комитета по кинематографии И. Г. Большаков, находивший излишним сострадание к Розе Скороход, потребовал от Ромма удалить сцену тюремного свидания: «Это не нужно, не нужно. Это уводит, уводит зрителя...». Когда об этом узнала Фаина Раневская, жалевшая свою героиню, она в переизбытке чувств пригрозила Большакову: «Если вы, Иван Григорьевич, не восстановите эту сцену, я убью вас». То, что казалось Большакову криминалом — сочувствие каждому персонажу, привлекательному или самому отвратному, Раневская, наоборот, считала достоинством картины.

Действие «Мечты» можно было вполне перенести в любую другую страну. Эту особенность фильма уловил кинокритик М. Зак: «Город, пансион и люди в фильме располагались на территории, которую лишь условно можно было называть “Польша”»⁴². И, наверно, не случайно в пору премьеры «Мечты» режиссер Сергей Юткевич в своей рецензии на фильм особо не настаивал, что действие разворачивается именно в довоенной Польше⁴³. Разумеется, постановщики добивались, чтобы фильм был пронизан польским колоритом. Чистоплотных львовских улиц, залитых солнцем, и принаряженных горожан-статистов, конечно, было недостаточно. При подборе ведущих артистов Ромм исходил из собственных представлений, как должны выглядеть поляки. Например, на роль Комаровского, чью

национальную принадлежность следовало обозначить непременно, Ромм сначала пригласил артиста Василия Ванина, однако, тот, по словам режиссера, никак не мог «сойти» за поляка: «Ванин превосходно исполнил все заданные этюды и ужасно хотел сыграть эту роль. Но это было решительно невозможно: никто не поверил бы, что он поляк. Что бы ни делал Ванин, он оставался русским»⁴⁴. Тогда выбор пал на уроженца Варшавы Михаила Астангова, длительное время жившего среди поляков. Созданный им образ расчетливого жениха имел узнаваемую этническую нагрузку и отчасти унаследовал «классический» дореволюционный стандарт. Как подметил В. Кисунько, в образе Станислава Комаровского многое заставляло вспомнить двух нищих и самодовольных панов-шулеров, зло обрисованных в сцене в Мокром в «Братьях Карамазовых» Достоевского⁴⁵. Польский колорит ярче всего проявлялся в гротесковом Станиславе Комаровском, затем в образах Розы Скороход (Фаина Раневская), невесты Ванды (Ада Войчик), извозчика Янека (Ростислав Плятт). Актеры, исполнявшие эти роли, близко знали не только социальную, но и национальную природу картины «Мечта». Другие актеры также тщательно изучали непривычный быт и присматривались к людям непосредственно во Львове. Актриса Елена Кузьмина (Анна) что-то подметила для своей героини от гостиничной прислуги Ядвиги, тоже крестьянской девушки, искавшей в городе полнокровную жизнь. Вместо того, чтобы отсылать деньги нуждавшимся родным в деревню, Ядвига тратилась на модные шляпку с вуалеткой и дамскую сумочку, да дорогие перчатки и темный костюм, чтобы угодить капризам работодателя. От случайной элегантно одетой знакомой, оказавшейся, к разочарованию Кузьминой, проституткой, и, кстати, не находившей ничего зазорного в своем занятии, пришло ощущение той бездны, в которую могла сорваться её отчаявшаяся героиня.

Такая строгая судья, как Фаина Раневская, считала «Мечту» прекрасным фильмом. По независящим от постановщиков причинам, «Мечта», запущенная в производство в июле 40-го, была с запозданием завершена к 15 июня 1941 г., а ровно через неделю — в день нападения Германии на Советский Союз, — на киностудию поступил первый отпечатанный экземпляр фильма. «Мечта» не успела появиться на предвоенном экране. О своеобразном фильме вспомнят через два года — после разрыва отношений СССР с польским правительством в Лондоне. В СССР развернулась кампания по дискредитации «клеветнических измышлений» эмигрантского польского правительства о виновниках убийства польских офицеров под Смоленском. Разумеется, советские кинематографисты не могли остаться в стороне⁴⁶. В сентябре 43-го, когда советские войска освобождали Смоленщину и, кстати, взяли под свой контроль Катынский лес, «Мечта» получила прокатное удостоверение, и 13 сентября 1943 г. вышла на экраны страны.

Чуть позже несколько копий фильма были приобретены для Войска Польского. Наверно, польские солдаты, имевшие свой набор претензий к эпохе, смогли многое припомнить и опознать в «Мечте», даже, может быть, испытать ностальгию по мирной жизни. Другой вопрос, смогла ли та, польская, аудитория согласиться с мнением постановщиков, будто такой безутешной и обреченной была её родина? Сам Габрилович как-то оговорился, что в польском мире, как и во всяком ином, были свои радости, свои трагедии, свои воспоминания⁴⁷. В человеческом опыте Габрилович и Ромм выхватили преимущественно одни трагедии,

в сумме своей намекавшие на безбудущность «панской» Польши. Как массовая безработица в США, расовая дискриминация в Южной Родезии и лагерные бараки в СССР не отражали все перипетии человеческого общежития в этих странах, так и беспросветный быт героев «Мечты», зауженный до чувства безысходности и едва тлеющего протеста, не раскрывал всего многообразия польской действительности межвоенной поры.

Тема «Польши тридцатых годов» была расписана в «Мечте» неожиданно и, можно сказать, изящными мазками, однако наносились эти мазки кистью страстной. Вместо светотени — пускай трогательная, но все-таки тень. Прощальную сентенцию извозчика Янека: «Эх, подлая жизнь...», дополнительно усугублял, как выразился сам Габрилович, наскоро сметанный и грубо подшитый финал. Даже в советские времена заключительные кадры фильма называли не иначе как «официальной отпиской»⁴⁸. Под занавес в «Мечте» появляются хроникальные кадры Красной Армии, вступившей во Львов. Спустя пять лет в город возвращается Анна Колечко. При встрече с Лазарем, который, по его собственным словам, наловчился торговать и разучился мечтать, она показывает фотографию советского завода, где она трудится. Изумленный Лазарь догадывается, что бывшая прислуга Анна, необразованная и наивная девушка, не покорилась обстоятельствам и сама переписала свою жизнь: «Так, значит, ты все-таки ушла туда». А та, кажется, была смущена тем, что именно ей удалось обрести счастье на востоке, тогда как остальным обитателям «Мечты» пришлось смириться со своим убогим существованием. Как вестник грядущих перемен, связанных с новой властью, Анна обозначает завтрашний день её земляков⁴⁹.

* * *

Видный российский полонист Л. Е. Горизонтов справедливо пишет о необходимости изучения этностереотипов: «Они не только отражают, пусть в преломленном виде, реалии, но и формируют убеждения, управляют поступками людей, вплоть до принятия ими политических решений, способных действительно изменять. Сам феномен преломления несет в себе уникальную информацию о менталитете эпохи»⁵⁰. Исторически сложившиеся этностереотипы во многом шлифуются и воспроизводятся средствами массовой информации. XX столетие по праву можно назвать веком кинематографа. В течение 1939–1941 гг. советские кинематографисты дополнили *враждебно-сатирический* стереотип, как тогда думалось, «бывшей» Польши. Гонор, лицемерие, алчность, национальная спесь и колониальная этика на Кресах Восточных, склонность к паразитизму и стяжательству преподносились как центральные грани страноведческого образа и польского этностереотипа. Для поверженной Польши и польским персонажам были подобраны порицаемые качества и ситуации, в которых им предстояло проявиться.

Основная задача художественного фильма «Мечта» была незамысловатой — обосновать закономерность сентябрьской агонии Польши Пилсудского и его наследников, а глубина и, скажем, *этическое измерение* польской драмы — необычным. Причина заключалась в намеченном ракурсе темы. Создатели «Мечты» сосредоточились на *человеческих судьбах* в той будничной среде и на

том житейском перекрестке, на котором советские миссионеры застали своих героев, вернее их прототипов, в Польше. Разумеется, «Мечта», задуманная как поминальная по «бывшей» Польше, не была и не могла быть эталоном непредвзятости. Тем не менее, гуманизм «Мечты», чьи авторы хлопотали за униженного человека, до известной степени смягчил тенденциозность фильма и обеспечил картине завидное долголетие. При этом антропософию Михаила Ромма и Евгения Габриловича отличало не инакомыслие, а инакодушие с изрядной примесью идеализма. Они верили скорее не в государственный промысел и целомудренность официальной доктрины, а в *бескорыстие* и *справедливость* советского человека, который, как им грезилося, приподнимал до себя обиженных и оскорбленных.

Примечания

- 1 Дзиган Е. Искусство и жизнь // Кино. 1939. 7 ноября.
- 2 Кадр. 1939. 22 сентября.
- 3 Савченко И. Родная земля // Кино. 1939. 5 декабря. Позднее режиссёр Сергей Эйзенштейн восторженно писал: «Осень 1939 года — это подлинно Болдинская осень нашей страны, если в этой плодотворнейшей странице биографии Пушкина видеть символ всякого творческого подъема, всякого творческого размаха, всякого творческого плодородия. Осень 1939 года — это непрерывная цепь побед нашей страны. <...>. Это победа на пути освобождения от рабства наших зарубежных ученичных братьев, победа, влившая в семью наших народов тринадцать миллионов страдальцев Западной Белоруссии и Западной Украины» (Эйзенштейн С. М. Двадцать // Двадцать лет советской кинематографии. Сборник статей. М., 1940. С. 30).
- 4 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 450. Л. 19.
- 5 Видимо, с первыми московскими кинооператорами, опоясанными фэдами и револьверами, довелось повстречаться корреспонденту «Известий» Е. Габриловичу в минской гостинице «Советская Беларусь» (Габрилович Е. И. На Запад! // Знамя. 1940. № 9. С. 90).
- 6 По другим данным, бригада состояла из двадцати человек. (РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 450. Л. 1).
- 7 Белогорский Б. В новой и сложной обстановке. Наши специальные корреспонденты в Западной Украине и Западной Белоруссии // Известиец. 1939. 23 октября.
- 8 Габрилович Е. И. Городок // Известия. 1939. 26 сентября; Он же. На запад!. С. 98. Ленинградский писатель Виссарион Саянов описал «тишайшую гродненскую гостиницу» на Доминиканской улице, в которой ему пришлось остановиться: «Гостиница была построена давно, хотя и не очень добротно. Зато на каждом шагу — воспоминанья о временах давно минувших и на изразцовой невысокой печи старомодные украшения той поры, когда останавливались здесь подгулявшие помещики из тех, которых так проникновенно описал Мицкевич в «Пане Тадеуше». От прадедовских времен и остались здесь, должно быть, изображения оленя, ружья, охотничьего рога и позднего зимнего рассвета над пущей». О прежнем постояльце номера, занятого Саяновым, напомнили обнаруженные в ящике письменного стола нераспечатанные письма, надушенные записки и поздравительные телеграммы для пана Костковского. (Саянов В. М. Беглец. Повесть // Звезда. 1940. № 1. С. 15).
- 9 Ромм М. И. «Мечта» // Экран 1968—1969. Сборник. М., 1969. С. 46.
- 10 Ромм М. И. Первый день // Кино. 1939. 7 ноября.
- 11 Габрилович Е. И. На запад! С. 94.
- 12 Габрилович Е. И. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1982. С. 277.
- 13 Ромм М. И. Первый день...
- 14 Там же.
- 15 Габрилович Е. И. На Запад! С. 90, 101–102.
- 16 Кузьмина Е. А. О том, что помню. М., 1989. С. 442.
- 17 Там же. С. 533.
- 18 Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000. С. 278.
- 19 Карельский Н. Машина идёт на Белосток // Рабочий путь (Смоленск). 1939. 24 ноября.
- 20 Габрилович Е. И. Все началось с мечты // Мой режиссёр Ромм. М., 1993. С. 90–91.

- 21 Ромм М. И. Первый день...
- 22 РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Д. 432. Л. 16.
- 23 Там же. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 445. Л. 8.
- 24 Трауберг Л. Серьезно о комедии // Известия. 1940. 22 сентября.
- 25 Ромм М. И. «Мечта». С. 46.
- 26 Габрилович Е. И. Из путевого блокнота // Известия. 1939. 22 сентября. В своем рабочем блокноте Габрилович немногословно обрисовал инженера, торгующего фруктовой водой, и его мать: «Не глупа, толста, астма...» (Габрилович Е. И. О том, что помню. М., 1967. С. 52). С дипломированным адвокатом была связана другая история: безработный адвокат Владек Бростянский страстно и небезответно любил дочь галантерейщика Зосю. Бедность Бростянского оказалась препятствием для свадьбы. Отец выдал дочку за владельца аптекарского магазина. Зося устроила своего милого в магазин мужа, однако Владек оказался расточительным продавцом. Прошли годы. Принимая от Бростянского дневную выручку, Зося проверяла каждый грош. Теперь она ненавидела невнимательного Бростянского. Он же ненавидел разбухшую и придиричивую Зосю (Габрилович Е. И. На запад! С. 106–107; Он же. О том, что помню. С. 52).
- 27 Коллега Габриловича по «Известиям» журналист Евгений Кригер познакомился в гостинице «Варшавской» с дипломированным инженером-химиком, вынужденным следить за состоянием уборных во львовских отелях. (Кригер Е. Дела житейские // Известия. 1939. 17 октября).
- 28 По описанию Елены Кузьминой, это были благообразные люди с заискивающими манерами, державшие при себе толстые альбомы с фотографиями женщин на все вкусы: «Под каждым портретом стояло имя и семейное положение. Обычно они выдавались за жен адвокатов, инженеров и даже политических деятелей. Вероятно, так дорожке платили за сводничество» (Кузьмина Е. А. О том, что помню. Кн. 2. М., 1979. С. 124).
- 29 Габрилович Е. И. Последняя книга. М., 1995. С. 273.
- 30 Габрилович Е. И. Избранные сочинения... С. 127.
- 31 Черненко М. М. Красная звезда, желтая звезда: Кинематографическая история еврейства в России, 1919–1999. М., 2006. С. 122.
- 32 Художественный фильм «Мечта» (1941). Мосфильм. Режиссер М. И. Ромм, сценарий М. И. Ромма и Е. И. Габриловича, оператор Б. И. Волчек.
- 33 Благодаря киноочерку «Советский Львов» (Киевская студия хроникально-документальных фильмов, 1940) сохранились кадры о съемках фильма «Мечта» во Львове, куда была командирована постановочная группа. Задолго до кристаллизации замысла «Мечты» советские журналисты уточнили «паспортные данные» галицийской столицы: в «панском» Львове насчитывалось 18 банков, 36 костелов, 13 церквей, 4 синагоги, 10 библиотек, 14 государственных гимназий, из них 2 украинских, 4 высших учебных заведения (Советская Украина. 1939. 5 октября.). Подредактированный перечень Ромма — Габриловича выглядел, таким образом, более предвзятым.
- 34 Юткевич С. И. «Мечта» // Литература и искусство. 1943. 9 октября.
- 35 Одновременно свою вариацию буржуазных грез предложил Константин Федин в романе «Санаторий Арктур» (Новый мир. 1940. № 4–5). Якобы владелец швейцарского санатория доктор Клебе идет на любые ухищрения, чтобы сохранить свой «ковчег» на плаву. Даже в минуту расстерянности Клебе навещает неудержимая мечта о чудесном воскрешении бизнеса благодаря новому постояльцу — некому голландскому миллионеру, который одаривает Клебе своей дружбой и достатком. Будто бы на вилле миллионера Клебе знакомится с Муссолини, и дуче назначает доктора министром здравоохранения. И тогда доктор Клебе жертвует «Арктур» в пользу врачей, больных туберкулезом. Благодарные жители Давоса избирают его своим почетным гражданином... Но мечты — не лекарство, и доктор Клебе, увязший в безнадежных долгах и сам страдающий туберкулезом, находит естественный для себя выход — самоубийство.
- 36 Тэсс Т. «Мечта» // Известия. 1943. 23 сентября.
- 37 Козлинский В. Костюм в фильме // Мосфильм. Статьи. Публикации. Изобразительные материалы. Вып. 2. М., 1961. С. 49.
- 38 Зоркая Н. М. Портреты. М., 1965. С. 233.
- 39 Зак М. Е. Михаил Ромм и его фильмы. М., 1988. С. 137.
- 40 Соловьева И. Н. Беспокойная зрелость (заметки о творчестве Евгения Габриловича) // Мосфильм. Статьи, публикации, изобразительные материалы. Вып. 2. М., 1961. С. 302.
- 41 Габрилович Е. И. Последняя книга... С. 273.
- 42 Зак М. Е. Михаил Ромм... С. 139.
- 43 Юткевич С. И. «Мечта»...
- 44 Ромм М. И. Ванин в роли Матвеева // Василий Васильевич Ванин. М., 1955. С. 169–170.

- 45 *Кисунько В. Г.* Михаил Астангов // Актёры советского кино. Вып. 5. М., 1969. С. 60–61.
- 46 *Довженко А. П.* Гитлеровские палачи и польское правительство // Красная звезда. 1943. 29 апреля. В феврале 1944 г. на экраны выпускается документальный фильм «Трагедия в Катынском лесу».
- 47 *Габрилович Е. И.* На запад! С. 105.
- 48 *Гольденберг М. Е.* Мир героев Евгения Габриловича. М., 1981. С. 54.
- 49 Привычная версия «Мечты», известная современному телезрителю, имеет усеченный метраж. По словам С. Чертока, в конце 1950-х гг. М. Ромм вырезал из фильма финал, в котором инженер Лазарь Скороход шел по огромному заводскому цеху «навстречу овеществленной мечте — портрету Сталина» (*Чертюк С.* Стоп-кадры. Очерки о советском кино. London, 1988. С. 111).
- 50 *Горизонтов Л. Е.* «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Славяноведение. 2004. № 1. С. 39.

Историография

ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Н. Н. Алеврас
Челябинск

Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта)

Петербургская школа в историографическом контексте

Особенностью современной историографической ситуации в изучении до-революционных научных школ российских историков является доминирование исследований, посвященных петербургским историкам. Именно в их среде историографы увидели более четкое присутствие схолярных признаков, чем, например, в сообществе московских историков. Хотя вопросы о смысловом наполнении и очертаниях культурного пространства таких явлений как «московская» и «петербургская» школа историков требуют дальнейших исследовательских уточнений, но ясно, что петербургская школа стала более освоенным историографическим предметом. Интерес к структуре и границам корпоративной культуры историков-петербуржцев, особенностям формирования лидерства в их среде, проявлениям межличностных отношений, научному соперничеству отличает современную литературу, посвященную этому историографическому феномену.

Представления о петербургской исторической школе как оригинальном явлении, отличающемся своими чертами от традиций московской школы историков, стали складываться уже в конце XIX в. Одним из первых, кто открыл для себя другое сообщество историков и пошел на сближение с ними, был московский историк ученик В. О. Ключевского П. Н. Милюков. В систему научных и межличностных отношений с петербуржцами он вступил в период работы в Петербурге над диссертацией¹. Позднее в мемуарах, созданных в эмиграции, он сконцентрировал свои воспоминания-впечатления в емкую характеристику этого историографического явления. Она хорошо известна специалистам. П. Н. Милюков, обобщая свой далекий коммуникативный опыт, подчеркивал ведущую черту, свойственную историкам-петербуржцам, связанную с преобладанием в их среде принципов, заложенных еще А. Л. Шлёцером: «русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически ее источников». Он, однако, полагал, что новаторский для своего времени подход Шлёцера требовал развития и модернизации. П. Н. Милюков попытался сопоставить образы двух школ — московской и петербургской — и определить их особенности и взаимовлияния. Его симпатии явно на стороне родной московской школы, которая «шагнула гораздо дальше» петербургской, поскольку предприняла разработку неизученных в то время проблем российской истории, выйдя за пределы традиционной для тогдашней историографии тематики древнейшего периода. Это вызвало необходимость выявления и включения в научный оборот «громadного архивного материала», а также обновления предметного поля науки. «История быта и учреждений» в их эволюции — вот что интересовало его самого и рассматривалось в качестве но-

вой постановки исследовательской проблематики, мимо которой, по его мнению, проходили петербуржцы.

Зафиксировав, по сути, факт различного понимания историками двух научных центров задач исторической науки, он, вместе с тем, считал, что петербургские историки, при установлении контактов с москвичами и, в частности, с самим П. Н. Милюковым, оказались под воздействием более сильной научной традиции московской школы. Конечно, подчеркивал он, изначальная петербургская традиция продолжала сохранять в их среде свои позиции. Последовательно ее реализовывал, например, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина Е. Ф. Шмурло. Попытки компромиссного соединения опыта двух школ выделялись П. Н. Милюкову в творчестве виднейшего представителя историков Петербурга — С. Ф. Платонова: «Даже С. Ф. Платонов, идя на компромисс (речь идет о восприятии им некоторых подходов и стиля исследования, свойственных историкам-москвичам. — Н. А.), блестяще разрешил его, посвятив первую часть по Смуте XVIIв. критике источников (они этого требовали по своему характеру), и лишь во второй части изложил историю Смуты — по-московски»².

Представители петербургской школы тоже выразили свое отношение к особенностям историографического почерка двух школ. Характерен в этом смысле нередко цитируемый текст выступления А. Е. Преснякова на защите докторской диссертации (1918). Позиционируя себя в качестве представителя «петроградской исторической школы», историк подчеркивал, что определяющей ее чертой являлся «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции». В отличие от П. Н. Милюкова, А. Е. Пресняков не видел преимуществ московской школы. Связывая ее с традициями историко-юридического подхода, выраженного, по его мнению, не только С. М. Соловьевым, но и В. О. Ключевским, он полагал, что, в отличие от историков-петербуржцев, москвичи в своих научных построениях тяготели к приоритету теории и социологической схемы³. Подбор фактов и интерпретация источников оказывались в этой ситуации подчиненными им. Сходных представлений о «расстановке сил» в научном пространстве историков двух столичных университетов придерживался представитель младшего поколения дореволюционных историков петербургского университета — С. Н. Валк⁴. Он исходил из того, что любой центр университетского образования в силу «особых местных условий» формировал и свой тип ученых-историков, и неповторимый облик научных школ⁵.

Наиболее полное освещение состояния изученности феномена петербургской исторической школы представлено Е. А. Ростовцевым⁶.

Процессу интенсивного исследования данное явление подверглось в 1990-е — начале 2000-х гг., когда в отечественной историографии осуществлялись активные поиски критериев понятия «научная историческая школа» и были предприняты попытки идентифицировать целый ряд явлений истории исторической науки как схоларные по своей природе. Изучение петербургской исторической школы впервые приобрело полемический характер в 1997 г. на Третьих мартовских чтениях, посвященных памяти С. Б. Окуня⁷. На основе же общих итогов довольно многочисленных в 1990-е — начале 2000-х гг. исследований из области истории петербургской школы⁸ можно вычленить несколько проблемных узлов. Они связаны с определением особенностей коммуникативной природы петербургской

школы и специфических признаков ее теоретико-методологической платформы, установлением соотношения опыта данной школы с другими схолярными традициями (с московской, в первую очередь), выяснением функционально-ролевой нагрузки в контексте общего развития исторической науки.

Специфика петербургской школы, кроме отмеченной еще современниками — источниковедческой доминанты, как элемента ее методологической идеологии — определяется, кроме того, длительным периодом отсутствия явно выраженного лидера. Эта особенность, по мнению некоторых историографов, «стимулировала зарождение разнонаправленных тенденций в рамках петербургского сообщества историков»⁹. Следствием этих тенденций можно считать интенсивное формирование в конце XIX — начале XX вв. системы петербургских школ с подчеркнутым лидерским началом в лице С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского, а также формированием схолярных потенций в деятельности А. Е. Преснякова. Сложную архитектуру петербургской школы можно объяснить не только наличием, по крайней мере, двух самодостаточных лидеров, имевших своих учеников и последователей, но и тем фактом, что именно эта научная среда положила начало методологического размежевания российских историков. Отмеченный процесс дал основание Е. А. Ростовцеву сделать вывод о формировании в конце 1890-х гг. двух направлений петербургской школы — теоретического во главе с А. С. Лаппо-Данилевским и эмпирического во главе с С. Ф. Платоновым¹⁰. Предложенная дифференциация согласуется с близким по характеру восприятием данных научных явлений со стороны других историографов. Ряд из них, кроме того, констатируют различные типы коммуникативного облика школ этих двух историков: существенной чертой школы Платонова называют ее учебно-функциональный характер (В. П. Корзун, С. П. Бычков; С. В. Чирков; Е. А. Ростовцев), школу же Лаппо-Данилевского некоторые ученые определяют как «невидимый колледж» (В. П. Корзун, С. П. Бычков)¹¹.

Особый колорит петербургской школе придавало присутствие в российской столице Академии наук, в стенах которой действовало историко-филологическое отделение (ИФО), и Министерства народного просвещения, в ведомстве которого находилась Археографическая комиссия. В том и другом учреждении сложились группы профессиональных историков. Между ними и историками Петербургского университета сформировались довольно тесные линии взаимодействия. Топографическая близость к Академии наук содействовала активному сотрудничеству с ней университетских историков Петербурга и их более быстрому продвижению по лестнице академической карьеры. Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского, как это показано в обстоятельном исследовании Е. А. Ростовцева, является ярким примером подобного научного общения, давшего плодотворные результаты. С течением времени именно работе в Академии наук в составе ИФО А. С. Лаппо-Данилевский придавал первостепенное значение. Активное привлечение петербургских историков (в частности, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и др.) к деятельности в Археографической комиссии¹² не только обогащало их исследовательский опыт и содействовало реализации крупных археографических проектов, но и создавало благоприятные условия для формирования специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла. Не случайно, с деятельностью петербургских историков связано становление актового источниковедения (дипломатики), ле-

тописеведения, археографии и др. специальных исторических дисциплин. В среде же московских историков, например, археографические исследования, осуществлялись, как правило, специалистами архивных учреждений. В Москве, в свою очередь, было положено начало такой дисциплине как архивоведение.

С учетом наличия в Петербурге не менее трех историко-научных центров Е. А. Ростовцев пришел к важному выводу, уточняющему границы пространства петербургской школы: «...в 1840–1860-е гг. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Академия наук и Археографическая комиссия стали институциональной основой формирования петербургской исторической школы»¹³.

Таким образом, под крышей петербургской исторической школы автор обнаруживает широкое сообщество петербургских историков, не ограничивая его только рамками университетской среды. Общий контекст его монографического исследования дает основание считать, что отмеченная особенность рассматривается историографом как специфическая черта этой школы, отличающая ее от московской школы историков.

Портрет петербургских историков как схолярного явления корректирует В. П. Корзун на основе особенностей культурной атмосферы Петербурга. Имея в виду более выраженное стремление культурной среды Петербурга к синтезу «русского и западноевропейского», она подчеркивает, ссылаясь на исследования истории петербургской культуры М. Кагана, повышенный интерес петербургских интеллектуалов к творчеству западноевропейских философов и психологов. Это стало питательной основой восприятия и развития, например, А. С. Лаппо-Данилевским идей неокантианства, общих философских представлений о единстве и целокупности научного знания, опыта науковедения. Достижения в области литературоведения, возникновение семиотики стали, по замечанию В. П. Корзун, дополнительным фактором для развития междисциплинарных тенденций, которые первыми уловили петербургские ученые. «Художественный стиль Петербурга», «графичность и сциентизм петербургской культуры», новации языковедения — все это рассматривается как плодотворная основа формирования оригинальной схолярной традиции петербургских историков¹⁴.

В современной науке присутствует различное понимание характера взаимоотношений петербургской и московской исторических школ: одни исследователи склонны противопоставлять их как научные феномены историографии, другие — подчеркивают тенденции сближения этих школ по ряду параметров.

Например, С. В. Чирков подчеркивает, во-первых, существенно различающиеся позиции тех историков, которые стояли у истоков формирования традиций научных подходов к изучению истории. Называя в этой связи в качестве знаковых фигур историков первой половины XIX в. — петербуржца М. С. Куторгу и москвича Т. Н. Грановского, он, вслед за С. Н. Валком, в первом из названных видит родоначальника «научного критического исследования». Внедряемые им принципы через поколенный ряд историков петербургского университета к концу XIX в. обрели черты «проблемно-источниковедческой методики», наиболее ярко воплотившиеся в творческом почерке С. Ф. Платонова. Во-вторых, С. В. Чирков полагает, что в результате различного понимания методологической значимости источниковедческих пассажей в исторических исследованиях историков двух школ, сформировались различные типы их научных куль-

тур. Это важное обстоятельство стало основой самоидентификации историков петербургской и московской научных традиций в рамках антиномии «мы и они»¹⁵. Подобному пониманию различающихся научных образов двух школ близка позиция Е. А. Ростовцева. Он также идет по линии противопоставления научно-методологических систем, заложенных их основателями — М. С. Куторгой и Т. Н. Грановским. Подчеркивая, что тот и другой по-разному понимали смысл задач, стоявших перед исторической наукой, Е. А. Ростовцев делает вывод, что для московской школы было характерно концептуальное осмысление отечественной и мировой истории. Условия же формирования воззрений петербургских историков (имеется в виду «строгий правительственный контроль над столичным университетом», который не способствовал развитию концептуального подхода, а также отмеченное уже наличие Академии наук и Археографической экспедиции) сформировали в их среде иную научную традицию. Ее он связывает с характерным для петербуржцев-историков утверждением «научно-критического метода в качестве базового в историческом исследовании»¹⁶. Еще более определенно противопоставление двух школ выражено историографом во введении к монографии, где автор подчеркивает «оппозицию» петербургской школы с ее двумя внутренними направлениями (эмпирическим и теоретическим) московской школе с характерным для нее «социологическим» ракурсом¹⁷.

Несколько иначе оценивают природу научных коммуникаций московских и петербургских историков другие историографы. А. Н. Цамутали, В. П. Корзун, С. В. Брачев, В. А. Муравьев склонны видеть сближение школ, как на уровне межшкольных взаимоотношений, так и в сфере методологии и проблемно-концептуального восприятия прошлого¹⁸. Наиболее выразительно (и в то же время категорично) подобную позицию в новейших историографических исследованиях зафиксировал А. Н. Шаханов. Он констатирует, что период отчуждения историков Москвы и Петербурга, характерный для старшего поколения ученых, в начале XX в. сменился активным процессом сближения поколения «детей», что более всего подтверждается их совместным участием в крупных исследовательских проектах. Опираясь на взгляды современников и мнения современных исследователей проблем истории исторической науки, он резюмирует: «Ученые ведущих исследовательских центров империи (речь идет об историках. — Н. А.) принадлежали к одному направлению в науке, что исключало их конфронтацию по методологическим и концептуальным проблемам»¹⁹. Некоторая прямолинейность вывода не позволяет безоговорочно согласиться с мнением автора.

Представляется, что более взвешенной является позиция тех историографов, которые вполне различают особенности историографического письма, характерные для каждого из двух ведущих российских центров историко-научного знания. В то же время, несомненно, на рубеже XIX–XX вв. начался процесс их научного диалога. В это время складывались условия для взаимного обогащения опыта научной деятельности историков двух столиц. Вероятно, можно говорить о начале синтеза межшкольных традиций и формировании на этой основе в рамках международного пространства типичных черт русской исторической школы. Этому не могла не содействовать, прежде всего, общая для двух школ позитивистская методология, доминировавшая в общей среде российских историков до начала XX в. В то же время неокантианская модель методологии, носителем которой в среде русских историков являлся А. С. Лаппо-Данилевский, остава-

лась не только разделяющим фактором внутреннего строения петербургской школы, но и внешним рубежом по отношению к московской школе.

Современная историография петербургской школы историков дает основание рассматривать это явление как концентрированное выражение особенностей всей русской дореволюционной историографии. В петербургской школе переплелись через раннее творчество К. Н. Бестужева-Рюмина (с его почитанием С. М. Соловьева) и через известные симпатии С. Ф. Платонова к взглядам В. О. Ключевского черты московской историко-научной традиции с собственным опытом университетских петербургских ученых, испытавших, кроме того, определенные влияния, идущие от ученых Академии наук и Археологической комиссии.

Старшее поколение петербургских историков (прежде всего, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский) формировалось в условиях методологического перехода от идей гегельянства к позитивизму. Это немаловажное обстоятельство в совокупности с другими не содействовало созданию цельного научного мировоззрения и методологически определенной схоларной линии развития сообщества историков Петербурга. Наличие нескольких историко-научных центров в столице, более разнообразный, чем в Москве, научно-исследовательский опыт среды историков, вероятно, ослабляли их корпоративную сплоченность и создавали прецеденты формирования, с одной стороны, либо эклектической основы исторических воззрений, либо новых теоретико-методологических доктрин. С другой стороны, условия более сложных коммуникативных практик становились основой появления типов историков-маргиналов, самодостаточных в своих методологических установках. Методологическое идейное разнообразие, характерное для петербургского сообщества историков начала XX в. (например, методологические и философские проекты А. С. Лаппо-Данилевского, Л. П. Карсавина, Н. И. Кареева, С. Л. Франка), отличают петербуржцев от москвичей, работавших в это время в рамках более однородной методологической парадигмы.

Картина персональной представительности петербургской исторической школы многолика, поскольку включает, как уже отмечалось, кроме историков университета, ученых других научных учреждений и разнообразных дисциплин. Попытаемся обозначить галерею петербургских историков с учетом отмеченных особенностей и принадлежности их к различным научным поколениям.

Одним из первых поколенную структуру петербургской исторической школы попытался наметить С. Н. Валк, но более основательно ее представил Е. А. Ростовцев²⁰. По его версии наиболее видными фигурами *первого поколения* (условно — первая половина XIX в.) историков Петербурга являлись университетские ученые — историк-всеобщник М. С. Куторга, профессор М. М. Стасюлевич. Е. А. Ростовцев, правда, не называет среди них имени историка Н. Г. Устрялова, возглавлявшего университетскую кафедру русской истории. Заметим, что деятельность этого историка остается пока в тени, когда речь заходит об истоках петербургской историко-научной традиции. Н. Г. Устрялов, несмотря на то, что построил преподавание, как это подчеркнул А. Н. Шаханов, «по Карамзину» и вел достаточно закрытый образ жизни кабинетного профессора, оставил все же свой след в формировании петербургской историко-научной традиции хотя бы характерным интересом к выявлению и публикации текстов исторических памятников, первыми попытками их классификации, а также своей активной археографической практикой, что закладывало стиль и приоритеты Петербург-

ской школы. Фигуру Н. Г. Устрялова особо выделил С. Н. Валк, поставив ее рядом с М. С. Куторгой. На них двоих он смотрел как на ученых, определивших позитивный перелом в постановке преподавания истории в Петербургском университете в 1830-х гг.²¹

К первому поколению петербургских историков Е. А. Ростовцев относит также галерею представителей Академии наук и Археографической комиссии — А. А. Куника, И. И. Срезневского, Л. Э. Стефани, Я. И. Бердникова, П. М. Строева, А. Ф. Бычкова. Для студенческой аудитории можно заметить, что многие имена в этом ряду мало известны широкой аудитории интересующихся историей, но для профессиональных кругов они являются глубоко почитаемыми специалистами. Некоторые из этого списка имели прямое отношение к реализации археографических проектов первой половины XIX в.

Ко *второму поколению* (их творчество пришлось на 1860–1890-е гг.) исследователь-историограф относит университетских профессоров В. В. Бауэра, Ф. Ф. Соколова, Е. Е. Замысловского и несомненных лидеров этого поколения византиниста В. Г. Васильевского и русиста К. Н. Бестужева-Рюмина. Историкам первого и второго поколений петербургская школа обязана была формированием тех основных особенностей понимания смысла, задач и методов исторической науки, о которых уже шла речь.

Третье и четвертое поколения, деятельность которых относится к 1890-м — началу 1920-х гг., представлено учениками и учениками учеников вышеназванных ученых. Лидерами среди них, как уже подчеркивалось, являлись С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский. Видными деятелями были историки Е. Ф. Шмурло, Н. Д. Чечулин, В. Г. Дружинин, Н. П. Лихачев, А. А. Шахматов, С. В. Рождественский, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, И. М. Гревс, Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, Э. Д. Гримм, М. Д. Приселков и др. Многие из перечисленных — например, Шмурло, Дружинин, Лихачев, Шахматов, Павлов-Сильванский, Тураев, Ростовцев — не являлись университетскими преподавателями.

По мнению Е. А. Ростовцева, перспективной можно считать позицию тех историографов, которые понятие «петербургская школа» рассматривают как «важный элемент построения общей картины национальной историографии». Акцентируя при этом внимание на методологию исторического исследования, как важнейшего показателя схоларной специфичности, он предлагает рассматривать петербургскую историческую школу в качестве *течения* отечественной исторической науки, в рамках которого сложилась определенная методологическая традиция. Такой подход позволяет историографу использовать понятие «петербургская школа» не только для обозначения научной корпорации, но и как исследовательский инструмент, который дает возможность создавать объяснительные конструкты относительно научно-исследовательских программ, формировавшихся и реализовавшихся в петербургской школе²². Сформулированный им угол зрения автор реализует на примере творчества А. С. Лаппо-Данилевского. Однако важно подчеркнуть, что заданные ориентиры для создания персонального портрета одного из виднейших представителей данной школы, можно (и, вероятно, нужно) экстраполировать на любого историка этой историографической культуры. Позиция Е. А. Ростовцева, на мой взгляд, делает к тому же интересный поворот к соотношению понятий «школа» и «течение» в историографии. Его подход можно

интерпретировать как попытку создания некоторой иерархии коммуникативных практик в исторической науке, которая учитывает их методологическую составляющую. Общий взгляд Е. А. Ростовцева на пространство исторической науки, как можно понять из контекста его рассуждений, опирается на представление о существовании в этом пространстве систем научных школ, образующих течения научной мысли, которые базируются на особенностях их методологий. Наблюдения и выводы историографа, таким образом, обогащают современную историографию научных школ новыми толкованиями целого ряда спорных теоретико-методологических проблем историографического знания.

К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897): учитель без школы

Поскольку отдельный разговор о К. Н. Бестужеве-Рюмине²³ по учебной программе истфака ЧелГУ ведется на специальном учебном семинаре по историографии, то в лекционной части стоит лишь напомнить о существовании монографии Р. А. Киреевой, посвященной его творчеству — (*«К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века» М., 1990*). Характерной чертой этого фундаментального исследования является, во-первых, стремление автора раскрыть портрет историка посредством детального анализа его исторических взглядов, концептуальных построений, профессиональной и общественной деятельности, которые она органично погружает в контекст развития российской исторической науки. Во-вторых, Р. А. Киреева актуализирует вопрос о характере мировоззренческих основ понимания им смысла особенностей исторического пути России. Автор монографии решает его в попытках определить, к какому из направлений историографии — либеральному или консервативному — принадлежал историк. Постановка последней проблемы, как и акценты на содержательный смысл концепций историков — характерная черта советской историографии. В меньшей мере автор уделяет внимание тем процессам, которые в современной историографической литературе приобрели злободневность. Научные коммуникации, схоларные процессы, например, специально не интересовали автора в то время, а если и были затронуты, то остались на периферии ее внимания, что вполне понятно, если учитывать характер историографической мысли того времени, когда книга создавалась.

В связи с этим, следует подчеркнуть, что, поскольку фигуру К. Н. Бестужева-Рюмина в современной историографии, как правило, рассматривают как знаковую (он — представитель одного из первых поколений историков петербургской школы и носитель характерных ее черт; от него специфические особенности школы передавались младшим поколениям историков-петербуржцев), то возникает необходимость акцентировать внимание на его облике как университетском преподавателе и научном лидере петербургских историков. Попробуем это сделать, обратившись, прежде всего, к свидетельствам современников.

С. Ф. Платонов, которого причисляют к ученикам К. Н. Бестужева-Рюмина, свидетельствовал о пережитом чувстве наслаждения, которое он испытывал от Бестужева-лектора: «Бестужев не был оратором, — он не “читал”, он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи. Беседа захватывала его самого настолько, что он забывал обстановку, привставал, иногда почти всем корпусом припадал

к кафедре, заноса ногу на кресло, иногда обходил кафедру кругом. Перед нами был человек, широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики... Какою-то поэзией ученого труда обведала нас быстрая, воодушевленная, блиставшая остроумием речь Бестужева. И жаль было провожать его из аудитории, и приятно было ждать следующей пятницы...»²⁴.

Особое место в воспоминаниях С. Ф. Платонова занимает сюжет о курсе историографии К. Н. Бестужева-Рюмина: «Это был любопытный и живой курс. То, что напечатано Бестужевым по историографии в “Русской истории” и в “Московском обозрении”, ни мало не похоже на его лекции. Конспективный и сухой тон печатных статей не может дать понятия об устной беседе Бестужева: в нем было много житейских подробностей, бытовых черт, личных воспоминаний, даже анекдотов. Деятели нашей исторической науки, можно сказать, являлись живыми лицами в изображении Бестужева. Некоторые из них прямо вдохновляли лектора. О С. М. Соловьеве Бестужев, например, договорился до слез и нас взволновал: гурьбою мы проводили его после чтения о Соловьеве до самой профессорской, продолжая разговор о великом историке»²⁵.

Отдельный сюжет составляет вопрос о мировоззренческих, методологических, философских предпочтениях К. Н. Бестужева-Рюмина, принадлежности его к тому или иному направлению в науке. Современники (например, А. С. Лаппо-Данилевский) отмечали эклектичность и непоследовательность его общего подхода к пониманию процесса познания истории. Современные историографы — Р. А. Киреева (1990), М. Ю. Лачаева (2003) — подчеркивают преимущественное следование историка авторитетам представителей историко-юридической школы (С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина) и, следовательно, идеям гегелевской философии истории. Другие исследователи — А. П. Пронштейн (1990), А. Н. Шаханов (2003) — обнаруживают его эволюцию к позитивистскому осмыслению истории, обращая внимание на известную мысль К. Н. Бестужева-Рюмина о необходимости идти в познавательном процессе «не от общей мысли к факту, а от факта к общей мысли». В этой связи подчеркивается стремление К. Н. Бестужева-Рюмина дистанцироваться от сугубо философского метода, дабы избежать схематизма и формализма в описании исторических явлений. Отмечаемый многими исследователями эклектизм его позиции выразился, по наблюдениям А. Н. Шаханова, в попытке соединить и гегельянство, и позитивизм, и метод Шлецера, и подход Карамзина.

Виднейший представитель младшего поколения петербургской школы С. Н. Валк полагал, что К. Н. Бестужев-Рюмин при переезде из Москвы в Петербургский университет пережил определенный мировоззренческий и методологический кризис, который, по мысли историка, являлся существенным «для характеристики ученых направлений в наших университетах»²⁶. За несколько лет с момента своего укоренения в Петербургском университете К. Н. Бестужев-Рюмин из сторонника идей и метода С. М. Соловьева и его последователей превращается в его критика, провозглашая себя приверженцем нового направления²⁷. В 1860-е гг. идейный багаж историка, отмечает С. Н. Валк, пополняется понятиями «народный», «дух народный» и пр. Однако, по его же наблюдениям, известные увлечения К. Н. Бестужева-Рюмина славянофильством и «костомаровскими федеративными теориями» не превратили историка в бытописателя на-

родной жизни, поскольку он не ощущал уверенности в «новом идейном содержании»²⁸. Таким образом, дух сомнения, свойственный К. Н. Бестужеву-Рюмину, его стремление к объективности в характеристике различных мнений предшественников делали его, с одной стороны, толерантным в методологическом отношении, а с другой — уязвимым в демонстрации своих научных позиций, слабой стороной которых являлось отсутствие независимости суждений и устоявшихся взглядов.

При сохранявшемся эклектическом подходе, в методе К. Н. Бестужева-Рюмина все же доминируют позитивистские установки. В свое время В. О. Ключевский сравнивал его «Русскую историю» с подробным «путеводителем при обзоре осматриваемого города», а П. Н. Милюков называл этот труд «репертуаром фактов в связи с обзором источников»²⁹. Характер главного исторического сочинения историка, мнения современников о его научном почерке, исследования творческого процесса историка дают основание говорить о преобладании в его научной позиции позитивизма в его фактографической форме.

Как бы ни поражал К. Н. Бестужев-Рюмин своей научной эрудицией и лекторским талантом, однако, большинство современников сходилось во мнении, что ему не удалось создать свою научную школу. Возможно, что одной из причин этого являлся отмеченный методологический плюрализм. Еще в 1891 г. в одном из писем П. Н. Милюкову С. Ф. Платонов констатировал, что в Петербургском университете «школы»... по русской истории собственно не было». Как первоочередную в это время для себя задачу он связывал с необходимостью формирования именно этой научной традиции, дабы избежать «отпечатка безшколия», которым страдали начинающие историки³⁰. После смерти К. Н. Бестужева-Рюмина первым констатировал отсутствие у него школы его ученик — Е. Ф. Шмурло. Данные им характеристики учителя подтверждают вышесказанное. Творческое его своеобразие Е. Ф. Шмурло объяснял тем, что формирование школы требует от ученого «исключительной веры в свой собственный тезис», известного научного «фанатизма». К. Н. Бестужев-Рюмин, апеллировавший в своем курсе русской истории к совокупности свидетельств и мнений, не выработал «собственного цельного мировоззрения», которое бы, подобно С. М. Соловьеву, стало «нитью» русской истории³¹. Эти особенности сказались на содержании его лекционного курса по русской истории. Е. Ф. Шмурло подчеркивал, что свою «Русскую историю» К. Н. Бестужев-Рюмин писал «не по призванию, а по долгу»³², предлагая не свою особую версию истории, а, преследуя практическую цель преподавателя — ознакомить студенческую аудиторию с основными фактами русской истории. Историк при этом имел в виду, что за каждым историческим фактом стояло мнение того или другого исследователя. В этой позиции и сказывались его представления о способах достижения объективности в подаче исторического материала. Р. А. Киреева обратила внимание на одну из характеристик стиля мышления К. Н. Бестужева-Рюмина, оставленную в 1903 г. С. Ф. Платоновым, а именно: особое умение маститого историка «уразуметь и истолковать самые разнообразные точки зрения», «найти зерно истины и в том, что, казалось бы, ему совершенно чуждо и враждебно». Не случайно, как вспоминали его ученики, он настоятельно предлагал студентам высказывать свои собственные суждения, но требовал при этом от них основываться на «строгих данных» и «серьезном изучении предмета»³³. К. Н. Бестужева-Рюмина отличала большая терпимость к иным воззрениям в науке. Чужое мнение для него являлось фактом науки и

своеобразной проверкой собственных взглядов и выводов. По свидетельству современников, он, следуя за Гегелем, повторял: «Если твое мнение отлично от моего, то это еще не значит, что ты заблуждаешься; может быть, ты подходишь к истине с другой стороны и видишь ее другую сторону»³⁴.

Но как бы ни была привлекательна научная толерантность К. Н. Бестужева-Рюмина, она, несомненно, свидетельствовала об отсутствии у него четко сформулированной исторической концепции и заслоняла его научную индивидуальность. Плюрализм научных мнений, допускаемый им, вписывался в общую канву позитивистской парадигмы. Однако в условиях поиска в науке основ методологического обновления исторического знания, его принципы уже не могли обеспечить этот процесс. Расплывчатость концептуальной основы его взгляда на ход русской истории, определенная индифферентность к проблемам методологии истории не могли создать всех необходимых условий для формирования оригинальной научной программы историка, что и поставило под вопрос существование школы Бестужева-Рюмина.

К 25-летию юбилею со дня смерти историка, в 1922 г., почти одновременно и в одном ключе А. Е. Пресняков и С. Ф. Платонов высказали сходную мысль: К. Н. Бестужев-Рюмин имел учеников, но не создал школы³⁵.

Представитель младшего поколения петербургских историков С. Н. Валк был близок к этому суждению, выразив его в 1948 г. в юбилейном очерке об исторической науке Ленинградского университета³⁶. Современные историографы вполне разделяют наблюдения современников, когда в качестве характерной черты организационной структуры петербургской школы отмечают отсутствие до начала XX в. ярко выраженного лидера. Уже цитированное мнение омских историографов о том, что «школа без лидера» в Петербурге «стимулировала зарождение разнонаправленных тенденций в рамках петербургского сообщества историков» основано, прежде всего, на анализе scholarly-лидерского потенциала именно К. Н. Бестужева-Рюмина.

Но мне хотелось бы сделать акцент на соотношении таких явлений как лидерство, ученичество и школа, связав их в данном случае с феноменом К. Н. Бестужева-Рюмина. Если такое явление как «школа без лидера» и может быть признано как специфический факт науки, то труднее предположить возможность существования учеников без учителя, учеников без школы. Свидетельства современников о наличии у К. Н. Бестужева-Рюмина учеников и идентификация таковых в лице, например, Е. Ф. Шмурло, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, позволяет все же говорить, если не о школе, то о лидерстве историка и воздействии его позиции на взгляды и творческую деятельность ряда петербургских историков. По всей вероятности, мы имеем дело со scholarly-явлением в его, если так можно сказать, зачаточном виде. Для реализации процесса формирования научной школы вокруг фигуры К. Н. Бестужева-Рюмина не доставало ряда благоприятных факторов. Во-первых, его профессиональное становление пришлось на время идейного и научного парадигмального перехода. С. Н. Валк не случайно подчеркивал, что историк попал в своеобразные методологические ножницы: «...старые идейные основы были разрушены, а новые идеи не овладели настолько Бестужевым, чтобы сделать их руководящим началом построения новой теории русского исторического процесса»³⁷. Во-вторых, можно полагать, что историк по характеру своей натуры не имел желания (или внутренней убежденно-

сти?) заявить свое лидерство в научном сообществе русских историков. В основе такой позиции, вероятно, лежали выше обозначенные принципы К. Н. Бестужева-Рюмина как «объективного» историка, а также его личностные черты, за которыми просматривался человек, не склонный к активной организаторской деятельности в науке. Некоторые характеристики К. Н. Бестужева-Рюмина, на мой взгляд, напоминают позицию В. О. Ключевского (имеется в виду определенная дистанцированность того и другого от своих учеников). Но последний из них, благодаря социальному акценту своей исторической концепции и особому художественному таланту репрезентации лекций-исследований, завоевал огромнейшую популярность в обществе, что само по себе являлось притягательным моментом для молодого поколения историков, движение которых к кругу В. О. Ключевского, вероятно, преобладало в схоларном строительстве персональной школы. Кроме того, В. О. Ключевский довольно планомерно осуществлял программу подготовки выпускников-историков к «профессорскому званию», заложив определенную основу организационных параметров научной школы.

К. Н. Бестужев-Рюмин, вероятно, не замыслил создания своей школы, но принципы и методы исторического исследования, пропагандируемые им, прочно вошли в методологический арсенал петербургских историков. Имеется в виду, прежде всего, источниковедческая составляющая исторических построений ученого. Продолжая традицию М. С. Куторги и солидаризируясь в этом вопросе со своим коллегой-сверстником В. Г. Васильевским, К. Н. Бестужев-Рюмин своей источниковедческой по характеру диссертацией проложил торный путь развития петербургской школы, приметной чертой которой стали критико-источниковедческие изыскания. Источниковедческий характер имели первые крупные работы С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова³⁸. Да и конкретно-исторические их исследования сопровождалось выразительным источниковедческим акцентом. В трудах и археографических проектах А. С. Лаппо-Данилевского, которого не относят к кругу учеников К. Н. Бестужева-Рюмина, проблемы методики изучения исторических источников в конечном итоге приобрели характер теоретико-методологической проблемы. Не случайно, в его «Методологии истории» специальный раздел посвящен методологии источниковедения. Конечно, А. С. Лаппо-Данилевский в начале XX в. проблемы источниковедения решал с позиций иной теоретико-философской системы, чем К. Н. Бестужев-Рюмин. Однако и К. Н. Бестужев-Рюмин, задавая движение источниковедческой мысли, некоторым образом ощущал связь источниковедения с теоретическими проблемами исторического познания. Не случайно у А. С. Лаппо-Данилевского из всех историков старшего поколения наиболее близкие отношения сложились именно с К. Н. Бестужевым-Рюминым. Е. А. Ростовцев пришел к заключению, что «с ним одним молодой ученый мог обсуждать вопросы теории истории, делиться своими планами». Исследователь при этом замечает, что хотя у К. Н. Бестужева-Рюмина, всегда интересовавшегося вопросами философии истории, не сложился собственный методологический аппарат, но он возлагал надежду на А. С. Лаппо-Данилевского как создателя теоретических основ исторической науки³⁹.

Мы упомянули только несколько имен, затронутых источниковедческим духом К. Н. Бестужева-Рюмина. Практически же каждый представитель большого сообщества петербургских историков был втянут в источниковедческие разыскания и исследования. Если вспомнить, что К. Н. Бестужев-Рюмин являлся и одним

из зачинателей и историографических исследований, то нельзя не согласиться с мыслью Р. А. Киреевой о том, что «источниковедческо-историографический» потенциал историка, представлявший фундаментальные основы исторического знания, можно рассматривать в качестве своеобразного пролога того, «что вскоре стало называться методологией истории»⁴⁰.

Таким образом, К. Н. Бестужев-Рюмин может быть представлен в качестве несомненного лидера-учителя петербургских историков, заложившего научную традицию, на базе которой в начале XX в. сформировались собственно научные школы историков Петербурга. Вероятно, они не смогли бы возникнуть без опыта *не состоявшейся персональной школы К. Н. Бестужева-Рюмина*. Место, которое он занял в науке, хотя и находилось вне схоларного процесса (сам не принадлежал к какой-либо определенной научной школе, не создал своей школы), тем не менее, не превращает его образ в ученого-одиночку и затворника. Открытый восприятию разнообразных идей в науке, умевший оценивать их как историограф, понимавший значение общего гуманитарного знания в качестве основы процесса исторического познания, строго следовавший принципам получения исторического факта на базе источниковедческого анализа, он сумел создать то, что можно обозначить как *институт ученичества*. Он и явился стартовой площадкой для активного творчества историков последующих поколений, стал питательной основой для хорошо осознаваемого процесса формирования научных школ уже учениками К. Н. Бестужева-Рюмина.

Примечания

- 1 См. его переписку с С. Ф. Платоновым 1880-х–1890-х гг.: Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / Под ред. В. П. Корзун. Омск, 2003.
- 2 *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 108.
- 3 *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства XIII–XV столетия. М., 1918. С. 25–26.
- 4 См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 124 лет // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106.
- 5 Там же. С. 7.
- 6 См.: *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 26–47.
- 7 См. подробнее: Там же. С. 34–38.
- 8 См.: *Альшиц Д. Н.* Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. СПб., 2001; *Ананьич Б. В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; *Ананьич Б. В., Панях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5; *Брачев В. С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Жуковская Т. Н.* Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня. Материалы научн. конф. СПб., 1997; *Корзун В. П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова и С. Ф. Платонова // Отечественная история. 1999. № 2; *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. (Гл. IV. «Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX веков»); *Корзун В. П.* Петербургская школа историков в конце XIX – начале XX века // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография. Омск, 2005; *Ростовцев Е. А.* Указ. соч.; *Сидненко Т. И.* Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4; *Цамутали А. Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Ч. 1.; *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX – начале XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990; и др.
- 9 *Бычков С. П., Корзун В. П.* Указ. соч. С. 151–152.

- 10 Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 36.
- 11 Бычков С. П., Корзун В. П. Указ. соч. С. 156, 158; Корзун В. П. Петербургская школа историков... // Очерки истории отечественной исторической науки... С. 155, 157.
- 12 О деятельности Археографической комиссии см.: Брачев В. С. Петербургская археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998.
- 13 Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 58.
- 14 См.: Корзун В. П. Петербургская школа русских историков... // Очерки истории отечественной исторической науки... С. 147–149.
- 15 Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке. С. 21, 24, 27. См. также: Он же. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005.
- 16 Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 57–58.
- 17 Там же. С. 45.
- 18 См.: Бычков С. П., Корзун В. П. Указ. соч. С. 81.
- 19 Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 395.
- 20 См.: Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 57–61.
- 21 См.: Валк С. Н. Указ. соч. С. 19–20.
- 22 Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 46–47.
- 23 Биографические сведения об историке можно почерпнуть из любого учебного пособия или сборника очерков об историках. В данном случае отмечу, что К. Н. Бестужев-Рюмин окончил юридический факультет Московского университета (1847–1851). В первые годы профессиональной деятельности связал себя с журналистикой, став основателем журнала «Московское обозрение» (1859). В нем поместил одно из первых своих исследований «Современное состояние русской истории как науки», заявив тем самым о себе как историке и историографе. В середине 1860-х гг. он получает пустовавшую в то время кафедру русской истории в Петербургском университете. В 1868 г. К. Н. Бестужев-Рюмин защитил магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца XIV века», которая была высоко оценена Советом факультета, и историк сразу получил ученую степень доктора. Диссертация К. Н. Бестужева-Рюмина во многом определила источниковедческий стиль исследований петербургских историков. Главный труд историка — «Русская история» — явился результатом его курса лекций и воплощал в себе систему исторических взглядов и педагогических методов обучения истории, присущих ему. Историк читал курс лекций по историографии. Его историографические наблюдения воплотились в учебных курсах, историографических очерках и статьях, в книге «Биографии и характеристики» (1882).
- 24 Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 112.
- 25 Там же. С. 123.
- 26 Валк С. Н. Указ. соч. С. 46.
- 27 См.: Там же. С. 46–47.
- 28 Там же. С. 47.
- 29 Цит.: Шаханов А. Н. Указ. соч. С. 270.
- 30 Письма русских историков... С. 247.
- 31 См. Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 161.
- 32 Там же. С. 149.
- 33 Киреева Р. А. Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 360.
- 34 Там же. С. 361.
- 35 Пресняков А. Е. К. Н. Бестужев-Рюмин: (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 172; Платонов С. Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (2 января 1897 года) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 15.
- 36 См.: Валк С. Н. Указ. соч. С. 50–56.
- 37 Там же. С. 48.
- 38 См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. (отд. оттиск).
- 39 См.: Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 60.
- 40 Киреева Р. А. Указ. соч. С. 361. См. также: Она же. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 114–115.

А. Б. Елисеев

Минск

Историография взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства (1943–1953 гг.)

5 сентября 1943 г. газета «Известия» поместила официальное сообщение, очевидно, немало удивившее советских граждан. Вот что в нем говорилось:

«4 сентября с. г. у председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что сто стороны Правительства не будет к этому препятствий»¹.

Эта встреча открыла новый этап в истории Русской православной церкви (Московского Патриархата) в СССР, который современные историки называют «новым государственно-церковным курсом»², «золотым» десятилетием³, «временным перемирием»⁴, временем «религиозного возрождения в России»⁵. По продолжительности этот этап совпадает с последним десятилетием жизни И. В. Сталина, хотя его внутреннее содержание не является однородным и имеет свои особенности, о чем еще будет сказано ниже. Тем не менее, именно после смерти Сталина начинается общее свертывание сформировавшихся за десять лет государственно-церковных отношений, и следующий этап в истории СССР — «оттепель» — станет временем новых испытаний для РПЦ.

Исследование взаимоотношений православной церкви и государства в истории России и СССР является одним из наиболее актуальных задач современной российской историографии. За последние двадцать лет — начиная с празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 г. — в этой области без преувеличения был совершен прорыв. С этого времени, по словам известного российского архивиста З. П. Иноземцевой, история Русской православной церкви «сформировалась в одно из наиболее приоритетных исследовательских направлений, имеющих исключительно широкий и сложный круг задач: от восстановления неизвестных страниц истории до стремления постичь “цивилизационный код” народной жизни России...»⁶.

По-иному обстояли дела в предшествующий период, когда изучение истории православной церкви попадало в прямую зависимость от задач антирелигиозной

пропаганды и атеистического воспитания и необходимости разоблачения «буржуазных фальсификаторов». Как правило, советские исследователи брались за тематику государственно-церковных отношений в СССР с целью «дать ответ» клерикальным и иным «клеветникам», а не научного исследования этих отношений. Именно так определял задачи своих работ, неоднократно выходявших в 1970–1980-х гг., председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедов. Однако следует иметь в виду, что не вся советская историография была антирелигиозной и атеистической, ибо, поскольку продолжал существовать институт Русской православной церкви, постольку продолжала существовать и история, культивируемая в стенах этого института — церковная история, где исследователем и интерпретатором событий прошлого выступал не профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, а профессор Духовной академии, к тому же нередко обладавший церковным саном.

В советской атеистической историографии в отношении науки, изучающей вопросы религии, встречаются два термина — «религиоведение» и «научный атеизм». Известный советский историк религий Востока Л. С. Васильев подчеркивал, что религиоведение следует отличать от атеизма. Цель религиоведения — проанализировать всю совокупность проблем происхождения, сущности и функций религии, ее места в обществе, истории, культуре, ее объективной роли в течение тысячелетий и в современном мире⁷. При этом отличительной чертой советского религиоведения являлся его выраженный атеистический характер. Видный советский религиовед С. И. Токарев отмечал, что практическая задача советского религиоведения состоит в объяснении сущности религии как опиума народа и орудия духовного угнетения. С этой точки зрения «изучение истории религии неотделимо от задач атеистической пропаганды, от задач борьбы с религией»⁸. Д. М. Угринович называл марксистское религиоведение органической частью научного атеизма⁹. Научный, или марксистско-ленинский атеизм определялся как высшая стадия атеизма, коренным образом отличная от всех других атеистических взглядов, как строго научное учение, возникшее с появлением диалектического и исторического материализма¹⁰. Предметом научного атеизма являлось выяснение социальных корней, причин возникновения и существования религии, критика религиозных вероучений, выявление социальной роли религии в обществе, определение путей преодоления религиозных предрассудков. Борьба с религией ставилась в прямую связь с задачами социального и духовного раскрепощения трудящихся. С точки зрения решения этих задач изучалась история религии и собственно история Русской православной церкви.

Методологическим принципом, «путеводным указанием», как выразился известный советский историк религии И. А. Крывелев, советским исследователям служила рекомендация В. И. Ленина писать книги «по истории религии и *против всякой религии*»¹¹. При этом И. А. Крывелев подчеркивал, что писать «против всякой религии» не означает тенденциозного или одностороннего подхода к подбору и интерпретации фактов. «Само объективное освещение историко-религиозных проблем, — утверждал автор, — ведет к раскрытию тех сторон религии, которые характеризуют ее как опиум народа, как реакционную идеологию, направленную против человека и человечества»¹².

Значительное место в научно-атеистических исследованиях отводилось изучению истории Русской православной церкви после Октябрьской революции. По

сравнению с другими религиозными объединениями, Русской православной церкви был, несомненно, отдан приоритет. Объяснялось это тем, что православная церковь представляет наиболее типичный случай, позволяющий выявить особенности эволюции религии и церкви в условиях социализма¹³. В свою очередь, научный анализ этих особенностей определял актуальность исследования: во-первых, его теоретическую значимость, позволяющую выяснить важнейшие тенденции процесса эволюции и прогнозировать перспективы его дальнейшего развития, и, во-вторых, практическую — для правильной ориентации научно-атеистической пропаганды и повышения ее эффективности¹⁴.

Интересующий нас период — последних лет Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет — характеризовался советскими учеными как время окончательной «нормализации» отношений Советского государства и Русской православной церкви¹⁵. При этом подчеркивалось, что лояльность православного духовенства не обуславливает каких-либо изменений в содержании религиозной идеологии. Характер произошедших трансформаций, как в самой церкви, так и в отношении партии и государства к ней, А. А. Круглов определил так: «... Если раньше церковь была политическим и идейным противником, то теперь она является, как правило, только идейным, причем открытым, легально существующим нашим противником»¹⁶.

Среди проблем государственно-церковных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны, на которых было сосредоточено внимание советских исследователей, на первое место выступал вопрос о причинах, побудивших Русскую православную церковь занять патриотическую позицию в годы Великой Отечественной войны. По мнению Д. И. Сидорова и В. Е. Ладоренко, сама по себе религия не содержит ничего, что могло бы поднять человека на самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками. Следовательно, патриотизм верующих советских граждан в годы Великой Отечественной войны проявился не благодаря религии, а вопреки ей, под воздействием коммунистических идей¹⁷.

Ряд авторов, например, А. И. Барменков и Ф. М. Придувалов, считали, что патриотический курс церкви в годы войны не мог быть иным, так как основная масса верующих уже твердо стояла на почве поддержки советской власти и активно включилась в строительство нового общества. Какая-либо другая позиция церкви просто-напросто лишила бы ее доверия верующих, что означало бы немедленную изоляцию церкви и ее крах¹⁸. Вместе с тем А. И. Барменков добавлял, что Советскому государству «не было безразлично поведение духовенства во время войны»¹⁹. В целом советские исследователи позитивно оценивали практическую работу Русской православной церкви по мобилизации своих ресурсов на защиту страны, а также пропаганду мира в послевоенное время. Эти заслуги связывались именно с гражданской, деятельностью РПЦ, а не религиозной. Д. И. Сидоров подчеркивал, что Патриарх Алексий, митрополит Николай и другие деятели церкви, удостоенные в военные и послевоенные годы правительственных наград, получили их «не за совершение религиозных обрядов, а за активное участие в защите Родины в период войны, за активную деятельность в борьбе за мир в послевоенный период»²⁰.

Вслед за описанием патриотической деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны в советской атеистической историографии шло описание предательской роли православного духовенства на оккупированной территории

Советского Союза. При этом подчеркивалось, что церковь пытается замолчать измену многих служителей культа в годы войны и факты их сотрудничества с фашистами²¹. Однако В. Е. Титов, например, отмечал, что справедливость требует все же сказать, что «рядовое духовенство на оккупированной территории нередко сотрудничало с партизанами, укрывало мирных жителей от репрессий гитлеровцев... В основной своей массе духовенство либо оказалось нейтральным, либо тайно сочувствовало освободительной войне своего народа»²².

Практическая помощь, которую оказывала Русская православная церковь в годы войны, встреча церковных иерархов с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г., создание Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, церковные соборы 1943 и 1945 гг., избравшие патриархами Сергия и Алексия, оценивались в советской атеистической историографии как мероприятия, приведшие к окончательной нормализации отношений государства и церкви. «В становлении и развитии нового церковно-политического курса, — писал директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС П. К. Курочкин, — нашла свое отражение поддержка верующими Советского государства»²³. По мнению Курочкина, новый церковно-политический курс укрепился и в послевоенный период, а его проводником выступило руководство Московской патриархии во главе с Патриархом Алексием.

Митрополит Ленинградский Алексий, ставший после смерти Патриарха Сергия Местоблюстителем Патриаршего престола, был избран тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси на Поместном Соборе Русской православной церкви, который проходил с 31 января по 2 февраля 1945 г. В атеистической советской историографии значение этого Собора определялось его «решающим» вкладом в дальнейшую эволюцию церкви, ее приспособлению к условиям социалистической действительности: «Учитывая настроения верующих, — писал А. И. Барменков, — церковь открыто осудила империализм, положительно оценила успех социалистического строительства в СССР, заявила о поддержке освободительного движения угнетенных империализмом народов... Собор дал отпор клеветническим измышлениям о гонениях на церковь в СССР»²⁴.

Разумеется, несмотря на стабилизацию и расширение деятельности в 1943–1953 гг., Русская православная церковь оставалась «глубоко чужеродным элементом». Это необходимо подчеркивали все советские исследователи-атеисты, равно как и то, что лояльность духовенства не означает, что религиозная идеология стала иной по содержанию. Отвечая на зарубежную критику церковной политики советского государства, которое превратило церковь в своего «послушного слугу», П. К. Курочкин не без пафоса утверждал, что социалистическому государству не нужна «своя советская церковь»²⁵. Успехи в борьбе с религией рассматривались как неперемненное условие успешного продвижения к коммунизму.

Церковной историографии в СССР фактически не было весь межвоенный период — самое трагическое время в истории Русской православной церкви XX века. И лишь война и послевоенные годы, вернувшие церкви с открытием духовных академий и семинарий возможность подготовки кадров, способствовали возрождению и церковной историографии. Разумеется, как самостоятельный жанр, хотя бы отдаленно подобный тому, который развивался в дореволюционное время, она не существовала. Вслед за лояльностью церкви к Советскому государству, лояльной была и церковная историография.

Все церковные исследователи единодушно подчеркивали, что настоящую свободу и самостоятельность Русская православная церковь приобрела только после отделения от государства в 1918 г. Нормализация отношений между церковью и Советским государством рассматривалась ими как главная заслуга Патриарха Сергия²⁶. В отличие от атеистических авторов, советские церковные исследователи не допускали сомнений, что путь патриотического служения церкви в годы Великой Отечественной войны был искренним и единственно возможным. Н. Заболоцкий, например, писал: «Дело революции — дело родной страны и родного народа, оно — дело членов Православной Церкви. Поэтому, когда советский народ защищал в Великой Отечественной войне завоевания Октября, православные граждане внесли в общенародное дело свою долю единодушия, трудового и воинского героизма»²⁷.

Значительное внимание в церковной историографии уделялось международной деятельности РПЦ по установлению контактов с поместными православными церквями и другими религиозными объединениями, работе по воссоединению с русской церковью зарубежных православных приходов, миротворческой деятельности церкви. В рамках этого блока вопросов была впервые затронута проблема взаимоотношений Русской православной церкви с Ватиканом в военные и послевоенные годы.

Противостояние с Ватиканом являлось одним из важных направлений внешнеполитической деятельности Советского государства с привлечением Русской православной церкви. В советской литературе того времени Ватикан изображался самыми темными красками. Разоблачительная оценка давалась и его позиции в годы Второй мировой войны. Известный советский историк католицизма М. М. Шейнман писал, что «нейтральный» и «не заинтересованный в земных делах» Ватикан имел целью спасение фашистских режимов, стремился расколоть лагерь союзников, сеял подозрения против Советского Союза, «чтобы образовать единый фронт капиталистических держав против СССР»²⁸. Из общего потока обвинений в адрес Ватикана не выбивались и церковные авторы. «Есть какая-то внутренняя закономерность в том, что Ватикан пытался... взять под свою защиту гитлеровскую Германию, чтобы оградить ее от ответственности за войну и ее последствия», — писал А. В. Ведерников²⁹.

Конфронтация между Советским Союзом и Ватиканом самым тяжелым образом сказалась на судьбе греко-католической (униатской) церкви Западной Украины. По справедливому замечанию современного российского историка О. Ю. Васильевой, здесь «внешнеполитические интересы власти наложились на исторически существующие проблемы между православием и католицизмом»³⁰. Судьба греко-католической церкви в Западной Украине оказалась теснейшим образом связана именно с этими противоречиями. Собор греко-католической церкви Западной Украины, состоявшийся 8–10 марта 1946 г. в г. Львове постановил отменить решения Брестского собора 1596 г., ликвидировать унию, порвать с Ватиканом и возвратиться к православной вере и Русской православной церкви.

Советская историография, включая церковную, раскрывала деяния Собора как добровольный шаг, инициированный самими униатами. «Ликвидация Брестской унии была праздником для Русской Православной Церкви», этим ликвидировалась давняя «акция Ватикана против Православия», — писал А. В. Ведерников³¹. Г. Троицкий отмечал, что некогда «отторгнутое насильно было возвращено

с любовью»³². «Торжеством русского Православия» называл воссоединение М. Добрынин³³. О том, что греко-католическая церковь была ликвидирована в ходе реализации специального плана Совета по делам Русской православной церкви, в советской литературе стали писать только в конце 1980-х гг.

В 1988 г. в США в издательстве Русской православной церкви за границей вышло трехтомное исследование бывшего витебского священника Владимира Русака «Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе». В. Русак охарактеризовал упразднение греко-католической церкви как одну из самых постыдных страниц в истории Русской православной церкви, в которой непосредственное участие принимал Патриарх Московский и всея Руси Алексий³⁴. Автор подчеркивал, что инициатива ликвидации унии исходила от И. В. Сталина и была осуществлена руками РПЦ, во Львове созвали «подтасованный собор»³⁵.

Столь критическая оценка отражала позицию значительного числа эмигрантов и, в частности, Русской православной церкви за границей. Великая Отечественная война существенным образом повлияла на взаимоотношения внутри русской эмиграции. Нападение гитлеровской Германии на СССР разделило русских эмигрантов на «оборонцев», выступивших против Германии и искренне приветствовавших успехи Красной Армии, и «пораженцев», которые возлагали на Гитлера надежды на освобождение России от большевиков. В числе последних, особенно на первоначальном этапе войны, оказались многие представители РПЦЗ. Негативно восприняли они и изменения во взаимоотношениях между Московским Патриархатом и Советским государством.

Избрание 8 сентября 1943 г. митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси, как известно, вызвало негативную реакцию у руководящих деятелей нацистской Германии. Геббельс сказал по этому поводу: «Что касается новых импровизированных митрополитов, то по всей видимости здесь речь идет не о чем ином, как о переодетых рабочих»³⁶.

14 сентября о непризнании выборов Патриарха заявил глава Русской православной церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский), а в октябре Архиерейское совещание РПЦЗ в г. Вене приняло специальную резолюцию о неканоничности этих выборов. В ней подчеркивалось, что Патриарх Сергий лишь игрушка в руках Сталина, а его избрание — это политический шаг коммунистической власти и Сталина в условиях войны, необходимый им для пропаганды³⁷. В свою очередь для пропаганды собирался использовать эту резолюцию и германский МИД. Как подчеркивалось в одном из его документов еще до принятия резолюции, она «могла дать в руки службе германской зарубежной информации ценный пропагандистский материал»³⁸.

В последующие годы на решениях венского совещания базировались те оценки, которые давались Патриарху Сергию в историографии РПЦЗ. В исторической справке, посвященной русскому православию в Северной Америке, говорилось, что избрание Патриарха в Москве носило «политический характер», а сам Сергий до конца жизни оставался исполнителем заданий Сталина³⁹. Участник венского совещания, протопресвитер Георгий Граббе (с 1981 г. — епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий), позднее в своей работе «Русская Церковь перед лицом господствующего зла» писал, что Сергий добился избрания на высший церковный пост, «устраняя со своего пути тех епископов, которые не были готовы оказывать

полное послушание атеистическому правительству», и что он, как «поставленный» советской властью, был «не Патриархом, а лжепатриархом»⁴⁰.

Не менее резких характеристик заслужил в историографии РПЦЗ и преемник Сергия Патриарх Алексий. О непризнании его Патриархом писал в своей книге «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей» протопресвитер Михаил Польский, бежавший из СССР в 1930-е гг. и принятый в юрисдикцию РПЦЗ. Польский отмечал, что на Поместный Собор 1945 г. «по препятствию насилия, учиняемого гражданской властью», прибыли не все епископы, а значит, Алексий не может быть признан «законным и полномочным возглавителем Церкви в качестве Патриарха Всероссийского»⁴¹.

Книга М. Польского имела целью доказать каноничность Русской православной церкви за границей и неканоничность Московской Патриархии после Декларации митрополита Сергия 1927 г. Благодаря своему острополемическому характеру, она не могла остаться незамеченной в среде церковных историков и канонистов. Ответ на нее последовал в 1960 г. изданием в Париже работы профессора канонического права С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского “Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей”».

Начиная разбор книги М. Польского, С. В. Троицкий подчеркнул, что она «является самой подробной апологией Карловацкого раскола, пользуется у карловчан-“анастасиевцев” большим авторитетом, как своего рода их “символическая книга”»⁴². Троицкий подробно и критически проанализировал ее содержание. Он опроверг утверждения о неканоничности Соборов 1943 и 1945 гг., избравших Патриархами Сергия и Алексия. Осторожно затронул Троицкий и вопрос о взаимоотношениях РПЦ и Советского государства: «...Советская власть состоит из людей и к ней применимо древнее римское изречение: “времена меняются и мы меняемся в них”. Советская власть управляет Русским Государством уже более сорока лет и за это время менялись носители этой власти, менялось и отношение их к Православной Церкви»⁴³.

Как канонист, С. В. Троицкий пользовался в православной среде высоким авторитетом. Его книга «О неправде Карловацкого раскола» получила широкое распространение и популярность, что вызвало обеспокоенность в среде Русской православной церкви за границей. По поводу этой книги Архиерейский Синод РПЦЗ принял специальный Указ, в котором подчеркивалось, что книга Троицкого является «одним из способов посеять смуту в умах верных чад Русской Зарубежной Церкви, рассеянных по всему миру, и разрушить русскую церковную организацию за границей, подчинив всех русских людей Московской Патриархии», а потому необходимо «разоблачить ее, сказать для всеобщего сведения слово правды о Русской Православной Церкви на Родине и за рубежом, и обличить неправду профессора С. В. Троицкого»⁴⁴.

Эту работу выполнил протопресвитер Георгий Граббе, издавший в 1961 г. книгу «Правда о Церкви на родине и за рубежом: По поводу кн. С. В. Троицкого “О неправде Карловацкого раскола”». Через тридцать лет, в 1992 г., Граббе писал по этому поводу: «Сам я не раз бывал с ним не согласен и полемизировал с ним в печати и при встречах, но всегда отдавал должное его редкой эрудиции. Признаюсь, что будучи с ним близко знаком много лет, я с трудом исполнял долг, критикуя его книжку, выпущенную против нашей Церкви, которую он, находясь

в коммунистической стране, писал под давлением страха прямо против своих убеждений, им ранее высказываемых. Мне во многих случаях надо было опровергать его нападки его же собственными словами»⁴⁵.

При анализе историографии русского зарубежья необходимо учитывать юрисдикционную принадлежность авторов тех или иных трудов. Современный исследователь российского православного зарубежья А. В. Попов подчеркивает, что «чрезвычайная пестрота и обилие Православных Церквей в странах рассеяния создавали специфическую ситуацию среди историографических концепций эмигрантских историков церкви. Как правило, противоречия между историками лежали не в сфере научного, объективного исследования, а в сфере юрисдикционной принадлежности того или иного автора, отношения этой юрисдикции к Московской Патриархии и другим Православным Церквям»⁴⁶.

Это могло наложить свой отпечаток как на взгляды самого автора, так и на требования издательства. Например, парижское издательство YMCA-Press сделало около 40 исправлений в ныне широко известной книге М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». По этому поводу М. А. Поповский писал: «Намучившись за годы своей литературной деятельности от советской цензуры, я был возмущен цензурными указаниями, прибывшими из Парижа»⁴⁷.

Негативный взгляд на государственно-церковные отношения в СССР военного и послевоенного периода приводил ряд зарубежных авторов к отрицанию вообще каких-либо позитивных перемен в Советском Союзе. «Бесспорным свидетельством слабости и ума, и совести является принятие антихристовой советской государственности людьми, живущими по эту сторону грани», — такую характеристику дал эмигрантам, симпатизирующим Советскому Союзу, известный историк, церковный и общественный деятель А. В. Карташев⁴⁸. Характеризуя взаимоотношения Русской православной церкви и Советского государства в послевоенные годы, он продолжал: «Этот кошмарный абсурд с бесчувственным непониманием воспринимается как что-то нормальное и терпимое иностранным церковным общественным мнением, экуменическими кругами, частью восточных иерархов и — что всего непростительнее — небольшой кучкой самих православных русских людей, живущих здесь, в благословенных странах человеческой и христианской свободы»⁴⁹.

О таких людях философ И. А. Ильин писал, что «мы можем быть уверены в том, что имеем дело с введенным в заблуждение иностранцем или же прямым агентом коммунистической державы»⁵⁰.

Протоиерей Димитрий Константинов вспоминал, что после выхода в годы Второй мировой войны его брошюры «Русская Православная Церковь в СССР» под псевдонимом Долинский с рассказом о гонениях на церковь в Советском Союзе, в США она была расценена как «вещественное доказательство» сотрудничества автора с фашистами. По словам Константинова, американцы были убеждены, что в СССР была полная свобода религиозной деятельности. «Очки были втерты “империалистам” со знанием дела, и они ничего не хотели слышать о “каких-то там выдуманных гонениях” на религию со стороны такого маститого демократа, каким, по их мнению, был незабвенный “товарищ Сталин”»⁵¹.

Рубеж 1980–1990-х гг. внес кардинальные изменения в историческую науку. Впервые в советской историографии было признано, что ранее о положении

дел в религиозной сфере давалась далеко не полная информация, «в искаженном виде раскрывались проблемы и государственно-церковных отношений»⁵². Необходимость пересмотра прежней историографической концепции, объективное изложение истории РПЦ советского периода рассматривались в качестве условия, призванного обеспечить новый этап государственно-церковного диалога.

Уникальный в своем роде период истории РПЦ, охватывающий 1943–1953 гг., быстро привлек внимание историков. В 1989 г. появились первые наиболее полные публикации содержания кремлевской беседы 4 сентября 1943 г. между И. В. Сталиным и митрополитами РПЦ. Публикации осуществили М. И. Одинцов и В. А. Алексеев в журналах «Наука и религия» (№ 2, 1989) и «Агитатор» (№ 6, 1989)⁵³.

Публикуя свой материал, М. И. Одинцов подчеркнул, что об обстоятельствах подготовки встречи 4 сентября, побудительных мотивах И. В. Сталина и его окружения известно мало⁵⁴. Одним из таких мотивов он назвал патриотическую деятельность церкви в годы войны. Свою роль, по мнению автора, могли сыграть и причины внешнеполитического характера — необходимость объединения всех сил, выступающих против фашизма. По мнению В. А. Алексеева, необходимость улучшения отношений с Русской православной церковью диктовалась приближающейся встречей лидеров антигитлеровской коалиции в Тегеране, с которой Сталин связывал надежды по открытию «второго фронта». Накануне конференции в Советский Союз прибыла делегация Англиканской церкви, которую, по мысли Сталина, должно было бы принять высшее руководство православной церкви во главе с Патриархом. «Это одно отвело бы многие обвинения СССР за крайне сложные взаимоотношения с церковью», — писал В. А. Алексеев⁵⁵.

Д. Е. Фурман объяснял изменение государственной политики в отношении церкви разрывом между ожиданиями населения, которые оно связывало с социализмом, и его реальностью. Видя это, Сталин нашел новые идеологические ориентиры в русском национализме и культе государственности: «В новой идеологической ситуации церковь становится символом преемственности сталинского режима и царской России... и дополнительным источником сталинской легитимации»⁵⁶.

Трезвым расчетом Сталина, в основе которого лежали факторы внутреннего (религиозное возрождение на временно оккупированных территориях Советского Союза) и внешнего (взаимоотношения с западными союзниками — США и Великобританией) характера, а не искренним желанием восстановить православную церковь в попранных правах объясняет поворот 1943 г. М. В. Шкаровский: «Для И. В. Сталина оказалось важным прежде всего создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему режима своей власти»⁵⁷. Аналогичным образом считает О. Ю. Васильева: «...В инициированном им (Сталиным — А. Е.) возрождении Церкви был четкий политический расчет, расчет дальновидный и вполне оправдавшийся»⁵⁸.

В современной российской историографии, однако, имеют место и принципиально иные трактовки, самой необычной среди которых является, пожалуй, отсылка к религиозности самого Сталина. Упоминания о пробуждении в нем «страха Божия» под влиянием военных неудач неоднократно можно встретить в современной церковной литературе. Архиепископ Ташкентский и Средне-

азиатский Владимир писал о существовании множества преданий «о властных знамениях Божиих, заставивших Сталина в годы войны пойти на примирение с Церковью»⁵⁹.

Одним из наиболее распространенных таких преданий является рассказ о митрополите Гор Ливанских Илие (Караме), который трое суток молился в каменном подземелье без пищи и сна, прося Божью Матерь открыться ему, как спасти Россию. На третьи сутки в огненном столпе явилась Божья Матерь и объявила Илие «определение Божие для страны и народа российского». Для спасения России по всей стране должны были быть открыты храмы, монастыри, духовные академии и семинарии, священники выпущены из лагерей. Чудотворную икону Казанской Божией Матери необходимо было обнести крестным ходом вокруг Ленинграда, и город будет спасен. То же нужно сделать в Москве, Сталинграде, далее икона должна идти с войсками до границ России. Митрополит Илия сообщил это определение советскому правительству, после чего Сталин вызвал к себе митрополитов Сергия, Алексия и Николая и пообещал исполнить все, так как не видел никакой другой возможности спасти положение.

«20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась тогда! Молился даже Сталин... Тогда же были открыты духовные семинарии, академии, возобновлена Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра и многие монастыри... Наступило время возвращения веры на русской земле, как и предсказывали наши святые»⁶⁰.

О. Ю. Васильева же прямо называет утверждения о религиозности Сталина, возродившейся под влиянием митрополита Илии либо по каким-то иным причинам, «пагубным мифом»⁶¹. В первую очередь он наносит урон по исторической правде, игнорируя научные объяснения произошедшего. Однако беспокойство по поводу распространения подобной мифологии высказывают не только профессиональные историки. Нелепость этого мифа наносит вред и самой церкви, ее авторитету, позволяет усомниться в церковных верованиях, убедиться в их несостоятельности. «И тут уже то, что казалось замечательным проповедническим средством, — уверен профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев, — может обернуться орудием разрушения веры»⁶². Никаких архивных данных, подтверждающих версию о контактах Сталина и митрополита Илии не известно и не опубликовано, пишет Кураев, не известен даже первоисточник этой версии, как нет и рассказов самого митрополита Илии об этих событиях. «Циничный прагматизм сталинской церковной политики в конце войны и легкий переход к новым гонениям в 48 году говорят о том, — делает вывод Кураев, — что никакого мировоззренческого кризиса, обращения, возврата к вере у Сталина не было»⁶³.

Большинство современных историков выделяют 1948 г. как переломный в государственно-церковных отношениях последнего сталинского десятилетия. Одну из своих монографий О. Ю. Васильева специально посвятила политике Советского государства в отношении РПЦ в 1943–1948 гг.⁶⁴ По мнению историка, основным содержанием этого периода была попытка перенесения в Москву центра международного православия, создания здесь «православного Ватикана», который мог бы стать «духовно-нравственной опорой международной политики Кремля»⁶⁵. Неудача этой попытки связана с планировавшимся, но так и не состоявшимся Вселенским предсоборным совещанием. Тем не менее, в июле 1948 г. в Москве состоялось Совещание глав и представителей Поместных

православных церквей в рамках празднования 500-летия автокефалии Русской православной церкви. Это мероприятие, однако, не дало Сталину ожидаемых результатов. Как констатирует Васильева, «никто из присутствующих не обмолвился о Совещании как о Вселенском предсоборном, никто не заговорил о будущем Всеправославном Соборе в Москве»⁶⁶.

Все же говорить о полной неудаче планов расширения внешнеполитического влияния Москвы при помощи православной церкви нельзя. Как подчеркивает Т. В. Волокитина, в политическом плане Совещание «решило задачу-минимум: фактически был создан регионально-ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ»⁶⁷. В этот блок входили православные церкви Албании, Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, т. е. стран, ставших на путь построения политической системы по советскому образцу.

Помимо международных факторов, М. В. Шкаровский связывает похолодание в отношениях между государством и церковью в 1948 г. с переключением внимания Сталина к новому витку внутриполитической борьбы и уступками партийному аппарату, не одобрявшему долговременных изменений в отношении церкви, а также стремлением церкви к все большему расширению своих возможностей и отсутствием успехов в попытках превратить церковь в элемент тоталитарной системы⁶⁸. В этой связи небезынтересно замечание Л. А. Андреевой о том, что церковь является «идейным близнецом» коммунистов «по легализации тотальной власти», а в тоталитарном обществе возможно существование единственной тотальной идеологии⁶⁹.

Исследования процессов государственно-церковных отношений в регионах показывают, что на местах новый курс в отношении православной церкви был принят неоднозначно. «Как мы должны вести себя? Раньше нас учили тому, что религия — опиум для народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям», — говорили рабочие одного из заводов Москвы⁷⁰. Представители местных органов власти не понимали необходимости послаблений в отношении церкви. Председатель Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов писал в докладной записке Сталину, что «работники районных советских органов в отдельных случаях считают, что после окончания войны церковные вопросы должны разрешаться иначе, чем во время войны»⁷¹.

В практическом плане изменения в отношении православной церкви выразились в создании в июле 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, которое должно было вновь развернуть атеистическую пропаганду. А в сентябре 1948 г. под руководством М. А. Суслова был разработан проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В сентябре 1950 г. Г. Г. Карпов докладывал Сталину о мероприятиях «по ограничению деятельности церкви и духовенства»⁷². Об изменении отношения власти к церкви говорил и тот факт, что до смерти Сталина не было получено ни одного официального разрешения на открытие храмов. Вместе с тем, по справедливому замечанию Д. В. Поспеловского, до конца жизни И. В. Сталина «никто не решался нарушить некий статус-кво, образовавшийся между Церковью и государством»⁷³.

Т. А. Чумаченко считает с 1950 г. отношения между правительством и Московским Патриархатом «во многом вошли в прежнее русло». Автор отмечает,

что в это время вновь утихла антирелигиозная пропаганда, увеличилось количество проводимых религиозных обрядов, на XIX съезде КПСС не были определены задачи антирелигиозной работы и, наконец, в ноябре 1952 г. Патриарх Алексий был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени (в связи с 75-летием)⁷⁴.

Малоизученными на данный момент остаются вопросы, связанные с функционированием Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (Совете Министров) СССР. В какой-то степени этот пробел восполняется исследованиями Т. А. Чумаченко, в которых дается анализ деятельности Совета, раскрываются трудности формирования его структур, подбор кадрового состава, взаимоотношения между центральным и местным аппаратами, правовая основа деятельности Совета, его конкретная работа по проведению новой государственной политики в отношении церкви в жизнь⁷⁵. Совет по делам Русской православной церкви был создан постановлением правительства 14 сентября 1943 г. Еще 4 сентября, обсуждая на встрече с руководством РПЦ его создание, И. В. Сталин сказал, что Совет не должен стать возрождением института обер-прокурорства. В его функции входило осуществление связи между советским правительством и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам, которые требовали вмешательства правительства. По мнению Чумаченко, перед Советом стояла задача «именно строительства государственно-церковных отношений, а не разрушения»⁷⁶.

В оценке деятельности Совета и его председателя Г. Г. Карпова мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что фактически Совет по делам РПЦ был только органом контроля над церковью, институтом «обер-прокуроров», «представлявших идеологию воинствующего безбожия»⁷⁷. Другие считают, что Совет сыграл свою положительную роль. «...На первых порах Совет по делам РПЦ больше помогал, чем контролировал — такова была сталинская установка», — считает С. Л. Фирсов⁷⁸. По справедливому замечанию Т. А. Чумаченко, для того, чтобы контролировать, «нужно обеспечить нормальную жизнедеятельность религиозных организаций, что невозможно было сделать усилиями одной церкви»⁷⁹. Автор отмечает, что Карпов, защищая интересы верующих, неоднократно вступал в конфликты с представителями местных властей, и Совет по делам РПЦ сыграл «значительную роль в деле защиты прав религиозных организаций, духовенства, верующих»⁸⁰. М. В. Шкаровский также отмечал, что Карпов «не слишком подходил на роль церковного гонителя»⁸¹. Характерным штрихом к портрету председателя Совета по делам РПЦ можно считать следующий факт. 10 августа 1948 г. распоряжением Правительства за подписью К. Е. Ворошилова было разрешено открытие 28 церквей. Но уже 28 октября это постановление было отменено с мотивировкой, что оно не было подписано И. В. Сталиным. Началось насильственное закрытие только что открытых храмов. После этого Г. Г. Карпов трижды посылал в Совет Министров представления о необходимости их открытия, но эти предложения даже не ставились на рассмотрение⁸². Когда в конце 1950-х гг. над Карповым стали сгущаться тучи, на закрытом собрании коммунистов Совета по делам РПЦ, вся прошлая деятельность Совета была подвергнута критике за примиренчество и пособничество церковникам, а сам Карпов, отсутствовавший на этом собрании, был назван одним из главных виновников прошлых «ошибок и извращений»⁸³. О. Ю. Васильева резонно под-

черкивает, что Карпов «остался один на один с новой политической действительностью, которая, используя лозунг “борьбы со Сталинизмом”, уничтожала и позитивные явления, к которым относились государственно-церковные отношения послевоенного десятилетия»⁸⁴.

Дискуссии вокруг сложившейся в 1943–1953 гг. модели государственно-церковных отношений в СССР, несомненно, будут продолжаться. Ныне можно с удовлетворением констатировать, что идеологические разногласия в этом вопросе не составляют больше существа исторических споров, уступив место спорам научным. Это создает благоприятную почву для появления новых исследований по истории Русской православной церкви в СССР. Помимо научно-теоретического, в необходимости появления таких трудов усматривается и важное прикладное значение. За годы, истекшие после распада СССР, положение и роль Русской православной церкви в жизни восточнославянского сообщества кардинально изменились, государственно-церковные отношения подверглись здесь глубокому реформированию. Формирование новых отношений невозможно без учета исторического опыта взаимодействия власти и церкви в советский период.

Примечания

- 1 Известия. 1943. 5 сентября.
- 2 Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 107.
- 3 Васильева О. Ю. «Церковный сталинизм»: легенды и факты // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 204.
- 4 Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000. С. 332.
- 5 Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 145.
- 6 Иноземцева З. П. История Русской Православной Церкви XX века в документах архивов. По трудам игумена Дамаскина (Орловского) // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005. С. 342.
- 7 Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983. С. 4.
- 8 Токарев С. И. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 23.
- 9 Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973. С. 8.
- 10 Круглов А. А. Основы научного атеизма. Мн., 1983. С. 11.
- 11 Крывелев И. А. История религий. М., 1988. Т. 1. С. 11.
- 12 Там же.
- 13 Гордиенко С. Н., Курочкин П. К. Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического государства // Вопросы научного атеизма. 1980. Вып. 25. С. 224–225.
- 14 Там же. С. 223.
- 15 Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 122; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 103; Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971. С. 201; Титов В. Е. Православие. М., 1967. С. 117.
- 16 Круглов А. А. Указ. соч. С. 291.
- 17 Сидоров Д. И. Защита Родины и религия. М., 1963. С. 12; Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917–1945) // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. Вып. XII. С. 121–122.
- 18 Барменков А. И. Указ. соч. С. 117; Придувалов Ф. И. Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // Критика религиозной идеологии. М., 1961. С. 13.
- 19 Барменков А. И. Указ. соч. С. 121.
- 20 Сидоров Д. И. Война и религия. М., 1961. С. 148.
- 21 Барменков А. И. Указ. соч. С. 118–121; Ладоренко В. Е. Указ. соч. С. 121–122; Сидоров Д. И. Защита Родины и религия. С. 90–93.

- 22 *Титов В. Е.* Указ. соч. С. 118.
- 23 *Куручкин П. К.* Эволюция современного русского православия. М., 1971. С. 137.
- 24 *Барменков А. И.* Указ. соч. С. 121–122.
- 25 *Куручкин П. К.* Указ. соч. С. 225.
- 26 *Ведерников А. В.* Духовное наследие Святейшего Патриарха Сергия. Русская православная церковь после кончины Патриарха Сергия // Патриарх Сергий и его духовное наследие. М., 1947. С. 308; *Васильев А.* Положение Русской Православной Церкви в СССР // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 1. С. 42; *Глухов Н. А.* Патриарх Сергий и его деятельность // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 3. С. 68–69.
- 27 *Заболоцкий Н.* Русская Православная Церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 7. С. 34.
- 28 *Шейнман М. М.* Дипломатия Ватикана после разгрома немецких войск под Сталинградом // Исторические записки. 1949. Вып. 30. С. 120.
- 29 *Ведерников А. В.* Указ. соч. С. 340.
- 30 *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. М., 2004. С. 34.
- 31 *Ведерников А. В.* Указ. соч. С. 373.
- 32 *Троицкий Г.* Русская Православная Церковь в 1917–1967 гг. // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 11. С. 42.
- 33 *Добрынин М.* 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 6. С. 69.
- 34 *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1988. Т. 3. С. 66.
- 35 Там же. Т. 1. С. 184–185.
- 36 *Сергеева Н.* О религии и церкви в СССР (по страницам иностранной печати) // Война и рабочий класс. 1943. № 12. С. 18.
- 37 Цит. по: Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). М., 2003. С. 699–700.
- 38 Цит. по: *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 235.
- 39 Русская Православная Церковь в Северной Америке. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1954. С. 94.
- 40 *Григорий (Габбе).* Русская Церковь перед лицом господствующего зла // Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1988. С. 232–233.
- 41 *Польский М.* Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. С. 72–73.
- 42 *Троицкий С. В.* О неправде Карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960. С. 4.
- 43 Там же. С. 58.
- 44 Цит. по: *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. С. 45.
- 45 *Григорий (Габбе).* К истории русских церковных разделений: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime: 1917–1982». Джорданвилль, 1992. [Электронный ресурс:] http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0225.htm
- 46 *Попов А. В.* Указ. соч. С. 11–12.
- 47 *Поповский М. А.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М., 2001. С. 16.
- 48 *Карташев А. В.* Православие и Россия // Православие в жизни. Клин, 2002. С. 153.
- 49 Там же. С. 182.
- 50 *Ильин И. А.* Кризис безбожия. М., 2005. С. 476.
- 51 *Константинов Д. В.* Через туннель XX столетия. М., 1997. С. 327.
- 52 *Лецинский А. Н.* Время новых подходов. О советских государственно-церковных отношениях. М., 1990. С. 6.
- 53 *Одинцов М.* Другого раза не было... // Наука и религия. 1989. № 2. С. 8–9; *Алексеев В.* Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41–44.
- 54 Там же. С. 8.
- 55 *Алексеев В.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм, перестройка // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 12.
- 57 *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 200, 204–205, 216.
- 58 *Васьлева О. Ю.* «Церковный сталинизм»: легенды и факты // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 204.
- 59 *Владимир, архиепископ.* Слово, растворенное любовью: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II о современной России и ее Церкви. М., 2001. С. 57.

- 60 Швец В., протоиерей. О чудесах Казанской иконы Богоматери // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2006. С. 62–74.
- 61 Васильева О. Ю. «Церковный сталинизм». С. 204.
- 62 Кураев А., диакон. Война: чудо и сказки // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 197.
- 63 Там же. С. 196.
- 64 Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.
- 65 Там же. С. 106.
- 66 Там же. С. 180.
- 67 Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. С. 103.
- 68 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 242.
- 69 Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 247.
- 70 Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000. С. 107.
- 71 «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 // Исторический архив. 1994. № 4. С. 104.
- 72 Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 673.
- 73 Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России, СССР. М., 1996. С. 318.
- 74 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение. 2002. № 1. С. 26.
- 75 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. (1941–1961). М., 1999. 248 с.; Она же. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: внутренняя структура, функции, место в системе государственных органов. 1943–1965 // Историки размышляют. М., 2002. Вып. 3. С. 231–246.
- 76 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. С. 17.
- 77 Шумилов Е. Ф. Контрцивилизационная программа Советской власти (К истории церкви-мученицы в XX веке) // Исторические чтения. Челябинск, 1996. С. 145.
- 78 Фирсов С. Л. Время в судьбе. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. С. 213.
- 79 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 16.
- 80 Там же. С. 16, 45.
- 81 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 371.
- 82 Там же. С. 242–243.
- 83 Там же. С. 366–367.
- 84 Васильева О. Ю. Русская Православная церковь и II Ватиканский Собор. С. 108.

А. П. Федоровых
Москва

Проблемы российско-украинских отношений в 1990-е гг. в отображении современной историографии

Распад СССР в 1991 г., завершив сравнительно длительный этап исторического развития, породил целый комплекс новых проблем политического, экономического, военного и гуманитарного характера. В новом политическом пространстве, образовавшемся после распада СССР, на первый план по своему значению и потенциалу вышел комплекс российско-украинских межгосударственных и межнациональных отношений. С самого начала эти отношения

складывались сложно и противоречиво. Их трудно понять без знания истории русского и украинского народов — тесно связанной и взаимопереплетенной в узловых своих моментах, но далеко не тождественной, а также без анализа процессов государственного строительства в обеих странах и внешних условий, в которых оно осуществлялось в первые годы их существования как независимых суверенных государств.

Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что практически сразу, с первых шагов, отношения между Российской Федерацией и Украиной приобрели характер противостояния, были отмечены конфронтацией по целому ряду важнейших политических вопросов, одним из которых, несомненно, являлась проблема Черноморского флота. Это нашло адекватное отражение, как в российской, так и в украинской историографии российско-украинских отношений, так же пропитанной духом конфронтации. Отдельные российские авторы старались быть объективными, некоторые статьи и монографии носили на первых порах даже «укинофильский» характер, но они не могли изменить и не меняли общей картины.

Одной из главных причин трудностей в становлении межгосударственных отношений Российской Федерации и Украины и историографии этих отношений можно считать и длившееся почти весь XX в. противостояние по всем основным вопросам истории Украины двух историографических школ — западной и советской. Новейшая украинская историография преимущественно приняла позиции западной школы. В российской же, по крайней мере в этом вопросе, и по сей день ощущается сильное влияние советской историографической традиции и по содержанию, и по методологии исторического исследования. Поскольку «возраст» российско-украинских отношений на межгосударственном уровне едва перевалил за первое десятилетие, постольку историография этого процесса по определению не может быть устоявшейся и обширной, она переживает стадию становления, первоначального накопления фактов и идей. Происходит формирование проблематики, нащупываются направления, на которых следует сосредоточить усилия. Исследования ведутся по всему полю проблем — исторических, политических и социально-экономических, этнокультурных и военных.

Проблемами Украины, её истории и современности, двусторонними российско-украинскими отношениями, а также взаимодействием с Украиной в рамках СНГ, различных общеевропейских и мировых структур в России в настоящее время занимаются многие научно-исследовательские учреждения, институты, разного рода аналитические центры, фонды и пр.

Активную работу в этом направлении ведут институты Российской Академии наук: российской истории, научной информации по общественным наукам, сравнительной политологии, экономики, социологии, этнологии и антропологии, географии (Центр геополитических исследований), институты Европы, востоковедения. Весомый вклад в изучение российско-украинской проблематики вносят Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Центр проблем СНГ Дипломатической академии МИД России, Институт «Открытое общество», Институт стран СНГ, Институт проблем устойчивого развития, Российский институт стратегических исследований, Военный университет МО, Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонд), Московский центр Карне-

ги, Фонд «Российский общественно-политический центр» и др. Специалисты высказывают подчас противоположные оценки: одни считают, что об Украине и происходящих в ней политических и социально-экономических процессах у нас пишут достаточно много, другим, напротив, кажется, что выход в России книги на украинскую тему, а тем более по конкретным проблемам российско-украинских отношений — большая редкость.

Однако исследовательские работы, которые правомерно относятся к разряду явлений научной историографии, уже появились, хотя их можно, как говорится, сосчитать по пальцам. Придерживаясь хронологического порядка, следует назвать сборники статей «Украина: вектор перемен» (под ред. Е. Кожокина), «Украина и Россия: общества и государства» (под ред. Д. Фурмана), совместный российско-германский труд «Национальные истории в советских и постсоветских государствах» (под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова), монографии Р. Евзерова «Украина: с Россией вместе или врозь?» и А. Миллера «"Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)», сборник статей «Политические и экономические преобразования в России и Украине» — российско-украинский проект, осуществлённый при содействии Института Кеннана и Международного научного центра им. В. Вильсона¹.

В книге «Украина: вектор перемен» проанализированы важнейшие направления развития отношений Украины с внешним миром, в первую очередь — с Россией, состояние и особенности её экономики, специфика политической структуры и межконфессиональных отношений, дано описание процессов и тенденций, характерных для Украины 90-х годов XX века. Рассматривая эти вопросы, авторы справедливо исходят из того, что достаточно полное знание украинских реалий — одно из условий более глубокого понимания перспектив российско-украинского сотрудничества.

Широкий спектр проблем исследован в сборнике статей «Украина и Россия: общества и государства». Для этой работы характерен, во-первых, сравнительный анализ политических и этнокультурных процессов, развивающихся в двух государствах, т. е. их анализ в контексте двусторонних отношений; во-вторых — социологический подход, рассмотрение проблем сквозь призму российского и украинского общественного мнения.

Объективный сравнительный анализ и поиск общей точки зрения на спорные вопросы двусторонних отношений характерны для совместного российско-украинского труда «Политические и экономические преобразования в России и Украине».

Достоинство монографии Р. Евзерова «Украина: с Россией вместе или врозь?» (М., 2000) заключается в системном анализе конкретных социально-экономических и политических процессов в Украине в глобальной системе координат.

В данном исследовании, была, в частности, предпринята попытка исторически осмыслить понятия «вместе» и «врозь», не трактуя ни то, ни другое абсолютно и категорично. Под понятием «вместе» автор понимает различные варианты взаимодействия, сотрудничества Украины с Россией, которые, однако, жёстко ограничены обязательностью её независимого и суверенного существования и развития. Понятие «врозь», в трактовке автора, тоже не предполагает ни противостояния, ни «параллельного» существования Украины и России,

не рассматривается как результат отношений «двух исторически враждебных организмов-соседей». Да это, показывает автор, и невозможно в современных условиях общемировой интеграции и глобализации, тем более, когда речь идёт о соседних странах, да ещё таких, которые более трёх столетий находились в составе единого государства, народы которых связывает культурная общность, уходящая в глубокую древность. «Врозь» трактуется в книге как «всевозможное обособление от России и всего российского сверх необходимого для нормального функционирования независимого украинского государства», как «ограничение взаимодействия и сотрудничества или лишь их имитация, стремление нарушить взаимовыгодность, партнёрство в отношениях с Россией, нарушить исторические традиции взаимодействия народов»².

Трудно не согласиться с автором, что вопрос «вместе» или «врозь» имеет давнюю историю, как и вопрос о независимости Украины от России, что он всегда был весьма сложным и его нельзя трактовать упрощённо-односторонне. Жаль только, что при наложении данной теоретической схемы или модели на практическую политику, легко убедиться в том, что и на сегодняшний день, при всех позитивных подвижках, включая недавние соглашения четырёх (Белоруссия — Казахстан — Россия — Украина), мы скорее имеем «врозь» нежели «вместе».

Специально российско-украинским отношениям были посвящены международные научные конференции «Россия-Украина: история взаимоотношений» (Москва, май 1996 г.), «Россия и Украина в современном мире» (Москва, май 2001 г.), «Новое в российско-украинских отношениях. Крымский пример» (Ялта, февраль 2002 г.) и ряд других.

В российской историографии приоритеты и направления внешней политики двух стран, статус Крыма и города Севастополя, раздел и дислокация Черноморского флота, демаркация границ, традиционно принято относить к политическим аспектам российско-украинских отношений³. Проблема Крыма, Севастополя и Черноморского флота, начиная с момента обретения Украиной независимости и вплоть до ратификации Государственной думой РФ российско-украинского Договора о дружбе, независимости и партнёрстве в декабре 1998 г., была наиболее конфликтной в российско-украинских межгосударственных отношениях.

Эта проблема нашла отражение, прежде всего, в обширной газетно-журнальной публицистике, эмоционально отразившей общественное мнение в обеих странах. Имеется и большое число научных изданий — статей, докладов, материалов дискуссий, в которых российские политики и эксперты обосновывали историческое право России на Крым и Севастополь, доказывая, в том числе, военно-стратегическую и социально-экономическую нецелесообразность раздела Черноморского флота⁴. К участию в российских изданиях привлекались и украинские авторы, освещавшие эту проблему, как правило, с противоположных позиций⁵.

Пожалуй, одной из первых собственно научных работ, затрагивавших вопрос Черноморского флота в российско-украинских отношениях, стала статья научного сотрудника ИМЭМО РАН капитана 1-го ранга Б. Н. Макеева, посвящённая проблемам Черноморского флота (ЧФ)⁶. В проблеме статуса ЧФ автор выделяет три главных аспекта: военно-стратегический, территориальный и исторический, и рассматривает ее в контексте каждого из них. Он последовательно отстаивает тезис о единстве и неделимости флота, а также о его особом статусе

гаранта защиты национальных интересов России и стран СНГ в Черноморском регионе.

Указанные проблемы также затрагиваются в отдельных разделах монографии почетного академика Академии военных наук, автора ряда статей по истории ВМФ, И. М. Капитанца⁷, а также в трехтомнике под названием «Три века Российского флота»⁸, посвященном истории возникновения, становления и развития ВМФ России с 1696 по 1996 г. Сюда же следует отнести 400-страничный исторический очерк под редакцией бывшего в 1998–2002 гг. командующим ЧФ адмирала В. П. Комоедова⁹. В книге рассматривается история борьбы России за выход к Черному и Азовскому морям, становление и развитие ЧФ с момента его основания. Наиболее интересным представляется последний раздел данной работы, посвященный «сложному этапу раздела Черноморского флота и обретения им статуса российского».

Рассматриваемой проблеме также посвящена статья кандидата исторических наук В. Л. Мусатова¹⁰. Вопросы правового статуса ЧФ и г. Севастополя анализируются автором в контексте подписанного 31 мая 1997 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной.

Необходимо отметить и работу А. В. Федорова¹¹. В ней рассматривается правовое положение Крыма с момента его присоединения к России и до 1999 г., правовое положение Севастополя с момента его основания, отражено современное состояние проблемы. Особое внимание уделяется нормативным актам 1954 г. (согласно которому была осуществлена передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР) и 1948 г. (в соответствии с которыми осуществлялось выделение Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр), дана правовая оценка этим документам с точки зрения сложившейся к концу 1990-х гг. политической ситуации. В работе также рассматриваются правовые акты Российской Федерации и Украины по вопросам Крыма и Севастополя, принятые после распада СССР. Отдельная глава посвящена Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 31 мая 1997 г., рассмотрены обстоятельства, в которых проходила его ратификация, ее политические и правовые последствия. При написании этой работы автором были использованы рабочие материалы Секретариата Заместителя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Н. Бабурина и Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками.

Проблемам Крымской автономии в конце XX в. посвящена аналитическая статья симферопольского политолога А. А. Форманчука¹². Особое внимание в ней уделяется истории развития взаимоотношений между органами государственной власти Украины и Автономной республики Крым после распада СССР, а также истории российско-украинских споров по проблеме принадлежности Крымского полуострова и г. Севастополя.

Несомненный интерес представляет вышедшая в 2000 г. монография политолога А. В. Мальгина¹³. В своей работе автор последовательно прослеживает социально-политические преобразования в Крыму в 90-х гг. XX века, включая интереснейшие процессы, связанные с судьбой и статусом Черноморского флота и его главной военно-морской базы. Это одна из немногих работ, в которой принята попытка дать обоснованную периодизацию указанным событиям, а так-

же рассмотреть их беспристрастно, анализируя позиции по вопросу ЧФ обеих конфликтующих сторон. Также заслуживает упоминания работа К. Г. Мяло¹⁴, в которой исследуется ситуация, сложившаяся вокруг Крыма и ЧФ в конце XX в. в контексте общей ситуации на всем пространстве бывшего СССР в 90-х гг. Проблема статуса Севастополя и ЧФ рассматривается в одном ряду с крупными межнациональными конфликтами в бывших советских республиках.

Вопрос о статусе Черноморского флота в российско-украинских отношениях в первые годы существования двух независимых государств в 90-е гг. XX в. приобрел политическое звучание и символическое значение. С российской стороны резкостью оценок и бескомпромиссностью позиций отличались заявления мэра г. Москвы Ю. Лужков и лидера ЛДПР В. Жириновского, а последовательностью в неприятии «территориальных уступок Украине» — выступления депутатов Государственной думы С. Бабурина и К. Затулина, общественных деятелей Н. Нарочницкой, А. Севастьянова и некоторых других. О российской принадлежности Черноморского флота и намерении таковым его оставить высказывался и президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин¹⁵.

Резкие заявления с российской стороны вызывали осложнения и на уровне межгосударственных отношений, поскольку рассматривались украинской стороной как территориальные претензии России к Украине. Самый весомый повод к этому дал Верховный Совет РФ, принявший в июле 1993 г. постановление «О статусе города Севастополя».

По мнению ряда исследователей, наиболее взрывоопасным участком межгосударственных отношений Украины и России до подписания и ратификации российско-украинского Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве, так называемого «Большого договора», был вопрос о Крыме и Севастополе. Они полагали, что если по Черноморскому флоту компромиссные договорённости, при всей сложности, всё же возможны, то вопрос о Крыме и Севастополе в ближайшем будущем разрешить невозможно: для России он имеет этническое, территориальное, символическое и историческое значение, а для Украины — политическое, экономическое и стратегическое. Потеря Крыма означала бы для неё утрату коммерческих и морских коммуникаций, ставила под угрозу территориальную целостность страны¹⁶.

Впрочем, вряд ли можно согласиться с утверждением, что стратегическое значение Крым имеет только для Украины, и значит ли, что потеря Россией значительной части морских портов, даже при положительном решении вопроса о статусе Севастополя, не имеет принципиального значения. Правильнее было бы сказать, что это был вопрос в политическом и геополитическом отношении равно значимый для обеих стран.

Если вести речь о России, заслуживает упоминания замечание лидера крымских коммунистов Л. И. Грача, что Крым — не только главная база Черноморского флота, курорт, здравница и музей под открытым небом, но и символ государственной полноценности России¹⁷.

В продолжительной дискуссии о принадлежности Крыма и Севастополя можно выделить исследования, обращённые на историческую и юридическую стороны вопроса¹⁸. В них российские исследователи и эксперты, выступая с национально-государственными позициями, как они их понимали, обращаются к таким вехам российской истории, как успехи молодого Петра I в продвижении

к Чёрному морю, «покоренье Крыма» при Екатерине II, заключению Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., по которому Крым становился независимым от Турции, и к событиям 1783 г., когда полуостров был принят «под Державу Российскую». Подчёркивается, что православная цивилизация на стыке Европы и Азии сохранилась благодаря превращению русского государства в Россию, а Россией оно стало лишь с выходом к морям и закреплением в Крыму. Последний явился необходимым географическим элементом, который оказал глобальное влияние на расстановку сил, определившую равновесие цивилизаций¹⁹.

Острая дискуссия велась вокруг факта передачи Крыма в 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР. Ее участники с российской стороны сосредоточили свое внимание на доказательстве правовой несостоятельности решений высших органов государственной власти СССР и РСФСР по изменению статуса Крыма даже согласно Конституции СССР. С их точки зрения юридически значимых документов, подтверждающих включение Крыма в состав государственной территории Украины, не существует. В том, что касается Севастополя, как города республиканского подчинения, отделённого от Крымской области, то факт его передаче Украине вообще не подтверждается какими-либо документами²⁰.

Украинская сторона, оспаривая эти утверждения и отстаивая свои права на Крым и Севастополь, делала акцент на положения договора между УССР и РСФСР от 19 ноября 1990 г. В этом договоре, заключенном еще при существовании СССР, стороны признали и обязались уважать территориальную целостность друг друга. Обращались украинские эксперты и политики к Беловежским соглашениям от 8 декабря 1991 г., где также шла речь о взаимном признании территориальной целостности новых государств в существовавших административных по существу границах внутри СССР²¹.

Как видим, аргументация сторон строилась на несопоставимых основаниях, черпалась из разных, порой очень противоречивых, исторических и правовых обстоятельств. На наш взгляд, такая дискуссия не могла привести к компромиссу. Более того, эта историко-правовая дуэль лишь усиливала взрывоопасную напряжённость в российско-украинских отношениях. Причины продолжения спора, в этой связи, следует искать во внутренней политической ситуации в каждой из стран и состоянии общественного мнения в них, с которым не могли не считаться политики.

В российской историографии первых постсоветских лет, отразившей состояние острого кризиса в российско-украинских отношениях, в том числе и по проблеме Крым — Севастополь — Черноморский флот, проявлялись и радикальные настроения. Высказывались, например, рекомендации не медлить с решением вопроса о статусе Крыма, используя все возможные средства давления на Украину — политические, экономические, юридические и даже силовые — пока она не имеет полноценных вооружённых сил и не «привыкла» ещё считать себя Черноморской державой²².

Крайние позиции, как с одной, так и с другой стороны, отражая состояние общественного мнения, неустойчивость и неопределенность двусторонних отношений, не находили, впрочем, широкой общественной поддержки и заставляли задуматься о возможных последствиях затягивания с решением этого болезненного вопроса. Сторонники даже самых «сильных шагов» со стороны России и ра-

дикальных политических решений, спасительных, с их точки зрения, для всего Черноморского региона, не связывали признание Крыма российским со скоропалительными политико-административными переменами на полуострове. Они объясняли свою позицию тем, что стремятся, таким образом, лишь «оградить Крым и Севастополь от демаршей Украины, лишив их юридической силы». Особо подчёркивалось, что российские Крым и Севастополь на деле означают общий Крым для России и Украины, сохранение для населения существующих возможностей, а для обеих сторон — стратегической стабильности, в то время как украинский Крым — это тяжёлые перемены для населения, угроза крушения военно-стратегического равновесия и непредсказуемая международная обстановка в регионе²³.

Проведённые в Москве в ноябре 1994 г. парламентские слушания «О российско-украинских отношениях» оказались посвященными почти исключительно проблемам Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Возобладала точка зрения председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ К. Затулина, который обвинил Украину в недружественных шагах по отношению к России и, в частности, в срыве согласованных позиций на переговорах по Черноморскому флоту, в том, что она попросту выживает его из Севастополя и других мест базирования²⁴.

Новое обострение дискуссии вокруг проблемы Крым — Севастополь — Черноморский флот, оставившее заметный след в российской историографии вопроса, произошло на временном отрезке от подписания президентами России и Украины российско-украинского «Большого договора» до его ратификации Государственной Думой — в 1997–1999 гг.²⁵

Большинство статей, вошедших в сборник «Испытание Украиной», вышедший под редакцией директора Института стран СНГ К. Затулина, известного наиболее непримиримой позицией в вопросах российско-украинских отношений, отразили главным образом радикальную точку зрения на проблему, что можно понять уже по названиям статей²⁶. Этот взгляд на проблему кардинально расходился с официальной позицией российской власти. Ко времени публикации перечисленных материалов, в мае 1997 г., российско-украинский Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве был уже заключён. Однако в научной среде, в обществе, в том числе в парламенте, развернулась ожесточённая дискуссия по вопросу о том — ратифицировать или не ратифицировать договор.

Как показали парламентские слушания в марте 1998 г., а затем трудное прохождение договора в Государственной думе в декабре 1998 г., отношение к этому документу среди российских парламентариев было неоднозначным. О сохранившемся высоком потенциале конфликтности данной проблемы и ситуации в целом говорили как организация, так и ход слушаний, сопровождавшийся нарушением регламента и традиций слушаний, перебранкой парламентариев обеих стран. Большинство присутствовавших на слушаниях независимых экспертов не получили слова, в том числе представители Института стран СНГ, чья негативная позиция по содержанию и характеру договора, была хорошо известна.

Главным аргументом противников договора (а среди них — бывший министр по делам СНГ А. Тулеев, бывший командующий Объединённого командования Черноморского флота адмирал Э. Балтин, политики и парламентарии С. Бабурин, А. Митрофанов, О. Румянцев, Г. Тихонов и др.) было утверждение о его

неравноправном, невыгодном для России характере. И хотя договор как общеполитический охватывал весь комплекс российско-украинских отношений, на слушаниях в центре дискуссии оказались вопросы границ и, в первую очередь, статуса Крыма и Севастополя.

«Большой договор», по мнению его противников, в том виде, в каком он был подписан и предлагался к ратификации, не мог рассматриваться ни как гарантия дружбы, ни как программа сотрудничества, ни как механизм партнёрства. Оппоненты полагали, что предлагался по существу, договор о границах между Россией и Украиной. В нём юридически закреплялось отторжение от России исторически принадлежавших ей и стратегически важных территорий, её отказ на будущие времена возвращаться к вопросу о Крыме и Севастополе. Принятием договора порождалась ещё и проблема Азовского моря и Керченского пролива, фарватер которого отходил к Украине. Справедливость последнего утверждения подтвердилась впоследствии так называемым «тузлинским инцидентом». На значение территориального аспекта договора указывал и тогдашний министр иностранных дел Украины Г. Удовенко, подчёркивавший, что его смысл — в подтверждении территориальной целостности Украины, закрытии «на вечные времена» вопроса о Севастополе и Крыме. Предложение правительства ратифицировать «Большой договор» в пакете с тремя Соглашениями по Черноморскому флоту, согласно которым он получал возможность на 20 лет сохранить свою основную базу в Севастополе, арендуя её у Украины, воспринималось оппонентами как желание «подсластить пилюлю». Они обращали внимание на то, что, сняв проблему статуса всего Севастополя, Россия получила 4,5 % его территории под причалы, склады, казармы и не получила раздельного базирования флотов. К тому же, Верховная Рада отделила выгодную Украине, по мнению украинских парламентариев, часть предложенного пакета — Договор — от не выгодной — Соглашения. Поддержав первую, Верховная Рада заморозила вторую.

В связи с этим в ходе дискуссии неоднократно звучала мысль, что соглашения по Черноморскому флоту могут быть признаны Конституционным судом Украины «юридически ничтожными», поскольку противоречат её Конституции, которая не допускает нахождения иностранных военных баз на территории республики. Да и подписаны были Соглашения не президентом, как того требует та же Конституция, а премьер-министром, что тоже позволяет в любой момент поставить их под сомнение.

Украинская сторона, таким образом, обвинялась в «двойной игре», которую она ведёт с Россией, умышленно вовлекая её в «правовую ловушку». В доказательство того прозвучало обнародованное Э. Балтиным «изъятие» из закрытых слушаний Совета Безопасности Украины. Там говорилось следующее: «Вопрос по Севастополю и ЧФ со стороны Российской Федерации имеет под собой правовую почву, и нам необходимо поставить вопрос таким образом, чтобы законодательно закрепить эту территорию за нами, заручившись российскими соглашениями о статусе Севастополя и флота, для чего нам нужно поднять все политические, экономические, международные возможности, чтобы якобы сдать Севастополь в аренду России, тем самым мы, как будто, делаем “шаг доброй воли” по отношению к народу России, и в то же время Россия признаёт, что эта земля наша. Мы сдаём в аренду, а аренду всегда можно пересмотреть, тем более, что причин для этого будет предостаточно»²⁷.

Аргументы российского правительства, выступавшего за ратификацию договора и поддержанные руководством Государственной Думы и некоторыми её фракциями, состояли в том, что принятие данного международного акта позволит ввести российско-украинские отношения в нормальное правовое русло, перевести сотрудничество на принципы стратегического партнёрства, равноправия, добрососедства, взаимной выгоды, создаст условия для эффективного разрешения многих экономических, культурных вопросов и международных проблем. Относительно главного вопроса — отдаём или не отдаём Украине Крым и Севастополь — российские сторонники ратификации «Большого договора», как и украинская сторона, ссылались на соглашение «О создании СНГ», где говорилось о признании и уважении территориальной целостности существующих границ в рамках Содружества.

Мы остановились подробно на парламентских слушаниях по ратификации основополагающего российско-украинского договора, потому что они, на наш взгляд, сфокусировали основные подходы к проблемам статуса Крыма, Севастополя и судьбе Черноморского флота, получившие отражение в российской историографии до договорного периода, а также дали толчок новому витку исследований, вплоть до ратификации договора²⁸.

После, данная тема, как остроконфликтная, требовавшая политических шагов, была практически закрыта, ибо принципиальные решения состоялись. Это, тем не менее, не означало, что в последующие годы проблема российско-украинских отношений ни кем не рассматривалась сквозь призму проблем Черноморского флота²⁹.

Статья К. Затулина и А. Севастьянова «"Дружба, сотрудничество и партнёрство" между Россией и Украиной», снабжённая подзаголовком «Два года спустя после обмана в прошлом веке», опубликованная в январе 2001 г., демонстрировала неизменность позиций авторов как в оценке российско-украинского «Большого договора», так и сопутствовавших ему Соглашений по Черноморскому флоту. Более того, авторы нашли дополнительные аргументы, подтверждающие, с их точки зрения, правоту позиции двухлетней давности противников договора, особенно в части положения Черноморского флота, ставшего, как и предвиделось, той «болевым точкой», на которую Украина нажимает, регулируя взаимоотношения с Россией.

Более взвешенные подходы, ещё в период до ратификации договора и даже до его подписания президентами двух государств в мае 1997 г., отличали таких исследователей, как А. Здравомыслов, Р. Евзеров, А. Мошес, А. Окара и др. В частности, А. Мошес в 1995 г. ратовал за решение проблемы Черноморского флота на основе новых для того времени принципов: раздел, раздельное базирование при признании суверенитета Украины над Севастополем, оперативное взаимодействие флотов. При этом имелось в виду введение этих принципов, позволяющих «обменивать» взаимные уступки в различных областях, в общую канву российско-украинских отношений. Слово «взаимные» здесь, разумеется, ключевое: именно взаимности не прослеживалось и не очень прослеживается вплоть до сегодняшнего дня³⁰. Впрочем, в 1997 г. он был уже менее оптимистичен, констатируя, что «нахождение компромисса по данному вопросу является, по крайней мере, в ближайшей перспективе, маловероятным». Несговорчивость сторон была такова, что «даже фактическая потеря Черноморским флотом по

причине недофинансирования боеспособности и современного уровня, ведущая... к физическому исчезновению через несколько лет предмета переговоров», не заставляла их быть более сговорчивыми в поиске компромисса³¹.

Упомянутая выше статья К. Затулина и А. Севастьянова стала, пожалуй, последним обращением к проблеме Крым — Севастополь — Черноморский флот с позиций непримиримости интересов. В дальнейшем историография данной проблемы входит в достаточно умеренное русло, а затем и вообще сходит на нет. Иногда о ней лишь вскользь упоминается как о проблеме, решённой ко всеобщему удовлетворению, а публицисты не преминули высказаться по этому поводу: «...в России, — писал В. Дубнов, — иступлённые призывы отдельных российских мэров вернуть Севастополь стали отдавать известной рутинной, а уж когда даже Затулина перестали в Киеве объявлять персоной нон грата, стало и вовсе скучно»³².

Пауза в обсуждении этой, действительно, серьёзной проблемы обнадёживает, свидетельствуя, возможно, о том, что приходит время ее научного осмысления, и в недалёком будущем можно ожидать академических исследований.

После распада СССР и обретения Украиной независимости российско-украинские отношения, отличаясь высокой конфликтностью, действительно обрели, как отмечалось выше, некоторые признаки холодной войны. Направленность внешней политики любой страны, и Украина или Российская Федерация не исключение, диктуется целым рядом взаимосвязанных внутренних и внешних обстоятельств. Помимо таких объективных факторов, как размеры государства, его географическое положение, военно-политический и экономический потенциалы, состав населения, исторические традиции и особенности политической системы, на внешнюю политику страны большое влияние оказывают идеология, особенности национального самосознания, состояние политических элит. В Украине, в большей степени чем в Российской Федерации, идеологический фактор и самосознание политической элиты, самореализующейся и самоутверждавшейся преимущественно в рамках националистического идейного и политического дискурса, определили направленность украинской внешней политики, точнее политики в отношении России. Государственная независимость новой украинской элитой была воспринята, прежде всего, как независимость от России. В какой-то момент, а именно в 1990–1991 гг., в Украине возник фактический альянс лево-радикальных и радикально-националистических сил. В определенном смысле олицетворением такого противоестественного союза была фигура первого президента независимой Украины Л. Кравчука. Все российские исследователи характеризуют украинскую внешнюю политику в первые годы независимости, как демонстративно антироссийскую. Различия в их взглядах проявляются лишь в оценке причин, приведших к этому. Внешняя политика Украины в первые годы ее независимого государственного существования выглядит как повторение российской внешней политики, с противоположным знаком. Если Россия выдвигала лозунг славянского единства, то Украина отрицала это единство; если Россия помогала Сербии, то Украина становилась на сторону Хорватии; если Москва противилась расширению НАТО на Восток, то Киев приветствовал этот процесс; если Россия выступала за интеграцию в рамках СНГ, то Украина — за дезинтеграцию³³.

Попытка создания украинского государства без России в тех исторических условиях приобретала черты попытки создания национального государства во-

преки России. Россия а priori подозревалась в имперском мышлении и империалистических намерениях. Справедливости ради следует отметить, что для таких подозрений были весомые основания. Ни политики, ни общественное мнение в России в течение первых постсоветских не были готовы серьезно воспринимать государственную самостоятельность Украины. Из высказываний и действий российского руководства складывается впечатление, что оно, как и значительная часть исследователей и экспертов, рассматривали государство Украина, как историческое недоразумение, которое сама история и исправит раньше или позже.

В комплексе российско-украинских отношений всё более важную роль играло и играет соотношение между сторонами геополитического треугольника Россия — Украина — НАТО, что находит соответствующее отражение как в российской, так и в украинской историографии этой проблемы.

Российско-украинские межгосударственные отношения в свете воздействия на них евроатлантического фактора настолько сложны и противоречивы, непостоянны и подвержены политической конъюнктуре, динамичны (причём динамика, понимаемая как поступательное движение, перемежается с рецидивами движения попятного), что выявить сколько-нибудь определённые тенденции в историографии проблемы весьма затруднительно, хотя одну особенность, как представляется, обозначить правомерно. Она заключается в том, что российская литература по проблеме Россия — Украина — НАТО отличалась большей консолидированностью позиций, чем, скажем, украинская литература (впрочем, эта тенденция проявляла себя примерно до 2000 г.). Причины этого понятны, и они связаны с внутривнутриполитическим положением в той и другой стране.

Продвижение НАТО на Восток Россия до определённого момента рассматривала не только как обострение проблемы европейской безопасности, но, в первую очередь, как неблагоприятное для себя изменение расстановки сил в Европе, а потому направляла усилия на укрепление своих позиций в странах «ближнего зарубежья», чему противилась Украина. В итоге — возникала напряжённость отношений. Украина неоднократно делала официальные заявления о намерении стать членом НАТО, полагая, что сотрудничество с этим альянсом послужит стране весомой международной гарантией, а главное — даст ощутимый рычаг давления на Россию в решении двусторонних вопросов, в «противодействии восстановлению Российской империи»³⁴. Одновременно она отказывалась от развития военно-политического сотрудничества с Россией и отклоняла предложения о более тесном сближении со странами СНГ. В военной области было подписано лишь одно соглашение — по Объединённым силам ПВО СНГ.

Сотрудничество Украины с НАТО, наряду с долгом за российские энергоносители, дислокацией российского Черноморского флота в Севастополе, статусом русского языка и демаркацией границ, становилось, таким образом, одной из «болевых точек» российско-украинских межгосударственных отношений, что и находило соответствующее отражение как в российской, так и украинской историографии.

В России, особенно после бомбёжек Югославии, практически не осталось политических сил, которые бы поддерживали расширение НАТО и не осуждали её агрессивных действий. Отсюда и упомянутая выше консолидированность российской позиции по этой проблеме, получившая адекватное отражение не только в публицистике, но в том числе и в научной литературе. В Украине ситуация выглядела много сложнее.

Украинские политические партии выражали различные точки зрения: коммунисты и социалисты выступали против расширения НАТО на Восток и против членства Украины в НАТО. Националистические и некоторые центристские фракции в Верховной Раде одобряли тесное сближение Украины с Западом, в том числе и вступление её в НАТО. Всё больше сторонников приобретала как бы средняя линия: в НАТО не вступать, но активно развивать и укреплять с ней сотрудничество.

Но при всём при этом руководство Украины постоянно использовало «карту» альянса в своей политической игре: Россию, когда это было выгодно, «пугали» сближением с НАТО, Запад — сближением с Россией. До 2000 г. в российской историографии преобладала точка зрения, что основополагающий акт «Россия—НАТО» подписан российской стороной по причине её слабости. Сотрудничество же Украины с этим блоком трактовалось как заведомо неравноправное, на что ей и недвусмысленно указывалось³⁵.

* * *

Оценка историографического потенциала проблем российско-украинских отношений однозначна: это огромный пласт, включающий в себя различные сферы общественных отношений. Однако прежде чем рассматривать чисто научные направления историографического исследования, необходимо выделить несколько наиболее значимых обстоятельств, в определенной мере повлиявших на содержание, тематику, акценты научных материалов по украинско-российским отношениям.

Во-первых, с позиций историзма указанная проблематика не имеет значительной исторической основы — украинско-российские отношения только складываются, опыт в этом отношении небольшой. Поэтому число публикаций стало возрастать лишь к середине 1990-х гг. и увеличилось еще спустя три-четыре года в связи с развитием межгосударственных отношений

Эта тема не могла не привлечь своей политической актуальностью к ее «освещению» и широкий круг пишущей публики. Украинские печатные издания для освещения этой темы предоставляли свои полосы не только специалистам-ученым, но и политикам, государственным чиновникам всех уровней, общественным активистам, которые далеко не всегда абсолютно объективно освещают спорные вопросы украинско-российских отношений. Появился широкий, бурный и нередко очень мутный поток конъюнктурной публицистики в Украине, как впрочем, и в Российской Федерации, который ни по объему, ни по содержанию не поддается рациональному анализу. Это не могло не повлиять на научные изыскания, особенно в общественно-политической сфере.

Перечень «острых» вопросов, освещаемых в украинской историографии российско-украинских отношений, несколько отличается от российской, но по основным параметрам они совпадают. Это — неурегулированные территориальные претензии; проблемы гражданства; Черноморский флот и Севастополь; дислокация воинских частей и подразделений; «холодная война» государственных банков России и Украины; цены на нефть и газ, «несанкционированный» отбор энергоносителей; проблемы коммуникаций; иностранные долги и активы бывшего СССР; проблемы русского языка в Украине; распределение финансовой помощи Запада; вступление в ЕС и НАТО; отношение к третьим странам и т. д., и т. д.

В приведенном выше кратком историографическом обзоре анализируются труды российских, украинских и западных авторов, вышедшие в период 1992–2002 гг. В его хронологические рамки вошли также работы, содержащие исследования по более ранним периодам, но изданные в указанный период. В основе своей историографический обзор охватывает монографии, статьи, брошюры, тематические сборники общегосударственных изданий. Таким образом, был изучен большой массив исторической, и не только исторической научной литературы, посвященной указанной проблематике российско-украинских отношений.

На основании анализа историографии условно можно выделить качественно определённые стадии или фазы, через которые проходили российско-украинские отношения на протяжении последних 10–12 лет.

Всё более утверждается точка зрения, в соответствии с которой:

— 1992–1993 гг. характеризуются как острая форма кризиса в российско-украинских отношениях, в рамках которого на первый план вышла проблема Черноморского флота;

— 1994–1997 гг. — хронический кризис, хотя 1994 г. многими исследователями назван тем рубежом, который положил начало преодолению наиболее конфликтной фазы в отношениях двух государств (внутри этой фазы иногда выделяют 1995–1996 гг. как годы «стагнации» российско-украинских отношений в связи с выборами в России);

— 1997–2000 гг. — начало реальных позитивных подвижек, но по принципу: «шаг вперёд — два шага назад»;

— 2001 г. и по настоящее время — построение отношений на принципах прагматизма.

Историография, естественно, «отстаёт» от реальных процессов, и её периодизация не может быть синхронной. К тому же существует не лишённое оснований мнение, что современная российская украинистика настолько молода, что нельзя применительно к ней говорить о каких-либо чётко выраженных тенденциях, обосновывать ту или иную периодизацию.

И всё-таки, на наш взгляд, о некоторых особенностях данного историографического пространства сказать можно.

Состоявшаяся литература по проблемам российско-украинских отношений в концептуальном плане распадается либо на пророссийскую, либо — проукраинскую. По тону — либо на исследовательскую, либо — пропагандистскую. Но время работает на сглаживание этих противоположностей. Пропагандистская литература уступает место исследовательской, пророссийская и проукраинская нередко сближаются в принципиальных оценках.

Российская литература первых лет, примерно до 1997 г. включительно, носит характер по преимуществу если не конфронтационный (хотя имеются и такие работы) то, во всяком случае, достаточно жёсткий в оценках влияния украинской позиции на форму и содержание российско-украинских отношений в целом. Многие исследователи придерживаются принципа: выявление проблем на данной стадии отношений более важно, чем их глубокое изучение, а значит и поиск конкретных путей снятия противоречий, снижения конфликтного потенциала. С этой же точки зрения приоритетными представляются проблемы межгосударственных политических и военных отношений, оттесняя вопросы

экономической интеграции на второй план, и часто игнорируя культуру, науку, семейно-родственные, вообще человеческие отношения.

1998–1999 гг. выглядят промежуточными или переходными и с точки зрения особенностей историографии, так как в работах этого периода переплетаются тенденции как первой — «кризисной» — фазы российско-украинских отношений, так и второй — «оздоровительной» — фазы поиска приемлемых путей к сотрудничеству.

Изученность проблемы российско-украинских отношений на сегодняшний день, таким образом, следует признать лишь в первом, если можно так выразиться, оперативном приближении. Из проведённого анализа со всей очевидностью вытекает необходимость создания фундаментальных, академического характера работ по всем выявленным направлениям российско-украинских отношений, хотя жизнь, дальнейшее развитие межгосударственных отношений, безусловно, будут обогащать проблематику, вносить коррективы в приоритетность тех или иных направлений исследований.

Ощущается в первую очередь потребность в выработке и широком применении методологии «системного анализа», в орбиту которого включалась бы не только «конкретика» или «конъюнктура» отношений, но и охватывались перспективы глобального и общецивилизационного значения. Именно системные и перспективно ориентированные разработки, несомненно, будут востребованы жизнью, политическими кругами России и Украины, так как только на основе системного анализа возможно конструктивно, на началах равноправного партнёрства и к взаимной выгоде, решать накопившиеся проблемы.

Примечания

- 1 См.: Украина: вектор перемен. М., 1997; Украина и Россия: общества и государства. М., 1997; Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М., 1999; *Евзеров Р. Я.* Украина: с Россией вместе или врозь? М., 2000; *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Политические и экономические преобразования в России и Украине. М., 2003.
- 2 См.: *Евзеров Р.* Указ. соч. С. 3–4.
- 3 Типичный пример: *Кирпиченко Л.* Динамика российско-украинских отношений // Международные взаимодействия и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. Ч. 2. Саратов, 1998.
- 4 Несокрушимая и легендарная: В огне политических баталий (1985–1993). М., 1994; *Нарочницкая А.* Крым в судьбах России // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995; *Бабурин С. Н.* «Новый порядок» на штыках гвардейцев // Российский путь: утраты и обретения. Статьи, выступления, интервью. М., 1997; *Чикин А. М.* На разломе. Черноморский флот: хроника противостояния (1992–1995). СПб., 1998; Испытание Украиной. Сб. статей. М., 1999; и др.
- 5 *Перепелица Г.* Основные военные тенденции в Черноморском регионе: украинская перспектива // Украина: проблемы безопасности. М., 1996; *Белицер Н., Бодрук О.* Крым как регион потенциального конфликта // Этнические и региональные конфликты в Евразии. В 3-х кн. Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия. М., 1997; и др.
- 6 *Макеев Б. Н.* Проблемы Черноморского флота // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8.
- 7 *Капитанец И. М.* Итоги и уроки 300-летней истории Российского флота. М., 1996; *Он же.* На службе океанскому флоту 1946–1992. (Записки командующего двумя флотами). М., 2000.
- 8 Три века Российского флота (1696–1996). СПб., 1996.
- 9 Черноморский флот России. (Исторический очерк). Симферополь, 2002.
- 10 *Мусатов В. Л.* Непростая судьба договора с Украиной // Международная жизнь. 1999. № 2.

- 11 Федоров А. В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999.
- 12 Форманчук А. А. Крымская автономия в конце XX века: случайность или закономерность? // Отечественная история. 1999. № 2.
- 13 Мальгин А. «Крымский узел»: очерки политической истории Крымского полуострова (1989–1999). Симферополь, 2000.
- 14 Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века. М., 2002.
- 15 См.: Российские вести. 1992. № 6.
- 16 См.: Кинкейд У., Мельничук И. Письмо из Евразии. Соседи — враги. Реферат ИНИОН РАН. М., 1994. С. 5.
- 17 Грач Л. И. Геополитика и современность // Марксизм и современность. 1995. № 2. С. 33.
- 18 См.: Бабурин С. Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997; Нарочницкая А. Указ. соч.
- 19 См.: Нарочницкая А. Указ. соч. С. 84.
- 20 См.: Федоров А. В. Указ. соч. С. 7 — 51.
- 21 См., например: Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. К., 2002.
- 22 См.: Нарочницкая А. Указ. соч. С. 88.
- 23 См.: Там же. С. 90 — 91.
- 24 См.: Флаг Родины. 1995. № 64.
- 25 См.: Затулин К., Романенко В. Крымская Цусима. К итогам раздела Черноморского флота // Независимое военное обозрение «НГ». 1997. № 47; Ларсен Н. Проблемы Черноморского флота не решаются. В их числе — невозможность нормального обеспечения флота всем необходимым // Независимая газета. 1998. 18 февраля; Гойденко В., Севастьянов А. Правовая западня Киева для Москвы. Она удачно спрятана украинскими политиками в текст соглашений о Черноморском флоте // Там же. 1998. 26 февраля; Киселёва Н. Погибнет ли русская цивилизация в Крыму? Чтобы этого не произошло, России нужно бороться за права соотечественников на Украине // Там же; Лебедев В. Крым будет жить по-новому. Статус ВС автономии и порядок его формирования теперь регулируется украинскими законами // Там же. 1998. 18 марта; Усов С. Россия потеряла Крым. Передача полуострова Украине в 1954 г. была актом полемики с американскими финансовыми кругами // Там же; Ларсен Н. Поймать и переиграть. Тактика Киева на переговорах с Москвой по Черноморскому флоту остаётся неизменной // Там же. 1998. 26 мая.
- 26 Испытание Украиной. (Сб. ст. по проблеме российско-украинских отношений) // Ред. К. Затулин. М., 1996.
- 27 «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной — путь к новым межгосударственным отношениям» // Содружество НГ. 1998. № 3.
- 28 См.: Затулин К. И поражение от победы ты сам не должен отличать. Ратификация Договора — новое испытание Украиной // Содружество Н Г. 1998. № 1; Он же. Нужно ли двум народам враньё о дружбе двух государств? // Московская правда. 1998; Кореневская В. Односторонние преимущества Киева. Их может закрепить скорая ратификация Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между РФ и Украиной // Содружество НГ. 1998. № 3; Затулин К., Севастьянов А. Российско-украинский договор: обман века. Российские коммунисты предпочли партийную солидарность государственным и национальным интересам // Независимая газета. 1999. 26 января.
- 29 См.: Рахматуллин Р. Обещание Севастополя. «...Хочу по-прежнему здесь учинить Русь» // Содружество НГ. 2000. № 9; Затулин К., Севастьянов А. «Дружба, сотрудничество и партнёрство» между Россией и Украиной. Два года спустя после обмана в прошлом веке // Содружество НГ. 2001. № 1; Какая Украина нужна России? Новые межгосударственные отношения предполагают в первую очередь прагматический подход // Содружество НГ. 2001. № 4; и др.
- 30 См.: Мошес А. Российско-украинские отношения в период до 2000 года // Россия и её соседи. Научн. доклады Моск. центра Карнеги. Вып. 1. М., 1995. С. 34.
- 31 См.: Мошес А. Конфликтный потенциал в российско-украинских отношениях. Взгляд из России // Безопасность России: Черноморский регион / Отв. ред. Н. А. Ковальский. М., 1997. С. 35, 37.
- 32 Дубнов В. Десять лет спустя // Новое время. 2001. № 35. С. 5.
- 33 См.: Мельничук И. Н. Геополитические приоритеты современной Украины // Россия и её соседи. Соотнесение национальных интересов внутри стран (СНГ). М., 1999. С. 155.
- 34 См.: Украина в 2000 году и после: геополитические приоритеты и сценарии развития. К., 1999. С. 46.
- 35 См.: Россия Украина: стратегия геополитического сотрудничества // Содружество НГ. 1999. № 3.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В. И. Меньковский

Минск

Ревизионистское направление англо-американской историографии советской истории 1930-х гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. англо-американская советология претерпела серьезные внутренние изменения. В послевоенные годы в ней задавали тон политики, но к началу 1970-х гг. среди советологов увеличилось число историков. За 75 лет (1876–1950) в США, в Канаде было защищено 250 докторских диссертаций, посвященных России и Советскому Союзу, а за десять последующих лет — свыше 600¹. Значительно расширилось преподавание советской истории в американских университетах. Если в конце 1950-х гг. курсы по истории СССР были в планах 50 % исторических факультетов, то в 1980 г. — 77 %. 228 факультетов к середине 1980-х гг. имели специализацию по истории России до 1917 г. и 230 факультетов — по истории СССР после 1917 г.² О масштабах подготовки советологических кадров свидетельствуют темпы выпуска специалистов: за 20 лет в (1950–1970) степень бакалавров в этой области получили 5 666 человек, степень магистра — 2 514 человек³.

Изменения происходили не только в организационной сфере. Тематика и методология исследований также претерпели серьезную трансформацию, что и нашло отражение в формировании «ревизионистского» по отношению к тоталитарной парадигме направления в советологии.

Слабость тоталитарной модели в объяснении послесталинских изменений в Советском Союзе была очевидной. Модель предполагала, что тоталитарные режимы бесконечно воспроизводят себя (можно даже использовать понятие «клонируют»), а изменения допускала лишь как результат внешнего воздействия. Однако советский режим чрезвычайно заметно изменился и потерял многие «тоталитарные» характеристики. Основные составляющие тоталитарной парадигмы были четко очерчены. Советская система во времена Сталина являлась неплюралистичной, иерархической диктатурой, в которой решения принимались лишь на вершине политической власти. Идеология и насилие были монополизированы правящей элитой, которая направляла свои приказы и распоряжения через организованную по военному образцу сеть учреждений, созданных на основе ленинских принципов построения партийной организации. Ленинские недемократические нормы были сохранены и усилены Сталиным, находившимся на верху элиты и обладавшим неограниченным контролем над всеми сферами жизни. Большинство серьезных событий являлось претворением в жизнь сталинских планов и идей, в свою очередь вызванных его личными интересами и психологическим состоянием. В Советском Союзе не существовало автономных сфер общественной и политической активности. Однако в некоторых, наиболее тонких, исследованиях признавалось наличие групп интересов, таких как партия, госаппарат, армия. Но в любом случае советские граждане и рядовые члены

партии оставались вне политического процесса и были лишь объектом манипуляции сверху. Тоталитарная теория никогда не отрицала зависимость режима от общества, но рассматривала общество только как пассивный субъект, поскольку социальная поддержка режима достигалась посредством пропаганды и поддерживалась насилием. Неотъемлемой чертой режима был систематический, планируемый сверху террор, проникавший в каждый уголок общества.

Такой взгляд на сталинскую систему, как всякая научная парадигма, в определенный период времени давал удовлетворительную возможность для интерпретации происходивших событий. Тоталитарная теория никогда не была абсолютно догматичной и долгое время выдерживала критику в свой адрес и конкуренцию с альтернативными подходами к изучению Советского Союза. С ее помощью были поставлены вопросы и предложены методы исследования. В течение десятилетий исследования проводились в предложенных границах и в целом позволяли восполнять пробелы в понимании советской системы. В результате было опубликовано значительное количество серьезных научных работ.

Дж. Гетти и Р. Мэннинг считали, что тоталитарная модель отражала единство научного сообщества в том, что, как казалось, был найден приемлемый вариант объяснения советских реалий. Как и все научные парадигмы, она имела под собой определенные основания. Работы и заявления активных антисоветских и антисталинских политиков в сочетании с мемуарами жертв режима и ограниченным кругом других источников из закрытого советского общества создавали впечатление существования монолитной диктатуры, сохраняющейся благодаря террору. Доступные в то время свидетельства обосновывали тоталитарное видение как логичное, честное и научное⁴.

Но совершенно естественно, отмечали Дж. Гетти и Р. Мэннинг, что в процессе работы в рамках определенной парадигмы начали возникать нерешенные вопросы, «аномалии», на которые тоталитарная теория не находила ответов. Их количество значительно увеличилось после того, когда изучением сталинского периода наряду с политологами стали заниматься историки, которые в большей степени концентрировали внимание на обществе и его влиянии на политику, а не только на структурировании моделей власти. В 1970-е гг. новая генерация исследователей стала применять новую методологию для изучения сталинского периода. Замена господствовавших в течение длительного времени методов исследования дала возможность изучать сталинский период именно как исторический.

Отвержение тоталитарной модели было стартовой точкой для западного ревизионизма, ставшего реакцией части молодых ученых США на доминирование исследователей старшего поколения, принадлежащих, с их точки зрения, к политизированной «научной школе холодной войны». В течение 1960-х гг., во время вьетнамской войны, эти теоретики подверглись атаке со стороны более критически настроенных представителей академического мира, которые отвергали то, что они считали «циничной манипуляцией политической теорией для служб интересов американской политики».

Однако отметим, что тоталитарная модель существовала в нескольких вариантах, и прежде чем подвергать ее критике, следует разобраться в ее сути. Две основные формы модели — операционная, описывающая существовавшее советское общество, и эволюционная, фокусирующаяся на истоках тоталитаризма и ответственности марксизма-ленинизма за сталинизм. Оценку операционной

модели удобнее всего провести в рамках анализа, предложенного Д. Истоном, — рассматривать политику в следующих системных терминах: «черный ящик», т. е. люди и органы, принимающие решения; «импульсы», идущие в «черный ящик» от общества и включающие в себя предложения, требования, просьбы; «результаты», т. е. решения, идущие от «черного ящика» к обществу, и «отклики» — реакция общества на принятые решения.

Это чрезвычайно упрощенная схема, но она помогает разобраться в дискуссиях, связанных с тоталитаризмом. Как отмечали А. Мейер и Г. Скиллинг, главная проблема операционной тоталитарной модели была не в том, что она раскрывала, а в том, что оставалось вне ее внимания. Она фокусировалась почти исключительно на результатах — решениях, принимаемых советскими лидерами, и контроле с использованием силы.

Лишь немногие ученые, например М. Фейнсон в работе «Как Россия управляется», рассматривали борьбу внутри «черного ящика» (за «тоталитарным фасадом»), вопросы социальной поддержки и несовершенство контроля. Но даже в детальном и сбалансированном анализе М. Фейнсона внимание к «импульсам» и «черному ящику» было минимальным. Его работу точнее было бы назвать «Как Россия контролируется». В работах других авторов этим составляющим политического процесса уделялось еще меньше внимания.

Говоря об истории критики тоталитарной модели, необходимо отметить, что она прошла несколько этапов, в течение которых выдвигались различные, часто противоречивые аргументы. Первые возражения прозвучали со стороны троцкистов, когда тоталитарный подход еще не оформился в сложившуюся систему взглядов. Они отрицали взаимосвязь ленинизма и тоталитаризма. Отрицание ответственности марксизма-ленинизма за сталинизм повторилось и в работах советологов-ревизионистов, критиковавших эволюционную модель и те аспекты операционной модели, которые подчеркивали идеологические «импульсы».

Представители «конфликтной школы» обращали мало внимания на социальные «импульсы» и «результаты» политики. Их критицизм был связан с тоталитарными взглядами на «черный ящик». Тоталитарная модель признавала наличие сильного диктатора и рассматривала идеологию как источник принимаемых решений. «Конфликтная школа», отодвигая на задний план идеологию, настаивала на признании постоянной жесткой борьбы внутри «черного ящика» советского руководства.

Операционная тоталитарная модель критиковалась также сторонниками теории «групп интересов», рассматривавшими вопросы предложений, информации, т. е. «импульсов», исходящих от общества, и социальной поддержки. «Бюрократию» они оценивали не как правящий класс в марксистском понимании, а как образованный средний класс с внутренними конфликтами и различными интересами. Представители этого направления вели исследования в русле социальной истории. Однако их критика тоталитарной модели относилась к послесталинскому периоду советской истории.

Критицизм советологов-ревизионистов, чрезвычайно резкий по тону, фокусировался, прежде всего, на злоупотреблениях научными стандартами ради уравнивания СССР с нацистской Германией. Многие ревизионисты считали, что это уравнивание служило оправданием американских военных приготовлений и военной угрозы в отношении Советского Союза.

Такая позиция представляется нам слишком политизированной. Многие исследователи, не принимавшие тоталитарную модель, все-таки признавали не только возможность, но и необходимость сравнения сталинизма и гитлеризма. Например, М. Левин и Я. Кершау в сборнике «Сталинизм и нацизм: Диктатуры в сравнении» писали, что обычное теоретическое возражение против исторического сравнительного анализа базируется на утверждении, что история исследует уникальные, неповторяющиеся события в отличие от научных дисциплин, имеющих дело с феноменами, которые могут повторяться и, таким образом, дают возможность для обобщения и конструирования моделей.

Как известно, существует мнение о том, что наука не имеет дела с уникальными объектами, а в истории каждое событие уникально; значит, история не может быть наукой в том же смысле, в котором наукой является, например, физика. В этой связи иногда выделяются две группы наук — номотетические, которые ищут законы, описывающие поведение сходных явлений, и идеографические, к которым принадлежит и история. Идеографические науки, как утверждают сторонники этой точки зрения, могут только описывать происходящее.

М. Левин и Я. Кершау считали эту дихотомию ошибочной. Только сравнение дает возможность понять уникальность. Сравнение заключается не только в поиске подобия. По крайней мере, столь же важно найти и объяснить фундаментальные различия сравниваемых обществ или систем. Но в стремлении объяснить «аномалии» исторического развития России и Германии, сравнивая их с либерально-буржуазными западными обществами, некоторые ученые скорее обращают внимание на несвершившиеся события, а не на то, что действительно имело место⁵.

Именно распространенность в научных кругах концепции тоталитаризма — по-настоящему сравнительной модели — являлась, по их мнению, одной из причин того, почему представлялось полезным сравнение нацистской Германии и сталинского Советского Союза. Хотя тоталитарная парадигма подвергалась серьезной критике многими исследователями, ее использование в качестве модели научного сравнения, а не пропагандистского механизма не должно вызывать возражения, даже если в результате окажется, что различий у сравниваемых систем больше, чем подобий. Целью является объяснение причин того, как такие во многом разные, а во многом похожие диктатуры практически одновременно были созданы в странах, значительно отличающихся друг от друга. Поиск «общих основ» значительно более полезен, чем перечисление одинаковых черт⁶.

Для советологии это представляется важным еще и по той причине, что многие аспекты истории нацистской Германии были изучены значительно лучше, чем истории Советского Союза. С нашей точки зрения, такой подход к тоталитарной модели представляется наиболее продуктивным. Авторы не критиковали или восхваляли выводы ее сторонников, а предлагали использовать возможности, заложенные в ней, независимо от того, сумели ли воспользоваться ими их предшественники.

А. Буллок, подготовивший фундаментальный труд «Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание», подчеркивал, что ему было интересно сопоставление двух режимов в пределах конкретных исторических рамок, а также выявление как различий между ними, так и сходных черт. Его цель заключалась не в демонстрации того, что и та и другая системы являлись разновидно-

стью некоей общей категории, а воспользоваться приемом сопоставления, чтобы показать особые черты, присущие каждой из них⁷.

Отметим, что такой серьезный, действительно научный подход к столь спорному вопросу, как тоталитаризм, далеко не всегда присутствовал в англо-американской советологии. Чаще сторонники и противники концепции становились на путь взаимных обвинений, среди которых не последнее место занимало утверждение именно о превалировании политики над наукой в работах оппонентов.

В наиболее полном виде неприятие концепции тоталитаризма было выражено С. Коэном в работе «Переосмысливая советский опыт»⁸. Главу «Советология как призвание» из этой книги часто называют ревизионистским манифестом⁹. С точки зрения С. Коэна, советология, развивавшаяся как быстрорастущая «противоречивая и энергичная» область американской академической жизни в конце 1940-х — начале 1960-х гг., к началу 1970-х гг. была поражена глубоким кризисом. Советологическая литература стала интеллектуально выдохшейся, она просто повторяла или расширяла основные положения, развиваемые десятилетиями. Он прослеживал влияние холодной войны на формирование «консервативного согласия» в советских исследованиях, выразившегося в подчеркивании линейного развития от российского большевизма к сталинизму и господстве тоталитарной концепции. Советология перестала концентрироваться на неизвестном и начала праздновать достижение того, что стало аксиоматичным. «Если стандартная версия советской истории и политики была неоднократно опубликована к началу 1960-х гг., что оставалось для ярких, амбициозных новичков или для самой профессии?» — задает вопрос С. Коэн. Выход он видел в ревизионистском подходе к советской истории, при котором «советофобия» не будет оказывать превалирующего влияния и советология станет областью конкурирующих взглядов, подходов и интерпретаций, способных дать ответы на сложный, многоцветный советский опыт¹⁰.

Известный американский историк А. Рабинович отмечал в интервью «Беларускаму гістарычнаму часопісу», что ревизионистская теория была создана поколением, на которое влияли интерес к социальной истории, вьетнамская война, возможность работы в Советском Союзе. «Когда появились первые ревизионистские работы, нам стало ясно, что мы не знаем советской истории. История, написанная в Советском Союзе, и советская история, написанная во время “холодной войны” в Соединенных Штатах, — это извращение реальности»¹¹.

А. Янов также высказывал подобную точку зрения: «Разумеется, советские идеологи пели осанну новому строю, тогда как антикоммунисты возглашают ему анафему, но, в принципе, теоретически между ними нет разногласий: и те и другие убеждены, что вековые образы политического изменения в России неприменимы к изучению советской действительности... Старое поколение советологов, выросшее за четверть века сталинской тоталитарной диктатуры, ожидало после смерти Сталина только новых сталиных»¹².

Кроме американских исследователей, в методологическом, теоретическом и организационном оформлении ревизионистского направления участвовали: в Англии — группа историков из Бирмингема во главе с Р. Дэвисом; в Германии — специалисты по социальной и экономической истории Р. Лоренц, Х. Хауман, Г. Мейер и Д. Гайер; в Италии — школа, оформившаяся вокруг Д. Прокаччи во Флоренции (Ф. Бенвенути, Ф. Беттанин, С. Понс).

Сторонники тоталитарной модели подходили к СССР как к закрытой системе, фундаментально отличающейся от западной. Применяя эту модель, они пренебрегали возможностью политических изменений. Ревизионисты, наоборот, видели некоторое подобие в функционировании западных демократий и коммунистических государств. С этой точки зрения было возможно использовать в изучении СССР эмпирические методы и теории, применяемые к западным системам.

Многие исследователи чувствовали себя достаточно некомфортно, полемизируя с тоталитарной концепцией, так как она обеспечивала адекватные термины, описывающие страшные стороны сталинизма. Ученые продолжали использовать модель, поскольку не хотели забывать сталинскую жестокость или снижать степень осуждения насильственной коллективизации и террора.

Однако историки-ревизионисты перенесли критическое восприятие тоталитарной модели и на сталинский период. Основываясь на эмпирическом изучении советской истории, они находили в сталинском режиме не только системность, планирование и механизм властного контроля, но и очевидную импровизацию, стихийность и непоследовательность. Так, Дж. Хаф в значительно переработанном и измененном им издании книги М. Фейнсода «Как Россия управляется» (книга стала называться «Как Советский Союз управляется») постарался сбалансировать описание советской системы 1930-х гг., применив термин «неэффективный тоталитаризм». В 1980-е гг. историки-ревизионисты «второй волны» пошли еще дальше, заявив, что «неэффективный тоталитаризм» вообще перестает быть тоталитаризмом¹³.

Дж. Хаф писал, что, безусловно, советская политическая система стала более авторитарной при Сталине. Но в исследованиях западных авторов количество жертв сталинских «чисток» было чрезвычайно преувеличено, а вывод об «атомизации» советского общества не соответствовал действительности, поскольку советская «мобилизационная» программа была беспрецедентной попыткой интеграции, а не атомизации общества. Тем не менее научная литература продолжает говорить о тоталитарной системе. Это представление должно быть пересмотрено¹⁴.

Ш. Фицпатрик не дискутировала специально с тоталитарной моделью, однако, ее работы в значительной степени способствовали изменению направления «детоталитаризации» с послесталинского периода советской истории на время «сталинской революции»¹⁵. Она в первую очередь исследовала влияние сталинской политики на те группы советского общества, которые извлекали пользу из преобразований. В предисловии к сборнику «Культурная революция в России, 1928–1931» Ш. Фицпатрик писала, что авторы не стремятся в очередной раз рассматривать вопросы партийного вторжения в сферу культуры — традиционную тему предыдущих западных исследований. Их интересовали аспекты, связанные с выдвижением рабочих, их вхождением в ряды интеллигенции, заинтересованностью в успешной реализации сталинских планов¹⁶. Таким образом отвергалась одна из важнейших посылок тоталитарной концепции — полная пассивность общества.

С нашей точки зрения, тезис тоталитарной теории об отсутствии собственных интересов общества действительно был неверен. Советское общество не было монолитным, и интересы отдельных групп населения, конечно же, были дифференцированными. Вопросы, поднятые Ш. Фицпатрик, расширяли поле советоло-

гических исследований и заставляли отказываться от упрощенного понимания сталинизма. Во многих случаях сталинская политика приносила пользу отдельным социальным группам, сталинизм имел определенную социальную поддержку. Задача исследователей заключается именно в том, чтобы понять природу этой поддержки, так же как и природу сопротивления сталинскому режиму.

Неприятие тоталитарной модели было лишь одной из задач ревизионистского научного направления. Во многом продолжая советскую линию на десталинизацию конца 1950-х – начала 1960-х гг., западные авторы, прежде всего М. Левин и С. Коэн, писали с симпатией о большевизме и революции, указывая на базовые расхождения ленинского и сталинского периодов советской истории и считая сталинизм отклонением от правильного пути¹⁷.

Ревизионисты резко критиковали «теорию непрерывности», которая рассматривала сталинизм как логическое продолжение революции и ленинского этапа советской истории. Сталинизм явился наиболее логичным продолжением ленинизма, его теоретической концепции и политической практики. В основных чертах ленинизм и сталинизм представляли собой единое целое. Так, в сборнике «Преемственность и изменчивость в русском и советском мышлении», выпущенном в Кембридже в 1955 г., Т. Хаммонд писал, что анализ отношений ленинского периода показывает, что, хотя советский авторитаризм достигает крайней формы при Сталине, основа его заложена значительно раньше Лениным. А. Улам, задавая вопрос о том, с помощью какой политической силы Сталин занял господствующее положение в обществе, отмечал, что ответ необходимо искать, прежде всего, в характере большевистской партии в ленинские годы. М. Фейнсон подчеркивал, что Т. Хаммонд и А. Улам приходят к выводу, с которым он полностью согласен: хотя советский тоталитаризм достигает крайней формы при Сталине, его основа была заложена Лениным¹⁸.

Идея непрерывности, почти идентичности советской истории, не ограничивалась одним периодом времени или одной областью исследования. Она применялась ко всем сторонам жизни советского общества. Авторы исследовали, например, такие проблемы, как культ вождя или массовые репрессии в сталинские годы, и находили им частичное объяснение в ленинских методах политического лидерства и управления партией. Англо-американская литература 1950–1960-х гг. давала огромное количество примеров точки зрения, отмечавшей, что сталинская победа была не победой личности, а триумфом символа, человека, который воплотил и правила ленинизма, и методы их осуществления. А. Мейер писал, что сталинизм может и должен быть определен как образец мышления и действия, прямо вытекающих из ленинизма. Д. Тредголд считал сталинский режим логическим следствием господства однопартийной олигархии, стремившейся строить социализм в стране, которая не была к этому готова. Д. Решетар, находя различия между ленинизмом и сталинизмом достаточно существенными, все-таки отмечал, что они отходят на второй план перед тем, что является общим. Ленин заложил основы, которые были развиты Сталиным и логично завершились «большими чистками», т. е. массовыми репрессиями¹⁹.

Фактором, способствовавшим закреплению теории непрерывности в качестве господствующей в англо-американской историографии, была ее близость к концепции тоталитаризма, остававшейся базовой для западной политической мысли почти в течение 20 лет. Дискуссии, которые возникали при интерпрета-

ции советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии. В рамках рассматриваемого нами вопроса термины «тоталитаризм» и «сталинизм» для сторонников идеи непрерывности практически слились. Тоталитарная школа поддерживала идею непрерывности в развитии советского общества и внесла свой весомый вклад в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арендт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления²⁰. Р. Та-кер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки пришли к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление²¹.

В 1950–1960-е гг. сталинский период в англо-американской историографии рассматривался скорее единым целым, практически не изменявшимся в течение времени, чем феноменом, имевшим собственную эволюцию. 1930-е гг. оценивались как время, когда большевистская, а не только сталинская система достигла зрелости и завершенности. Западные советологи воспринимали официальную доктрину как идеологию всего населения, зачастую не учитывая существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, а процессы в советском обществе объясняли «внутренней тоталитарной логикой». Внимание в первую очередь фокусировалось лишь на некоторых аспектах советской истории — действиях руководства, государственном и партийном аппарате. Всем этим составляющим сталинской системы находились аналогии в предшествующих периодах советской истории. Так, Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа²².

В 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде западных исследователей. Дж. Хаф считал первую половину 1930-х гг. «большим отступлением» (термин Н. Тимашефа). Режим не только преследовал радикальных марксистов, но и отказывался от программ, с которыми они ассоциировались. «Отступление» середины 1930-х гг. было в большей степени связано с отказом от политики периода первой пятилетки, чем от политики 1920-х гг. С его точки зрения, непонимание западной историографией этого «разрыва» между первой и второй пятилетками привело к ошибочной трактовке многих чрезвычайно важных проблем советской истории и стало одной из серьезных причин поддержки тоталитарной модели²³.

Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской исторической школе, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Коэна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского общества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией, ленинизмом и сталинизмом существуют, считали это очевидным, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. С их точки зрения, самый слабый пункт в концепции непрерывности

заклучался в неспособности объяснить события, связанные с усилением, а затем и полной победой в послеленинский период именно сталинского направления. Названные авторы утверждали о наличии бухаринской альтернативы сталинизму, согласовывавшейся с ленинскими взглядами последних лет жизни.

С точки зрения С. Коэна, вопрос о взаимосвязи большевизма и сталинизма являлся настолько важным для понимания советской истории, что следовало ожидать его серьезного обсуждения в англо-американской историографии. На самом деле в 1940–1960-е гг. дискуссий по этой проблеме практически не было, господствовала одна точка зрения. Идея непрерывности развития в значительной степени препятствовала пониманию необходимости изучения сталинизма как феномена с собственной историей, политической динамикой и социальными последствиями.

Непрерывность социального и политического развития объяснялась характером большевистского партийного режима и его агрессией против пассивного общества, ставшего жертвой режима. Взаимодействие партии, государства и общества полностью игнорировалось. Советология практически не уделяла внимания изучению общества, концентрируясь лишь на изучении режима, при характеристике которого термины «тоталитаризм» и «сталинизм» использовались как синонимы. Классическое обобщение такой позиции принадлежало М. Фейнсоуду, писавшему о «превращении тоталитарного эмбриона в заверченный тоталитаризм»²⁴.

Советская история до 1929 г. рассматривалась лишь как прелюдия сталинизма, как процесс становления тоталитаризма. Например, А. Улам считал, что «после своей победы в Октябре коммунистическая партия начала движение к тоталитаризму»²⁵. Даже Э. Карр и И. Дойчер, не разделявшие антипатию большинства советологов к большевизму и имевшие собственные взгляды на многие аспекты советской истории, соглашались с идеей непрерывности развития ленинского и сталинского периодов. Э. Карр писал о том, что «Сталин продолжил и развил ленинизм»²⁶. И. Дойчер, несмотря на признание многих «отличий ленинской и сталинских фаз советского режима», считал, что сталинизм «продолжает ленинскую традицию». При этом И. Дойчер отмечал, что определение баланса между общим и противоположным является самой сложной проблемой, с которой сталкиваются исследователи советской истории²⁷.

С. Коэн соглашался с тем, что этот вопрос входит в число наиболее сложных проблем исторического анализа и требует внимательного эмпирического изучения. С его точки зрения, сталинизм представлял собой крайность, чрезвычайный экстремизм во всех своих проявлениях. Например, проводилась не просто насильственная политика по отношению к крестьянству, а настоящая гражданская война; не просто репрессии, а террор в форме холокоста; не просто возрождение националистических традиций, а шовинизм; создание не просто культа вождя, а прославление деспота. Западные исследователи, характеризуя различные периоды советской истории, часто употребляли выражение «сталинизм без крайностей». С. Коэн считал, что такое выражение не имеет смысла, поскольку крайности составляли сущность сталинизма и именно они требовали объяснения историков²⁸.

Одним из первых среди англо-американских исследователей высказался против теории непрерывности Р. Такер. Он подверг ревизии именно тот аспект, который казался большинству советологов абсолютно ясным и устоявшим-

ся. Р. Такер подчеркивал существенные отличия советской политической системы в 1930-е гг. по сравнению с предшествующими периодами. Большевистская система, на его взгляд, была однопартийной диктатурой с олигархическим руководством в правящей партии. Хотя в 1930-е гг. политическая система сохраняла многие традиционные для большевиков организационные формы, она базировалась не на власти партии, а на власти личности. Был совершен переход от олигархического партийного к автократическому вождистскому режиму. Власть продолжала употреблять привычную терминологию — партия, лидер, террор, марксизм, чистки и т. д., но термины принципиально изменили свое реальное содержание²⁹.

Р. Такер интерпретировал сталинскую «вторую революцию» как «поворот к проводимой государством “революции сверху”, направленной, прежде всего, на превращение России в мощную военно-промышленную силу, способную сохранить себя во враждебном международном окружении и насколько возможно расширить свои границы»³⁰. Эта цель была связана не только с желанием Сталина, являвшегося автономной политической силой, но и с долговременной традицией репрессивного российского государства. В этом контексте Р. Такер рассматривал русских царей, прежде всего Ивана Грозного и Петра I, как исторических предшественников Сталина и создателей модели автократического, централизованного, бюрократического государства, в котором репрессивная власть контролировала покорное население³¹.

Такой взгляд принципиально расходился с позицией сторонников тоталитарной теории, которые до сего дня подчеркивают приоритет других факторов в становлении сталинизма. Так, М. Малиа в книге «Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991» счел необходимым обратить первостепенное внимание на идеологию и политику, а не на социальные и экономические силы для понимания советского феномена. Он писал, что тоталитарная природа коммунизма не может быть объяснена продолжением традиций российского авторитаризма или восточного деспотизма. Коллективистский характер советского общества не может рассматриваться как продолжение российских общинных отношений. С его точки зрения, очень трудно найти взаимосвязи между старой и новой Россией в проводимой большевиками политике. Зато истоки этой политики легко найти в социалистических идеях ленинской партии³².

Подобную точку зрения в 1990-е гг. подтвердил и Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью³³.

Развитие сталинской системы, по оценке Р. Такера, прошло через несколько стадий. 1930-е гг. в свою очередь могут быть разделены на три периода: социальный поворот 1929–1933 гг.; борьба за выбор пути развития в высшем руководстве (междоусобица) 1934–1935 гг.; окончательная победа сталинизма над большевизмом и политическое завершение «революции сверху» 1936–1939 гг. С. Коэн считал, что для общего понимания сталинизма особенно важны 1929–1933 гг., с его точки зрения, замалчиваемые западной историографией. Именно в эти годы сформировались основные черты сталинской системы.

Позицию С. Коэна можно объяснить именно в контексте неприятия им теории непрерывности. Считая сталинизм отрицанием ленинизма, он должен был искать истоки сталинского режима во второй половине 1920-х гг. При таком подходе естественно выделение периода, когда Сталин и его сторонники одержали победу над «правой» бухаринской оппозицией и могли реализовывать свой вариант «построения социализма». То есть можно говорить о том, что, критикуя тоталитарную теорию за превалирующее внимание к политике верхов, С. Коэн использовал именно этот критерий для выделения стадий сталинизма. Подтверждением такой оценки может служить и его характеристика последующих периодов — «междоусобицы» и «политического завершения революции сверху». Однако следует отметить, что для подтверждения своей концепции он использовал и выводы М. Левина, основанные на методах социальной истории. М. Левин через «взгляд снизу» пришел к заключению, что формирование основных черт «зрелого сталинизма» не было результатом реализации большевистской программы. Более того, он считал, что оно не было и результатом заранее продуманного сталинского плана. Многие составляющие сталинизма конца 1930-х гг. просто являлись реакцией сталинского руководства на кризис, вызванный его собственными действиями в 1929–1933 гг.

С точки зрения М. Левина, три фактора были решающими в формировании феномена сталинизма: разрушение социальных структур и их постоянные изменения, связанные с индустриализацией; нестабильность аппарата управления; историко-культурные традиции. Все факторы действовали в одном направлении — укрепления веры во всемогущество государства и его символа — генерального секретаря. Советская бюрократия, новые институты власти и управления на практике действовали в направлении укрепления традиционных российских государственных традиций, таких как этатизм и национализм.

«Предшественники» Сталина, например Иван Грозный, Петр I, Николай I, также разрушали устоявшуюся социальную иерархию и создавали новые элиты. Возглавив новый правящий слой, они устанавливали автократические режимы. Сталин стал высшим бюрократом в течение короткого периода времени, резко сжав и ускорив исторический процесс. Он не удовлетворился ролью одного из элементов, даже очень сильного, в созданной им машине власти. Он занял положение базиса всей системы, человека, на котором держится абсолютно все, отождествляя себя с государством и историческим процессом. В тех случаях, когда возникала угроза, даже потенциальная, его месту в системе, он «перетряхивал» весь аппарат управления, включая его высшие уровни. Борясь за сохранение власти, он был готов разрушить созданный им механизм или направить его развитие по пути, далекому от реальных интересов страны³⁴.

Для М. Левина сталинская модель управления являлась образцом власти, при которой социальная структура подчинялась и подстраивалась под имеющиеся государственные институты и была объектом контроля со стороны аппарата управления, представлявшего собой гибрид старого царского и нового революционного режима. Он отрицательно отнесся к оценке А. Улама, считавшего, что Сталин действовал деспотично и иррационально только в тех сферах, которые находились полностью под его контролем. В этих ситуациях ошибочная и безответственная политика определялась его «большевистским мышлением». Когда он действовал рационально, то это были действия выдающегося по-

литика. А. Улам оценивал Сталина как более важную политическую фигуру, чем Ленин. М. Левин категорически не соглашался с такой трактовкой, считая, что историк не должен использовать абстрактное понятие «большевистское (или коммунистическое) мышление», поскольку большевизм прошел стадии в своем развитии, менялся в зависимости от обстоятельств, и этот термин бессмысленно использовать вне исторического контекста³⁵.

Позицию М. Левина, считавшего сталинизм «не столько прямым результатом большевизма, сколько автономным и параллельным феноменом, и в то же время могильщиком большевизма», поддерживал и Р. Дэниелс, писавший, что сталинский режим очень недолго представлял то движение, которое взяло власть в 1917 г.³⁶ Дж. Томпсон считал, что сталинизм эволюционировал в результате взаимодействия четырех элементов: авторитарных черт, присущих политической культуре царизма и ленинского большевизма; форсированной индустриализации и урбанизации; пассивности и низкого культурного уровня традиционного крестьянского общества; ментальности и заблуждений самого Сталина³⁷.

А. Ноув приводил свою систему анализа соотношения ленинизма и сталинизма и доказательств того, что обстоятельства времени требовали сильного лидера и толкали политику в направлении «первоначального социалистического накопления», но при этом не оправдывал крайности сталинизма. Он также предложил определение «крайние крайности»: насильственная политика имела собственную логику и на практике реализовывалась со значительно большей жесткостью, чем это было действительно необходимо. А. Ноув называл эту ситуацию сталинщиной и подчеркивал, что, в отличие от сталинизма, для нее не было объективных объяснений. Сталинизм же он объяснял реальными обстоятельствами и писал, что легче представить Сталина, проводящего другую политику, чем ситуацию, в которой на посту лидера оказался бы не Сталин, а кто-либо другой из большевистского руководства. При этом А. Ноув подчеркивал, что даже если бы кто-нибудь из них оказался на этом посту, он вынужден был бы проводить политику, подобную сталинской. Уникальность сталинщины для А. Ноува заключалась в масштабе репрессий и в том, что они были направлены против своих (своих в двух смыслах — советских граждан и членов партии)³⁸.

«Завершенный» сталинизм, со всеми его крайностями, не был обязателен, но возможность сталинизма была предопределена попыткой небольшой группы захватить и удержать власть, осуществить социально-экономическую революцию быстрыми темпами. В таких условиях некоторые элементы сталинизма были практически неизбежны. Варианты выбора на практике ограничиваются не только физической возможностью, но и идеологическими принципами. В Советской России 1920-х гг. со многими вариантами решения стоящих перед страной проблем коммунисты, находящиеся у власти, не могли согласиться только потому, что они были коммунистами. Коммунистам нужна была диктаторская власть, если они хотели продолжать управлять страной. Если они хотели проводить индустриализацию, они сталкивались с рядом проблем, которые для своего разрешения требовали еще большего ужесточения политического и экономического контроля. Принимая во внимание характер партийного аппарата, ментальность и уровень политического развития российского населения, логику политической власти, А. Ноув считал, что следует признать определенные элементы той политики, которая получила название «сталинизм», необходимыми. В этом смысле Сталин действовал как про-

должатель ленинского курса. Такой вывод не служит оправданием или осуждением действий Сталина, это лишь признание того, что сталинизм был во многом предопределен сложившимися обстоятельствами³⁹.

Подобную точку зрения высказывал и Р. Петибридж. В работе «Социальная прелюдия сталинизма», сравнивая Ленина и Сталина, он приходит к выводу, что действия обоих были ограничены реальными политическими и экономическими обстоятельствами. Но если Ленин во многих случаях стремился бороться против их негативного влияния, то Сталин цинично манипулировал ими для достижения своих целей⁴⁰.

Однако некоторые англо-американские исследователи находили возможным оправдать действия Сталина в сложившейся ситуации. Серьезный резонанс вызвала публикация Т. фон Лауэ «Сталин между моральными и политическими императивами, или Можно ли судить Сталина?». Он считал, что, подвергая суду других, мы всегда судим и себя. Оценивая Сталина, мы оцениваем собственную способность понять наше время, нашу страну и нашу способность предотвратить повторение сталинизма. Т. фон Лауэ спрашивал: «Какое право имеют американцы оценивать действия граждан российской империи во времена общественного хаоса и кризиса? Американцы всегда относятся к другим нациям и обществам так, как будто те имеют такой же исторический опыт и придерживаются тех же ценностей. Однако сталинизм формировался совершенно в других условиях, наши знания о которых остаются неполными и неточными»⁴¹.

Похожие взгляды были и у М. Малиа, по мнению которого Россия в XX в. — страна, не похожая ни на какую другую, а западноевропейцы, берясь судить о русской и советской истории, говорили о ней лишь с позиций своих надежд или страхов в отношении собственных обществ⁴². С. Коэн также считал, что «лучше оставить право моральной оценки советской истории советским исследователям. Ее трагедии и достижения, как и обязанность оценивать, — их, а не наши»⁴³.

Далее Т. фон Лауэ отмечал ряд объективных сложностей, в которых оказалось советское государство, и делал вывод, что сталинский вариант ответа на эти проблемы был наиболее адекватен российским традициям и менталитету российских граждан. Исследователь признавал правоту знаменитой фразы Р. Конквеста о том, что сталинизм в такой же мере можно считать методом достижения индустриализации, как каннибализм — формой получения пищи, богатой протеином. Но он считал, что среди всех лидеров большевиков именно Сталин был наиболее близок русскому народу. «Организационный и моральный фундамент для сталинизма был подготовлен сложившимися обстоятельствами, и у Сталина хватило мужества и цинизма в полной мере воспользоваться этим». Сталинская революция была более значима, писал Т. фон Лауэ, чем ленинская, поскольку Ленин имел дело с идеями, а Сталин с реальными людьми. Реальной предысторией пятилеток и коллективизации были не 1920-е гг., а российская история со времен татарского нашествия⁴⁴.

Статья Т. фон Лауэ, опубликованная в 1981 г. в журнале «Советский Союз», вызвала возражения со стороны многих известных англо-американских исследователей. А. Мейер категорически не соглашался с тем, что достигнутая советская мощь может оправдывать сталинскую тиранию. Он не считал революционный, а тем более сталинский вариант развития единственно возможным и признавал наличие небышевистских путей выхода из российской отсталости⁴⁵. С его точки зрения, исследователь должен в первую очередь симпатизировать жертвам,

а не творцам истории. Ф. Баргхорн также отмечал, что сталинизм, отрицавший свободу, был скорее продуманной формой укрепления и сохранения власти правящего слоя, чем неизбежностью российского исторического развития. Он не разделял отношения Т. фон Лауэ к Сталину и другим большевикам как к «патриотам России». Ф. Баргхорн писал, что это был странный патриотизм, если он требовал смерти миллионов советских граждан⁴⁶. Но для Т. фон Лауэ, как он отметил в заключительной статье дискуссии, все эти аргументы звучали лишь как продолжение традиции вестернизации и американизации российских реалий.

Мы считаем, что эта публикация отражала некоторые серьезные явления, характерные как для американского общества в целом, так и для западной исторической науки. Совершенно правомерное стремление отойти от одностороннего взгляда на исторические процессы требовало изменения «точки отсчета» для многих явлений прошлого. Традиционное превалирование позиции «белого мужчины англосакса» вызывало неприятие и в обществе, и в академической среде. Историки признавали возможность и необходимость написания альтернативных, нетрадиционных исследований, анализирующих исторический процесс через отношение различных социальных, национальных, гендерных слоев и групп. Но, как и всякое явление, этот интересный и серьезный процесс не должен был переходить определенные границы и превращаться в отрицание ранее достигнутого ради процесса самого отрицания. Однако «политкорректность» в историографии зачастую повторяла крайности, присущие ей и в других сферах общественной и интеллектуальной жизни.

Т. фон Лауэ оправдывал сталинизм не из симпатии к нему, а скорее из желания «поставить на место» англо-американское научное сообщество, подчеркивая в одной из последующих статей, что, как эмигрант, он видит серьезную опасность в американском отношении к сталинизму и Советскому Союзу⁴⁷. Нужно отметить, что Г. Киссинджер был безусловно прав, когда говорил о «неистощимом мазохизме американских интеллектуалов»⁴⁸. Так, Т. фон Лауэ в заключение дискуссии 1981 г. даже заявил о связи между научной оценкой сталинизма и гонкой ядерных вооружений. В. Лакер вернулся к оценке позиции Т. фон Лауэ в 1991 г. в книге «Сталин: открытия гласности». Он писал, что отношение к осуждению Сталина как к «моральному империализму» (формулировка Т. фон Лауэ) можно встретить только среди неосталинистов⁴⁹.

В своей интерпретации сталинизма англо-американские ревизионисты использовали также многие положения известных антисталинистов, стоящих на марксистских позициях, прежде всего Л. Троцкого и М. Джиласа. Наибольшее внимание в англо-американской советологии привлек вывод Троцкого о формировании в сталинском Советском Союзе «нового класса», под которым подразумевалась бюрократия. Практически все авторы признавали наличие в советском обществе привилегированного правящего слоя, возникшего в годы сталинского правления, но выражали сомнение в правильности употребления термина «класс» по отношению к этой группе. Т. Ригби и С. Коэн, например, предпочитали термин «сословие», А. Эрлих — «страта»⁵⁰. Такая позиция принципиально отличалась от взгляда Э. Карра, считавшего, что правящей группой в советском обществе был не класс, а партия⁵¹. А с точки зрения А. Ноува, Сталин не только не выражал интересы бюрократической элиты, но боялся ее консолидации и поэтому проводил безжалостные чистки⁵².

Таким образом, в центре внимания историков оказывался более широкий круг вопросов, чем тот, который интересовал сторонников тоталитарной теории. Например, западные исследователи стали уделять серьезное внимание вопросам модернизации Советского Союза. В предшествующие годы теория модернизации зачастую отвергалась теоретиками тоталитаризма, во-первых, как потенциально конкурирующая парадигма и, во-вторых, из-за ее вывода о том, что Советский Союз не во всех случаях следует рассматривать как уникальное явление.

Влияние этой концепции заметно в работах Б. Мура, А. Инкелеса, З. Бжезинского и С. Хантингтона⁵³. Авторы, прежде всего, подчеркивали общее влияние индустриализации и модернизации на общество и ее воздействие на социальную и политическую мобильность. Сторонники теории модернизации считали, что историко-культурные и идеологические факторы постепенно теряют свое значение по мере индустриально-технического развития. С их точки зрения, собственная политика режима, направленная на урбанизацию и индустриализацию, заставляет советских лидеров отходить от «социальной утопии» и принимать во внимание реальные интересы и требования общества⁵⁴. Таким образом, концепция модернизации вступала в противоречие с попытками объяснить динамику советского общества лишь идеологическими мотивами, которые были чрезвычайно важны для тоталитарной теории.

Динамизм развития в значительной степени был связан, по мнению исследователей, с насильственными сторонами советской системы. А. Даллин и Дж. Бреслауэр отмечали, что коммунистические режимы характеризуются обширными программами преобразований, когда глубокие изменения совершаются в короткий период времени. При этом революционный строй стремился использовать насилие для консолидации власти, уничтожая реальных и потенциальных врагов. Даже если режим приходил к власти, опираясь на поддержку населения, он мог не иметь серьезной альтернативы использованию террора, поскольку не владел средствами адекватного материального стимулирования масс. Более того, материальные стимулы могли быть идеологически неприемлемы для коммунистической элиты, особенно на ранней стадии становления режима. Режим также не мог быстро создать необходимое законодательное обоснование власти⁵⁵.

На более поздней стадии систематический террор стал доминирующей чертой советской системы — страх превратился в организующий принцип «мобилизационного развития». Термин «мобилизационная система» использовался рядом авторов, например Г. Спиро, вместо «тоталитарной системы» для характеристики стремления государства установить контроль над всеми человеческими и экономическими ресурсами общества и направить их на достижение единственной доминирующей цели⁵⁶. Элита, проводящая эти изменения, ожидала растущего сопротивления и отчуждения части общества и идентифицировала определенные слои как требующие упреждающего давления, угроз или устранения.

Но этот процесс имел тенденцию к собственной динамике и стал поглощать целые социальные группы, уничтожать любую автономию в обществе, распространявшись и на сторонников режима. Когда террор перестал выполнять функции контроля и стимулятора изменений и превратился в непродуктивный инструмент политики, это означало, что система вышла за пределы мобилизационной стадии.

Для режима, достигшего успехов в индустриализации и собственной легитимизации, стали характерными три тенденции: 1) большая опора на материальные стимулы; 2) снижение роли террора, рассматривавшегося элитой как нефункциональный метод, и 3) растущая бюрократизация и опора на административно-бюрократические процедуры. А. Даллин и Дж. Бреслауэр называли подобный переход «революцией растущих ожиданий»⁵⁷.

Выводы теории модернизации, социологической по своей сущности, широко использовались в историко-экономических и исторических работах. Однако следует отметить, что само понятие «модернизация» имело достаточно разные толкования. Е. Петров справедливо отмечал, что в значительной по объему специальной и еще более обширной неспециальной литературе мы не найдем двух одинаковых его расшифровок⁵⁸. Для некоторых авторов (У. Ростоу) «модернизация» связывается преимущественно с экономическим развитием, для других (М. Леви, С. Эйзенштадт и др.) — с социально-политическим, у третьих (Т. Парсонс, Н. Сменсер, Р. Бендикс, Д. Эптер, С. Блэк) она вмещает совокупность экономических, социальных и политических изменений в обществе. У одних авторов (Р. Уорд, Р. Макридис, Дж. Неттл, Р. Робенсон) «модернизация» — специфическое явление, вызванное необходимостью подтягивания не западных стран до западного уровня, у других (М. Леви, С. Эйзенштадт) — это общеисторическое явление, определенная стадия или даже целая эпоха в развитии всех стран, включая западноевропейские.

Возникновение теории модернизации лишь частично было связано с советской историей. Прежде всего, она явилась отражением процессов, происходивших в государствах третьего мира. Антиколониальное движение привело к возникновению целого ряда новых государств, которые столкнулись с проблемами экономической отсталости, крайне низкого жизненного уровня населения, слабостью политических институтов. Развитие чрезвычайно отсталых регионов стало одной из наиболее драматических проблем мирового сообщества и привлекло внимание исследователей.

Тема отставания в развитии, точнее стартового (первоначального) отставания, и его преодоления впервые в советологии была проанализирована в сборнике «Трансформация русского общества: Аспекты социальных изменений с 1861 г.», составленном на основании материалов конференции, прошедшей в Нью-Йорке в апреле 1958 г.⁵⁹ Участники форума, среди которых были экономисты, социологи, экономические историки, предложили новый взгляд на проблему советского развития, которое рассматривалось в контексте общемировых тенденций, а не в противопоставлении им, как это было характерно для тоталитарной школы. Основное внимание было уделено модернизации страны, понимаемой как процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу, базирующийся на значительном углублении человеческих знаний. Впервые, сравнивая Советский Союз с некоммунистическими странами, исследователи подчеркивали не только различия, но и общие черты. Например, рассмотрение истории индустриализации в России не ограничивалось сталинским периодом. Она анализировалась как процесс, начатый в конце XIX в. и продолженный большевиками.

С точки зрения А. Гершенкрона, сталинская политика должна была рассматриваться, прежде всего, как реакция на экономическую отсталость страны и продолжение курса на «вестернизацию», начатого реформами С. Витте. Подоб-

ный взгляд был поддержан также Т. фон Лауэ, К. Блэком, У. Ростой⁶⁰. Хотя предложенные аргументы были достаточно схематичны, заявленная позиция представляла интерес в качестве нового аспекта советологии. Сталинская политика рассматривалась в большей степени как ответ на реальные нужды страны, чем продолжение идеологической концепции, предложенной Лениным. Например, А. Органски писал, что он предпочитает использовать термин «сталинизм», а не «коммунизм» при описании периода индустриализации⁶¹. При этом сталинские методы не оправдывались, более того, подчеркивались архаизм и жестокость многих мероприятий, превалирование насильственных методов решения сложных проблем. Действия советского руководства, с точки зрения многих авторов, далеко не всегда были адекватны сложившейся ситуации.

В середине 1960-х гг. внимание специалистов привлекли статьи, а затем и монография А. Ноува, рассматривавшего вопрос о «необходимости» Сталина для советского развития. То, что может быть названо сталинизмом, писал он в работе «Экономическая рациональность и советская политика: Был ли Сталин реально необходим?», являлось продуктом индустриализации, а точнее, решения об ускоренном развитии тяжелой промышленности. Поскольку это решение было непопулярным, для его реализации необходимо было применять социальное принуждение. Отсюда возникала и неизбежность полумилитаризированной партии и диктатора⁶². В своих более поздних работах А. Ноув вновь отстаивал данную точку зрения. Например, в опубликованной в середине 1970-х гг. монографии «Сталинизм и после» он писал, что относиться к Сталину просто как к человеку, одержимому жаждой власти, было бы неполной правдой. Реальной причиной формирования сталинского режима была проблема индустриализации, уходящая своими корнями во время царей, войн и революций⁶³. А. Ноув открыто не оправдывал Сталина, но был достаточно близок к этому.

Другой точки зрения придерживался американский историк и экономист А. Эрлих. Он впервые в англо-американской историографии проанализировал внутрипартийную борьбу 1920-х гг. не только как борьбу за власть между «наследниками Ленина», но и как «дебаты об индустриализации». А. Эрлих пришел к выводу, что сталинский выбор стратегии развития страны в 1928–1929 гг. был обусловлен как политическими, так и экономическими причинами, которые следует рассматривать только в комплексе. Альтернативы, отвергнутые Сталиным, по мнению А. Эрлиха, могли принести Советскому Союзу лучшие результаты и потребовали бы меньших человеческих и материальных затрат⁶⁴. Этот вывод во многом предопределил направление дальнейших дискуссий о советской индустриализации и сталинской стратегии модернизации в западной историографии.

Но теория модернизации поддерживалась далеко не всеми советологами. Так, австралийский исследователь Г. Гилл выразил несогласие с вариантом объяснения истоков сталинизма, основанном на тезисе об отсталости России, стремлении большевиков как можно быстрее индустриализовать страну и неизбежности генезиса диктаторского режима. Он соглашался с тем, что цели большевиков в сочетании с социально-экономическими условиями, в которых оказался новый режим, делали насильственную диктатуру возможной. Однако это не означало, что сталинизм был неизбежен. Политические деятели имели возможность выбора, они не были жестко связаны системой ценностей или институтов, которые обязывали идти только по сталинскому пути⁶⁵. Традиционная русская культу-

ра могла способствовать выбору этого варианта, как подчеркивали, например, М. Левин и Р. Такер⁶⁶, но не делала его единственно возможным. Марксизм в ленинской интерпретации, конечно, имел внутреннюю связь и много общего со сталинизмом, но также давал возможность разных вариантов развития и не вел автоматически к сталинизму.

Российская отсталость и большевистская идеология были факторами, способствовавшими возникновению сталинизма, но не являлись решающими. Наибольшее значение для генезиса сталинизма, по мнению Г. Гилла, имело принятие решений о «революции сверху» и терроре. Это не означало, что советские лидеры, принимавшие данные решения, таким образом сознательно устанавливали сталинскую систему, это не было их целью. Также нельзя считать, что какое-либо одно решение привело к курсу на «революцию сверху» и террору. В обоих случаях события были результатом ряда решений, приоритетность которых все еще вызывает споры в академическом сообществе. Но самым важным является то, что эти решения и события не были продолжением ранней стадии советского развития, они означали резкий разрыв с ней, осуществленный по воле советского политического руководства. Таким образом, сталинизм нельзя рассматривать как неизбежный результат революции 1917 г. и ленинской (большевистской) идеологии. И революция, и большевизм несли в себе черты, как проявившиеся потом в сталинизме, так и отвергнутые им. Именно политические решения оказались первостепенно важными для генезиса сталинской системы. Принятие этих решений было связано как с персональным сталинским влиянием, так и с наличием определенных социальных сил, заинтересованных в них⁶⁷.

Признавая, что как феномен сталинизм не поддается легкой категоризации, Г. Гилл, используя аналогию с выделением черт «тоталитарного синдрома» К. Фридрихом и З. Бжезинским, предпринял попытку выделить характерные черты «сталинского синдрома». К числу важнейших признаков сталинизма он отнес: 1) формально высокоцентрализованную, направляемую экономическую систему, характеризующуюся массовой мобилизацией и приоритетным развитием тяжелой индустрии; 2) социальную структуру, первоначально характеризующуюся высоким уровнем социальной мобильности, приводящей бывшие низшие классы на властные и привилегированные позиции, а затем закрепляющую результаты структурализации в рангах, статусах и иерархии; 3) политическую мотивированность сфер культуры и интеллектуального труда, определяемую целями и интересами высшего руководства; 4) личную диктатуру, базирующуюся на терроре, при которой политические институты являются не более, чем инструментами диктатора; 5) политизированность всех сфер жизни, которые таким образом становятся областью государственных интересов; 6) слабо структурированную систему местной власти, возникшую в результате сочетания концентрации власти в центре и его неспособности осуществлять контроль; 7) вытеснение первоначальных революционных тенденций консервативной ориентацией, направленной на сохранение существующего положения⁶⁸.

Ревизионистский подход предполагал использование методов и концепций, заимствованных из других дисциплин, и был основан на номотетической методологии, предполагавшей наличие внутренних закономерностей развития, применении дедуктивно-гипотетического метода для анализа скрытых процессов, происходивших в СССР. Таким образом был сделан важный шаг, приближающий

советологию к современному пониманию истории как научной дисциплины, использующей не только специфические, но и общенаучные методы исследования.

С течением времени Советский Союз становился для англо-американских советологов понятным в традиционных для западной историографии категориях. Национализм, геополитическое положение, попытки преодолеть отсталость, авторитарная политическая культура — комбинация этих взглядов стала более важной для аналитиков, чем тоталитарная модель. Многие в этих объяснениях не исключало того, что в определенном смысле СССР являлся тоталитарным государством. Однако его тоталитарные характеристики стали оцениваться как динамичные и исторически специфичные.

Характеризуя сталинизм как систему, «ревизионисты» учитывали последовательность формирования и меняющееся содержание входящих в него частей. Завершенный вариант сталинизма, включавший экономическую, социальную, культурную и политическую составляющие, по мнению большинства исследователей, был создан к концу 1930-х гг.

Сталинская экономическая система была сформирована в начале 1930-х гг., и до 1953 г. структурные изменения в ней были минимальными. Экономическая структура, работающая на основе директивных принципов, стала инструментом для достижения политических целей. Это нашло свое отражение в приоритете, отдаваемом развитию тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса в целом. На нужды и требования потребителей обращалось мало внимания, постоянно ощущался дефицит потребительских товаров. Развитие экономики было скорее экстенсивным, чем интенсивным, и требовало возрастающего притока трудовых ресурсов и массовых мобилизаций.

Главной чертой социальной составляющей сталинизма в 1930-е гг. был очень высокий уровень социальной мобильности, вызванной «революцией сверху» и террором. Во всех сферах общественной жизни члены традиционно низших классов выдвинулись на властные позиции. Это стало кульминацией революции 1917 г., сломавшей классовую структуру, основанную на наследовании. Новая социальная структура не была эгалитарной, значительная часть нового правящего слоя получила привилегии, но и для широких масс, вовлеченных в общественные изменения, революция означала шаг к реализации мечты о более комфортной жизни.

Культурная составляющая сталинизма в 1930-е гг. претерпела значительные изменения по сравнению с ранними стадиями советской истории. Первоначально культурная революция поддерживала эгалитаризм и доминирование пролетарских ценностей, но затем произошел переход к более консервативной ориентации в сфере культуры. Центр внимания переместился от «маленького человека» к лидерам во всех сферах жизни. Место эгалитаризма в качестве позитивных ценностей заняли ранги, статус, иерархия. Возможно, наиболее серьезным проявлением консервативного направления стала легитимизация русского национализма, пришедшая на смену интернационализму первых послереволюционных лет. Возрождение национальных ценностей сопровождалось как прославлением русского прошлого, так и отходом от идеи «мировой революции» и обоснованием необходимости укрепления СССР.

Политическая система сталинизма в полном варианте оформилась к концу 1930-х гг. после периода террора. Одной из ее важнейших черт стала персональ-

ная диктатура Сталина, который мог решать все, что он хотел, невзирая на взгляды других лидеров. Это не означало, что Сталин решал все, но право решать то, что он считал нужным, всегда сохранялось за ним. Сталин стал важнейшей силой внутри системы, направление политики, ее приоритеты и методы действия были построены в соответствии с его волей. Средством, с помощью которого создавались такие условия, был террор или угроза его применения. Террор стал инструментом управления. В таких обстоятельствах личные черты лидера были чрезвычайно важны для системы в целом. Деспотизм действий Сталина, не желавшего признавать ничего, что казалось опасным для его власти, основывался на сочетании уверенности и подозрительности, ставшем доминирующим элементом его стиля руководства.

Результатом установления личной диктатуры, базирующейся на терроре, стала крайняя слабость всех политических институтов. Они были неспособны действовать независимо на советской политической сцене, не могли структурировать собственные внутренние операции и всегда были объектом для вмешательства и контроля со стороны лидера. Так же как высшие политические органы не могли контролировать Сталина на вершине власти, местные политические органы были неспособны контролировать местных политических лидеров.

Наряду с культом высшего руководителя в стране существовала система «культиков» местного руководства. Ряд авторов, ставших в 1980-е гг. лидерами «ревизионизма второй волны», считали, что это позволяет сделать вывод о слабости и эпизодичности контроля со стороны центральных органов и, следовательно, ошибочности признанной англо-американской советологией высокоцентрализованной модели сталинской политической системы. С нашей точки зрения, такой вывод может быть в данном случае оспорен, поскольку слабость местных органов власти могла вполне устраивать центр, которому значительно проще было влиять на местных политических лидеров, чем на политические органы. Система страха в сочетании с привилегиями делала лидеров легко управляемыми, а слабость местных политических институтов, их подконтрольность местным «вождям» позволяла легко проводить через них любые решения.

Спектр концепций, пришедших на смену тоталитарной модели, был достаточно широк. Это и структурализм, и бихевиоризм, и ряд холистских моделей, объяснявших политические процессы через действия социальных сил и политических институтов, конфликты и борьбу между ними. Ревизионистская историография не была монолитной, острые споры об уникальности советской системы, возможности ее сравнения с «обычными» западными политическими структурами шли в течение десятилетий и продолжаются до сего дня.

Новой моделью анализа советской политической системы стала «конфликтная модель»⁶⁹. Она не была статичной, т. е. не предполагала, что система будет неизменной в течение длительного времени, и подчеркивала, что власть внутри советского руководства была постоянным объектом борьбы. В рамках подобного подхода была переработана и переиздана книга М. Фейнсода «Как Россия управляется» — одна из самых известных работ о сталинском Советском Союзе, доминировавшая в советологии более десятилетия. Это авторитетное исследование, основанное на исторической базе, ориентировалось на тоталитарную модель, хотя и не принижало проявление разногласий и различий в Советском Союзе. Дж. Хаф добавил в переработанный вариант текста М. Фейнсода такие

темы, как фракционные конфликты, политические дебаты, плюралистические тенденции в советском обществе. Он объяснял эти изменения тем, что «в трудах, исследующих западную политическую систему, внимание концентрируется на политическом процессе, и серьезное исследование Советского Союза требует постановки таких же вопросов»⁷⁰.

Сторонники «конфликтной модели» поддерживали вывод о системе, в которой решения принимались «сверху вниз», но в которой конфликты между соподчиненными структурами были терпимы или даже поощрялись. Г. Скиллинг, один из самых последовательных сторонников такого подхода, писал: «Идея, что “группы интересов” могут играть серьезную роль в коммунистической системе, до недавнего времени не находила поддержки среди ученых, изучавших Советский Союз. Уникальность тоталитарной системы по определению исключала любую сферу автономного поведения какой-либо группы, кроме государства или партии»⁷¹.

Первой серьезной попыткой обоснования внешних проявлений советской политической системы с помощью анализа ее внутренней структуры была работа Ф. Баргхорна «Политика в СССР»⁷². Хотя главное внимание концентрировалось на вершине властной пирамиды, а не на политической системе в целом, подобный анализ конфликтующих групп был ранее невозможен ни в ортодоксальных исследованиях советских ученых, ни в ортодоксальных работах западных сторонников тоталитарной школы.

Впечатляющим образцом исследования взаимовлияния идеологических и исторических составляющих в формировании советской политической, экономической и общественной системы была работа Б. Мура «Советская политика». В ней, а затем и в книге «Террор или прогресс» аргументировался вывод о том, что под влиянием исторической реальности в СССР сформировалась общественная система, во многом отличавшаяся от прогнозов коммунистической теории и идеологии. На историческом фундаменте базировались и опубликованные в 1950-х – начале 1960-х гг. труды А. Улама, Дж. Хазарда, Дж. Армстронга⁷³.

Хотя социологические и антропологические теории имели определенное влияние на работы Б. Мура, до публикации «Политической системы» Д. Истона, «Процесса принятия решений» Х. Лассвела и «Сравнимых политических систем» Г. Алмонда системно-функциональные концепции мало использовались при изучении коммунистических систем⁷⁴. Д. Лейн считал, что в начале 1970-х гг. изучение роли классов, национальностей, «групп влияния» в политическом процессе занимало маргинальное положение в советских исследованиях. Он связывал это с негативным влиянием «кремленологии», рассматривавшей лишь результаты деятельности политических лидеров и институтов⁷⁵. В работе «Политика и общество в СССР» Д. Лейн обосновывал системно-функциональный подход к изучению советских политических институтов стремлением интегрировать результаты западных исследований, использовавших социологические методы⁷⁶.

Работы, в которых использовался структурно-функциональный подход, позволили рассмотреть взаимосвязь между политическими институтами и процессом принятия решений как более сложное и многогранное явление, чем оно представлялось в ранних советологических исследованиях. Общество стало рассматриваться не только как «управляемое», но и оказывающее влияние на государственные и партийные институты. Политический процесс анализировался

более детально, через отдельные фазы, такие как постановка задач, принятие решений, их выполнение и оценка результатов.

Также усилилось внимание исследователей к оценке роли и места технократической бюрократии в советском обществе. Так, А. Мейер описывал СССР как «огромную бюрократическую машину, сравнимую по структуре и функциям с гигантскими корпорациями, армиями и подобными организациями»⁷⁷. Система объединялась общими целями, направлялась и контролировалась из единого центра. Такая точка зрения была близка к позициям тех авторов, которые рассматривали Советский Союз как «управляемое общество», «командную систему». Например, А. Кассоф отмечал наличие сильной правящей группы, обладающей монополией на знания, необходимые для планирования и координации деятельности системы⁷⁸. Т. Ригби подчеркивал наличие одной группы (партия и ее лидер), которая осуществляла контролирующие функции, в то время как остальная система покорно и точно выполняла намеченные планы⁷⁹. Дж. Армстронг также писал об иерархическом управлении, но считал, что структура не полностью однообразна и жестка, поскольку сказываются как факторы личных отношений, так и недостаточно эффективные коммуникационные связи⁸⁰.

Следует отметить, что среди исследователей не было единого взгляда на то, какие слои партийной, государственной, военной, промышленной, научной бюрократии могут быть отнесены к правящей страте. Более того, часть исследователей считала, что было бы ошибкой говорить о единстве интересов советской элиты. Так, с точки зрения Ф. Баргхорна, «факты свидетельствовали, что разногласия, конфликты и внутренняя политическая борьба могут играть в однопартийных системах большую (хотя и скрытую) роль, чем в демократических странах»⁸¹.

Подобные взгляды в сочетании с отрицательным отношением к тоталитарной парадигме вели к стремлению исследователей использовать плюралистические теории, прежде всего такие, как модели «групп интересов» и корпоратизма. Модель «групп интересов» первоначально использовалась при изучении американской политической системы, а в 1950–1960-е гг. стала применяться и для исследования европейского и латиноамериканского регионов. Возможность ее использования по отношению к коммунистическим системам первым обосновал Г. Скиллинг в статье «Группы интересов и коммунистическая политика», опубликованной в 1966 г. в журнале «Мировая политика»⁸². В 1971 г. под редакцией Г. Скиллинга и Ф. Гриффитса вышел сборник «Группы интересов в советской политике», некоторые авторы которого утверждали, что подобные группы не только существуют в коммунистических странах, но и оказывают реальное влияние на принятие решений и формирование политики советских лидеров⁸³.

Новая модель вызвала неоднозначную реакцию в среде специалистов. Даже один из соредакторов (Ф. Гриффитс) предпочитал говорить о существовании в Советском Союзе «скорее тенденций, чем групп». В ответ на прозвучавшую критику Г. Скиллинг подчеркивал, что он не претендует на то, чтобы рассматривать применяемый подход как единственную модель объяснения советской системы. Он соглашался, что «группы интересов» не являются важнейшей чертой политической системы СССР, но их изучение позволяло лучше понять отдельные аспекты советской реальности⁸⁴. С этим утверждением, с нашей точки зрения, можно согласиться. Однако следует иметь в виду, что «группы интересов» в Советском Союзе не были открытыми и автономными. Следовательно, их наличие

не означало, что советскую систему можно было характеризовать как плюралистическую.

Корпоратистскую модель при изучении Советского Союза использовали на рубеже 1970–1980-х гг. В. Бунсе и Дж. Эчолс, считая, что понятие «государственный корпоратизм» наиболее точно отражает сущность политической системы СССР⁸⁵. Однако общее количество «корпоратистских» работ было невелико, и можно считать, что модель не оказала значительного влияния на англо-американскую советологию.

Шагом вперед в понимании политики внутри политбюро как производной части всей политической системы стали структуралистские концепции. Они базировались на анализе взаимодействия политических и экономических институтов, учреждений и обезличенных экономических и географических понятий, не связанных с «намерениями» личностей, групп или партий⁸⁶. Сторонники этого направления создавали более сложную картину советской политической системы, чем тоталитарная и конфликтная модели. Структуралистский подход признавал наличие множественных интересов в партийном и советском аппарате, трактовал принятие политических решений как результат согласования различных интересов, подчеркивал разницу в процессах принятия решений и их выполнения и оценивал отношения между партийно-государственным аппаратом и обществом как интерактивные.

В 1970-е гг. более заметное влияние начало приобретать объяснение функционирования политической системы СССР с помощью модели «патрон – клиент». Это было связано с очевидной важностью фракционности, покровительства, коррупции в коммунистической системе. Ни плюралистические, ни тоталитарная модель не смогли дать адекватного объяснения этим явлениям и первоначально «клиентелизм» нашел отражение в кремленологических исследованиях, например в работе Р. Конквеста «Власть и политика в СССР», в которой он исследовал «советские династии»⁸⁷.

Схема «патрон – клиент» возникла как элемент антропологических и социологических исследований. Через взаимоотношения двух личностей и совокупность таких взаимоотношений в ней анализировалась деятельность партий, групп интересов, бюрократических структур. Как считал Дж. Хоскинг, Россия по разным причинам не имела возможности создать государство на основе институтов и законов и вместо этого она создала свою государственность на основе личных отношений, т. е. патроно-клиентских⁸⁸. Важнейшими ценностями в системе отношений «клиентелизма» являлись власть и покровительство. Дж. Виллертон отмечал наличие связей «патрон – клиент» на уровне членов Политбюро и Центрального Комитета КПСС. Подтверждением наличия таких взаимоотношений служило изменение служебного положения членов ЦК в результате взлетов или падений их «патронов» в политбюро⁸⁹.

Т. Ригби считал, что хотя «клиентелизм и покровительство» являются широко распространенными явлениями в любых общественных системах, наибольшее значение отношения «патрон – клиент» имели в феодальных или квазифеодальных обществах, где они, возможно, играли центральную роль. Советская бюрократическая система имела свои особенности, связанные с сочетанием традиционных черт клиентелизма с большевистской идеологией и особенностями политической системы.

На состояние советологических исследований на рубеже 1960–1970-х гг. большое влияние оказала «бихевиористическая революция» в социальных науках, вызвавшая особое внимание к поведению масс и элиты⁹⁰. Предметом углубленного исследования советологов стали отдельные аспекты функционирования советской системы. Акцент делался на природе политического лидерства, принятии решений и дебатах внутри партийного и советского руководства, смене политических лидеров⁹¹. Наиболее заметной работой 1960-х гг. была книга Дж. Хафа «Советские префекты», анализирующая деятельность первых секретарей обкомов КПСС⁹². В. Бунсе отмечала, что эта работа выделялась потому, что, сочетая эмпирический и теоретический подход, она показывала реальный смысл функционирования и логику построения партийного и советского аппарата⁹³.

Диктаторский и закрытый характер советской системы вместе с долговременным влиянием тоталитарной модели на англо-американскую советологию привели к активному развитию кремленологии, сосредоточившей внимание на изучении высших эшелонов власти. Сочетая старые традиции политической истории XIX в. с немарксистскими тенденциями социологии XX в., советологи отображали историю СССР во «властных» политических терминах. Так, А. Улам отмечал, что для советологии и кремленологии «наиболее практичный и серьезный подход к изучению Советского Союза — это анализ его политической системы, что, в свою очередь, требует обращать первостепенное внимание на политическое руководство»⁹⁴.

Частью исследователей кремленология воспринималась как карикатура на политический анализ, использующая только политические и личностные характеристики. М. Луис писал, что какие бы сферы жизни советского общества ни рассматривали эти специалисты, в конечном итоге они неизменно сводили изучение всех институтов, реформ, новых элементов развития к «властным потребностям» правящей группы⁹⁵.

Однако при всех своих недостатках кремленологи расширили знания о советской политической системе. Например, Р. Конквест писал, что среди серьезных исследователей кремленологи пользовались дурной репутацией. Они воспринимались как гадалки, изучающие призрачные фигуры с помощью хрустального шара. Кремленология была «черным искусством». Однако в тех реальных условиях, в которых приходилось действовать исследователям, изучавшим Советский Союз, именно гипотезы были естественным научным методом⁹⁶.

С. Коэн, описывая историю ревизионистского направления советологии, также отмечает положительное влияние кремленологии. Первая ревизионистская волна в советологии относится ко второй половине 1960-х гг., а в 1970-е гг. историками-ревизионистами были опубликованы серьезные монографические исследования. Советологи-ревизионисты подвергли критике три важнейшие составляющие тоталитарной парадигмы: утверждения о статичности и монолитности советской политической системы и ее абсолютном отличии от западных систем власти. По мнению С. Коэна, появление нового направления было вызвано влиянием общественных наук, создавших ситуацию «методологической революции» в советских исследованиях. Сказалось и воздействие кремленологии, которая, несмотря на присущие ей недостатки и не слишком солидную научную репутацию, смогла представить достаточно глубокий анализ борьбы среди советского руководства. И хотя кремленология рассматривала ситуации только в

высших эшелонах власти, она способствовала разрушению мифа о монолитном режиме, который предлагала тоталитарная школа⁹⁷.

Первым направлением анализа стали биографии советских руководителей, дававшие возможность проследить изменения в персональных данных советских руководителей и связать их с такими факторами, как интересы, позиции, ценности элиты. Кремленологи также изучали институционную структуру политической власти в СССР, рассматривая вопросы взаимоотношений местных и центральных органов, структуру политбюро и ЦК партии, отношения между партийным и государственным аппаратом, реальное положение органов народного представительства. Объектом постоянного внимания кремленологической литературы были первые (генеральные) секретари ЦК КПСС, вопросы о масштабах власти партийного лидера и ее ограничениях.

Первоначально для англо-американских исследователей ответ на этот вопрос представлялся относительно легким, поскольку тоталитарная модель предполагала по определению, что партийные лидеры были всемогущи и не имели каких-либо внутренних ограничителей власти. Но постепенно распределение политической власти стало анализироваться как более сложное, а советская политическая система — более похожая на другие политические системы. В 1970-х гг. большинство западных исследователей считало власть советских политических лидеров сильной, но ограниченной. Вопрос об ограничениях рассматривался через анализ ситуации внутри правящей элиты, а также в масштабах всего советского общества и составляющих его различных групп интересов. Однако отсутствие точного законодательного определения власти в СССР, противоречия между Конституцией и повседневной жизнью, ограниченность информации неизбежно сохраняли неопределенность понимания многих аспектов советского политического лидерства.

В 1960-е гг. англо-американские ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Заметный след в истории советологии оставил сборник статей «Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории», изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.⁹⁸ Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование «сравнительного коммунизма» как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англо-американской историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах «восточного блока» и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении концепций и теорий западного обществоведения в советологии.

Наряду с изучением политической системы особое внимание исследователей было привлечено к советской идеологии, пропаганде и, как производной от них, культуре. Среди первых исследователей, применивших концепцию «политической культуры» к изучению Советского Союза, был Ф. Баргхорн, для которого это направление стало базовым при подготовке книги «Политика в СССР»⁹⁹.

Однако исследование советской политической культуры вызывало серьезные разногласия в англо-американской академической среде. Ф. Флерон писал, что «политическая культура» была флогистоном советологии, т. е. классическим примером

концепции, одновременно объясняющей все и ничего. Это означало не то, что политическая культура реально не существовала, а скорее то, что она использовалась как *a deus ex machina* для объяснения иначе необъяснимых феноменов российской и советской политики. Подобное использование концепции политической культуры было фактическим признанием неспособности объяснить определенные феномены исторических процессов¹⁰⁰. А. Даллин добавлял, что в отношении Советского Союза политическая культура постоянно использовалась как остаточная категория, с помощью которой объясняли то, что по-другому объяснить не могли.

То же можно сказать и о часто используемых аналогиях из российской истории. А. Даллин справедливо отмечал, что «из книги в книгу, из статьи в статью кочевали “смертельные параллели” между Иваном Грозным и Сталиным, между безжалостной модернизацией Петра I и советским развитием, между отсутствием свободы в царской России и контролем во времена Берия. Даже рассматривая эти примеры как продолжение традиций российской политической культуры, надо признать, что такие сравнения больше дезинформировали, чем информировали, так как игнорировали различия в уровне развития и сопутствующих условиях... Постоянные напоминания о долговечности диктатуры вели к пренебрежению кропотливым микроанализом советской политики. В крайнем виде это приводило к заявлениям о том, что детальное изучение советских явлений и событий — это пустая трата времени, поскольку основные тенденции и так известны и неизменны»¹⁰¹.

Тезис о преемственности российской политической культуры со времен Московской Руси до советского периода отстаивал Э. Кинан в статье «Традиционные пути московской политики»¹⁰². Под «политической культурой» автор понимал «комплекс верований, практик и ожиданий, который — в умах русских — придавал порядок и значение политической жизни и... позволял его носителям создавать как основополагающие модели их политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось». В свете его теории генеральный секретарь и политбюро оказываются «законными наследниками» московских царей и их бояр¹⁰³.

А. Керенский, в годы эмиграции занявшийся историческими исследованиями, отмечал по этому поводу, что «русское слово “грозный” отнюдь не означает “ужасный”... Ссылками на Ивана Грозного стремятся зачастую подкрепить расхожие на Западе утверждения о том, что Россия — отсталая страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, но преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе: Филипп II в Испании, Генрих VIII и “Кровавая Мэри” в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции, герцог Альба — все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений»¹⁰⁴.

Однако далеко не все исследователи считали возможности «исторических параллелей» исчерпанными. Например, Р. Пайпс характеризовал российскую систему как «патримониальную», используя термин М. Вебера для обозначения общества, где земля и жившие на ней люди были собственностью суверена. Пайпс видел в патримониализме, более традиционно выражающемся понятием «восточный деспотизм», основу советской системы, в генезисе которой, по его мнению, марксизм играл второстепенную роль. М. Малиа писал, что Р. Пайпс «отмечает свой возврат в мир советологических дискуссий, воскрешая и совершенствуя тоталитарную модель, от которой он не отрекся в эпоху ревизионизма. Для него ключ к советизму скорее находится в русской национальной

традиции и в практически неизменной российской политической культуре, суть которой — деспотизм верхов и рабская покорность низов, традиции, по которой страна и ее жители являются собственностью правителя, а права власти смешиваются с правами собственности»¹⁰⁵.

Р. Такер в начале 1990-х гг. вновь отмечал слабое внимание исследователей к оценке влияния российского прошлого, его политических и культурных традиций на советскую систему. Он подчеркивал важность понимания цикличности российской истории, чередования периодов усиления и ослабления государственной экспансии по отношению к обществу. Советологические работы, даже анализирующие политическую культуру, оценивали влияние дореволюционных традиций в лучшем случае в рамках концепции линейного развития или теории стадий¹⁰⁶.

Ошибки в применении концепции не означали неверность самой концепции и не умаляли важности вопроса, вызывавшего серьезные споры среди советологов, — о степени взаимосвязанности между традиционной российской и советской политической культурой. Проблемы, связанные с изменениями в политической системе и политической культуре, не могут быть решены априори, а только с помощью эмпирических исследований. Объяснения, базирующиеся на национальной культуре, могут быть убедительны только в сочетании со структурными и институциональными объяснениями. Необходимо и сочетание со сравнительными исследованиями, которые могут обосновать возможность объяснения определенного явления в рамках национальной истории и культуры или в масштабах, выходящих за национальные границы. В западной советологии до второй половины 1980-х гг. в силу закрытости советского общества ощущалась нехватка систематических эмпирических данных. Лучшее, что удалось сделать в таких условиях, — массовые интервью советских эмигрантов. Первый раунд интервью был предпринят в США в рамках Гарвардского проекта (*Harvard Refugee Interview Project — HIP*) в 1950–1951 гг. Следующим шагом стал проект советских интервью (*Soviet Interview Project — SIP*), проведенных в 1983 г.¹⁰⁷

Гарвардские исследователи А. Бауэр, А. Инкелес, К. Клухон, используя социологические методы, подготовили по итогам *Harvard Refugee Interview Project* книгу «Как работает советская система». Публикация была основана на докладе «Важнейшие психологические стороны советской общественной системы», подготовленном для ВВС США, заказавших и оплативших пятилетнее исследование данной проблемы. В определенном смысле книга отразила слабые стороны спонсированного исследования, поскольку авторы были вынуждены подготовить упрощенный «популярный» вариант издания для заказчика. Однако собранные в ходе реализации проекта материалы представляют значительный интерес. Было проведено комплексное интервьюирование 329 беженцев из СССР. Кроме этого дополнительно опрошено 435 человек. В общей сложности собрано 33 тыс. страниц данных, подготовлено 50 неопубликованных и 35 опубликованных исследований. Гарвардские ученые обратили внимание прежде всего на изучение сильных и слабых сторон общественной системы СССР, поведение отдельных групп населения в советском обществе. Экономические и политические аспекты интересовали исследователей в меньшей степени¹⁰⁸.

Один из важнейших выводов Гарвардского проекта заключался в том, что «этническая самоидентификация играет в Советском Союзе значительно меньшую роль, чем классово-социальная, и в меньшей степени влияет на формирование цен-

ностей человека, его отношение к режиму»¹⁰⁹. Авторы в соответствии с теорией модернизации считали, что индустриализация и урбанизация оказывают решающее влияние на советских людей. «Тоталитарные черты советской системы», писали они, «долго не давали нам возможность увидеть, что основные характеристики советского и современного индустриального общества чрезвычайно близки»¹¹⁰.

Основной проблемой стал вопрос о соответствии «отношения» советских граждан к той или иной ситуации и их «поведения» в этой ситуации. Часть исследователей, например Р. Верба, считали, что в понятие политической культуры следует включать только «отношение». Однако большинство специалистов, и среди них такие известные ученые, как Р. Такер и С. Уайт, включали в это понятие и «отношение» и «поведение». Нам представляется правомерной последняя точка зрения, так как в ситуации, когда люди практически полностью зависимы от власти и не имеют возможности свободно выражать свою позицию, их отношение и поведение, конечно, не равнозначны. Одна из задач советской политической системы заключалась именно в том, чтобы заставить людей действовать не в соответствии со своими взглядами и оценками, а в соответствии с желанием («отношением») власти.

Лишь в 1970–1980-е гг. «поведенческое» понимание политической культуры стало доминирующим в советологии. Г. Алмонд отмечал, что единственным объяснением того, почему в изучении коммунизма ученые выводят «отношение» из «поведения», является недостаток возможностей для прямого изучения «отношения». Главным вопросом, который должен исследоваться в политической культуре, он считал взаимодействие и взаимовлияние «отношения» и «поведения»¹¹¹.

На англо-американскую советологию влияло и изменение международного климата, особенно состояние советско-американских отношений, во многом формировавшее подходы к интерпретации советской ситуации. Для 1950–1960-х гг., времени чрезвычайной враждебности двух сверхдержав, была характерна концентрация внимания на негуманных и нефункциональных сторонах советской системы. Период разрядки, сотрудничества Востока и Запада сделал советские исследования более открытыми для применения разнообразных интерпретаций и сравнения с другими странами. В советологии стал использоваться широкий спектр методологических подходов — от кремленологии до количественного анализа. Но новая ситуация породила и свои крайности. Многие концепции легко переносились из обществоведения в советологию, Советский Союз стал рассматриваться как слишком похожий на западные государства, а многие исследователи стремились больше говорить о позитивных и функциональных характеристиках советской системы.

Большинство англо-американских ученых в 1970-е гг. приветствовали применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал «концептуальной эластичностью»¹¹². Он не отрицал возможности сравнения политических систем, но подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают прежде всего их общность.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе, но и обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Бунсе и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод привнесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных недостатков тоталитарной теории, но одновременно критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима¹¹³.

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, центром и периферией, этнической политики, институтов советской системы и роли элиты в политике. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Оценивая влияние теоретических концепций на советологию, Г. Алмонд и Л. Роселле отмечали, что усиление интереса ученых к теории привело к использованию в исследованиях СССР целого ряда моделей, первоначально примененных к изучению таких регионов, как Европа, США, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия. Наряду с исторической методологией начали использоваться элементы концепций, заимствованных из политологии, социологии, социальной психологии, антропологии. Хотя ни одна из моделей не могла охватить все аспекты изучения советской реальности, каждая из них способствовала лучшему пониманию отдельных аспектов советской системы и, следовательно, давала возможность англо-американским советологам глубже понять систему в целом¹¹⁴.

Изучение советского общества в 1960–1980-е гг. становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза «советская политика» была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англо-американская советология обогатилась новыми темами исследований, применяемыми методами и сделанными выводами. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

Примечания

- 1 Петров Е. В. Американское руссиеведение. Словарь-справочник // <http://petrov5.ripod.com/welcome.htm>.
- 2 Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985. С. 44.
- 3 Петров Е. В. «Русская тема» на Западе. Словарь-справочник по американскому руссиеведению. СПб., 1997. [Электронный ресурс:] http://chss.irex.ru/db/zarub/view_bib.asp?id=682.
- 4 Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993. P. 1.

- 5 Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge; New York, 1997. P. 1–2.
- 6 Там же.
- 7 Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: В 2 т. Смоленск, 2000. Т. 1. С. 14–15.
- 8 Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985.
- 9 Fitzpatrick S. Constructing Stalinism: Reflection on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era // The Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 82.
- 10 Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 86.
- 11 Рабинович А. Меня считали буржуазным фальсификатором // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 4. С. 29.
- 12 Цит. по: Петров Е. В. Американское россиеведение. Словарь-справочник // <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>.
- 13 Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985. P. 198.
- 14 Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978. P. 246–247.
- 15 Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979; Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1937 // Slavic Review. 1979. Vol. 38. Is. 3. P. 377–402; Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.
- 16 Fitzpatrick S. Education and Social Mobility... P. 4.
- 17 Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973; Lewin M. Lenin's Last Struggle. New York, 1968; Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers. Princeton, 1974.
- 18 Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, 1955. P. 145, 160, 175.
- 19 Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960. P. 403; Meyer A. Leninism. Cambridge, 1957. P. 282; Reshetar J. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964. P. 217–219; Treadgold D. Twentieth Century Russia. Chicago, 1972. P. 276.
- 20 Arendt H. Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // Revolutionary Russia. Cambridge, 1968. P. 345.
- 21 Tucker R. Revolution from Above // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 77.
- 22 Slusser R. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // American Historical Review. 1972. December. P. 1393.
- 23 Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978. P. 242, 302.
- 24 Fainsod M. How Russia is Ruled / Rev. ed. Cambridge, 1963. P. 59.
- 25 Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963. P. 48.
- 26 Carr E. Studies in Revolution. New York, 1964. P. 214.
- 27 Deutscher I. Ironies of History. London, 1966. P. 216–218.
- 28 Cohen S. Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 12–13.
- 29 Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / Rev. ed. New York, 1971. P. 55–56.
- 30 Tucker R. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990. P. 14.
- 31 Ibid. P. 23.
- 32 Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994. P. 143.
- 33 Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. New York, 1991. P. 323.
- 34 Lewin M. The Social Background of Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 130–131.
- 35 Lewin M. Stalinism — Appraised and Reappraise // History. 1975. Vol. 60. P. 73.
- 36 Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985. P. 9.
- 37 Thompson J. A Vision Unfulfilled: Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century. Lexington, 1996. P. 319.
- 38 Цит. по: Nove A. Stalin and Stalinism — Some Afterthoughts // Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 204.
- 39 Цит. по: Nove A. Was Stalin Really Necessary? // Stalin and Stalinism. New York, 1992. P. 309–312.
- 40 Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. New York, 1974.

- 41 *Laue von T.* Stalin Among Moral and Political Imperatives, or How to Judge Stalin? // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 1 – 3.
- 42 *Малия М.* Советская история // Отечественная история. 1999. № 3. С. 134.
- 43 *Cohen S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 34.
- 44 *Laue von T.* Stalin Among Moral and Political Imperatives... P. 12.
- 45 *Meyer A.* On Greatness // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 254–255.
- 46 *Barghoorn F.* 'Understanding' Stalin – or Critically Judging Him? // Soviet Union. 1981. Vol. 8. Pt. 1. P. 265.
- 47 *Laue von T.* Stalin in Focus // Slavic Review. 1983. Vol. 42. Is. 3. P. 373–389.
- 48 *Kissinger H.* White House Years. Boston; New York, 1979. P. 112.
- 49 *Laqueur W.* Stalin: The Glasnost Revelations. New York, 1990. P. 234.
- 50 *Rigby T. H.* Stalinism and the Mono-organizational Society // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 65; *Cohen S.* Bolshevism and Stalinism // Ibid. P. 27; *Erlich A.* Stalinism and Marxian Growth Models // Ibid. P. 153.
- 51 *Carr E.* The October Revolution: Before and After. New York, 1969. P. 91.
- 52 *Noze A.* Stalinism and After. London, 1975. P. 60.
- 53 *Moore B.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954; *Inkeles A.* Models and Issues in the Analysis of Soviet Society // Survey. 1966. July. P. 3–17; *Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power, USA/USSR. New York, 1965.
- 54 *Lowenthal R.* Developments vs. Utopia in Communist Policy // Change in Communist Policy. Stanford, 1970. P. 108–116.
- 55 *Dallin A., Breslauer G.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 5.
- 56 *Schapiro L.* Totalitarianism. New York, 1972. P. 111.
- 57 *Dallin A., Breslauer G.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970. P. 8.
- 58 *Петров Е. В.* Американское руссиеведение. Словарь-справочник // <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>.
- 59 The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960.
- 60 The Transformation of Russian Society... P. 223–225, 669; *Gerschernkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 28–29; *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960. P. 66.
- 61 *Organski A.* Stages of Political Development. New York, 1975. P. 94.
- 62 *Noze A.* Economic Rationality and Soviet Politics: Or, Was Stalin Really Necessary? New York, 1964.
- 63 *Noze A.* Stalinism and After. P. 29.
- 64 *Erlich A.* The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. Cambridge, 1960. P. 164–187.
- 65 *Gill G.* Stalinism. N. J., 1990. P. 26.
- 66 *Lewin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; *Tucker R.* The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / Rev. ed. New York, 1971.
- 67 *Gill G.* Stalinism. N. J., 1990. P. 59, 62–63, 69.
- 68 Ibid. P. 57–58.
- 69 *Linden R.* Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1965. Baltimore, 1966; *Kelley D.* Toward a Model of Soviet Decision-Making // American Political Science Review. 1974. Vol. 68 (December).
- 70 *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. VII.
- 71 *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics // World Politics. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435.
- 72 *Barghoorn F.* Politics in the USSR. Boston, 1966.
- 73 *Hazard J.* The Soviet System of Government. Chicago, 1957; *Armstrong J.* Ideology, Politics and Government in the Soviet Union. New York, 1962; *Ulam A.* The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963.
- 74 *Easton D.* The Political System. Chicago, 1953; *Lasswell H.* The Decision Process. Bureau of Governmental Research, 1956; *Almond G.* Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. Is. 3. P. 391–409.
- 75 *Lane D.* Politics and Society in the USSR. New York, 1978. P. XIII.
- 76 Ibid.
- 77 *Meyer A.* The Soviet Political System; An Interpretation. New York, 1965. P. 468.
- 78 *Kassof A.* The Administered Society: Totalitarianism Without Terror // World Politics. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 558–575.
- 79 *Rigby T.* Traditional, Market, and Organization Societies // World Politics. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 539–557.

- 80 *Armstrong J.* Sources of Administrative Behavior: Some Soviet and Western European Comparisons // American Political Science Review. 1965. Vol. 59. Is. 3. P. 643–655.
- 81 *Barghoorn F.* Politics in the USSR. Boston, 1966. P. 202.
- 82 *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics // World Politics. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435–451.
- 83 *Skilling H.* Interest Groups in Soviet Politics. Princeton, 1971.
- 84 *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics Revised // World Politics. 1983. Vol. 36. Is. 1. P. 5.
- 85 *Bunce V., Echols J.* From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // Soviet Studies. 1979. Vol. 30. Is. 1.
- 86 *Himmelfarb G.* A Letter to Robert Conquest // Academic Questions. 1991. Vol. 4. Is. 4. P. 44.
- 87 *Conquest R.* Power and Policy in the U. S. S. R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961.
- 88 *Хоскинг Дж.* Я — русский националист // Известия. 2001. 1 августа.
- 89 *Willerton J.* Clientilism in the Soviet Union: An Initial Examination // Studies in Comparative Communism. 1979. Vol. 12. Is. 1. P. 159–183.
- 90 The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe. New York, 1971.
- 91 *Conquest R.* Power and Policy in the U. S. S. R. *Ploss S.* Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965; *Rigby T.* Communist Party Membership in the USSR, 1917–1968. Princeton, 1968.
- 92 *Hough J.* The Soviet Prefects. Cambridge, 1969.
- 93 *Bunce V.* Union of Soviet Socialist Republics // Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s. Westport, 1992. P. 173.
- 94 Цит. по: *Kotkin S.* Kremlinologist as Hero // New Republic Online. <http://www.thenewrepublic.com/110600/kotkin110600.html> (2000, 11 June).
- 95 *Deutscher I.* The Man and His Work. New York, 1983. P. 148.
- 96 *Conquest R.* Power and Policy in the U. S. S. R. P. 3, 8, 9.
- 97 *Cohen S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 29–30.
- 98 Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory. Chicago, 1969.
- 99 *Barghoorn F.* Politics in the USSR: A Country Study. Boston, 1966.
- 100 *Fleron F.* Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations // Europe–Asia Studies. 1996. Vol. 48. Is. 2. P. 225–260.
- 101 *Dallin A.* Bias and Blunders in American Studies on the USSR // Slavic Review. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 571.
- 102 *Keenan E. L.* Muscovite Political Folkways // The Russian Review. Vol. 45. 1986. P. 115–181.
- 103 Цит. по: *Крам М. М.* Историческая антропология // http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/rosobie.htm.
- 104 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 34.
- 105 Цит. по: *Петров Е. В.* Американское россиеведение. Словарь-справочник // <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>
- 106 *Tucker R. C.* Sovietology and Russian History // Post-Soviet Affairs. 1992. Vol. 8. Is. 3. P. 161.
- 107 Обобщение результатов НИР дано в работе: *Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, 1956; SIP: Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens. Cambridge, 1987.
- 108 *Bell D.* Ten Theories in Search of Reality // World Politics. 1958. April. P. 348.
- 109 *Inkeles A., Bauer R., Raymond A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959. P. 351.
- 110 Ibid. P. 383 – 384.
- 111 *Almond G.* Review of White // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. Is. 2. P. 307.
- 112 *Sartori G.* Concept Misinformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. Is. 4. P. 1033 – 1053.
- 113 *Bunce V., Echols J.* From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // Soviet Studies. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44 – 46.
- 114 *Almond G., Roselle L.* Model Fitting in Communism Studies // The Nature of the Soviet System, 1992. P. 467.

*Н. А. Лаас
Киев*

История крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской «оттепели»: экскурс в англоязычную историографию

Цель данной статьи — дать общую характеристику изучения истории крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской «оттепели» в англоязычной историографии, определить основные темы и концепции, преобладающие в работах западных ученых, а также проанализировать современные тенденции исследований и их последующие перспективы.

Источниками для данного исследования стали работы, которые вышли после 1945 г. на английском языке и были выполнены американскими, британскими или канадскими учеными, изучавшими и изучающими проблемы истории крымских татар послевоенного периода¹.

С начала 1990-х гг., когда появилась реальная возможность работы с новыми архивными материалами, проблема депортации крымского народа 1944 г. и последующего национального движения крымских татар вызвала к себе неподдельный интерес со стороны украинских историков, выразившийся появлением целого ряда научных исследований. Как результат, современная украинская историография имеет в своем распоряжении большое количество публикаций, посвященных этой теме. Среди них — оригинальные авторские исследования², материалы различных конференций³, сборники документов⁴. Авторы четко позиционируют историю крымских татар как актуальную проблему современной украинской исторической науки, но, в тоже время, почти не прибегают к изучению этой темы в зарубежной историографии. Нами не выявлено ни одной специальной работы, в которой бы рассматривалась проблема послевоенной истории крымских татар с включением материалов англоязычных работ. Только в отдельных исследованиях скупо упоминается о деятельности крымскотатарской диаспоры в США, в частности, о её роли и влиянии на становление крымскотатарской проблематики в англоязычных исследованиях⁵.

В русской же историографии заметны отдельные попытки очертить общие тенденции зарубежной историографии проблемы, прежде всего в работах Михаила Губогло и Светланы Червонной. В отредактированной ими монографии авторы вводят специальный раздел — «Крымскотатарское национальное движение. Информационная база и историография», в котором, кроме прочего, рассматривают проблему истории крымских татар в западной историографии⁶. Особое внимание они уделяют влиянию русских историков, работы которых получили широкую огласку за рубежом. Заключение исследователей достаточно глубоки и аргументированы, однако, в связи с тем, что работа М. Губогло и С. Червонной написана в 1992 г., в ней не могла быть представлена современная историография проблемы, которая, надо подчеркнуть, сделала серьезный шаг вперед в изучении вопросов крымскотатарской истории.

Предварительный обзор англоязычных публикаций о крымских татарах был сделан Нермином Ереном⁷. По его мнению, история крымских татар мало из-

вестна на Западе прежде всего в связи с отсутствием репрезентативных источников в зарубежных библиотеках. Однако, что примечательно, главным событием в истории крымских татар, инициировавшим интерес к этой национальности западных исследователей, явилось насильственное перемещение крымских татар в 1944 г. Подобную мысль высказывали в своей работе М. Губогло и С. Червонная⁸. В большей мере Н. Ерен обращает внимание на работы, которые касаются истории крымских татар до начала Второй мировой войны. Среди исследователей этого периода он называет Алана Фишера, Эдварда Оллворта, Эдварда Джеймса Лазерини, Хакана Кирилми, Алана Кагедана, Кемала Карпата, Марка Пинсона. Что же касается периода, который интересует нас, то здесь Н. Ерен упоминает только общие работы Алана Фишера и Эдварда Оллворта, а также перевод с русского языка работы Александра Некрича. Очерк Н. Ерена обзорный, самым автором обозначенный как библиографическое эссе. Ему явно не хватает аналитических выводов и обобщений. Другие историографические обзоры англоязычной историографии проблемы послевоенной истории крымских татар нам не известны.

Есть несколько выборочных библиографий работ, которыми мы воспользовались при написании нашей работы. Одна из них — аннотированная библиография в работе современного историка Отто Пола «Этнические чистки в СССР, 1937–1949»⁹. Другие — списки работ, изложенные Мубейином Алтаном-Бату¹⁰ и Гирей Сайнур Алту¹¹.

В украинской историографии проблемы истории крымских татар традиционно считаются частью украинского прошлого. Украинские историки, формально не имея на то оснований ни территориального, ни национального характера, включают историю Крыма послевоенного периода (после Второй мировой войны) в историю Украины. В качестве аргументов, доказывающих правомерность подобного исторического объединения, они приводят факты относительно многовекового общего прошлого и последующего включения Крыма в состав Украинской ССР как её автономной части. Существование национальной крымскотатарской истории и отдельное её изучение за рамками украинского прошлого практически не обсуждается в современной украинской историографии.

Однако в других историографиях, в данном случае англоязычной, тезис о крымскотатарской истории как органической части украинского прошлого не так однозначен. Например, Дэвид Марплз, исследуя сталинизм в Украине в 1940-е гг., в отдельном разделе «Коллаборационизм в Украине в военное время» детально рассматривал проблему сотрудничества украинцев с нацистскими оккупантами, однако, ни словом не упомянул о крымских татарах, которые по тем же обвинениям были выселены из Крыма¹². Причина молчания автора, как мы можем предположить, заключается в том, что он не отождествлял этот вопрос с украинской историей, по крайней мере, применительно к периоду 1940-х гг. Заметна и обратная взаимосвязь. Представители англоязычной историографии, занимающиеся исследованием послевоенной истории крымских татар, никак не связывают её с историей украинцев. Как составная часть украинской проблематики история крымских татар воспринимается западными исследователями лишь при изучении исторического периода, начинающегося с момента возникновения независимого украинского государства с автономной областью Крым в своем составе.

В 1950–1960-х гг. послевоенная история крымских татар не стала предметом отдельного исследования в англоязычной историографии. Внимание историков в то время, как справедливо отмечают М. Губогло и С. Червонная, было сосредоточено на более ранних периодах крымскотатарской истории, положении исламских народов в Советском Союзе в целом и взаимоотношениях последнего с другими мусульманскими странами, а также на концепциях пантюркизма и панславизма. Этим проблемам были посвящены работы Сержа Зенковски, Джона Армстронга, Александра Беннигсена, Шанталь Лемерсье-Келькеже, Ивара Спектора и других ученых. Например, работа последнего из авторов достаточно типична для исследований того периода. И. Спектор концентрирует свое внимание на взаимоотношениях СССР с мусульманскими странами в 1917–1958 гг., время от времени обращаясь за примерами к внутренней политике высшего советского руководства по отношению к собственным исламским народам. Вскользь автор упоминает и о депортации крымских татар 1944 г. как об одном из первых шагов советской власти по предотвращению «мусульманской угрозы»¹³. Из этого следует, что зарубежным историкам отмеченного периода было известно, хотя бы в общих чертах, о событиях сталинской депортации народов, однако, данная проблема пока не находила надлежащего отклика в текстах их работ.

В 1970-х гг. ситуация достаточно кардинально меняется. Крымскотатарское национальное движение, первые попытки организации которого ощутимы уже после нескольких лет проживания народа в Средней Азии, во второй половине 1960-х находилось на пике своей активности. В это время выступления и требования лидеров движения становятся широко известными западной общественности. Как отмечают М. Губогло и С. Червонная, «в 1970-е гг. мощный поток информации о размахе крымскотатарского движения в СССР устремился на Запад, и проблемы развития этого движения стали предметом серьезных научных интерпретаций в разных национальных исторических школах»¹⁴. Следует только добавить, что интерес исследователей пробудили не только проблемы развития движения, а также его непосредственные причины, предпосылки, исторические корни трений татар и славян в Крыму.

М. Губогло и С. Червонная в становлении зарубежной историографии крымскотатарского вопроса особую роль отводят русской исторической мысли, в частности работам авторов, которые получили возможность опубликовать свои материалы за рубежом. Публикации русских историков на Западе выполняли следующие функции. Во-первых, их работы заполняли информационные лакуны в западном источниковедении. Достаточно часто за рубежом авторы получали возможность беспрепятственной публикации собранных и накопленных в СССР материалов и источников, а также их дальнейшей систематизации и классификации в различных сборниках материалов самиздата и других документов (примером может служить самиздатовский московский журнал «Хроника текущих событий», переизданный 1979 г. в Амстердаме Фондом имени Герцена; «Хроника защиты прав в СССР», которая издавалась в Нью-Йорке с 1973 г.; русское эмиграционное издание «Посев») ¹⁵. Во-вторых, издания русских авторов прямо влияли на оценку движения крымских татар, придавая ему окрас крайнего благородства, жертвенности и драматизма. К работам, в полной мере достигшим такой цели, М. Губогло и С. Червонная относят очерк Льва Копелева «Мустафа Джемилев» в «Хронике защиты прав в СССР» (1976) и эссе Лидии Чуковской «Лицо бесчеловечья» в том же издании (1976) ¹⁶.

Среди русских историков, выходцев из Советского Союза, особой популярностью в зарубежном историческом крымоведении пользовался Александр Некрич. А. Некрич служил в советской армии во время Второй мировой войны и был в Крыму в 1944 г., где ему пришлось стать одним из свидетелей депортации крымских татар. В 1976 г. А. Некрич покинул СССР. С выездом за границу он сразу же взялся за подготовку к публикации своих исследований по проблеме переселения, преследования и уничтожения сталинским режимом отдельных народов Союза в последние годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы. В 1978 г. в Нью-Йорке вышла его работа «Наказанные народы». Практически сразу монография была переведена на английский язык и стала классической, отсылки на которую считались обязательными для последующих исследователей крымскотатарской проблематики вплоть до 1980-х гг.¹⁷

Следует отметить, что документальные и критические публикации по проблеме крымских татар встречаются не только в русскоязычных, но также и в украинскоязычных зарубежных изданиях того времени. С 1954 г., когда Крымский полуостров стал административной частью Украинской ССР, научные и общественные деятели из украинской диаспоры актуализируют крымскую проблематику в своих выступлениях и публикациях, прежде всего, в контексте высказываний о моральной ответственности украинского народа за решение высших властей о депортации населения из Крыма. В украинских периодических изданиях довольно часто публиковались документы, имевшие отношение к крымскотатарскому национальному движению и крымской проблеме в целом, а также выступления лидеров этого движения¹⁸. Более того, в 1970-е гг. в Украине появился ряд исторических и политологических исследований, посвященных современным проблемам крымских татар, особенностям и перспективам их национального движения. Прежде всего, это монографии Бориса Левицкого, статьи Петра Потичного и Ивана Майстренка¹⁹. Оскар Галецки, рецензент работы П. Потичного, отмечал, что рецензируемый автор представил крымских татар первой национальностью, чьи лидеры смогли получить повсеместную поддержку своих сограждан для отстаивания национальных требований перед высшим московским руководством. Кроме того, П. Потичный обратил внимание и на непосредственные причины возникновения движения, в частности — на переселение татар из Крыма и расселение их среди других народов²⁰.

Для развития зарубежной историографии крымскотатарской проблемы важное значение имело основание в 1976 г. в Нью-Йорке Фонда «Крым», представители которого одной из своих первостепенных задач провозгласили как можно более информативно раскрывать деятельность крымскотатарского национального движения. В связи с этим планировались активная издательская деятельность и поддержка научных разработок данного вопроса. В 1986 г. в Бостоне Фонд начал издавать на английском языке журнал «The Crimean Review», редактором которого стал известный крымскотатарский деятель Мубейин Алтан-Бату. Основной целью издания была публикация материалов, которые имели отношение к истории крымскотатарского движения в СССР²¹. М. Губогло и С. Червонная основанию Фонда придают очень большое значение. По их мнению, он аккумулировал в себе все важнейшие исследования крымскотатарской проблематики. Если раньше исследовательские центры по изучению крымскотатарского движения располагались в различных советологических институтах, то

теперь организационную роль взял на себя основанный Фонд²². Таким образом, Фонд «Крым» стал центром не только научных исследований движения, но и своеобразным архивом, сосредотачивавшим в своих фондах источники и дополнительные материалы, что, конечно же, существенно укрепляло источниковедческую базу зарубежных исследований проблемы. Однако только с основанием англоязычного журнала Фонд мог претендовать на лидерство в зарубежной историографии. Случилось же это в середине 1980-х гг. Поэтому выводы М. Губогло и С. Червонной об утрате значения отдельных советологических научных центров в изучении крымскотатарской проблематики кажутся нам несколько поспешными. Они и дальше продолжали играть заметную роль в англоязычном крымоведении, особенно те из них, которые занимались изучением ислама, а также Средней Азии.

Одной из первых непосредственно проблему послевоенной истории крымских татар затронула Анна Шихи в своих работах о крымских татарах, поволжских немцах и месхетинцах, опубликованных в начале 1970-х гг. Отдельные замечания относительно истории этой национальности в составе СССР и освободительном движении её представителей в своих статьях сделали Едиж Кири-мал и Дэвид Ковалевски.

Особого внимания заслуживает сборник «Россия без цензуры», который увидел свет в Лондоне в 1972 г.²³ Книга представляет собой перевод и комментарии первых одиннадцати номеров уже упомянутого нами журнала «Хроника текущих событий». С появлением этой публикации англоязычные исследователи получили возможность ознакомиться с достаточно ценным источником по истории диссидентского движения в Советском Союзе. В контексте же нашей темы весьма примечательно, что составители отдельным параграфом выделили крымскотатарское национальное движение. В этом параграфе можно найти места из «Хроники...», описывающие демонстрации крымских татар, случаи самовольного возвращения отдельных татар на родину, суд над лидерами национального движения и прочее. В кратком комментарии к переводу указано, что проблема татарского переселения и татарского движения достаточно хорошо известна на Западе главным образом посредством статей самиздата, однако, по мнению редактора, наиболее полно эту тему раскрыл Роберт Конквест в своей книге «Убийцы нации» (1970). Кроме того, в сборнике практику Советского Союза в отношении крымских татар однозначно квалифицировали как «расистскую политику»²⁴.

В конце 1970-х гг. Алан Фишер был одним из первых в англоязычной историографии, кто подал общую историю крымских татар. Специалист по истории Крымского ханства, в 1978 г. он написал работу «Крымские татары», в которой впервые на английском языке изложил краткую историю этого народа от его начал до конца 1960-х гг. Конечно, рецензенты указывали на обзорность работы, однако, для обычного западного исследователя это было первое знакомство со всей историей крымских татар в одной книге. Весьма примечательно, что, несмотря на цель А. Фишера дать обзор всей истории крымских татар, читатели опять же в первую очередь обращали внимание на депортацию и национальное движение — центральные проблемы зарубежных исследований крымскотатарской истории. Джеймс Мейс, рецензируя книгу А. Фишера, сразу начал с рассмотрения событий 1944 г. Среди причин, подвигнувших Сталина на приказ о переселении, Дж. Мейс наименее основательными считает официально про-

пагандируемую версию о сотрудничестве крымских татар с нацистами. Скорее уж высшее руководство хотело переселить подальше мусульманские народы от советско-турецкой границы. Выводы Дж. Мейса имели под собой достаточно оснований, и в современной англоязычной историографии этот геополитический фактор признан одной из главных причин переселения. Обращает на себя внимание тот факт, что Дж. Мейс трактует передачу Крыма Украинской ССР в 1954 г. как невольное возложение на украинцев части ответственности за изгнание крымскотатарской нации с её родины²⁵.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. работы по исследованию ислама и исламских народов в составе СССР продолжали публиковать Александр Беннигсен, Шанталь Лемерсье-Келькеже, Алан Фишер, Эдвард Лазерини. Иногда данные авторы в контексте более широких тем поднимали и крымскотатарскую проблематику. К примеру, два последних из упомянутых историков написали очерки о крымских татарах в сборниках работ, посвященных этническим границам и национальным языкам в СССР.

В 1988 г. был опубликован сборник работ под редакцией Эдварда Оллвурта «Татары Крыма. Их борьба за выживание»²⁶. В нем собраны статьи, написанные как учеными, специалистами с крымскотатарской истории, так и татарскими интеллектуалами и диссидентами. Среди авторов были Эдвард Оллвурт, Алан Фишер, Эдвард Лазерини, Питер Риддвей, а также Айше Сейтмуратова, Людмила Алексеева, Мубейин Алтан-Бату, Сеит Амет Кырымча, Риза Гюлюн и др. Редактор сборника – Эдвард Оллвурт – профессор Колумбийского университета, специалист по истории Средней Азии, в частности Узбекистана, куда после 1944 г. были депортированы крымские татары. В сборнике главным образом представлены исследования о крымскотатарском национальном движении, в частности статьи об Исмаиле Гаспринском, Мустафе Джемилеве и других национальных лидерах. К тому же впервые на английский язык переведен ряд оригинальных документов официального и неофициального характера, которые относятся к крымской истории, что сделало это издание ценным источником для дальнейших исследований.

Подводя итоги изучения послевоенной истории крымских татар в англоязычной историографии на протяжении 1950–1980-х гг., нужно подчеркнуть, что в это время интерес к данной проблематике поддерживался в первую очередь политическими факторами: идеологическим противостоянием СССР и Запада времен «холодной войны», постоянным вниманием, которое уделялось разнообразным диссидентским движениям в Советском Союзе, в т. ч. и крымскотатарскому, а также активностью отдельных представителей крымскотатарской диаспоры в Северной Америке и эмигрантов из СССР. Соответственно авторами большей части англоязычных работ по истории крымских татар были или выходцы из диаспорной, диссидентской среды, или специалисты-советологи, которые занимались исследованием ислама, истории Средней Азии, оппозиционными движениями в СССР, историей Российской империи XVIII–XIX веков. В любом случае при таких условиях крымскотатарская проблема была частью более широкой проблематики, чаще всего истории террора в Советском Союзе и различных оппозиционных движений. Значение же работ, написанных в течении этого периода, в том резонансе, который они создали опять же в политической и общественной сфере, формируя отношение власти и общественности Запада к Советскому Союзу. С научной точки зрения публикации 1950–1980-х гг. часто

грешат ошибками и неточностями, главным образом в связи с той достаточно специфической источниковедческой базой, которой приходилось пользоваться авторам работ. Среди наиболее доступных источников того времени по истории крымских татар можно выделить мемуарную литературу, самиздатовские документы, различного характера тексты лидеров национального движения, официальные советские источники, советскую прессу. Таким образом, наибольшее внимание исследователи уделяли теме крымскотатарского диссидентского движения, более полно обеспеченной материалами, а депортацию крымских татар, факт которой на Западе был известен, интерпретировали скорее как непосредственную причину возникновения этого движения.

С распадом Советского Союза и образованием новых независимых государств англоязычная историография национальных проблем СССР, которая пребывала до этого в рамках советологии, столкнулась с острой необходимостью переосмысления методологических и концептуальных основ своих научных исследований. Особенно актуально данный вопрос стал для изучения тех национальностей, которые в итоге так и не получили независимость, соответственно продолжали играть роль дестабилизирующего фактора в новых державах. Крымские татары не стали здесь исключением, скорее наоборот, интерес к крымскотатарским исследованиям на Западе разгорелся с новой силой, сравнимой разве что с периодом второй половины 1970-х гг. В то время он подкреплялся, как мы уже упоминали выше, значительной мерой политическими и идеологическими факторами, среди которых особое место занимало противостояние СССР и США, поддержка последними диссидентских движений в Союзе, в том числе и чрезвычайно активного крымскотатарского национального движения. На современном же этапе интерес к этой национальности связан со стратегическими причинами, среди которых — значительное влияние крымскотатарского фактора на политическую стабильность в Украине, и использование Крыма как плацдарма российской экспансии. Большую роль играет также актуальность нациологии, конфликтологии, этносоциологии и культурологии в современных исторических исследованиях, общий интерес западной историографии к проблемам развития и особенностям функционирования Российской империи и Советского Союза как многонациональных политических образований.

Первые исследования, в которых с новых позиций рассматривалась крымскотатарская проблематика, появились на Западе в начале 1990-х гг. Основной их особенностью было то, что большая их часть, хотя и написана учеными, историками, политологами или социологами, создавалась под заказ определенных заинтересованных корпораций, исследовательских институтов, общественных организаций, которые хотели разобраться в современном состоянии крымскотатарской проблемы. Соответственно, авторов таких работ в первую очередь интересовали последние события современного положения крымских татар в независимой Украине. Однако для того, чтобы объяснить читателю-неспециалисту суть крымскотатарской проблемы, авторы часто были обязаны возвращаться к причинам её возникновения, каковыми считалась политика Сталина и его преемников по отношению к крымским татарам. Таким образом, история крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской «оттепели» присутствует в такого типа работах скорее не как самостоятельная исследовательская тема, а как предыстория проблемы на её современном этапе.

К примеру, исследованию Крыма, особенностям политической и правовой позиции его население, в том числе и крымских татар, посвящены работы английского политолога, специалиста по новейшей истории Украины, Эндрю Вилсона, изданные им в 1990-х гг.

На комплексном изучении развития Крыма фокусирует свои усилия Программа науки и международной безопасности Американской ассоциации развития науки. Осенью 1994 г. данная ассоциация организовала международную конференцию в Киеве «События в Крыму: Проблемы для Украины и последствия для безопасности региона», основной задачей которой было проанализировать современную ситуацию на полуострове. Среди участников конференции были известные специалисты: Александр Мотыль, Эндрю Вилсон, Роман Солчаньк, Шерман Гарнетт и др. Выступления на конференции впоследствии были дополнены и изданы отдельным сборником²⁷. В целом, темы докладов на конференции касались современного периода, особенно украинских парламентских и президентских выборов 1994 г. и их результатов в Крыму, геополитического положения Крыма между Украиной и Россией, национальных интересов США в Крыму и прочее. Определенное отношение к интересующему нас периоду крымскотатарской истории имеет только статья лидера крымского национального движения Мустафы Джемилева, в которой он рассматривает историю национального движения своего народа. Работа имеет большую ценность как мемуарный источник, нежели как научный труд, поскольку автор, используя минимум литературы, отображает взгляд непосредственного участника тех событий. Однако некоторые замечания М. Джемилева относительно особенностей и периодизации национального движения впоследствии встречаем уже в научных работах западных исследователей как утвердившиеся концепции. Например, начало послевоенного татарского освободительного движения, по мнению, М. Джемилева, следует относить к 18 мая 1944 г., дню депортации, поскольку уже в тот день были случаи сопротивления властям и наказания сопротивляющихся, а также написаны первые обращения к властям. Организованное движение не могло возникнуть в первое десятилетие после депортации, поскольку в то время татары были обеспокоены элементарным выживанием. Такая возможность, хотя и в урезанной форме, появилась после XX съезда КПСС. В последующие годы М. Джемилев выделяет две главные фазы развития движения. Первая, с середины 1950-х до середины 1960-х гг., когда движение обрело свое организационное оформление, однако, его лидеры еще верно стояли на принципах марксизма-ленинизма, чистосердечно веря в коммунистическую идеологию. Безрезультатность первых требований привела к радикализации движения в середине 1960-х гг., появлению лидеров, которые, прежде всего, представляли национальные интересы крымских татар²⁸.

Несколько иную точку зрения относительно начала движения представляет редактор журнала «The Crimean Review» Мубейин Алтан-Бату, который в специальном номере этого журнала в 1995 г. опубликовал статью, посвященную истории крымскотатарского национального движения. По мнению исследователя, его истоки следует искать уже в XVIII в., когда Крым был присоединен к России. Борьба крымских татар против большевиков также составляет важную часть истории движения. Началом современного этапа крымскотатарских национальных выступлений М. Алтан-Бату считает 1956 г., т. е. начало процесса

десталинизации. В целом же, исследователь выделяет четыре периода развития движения: начальный (1956–1964), период наибольшей активности (1964–1969), период кризиса (1969–1987) и период обновления (с 1987). Характеристики особенностей двух первых в общем повторяют утверждения, высказанные М. Джемилевым²⁹.

В это же время Проект изучения принудительной миграции в рамках института «Открытое общество» издал рапорт о крымских татарах, подготовленный Джастиниом Бьорком³⁰. Как и в предыдущих работах, основное внимание автор уделил состоянию проблемы в независимой Украине: нуждам крымских татар, их взаимоотношениям с россиянами и украинцами, внешним влияниям на Крым и угрозам стабильности его политического положения. Однако первый раздел работы — «Депортация крымских татар» — напрямую касается нашей проблемы. Раздел как бы призван ознакомить читателя с общим кругом тех событий, которые, по мнению автора, и являются причиной теперешнего неудовлетворительного положения крымских татар. Широко используя результаты устных опросов, проведенных во время поездки в Крым, Дж. Бьорк воссоздает картину депортации и последующей борьбы татар за возвращение на родину. Автор не высказывает оригинальных концепций в этом вопросе, что, впрочем, и не являлось его целью. Проблема депортации крымских татар и национального движения возникает скорее как логическое вступление к проблеме современного состояния крымскотатарского народа.

Завершая сюжет о публикациях первой половины 1990-х гг., на уровне гипотезы выскажем предположение, что спроектированный «заказными» исследованиями канон подачи материала о современном состоянии крымскотатарской проблематики, который обязательно должен был сопровождаться хотя бы формальным упоминанием о событиях депортации и национального движения, наложил свой отпечаток и на последующие, чисто научные исследования этой проблемы, стал для них образцом для подражания³¹.

В работах представителей англоязычной историографии, вышедших за последние годы, проблема послевоенной истории крымских татар приобретает самостоятельное звучание. Четко формулируется предмет исследования, сформирована основная источниковедческая база, концептуальные и методологические составные исследования, разработана периодизация национального движения. В тоже время зарубежные исследования грешат некоторой «вторичностью», поскольку за основу берут уже обработанные и опубликованные русскими и украинскими исследователями архивные источники, а также написанную ими критическую литературу. На оригинальность, однако, претендуют те исследования, которые строятся на устных источниках: анкетах, опросах, беседах, воспоминаниях крымских татар. Соответственно, в тематике современных исследований акцент переносится с фактической реконструкции процесса депортации и последующего национального движения на символическое значение этих событий для конструирования национальной идентичности, на роль коллективной памяти, коммеморационных практик, национального нарратива в процессе нациестроительства крымских татар.

Кроме отдельных публикаций конца 1990-х гг. опытных исламоведов Эдварда Лаззерини, Эдварда Оллурта, Алана Фишера³², на современном этапе крымскотатарской историей занимаются молодые ученые — Брайан Уильямс, Грета

Уэлинг, Отто Пол, для которых данная тема является уже их непосредственной специализацией³³. Формирование когорты западных ученых-крымоведов предполагает окончательное утверждение этой проблематики на высоком профессиональном уровне в англоязычной историографии.

На современном этапе первыми работами, в которых актуализировался вопрос депортации крымских татар 1944 г., стали монографии Отто Пола «Сталинская карательная система: Статистическая история советских репрессий и террора, 1930–1953» (1997) и «Этнические чистки в СССР. 1937–1949» (1999)³⁴. В последующих своих статьях, специально посвященных депортации крымских татар и их борьбе за реабилитацию, автор четко высказывает свою позицию по этому вопросу³⁵. Память о депортации наряду с романтизацией жизни в Крыму и героизацией роли татар в борьбе против нацистов лежит в основе крымскотатарского национального нарратива. День начала переселения, 18 мая 1944 г., вошел в коммеморационную практику крымских татар, а ужасы депортации стали центральным мотивом музыки, литературы, изобразительного искусства. Кроме символического значения этих событий, автор обращается также к описанию их реального исполнения, делая упор на жестокости методов, которые применялись представителями властей для осуществления приказа. Автор, традиционно для англоязычной историографии, излагая сталинскую версию причины переселения — сотрудничество татар с нацистами, в целом соглашается, что небольшая часть татар действительно были коллаборационистами, однако, он категорически против наказания за это преступление в форме выселения всего народа.

Размышления О. Пола относительно крымскотатарского национального движения свидетельствуют о том, что в этом вопросе современная англоязычная историография пока не демонстрирует ревизионистских рвений, направленных на переосмысление выводов 1970-х гг. В одной из статей О. Пола встречаем уже знакомое выделение в этом национальном движении двух основных этапов, первый из которых занимает отрезок времени с середины 1950-х до середины 1960-х, второй — с середины 1960-х до 1970-х гг. Отличия между этапами исследователь выявляет на основе типологии лидеров (на первом — компартийные работники, на втором — национальная интеллигенция), форм борьбы (подписи, коллективные обращения — массовые демонстрация, активный протест), основных требований крымских татар (исправление ошибки Сталинской политики — полная реабилитация и право возвращения на родину).

Попытки изучения отдельных аспектов национального движения сделаны совсем недавно. В 2002 г. на ежегодной конференции, которая организовывается Ассоциацией по изучению национальностей в Колумбийском университете, в секции «Создавая крымскотатарскую нацию» был представлен доклад Куртмолла Абдулганиева об институциональном развитии крымскотатарского национального движения. С этой точки зрения период 1956–1987 гг. автор представляет как единое целое, когда формировались лишь предпосылки окончательного оформления. Интересно, что автор пытается смоделировать возможные направления развития национального движения в 1950-х гг., среди которых: полное сотрудничество с советским режимом, самоисключение из советского сообщества, насильственные или ненасильственные формы протеста и, наконец, эмиграция из Советского Союза. Автор детально аргументирует, почему, в итоге, крымские татары избрали именно политическую ненасильственную форму сопротивления³⁶.

Отдельные исследователи обращают внимание на условия жизни крымских татар в Средней Азии в первое десятилетие после депортации. В частности, О. Пол отмечает трудности повседневного существования: голод, отсутствие жилья, антисанитария, эпидемии, необходимость следования суровым правилам спецпоселений. Трагедия усугублялась агитацией против крымских татар, которую среди узбеков проводили советские спецслужбы³⁷.

Как уже отмечалось выше, наибольшее внимание исследователи уделяют проблемам национальной идентичности крымских татар во второй половине XX в. и той роли, которую в её становлении сыграл опыт депортации и жизни в эмиграции. В частности, О. Пол подчеркивает парадоксальность некоторых процессов нациетворчества, когда с одной стороны дети крымских татар воспитывались на устных рассказах об обетованной земле — Крыме, и одновременно лучше разговаривали на русском, чем на татарском языке³⁸. В целом, О. Пол отмечает, что вся национальная идентичность крымских татар строилась вокруг символического значения утраченной родины и вынужденного переселения. Такого же мнения придерживается и Грета Уелинг, исследовательница памяти современных татар о депортации, национальном движении и последующем возвращении на родину и её роли в национальной идентичности крымских татар. В одной из своих работ Г. Уелинг на основе устных опросов среди крымскотатарского населения изучала воспоминания о случае самосожжения Мусы Мамута. Он, вопреки официальным запретам, переселился в Крым и после предписания покинуть полуостров предпочел смерть расставанию с родиной. Исследовательница на основе дискурсивного анализа высказываний своих респондентов отстаивает тезис, что последующие интерпретации смерти Мамута стали частью коллективной памяти и социального конструирования понятия «родины» среди крымских татар. Таким образом, она приходит к выводу о том большом значении, которое в конструировании нации имеет микросоциальный, а не только политический уровень взаимодействия³⁹.

Важное значение эмиграции как фактора, способствующего укреплению национальной самоидентификации крымских татар, а также широкие возможности, которые предоставляет случай крымских татар для сравнения процессов нациетворчества в других диаспорных группах, подчеркивает в своих работах другой современный исследователь истории крымских татар Брайан Уильямс⁴⁰. Он же является автором книги, посвященной истории крымских татар с середины XIII в. и до нашего времени. Обобщение крымскотатарского прошлого сделано, наверное, впервые после широко известной книги Алана Фишера⁴¹. Главы двенадцатая и тринадцатая книги Б. Уильямса посвящены краткой истории депортации крымских татар, условиям их жизни в эмиграции и национальному движению за возвращение на родину. Именно образ родины, по мнению исследователя, был доминантом нарратива в общении между старшим и младшим поколениями крымских татар.

В целом современная англоязычная историография послевоенной истории крымских татар, как нам представляется, активно развивается, причинами чего можно считать как политические, так и чисто научные факторы. Первые связаны, прежде всего, с нерешенной проблемой положения современного крымскотатарского населения, а также стратегической ролью Крыма в международных отношениях, другие — с актуальностью исследований наций и национальностей, интересный случай среди многих конкретных примеров, который представляют крымские татары как диаспорная нация.

Примечания

- 1 Много англоязычных материалов с истории крымских татар доступно на следующих сайтах: <www.euronet.nl/users/sota/krimtatar.html>, <www.iccrimea.org/index.html>, <www.cidct.org.ua>
- 2 Максименко М. М. Переселення в Крим сільського населення з інших районів СРСР (1944–1960 рр.) // Український історичний журнал. 1990. № 11. С. 52–58; Бузай М. Ф. Депортація кримських татар у 1944 році // Там же. 1992. № 1. С. 29–45; Зінченко Ю. І. Кримськотатарська проблема: історія та сучасність (до 60-річчя депортації) // Там же. 2004. № 3. С. 62 – 73.
- 3 Крим в історичних реаліях України: Матеріали наук. конференції «Крим в історичних реаліях України: До 50-річчя входження Криму до складу УРСР» (Київ, 19 лютого 2004 року). Київ, 2004. Весьма примечательно, что уже первая статья в этом сборнике называется «Крим як невід’ємна складова частина України: Правові аспекти» (С. 5–35).
- 4 Кримські татари: Шлях до повернення: Кримськотатарський національний рух (друга половина 1940-х — початок 1990-х років) очима радянських спецслужб: Зб. док. і мат. В 2 ч. Київ, 2004; Кримськотатарський національний рух у 1950–1980-х рр. за документами КДБ // Український історичний журнал. 2004. № 4. С. 126–140.
- 5 Золотарьов Д. Ю. Турецька історична література з еміграції кримських татар кінця XVIII–XX ст. // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 34–42; Яблоновська Н. В. Преса етносів Криму у другій половині XX ст.: відновлення зневаженої етнічності // Яблоновська Н. В. Етнічна преса Криму: Історія і сучасність. Сімферополь, 2006. [Електронний ресурс:] www.cidct.org.ua/uk/publications/yablonovska/5.html.
- 6 Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. С. 47–54. ([Електронний ресурс:] www.iea.ras.ru/books/08_KRIM1/040220040002.htm). Среди современных русских исследователей проблемы нельзя не упомянуть Гульнару Бекирову, которая является автором двух книг «Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991)» (Симферополь, 2004) и «Крым и крымские татары в XIX–XX веках» (М., 2005).
- 7 Eren N. A Bibliographic Essay on Crimean Tatars // www.euronet.nl/users/sota/nermin.htm
- 8 Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. С. 47–48.
- 9 Pohl J. O. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949. Westport, CT, 1999. P. 171–176.
- 10 Altan M. B. Crimean Tatar Bibliography // www.euronet.nl/users/sota/krbibli.html; Altan M. B. A New Bibliography of the Crimean Tatar History and Literature // www.iccrimea.org/scholarly/bibliography.html В планах Бату также издание в скором будущем общей работы «Crimea: A General Bibliographic Survey».
- 11 Saynur Altug Giray Scholarly and Current Studies on Crimea in Turkey and the World // www.iccrimea.org/scholarly/krimbiblio.html
- 12 Marples D. Stalinism in Ukraine in the 1940ths. New York, 1992.
- 13 Spector I. The Soviet Union and the Muslim world, 1917–1958. Seattle, 1959. P. 212.
- 14 Крымскотатарское национальное движение / Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. С. 48.
- 15 Яблоновська Н. В. Преса етносів Криму у другій половині XX ст.: відновлення зневаженої етнічності // Яблоновська Н. В. Етнічна преса Криму: Історія і сучасність. Сімферополь, 2006. [Електронний ресурс:] www.cidct.org.ua/uk/publications/yablonovskaya/5.html
- 16 Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. С. 49.
- 17 Nekrich A. The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. New York, 1979. Изложено по: Horak S. M. Russia, the USSR and Eastern Europe: A bibliographic guide to English-language publications, 1975–1980. Littleton, Colo., 1982. P. 173.
- 18 Звернення кримських татар до ЦККПРС з приводу 50-річчя СРСР // Сучасність. 1973. № 4. С. 92–97; Сейтмуратова А. Мусульмани в СРСР // Сучасність. 1980. № 9. С. 118–127.
- 19 Potichnij P. The Struggle of Crimean Tatars // Canadian Slavonic Papers. 1975. № 2–3. P. 302–318; Изложено по: Ukrainica // Український історик. 1976. № 1–4 (49–52). С. 147–148; Майстренко І. Національно-визвольний рух кримських татар, та їх взаємини з Україною // Український самостійник. 1971. № 7–8. С. 2–14; Левицький Б. Проблеми ісламських народів СРСР // Сучасність. 1980. № 9. С. 107–117, а также немецкоязычные монографии этого автора о советской Украине 1944–1963 гг.
- 20 Ukrainica // Український історик. 1976. № 1 – 4 (49–52). С. 147–148.
- 21 Золотарьов Д. Ю. Турецька історична література з еміграції кримських татар кінця XVIII–XX ст. // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 36.

- 22 Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. С. 50.
- 23 Uncensored Russia: The Human Rights Movement in the Soviet Union: The Annotated Text of the Unofficial Moscow Journal *A Chronicle of Current Events* (Nos. 1–11) / Ed. by P. Reddaway. London, 1972.
- 24 Uncensored Russia... P. 253.
- 25 Mace J. E. Crimean Tatars. By Alan W. Fisher. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. 264 pp. // Harvard Ukrainian Studies. 1984. № 3/4. P. 542–543.
- 26 Tatars of the Crimea: Their Struggle for Survival / Ed. by E. Allworth. Durham; London, 1988.
- 27 Crimea: Dynamics, Challenges, and Prospects / Ed. by M. Drohobycky. Lanham, MD, 1995.
- 28 Cemiloglu M. A History of the Crimean Tatar National Liberation Movement: A Sociopolitical Perspectives // Crimea: Dynamics, Challenges, and Prospects. P. 87–105.
- 29 Altan M. B. A Brief History of the Crimean Tatar National Movement // www.euronet.nl/users/sota/ctnm.htm.
- 30 Crimean Tatars: Repatriation and Conflict Prevention. New York, 1996
- 31 См., например, апелляции к историческому опыту, которые высказывает Иван Качановский при изучении им политической ориентации современных крымских татар: *Katchanovski I.* Small Nations but Great Differences: Political Orientations and Cultures of the Crimean Tatars and Gagauz // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. № 6. P. 877–894.
- 32 Fisher A. Between Russians, Ottomans and Turks: Crimea and Crimean Tatars. Istanbul, 1998. (См. рецензию на последнюю книгу: www.iccrimea.org/reports/fisher.html).
- 33 Название диссертации Брайана Уильямса — «A Homeland Lost: Migration, the Diaspora Experience and the Forging of Crimean Tatar National Identity» (1999); Греты Уэлинг — «Having a Homeland: Recalling the Deportation, Exile, and Repatriation of the Crimean Tatars to Their Historic Homeland» (2000) (аннотация доступна на сайте www.iccrimea.org/scholarly/uehling.html); Оро Пола — «Shallow Roots: The Exile Experiences of Russian-Germans, Crimean Tatars and Meskhetian Turks in Comparative Perspective» (2004) (аннотация доступна на сайте www.iccrimea.org/scholarly/pohl-abstract.html).
- 34 Части из первой и из второй книг, посвященные депортации крымских татар, доступны на сайте: *Pohl O.* Ethnic Cleansing: Crimean Tatars // www.euronet.nl/users/sota/pohlethnic.html; *Pohl O.* Statistical History of Deportation and Exile // www.euronet.nl/users/sota/statshist.html.
- 35 *Pohl O.* Stalin's Ethnic Cleansing of the Crimean Tatars and Their Struggle for Rehabilitation, 1944–1985 // The Ukrainian Quarterly. 2004. Vol. 60. № 1–2. P. 33–56; а также: *Pohl O.* The Deportation and Fate of the Crimean Tatars // www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html; *Pohl O.* «And this Must be Remembered!» Stalin's Ethnic Cleansing of the Crimean Tatars // www.iccrimea.org/surgun/pohl-asn-2004.html; *Pohl O.* Timeline: Deportation of Crimean Tatars and their National Struggle under Soviet Rule // www.iccrimea.org/surgun/timeline.html.
- 36 *Abdulganiyev K.* Institutional Development of the Crimean Tatar National Movement // www.iccrimea.org/scholarly/national-movement.html
- 37 *Pohl O.* Stalin's Ethnic Cleansing of the Crimean Tatars and Their Struggle for Rehabilitation. P. 33–56.
- 38 Социолнговистические аспекты крымскотатарского сообщества отдельно анализируются в работе Мики Холл. (См.: *Hall M.* Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity // www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html).
- 39 *Uehling G. L.* Squatting, Self-Immolation, and the Repatriation of Crimean Tatars // Nationalities Papers. 2000. Vol. 28. № 2. P. 317–342.
- 40 *Williams B. G.* The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. № 3. P. 323–347. [Электронный ресурс]: <http://jch.sagepub.com/cgi/content/abstract/37/3/323>
- 41 *Williams B. G.* The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Boston, Köln, 2001 (краткий конспект книги, сделанный автором, см.: www.iccrimea.org/scholarly/bwilliams.html).

М. А. Шабасова
Минск

Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России (1991–2000 гг.)*

Распад Советского Союза вызвал глубокий кризис советологии, дисциплины занимавшейся исследованием стран «коммунистического блока». После исчезновения СССР, как стратегического противника Запада, встал вопрос о целесообразности продолжения масштабных советских, российских и восточноевропейских исследований. Однако на протяжении более чем 40 лет своего относительно обособленного от других общественных наук существования советология сумела предложить собственные концепции, разработала свой понятийный аппарат и обладала монополией на исследование региона. Поэтому неудивительно, что с начала 1990-х гг. развернулись споры о дальнейшей судьбе советологии, анализ ее ошибок и достижений.

Критика, прежде всего, касалась ревизионистского подхода, занимавшего в 1970–1980-е гг. ведущие позиции в советских исследованиях и акцентировавшего внимание на таких проблемах советского общества как национализм, русификация, взаимоотношения элиты и масс, рост бюрократизации¹. Ревизионисты считали, что использование понятий и характеристик, применимых для западных стран, вполне уместно и при описании СССР. В 1980-е гг. большинство советологов с оптимизмом смотрело на перспективы Советского Союза: советская система представлялась вполне реформируемой и способной двигаться путем модернизации. Примером подобного взгляда на будущее СССР стали взгляды Дж. Хафа, заявлявшего в 1991 г., что позиции советского лидера видятся исключительно прочными, республики, несмотря на происходившие там волнения, останутся частью Союза, реформы в экономике имеют шансы на успех, а КПСС способна сохранить доминирующее положение в стране, став неким подобием мексиканской Институционально-революционной партии или японской Либерально-демократической партии². Как отмечал П. Рутланд, «критические замечания по поводу возможностей советской системы имели место только на периферии дисциплины с ультра правых или ультра левых позиций»³.

В 1990-е гг., когда шел процесс критического переосмысления методологии и теоретических разработок советологических исследований, предпринимались попытки суммировать слабые стороны дисциплины. М. Малиа, справедливо полагая, что советология, по сути, является синтезом исследований в области экономики, политологии, социологии и истории советской системы, проанализировал недостатки каждой из четырех составляющих.

По мнению М. Малиа, плановая экономика Советского Союза, изучаемая с помощью методов и теорий, разработанных для рыночной экономики, неизменно получала более высокие оценки, чем она того заслуживала. Примером подобного взгляда на положение вещей, повлиявшим на дальнейшие исследова-

* Статья подготовлена при поддержке Вышеградского фонда.

ния, стал труд А. Бергсона «Реальный национальный доход Советской России с 1928 г.». Опираясь на данные, полученные с помощью модифицированных западных моделей измерения, автор пришел к выводу, что с 1928 по 1940 гг. советский ВВП вырос более чем на 60 %, являя собой свидетельство впечатляющего экономического роста страны.

Перенос западных теорий и представлений на советскую действительность ощутимо сказался и на политологических исследованиях, где наиболее устойчивыми характеристиками Советского Союза стали такие понятия, как «развитие», «авторитаризм» и «плюрализм». Сторонники такого подхода к СССР верили, что построение социализма является всего лишь вывеской, за которой достигаются банальные цели экономического развития. Что же касается политического устройства страны, то сталинский тоталитаризм сменился обычным авторитаризмом при последователях «великого вождя», а советская система управления вполне могла бы называться «институциональным плюрализмом», так как казалось, что различные учреждения и местные органы власти пользуются достаточной автономией от центра.

Проецирование западных моделей на СССР коснулось и социологии, представители которой пришли к выводу, что советская система хорошо «работала» потому, что была подлинно социальной системой, где все инициативы исходили «снизу вверх». Игнорируя коммунистическую партию и советское государство, придававшие Советскому Союзу особый колорит, социологи, как впрочем, и политологи, и экономисты, отказывались признавать уникальность СССР и, по мнению М. Малиа, имели дело с придуманным ими же самими государством.

Стремление видеть Советский Союз как нормально развивающееся государство сопровождалось попытками реабилитировать советскую историю, а именно создать положительный образ Октябрьской революции, НЭПа, индустриализации и, даже, мероприятий сталинского режима⁴.

Таким образом, согласно господствующей в конце 1980-х гг. парадигме в советских исследованиях, СССР вполне мог считаться государством, успешно продвигающимся по пути модернизации, обладающим позитивным историческим опытом и имеющим шанс быть обновленным «перестройкой». Распад Советского Союза продемонстрировал безосновательность оптимизма западных советологов. Большая часть экспертов называет одни и те же слабые стороны советских исследований и, хотя список мог варьироваться и быть немного длиннее или короче, есть основания говорить об общепринятых недостатках дисциплины. П. Рутланд выделяет важнейшие причины, приведшие к методологической и теоретической несостоятельности советологии:

- академическая объективность страдала из-за политических пристрастий советологов, которые относились к Советскому Союзу или чересчур доброжелательно, или чересчур враждебно, в зависимости от того придерживались ли они правых или левых взглядов;

- советские исследования оставались весьма слабыми в методологическом отношении в силу своей обособленности от других общественных дисциплин;

- советологам не хватало хорошего знания языков и истории региона, особенно его нерусской части;

- те, кто пытались вести исследования в самом СССР, сталкивались с непреодолимыми препятствиями: ненадежной информацией или вовсе отсутстви-

ем данных, закрытым доступом к важным материалам, преднамеренным искажением фактов со стороны советских чиновников и ученых;

— ведущие специалисты в области советологии больше тяготели к тому, чтобы выступать в роли пророков или экспертов на телевидении, чем заниматься академическими исследованиями, изыскивая эмпирические данные;

— в силу профессиональной, личной или политической конкуренции большинство ученых-эмигрантов остались «за бортом» советологии, утратившей, таким образом, возможность обогатиться за счет знаний непосредственных свидетелей советской действительности;

— финансовая зависимость от правительства позволяла разведывательным и военным ведомствам вмешиваться в академические исследования⁵.

Некоторые критики советологии сосредотачивали большее внимание на отдельных факторах. Так, А. Янов, А. Мотыль, С. Коэн и А. Даллин обвиняли советологию в излишней политизации и осуждали склонность советологов отождествлять свои цели с нуждами своих государств⁶. В. Коннор подчеркивал излишнюю сосредоточенность исследователей на вопросах, касающихся экономики, военной мощи советского государства и политической элиты. Оставляя проблемы культуры, национализма и свободы религии вне поля зрения, советологи теряли возможность адекватно реагировать на изменения в советском обществе и в государствах, находившихся под влиянием СССР⁷. Советологи заблуждались, когда, делая прогнозы дальнейшего экономического развития Советского Союза, говорили, по меньшей мере, о сохранении прежних показателей, тогда как реально экономический рост замедлялся. Многие ученые жаловались на «устаревание» советологии из-за ее изоляции от других гуманитарных наук.

В 1990-е гг. интерес к советским исследованиям и проблемам Восточной Европы значительно упал. Некоторые полагали, что советология исчезла вместе с СССР. А. Ноув писал: «Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла»⁸. М. Кокс, разделяя такой подход, писал, что «распад СССР не просто повредил теориям советологов, но, в первую очередь, похоронил советологию как дисциплину»⁹.

Другие отстаивали ту точку зрения, что советология обрела другое название и содержание и, став постсоветологией или россиеведением, продолжила свое существование. Некоторые считали, что советские исследования должны уступить место компаративным исследованиям и, в частности, транзитологии. А. Бейхман назвал преемницу советологии путинологией. На его взгляд, ельцинский интеррегнум не представляет никакого интереса из-за своей анархичности и неопределенности, в то время как В. Путин является для России знаковой фигурой и его можно поставить в один ряд с советскими лидерами¹⁰. С. Хансон полагал, что советология перестала быть отдельной дисциплиной, а постсоветология влилась в основной поток политологии¹¹.

Наследницей советологии времен «холодной войны» и разрядки можно считать современные «российские и восточноевропейские исследования» или, если говорить об одной России, — россиеведение. Такое название дисциплины имеет слабые стороны, так как исключает государства Средней Азии и Кавказа. Однако оно получило распространение, потому что другие варианты, как, например, «посткоммунистические» или «евразийские» исследования, кажутся еще более уязвимыми.

В области «российских и восточноевропейских исследований» сейчас трудятся многие бывшие советологи, являющиеся, пожалуй, лучшими специалистами по постсоветским странам. В отличие от компаративного изучения постсоветского пространства, сторонники регионального подхода делали упор на особенностях исторического пути, как в целом Восточной Европы, так и каждого отдельно взятого государства. Темами постсоветологических исследований стали выборы, экономические реформы, национальное строительство и все те проблемы, которые наполняют послеперестроечную действительность в Российской Федерации и других постсоветских государствах. Несмотря на заимствование некоторых новейших методик, предлагаемых современными общественными науками, полного синтеза регионального и компаративного подходов так и не произошло, и россиеведение, продолжая традиции советологии, продолжает свое несколько обособленное от других гуманитарных дисциплин существование.

На сегодняшний день россиеведение не может представить какой-либо единой научной школы, предлагая общественности громадный спектр подходов и теорий. Широко распространенная дискредитация тоталитарной модели в англо-американской советологии 1970-х гг. сопровождалась очевидным отходом от построения теорий и создания научных моделей¹². Ученые-россиеведы, участвовавшие в ряде конференций, посвященных новой историографии России, «согласились, что они не хотели бы создавать новые школы, новые исследовательские проекты, новую моду, или начинать новую борьбу. Они стремились, прежде всего, ставить новые вопросы, а не стараться найти окончательные на них ответы, приглашая коллег взглянуть на историю, свободную от школ, партий и от самой идеи одного объективного, истинного прошлого»¹³. С одной стороны, существующее многообразие мнений, безусловно, обогащает дисциплину. Однако в то же время, следствием такого плюрализма является отсутствие фундаментальных трудов как результата накапливаемых и передаваемых от одного поколения ученых к другому знаний и опыта. Весьма условно специалистов, работающих в данной области можно разделить на три направления. Значительная часть ученых считает возможным объяснить уникальность региона через его историю и культурные ценности. Часть специалистов видит причины трудностей в процессе демократизации пост коммунистических государств и особенно России в беспрецедентной слабости государства. И, наконец, некоторые эксперты ограничиваются констатацией сложности переходного периода в посткоммунистических государствах и его отличия от трансформации в Латинской Америке и на юге Европы¹⁴. Кроме научных затруднений, российские и восточноевропейские исследования столкнулись с проблемой недостаточного финансирования, связанной с потерей былого интереса со стороны правительств западных стран к постсоветскому пространству. Возможно, отсутствие денежных средств негативно скажется и на дальнейшем изучении региона и не позволит российским исследованиям преодолеть имеющиеся трудности.

Начало 1990-х гг. стало временем триумфа ценностей западной цивилизации, среди которых выделялись демократия и либеральный капитализм. Крах конкурирующей идеологической системы породил веру в единственно правильный путь развития, воплощенный в идеологии неолиберализма, и ожидалось, что после десятилетий бесплодных блужданий посткоммунистические государства вернутся на магистральную дорогу прогресса. Из предположения об одинаковых

результатах развития легко выводилась логическая цепь, согласно которой страны, движущиеся к демократии, проходили одни и те же этапы и были подвержены влиянию схожих факторов. Данная предпосылка вместе с широко декларируемой несостоятельностью классической советологии стала причиной повышенного интереса к региону со стороны ученых и экспертов, ранее специализировавшихся на новых демократиях, находящихся в других частях света. В начале 1990-х гг. заговорили о «возвращении» посткоммунистических исследований в русло социальных дисциплин, имея ввиду, прежде всего, компаративные политические исследования. В 1990-е гг. сравнительный анализ являлся одним из наиболее часто употребляемых научных подходов в исследованиях посткоммунистических государств. Даже в тех работах, где проблемы компаративистики непосредственно не затрагивались, а сравнение разных стран и регионов не являлось целью, изучаемый объект часто рассматривался относительно процессов, проходящих в других частях света, и оценивался в общепризнанных категориях, самой популярной из которых являлось понятие «демократии». Посткоммунистические страны классифицировались по типу политического режима, успеху рыночных реформ и, реже, другим критериям вроде национального единства, развития государственности и др. Сравнительный подход может считаться одновременно и научным методом, и выражением уверенности если не в единообразии, то, по крайней мере, в сопоставимости развития разных стран и регионов. Для посткоммунистического пространства практика сравнительного анализа имеет свои особенности, делающие дискуссии по поводу адекватности применения методов компаративистики особенно острыми.

В традиционной советологии компаративные исследования занимали периферийное место, и попытки сравнить коммунистические и западные системы носили на себе отпечаток идеологического противостояния. В эпоху холодной войны признание общих черт с политическим устройством идеологического противника было политически некорректным. «Ярлык “тоталитарный” имел изолирующий эффект, выводя советскую систему за рамки сравнимого. Поскольку тоталитаризм был антитезисом демократии, то возможной общей почвы не существовало»¹⁵. По утверждению А. Чандлер, причинами слабого использования сравнительного подхода было: 1) предположение, принятое среди политологов и советологов, о том, что государство с «тоталитарным» режимом и навязываемой государством идеологией не может быть в значительной мере сравниваемо с системами, где эти компоненты отсутствовали; 2) негласное соглашение между исследователями левого и консервативного крыла, постулирующее, что Советский Союз на самом деле является уникальным и изолированным явлением; и 3) широко распространенное сомнение в ценности компаративных исследований¹⁶. Одна из редких попыток сопоставления советской и американской политических систем была предпринята З. Бжезинским и С. Хантингтоном, однако, их книга «Политическая власть в США и СССР» заканчивалась выводом, что рассматриваемые системы являются абсолютно разными¹⁷. Некоторое распространение получил «сравнительный коммунизм», ставший попыткой внедрения в советские исследования достижений западных общественных дисциплин. Однако компаративистика так и не стала одним из приоритетных направлений советологии.

С распадом СССР ситуация радикально изменилась. Изучение восточноевропейского опыта трансформации давало возможность для усовершенствования

ранее разработанных теорий, а компаративистика стала хорошим способом для выявления общего и различного, того, что можно считать универсальным и переменным, варьирующимся от случая к случаю. Сравнительный анализ немедленно стал полем для академических дебатов. Оптимизм относительно эвристических возможностей компаративистики был настолько велик, что некоторые специалисты даже предполагали отмирание регионоведения и страноведения. Изоляция регионоведов от социальных дисциплин стала невозможной. С окончанием холодной войны востребованность в изучении посткоммунистических стран и региона в целом на государственном уровне существенно снизилась. Организации, предоставляющие гранты, стали требовать проведения кросс-региональных исследований. Хорошим примером такой тенденции может служить Международная организация научных исследований и обменов (IREX), занимавшаяся ранее исключительно Советским Союзом и Восточной Европой: в сферу интересов организации были включены страны Ближнего Востока, Азии и Африки¹⁸.

Вопросы — «Что сравнивать?» и «Как далеко можно зайти в предположениях о сопоставимости регионов и отдельных государств?», — ставя в один ряд схожие, на первый взгляд, явления, постоянно требуют ответов, и ключевые аспекты компаративных исследований подвергаются пересмотру и дорабатываются практически с начала применения компаративных исследований для Восточной и Центральной Европы. Обычно интер-региональному или кросс-региональному подходу, в рамках которого предполагалось сравнивать режимные изменения во всех новых демократиях, в какой бы части света те ни находились, противопоставлялся интра-региональный подход, сторонники которого полагали, что посткоммунистические государства обладают особым отличительным набором характеристик. Наиболее известным примером такого научного противостояния явился спор, развернувшийся в 1994–1995 гг. на страницах американского журнала *«Slavic Review»* между В. Банс, отстаивавшей достоинства интра-региональных исследований, и приверженцами компаративного анализа в мировом масштабе Т. Л. Карл и Ф. Шмиттером¹⁹.

Суть спора фактически сводилась к тому, являются ли очевидные различия между «Югом» и «Востоком» достаточным основанием для ограничения сравнения. Выделяя отличия Восточной Европы, Т. Л. Карл и Ф. Шмиттер писали о наследии партии-государства, узурпировавшей управление политикой и экономикой; о масштабах крушения предыдущего режима; о значительном влиянии международного фактора; о последовательности трансформационного процесса, характеризующейся большим количеством трудностей²⁰. Отношение ученых к данным различиям было кардинально различным. Если Т. Л. Карл и Ф. Шмиттер полагали, что осознание культурных, исторических или институциональных отличий должно быть результатом систематического компаративного анализа²¹, то В. Банс считала, что интра-региональные исследования сочетают преимущества подконтрольной компаративистики и работы с хорошим фактическим материалом и точными категориями²². Вряд ли можно сказать, что в ходе дискуссии были выдвинуты принципиально новые положения относительно характерных черт региона. Однако ценной была сама острая постановка вопроса, равно как и суммирование отличительных признаков посткоммунистических стран, в той или иной мере проговариваемых различными специалистами. Следует также отметить, что непроходимой границы между двумя подходами нет, и часто, призна-

вая наличие одних и тех же факторов, ученые расходятся только в расстановке акцентов, преувеличивая или преуменьшая значимость особенностей посткоммунистических транзитов.

Становится очевидным, что линия раздела проходит по вопросу о признании коммунистического или «ленинского» наследия. Отмечая его влияние, ученые автоматически становятся сторонниками интра-регионального подхода, в то время как игнорирование фактора прошлого позволяет включить в компаративное исследование большее число стран. Б. Кроуфорд и А. Липхарт разделяли исследовательские подходы, акцентирующие внимание на коммунистическом наследии и императивах либерализации. Если в первом случае ударение ставится на проблемах политической культуры, социальной структуры и институтов, созданных еще при коммунизме, то во втором подчеркивается важность либеральной капиталистической демократии как институциональной структуры, определяющей выбор. Сторонники «либерального» направления полагают, что либеральные институты могут определить предпочтения и ограничить выбор таким образом, что будут созданы новые политические и экономические культуры. Эти институты оказывают влияние на распределение ресурсов, что, в свою очередь, определяет относительную власть политических и экономических факторов²³.

Посткоммунистические страны анализировались в компаративных исследованиях с различной степенью активности. Наибольшее внимание уделялось «лидерам» в политическом и экономическом развитии — Венгрии, Польше, Чехии и Словении. К концу десятилетия к этому списку добавились Словакия и Хорватия. Румыния, Болгария, Албания, равно как и центрально-азиатские и кавказские постсоветские республики фигурировали в компаративных исследованиях достаточно редко. Россия часто понималась как особый случай и была объектом скорее компаративно-направленного анализа, чем подлинного кросс-регионального исследования²⁴. Основными причинами этого явления можно считать огромную территорию Российской Федерации и ее геополитический вес, не позволяющие поставить ее в один ряд с другими странами посткоммунистического пространства, являющимися объектами притяжения различных центров влияния.

Очень часто компаративные исследования интер-регионального масштаба ассоциируются исключительно с транзитологией, субдисциплиной, изучающей проблемы «перехода». Это не совсем верно: исследования посткоммунизма всегда отличались вариативностью и эклектичностью методов, а теории демократизации и демократии приобрели в 1990-е гг. необычайную разносторонность. Однако транзитология заслуживает особого внимания, так как ее мировоззренческие основания получили в 1990-е гг. необычайную популярность и стали основанием для работ, непосредственно не связанных с теорией общественных и гуманитарных наук.

В конце 1990-х гг. едва ли не каждая вторая статья, посвященная концептуальным основам посткоммунистических исследований или изменениям в российском политическом режиме, начиналась абзацем, обвинявшим транзитологов в упрощенном представлении о посткоммунистической трансформации, универсализме и безусловной вере в победу демократии и капитализма. При ближайшем рассмотрении такая критика кажется, не совсем обоснованной. Говоря о посткоммунистических исследованиях 1990-х гг., многие выделяют транзитоло-

логию как доминирующую научную парадигму при изучении региона, однако, следует различать транзитологию как строго научный подход со своим набором методов и как мировоззренческий базис социальных дисциплин, оказывающий влияние на авторов, работающих в разных направлениях. Как писал Дж. Ганс-Морс, «некоторые критики однозначно рассматривают транзитологию как литературу, появившуюся вследствие исследования демократизирующихся режимов в Южной Европе и Латинской Америке... Другие же исследователи полагают, что транзитология... представляет собой не специфическую литературу, а скорее подход к изучению политических, экономических и социальных изменений, которые концептуализируют данные процессы как “переход” с заранее известными результатами»²⁵.

Чтобы разобраться в хитросплетениях политических исследований 1990-х гг., сделаем краткий экскурс в историю общественных наук второй половины XX века. После Второй мировой войны среди западных обществоведов особой популярностью пользовалась теория модернизации, адепты которой настаивали на первоочередной важности социально-экономических или структурных факторов для демократизации политического режима. Например, согласно У. Ростоу, для установления действенного демократического режима было важно соблюсти шесть правил, которые включали в себя мобилизацию всех талантов и ресурсов для модернизации страны; осуществление модернизации в соответствии с культурой и традициями страны и превращение ее в национальную идеологию; обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста и концентрацию на общественных целях; достижение компромисса при осуществлении политики; повышение участия населения в решении проблем страны; разумную внешнюю политику²⁶.

В 1960-е гг. теория модернизации стала критиковаться за свой пессимизм, поскольку одновременное сочетание предполагаемых благоприятных условий было едва ли достижимо для большинства стран. Как научное направление транзитология стала своего рода противовесом макроструктурному подходу, так как ее теоретики сместили акценты с проблем развития общества и экономики на роль человеческого фактора, считая политических акторов главной движущей силой политического процесса.

В 1970 г. была опубликована статья Д. Рустоу «Переходы» к демократии», ставшая источником идей для транзитологов следующего поколения. В ней, в частности, утверждалось, что демократия является результатом политической борьбы элиты, завершившейся «решением части политических лидеров принять существование многообразия в единстве и институализировать некоторые поворотные моменты в демократической процедуре»²⁷. Единственным условием, необходимым для установления демократии, считалась неоспоримость государственных границ, что сохранило актуальность и на сегодняшний день, так как конфликты и применение силы при их разрешении являются несовместимыми с демократическими принципами.

Дальнейшее развитие актоцентричный подход получил в середине 1980-х гг., когда Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер издали известный труд «Транзиты от авторитарного правления: предварительные выводы о неопределенных демократиях»²⁸, ставший классикой транзитологии. Кроме особого внимания к роли элит, в работе описывался процесс успешного установления демократии как заключения

пакта между центристами старого режима и умеренным крылом демократической оппозиции, что позволяло избежать напряжения в обществе и избавляло государство от революционных потрясений. Эмпирической «вотчиной» транзитологов были государства Южной Европы и Латинской Америки, где, начиная с португальской революции 1974 г., наблюдались падения диктатур и мирные «переходы» к демократической форме правления.

После краха коммунистической системы и распада Советского Союза транзитологи, как и другие обществоведы, обратили внимание на исследования посткоммунистического региона. Однако, вопреки общей критике, возникает вопрос, являлась ли транзитология, как научный подход, главным теоретическим монополистом в области российских и восточнославянских исследований в 1990-е гг.? Дж. Ганс-Морс провел анализ статей, посвященных трансформации политического режима и напечатанных как в журналах российских и восточнославянских исследований, так и в журналах компаративных исследований. Его выводы, основанные на изучении материалов, изданных в 1991–2003 гг., идут вразрез с общепризнанной точкой зрения. Из 131 статьи, относящейся к режимным изменениям, транзитологические методы дискутируются в 66, что составляет 50 % от общего объема изучаемых работ, и «значительное число ученых, которые явно обсуждают транзитологию, вовсе не собираются применять ее на практике, но скорее дают понять, что они находят транзитологический подход неприменимым или недостаточным для анализа основных проблем посткоммунизма»²⁹. При ближайшем рассмотрении только 7 статей напрямую используют либо защищают транзитологический подход в посткоммунистических исследованиях или сравнивают посткоммунистические страны с Южной Европой, Латинской Америкой или другими демократиями «третьей волны» без существенных изменений в первоначальных положениях транзитологии³⁰.

Классическим примером продвижения использования методов транзитологии для Восточной и Центральной Европы и постсоветских республик считается статья Р. Бовы, «Политическая динамика посткоммунистического “перехода”: сравнительная перспектива». Автор обращает внимание на сравниваемость не-революционных «транзитов», где элементы старого режима играют существенную роль в инициировании и определении направления политических изменений³¹. Помещая в компаративную перспективу процесс либерализации в Советском Союзе, он приходит к выводу, что в СССР была реализована модель политических преобразований, испробованная ранее в других частях света. По мнению Р. Бовы, быстрый рост авторитета М. С. Горбачева в первые годы его нахождения у власти, последующий провал центристских реформ, действия советского правительства после 1988 г. и неудача демократизации «сверху» могут быть в полной мере осознаны как закономерность только при сравнении с процессами трансформации в Южной Европе и Латинской Америке. Однако, несмотря на манифестацию методов компаративистики и использование положений, проговоренных еще в труде Г. О’Доннела и Ф. Шмиттера, Р. Бова призывает сочетать достижения процедурного и структурного подходов, последний из которых предполагает внимание к экономическому развитию, характеру национальной политической культуры, степени национальной интеграции и особенностям классовой структуры страны³². Кроме того, он признает разнообразие процессов демократизации и необходимость внимательного отношения к общему и различ-

ному в ходе режимной трансформации на посткоммунистическом пространстве и за его пределами³³.

Имея статистические данные, свидетельствующие о скромном применении методов транзитологии, можно было бы удивиться популярности субдисциплины, проявлявшейся, правда, по большей части в ее критике. Объяснение этому следует искать в том, что в 1990-е гг. в понятие «транзитология» стали вкладывать разное содержание. Она отождествлялась с теорией демократизации, с компаративными исследованиями, и, в конце концов, стала олицетворением веры в триумфальную победу политических и культурных ценностей западной цивилизации. И здесь речь идет уже не о научной парадигме с четко обозначенными подходами и методами, а о мировоззрении и идеологии, основные положения которых принимаются по умолчанию.

Мировоззренческий фундамент транзитологии опять-таки связан с теорией модернизации, но между ними наблюдается, как то ни парадоксально, совсем другая связь. Российский исследователь Б. Г. Капустин говорит о парадигмах теории модернизации, под которыми он подразумевает «до теоретическую конструкцию», задающую скорее стиль, чем содержание мысли³⁴. К элементам парадигмы теории модернизации он относит представления об истории, как о движении вперед, к лучшему миру; признание единой рациональности, как того, что способствует этому продвижению вперед; понимание культурной однородности, как нормы и разрешение плюрализма только в незначимых сферах, никоим образом не угрожающих демократии и институту частной собственности; имморализм, поскольку преставление о единственно возможной рациональности освобождает от этического выбора³⁵. Отказываясь обсуждать последний пункт данного перечня в силу субъективности оценки этического, мы не можем не отметить справедливость первых трех замечаний, поскольку вера в прогрессивное развитие и инвариантность успешного результата являются характеристиками как теории модернизации, так и транзитологии, унаследовавшей мировоззренческий базис своей предшественницы. По сути, транзитологи были виноваты в детерминистском понимании хода истории не больше, чем более ранние поколения обществоведов. Свое реальное воплощение этот философский базис получил в риторике «перехода», под которым подразумевались «переход» от авторитаризма к демократии и рыночной экономике, и оценки так называемых «переходных» режимов относительно демократических стандартов.

Несмотря на тесную взаимосвязь, проблемы «транзита» и политического режима заслуживают того, чтобы рассмотреть их отдельно. В 1990-е гг. большое влияние на исследователей оказала идея «третьей волны» демократизации, принадлежащая С. Хантингтону. Согласно ему, крах советской системы являлся частью мирового процесса демократизации, начавшемуся с португальской революции гвоздик в 1974 г. и распространившемуся затем на страны Латинской Америки³⁶. Тенденция ставить страны бывшего социалистического лагеря в один ряд с известными случаями демократизации политических режимов неоднократно оспаривалась многими учеными. В частности, отмечалось, что было бы неправильно ограничивать посткоммунистический «транзит» только демократизацией, так как государства Центральной и Восточной Европы и азиатские бывшие советские республики стоят перед необходимостью «двойного перехода»: преобразований как в политической, так и в экономической сферах. М. Макфол

предложил классифицировать посткоммунистические переходы как «четвертую волну» режимных изменений, отмечая, что трансформация в регионе шла как в сторону демократизации, так и установления диктатуры и имела другие механизмы. Если для стран «третьей волны» оптимальной формой демократического транзита считался пакт между элитами, то на посткоммунистическом пространстве наибольший успех имели «транзиты», совершенные путем революции³⁷.

Критике стало подвергаться само понятие «перехода». Обычно посткоммунистические государства было принято разделять на консолидированные демократии, консолидированные автократии и гибридные режимы, носящие одновременно признаки демократии и автократии и включенные в так называемую «серую зону». Гибридные режимы (по отношению к ним также использовалось множество названий типа «делегативная демократия», «илиберальная демократия» и т. д.) обычно трактовались как «переходные», находящиеся в состоянии трансформации. Однако по истечении десяти лет со времени развала советской системы у ученых стали появляться сомнения по поводу адекватности такого понимания. Было очевидно, что государства «серой зоны» никуда не «переходят», не претерпевают существенных изменений, а являются достаточно стабильными политическими образованиями, к которым слабо применима терминология, разработанная ранее политической наукой. К концу 1990-х гг., когда «переход» перестал восприниматься как неизбежность, была признана идеологическая окраска видения посткоммунистических государств как будущих демократий с либеральным капитализмом. Транзитология, или вернее ее парадигма восприятия истории как прогресса, понимаемом с точки зрения западных ценностей, была обвинена в предвидении хода и результатов исторического процесса, отождествляемого в данном случае с вестернизацией.

Проблема определения политического режима представляет собой второй аспект посткоммунистических исследований, подверженный влиянию идеологической составляющей транзитологии. В связи с резким увеличением количества стран, которые, как полагалось, движутся по направлению к демократизации своих государств и обществ, ученые были вынуждены сделать доработки в теории демократии, отправными точками которой считались модели Й. Шумпетера и Р. Даля.

В рамках модели Й. Шумпетера, известной как «состязательный элитизм», демократия определяется в качестве процесса, где «индивидуумы приобретают власть принимать решения путем состязательной борьбы за голоса избирателей»³⁸. Плюралистская модель демократии Р. Даля или так называемая «полиархия» предполагает наличие не только состязательности и участия, но также набора основных гражданских и политических прав и свобод. По мнению Р. Даля, режим может оцениваться как демократический, если выполняются следующие условия: контроль над решениями правительства возложено на выборных чиновников; выборные чиновники избираются в ходе регулярных и честных выборов, для которых принуждение, как правило, несвойственно; практически все взрослое население участвует в выборах чиновников; граждане имеют право выражать свое мнение по поводу широкого спектра политических вопросов без угрозы жесткого наказания; граждане имеют право прибегать к альтернативным источникам информации, более того, альтернативные источники информации существуют и охраняются законом; граждане имеют право создавать относитель-

но независимые ассоциации или организации, включая политические партии и группы интересов³⁹. В случае политических исследований Восточной Европы эвристический потенциал обеих моделей оказался достаточно ограниченным. Политические права и свободы, предусмотренные в «полиархии» Р. Даля слабо соответствовали политической действительности большинства посткоммунистических стран.

Предложенную модель можно было использовать для исследования политического «гибридного» режима, хорошим примером чего является статья А. Брауна, где автор, используя модифицированную схему Р. Даля, с успехом проанализировал проявление авторитарного и демократического начал в российском режиме⁴⁰. Однако использование «полиархии» в большинстве случаев приводило лишь к констатации несоответствия посткоммунистических режимов демократическим критериям. Для исследований новых демократий чаще использовалась модель Й. Шумпетера, и справедливость и честность в проведении выборов были признаны краеугольным камнем в оценке демократичности политического устройства. Но понятие «честные и справедливые выборы» утрачивает свой смысл в условиях использования административного ресурса, что часто сопровождается, как в случае российских президентских выборов 1996 г., неравными возможностями кандидатов в участии в предвыборной кампании⁴¹. Оказалось, что многие демократические практики, принимаемые в странах Западной Европы и Северной Америки как должное, были результатом продолжительного развития в сторону демократии. Поскольку для проведения различий между классическими и новыми демократиями требовались специальные оговорки, то появились так называемые «демократии с прилагательными», каждая из которых подчеркивала «дефект» новоиспеченного политического режима. Проблема заключается в том, что демократия была признана эталоном политического устройства, в то время как политический режим страны может являться особым типом, требующим самостоятельного определения и самостоятельных критериев оценки.

В конце 1990-х гг. транзитология была признана аналитической моделью «вчерашнего дня». Наиболее последовательная работа, рассматривающая ее недостатки, принадлежит Т. Каротерсу, который отмечал несостоятельность основных положений транзитологов. К ним он причислял: 1) отношение к «транзиту» как к движению к демократии; 2) строгое выделение этапов трансформации, в процессе которой страна проходит через этап смягчения предшествующего режима, его крах и демократическую консолидацию, предполагающую окончательное оформление демократических институтов и отлаживание демократических процедур; 3) повышенное внимание к выборам, которые якобы способствуют долгосрочному углублению демократического участия и ответственности; 4) оценка шансов на успешные преобразования в зависимости от действий или намерений политических элит без учета экономических, социальных и институциональных условий или исторического наследия; 5) акцентирование внимания на проблемах государственного строительства, являющегося, по мнению транзитологов, одним из условий демократизации и проходящего в тесной взаимосвязи с ней⁴².

Х. Виарда писал о слабости транзитологии даже применительно к исследованиям стран Латинской Америки и Южной Европы. На его взгляд, в работах транзитологов в значительной мере игнорируется факт важных и динамичных структурных преобразований, произошедших в этих странах еще при старых

режимах⁴³. Идеологическая составляющая транзитологии подверглась жесткой критике в книге С. Коэна «Крестовый поход», которая, хотя и не является строго академической работой и отличается некоторой тенденциозностью и популизмом, все же отражает основные перегибы в представлениях о восточноевропейском, а в частности, российском «переходе»⁴⁴.

Многозначность понятия «транзитология» ставит современного исследователя перед необходимостью разобраться в том, идет ли речь о научной теории, выработанной в 1970–1980-е гг. для Южной Европы и Латинской Америки, или же о транзитологии как определении для идеологической и мировоззренческой компоненты различных теорий демократизации и демократии. Транзитология как теория среднего уровня, появившаяся в определенном историческом контексте, имеет право на существование, как и любая другая теория, а умеренное использование ее актоцентричного подхода бывает весьма уместным при изучении тех стран, которые не были изначальным объектом исследования транзитологов.

Характерно, что для специалистов, целенаправленно исследующих Восточную Европу, был свойственен более пессимистичный взгляд на демократическое будущее региона. Еще до окончательного краха коммунизма, в эпоху энтузиазма и радужных надежд, свойственных периоду 1989–1991 гг., Г. Экерт предсказывал, что, учитывая сложность имеющегося экономического, политического и социального кризиса, равно как и отдельные аспекты политической культуры и традиций, «переход» к другой разновидности недемократического устройства представляется более вероятным, чем подлинная демократизация⁴⁵. Он утверждал, что «взаимодействие между демократизацией политики и построением рыночной экономики представляет особую проблему и создает дополнительное пространство для конфликтов и напряженности, почти совершенно отсутствующих в классических транзитах от авторитарных режимов. Более того, процесс демократизации в регионе был развернут на фоне острого экономического и социального кризиса, делающего новые избранные демократические правительства скорее проводниками социальной и экономической катастрофы, чем поборниками свободы и процветания»⁴⁶.

К. Йовитт, утверждал, что после распада коммунистической системы страны Восточной Европы будут ожидать период турбулентности и нестабильности, хотя, возможно, небольшая группа элиты, приверженная определенной идеологии, сможет предложить новые институциональные формы. Вместе с тем, учитывая коммунистическое («ленинское») наследие, поворот к авторитаризму весьма вероятен⁴⁷. В одном из своих наиболее красочных высказываний К. Йовитт утверждал, что «теми, кто будет определять институциональную идентичность Восточной Европы будут скорее демагоги, священники и полковники, чем демократы и капиталисты»⁴⁸.

Основные тезисы К. Йовитта стали отправной точкой для академических дебатов о существовании и влиянии особого «ленинского наследия». Примером научной разработки данной тематики служит сборник «Либерализация и ленинское наследие», изданный Б. Кроуфордом и А. Липхартом⁴⁹. С точки зрения развития теории особый интерес представляет статья С. Хансона «Ленинское наследие, институциональные изменения и постсоветская Россия»⁵⁰, где автор значительно развил базовые идеи К. Йовитта. По мнению С. Хансона, при исследовании посткоммунистического региона не следует сбрасывать со счетов

фактора влияния мировых капиталистических рынков, под которым он понимал проникновение хотя бы неформальных земельных, трудовых и денежных рынков в коммунистические страны еще до начала полного капиталистического реформирования; близость страны к западным рынкам и источникам инвестиций; состояние подъема или упадка мировых капиталистических рынков, сказывающегося на возможностях Запада оказывать экономическую помощь. Кроме этого, С. Хансон предложил выделить идеологическую, политическую, экономическую и культурную составляющие коммунистического прошлого и анализировать восточноевропейские транзиты, используя данную структуру «ленинского наследия». Примечательно, что в соответствии с анализом четырех вышеуказанных элементов постсоветская Россия оказалась зажатой в тиски «ленинского наследия» гораздо более, чем восточноевропейские сателлиты Советского Союза.

Сторонники интра-регионального анализа имеют возможность изучать в сравнительной перспективе большее количество факторов, чем те, кто практикует компаративистику в широком масштабе. Проблемы приватизации, федерализма, образования новых государств и т. д. по определению могут рассматриваться только для ограниченного числа стран, объединенных относительно одинаковым прошлым, оставившим после себя ряд схожих проблем, остро вставших на повестке дня в 1990-е гг. Поиск неочевидных аналогов для таких частных случаев неизбежно привел бы к тому, что Дж. Сартори называл «концептуальным растягиванием», при котором охват концепции расширяется благодаря «затемнению коннотации»⁵¹.

Ученые дискутировали по вопросу о природе посткоммунистического «перехода». «Транзиты» от тоталитаризма противопоставлялись «транзитам» от авторитаризма, оставлявшего экономику и общество латиноамериканских стран относительно независимой от государства. «Двойной» экономический и политический «переход» ставил государства Центральной и Восточной Европы и бывшие азиатские советские республики в исключительные условия. Х. Вигарда говорил о том, что «из всех отличий между Южной Европой и Россией и Восточной и Центральной Европой, возможно, самое важное состояло в существовании зачаточных рынков, финансовых институтов и делового (предпринимательского) сектора в первом случае и их практически полном отсутствии во втором»⁵². Ф. Родер писал даже о «тройном транзите», акцентируя внимание на национальной трансформации, под которой понималось складывание национальных государств. На его взгляд, многонациональное государство является проблемным для установления демократии, поскольку мирное сосуществование разных этнических групп трудно достижимо и едва ли регулируемо демократическими методами⁵³. Дж. Драйзек и Л. Холмс указывали на «транзиты» в сфере институтов, отношений и экономики. При этом под институциональным «транзитом» понимались реформы правовых, общественных, образовательных и правительственных институтов, тогда как «переход» в сфере отношений требовал изменения отношения как к новым институтам и законам, так и к классовой структуре, идентичности и международным союзам⁵⁴.

Сравнительный анализ посткоммунизма был направлен как на выявление особенностей региона и его характеристику в целом, так и на распознавание различий между отдельными государствами. В. Банс, наиболее известный апологет интра-регионального подхода, писала, что посткоммунистические страны отличаются значительное разнообразие в политических и экономических показателях;

устойчивость и привлекательность демократических режимов; слабое государство как основная угроза демократии (в отличие от латиноамериканских и южно-европейских государств, где главная опасность видится в военных); влияние на демократизацию национального фактора⁵⁵. Будучи автором статей по политической экономике, она также выводила в качестве отличительной черты региона зависимость между демократизацией политического режима и экономическими реформами, в то время как подобная корреляция для Латинской Америки и Южной Европы была неочевидной⁵⁶.

В 2000-е гг. интра-региональные исследования исчерпали себя, а само понятие «посткоммунизма» стало историей. Ч. Кинг назвал последней попыткой компаративного рассмотрения «переходных» посткоммунистических стран четырехтомное издание К. Давиша и Б. Пэррота «Демократизация и авторитаризм в посткоммунистических обществах», увидевшее свет в 1997 г.⁵⁷ Можно выделить две основные причины постепенного исчезновения исследований посткоммунистического пространства как единого региона. Во-первых, в силу отдаления во времени объединяющее наследие «ленинизма» утратило былую актуальность, и другие факторы стали оказывать влияние на развитие Восточной Европы и постсоветской Азии. Во-вторых, дифференциация внутри посткоммунистического пространства по политическим и экономическим показателям и разность парадигм развития настолько усилились, что проведение параллелей стало едва ли уместным. Согласно Г. Экерту, Я. Кубику и М. Вахудовой, на посткоммунистическом пространстве были продемонстрированы как наибольшие, так и наименьшие успехи в области демократизации и развития экономики по сравнению со всеми теми странами, которые были причислены к «третьей волне»⁵⁸. Ч. Кинг писал, что региональные исследования не должны исчезнуть, но и оставаться такими, как десять лет назад, они также не могут⁵⁹. Иными словами, посткоммунистическое пространство как единое целое перестало существовать, и подверженные компаративному анализу страны должны быть перегруппированы согласно актуальной для них проблематике.

Примечания

- 1 *Лантева Е. В.* Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 90-х годов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 159.
- 2 *Лукин А. В.* Англоязычная советология и общественные науки в России // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 50.
- 3 *Rutland P.* Post-Sovietology Blues: Reflections on a Tumultuous Decade // Democratizatsiya. 2003. No. 1. P. 134.
- 4 *Малиа М.* Из-под глыб, но что? // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95–102.
- 5 *Rutland P.* Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / Ed. by Michael Cox. London; New York, 1998. P. 37.
- 6 *Remington T.* Common Knowledge: Soviet Political Studies and the Problem of System Stability // Beyond Soviet Studies / Ed. by Daniel Orlovsky. Washington, D. C., 1995. P. 159.
- 7 *Connor W.* Why Were We Surprised // American Scholar. 1991. No. 2. P. 176.
- 8 *Меньковский В. И.* Англо-американская советология после распада СССР // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 2002. № 2. С. 31.
- 9 *Kennedy-Pipe C.* Getting It Right, Getting It Wrong: The Soviet Collapse Revisted // International Affairs. 1999. No. 2. P. 369.
- 10 *Beichman A.* Putinology Study // <http://hnn.us/roundup/comments/4067.html>

- 11 *Hanson S.* Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization // *Demokratizatsiya*. 2003. No. 1. P. 145.
- 12 *Urban M., Fish S.* Does Post-Sovietology Have a Future // *Rethinking the Soviet Collapse...* P. 177.
- 13 *Бурбанк Д.* Новые течения в американской историографии о России: власть и культура // <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y11997/a060/articke.shtml>
- 14 *Gel'man V.* Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies*. 1999. No. 6. P. 941.
- 15 *Chandler A.* The Interaction of Post-Sovietology and Comparative Politics: Seizing the moment // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. No. 1. P. 5.
- 16 *Ibid.* P. 5.
- 17 *Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power USA/USSR. New York, 1964.
- 18 См.: <http://www.irex.org/>
- 19 *Schmitter P., Karl T. L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. 1994. No. 1. P. 173–185; *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. 1995. No. 1. P. 111–127; *Bunce V.* Paper Curtains and Paper Tigers // *Slavic Review*. 1995. No. 4. P. 979–987; *Schmitter P., Karl T. L.* From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism // *Slavic Review*. 1995. No. 4. P. 965–978.
- 20 *Schmitter P., Karl T. L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists... P. 178.
- 21 *Schmitter P., Karl T. L.* From an Iron Curtain to a Paper Curtain... P. 971.
- 22 *Bunce V.* Paper Curtains and Paper Tigers... P. 981.
- 23 *Crawford B., Lijphart A.* Old Legacies, New Institutions: Explaining Political and Economic Trajectories in Post-Communist Regimes // *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions*. Berkeley, Calif., 1997. P. 2–9.
- 24 *King Ch.* Post-Communism: Transition, Comparison, and the End of 'Eastern Europe' // http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/v053/53.1king.html
- 25 *Gans-Morse J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // *Post-Soviet Affairs*. 2004. No. 4. P. 322.
- 26 *Посмоу У. У.* Политика и стадии роста. М., 1973. С. 149–150.
- 27 *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. No. 3. P. 357.
- 28 *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies* / Ed. by Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead. Baltimore, 1986.
- 29 *Gans-Morse J.* Op. cit. P. 328.
- 30 *Ibid.* P. 330.
- 31 *Boza R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // *World Politics*. 1991. No. 1. P. 116.
- 32 *Ibid.* P. 126–127.
- 33 *Ibid.* P. 117
- 34 *Канустин Б. Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 8.
- 35 Там же. С. 9–10.
- 36 *Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX века. М., 2003.
- 37 *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-communist World // *World Politics*. 2002. No. 2. P. 212–214.
- 38 *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, 1947. P. 269.
- 39 *Dahl R.* Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven, 1982. P. 11.
- 40 *Brown A.* Evaluating Russia's Democratization // *Contemporary Russian Politics. A Reader* / Ed. by Archie Brown, Oxford; New York, 2000. P. 546–568.
- 41 *Treisman D.* Dollars and Democratization: The Role and Power of Money in Russia's Transitional Elections // *Comparative Politics*. 1998. No. 1. P. 1–21.
- 42 *Carothers T.* The End of Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. No. 1. P. 17.
- 43 *Wiarda H.* Southern Europe, Eastern Europe, and Comparative Politics: «Transitology» and the Need for New Theory // *East European Politics and Societies*. 2001. No. 3. P. 488.
- 44 *Cohen S. F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. New York, W. W. Norton, 2001.
- 45 *Ekert G.* Democratization Processes in East Central Europe: A Theoretical Reconsideration // *British Journal of Political Science*. 1991. No. 3. P. 288.

- 46 Ibid. P. 311.
- 47 Jowitt K. The Leninist Legacy // New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley: Calif., 1992.
- 48 Ibid. P. 300.
- 49 Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions. Berkeley, Calif., 1997.
- 50 Hanson S. The Leninist Legacy, Institutional Change, and Post-Soviet Russia // Liberalization and Leninist Legacies... P. 228–252.
- 51 Sartori G. Concept Misformation in Political Science // American Political Science Review. 1970. No. 4. P. 1040–1041.
- 52 Wiarda H. Op. cit. P. 492.
- 53 Roeder P. Peoples and States After 1989: The Political Costs of Incomplete National Revolutions // Slavic Review. 1999. No. 4. P. 854–882.
- 54 Dryzek J. S., Holmes L. T. Post-Communist Democratization Political Discourses across thirteen countries. New York, 2002. P. 4.
- 55 Bunce V. Comparative Democratization: Lessons from the Post-Socialist Experience // After communism: Perspectives on Democracy / Ed. by Donald R. Kelley. Fayetteville, 2003. P. 31–60.
- 56 Bunce V. The Political Economy of Postsocialism // Slavic Review. 1999. No. 4. P. 756–793; Bunce V. Democratization and Economic Reform // Annual Review of Political Science. 2001. No. 4. P. 43–65.
- 57 Democratization and Authoritarianism in Postcommunist Societies / Ed. by K. Davisha, B. Parrott. 4 vols. Cambridge, U. K.; New York, USA, 1997.
- 58 Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A. Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest? // East European Politics and Societies. 2007. No. 1. P. 8–13.
- 59 King Ch. Op. cit.

Исследования

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А. Н. Долгих
Липецк*

Александр I и дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в первой четверти XIX в.

Проблема, заявленная в заглавии статьи, связана с существующей в литературе позицией об определяющей роли Александра I в создании многочисленных дворянских проектов решения крестьянского вопроса в России в первой четверти XIX столетия¹, причем в особенности здесь речь идет о первых послевоенных годах (1816–1819), связанных с достаточно активными попытками монарха решить данную проблему. Действительно, как указывал в свое время Н. И. Тургенев, Александр в ту пору говаривал, что у него «уже собралось несколько записок о крепостном праве; я выберу из них все самое лучшее и, в конце концов, сделаю что-нибудь»². При этом современный исследователь Е. В. Волков обращал внимание на то, что в этот период «для царя отмена крепостного права имела не столько экономическое, сколько нравственное основание», а «помещичьи крестьяне в те годы жили относительно неплохо, и материальное положение их даже улучшалось»³. Заметим, что блестящий знаток проблемы В. И. Семевский указывал, что «к 1819 и 1820 годам относится составление многих проектов по крестьянскому вопросу; это объясняется тем, что государь прямо выразил нескольким лицам желание принять меры для улучшения быта крестьян». В другом месте своей работы он уже более осторожно говорил о предписании «Аракчееву и Канкрину составить проекты изменения быта крестьян»³.

Тем не менее, в современной историографии фактически утвердилось мнение о том, что, действительно, монарх в эти годы поручил многим сановникам империи подготовку проектов освобождения крестьян. Так, например, в статье «Крестьянство» (в новейшей энциклопедии «Отечественная история», автором соответствующего раздела которой являлся такой авторитетный ученый, как В. А. Федоров), сказано: «В 1818 (году. — А. Д.) Александр I дал секретные поручения 12 сановникам разработать проекты отмены крепостного права (среди авторов проектов — П. Д. Киселев, Н. С. Мордвинов, В. Н. Каразин, П. А. Вяземский, Н. Г. Репнин, А. А. Аракчеев). Все эти проекты объединял принцип постепенного освобождения крестьян, без ущемления при этом экономических интересов помещиков». Исследователь В. В. Орешкин добавлял к этому списку М. М. Сперанского, а В. М. Бокова — еще и В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева, отмечая «многочисленность проектов», написанных «по заказу императора».

Авторы «Истории СССР с древнейших времен» указывали, что «надежды на проведение конституционных реформ внутри России», которые во многом были связаны с известной речью императора в польском сейме в 1818 г., «пробудили

еще сильнее слухи», в частности о том, что монарх поручил «некоторым приближенным заняться подготовкой положения о способах освобождения крестьян от крепостной зависимости». С. В. МIRONENKO, отмечал, что «в конце 1817 – начале 1818 г. император поручил сразу нескольким видным государственным деятелям представить предложения о путях, которыми могло следовать правительство, решив положить конец крепостному праву». В. А. Томсинов писал о поручении монархом дела составления этих проектов в 1818 г. графу А. А. Аракчееву, адмиралу Н. С. Мордвинову, а «немного позднее... министру финансов графу Гурьеву». Н. И. Казаков отмечал среди таких лиц А. А. Аракчеева, А. Ф. Малиновского, Н. С. Мордвинова и С. М. Кочубея⁴.

Странной особенностью многих этих утверждений является то, что точных сведений на сей счет указанными авторами не приводится. По нашим данным, применительно к 1817–1818 гг. можно говорить о ряде дворянских проектов, направленных в адрес монарха или других начальствующих лиц: имеются в виду проекты А. Ф. Малиновского (1817 г.), Д. П. Извольского (1817 г.), речь князя Н. Г. Репнина-Волконского (1818 г.), проект графа А. А. Аракчеева (1818 г.), проект Н. С. Мордвинова (1818 г.), записка Т. Е. Бока (1818 г.), послание князя Н. Г. Вяземского (1818 г.), проект управления имением С. М. Кочубея с замечаниями на него Н. Н. Новосильцева (1818 г.), проект графа С. О. Потоцкого (1818 г.), [А. А. ?]Крюкова (1818 г.), письма монарху князя А. Чарторьского и Н. Н. Новосильцева (1818 г.), проект О. П. Козодавлева (1818 г.), записка Е. Ф. Канкринна (1818 г.), так называемый проект графа Д. А. Гурьева (1818–1819 гг.). Если этот список расширить, взяв ближайшие временные точки — 1816 и 1819 гг., то к нему можно добавить проекты П. Д. Киселева (1816 г.), мнения Н. С. Мордвинова (1816 г.), В. Н. Каразина (1816 г.), неизвестного автора (из Прибалтики — 1816 г.), проекты освобождения крестьян Динабургского повета Витебской губернии (1819 г.), Белостокской области (1819 г.), Минской губернии (1819 г.), записку Н. И. Тургенева (1819 г.), записку И. Д. Якушкина (1819–1820 гг.). Отнесем сюда также гипотетический проект так называемого Общества 1816 г.⁵ При этом отнюдь не все из них были направлены к освобождению крепостных.

Об определенном поручении монархом дела создания этих проектов точно можно говорить лишь в отношении некоторых из них. (Отметим вскользь, что в отношении ряда авторов трудно применить термин «сановник» — например, в отношении В. Н. Каразина, не занимавшего вообще-то никогда крупных постов в администрации).

Можно согласиться с тем, что известная речь при открытии Дворянских собраний по случаю выборов в Полтаве 3 января, а в Чернигове 20 января 1818 г. Малороссийским военным губернатором, генерал-адъютантом князем Н. Г. Репниным-Волконским была, действительно, инспирирована монархом, но в ней ничего не говорилось об освобождении крестьян, а лишь рекомендовалось «ввести некоторые ограничения в отношении помещичьей власти»⁶.

С другой стороны, Н. Г. Репнин-Волконский и Н. Н. Новосильцев, действительно, принимали участие в подготовке действительным статским советником С. М. Кочубеем «Учреждения или правил для управления имением» (1818 г.), в отношении которого С. В. МIRONENKO доказал наличие монаршей инициативы, датированной им 1817 г. (которой сам создатель проекта дал совершенно иную интерпретацию, извратившую пожелания императора)⁷.

П. Д. Киселев известен как автор проекта, датированного 1816 г., который в перспективе предусматривал, действительно, получение крепостными свободы в перспективе путем покупки недворянами имений, выкупом правительством и самими крестьянами свободы по выгодной для дворян цене, через освобождение крестьян, работающих на дворянских фабриках и заводах, а также через основание майоратов на таких же условиях. Но о поручении монарха ему составить проект освобождения крестьян в 1818 г. не писал ни Н. М. Дружинин, ни другие исследователи⁸.

Никаких сведений о поручении князю П. А. Вяземскому создать подобный проект в 1818 г. не содержат ни его «Записные книжки», ни его переписка с братьями Тургеневыми, которые содержат колоссальное обилие информации на этот счет, ни современные исследования о его взглядах. Более того, именно П. А. Вяземский был инициатором основания особого дворянского общества в 1820 г. для освобождения принадлежавших его участникам крестьян (в котором принял активное участие и князь М. С. Воронцов, не бывший в фаворе у императора в ту эпоху, а также некоторые другие деятели), которое и начало создаваться в связи с нежеланием правительства серьезно заняться данной проблемой. Кстати сказать, П. А. Вяземский одним из первых в России выдвинул идею освобождения крестьян силами самих дворян-землевладельцев. Вот что писал об этом М. И. Гиллельсон: «Разочаровавшись в Александре I, Вяземский приходит к выводу, что передовые дворяне по собственной инициативе должны поставить перед правительством вопрос о ликвидации крепостного права в России»⁹. Тем более ничего не известно об участии императора в создании так называемого Общества 1816 г.

Нам действительно известны многочисленные записки Н. С. Мордвинова, в том числе и проект, датированный 1818 г. и рассчитанный на постепенное освобождение крестьян путем определения цены выкупа ими сами своей свободы, хотя точных сведений о создании его по указанию монарха не имеется. Об этом не писали и исследователи его творчества¹⁰.

По поводу поручения В. Н. Каразину в 1818 г. создать подобный проект у нас также отсутствуют какие-либо сведения. Нам известны его мнение 1816 г. по поводу остзейской реформы (иногда приписываемое другим авторам), проекты 1820 г., направленные на ограничение продажи людей без земли. По словам С. В. Мироненко, «Каразин был вполне убежденным защитником... крепостного права», хотя и принимал участие в создании особого дворянского общества в 1820 г., но, видимо, не с целью полного освобождения, а лишь некоего улучшения положения крестьян и др.¹¹

Назовем также и проект А. Ф. Малиновского (датированный 1817 г.), адресованный графу А. А. Аракчееву и предусматривавший освобождение крестьян, родившихся после 1812 г. В нем также ничего не говорилось о поручении императора на сей счет. Скорее всего, он был послан по собственной инициативе. Укажем и на проект Д. П. Извольского (датируемый также 1817 г.), в котором имелось указание на одобрение монархом первоначальных его предположений, но который, кроме общих размышлений о «гибельных последствиях рабства владельческого и поземельного», не содержал никаких конкретных предложений. Отметим и весьма радикальный проект (1818 г.) помещика [А. А.?] Крюкова, направленный на скорое освобождение крестьян, что не совсем подходило

монарху, но опять же не содержащий никаких упоминаний об исполнении задания монарха. Упомянем и проект графа С. О. Потоцкого, датированный 3 мая 1818 г., связанный с учреждением майоратов с ограничением прав их владельцев на крестьян, который также был лишен каких-либо указаний на исполнение поручения монарха¹².

Представляется очевидным, что и проект Н. И. Тургенева 1819 г. «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России», направленный «к улучшению жребия крестьян» и предусматривавший постепенное изменение крестьянского быта верховной властью, также был его собственной инициативой, несмотря на то, что он встретил благожелательное отношение монарха, который говорил, что «это была... лучшая записка по данному вопросу, какую я когда-либо получал»¹³.

Более или менее убедительные сведения по поводу поручения монарха в этом отношении содержит известный проект Е. Ф. Канкрин 1818 г., в котором имелись слова, выделенные (другим шрифтом) публикатором данного документа, приписываемые императору, о постепенном освобождении по типу остзейских реформ, с чем автор проекта был не совсем согласен, предлагая особый и весьма длительный путь крестьянского освобождения. Но при этом, как указывал В. С. Иконников, сам Канкрин препроводил данную записку императору 24 февраля 1818 г. со следующим замечанием: «Признаюсь, этот предмет с давних пор лежал у меня на сердце, а, увидев в Москве, как вся публика недовольна намерением императора освободить крестьян, я почерпнул в этом новое побуждение изложить мои мысли»¹⁴.

В отношении так называемого проекта графа Д. А. Гурьева, датируемого 1818–1819 гг. (в составлении которого приняли участие Я. А. Дружинин и М. А. Балугьянский, и который так и не был доделан до конца), можно говорить о поручении императора более уверенно. Так, в дневнике С. И. Тургенева 15 июля 1818 г. передается следующий разговор автора с самим руководителем проекта: «Я провел вечер у генерала Гурьева; он говорил мне о предполагаемом проекте государя возратить свободу крестьянам. Он шутил по этому поводу, говоря, что этим хотят установить турецкую свободу... Он излагал мне план, которым следовало бы заменить предполагаемый план государя. Он говорил мне об учреждении общин в имперских и помещичьих имениях, о точном определении крестьянских платежей их владельцам, о легализации власти последних и т. д. и т. д. Наконец, он не забыл ничего, кроме одной единственной вещи: необходимости гарантии для всего этого. А эта гарантия — свобода».

Как известно, С. В. Мироненко полагал, что в связи с рассмотрением этого проекта был создан некий секретный Комитет¹⁵. То же можно сказать и о проекте О. П. Козодавлева, также датируемом примерно 1818 г. и направленном на ускорение процесса освобождения крепостных, явно инициированном монархом¹⁶.

Также весьма определенно можно говорить о поручении императором в 1818 г. графу А. А. Аракчееву составить проект об освобождении крестьян. В самом его тексте, правда, позднейшей копии, говорилось следующее: «В феврале месяце 1818 года, перед отбытием Государя Императора из Москвы в Варшаву, граф Аракчеев объявил, что Его Величеству благоугодно было приказать начертать проект об освобождении помещичьих крестьян из крепостного состояния с тем, чтобы проект сей не заключал в себе никаких мер стеснительных для помещиков, а особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного

в исполнении со стороны правительства; напротив, чтобы они сопряжены были с выгодами помещиков и возбудили в них самих желание содействовать правительству и успехам образованности и необходимом для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей».

Не подлежит никакому сомнению, что Аракчеев взялся за такой проект только после личного указания императора. Аракчеев справился с этим заданием. Его проект предусматривал выделение ежегодно 5 млн руб. ассигнациями для выкупа имений и крепостных людей у помещиков. При этом из содержания самого документа явствует, что проект получил одобрение монарха, но не был реализован из-за внутривластных и внешнеполитических сложностей, в частности из-за известной Семеновской истории и смут в государствах Южной Европы¹⁷.

Заканчивая анализ данного вопроса, отметим, что на базе тех источников, которые известны нам, трудно делать весьма ответственный вывод об одновременном поручении Александром I такой большой группе «сановников» империи составления проектов освобождения крестьян. Иное дело, что сами заявления монарха на сей счет, делавшиеся неоднократно и становившиеся известными в дворянском обществе России, побуждали некоторых наиболее просвещенных деятелей обращаться с такими проектами. Тем не менее, судьба этих проектов была незавидна: они не были реализованы. Более того, по мнению А. Н. Пыпина, «правительство в некоторых случаях, где среди самого дворянства являлись частные проекты освобождения, отнеслось к ним... очень недружелюбно»¹⁸. Возможно, что это было связано со стремлением властей и, прежде всего, самого императора не выпускать инициативы крестьянской реформы из своих рук.

Примечания

1. Всего же, по нашим данным, за период царствования Александра I насчитывается 342 проекта разного рода, включая сюда и собственно проекты, адресованные монарху и высшим должностным лицам империи (о которых и говорится в данной статье), а также выступления представителей высшей администрации в различных высших государственных учреждениях, публикации в печати и даже сохранившиеся черновики тех проектов, окончательный текст которых нами не разыскан. Заметим, что их не всегда можно точно датировать. По годам это выглядит следующим образом: начало 1800-х — 2, 1801 — 11, 1801–1802 — 4, 1802 — 16, 1801–1803 — 5, 1802–1803 — 2, 1803 — 11, 1803–1804 — 1, 1804 — 8, 1805 — 3, 1805–1806 — 1, 1806 — 5, 1806–1808 — 1, 1807 — 4, 1808 — 3, 1808–1812 — 2, 1809 — 28, 1809–1810 — 1, 1810 — 12, 1811 — 11, 1812 — 5, 1813 — 1, 1813–1814 — 10, 1814 — 13, 1814–1815 — 3, 1815 — 2, 1814–1816 — 1, 1816 — 13, 1816–1817 — 1, 1817 — 21, 1818 — 43, 1818–1819 — 3, 1819 — 19, 1818–1820 — 1, 1819–1820 — 2, начало 1820-х — 1, 1820 — 16, 1821 — 11, 1821–1822 — 2, 1821–1827 — 1, 1822 — 13, 1823 — 6, 1823–1824 — 2, 1824 — 5, 1825 — 6, не датированные — 10. Еще более показателен анализ этих данных по пятилетиям: за 1801–1805 — 63, за 1806–1810 — 57, 1811–1815 — 46, 1816–1820 — 119, 1821–1825 — 47, не датированы — 10. То есть в среднем ежегодно в период 1801–1805 появлялось более 12 проектов, 1806–1810 — более 11, за 1811–1815 — более 9, за 1816–1820 — около 24, за 1821–1825 — более 9. В среднем при Александре I — более 14 проектов в год. Динамика здесь достаточно очевидна. Налицо главный пик — послевоенное пятилетие (более трети проектов), в особенности 1817–1819 гг., дающие около 90 проектов или более четверти всех проектов за 25 лет. В общем, можно сказать, что авторы 100 из них высказывались в том или ином виде за сохранение режима, 138 — за смягчение крепостного права, а 104 — за освобождение крестьян. (См.: Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сб. документов. В 2 т. / Подг. мат., введ. ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк, 2005; Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX вв. Липецк, 2006. Т. 1. С. 14–15; и др.).
2. Тургенев Н. И. Россия и русские / Пер. с франц. и ст. С. В. Житомирской. Комм. А. В. Курилкина. М., 2001. С. 254; Волков Е., Конюченко А. Русские императоры XIX века в свидетель-

- ствах современников и оценках потомков. Б/м., 2003. С. 49. Существует и иная точка зрения по данному вопросу. Так, например, А. В. Предтеченский, говоря о законодательстве в отношении крепостных в первой четверти XIX столетия, пришел к выводу о том, что особенно после Отечественной войны 1812 г. «правовое положение крестьян не только не улучшилось, но стало значительно хуже». (*Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века.* М.; Л., 1957. С. 325, 366).
- 3 *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I. 1888. С. 464, 482
- 4 Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 137; *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России (1765–1917 гг.). Историко-экономический очерк. М., 1963. С. 83; *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. М., 2003. С. 65, 74; История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. IV. М., 1967. С. 167; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 99; *Томсинов В. А.* Временщик (А. А. Аракчеев). М., 1996. С. 185; *Он же.* Аракчеев. М., 2003. С. 288; *Казаков Н. И.* Послесловие // *Валоттон А.* Александр I / Пер. с франц. М., 1991. С. 384–385. Более осторожно подошел к этой проблеме А. П. Шевырев, отмечавший, что в 1816–1820 гг. «многие помещики и сановники, как по собственной инициативе, так и поощряемые верховной властью, составляли и представляли императору записки и проекты решения крестьянского вопроса. Среди авторов этих записок были П. Д. Киселев, Н. С. Мордвинов, В. П. Кочубей, А. А. Аракчеев и др.». Обратим внимание и на позицию Е. Л. Рудницкой, отмечавшей, что Аракчееву и Гурьеву «была поручена последовательно подготовка общего плана уничтожения крепостного права». (Новая Российская энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 262; *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е. М., 2004. С. 103).
- 5 См.: Крестьянский вопрос в России...; *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I. СПб., 1869. С. 129–130; *Ильин П. В.* Новое об истории декабристского движения (по страницам неизвестной рукописи записок С. П. Трубецкого) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 140; и др.
- 6 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 309–313; Т. II. С. 267–268.
- 7 Там же. Т. I. С. 337–344; Т. II. С. 270; *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 79–80, 96–99.
- 8 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 286–288; Т. II. С. 265–266; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 265, 272–274. См. также: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- 9 Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 127–128, 283–287; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 40.
- 10 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 245–255; Т. II. С. 261–264; *Иконников В. С.* Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873; *Экштут С. А.* На службе российскому Левиафану. Историческо-социологические опыты. М., 1998. С. 99–111; и др.
- 11 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 279–286; Т. II. С. 264–265; *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 130; и др. См. также: *Долгих А. Н.* В. Н. Каразин и крестьянский вопрос // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сборник научных трудов IV Международной научной конференции / Отв. ред. И. Т. Шатохин. Т. 1. Белгород, 2006. С. 33–44.
- 12 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 288–303, 345–348, 351–358; Т. II. С. 266–267, 270–271, 273.
- 13 Там же. Т. II. С. 109–125, 281–282. А вот что сам Н. И. Тургенев писал о ней впоследствии: «Я только что перечитал эту записку — через 25 лет после того, как она была сочинена. Мне показалось, что она написана просто, умеренно, я бы даже сказал, добродушно; именно это, по моему мнению, должно было убедить того, кому я ее предназначал. Мне кажется, что, даже будучи законченным себялюбцем, нельзя было остаться равнодушным к этому бесхитроственному очерку состояния страны; указанные мною средства борьбы со злом уже должны были дать представление о том, сколь оно огромно, и побудить уважающую себя власть объять мыслью всю обширность задачи, решение коей было ее долгом. Однако итог чтения этой записки свелся к минутному ребяческому восторгу и повторению многократно данных, но так и не выполненных обещаний! Мне следовало это увидеть и понять бесполезность попыток заинтересовать великим и святым делом бессердечных комедиантов... Как бы то ни было, я упрекаю себя в том, что поверил людям без совести, без сердца, без воли, которые если вдруг и захотят чего-нибудь,

- то не имеют сил исполнить свое желание; особенно я ругаю себя за то, что разговаривал с ними столь доброжелательно!». (*Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 539–540).
- 14 Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 15–21, 275, 277; *Иконников В. С.* Указ. соч. С. 222–223.
 - 15 Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 40–93, 277–279; *Тургенев С. И.* Дневники 1815–1820 гг. // ОР РНБ. Ф. 849. Д. 142. Л. 144 об.–145; *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 106–113. Отметим, что в отношении специального комитета, созданного для решения крестьянского вопроса, гипотезу о котором довольно осторожно высказал в свое время С. В. Мироненко, в настоящее время высказаны новые и довольно спорные суждения. Так, Е. В. Волков прямо пишет о том, что в рамках его «были подготовлены не очень удачный проект Н. С. Мордвинова и хорошо продуманный план Е. Ф. Канкрин...». (*Волков Е. В., Конюченко А. И.* Указ. соч. С. 50). На самом деле, никаких сведений на сей счет нами не обнаружено.
 - 16 Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 3–15; Архив Государственного Совета. Царствование императора Александра I. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1874. Стб. 257–260.
 - 17 Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 313–315; Т. II. С. 268. По мнению Е. В. Волкова, поручение монарха Аракчееву было связано с отсутствием инициативы в деле освобождения крестьян со стороны великорусского дворянства. Автор указывал, что данный проект соответствовал «реалиям действительности того времени», и если бы император дал согласие на его осуществление, то в дальнейшем «отдельные недостатки» проекта можно было бы «скорректировать». (*Волков Е. В., Конюченко А. И.* Указ. соч. С. 49–50).
 - 18 *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 397.

А. Н. Анонасенко
Санкт-Петербург

Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: изменение платежей и надельного землепользования крестьян

Реформа 19 февраля 1861 г. стала одним из центральных событий в аграрной истории России XIX столетия, надолго определившим ее экономическое развитие. Итогом реформы, прежде всего, стало изменение крестьянского землепользования и структуры платежей. Изучение этого аспекта реформы 1861 г., определение наиболее точных цифр размеров отрезки и прирезки к крестьянским наделам, размеров оброчных платежей, позволяющих судить о результатах преобразований в деревне, остается одной из важнейших тем в современной историографии. Преобразования 1860-х гг. в периферийных северных губерниях империи зачастую приобретали своеобразные формы, обусловленные социально-экономическими особенностями развития края. Проведение реформы 19 февраля 1861 г. на Русском Севере требует специального изучения, учитывающего все многообразие местных условий.

Олонецкая губерния — одна из северных губерний Европейской России, которая по своим размерам занимала в XIX в. четвертое место, уступая только Архангельской, Вологодской и Пермской. Суровый климат, заболоченные или каменистые почвы, характерные для этого региона, препятствовали развитию в должной мере сельскохозяйственного производства. В связи с низким уровнем развития скотоводства крестьяне не имели возможностей для необходимого удобрения почвы, зато наличие больших незаселенных лесных пространств

способствовало широкому распространению подсечного хозяйства, при котором распахивались участки леса, а как только они переставали давать урожай — забрасывались и разрабатывались новые.

Для губернии было характерно широкое развитие отхожих промыслов, связанных, прежде всего, с лесозаготовительными работами. Способствовала развитию крестьянского отхода и близость крупного центра — Петербурга, а также то, что через южную часть губернии проходил отрезок Мариинской водной системы, где постоянно требовались рабочие руки.

Крепостных крестьян в губернии было немного. По 10-й ревизии их числилось 11 256 человек обоего пола. Это составляло менее 4 % общего числа жителей губернии¹. По числу крепостных крестьян Олонецкая губерния занимала последнее место среди губерний Европейской России, если не считать Архангельскую, где таковых практически не было.

В Олонецком крае даже средние по меркам Европейской России имения были редкостью, в основном, это были большие по своей территории, но малонаселенные поместья. Все крепостное население губернии распределялось между 219 помещиками, из которых 153 (69,9 %) являлись владельцами от 1 до 21 душ. Помещиков, имевших более 200 душ, было только двое. Крупнейшее поместье в Вытегорском уезде принадлежало Н. П. Апраксину (230 крепостных душ), а самым большим имением Лодейнопольского уезда было владение Д. В. Поленова, отца известного художника (295 крепостных).

Процесс проведения реформы 1861 г. в Олонецкой губернии был сложным и длительным. В течение двух лет со дня утверждения Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, должны были быть подготовлены уставные грамоты, регламентирующие процесс освобождения в каждом селении. В марте 1861 г. в губернии были учреждены мировые участки во главе с мировыми посредниками. Лодейнопольский уезд был разделен на 3 мировых участка, Вытегорский — на 2. Самый малочисленный по количеству крепостных (всего 43 ревизских души) Каргопольский уезд был причислен к ближайшему Вытегорскому мировому участку. Расстояние между селениями этого вновь образованного участка доходило до 50 верст, что значительно затрудняло работу мирового посредника по составлению уставных грамот. Наконец 2 уезда — Петрозаводский и Повенецкий (228 душ крепостных крестьян) — также не имели собственного мирового участка. Здесь составлением документов должен был заниматься специальный «член от правительства»². Необходимо принять во внимание тот факт, что в губернии «совсем нет или очень мало разработанных дорог, все сообщение по рекам и озерам, или через леса и болота по тропам, по которым часто и верхом проехать невозможно»³. В ходе работы по крестьянскому делу государственным чиновникам приходилось преодолевать огромные расстояния, и существование таких крупных административных единиц существенно замедляло темпы подготовки и введения в действие уставных грамот.

Кроме больших пространств губернии, составители уставных грамот столкнулись с еще одной не менее важной проблемой — отсутствием четко определенных границ между землями разных владельцев и их крестьян, что сильно затрудняло определение до- и послереформенного землепользования. Отсутствие необходимого количества квалифицированных землемеров в губернии, при необходимости скорейшего составления уставных грамот, привело к частому возникновению

ситуаций, когда крестьяне наделялись землей «формально», то есть определялся общий размер причитающихся им земельных угодий, без реального отвода наделов. Действительное же наделение крестьян землей в Олонецкой губернии произошло значительно позже — в 1870–1880-х гг., во время выкупной операции и было зафиксировано в заключительных документах — докладных записках о выкупе⁴.

Нами были рассмотрены все сохранившиеся по Олонецкой губернии выкупные документы. Данные этих источников о земле и повинностях крестьян были введены в электронную базу данных «Реформа» и обработаны с помощью методов математической статистики, что позволило обрисовать картину изменения размеров землепользования олонецких крестьян в ходе реформы 1861 г.

По данным сохранившихся в РГИА, ЦГИА СПб и НАРК дел о выкупе и переводе крестьян в государственное ведомство в Вытегорском, Лодейнопольском, Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии, согласно 10-й ревизии, проживало 4742 помещичьих крестьянина мужского пола и 264 дворовых. Отпущенных на волю после ревизии насчитывалось 20 душ, кроме того, к моменту начала реформы не пользовавшихся земельными наделами и не имевших права на них (в основном согласно 8 ст. Местного Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) было 385 душ мужского пола.

По имеющимся у нас данным, к февралю 1861 г. имели земельный надел и отбывали повинности за него — 4648 крестьян и дворовых губернии⁵. После реформы, к процедуре выкупа своих наделов приступили 4368 душ мужского пола (в это число не входят 224 крестьянина мелкопоместных имений, переведенные к этому времени в казенное ведомство, не учитывались также умершие и покинувшие имения крестьяне).

По материалам «дел о выкупе» Олонецкой губернии размеры дореформенной и послереформенной земли были достаточно точно определены для 2196 крестьян, что составляет 49,5 % количества душ, пользовавшихся наделами до реформы во всей губернии. Наиболее точными нами признаются такие сообщения о размерах дореформенных наделов, которые сопровождались следующими формулировками составителей уставных грамот: «по инструментальному измерению», «по планам генерального и специального межевания», «всего усадебной и полевой земли», «по домашнему измерению». Только в этих случаях мы можем сопоставить размеры земельных участков и платежей до реформы и после нее, а сами имения будем называть «сопоставимыми». В остальных грамотах дореформенная земля определялась чаще всего как соответствовавшая или нет «высшему» размеру надела (для Олонецкой губернии максимальный размер составлял 7 дес. на душу мужского пола), что не дает возможности для проведения статистического анализа их данных.

В число «сопоставимых» селений попали данные о наделах крестьян всех уездов и волостей, где существовало помещичье землевладение. Эти селения располагались в различных по величине имениях — от самых малонаселенных до крупнейших по меркам рассматриваемой губернии. Исходя из отмеченного, можно признать, что выборка «сопоставимых» данных, где крестьянское землепользование и размеры повинностей были известны как до, так и после реформы, является, на наш взгляд, случайной, естественно сформировавшейся выборкой⁶.

Рассмотрим соотношение форм повинностей до реформы для крестьян, попавших в выборку «сопоставимых селений». Известны три основные фор-

мы дореформенной эксплуатации крестьян: оброчная, барщинная и смешанная. Крестьяне, отбывавшие смешанную повинность, помимо денежного оброка обязаны были выполнять определенный объем барщинных работ. В ряде случаев в одном имении применялось одновременно две или даже все три формы повинности. Крестьяне таких имений были причислены нами к одной группе «прочие». Из 2 196 душ мужского пола с измеренными наделами, оброчных крестьян было 907 (41,3 %), барщинных — 180 (8,2 %), к разряду смешанной повинности относилось 427 (19,4 %), к «прочим» относились — 365 душ (16,6 %), крестьян, для которых форма повинности не была указана или вообще отсутствовала (не отбывали никаких повинностей) — 317 душ мужского пола (14,4 %). Таким образом, в число «сопоставимых» селений попали данные о наделах крестьян всех форм повинностей, распространенных в рассматриваемом регионе.

Оценка среднего душевого надела до реформы в губернии составляет 8,8 дес. (19361,6 дес. земли на 2 196 крестьян). В таблице 1 представлено распределение наделов крестьян разных категорий в дореформенный период. Минимальный надел в губернии составлял 0,8 дес., максимальный доходил до 40 дес. на душу. Как правило, минимальными земельными участками пользовались крепостные, хозяйство которых было ориентировано, в основном, на занятия промыслами. Большими угодьями, напротив, пользовались крестьяне сельскохозяйственных имений.

Рассмотрим размеры душевых наделов крестьян, состоявших на разных формах повинностей. Самыми большими душевыми наделами до реформы в Олонецкой губернии пользовались крепостные, состоявшие на смешанной повинности. Оценка средней душевого дореформенного надела на каждого крестьянина этой категории составляет 11,0 дес. на душу (4734,47 дес. на 427 душ). Оценка среднего душевого надела для крестьян, попавших в категорию «прочие» составляет 8,6 дес. на душу (3 111,1 дес. на 365 душ). Большинство их дореформенных наделов попадают в интервал от 10 до 11 дес. на душу мужского пола. Здесь необходимо отметить, что крестьяне смешанной и «прочей» форм повинностей проживали в селениях, входивших в состав крупнейших имений губернии, где помещики не были стеснены небольшим количеством земли. Кроме того, это были, в основном, развитые в экономическом отношении промысловые селения, крестьяне которых, наряду с различными видами барщинных работ, выплачивали большие оброки (доходившие до 30 руб. с души). В таких деревнях наличие у крестьян до реформы довольно больших участков земли объясняется еще и тем, что часть крестьянского дохода с надела шла на выплату оброка помещику.

У оброчных крестьян Олонецкой губернии на 907 душ с измеренными наделами приходилось 6 739,0 дес. удобной земли, то есть на каждого из них в среднем полагалось по 7,4 дес. удобной земли.

Наконец, самыми плохо обеспеченными землей оказались барщинные крестьяне. Оценка среднего размера их угодий составляет 5,7 дес. на ревизскую душу (1 033,07 дес. на 180 душ). При этом, основная часть барщинных крестьян (79,4 %) пользовалась до реформы всего 3–4-х десятинными наделами.

Таким образом, размеры надельного землепользования крепостных Олонецкой губернии до реформы сильно варьировались от селения к селению. Отличалось и землеобеспечение крестьян разных категорий. Минимальными наделами

Таблица 1

**Величина душевых наделов крестьян Олонецкой губернии до реформы
(сопоставимые селения)**

Величина наделов на душу* (в дес.)	Оброчные		Барщинные		На смешанной форме		«Прочие»		Форма не указана		Всего	
	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа
[0–1]	0	0,0	12	6,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	12	0,5
[1–2]	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	19	5,9	19	0,9
[2–3]	26	2,9	0	0,0	0	0,0	0	0,0	91	28,7	117	5,3
[3–4]	105	11,6	68	37,8	24	5,6	77	20,9	13	4,1	287	13,0
[4–5]	93	10,3	63	35,0	11	2,6	0	0,0	21	6,6	188	8,6
[5–6]	113	12,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	113	5,1
[6–7]	39	4,2	0	0,0	6	1,4	0	0,0	5	1,6	50	2,3
[7–8]	380	41,9	9	5,0	0	0,0	62	16,9	0	0,0	451	20,5
[8–9]	41	4,5	0	0,0	24	5,6	6	1,7	0	0,0	71	3,2
[9–10]	25	2,8	0	0,0	0	0,0	44	11,9	0	0,0	69	3,1
[10–11]	0	0,0	0	0,0	137	32,1	136	37,7	0	0,0	273	12,4
[11–12]	60	6,5	0	0,0	41	9,6	0	0,0	15	4,7	116	5,3
Более 12	25	2,8	28	15,5	184	43,1	40	10,8	153	48,3	430	19,5
Итого	907	100,0	180	100,0	427	100,0	365	100,0	317	100,0	2196	100,0

* Здесь, в других колонках и в последующих таблицах учтены души мужского пола.

в дореформенный период пользовались барщинные крестьяне, максимальными — крепостные, отбывавшие смешанную форму повинности.

Землеобеспечение олонечких крестьян после реформы претерпело значительные изменения. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г. высший размер надела для Олонецкой губернии составил 7 дес. на душу. По данным Докладных записок о выкупе, крестьяне Олонецкой губернии получили в среднем по 7,3 дес. земли на душу (15436,6 дес. земли на 2128 крестьян). То есть душевой надел бывших крепостных оказался приближенным к высшему наделу, установленному правительством.

Определим размеры абсолютного изменения крестьянского надела и размеры отрезанной и прирезанной в ходе реформы земли для крестьян разных категорий. Результаты этих расчетов по «сопоставимым» селениям, где известны крестьянские наделы и до, и после реформы, приведены в таблице 2.

Из данных таблицы видно, что отрезка по губернии составила 31,2 %, при прирезке в 11,0 %. Самый высокий процент прирезки оказался у барщинных крестьян, составив 49,5 % от дореформенной земли, что объясняется наличием у них в дореформенный период минимальных наделов, по сравнению с оброчными, или крепостными, отбывавшими смешанную форму повинности. Самая крупная

Таблица 2

**Изменение количества наделной земли у крестьян Олонецкой губернии
в ходе реформы (данные по сопоставимым имениям)**

Категории крестьян	Земля (в дес.)		Абсолютное изменение		Отрезка (в %)	Прирезка (в %)
	До реформы	После реформы	В дес.	В %		
Оброчные	6 739,03	6 194,85	–544,18	–8,0	–18,0	10,0
Барщинные	1 033,07	1 293,37	260,30	25,2	–24,3	49,5
На смешанной форме	4 734,47	3 213,35	–1 521,12	–32,1	–34,6	2,5
«Прочая»	3 111,10	2 193,82	–917,28	–29,5	–36,0	6,5
Форма не указана	3 743,91	2 541,25	–1 202,66	–32,1	–48,6	16,5
Всего	19 361,58	15 436,64	–3 924,94	–20,3	–31,2	11,0

отрезка оказалась у крестьян, попавших в категорию, где форма повинности не указана — 48,6 %, и крестьян, относящихся к категории «прочие» — 36,0 %.

Помимо этих показателей важно также определить, какое количество крестьян было охвачено процессом изменения наделов. Эти данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Численность крестьян Олонецкой губернии,
наделы которых подверглись изменениям (сопоставимые селения)**

Категория крестьян	Численность крестьян в селениях						
	Всего душ	С отрезкой		С прирезкой		Без изменений	
		душ	%	душ	%	душ	%
Оброчные	913	473	51,8	278	30,4	162	17,7
Барщинные	180	28	15,5	143	79,4	9	5,0
На смешанной форме	436	395	90,6	41	9,4	0	0,0
«Прочая»	276	184	66,6	80	28,9	12	4,3
Форма не указана	323	147	45,5	150	46,4	26	8,0
Всего	2 128	1 232	57,9	692	32,5	204	9,6

Анализ этой таблицы показывает, что наделная система в ходе реформы изменилась у 90,4 % крепостного населения губернии. Численность крестьян, наделы которых остались без изменения, была небольшой — 9,6 %. Количество крестьян с прирезкой и отрезкой подтверждают данные предыдущей таблицы. Мы видим, что среди барщинных крестьян прирезку получили 79,4 % душ, а отрезка оказалась характерной для 66,6 % крестьян, отнесенных нами к категории «прочие».

Рассмотрим размеры средних душевых наделов крестьян разных категорий после реформы. Средний надел оброчных крестьян после реформы составил 6,8 дес. на душу, то есть сократился по сравнению с дореформенным на 0,7 дес., или 8,7 %. Для барщинных крестьян надел увеличился на 1,5 дес. или 25,3 % и со-

ставил 7,2 дес. на душу. Пореформенный надел для крестьян, ранее состоявших на смешанной повинности, составил 7,4 дес., что на 3,7 дес. (или 33,4 %) менее чем до реформы. В «прочей» категории надел стал равен 7,9 дес., то есть уменьшился на 0,6 дес. или 6,9 %. Наконец, у крестьян, для которых форма дореформенной повинности не была указана, средний душевой надел составил 7,9 дес. и, таким образом, сократился на 1,5 дес. или 12,7 %.

Размеры пореформенных душевых наделов показывают, что в группах некоторых категорий крестьян размеры изменений не были столь значительны, как показано в таблице 2. Так, по этой таблице для крестьян «прочей» деревни определена крупная отрезка, составляющая -36,0 % при очень незначительном проценте прирезки в 6,0 %. При этом, как показал расчет изменения душевых наделов, для крестьян этой категории характерно небольшое изменение в душевом наделе — он сократился всего на 0,7 дес. или 7,7 %.

Отмеченный факт объясняется тем, что в этой группе крестьян произошло сильное изменение количества душ мужского пола. Оказалось, что в «прочих» селениях количество душ сократилось на 92 крестьян, то есть на 25 % по сравнению с дореформенным их числом. При работе с большим массивом данных такие колебания в абсолютной численности населения не оказали бы серьезного влияния на итоговые расчеты изменения землепользования в губернии, но в условиях работы с малой выборкой такие изменения населения оказывают большое воздействие на их результаты. В этом случае представляется оправданным рассмотреть ситуацию в этих имениях отдельно.

К моменту выкупа значительно изменилось количество крестьян в имениях А. В. Кобылина и И. Янковского. Так, в имении наследников А. В. Кобылина, располагавшегося в селениях Туричины, Лебедовичи, Говлина гора и Саксеницы Лодейнопольского уезда, числилось до реформы по уставной грамоте 90 душ крепостных крестьян, в пользовании которых было 900 дес. земли (по 10 дес. на душу). Выкупные документы сохранились только на 3 из этих деревень. Докладная записка о выкупе на деревню Туричины (43 души) в фондах исследуемых нами архивов не сохранилась, поэтому в расчеты об изменении крестьянского землепользования попали только 47 крестьян этого имения. В имении И. Янковского Петрозаводского уезда деревнях Сысоевская и Усадище по уставной грамоте числилось 77 пользующихся наделами крестьян. К моменту составления выкупных документов оказалось, что из них «... в живности и состоит налицо только 34 души, из коих 2 слепца, вовсе не способных к труду и третий нищий, 66 лет от роду, которые от принятия отведенного им по уставной грамоте надела вовсе отказались...»⁷, поэтому получить землю по докладной записке о выкупе должен был 31 крестьянин.

Если не учитывать эти имения в общих расчетах, то процент отрезки в так называемых «прочих» селениях значительно снизится, и составит — 20,9 %. Тогда общий процент отрезки по губернии будет равен 29,2 % земли. В связи с этим расчетом можно откорректировать данные таблицы 2 следующим образом (см. табл. 4).

Таким образом, в ходе определения размеров отрезки и прирезки крестьянских земель необходимо учитывать изменение количества крестьян в имениях, произошедшее за время проведения реформы. В противном случае мы можем получить заведомо искаженные результаты.

Таблица 4

**Изменение количества наделной земли у крестьян Олонецкой губернии
в ходе реформы (данные по сопоставимым селениям, без учета крестьян
помещиков А. В. Кобылина и И. Янковского)**

Категории крестьян	Земля (в дес.)		Абсолютное изменение		Отрезка (в %)	Прирезка (в %)
	До реформы	После реформы	В дес.	В %		
Оброчные	6 739,03	6 194,85	-544,18	-8,0	-18,0	10,0
Барщинные	1 033,07	1 293,37	260,30	25,2	-24,3	49,5
На смешанной форме	4 734,47	3 213,35	-1 521,12	-32,1	-34,6	2,5
«Прочая»	2 212,00	1 953,03	-258,97	-11,7	-20,9	9,2
Форма не указана	3 743,91	2 541,25	-1 202,66	-32,1	-48,6	16,5
Всего	18 462,48	15 195,85	-3 266,63	-17,7	-29,2	11,5

Теперь обратимся к рассмотрению групп крестьян, наделы которых в ходе реформы изменились.

В группе с отрезкой 902 крестьянина (73,6 %) пользовались до реформы наделами более 7 дес. на душу, то есть их дореформенное землепользование значительно превышало установленную правительством норму высшего размера. Так, земля была отрезана у крестьян помещицы В. И. Пахомовой селения Кукас Лодейнопольского уезда. Дореформенные наделы крестьян этой деревни составляли 14,5 дес. на душу, пореформенные равнялись 8,9 дес. Наделы крестьян Е. И. Белоносой, проживавших в деревнях Ратигоры и Поги того же уезда, сократились в ходе реформы с 40 до 12,4 дес. на душу. Здесь следует заметить, что крестьяне с большими дореформенными наделами, несмотря на отрезку части своих земель, и после реформы продолжали пользоваться земельными угодьями в большем, чем высший размер надела количестве. Части наделов, превышавшие пореформенную высшую норму, оформлялись документами чаще всего как дарственные.

Из 15 436,64 дес. земли, полученных крестьянами после реформы, 1 316,73 дес. (8,5 %) были отданы им помещиками в дар. Такие дарственные части к наделам получили 829 крестьян (40,6 %). В основном, это были крестьяне, пользовавшиеся до реформы угодьями, превышавшими размер высшего пореформенного надела.

Например, крестьяне помещика Н. А. Болдырева Вытегорского уезда Чернослободской волости пользовались до реформы наделами, составлявшими по 20 дес. на душу. После реформы им был обещан высший размер надела — 7 дес. на душу, а остальные угодья, принадлежавшие им до издания Положений, отдавались помещиком в дар, то есть без обложения их повинностями. Об этом сообщает уставная грамота на это имение: «хотя на основании 18 ст. Местного Положения остальная за отводом 49 дес. земля бывшая в пользовании крестьян <...> всего в количестве 91 д. 691 с. и подлежала бы отрезке в распоряжение помещика Болдарева, но таковая согласно заявлению его Болдарева и предложению земского отдела МВД Олонецкому по крестьянским делам Присутствию от 1 марта 1865 г. предоставляется в пользование крестьян за нижеозначенный оброк по 8 руб. серебром»⁸. Таким образом, крестьяне получили после реформы по

20 дес. удобной земли, за оброк, соответствовавший высшему 7-ми десятинному наделу.

Практикой наделения крестьян после реформы такими «дарственными» частями наделной земли, объясняется то, что пореформенные наделы крестьян тех категорий, для которых были характерны большие наделы, остались такими и после реформы по сравнению с крестьянами других категорий. Так, крестьяне, отбывавшие смешанную и «прочую» формы повинностей, оценка средних размеров которых была до реформы выше, чем аналогичный показатель для оброчных и барщинных крестьян, и после реформы получили наделы выше, чем последние — 7,37 дес. для смешанной формы повинностей и 7,95 дес. на душу для «прочей» деревни.

Рассмотрим группу имений, где наделы крестьян в ходе реформы были увеличены. Из 692 крестьян, получивших прирезку к своим дореформенным наделам также можно выделить группу, где наделы увеличились менее чем на одну десятину. Такие крестьяне составляют 11,5 % (80 душ) всех крестьян получивших прирезку. Столь незначительное изменение их наделов, скорее всего, объясняется простым уточнением их размеров в ходе дальнейших измерений. Наделы 64,3 % крепостных (или 445 душ) увеличились до высшей, 7-ми десятинной, нормы. Данную категорию крестьян, получивших прирезку, составляют барщинные крестьяне, увеличение земельных угодий которых можно объяснить желанием помещиков установить высший размер пореформенного оброка. Наконец, 24,1 % (167 душ) временнообязанных крестьян увеличили свои наделы более чем до 8 дес. на душу. Рассмотрим один из таких случаев.

Самое крупное увеличение наделов произошло в селении Заозерье Лодейнопольского уезда в поместье В. И. Пахомовой. До реформы крестьяне этой деревни пользовались наделами по 10 дес. на душу. По условиям уставной грамоты они должны были получить 7-ми десятинные наделы, однако, по данным Докладной записки, крестьяне выкупили угодья, составлявшие по 20 дес. на душу. Получение крепостными таких крупных наделов можно объяснить с помощью других источников. В акте мирового посредника о поверке крестьянских наделов, датированном 1862 г., есть упоминание о том, что оставшаяся за наделом крестьян помещичья дача по этой деревне «запродана на сруб торгующему крестьянину Ивану Абрамову Ильину»⁹. Всего в помещичьей даче при деревне Заозерье было, по плану специального межевания, 246 дес. 1823 саж. удобной земли, а вместе с неудобной — 268 дес. 679 саженой¹⁰. Ко времени выкупа крестьянами наделов, лес, по-видимому, был уже вырублен, и дача, поэтому, не представляла интереса для владелицы. Это позволило помещице отдать крестьянам в надел всю дачу по этой деревне. Земля была вновь измерена. В результате крестьянам было нарезано всего 250 дес. 2279 саж. земли, что составило по 20 дес. на душу¹¹.

После реформы изменилось и распределение душевых наделов. Ряд распределения наделов крестьян разных категорий представлен в таблице 5. Здесь видно, что менее всего изменилось распределение наделов оброчных крестьян губернии. Однако при этом, более половины (66,5 %) крестьян после реформы получили наделы от 7 до 8 дес. Из них 58,9 % (1255 душ) получили наделы от 6,99 — 7,25 дес. на душу, то есть высший размер надела для губернии. Интересен тот факт, что в интервал 7–8 дес. на душу попали 100 % барщинных крестьян, в то время как до реформы наделами такого размера пользовались лишь 5 % из

Таблица 5

**Величина душевых наделов крестьян Олонецкой губернии после реформы
(сопоставимые селения)**

Величина наделов на душу (в дес.)	Оброчные		Барщинные		На смешанной форме		«Прочие»		Форма не указана		Всего	
	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа	душ	% от общ. числа
[0–1)	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
[1–2)	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	19	5,9	19	0,9
[2–3)	11	1,2	0	0,0	0	0,0	31	11,2	0	0,0	42	1,9
[3–4)	36	3,9	0	0,0	0	0	0	0,0	0	0,0	36	1,8
[4–5)	99	10,8	0	0,0	0	0	0	0,0	0	0,0	99	4,6
[5–6)	75	8,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	75	3,5
[6–7)	61	6,7	0	0,0	6	1,4	0	0,0	0	0,0	67	3,1
[7–8)	512	56,07	180	100,0	369	84,6	125	45,3	230	71,2	1416	66,5
[8–9)	28	3,06	0	0,0	41	9,4	90	32,6	0	0,0	159	7,5
[9–10)	61	6,7	0	0,0	20	4,5	0	0,0	0	0,0	81	3,8
[10–11)	5	0,5	0	0,0	0	0,0	12	4,3	47	14,5	64	3,0
[11–12)	0	0,0	0	0,0	0	0,0	6	2,2	0	0,0	6	0,3
Более 12	25	2,7	0	0,0	0	0,0	12	4,3	27	8,4	64	3,0
Итого	913	100,0	180	100,0	436	100,0	276	100	323	100	2128	100,0

них. Это обстоятельство можно объяснить желанием помещиков барщинных имений увеличить наделы своих крестьян до высшего размера, для того, чтобы получить высший размер оброка установленный правительством для этого надела.

Сравнение рядов распределения крестьянских наделов до и после реформы представлено на диаграмме 1. Здесь видно, что вариация наделов после реформы значительно изменилась. Произошла концентрация величин наделов в интервале, соответствующем высшему их размеру. После реформы практически исчезли максимальные размеры земельных угодий, наделы 66,5 % крестьян сгруппировались в интервале от 7 до 8 дес. Таким образом, можно сказать, что в ходе реформы произошло значительное «уравнение» размеров крестьянских наделов до высшей, установленной правительством нормы.

Перейдем к рассмотрению вопроса о крестьянских платежах. Платили оброк до реформы 908 крестьян. В среднем на душу мужского пола в дореформенный период приходилось по 6 руб. 83 коп. платежей. Представление о распределении оброка в губернии дает таблица 6.

Колебания в размерах платежей до реформы весьма заметны. Большая часть крестьян, а именно 37 %, платили от 7 до 8 руб. в год, 13,3 % — от 6 до 7 руб., чуть меньшая часть крестьян (12,9 %) платили от 5 до 6 руб. и 11,7 % — от 8 до 9 руб.

Диаграмма 1. Распределение наделов крестьян Олонецкой губернии до и после реформы (сопоставимые селения)

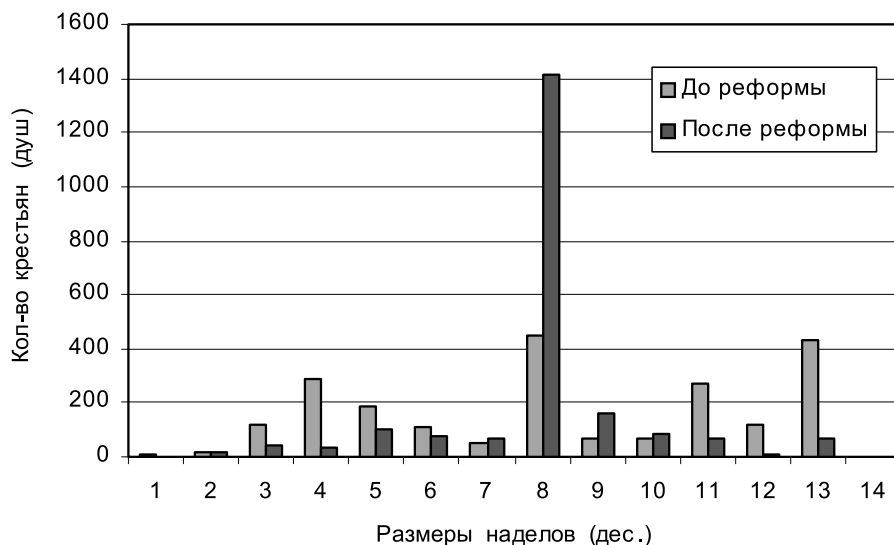

Таблица 6

Распределение повинностей крестьян Олонецкой губернии до и после реформы (сопоставимые селения)

Сумма оброка (руб.)	Оброчные				Бар- щинные		На сме- шанной форме		«Прочие»		Форма не указана		Все селения	
	1		2		2		2		2		2		2	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
[2–3]	50	5,5	50	5,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	50	2,3
[3–4]	39	4,3	39	4,3	9	5,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	48	2,2
[4–5]	50	5,5	52	5,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	19	5,9	71	3,3
[5–6]	118	12,9	133	14,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	133	6,3
[6–7]	121	13,3	199	21,7	0	0,0	20	4,6	31	11,2	0	0,0	250	11,8
[7–8]	336	37,0	283	30,8	31	17,2	6	1,4	0	0,0	103	32,0	423	19,8
[8–9]	106	11,7	161	17,5	140	77,7	410	94,0	245	88,7	199	61,9	1155	54,2
[9–10]	48	5,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
[10–11]	1	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
[11–12]	29	3,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Более 12	10	1,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего	908	100,0	917	100,0	180	100,0	436	100,0	276	100,0	321	100,0	2130	100,0

1 — количество душ до реформы;

А — количество душ;

2 — количество душ после реформы;

Б — % от общего числа душ.

Рассмотрим случаи с самым низким и самым высоким размером оброка. Оброк от 2 до 3 руб. платили 50 крестьян, составляющие 5,5 % крепостных. Наименьший оброк в губернии платили крестьяне двух имений — наследников Г. Боровитинова (деревня Тененичи) и наследников помещицы Вандомской (деревня Рахковичи). Деревня Тененичи располагалась в 45 верстах от волостного правления. 13 крестьян этого селения, принадлежавшие помещику Боровитинову, проживали в одном дворе¹² и пользовались небольшими наделами, составлявшими по 3,7 дес. на душу¹³. Крестьяне помещицы Вандомской, проживавшие в деревне Рахковичи, находились в похожих условиях, с тем лишь отличием, что пользовались до реформы несколько большими наделами, составлявшими по 7 дес. на душу¹⁴. Оба селения находились в местности, далекой от сплавных рек и крупных промысловых центров. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с беднейшими имениями, чем и объясняется наличие в них низкого оброка. Надо заметить, что ко времени выкупной операции, оба имения, в связи со своей малой доходностью для владельцев, уже были проданы «на сруб» лесопромышленникам.

Самый высокий оброк в губернии платили крестьяне Лодейнопольского уезда деревень Усадище и Наволок помещицы В. П. Беляевой. Он составлял 14,3 руб. на душу. Согласно сообщению источников, хозяйство этих крестьян «поддерживается отхожими и местными промыслами»¹⁵. Наличие такого высокого платежа объясняется выгодным месторасположением этих деревень, создававшим возможность для получения крестьянами дополнительных доходов.

В целом, 907 оброчных крестьян Олонецкой губернии пользовались до реформы земельными угодьями, общий размер которых составлял 6 739,03 дес. удобной земли. За эти наделы крепостные выплачивали 6 206,66 руб. оброка. Получается, что оброчные крестьяне Олонецкой губернии платили до реформы, в среднем, по 6 руб. 83 коп. серебром с одной души мужского пола. «Цена» же каждой десятины земли дореформенного крестьянского надела составляла 0,92 коп. серебром.

После реформы структура крестьянских платежей несколько изменилась. По положениям 19 февраля 1861 г. для губернии был установлен высший размер оброка в 8 руб. серебром с души в год. Как показано в таблице 6, размеры оброка до 5 руб. практически не изменились. Это было связано с тем, что на основании статьи 170 «Местного положения» крестьяне, состоявшие до реформы на чистом оброке, не могли облагаться платежами, превышающими по сумме дореформенные. Поэтому помещики не могли повысить размер оброка, если до реформы он составлял менее 8 руб.

Изменения в количестве душ, плативших до реформы от 4 до 5 руб., произошли из-за причисления к этому сельскому обществу крестьян, ранее проживавших в имении той же помещицы Е. Н. Шепелевой в Санкт-Петербургской губернии¹⁶. Увеличение количества крестьян, плативших от 5 до 9 руб., произошло вследствие уменьшения размера оброка в группах от 9 до «более 12» руб. Рассмотрим несколько примеров.

В имении коллежского секретаря Г. И. Преснякова, в деревнях Нееловщина и Костино поле Лодейнопольского уезда, до реформы крестьяне пользовались 5 дес. 1 156 саж. на душу и платили за них по 9 руб. 60 коп. с души. После реформы они были оставлены при прежнем пользовании землей. Так как крестьянский пореформенный надел был ниже высшего, установленного правительством в 7 дес., оброк также был понижен до 6 руб. 65 коп. серебром с души¹⁷.

Такая же ситуация имела место в имении вытегорского помещика А. Я. Герольда. Здесь крестьянам до реформы принадлежали наделы в 5,14 дес. на душу, за которые они платили по 9 руб. 50 коп. с души в год. После реформы крестьяне получили те же наделы, а оброк был понижен до 6 руб. 50 копеек¹⁸.

Таким образом, понижение оброка наблюдается для 88 крестьян, составляющих 9,5 % всех крепостных, состоявших на оброчной повинности. В среднем платежи оброчных крестьян после реформы составили 6 руб. 42 коп. серебром с души. В сравнении с размером дореформенного душевого оброка он сократился очень незначительно — на 41 коп. или на 6 %.

Несмотря на снижение душевых платежей крестьян после реформы, «цена» пореформенной десятины земли в крестьянском наделе увеличилась. Если до реформы на одну десятину земли приходилось 0,92 коп. платежей, то после реформы этот показатель составил 1 руб. на десятину. Таким образом, «цена» одной десятины удобной земли в крестьянском наделе увеличилась в результате реформы на 8 коп. или 8,6 % по сравнению с ее дореформенной «стоимостью».

В целом пореформенные платежи оброчных крестьян оказались ниже, чем для крестьян других категорий. Таблица распределения платежей барщинных крестьян после реформы показывает, что все они, кроме 9 крестьян лодейно-польских помещиков Саблиных, плативших по 3 руб. 67 коп., установленных по особому соглашению крестьян с помещиками¹⁹, попадают в интервал от 7 до 9 руб. с души. При этом, 77,7 % барщинных крестьян платили после реформы ровно 8 руб. оброка, то есть высший его размер установленный положениями 19 февраля 1861 г.

Высший размер оброка стали платить и большинство крестьян, отбывавших до реформы смешанную форму повинности. Такие крестьяне составляли 94 % всего населения этой категории. В «прочих» селениях процент крепостных, плативших оброк в 8 руб., был также высок — он составляет 88,7 %. Надо заметить, что объем дореформенных барщины и издельной части смешанной и «прочей» повинностей в уставных грамотах чаще всего не оценивались в денежной форме. Это позволило помещикам установить высший размер пореформенного оброка, т. к. доказать, что до реформы общий объем крестьянских повинностей составлял менее 8 руб., было невозможно при отсутствии об этом необходимых данных в документах.

По имеющимся у нас сведениям уставных грамот о размерах дореформенных повинностей крестьян, состоявших на смешанной их форме, можно сделать следующие наблюдения. В ряде имений, для которых денежная оценка дореформенных повинностей была определена документально, установление пореформенного оброка в 8 руб. оказалось понижением общей суммы повинностей. В качестве примера здесь можно привести крестьян помещика Д. В. Поленова, общая оценка размера повинностей которых, по разным селениям, составляла от 10 руб. 28 коп. до 13 руб. 20 коп. с души. Так, 40 душ деревни Жихарева, по сообщению уставной грамоты, «состояли на смешанной повинности, то есть сверх выплачиваемого ими ежегодно оброка по 14 руб. с тягла обязаны были отрабатывать на помещика по 8 тягловых дней в летнее время и по 8 мужских дней в зимнее... а оценя первые в 1 р. 20 к., а последние в 70 к., все же рабочие дни с 18 тягол в 273 р. 60 к., сумма повинности <...> составляла 525 р.»²⁰. То есть до реформы крестьяне этой деревни платили с души 6 руб. 30 коп. оброка и отрабатывали в пользу помещика на сумму по 6 руб. 84 коп. с души. Всего каждый крестьянин

нес повинностей на сумму в 13 руб. 14 коп. После реформы всем этим крестьянам устанавливался высший размер оброка в 8 руб. в год, что для некоторых из них стало очень серьезным облегчением повинностей.

«Цена» одной десятины земли в пореформенных наделах крестьян, ранее отбывавших смешанную и барщинную формы повинностей, оказалась выше аналогичного показателя для оброчных крепостных. Так, для барщинных крестьян на одну десятину удобной земли приходилось 1,06 коп. пореформенных платежей, а для крестьян смешанной повинности — 1,07 коп. Крестьяне «прочих» имений после реформы стали платить по — 0,98 коп. за десятину наделной земли.

В целом по губернии для помещичьих крестьян всех категорий на каждую десятину пореформенной земли приходилось по 1,03 коп. платежей (на 14911,49 дес. земли приходилось после реформы 15364,19 руб. оброка). Следует учесть, что продажная цена на землю в губернии была значительно выше. По данным на 1859 г. «цена за десятину заселенной земли 2 р. 86 коп., а незаселенной — 3 руб. 38 коп. в среднем по губернии»²¹.

Подводя итоги, можно сказать, что реформа глубоко затронула структуру крестьянского землепользования. В ходе освобождения изменились размеры наделов около 90 % крестьян губернии. Отрезка крестьянской земли составила примерно 29,2 % всей дореформенной земли. Вместе с тем, процентное соотношение прирезанной земли также было довольно высоким — около 11,5 %, что объясняется невысокой стоимостью земли в малоплодородном Олонецком крае, а также стремлением помещиков, выделив максимальный размер угодий, получить со своих крепостных максимальный же размер оброка.

Менее всего в ходе реформы изменились платежи и землеобеспечение оброчных крестьян, для которых, при сохранении наделов в их дореформенных размерах, в ряде случаев, были понижены пореформенные оброчные платежи, что должно было положительно сказаться на их дальнейшем экономическом развитии. Результаты реформы для барщинных крестьян нельзя назвать однозначными. Несмотря на то, что размеры их землепользования значительно увеличились, произошло и значительное увеличение платежей за эту землю. Если учесть, что барщинные имения располагались, в основном, в сельскохозяйственных волостях губернии, где получение дополнительных заработков было затруднено, то выплата максимального размера оброка становилась для них подчас непосильной задачей. Остальные категории временнообязанных крестьян губернии, отбывавшие до реформы «смешанную» (оброчно-барщинную) и «прочую» формы повинностей, даже при условии большой отрезки (34 и 20 % от дореформенных наделов), сохранили самые большие среди крепостных губернии наделы. Вместе с отменой барщинной части повинностей, дореформенные платежи этих крестьян, в основном, были значительно снижены. По свидетельствам источников, «освободившиеся» при этом средства крестьяне зачастую использовали для выплаты арендной платы помещику за недостающую часть земли. Среди этих категорий крестьян встречались даже случаи выкупа всей помещичьей дачи крестьянами после реформы.

Необходимо заметить, что лишь цифровые показатели (средний размер наделов до и после реформы, размер отрезка и прирезки, количество платежей на душу и т. п.), не полностью раскрывают результаты реформы 1861 г. Крестьянское хозяйство представляло собой совокупность многих хозяйственных ресурсов, которые не всегда поддаются статистической обработке. Известно, что в

первой половине XIX в. среди северных крестьян было широко распространено подсеčno-огневое земледелие. Пользование крестьян подсеками не было отражено в уставных грамотах и выкупных документах по причине сложности учета этих участков. Поэтому, хотя зафиксированное источниками сокращение площади крестьянских земельных угодий в ходе реформы было незначительным, крестьяне могли понести серьезные экономические потери от запрещения пользования лесными пашнями и закрепления за ними строго фиксированных наделов. Это обстоятельство привело к увеличению к началу XX в. значения отхожих промыслов, отмеченное многими исследователями социально-экономического развития Олонецкого края²².

Примечания

- 1 *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10 народной переписи. СПб., 1861. С. 34.
- 2 НАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 6.
- 3 РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5447.
- 4 *Анонасенко А. Н.* К вопросу о ходе межевания помещичьих земель в процессе проведения реформы 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 2001; *Она же.* Массовые источники по истории реализации реформы 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002.
- 5 Приводимое здесь количество крестьян, пользовавшихся земельными наделами до реформы, на 47 душ больше, чем имели право на надел согласно данным X ревизии (по X ревизии имели право на надел 4601 душ, а действительно пользовались наделами до реформы 4648). Эти 47 душ составляли крестьяне, числившиеся по ревизии в других губерниях, где находились имения их владельцев. В качестве примера можно привести имение Ф. О. Ласского, располагавшееся в деревне Печеницы Лодейнопольского уезда. Согласно выкупным документам, за три года до начала Великой реформы помещик переселил в свое Лодейнопольское имение 1 душу м. п., записанную ранее в Новгородской губернии (РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 149. Л. 2). В имении Саблиных, того же Лодейнопольского уезда, проживало 4 дворовых крестьянина, числившихся по X ревизии в имении тех же владельцев в Санкт-Петербургской губернии Новоладожского уезда. (РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 156. Л. 16 об.).
- 6 Выборочный метод исследования был подробно описан в работах С. Г. Кашенко. (См.: *Кашенко С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-западе России. М., 1995; *Он же.* Отмена крепостного права в Псковской губернии. СПб., 1996; *Он же.* Отмена крепостного права в столичной губернии. СПб., 2001).
- 7 РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 164. Л. 23.
- 8 Там же. Д. 6. Л. 16.
- 9 ЦГИА СПб. Ф. 1766. Оп. 3. Д. 15. Л. 9.
- 10 РГАДА. Ф. 1354. Оп. 288. Ч. II. Д. 3–14. Л. 1.
- 11 РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 100. Л. 24.
- 12 НАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 138.
- 13 РГИА. Ф. 577. Оп. 24. Д. 150. Л. 9 об.
- 14 Там же. Д. 152. Л. 13 об.
- 15 Там же. Д. 143. Л. 13 об.
- 16 Там же. Д. 138. Л. 11.
- 17 Там же. Д. 111. Л. 8 об. — 9.
- 18 Там же. Д. 14. Л. 11 об. — 12.
- 19 Там же. Д. 155. Л. 9.
- 20 Там же. Д. 105. Л. 3.
- 21 О продажных ценах на земли заселенные и не заселенные, по купчим крепостям // Олонецкие губернские ведомости. 1859. № 46.
- 22 См: *Кораблев Н. А.* К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период // Вопросы истории Европейского Севера (Социально-экономические проблемы): Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988; *Он же.* Крестьянское предпринимательство в Ка-

релии во второй половине XIX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994; *Он же*. Крестьянское рыболовство на внутренних водоемах Карелии: (Вторая половина XIX в.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1995; *Матти Полла* К характеристике карельской крестьянской семьи XIX в. // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2003; *Мокина Г. Г.* Неземледельческие занятия крестьян Вытегорского уезда в конце XIX – начале XX века // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 1.

В. В. Небрат
Киев

Теоретические основы и практические результаты денежной реформы 1922–1924 гг.

В современных условиях системной трансформации общества анализ рыночных и антирыночных преобразований отечественной экономики актуален как никогда раньше. Поэтому особый интерес представляет исследование истории хозяйства в единстве с теоретическим анализом научного наследия отечественных экономистов. Следует отметить, что изучение ретроспективы отечественной экономической науки, хотя и значительно активизировалось в последнее десятилетие, тем не менее, не дает целостной картины эволюции теории денежного обращения и финансовых отношений. Вопросы денежного обращения и теоретического обоснования денежной политики в годы антирыночных преобразований отечественной экономики освещались в публикациях украинских историков-экономистов В. Е. Власенко, Т. И. Деревянкина, Э. Л. Лортикяна, Р. Д. Толстова, Н. И. Савлука и др. Целью данной публикации является анализ теоретической дискуссии, предшествовавший проведению денежной реформы 1922–1924 гг., в контексте эволюции теории денег и трансформации институтов рыночного хозяйства в период осуществления новой экономической политики.

Расстройство денежной системы, вызванное мировой войной и революцией, еще более усугубилось в годы «военного коммунизма». Советское правительство не имело четкой концепции развития финансово-денежных институтов и их места в будущей системе хозяйства. Политический лозунг «вытеснения» товарных отношений непосредственным централизованным распределением и «отмирания» денег, провозглашение их пережитком, который не имеет никакой реальной ценности, на практике привело к искажению обмена и полного хаоса в расчетно-учетном деле.

Перелом в экономической политике советской власти выразительно проявился в середине 1921 г., когда был провозглашен новый курс экономической политики. Это означало, во-первых, признание за частной промышленностью и торговлей права на существование и, во-вторых, выделение значительной доли государственных предприятий в самостоятельные хозяйственные единицы, которые работают на началах коммерческого расчета. Тем самым на первое место выдвигалась задача воссоздания нормальных денежных отношений, поскольку отсутствие единой и прочной денежной системы оказалось важнейшим препятствием на пути экономического восстановления¹.

Первоначальный план нэпа предусматривал создание системы товарообмена без торговли, однако, он потерпел неудачу. Это вынужден был признать даже основатель этой политики — В. Ленин, который в октябре 1921 г. заявил, что «...с товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обычная купля-продажа». И далее он подчеркнул, что «теперь мы оказались в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения»².

Денежная эмиссия продолжала расти ускоряющимися темпами. Месячный прирост денежной массы постоянно увеличивался: с 20 % в июле 1921 г. почти до 30 % в сентябре, до 52 % в ноябре и 78,8 % в декабре 1921 г. После этой высшей точки подъема началось определенное снижение: январь 1922 г. дал 72 %, февраль — 57–68 %, а в июне — августе 1922 г. прирост составлял 40,6–49,8 %³. Огромный годичный скачек вверх кривой темпа эмиссий был вызван двумя обстоятельствами: во-первых, условиями неурожая и последовавшего за ним голода 1922 г., сделавшего финансовые нужды государства особенно настоятельными и неотложными, и, во-вторых, получившим в это время преобладание основным направлением советской финансовой и эмиссионной политики, которое явно переоценивало позитивные возможности использования эмиссионного аппарата и недооценивало его разрушительное и дезорганизующее влияние на народнохозяйственный организм. Анализируя абсолютную и относительную эффективность эмиссий, С. Фалькнер установил, что, начиная с 1917 г. вплоть до середины 1921 г. происходило неуклонное падение реального значения эмитируемой каждый следующий месяц денежной массы, сводящее, в конце концов, реальную стоимость денежной массы почти на нет⁴.

Для решения задачи создания устойчивой денежной системы в первую очередь необходимо было сократить и впоследствии прекратить эмиссию с тем, чтобы в дальнейшем восстановить нормальное денежное обращение на основе золотой валюты. Таким образом, после кратковременного опыта натурального товарообмена был взят курс на развитие торговли и восстановление денежного обращения. Практическая реализация этого курса становилась возможной по мере улучшения общего хозяйственного положения страны, восстановления экономических связей между районами, оздоровления финансовой (в особенности налоговой) системы, повышения производительности труда на предприятиях. С другой стороны, именно этот общий хозяйственный восстановительный процесс все более требовал ведения устойчивой валюты. В условиях жесточайшего финансового кризиса, вызванного войной, неурожаем, и усугубленного социалистическими экспериментами по внедрению безденежных расчетов и практикой эмиссионного хозяйства, единственно верным было решение о поэтапной денежной реформе, дающей хозяйственному обороту твердое мерило стоимости и надежное средство накопления.

Вопрос заключался прежде всего в том, можно ли, и нужно ли, создавать какие либо новые, по крайней мере, относительно устойчивые деньги при наличии обесценивающегося советского денежного знака и при общепризнанной необходимости дальнейшего его обесценивания в течение более или менее продолжительного срока. Во-вторых, необходимо было определиться, какие это будут деньги — бумажные или металлические. В этом отношении господствовало

полное единодушие: для всех было очевидно, что нельзя выпускать в обращение золото при совершенно ненормальном состоянии государственного бюджета, при зачаточном состоянии внешней торговли, при резко пассивном внешнем торговом балансе, при сильно ограниченных металлических запасах. Но многие авторитетные экономисты и финансисты полагали, что несвоевременно так же приступать к выпуску каких либо новых, относительно устойчивых бумажных денег. Так, профессор П. Гензель, подчеркивая необходимость восстановления всего финансового хозяйства и отвергая идею выпуска металлических денег, вместе с тем настаивал на сохранении в обращении советских знаков. Он считал, что создание параллельно с неразменной чисто бумажной валютой еще другой, разменной и основанной на строго банковских началах, является нерациональным шагом, речь может идти только о регулировании существующего бумажного руля. Профессор Н. Шапошников также говорил о нежелательности выпуска наряду с советскими денежными знаками каких-либо других денег.

Теоретическая дискуссия, которая предшествовала подготовке денежной реформы 1922–1924 гг., удостоверяла идеологическую предубежденность и отсутствие четкого видения перспектив денежного обращения в среде экономистов новой, советской генерации. Вместе с тем, ученые дореволюционной школы, опиравшиеся в трактовке всех без исключения практических вопросов хозяйственного строительства на крепкий фундамент экономической науки, твердили о необходимости восстановления нормального товарно-денежного обращения с использованием денежных средств, которые эффективно выполняют все функции денег. Опыт политики военного коммунизма убедительно свидетельствовал в пользу возвращения к полноценному денежному обращению, восстановлению кредита, системы учета и т. п. Таким образом, политическое решение о проведении денежной реформы с целью укрепления денежной единицы требовало теоретической разработки и практического обоснования.

В подготовке денежной реформы принимало участие большое количество экономистов, которые представляли различные научные школы в теории денег. Значительное влияние на формирование идеологии денежной реформы и конкретного плана ее проведения имели ученые старой «буржуазной» школы (как со временем их стали называть), признававшие правильность и эффективность лишь тех денежных систем, которые базируются на полноценном обеспечении денежной единицы золотом. Среди таковых можно отметить ученых-экономистов В. Железнова, Н. Кутлера, М. Деревенко, А. Мануйлова, С. Киселева и др. Марксистская школа также выдвинула немало сторонников идеи восстановления в советской России денежной системы, которая базируется на золотой основе. Здесь можно назвать Д. Боголепова, И. Трахтенберга, Г. Крумина, А. Лежаву, С. Губермана, Б. Лившица и др. В частности, И. Трахтенберг, выступая с критикой теории бумажных денег М. Туган-Барановского, подчеркивал: «И при господстве бумажно-денежного обращения остается надобность в полноценных металлических денежных знаках»⁵. Приверженцы разных научных направлений, которые расходились в вопросах идеологического характера, пришли к согласию относительно принципов проведения денежной реформы, а именно: они считали, что необходимо восстановить в России золотомонетный стандарт и таким образом обеспечить полноценное и эффективное с точки зрения нужд народного хозяйства денежное обращение.

Значительная заслуга в решении задач оздоровления бюджета и стабилизации денежного обращения принадлежит Г. Сокольникову. В ноябре 1921 г. он стал членом коллегии Наркомфина и практически сразу же — заместителем главы этого комитета, а осенью 1922 г. был назначен наркомом финансов. Для успеха дела Г. Сокольников считал важным увеличить товароборот (путем развития внутренней, внешней, кооперативной и частной торговли), уменьшить бюджетный дефицит (а в перспективе полностью его ликвидировать за счет резкого сокращения расходов), всемерно увеличить доходы, развить налоговую систему, остановить безудержную денежную эмиссию. Он был убежден, что для решения задачи финансового обеспечения новой экономической политики необходимо стать «Плюшкиным в кубе» и безотлагательно провести денежную реформу. Ее основу Г. Сокольников видел в создании твердой валюты и в организации новой банковской системы, а также во всемерном развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли и внешнеэкономической деятельности. Нарком финансов сумел привлечь к разработке проекта реформы талантливых ученых-финансистов старой России и опытных чиновников. Например, для подготовки денежной реформы был приглашен опытный финансист Н. Кутлер, который участвовал в проведении знаменитой реформы С. Витте в 1895–1897 гг. По мнению Н. Кутлера, в условиях крайнего расстройств государственных финансов денежная реформа сама по себе не может упорядочить денежное обращение. Для его стабилизации необходимо бюджетное равновесие, т. е. следует сократить расходы государства и увеличить его доходы. Таким образом, параллельно с подготовкой денежной реформы закладывались основы реформирования налоговой системы.

За основу проведения денежной реформы была взята идея о параллельном существовании двух валют — банковских билетов и совзнаков. При этом предусматривалось, что банковские билеты Госбанка будут беспрепятственно обмениваться в государственных кассах на совзнаки по последнему курсу, установленному Наркомфином. Эта точка зрения становилась все более распространенной. В записке Г. Сокольникова в комиссию ЦК РКП(б) об основах денежной реформы указывалось на необходимость поддержания Госбанком паритета золотых и бумажных денег, был предусмотрен механизм обмена червонцев в банках на казначейские билеты, порядок свертывания эмиссии совзнаков и их выкупа у населения, упразднение товарного рубля как платежной единицы⁶.

Одним из авторов и организаторов выпуска «золотого червонца», соратником Г. Сокольникова был Л. Юровский. В работах «На путях к денежной реформе», «Денежная политика советской власти (1917–1927)» он обосновал необходимость и основные этапы денежной реформы. Проблему стабилизации валюты Л. Юровский не сводил к задачам только финансовой политики; категорически выступал против эмиссии как источника средств финансирования; подчеркивал важность преодоления образовавшихся диспропорций, создания благоприятных условий для общего подъема экономики — промышленности и сельского хозяйства⁷. Рассматривая природу товарно-социалистической системы, Л. Юровский полемизировал с экономистами, игнорировавшими законы товарного хозяйства. В частности, наминал о необходимости учитывать действие «закона стоимости», подчеркивал, что, разрабатывая экономическую политику, важно научиться согласовывать противоречивое действие плановых и рыночных начал⁸.

В течение некоторого времени среди экономистов дебатировался вопрос о том, какому учреждению поручить новую эмиссию. В частности, вносились предложения об использовании иностранных банков, которые могли бы привлечь иностранный капитал, а также разрабатывалась идея об организации смешанного банка. Однако тот факт, что страна уже имела собственный крупный кредитный институт — Госбанк — наряду с соображениями политического характера, вскоре заставил решить вопрос в пользу предоставления Государственному Банку Союза права выпуска банковских билетов.

Базовым законодательным документом, который знаменовал начало проведения денежной реформы 1922–1924 гг. стал Декрет Совета Народных Комиссаров от 25 июля 1922 г. «О предоставлении Государственному банку права выпуска в обращение банковских билетов». Им предполагались такие меры:

- фиксация официального золотого содержания новой денежной единицы — червонца;
- обеспечение выпуска червонцев драгоценными металлами не меньше, чем на четверть их номинальной суммы;
- провозглашение о размене червонцев на золото, с оговоркой о том, что срок начала размена должен устанавливаться особым правительственным актом;
- червонцы подлежали приему в погашение всех государственных сборов и платежей, если они по закону установлены в золоте;
- банковские билеты допускались к котировке на всех биржах России.

Решение о необходимости обеспечения банковских билетов полноценной монетой было закреплено декретом СНК от 26 октября 1922 г. «О чеканке золотых червонцев». Согласно этому документу, Народному комиссариату финансов было поручено начать чеканку золотой монеты (червонцев). Однако срок выпуска не был назначен. Затем размен банковских билетов на золотую монету был отложен. Незначительное количество золотых червонцев все же было вычеканено, и этот факт свидетельствовал о серьезности намерений правительства, сыграв положительную роль во внедрении в обращение новых денег и формировании у граждан доверия к ним.

Во время подготовки и проведения реформы еще одна группа экономистов отстаивала возможность и целесообразность создания системы бумажно-денежного обращения, которая бы целиком базировалась на регуляторной деятельности государства и не нуждалась в золотом обеспечении. К этой группе принадлежали ведущие государственные деятели, экономисты-практики, которые старались быть последовательными в строительстве принципиально нового экономического порядка и организовывали плановую систему управления народным хозяйством — С. Струмилин, А. Дембо, Е. Преображенский, а также известные ученые — М. Боголепов, А. Соколов, З. Каценеленбаум, Д. Ловецкий, Д. Кузовков и др.

В частности, С. Струмилин считал советскую экономику настолько организованной, а рыночные институты ослабленными и лишенными своей объективной основы — частной собственности, — что товары, по его мнению, могли обмениваться по сознательно установленным оценкам. В таких условиях золото больше не служит мерилom стоимости, эту функцию берут на себя плановые органы, которые используют условную индексную единицу. Идея создания особой товарной валюты, которая базировалась бы исключительно на товарном обращении и не имела связи с золотом, заключалась в устранении возможности

использовать деньги как средство накопления и капитализации. Они должны были служить исключительно как учетная единица и средство распределения общественных продуктов между отдельными работниками⁹. Решающее значение в обеспечении стабильности таких денег предоставлялось государственному регулированию товарного и денежного обращения.

Подобных взглядов относительно создания товарной валюты придерживался к тому времени глава Финансовой комиссии ЦК РКП(б) и Совнаркома, заместитель Наркома финансов Е. Преображенский. Особенность его трактовки товарной валюты заключалась в том, что бумажные деньги выступают якобы носителями «воспоминания» о ценах периода золотомонетного стандарта, и обозначение номинала по отношению к золоту на товарных деньгах будет лишь способствовать укреплению доверия к ним¹⁰. Г. Боголепов считал, что действительными деньгами могут быть только такие, которые получают статус платежного средства в силу закона, а стабильность их ценности обеспечивается активной валютной политикой государства. При таких условиях не имеет значения, писал экономист, из какого материала изготовлены деньги — из бумаги или из золота¹¹, вместе с тем, бумажные деньги имеют преимущество, так как они более дешевые в изготовлении и удобнее в пользовании, поэтому им принадлежит будущее.

П. Фомин, М. Соболев, Л. Яснопольский, В. Железнов выступили против пропагандируемой экономистами-марксистами учетно-распределительной концепции денег. В частности, В. Железнов подчеркивал, что поскольку при социализме сохраняется форма общественно-хозяйственных отношений, предусматривающая доходы, то «рациональное выражение доходов требует не только денежной формы, но и рационального устройства самого денежного обращения, т. е., прежде всего, денег с устойчивой покупательной силой»¹². Поскольку рациональная постановка общественного хозяйства требует учета, то лучшим средством являются деньги с устойчивой покупательной силой.

Еще одна концепция, близкая к идее «товарных денег» С. Струмилина, была выдвинута Д. Кузовковым. Этот экономист доказывал, что новые советские деньги — червонец — не связаны с золотом, поскольку они выпущены в обращение не как заменители золота, а в обмен на «совзнаки». Оценивая в целом положительно результаты денежной реформы в советской России, Д. Кузовков отмечал: «Сейчас денежная реформа как таковая закончена, и мы имеем, хотя и обычную неразменную на золото бумажную валюту, но, тем не менее, валюту относительно стабильную, которой в ближайшее время ничто не угрожает»¹³. В чеканке золотых червонцев, по его мнению, вообще не было потребности. Это лишь вылилось в дополнительные затраты при переходе на твердую валюту.

По мере того, как постепенно восстанавливалось и оздоравливалось денежное обращение в стране, позиции приверженцев бумажных денег крепили, их влияние на ход реформы усиливался. Затем произошла определенная переориентация от идеи разменных к неразменным деньгам, стабильность которых обеспечивается государством. Практически это проявилось в следующих моментах:

- провозглашенный декретом 1922 г. размен червонцев на золото так и не был реализован;

- главными инструментами обеспечения стабильности новых денежных знаков были признаны регулирование их количества в обращении и активная валютная политика, направленная на стабилизацию обменного курса рубля;

— официально установленное золотое содержание червонца сохранялось и после завершения реформы, и определенное время активно использовалось в практике регулирования обменного курса червонца как база для определения его отклонения от паритета.

Проведенный анализ теоретических установок основных идеологов денежной реформы наглядно подтверждает их внутреннее сходство с концепцией регулируемой бумажной валюты. Она была разработана М. Туган-Барановским в условиях инфляции и финансовой дестабилизации, вызванных Первой мировой войной, и изложена в работах «Бумажные деньги и война» (1915), «Бумажные деньги и металл» (1916), «Откуда берутся деньги для войны» (1917).

Исследование новых форм денежного обращения и выяснение присущих ему функциональных зависимостей оказывалось невозможным без рассмотрения общей теории денег, поскольку реалии хозяйственной жизни не соответствовали классическим представлениям о деньгах и товарно-денежном обмене. Анализируя происхождение и сущность денег, М. Туган-Барановский декларировал свою приверженность концепции эволюционного происхождения денег, критически выступая против так называемой хартальной теории Г. Кнаппа, согласно которой деньги появляются не сами по себе, а создаются государством. Тем не менее, при рассмотрении функций денег, ученый указывал на необходимость государственной санкции относительно признания законного платежного средства. Развитие денежного обращения привело к такой метаморфозе, когда деньги стали, прежде всего, платежным средством и лишь вследствие того — всеобщей мерой ценности и универсальным средством обмена. М. Туган-Барановский подчеркивал невозможность юридического «назначения» на роль денег средств, которые экономически не способны служить в качестве реальных денег. Новаторским является определение сущности денег, предложенное экономистом: «Деньги — это предмет, исполняющий функции денег, и таким предметом может быть или товар, наиболее для этого пригодный (как драгоценные металлы), или условный знак, созданный специально для этой цели обществом»¹⁴.

Ученый-экономист решительно отверг требования по отношению к денежным средствам, которые диктовались традиционной денежной теорией: наличие внутренней ценности, металлическое обеспечение и т. п. Вытеснение металла из обращения бумажными деньгами М. Туган-Барановский считал закономерным следствием развития обмена и средством экономии затрат общественного труда. Более того, только неразменные бумажные денежные знаки являются, по мнению ученого, бумажными деньгами в собственном понимании слова.

Центральным вопросом в теории денежного обращения и, вместе с тем, отправным пунктом для всех дальнейших исследований М. Туган-Барановский считал определение факторов и механизма формирования ценности денег. Решение этой проблемы имело не только сугубо теоретическое, но непосредственное практическое значение для построения эффективной денежной системы. Последовательно придерживаясь научного анализа денежных отношений, М. Туган-Барановский подчеркивал: «Проблема стоимости денег является самостоятельной научной проблемой, которая не сводится к общей теории товарной цены»¹⁵. Тем не менее, решить эту проблему было невозможно в пределах существующих альтернативных концепций трудовой стоимости и предельной полезности. Предшественники М. Туган-Барановского, занимавшиеся разработкой

общей теории денег в условиях становления и развития бумажно-кредитного обращения, признали невозможность объяснения феномена ценности денег на основании трудовой теории, а также указывали на значение фактора редкости для анализа ценности. Но они упрощенно трактовали влияние ограниченности предложения денег на их ценность, опираясь на тезис об ограниченности запасов благородных металлов, сложность их поиска и разработки, а также апеллируя к монополии государственной власти, которая осуществляет выпуск дензнаков.

Предложив синтетическую концепцию ценности, М. Туган-Барановский указал путь выхода из глухого угла, в котором оказалась денежная теория в условиях демонетизации обращения. Важно подчеркнуть, что ученый использовал категории «ценность» и «стоимость» для обозначения разных экономических явлений. Стоимость, как воплощение затрат труда, является атрибутом товарных денег, но бумажные деньги имеют настолько малую трудовую стоимость, что она едва ли является фактором, а тем более основой их ценности. Вместе с тем, ценность имеют не только металлические, но и неразменные бумажные деньги, а их полезность реализуется в способности выполнять функции денег. Такой подход к решению проблемы ценности денег, во-первых, указывал на полнейшее расхождение с традиционной концепцией внутренней стоимости, которая опиралась на трудовую теорию; во-вторых, означал появление оригинальной теории, которая отвечала новому этапу в развитии денежных отношений и выстраивалась на других методологических основаниях.

Ценность денег, утверждал М. Туган-Барановский, воспринимается каждым участником менового оборота абсолютно пассивно, как нечто объективно заданное, она является полностью социальным явлением, продуктом стихийных, неосознанных хозяйственных процессов¹⁶. Свою собственную теорию ценности денег ученый выстроил на основе исследования конъюнктуры рынка. Итак, М. Туган-Барановский обнаружил зависимость между изменением рыночной конъюнктуры и колебаниями товарных цен, а затем — ценностью денег. Изменения общего уровня денежных цен не просто сопровождают, они отображают общее состояние промышленной конъюнктуры. «Ценность денег, — подытоживал ученый, — непосредственно определяется конъюнктурой товарного рынка»¹⁷. Особенно М. Туган-Барановский делал ударение на двух моментах, которые, по его мнению, мешали правильному пониманию процесса формирования ценности денег его предшественниками: во-первых, речь идет об общем уровне товарных цен, а не о динамике цен на отдельные товары; во-вторых, объяснение ценности денег находится в сфере товарного, а не денежного рынка.

Таким образом, теория М. Туган-Барановского, синтезируя рациональные идеи предыдущих концепций, выяснила действительные факторы, управляющие ценностью денег, и открыла путь к выработке основ рациональной денежной политики. Ее автор отмечал: «До сих пор государственная власть почти не ставила перед собой задачу планомерно влиять на ценность денег. То же самое, правда, можно сказать и о ценности товаров: и в этой сфере общественная власть, по общему правилу, вела себя целиком пассивно, отдавая формирование товарных цен стихийной игре экономических сил. Тем не менее, между этими двумя областями хозяйственной жизни — ценностью товаров и ценностью денег — существует глубокое принципиальное отличие: ценность товаров строится на основе сознательных расценок отдельных индивидов, чем государство руководить не может; наобо-

рот, ценность денег является неосознанным стихийным продуктом социального взаимодействия, которое не исключает государственного регулирования»¹⁸.

В итоге, в своем исследовании М. Туган-Барановский пришел к признанию не только возможности, но и необходимости государственного регулирования денежного обращения. Он подчеркивал важность роли центрального банка государства, т. е. такого учреждения, которое имеет в распоряжении огромные средства и руководствуется в своих действиях не получением выгоды, а общегосударственными интересами. В условиях расстроеной войной денежного обращения, когда чрезмерная эмиссия для покрытия непроизводительных затрат окончательно подорвала покупательную способность денежной единицы, задача разработки основ рациональной денежной политики стала первоочередной.

Хотя большинство экономистов того времени отрицательно относились к бумажным деньгам, М. Туган-Барановский гениально предвидел, что после войны явится новая система бумажных денег, не связанных с металлом. Задача же правительства заключается не в покрытии своих затрат за счет эмиссии, а в регулировании денежного обращения, его стабилизации с целью содействия развитию народного хозяйства. Выдающийся экономист настаивал на том, что активная политика государства и государственных органов должны стимулировать эффективный платежеспособный спрос и инвестиционный процесс.

Особое внимание М. Туган-Барановский уделял вопросам внешнеэкономической политики и, в частности, регулированию вексельного курса. По его мнению, задача государства состоит в достижении стойкости денежной единицы через осуществление активной вексельной политики. Международные соглашения, считал ученый-экономист, должны урегулировать вексельные курсы таким образом, чтобы сделать невозможным, или хотя бы смягчить мировые финансовые кризисы.

Конечно, М. Туган-Барановский не мог предусмотреть катастрофических последствий для хозяйства и финансовой системы, наступивших вследствие Гражданской войны и распада Российской империи. Тем не менее, он осознавал тенденции развития денежного обращения, которые обозначились в ходе Первой мировой войны. Денежная реформа 1922–1924 гг. в своих отдельных деталях и механизме осуществления оказалась намного сложнее и тяжелее, чем это представлялось М. Туган-Барановскому, но, тем не менее, большинство прогнозов и предвидений ученого сбылось.

Отличия проекта послевоенной денежной системы, разработанного М. Туган-Барановским, и денежной реформы, проведенной в 1922–1924 гг., обусловлены не только разрушительным влиянием на денежное обращение Гражданской войны и окончательным расстройством производства и торговли. Не следует забывать, что главным приоритетом денежной политики советской власти было установление и укрепление централизованных, плановых начал организации народного хозяйства, вытеснение пережитков рынка и утверждение социалистических принципов распределения. Таким образом, нормализация хозяйственных отношений подчинялась другим, политическим целям.

Учитывая следствия мировой войны и чрезвычайный рост количества денег в обращении, М. Туган-Барановский предполагал, что обесценивание бумажных денег будет незначительным, по крайней мере, значительно меньшим, чем этого можно было ожидать, учитывая соотношение товарной и денежной массы. Обо-

снованием этого тезиса служило положение об активной регулирующей политике государства. Полное обесценивание денег, подобное обесцениванию французских ассигнаций в годы Великой революции, России не угрожает потому, указывал экономист, что «...раньше лаж формировался на свободном денежном рынке, теперь же лаж регулируется специально для этого созданным государственным органом»¹⁹. И действительно, хотя денежная масса за годы войны выросла примерно в 8–9 раз, тем не менее, обесценивание денег составило 2–3 раза, а их курс снизился еще меньше. Даже в годы Гражданской войны, когда эмиссия «совзнаков» достигла значительно больших размеров, они тоже не обесценились полностью, что обеспечило экономическую основу для выпуска в обращение стабильных денег — червонцев. Итак, идея возможности управления стоимостью бумажных денег получила практическое подтверждение и послужила советским органам, как в деле финансирования Гражданской войны, так и на стадии подготовки денежной реформы 1922–1924 гг.

В ходе проведения реформы выявилось много общих черт с австрийской денежной реформой 1892 г. Разрабатывая свой проект бумажно-денежной системы, М. Туган-Барановский анализировал опыт Австро-Венгрии. Из-за невозможности накопления достаточного золотого запаса обеспечение стабильности денег требует иного механизма. Возможность стабильной валюты без свободного размена продемонстрировала австрийская денежная реформа, поэтому М. Туган-Барановский настаивал: «Единственное, что нам остается, это попробовать ввести у себя денежную систему, которая с таким успехом была испытана Австро-Венгрией... Вся сущность этой новой системы состоит в <...> активной валютной политике государства или его органов»²⁰. Для решения этой задачи М. Туган-Барановский предлагал, во-первых, возложить соответствующую функцию на Государственный банк, который должен будет полностью отвечать за стабильность бумажных денег и иметь в своем распоряжении всю совокупность необходимых для этого инструментов; во-вторых, заключить международные соглашения с ведущими странами мира относительно регулирования валютных курсов. Подобные принципы развития механизма регулирования денег были реализованы в ходе денежной реформы 1922–1924 гг.:

— уже в период подготовки к проведению реформы был восстановлен Государственный банк с широкими полномочиями единого эмиссионного центра и органа регулирования валютного рынка и денежного обращения страны;

— Россия принимала участие в работе Генеуэзской конференции (1922 г.), на которой было подписано Международное соглашение о создании мировой валютной системы на основе золотодевизного стандарта. Согласно этому соглашению только Великобритания, Франция и США могли обменивать свои валюты на золото, а остальные страны могли обменивать свои валюты на фунты стерлингов, франки и доллары.

Международное соглашение открывало путь к внедрению механизма поддержания стабильности валют без прямого обмена на золото. Финансовое руководство советской России возлагало большие надежды на механизм активной валютной политики в обеспечении стабильности новых денег. Позицию тогдашнего наркома финансов Г. Сокольников подвергли критике в Социалистической академии за то, что он придерживался «долларовой теории», согласно которой русский червонец имеет ценность благодаря возможности обмена на иностран-

ную валюту²¹. Тем не менее, на практике концепция регулирования валютных курсов и денежная политика, основанная на ней, оправдали себя.

Вопрос роли и перспектив использования золота также решались в русле прогнозов М. И. Туган-Барановского. Новые советские деньги были обозначены на золото, тем не менее, это обозначение имело формальный характер, ведь их размен на металл так и не был учрежден. М. Туган-Барановский считал, что обозначение на золото играет положительную роль и является необходимым, учитывая народную психологию, в течение определенного переходного периода. «В будущем, — указывал экономист, — металлические запасы будут ликвидированы с выгодой для развития производительных сил общества, так как эти запасы металла, которые находятся в покое, превратившись в полезные товары, увеличат хозяйственную мощь общества»²². Накопление и экономное использование золотого запаса, по мнению М. Туган-Барановского, необходимо для проведения активной валютной политики. В ходе денежной реформы и в первые годы после реформы Госбанк использовал золото именно для покупки иностранной валюты и поддержание курса червонца, т. е. соответственно тугановским рекомендациям. Позже, с переходом к политике индустриализации страны, золото стали использовать преимущественно для прямых государственных закупок импортных машин, оборудования, оплаты труда иностранных специалистов и т. п.

Еще одним свидетельством продуктивности идей М. Туган-Барановского и их совпадения с практикой реформирования монетарного механизма на протяжении двадцатых годов прошлого столетия является его трактовка проблемы стабильности денежной единицы и приоритетов денежной политики. Главной задачей ученый считал поддержание стабильного уровня внутренних цен через стабилизацию ценности денежной единицы. Достижению этой цели, утверждал М. И. Туган-Барановский, следует подчинить прочие монетарные факторы, в том числе и динамику валютного курса. Данный тезис позднее использовал Ленин, определив стратегическую цель денежной политики советской власти²³. Советский стабилизационный опыт валютной политики, по мнению исследователей, мог служить основой теоретических взглядов Дж. М. Кейнса, который также отдавал предпочтение обеспечению внутренней ценности денег перед внешней²⁴. Известный исследователь истории монетарной теории в России В. Власенко выдвинул гипотезу относительно влияния на Дж. Кейнса идей М. Туган-Барановского в трактовке таких авторитетных руководителей финансовой системы страны, как С. Струмилин, Г. Сокольников, Е. Преображенский, и через изучение практики советского финансового строительства²⁵.

Широко проведенная товарная и валютная интервенция, т. е. вмешательство государственных органов в товарный и валютный оборот в целях регулирования спроса и предложения товаров и золота, обеспечили устойчивость покупательной силы казначейских билетов и червонцев. Таким образом, важнейшую задачу закрепления за казбилетами той представительной стоимости, которой к тому времени обладали червонцы, удалось осуществить благодаря активной регулирующей политике государственных органов. Успех реформы состоял не только в стабилизации денежного обращения и создании твердой валюты. Важным было и то, что реформу удалось провести без использования иностранной поддержки, при ограниченном золотом запасе и даже при наличии бюджетного дефицита.

Проведенное исследование дает основания сделать следующие выводы:

Если в первые годы советской власти обосновывалась идея безденежного хозяйства, то с переходом к «новой экономической политике» была признана необходимость оздоровления денежного обращения и целесообразность восстановления стабильной денежной единицы.

В разработке и практическом осуществлении реформы 1922–1924 гг. был использован исторический опыт успешного проведения австрийской денежной реформы 1892 г., когда задекларированный свободный размен бумажных денег на металл не был осуществлен, зато государство создало прецедент регулируемого денежного обращения с удержанием курса за счет вексельной политики.

Проведенный анализ дает достаточные основания утверждать, что и теория денег в России после перехода к НЭПу, и политика проведения денежной реформы находились под ощутимым влиянием монетарных идей М. И. Туган-Барановского. В концепциях товарной валюты С. Струмилина, «позолоченных» товарных денег Е. Преображенского, «валютных денег» М. Боголепова, «индексной валюты» Д. Кузовкова и др. легко угадываются контуры проекта регулируемой бумажно-денежной системы, предложенного выдающимся экономистом и изложенного в работе «Бумажные деньги и металл» еще в 1916 г.

Основной идеей теории бумажных денег, разработанной М. Туган-Барановским и реализованной в ходе проведения денежной реформы, является признание возможности выполнения бумажными деньгами всех функций денег и необходимости проведения государственного регулирования денежного обращения, активной валютной политики с целью укрепления и удержания курса денежной единицы.

Опыт проведения денежной реформы 1922–1924 гг. свидетельствует о возможностях эффективной монетарной политики в трансформационной экономике, указывает пути стабилизации денежного обращения в условиях спада производства.

Примечания

- 1 *Атлас* З. В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР). М., 1930. С. 180.
- 2 *Ленин В. И.* Доклад о новой экономической политике 29 окт. на VII Московской губпартконференции 29–31 окт. 1921 г. // ПСС. Т. 44. С. 189–191.
- 3 *Фалькнер С. А.* Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. М., 1924. С. 178.
- 4 Там же. С. 184.
- 5 *Трахтенберг И. А.* Бумажные деньги. Очерк теории денег и денежного обращения. Харьков, 1918. С. 122.
- 6 *Сокольников Г. Я.* Денежная реформа. М., 1925. С. 173–175.
- 7 *Юровский Л.* На путях к денежной реформе. М., 1924.
- 8 *Юровский Л.* Денежная политика советской власти. М., 1928.
- 9 *Небрат В. В.* Обоснование и критика концепции безденежного хозяйства в условиях сворачивания рыночных отношений на Украине (1918–1921 гг.) [на укр. яз.] // Экономика: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. Выпуск 231: В 9 т. / Т. VII. Днепропетровск, 2007. С. 1437–1444.
- 10 *Преображенский Е.* Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1920.
- 11 *Боголепов М. И.* Бумажные деньги. Пг.; М., 1922. С. 9.
- 12 *Железнов В. Я.* Роль денег в товарообмене // Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). Пг., 1922. С. 262.
- 13 *Кузовков Д. В.* Ошибки денежной политики и как устранить их в будущем. М., 1924. С. 3.
- 14 *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. СПб., 1909. С. 379.
- 15 *Туган-Барановский М. И.* Бумажные деньги и металл [на укр. яз.]. К., 2004. С. 45.

- 16 Там же. С. 67.
- 17 Там же. С. 75.
- 18 Там же. С. 77.
- 19 Там же. С. 161.
- 20 Там же. С. 173–174.
- 21 Кузовков Д. В. Ошибки денежной политики и как устранить их в будущем. М., 1924. С. 9.
- 22 Там же. С. 179.
- 23 Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // ПСС. Т. 45. С. 283.
- 24 Кейнс Дж. Трактат о денежной реформе. М., 1925. С. 4, 33.
- 25 Власенко В. Е. Теории денег в России. Конец XIX — дооктябрьский период XX ст. К., 1963. С. 213–214.

Л. И. Вавулинская
Петрозаводск

Советская аграрная политика и реформы управления сельским хозяйством в 1950-е гг. (на материалах Карелии)

Реформирование аграрного сектора экономики России, приведшее в конце 1990-х гг. к глубокому кризису, с особой остротой поставило вопросы обобщения предшествующего исторического опыта аграрной политики и научного обоснования дальнейших преобразований в этой области. При общности процессов рыночных преобразований имеют место значительные региональные различия, обусловленные историческими, природными, экономическими, социальными, географическими, национальными особенностями.

Резкое снижение уровня душевого потребления основных продуктов питания и сокращение их местного производства в Республике Карелия выдвигают на первый план вопрос о продовольственной безопасности республики, ее способности устойчиво обеспечивать население продуктами питания, необходимыми для нормального функционирования региона¹. При неблагоприятных климатических условиях ведения сельского хозяйства и низкой степени сельскохозяйственной освоенности территории края важную роль приобретает рациональная модель сочетания государственного и рыночного регулирования агросферы, использования разнообразных форм хозяйствования на земле.

В связи с этим особую актуальность и практическую значимость имеет обобщение на региональном уровне опыта аграрной политики советского государства в послевоенное пятнадцатилетие, когда благодаря осуществлению системы государственных мер по повышению заинтересованности тружеников сельского хозяйства в результатах труда в основном за счет качественных показателей был достигнут значительный подъем производства в аграрном секторе экономики как страны, так и республики. Этот опыт может быть использован для корректировки реформ и выработки региональной политики.

Проблема реформ в области сельского хозяйства, предпринятых Н. С. Хрущевым во второй половине 1950-х гг., занимает важное место в отечественной и

зарубежной историографии. Оценка этих реформ столь же противоречива, как и их осуществление на практике. Большинство зарубежных авторов традиционно связывают главные заслуги Хрущева с изменениями в государственной политике по отношению к крестьянству, одновременно признавая, что реформы 1950-х гг. не изменили социалистическую природу сельского хозяйства и были направлены на повышение эффективности колхозно-совхозной системы и улучшение условий жизни населения деревни².

В отечественной историографии до последнего времени не оспаривалось в целом позитивное значение мер в отношении крестьянства, принятых в 1950-е гг.³ Многие исследователи считают период 1954–1958 гг. самым успешным за всю историю советской деревни. Рост валовой продукции за эти годы составил 35 %, товарной — 44 %. При этом производство продукции в немалой степени возросло за счет повышения урожайности культур и продуктивности скота⁴.

Однако предпринятое в последнее время российскими учеными углубленное изучение проблем реформирования аграрного сектора экономики в 1950-х гг. позволяет по-новому подойти к таким новациям хрущевского периода, как укрупнение колхозов и их преобразование в совхозы, реорганизация МТС, введение гарантированной оплаты труда колхозников, освоение целины и др., дает возможность поставить вопросы о цене и эффективности этих реформ⁵. В исследованиях отмечаются меры, направленные на снижение налогового гнета, повышение материальной заинтересованности колхозников, улучшение быта сельских жителей. Вместе с тем признается, что Н. С. Хрущеву не удалось преодолеть сталинское наследие ни в экономике, ни в политике, а с его уходом произошел возврат к прошлому⁶.

В целом, несмотря на значительную работу, проделанную российскими историками в области изучения колхозной деревни второй половины 1940–1950-х гг., нуждаются в дальнейшем исследовании такие проблемы, как преобразование колхозов в совхозы и сравнение показателей колхозного и совхозного производства после проведенной реорганизации, взаимоотношения колхозов и государства, колхозов и совхозов, анализ эффективности аграрных реформ 1950-х гг. и ряд других.

Появление новой модели аграрного развития в середине 1950-х гг. было обусловлено кризисным состоянием сельского хозяйства и потребностями быстро растущей экономики, необходимостью адаптации советской экономической системы к требованиям научно-технической революции.

В экономике СССР в этот период происходили перемены, связанные с отходом от военно-мобилизационного типа развития производства и осуществлением реформ управления народным хозяйством. Преобразовательные процессы в стране развернулись в неблагоприятных внешних условиях из-за гонки вооружений, непрерывной борьбы за лидерство в мире, отсутствия внешних ресурсов и помощи. Тем не менее, экономике СССР удалось выйти на траекторию опережающего развития. Как свидетельствуют официальные статистические данные и современные альтернативные оценки, 1950-е гг. — особенно их вторая половина — оказались наиболее успешными в послереволюционном периоде хозяйственного развития СССР. Достигнутые в 1950–1960-е гг. успехи обеспечили стране чрезвычайно высокий авторитет и первенство в важнейших областях мирового экономического развития. Однако советская экономика не смогла долго

продержаться на таком уровне из-за того, что не были преодолены коренные пороки социально-экономического механизма, сложившегося в 1930-е гг.

Аграрная политика этого периода впервые за советское время сделала акцент на использовании материальных стимулов развития производства, хотя в целом проблемы развития сельского хозяйства рассматривались в рамках социалистической парадигмы с точки зрения реализации на практике ряда идеологических постулатов. Один из них базировался на идее преимущества государственной собственности по сравнению с колхозно-кооперативной и частной, на всемерном укрупнении и огосударствлении сельскохозяйственного производства. Реализация этой идеи на практике в 1950-е гг. нашла выражение в укрупнении колхозов и их реорганизации в совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий.

Другим важнейшим постулатом аграрной политики советского государства являлось положение марксистской теории о том, что прогресс общества неизбежно будет определяться ликвидацией противоположности, а затем и существенных различий между городом и деревней. Однако на практике деревня развивалась как сырьевой придаток города и рынок сбыта его продукции, она резко отставала от города по условиям жизни, а колхозники по существу были прикреплены к земле. Ликвидация колхозов привела к созданию однотипной социально-классовой структуры населения, ценой же этого стало раскрестьянивание деревни.

Теоретические концептуальные основы аграрной политики КПСС включали также идеи о стирании классовых различий и усилении социальной однородности общества, руководящей роли КПСС в разработке и реализации аграрной политики, особых преимуществах плановой системы хозяйства при скептическом отношении к товарно-денежным отношениям, совхозах как ведущей формы организации производства, концентрации производства как важнейшей закономерности развития сельского хозяйства и др. Подобный теоретический консерватизм не давал возможности коренного обновления аграрной политики.

Тем не менее, в середине — второй половине 1950-х гг. несколько изменились пропорции и приоритеты в развитии сельского хозяйства, соотношение экономических и внеэкономических форм воздействия на колхозы, были отменены наиболее репрессивные меры, такие, как ссылка, предприняты шаги по усилению материальной заинтересованности крестьян в развитии общественно-го и личного производства.

Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС проанализировал причины отставания сельского хозяйства: сосредоточение материальных, финансовых и людских ресурсов на развитии тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству и легкой промышленности; нарушение принципа материальной заинтересованности крестьян; ограничение личного приусадебного хозяйства и подчинение его общественному производству; массовый отток крестьян в города; неэффективное использование техники и низкая трудовая дисциплина. Пленум впервые признал, что в сельскохозяйственном производстве, как и в промышленности, действует закон стоимости, складываются себестоимость, цена, прибыль, рентабельность.

Предложенные пленумом меры, имевшие относительно радикальный характер, предусматривали значительное повышение заготовительных и закупочных цен на все виды сельскохозяйственной продукции, снижение норм обязательных

поставок, уменьшение, а затем отмену обязательных поставок личными подсобными хозяйствами рабочих и служащих и т. д.

Правда, расчет на быстрый подъем сельского хозяйства в результате этих мер не был лишен утопизма: ставилась задача в ближайшие два — три года в достатке удовлетворить растущие потребности населения в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность⁷.

Важное значение имело изменение налоговой и заготовительной политики. Принятый августовской (1953 г.) сессией Верховного Совета СССР Закон о сельскохозяйственном налоге означал коренную реформу налога, действовавшего с 1939 г. и построенного на основе не твердых, а прогрессивных ставок, т. е. исчисляемого от общей суммы доходов колхозов, с учетом фиксированных, устанавливаемых сверху доходов от каждого вида сельскохозяйственных культур. Система обложения была весьма сложной, часто допускались ошибки при определении размера облагаемого дохода. Кроме того, множественность форм заготовок, многообразие цен, различные условия оплаты, сложность системы учета и расчетов с поставщиками привели к созданию громоздкого и дорогостоящего заготовительного аппарата⁸.

18 марта 1954 г. Совет Министров республики утвердил погектарные нормы обязательных поставок государству продуктов животноводства колхозами КФССР в разрезе районов⁹. Погектарный принцип исчисления обязательных поставок несколько повысил заинтересованность колхозов в расширении посевных площадей, в лучшем использовании земель, в развитии животноводства. В результате изменения принципов обложения стало возможным проводить исчисление сельскохозяйственного налога в начале календарного года, что позволило более равномерно распределять сроки уплаты налога в течение года. Общая сумма налога в 1953 г. уменьшилась по сравнению с 1952 г. на 43 %, а в 1954 г. — в 2,5 раза¹⁰.

Однако, хотя погектарные нормы дифференцировались по зонам и экономическим районам страны, внутри каждого района или их группы они были одинаковыми, несмотря на различное качество земельных угодий. Кроме того, колхозы, имевшие лучшие по качеству земли, оказались в привилегированном положении, т. к. могли продавать часть продукции государству в порядке закупок по более высоким ценам, по договорам контрактации и на колхозном рынке. При формально сохранявшемся погектарном принципе недовыполнение плана в одних хозяйствах перекладывалось на другие, что означало по существу возвращение к прежней системе: чем больше поголовье скота и посевная площадь, тем больше план.

По решению пленума, ранее существовавшая система заготовок продуктов животноводства и растениеводства в порядке сверхплановой сдачи и закупок по предельно-закупочным ценам была заменена единой системой государственных закупок по повышенным ценам. Заготовительные цены увеличивались: на скот и птицу — в 5,5 раза, молоко и масло — в 2 раза, картофель — в 2,5 раза, овощи — на 25–40 %; закупочные цены повышались в среднем на мясо — на 30 %, на молоко — в 1,5 раза. В 1955 и 1958 гг. цены были вновь повышены и более дифференцированы по зонам с учетом себестоимости. В целом в 1950-е гг. заготовительные и закупочные цены на продаваемую колхозами государству продукцию повысились почти в три раза¹¹.

Одновременно снижались нормы обязательных поставок колхозами сельхозпродукции государству. Уменьшился удельный вес обязательных поставок в общем объеме заготовок сельхозпродуктов и, наоборот, увеличились государственные закупки по более высоким ценам. С колхозов была списана вся задолженность государству по состоянию на 1 января 1953 г. Им предоставлялось право беспрепятственно продавать на рынке или в потребительской кооперации излишки картофеля и овощей после выполнения месячных планов сдачи продукции государству независимо от выполнения плана в целом по району¹².

Позднее, в 1958 г., обязательные поставки сельхозпродукции были полностью отменены и заменены государственными закупками по повышенным ценам¹³. Одновременно был изменен и порядок взыскания с колхозов платежей в бюджет, действовавший еще с 1937 г. и предусматривавший судебный порядок изъятия имущества в счет недоимок по государственным и местным налогам и обязательным натуральным поставкам. Взыскание недоимок с колхозов стало производиться в порядке, установленном для государственных и кооперативных предприятий и организаций¹⁴.

Проще стала аграрно-экономическая структура. После ликвидации многочисленных заготовительных контор и роспуска налоговых инспекторов, уполномоченных, остались по сути два звена: колхоз и МТС или одно — совхоз, владевший техникой. Однако большинство хозяйств оказались слабо связаны между собой производственно-экономическими взаимоотношениями.

9 марта 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». В ходе обсуждения проекта постановления пленума на общих собраниях колхозников республики вносились предложения по организации планирования сельскохозяйственного производства с учетом местных почвенно-климатических условий, многолетней практики, наличия рабочей силы и имеющихся пахотных угодий. Повсеместно высказывалась необходимость предоставления колхозам права по своему усмотрению определять основные направления развития хозяйства и структуру посевных площадей. Предлагалось наряду с утверждением государственного плана на текущий год доводить до колхозов плановые задания на будущий год и т. д.¹⁵

Часть этих предложений нашла отражение в постановлении ЦК КПСС. В нем серьезной критике подверглись Госплан и Министерство сельского хозяйства СССР за детальное планирование посевов по всем видам культур, видам скота и количеству поголовья, что не давало возможности колхозам и совхозам проявлять инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства¹⁶. Новый порядок планирования сельскохозяйственного производства предполагал установление колхозам только объемов заготовки продуктов полеводства и животноводства: по обязательным поставкам, по натуроплате за работы МТС, по контрактации и закупкам государственных заготовительных органов и потребительской кооперации, а также по объему тракторных работ, проводимых МТС в колхозах. Планирование начиналось снизу, с учетом местных условий и возможностей. Колхозам разрешалось самостоятельно определять размеры посевных площадей под сельскохозяйственные культуры и количество продуктивного скота, исходя из плана производства продукции на каждые 100 га сельскохозяйственных угодий. В тех случаях, когда представленный колхозом вариант плана «снизу»

не обеспечивал (по мнению вышестоящего руководства) выполнения планового государственного задания, райисполкомам вменялось в обязанность «рекомендовать» колхозам внести в свои планы необходимые изменения. Таким образом, местное руководство получило возможность на «законной основе» разверстывать между колхозами планы, спускаемые сверху.

Несмотря на введение нового порядка планирования, на местах почти ничего не изменилось. Не были установлены стабильные планы сдачи государству продукции на ряд лет, планы заготовок часто менялись, вводились дополнительные задания, что не позволяло хозяйствам в полной мере воспользоваться своими правами. Сроки доведения планов до хозяйств сплошь и рядом нарушались. Производственные планы колхозов на следующий год составлялись в сентябре — октябре, тогда как государственные заготовки доводились до хозяйств только в январе — феврале. Вследствие этого колхозам приходилось вносить коррективы в свои планы. Колхозам и совхозам предписывались свыше системы земледелия, структуры посевов, специализация хозяйств и т. д.

Выступая на собрании республиканского актива 16 февраля 1955 г., председатель колхоза «Коммунар» Сортавальского района Митраков отмечал, что в колхозе сохранилось формальное планирование, не учитывавшее возможности хозяйств, что привело к нерациональному использованию производственных ресурсов, высоким затратам труда и средств на единицу продукции. Исторически сложившимся направлением хозяйства в районах Приладожья являлось развитие животноводства, а плановые органы давали задания по посеву зерновых и пропашных культур. «И мы сеем и требуем из года в год от государства семена, — подчеркнул председатель колхоза, — а осенью подчас не собираем даже тех семян, которые сеяли весной. Летом 1954 г. по всем приладожским районам проходило обследование земель и выяснилось, что часть пахотной земли и других сельхозугодий в хозяйствах не существует, т. к. она либо заболочена, либо заросла кустарником. Однако и после этого план зерновых на 1955 г. нам дают, исходя из старого неверного земельного баланса»¹⁷.

В выступлениях на собрании партийного актива Ведлозерского района в 1955 г. отмечалось, что перспективные планы колхозов являлись нереальными, составлялись наспех, формально и не учитывали возможности колхозов, а цифры спускались сверху, без согласования с председателями колхозов и колхозниками¹⁸.

Чтобы привлечь крестьян к работе в колхозах, были внесены изменения в оплату их труда. После сентябрьского пленума более широкое распространение получило денежное и натуральное авансирование колхозников. До этого времени колхозники получали заработную плату один или два раза в год, по итогам хозяйственной деятельности артели. Принятое 6 марта 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» ввело форму денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. Постановление рекомендовало колхозам по решению общих собраний выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодень не менее 25 % денежных доходов, фактически полученных от всех отраслей общественного хозяйства, и 50 % денежных средств, получаемых в виде авансов по контрактации, закупкам и обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции¹⁹.

Аванс не мог превышать окончательную оценку трудодня, произведенную в конце года. Предусматривалось, что денежные средства, предназначенные для выдачи аванса колхозникам, должны зачисляться на особый текущий счет, с которого они могли расходоваться только на авансирование колхозников. Это позволяло колхозникам заранее знать свой заработок и создавало уверенность в оплате труда в течение года.

Введение ежемесячного авансирования явилось началом практического сближения форм оплаты труда в колхозах и на государственных предприятиях. К этому времени трудодень исчерпал свои возможности и не отражал конкретного количества труда и времени, затраченного колхозником на единицу продукции. К тому же, введение гарантированного авансирования колхозников призвано было удержать их в колхозах.

После сентябрьского пленума были пересмотрены условия кредитования: удлинены сроки, расширен перечень мероприятий, на которые выдавались ссуды, а с 1955 г. почти вдвое снижена процентная ставка. В подавляющем большинстве колхозы неудовлетворительно использовали новые возможности кредитования. В соответствии с решениями пленума ряд колхозов открыл специальные счета в отделениях Госбанка для учета средств, отчисляемых от денежных доходов результате продажи колхозами скота и продуктов животноводства. Однако многие колхозы еще не ввели подобную практику, в результате в первом полугодии 1954 г. в целом по республике было выдано колхозникам в виде аванса 137,6 тыс. руб., или 59,9 % из подлежащих к выдаче средств²⁰.

Для обеспечения колхозов денежными средствами заготовительные организации обязывались выдавать колхозам денежные авансы в размере 50 % стоимости зерна, картофеля, овощей, мяса, подлежащих сдаче по обязательной поставке. На этой основе, а также за счет расширения кредитования и повышения цен на сельскохозяйственную продукцию в колхозах стали создаваться переходящие денежные и продовольственные фонды, гарантировавшие регулярную оплату труда. В конце 1957 г. 47,9 % всех колхозов СССР имели денежный фонд авансирования, 57,2 % колхозов выдавали денежный аванс 4 и более раз в год, а 23 % — ежемесячно²¹.

В Карело-Финской ССР за 1953–1956 гг. денежные доходы колхозов на 100 га сельхозугодий выросли с 6,9 тыс. руб. до 20,9 тыс. руб., а выдача на 1 трудодень деньгами увеличилась с 0,76 до 3,31 руб. В 1956 г. на 1 т/д в с/х артелях выдано: зерна — 0,8 кг, картофеля — 0,22 кг, овощей — 0,1 кг, сена — 2 кг, соломы и мякины — 0,2 кг, хлеба — 0,87 кг, денег — 3 руб. 31 коп.²²

В середине 1958 г. во всех колхозах применялось ежемесячное гарантированное авансирование колхозников в размере 3–7 руб. на выработанный трудодень²³. В 1959 г. в 12 колхозах республики была введена денежная оплата труда колхозников без начисления трудодней²⁴. С одной стороны, эта мера существенно улучшила материальное положение членов сельхозартелей, с другой — введение гарантированной оплаты труда колхозников способствовало все большему превращению их в наемных рабочих²⁵.

Одновременно был пересмотрен порядок денежной оплаты. Если раньше она устанавливалась сверху за перевыполнение плана в одинаковых размерах для всех колхозов края, области, республики, без учета уровня производства, то теперь она учитывала условия данного колхоза и поощряла высокие результаты

работы. Колхозы самостоятельно могли устанавливать порядок и размер дополнительной оплаты труда колхозников «за перевыполнение планов урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства»²⁶. В ряде колхозов успешно применялась более прогрессивная оплата труда руководящих работников, установленная в зависимости от объема производства и реализации продукции.

Это значительно повысило материальную заинтересованность колхозов. Однако нередкими были нарушения в расходовании средств текущих счетов колхозов в Госбанке, которые использовались не на авансирование колхозников, а на производственные нужды колхозов. Оплата труда в разных колхозах была неодинаковой.

Постановлением Совета Министров от 13 апреля 1954 г. была отменена уголовная ответственность за невыполнение обязательных поставок сельхозпродуктов колхозами и единоличными хозяйствами. Ее заменили штрафом в размере одно- двухкратной стоимости несданных продуктов, а также лишением права пользования приусадебным участком на срок до двух лет. Вместе с тем, в качестве меры наказания сохранялись опись имущества и изъятие продукции в беспорядке²⁷.

В 1950-е гг. государство увеличило финансовые ассигнования на развитие сельского хозяйства, предоставило колхозам кредиты. С колхозов были списаны долги по обязательным поставкам МТС, предоставлены льготы по подоходному налогу, на 40 % снижены цены на запчасти, бензин, расценки за ремонт техники и т. д.²⁸ Хотя капитальные вложения в сельское хозяйство в целом по стране в 1951–1960 гг. составили только 18 % от общего объема капитальных вложений, тем не менее, по сравнению с предшествующим периодом, это было заметным достижением²⁹. Объем капитальных вложений в аграрный сектор экономики в республике в 1959 г. в 6 раз превысил уровень 1953 г. и составил 54,1 млн руб.³⁰ Однако увеличение объемов капитальных вложений происходило по линии совхозов. В колхозах они оставались примерно на том же уровне, а к 1959 г. даже уменьшились в связи с преобразованием значительной части колхозов в совхозы.

Особое внимание было обращено на укрепление материально-технической базы колхозов. В хозяйствах развернулись строительные работы. Для улучшения колхозного строительства при Совете Министров республики в начале 1954 г. был создан Главколхозстрой. За 1952–1956 гг. в колхозах республики силами промышленных предприятий, строительными организациями и колхозами было построено 292 скотных двора, 48 телятников, 148 свиначников, 47 овчарен, 109 конюшен на 33 540 голов скота, помещения для птицы, силосные сооружения и т. д. Колхозы вложили на строительство животноводческих помещений 45,1 млн рублей³¹.

В результате разработки новых видов сельскохозяйственной техники произошли качественные изменения в материально-технической базе колхозов и созданных на их базе совхозов. К концу 1950-х гг. в сельском хозяйстве уже почти не применялись трактора, работавшие на керосине, по сравнению с 1956 г. в два раза уменьшилось количество тракторов марки «ХТЗ-7». В то же время увеличилось количество более совершенных пропашных тракторов. Пополнение хозяйств техникой шло в основном за счет приобретения новых, более усовершенствованных и пригодных для местных условий машин. Прицепные маши-

ны и орудия заменяются навесными, удобными для использования в условиях Севера, а крупногабаритные агрегаты — меньшими и более маневренными. Так, по сравнению с 1956 г. количество навесных тракторных плугов увеличилось на 53 % (на 59 шт.), навесных культиваторов — в 3,7 раза (с 20 до 75 шт.)³². Широкое применение получили самоходные комбайны, машины для приготовления кормов, стогометатели и др.

Использование новых видов оборудования позволило в более широких масштабах механизировать сельскохозяйственные работы и в основном завершить техническую реконструкцию отрасли. В 1959 г. в колхозах республики сев зерновых был механизирован на 72 %, уборка зерновых — на 67 %, посадка картофеля — на 45 %. Около половины, а в ряде случаев 60–70 % трудоемких работ в животноводстве выполнялось при помощи машин и механизмов. Однако, несмотря на пополнение колхозов более совершенной техникой, уровень механизации сельскохозяйственного производства оставался низким. В 1959 г. посадка картофеля была механизирована на 15 %, его междурядная обработка — на 22 %, сенокосение — на 26 %³³. По уровню технической оснащенности, объему механизированных работ сельское хозяйство Карелии к концу 1950-х гг. находилось на начальном этапе индустриального развития.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС в качестве одной из первоочередных выдвинул задачу обеспечения колхозов руководящими партийными и советскими кадрами, специалистами с высшим и средним специальным образованием. В конце 1953 г. из 445 председателей колхозов республики только 42 являлись специалистами сельского хозяйства³⁴, лишь один имел высшее образование, 41 человек (9 %) — законченное среднее, 13 (3 %) — неполное среднее образование. 376 председателей колхозов (85 %) имели начальное образование и 14 (3 %) — образование ниже 4-х классов³⁵. Более чем в 100 колхозах не было агрономов или зоотехников.

В 1953 г. в 168 из 373 колхозов состоялись отчетно-выборные собрания, во время которых было переизбрано 142 председателя колхозов. 58 председателей колхозов были сняты с работы за плохое руководство, а 6 человек — за нарушение Устава сельскохозяйственной артели. Из числа вновь избранных председателей колхозов 44 являлись специалистами сельского хозяйства. Состав руководящих кадров колхозов был укреплен коммунистами. Из 373 председателей колхозов на 1 апреля 1954 г. 225 являлись членами и кандидатами в члены КПСС, 19 — членами ВЛКСМ³⁶.

За год, прошедший после сентябрьского пленума, на руководящую партийную и советскую работу в сельскохозяйственные районы был направлен 131 человек, в том числе 15 работников аппарата ЦК КП КФССР, 5 работников аппарата Совета Министров республики, 30 работников министерств и ведомств. В колхозы направлено 409 специалистов сельского хозяйства. Для улучшения агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов из штатов МТС переведено в колхозы 217 специалистов.

Одновременно осуществлялась работа по возвращению в колхозы бывших колхозников, работавших в городах и рабочих поселках Карелии. В результате проведенной работы в колхозы из городов и рабочих поселков вернулись 1 442 человека³⁷. В письме в редакцию заводской газеты «Онежец» рабочий Онегзавода П. Д. Шубин писал:

«Я проработал на Онежском машиностроительном заводе 19 лет. По призыву партии я еду в деревню Кижы Заонежского района, в свой колхоз для практического выполнения решений партии и правительства»³⁸.

В 1955 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 марта «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами»³⁹ в стране была предпринята крупномасштабная акция по направлению на село не менее 30 тыс. человек из числа партийных, советских и хозяйственных кадров, инженеров, рабочих и служащих. По своим масштабам и методам осуществления эта кампания напоминала призыв 25 тыс. рабочих в сельское хозяйство в начале 1930-х гг., однако, теперь в деревню направлялись не рабочие, а в основном производственно-техническая интеллигенция, специалисты сельского хозяйства.

Из 615 человек, подавших в республике заявления и изъявивших желание поехать в колхоз, ЦК Компартии республики отобрал на должности председателей колхозов 95 человек, из них было избрано 48 человек. При подборе кадров на руководящую работу в сельском хозяйстве особое внимание обращалось на политические и деловые качества, уровень образования. Ряд колхозов возглавили специалисты с сельскохозяйственным образованием: колхоз им. Егорова Олонецкого района — зав. учебной частью республиканской средней сельскохозяйственной школы Н. М. Демидов, имевший зоотехническое образование; колхоз «Сталинский путь» Петровского района — зам. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК КП КФССР, агроном П. П. Рожков и др.

В составе 95 человек, отобранных в августе 1955 г. для работы председателями колхозов, высшее образование имели 24 человека, среднее — 20, неполное среднее — 9, семилетнее — 25, низшее — 9 человек. Из них 85 являлись членами и кандидатами в члены КПСС, 1 — комсомолец и лишь 9 человек — беспартийные. По месту работы: 34 являлись партийными работниками, 15 — советские работники, 15 — работники аппарата министерств и сельскохозяйственных органов, 13 — руководители предприятий и цехов, 18 — инженерно-технические работники, мастера, бригадиры, рабочие⁴⁰.

Однако нередкими были случаи, когда на руководящую работу в колхозы посылали людей, не знавших сельское хозяйство и не имевших практического опыта в этой области. Так, зам. председателя исполкома Пудожского райсовета М. Н. Сорокин, по решению сессии райсовета был рекомендован на работу в качестве председателя колхоза «1 Мая» Каршевского сельсовета. Обосновывая свое несогласие с решением сессии, М. Н. Сорокин написал в своем заявлении, что никогда в жизни не работал в сельском хозяйстве и не хочет загубить дела в колхозе. Из 20 лет трудовой деятельности он 4 года работал рыбаком, 2 года — избачем, 6 лет был в армии, после окончания республиканской партийной школы работал первым секретарем райкома комсомола, зам. председателя райисполкома по социально-культурным вопросам. За отказ от работы в колхозе решением сессии Пудожского райсовета М. Н. Сорокин был снят с работы⁴¹.

Кадрам, направленным на работу в сельское хозяйство, устанавливались существенные материальные льготы: повышенная зарплата, сохранение общего стажа по месту прежней работы, льготные кредиты на бытовое обустройство в деревне и др. По Карелии ежемесячная доплата за счет государства была установлена 99 председателям колхозов⁴².

Хотя в ряде случаев направленные на работу в деревню руководящие кадры сумели укрепить хозяйства, наладить организацию труда и завоевали авторитет у членов колхоза, в большинстве своем «тридцатитысячники» глубоко не знали специфики сельскохозяйственного производства, деревенского образа жизни. В целом этот опыт оказался неудачным.

Весной 1955 г. состав председателей колхозов выглядел следующим образом: из 350 председателей колхозов 273 (78 %) являлись членами и кандидатами в члены КПСС, 7 человек (2 %) — комсомольцами, высшее образование имели 4 человека (1,1 %), в том числе 1 — высшее сельскохозяйственное; среднее — 70 (20 %), в том числе 51 — сельскохозяйственное; неполное среднее — 81 (23 %); ниже 7 классов — 195 (52 %)⁴³.

Подготовка специалистов средней квалификации для сельского хозяйства в республике осуществлялась в трех техникумах: сельскохозяйственном, зооветеринарном и лесном. На 1 января 1954 г. там обучалось соответственно 639, 346 и 120 человек⁴⁴. Качество подготовки оставляло желать лучшего, т. к. зооветеринарный и лесной техникумы не имели своей учебно-производственной базы, а сельскохозяйственный техникум готовил специалистов многих профессий, что отрицательно сказывалось на уровне обучения.

Неэффективное использование специалистов в сельском хозяйстве, когда агрономы и зоотехники обслуживали по несколько колхозов, вынудило правительство искать пути выхода из этой ситуации. 20 августа 1955 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов», агрономы и зоотехники были переведены из МТС в колхозы на содержание колхозного бюджета с временной (в течение 3 лет) государственной дотацией. В зависимости от квалификации они получали доплату в размере от 300 до 500 руб. в месяц (в старом масштабе цен)⁴⁵. С переводом специалистов в колхозы они лишились права на оплачиваемый отпуск, оплату больничных листов, существенно потеряли в зарплате, что усилило их текучесть. В 1956 г. текучесть кадров специалистов в колхозах РСФСР составила 18 % их общего числа, в 1957 г. — 21 %, 1958 г. — 25 %. Значительная часть ушедших из колхозов специалистов порвала с сельским хозяйством и деклассифицировалась, что имело отрицательный не только хозяйственный, но и социально-психологический эффект: падала привлекательность профессий агронома и зоотехника в глазах сельской молодежи⁴⁶.

Правительство республики принимало меры по улучшению обеспечения специалистами сельскохозяйственных предприятий. В 1957–1959 гг. в республику прибыло 700 специалистов сельского хозяйства, в том числе 177 — с высшим и 523 — со средним образованием⁴⁷. В 1959 г. удельный вес специалистов сельского хозяйства среди работавших в этой отрасли составлял 6,5 % против 2,2 % в 1950 г.⁴⁸

На 1 января 1959 г. в системе Министерства сельского хозяйства республики работали 976 специалистов сельского хозяйства, из них с высшим образованием — 317, со средним — 659. Обеспеченность кадрами специалистов в колхозах была значительно ниже, чем в совхозах. Так, на 1 января 1959 г. в совхозах работало в три раза больше специалистов со средним специальным и высшим образованием (10 % против 3 % в колхозах)⁴⁹.

Медленно решались проблемы подготовки кадров массовых профессий. С 1954 г. основной формой их подготовки стали училища механизации сельского хозяйства системы государственных трудовых резервов, созданные на базе бывших училищ и школ механизации сельского хозяйства, ряда ремесленных училищ и школ ФЗО. Они имели годичный срок обучения и готовили в основном трактористов, комбайнеров и их помощников. В 1951–1959 гг. в училищах механизации сельского хозяйства было подготовлено 2,7 тыс. рабочих⁵⁰. Ввиду слабой материальной базы училища механизации сельского хозяйства не могли решить задачу подготовки кадров широкого профиля по нескольким смежным профессиям. Позднее, в 1962 г. они были переведены на базу 8-летней общеобразовательной школы и стали готовить кадры по пяти основным специальностям по полутрехгодичной и двухгодичной программам. Кроме училищ механизации, широко использовалась курсовая подготовка, индивидуальное и бригадное обучение новым профессиям. В результате на селе увеличилось число работников квалифицированного физического труда — механизаторов: трактористов, комбайнеров, шоферов, машинистов, работников, занятых на ремонте, наладке и техническом обслуживании техники.

Экономические и организационные меры, предпринятые в 1950–1960-е гг. в области сельского хозяйства, дали определенный импульс его развитию. Эти меры явились одной из главных причин оживления деревни. Они позволили значительно увеличить денежные доходы сельхозартелей и отчисления на трудодни, которые составили в 1953 г. 19,3 % в общей сумме расходов колхозов, а в 1954 г. — 24,7 %⁵¹.

По данным выборочного обследования 20 сельхозартелей в 7 районах республики, их денежные доходы в 1956 г. увеличились на 35 % по сравнению с 1955 г. За счет отмены поставок зерна, снижения поставок ряда продуктов сельского хозяйства и роста производства увеличилась выплата по трудодням. Если в 1955 г. на один трудодень было выдано 580 гр. зерна и 1 руб. 36 коп. деньгами, то в 1956 г. — соответственно 800–810 гр. зерна и 2 руб. 20 коп.⁵²

В д. Падмозеро Заонежского района были созданы молодежные звенья и бригады, оплата труда которых производилась по количеству вложенного труда и полученному результату. Благодаря ликвидации уравниловки и обезлички в оплате труда выросло производство продукции, а оплата трудодня с 1953 по 1959 гг. увеличилась в 9 раз. В колхозе «Волкостров» того же района была введена денежная оплата труда, и в неделимый фонд колхоза отчислялось 20 % заработанных средств. Это позволило накопить на текущем счету артели 30 тыс. рублей⁵³. В 8 колхозах республики в 1959 г. была установлена оплата труда руководящих кадров в зависимости от производства продукции⁵⁴.

В 1953–1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства республики возросла с 31,5 млн руб. (по основным видам в сопоставимых ценах) до 99 млн руб. т. е. более чем в три раза, причем прирост производства был достигнут, главным образом, за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота⁵⁵.

Улучшилось положение колхозов, неделимые фонды которых в 1953–1958 гг. увеличились в 1,5 раза, основные средства производства — в 2 раза, а денежные доходы — в 3,6 раза⁵⁶. В 1957 г. урожайность зерновых, однолетних трав и силосных культур была выше, чем в совхозах⁵⁷.

Рост производства сельскохозяйственной продукции, совершенствование налогообложения способствовали увеличению оплаты труда колхозников по трудодням. В 1958 г. сумма натуральной и денежной оплаты на трудодень составила 12300 тыс. руб. против 4238 тыс. руб. в 1953 г., хотя денежная оплата трудодня в половине колхозов еще не превышала 3–4 рублей⁵⁸.

Определенные успехи в развитии сельского хозяйства республики во второй половине 1950-х гг. были налицо, вместе с тем темпы роста сельского хозяйства не отличались устойчивостью, а исходные позиции были довольно низкими. Новые, более высокие цены на сельскохозяйственную продукцию не создавали равных условий для хозяйств с различной специализацией и уровнем развития. К тому же, непрерывное повышение цен на промышленную продукцию в соответствии с ростом ее себестоимости уже к концу 1950-х гг. обесценило прибыли колхозов и совхозов⁵⁹.

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции осталось убыточным. Валовая продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств в 1955 г. составила лишь 74 % к 1950 г. (в сопоставимых ценах 1951 г.), в том числе по колхозам — 74 %, совхозам — 104 %, личным хозяйствам колхозников — 46 %⁶⁰.

Недостатки экономического механизма пытались вновь подменить организационными мерами. Вскоре верх стали брать непродуманные решения, проектерские проекты, рассчитанные на невиданный подъем сельского хозяйства и благосостояния народа в кратчайшие сроки — освоение целины, кукурузная кампания, ликвидация МТС и продажа их техники колхозам в кратчайшие сроки, реорганизация районного и вышестоящих звеньев управления и др. Инициатор этих программ Н. С. Хрущев подчеркивал: «Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководители... Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь»⁶¹.

Среди реорганизаций, осуществленных в аграрном секторе экономики во второй половине 1950-х гг., центральное место занимает преобразование колхозов в совхозы. Первые шаги по реформированию колхозного строя в стране были предприняты уже в конце 1954 — начале 1955 гг. Они коснулись сравнительно небольшой группы слабых колхозов, расположенных в западных и центральных районах страны (Ленинградской, Новгородской, Московской, Смоленской, Калужской областях), понесших за годы войны наиболее тяжелый урон. Кроме них, в 1955 — начале 1956 гг. на базе экономически слабых колхозов было создано еще 62 совхоза в других областях РСФСР, в Карелии, Белоруссии и прибалтийских республиках⁶².

Официально начавшаяся реорганизация колхозов мотивировалась необходимостью избавления от отсталых колхозов, но по существу представляла собой целенаправленную политику огосударствления колхозно-кооперативной собственности. Эта политика базировалась на упрощенных схемах и представлениях о переходе советского общества к коммунистическим общественным отношениям и о государственной форме собственности как высшей по отношению к кооперативной. Процесс сближения форм собственности, и, прежде всего, по уровню обобществления, считался важнейшим залогом стирания существенных

различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, рабочим классом и колхозным крестьянством.

Очевидно, были и другие причины преобразования колхозов в совхозы. Особенности колхозного производства и налоговой системы не давали государству возможность изымать в бюджет всю вновь произведенную стоимость (как это происходило в совхозах), чтобы потом определенную ее часть вернуть в виде зарплаты. В лучшем случае для колхозов с высокими доходами государство могло установить повышенные нормативы отчислений в неделимые фонды.

22 февраля 1955 г. Совет Министров и ЦК КП КФССР приняли постановление «О расширении хозяйства совхозов, организации и расширении подсобных хозяйств промышленных предприятий за счет передачи им земель и общественного имущества ряда колхозов Карело-Финской ССР». С разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР в республике, в виде опыта, земли 40 колхозов присоединялись к совхозам, а земли 55 колхозов передавались промышленным предприятиям для организации подсобных хозяйств⁶³.

В соответствии с постановлением на базе 77 колхозов и 12 МТС и было образовано 13 совхозов и 3 звероводческих фермы, 40 колхозов влились в уже существующие совхозы. На землях 55 колхозов создано 21 подсобное хозяйство леспромхозов, основными направлениями которых являлись свинооткормочное и картофелеводческо-овощное⁶⁴.

По воспоминаниям М. И. Захарова, возглавившего в 1955 г. колхоз им. Ленина в д. Готнаволк (Кондопожский район), колхозники сомневались в необходимости преобразования колхоза, т. к. положение значительно улучшилось после решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. В то же время, закупочные цены оставались нищенскими. В 1956 г. колхоз им. Ленина влился в совхоз «Кончезерский», объединивший все колхозы района.

Проведенная в марте 1955 г. реорганизация ряда слабых колхозов благодаря значительным государственным инвестициям и лучшей организации труда дала некоторые положительные результаты. Повысился уровень технической оснащенности хозяйств, усилилась специализация и концентрация производства. Созданные на базе колхозов совхозы улучшили использование земли, организовали сенокосение на тех лугах, которые не скашивались колхозами в течение ряда лет. С передачей колхозов совхозам и подсобным хозяйствам часть трудоспособных членов семей колхозников вернулась из промышленных предприятий в совхозы.

В 1956 г. в совхозах республики на 100 га сельхозугодий приходилось крупного рогатого скота в 1,6 раза больше, чем в колхозах, производилось в 2,2 раза больше молока и в 1,7 раза больше мяса. Затраты на один центнер продукции в совхозах были ниже, чем в колхозах, в 3–4 раза⁶⁵. Повысилась урожайность всех видов сельскохозяйственных культур, удой молока на корову вырос в 2,4 раза⁶⁶.

Первые результаты реорганизации колхозов, несмотря на определенные недостатки в работе вновь организованных хозяйств, казались обнадеживающими, и 15 марта 1956 г. было принято постановление Совета Министров КФССР «Об организации новых и укрупнении существующих совхозов и подсобных хозяйств Карело-Финской ССР», которое предусматривало организацию 8 новых совхозов молочного и молочно-овощного направления на базе 68 колхозов общей площадью сельхозугодий 49,8 тыс. га. 14 существующим совхозам передавались

земельные угодья 29 колхозов (площадь сельхозугодий — 14,7 тыс. га). Промышленным предприятиям республики для организации и расширения подсобных хозяйств и наделения кадровых рабочих приусадебными участками передавались земельные угодья 74 экономически слабых колхозов площадью 32,9 тыс. га. Ко вновь организуемым и укрупняемым совхозам перешла техника, оборудование и другое имущество МТС.

Хотя производство во вновь организованных совхозах было убыточным, в течение 1956 г. они удвоили валовое производство сельскохозяйственной продукции и в основном своими силами справились с проведением работ⁶⁷. Государственные расходы на содержание административно-управленческого аппарата в этих совхозах сократились по сравнению с содержанием аппарата упраздненных МТС на 50 %, или на 1 630 тыс. руб. в год. Из МТС было освобождено более 200 человек, большинство из которых перешли работать на производство⁶⁸.

Реорганизация колхозов проходила ускоренными темпами: в 1954 г. в республике насчитывалось 360 сельскохозяйственных артелей, в 1955 г. — 262, 1956 г. — 84⁶⁹. В 1955–1956 гг. свыше 190 мелких колхозов республики прекратили свое существование⁷⁰. На их базе были созданы подсобные хозяйства промышленных предприятий и совхозы. После проведенной реорганизации в Карелии осталось 84 сельскохозяйственных, 87 рыболовецких колхозов и 8 МТС⁷¹.

15 декабря 1956 г. правительство республики и обком партии обратились в Министерство сельского хозяйства РСФСР и бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой о расширении размеров землепользования 7 существовавших совхозов за счет передачи им 19 экономически слабых колхозов, создании 8 новых совхозов на базе МТС и земель 73 колхозов, а также расширении подсобных хозяйств предприятий лесной и других отраслей промышленности за счет земель и общественного имущества 18 колхозов. Предусматривалось, что при осуществлении этих мероприятий сельскохозяйственное производство республики будет представлено совхозами и подсобными хозяйствами⁷².

Надежды, которые руководство республики возлагало на реформирование колхозного строя, были обусловлены крайне тяжелым положением коллективных хозяйств КФССР. Хотя после сентябрьского пленума увеличились поступления от государственных поставок, денежные доходы колхозов были низкими. В 1953 г. весь денежный доход 374 колхозов республики составил 20 600 тыс. руб., или в среднем 55 тыс. руб. на колхоз. Денежная задолженность колхозов государству на 1 мая 1954 г. в два раза превысила их годовой доход и составила 40 500 тыс. рублей⁷³.

Денежные доходы колхозов республики были значительно ниже, чем в целом по РСФСР. В 1954 г. на один колхоз республики приходилось в 6,5 раз меньше денежного дохода, чем в целом по РСФСР (соответственно 88 и 568 тыс. руб.)⁷⁴. Получаемые ежегодно колхозами семенные, продовольственные и фуражные ссуды в 2–3 раза превосходили сдачу ими зерна государству. Многие колхозы насчитывали всего до 30 трудоспособных колхозников, а в 74 колхозах их число не превышало от 4 до 20 человек.

В 1950-е гг. продолжалась практика привлечения колхозников на лесозаготовки, которые в это время приобретают широкомасштабный характер. В 1955 г. ЦК КП(б) КФССР обратился в Совет Министров СССР с просьбой о прекращении с 1955 г. привлечения колхозников на лесозаготовительные и

сплавные работы, т. к. колхозы испытывали острый недостаток рабочей силы и не справлялись с выполнением плановых заданий⁷⁵. В 1957 г. денежная оплата трудодня по отстающим колхозам при почти полном отсутствии натуральных выдач не превышала 3–4 руб. на трудодень.

Низкая оплата трудодня обуславливала незаинтересованность колхозников в развитии общественного производства. Среднегодовая выработка трудодней одним трудоспособным колхозником в Карелии⁷⁶ была ниже, чем в ряде областей Северо-Запада: в 1956 г. она составила 346, в то время как, например, в Архангельской области — 398, в Ленинградской области — 381. Средняя же денежная оценка трудодня колхозника в Карелии равнялась 6 руб. 10 коп., в Архангельской области — 5 руб. 19 коп., в Ленинградской области — 7 руб. 39 копейкам⁷⁷.

По подсчетам О. М. Вербицкой, во второй половине 1940–1950-х гг. ежегодно от 12 до 19 % российских крестьян не вырабатывали годового минимума трудодней⁷⁸. Для Карелии, как и в целом для России, была характерна тенденция к увеличению доли колхозников, не вырабатывавших минимума трудодней. Так, В 1954 г. 15 % колхозников не выработали минимума трудодней⁷⁹, в 1955 г. из 4800 трудоспособных членов артелей не выработали обязательного минимума трудодней 871 человек, или 18,1 %⁸⁰. Лишь к концу 1950-х гг. доля не выработавших минимума трудодней колхозников снизилась до 6–7 %, возросла среднегодовая выработка на трудодень, однако это не делало его более полноценным⁸¹.

Вологодским историком Т. М. Димони подробно проанализированы причины невыполнения минимума трудодней колхозниками Европейского Севера России во второй половине 1940–1950-х гг. Среди них: уход на заработки на лесозаготовки, в промышленные предприятия, отсутствие детских садов и яслей в большинстве колхозов, низкий уровень механизации производства, низкая оплата труда⁸².

В качестве одной из форм оказания помощи сельскому хозяйству со стороны государства, как и в 1920–30-е гг., рассматривалось шефство промышленных предприятий над колхозами, совхозами и МТС. Хотя после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС изменился подход к организации шефства предприятий и организаций над колхозами, и все шефские работы на селе должны были проводиться за счет средств колхозов, многие колхозы и МТС не имели средств для возмещения шефам произведенных ими затрат, поэтому помощь по-прежнему оказывалась бесплатно.

По данным райкомов партии, на 1 января 1954 г. шефством было охвачено 22 МТС и 165 колхозов республики, однако, по неполным данным, ремонт, строительство и работы по механизации животноводческих помещений силами шефствующих организаций велись лишь в 68 колхозах⁸³. При этом закрепление шефов за колхозами проводилось в основном по месту их расположения, и не имевшие промышленных предприятий районы не получали никакой помощи. Не были привлечены к шефству предприятия лесной промышленности, не определялись конкретные объемы и сроки оказания помощи, в результате она расплывалась на выполнение мелких нужд колхозов и МТС.

В связи с острым недостатком рабочей силы в колхозы ежегодно для проведения сельскохозяйственных работ привлекалось большое количество рабочих и служащих (более 13 тыс. человек)⁸⁴, что дорого обходилось государству. Только в 1954 г. затраты государства на оплату труда привлеченных на сельскохозяй-

зяйственные работы горожан составили 12 млн руб., тогда как колхозы сдали государству продукцию всего на 17,6 млн руб. Широко использовался на сельскохозяйственных работах труд студентов, школьников. В июне 1954 г. в колхозах и совхозах республики работали 397 учащихся 6–10 классов⁸⁵. В 1956 г. на заготовку кормов по разнарядке предусматривалось послать 3 220 человек, в том числе 1 150 студентов вузов и средних учебных заведений республики⁸⁶.

Несмотря на значительные капитальные вложения в сельское хозяйство в послевоенные годы, общий объем сельскохозяйственного производства в республике в 1955 г. остался на уровне 1940 г., а по некоторым отраслям даже не достиг довоенного уровня⁸⁷.

1 марта 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах помощи по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов Карело-Финской ССР». В нем отмечались серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством республики: укрупнение многих колхозов без учета природно-экономических условий и территориальной разбросанности населенных пунктов; запущенность животноводства; низкая урожайность сельскохозяйственных культур вследствие грубых нарушений агротехники, недооценки семеноводства, внесения удобрений и известкования почв; низкий уровень оплаты трудодня в колхозах; уход населения из колхозов на работу в лесную промышленность и другие отрасли народного хозяйства.

Колхозам и совхозам республики был предоставлен ряд льгот. С сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов списывалась вся числившаяся за ними на 1 января 1956 г. задолженность по обязательным поставкам, натуроплате за работы МТС и по возврату ссуды зерна, картофеля, овощей, сена, мяса, молока и шерсти. Министерству финансов СССР и Госбанку было предложено списать, в виде исключения, со слабых колхозов числившуюся за ними задолженность по ссудам Сельхозбанка в сумме до 2,5 млн руб.; рассрочить экономически слабым колхозам на 5 лет платежи по ссудам Сельхозбанка, подлежащие уплате в 1956–1957 гг., в сумме до 4 млн руб. (начало погашения платежей было установлено с 1960 г.); отсрочить, в виде исключения, колхозам республики на два года погашение задолженности по ссудам Госбанка в сумме до 3 млн руб. и т. д.⁸⁸

Постановление признало целесообразным продолжить практику реорганизации экономически слабых колхозов в совхозы. С учетом опыта, накопленного в 1955 г., еще 150 колхозов Карелии были включены в состав совхозов и подсобных хозяйств, а 20 перешли на устав рыболовецких колхозов⁸⁹.

Решение о дальнейшем преобразовании колхозов в совхозы принималось, несмотря на то, что совхозы республики также работали неудовлетворительно. В 1956 г. лишь 3 из 32 совхозов закончили год с прибылью в сумме 622 тыс. руб., в то время как убытки составили 13 972 тыс. рублей. Задолженность совхозов по ссудам Госбанку оценивалась на 1 января 1957 г. в 6,3 млн руб., поставщикам — 0,6 млн рублей⁹⁰.

Дальнейшая программа реорганизации колхозного строя в стране была определена в постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 3 мая 1957 г. «О порядке передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы». В постановлении подчеркивалось, что колхозы, как социалистическая форма организации сельскохозяйственного производства, не исчерпали себя и содержат огромные резервы для увеличения объемов производства.

В связи с этим ставилась задача дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Реорганизация слабых хозяйств предусматривалась лишь в порядке исключения в отдельных случаях, с учетом всестороннего изучения хозяйственной целесообразности и экономической выгоды этого мероприятия. При этом особо подчеркивалась необходимость соблюдения принципа добровольности (не менее 2/3 голосов членов артели)⁹¹.

Несмотря на содержащиеся в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров указания об исключительных случаях преобразования колхозов в совхозы, оно вскоре приняло массовый характер даже в тех регионах, где уровень рентабельности колхозов до их преобразования в совхозы был довольно высоким (Мурманской, Магаданской и др. областях)⁹². В постановлении Совета Министров РСФСР от 14 марта 1959 г. «О мерах по подъему экономического состояния отстающих колхозов» была осуждена практика массового преобразования колхозов в совхозы в ряде областей и республик (Вологодской, Архангельской, Калининградской, Республике Коми)⁹³. Позднее XXIII съезд партии признал массовое преобразование колхозов в совхозы неоправданным, при этом речь шла не о самом факте, а о попытках искусственно форсировать перевод сельского хозяйства на общенародную форму собственности⁹⁴.

Представляются вполне обоснованными выводы одного из исследователей истории сельского хозяйства Европейского Севера А. Ф. Сметанина об особой роли государства в перераспределении средств из промышленности в сельское хозяйство в тяжелых естественно-географических условиях Севера, где создать достаточный «пай» в принципе нереально⁹⁵. Колхозы Севера не могли обойтись без государственной помощи. Учитывая этот факт, а также господствовавшие в то время представления о путях развития социалистического общества, осуществлялось массовое преобразование колхозов КАССР в совхозы. Основанием для полного реформирования колхозного строя республики служили экономическая слабость колхозов, а также такие факторы, как неудобство обработки мелкоконтурных полей современной техникой, удаленность мелких деревень от новосозданных центров укрупненных колхозов.

К концу 1950-х гг. положение оставшихся в республике колхозов было тяжелым. В феврале 1959 г. просроченная задолженность 65 колхозов Карелии по ссудам Госбанка составила 2378 тыс. руб., из которых основная сумма (2211 тыс. руб., или 93 %) приходилась на 18 хозяйств. В этих колхозах в 1958 г. затраты и расходы превысили годовые денежные доходы на 2442 тыс. рублей. На одного среднегодового работника в колхозах производилось продукции почти на 38 % меньше, чем в совхозах⁹⁶.

Актом, завершившим реорганизацию колхозов в Карелии, явилось постановление Совета Министров РСФСР от 31 декабря 1959 г. (Совета Министров Карелии — от 21 января 1960 г.) «Об организации новых и расширении землепользования существующих совхозов и подсобного сельского хозяйства Надвоицкого алюминиевого завода в КАССР». В соответствии с постановлением все сельскохозяйственные колхозы и значительная часть подсобных хозяйств преобразовывались в совхозы. За счет земель 18 колхозов, 9 рыболовецких артелей и 4 подсобных хозяйств в Карелии было организовано 5 новых совхозов: «Ухтинский» Калевальского района, «Кивач» Кондопожского района, «Олонецкий» и «Видлицкий» Олонецкого района и «Кемский» Кемского района. Кроме того, 15 колхозов,

5 рыболовецких артелей и 2 подсобных хозяйства вошли в состав 8 укрупненных совхозов⁹⁷. Были реорганизованы РТС: 2 из них (Пудожская и Сортавальская) — в машинно-мелиоративные станции, а на базе Олонецкой РТС создан совхоз. Так завершилась реорганизация сельскохозяйственных артелей республики. В целом с 1955 по 1960 гг. на базе 500 мелких, экономически слабых колхозов в Карелии было организовано 25 новых совхозов. В совхозах, организованных в 1960 г. на базе экономически слабых колхозов, по сравнению с 1959 г. производство молока увеличилось на 47 %, мяса — на 29 %, яиц — в два раза⁹⁸. К 1961 г. в республике осталось всего 13 колхозов, специализирующихся на рыбодобыче.

Предпринятые правительством страны в конце 1950-х гг. меры по облегчению положения колхозов не принесли ощутимых результатов. В 1958 г., после реорганизации МТС, была отменена натуроплата и, вместо обязательных поставок и закупок, введена единая система закупок сельскохозяйственных продуктов, установлены единые закупочные цены, дифференцированные по зонам страны. Однако и эта система не в полной мере отвечала интересам развития хозяйств. При отсутствии рыночного механизма формирования цен эта практика ценообразования создавала возможность корректировки плановых заданий, открывала дорогу экономическому произволу. Планы закупок, как правило, давались на год и то с большим опозданием. Они неоднократно менялись, колхозам и совхозам давались дополнительные задания, которые нередко превышали плановые. В результате колхозам часто приходилось, сдав зерно государству, обращаться к нему с просьбой о выделении семян. Преодоление возникших сложностей виделось тогда в отходе на знакомые позиции директивного руководства и административного нажима. Лишь в 1965 г., по решению мартовского пленума ЦК КПСС, были введены твердые планы заготовок продуктов на ряд лет.

Существенные изменения были внесены Правительством СССР в порядок исчисления подоходного налога с колхозов и взыскания с них платежей в бюджет. Начиная с 1 июля 1958 г., расчеты с колхозами производились в порядке, установленном для государственных и кооперативных предприятий и организаций, т. е. с их текущих счетов в Сельскохозяйственном банке. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1958 г. признал утратившим силу постановление ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1937 г., устанавливавшее судебный порядок изъятия имущества колхозов в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам. Взыскание платежей в бюджет с колхозов стало производиться в порядке, установленном для государственных и кооперативных предприятий и организаций. В случае неуплаты налога в определенные сроки за каждый день просрочки взималась пеня — 0,05 %, которая списывалась с текущих счетов колхозов⁹⁹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1958 г. «Об изменении порядка исчисления подоходного налога с колхозов» для всех автономных республик, краев и областей на 1959 г. был установлен подоходный налог в размере 12,5 % с облагаемого дохода, исчисленного за истекший год по данным годового отчета колхоза. Постановление отменило дифференцированные ставки и сроки уплаты подоходного налога с колхозов¹⁰⁰.

В то же время переоценка реального уровня экономического развития колхозов и совхозов послужила основанием для урезания капитальных вложений

в сельское хозяйство и сокращения поставок техники. Постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1959 г. с 1 марта 1959 г. была отменена выплата установленных в 1958 г. (постановлением от 30 июня) денежных надбавок к закупочным ценам на молодняк крупного рогатого скота в возрасте до 3 лет, весом от 200 до 350 кг и выше, продаваемый государству колхозами, хозяйствами колхозников, рабочих и служащих. При этом выплаченные ранее суммы взыскивались с коллективных и индивидуальных хозяйств¹⁰¹.

Неоднозначные последствия имела предпринятая в конце 1950-х гг. реорганизация машинно-тракторных станций, предусматривавшая продажу техники МТС колхозам в целях усиления их самостоятельности. С ликвидацией МТС уменьшились возможности для прямого вмешательства государства в колхозное производство, стал сокращаться продуктообмен между городом и деревней. Однако выкупные платежи за технику оказались столь велики, а выплата производилась в столь сжатые сроки, что эта мера нанесла огромный ущерб экономике колхозов и по существу свела на нет прибыль, полученную от повышения закупочных цен. Поскольку все затраты на ремонт и обслуживание техники были переложены на колхозы, то положение со снабжением их запасными частями, горючим даже ухудшилось.

В 1950-е гг. были предприняты шаги по облегчению положения приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Новый порядок налогообложения предусматривал твердые денежные ставки с каждой 1/100 гектара приусадебной земли (независимо от вида культур и общей суммы доходов с личного хозяйства колхозника и не члена колхоза). Они были дифференцированы по союзным республикам, с учетом экономических особенностей регионов. Существенно уменьшилась общая сумма налогов, сборов и затрат колхозного крестьянства на приобретение облигаций и госзаймы. Повысились заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозниками государству в порядке обязательных поставок. Однако высоким оставался уровень обязательных поставок продукции личными хозяйствами. В результате в середине 1950-х гг. в Карелии доля хозяйств, не выполнивших их полностью по отдельным видам продукции, даже возросла. Если в 1953 г. доля недоимщиков по мясу составляла 18,8 % хозяйств, то в 1956 г. — 34,3 %, по продуктам растениеводства — соответственно 14,5 % и 16,5 %¹⁰².

Принятые пленумом решения стимулировали рост количества скота в приусадебных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих. Количество крупного рогатого скота в них возросло с 39,1 тыс. в 1951 г. до 49,7 тыс. в 1956 г., хотя по ряду показателей довоенный уровень так и не был достигнут¹⁰³. При этом рост численности скота произошел за счет хозяйств рабочих и служащих, в хозяйствах же колхозников она сократилась. В середине 1950-х гг. вновь усилилось наступление на личные хозяйства колхозников, рабочих и служащих. Было запрещено увеличивать размер приусадебного хозяйства граждан за счет общественных земель. Обновленный Устав сельхозартели ограничил продажу колхозами продукции на рынке, уменьшил нормы содержания скота в личных хозяйствах. Лишь в конце 1964 г. ряд ограничений, касающихся содержания скота в личных хозяйствах, был отменен.

Таким образом, сохранилось двойное отношение к личному хозяйству крестьян. С одной стороны, совершенствовалась налоговая политика в отношении приусадебных хозяйств, с другой — шло сокращение размеров крестьянского

землепользования, его свертывание в пользу общественных хозяйств. Личные хозяйства рассматривались как второстепенные, «неперспективные»¹⁰⁴.

Между тем, по мнению вологодского исследователя М. Безнина, личные подсобные хозяйства до 1950-х гг., а в некоторых областях и регионах до середины 1960-х гг., выполняли отнюдь не подсобную функцию, создавая большую часть продукции¹⁰⁵. Это положение полностью подтверждают данные по Карельской АССР. В 1959 г. в приусадебных хозяйствах рабочих, колхозников и служащих было сосредоточено 57 % молочного стада, практически все поголовье коз и овец, 20 % свиней. В отдельных районах поголовье коров в общественном секторе играло по существу ничтожную роль и составляло в Кемском районе — 28 %, в Кондопожском — 32 %, Беломорском — 33 %, Пряжинском — 37 %¹⁰⁶. Удельный вес приусадебных хозяйств в общем производстве сельскохозяйственной продукции составлял: по мясу — 41,2 %, по молоку — 54,8 %, по яйцу — 73,3 %¹⁰⁷.

Таким образом, реформы управления, осуществленные в аграрном секторе экономики по решению сентябрьского пленума ЦК КПСС, существенно повысили материальную заинтересованность колхозников в развитии производства. Однако непоследовательность и противоречивость в их проведении в жизнь, сохранявшееся администрирование в отношении колхозов не позволили использовать потенциал реформ в полной мере.

Курс на необходимые в сельском хозяйстве преобразования быстро был свернут, новый порядок планирования так и не осуществлен. Не были созданы финансовые и материально-технические предпосылки для внедрения интенсивных методов хозяйствования. В ходе реорганизации колхозов во многих случаях нанесен непоправимый ущерб не только хозяйственной, но и социальной сфере села. Ликвидация мелких колхозов, усиление миграции сельского населения в город привели к исчезновению многих сел и деревень. Разрушение сельской поселенческой сети нарушало сложившиеся традиционные условия бытия, вело к утрате многих материальных и духовных ценностей.

Анализ причин отставания сельского хозяйства, предпринимавшийся на многочисленных пленумах, собраниях партийного и советского актива, заседаниях бюро партийных органов, не учитывал главного — социально-экономических условий функционирования сельской экономики. Между тем, эффективность как коллективных, так и индивидуальных форм хозяйствования, зависела, в первую очередь, от действия экономических факторов, суть которых — в экономическом и социальном неравноправии города и деревни, неэквивалентном обмене между промышленностью и сельским хозяйством.

Примечания

- 1 *Забабурова Н. Н.* Продовольственная безопасность Республики Карелия и аграрная политика // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития. Труды Петрозаводского государственного ун-та. Серия: Экономика. Петрозаводск, 2000. С. 105.
- 2 *Дроздов В. В.* Экономические реформы Н. С. Хрущева в оценке зарубежных авторов // Россия и современный мир. 1996. № 3. С. 158–159, 163.
- 3 XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991; *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Денисов Ю.* Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122; и др.
- 4 *Аганбегян А. Г.* Программа коренной перестройки // ЭКО. 1987. № 11. С. 5–6.

- 5 *Благих И. А.* Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева: Волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993. С. 190–214; *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.
- 6 «Второй и важнейший этап»: Об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х гг. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 28.
- 7 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 308.
- 8 *Милосердов В. В.* Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990. С. 68.
- 9 НА РК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 229. Л. 189 – 190.
- 10 Там же. Л. 221.
- 11 *Тюрина А. П.* Противоречия и трудности развития агропромышленного комплекса // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. М., 1988. С. 109.
- 12 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 93. Д. 65. Л. 15.
- 13 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 19–60, 428–434.
- 14 НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 208. Л. 43–44.
- 15 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 77. Л. 50–51; Д. 451. Л. 16.
- 16 КПСС в резолюциях... Т. 7. М., 1971. С. 52, 56.
- 17 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 12. Л. 44.
- 18 Там же. Д. 299. Л. 130.
- 19 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 288–290.
- 20 НА РК. Ф. 1831. Оп. 3. Д. 2874. Л. 110.
- 21 *Морозов В. О.* Совершенствование оплаты труда колхозников (1953–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 293.
- 22 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 69. Л. 60, 79.
- 23 НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 566. Л. 50, 73.
- 24 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 54. Л. 14.
- 25 *Безин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М., 1991. С. 226.
- 26 Решения партии и правительства... Т. 4. С. 289; *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 62.
- 27 *Димони Т. М.* Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): Дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 67.
- 28 *Островский В. Б.* Указ. соч. С. 45.
- 29 История советского крестьянства: В 4-х т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества 1945 – конец 50-х гг. М., 1988. С. 213.
- 30 *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 72.
- 31 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 93. Л. 6.
- 32 Там же. Л. 17–179.
- 33 Там же. Оп. 11. Д. 175. Л. 57.
- 34 КГАНИ. Ф. 1230. Оп. 64. Д. 39. Л. 187.
- 35 Там же. Оп. 93. Д. 73. Л. 27.
- 36 НА РК. Ф. 1831. Оп. 3. Д. 2759. Л. 151.
- 37 Там же. Д. 77. Л. 22, 24, 28.
- 38 Ленинское знамя. 1954. 12 марта.
- 39 КПСС в резолюциях... Т. 7. М., 1971. С. 59–65.
- 40 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 54. Л. 59–60.
- 41 НА РК. Ф. 1215. Оп. 25. Д. 44. Л. 34.
- 42 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 101. Д. 41. Л. 7.
- 43 Там же. Оп. 100. Д. 63. Л. 20.
- 44 Там же. Д. 340. Л. 14.
- 45 *Тюрина А. П.* Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 254.
- 46 Там же. С. 258.
- 47 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 103. Л. 59.
- 48 *Клементьев Е. И.* Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период. 1945 – конец 1950-х годов. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 26 декабря 1985 года. Петрозаводск, 1985. С. 26.

- 49 Там же. С. 30.
- 50 Олонецкая губерния — Карельская Трудовая Коммуна — Республика Карелия. 1838–2001. Стат. сб. Петрозаводск, 2002. С. 77.
- 51 НА РК. Ф. 1831. Оп. 3. Д. 3127. Л. 99.
- 52 Там же. Ф. 659. Оп. 11. Д. 300. Л. 204.
- 53 *Костин И.* Быль и боль Заонежья // «Север». 1989. № 9–10. С. 93.
- 54 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 54. Л. 14 — 15.
- 55 История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 723.
- 56 НА РК. Ф. 2717. Оп. 3. Д. 109. Л. 1, 15.
- 57 Там же. Ф. 698. Оп. 16. Д. 8. Л. 57.
- 58 Там же. Ф. 2717. Оп. 3. Д. 109. Л. 15; КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 69. Л. 60.
- 59 *Боровик В.* Село: вычерпали до дна? // Диалог. 1990. № 17. С. 53.
- 60 НА РК. Ф. 659. Оп. 11. Д. 14. Л. 38.
- 61 XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. отчет. Т. 4. М., 1961. С. 80.
- 62 *Богденко М. Л.* Основные проблемы развития совхозов в 1954–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 163.
- 63 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 19. Л. 83–91.
- 64 НА РК. Ф. 2717. Оп. 5. Д. 1417. Л. 1–6.
- 65 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 17. Л. 2; НА РК. Ф. 689. Оп. 17. Д. 423. Л. 124.
- 66 История Карелии с древнейших времен... С. 723.
- 67 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 17. Л. 1.
- 68 Там же. Л. 2.
- 69 НА РК. Ф. 698. Оп. 18. Д. 2. Л. 205, 219, 245, 268; КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 69. Л. 68.
- 70 Там же. Ф. 690. Оп. 11. Д. 175. Л. 101.
- 71 Там же. Ф. 698. Оп. 16. Д. 9. Л. 2.
- 72 Там же. Л. 1–5.
- 73 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 82. Л. 239–240.
- 74 НА РК. Ф. 851. Оп. 1. Д. 229. Л. 21.
- 75 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 61. Л. 1.
- 76 Без работавших в промышленности и на транспорте (примечание документа).
- 77 НА РК. Ф. 698. Оп. 16. Д. 564. Л. 168.
- 78 *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. С. 53.
- 79 НА РК. Ф. 698. Оп. 16. Д. 8. Л. 3; Ф. 659. Оп. 11. Д. 300. Л. 210.
- 80 Там же. Ф. 659. Оп. 11. Д. 300. Л. 210
- 81 *Димони Т. М.* Указ. соч. С. 49.
- 82 Там же. С. 53.
- 83 КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 444. Л. 4, 20.
- 84 Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 409.
- 85 НА РК. Ф. 1831. Оп. 3. Д. 2760. Л. 1, 4.
- 86 Там же. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 2702. Л. 2–4.
- 87 Там же. Ф. 2717. Оп. 6. Д. 97. Л. 57.
- 88 КГАНИ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 14. Л. 1 — 3.
- 89 Очерки истории Карельской организации КПСС... С. 414.
- 90 НА РК. Ф. 698. Оп. 16. Д. 10. Л. 54; Д. 177. Л. 25.
- 91 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1958. С. 726–727.
- 92 *Чмыга А. Ф.* О практике преобразования колхозов в совхозы // Вестник МГУ. 1984. № 1. С. 27.
- 93 НА РК. Ф. 698. Оп. 16. Д. 566.
- 94 XXIII съезд КПСС. Стенограф. отчет. Т. 1. М., 1966. С. 67.
- 95 *Сметанин А. Ф.* К интерпретации развития северной аграрной подсистемы в 1960–80-е годы // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках. Проблемы изучения. Труды ИЯЛИ. Вып. 54. Сыктывкар, 1993. С. 87.
- 96 *Клементьев Е. И.* Указ. соч. С. 23.
- 97 НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 471. Л. 195–196, 209–212; КГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 54. Л. 22–27.
- 98 НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 1426. Л. 3; Д. 705. Л. 307.
- 99 Там же. Д. 208. Л. 43–44.

- 100 Там же. Д. 456. Л. 78.
- 101 Там же. Д. 453. Л. 73-а.
- 102 *Димони Т. М.* Указ соч. С. 65–66.
- 103 Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1985. С. 33–34; НАРК. Ф. 659. Оп. 11. Д. 3468. Л. 2; Ф. 700. Оп. 22. Д. 468. Л. 79–80; Ф. 790. Оп. 20. Д. 53. Л. 4.
- 104 *Безгин М. А.* Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16.
- 105 Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар). Обзор подготовлен А. Ю. Растеряевой // Отечественная история. 1994. № 2. С. 50.
- 106 НА РК. Ф. 659. Оп. 9. Д. 109. Л. 7.
- 107 *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Указ. соч. С. 183–184.

Учреждение министерской системы управления в России в 1802–1835 гг.: Правовой аспект

В основе данной статьи лежит новейшая концепция выделения двух основных этапов в процессе создания министерской системы управления. Первый этап — проведение министерской реформы в 1802–1811 гг. Он, в свою очередь, подразделяется на начальный (1802–1810) и завершающий (1810–1811) периоды министерской реформы. Второй этап — завершение правового оформления министерской системы управления в 1811–1835 гг. Данная концепция отражает целостный, систематизированный подход к изучению общего процесса создания министерской системы управления в России в первой трети XIX века.

Как известно, начало министерской системы управления в России было положено изданием 8 сентября 1802 г. Манифеста «Об учреждении министерств» и Указа Сенату «Об образовании первых трех коллегий в образе производства дел на прежнем основании и о лицах, избранных к управлению министерствами»¹.

Манифестом 8 сентября учреждались первые восемь министерств: 1) *Министерство военных сухопутных сил*, в состав которого полностью вошла Военная коллегия; 2) *Министерство военных морских сил*, с включением в него Адмиралтейств-коллегии; 3) *Министерство иностранных дел*, объединившее Коллегию иностранных дел и Церемониальный департамент придворного ведомства; 4) *Министерство юстиции*, структурные подразделения которого не были точно зафиксированы в манифесте. Министр юстиции должен был руководствоваться в своей деятельности инструкцией генерал-прокурора, что означало слияние должности генерал-прокурора и министра юстиции. Тем самым, генерал-прокурор из первенствующего сановника Империи, превращался в первого среди равных, в одного из министров; 5) *Министерство внутренних дел*, в составе: Мануфактур-коллегии; Медицинской коллегии; Главной соляной конторы; Главного почтового управления (Почтового департамента); Экспедиции государственного хозяйства. К ведению министра внутренних дел были отнесены так же все отрасли государственной промышленности, кроме горной части, строительство и содержание всех публичных зданий в стране, продовольственное дело, местные полицейские учреждения, сословные учреждения и приказы общественного призрения; 6) *Министерство финансов*, в составе: Берг-коллегии; Монетного департамента; Экспедиции о заготовлении и хранении вексельной бумаги; подразделения Экспедиции государственного хозяйства, управляющие делами по Камеральному столу и печатанию векселей и заемных писем; Лесного департамента; Государственного ассигнационного банка и Государственного заёмного банка; Экспедиции заготовления листов для ассигнаций; Контора придворных банкиров и комиссионеров, а также не упомянутые в Манифесте от 8 сентября 1802 г. Контора разделения золота от серебра и Де-

партамент для рассмотрения неоконченных дел Камер-коллегии (Департамент Камер-коллегии). Наряду с этим, к ведению министра финансов были отнесены оброчные статьи, все Казенные палаты по винным подрядам и откупам, учреждение и отдача в содержание гербергов, хозяйственное управление казенных земель; 7) *Министерство коммерции*, в составе Коммерц-коллегии, с подчинением министру коммерции всех таможенных чиновников; 8) *Министерство народного просвещения*. В его ведение передавались: Главное училищное правление со всеми частями; Академия наук; Российская академия; университеты и все училища (кроме училищ ведомства императрицы Марии Федоровны); частные и казенные типографии (исключая находившихся в чем-либо ведомстве); цензура; издание периодики; библиотеки; музеи и все учреждения «для распространения наук».

Помимо восьми новых министерств, Манифест 8 сентября 1802 г. определил предметы ведения еще одного учреждения государственного управления — ведомства Государственного казначея или *Государственного казначейства*. В соответствии с Манифестом, к ведению Государственного казначея относились — Экспедиция о государственных доходах при Сенате, Казначейства для штатных и остаточных сумм в Санкт-Петербурге и Москве, а также все казенные палаты «только по части казенных сборов», все губернские и уездные казначеи и Счетная экспедиция казенных палат. Тем самым, юридически закреплялась структура этого учреждения, не получившего к 1802 г. организационного устройства². В итоге, в его состав вошли: Экспедиция о государственных доходах, Казначейства для штатных и остаточных сумм в Санкт-Петербурге и Москве. В то же время, ведомство Государственного казначея не было упомянуто в Манифесте в качестве министерства. Более того, для должности Государственного казначея в Манифесте 8 сентября 1802 г. не было выделено отдельной статьи, и вся информация о ней была помещена в ст. V³, посвященной Министерству финансов. К тому же, один из пунктов ст. V, содержащий слова: «Государственный казначей без воли нашей чрез министра финансов ему объявленной, ни каких расходов и ни каких ассигнаций чинить не может»⁴, позволяет говорить даже о некоторых кураторских полномочиях министра финансов в отношении ведомства Государственного казначея и о подчиненном положении Государственного казначейства по отношению к Министерству финансов. В основе такого неопределенного положения Государственного казначейства лежало решение, принятое членами Негласного комитета еще на стадии разработки министерской реформы — отказ от создания Министерства государственного казначейства и учреждение вместо него Министерства коммерции⁵. Но, поскольку специальное учреждение, ведавшее движением сумм, поступивших в доход, и ревизией счетов, было необходимо, то ведомство Государственного казначея все-таки осталось в тексте Манифеста «Об учреждении министерств». По нашему мнению, о ведомстве Государственного казначея или Государственном казначействе после 1802 г., следует говорить как о центральном государственном учреждении со статусом или правами министерства. Эту позицию подтверждает Указ Сенату от 8 сентября 1802 г., в соответствии с которым вместе с министрами назначался и Государственный казначей⁶, а также — сам факт участия Государственного казначея в работе Комитета министров с первого его заседания⁷.

Важно подчеркнуть, что в данной попытке точного определения круга новых центральных учреждений государственного управления и проявилось, пожалуй,

основное предназначение Манифеста 8 сентября 1802 г. для государственного механизма Российской империи.

Согласно Манифесту 8 сентября 1802 г., учреждения коллежской системы управления не упразднялись, а переходили под контроль министров. Каждый такой подчиненный орган представлял своему министру еженедельные мемории о текущих делах и представления в особых случаях. Министр отвечал на них предложениями. Подчиненные ведомства, в случае несогласия с предложениями министра, представляли министру рассуждения. Если министр настаивал на своем предложении, то решение министра исполнялось, а мнение первых заносилось в журнал⁸. Так, в общих чертах определялся новый, модернизированный, коллежско-министерский порядок делопроизводства.

В помощь министрам (за исключением министров военных сухопутных сил, военных морских сил, коммерции и Государственного казначейства) назначались заместители — товарищи министров, которые могли замещать глав министерств в период их отсутствия⁹.

Министры наделялись правом представления личных докладов императору в случае возникновения сомнений или предотвращения «неудобств» в сфере вверенного управления. Эти доклады должны были быть предварительно обсуждены всеми министрами. После утверждения императором такие доклады подлежали немедленному исполнению¹⁰.

Все министры становились членами Непременного Совета и присутствовали в Сенате. Каждый министр подавал ежегодный отчет о деятельности своего министерства императору, через Сенат. После его рассмотрения Сенатом, отчет, вместе с докладом и мнением Сената об управлении и состоянии дел, подавался императору¹¹. Кроме того, Сенат был вправе требовать объяснений от министров, как непосредственно по докладу, так и в течение всего года, в случае выявления недостатков и злоупотреблений в сфере управления конкретного министерства¹².

Министры обязывались немедленно заняться образованием своих канцелярий и составлением их штатов¹³.

Последнее предложение статьи XV Манифеста 8 сентября кратко упоминает о комитете, «составленном единственно» из министров, рассматривающем текущие дела. Будущие события в сфере государственного управления показали, что это предложение и частично статьи X и XI¹⁴, означали создание важного органа государственного управления — Комитета министров, оказавшего значительное влияние не только на министерскую систему управления, но и на всю систему государственной власти Российской империи.

Текст Манифеста «Об учреждении министерств» отличался отсутствием терминологического единства. Так, если во введении провозглашается учреждение министерства в единственном числе, то в ст. 1 уже говорится о разделении государственного управления на 8 отделений, каждое из которых составляет особое министерство, и в последующих статьях говорится уже о 8 министерствах. Этот факт, с одной стороны, являлся отголоском обсуждения в Негласном комитете вопроса о объединенном министерстве — «комитете, составленном из одних министров»¹⁵, с другой стороны, он свидетельствовал об отсутствии законодательного опыта у членов Негласного комитета.

Термин «министерство», по отношению ко всей системе министерств, использовался лишь в первое время после учреждения министерств. Так, император

Александр I в письме к своему воспитателю Ф. Ц. Лагарпу от 26 октября 1802 г., выразил свои первые впечатления по поводу министерской реформы следующим образом: «Мера, о которой мы так часто говорили, в полном действии. Министерство образовано и идет довольно хорошо уже более месяца. Дела от этого приобрели гораздо более ясности и методы, и я знаю тотчас с кого взыскать, если что-нибудь идет не так, как следует»¹⁶.

Указ Сенату от 8 сентября 1802 г. был посвящен исключительно персональному руководящему составу учреждаемых министерств¹⁷. Им назначались министры и их заместители — товарищи министров. (Товарищи были назначены только министрам иностранных дел, внутренних дел, финансов, народного просвещения). Вместе с министрами был назначен и Государственный казначей.

Таким образом, формирование централизованной министерской системы государственного управления начинается в 1802 г. на основе 8 центральных государственных учреждений и Государственного казначейства, близкого по своему положению к первым.

Однако к ним нужно прибавить учреждения коллежской системы управления¹⁸, не охваченные Манифестом «Об учреждении министерств». Несмотря на то, что после 8 сентября 1802 г. эти учреждения занимали уже, так сказать, второстепенное, после министерств и Государственного казначейства, положение, тем не менее, они продолжали свою деятельность в практически неизменном виде, оставаясь своеобразными действующими звеньями коллежской системы управления. К подобного рода ведомствам относились: Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, Департамент водяных коммуникаций¹⁹, Герольдия, Комиссия для составления законов, Экспедиция о устройении дорог в государстве²⁰, Канцелярия рекетмейстерских дел, Экспедиция государственных конских заводов, Военно-походная Е. И. В. канцелярия и учреждения придворного управления — Департамент уделов, Кабинет Е. И. В., Капитул российских кавалерских орденов, Придворная контора, Гоф-индентандская контора, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская контора, Экспедиция кремлевского строения, Мастерская и Оружейная палата. В приведенный перечень входило и Главное почтовое правление (Почтовый департамент), в отношении которого хотя и имелось прямое указание Манифеста «Об учреждении министерств» о присоединении его к Министерству внутренних дел²¹, но Почтовый департамент продолжал самостоятельную деятельность под руководством главного директора почт Д. П. Трощинского²² вплоть до 9 июня 1806 г., когда тот был отправлен в отставку, а Почтовый департамент — присоединен к Министерству внутренних дел²³.

В своем практическом применении начало министерской реформы затронуло учреждения коллежской системы управления в минимальной форме, в виде переподчинения большей части из них власти определенного министра, с оставлением организационного устройства и порядка делопроизводства в практически неизменном виде. Коллежский порядок управления сохранялся в решении текущих дел, а единоличная власть министров осуществлялась в наиболее важных или требующих быстрого решения вопросах.

Фактически, коллегии и коллежские учреждения стали организационной основой формирующейся министерской системы управления. Это было обусловлено тем, что кроме министерских канцелярий и департаментов, созданных

в 1802–1803 гг., министры не имели иных структурных подразделений, кроме коллегий и коллежских учреждений.

Реальная, практическая ликвидация учреждений коллежской системы управления начинается позднее²⁴. Подобная задержка в коренном реформировании системы управления была обусловлена мнением императора Александра I, высказанным на заседании Негласного комитета 24 марта 1802 г., еще при разработке министерской реформы: «Трудно сразу ликвидировать весь этот отживший механизм, но может быть на данном этапе достаточно будет передать коллегии в подчинение различным министрам, а позже, если опыт проявит бесполезность этих учреждений, упразднить их»²⁵.

Такой позицией императора Александра I и объясняется попытка искусственного сращивания коллежской и министерской систем управления, принятого в 1802 г.

Фактическая ликвидация коллегий и введение единоначалия в министерскую структуру начинается лишь после утверждения Александром I доклада министра внутренних дел В. П. Кочубея от 18 июля 1803 г.²⁶ Доклад, подлинным автором которого был²⁷ директор Департамента министра внутренних дел и статс-секретарь²⁸ М. М. Сперанский, был посвящен непосредственно преобразованию структуры Министерства внутренних дел. Но в нем были высказаны мысли о коллежской системе управления и системе министерств в целом. Одна из главных мыслей этого доклада — ликвидация коллежского делопроизводства с преобразованием коллегий в департаменты, экспедиции и отделения министерств²⁹. «Высочайшее» утверждение предложений М. М. Сперанского–В. П. Кочубея юридически санкционировало ликвидацию коллегий и коллежских учреждений в МВД, а общая таблица структуры Министерства внутренних дел, также вошедшая в доклад³⁰, стала примером построения структуры центрального учреждения государственного управления нового типа и, в значительной степени, образцом для организации структуры других министерств в это время.

Поэтому о хронологическом отрезке с 8 сентября 1802 г. по 18 июля 1803 г.³¹ можно говорить как о периоде существования своеобразного полного симбиоза³² двух противоположных систем государственного управления — старой, коллежской системы управления, и новой, только еще формировавшейся министерской системы управления.

В дальнейшем, после 1803 г., сосуществование двух систем продолжалось, но уже не на паритетных началах: во-первых, административные функции постепенно перераспределялись в пользу департаментов, экспедиций и канцелярий министерств за счет уменьшения компетенции коллегий, которая была переориентирована на исключительно хозяйственное управление; и, во-вторых, шел целенаправленный процесс ликвидации и преобразования коллегий и коллежских учреждений. Полный демонтаж коллежской системы управления был произведен не в одночасье, а растянулся на три долгих десятилетия: с 1803 по 1832 гг., завершившись лишь в царствование императора Николая I³³.

К 1811 г. была упразднена только половина коллегий: *Медицинская* — в 1803 г.³⁴; *Мануфактур-коллегия* первоначально была преобразована во 2-е отделение Экспедиции государственного хозяйства МВД (1803)³⁵, окончательная же ликвидация произошла двумя годами позже — в 1805 г.³⁶; *Берг-коллегия* — в 1806 г.³⁷; *Юстиц-коллегия* Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, продолжая свою дея-

тельность, с 1810 г. оказалась фактически подчинена Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий³⁸; *Коммерц-коллегия* — в 1811 г.³⁹

Герольдия, получившая статус коллегии в 1800 г.⁴⁰, так и не стала самостоятельным центральным государственным учреждением, продолжая функционировать в качестве структурного подразделения Сената с особым статусом. Указом от 4 февраля 1803 г.⁴¹ была упразднена должность директора Герольдии и ее снова возглавил герольдмейстер, при этом Герольдии «повелено... состоять по прежнему в ведении министра юстиции, или генерал-прокурора, яко главного директора канцелярии Сената»⁴². Тем самым, правовое положение Герольдии было юридически определено, как учреждения при Сенате.

Департамент водяных коммуникаций продолжал свою деятельность до 1809 г. Централизация управления водными и сухопутными путями сообщения, осуществленная в 1809 г. путем присоединения Экспедиции о устроении дорог в государстве к Департаменту водяных коммуникаций⁴³, с последующим преобразованием Департамента водяных коммуникаций в Экспедицию водяных сообщений⁴⁴ и образованием нового центрального государственного учреждения — Управления водяных и сухопутных путей сообщения⁴⁵, положила конец деятельности Департамента водяных коммуникаций.

Коллежские учреждения упразднялись или преобразовывались в структурные подразделения министерств. Отсутствие у коллегий юридического статуса центрального государственного учреждения, облегчало их включение в аппарат министерств и не требовало их специальной ликвидации. *Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства* и *Главная соляная контора* в 1803 г. были преобразованы в 1-е и 3-е отделения Экспедиции государственного хозяйства Министерства внутренних дел⁴⁶. *Государственный ассигнационный* и *Государственный заемный* банки с образованием в 1802 г. центрального государственного учреждения финансового управления — Министерства финансов, потеряли значение центральных учреждений (или близких к центральным) и перешли в ведение министра финансов⁴⁷ в виде специальных кредитных установлений при Министерстве финансов. *Комиссия об учреждении народных школ*, или *Главное училищное правление*, в 1802 г. вошла в состав Министерства народного просвещения⁴⁸. Последнее заседание этой комиссии состоялось 20 марта 1803 г.⁴⁹ На смену этому учреждению пришла Комиссия об училищах⁵⁰, преобразованная 24 января 1803 г. в Главное правление училищ Министерства народного просвещения⁵¹.

В связи с тем, что по Манифесту 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» должность генерал-прокурора Сената была соединена с должностью министра юстиции⁵², Канцелярия генерал-прокурора вошла в состав Министерства юстиции. В первые месяцы существования указанного министерства⁵³, Канцелярия генерал-прокурора стала тем учреждением, на основе которого образовались, сначала Консультация при Министерстве юстиции⁵⁴, а потом и Департамент министра юстиции⁵⁵. В итоге, Канцелярия генерал-прокурора прекращает свое существование в 1803 г.

Фактическое присоединение Главного почтового правления (Почтового департамента) к Министерству внутренних дел было осуществлено в 1806 г.⁵⁶ А в 1811 г. Главное почтовое правление было преобразовано в Почтовый департамент МВД⁵⁷.

К 1811 г. оказались преобразованными и часть коллежских учреждений, не охваченных Манифестом «Об учреждении министерств». *Комиссия для составления законов* по Указу от 21 октября 1803 г. была подчинена министру юстиции⁵⁸. В 1804 г. эта Комиссия была преобразована и переименована в Комиссию составления законов⁵⁹, которая действовала в составе Министерства юстиции в 1803–1809 гг. в качестве специализированного кодификационного учреждения. С 1810 г. Комиссия составления законов была переподчинена Государственному Совету⁶⁰. *Военно-походная Е. И. В. Канцелярия* в 1808 г. перешла в подчинение к военному министру⁶¹. *Канцелярия рекетмейстерских дел*, возглавляемая генерал-рекетмейстером, будучи учреждением Сената с особым статусом, продолжала свою деятельность и после учреждения министерств до 1810 г., когда в связи с образованием Комиссии прошений при Государственном Совете, генерал-рекетмейстер был назначен членом этой комиссии⁶² и Канцелярия рекетмейстерских дел фактически прекратила свою деятельность⁶³. Из числа учреждений придворного управления к 1811 г. изменения затронули только одно учреждение: *Мастерская и Оружейная палата* (Мастерская Оружейная контора) в 1805 г. была подчинена Экспедиции кремлевского строения⁶⁴.

Процесс ликвидации и преобразования учреждений коллежской системы управления вел к устранению тенденции, присущей коллежской системе управления, а именно: разделение судебных и административных полномочий, совмещенных во многих коллегиях. Подчинение и вхождение в состав министерств местных органов и «частей» коллегий, и коллежских учреждений закладывало основы будущих ведомств.

Необходимо отметить, что в течение начального периода министерской реформы (1802–1810), министры действовали в своеобразном правовом вакууме: за исключением Манифеста и Указа 8 сентября 1802 г. иных законодательных актов, регламентировавших их деятельность, просто не существовало. Подробных инструкций для каждого министра, обещанных статьей X Манифеста 8 сентября 1802 г., так и не было разработано. В этот период были введены в действие только штаты Департаментов министерств: военных сухопутных сил, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения⁶⁵, штат Департамента министра военных морских сил⁶⁶. Введено в действие «Положение Департамента уделов»⁶⁷.

Слабым звеном министерской реформы являлась ответственность министров перед Сенатом. Положения Манифеста 8 сентября 1802 г. о министерской ответственности плохо реализовались на практике. Сенат не имел реальных рычагов контроля над министрами. Непосредственное подчинение министров императору и право личных докладов ему — фактически исключали возможность сенатского контроля. Хотя Комитет для освидетельствования министерских отчетов при Сенате и действовал с 1803 по 1807 гг., и даже рассмотрел министерские отчеты практически всех министерств (за исключением Министерства военных морских сил), но только за 1802 и 1803 гг.⁶⁸ Кроме того, министерская реформа проходила в противостоянии сторонников (В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. А. Чарторыйский и др.) и противников (П. В. Завадовский, Д. П. Троцинский и др.) ее проведения.

Отсутствие правового обеспечения организации и деятельности министерств осложнялось тем, что процесс замены коллегий департаментами и отделениями

министерств осуществлялся без определенного плана и одновременно. При том структура организации каждого министерства была не унифицирована, юридический характер взаимоотношений между подразделениями как внутри того или иного министерства, так и между министерствами оставался неопределенным. Все это породило значительные затруднения в государственном управлении.

28 марта 1806 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей представил императору Александру I «Записку об учреждении министерств»⁶⁹. В ней отмечалось «совершенное смешение» в государственном управлении после 1802 г., которое «дошло до самой высшей степени»⁷⁰. В Записке были предложены меры к исправлению подобного положения: 1) подбор на министерские посты единомышленников; 2) определение отношения министерств к Сенату, Комитету министров, Непременному Совету, губернскому управлению; 3) урегулирование отношений между министерствами; 4) наделение министров правомочием разрешения дел по существу; 5) определение ответственности министров⁷¹. Однако эта записка, в отличие от доклада В. П. Кочубея от 18 июля 1803 г., не оказала влияния на ход проведения министерской реформы.

Внешнеполитические события 1805–1808 гг. отвлекли внимание Александра I от дел внутреннего управления⁷². Но именно в данное время все более активное участие в осуществлении министерской реформы начинает принимать руководящий чиновник сначала Министерства внутренних дел, а с 1808 г. — товарищ министра юстиции⁷³ и подлинный автор⁷⁴ доклада от 18 июля 1803 г. и записки от 28 марта 1806 г. — М. М. Сперанский. С конца 1808 г. М. М. Сперанский становится ближайшим сотрудником Александра I, занимающимся «предметами высшего управления»⁷⁵. К октябрю 1809 г. недостатки министерской реформы были систематизированы М. М. Сперанским в его «Введении к уложению государственных законов» — обширном плане реформ всего внутриполитического устройства страны, составленном по поручению Александра I и представленном ему⁷⁶. В этом проекте М. М. Сперанский выделил три основных недостатка министерской реформы:

1. «недостаток ответственности»;
2. «некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел»;
3. «недостаток точных правил или учреждения»⁷⁷.

На ликвидацию этих недостатков было направлено новое преобразование министерств — завершающий период министерской реформы (1810–1811). О его начале провозглашалось уже в Манифесте 1 января 1810 г. «Об учреждении Государственного Совета»⁷⁸.

«Различные части, министерствам вверенные, требуют разных дополнений. При первоначальном учреждении предполагалось, постепенно и соображаясь с самым их действием, приводить сии установления к совершенству. Опыт показал необходимость довершить их удобнейшим дел разделением. Мы предложим Совету начала окончательного их устройства и главные основания общего министерского наказа, в коем с точностью определятся отношения министерств к другим государственным установлениям, и будут означены пределы действия и степень их ответственности»⁷⁹.

Юридической основой завершающего периода министерской реформы стали три правовых акта: 1) Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от

25 июля 1810 г.; 2) «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. и 3) «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.⁸⁰ Все эти акты прошли предварительное обсуждение в специально созданном для рассмотрения предположений о преобразовании министерств, Сената и о новом порядке рекрутских наборов Комитете председателей департаментов Государственного Совета, который действовал с 27 мая 1810 г. по 28 ноября 1811 г.⁸¹ Далее проекты утверждались на общем собрании Государственного Совета и подавались на «высочайшее» утверждение императора. Проекты всех трех актов были разработаны М. М. Сперанским.

Манифест от 25 июля 1810 г. разделил все государственные дела «в порядке исполнительном» на пять главных частей:

1. Внешние сношения, которые находились в ведении Министерства иностранных дел.

2. Устройство внешней безопасности, которое поручалось Военному Министерству и Министерству военных морских сил.

3. Государственная экономия, которой ведали Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Министерство финансов, Государственный казначей, Ревизия государственных счетов, Главное управление путей сообщения.

4. Устройство суда гражданского и уголовного, которое поручалось Министерству юстиции.

5. Устройство внутренней безопасности, вошедшее в компетенцию Министерства полиции.

Провозглашалось создание новых центральных органов государственного управления: Министерства полиции, Главного управления духовных дел разных исповеданий и Ревизии государственных счетов⁸². Значительно изменялась компетенция МВД. Его главным предметом становилось «попечение о распространении и поощрении земледелия и промышленности»⁸³. К Министерству полиции переходили все дела, относившиеся к полиции «предохранительной» и «исполнительной» и составившие две главные части его компетенции⁸⁴. Учреждалось звание Государственного контролера — руководителя ревизии государственных счетов. Окончательное образование этого органа откладывалось до будущего «определения» Государственного контролера⁸⁵. Предметы ведения Министерства коммерции переходили в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, что означало упразднение Министерства коммерции⁸⁶.

В общих чертах устанавливались предметы ведения большинства министерств. Не были определены функции Военного министерства, Министерства военных морских сил, Министерства иностранных дел, Министерства юстиции. Их предметы оставлены в пределах Манифеста 8 сентября 1802 г.⁸⁷, что означало продолжение действия норм законодательства о трех государственных коллегиях, «Инструкции генерал-прокурору» и «Генерал-прокурорского наказа»⁸⁸.

Подробности и спорные вопросы, возникшие при непосредственном распределении дел, обсуждались в Комитете министров в заседании 4 августа 1810 г.⁸⁹ Там были заслушаны доклады министра иностранных дел, министра финансов, товарища министра внутренних дел, министра народного просвещения, министра юстиции⁹⁰. Результатом этого обсуждения стало «Высочайше утвержден-

ное разделение государственных дел по министерствам» 17 августа 1810 г. Этот акт конкретизировал состав Министерства внутренних дел, Министерства полиции, Министерства народного просвещения, Министерства финансов, Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и факт ликвидации Министерства коммерции. Внимание уделялось всем подразделениям, которые выделялись или присоединялись к этим учреждениям.

Продолжением конкретизации в сфере государственного управления, стал также Манифест 28 января 1811 г. «О учреждении Главного управления ревизии государственных счетов»⁹¹, которым создавалось новое центральное государственное учреждение (проекты звания Государственного контролера и устройства ревизии государственных счетов были подготовлены в Комитете председателей департаментов Государственного Совета⁹²).

«Общее учреждение министерств» 25 июня 1811 г. стало главным и определяющим законодательным актом министерской реформы. Структурно оно состояло из двух частей:

1. «Образование министерств»;
2. «Общий наказ министерствам».

«Общее учреждение министерств» включило в себя 401 параграф и одно приложение: «Формы письмоводства». «Образование министерств» определяло общее разделение государственных дел и предметы каждого министерства и главного управления, во многом, текстуально повторяя положения Манифеста от 25 июля 1810 г. Им устанавливалось единое общее организационное устройство центральных учреждений государственного управления. Министерство возглавлялось министром и его товарищем (заместителем). При министре состояли Канцелярия и Совет министра. Аппарат министерства включал в себя несколько департаментов, делившихся на отделения, которые в свою очередь, делились на столы. Устанавливался жесткий принцип единоначалия. Министр подчинялся императору, который назначал и смещал первого в соответствии со своим волеизъявлением. Непосредственно министру подчинялись директора департаментов и канцелярии. Директорам департаментов подчинялись начальники отделений, начальникам отделений — столоначальники.

«В министерствах, коих предметы по пространству их и разнообразию разделены на многие департаменты», для разрешения дел требующих общего «соображения», учреждался совет министра, состоявший из директоров департаментов, под председательством министра (или его товарища, или одного из директоров департаментов)⁹³.

В сложных по составу департаментах, учреждались общие присутствия, состоявшие из начальников отделений, под председательством директора департамента⁹⁴.

В состав министерства входили и специализированные органы — «особенные установления»: Особенности канцелярии, счетные отделения и столы, установления по судебной или тяжёлой части, ученые комитеты, чертежные, лаборатории, состоявшие при департаментах переводчики, чиновники особых поручений, молодые люди для обучения⁹⁵.

Устанавливался единый порядок делопроизводства, с определением порядка движения дел в каждом структурном подразделении министерства, формы регистрации документов, сроков исполнения, проверки, отправки, проверки ис-

полнения документов⁹⁶. Вводился единый порядок отчетности. Министры подавали три вида ежегодных отчетов⁹⁷:

1. «Отчет о суммах», подаваемый в Министерство финансов⁹⁸;
2. «Отчет в делах», подаваемый в Государственный Совет⁹⁹;
3. «Отчет о видах и предложениях к усовершенствованию каждой части», подаваемый императору¹⁰⁰.

«Общий наказ министерствам» устанавливал степень и пределы власти министров. «Существо власти,веряемой министрам, принадлежит единственно к порядку исполнительному; никакой новый закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего, не могут быть установлены властью министра»¹⁰¹. Особо выделялось, что законодательные (фактически же законосовещательные) полномочия, составлявшие предмет ведения Государственного Совета, и судебные полномочия, составляющие предмет Сената и судебных мест, из задач министров исключены¹⁰².

Министр являлся высшим должностным лицом в министерстве, осуществлявшим надзор за всеми подчиненными сотрудниками и местами. В его обязанности входило: определение и увольнение чиновников; удаление от должности и предание их суду, в случае совершения ими преступлений; разрешение затруднений в сфере вверенного управления; принятие мер к действию законов и учреждений. В случае чрезвычайных обстоятельств министр наделялся правом действовать своей властью, с обязательным уведомлением императора о принятых мерах. «Само нарушение закона министром не вменялось ему в вину, если на это он был уполномочен верховной властью»¹⁰³. Министрам принадлежало право законодательной инициативы. Оно осуществлялось через Государственный Совет путем подачи представления¹⁰⁴. Министры наделялись правом непосредственного представления императору по делам исполнительным¹⁰⁵. (Это право станет практическим осуществлением законодательной инициативы министров и обеспечит их значительное влияние в сфере законодательства.) Кроме того, министры в своих действиях в отношении подчиненного управления могли давать предписания для осуществления собственной власти¹⁰⁶. Такие предписания очень скоро превратятся в способ толкования законов — в знаменитые циркуляры.

Глава V «Общего наказа министерствам» посвящена ответственности министров. Ответственность министров составлялась из предметов ответственности, порядка ответственности и последствий ответственности. Предметы ответственности — это превышение министром пределов своей власти или бездействие, вызвавшее государственный ущерб или злоупотребление. Порядок ответственности строился на: жалобах императору, предписаниях местных властей, последствиях судебных решений, представлениях лиц, осуществлявших обозрение губерний или смотр войск, отчеты министров. Последствия ответственности — это лишение звания министра при отсутствии умысла, и предание суду в случае вины. Таким образом, необходимым условием ответственности было «высочайшее» усмотрение императора, а потому реальную ответственность министры несли только перед ним.

«Общий наказ министерствам» устанавливал степень и пределы власти департаментов и их директоров, обязанности канцелярии министра и ее директора, обязанности и степень ответственности всех департаментских чиновников¹⁰⁷.

Сравнительный анализ полномочий товарища министра и директора департамента показывает неопределенность полномочий первого и, напротив, полную ясность при установлении полномочий второго¹⁰⁸. Этот факт отразил действительное положение вещей. К 1811 г. должность товарища министра была ликвидирована в большинстве министерств, а с 1812 г. она и вовсе перестала существовать вплоть до второй половины 20-х гг. XIX в.¹⁰⁹

Приложением к «Общему учреждению министерств» — «Формами письмоводства», — вводились единые формы делопроизводственных документов всех центральных учреждений государственного управления. Количество вводимых форм было четыре: 1. Отношения министров между собой и с людьми им равными, и предписания лицам подчиненным; 2. Отношения и представления к министрам; 3. Предписания министров в отношении департаментов; 4. Представление или докладная записка, исходившие к министру от Департамента. В исторической и историко-юридической литературе формам письмоводства 1811 г. уделяется крайне мало внимания. А между тем, в дальнейшей практической деятельности министров, они сыграли важную роль в качестве средств объединения и установления единообразия в большом разнообразии официальных делопроизводственных документов центральных государственных учреждений предшествующего 1811 г. времени.

«Общее учреждение министерств», перечисляя в § 234 предметы, относящиеся к компетенции Комитета министров в числе дел, рассматриваемых в Правительствующем Сенате, вместе с тем не упоминало собственно о Комитете министров. Данный факт мог говорить лишь о том, что Комитет министров в скором времени должен был прекратить свою деятельность¹¹⁰. Однако этого не произошло, и тому во многом способствовала отставка М. М. Сперанского 17 марта 1812 г.

Созданная в 1811 г. система центральных учреждений государственного управления состояла из 8 министерств: военное, военных морских сил, иностранных дел, внутренних дел, полиции, юстиции, финансов, народного просвещения. Трех главных управлений — Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, Главного управления путей сообщения, Главного управления ревизии государственных счетов и Государственного казначейства.

Наряду с министерствами и главными управлениями, продолжали действовать Экспедиция государственных конских заводов при Правительствующем Сенате¹¹¹ и целый комплекс учреждений придворного управления — Департамент уделов, Кабинет Е. И. В., Капитул российских кавалерских орденов, Придворная контора, Гоф-интендантская контора, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская контора и Экспедиция кремлевского строения.

Законодательные акты 1810–1811 гг.: Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г., «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г., «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. — фактически завершили министерскую реформу. Практически все основные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства и главные управления. Вводилось отраслевое разграничение местных органов управления, что способствовало формированию ведомств — центральных государственных учреждений, с подчиненными им местными государственными органами и должностными лицами¹¹².

Вставала новая задача — распространить «Общее учреждение министерств» на каждое центральное государственное учреждение и завершить, тем самым, правовое оформление министерской системы управления. После издания «Общего учреждения министерств» начинается следующий этап в создании министерской системы управления — этап завершения ее правового оформления, т. е. распространения «Общего учреждения министерств» на все центральные государственные учреждения в виде «Учреждений» или «Образований» каждого конкретного министерства и главного управления.

В Комитете председателей департаментов Государственного Совета (в январе — сентябре 1811 г.) обсуждались подготовленные при участии М. М. Сперанского проекты «Учреждений» министерств полиции, финансов, военного, иностранных дел и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий¹¹³. Из них были утверждены только «Учреждения» Министерства полиции и Министерства финансов¹¹⁴. Остальные проекты остались нереализованными из-за отставки М. М. Сперанского и начавшейся вскоре Отечественной войны 1812 г.

После 1811 г. без специальных «Образований» и «Учреждений», основанных на «Общем учреждении министерств», оставались следующие ведомства: Министерство иностранных дел, Военное министерство¹¹⁵, Министерство военных морских сил, Государственное казначейство, Главное управление ревизии государственных счетов, Министерство внутренних дел¹¹⁶, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения, Министерство юстиции, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, а также Экспедиция государственных конских заводов и учреждения придворного управления (их перечень см. выше)¹¹⁷. Конечно, это не означало, что все отмеченные ведомства принадлежали к числу учреждений коллежской системы управления и оставались в неизменном виде, характерном для XVIII в. Тем не менее, в их структуре и порядке делопроизводства достаточно долго содержались элементы смешанного, коллежско-министерского порядка управления, введенного в 1802 г. Вместе с тем, в большей части указанных ведомств к 1811 г. министерский порядок организационного устройства и делопроизводства утвердился практически. Недоставало лишь единого организационно-учредительного документа. Исключение составляли Экспедиция государственных конских заводов и учреждения придворного управления, которые продолжали свою деятельность, как после 1802 г., так и после 1810–1811 гг. в практически неизменном виде, оставаясь в полном смысле этого слова учреждениями коллежской системы управления, а вернее — пережитками этой системы.

Что же касается последних из сохранившихся коллегий — Военной коллегии, Адмиралтейств-коллегии, Коллегии иностранных дел и Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, то к 1811 г. эти учреждения в основном уже потеряли значение центральных учреждений государственного управления. Их объем компетенции и сфера деятельности были ограничены рамками структурных подразделений министерств, в составе или в подчинении которых они действовали.

Таким образом «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. распространялось на центральные учреждения государственного управления в течение длительного времени: в 1812 г. оно было распространено на *Военное министерство*¹¹⁸; в 1817 г. — на объединенное *Министерство духовных дел и народного просвещения*¹¹⁹; в 1820 г. — на *Главное управление путей сообщения*¹²⁰; в 1826 г. —

на основную часть учреждений придворного управления, в виде образования объединенного *Министерства императорского двора и уделов*¹²¹; в 1827 г. — на *Морское министерство*¹²²; в 1832 г. — на *Министерство иностранных дел*¹²³; в 1835 г., с вступлением в законную силу Свода законов Российской империи¹²⁴, содержавшего «Образования» *Министерства внутренних дел*, *Министерства народного просвещения*¹²⁵, *Главного управления почт*¹²⁶, *Главного управления ревизии государственных счетов*, *Министерства юстиции* и «Учреждение Капитула российских императорских и царских орденов»¹²⁷, «Общее учреждение министерств» было распространено и на эти государственные учреждения.

Вместе с завершением распространения «Общего учреждения министерств» была закончена ликвидация коллегий и коллежских учреждений, еще продолжавших действовать после 1811 г.: в 1812 г. была упразднена *Военная коллегия*¹²⁸; в 1819 г. — *Экспедиция государственных конских заводов*¹²⁹; *Адмиралтейств-коллегия* — в 1827 г.¹³⁰; в 1832 г.¹³¹ прекратили свое существование одни из последних пережитков коллежской системы управления — *Коллегия иностранных дел* и *Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел*.

Также, в 20–30-х гг. XIX в. прекратили свое существование департаменты для решения старых дел и счетов упраздненных ранее коллегий: *Временный департамент Коммерц-коллегии* — в 1823 г.¹³², *Департамент Берг-коллегии* — в 1825 г.¹³³, *Департамент Камер-коллегии*¹³⁴ и *Департамент Ревизион-коллегии*¹³⁵ — в 1828 г., *Вотчинный департамент* в 1830 г. был подчинен Министерству юстиции¹³⁶ и окончательно упразднен в 1852 г., войдя в состав Московского архива Министерства юстиции¹³⁷.

В итоге, к 1 января 1835 г. *систему центральных государственных учреждений* составили следующие ведомства: Министерство иностранных дел, Военное министерство, Главный морской штаб Е. И. В., Морское министерство, Министерство финансов, Главное управление ревизии государственных счетов, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения и публичных зданий, Министерство юстиции, Министерство императорского двора и уделов, Капитул российских императорских и царских орденов и Главное управление почт.

Процесс создания министерской системы управления в России в первой трети XIX в. прошел в своем развитии несколько этапов правового оформления. Если к моменту окончания этапа проведения министерской реформы (в 1802–1811 гг.) были заложены единые законодательные основы министерской системы управления, закрепленные в «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г., и министерская система управления была фактически создана, то в заключении следующего этапа — этапа завершения правового оформления министерской системы управления (в 1811–1835 гг.) — 1 января 1835 г. окончательно оформилось распространение этих законодательных основ на все элементы министерской системы управления. Таким образом, создание министерской системы управления завершилось де-юре.

Во многом, этот последний этап имел сугубо юридическое или правовое значение для уже фактически сложившейся к 1811 г. и действовавшей министерской системы государственного управления. Но, тем не менее, он заслуживает особого, специального выделения, которого не было в предшествующей историко-юридической и исторической литературе, посвященной данной теме.

Примечания

- 1 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20406. С. 243–248; № 20409. С. 249–250.
- 2 До 1802 г. подведомственность Государственному казначею Экспедиции о государственных доходах и Казначейств для штатных и остаточных сумм в Санкт-Петербурге и Москве определялась разными правовыми актами (ПСЗ РИ-I. Т. 20. № 15039. С. 965; № 15075. С. 1003; № 15076. С. 1005). Отнесение же по Манифесту 8 сентября 1802 г. этих учреждений к ведению Государственного казначея позволяет (по аналогии с министерствами, в состав которых вошли коллегии, экспедиции и конторы) уже говорить о них, как о структурных подразделениях ведомства Государственного казначея (ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20406. Ст. V. С. 245–246).
- 3 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20406. Ст. V. С. 245–246.
- 4 Там же.
- 5 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12. Л. 49 об. – 50 об.
- 6 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20409. С. 250.
- 7 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- 8 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20406. Ст. IX. С. 246–247.
- 9 Там же. Ст. XIII, XVI. С. 246–248.
- 10 Там же. Ст. X.
- 11 Там же. Ст. XII–XV.
- 12 Там же. Ст. XIII.
- 13 Там же. Ст. XVIII.
- 14 Там же. С. 247–248.
- 15 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11. Л. 42 – 43 об.; Д. 12. Л. 16–17 об., 29 об., 30 об. – 31 об.
- 16 Сборник Русского исторического общества. Т. 5. СПб., 1870. С. 35.
- 17 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20409. С. 249–250.
- 18 Для удобства систематизации и максимально полного охвата исследуемых государственных учреждений в нашей статье мы используем группировку всех учреждений коллежской системы управления по следующим группам: коллегии — центральные отраслевые органы управления; учреждения, имевшие статус коллегии — учреждения государственного управления в отношении которых имелось прямое правовое подтверждение того факта, что они являются коллегиями; коллежские учреждения — учреждения государственного управления, подчинявшиеся в основном Сенату, не обладающие юридическим статусом коллегий и вследствие этого, имеющие неопределенный правовой статус и занимающие промежуточное положение между центральными и местными учреждениями государственного управления, но фактически близкое к центральным учреждениям государственного управления; учреждения придворного управления — учреждения государственного управления, подчиненные непосредственно императору и осуществлявшие управление императорским двором и дворцовым хозяйством.
- 19 В ранних проектах учреждения министерств Н. Н. Новосильцева предусматривалось присоединение Департамента водяных коммуникаций к Министерству внутренних дел. (См.: ОР РНБ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 71. № 2. Л. 6; Архив СПб ИИ РАН. К. 15. Оп. 1. Д. 1186. Л. 3, 4, 19, 21; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 9. Л. 20, 22). Но образование отдельного Министерства коммерции с Н. П. Румянцевым во главе, с оставлением за ним должности главного директора водяных коммуникаций, привело к тому, что Департамент водяных коммуникаций фактически сохранил за собой положение центрального государственного учреждения.
- 20 Экспедиция о устройении дорог в государстве находившаяся в ведении главного директора водяных коммуникаций Н. П. Румянцева продолжала свою деятельность до 1809 г. практически полностью автономно от Департамента водяных коммуникаций, под непосредственным руководством первенствующего члена, инженер-генерала Я. Я. Девитте.
- 21 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20406. Ст. IV. С. 245.
- 22 Центральный музей связи им. А. С. Попова. Ф. История почты. Прибавление к общему циркуляру по Главному управлению почт. 1846. № 33. С. 35; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение 2-е. СПб., 1901. С. 3; *Шедлинг М. Ю.* К истории российской почты // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1915. Ноябрь – декабрь. С. 467–468.
- 23 РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 136. Л. 1 об.
- 24 Исключение составила Камер-коллегия, которая была упразднена еще в 1801 г. (ПСЗ РИ-I. Т. 26. № 20068. С. 866). Ее упразднение не было связано с проведением предстоящей министерской реформы, а было обусловлено передачей ведения по винным откупам и поставкам из Камер-коллегии в ведение губернских Казенных палат.
- 25 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

- 26 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20852. С. 753–781.
- 27 Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 99.
- 28 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2128. Л. 57–58.
- 29 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20852. С. 769–770.
- 30 Там же. С. 781.
- 31 Даты подписания императором Александром I доклада министра внутренних дел.
- 32 Симбиоз (от греческого symbiosis — совместная жизнь), форма совместного существования двух организмов разных видов. (Большой энциклопедический словарь. СПб., 1997. С. 1095). В данной статье этот термин применяется в смысле полного взаимопроникновения и взаимодействия учреждений, противоположных систем государственного управления — коллежской и министерской.
- 33 1832 г. — это год окончательной ликвидации коллегий и преобразования практических всех учреждений. Исключением стал Капитул российских кавалерских орденов, с 1832 г. именовавшийся Капитулом российских императорских и царских орденов. Он был присоединен к Министерству императорского двора и уделов только в 1842 г.
- 34 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 21105. С. 1102–1114.
- 35 Там же. № 20852. С. 753–781.
- 36 Там же. Т. 28. № 21578. С. 763–764.
- 37 Там же. Т. 29. № 22208. С. 437–630; № 22632. С. 1290–1291.
- 38 Там же. Т. 31. № 24326. § 4. С. 279; § 13. С. 280.
- 39 Там же. № 24938. С. 942.
- 40 Там же. Т. 26. № 19432. С. 164–165.
- 41 Там же. Т. 27. № 20608. С. 454–457.
- 42 Там же. С. 455.
- 43 Там же. Т. 30. № 23816. С. 1115.
- 44 Там же. № 23996. С. 1306; § 13–14.
- 45 Там же. С. 1305–1339. Управление водяных и сухопутных путей сообщения 25 июля 1810 г. было переименовано в Главное управление путей сообщения.
- 46 Там же. Т. 27. № 20852. С. 753–781.
- 47 Там же. № 20406. Ст. V. С. 245.
- 48 Там же. Ст. VII. С. 246.
- 49 Описание дел архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Пг., 1917. С. 80–82.
- 50 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20407. С. 248–249.
- 51 Там же. № 20597. С. 437–442.
- 52 Там же. № 20406. Ст. III. С. 244.
- 53 До 7 января 1803 г., когда был утвержден штат Департамента министра юстиции. (ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20582. С. 424–425; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 20582, № 20747. С. 19).
- 54 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20477. С. 318–320.
- 55 Там же. № 20582. С. 424 — 425; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 20582, № 20747. С. 19.
- 56 Там же. Т. 29. № 22168. С. 364.
- 57 Там же. Т. 31. № 24659. С. 670–671.
- 58 Там же. Т. 27. № 20995. С. 937.
- 59 Там же. Т. 28. № 21187. С. 166.
- 60 Там же. Т. 31. № 24064. С. 3–15; § 2, 67–69, 71, 80–87.
- 61 Там же. Т. 30. № 22783. С. 45.
- 62 Там же. § 80, 88–94.
- 63 История Правительствующего Сената. Т. 3. СПб., 1911. С. 401.
- 64 С 21 марта 1805 г. это учреждение перешло под руководство главноначальствующего Экспедиции кремлевского строения. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 98. Д. 46868. Л. 18–18 об.).
- 65 ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20582. С. 424–425; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. № 20747. С. 19.
- 66 Там же. Т. 27. № 20747. С. 584; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 20747. С. 19.
- 67 Там же. Т. 30. № 23020. С. 226–258.
- 68 РГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 1–16.
- 69 Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 199–211.
- 70 Там же. С. 205.
- 71 Там же. С. 208–209.
- 72 Россия участвует в войне с Францией в составе 3-й коалиции в 1805 г. и 4-й коалиции в 1806–1807 гг. Затем император лично участвует в русско-французских переговорах в Тильзите в июне 1807 г. и в Эрфурте в октябре 1808 г.

- 73 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2128. Л. 58–59.
- 74 Корф М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 99.
- 75 Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1898. Приложение XXI. С. 515–527. (Пермское письмо М. М. Сперанского к Александру I. Январь 1813 г.).
- 76 Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 143–222.
- 77 Там же. С. 201–202.
- 78 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24064. С. 3–15.
- 79 Там же. С. 5.
- 80 Там же. № 24307. С. 278–280; № 24326. С. 323–328; № 24686. С. 686–719.
- 81 РГИА. Ф. 1164. Оп. Т. 16. Д. 2. Л. 1–64.
- 82 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24307. С. 279–280. § 3–4, 8–9, 12–13.
- 83 Там же. § 6.
- 84 Там же. § 12.
- 85 Там же. § 9–10.
- 86 Там же. § 6, 8–9.
- 87 Там же. Т. 27. № 20406. Ст. II. С. 244.
- 88 Там же. Т. 23. № 16959. С. 235; Т. 25. № 18308. С. 9–10; Т. 43. Ч. 1. Отд. 1. К № 18308. С. 28; Т. 17. № 12459. С. 233–314; Т. 20. № 14673. С. 569. Т. 44. Ч. 1. Отд. 2. К № 14673. С. 165–167; Т. 6. № 3518. С. 130–131; Т. 20. № 14834. С. 784; Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 14834. С. 160–166; Т. 16. № 11912. С. 367; Т. 18. № 12950. С. 281–283.
- 89 Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Т. 2. СПб., 1891. С. 75–78.
- 90 Примечание на обложке журнала этого заседания показывает, что все доклады были сначала переданы к руководителю Государственной канцелярии Государственного Совета, Государственному секретарю М. М. Сперанскому и после утверждены императором. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 21. Л. 37).
- 91 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24502. С. 529–531.
- 92 РГИА. Ф. 1164. Оп. Т. 16. Д. 2. Л. 9–10.
- 93 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24686. С. 686–719. § 25–30.
- 94 Там же. § 31–34.
- 95 Там же. § 39–47.
- 96 Там же. § 61–176.
- 97 Там же. § 177.
- 98 Там же. § 191, 246.
- 99 Там же. § 198.
- 100 Там же. § 199, 204.
- 101 Там же. § 208.
- 102 Там же. §§ 206, 208, 220–221, 239.
- 103 Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 151.
- 104 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24686. §§ 220–221.
- 105 Там же. §§ 235–236.
- 106 Там же. § 258.
- 107 Там же. §§ 297–401.
- 108 Там же. §§ 214–218, 299–314.
- 109 Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Т. 1. СПб., 1888. С. 26, 34–35.
- 110 РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4а. Л. 124.
- 111 Это учреждение должно быть упомянуто в числе учреждений близких по своему фактическому положению к центральным государственным учреждениям, поскольку оно являлось предшественником Главного управления государственного коннозаводства — центрального государственного учреждения в 1843–1848, 1856–1874, 1881–1918 гг.
- 112 Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М., 1981. С. 215.
- 113 РГИА. Ф. 1164. Оп. Т. 16. Д. 2, 6, 7, 12–14.
- 114 ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24687. С. 719–728; № 24688. С. 728–756.
- 115 Реформирование Военного министерства будет осуществлено в 1812 г.
- 116 Министерство внутренних дел с 1803 г. занимало лидирующее положение в реализации министерской реформы. Но постепенное образование его структурных подразделений, задержка с

- включением в его состав Почтового департамента, изменение его компетенции в связи с образованием Министерства полиции способствовали сохранению в структуре и порядке делопроизводства МВД элементов коллежско-министерского порядка управления и, как следствие этого, отодвинули время разработки общего «Образования Министерства внутренних дел» до 1832 г.
- 117 Поскольку статус учреждений придворного управления был неопределенным и противоречивым, нами перечисляются все учреждения, которые в 1826 г. были подчинены министру императорского двора и уделов, а также и Капитул российских кавалерских (см. также примечание № 34).
- 118 ПСЗ РИ-I. Т. 32. № 24971. С. 23–39.
- 119 Там же. Т. 34. № 27106. С. 814–834.
- 120 Там же. Т. 37. № 28291. С. 245–247.
- 121 ПСЗ РИ-II. Т. 1. № 541. С. 896–897.
- 122 Там же. Т. 2. № 1325. С. 702–725.
- 123 Там же. Т. 7. № 5286. С. 196–197.
- 124 Т. е. 1 января 1835 г.
- 125 Уже в качестве самостоятельного центрального государственного учреждения.
- 126 В виде единого и специального «Образования Главного управления почт».
- 127 СЗ РИ. Издание 1-е. Т. 1. Ч. I. СПб., 1832. С. 329–373, 390–428, 512–574.
- 128 ПСЗ РИ-I. Т. 32. № 24971. С. 23–39.
- 129 Там же. Т. 36. № 27982. С. 380.
- 130 ПСЗ РИ-II. Т. 2. № 1325. С. 702–725.
- 131 Там же. Т. 7. № 5286. С. 196–197; № 5866. С. 941–942.
- 132 ПСЗ РИ-I. Т. 38. № 29717. С. 1347.
- 133 Там же. Т. 40. № 30239. С. 83–85.
- 134 ПСЗ РИ-II. Т. 3. № 2307. С. 847.
- 135 Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. СПб., 1889. С. 100.
- 136 Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 115.
- 137 ПСЗ РИ-II. Т. 27. Отд. 1. № 26423. С. 455.

А. Ю. Бендин
Минск

Религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края в контексте процесса интеграции (1863–1914 гг.)

К началу XX столетия Северо-Западный край Российской империи характеризовался особым религиозно-этническим многообразием среди других регионов Российской империи¹. Отношения, складывавшиеся между приверженцами различных конфессий и общин, нередко приводили к конфликтам, делавшим этот край проблемным религиозным пространством, наряду с Царством Польским, Юго-Западным краем и Поволжьем. Ведущее место в сложной системе межрелигиозных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую историческую традицию. С включением белорусско-литовских земель в состав Российской империи на её западных окраинах на протяжении XIX – начала XX вв. происходила сложная борьба за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принад-

лежность территории и населения этих земель к Речи Посполитой или к Российской империи. Противоборство, в котором столкнулись интересы российского правительства и Православной церкви с одной стороны, и интересы польского национального движения и Католической церкви с другой, после подавления польского восстания 1863 г. продолжилось в новых формах и в новых социально-культурных условиях пореформенного развития. Задачами правительства в этот период стали меры, направленные на ослабление позиций Католической церкви, на сужение сферы влияния польского языка и польской культуры в обществе, на ограничение польского землевладения.

Освобождение крестьян в 1861 г. и последовавшие после подавления польского восстания глубокие и системные реформы генерал-губернатора Северо-Западного края М. Н. Муравьева положили начало модернизации социально-экономической и религиозно-культурной жизни православного населения региона и крестьянства в целом. Являясь составной частью общероссийского процесса постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, модернизация в Северо-Западном крае имела свои особенности. Преобразования, имевшие своей целью создание в России гражданского общества и правового государства, на территории Северо-Западного края не затронули отдельные сферы общественной жизни. В частности, область отношений государства с Римско-католической церковью. В этой области связь религии и политики в деятельности католического духовенства вызвала со стороны правительства ряд мер, расхопившихся с общим курсом, направленным на строительство правового государства. В свою очередь, кампания по обращению католиков в православие, результаты которой были закреплены действовавшим законодательством о веротерпимости, создала в Северо-Западном крае постоянные очаги религиозно-этнической напряженности. В силу указанных причин этот регион оказался средоточием религиозно-этнических проблем, которые правительство пыталось решать с помощью комплекса чрезвычайных административных мер и традиционного законодательства о веротерпимости.

Задача исследования состоит в том, чтобы выяснить мотивы политических решений, принятых относительно деятельности Римско-католической церкви; проанализировать степень сложности политических, конфессиональных и этнических противоречий и конфликтов, характерных для этого края; рассмотреть специфику взаимоотношений между процессами интеграции и проблемами модернизации религиозного законодательства.

Политика русификации и конфессионально-этнический аспект польского сепаратизма

Польское восстание 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии изменило отношение правительства к местному римско-католическому духовенству. Опыт вооружённых выступлений показал, что действия и мотивы отдельных групп католических священнослужителей перестали соответствовать своим религиозным целям и приобрели радикальный политический характер. Деятельность этих священнослужителей была связана с пропагандой восстания, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием антиправительственных вооружённых формирований и посягательством на целостность Российского государства.

Участие ксендзов и монашествующих в вооружённой борьбе в качестве непосредственных участников и лидеров повстанцев повлекло за собой аресты, ссылки и казни духовных лиц, виновных в государственных преступлениях, закрытие в административном порядке ряда монастырей и сотен костёлов и часовен². Католические костёлы, как правило, вместе с церковным имуществом передавались в ведение православного ведомства, а затем перестраивались и переосвящались духовенством в православные храмы.

Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооружённой борьбы и противоправная миссионерская деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжёлым негативным последствиям для Католической церкви как социального института. В результате предпринятых чрезвычайных мер по закрытию костёлов и монастырей, институциональные позиции католичества на территории края — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные — к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены³.

Следует отметить, что введение системы указанных административных правил, закрытие костёлов, часовен и монастырей, кампания по обращению католиков в православие, т. е. чрезвычайная конфессиональная политика, ставившая своей целью отодвинуть границы католицизма в крае к рубежам конца XVIII — начала XIX вв., была продиктована исключительно конкретной ситуацией. Она не исходила из общей правовой оценки Католической церкви как политически опасной религиозной организации. Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, не изменили и не могли изменить легального положения Католической церкви как социального института, продолжавшего существовать в крае на основе статей 44–45 «Общих законов» и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в Империи сохраняла правовой статус государственной, находившейся под покровительством императора, её духовенство и епископат получали жалованье из казны, пользовались всеми установленными законом правами и привилегиями⁴.

Анализируя причины восстания, администрация генерал-губернаторов края М. Н. Муравьёва — К. П. фон Кауфмана — Э. Т. Баранова (1863–1868 гг.) исходила из убеждения, что местный католицизм исторически представлял собой явление религиозное, этнически и политически враждебное «православию и русской народности». Следовательно, миссионерская экспансия католического духовенства на западнорусских землях рассматривалась как прозелитическая деятельность, преследовавшая религиозные и политические цели — вытеснить традиционное православие с его канонической территории, с последующим «окатоличиванием» и «ополячением» местного славянского населения.

Администрация и православное духовенство в упрощённых и политизированных терминах своего времени описывала процессы, именуемые сегодня социальным производством этничности. Это была попытка ответить на сложный вопрос: почему на территории, где никогда не было этнических поляков, где исторически проживало православное население, исторически же идентифицировавшее себя как русское, возникло польское этническое самосознание и многочисленная группа лиц из высших и низших сословий и, прежде всего шляхта, идентифицирующая себя в качестве польской? Применяя современные методы изучения этничности, эти процессы можно описать следующим образом. Инструментом социального производства польской этничности стала миссио-

нерская работа католического духовенства по обращению белорусов — православных и униатов в католичество. Созданные в результате церковной миссии католические приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а затем и православного населения, принадлежавшего к «русской вере», становились точками роста и формирования польского этнического самосознания прихожан, никогда не являвшихся этническими поляками. Отождествление католицизма с польской идентичностью, осуществляемое духовенством в жизни приходов, применение польского языка в проповеди, дополнительном богослужении, в молитвословах, а значит — и в повседневной молитвенной практике, конструировали новое этническое самосознание бывших приверженцев «русской веры».

Православное окружение и жесткая централизация управления способствовали формированию высокого уровня внутренней церковной сплочённости. Католические приходы, находившиеся среди белорусских православных общин, являлись эффективной формой организации религиозной жизни местного населения, интегрируя представителей различных сословий и этнических групп в новую польскую конфессионально-этническую общность. В таких приходах структура народной жизни все больше определялась польской церковной традицией. Тем самым, принадлежность к Католической церкви становилась способом этнического самоопределения, а местный католицизм приобретал, в свою очередь, этноцентрический польский характер.

Развернутая идеологическая концепция, характеризующая позицию администрации в отношении местного католицизма, содержится в материалах Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, созданной при генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане в Вильно в январе 1866 г. В записке о деятельности этой комиссии, составленной её председателем А. П. Стороженко, в частности отмечалось: «Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде... Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизма. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам... Это определило особую религиозную враждебность здешнего католицизма к православию... Католицизм Северо-Западного края давно переступил за пределы свои как религия. Политически враждебная деятельность его против России, фанатическая нетерпимость и пропаганда против православия не требуют доказательств. Ввиду этого, не обязано ли государство сдерживать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы — изъять из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного?»⁵.

По мнению губернаторов Северо-Западного края, выраженному в политических отчётах императору Александру II в 1865–1866 гг., католическое духовенство, усилившее свои позиции в крае в предшествующие десятилетия, в решающей степени подготовило религиозно-этническую мобилизацию повстанцев 1863 г. На этом основании делался вывод о том, что ревностная приверженность к католицизму значительных групп местного населения и, прежде всего, шляхты, идентифицирующей себя в качестве польской, явилась тем условием, без которого антироссийское восстание на этих традиционно русских землях с преобладающим численно православным населением, было бы невозможно. Сохранение же на территории края в существующем виде силы, влияния, масштабов и мето-

дов распространения католического вероучения с его польской этнокультурной составляющей, представлялось политически опасным для сохранения целостности государства. Администрация исходила из того, что сформированный местной католической традицией антиправительственный и миссионерский потенциал духовенства, опирающийся на социальную элиту местного общества — польских помещиков и шляхту, несёт в себе реальную угрозу возникновения новых сепаратистских выступлений и требует введение системы соответствующих ограничительных мер⁶.

Политика правительства в решении вопроса об отношении к местному католицизму заключалась в том, чтобы, не отказываясь от соблюдения правовых норм веротерпимости, разъединять исторически сложившуюся сопряжённость религиозных и национально-политических задач, характерную для деятельности части католического духовенства в Северо-Западном крае, и вводить эту деятельность в сугубо религиозное и законопослушное русло. Сложная правовая и религиозно-политическая ситуация, в которой оказалась администрация региона, осмысливалась её представителями следующим образом:

«Закон установил, и практика государственная осуществила принцип широкой веротерпимости, как основание всех отношений государства к заключающимся в нем иноверным исповеданиям. Принцип этот не может и не должен быть ничем не нарушаем. Как бы известная мера не казалась желательной и плодотворной по своим последствиям, но если она противоречит вышеозначенному принципу, то сам закон не допустит ее до осуществления. Такая терпимость католицизма и его неприкосновенность со стороны государства, рядом с нетерпимостью католицизма по отношению к государству и православной вере и открытой к ним враждебности, — составляют ту дилемму, — которая создает главнейшую трудность практического разрешения вопроса о католицизме в России, делает вопрос этот без сравнения труднейшим из всех других вопросов внутренней политики государства»⁷.

Политическим инструментом разъединения религии и польского национализма стала практика администрирования, особая сложность применения которой заключалась в том, чтобы при осуществлении мер ограничительного характера не давать повода латинскому духовенству и местному населению для обвинения правительства в противозаконном преследовании католической веры⁸.

В дополнение к существующим законам, регулировавшим деятельность Римско-католической церкви в Империи, в Северо-Западном крае вводился ряд административных распоряжений, которые ограничивали религиозное влияние духовенства на канонически подвластное ему население. Необходимость установления административного надзора над белым духовенством и монашеством мотивировалась тем, что нелояльные к правительству ксендзы и монахи во время восстания использовали свою духовную власть над паствой в качестве инструмента политической мобилизации. Следовательно, необходимо было не допустить ситуации, когда духовная власть сможет трансформироваться в политическую и выступить в качестве противника государственного порядка в Северо-Западном крае. Практически все участники восстания 1863 г., преследовавшего цель восстановления независимой Польши в границах 1772 г., принадлежали к Римско-католической церкви. Следовательно, опасным для правительства было то, что в экстремальной ситуации для определённой группы населения религиозная при-

верженность к своей национальной Церкви получала приоритетное значение в сравнении с политической лояльностью к российскому государству.

Установленный в условиях военного положения 1863–1868 гг. контроль губернской администрации над римско-католическим духовенством фактически подменял собой каноническую власть местного епископата, законный характер которой подтверждался законодательством о веротерпимости. Появление административного нормотворчества было вызвано недоверием администрации к политической лояльности местного католического духовенства, часть которого участием в восстании и прозелитизмом среди православных дискредитировала себя в качестве законопослушных христианских пастырей. Поэтому действовавшие правовые нормы регламентации деятельности этого духовенства с точки зрения безопасности государства и защиты прав «господствующей» Православной церкви, представлялись администрации края недостаточными и неэффективными⁹.

В системе административных мер, введённых правительством и генерал-губернаторами в Северо-Западном крае можно выделить три основных направления. Первое — надзор губернаторов над римско-католическим духовенством в форме контроля над поездками духовенства и монашества за пределы своих приходов и монастырей, назначением ксендзов на приходы и административные церковные должности, поступлением в монастыри и духовные семинарии, содержанием проповедей священников и т. д. В качестве мер административного наказания за правонарушения со стороны духовенства губернаторы применяли практику наложения денежных штрафов, отстранения ксендзов от должности или перемещения их на другие приходы¹⁰. Второе — меры по ограничению ритуально-обрядовой составляющей римско-католического культа. Были упразднены католические братства при костелах, запрещены крестные ходы вне костёлов, самовольная постановка римско-католических крестов на полях и дорогах и т. д.¹¹ Третье — контроль губернских властей за ремонтом и строительством костёлов и часовен¹².

Цель нового политического курса по отношению к местному католицизму в 1864–1868 гг. заключалась в том, чтобы с помощью чрезвычайных мер упразднить потенциальную опасность появления новых антироссийских выступлений с участием представителей католического клира. Более того, памятуя, что ведущей социальной силой прошедшего восстания была местная шляхта, что, впрочем, и предопределило его политическую слабость, правительство, с помощью указанных превентивных мер, стремилось предотвратить возможность участия в будущих выступлениях белорусского католического крестьянства, что придало бы польскому национальному движению массовый характер. Для этого необходимо было не допустить «смещения» функций духовенства в сферу прозелитизма, политических и национальных проблем, направляя их на выполнение установленных законом и каноническим правом сугубо профессиональных религиозных обязанностей. Одним словом, действовавшее законодательство и политика правительства препятствовали тому, чтобы священники католических костёлов и монастырей совмещали богослужение и преподавание таинств с продуцированием идеологии секулярного характера — идеи о возрождении польского государства в границах 1772 г.

Складывалась довольно парадоксальная ситуация, когда светская власть, преследуя свои политические цели, вынуждена была указывать католическому

духовенству о недопустимости «смешения понятий народности и религии». Совмещение религиозного служения духовенства с распространением секулярной идеологии в форме польского светского национализма, придавало ему церковный характер, что с точки зрения МВД было несовместимо не только с российскими законами, но и с основным содержанием христианского благовестия, которое относится к вечной жизни, воскресению и Царству Божьему¹³.

В 1868 г. в Северо-Западном крае, за исключением отдельных уездов, военное положение было отменено. Следовательно, правительство признало, что основные задачи по ликвидации непосредственных причин возникновения восстания и наказания его участников, были уже решены. Однако базовые направления конфессиональной и этнической политики правительства в Северо-Западном крае, призванные окончательно закрепить этот регион за Россией, оставались неизменными. Они были сформулированы М. Н. Муравьевым, рассмотрены Западным комитетом и одобрены Александром II 27 мая 1864 г. Комитет признавал «неподлежащим никакому сомнению признание Северо-Западного края русским, составляющим древнее достояние России». Одним из ключевых пунктов политической программы Комитета стало введение административного контроля над деятельностью Римско-католической церкви в западном регионе. Пункт третий программы гласил: «Преграждение римско-католическому духовенству возможности противодействовать постановлениям правительства посредством учреждения за ним повсюду строжайшего наблюдения и неуклонного взыскания за всякие отступления от законного порядка и, в особенности, за манифестации в смысле польской пропаганды»¹⁴.

Преемственность указанного политического курса была подтверждена Александром II в указах об изъятии из ведения главного управления Северо-Западным краем трех губерний: Могилёвской — 27 июня 1869 г., Витебской — 2 ноября 1869 г. и Минской — 25 декабря 1870 г., и подчинения их непосредственно МВД. В новых условиях правительство по-прежнему ставило своей целью: «Упрочение русской народности в Западном крае, ограничение преобладания польской национальности и преграждение польской пропаганды путем религиозным»¹⁵.

Поэтому введённые по политическим мотивам административные меры носили долговременный характер и, за некоторыми исключениями, продолжали действовать в крае вплоть до начала XX столетия¹⁶.

Римско-католический епископат Могилевской митрополии, оценивая конфессиональную политику правительства этого периода в записке, поданной министру внутренних дел 13 января 1912 г., осторожно признавал, что «административные ограничения и распоряжения, стеснявшие жизнь и деятельность Римско-католической церкви в период 1864–1904 гг. были вызваны и, по видимому, оправдывались предыдущими историческими событиями»¹⁷.

Следует отметить, что меры, предпринятые правительством по отношению к Католической церкви, явились составной частью политики системной русификации Северо-Западного края, начатой реформами М. Н. Муравьева с целью упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством. Предполагалось, что осуществление этой политики существенно сократит степень воздействия Католической церкви на местное население и ослабит постоянную угрозу польского сепаратизма на западных окраинах Рос-

сийской империи. Политика системной русификации, которая в той или иной степени затрагивала все этнические группы, населявшие Северо-Западный край, с экономической, социальной и культурной точки зрения преследовала общую цель — модернизацию региона и постепенную интеграцию его в состав Российской империи. Процессы модернизации и русификации, инициируемые правительством и протекавшие с различной степенью интенсивности, выступали как две взаимозависимые составляющие общего процесса пореформенной трансформации социально-экономической и культурной жизни Северо-Западного края.

Религиозной составляющей политики русификации стала государственная поддержка миссии Православной Церкви, предполагавшей её территориальный рост, активное строительство новых храмов и расширение этнических границ «русской народности» — православных белорусов, путем обращения католиков в православие. Вооружённые выступления польской шляхты в 1863 г. убедили правительство, что отмена крепостного права и принадлежность крестьян-белорусов к православию стали своего рода иммунитетом против социально-уравнительной и националистической пропаганды местных руководителей восстания — В. Калиновского и др.

Усиление социальных позиций Православной церкви в западных епархиях должно было способствовать формированию устойчивой русской идентичности православного крестьянского населения, которое рассматривалось после восстания 1863 г. в качестве основной опоры правительства в этом регионе. Иными словами, речь шла о развитии процесса интеграции белорусской паствы в конфессионально-этническую общность большого русского народа, состоявшего из православных белорусов, малороссов и великороссов. Следует отметить, что понятие русский, бытовавшее в этот период, не являлось этнонимом в своем прямом значении. Для этого понятие было характерно не узкоэтническое, а конфессиональное содержание, делавшее его инклюзивным, расширительным. Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., все этнические группы, принадлежавшие к Православной церкви — малороссы, великороссы и белорусы — считались русскими. Поэтому понятия «русский» и «белорусский» не исключали друг друга, а наоборот, являлись синонимами. Они накладывались один на другой, составляя не гомогенное целое, но культурно сложное единство, формирующееся на основе общей православной идентичности, русского языка, и церковнославянского языка богослужения¹⁸. Русификация не ставила своей целью насильственно переделать белоруса в великоросса, как это настойчиво утверждает современная белорусская «национальная» историография. Речь шла о процессе интеграции этнически родственных православных белорусов в состав большого русского народа на основе общих конфессиональных и культурных ценностей.

Интересы местного католицизма, последовательно и настойчиво отстаивавшего польскую идентичность своей белорусской и литовской паств, и политика интеграции, осуществляемая правительством, находились в постоянном противоречии. В связи с этими обстоятельствами системная русификация края и проблемы веротерпимости оказались взаимосвязанными¹⁹.

Для непримиримо настроенной части католических священнослужителей и мирян правовые и административные ограничения, наложенные на деятельность церкви, придавали новый импульс для сохранения настроений религиозного и

национального протеста. Для этих настроений было характерно негативное отношение к Православию не только как чуждой религии, но и как олицетворению российской государственности и «русской народности». На практике это означало противодействие ксендзов заключению смешанных браков католиков с православными, незаконное преподавание св. Таинств лицам, формально числившимся православными, прозелитизм, создание тайных польских школ для обучения закону Божьему, запрещение католикам посещать православные церковно-приходские школы, порицание православия и русофобию²⁰.

Религиозной основой нелегального миссионерства являлось догматическое учение, в соответствии с которым единственной истинной и непогрешимой Церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является Церковь Римская. Позиция сотериологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла рассматривать православных как схизматиков, т. е. раскольников, которые отпали от истинной Церкви и которых необходимо для их же спасения возвратить в лоно католицизма. Миссионерские приёмы, к которым прибегали ксендзы для обращения схизматиков в католицизм, являлись противоправными, так как законы Российского государства карали виновных в прозелитизме среди православного населения. Совращение православных подданных Империи в инославие, иноверие и «раскол» означало посягательство на права «господствующей» в Империи Православной церкви и расценивалось российским законодательством в качестве противоправного действия, наказуемого в уголовном порядке. Поэтому существовавшее противоречие между вероучением Католической Церкви, вменяющей миссию среди схизматиков-православных в обязанность духовенству, и российским законодательством, запрещающим подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны православного государства. Против священников, занимавшихся прозелитизмом, предпринимались меры уголовного и административного характера²¹.

Особое совещание, обсуждавшее в 1899 г. новый проект «Уголовного уложения», рассматривало, в частности, и вопрос о наказаниях, налагаемых на духовных лиц иноверных исповеданий по особым постановлениям, вынесенным в административном порядке. К таковым Совещание отнесло: «Изданные разновременно, со времени смут в Западном крае, на основании высочайше утверждённых журналов б. Западного комитета в 1864 г. и доныне действующие распоряжения о преграждении римско-католическому духовенству в этом крае уклоняться от исполнения постановлений правительства и проявления религиозно-политического фанатизма».

Оценивая ретроспективно эффективность предпринятых в свое время административных циркуляров, Совещание отметило: «По данным, извлеченным из дел генерал-губернаторского управления Северо-Западным краем, где главным образом проявлялось враждебное отношение римско-католического духовенства ко всему православному и русскому, наиболее действенными мерами к прекращению этих нежелательных явлений оказались денежные штрафы и смещения виновных с приходов. Под действием этих карательных мер, как известно опытом, быстро сократились и сокращаются, между прочим, посягательства ксендзов на права господствующей церкви и другие проявления религиозных заблуждений»²².

Законодательство о веротерпимости и религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края

Отмеченными «Особым совещанием» враждебными настроениями и случаями прозелитизма со стороны ксендзов в отношении к Православию не исчерпывались проблемы религиозной напряжённости в Северо-Западном крае. К началу XX столетия нерешённым вопросом оставалась проблема «упорствующих» в латинстве. Как правило, ими являлись бывшие униаты, переведённые в Православие после 1839 г. и не сумевшие доказать свою принадлежность к Римско-католической церкви, и часть католиков, которые после подавления польского восстания 1863 г. перешли в Православие, но затем, спустя некоторое время, по разным причинам решили вернуться в католицизм. Относительно последней группы «упорствующих» имеются многочисленные свидетельства о том, что переход в православие целых католических приходов осуществлялся в этот период не без помощи административного нажима²³. Имелись также случаи перехода в православие по причинам материальной выгоды, в частности, — получение принявшими православие местными католиками казённой земли в Виленском уезде. Эти люди формально, по приходским спискам, числились православными, но отказывались исполнять христианские обязанности по православному обряду и при этом не могли выйти из Православной церкви и присоединиться к Церкви Римско-католической. В результате неподчинения канонической дисциплине Православной церкви эти лица теряли ряд гражданских прав, в частности не могли заключать законные браки, поэтому их дети являлись незаконнорожденными, появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т. д. В свою очередь, католические священники под угрозой наказания не могли принимать «упорствующих» для участия в таинствах и обрядах своей Церкви, следовательно, эти лица, с точки зрения канонического права обеих Церквей, оказывались вне церковных стен, следовательно, — вне религии²⁴.

Существовали и так называемые «колеблющиеся», формально соблюдавшие православную церковную дисциплину, но не сделавшие, в силу существовавшего запрета, свой окончательный конфессиональный выбор.

Появление проблемы «упорствующих» и «колеблющихся» связано с тем, что российское законодательство исходило из принципа юридического распределения подданных по их вероисповедной принадлежности. Этот принцип распространялся на все легальные религиозные сообщества Империи, включая в первую очередь, господствующую Православную церковь. По разъяснению обер-прокурора Святейшего Синода, сделанному в отчёте за 1886 г.: «Вероисповедная принадлежность православных определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении, крещении или присоединении известного лица к православной церкви, *так как закон российского государства не признаёт отпадения от православия* (выделено К. К. Арсеньевым. — А. Б.)»²⁵.

Закон не допускал перехода православного лица в другое, хотя бы христианское, вероисповедание, и Православная Церковь не переставала считать отпавшего своим членом, сохраняя его в ведении православного духовного начальства. Православное духовенство обязано было увещать отпавших впредь до возвращения их в Церковь.

«Законодательство наше, по мнению Правительствующего Сената, смотрит на отступление от Православия, как на состояние не только воспрещённое законом, но и преступное, которое никогда не может сделаться состоянием законным; а следовательно, присоединение православного к другому вероисповеданию, являясь действием преступным, как со стороны присоединившего духовного лица, так и присоединённого, не может создать законной принадлежности последнего к сему вероисповеданию со всеми проистекающими от таковой принадлежности законными последствиями»²⁶.

В основе этого правового запрета лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры — православия — может быть сделан всего один раз, и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах избранной Православной церкви. Отпадение от истинной Церкви рождённых в православии или перешедших в него из других вероисповеданий, означало принятие губительного религиозного заблуждения, выступавшего в виде чужой веры, ереси или раскола.

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в Империи имела и традиционное этнополитическое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме»²⁷.

Монархия использовала религиозно-нравственную силу господствующей церкви для упрочения своей легитимности в среде русского населения. Более того, предполагалось, что общество не может быть стабильным без утверждения государством истинности одной господствующей церкви, которая действует в роли социальной скрепы этнического русского большинства, и выступает в качестве важнейшего инструмента для воспитания верности и послушания российской монархии. Действовавшее законодательство утверждало традиционное представление о том, что будто истинность Православной церкви требует для своей защиты государственного принуждения в форме запрещения легального выхода из православия и правовой дискриминации старообрядцев и сектантов.

Поэтому закон, защищая достоверность Русской Церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым её монопольное право на исключительную власть над находящимся в её юрисдикции населением, прежде всего — над этнической группой русских — великороссов, малороссов и белорусов. Легальная привилегия Православия выступать в качестве единственной истинной религии русского большинства населения, являлась одним из инструментов политики, направленной на сохранение целостности Российской империи.

Император Николай II, просматривая отчёт минского губернатора Мусина-Пушкина за 1902 г., обратил внимание на ту часть доклада, в которой говорилось о положении проживавших в некоторых уездах губернии «упорствующих» в латинстве. Губернатор писал:

«Положение этих лиц представляется крайне тяжёлым. Приписанные против воли к числу прихожан Православной церкви, они в таковую не ходят и об-

рядов её не исполняют. С другой же стороны католическое духовенство, в силу официального присоединения, треб для них не исполняет, в силу чего дети упорствующих в целых деревнях и посёлках остаются некрещёнными, а мёртвые без христианского погребения. Эта жизнь вне Церкви и даже вне христианства представляется ужасной с не только нравственной стороны, но и вызывает весьма серьёзные административные и юридические осложнения... Во избежание всего вышеизложенного, в целях дать возможность 9 500 человеческих душ помолиться Господу Богу и вернуть их Церкви, будет она православная или римско-католическая, мне представлялось бы крайне нужным вопрос этот рассмотреть и установить в деле «упорствующих» какой-либо порядок»²⁸.

На изложенную часть доклада последовала высочайшая отметка императора. Министр внутренних дел должен был выяснить причины возникновения религиозной проблемы и предложить способ её решения. В апреле 1904 г. В. К. Плеве подготовил доклад императору, в котором сообщалось следующее:

«Представленное графом Мусиным-Пушкиным современное положение «упорствующих» подтверждается имеющимися в министерстве внутренних дел сведениями по этому предмету... Явление это, впрочем, не единичное, и наблюдается во всех почти местностях западных окраин России, где коренное русское население, целыми веками непосредственно соприкасаясь с польским, не устояло перед сильным натиском латинского духовенства и польской культуры... Не подлежит сомнению, — писал он, — что исследование положения, хотя бы столь незначительной группы упорствующих в Минской губернии, не только вызвало бы брожение в их среде, но и не замедлило бы отозваться новой вспышкой притеснявшейся пока пропаганды среди колеблющейся 100-тысячной массы бывших униатов Привисленского края, где лишь недавно успели стихнуть последние отголоски печальных народных волнений 1897 г.»

В. К. Плеве предлагал императору, сохраняя общее направление политики, инициированной в Северо-Западном крае генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, не прибегать к мерам административного давления на «упорствующих» Минской губернии, и предоставить решение этой проблемы «испытанным борцам за православие и русскую народность» — светским учителям и пастырям Православной церкви²⁹.

Реалистичность предлагаемого подхода в решении указанной проблемы, рассматриваемой министром как «предстоящая упорная борьба со злом»³⁰, не вызывает доверия прежде всего тем обстоятельством, что сорокалетний опыт применения различных мер как репрессивного, так и просветительно-миссионерского характера со стороны администрации, системы народного образования и Православной церкви, не принесли заметных результатов. В сложившейся ситуации длительного религиозно-этнического противостояния «упорствующих» с одной стороны, администрации и православного духовенства — с другой, политический расчёт на успешную результативность миссионерской и просветительской деятельности духовенства и учителей народных училищ представляется нереальным. Миссионерская активность местного духовенства среди старообрядцев, сектантов и «упорствующих» по оценке самих епархиальных миссионеров была чрезвычайно низкой³¹. Не было никаких оснований предполагать, что и в обозримом будущем она станет более эффективной. Тем более, что в западных епархиях отсутствовала специальная церковная миссия для обращения католи-

ков в православие. Столь же нерациональным представляется и предполагаемый расчёт министра на просветительскую деятельность русских народных училищ. «Упорствующие» последовательно и настойчиво демонстрировали свою польскую идентичность³². Они рассматривали русские школы в качестве инструмента обрусения польского населения, которому они сопротивлялись столь же настойчиво, как и православному миссионерству.

Поэтому решение этого, столь затянувшегося вопроса, предлагаемого императору министром внутренних дел, трудно назвать решением в полном смысле этого слова. Это скорее ситуативная попытка смягчить проблему веротерпимости, болезненную для правительства и Православия, но отнюдь не решить её по существу, т. е. в интересах самих «упорствующих». Познакомившись с докладом министра внутренних дел, император 22 апреля 1904 г. поручил В. К. Плеве поставить в известность минского губернатора, что «принятие каких-либо мер в отношении современного положения “упорствующих” в латинстве не благовременно»³³.

Факт существования «упорствующих», ставших формально православными, но не желавших подчиниться государственно-церковному принуждению к принятию православия и продолжавших отстаивать свое право на возвращение в католичество, свидетельствовал о сложившемся противоречии между принципом «свободы веры» для неправославного населения империи, закреплённом в «Основных законах», и привилегированным статусом «господствующей» Церкви. Выход из этого противоречия можно было осуществить только с помощью реформирования существовавшего законодательства о веротерпимости.

Интеграционный потенциал указа 17 апреля 1905 г.

Состоявшееся после гибели В. К. Плеве в июле 1904 г. назначение бывшего Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского на пост министра внутренних дел означало, что верховная власть намеревается серьезно приступить к разработке нового политического курса в области религиозной и национальной политики.

Ранее, находясь на посту Виленского генерал-губернатора, в своем отчёте за 1902–1903 гг. П. Д. Святополк-Мирский предлагал императору пересмотреть основы государственной политики в Северо-Западном крае по таким острым проблемам как взаимоотношения с польским населением, состояние отношений между православными и католиками, положение русской школы и т. д. Предложения П. Д. Святополк-Мирского, сделанные им в бытность генерал-губернатором, легли в основу программы деятельности его на посту министра внутренних дел.

В свою программу новый министр внёс вопросы о реформировании законодательства о веротерпимости, расширении самоуправления, изменениях в политике в отношении окраин и т. д. К началу декабря программный доклад и проект соответствующего указа были готовы. Окончательный вариант проекта указа было поручено подготовить С. Ю. Витте как председателю Комитета Министров, на который была возложена разработка основных направлений по реализации изложенных в нём мероприятий. Подробной разработкой мероприятий должны были заниматься специально для этого образуемые Особые совещания. 12 декабря 1904 г. императором был утверждён именной высочайший указ пра-

вительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»³⁴.

В пункте шестом указа говорилось: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освящённую Основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не указанного, стеснения»³⁵.

На своих заседаниях, происходивших 25 января, 1-го, 8-го, 15-го, 22-го февраля и 1 марта 1905 г. Комитет Министров под председательством С. Ю. Витте обсудил вопросы, вытекавшие из пункта 6 указа 12 декабря 1904 г., изложив свои выводы в форме принципиальных положений и дополняющей их развернутой программы конкретных мер, сжатая совокупность которых легла в основу высочайшего указа Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости», утверждённого Николаем II 17 апреля 1905 г. Новый закон признавал необходимым:

- разрешить проблему «упорствующих» путём упразднения запрета на выход из Православия без ущерба для гражданских прав;
- легализовать деятельность старообрядческих и сектантских общин;
- осуществлять преподавание закона Божьего на «природном языке учащихя»;
- снять административные ограничения на деятельность духовенства Католической Церкви, введённые после польского восстания 1863 г.;
- пересмотреть религиозное законодательство относительно мусульман и буддистов³⁶.

В результате действия Указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г., из Православия в Римско-католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) 33 382 человека обоего пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилёвская, Минская) 22 404 человека. Всех отпавших от господствующей Церкви на территории 6-ти губерний за этот период насчитывалось 55 786 душ обоего пола. Пик отпадений от православия выпал на 1905–1907 гг. За эти годы вернулось и было обращено в католичество по губерниям Северо-Западного края: Ковенской — 1 130, Виленской — 25 480, Гродненской — 4 048 человек. По белорусским губерниям: Витебской — 4 017, Минской — 14 493, Могилёвской — 1 387 человек³⁷. Как видно из приведённых цифр, Православие в регионе не понесло существенного урона. С отпадением «упорствующих» Церковь избавилась от серьёзного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряжённые отношения между духовенством и верующими обеих Церквей.

В дополнение к Положению Комитета Министров, утверждённого 11 февраля 1905 г., об отмене всех постановлений, стесняющих свободу исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений, 26 декабря 1905 г. было принято несколько законоположений относительно Римско-католической церкви. Отныне правовому регулированию подлежали вопросы, решавшиеся ранее в порядке административного управления. К ним относились:

проведение крестных ходов и религиозных процессий, постановка крестов и священных изображений, порядок назначения, перемещения и увольнения приходского духовенства, порядок отлучек духовных лиц римско-католического исповедания³⁸. Введение новых законоположений свидетельствовало о возвращении церковной жизни, подвергавшейся административной регламентации в 1864–1904 гг., в нормальное легальное русло. Однако, решив одни проблемы, указ породил и обострил другие, не менее сложные. Продолжавшиеся в крае религиозные конфликты в основном были связаны с попытками незаконного миссионерства со стороны католического духовенства, опиравшегося на экономическую поддержку местных польских помещиков³⁹.

Соизмеряя эффективность действия указа о веротерпимости с интересами Православной церкви и государства, министерство внутренних дел, подводя итоги четырехлетнего функционирования модернизированного института веротерпимости, в полемике со Святейшим Синодом высказалось в защиту дальнейшего реформирования религиозного законодательства. МВД, опираясь на статистику, отражавшую реальное число и динамику отпадений от православия, утверждало, что издержки риска в результате применения указа 17 апреля для «господствующей» церкви в целом оказались невысоки. В этой связи в качестве основного получателя политических дивидендов новой религиозной политики называлось государство. Политический прогноз, сделанный МВД, основывался на том, что развитие интеграционных процессов в Империи будет зависеть от проведения последовательной и устойчивой конфессиональной политики, основанной на принципах указа 17 апреля и манифеста 17 октября 1905 г.

«Если православие не терпит ущерба от новой вероисповедной системы, то соображения государственной политики заставляют правительство относиться с тем большей осторожностью ко всякому сужению вероисповедной свободы, так как призраки религиозного гонения всегда будут использован врагами русской государственности и Православной церкви во вред им, и всякое проявление религиозной нетерпимости, как бы незначительно оно ни было, будет отдалять столь необходимое для государственной мощи культурное сплочение инородческих окраин с центром»⁴⁰.

Примечания

- 1 Северо-Западный край включал в себя губернии — Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилёвскую. По определению профессора Н. И. Петрова, во второй половине XIX в. Белоруссия как регионально-этнический феномен включала в себя Могилёвскую и Витебскую губернии, за исключением трёх уездов последней — Динабургского, Люцинского и Режицкого. Белорусы проживали также в губерниях Минской и Гродненской, за исключением южных уездов, населённых малороссами, в большей части Виленской губернии, за исключением её северо-западного региона, и в Смоленской губернии. В этническом отношении народонаселение региона выглядело следующим образом: славян русских — 3 474 883, поляков — 744 410, литовцев — 229 300, евреев — 1 200 522, немцев — 149 020, татар — 14 839; разных народностей — 74 598, всего — 7 953 573. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края включал в себя: Православных (со старообрядцами) — 3 699 995 (49,3 %); католиков — 2 677 619 (34,2 %); евреев — 1 200 522 (15 %); прочих вероисповеданий — 105 437 (1,5 %). (См.: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Издано при МВД П. Н. Батюшковым. СПб., 1890. С. 1, 373; Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. II / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. XXXV).

- 2 Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 364; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Политическое отделение. Д. 46. Л. 11–12, 18, 19, 33, 50; Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29; Ф. 604. Оп. 5. Д. 329. Л. 59.
- 3 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1867. Политическое отделение. Д. 147. Л. 7, 13, 22; Оп. 1869. Д. 1289. Л. 1–26; ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 13; *Брянцев П. Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67.
- 4 Главные принципы имперской веротерпимости в области государственно-религиозных и межрелигиозных отношений нашли свое законодательное воплощение в статьях 44 и 45 «Основных законов Российской империи». Так, ст. 44 гласила: «Все, не принадлежащие к господствующей Церкви, подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие (в), — пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядом оной». В ст. 45 «Основных законов» говорилось, что «Свобода веры присваивается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи». (Основные государственные законы // СЗ РИ. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 44–45.; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1857).
- 5 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64.
- 6 Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; *Граф М. Н. Муравьев*. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 9–56; Д. 1340. Л. 62–63.
- 7 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 62–63.
- 8 ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 23–28; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 5.
- 9 В отчёте императору за 1865 г. М. Н. Муравьев утверждал: «Вера того края (т. е. римокатолицизм) не есть вера, а политическая ересь; а римско-католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенства, а политических эмиссаров, проповедующих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного». К такой религии, по мнению Муравьева, «не приложимы существующие меры беспечности и так называемой веротерпимости, при которых римско-католической пропаганде дозволялось проникать всеми возможными путями к достижению преступной цели опьянению края, благодаря чему римско-католическому духовенству удалось в издревле русском крае обратить городское население в католичество и довольно значительную часть сельского». (Цит. по: *Миловидов А. И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34).
- 10 ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 2–10, 14, 16; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1360. Л. 16, 91; Оп. 1864. Д. 1333. Л. 1–2.
- 11 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1349. Л. 3; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 1–7.
- 12 ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 1, 12.
- 13 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 2.
- 14 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1864. Политическое отделение. Д. 2096. Л. 3–5.
- 15 Там же. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48об.; Д. 97. Л. 6; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.
- 16 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Л. 1–3; Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Л. 18, 33.
- 17 Там же. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 7.
- 18 Для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком народное образование (светское и церковное), по проекту графа М. Н. Муравьева, должно было строиться на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, то есть выступал как инструмент национальной модернизации. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской Церкви. Белорусское наречие оставалось средством локальной коммуникации в крестьянской среде. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два проекта национального строительства, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский как язык развитой дворянской культуры. Использование польскими националистами белорусскоязычных изданий, печатанных на

латинице в качестве альтернативных изданиям русским, заставляло администрацию рассматривать этот издательский проект как акцию политически оппозиционную и прибегать к запретительной практике. (См.: Сборник статей разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. II / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447). Следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусскоязычной литературы на кириллице *никогда* не существовало. (См. подробнее: *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 261–292).

- 19 «В происходящей здесь борьбе двух народностей, польской и русской, полонизм опирается не на патриотизм и нравственные силы польского общества, которого здесь нет, несмотря на чрезвычайные усилия местного дворянства во что бы то ни стало быть поляками, а исключительно на католицизм, доведённый здесь до фанатизма. Всем известен характер католицизма, с неудержимой силой стремящегося всеми дозволенными и недозволенными средствами к своему распространению: в этом отношении он совершенно сошёлся с полонизмом, имеющим то же самое свойство». (Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. I / Составил и издал С. В. Шолкович. Вильна, 1885. С. 325.
- 20 ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Д. 1104. Л. 1–4; Д. 2542. Л. 17–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194; Д. 256. Л. 167; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 13–29; Р. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 25–27; Священник *Иоанн Никифоровский*. Особая трудность пастырского служения в приходах со смешанным населением // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.
- 21 РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Д. 258. Л. 1; Д. 262. Л. 1; Д. 264. Л. 4; Д. 265. Л. 6–7; Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194, 209.
- 22 Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 316–317.
- 23 *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviai kataliku mokslo akademijos. Metraštis XXVI*. Vilnius, 2005. С. 308–345.
- 24 Невозможность для «упорствующих» пользоваться семейным законодательством объясняется тем, что с церковной точки зрения брак является таинством, которое совершает Православная церковь, и только такой брак государство считало законным. Исключение было сделано для «раскольников», которые по закону 19 апреля 1874 г. получили возможность заключать законные браки, невенчанные в Православной церкви.
- 25 Цит. по: *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость. Сб. ст. СПб., 1905. С. 19.
- 26 *Красножоген М.* Иноверцы на Руси / Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 163.
- 27 *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89.
- 28 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108.
- 29 Там же. Л. 111–113.
- 30 Там же. Л. 113.
- 31 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 339; *И. Ш.* Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 290–293.
- 32 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 11.
- 33 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 111.
- 34 *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI–начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 217–220.
- 35 Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 42.
- 36 Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1017–1020.
- 37 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.
- 38 *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. Т. II. Казань, 1913. С. 1307–1310.
- 39 НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36–37; Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Д. 37360. Л. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220.
- 40 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 33.

*И. Т. Шатохин
Белгород*

Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Созидание правового государства в современной России невозможно без эффективных органов местного самоуправления, которые бы успешно взаимодействовали со структурами государственного управления на местном уровне. Отечественная история местного управления дает нынешнему поколению политиков и администраторов достаточно примеров удачных управленческих решений, а также может предостеречь от серьезных ошибок. Изучение последних, как свидетельствует устойчивая в нашей стране традиция «неоднократно наступать на одни и те же грабли», приобретает первостепенное значение. Своевременно не устраненные кризисные явления в местном управлении в совокупности с другими проблемами социально-экономического и политического характера привели Российскую империю к грандиозным потрясениям начала XX в. Следует отметить, что важным фактором в возникновении кризисных явлений в местном управлении как столетие назад, так и в настоящее время, является человеческий фактор. Конечно же, нельзя сводить все проявления неэффективной работы местных органов власти к слабости, низкой квалификации, коррумпированности чиновничьего корпуса, так как причинная база этого гораздо глубже и шире. Однако негативные традиции отечественной бюрократии упорно воспроизводятся, несмотря на неоднократные кардинальные ломки социально-экономических и политических основ российской государственности в течении XX в. и значительные изменения социального плана в кадровом составе государственных служащих в ходе этих процессов.

Внутреннее положение России на рубеже XIX–XX вв. характеризовалось нарастанием кризисных явлений в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Одним из ключевых элементов кризисного состояния Российской империи, нашедшего лишь частичное разрешение в результатах первой русской революции, по нашему мнению, были недостатки и противоречия в устройстве и механизме осуществления местного управления. Сама общая схема государственного управления, сложившаяся к началу XX в., была построена на децентрализации вертикали исполнительной власти. Каждое министерство проводило через свои губернские и уездные учреждения не всегда согласованную с другими ведомствами политику. По свидетельству хозяйки популярного политического салона Петербурга А. В. Богданович, в середине 1901 г. тогдашний товарищ министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский очень метко охарактеризовал несогласованность правительственной политики: «у нас нет в министерствах одного направления..., все министерства изображают из себя кто Францию, кто Германию и т. д., а не единую Россию...»¹. Иногда это выливалось в жесткую и непримиримую конкуренцию за властные полномочия и прерогативы в сферах пересечения ведомственных интересов. Показательным был конфликт между местными структурами МВД и фабрично-заводскими инспекциями Министерства финансов, который, несмотря на законодательно оформленный компромисс, постоянно реанимировался при обострении рабочего вопроса. Например, фабричные инспекции

пытались сопротивляться «зубатовщине» в начале XX в., опираясь на непримиримую позицию по этому вопросу министра финансов С. Ю. Витте².

Увеличение и усложнение задач государственного управления при интенсивном социально-экономическом развитии последней трети XIX в. неизменно вело к росту числа ведомственных учреждений на местах, которые обладали определенной сферой деятельности и соответствующими властными полномочиями. При том эти учреждения были в гораздо большей мере связаны со своими центральными органами, нежели с местными органами других ведомств. Такое рассредоточение власти, увеличение каналов управленческих связей по линии «центр — губерния — (уезд — губерния) — центр», при отсутствии четкого разделения компетенции между ними как по горизонтали, так и по вертикали, тормозило процесс принятия решений, затрудняло координацию действий местной коронной администрации и органов местного самоуправления³.

Ведомственные противоречия зачастую были обусловлены не только объективными причинами, неизменно возникавшими в условиях модернизационного развития страны, но и сугубо субъективными обстоятельствами, многие из которых были обусловлены нерешительностью и непоследовательностью верховной власти. Такое положение дел в полной мере дублировалось на местах. Это понимали многие администраторы начала XX в. Генерал В. А. Сухомлинов в своих мемуарах указал на субъективные составляющие непоследовательности правительственного курса, тайных и явных межведомственных противоречий. «Петербургские клики, вражда великих князей между собой, их ревнивые выходки против высших должностных лиц, междуведомственные трения, хозяйничанье временщиков — все это вело к тому, что накануне государственной катастрофы (первой русской революции — *И. Ш.*) в провинции не только не было никакой согласованности в деле управления страной, но отдельные ведомства явно шли друг против друга»⁴.

Автор приведенных строк был знаком с проявлениями ведомственных трений не понаслышке. Будучи начальником штаба Киевского военного округа, а затем — командующим этим округом и киевским генерал-губернатором, он постоянно работал с различными учреждениями гражданского ведомства, как министерского, так местного уровней. При этом генерал особо указывает, что обострение «межведомственной отчужденности» началось при Николае II⁵.

Обратимся к анализу структуры и механизма функционирования коронных учреждений на губернском и уездном уровне. В рассматриваемый период главной властной фигурой в местном управлении был губернатор — высшее должностное лицо коронного управления в губернии. В общественном сознании губернатор мыслился вторым лицом в государстве после монарха, как его непосредственный представитель и «хозяин губернии»⁶. Будучи чиновником Министерства внутренних дел, губернатор был непосредственным начальником всех местных структур этого ведомства. Он возглавлял все коллегиальные органы губернского управления, обладал большими властными полномочиями надзорного и распорядительного характера в отношении местных учреждений других ведомств, а также в отношении органов земского и городского самоуправления.

Правительство постоянно стремилось к тому, чтобы губернаторы обладали достаточной полнотой власти для проведения в жизнь правительственной политики. Поэтому их полномочия во второй половине XIX в. были значительно

усилены несколькими законодательными актами: в 1866 г. был принят закон об усилении власти губернаторов, в 1876 г. «хозяева губерний» получили право издавать обязательные для местного населения постановления, с 1879 г. главы губернских администраций могли и обязаны были контролировать кадровую политику органов земского и городского самоуправления. Самым же значительным актом в этом ряду стало Положение 1881 г. «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». При этом парадоксальным было то, что степень усиления власти совершенно не соответствовала получаемому эффекту. Громадные властные полномочия губернаторов резко контрастировали с практикой использования этих полномочий, так как «хозяева» губерний далеко не всегда имели возможность и стремились воспользоваться этой частью своей власти. Во-первых, значительное число ведомственных нормативных актов, регламентировавших деятельность многочисленных неподчиненных МВД учреждений, стесняли, а порой и сводили на нет, властные полномочия «хозяев» губерний по многим вопросам их компетенции в отношении этих структур коронного управления. Например, только одна обязанность контроля за расходами губернской администрации, предоставленная губернским казенным палатам, нейтрализовала все возможности губернаторов сколько-нибудь серьезно вмешиваться в дела этих учреждений Министерства финансов.

Каждое министерство стремилось быть полностью самостоятельным в осуществлении своей компетенции на местах. Сначала в 1863 г. акцизные управления Министерства финансов лишили значительную часть провинциального чиновничества, в том числе и многих губернаторов, возможности получать взятки от питейных откупщиков. В 1864–1866 гг. созданные в губерниях Контрольные палаты не только ограничили контрольные функции губернаторов по отношению к местным учреждениям министерств, но и имели право ревизии губернских правлений, покончив с нецелевым расходованием и перерасходом средств казны. Затем другие министерства под разными предлогами стали ограничивать вмешательство «хозяев губерний» в дела своих губернских и уездных учреждений. Так, даже чиновников Министерства народного просвещения губернатор не мог единолично наказать или уволить. Таким образом, за пределами компетенции губернаторов к концу XIX в. оказались новые судебные учреждения, прокурорский надзор, контрольные палаты, акцизные управления, отделения государственного банка, таможни, горные управления, техническая часть железнодорожного и почтово-телеграфного ведомств, расквартированные в губернии армейские части.

Во-вторых, губернаторы, отвечая на анкеты комиссии по подготовке изменений в системе местного управления еще в 1870 г., не настаивали на расширении своих контрольных полномочий в отношении местных учреждений других ведомств, кроме того, «многие из них готовы были отказаться от некоторых уже закрепленных юридических прав»⁷. Они прекрасно понимали, что, не имея в губернском правлении достаточного числа компетентных и высоко квалифицированных специалистов, рискованно вмешиваться в дела специализированных учреждений Министерства финансов, Министерства путей сообщений, почтово-телеграфного и других ведомств. Это могло привести к серьезным конфликтам, так как ни один министр не простит такому губернатору посягательств на установившуюся практику внутренней автономии, а это значит, что карьера губернатора

окажется под угрозой. Данное обстоятельство, по нашему мнению, было психологическим барьером для решимости глав губернских администраций вмешиваться в дела местного органа другого ведомства. Поэтому, «хозяева» губерний довольствовались лишь общим контролем внешних сторон и конечных результатов деятельности этих учреждений.

Третьей причиной, препятствовавшей превращению губернатора в полномочного «хозяина» губернии, являлось отсутствие свободы в распоряжении финансовыми средствами. Казенные палаты строго отслеживали соответствие расходов всех коронных учреждений их сметам, а контрольные палаты имели право на финансовую ревизию всех структур государственного управления, в том числе губернского правления и канцелярии губернатора. В случае нарушения финансовой дисциплины на чиновников налагались штрафы, а могли привлечь и к судебной ответственности. Это заставляло последних тщательно фиксировать расходы: кому и за что заплачено, а при оплате командировочных расходов, даже губернаторов, выверялись не только маршрут, но и количество верст между населенными пунктами⁸.

Ярким контрастом в этом отношении было финансовое положение губернского земства, которое обладало существенными денежными средствами. Однако распоряжаться этими средствами земство могло только под жестким контролем губернской администрации. Поэтому неудивительно, что «сосредоточившие в своих руках большую часть местных бюджетов, земские управы начинали тяготиться политической зависимостью от безденежных губернских правлений»⁹. Если в 1885 г. земские сборы в 34 губерниях составляли 42,9 млн руб., что представляло собой всего лишь 5,1 % от государственных доходов с этой территории, то в 1911 г. земство располагало уже 170 млн руб., а их доля возросла до 6,6 % в сравнении доходами казны¹⁰. Соотношение земских сборов и доходов казны в отдельных губерниях могло составлять 1:3, 1:4. Например, в 1901 г. земские сборы в Курской губернии составили 1,2 млн руб., казенное же обложение дало 4 млн руб., а в Черниговской — 3 и 13,4 млн руб. соответственно¹¹. И хотя финансовые возможности земства были гораздо скромнее налоговых поступлений в казну, земские средства оставались в губернии, и земство само определяло объекты для вложения этих денег. При этом даже консерваторы признавали хорошую организацию («правильно организованный контроль») и финансовую чистоплотность земских деятелей. «Ни одна губернская управа, с самого основания их, не попала в злоупотреблении, а что касается до уездных управ, то их было ничтожное количество...» — писал обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву товарищ обер-прокурора второго департамента Сената Н. А. Хвостов¹².

Усиление влияния и авторитета местного самоуправления, амбиции земских лидеров на самостоятельное принятие управленческих решений, подкрепленные постепенно возрастающими финансовыми возможностями, постоянно подпитывали стремление столичной и местной бюрократии к реставрации дореформенных порядков, когда она была безраздельным хозяином положения в сфере управления. Даже сотрудничество «верховой власти с общественностью разных направлений» в период царствования Александра II отнюдь не означало благостных отношений земства и власти всех уровней: 52 % земских ходатайств к правительству удовлетворено не было¹³; земские и общественные деятели 1860–1870-х гг. А. А. Головачев, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, В. П. Безобразов,

В. Ю. Скалон и др. небезосновательно говорили и писали о постоянном умалении роли и реальных возможностей (даже юридически закрепленных) земства со стороны губернских администраций¹⁴.

Еще на одну причину того, что «губернатор вряд ли мог стать тем координатором деятельности местных учреждений, который бы обеспечивал единство управления» справедливо указывал М. М. Шумилов. Это — отсутствие на местах, и в целом в государстве, строгой правовой дисциплины, т. е. неукоснительного исполнения духа и буквы закона¹⁵. Легковесному отношению к закону способствовало и хорошо развитое умение бюрократии выгодного для него толкования законодательства, а также издание огромного числа подзаконных актов, которыми выхолащивалась суть любого самого четкого и внятного закона. Отмеченное положение было известно всем, в том числе и императору. Вот как об этом писал Николаю II в октябре 1904 г. его постоянный корреспондент, коллежский асессор, новгородский дворянин А. А. Клопов: «Мы имеем законы, Высочайше утвержденные, но для нашей администрации они не всегда обязательны и легко обходятся, так как рядом с ними существует целая масса министерских циркуляров и разных толкований, которые иногда совершенно искажают основную мысль данного закона. Мало того, наши министры, пользуясь отсутствием гласности, изменяют нередко, непосредственно своей властью, даже самые функции деятельности наших правительственных учреждений. В силу такого произвола, многие жизненные вопросы у нас разрешаются не по закону, а прямо по усмотрению того или иного министра, а то и губернатора. Все это несомненно деморализует и власть, и население. Вот почему в нашем народе, даже в образованном классе, так мало развит принцип законности. Между тем, он должен лежать краеугольным камнем в жизни каждого благоустроенного государства. Много горя, несправедливости и недовольства порождает такое отношение к законам нашей администрации»¹⁶.

В этой связи следует отметить и такую важную особенность российского законодательства рассматриваемого периода, как наличие во многих законах, регламентировавших конкретные управленческие механизмы, общих формулировок, отсылочных положений (что и рождало большое количество подзаконных актов, выхолащивавших суть законов), в сочетании с отсутствием четкого разделения властных полномочий между уровнями и органами местного управления и строго очерченных границ «свободного усмотрения администрации». Эти обстоятельства в отношении к земскому и городскому самоуправлению осложнялись тем, что коронная администрация могла вмешиваться в принятие решения этими структурами не только с точки зрения их законности, но и с точки зрения их целесообразности. Все это вместе создавало широкий простор для административного произвола.

Несмотря на то, что к началу XX в. губернатор лично координировал деятельность уже 15 коронных и общественных учреждений и организаций (в до-реформенное время — 10), а также нес ответственность за все другие органы власти, учреждения и организации вверенной ему губернии, его реальная власть была сосредоточена в административно-полицейской сфере управления, но и здесь имели место ограничения. Входявшие в структуру МВД губернские жандармские управления в своей оперативной деятельности работали в тесной связи с местными структурами общей полиции и губернаторами, но не находились в прямом подчинении последних¹⁷.

Таким образом, соглашаясь с метким выражением современника, можно сказать, что «вся власть местного управления разошлась по частям, либо в центральные учреждения, либо к местным начальникам отдельных частей», а губернатор — «высший представитель государственной власти в местности ... превратился в старшего чиновника одного из министерств...»¹⁸. Сокращение реальных властных полномочий, по нашему мнению, привело в определенной мере к расшатыванию некогда монолитного психологического стереотипа в сознании губернатора — стереотипа, определяемого правовым статусом полноправного «хозяина» губернии. Это обстоятельство представители местного чиновничества не только понимали, но и пытались в той или иной степени использовать в своих интересах. К началу XX в. большинство чиновников губернских и уездных учреждений всех министерств, кроме Министерства внутренних дел, напрямую не зависели от губернатора. Номинально он мог, конечно, повлиять на назначение, отстранение, перемещение, награждение чиновников других ведомств, однако, руководители местных учреждений всегда имели достаточно возможностей для того, чтобы отстоять такого сотрудника перед своим министром. Это часто делалось, в том числе и министрами, в пику губернатору, как чиновнику другого министерства, и министру внутренних дел, чтобы таким образом продемонстрировать свою независимость, а также с целью поддержания корпоративной солидарности в своем ведомстве.

Выше охарактеризованное поведение чиновников было обусловлено еще и тем, что губернатор являлся «хозяином губернии» только временно, рано или поздно его сменял другой. В начале XX в. средний срок службы губернатора в одной губернии сократился в сравнении с эпохой Александра II с 7 до 3 лет¹⁹. Поэтому чиновники строили свою карьерную стратегию исключительно через взаимодействие со своим непосредственным начальством. Однако и здесь, как нам кажется, играл свою роль фактор постоянной сменяемости руководителей местных учреждений. Кроме того, сами служащие получали назначения на более высокие должности в других городах Империи. Чиновник, попавший в немилость к губернатору, имел надежную защиту и покровительство своего начальства, мог при первом удобном случае просить перевода в другую губернию или же просто дожидаться отъезда губернатора. Такое положение создавало для чиновника в обычное время определенную гарантию независимого поведения в исполнении своих профессиональных обязанностей и свободы суждений по вопросам общественно-политической жизни страны и региона, а в революционную эпоху психологически открывало дорогу для проявления более определенной оппозиционности, а иногда и для прямых антиправительственных действий.

На негативные стороны такой кадровой политики, при которой чиновники практически всех ведомств коронного управления постоянно перемещались по необъятным просторам Империи, указывали современники, видя в этом причины безответственности, поверхностного, незаинтересованного отношения к порученному им государственному делу. Тот же А. А. Клопов, объясняя непонимание коронной бюрократией «всей важности правильно организованного земского и городского самоуправления», писал Николаю II в июле 1904 г. следующее:

«В настоящее время чиновный мир у нас находится в постоянном движении. Человек не успел ознакомиться с условиями данной местности и нуждами ее и уже торопится идти по служебной лестнице вверх из уезда в уезд, из гу-

бернии в губернию, всюду находясь в качестве гостя, постороннего лица. Такое постоянное метание и погоня за карьерой с одной стороны, а с другой безответственность чиновников отнимают у человека возможность обогатить себя полезными и практическим знаниями и узнать жизнь в ее действительном положении. А между тем они создают и проводят в жизнь известного рода мероприятия, клонящиеся якобы к благу народа»²⁰.

Неэффективность осуществления управленческой деятельности на уездном уровне была обусловлена другой особенностью структуры государственного управления. В уездах не сложилось единоначалия, и в рассматриваемый период вертикаль государственной власти на этом уровне приобретала вид нескольких параллельных, а подчас даже пунктирных, линий. Прямым продолжением власти губернатора в уезде был уездный исправник — руководитель полицейской службы. Он обладал некоторыми элементами исполнительной власти, т. к. входил на правах члена по своей должности в различные коллегиальные уездные органы. Например, как в конце XIX в., так и накануне Первой мировой войны, корочанский уездный исправник Курской губернии состоял членом отделения тюремного комитета, училищного совета, присутствия по воинской повинности, присутствия по питейному делу (попечительства о народной трезвости) и возглавлял уездный распорядительный комитет²¹. Однако это было жалкое подобие объема властных полномочий губернатора по отношению к губернским учреждениям других ведомств.

Главой уезда считался предводитель уездного дворянства. И если губернские предводители дворянства, входившие в состав многих коллегиальных органов губернского управления, по своему административно-правовому статусу были вторыми лицами после губернаторов, то уездные предводители в соответствии с действовавшим законодательством обладали правами и полномочиями «хозяев» своих уездов. В отличие от уездного исправника, предводитель дворянства в уездных структурах выступал исключительно в роли руководителя. На рубеже XIX–XX вв. уездный предводитель дворянства руководил земскими собраниями, возглавлял уездный съезд, дворянскую опеку, отделение тюремного комитета, училищный совет, присутствие по воинской повинности, присутствие по питейным делам (попечительство о народной трезвости), землеустроительную комиссию и еще десяток других менее важных комитетов, попечительств и комиссий. Практически все выше перечисленные управленческие функции были по своему содержанию административными функциями коронного управления, а не обязанностями избранного представителя уездного дворянства. Таким образом, предводитель дворянства сосредоточил в своих руках все главные нити управления вверенной ему территории.

В связи с оскудением дворянского хозяйства утрачивались основания и возможности этого корпоративного института на главенство в управлении уездом. Данным фактом некоторыми исследователями объясняется охлаждение интереса уездных предводителей дворянства к управленческой деятельности²². Однако отмечаемое ими смещение властного лидерства от предводителя дворянства к уездному исправнику, как мы видим, не имело подтверждения в нормативном перераспределении властных полномочий. Все административные функции уездного предводителя дворянства появились в 60–80-х гг. XIX в. И хотя одновременно набирал вес авторитет уездного исправника (как коронного

полицейского чиновника в уезде, сменившего в 1862 г. избираемого дворянством капитана исправника), однако, он был лишь руководителем полицейской службы. Кроме того, двойственность его положения заключалась в том, что формально непосредственным начальником уездного исправника был губернатор, но в то же время в ежедневной своей практической работе он должен был сотрудничать с уездным предводителем дворянства. Если же между губернатором и уездным предводителем возникали натянутые отношения, то «чуб трещал» у исправника, а иногда ему доставалась и роль «козла отпущения». В уездах с сильными дворянскими корпоративными традициями исправнику приходилось ладить и с земскими начальниками, и с влиятельными дворянскими кланами, так как в случае столкновения с ними уступать и даже покидать уезд приходилось полицейскому чиновнику²³.

В среде уездных предводителей дворянства своеобразной доблестью считалось «иметь своего исправника», причем это достигалось предводителями либо через «организацию назначения» своего кандидата, либо через приручение и подчинение присланного чиновника. Амбициозные предводители добивались своего, даже вступая в конфликт с губернаторами. Например, новооскольский предводитель князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, обидевшись на курского губернатора П. П. Косаговского за отказ утвердить его кандидата на должность уездного исправника, добился смещения назначенного губернатором исправника, предъявив к нему обоснованные претензии за недостойное полицейского чиновника поведение²⁴.

Забываясь об укреплении авторитета уездных предводителей дворянства, правительство не только существенно расширяло их властные полномочия, но и не забывало о внешних атрибутах особого статуса своих агентов. В 1878 г. Александр II повысил чин уездного предводителя в чиновной иерархии с шестого класса до пятого. Однако даже в 1890-е гг. в сфере уездного управления продолжала существовать несколько странная для гражданской службы ситуация. Во всех уездных учреждениях, где одновременно присутствовали предводитель дворянства и исправник, последний всегда находился в подчиненном положении. Таким образом, уездный исправник, часто имевший более высокий классный чин, оказывался в зависимом положении от уездного предводителя дворянства, классный чин которого 2–3 классами ниже. Подобное положение на рубеже XIX–XX вв. было нормой. Более того, наметилась тенденция к уменьшению числа уездов, в которых уездный предводитель имел более высокий классный чин, чем у уездного исправника. Анализ этой ситуации по 15 губерниям (181 уезд) центральной и южной России показывает, что число таких уездов в 1894 г. составляло 79, в 1899 — 75, в 1904 — уже 67²⁵. Тем не менее, заслуживают внимание два интересных аргумента. Исправниками были отставные военные или опытные чиновники, которые, будучи состоящими на государственной службе, «не могли пренебрегать (? — И. Ш.) служебными обязанностями». Предводители же, председательствуя в большом количестве уездных органов, многими руководили формально, а «с конца XIX века в журналах заседаний различных уездных присутствий Курской губернии вместо председательствующего в них по закону уездного предводителя стали все чаще появляться подписи лиц его заменяющих»²⁶.

Возможно в некоторых уездах наблюдались утрата влияния и снижение авторитета предводителя дворянства, что было обусловлено личностными факторами

и тем обстоятельством, что эта категория должностных лиц уездного управления не получала содержания от правительства. В лучшем случае, уездные предводители могли иметь финансовую поддержку со стороны земства или дворянского собрания. В свою очередь исполнение обязанностей по этой должности было сопряжено с существенными затратами личных средств на проведение традиционных для предводителей дворянства представительских мероприятий.

Сохранение на рубеже XIX–XX вв. предводителями своих позиций фактических управляющих уездами обусловлено не только должностным статусом и стремлением использовать его в целях защиты корпоративных интересов помещного дворянства, но и их личным авторитетом и добросовестным отношением к исполнению своих обязанностей. Яркими примерами ревностного служения интересам сословия и государства можно считать Л. М. Савелова — предводителя дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии, П. А. Гейдена — предводителя дворянства Опочецкого уезда Псковской губернии, который, несмотря на свой 70-летний возраст, «с удивительной можно сказать щепетильностью, добросовестно исполнял свои предводительские обязанности и поражал всех своей энергией»²⁷.

После создания земства, несмотря на подконтрольность МВД, они достаточно быстро приобрели авторитет и стали претендовать на главную роль в управлении хозяйственной жизни уездов. В этих условиях неудивительно, что некоторые уездные предводители, а также наиболее деятельные, при этом часто либерально настроенные, дворяне стремились занять руководящие места в уездных земских управах, обладавших определенными распорядительными и исполнительными функциями, подкрепленными значительной финансовой и материальной базой.

Таким образом, уезды в начале XX в. по соотношению реально реализуемых властных полномочий исправника, председателя земской управы и предводителя дворянства представляли собой довольно пеструю картину: от доминирования одного из представителей указанного триумвирата до жесткого противостояния каждого против каждого или каких-либо коалиций. Вертикаль государственной власти на уездном уровне, как нам представляется, не была замкнута из-за статуса исправника, как полицейского чиновника, и недостатка у него необходимых властных полномочий, а также и из-за совершенно иной природы власти других претендентов — выборного сословного лидера и выборного руководителя всесословного органа самоуправления. Такое положение дел увеличивало количество нерешенных проблем в управлении местным хозяйством, служило постоянным генератором конфликтных ситуаций.

В механизме деятельности учреждений уездного управления был скрыт еще один фактор, не способствовавший эффективному развитию многих сфер местной жизни. По справедливому наблюдению П. Н. Зырянова, в коллегиальных уездных органах коронные чиновники, отвечавшие как специалисты за то или иное профильное направление, не были руководителями, поэтому их мнение при сильном и амбициозном предводителе не имело значения. В силу этого складывалось парадоксальное положение «круговой безответственности»: «правительственные члены присутствий ни за что не отвечали, поскольку они не руководили ими (присутствиями — *И. III.*). Предводители тоже ни за что не отвечали, хотя именно они руководили присутствиями»²⁸. Если же предводитель мало вникал в дела, прямо не затрагивавшие дворянские корпоративные интересы, то тогда

они решались самим правительственным чиновником или же его подчиненными (столоничниками, делопроизводителями, бухгалтерами, секретарями и другим чиновниками — исполнителями), а в коллегиальном уездном органе они только формально утверждались. Таким образом, вопросы, подлежащие рассмотрению высшим уездным учреждением готовились и фактически решались не обладавшими такими полномочиями канцелярскими деятелями по их собственному усмотрению и разумению.

Не способствовало росту эффективности и укреплению практических основ коронного управления затаенная вражда практически всех общественных сил России рубежа XIX–XX вв., в том числе поместного дворянства, к российской бюрократии. Это негативное, порой агрессивно-враждебное, отношение к началу XX в. укоренилось в умах и душах представителей либерального лагеря, радикально-революционных групп, консервативно настроенного неслужилого дворянства. На это обстоятельство указывалось и в мемуарах, и в публицистике того времени²⁹, то же отмечается и в работах современных российских и зарубежных исследователей³⁰. Следует обратить внимание в этой связи на то, что арена прямого противостояния поместного дворянства и бюрократии находилась прежде всего в уездах и губерниях. К концу XIX в. только 30,7 % всех классовых должностей в гражданских ведомствах Империи занимали потомственные дворяне по происхождению (родовое дворянство), большая часть из которых обладала высокими чинами³¹. В губернских и уездных городах основная масса коронного чиновничества была представлена служащими XIV–VI классов, многие из которых были выходцами из недворянских слоев и из обедневших или разорившихся поместных дворян. Поэтому такой состав местного чиновничества был весьма серьезным раздражителем для членов дворянских корпораций, а любой промах, любое неловкое движение центральной или местной власти в отношении поместного дворянства воспринималось с обидой и раздражением.

Усиливала существовавшее в дворянской среде враждебное отношение к чиновничеству зависимость дворянской корпорации от губернатора как в части организационной (необходимость испрашивать разрешение на проведение очередных и чрезвычайных собраний), так и в содержательной части своей деятельности (утверждение повестки дня собраний). Ущербность своего самоуправления дворянство ощущало и в порядке выборов губернских и уездных предводителей. Дворяне губернии могли избрать из своих рядов не самого предводителя, а двух кандидатов, окончательный выбор одного из которых был за монархом. Последний под влиянием аргументации губернатора, министра внутренних дел или иных влиятельных сил мог утвердить второго по числу голосов кандидата, таким образом, проигнорировав мнение большинства. По той же схеме происходили выборы уездных предводителей дворянства, только здесь выбор делал губернатор. В силу этого иногда дворянские группировки шли на хитрости и уловки, пытаясь в пару к явному и желанному лидеру избрать заведомо непроходного для монарха или губернатора кандидата. Например, в 1897 г. при выборах в Воронежском губернском собрании в пару к избранному кандидату С. М. Сомову вместо В. В. Шидловского, не менее популярного и набравшего одинаковое с С. М. Сомовым число голосов, попытались избрать сенатора А. Н. Сомова — «развалившегося, хотя и весьма уважаемого старика». Расчет сторонников С. М. Сомова был прост: при поступлении списка избранных воронежским дворянством кандидатов на рассмо-

трение императора сенатор А. Н. Сомов снимет своего кандидатуру по возрасту и состоянию здоровья, что приведет к автоматическому утверждению племянника сенатора — С. М. Сомова³². Так бы и произошло, если бы только С. М. Сомов, будучи губернским предводителем дворянства во время первого своего трехлетия, твердо отстаивал корпоративные интересы, а не угождал губернатору.

Упрочение самоидентификации дворянства происходило через отстранение от государственной власти вообще (несмотря на статусное положение высшего сословия и опоры трона) и от чиновничества, в котором ключевое положение занимали его представители, в частности. Пренебрежительное отношение дворянства к гражданской службе и чиновничеству присутствует в высказываниях, дневниках, публикациях многих выразителей общественного мнения дворянства той поры. Так, по словам известного публициста С. Н. Терпигорева, помещное дворянство если и вынуждено было делегировать своих представителей на средние и низшие должности местного управления, то направляло туда «своих пролетариев и своих инвалидов»³³. Другой, не менее активный защитник дворянских интересов, П. Б. Бланк в своем политическом памфлете «Об опасностях, угрожающих спокойствию России», раскрывая понимание дворянством российской бюрократии, как злейшего врага благородного сословия, систематически подрывающего его авторитет и экономическое состояние, нелицеприятно аттестует российское чиновничество — «вредное и нечистое сословие»³⁴. Натянутые отношения между неслужилым помещным дворянством и чиновниками учреждений местного управления иногда выливались в открытые жестокие конфликты, доходившие до суда. По данным «Обзоров Курской губернии», из 268 дворян, осужденных Курским окружным судом в 1893 г., и из 212 — в 1899-м, основная масса понесла наказание за «оскорбление частных и должностных лиц»³⁵.

Элемент недоверия коронной власти к дворянской корпорации в сочетании с неприязненным отношением дворянства к чиновничеству создали такую политическую и психологическую ситуацию, которая не способствовала формированию и укреплению авторитета местных органов государственного управления, слаженной работе корпоративных институтов, органов самоуправления и коронных учреждений в губерниях и уездах. Существовавшая структура местного управления с включенным в нее органом сословного представительства и местного самоуправления неминуемо формировало конкуренцию и противопоставление интересов государства, дворянства и отдельных территорий. И в этих условиях рождения оппозиционного выразителя общественного мнения в лице всесословных органов местного самоуправления, губернских и уездных предводителей дворянства не могло не произойти. При этом, конечно же, не стоит преувеличивать степень и окраску такой оппозиционности. Оппозиционность дворянских предводителей не шла дальше отстаивания своих корпоративных интересов и не имела радикального накала. Если дворянская оппозиция была по своему политическому вектору правоконсервативной, то политизированные земские структуры были, как правило, местом сосредоточения либерального дворянства, однако и они не являлись радикальными элементами.

Фактором, отягощавшим проявления кризиса в местном управлении, без сомнения, является та «разруха в головах» местной бюрократии, которая зримо проявила себя накануне и в годы первой русской революции. Это стало следствием того, что к началу XX в. в местных коронных учреждениях трудилось

достаточно образованное для своего времени чиновничество, которое если и не понимало всего комплекса причин системного кризиса, то ощущало многие его проявления на себе. «Разруха в головах» российского чиновничества возникла не в одночасье. Несомненно, одним из постоянно действовавших факторов был неустойчивый, шатающийся без определенных правил и закономерностей правительственный курс, обусловленный непоследовательностью действий самого монарха. Если важнейшие политические решения принимались по принципу «кто последний с ним (Николаем II — *И. III.*) говорил, тот и прав» (об этом знал весь чиновный Петербург³⁶, а значит и многие, по крайней мере, высокопоставленные чиновники в провинции), то авторитет российского самодержца в глазах его трезвомыслящих слуг постепенно падал.

Другим постоянным и все усиливающимся фактором, размывавшим идеологические устои в сознании российской бюрократии, была образованная общественность, в которую входила и значительная часть «государевых слуг». Принцип «жить в обществе и быть свободным от него нельзя» действовал в этом отношении в полной мере. Осознанно или неосознанно, но в общенациональную и местную общественную жизнь постоянно вовлекались чиновники, читавшие российскую и региональную периодику, обсуждавшие яркие публицистические произведения и события внутриполитической жизни. Парадоксальным, на первый взгляд, является разлагающее влияние на провинциальное чиновничество материалов официальных изданий. Может быть, самые значительные удары по бюрократии, как по представителям ее высшего эшелона, так и в целом по институту чиновничества, наносил своей публицистикой князь В. П. Мещерский. Эффективность разлагающего воздействия на государственных служащих статей и заметок князя заключалась в том, что общество знало о его прочных связях с монархом. Говоря, что чиновники обладают властью «не для притеснения подвластных, а для блага народа», он всю вину за возмущение народа своим положением перекладывал с политики самодержавия на плечи бюрократии³⁷. Такие заявления приближенного к монарху общественного деятеля не могли не посеять растерянность и неуверенность в своем будущем в душах верноподданных государевых слуг.

Консервативная и либеральная печать, а порой и публицистика, и листовки революционеров, попадавшие в руки провинциальных чиновников, не только будили мысль, формировали гражданскую позицию, но и часто становились побудительным мотивом к действию. И пусть участие в благотворительных акциях, которыми была весьма богата провинциальная жизнь конца XIX – начала XX вв., было продиктовано христианскими заповедями, следованием моде и хорошему тону, но это был первый шаг в осознании социального кризиса и необходимости его преодоления. Поэтому и неудивительно, что с середины 1890-х гг. наблюдается заметный рост числа всевозможных обществ, имевших целью деятельность не столько во благо участников этих сообществ, сколько во благо неимущих, больных и иных социально обездоленных групп населения. Только в Курской губернии за последнее десятилетие XIX в. было открыто 44 общества, а в 1900–1917 гг. — уже 153. Не менее 20 % учредителей этих объединений состояли на государственной службе, в том числе собственно коронные чиновники (10,9 %), представители администрации (3,0 %), некоторая часть из таких категорий, как «служащие» (6,0 %), «интеллигенция» (7,7 %)³⁸. Подобный состав был характерен и для научно-

просветительских обществ других регионов России. По протоколам, заявлениям, адрес-календарям только коронные чиновники составляли 15,9 % членов научно-краеведческих обществ Пермской губернии в пореформенный период. При этом следует иметь в виду, что из более чем половины членов этих обществ (51,1 %), отнесенных исследователем к интеллигенции, значительное число состояло на государственной службе (инженеры, врачи, преподаватели, агрономы, ветеринары, техники и т. д.)³⁹. Учитывая, что многие из этих обществ были открыты для свободного посещения, особенно при проведении общественно значимых мероприятий, провинциальные чиновники были здесь частыми гостями. Иногда именно отсюда начинался путь чиновника в либерализм.

Понимание наличия кризисных явлений в местном управлении и необходимости поиска средств для их разрешения было проявлено верховной властью в 1903 г. Однако в той или иной степени на некоторые аспекты реформирования системы местного управления, в том числе и местных коронных учреждений, обращали внимание при обсуждении вопросов крестьянского и дворянского землевладения в Особом совещании для выяснения нужд дворянского сословия под председательством И. Н. Дурново (1897–1900). О необходимости совершенствования механизмов управления на губернском и уездном уровнях говорили и участники местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904)⁴⁰. Работа этих Особых совещаний в очередной раз привлекла внимание правительства к необходимости реформирования местного управления. Поэтому не удивительно, что В. К. Плеве, став министром внутренних дел, добился организации в 1903 г. специальной комиссии для разработки реформы местных органов управления. В состав комиссии были включены опытные администраторы, многие из которых в свое время были губернаторами. Комиссия успела разработать схематический проект нового губернского управления, главными идеями которого были усиление высшей губернской власти, объединение местного управления, упрощение сложного устройства присутственных мест губернского и уездного уровней⁴¹. После убийства В. К. Плеве новый министр внутренних дел и Николай II не обратились к результатам работы этой комиссии, и она прекратила свою деятельность, а правительство вынуждено было продолжить политику латания дыр через усиление полицейско-репрессивных функций губернской администрации⁴².

Таким образом, накануне первой русской революции система местного управления обладала целым рядом кризисных явлений, которые не позволяли ей содействовать эффективному социально-экономическому и общественному развитию. Уездные учреждения и институты, несмотря на наличие коллегиальных органов, не проводили согласованную политику, что было обусловлено как разной природой происхождения их властных полномочий, так и различием отстаиваемых ими интересов. Номинальные «хозяева губерний» не обладали в полной мере реальными распорядительными возможностями, не имели они и достаточных и компетентных сил для осуществления надзорных функций, все более и более превращаясь в руководителя губернской полиции. Губернские учреждения других министерств страдали от ведомственной разобщенности и конкуренции. Одновременно многие ведомства не имели своих учреждений и агентов в уездах. Коронное чиновничество местных учреждений все больше теряло уважение в глазах населения, а само, в свою очередь, теряло уважение

и почтение к вышестоящим инстанциям. Отсутствие четкой и прогнозируемой правительственной политики и широкое распространение оппозиционной идеологии, в том числе и враждебной существующему государственному строю, формировали ту «разруху в головах» государственных служащих, которая весьма благоприятна для целей революционеров в условиях социальных потрясений.

В полной мере нараставшие кризисные явления в местном коронном управлении проявились уже в революционном 1905 г., когда в МВД вынуждены были сделать неутешительный вывод: «губернаторы... не отдают себе ясного отчета в серьезности происходящих на их глазах явлений, ...в решительные моменты они теряются и принимают действия, напротив, способствующие расширению беспорядков»⁴³. Вывод, сделанный министерством постфактум, о слабости губернаторского корпуса был известен российской общественности и власть предержащим. Рисуя идеал губернатора, известный общественный деятель и корреспондент Николая II так писал в своей газете «Гражданин»: «Одной личной энергии недостаточно для губернатора, без обладания тактом, выдержкой и равновесием губернатор, который под предлогом усиления власти является в губернии кричать: я вам покажу, я вам задам, — а на другие проявления власти, кроме поднятых кулаков, не способен, вреднее губернатора слабого»⁴⁴.

Глава правительства С. Ю. Витте, характеризуя позиции различных социальных групп накануне 17 октября 1905 г., прямо указывал на невозможность надежной опоры абсолютизма на этот слой, так как «чиновники, видя близко многие порядки в канцеляриях и систему протекционизма, развитую в царствование Николая II до гигантских размеров, стали против режима, которому служили»⁴⁵. Подтверждает слова С. Ю. Витте и министр финансов В. Н. Коковцов. Определяя политическое положение в провинции во время работы первой Государственной думы, он дает описание того напряжения, с которым обсуждались в Совете министров телеграммы губернаторов. В них с тревогой отмечалось, «что губернаторы не могут ручаться за поддержание порядка и предупреждают о возможности самых крайних последствий. Говорилось также и о брожении, охватившем низшую чиновничью среду, и почти отовсюду слышалось о том, что успокоение, наступившее было после подавления московского восстания, сменяется проявлениями открытого революционного брожения, какое нельзя устранить никакими мерами»⁴⁶.

Растерянность и недоумение охватывали губернаторов, когда они, продолжая твердо отстаивать интересы самодержавия, узнавали о кардинальном изменении правительственного курса, как это было с Манифестом 17 октября 1905 г. Вот как характеризует состояние местных властей в те революционные дни в своих воспоминаниях вице-директор Департамента общих дел МВД С. Н. Палеолог.

«Манифест 17 октября 1905 г. застал врасплох нашу губернскую администрацию и военные власти. Никто не был подготовлен к этому акту, а первоначальные разъяснения директивы из центра, в особенности председателя Совета министров Витте, носили более чем уклончивый характер. Каждый понимал “свободу” по-своему. Во многих местах растерявшееся начальство, боясь не угодить Петербургу, готово было сдать власть зазнавшимся революционерам. Дошло до того, что пермский губернатор А. П. Наумов случайно принял участие в каком-то многочисленном шествии и к губернаторскому дому подошел вместе с революционной толпой, неся в руках красный флаг, насильно ему по дороге навязанный. Это не

анекдот. Наумов имел гражданское мужество немедленно о происшедшем с ним несчастье прислать подробное телеграфное сообщение министру внутренних дел, и я был автором всеподданнейшего доклада Государю с ходатайством об увольнении Наумова, по несоответствию от занимаемой им должности»⁴⁷.

Вполне успешный, хотя и непопулярный, в мирной обстановке губернатор⁴⁸, А. П. Наумов волей обстоятельств под давлением агрессивной толпы был вынужден выполнить ее противоправные требования. Как человек чести, он сообщил об этом инциденте своему начальству. Конечно же, восстановление пошатнувшегося авторитета власти в губернии⁴⁹ требовало, в том числе, и замены губернатора, так как никакие репрессивные меры не могли вернуть подлинное уважение к чиновнику такого ранга, который был публично унижен.

Минский губернатор П. Г. Курлов получил официальный текст Манифеста 17 октября уже после того, как он был растражирован и распространен частным образом. Это дало ему основание потом с горечью писать, «что революционные партии заботились гораздо больше об осведомленности своих провинциальных товарищей о положении дел, чем министерство внутренних дел — губернаторов»⁵⁰. Ярославский губернатор А. П. Рогович, получив Манифест 17 октября, подал в отставку из-за несогласия с правительством⁵¹. Это яркие свидетельства того, насколько верховной властью было потеряно управление страной. Такое положение дел не могло не стать питательной почвой для идейного шатания коронных служащих. Это рождало в их умах и душах недоверие к самодержцу, затаенную обиду к представителям высшего эшелона власти.

Психология поведенческих стереотипов особенно в условиях революционных событий всех чиновников, кроме чиновников МВД, по отношению к губернатору, олицетворявшему и реально защищавшему самодержавие, заключалась в тайной или явной отстраненности. Иногда такие оппозиционеры действовали открыто и решительно, демонстрируя обществу и особенно революционному лагерю отсутствие единства власти, и, тем самым, расшатывая ее устои. Старшая дочь П. А. Столыпина приводит интересный пример подобной ситуации, характеризующий взаимоотношения ее отца — саратовского губернатора — с местными чиновными оппозиционерами накануне первой русской революции. «С войной (русско-японской, в первой половине 1904 г. — *И. III.*) наступило для папы еще более трудное время, тем более что в рядах администрации было очень далеко до единомыслия в политическом отношении. Так, занимающий видный пост управляющего отделением Крестьянского банка Зерен убеждал крестьян, что им нечего покупать земли у помещиков, так как все равно земля скоро будет вся принадлежать народу. Прокурор Судебной палаты Макаров явно и не стесняясь выражал свое враждебное отношение к папе»⁵².

Так, если в отношении саратовского губернатора П. А. Столыпина некоторые губернские администраторы открыто фрондировали, то в условиях революции минский прокурор Бибилов прямо потребовал от губернатора П. Г. Курлова передать власть в руки судебного ведомства после того, как последний принял весьма жесткие меры для «водворения порядка» в губернском центре⁵³.

Объективно цели и задачи революции были направлены против российской бюрократии, как силы, осуществлявшей государственное управление от имени и по поручению самодержца, как силы, стоявшей на пути революционных действий. Верность присяге и требуемое законом исполнение своих функциональ-

ных обязанностей ставили чиновничество перед необходимостью использовать свои властные полномочия для борьбы с любыми проявлениями антиправительственных и антимонархических устремлений. В силу этих причин, независимо от реальных действий правительства и его агентов, революционный лагерь позиционировал бюрократию как главного своего противника, при этом зачастую она отождествлялась с самодержавием. Поэтому неудивительно, что террористические акты революционных радикалов были направлены против представителей правительства — «убивали “за должность”». В 1905 г. было убито 20 губернаторов. В 1906 г. погибли тверской, самарский и симбирский губернаторы, варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник. В 1906 г. было убито 768 и ранено 820 представителей и агентов власти. А всего за период с 1901 по 1911 г. от революционного террора пострадало около 17 тыс. чел., среди которых около половины были государственными служащими⁵⁴.

Утрата веры в могущество и незыблемость самодержавия в ходе первой русской революции у значительной части провинциального чиновничества разрушила психологические основы службы «за совесть», по убеждению. Доминирующим психологическим стимулом становилась служба «за страх», но не перед монархом и вышестоящей пирамидой государственного аппарата, а перед бушующей революционной толпой, перед радикальным террористическим подпольем. Теперь страх стал определять место чиновников в общественно-политической жизни. Тысячи случаев покушений на жизнь государственных служащих формировали уродливую атмосферу страха и неопределенности, которую ярко характеризовали многие современники. Вот как об этом писал сын убитого в декабре 1906 г. лидера правых в Государственном совете графа А. П. Игнатьева: «Что ни день, надевай мундир с траурной повязкой и поезжай на панихиду, то по одному, то по другому генералу или сановнику... Теперь же грустные православные песнопения только усиливали мрачное настроение правящих кругов, еще не оправившихся от страха, вызванного революцией»⁵⁵.

Понимание ими того, что коронная власть не в состоянии разрешить многие серьезные социально-экономические проблемы, низкий уровень жизни подавляющего числа самих государевых слуг, а с началом революции — полное неведение о пределах отступления верховной власти перед революционной стихией, ее неспособность защитить своих слуг от насилия и террора, сформировали благоприятные условия для кризиса верноподданнического сознания государственных служащих в российской провинции. Из всех зафиксированных в Центральном Черноземье революционных выступлений государственные служащие принимали участие в 128 из 301 случаев (42,5 %) ⁵⁶. Когда в ходе первой русской революции на арену борьбы вышли политические партии для участия в выборах в Государственную думу, некоторая часть чиновников открыто заявила о своих политических взглядах. Хотя политизированные идеи осознанно разделялись немногими провинциальными чиновниками, но это были, прежде всего, высокообразованные представители среднего руководящего звена и общественно активных специалистов. При этом следует заметить, что демонстрация своих либеральных политических пристрастий, в некоторых случаях бравадование своим политическим радикализмом, было своеобразной модой революционной эпохи.

Верховная власть, несмотря на дарованные политические свободы, искало способы ограничить или даже исключить участие коронных чиновников в дея-

тельности политических партий. Государственные служащие по распоряжению П. А. Столыпина не должны были занимать, по крайней мере, руководящие посты в местных правых организациях, дабы не отвлекаться от основной работы. Вместе с тем, в циркуляре П. А. Столыпина от 14 сентября 1906 г. чиновникам запрещалось участие не только в «явно революционных» политических партиях, но и в партиях, обнаруживших «стремление к борьбе с правительством»⁵⁷. Однако такой подход премьер-министра разделялся в тот период далеко не всеми представителями правительства, которые обращали внимание на политические воззрения своих подчиненных только тогда, когда политика начинала мешать качественному исполнению ими служебных обязанностей. Много позже Б. А. Васильчиков — главноуправляющий Управления землеустройства и земледелия в правительстве П. А. Столыпина — пришел к печальному заключению, что вряд ли «такая ширина взглядов и либеральное отношение “царского правительства” к политическому диссидентству в среде чиновничества были правильны». А внутренняя суть такой позиции правительства и монарха, по его мнению, была обусловлена вовсе не их великодушием, а слабостью и недалекостью⁵⁸. Либерализм правительства в отношении безбрежной политизации коронного чиновничества приводил к тому, что верховная власть во всех ее проявлениях теряла авторитет и среди населения, и в глазах государственных служащих.

Жестoko подавив все вооруженные выступления в 1905–1907 гг. и утвердив новый политический режим — третьейюньскую монархию, правительство не считало проблему реформирования системы местного управления перво-степенной, однако, осознавало необходимость ее разрешения. Об этом, прежде всего, свидетельствует изменение правительственного курса по отношению к земству. Рассмотрению противоречивых тенденций этого в целом прогрессивного и прагматичного курса П. А. Столыпина посвящена не одна страница монографии Е. М. Петровицовой⁵⁹. Председатель Совета министров последовательно ориентировал членов своего кабинета, весь состав МВД и губернаторов на конструктивную работу с земством с тем, чтобы сначала де-факто, а потом и де-юре максимально увязать усилия коронной администрации и органов местного самоуправления для совместного решения насущных вопросов социально-экономического развития регионов и страны в целом. В русле этого курса в структуре МВД было создано особое земское бюро, целью которого являлось установление широкой обратной связи с земскими структурами. Специалисты, работавшие в этом бюро, не только всегда были готовы квалифицированно проконсультировать приезжавших в столицу земцев по любому сложному вопросу земской деятельности, но и оказывали практическое содействие при решении вопросов, относящихся к компетенции других ведомств. В бюро была создана такая деловая и доброжелательная атмосфера, что земские деятели вскоре стали рассматривать его как «собственную штаб-квартиру». Это обстоятельство несомненно способствовало установлению «добрых отношений» между земцами и совсем недавно «ненавистным им Министерством внутренних дел»⁶⁰.

В правительстве П. А. Столыпина разрабатывались и другие проекты: предполагалось создать целый ряд новых министерств, значительно сократить функции Министерства внутренних дел, оставив за ним лишь те обязанности, которые непосредственно были связаны с осуществлением охраны правопорядка и внутрен-

ней безопасности государства. Передавая значительную часть своих властных полномочий другим министерствам, П. А. Столыпин считал возможным многое делегировать местному самоуправлению — земскому и городскому⁶¹. Стратегической целью этих преобразований должна была стать эффективная система государственного управления, построенная на основе усовершенствования губернской и уездной коронной администрации, на переподчинении губернатора правительству, на перемещении центра административно-распорядительной деятельности из губернии в уезд, на организации широкого сотрудничества с органами местного самоуправления, на создании судебно-административных учреждений. К сожалению, противодействие дворянской оппозиции, категорически несогласной с подчинением уездного предводителя дворянства, как начальника уезда, коронной администрации, было поддержано в Государственном совете, и проект был отклонен⁶². Трагическая гибель реформатора не позволила осуществить задуманное, а его приемники вновь оставили эту проблему без должного внимания. В итоге, разрыв между устаревшей системой местного управления и буржуазной социальной модернизацией страны после 1905 г., в совокупности с другими, не преодоленными составляющими системного кризиса, привели государственный строй Российской империи к краху в 1917 г.

Примечания

- 1 Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 270.
- 2 См.: Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары: В 3-х тт. Т. 1. М.; Мн., 2002. С. 328–329.
- 3 Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в императорской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сборник научных статей / Отв. ред. П. И. Савельев. М., 1997.
- 4 Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары / Редакция, предисловие, комментарии А. М. Лукашевича. Мн., 2005. С. 161.
- 5 Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 162.
- 6 Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2004. С. 71.
- 7 Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 123–124.
- 8 Павлова Г. В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 135.
- 9 Карпачев М. Д. Земство в политической системе пореформенного самодержавия // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 104.
- 10 Дядиченко А. Н. Доходы и расходы Черниговского земства за последние 25 лет // Земское дело. 1911. № 6. С. 527.
- 11 Кравцова Е. С. Местные налоги в России на рубеже XIX–XX столетий (на примере Курской губернии) // Бартеневские чтения. Материалы I научной конференции по проблемам региональной истории. Липецк, 2000. С. 158; Дядиченко А. Н. Указ. соч. // Земское дело. 1911. № 15–16. С. 1105–1107.
- 12 К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: В 2-х т. Мн., 2003. Т. 2. С. 308.
- 13 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): В 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 220.
- 14 См.: Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002.
- 15 Шумилов М. М. Указ. соч. С. 21.
- 16 Цит. по: Крылов В. М., Малеванов Н. А., Травин В. И. Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 288.
- 17 Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) М., 2000. С. 112.
- 18 Страховский И. М. Губернское устройство (правительственные учреждения). СПб., 1913. С. 51.

- 19 *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004. С. 152–153.
- 20 *Крылов В. М., Малеванов Н. А., Травин В. И.* Указ. соч. С. 270.
- 21 Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 127–132; Курский Адрес-календарь. 1911 год. Курск, 1911. С. 284–297.
- 22 *Зырянов П. И.* Социальная структура местного управления. 1861–1914 гг. // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 277; *Иваненко А. О.* Уездное управление в России второй половины XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 1998. С. 55.
- 23 *Зырянов П. И.* Указ. соч. С. 275; *Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 113.
- 24 *Плетнев И. Т.* Воспоминания шестидесятника // Русская старина. 1915. № 11. С. 1063–1064, 1066.
- 25 Анализировалось соотношение классовых чинов уездных предводителей дворянства и уездных исправников в Смоленской (12 уездов), Тульской (12), Калужской (11), Владимирской (13), Нижегородской (11), Пензенской (10), Рязанской (12), Черниговской (15), Полтавской (15), Харьковской (11), Екатеринославской (8), Тамбовской (12), Воронежской (12), Курской (15) и Орловской губерниях (12) по: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем управлениям в Российской империи на 1894 год. СПб., 1894. Ч. 2. С. 28–286; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем управлениям в Российской империи на 1899 год. СПб., 1899. Ч. 2. С. 32–336; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем управлениям в Российской империи на 1904 год. СПб., 1904. Ч. 2. С. 32–342.
- 26 *Иваненко А. О.* Указ. соч. С. 55.
- 27 *Шаповалов В. А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород, 2002. С. 185–186; *Савелов Л. М.* Из воспоминаний. 1892–1903. Воронеж, 1996; *Васильчиков Б. А.* Воспоминания. М., 2003. С. 146.
- 28 *Зырянов П. И.* Указ. соч. С. 276.
- 29 См.: *Шилов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918; *Белоконский И. П.* Земство и конституция. М., 1910; *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1996.
- 30 *Шаццло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 361–416; *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция их до начала XX в. М., 1977; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. М., 1973; *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
- 31 Первая русская революция: взгляд через столетие. М., 2005. С. 58.
- 32 *Савелов Л. М.* Указ. соч. С. 85–88.
- 33 Цит. по: *Твердохлеб А. А., Шевырин В. М.* Государственные служащие в России. 1722–1995: Динамика социального статуса (исторический очерк) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. М., 1995. С. 5.
- 34 Цит. по: *Долбилов М. Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 45.
- 35 *Сучкин П. Ф.* Социальная структура преступности в Курской губернии конца XIX века // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 54.
- 36 *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 244.
- 37 *Шаццло К. Ф.* Указ. соч. С. 392.
- 38 *Косихина И. Г.* Общественные организации российской провинции в 1864–1917 гг. (на примере обществ культурного уровня Курской губернии) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 238, 253.
- 39 *Пирогова Е. П.* Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 12.
- 40 *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянский вопрос в конце XIX в. // Исторические записки. Т. 88. М., 1971. С. 150–209; *Лебедев В. Д.* Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. № 5. С. 58–69.

- 41 *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 103.
- 42 *Марасанова В. М.* Указ. соч. С. 152–153.
- 43 *Леонов С. В.* «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 106.
- 44 Цит. по: *Шаццлло К. Ф.* Указ. соч. С. 392–393.
- 45 *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 761–762.
- 46 *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания и мемуары. Мн., 2004. С. 160.
- 47 *Палеолог С. Н.* Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 156–157.
- 48 Подробнее о А. П. Наумове на посту пермского губернатора см.: *Аленчикова Н. Д.* Александр Петрович Наумов // Пермские губернаторы: традиции и современность / Под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. Пермь, 1997. С. 155–163. Также см.: *Друзин М. В.* Предприниматели и власть на Урале в начале XX в.: конфликты и «сотрудничество» (По материалам ГАПО) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Ангуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 109.
- 49 О проявлениях пошатнувшегося авторитета власти в губернии, ставшего следствием «издевательств над бывшим губернатором Наумовым, которого толпа водила без шапки по городу и заставляла выпускать из тюрем политических преступников» повествуется в донесении управляющего Главной С.-Петербургской конторой имений Строгановых С. А. Римского-Корсакова графу С. А. Строганову: «...появилось полное безначалие и общая растерянность. Тут-то и началась работа анархистов; появились печатные прокламации и манифесты якобы от имени царя, разрешающие рубить леса до Нового года. Население ошалело; некоторые начали рубку; большинство земских начальников из опасения насилия прекратили разбор дел о самовольных порубках. Видя, что самовольство не преследуется, начали рубить и остерегавшиеся ранее, и за тем хищение сделалось массовым. Лесная стража оказалась бессильна; ее прямо выгоняли из леса, а над многими чинили всякие насилия» (РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 2. Д. 1586. Л. 1. — документ, любезно предоставлен автору М. В. Друзиным).
- 50 *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 62.
- 51 *Марасанова В. М.* Указ. соч. С. 159–160.
- 52 П. А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 197.
- 53 *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 66.
- 54 *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. М., 2003. С. 403–404; *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 258; *Лысенко Л. М.* Указ. соч. С. 105; *Марасанова В. М.* Указ. соч. С. 162.
- 55 Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 198.
- 56 *Канищев В. В., Шербинин П. П.* Политическая активность городских средних слоев Центрально-Черноземья в период первой российской революции (Опыт многомерного количественного анализа) // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.: Сб. статей. Воронеж, 1995. С. 125–126.
- 57 Цит. по: *Кирьянов Ю. И.* Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5. С. 41.
- 58 *Васильчиков Б. А.* Указ. соч. С. 229.
- 59 *Петровицева Е. М.* Земства Центральной России в период думской монархии (1906 – первая половина 1914 гг.). М., 2001.
- 60 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 615.
- 61 Проект П. А. Столыпина о преобразовании государственного управления России // *Палеолог С. Н.* Указ. соч. С. 210–237.
- 62 *Марасанова В. М.* Указ. соч. С. 166–167, 172–174.

*А. С. Соколов
Калининград*

С. Е. Крыжановский и правая печать в Российской империи начала XX века*

События в России начала XX в. имели далеко идущие последствия для дальнейшего ее развития. Первая русская революция обозначила массу нерешенных проблем в стране, повлекла за собой серьезные изменения практически во всех сферах жизни государства и активизировала общественно-политическую жизнь. Одним из последствий революции 1905–1907 гг. стало изменение роли периодических изданий. Разумеется, столь значительный факт из общественно-политической жизни не остался без внимания исследователей. Однако дореволюционные труды, в основном, носили описательный характер и были посвящены юбилеям тех или иных периодических изданий¹. В исследованиях советских ученых особое значение придавалось классовой борьбе, что сказывалось на подходах к изучению средств массовой информации в России в начале XX в. В оценках правой прессы господствовало мнение В. И. Ленина об ее несостоятельности из-за ограниченности идеологического влияния². Поэтому, наибольшее внимание уделялось развитию буржуазной прессы, как главного оппонента большевистских газет. При этом акцент, как правило, делался на связи газет с правительством и капиталом³. В последнее десятилетие произошло переосмысление роли и места периодических изданий в событиях начала XX в., что позволило гораздо шире рассматривать историю развития средств массовой информации⁴. Между тем, организация правой печати вызывает по-прежнему достаточно вопросов.

В результате событий Первой русской революции увеличилась численность периодических изданий и возросло их значение. П. Н. Милюков признавал, что кадетская Речь «больше делала для популяризации наших идей, чем всякая иная общественная деятельность кадетов», а В. И. Ленин на большевистской конференции в конце декабря 1913 г. утверждал, что «без “Правды” большевистская думская фракция потеряет 99/100 своего значения»⁵. Несомненно, что значение прессы в общественно-политической жизни страны также понимало и правительство, тем более что фактическое ослабление в цензуре привело к вакханалии в ее среде. Поток антиправительственных публикаций, хлынувший с конца 1905 г., приобретал угрожающие размеры. Правительство манифестом 17 октября и учреждением Государственной думы было стеснено в правовых ограничениях печати. Интересен в этом отношении циркуляр председателя Совета Министров П. А. Столыпина от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам, который предписывал, прежде всего, требовать возбуждения судебного преследования против редакторов, издателей и, особенно, авторов за все статьи, заключающие в себе нарушение закона. При этом применять правила, указанные в 29 ст. Положения об усиленной охране, за нарушение законов о печати не следовало. К руководителям же изданий «тенденциозного характера» надлежало принимать меры только по тому основанию, что они являлись чле-

* При поддержке РГНФ № 07-01-00071а «С. Е. Крыжановский — государственный деятель Российской империи начала XX века».

нами тайных обществ⁶. Поэтому для борьбы с прессой использовались и другие методы. В частности, была предпринята попытка противостоять оппозиционной печати средствами самой же печати. Правительство С. Ю. Витте 1 февраля 1906 г. учредило газету «Российское государство»⁷. Во времена премьерства П. А. Столыпина эту роль стала играть «частная» газета «Россия»⁸. К тому же, при Министерстве внутренних дел был создан секретный фонд для поддержки проправительственных изданий. Хотя предмет этот по существу своему относился к ведению Главного управления по делам печати, но Петр Аркадьевич, ввиду нежелательности лишней огласки, не захотел его там сосредотачивать⁹. Большую роль в этом процессе во времена премьерства П. А. Столыпина сыграл товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский. Сергей Ефимович пользовался среди современников репутацией человека способного и умного¹⁰, имел богатый опыт работы в Министерстве внутренних дел¹¹. Он был автором многих важных законодательных актов того времени: положений о Государственной Думе, Государственном Совете и Совете Министров, а также — всех крупнейших избирательных законов начала XX в. Так как С. Е. Крыжановский ведал Особым делопроизводством по выборам в Думу¹², ему, естественно, пришлось заняться и вопросами печати.

Организация правой печати, по замечанию Сергея Ефимовича, оказалась делом достаточно непростым¹³. Одной из причин неудовлетворительной работы правых газет было отсутствие у них опыта публицистической деятельности, так как пальму первенства в подобной деятельности в России несли представители оппозиционной печати. По замечанию С. Е. Крыжановского, в рядах правых партий, если не считать немногочисленных талантливых лиц, вообще не было людей, умевших «держат перо в руках». «Приходилось поэтому, особенно в провинциальных центрах, довольствоваться газетными кустарями, не имевшими ни навыков, ни такта»¹⁴. К числу одаренных писателей в то время относился И. Я. Гурлянд, с которым и работал Сергей Ефимович.

Илья Яковлевич, будучи редактором газеты «Россия» во времена премьерства П. А. Столыпина, состоял в очень плотной переписке с товарищем министра внутренних дел С. Е. Крыжановским, от которого получал необходимую информацию по многим интересующим его вопросам¹⁵. Сергей Ефимович также редактировал статьи И. Я. Гурлянда и высказывал определенные пожелания по их содержанию в «России» Петра Аркадьевича Столыпина¹⁶. Переписка, разумеется, была тайной, т. к. товарищ министра во время вынужденного отсутствия своего переписчика, задерживал рукопись, не решаясь посвящать в суть дела кого-либо еще¹⁷. Целью сотрудничества И. Я. Гурлянда и С. Е. Крыжановского была в основном полемика с кадетской партией и ее газетой «Речь». Это противостояние, порой, выходило за рамки газетных публикаций: в 1907 г. вышли работы Н. П. Васильева, а именно под таким псевдонимом печатался Илья Яковлевич Гурлянд, «Правда о кадетях» и «Вторая Дума»¹⁸. По воспоминаниям Сергея Ефимовича, памфлеты И. Я. Гурлянда были переведены на все иностранные языки и печатались в ста тысячах экземпляров. Они рассылались всем лицам, имевшим какое-либо, хотя бы и самое малое, общественное положение, начиная от сельских учителей и священников. Для рассылки была устроена секретная экспедиция, которая посылала книгу непосредственно по адресу¹⁹. Необходимо отметить, что эти публикации не получили должной оценки у историков, хотя

работы И. Я. Гурлянда фактически отражают официальную позицию властей по многим вопросам того времени.

Другой причиной низкой эффективности правых газет являлось неприятие консервативными кругами политики правительства. Причем, не последнюю роль в этом вопросе играл Николай II, что еще больше осложняло деятельность правительства по созданию удовлетворительной работы правой печати. Положение С. Е. Крыжановского, ведавшего фондом, из которого выдавались негласные пособия на надобности финансовой поддержки политических партий и лиц, содействующих охранению порядка, было достаточно непростым. Сергею Ефимовичу приходилось входить в рассмотрение каждого отдельного случая по существу, расценивать обстоятельства и людей, торговаться с ними, нередко отказывать в выдаче денег, как по причине их недостатка, так и вследствие несоответствия просителя или его целей, которое выяснялось при ближайшем ознакомлении. Часто С. Е. Крыжановский вынужден был прекращать выдачу пособий лицам и изданиям, отклонившимся от приемлемого для правительства направления деятельности²⁰. Складывалась достаточно парадоксальная ситуация, когда консервативная печать, финансируемая за счет правительства, выступала с явной критикой последнего. Так, в частности, была прекращена выдача пособия в размере 15 000 рублей А. И. Дубровину на издание газеты «Русское знамя»²¹, и отказано доктору Кацаурову в выдаче пособия на издание в городе Ярославле газеты «Русский народ»²². После чего А. И. Дубровин начал усиленно жаловаться через посредство ген. Дедюлина, в то время дворцового коменданта, и адмирала Нилова, флаг-капитана Его Величества, представляя С. Е. Крыжановского чуть ли не революционером. Дело дошло до того, что императором было указано в частной беседе П. А. Столыпину на статью «Русского знамени», где говорилось о наличии письменных доказательств недоброжелательного отношения Сергея Ефимовича к правому делу. В результате разбирательства на А. И. Дубровина был наложен штраф в размере 3 000 рублей, что, по мнению С. Е. Крыжановского, привело к еще большему росту выступлений против него²³.

В случае же с газетой «Русский народ» интересно то обстоятельство, что прошение Кацаурова было подписано Николаем II, и отказ в выдаче денег явно не сулил Сергею Ефимовичу никаких политических выгод. Парадоксально, но газета «Русский народ» представляла собой бесцветный листок крайне правого направления, наполненный демагогическими выпадами против правительства и подстрекательством рабочих против фабрикантов и всего экономического строя. Одним словом, по мнению С. Е. Крыжановского, эта газета относилась к числу тех крайне правых изданий, которые совпадали по своей социальной программе и в способах воздействия на массы с изданиями крайне левых партий²⁴.

В результате, вышеуказанные причины привели правые газеты к крайне низкой эффективности работы. В этой ситуации интересны еще некоторые моменты, которые помогают понять историю развития правой печати в Российской империи. Из допроса С. Е. Крыжановского 10 июля 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией следовало, что из особого фонда он выдал на поддержку правой печати с 1906 по 1911 гг. около 3 млн рублей²⁵. Такая же сумма фигурирует в воспоминаниях Сергея Ефимовича, написанных в эмиграции²⁶. Деньги выдавались правым преимущественно через представителей Союза русского народа: сначала через А. И. Дубровина, потом — В. М. Пуришкевича и протоиерея И. Восторго-

ва. Деньги разносил специальный курьер, который возвращал квитанции. В большинстве случаев эту роль выполнял Меньшагин²⁷. Денежной книги, фиксирующей расходы, не велось, поэтому оправдательные документы в государственный контроль не попадали. Суммы по действующему правилу, известному товарищу государственного контролера, передавались в личное распоряжение министра внутренних дел. Министр формально отчитывался перед государем²⁸. Подобная ситуация, разумеется, создавала некоторые сложности по контролю над расходованием средств. В частности, газета «Симбирянин» одновременно получала поддержку из репильного фонда и через главное управление по делам печати²⁹.

Сумма, выделяемая на поддержку правой печати, на первый взгляд, была достаточно внушительная. Между тем, со слов С. Е. Крыжановского, «как бы не были значительны отпускавшиеся средства, но при громадности наших протяжений и при новизне дела они были каплей в море»³⁰. Правительство, по его данным, содержало более тридцати газет в разных местностях России³¹. В частности, оказывалась поддержка газетам «Симбирянин» и «Орловский вестник» по две тысячи рублей в месяц, «Националистическому листку» — три тысячи, «Земщине» — от 10 до 12 тыс., журналам «Зерно» и «Хлебопашец» — 5 000, а также «Харьковскому вестнику», «Витебским ведомостям», «Колоколу», «Минскому слову» и др. Губернаторам, на поддержку «Губернских Ведомостей», выдавалось по 10 000 руб. — таким образом П. А. Столыпин хотел сделать их проводниками правительственных идей на местах³².

Суммарный тираж всех правых газет редко превышал 20 000³³. Для сравнения, кадетская «Речь» выходила тиражом в 30 000–40 000 и также нуждалась в финансовой поддержке сочувствующих лиц: за период с 1908 по 1912 гг. газета принесла прибыль лишь один раз, в 1910 г. Доход составил 6 055 рублей³⁴. Лидеры печатного дела в Российской империи — газеты либерального толка «Новое время» и «Русское слово» — к 1912 г. издавались тиражом 60 000 и 320 000 соответственно. Это были издания коммерческого типа, выходившие на 10–12 поло-сах и приносявшие своим владельцам неплохой доход³⁵. Корреспонденты этих газет получали по 500–600 руб. в месяц³⁶. Расходы на издание «Русского слова» с 1907 по 1911 гг. выросли с 1 242 000 до 2 309 400 руб. в год³⁷. Интересен тот факт, что на издание газеты «Россия» правительство тратило всего 200–300 тыс. руб.³⁸, а за свою работу тот же И. Я. Гурлянд получал не такие уж большие деньги — 1 000 руб. в качестве гонорара за новое произведение³⁹.

Как видим, поддержка правой печати правительством не являлась чем-то из ряда вон выходящим, а суммы, затрачиваемые на эту поддержку, нельзя назвать такими уж колоссальными. Соответственно, и эффект от правой печати при подобной постановке дела оказался мизерным.

Примечания

- 1 Пятидесятилетний юбилей «Русских ведомостей» (1863–1913). М., 1915; Сороколетие газеты «Новое время». 1876–1916 гг. // Исторический вестник. 1916. № 4.
- 2 Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 33.
- 3 Боханов А. Н. Указ. соч.; Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981; Лаврычев В. Я. Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в. // История СССР. 1972. № 1.

- 4 Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10; Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907–1914. М., 1997.
- 5 Дейли Дж. Указ. соч. С. 26.
- 6 Мобилизация реакции в 1906 г. // Красный архив. 1929. Т. 1. С. 179.
- 7 Там же. С. 28.
- 8 Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 317.
- 9 Крыжановский С. Е. Воспоминания // Бахметьевский архив Колумбийского университета. Вых. 2. Нью-Йорк.
- 10 ОР РНБ. Ф. 1000. Арбузов А. Д. Оп. 2. Д. 54. Л. 15об.; Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 569; Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 242; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 62; Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 2000. С. 91.
- 11 Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 378.
- 12 Крыжановский С. Е. Указ. соч.; РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 105. Л. 14; Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 378.
- 13 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 14 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 15 РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–63.
- 16 Там же. Л. 6, 18, 22, 45.
- 17 Там же. Л. 34.
- 18 Васильев Н. П. Вторая Дума. СПб., 1907; Васильев Н. П. Правда о кадетях. СПб., 1907.
- 19 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Допрос Крыжановского // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 413.
- 26 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 27 Допрос Крыжановского. Указ. соч. С. 406, 411.
- 28 Там же. С. 407.
- 29 Там же. С. 414.
- 30 Крыжановский С. Е. Указ. соч.
- 31 Там же.
- 32 Допрос Крыжановского. Указ. соч. С. 409–413.
- 33 Дейли Дж. Указ. соч. С. 29.
- 34 Боханов А. Н. Указ. соч. С. 65.
- 35 Кострикова Е. Г. Указ. соч. С. 21.
- 36 Там же. С. 39–40.
- 37 Боханов А. Н. Указ. соч. С. 61.
- 38 Допрос Крыжановского. Указ. соч. С. 404.
- 39 РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 232. Л. 56.

М. Г. Меерович
Иркутск

Неофициальное градостроительство: тайный аспект советской индустриализации (1928–1932 гг.)*

Принцип разделения градостроительства СССР на «официальное» и «неофициальное»¹, несомненно, условен. Но вполне обоснован потому, что подавляющая часть градостроительных, планировочных, расселенческих мероприятий советской власти никогда не являлась предметом обсуждения, анализа и критики. Никогда даже не попадала на страницы каких-либо официальных изданий или специальных профессиональных журналов. Она была и до сих пор остается закрытой сферой гигантской по масштабу проектной и строительной деятельности.

По планам индустриализации в течение первых двух пятилеток было намечено возведение нескольких тысяч новых промышленных предприятий в районах Сибири, Дальнего Востока, Урала, а также центра, севера и юга страны — регионов, подвергавшихся колонизации и хозяйственному освоению. И при каждом из них предусматривалось строительство поселения для рабочих и членов их семей. Всего намечалось строительство 87 новых городов с суммарным населением в 4,5–5 млн чел., а также сотен социалистических рабочих поселков с населением каждый свыше 10 000 чел., что в целом являло широкомасштабную программу строительства новых поселений, рассчитанных на 6–7 млн населения.

В какой степени эта программа была практически выполнена? И почему никогда и нигде ни сама эта программа, ни возведенные в ходе ее реализации поселения, ни принципы их размещения по территории СССР, ни характер их планировки, ни принудительный (особенно на начальных этапах освоения территории) способ комплектования производств и населенных пунктов рабочими кадрами, ни полнота обеспечения людей жилищем, ни иные вопросы не выступали предметом исследования. Это тайная, неизведанная страница истории существования советского режима, разительно отличающаяся от бравадных рапортов газетных передовиц и многократно повторявшихся на страницах архитектурных и общественно-политических изданий фотографий соцгородов 1920–1930-х гг., — Магнитогорска, Большого Запорожья, Макеевки, Челябинска, Нижнего Тагила, Кузнецка и др.

Сопоставление «официальной» и «неофициальной» сторон градостроительной политики СССР способно пролить свет на один из самых загадочных (несмотря на, казалось бы, широкую освещенность) аспектов советской индустриализации — градостроительное обеспечение государственных планов равномерного распределения промышленности и населения по территории страны. Осуществлявшееся с целью формирования единой структуры предприятий военно-промышленного комплекса, а также в целях хозяйственно-индустриального освоения окраинных территорий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00512а.

Сопоставление «официальной» и «неофициальной» сторон градостроительной политики в СССР позволит также ответить на вопросы никогда даже не ставившиеся в специальной исследовательской литературе. Например, каким образом градостроительная и неразрывно связанные с ней территориально-планировочная и организационно-управленческая доктрины, призваны были воплотить (и практически воплощали) программы индустриализации и коллективизации? Кто из политических деятелей или ученых (и, соответственно, какие плановые и проектные организации) определяли, по каким принципам и где конкретно строить новые города?

В существующей исторической литературе в качестве основного исторического «источника» ответа на эти вопросы обычно указывается всесоюзная дискуссия о соцрасселении. Считается, что именно она определила стратегию градостроительного (расселенческого) развития страны. Хотя до сих пор никто из исследователей внятно не пояснил, в чем же конкретно эта стратегия заключалась.

Началась дискуссия в конце 1929 г. и проходила в стенах Госплана СССР и Комакадемии ЦК ВКП(б). В 1930 г. к дискуссии подключился ряд журналов, посвятивших публикации ее материалов свои первые номера: «Литература и искусство», «Современная архитектура», «Революция и культура», «Строительство Москвы», «Плановое хозяйство» и др. Материалы дискуссии были широко представлены и на страницах главных газет страны: «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», «Экономической жизни», «Вечерней Москвы», «За индустриализацию» и др. Были изданы сборники докладов и стенограммы выступлений. Бурная дискуссия собрала таких известных в то время государственных, общественных деятелей, ученых, архитекторов, как Н. Ковалевский, Г. Кржижановский, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Семашко, С. Струмилин, братья Веснины, М. Гинзбург, Н. Милютин, Н. Ладовский, А. Щусев и другие².

Окончание дискуссии следует датировать 29 мая 1930 г. — когда было опубликовано, принятое 16 мая, постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»³, по сути дела четко и весьма недвусмысленно приказавшего: «Хватит дискутировать! Строить и проектировать будете то, что прикажет власть...».

Произошедший с выходом данного постановления перелом естественного хода эволюции теоретической мысли до сих пор остается загадкой. Не раскрытой и не объясненной также остается последовательность смены теоретических оснований расселенческих доктрин России: от предреволюционной к послереволюционной, а затем — к индустриальной, собственно, и обсуждавшейся в ходе дискуссии.

Российская ведомственно-государственная расселенческая программа предреволюционного периода по возведению поселений-садов детально изучалась Е. Б. Кириченко, Н. П. Крадиным, С. С. Левашко, М. В. Нащокиной, В. Л. Ружже и другими авторами. Но, к сожалению, в отечественном градостроении до сих пор отсутствует ответ на вопрос о причинах общегосударственного запрета, в советский период, концепции города-сада. Гипотезы о причинах данного запрета⁴ требуют своей проверки, детальной проработки и фундаментального обоснования или опровержения.

Следующий этап формирования расселенческой доктрины — послереволюционная теоретическая проработка вопросов формирования «поселений нового типа» при отдельно стоящих промышленных объектах⁵, и деятельность рос-

сийских архитекторов по практическому проектированию советских рабочих поселков-садов, — освещен в отечественном архитектуроведении также слишком бегло и поверхностно. Общеизвестен тот факт, что в первые годы советской власти архитекторы, в условиях социальных преобразований, отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных форм жизни и деятельности, обращаются к идее города-сада. Эта идея становится популярной еще в предреволюционный период. Архитекторы искренне верят в то, что советская власть устраним все недостатки дореволюционных поселений подобного типа и создаст подлинные города-сады — с коллективными формами организации быта и управления, с общественной собственностью на землю, с комфортабельными индивидуальными домиками коттеджного типа для отдельной семьи, с участками земли для разведения сада, огорода и домашней живности. Они надеются практически воплотить не только наиболее привлекательные художественно-планировочные принципы города-сада (комплексное проектирование, целостность композиции, единое пространственное решение улицы, кварталов, поселения в целом, трассировки пешеходных связей и проездов, обеспечения связи с природой и т. п.), но, что самое главное, практически не реализованное в предреволюционной России социальное содержание — специфические организационные формы коллективного владения и распоряжения землей, формы государственной поддержки в финансировании возведения жилища и инфраструктуры, коллективные формы управления процессами градостроительства, общественные формы текущей эксплуатации территории поселения, т. е. применить социально-градостроительные принципы, которые созрели до этого как протест против кризиса капиталистических городов, но в них самих были неосуществимы.

Многие события этого периода до сих пор остаются без объяснения причин своего происхождения, а многие, казалось бы, понятные явления, вдруг, при изучении новых материалов (а иногда и при внимательном прочтении старых — давно известных), выпадают из, казалось бы, очевидной закономерности их возникновения. В частности, до сих пор остается непонятным, в каких аспектах идея города-сада, широко пропагандируемая некоторыми влиятельными общественными деятелями и непосредственно реализуемая известными архитекторами в послереволюционный период⁶, вошла в противоречие с формируемой властью концепцией социалистического рабочего поселка? В чем заключалось принципиальное отличие говардовского города-сада от советского рабочего поселка-сада? Почему к концу первого послереволюционного десятилетия так резко, в сравнении с первоначальным, изменилось отношение к идее города-сада органов, осуществляющих государственную градостроительную политику?

Не вскрытыми остаются также и причины упорства, с которыми архитекторы даже в начале 1930-х гг. (т. е. после, фактически, официального отказа органов власти от говардовской идеи) продолжают обращаться к концепции города-сада и стараются доказать ее эффективность и уместность в вопросах социалистического расселения? Нет ни одного исследования, объясняющего, почему, советская власть, одновременно, осуществляла силами ведомств возведение рабочих поселков-садов рядом с реконструируемыми промышленными предприятиями, и в то же самое время боролась с инициативами жилищной кооперации по строительству точно таких же поселков-садов рядом с существующими городами.

Следует отметить, что в отечественном архитектуроведении имеется указание на то, что города-сады были отвергнуты потому, что противоречили «тенденциям формирования промышленной агломерации»⁷. И это замечание абсолютно точно фиксирует суть содержательного конфликта идеи города-сада и формирующейся концепции поселений особого «социалистического типа», но нигде в специальной литературе не разъясняется, в чем это противоречие заключалось. Считается, что одной из главных причин, вызвавших отказ от идеи города-сада, как прототипа «социалистического поселения», была «моноструктурность его градостроительной системы». Именно она приводила этот тип поселений в несоответствие «реальным процессам урбанизации и усложняющейся действительности в области градостроительства»⁸. Это утверждение абсолютно точно фиксирует содержательную суть проблематики. Но не проясняет почему, отказавшись от города-сада, власть вместо него ввела «социалистический рабочий поселок», также являвшийся моноструктурным градостроительным образованием, практически абсолютно совпадавшим с городом-садом и по численности населения, и по характеру планировки, и по принципам зонирования, и по балансу территории, и даже по типам застройки (а если в чем-то и отличавшимся, то крайне незначительно). Нигде в специальной литературе не разъясняется, какие цели ставили перед собой государственные органы руководства сферами строительства и проектирования, когда, одновременно, направляли делегации за границу для изучения и обобщения европейского опыта проектирования городов-садов, и, в то же самое время, категорически запрещали их строительство в СССР.

На фоне слабой изученности начального периода развития советского градостроительства, дискуссия о концепции социалистического расселения занимает особое место. Она подвергалась сосредоточенному фундаментальному исследованию во многих трудах⁹. О ней, как о знаковом событии в истории советской архитектуры, знает каждый российский архитектор! И каждый из них на вопрос, что это была за дискуссия, с уверенностью ответит: «Это был спор между урбанистами и дезурбанистами». Но это далеко не так. Прежде всего, потому, что дискуссия о соцрасселении выявила не столько различие в этих двух (а точнее, нескольких) теоретических направлениях в советской архитектуре, сколько их совпадение. А потом, совершенно официально запретила и те, и другие, и третьи. И, вообще, все. Почему?

Период 1929–1933 гг. все без исключения исследователи советской архитектуры называют «переломным». Здесь произошли такие ключевые для истории архитектурной профессии события, как: а) конкурс на Дворец Советов, б) запрет деятельности творческих архитектурных группировок, в) дискуссия о социалистическом расселении, г) образование Союза советских архитекторов СССР. Но именно эти события до сих пор остаются вне углубленного и всестороннего изучения, как единое комплексное явление. Они рассматриваются как отдельные события, вне их очевидной взаимосвязи, как разные стороны одного механизма принудительной трансформации профессионального мышления и деятельности.

Каждое из этих событий по отдельности детально изучалось. В частности, дискуссия о социалистическом расселении, в результате которой были официально, фактически законодательно, определены пути развития советского градостроительства, детально исследовалась В. Э. Хазановой. И В. Э. Хазанова, пожалуй, единственный ученый, который выявил, систематически обобщил и

проанализировал практически все материалы дискуссии. Причем, проделано это было не только в отношении градостроительного содержания, но, что самое важное, в широких рамках культурно-исторического контекста того периода. Итогом явилась глубоко фундированная фактическими материалами монография «Советская архитектура первой пятилетки»¹⁰. Но Вигдария Эфраимовна невольно сосредоточила свое (и читателя) внимание, прежде всего, на противостоянии взглядов представителей двух теоретических направлений — урбанистов и дезурбанистов. При этом, сами собой, на второй план отошли и оказались в отдельных своих частях почти не раскрытыми иные точки зрения, фиксировавшиеся в ходе дискуссии и являющиеся ничуть не менее значимыми для изображения «исторической палитры» теоретических позиций.

До сих пор, к сожалению, совершенно без ответа остаются вопросы, принципиально значимые для истории отечественного градостроительства советского периода: какое направление реализации расселенческой доктрины избрала советская власть, отвергнув теоретические концепции и урбанистов, и дезурбанистов? Почему именно это направление, а не иное из широкого спектра предлагавшихся? В чем содержание той стратегии, которая начала реализоваться, буквально, на следующий день после принудительного прекращения дискуссии — в чем суть официально принятых концепций «социалистического расселения» и «социалистического города»?

Безусловно, выявление оппозиции урбанистов и дезурбанистов (а на это указывается в каждой работе, упоминающей о дискуссии о соцрасселении), способно разъяснить различия в предлагаемых ими формально-композиционных градостроительных схемах. Но, при этом, упускается главное — совпадение их отношения к базовым социально-политическим и организационно-управленческим постулатам доктрины, реализуемой властью. А участники дискуссии, несмотря на непримиримое противопоставление своих архитектурно-градостроительных позиций, исходили из одних и тех же концептуально-идеологических оснований. На этот факт обращает внимание С. О. Хан-Магомедов, цитируя в своей монографии «Архитектура советского авангарда»¹¹ письмо членов редколлегии журнала «Современная архитектура» — урбанистов. В нем они открыто демонстрируют совпадение своих социально-политических и социально-организационных взглядов с позицией их оппонентов — дезурбанистов (других членов редколлегии). Именно этот факт и должен выступить для будущих исследователей предметом сосредоточенного изучения, с целью выявления той концептуальной основы, тех фундаментальных принципов, которые советская власть в дальнейшем принудила исполнять не только урбанистов и дезурбанистов, но и носителей любых иных точек зрения.

Никто из исследователей дискуссии о соцрасселении до сих пор не указал на ее основную задачу — необходимость выработки нового типа управления городами. Особенность заключалась в воплощении его в иных, нежели в царской России, общих условиях: единого народнохозяйственного планирования, целенаправленного финансирования, централизованного материально-технического снабжения. Новый тип управления городами должен был учитывать иные принципы размещения, возведения и функционирования поселений (исключительно при промышленности, ее силами и за счет ее средств); искусственные формы организации внутригородской жизни и деятельности; факторы централизован-

ного создания инфраструктуры и распределительного характера системы обслуживания; и очень специфическую жилищную политику. Никто не вскрыл того факта, что дискуссия о социалистическом расселении призвана была сформулировать принципы пространственного размещения промышленности и населения по территории страны на основе военно- и трудо-мобилизационной организации населения. А она должна была осуществляться через членение государства на специфические административно-территориальные единицы, способные обеспечивать закрепленный за ними фрагмент общегосударственного процесса производства и распределения продукции, а также процессы жизни, рассматриваемые властью, прежде всего, как обеспечивающие производственную деятельность.

Никто не ответил на вопросы, до сих пор, фактически, даже не поставленные — какое содержание закладывалось партийными и плановыми органами в основу градостроительной проработки концепции соцгорода? Как градостроительная доктрина соприкасалась с концептуальными предложениями политиков, эконом-географов, транспортников, энергетиков и др.: в какой степени зависела от них, а в какой степени на них влияла? В чем проявлялось воздействие идеологических постулатов марксистской доктрины на решения, принимаемые советской властью в области архитектуры и градостроительства? Посредством каких государственных органов эти решения «вдавливались» в профессиональное сообщество, принудительно изменяя содержание его мышления и деятельности?

Крайне важно для полноты понимания истории отечественного градостроительства, также раскрыть то мощное воздействие, которому в 1920–1930-х гг. подвергались градостроительные решения со стороны программ формирования общегосударственной транспортной инфраструктуры, планов развития военно-промышленного комплекса, практических задач развития ресурсных регионов, планов освоения окраинных территорий страны и закрепления населения на этих рубежах. Необходимо втянуть в архитектурные исследования исторические материалы, посвященные вопросам: а) переселенческой политики советской власти¹²; б) экономгеографическим стратегиям территориального районирования¹³; в) вопросам размещения промышленности; г) формирования распределительной системы¹⁴. Для разработки темы «неофициальное градостроительство» необходимо привлечь и имеющиеся исследования по формированию архитектурно-планировочных решений конкретных социалистических городов¹⁵. Необходимо также раскрыть зависимость расселенческих доктрин от экономгеографических обоснований и военно-стратегических планов и показать, как менялись эти планы и как, соответственно, изменялись градостроительные стратегии.

Углубленное изучение градостроительных идей, объединенных общим названием «концепция социалистического расселения», выявление степени влияния на эти идеи общегосударственных задач социально-политического, экономгеографического, социально-управленческого, оборонного характера, позволит выяснить причины отказа (в конце 1920-х — начале 1930-х гг.) от дореволюционной расселенческой программы (города-сады). Также это позволит выявить причины кардинальной трансформации послереволюционной практики проектирования советских рабочих поселков¹⁶.

Последовательность постановки и решения задач индустриального развития СССР кажется сегодня довольно прозрачной. Задача формирования мощного современного военно-промышленного комплекса (ВПК) ставит перед прави-

тельством страны вопрос о том, сколько и каких следует построить предприятий, чтобы сформировать единую технологическую сеть производств, способных оптимальным образом осваивать природные запасы сырья и быть предельно неуязвимой во время возможных боевых действий. Подобная постановка вопроса, заметим, привела, через некоторое время, к выработке стратегии создания эшелонов оборонных предприятий в зонах, недоступных (на тот период) для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников (на Урале, в Сибири, в отдаленных частях севера, юга, востока страны) Сюда не способны были долететь вражеские бомбардировщики, т. к. возможности самых дальних из них не позволили, без дозаправки, осуществлять перелет до места размещения объектов советского ВПК и обратно (на аэродромы базирования).

Как следствие постановки этой задачи, в 1927–1928 гг. в СССР начинает создаваться государственный оборонный комплекс — разрабатывается программа развития ВПК, именуемая программой индустриализации страны. Госплан получает задание разработать (и к 1929 г. теоретически разрабатывает) организационно-управленческие принципы административно-территориального деления страны в соответствии с задачами размещения объектов единой системы ВПК¹⁷. Госплан практически определяет производственно-экономический потенциал неосвоенных регионов и потребность в рабочей силе, необходимой для их освоения. Потребность привлечения около 10 000 000 новых рабочих рук предполагала не только решение вопросов формирования транспортной инфраструктуры, наличия технологий и оборудования, добычу местных стройматериалов, ускоренных способов возведения жилья, но и решения проблемы способов и путей формирования трудовых ресурсов. Массовая коллективизация, депортации лишенцев и безработных, террор, как таковой, являлись планомерно и целенаправленно используемыми средствами решения этой задачи.

Но при кажущейся ясности и прозрачности социально-организационных оснований советской коллективизации и индустриализации совершенно неясным остается — кто проектировал структуру размещения новых промышленных предприятий? Какие организационно-управленческие принципы закладывались в ее основу? Кто проектировочно формировал сеть новых поселений при новых промышленных предприятиях (сначала в виде трудовых и концентрационных лагерей, а затем, на их месте — социалистических рабочих поселков, и уже потом — соцгородов)? Кто проектировал сами лагеря и возникающие вблизи них гражданские поселения? Кто из мастеров советской архитектуры и градостроительства СССР, широко известных своими «официальными» работами, непосредственно занимался (курировал) эту «тайную» сторону проектной деятельности?

«Неофициальное», тайное градостроительство неразрывно смыкается с деятельностью военно-промышленного комплекса. В январе 1930 г. советское руководство рассматривает развернутую программу и план модернизации Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), разработанную с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. Предлагается к концу пятилетки обеспечить наличие в Красной Армии 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также обеспечить войска к указанному времени 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков¹⁸. Сущность концепции модернизации РККА основывалась на идее о том, что гражданские производства должны быть устроены так, чтобы в случае войны

оказаться легко приспособляемы к стремительному переходу на военные рельсы. Подобная «ассимиляция производства», основывалась на том, что военные производственные мощности в мирное время частично занимались выпуском мирной продукции, а гражданские производства, и в мирное время, частично специализировались на производстве продукции военного потребления¹⁹. В результате, во-первых, обеспечивалась их взаимозаменяемость и взаимодополняемость, а во-вторых, в случае необходимости, путем не слишком больших дополнительных затрат и организационно-технических усилий, все эти предприятия могли в короткие сроки обеспечить многократное наращивание объемов выпуска военной продукции. Способность страны к быстрой мобилизации своих промышленно-экономических ресурсов и переводу гражданской промышленности на военные нужды²⁰ рассматривалась в рамках этой программы как один из основных показателей ее военной мощи²¹.

По существу, был поставлен вопрос о кардинальном изменении основ советского ВПК, о новых принципах его структурирования. «Ассимиляция производства» заключалась в том, что для реализации массового выпуска, например, танков в условиях военного времени, не нужно было строить новых заводов. Военное производство могло и должно было базироваться в основном на гражданской промышленности. Это предложение основывалось на очевидной констатации того факта, что военная продукция — это изделия массового производства, требующие высокой точности и технологичности изготовления. А как показал опыт Первой мировой войны, освоение их производства, даже на приспособленных для этого заводах гражданской промышленности, занимает 1–2 года. Следующий из этого вывод заключался в том, что все основные виды военного производства должны быть в постоянной отработке — гражданская промышленность должна иметь постоянную военную компоненту, но, при этом, не обязательно готового вида (за исключением военных изделий так называемой 3-й группы: предметов электротехнического, железнодорожного, понтонного, интендантского имущества, средств связи и маскировки, инженерного инструмента и т. п.). В результате, на различных гражданских заводах изготавливались отдельные военные «полуфабрикаты»: порох, гильза, корпус снаряда, капсюль, взрыватель, дистанционная трубка, тротильный заряд. Они не образовывали «готового изделия» — «выстрел» (также, например, как изготовленные по отдельности: орудийное тело, лафет, передок, оптические приборы, и проч. не образовывали «готового изделия» — «систему орудийного огня»). Только после сборки на специализированном объекте военно-промышленного комплекса, все эти компоненты превращались в законченное «военное изделие». Таким образом, военно-гражданский промышленный комплекс включал: а) находящуюся в постоянном функционировании систему гражданско-военных производств, б) систему специализированных военных производств, в) систему специальных военных производств, обеспечивающих технологически слаженную и календарно согласованную процедуру сборки-изготовления готовой военной продукции, г) систему специализированных конструкторских и проектных военно-производственных бюро и т. п. Все это, в свою очередь, предполагало наличие постоянного кадрового состава, материально-технологического комплекса и научного потенциала для разработки и освоения новых видов вооружений.

Мощным доводом в пользу идеи ассимилированного производства была и убежденность²² в том, что, в частности, танки могут легко создаваться на базе

дооборудованных бронированных тракторов, которые могут заменять идущие во 2-х и 3-х эшелонах тихоходные танки. Программа строительства гражданских заводов получала, в итоге, совершенно особое «военно-промышленное» качество и приобретала дополнительные требования. Задачи же, поставленные перед государственной системой проектного дела в отношении гражданских заводов и поселений при них, превращались в стратегические, имевшие отношение, фактически, ко всей «тяжелой» гражданской промышленности.

Начиная с 1930-х гг. в рамках военно-промышленного комплекса формируются не только специализированные военные научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, лаборатории, но и проектные институты промышленных наркоматов. Они обеспечивали разработку проектной документации не только для военных предприятий, но и для поселений при них, и выполняли огромный объем работ по возведению новых рабочих поселков при строящихся промышленных предприятиях. Эта работа выполнялась наркоматами — производителями военной продукции, объединенными с 1932 г. в составе Наркомтяжпрома.

Подобный взгляд на историю отечественной архитектуры может сильно изменить устоявшиеся представления о реальных масштабах градостроительной деятельности, именно с теневой ее стороны. В советско-российской, да и в западной специальной литературе, показатели объема «военно-промышленного» освоения территорий сильно занижены в сравнении с показателями освоения территории «гражданской промышленности». Какое количество поселений проектировалось и возводилось в системе ВПК? Отличались ли эти проекты и, в конечном счете, эти поселения от создававшихся в стенах гражданских проектных организаций? Существовали ли какие-либо специфические нормы проектирования гражданских объектов, нормы для деятельности негражданских проектных институтов? Список этих проектных институтов, содержание их градостроительной деятельности, численность кадрового состава архитекторов-проектировщиков, особенности постановки и решения архитектурно-градостроительных задач — слагают еще один из неизученных на сегодняшний день фрагментов истории отечественной системы проектного дела. Такими же нераскрытыми остаются структура и объемы военно-промышленного производства²³, а они могут дать ответ на вопрос о структуре и величине новых рабочих поселений 1920–1930-е гг., о пропорциях между «официальным» и «неофициальным» градостроительством.

«Неофициальное», тайное градостроительство также неразрывно смыкается и с функционированием ГУЛАГа. От кого исходила целенаправленная политика организации новых промышленных производств на базе концентрационных лагерей силами заключенных (приведшая, в конечном счете, к необходимости планового пополнения системы гугаговского строительства все новой и новой бесплатной рабочей силой)²⁴.

Изучение огромного, практически не вскрытого, исторического материала о реальных процессах возведения соцгородов, градообразующих предприятий и инфраструктуры подле них силами заключенных, позволит осветить одну из самых загадочных тем в истории Советского Союза — градостроительство ГУЛАГа. Какой процент подневольной рабочей силы использовался для строительства новых поселений? Какой состав и объем работ выполнялся заключенными? Как влияло на планировочную структуру соцгородов размещение на их территории пунктов

содержания заключенных, учитывалось ли и планировалось ли это размещение в разрабатывавшихся генеральных планах городов (или проектировщики о нем не подозревали) и т. п. ?

В рамках «официального» градостроительства широко известны объемы капиталовложений в первенцев первой пятилетки — заводы-гиганты; много сведений опубликовано о строительстве транспортных артерий — железных дорог, каналов; о возведении системы электрических станций — плотин на огромных реках. При этом совершенно неясным остается вопрос об объемах средств, направлявшихся на жилищное строительство. В силу каких причин строительство жилищ хронически отставало, принуждая людей долгое время ютиться в спертых товарных вагонах, засыпных палатках, шалашах, бараках, землянках? Неясным остается вопрос о расселенческом обеспечении этих строительных программ — как изначально планировалось размещение строителей и их семей, как определялась их дальнейшая судьба? Какие условия быта закладывались в проекты жилых поселений при новостройках? Как на стадии проекта дифференцировалась жилая среда в зависимости от квалификационного, служебного, административно-управленческого статуса людей, занятых на производстве?

Всем известны Беломоро-Балтийский и Волго-Донской каналы — образцы принудительного осуществления планов индустриализации. Но абсолютно ничего неизвестно о том, какая инфраструктура (транспортная, жилая, хозяйственная и т. п.) создавалась вокруг них: на основе каких проектов она формировалась и кто разрабатывал эти проекты? Какое структурное изменение в характере освоения территорий предполагалось (и реально происходило) в результате возведение производственных и транспортных объектов первой пятилетки, какие идеи преобразования изначально пустующих территорий клялись в основу стратегии возведения на них индустриальных объектов? Кто давал проектные задания, в каком виде? Кто предписывал, где и какие промышленные (инженерно-технические) сооружения следует возводить, кто персонально определял (или в рамках каких коллективов это прорабатывалось) объемы жилья различных типов, составы объектов обслуживания, плотность размещения сооружений на территории? Кто все это придумывал, прогнозировал, проектировал. Это тоже «неофициальное» градостроительство.

Сегодня мы знаем, что всего лишь одна советская проектная организация под названием Госпроектсрой-1 (созданная специально для освоения и реализации американского поточно-конвейерного способа проектирования промышленных предприятий и массового обучения ему советских архитекторов и инженеров) разработала проекты около 530 (по другим подсчетам — 570) индустриальных объектов первой пятилетки. Но абсолютно не известно, кто проектировал поселения при них (какого типа, по какому планировочному принципу, из каких видов жилищ, с какими составом объектов обслуживания т. п.). Не знаем, были ли они реализованы в соответствии с первоначальным замыслом (хотя знаем, что многие подвергались кардинальной переработке в советских проектных организациях, причем архитекторы, исполнявшие задания по переработке проектов, зачастую, не ведали, зачем это нужно). Какие типы планировочной структур предусматривались в этих проектах?

Сегодня мы знаем о существовании крупной проектной организации, курировавшей проектирование Магнитогорского металлургического, Нижнетагиль-

ского вагоностроительного, Уральского машиностроительного, Кузнецкого и Криворожского металлургических, Златоустовского, Красноуральского медеплавильных комбинатов и других «военно-гражданских» заводов первой пятилетки. Это Гипромез²⁵, в проектное бюро которого входил сектор промышленных городов и поселков. Какую роль играл этот сектор в проектировании поселений при промышленных предприятиях? Как осуществлялся контроль над содержанием деятельности этого сектора? Какую роль в утверждении разработанных институтом проектов играл Совет Гипромеза (в составе 21 члена), пользовавшийся правом решающего голоса? Какую роль призваны были исполнять специалисты, назначенные на введенную в начале 1930-х гг. должность «главный инженер проектов», при которых в период первой пятилетки состояла группа иностранных консультантов? Какую роль играла «экономико-бытовая группа» — одна из двух групп сектора промышленных городов и поселков? Какие задачи выполняла архитектурно-планировочная группа (входившая в сектор наряду с «экономико-бытовой»)?

А ведь все эти вопросы приложимы к любой из советских проектных организаций. Как вообще было устроено и как функционировало особое проектное учреждение — «проектный институт», который был единицей огромной государственной системы массового проектного дела в СССР — явление, сходного с которым не было в мировой практике?

Именно с этой, совершенно не раскрытой страницей истории советской архитектуры и градостроительства²⁶, связан еще один массив вопросов о том, какую роль сыграла государственная организация системы массового градостроительного проектирования в СССР в период подготовки и осуществления индустриализации. Известно, что, начиная с 1926 г., в СССР интенсивно и целенаправленно создается структура проектных организаций государственного подчинения, основанная на превращении архитектора из творческой личности в дисциплинированного, послушного государственного служащего, призванного и готового безропотно осуществлять поточное проектирование военных и гражданских объектов. Известно, что к 1930 г. советское правительство своими постановлениями совершенно официально (де юре) запрещает всякую частную проектную практику²⁷ (а еще раньше — исключает ее возможность де факто). Известно, что в этот период проектное дело встраивается в формируемую иерархическую структуру административно-командного подчинения. Но абсолютно неизвестно, кто из архитекторов формировал эту структуру? Кто занимал в ней командные посты? Кто конкретно осуществлял организацию массовой коллективной архитектурной (градостроительной) проектной деятельности, обеспечивавшей проектной документацией гигантские строительные программы первой пятилетки? Кто готовил эту организационную реформу?²⁸ А ведь иностранный опыт организации проектных работ (прежде всего, немецкая и американская формы организации проектного дела — групповые и бригадные формы работы, вид проектной документации, степень унификации и стандартизации и т. п.) становится в конце 1920-х гг. объектом пристального внимания и серьезного изучения со стороны советской власти. Он исследуется специально уполномоченными для этой работы представителями советской архитектурной элиты, направляющимися в производственные командировки в США и Германию. В 1927–1928 гг. в Германии побывали — А. Розенберг, Н. Волков, Эль Лисицкий, Н. Богданов, А. Бу-

ров, Г. Вольфензон, В. Углов, Д. Аранович, В. Бабуров, И. Маца и др. В 1929 г. в Австрию, Венгрию, Чехословакию, Италию Германию с целью изучения планировки и архитектуры городов был командирован Г. Б. Красин²⁹ и т. п.

«Неофициальное», тайное градостроительство тесно смыкается и с деятельностью НКВД. Начиная с 1921 г. высшая власть уполномочивает Главное управление коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД) исполнять роль единственного распорядителя государственной недвижимости. На него возлагается попечение обо всех работах по градостроительному проектированию, а также заведование возведением и эксплуатацией жилого фонда существующих городов и инфраструктурой населенных мест городского типа. Ему же поручается проектирование новых населенных мест, а также формирование методологии градостроительного проектирования, разработка норм, определение принципов проектирования населенных мест социально нового вида — советских рабочих поселков, а затем социалистических городов. А поскольку никаких иных форм собственности на жилище, кроме государственной, в СССР, фактически, не существует, постольку ГУКХ НКВД выступает единственным «субъектом» владения и распоряжения городской недвижимостью. В СССР кооперативная, частная, коллективная формы возведения и эксплуатации жилищ кардинально отличались (в отношении прав собственности и распоряжения) от своих западных аналогов. Проведенная автором данного исследовательского проекта предварительная проработка этого вопроса, позволяет обоснованно утверждать, что государство было единственным полномочным «хозяином» всей городской недвижимости и единственным официальным застройщиком новой³⁰.

Сколько и каких проектных мастерских было в составе ГУКХ НКВД (и других подразделений НКВД, осуществлявших градостроительное проектирование)? Проекты каких городов они создали? Какие нормы градостроительного проектирования и исходя из каких принципов разработали? Проектировали ли они поселения при новых военно-промышленных предприятиях (или этим занимались так называемые «шарашки» в системе ГУЛАГа)? Кто разрабатывал типовые проекты лагерей для заключенных, кто осуществлял «привязку» их по месту в границах генпланов будущих городов?³¹ Деятельность каких проектных организаций никогда не освещалась в открытой печати и почему — чем они занимались?

Как согласовывалась деятельность гражданских и ведомственных (не находившихся в ведении НКВД) проектных организаций? Каким образом происходило согласование решений по размещению промышленных предприятий, трудовых лагерей и поселений для вольнонаемных? И какова, в этой связи, была процедура исполнения градостроительных работ (кто и по какому признаку указывал на места расположения новых производств и задавал, тем самым, места проектирования поселений, какой вид проектирования являлся первоочередным — промышленное проектирование или проектирование населенного места? В какой форме перемещалась проектная информация от ведомственного к гражданскому проектированию и наоборот? Или она так и оставалась в области секретного — «неофициального»?

«Неофициальное» градостроительство поддерживалось принудительными миграционными мероприятиями — именно таким образом обеспечивалась поставка трудовых ресурсов, необходимых для возведения новых промобъектов и поселений при них на Севере, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке,

в Казахстане и др. местах? Рассмотрение содержания разработанной в рамках Госплана СССР концепции социалистического расселения со стороны ее экономических и геополитических интересов, воплотившихся в сталинской стратегии производственного освоения территорий и индустриального развития страны; изучение механизмов перемещения в нужном направлении (в места сырьевого, индустриального и транспортного освоения территорий) и в требуемом количестве трудоспособного населения, остается одной из до сих пор не исследованных глав отечественной истории.

Заметим, что принудительные миграции, если и изучались историками и исследователями-крестьяноведами, то лишь в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. Но никогда не рассматривались в связи с концепцией соцрасселения как инструмент планового и заранее рассчитанного формирования трудовых ресурсов соцпоселков и соцгородов. Коллективизация, фактически, никогда не выступала предметом изучения в контексте индустриализации, как процесс целенаправленного превращения репрессированного крестьянства в универсальную рабочую силу с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда — в промышленность, строительство, лесозаготовки, золотодобычу, добычу других природных ископаемых и проч.³²

Изучение механизма и объемов принудительного перемещения рабочей силы в процессе коллективизации, механизма принудительного закрепления населения после отбытия срока заключения в колонизируемых местах; исследование принципов и характера возведения гражданских поселений заключенными, а также выявление структуры мест размещения труд- и спецпоселений и лагерей, может не только дать ответ на вопрос о структуре и величине новых рабочих поселений 1920–1930-х гг., возникавших в зонах принудительного освоения территорий; но и способно раскрыть реальное содержание градостроительных программ, осуществлявшихся в СССР сталинским руководством.

Подобная постановка вопроса потребует: а) изучения характера принудительных миграций населения к местам индустриального, сырьевого и инженерного освоения территорий; б) изучения принципов территориального размещения системы сталинских трудовых и концентрационных лагерей с выявлением характера изначально планируемого и реально происходившего освоения территории, зачастую начинающегося с размещения лагпунктов и возведения силами заключенных производственных объектов, объектов инфраструктуры и транспортных коммуникаций, а уже потом приводящего к возникновению на данных территориях гражданских поселений; в) исследования реального процесса расселения и «оживления» территорий.

Вопрос, ответ на который не дает ни одна книга воспоминаний, ни одно партийно-правительственное постановление, ни одно научное исследование — зачем советское руководство в конце 1930-х – начале 1940-х гг. активно привлекало в СССР зарубежных архитекторов? Какие надежды на них возлагало, какие цели перед ними ставило?

В 1929–1932 гг. в СССР по договорам и контрактам приехало архитекторов (не считая инженеров) менее 100 чел.: немцы, американцы, швейцарцы, голландцы, англичане, венгры, чехи и др.

На что могли повлиять эти 100 человек, которые были буквально каплей в море собственных архитекторов — в 1928–1929 гг. в Москве насчитывалось около

10 000; в Ленинграде — 9 000 (40 проектных организаций); в Харькове — 5 500 проектировщиков³³. К этому времени советские вузы уже больше пяти лет выпускали архитекторов и практически никто из них не сидел без работы. Кроме того, промышленное проектирование (на которое, в основном, приглашались западные архитекторы), велось, зачастую, усилиями инженеров без участия архитекторов вообще. От градостроительного проектирования, к которому также привлекались иностранные архитекторы, власть требовала поиска инновационных подходов и решений, учитывающих особенности страны победившего социализма (к такому иностранные архитекторы не были готовы). А вопросы расселения и районной планировки решались в основном политиками и экономгеографами. Мнение архитекторов в этих вопросах существенного значения не имело. Какую реальную пользу могли принести эти 100 иностранных архитекторов?³⁴

Следует заметить, что советская власть приглашала западных архитекторов в очень специфическую ситуацию — она требовала от них забыть о частном проектировании³⁵ (в рамках которого они до сих пор работали), предлагая устраиваться на работу в советские проектные организации и вписываться в государственную систему проектного дела, усиленно формируемую в данный период. А это означало — отсутствие привычных для частной практики персональных контрактов на работы и, как следствие, фактическое отсутствие оговоренных заранее условий труда — сроков, заработной платы, гарантий социального обеспечения, гарантий представления требуемой информации и технического обеспечения, правил внутриколлективных взаимоотношений и проч. Конрад Пюшель — один из молодых архитекторов, недавних студентов-выпускников Баухауза, приехавших вслед за Ханнесом Майером³⁶ в Москву, вспоминал о том, что для него и других архитекторов до последнего момента оставалось загадкой то, в каких именно отношениях они находились с работодателем. Договоров на работу они сами не заключали, а Ханнес Майер (в бригаде которого К. Пюшель работал) все вопросы на эту тему отметал как провокационные³⁷.

Мы знаем, что участие зарубежных архитекторов в выработке гигантского объема проектной документации, требуемого в ходе индустриализации, шло двумя мощными потоками: а) в виде заказов, размещаемых в других странах и выполнявшихся иностранными фирмами; б) в форме непосредственной проектной деятельности иностранных архитекторов, приехавших в СССР.

Зарубежными проектными организациями в период 1928–1929 гг. выполнялся значительный объем проектных работ (и самостоятельно, и совместно с отечественными проектстройорганизациями). Он составлял 12,5 % от общего количества проектов, выполненных в этот период по стране в целом. Причем этот объем расширялся — из 45 проектов, выполняемых в 1928–1929 гг., 15 являлись завершаемыми и 30 вновь начинаемыми. Из них зарубежные фирмы проектировали все объекты (100 %) по искусственному волокну, половину (50 %) по химической промышленности, половину заводов (шесть из двенадцати) по черной металлургии, почти треть проектов (30 %) по сахарной промышленности, 80 % проектов по горнорудной промышленности, один — по машиностроению (но какой — Сталинградский тракторный завод!)³⁸, 7 % по текстильной промышленности, 18 % проектных работ в каменноугольной промышленности и т. п.³⁹

Но эти субподрядные иностранные проектные фирмы очень сильно раздражали власть. Причина заключалась, прежде всего, в организационных трудностях

самого субподряда, в котором одной из серьезных проблем являлась недостаточная проработанность задания на проектирование. Причиной этого оказывалась неполнота исходных данных, их необоснованность, а следствием — необходимость изменения почти готовой проектной документации. Так, например, на строительстве Новостали в строительном сезоне 1929/1930 г. задания менялись по 2, 3 и 4 раза⁴⁰, и даже после того, как проектная документация была изготовлена и отправлена на стройку. Это приводило к значительным дополнительным работам не только по изменению проектной документации, но и к переделкам уже построенных зданий⁴¹. И если в отечественной проектной конторе, подчиненной тресту ВСНХ, переделка и корректировка проектной документации выполнялась по приказу, безропотно, то в иностранной фирме любые изменения были связаны с пересмотром соответствующих позиций договора, дополнительной оплатой, необходимостью давать ответы на возникающие тут же вопросы, потерями времени на переписку⁴² и т. д. и т. п.

Кроме того, внеплановое внезапное изменение сроков строительства (подчас, по вполне объективным причинам — вследствие изменения или уточнения плановыми органами объемов и направленности капитальных вложений), приводило к тому, что проектные организации заказами загружались в спешном, а порой, почти авральном порядке⁴³. В отношении зависимых проектировщиков, подчиненных отечественным проектным организациям, такое было вполне возможным. В отношении же независимых иностранных фирм подобное не проходило — они либо совсем отказывались от выполнения «горящих» заказов, либо выставляли неприемлемые финансовые условия. Принудить их, в отличие от отечественных проектных организаций, было нельзя.

Каково соотношение изготовленных проектов и согласованных проектов, и какой процент согласованных проектов пошел в практическую реализацию? Какова степень реализуемости проектов в условиях, когда генплан, формально являясь законодательным и регулирующим документом, в реальности оказывался постоянно приносим в жертву стратегическому приоритету — интересам промышленности и сиюминутным задачам заселения территории? В какой степени официальная статистика об обеспеченности строительства проектной документацией способна отразить состояние дел в градостроительном (или промышленном) проектировании?

Сыграли ли иностранные фирмы какую-либо роль в истории советской архитектуры? Смогли ли они привнести что-либо новое в повседневную практику изготовления советскими проектными организациями проектно-сметной документации? Способны ли были они вложить в процесс советской индустриализации истинно европейский порядок и дисциплину труда? Не потому ли отказались от услуг иностранных проектировщиков, что руководству ВСНХ гораздо легче было и в организационно-управленческом, и в финансовом, и в содержательном планах, управлять собственными подчиненными структурами, нежели погружаться в детальное и скрупулезное составление договоров с иностранными подрядчиками, предварительно продумывая, учитывая и прописывая все возможные нюансы, условия и содержание проектного задания (и, фактически, отказывая себе тем самым в возможности что-либо менять в ходе работ)?

Второй мощный поток — непосредственный приезд иностранных архитекторов в СССР. Они стремились сюда потому, что родина победившего социализма

казалась им страной архитектурного будущего, страной нового градостроительства. Отмена частной собственности на землю воспринималась как предпосылка реализации заветной мечты — возможности планировать современные города, не оглядываясь на границы частных участков. Многие на Западе видели в авангардной советской архитектуре, в частности, в советском конструктивизме, новый путь развития мировой архитектуры, а конструктивизм считался чуть ли ни официальным советским государственным архитектурным стилем.

Кто из высшего руководства страны принимал решение о приглашении Б. Таута, Х. Майера, М. Канна⁴⁴ или, например, группы Э. Мая? С какими целями? Кто курировал его деятельность? Кто принимал решения о передаче Э. Маю проектных работ, которые, заметим, до его приезда вполне успешно выполнялись советскими проектными организациями. Так, например, проектирование соцгорода Магнитогорска было начато постановлением СНК РСФСР № 5 от 11 ноября 1929 г. «О строительстве Магнитогорского комбината и рабочего поселка при нем». 18 декабря 1929 г. была утверждена программа проектного конкурса, и в начале марта 1930 г. жюри были рассмотрены проекты планировки, на основе которых Госпроекту было поручено разработать проект планировки города Магнитогорска. 17 сентября 1930 г. разработка проекта планировки перешла к Магнитострою, который передал все проектные работы Гипрогору НКВД РСФСР. 19 октября 1930 г. разработанный Гипрогором проект докладывался автором — архитектором С. Чернышевым в Коммунистической Академии. Сразу после этого Гипрогор вынужден был приступить к разработке нового проекта планировки в связи с переносом очистительных прудов на новое место, что выяснилось лишь в середине октября. Эта работа совпала по времени с поездкой комиссии в составе представителей Восток-Стали, Магнитостроя, Гипрогора, архитектора Э. Мая и других экспертов на место строительства соцгорода, в ходе которой Магнитострой предложил Э. Маю разработать свой вариант проекта, параллельно с Гипрогором. Разработка Гипрогором нового проекта была начала 10 ноября, одновременно с разработкой проекта Э. Маею, и закончена 25 ноября, также одновременно с окончанием проекта группой Э. Мая. Для рассмотрения проектов СНК СССР была создана специальная Комиссия. Входящие в состав комиссии эксперты — как пишет в своей докладной записке в СНК РСФСР народный комиссар НКВД РСФСР В. Н. Толмачев — вынесли единодушное решение принять проект Гипрогора, как «наиболее отвечающий нашим условиям»⁴⁵. Но, несмотря на это, 10 декабря 1930 г. Правительственная Комиссия приняла решение передать все проектно-планировочные работы архитектору Э. Маю⁴⁶. Кто способен был определять принятие подобных решений? Кто лично в ЦК ВКП(б), в правительстве СССР, в руководстве ВСНХ и НКТП курировал эти процессы?

Западные архитекторы, работавшие в СССР, как и иностранные фирмы, ведущие проектирование из-за рубежа, плохо вписывались в формирующийся порядок осуществления проектных работ в рамках государственной системы проектного дела, плохо включались в трудовой порядок проектной деятельности. Они, даже находясь непосредственно в штате проектной организации, не понимали, почему меняются исходные проектные задания, и, в случае вынужденных переделок уже готовой документации (произошедших из-за изменений проектных заданий, т. е. не по их вине), просили пересмотреть объемы и сроки проектной работы и величину оплаты.

Сыграли ли они какую-либо роль в изменении траектории развития советской архитектуры? Или их участие в проектных работах в СССР было сплошным разочарованием с обеих сторон? Как они относились к необходимости проектировать коммунальные квартиры, бараки, общежития, дома-коммуны, возводившиеся в новостройках «соцгородов»? Понимали ли они истинные цели жилищной и градостроительной политики советской власти?

Часто звучащие слова о том, что советская история, и, в том числе история советской архитектуры и градостроительства, до сих пор остается белым пятном, увы, близки к истине. Погружение в фактический материал не столько дает ответы, сколько ставит все новые и новые вопросы и заставляет пересматривать, казалось бы, непоколебимые истины, которые на поверку оказываются ничем иным, как давно сформированными и хорошо укорененными мифами.

Примечания

- 1 Термин «неофициальное градостроительство» предложен Dr. D. Chmelnizki. В беседах с ним намечены основные проблемные фокусы данной статьи.
- 2 Одно лишь заседание, прошедшее в мае 1930 г. в Комакадемии ЦК ВКП(б), привлекло более чем тысячную аудиторию.
- 3 О работе по перестройке быта см.: Постановление ЦК ВКП(б)/КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 118–119.
- 4 *Меерович М. Г.* С точностью до наоборот: советская градостроительная политика, как «другая» // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы I межвузовский научной конференции. Москва. 14–16 апреля, 2005 г. / Под ред. Д. В. Васильева. М., 2005. С. 148–153.; *Он же.* От города-сада к социалистическому поселку-саду. Государственная градостроительная политика в СССР в начале–середине 1920-х гг. // Проект-Байкал. 2006. № 7. С. XXX–XXXIX.
- 5 Идея рабочего поселения-сада в ее приложении к существовавшим в послереволюционный период условиям СССР, рассматривается в трудах: *Бархин Б. Г.* Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. 86 с.; *Виленц-Горовиц Е. В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., Б. г. Отдельный оттиск. 20 с.; Деятельность Строительного Совета при Главном торфяном комитете за период 17 июня — 1 октября 1918 г. // Бюллетени Главного торфяного комитета отдела Топлива ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 39–44; *Иванов В. Ф.* Города-сады и поселки для рабочих. Планировка, водоснабжение, канализация. Л., 1925. 72 с.; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924. 80 с.; *Марковников Н.* Многоэтажные дома или коттеджи? // Справочник по жилищному строительству М., 1926. С. 83–93.
- 6 В частности, главной задачей созданной весной 1918 г., фактически, первой государственной проектной организации — Архитектурно-художественной мастерской Строительного отдела Московского Совета РК и КД, которую возглавили И. В. Жолтовский и А. В. Щусев, было «распределение территории г. Москвы на фабричные районы, сады-города...». Аналогичную задачу по превращению г. Петрограда и малых городов губернии в города-сады практически, в тот же период, выдвигает и Архитектурная мастерская по урегулированию плана г. Петрограда и его окраин.
- 7 *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2 кн. / Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001. С. 61.
- 8 Там же.
- 9 См.: *Алешин В. Э.* Развитие представлений о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920 — начале 1930-х годов: Дисс. ... канд. арх. К., 1987. 242 с.; *Астафьева-Другач М. И.* Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: Дисс. ... канд. арх. М., 1971. 267 с.; *Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М., 2000. 378 с.; *Хазанова В. Э.* Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения. М., 1996. 80 с.; *Она же.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. 216 с.; *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: В 2-х кн. / Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001. 712 с.

- 10 *Хазанова В. Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980.
- 11 *Хан-Магомедов С. О.* Указ. соч.
- 12 См.: *Бородкин Л. И., Максимов С. В.* Крестьянские миграции в России/СССР в первой половине четверти XX века. (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–142; *Бугай Н. Ф.* 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175–185; *Земсков В. Н.* Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147; *Красильников С. А.* Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. 228 с.; *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в довоенные годы социалистического строительства: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 40с.; *Суворова Л. Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4. С. 48–59.
- 13 См.: *Александров И. Г.* Восстановление производства в России. М., 1924. 21с.; *Он же.* Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов // Первая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. Вып. IV. М.; Л., 1931. 24 с.; *Он же.* Районирование как основа построения Народного Хозяйства // Власть Советов. 1923. № 3 С. 51–57; *Волков Е. З.* К истории хозяйственного районирования СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 234–239; *Гольденберг Э.* Теория промышленного районирования Альфреда Вебера // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 223–229; *Морозов Н.* Веберовская теория промышленного штандорта и ее критики // Социалистическое хозяйство. Кн. 3. М.; Л., 1927. С. 220–238.
- 14 См.: *Бернштейн-Коган С. В.* К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. С приложением статьи Э. Гольденберга «Теория промышленного районирования Альфреда Вебера». М.; Л., 1925. 38 с.; *Васютин В. Ф.* Состояние и очередные задачи экономической географии // Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 3–23; *Дашковский И.* Рецензия на книгу А. Вебера. Теория размещения промышленности // Хозяйство Украины. 1926. № 11–12; *Детина С.* Закономерности социалистического размещения производительных сил СССР // Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 72–157; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. 271 с.
- 15 См.: *Боровой А. А.* Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. 224 с.; *Коньшева Е. В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества: Челябинск, 2005. 256 с., *Невзгодин И. В.* Идеалы Говарда в градостроительстве Западной Сибири 1920–1930-х гг. 2003. 13 с., рукопись.
- 16 Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Биография профессии. 32 год и другие // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1992. № 1. С. 27–31; *Он же.* Профессия должна иметь биографию // Проект-Сибирь. 2004. № 18. С. 47–51; *Он же.* Соцгород – базовая концепция градостроительной политики в СССР в 1926–1930 гг. // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2005. № 5 (17). С. 203–211.
- 17 Параллельно с этим в недрах военного ведомства вызревает не только доктрина превентивного удара, но и концепция формирования структуры «военно-гражданских» производств, способных буквально в считанные дни перестраиваться на выпуск военной продукции (см. ниже).
- 18 РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17–20.
- 19 *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 5, 95.
- 20 Эта идея выдвигалась и ранее. Так, например, 2 марта 1924 г. в докладе «Об организации военной промышленности», представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО начальником Главного Управления Военной промышленности ВСНХ СССР. П. И. Богдановым и его помощником по военно-техническим вопросам проф. В. С. Михайловым, было высказано предложение обеспечения интересов обороны страны гражданской промышленностью, имеющей заводы, приспособленные для изготовления военных изделий (*Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 38).
- 21 РГВА. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1107. Л. 62.
- 22 Позже быстро развевшаяся.
- 23 В советской историографии аналитическая литература подобного рода весьма малочисленна. В отношении поставленных вопросов можно опереться на материалы монографии Н. С. Симонова. (См.: *Симонов Н. С.* Указ. соч.).

- 24 Истоки этой стратегии следует искать в истории начального этапа существования советского государства — создание в 1918 г. системы концентрационных лагерей, введение всеобщей трудовой повинности, формирование «трудовых армий» — воинских соединений принудительного гражданского труда и т. п.
- 25 11 июля 1930 г. получил, в соответствии с новым уставом, наименование: Государственный институт по проектированию металлургических заводов.
- 26 Единственное исследование, посвященное этой теме, осуществлено И. А. Казусем (*Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): Дисс. ... канд. арх.: в 2-х т. М., 2001. 667 с.*). Оно представляет огромную ценность, так как дает уникальный фактический материал по списку и особенностям эволюции проектных организаций, входивших в общегосударственную систему массового проектного дела в СССР в период 1917–1933 гг.
- 27 Постановление СНК СССР от 23 ноября 1930 г. «О правах заказчиков на изготовленные по их заказам архитектурные, инженерные и иные технические планы, чертежи и рисунки» // СЗ СССР. 1930. № 58. ст. 613. С. 1126.
- 28 На эти вопросы не дает ответа и вышеназванное исследование И. А. Казуся. Оно скорее указывает на фактически закрытую до сих пор область исторической информации, нежели дает исчерпывающие ответы на вопросы, лавинообразно возникающие при столкновении с неизученным материалом.
- 29 *Коккинаки И. В.* Советско-германские архитектурные связи во второй половине 20-х годов // Взаимосвязь русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980, С. 117, 124; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Путеводитель. Вып. 3: Фонды личного происхождения. М., 2001. С. 89.
- 30 *Меерович М. Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Дисс. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.
- 31 Термин «привязка типового проекта», обозначал особый, довольно сложный (и до сих пор, кстати, не описанный исследователями) вид проектной работы, предполагавший применение готового проекта для вторичного использования на конкретном месте с учетом конкретных особенностей этого места (рельефа, климата, характера грунтов, господствующих ветров, наличия местных строительных материалов и т. п.).
- 32 К концу 1930-х гг., в комендатурах ГУЛАГа половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках, а оставшаяся четверть — в сельском хозяйстве. (*Красильников С. А.* Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 65).
- 33 По Ленинграду данные приведены: За индустриализацию. 1932. № 82. С. 3; по Харькову: Будиництво. 1930. № 3–4. С. 101.
- 34 В проектирующих организациях трудилось примерно 7–10 % от всего наличного количества иностранных специалистов. Так, например, в июле 1933 г. из 1989 инособработников, работавших в тяжелой промышленности СССР, в проектирующих организациях (включая и инженеров) трудилось 136 чел., т. е. 7 %. (Справка ИНО НКТП о привлечении иностранной технической помощи в тяжелую промышленность СССР. Декабрь 1933 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Часть 2. М., 1999. С. 252–268). Хотя нет уверенности в том, что этим цифрам можно безоговорочно верить, так как, например, в аналогичной справке, через год подготовленной ИНО НКТП в Бюро жалоб Комиссии советского контроля, приводятся совершенно иные цифры об общей численности иностранных специалистов, работающих на предприятиях Наркомтяжпрома в 1933 г.: «на 1/1–1933 г. — высшего технического персонала — 1 180, среднего — 1 249; рабочих — 4 121, всего — 6 550» (Справка ИНО НКТП в Бюро жалоб Комиссии советского контроля о динамике численности инособработников на предприятиях НКТП. Декабрь 1934 г. // Индустриализация Советского Союза... С. 272–279).
- 35 Неуклонно осуществляемый правительством в период 1928–1930 гг. курс на уменьшение доли частного проектирования привел к сокращению количества проектов, исполняемых в порядке частных заказов (специалистами-профессорами) с 1,5 % в 1928 г. до 0,3 % в 1929 г. А в 1930 г. к окончательному огосударствлению частного проектирования, через запрет заказывать проекты отдельным архитекторам на договорных условиях (СЗ СССР. 1930. № 58. Ст. 613. С. 1126).
- 36 Ханнес Майер — швейцарский архитектор, коммунист, приехавший в СССР в 1930 г., после смещения за крайне левые убеждения с поста директора Баухауза в Дессау; занимал до конца 1931 г. пост одного из главных архитекторов «Гипровтуза», возглавлял в институте «Стандартпроект» разработку ряда градостроительных проектов для Сибири и Дальнего Востока,

- профессор ВАСИ, консультант «Гипрогора», с 1934 г. — член и профессор только что организованной Академии архитектуры (*Konrad Püschel. Wege eines Bauchäuslers. Dessau, 1997; Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. С. 268*).
- 37 *Konrad Püschel. Wege eines Bauchäuslers. Dessau, 1997. S. 56.*
- 38 Что, кстати, составляло почти четверть (22,5 %) от всего объема проектных работ по машиностроению.
- 39 Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. Документы и материалы. М., 1970. С. 111–113.
- 40 Из конъюнктурного обзора Госплана СССР о выполнении народнохозяйственного плана за октябрь 1929 — июнь 1930 г. [не ранее 1 июля 1930 г. (датировано по содержанию)] // Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. С. 134.
- 41 Так в строительном сезоне 1929/1930 г. на Магнитострое вследствие изменений проектов возникла необходимость сноса ряда уже возведенных сооружений (Там же. С. 134–135).
- 42 Из доклада ВСНХ СССР в Совет Труда и Обороны о постановке проектирования в капитальном строительстве промышленности от 18 мая 1929 г. // Там же. С. 118.
- 43 Там же. С. 117.
- 44 Брата Альберта Канна, руководившего в Москве работой группы инженеров фирмы «Альберт Канн Инкорпорейтед».
- 45 [Толмачев В. Н.] В Совет Народных Комиссаров // ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7668. 120 л. Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. II. 2 дек. 1930 — 18 июля 1931. Л. 11–12.
- 46 Там же.

ОБЩЕСТВО: МЕНТАЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

*М. В. Пулькин
Петрозаводск*

«Технология» массового самоубийства: старообрядческие самосожжения в конце XVII — XVIII вв.*

В процессе своего развития старообрядческое движение сформировало, отчасти стихийно, а отчасти и целенаправленно, путем планомерной подготовки, особую группу религиозных лидеров — руководителей самосожжений. Они принимали на себя нелегкую обязанность подготовить все необходимое для самосожжения и «предаться свирепству огненному» вместе с десятками приверженцев. Власти сразу после первых самосожжений пришли к выводу о том, что причиной массовых самоубийств является деятельность преступников — старообрядческих наставников. Отсюда проистекало умозаключение: стоит переловить и уничтожить их, умелых и опасных «водителей на гари», как самосожжения тотчас прекратятся. Об этом свидетельствует грамота царя Алексея Михайловича арзамасскому воеводе Т. Б. Булгакову, предписывающая «кликать по многия торговые дни всем, чтобы всяких чинов люди таких прелесников у себя в домах не держали, и где объявятца, имая ж их, приводили к вам в Арзамас в приказную избу». В случае поимки старообрядческих наставников следовало «сажать в особую тюрьму скованных и велети их беречь накрепко», используя для этой цели наиболее благонадежных людей — стрельцов и пушкарей, «скольким человеком пригож»¹.

На протяжении ряда десятилетий отношение общества к старцам оставалось неизменным. Обобщая накопленный к середине XVIII в. опыт, Синод в совместном с Сенатом указе от 13 мая 1745 г. выдвигал против вожakov самосожигателей расхожие обвинения в обмане своих приверженцев и невежестве: «мнимые от них наставники и сами свое заблуждение разумея, прельщающиеся привременным житием, остаются в окаменении, утверждая прелести свои разными вымыслами и обманы». Самая главная их ложь, по мнению Синода, заключалась в проповеди мнимого мученичества, которое проявлялось «аки-бы за веру толь твердую сожиганием самих себя». Но для себя эти наставники, как полагали в Синоде, явно выбирают более легкий жребий: «над собой оные мнимые наставники раскольнические отнюдь никогда не делают, но только у неразумных временную и вечную жизнь лукавством своим отъемлют». В качестве аргумента приводились ссылки на опыт противостояния самосожигателям: «как и по делам в Святейшем Синоде много явно, что не себе, но оных единых к тому злу приводят». При этом старцами, как утверждалось далее в документе, движут не

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке программы Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество».

духовные, а исключительно корыстные мотивы: «сами не сожигаются и оставшимся имением их богатятся»².

Вопреки распространенному представлению, источники позволяют утверждать, что чаще всего «учители самогубительной смерти» умирали вместе со своими подопечными. На это указывают результаты архивных изысканий. Так, И. Сырцов на основании документов Тобольской духовной консистории пришел к выводу о том, что старцы «большей частью сами горели со своими жертвами»³. С этим выводом стоит согласиться: пути к спасению для всех собиравшихся в «згорелом доме» были отрезаны. К моменту самосожжения предназначенную для «гари» постройку окружали войска, и при попытке спастись «старцев» ожидал арест, пытки и неминуемая казнь. Надеяться на пощаду они не могли. Эти наставники вызвали сильнейшую ненависть как значительной части местного населения, свидетелей «гарей», так и властей.

Одним из первых в числе исследователей причин самосожжений вопрос о лидерстве в среде приверженцев «огненной смерти» поставил известный психиатр И. А. Сикорский. Он полагал, что внутри общины самоубийц всегда возникало «патологическое ядро, состоящее из субъектов наиболее болезненных и односторонних». Под энергичным руководством наставника оно становилось «опасным источником психической заразы»⁴. Если исходить из этого тезиса, то в России XVII в. складывалась опасная ситуация. Церковники были глубоко убеждены в том, что старцы бродят повсюду, заходят в крестьянские дома и подстрекают местных жителей к самосожжению. Так, пономарь Федор Шмаков доносил в 1725 г. Варнаве, архиепископу Холмогорскому и Важскому, что по всему Мезенскому уезду ездят старообрядцы, «для своих безделных корыстей собирают хлеб, <...> сами себя называют святыми, <...> к своей раскольнической прелести привлекают и всячески от святой соборно апостольской церкви простонародных людей отвращают». О проповедниках «знают всяк в своем приходе священники и об них, раскольниках, они, священники, не доносят и укрывают, а паче им раскольникам помогают». Результаты деятельности старообрядческих проповедников (массовые самосожжения и другие формы самоубийств) очевидны. Как говорилось в цитируемом документе, «многия простонародныя люди погибают огнем, сожглись и в воде потопились, и впредь многих прельстят и уловят к своей прелести»⁵. О проповедниках «огненной смерти» упоминают и документы конца XVII в. Так, старообрядческий наставник Тимошка, о котором говорится в царской грамоте новгородскому митрополиту Корнилию, «многих крестьян расколу научил, и от церквей Божиих отлучил, и младенцев крестил, а иных старых и малых вновь перекрещивал». Итогом его деятельности стало массовое бегство за «свейский рубеж» и самосожжение: «в деревне Острове, собрався в овин, сгорело человек с тритцать»⁶.

Несмотря на некоторые экстравагантные черты поведения, старец, особенно на первых порах, не привлекал внимания местной власти. Этому способствовал его внешний вид. Судя по сохранившимся в следственных делах сведениям, облик старца был вполне заурядным. Он казался своим и не вызывал опасений. Не случайно уцелевшие старообрядцы на допросах часто не могли привести никаких особых примет и тем более дать детальное описание внешности своего наставника. Иногда свидетельства, содержащиеся в материалах делопроизводства, излагались курьезным образом. Тюменский крестьянин Сидорко сообщил на

следствии в 1687 г., что видел «двух старцов: один старец без уха, а другой мо- ложе»⁷. Дорожный статус старообрядческого наставника играл важную роль в обретении им позиций лидера. Дорога облегчала обмен эзотерической информацией, а страннику было значительно проще, чем местному жителю, занять положение наставника в крестьянской среде⁸. Эти старцы, «начитанные, даровитые, нравились простому народу, казались истинными учителями, радящими о его спасении»⁹. Таинственность появления старца придавала особое значение его проповеди. Происхождение старообрядческих наставников, вдохновлявших местных жителей на самосожжения, всегда оставалось секретом, как для самих участников массовых самоубийств, так и для следствия.

В показаниях свидетелей старообрядческого самосожжения, произошедшего в 1784 г. в деревне Фофановской Ребольского прихода, записано, что «оному раскольническому сборищу начальником был пришедший в ту деревню на масленой недели неведомо откуда старик, а как ево звали именем, и отчеством и прозванием, не знают». Особые приметы старца никак не могли помочь следствию. В их числе, как утверждали крестьяне, особого внимания заслуживал головной убор: «только имелся на нем серый кафтан, а на голове холщенной серой кукул»¹⁰. Головной убор под названием «кукул» (кукель, т. е. накомарник) использовался карелами во время повседневной работы в лесу, но он же по традиции входил в состав смертной, надеваемой на покойника, одежды¹¹. Но старообрядцев эта разновидность головного убора привлекала, скорее всего, своим сходством с монашеским клобуком.

Важной составляющей деятельности старца, как видно из предыдущего текста, стал поиск сторонников, на которых он в дальнейшем мог опереться при подготовке самосожжения. Некоторые из них впоследствии сами становились старцами — руководителями самосожжений. Источники позволяют утверждать, что процесс подготовки новых наставников для будущих «гарей» стал в конце XVII в. непрерывным и осуществлялся путем случайных знакомств. Самой известной личностью на этой стезе является бывший соловецкий монах Игнатий, который сам возглавил одно из самосожжений, но прежде заставил уйти из Палеостровского монастыря, где готовился ритуальный суицид, своего ученика Емельяна. В изложении старообрядческого историка Ивана Филиппова ситуация выглядела следующим образом. Емельян принял деятельное участие в подготовке самосожжения, собирал сторонников — будущих «насмертников», но перед их гибелью старец Игнатий обратился к нему с такими словами: «Пойди, чадо, и собери себе другое собрание!». Емельян последовал совету старца и спустя небольшое время возглавил второе самосожжение в Палеостровском монастыре¹².

Информация о подготовке «гари», поступающая в местные, а затем и центральные органы власти, никогда не отличалась подробностью. В сообщениях сливались воедино два этапа деятельности «старца»: совершение обрядов и подготовка к самосожжению. Описания этого момента обнаруживаются как в документах делопроизводства, так и в старообрядческих сочинениях. Так, Иван Филиппов, излагая историю самосожжения в Березове Наволоке в конце XVII в., описывает начало деятельности наставника самосожигателей со времени прихода на место будущей «гари». Старец Пимен поселился в Лопских погостах и «приходящих у нему оучаше древлецерковное благочестие добре хранить, а от Никоновых новин веляше опасно хорониться». Затем, покинув свое жилище, он

«ходя по окрестным селам, тоже простираше оучение». Вскоре он завоевал симпатии местных жителей: «людие же видяще его пустынное богорадное жестокое житие и крепкое о благочестии стояние, вельми его любляху»¹³. Итогом деятельности старца стало самосожжение в Березовом Наволоке Шуезерского погоста (1687 г.), в котором приняли участие жители окрестных сел.

Старец и его помощники заботились о сборе как можно большего числа желающих умереть «благочестия ради». Такие всегда находились. Как показывает отписка архиепископа Афанасия, перед самосожжением в верховьях р. Кокшеньги к самосожигателям «приставают Кокшенские чети разных волостей крестьяне и в те леса сходят, и подговаривают у мужей жен и у отцов детей, сыновей и дочерей-девок, и, подговоря, в те ж леса сходят»¹⁴. Перед первым самосожжением в Палеостровском монастыре старец Игнатий послал своего сподвижника Емельяна Повенецкого «с прочими ревнители» для сбора местных жителей, жаждущих смерти в огне: «возвести благоверно пребывающим христианам, дабы хотящие с ним за древнее благочестие огнем сожигатися, шли к нему на собрание». Призыв имел успех: «людие же оуслышавше сие, начаша к нему собиратися, и собрася великое множество благочестивого народа»¹⁵.

Во все времена, пока происходили самосожжения, собравшиеся в «згорелом доме» всецело оказывались во власти старообрядческого наставника. С этого момента он становился беспощадным. Жесткое противостояние самосожигателей властям и одновременно высокое предназначение спасителя заблудших душ освобождало старцев-руководителей «гарей» от обычных человеческих чувств и привязанностей. Перед самосожжением разворачивались душераздирающие сцены борьбы за случайно оказавшихся в центре событий родственников между старообрядческими наставниками и крестьянами, оказавшимися вне стен предназначенной для «згорения» «ызбы». Но старцы, как правило, были непреклонны.

Именно об этом свидетельствует ответ старообрядческого наставника на просьбу крестьянина Евстрата Исаева: «<...> жены в дом не отпущу, а естли хочешь, то ты оставайся здесь с нами Богу молиться, жене же ево ответил: естли ты с мужем своим пойдешь в дом, то руки и ноги ломаем и убьем до смерти и, наконец, устраивая Исаева рогатиною, принудил выйти вон»¹⁶. Такого рода поведение старообрядческих наставников отмечалось и в Сибири. Здесь самосожжения «старцами-жрецами устраивались со всеми предосторожностями так, чтобы ни одна попавшая в их когти жертва не могла выскользнуть»¹⁷. Еще более категорично об этом аспекте самосожжений пишет Д. И. Сапожников: «не все люди соглашались бросаться прямо в объятия смерти», напротив: «сжигали их — наставники их, против их желания»¹⁸. Во время второго самосожжения в Палеостровском монастыре старообрядческий наставник Емельян и его сподвижники «игумена с братьею поневоля, связанных сожгли ж, и сами згорели»¹⁹.

Таким образом, результаты исследования позволяют опровергнуть существующие стереотипы о корыстолюбивых и отказывающихся погибнуть за «древнее благочестие» старцах — наставниках самосожигателей. На старца возлагалась тяжелая и длительная работа: сбор подопечных, организация сообщества добровольных мучеников, строительство «згорелого дома». В разных частях России и в разные исторические периоды наставники самосожигателей использовали устоявшийся круг способов решения всех этих задач и продолжали свою пастырскую деятельность до последних минут, погибая в пламени самосожже-

ний. Одной из предпосылок успеха их начинаний становилось строительство «згорелого дома» — особого помещения, предназначенного для «гари».

«Згорелый дом»

Первые самосожжения происходили в разного рода постройках, наспех приспособленных для новой цели. Например, как явствует из отписки арзамасского воеводы Т. Булгакова, в мае 1675 г. «згорело деревни Коваксы розных помещиков крестьян *в дву овинах* (курсив мой. — М. П.) семдесят три человека»²⁰. По словам духовного писателя конца XVIII в. Андрея Иоаннова, «в Новгородской области многие в могилах живые погребались, и тако живота своего бедного лишались, и в Новгородской области тоже многие тысячи огнем в овинах горели и в лесах, в луговой стороне, в морильных от учителей своих запертые погибали»²¹. В дальнейшем для добровольных аутодафе иногда использовались монастыри, частные дома или пещеры²². Последние в истории самосожжения словно вернулись к истокам: трупы погибших в «гарях» вновь стали находить в лесных избушках, а не в специально возведенных для гибели постройках. Так, погибшие в мае 1860 г. в Каргопольском уезде старообрядцы горели в небольшой постройке, ранее возведенной местными крестьянами для хозяйственных нужд²³.

Расцвет самосожжений в конце XVII — начале XVIII вв. связан с существенными изменениями в их подготовке. Постепенно, по мере становления «технологии» самосожжений, вырабатывались сходные для всех «гарей» способы организации «огненной смерти». Подавляющее большинство самосожжений происходило в специальной постройке, получившей в источниках название «згорелый дом». Прототипом «згорелого дома» стали морильни конца XVII в. — место гибели первых самоубийц «благочестия ради». Об этих помещениях сохранились подробные сведения. Так, один из поволжских старцев имел собственную морильню в Ветлужском лесу. Это было здание без окон и дверей, «куда садимы были постники через потолок». Здание охраняли пять-шесть сторожей с тяжелыми дубинками. Через два дня после лишения пищи несчастные пленники просили у старца пищи, но не получали ее. Через четыре дня они умоляли и «с проклятием требовали утоления голода», через шесть и более дней умирали в страшных мучениях, «проклиная и своих родителей, родивших их для такой страшной смерти»²⁴.

«Згорелый дом», как правило, отличался от обычных жилых построек своими огромными размерами, наличием нескольких (до пяти) комнат и небольшими окнами, через которые нельзя спастись от огня. Масштабы строительства со временем менялись. В конце XVII в. старообрядцы возводили грандиозные фортификационные сооружения, способные выдержать длительную осаду, иногда — окруженные мощными стенами. Затем постепенно в течение следующего столетия «згорелые дома» становились все менее впечатляющими. Причины строительства укреплений видны из труда Ивана Филиппова. По его мнению, единственной целью стало предотвращение внезапного штурма и захвата «насмртников». Так, старообрядцы перед вторым самосожжением в Палеостровском монастыре «подкрепиша около монастыря ограду, чтоб их внезапно не схватили гонители»²⁵.

Аналогичные приготовления к самосожжению имели место в других местностях России. В 1683 г. старообрядцы пришли «в черные дикie леса» на севере Архангельской епархии и «поставили острог, а в нем избы неведомо для какова воровского вымыслу». Штурм этого поселения силами посланного к старообрядцам небольшого отряда оказался невозможен. В свое оправдание перед царями Петром и Иваном не сумевший предотвратить самосожжение Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский, приводил подробное описание старообрядческой фортификации: «У острога ворота, и у них двери утверждены многими запоры. А острог был зделан в толстом лесу, от земли мерою трех сажень мерных, и поделаны были частые бойницы, и наверху бревенные катки, и внутрь острога деланы мосты, и на мостах было многое камень, и поделаны караулные вышки, да внутрь того острога было четыре избы, на них клетки, у ворот изба на подклете, на ней — вышки»²⁶.

В 1685 г. здесь произошло самосожжение: сгорели около 230 человек²⁷.

В течение всего XVIII в. перед «гарью» чаще строились отдельные дома, не предназначенные для длительной обороны. Несомненным доказательством планомерности подготовки к самосожжению стало создание запасов легковоспламеняющихся материалов — пороха, смолы, бересты, соломы. В ряде случаев для самосожжения в лесу возводилось небольшое поселение, которому, вместе с его обитателями, вскоре предстояло погибнуть в пламени. В 1756 г. приняли смерть 172 старообрядца Чаусского острога Гобольской епархии. Для «гари» они выбрали пустое место за деревней Мальцевой, между болотами и озерами. Туда они перенесли из ближайшей деревни четыре избы, две из которых, поставленные рядом, образовали некое подобие храма, в который готовящиеся к смерти собирались для общей молитвы. В подполье каждой избы они собрали солому и сосновые стружки. Дома окружал «стоячий тын», в окна вставлены железные решетки, ворота были постоянно закрыты. На крышах постоянно, день и ночь, стояли четыре человека из числа самосожигателей с заряженными ружьями. В собрание не допускали никого, кроме тех, кто желал умереть²⁸.

Описания «згорелого дома», таким образом, приводят к мысли о том, что в нем находилось все необходимое для длительного противостояния воинскому подразделению и одновременно — для пресечения всех попыток к бегству. Особое значение при строительстве «згорелого дома» и организации самосожжений придавалось «железному утверждению» — замкам и решеткам на окна и двери. Их ковали сами старообрядцы непосредственно перед самосожжением, специально для «згорелого дома». В 1755 г. крестьянин Иван Кондратьев в своих показаниях утверждал: «<...> ко окнам и дверям железные крюки, петли и решетки и прочее железное утверждение на то строение ковал, выходя в Кунозерское раскольничье жилище, записной того ж погоста раскольник Изот Федоров, который с женой Ириною в той избе с прочими людьми погорел»²⁹.

Элементы фортификации иногда сохранялись в облике «згорелого дома» и в XVIII в. Этот вывод подтверждается, кроме приведенных выше, и другими свидетельствами. В доношении Белозерской воеводской канцелярии Правительствующему Сенату, датированном 1754 г., сохранилось следующее описание предназначенной для самосожжения избы: она «имелась о трех жильях, в длину девяти, поперек осми сажень, а в вышину например рядов з двадцать, срубленная из толстого елевого лесу <...> и покрыта вся берестою и сухою дранью

и еловой сухой корой, которой де вскоре никоим образом разрубить и разломать было невозможно, и воды поблизости нет»³⁰. Картину подготовки к самосожжению дополняет описание вооружений, приготовленных для обороны «згорелого дома». В «згорелом доме» почти всегда размещался арсенал, необходимый для предотвращения ареста собравшихся для «добровольной смерти» старообрядцев. В источниках часто упоминается о том, что самосожигатели некоторое время отстреливались от «команд», присланных для «увещания», или угрожали им огнестрельным оружием. В некоторых случаях создание боевых запасов, необходимых для обороны старообрядческого «згорелого дома», происходило непосредственно на месте предстоящего самосожжения. Так, тюменский воевода в 1687 г. сообщал в своей «отписке» царям Ивану и Петру, что близ реки Тегени готовящиеся к самосожжению старообрядцы «завели кузнецов и куют копыя и бердыши», а также создают прочие запасы, необходимые для существования значительного коллектива, весьма быстрым и эффективным способом: «к большой дороге выходят, и людей бьют и грабят, и платье отнимают»³¹.

Самосожжения, таким образом, предстают не как спонтанный акт отчаяния, а как вполне сознательный и продуманный поступок. Для тех, кто искренне уверовал в спасительность самосожжений, «згорелый дом» стал воображаемыми воротами в Царствие Небесное. Но для тех, кто оказался в числе сторонников массового самоубийства по неосторожности или в силу нелепого стечения обстоятельств, он превратился в место пытки огнем и гибели. Смерть уравнивала тех и других, но гибели всегда предшествовала длительная, кропотливая подготовка, которая превращала умирание в искусство, требующее богословских, технических и военных познаний.

Обряды перед самосожжением

Созванные из окрестных деревень приверженцы «древлего благочестия» и невольные жертвы обмана, которые также нередко оказывались среди самосожигателей, становились участниками целой череды длительных и неторопливо совершаемых обрядов. В большинстве случаев, как говорилось выше, старцы-наставники и их подопечные терпеливо дожидались прихода гонителей. «Все это время, — как указывает исследователь сибирского старообрядчества И. Сырцов, — обреченные на смерть люди должны были томиться в небольшом сравнительно здании, переполненном людьми, претерпевая голод и холод»³². Обряды, совершаемые накануне самосожжений, имели своеобразный зловещий игровой характер, как и любая другая ситуация ритуального перехода «от жизни земной к жизни потусторонней»³³. Источники старообрядческого происхождения говорят об этих обрядах предельно подробно. Перед первым самосожжением в Палеостровском монастыре в конце XVII в. находящиеся в нем старообрядцы «последние два дни ни хлеба, ни воды вкушающее, пребыша без сна, кающееся чистым покаянием, готовящиеся на смерть вси единодушно»³⁴.

Основу подготовительных мероприятий составляло, во-первых, перекрещивание водой (предшествующее крещению огнем). Так, в 1730 г. в Каргопольском уезде обнаружили старообрядцы, готовящиеся к самосожжению. Как говорилось в документах Новгородского архиерейского разряда, «все они перекре-

щаются и чинят всякие церковные противности, о которых писанию придать мерзко, а количеством их больше 400 человек, церкви они не имеют, а имеют только по своему суеверию трапезы, где б им сгореть»³⁵. Во-вторых, в показаниях очевидцев отмечена массовая исповедь. Так, один из старообрядцев, спасшихся из «гари» 1756 г. близ сибирского села Каменки, указывал на допросе в Тобольской духовной консистории: «последние минуты жизни посвящались на исповедование грехов, на общую пламенную молитву». При этом наставник, крестьянин Данило Санников, «исповедал поодиночке всех женщин, потом мужчин всех зараз, но никого не приобщал». После этого он ушел, а собравшиеся «стали исповедовать свои грехи друг другу, снова стали на молитву, которая продолжалась до самого начала горения»³⁶. Русские крестьяне и в этот период осознавали, что «человеку нельзя умереть без покаяния»³⁷.

В-третьих, важной составной частью подготовки к самосожжению являлось пострижение в монашество по «раскольничьему» обряду. К XVII в. в России широко распространилась «уверенность в преимуществе монашеской жизни для духовного спасения», что особенно ярко проявилось в «обычае пострижения в монахи или в схиму незадолго до смерти»³⁸. По чистоте души постригающийся становился подобен схимникам или даже ангелам. Подробные сведения о пострижении в монашество, предшествующем «гари», приводит А. Т. Шашков. Он полагает, что имело место как добровольное пострижение с соблюдением всех правил, так и профанация обряда, объясняя возникновение этой традиции «мистерияльной связью» между общинами самосожигателей и Соловецким монастырем, ставшим в конце XVII в. на краткое время оплотом «древлеправославной веры»³⁹.

Вполне возможно, что подготовительные обряды были более сложны, чем их описания, дошедшие до нас в случайных отрывках. Судить о происходящем в «згорелых домах» мы можем на основании документов, составленных руководителями «команд», посланных для «увещевания» старообрядцев, а также рапортов прочих сторонних наблюдателей. Так, например, судя по доношению в Сенат старосты Кимежской волости Каргопольского уезда, для самосожжения в 1765 г. было привезено из Чаженгского старообрядческого поселения «в грамоте умеющих для пения дватцать девок»⁴⁰. Подробности совершаемых с их участием обрядов неизвестны. Вероятно, что они принимали самое активное участие в ритуалах, предшествующих самосожжению.

Материалы следственных дел о самосожжениях подтверждают парадоксальный вывод французского социолога Э. Дюркгейма: «В известном смысле, бедность предохраняет от самоубийства»⁴¹. Погибавшие во время «гарей» люди отнюдь не принадлежали к беднейшим слоям общества, ими двигало не отчаяние, не «социальный протест», а совершенно другие мотивы. По данным следствия по делу о самосожжении, обнаруженным И. А. Черняковой, обитатели 15 дворов, добровольно принявших смерть в лесу вблизи деревни Насоновской Андомского погоста, «имели очень хорошо организованные и обустроенные дворы, в которых было все необходимое для жизни крестьянской семьи». Недалеко от этой деревни в лесу сохранилось пристанище, в котором крестьяне могли укрыться, а при необходимости — выдержать осаду. В нем имелись запасы, позволяющие жить «в течение длительного времени без контактов с внешним миром»⁴².

По мнению старообрядцев-участников самосожжения, от установившейся в России власти Антихриста надлежало спасти не только как можно большее число

людей, но и наиболее почитаемые, древние предметы церковного обихода. Разумеется, захват значительного количества ценного церковного имущества был возможен только в тех случаях, когда за старообрядцами оставался колоссальный численный перевес, и они могли свободно грабить приходские церкви. Первые сведения о гибели икон, книг и прочих церковных предметов относятся к концу XVII в. и обобщены авторами «Жалобницы». По их словам, перед самосожжением в Палеострове старообрядческий наставник Игнатий, «взяв множество книг и чудотворныя иконы, и прочия церковныя вещи, и ту пожгоша сами себе вси от мала до велика их, и иконы же, и книги, и церковь пожгоша»⁴³.

Наиболее подробные сведения о захвате и уничтожении церковного имущества старообрядцами-самосожигателями относятся к 1693 г. и связаны с Пудожской «гарью». В июле этого года царям Ивану и Петру Алексеевичам обратились священники церкви Пудожского погоста, которые сообщили, что к ним «пришли силно <...> расколники незнаемые люди», захватили и переосветили по-своему храм, ограбили и выгнали из погоста местных священников. Попытки прибегнуть к помощи земского старосты С. Л. Журавицкого не принесли успеха: он по неизвестным причинам «от таких воров обороны и помощи никакия не учинил и нам отказал»⁴⁴. Царский указ предписывал собрать все имеющиеся силы, привлечь старост с понятыми, стрельцов и «обступить» старообрядцев, оберегаясь при этом, «чтоб они, воры, <...> какого дурна не учинили». В дальнейшем предполагалось «чинить о поимке над ними промысел», схватить их и «привести к роспросу и для свидетельства на Олонец». Особое внимание обращалось на возможное самосожжение: «жечься им, ворами, отнюдь не давать»⁴⁵. В том случае, если старообрядцы окажутся слишком многочисленными, предполагалось приступить к осаде старообрядческого поселения по всем правилам военной науки, словно речь шла о вражеской крепости: «вам бы с стрельцами и с понятыми людьми <...> стоять около того их пристанища денно и ночью, со всяким остергательством, ратным строем».

Однако стрельцов ожидал организованный отпор. Оказалось, что старообрядцы тщательно готовились к предстоящей обороне и близкой смерти. Как доносили стрельцы, «живут пудожана все в опасении, и караулы у них есть многие». Многие из пудожских старообрядцев поселились в деревне Строкиной, в четырех избах, и готовились к самосожжению. Но перед гибелью, ощущая временное превосходство в силах, они вломились в пудожские церкви Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца, «и кресты, которые на церквях на главах, и в церквях святые иконы водою обмывали». После этого старообрядцы совершили крестный ход: «взяв кресты запрестольные и иконы, около тех церквей ходили, и своим воровским умыслом воду святили». Потом наступил черед перекрещивания: «советников своих и прелестников в воде купали». В церквях совершались богослужения по старинным правилам, которые все готовящиеся к смерти старообрядцы дисциплинированно посещали: «в те церкви, строем с ружьем, приходили, и заутрени и вечерни пели». Наконец, наступило время, когда следовало захватить и унести с собой в «згорелый дом» церковное имущество: «с престола Евангелие и евангелисты и иные церковные книги вынесли». Итогом всех мероприятий стало самосожжение. После подхода стрельцов «оне де воры, зажглись вскоре и сгорели все без остатку, потому что де изготовлены были у них к тому пожару всякие припасы, порох и солома и сено сухое»⁴⁶.

Таким образом, созданная старообрядцами система организации самосожжений была простой и эффективной. Она практически всегда приводила к гибели подавляющего большинства «насмертников». Но перед смертью предстояло совершить многое.

В последние часы перед самосожжением разворачивалась заключительная сцена «огненной мистерии»: полемика с «увещателями». Внимательное изучение процесса подготовки к самосожжению не позволяет выявить сколько-нибудь существенные межрегиональные различия: старообрядцы Европейского Севера и Сибири использовали сходные в основных чертах сценарии подготовки к массовому самоубийству. Однако существуют довольно заметные хронологические различия, связанные с постепенным снижением организационных возможностей «водителей на гари». В конце XVII в. они могли опереться на изначально готовую к радикальным действиям паству, действия которой предстояло лишь умело направить в нужное русло. Со временем, в XVIII в., толкнуть старообрядцев на радикальные действия, а тем более повести их на смерть, становилось все труднее. В арсенале старообрядческих наставников появились надежные средства, в числе которых — полемика с увещателями, а фактически — тотальное обличение «мира Антихриста», и убеждение тех своих сторонников, кто перед лицом мучительной смерти проявлял колебания и нерешительность.

Обоснованию необходимости самосожжения отводилось заметное место. При этом на старца-наставника традиция, сложившаяся в среде самосожигателей, возлагала непростые обязанности. Он обращался практически одновременно как к своим сторонникам, так и к тем, кто по долгу службы намеревался «увещать», а затем и захватывать собравшихся для самосожжения старообрядцев. Изучая документы, посвященные этой проблеме, невозможно отделаться от ощущения театральности всего происходящего. Такое восприятие возникает из-за того, что и обращение к сторонникам, и проклятия в адрес врагов, «слуг Антихристовых», «никониан» становились частью обряда, предшествующего самосожжению. Эти слова создавали соответствующую экзальтированную атмосферу в сообществе самосожигателей. В эти моменты старообрядцы подробно излагали свои убеждения, произносили те слова, которые, как они полагали, предстояло увековечить. Тщательная фиксация этих высказываний представителями власти, находящимися вблизи «згорелого» дома, ни у кого не вызвала сомнений.

Слухи о сборе сторонников, постройке «згорелого дома», обрядах самосожигателей и предстоящем массовом самоубийстве разносились по округе довольно быстро. В литературе иногда встречается не вполне обоснованное, преувеличенное мнение о том, что «появление солдат всегда служило сигналом к самосожжению»⁴⁷, а в том случае, если «гонители» уезжали, «народ избавлялся от самосожжения»⁴⁸. В действительности, как показывают документы, приготовления к ритуальному суициду привлекали самое пристальное внимание духовных и светских властей. Но в большинстве случаев подготовка к «гари» все равно шла в обычном порядке, а власти не предпринимали попыток штурма старообрядческого здания. В некоторых случаях старообрядцы нанимали разведчиков-посыльных. Последние за определенную плату выясняли намерения властей в отношении собравшихся для самосожжения, и тем самым внезапное появление «гонителей» у стен «згорелого дома» исключалось. Для некоторых местных жи-

телей в XVIII в. это занятие стало своего рода профессией. Так, задержанный в 1755 г. в Пудожском погосте крестьянин Иван Кондратьев во время допроса в воеводской канцелярии заявил, что он «ис тех гарей выходил по наведыванию о пришедшей команде для разорения <...>, а между оных гарей пропитание имел портным мастерством»⁴⁹. Своевременную информацию о приближающейся угрозе получили и мезенские старообрядцы в 1744 г.⁵⁰

В то же время сохранилось незначительное число свидетельств о том, что появление «гонителей» ускорило трагическую развязку. В 1684 г. подполковник Ф. Козин сообщал царям Петру и Иоанну, что обнаруженные им в Каргопольском уезде «церковныя расколники, послыша людей (стрельцов. — М. П.) зажглись»⁵¹. В 1765 г., перед самосожжением в Каргопольском уезде, староста и десяцкие Андоморецких «раскольнических жилищ» подошли ко двору одного из старообрядцев и стали «приступать и спрашивать о беглых людях». Хозяева, как оказалось, задолго до появления воинской «команды» тщательно подготовились к «гари» и ждали лишь удобного момента для совершения ритуального суицида. Они отказались отвечать на вопросы «десяцких». Вскоре двор «внутри загорелся»⁵².

В подавляющем большинстве случаев важной составляющей подготовки к самосожжению стала яростная полемика между представителями старообрядцев (чаще всего старообрядческими наставниками), с одной стороны, и присланными для увещевания представителями «никонианского» духовенства — с другой. Высказывания старообрядцев в такие моменты сами по себе являлись серьезным преступлением, а потому тщательно фиксировались теми, кто осаждал «згорелый дом». Так в следственных делах появилась особая составляющая — речи самосожигателей. Важно отметить, что довольно часто в ходе обмена репликами проявлялось отношение старообрядцев к Выговской пустыни — крупнейшему центру беспоповского «раскола» на Европейском Севере России. Высоко оценивая благочестие первых обитателей «общежительства», старообрядцы, как правило, были настроены резко критически к тому положению, в котором пустынь оказалась в середине XVIII в., т. е. ко времени отказа от радикальных настроений, теснейшим образом связанных с эсхатологическим мировоззрением. Как говорилось в показаниях старообрядца Ивана Кондратьева, обвинения сводились к следующему: «онные выгорецкие расколники живут з женами, и ходят по разным городам, сообщаются и хлеб едят с протчими обывателями, а у них в собрании того ничего не бывало, и мяса не едали, и вина не пили»⁵³.

Суровые обвинения выдвигались в адрес «никонианской» церкви («<...> а у вас на престоле имеется Антихрист»), светских властей, отступников из числа самих приверженцев «древлих» обрядов. Так, старообрядцы, запершиеся в Троицком Зеленецком монастыре Новгородской епархии, объявили, что в настоящее время в России «как святых церквей, так и священников никого у нас нет, тож как и государя, так и архипастырей никого не имеем, а коих хотя мы и почитаем, то де все неверные». Далее старообрядцы перешли к критике религиозных воззрений своих противников: «о тайнах Спасителя нашего так выговаривали дерзко, то де и описать нельзя такого их злого беззакония». Наконец, исчерпав подготовленный стандартный запас проклятий, но «не удовольствовавшись тем скверноречием», они выбросили из окна «нерукотворенной образ, которой написан на жести, сказывая, что де это не образ Спасителя, а написал сам Сатана»⁵⁴.

В начале октября 1753 г. власти узнали о старообрядцах, собравшихся на речке Ентале Устюжской волости. Отправленные к построенным старообрядцами избам «рассыльщики, капеист и сержант с немалым числом отставных солдат» впоследствии доносили начальству, что им пришлось вести переговоры со старообрядцами, запершимися в «превеликой избе», стоящей на «превысокой горе». В ответ на предложение разойтись послышались угрозы. При этом, «неведомо какой раскольник с крайним поруганием и хулением на святую кафолическую церковь злым своим языком, яко пес, прелестным своим словом изблевал, чего де написать невозможно». Требование подчиниться властям не имело успеха. Старообрядцы отвечали: «Сидим здесь числом 170 человек; переписать же нас вы не успеете, потому что близок тот час, когда престанем мы перед Христом!». В тот же момент дом вспыхнул⁵⁵.

Очевидно, что, решаясь на страшную смерть в огне, старообрядцы стремились к избавлению от «мира Антихриста», а не к преодолению тех или иных конкретных конфликтов с местной властью. В источниках и литературе по проблемам самосожжений мне удалось обнаружить несколько свидетельств о том, что старообрядцы не вступали в полемику с «увещателями», а просто выбрасывали им из окон специально заготовленные письма. Эти послания предназначались для передачи в органы власти и содержали более-менее подробные разъяснения о причинах готовящегося самосожжения⁵⁶ или какую-либо другую существенную информацию, касающуюся ритуального суицида. Современники событий, прежде всего сами старообрядцы, называли этот документ «сказкой». Причины появления таких наименований проанализировал акад. Н. Н. Покровский. Он полагал, что эти письма, составляемые перед самосожжениями, заменяли собой прежнюю форму обращения к властям — челобитную, поскольку «антихристовой власти нельзя быть челом, с ней нельзя входить в любые отношения, ее можно только обличать»⁵⁷.

Первый такой случай произошел в деревне Вармалей Нижегородского уезда. В 1672 г. перед «гарью» местные крестьяне представили осаждающим их стрельцам «грамотку», в которой указывалось, что причиной их отказа посещать церковь стала «перемена» веры: в храме «поют глас антихристов». Главная вина в прежних, древних трагедиях и в происходящем на Руси в данный момент возлагалась на патриарха и высшее духовенство: «А Христа кто распял? Цари да патриархи да попы. А ныне свет они ш предадут». В сознании местных крестьян никоновские реформы отождествлялись с предательством Иуды и расправой над Христом. Окончательный вывод «сказки» свидетельствовал о решимости умереть за правое дело: «Да не боимся мы ни царя, боимся мы нашего Исуса Христа и помрем мы за веру христову и за истинный крест спасительный»⁵⁸.

Есть и другие примеры. Перед небольшим (17 человек) самосожжением в Мезенском уезде Архангельской губернии в 1744 г. старообрядческий наставник Алексей Бродягин в полночь внезапно выкинул из окна письмо. В нем наставник изложил причины несогласия с никоновскими церковными реформами. Как говорилось в документе, главной причиной несогласия с православной церковью стало троеперстие: «мы по-вашему сумнимся крестится тремя персты, крестимся мы двумя персты и того ради в ваши церкви не ходим». Далее следовали упреки в произошедшем повсеместно в России существенном для верующих изменении внешнего облика церквей: «вы возлюбили крест крыж и на церкви и прочих тайнах церковных». В заключительной части письма содержалось откровенное признание в бессмысленности по-

лемики: «И что с вами говорить? Что вы старым книгам противитесь, а мы ваш крест проклинаям треперстный <...>?»⁵⁹. Пока чиновники и представители духовенства, присланные для полемики и «взятия» старообрядцев, читали письмо, А. Бродягин и его сподвижники подожгли свою избу изнутри и сгорели⁶⁰. Последний пример из перечня писем, оставленных самосожигателями, связан с 1860 г. Сгоревшие в Каргопольском уезде оставили неподалеку от места «гари» мешок, в котором следователи, в числе прочих предметов, обнаружили тетрадь. Внимательное ознакомление с записями в ней позволило выяснить последние размышления тех, кто шел в огонь: «Мы избежали от антихриста и не можем на вашу прелесть глядети, лучше в огне сгореть, чем антихристу служить и бесами быть»⁶¹.

Отсутствие перед самосожжением обличения «антихристовой» власти характерно для тех «гарей», число участников которых было незначительным. Это объясняется низкой богословской и ораторской подготовкой участников таких самоубийств. Они, вероятнее всего, просто не были способны предъявить своим значительно более квалифицированным «увещателям» сколько-нибудь ясно сформулированные обвинения. Так, в марте 1751 г. в Тобольской епархии сгорела вместе со своим сыном и двумя дочерьми драгунша Прасковья Неустроева. В этом же году в огне погибли крестьянин Исетского ведомства Аника Жерновников с четырьмя малолетними детьми. В обоих случаях следствие не обнаружило никаких контактов между погибшими и старообрядческими наставниками — проповедниками самосожжений. Следствие зашло в тупик еще и потому, что предавшиеся «огненной смерти» не оставили после себя никаких письменных свидетельств о причинах столь трагического поступка⁶².

Сохранились свидетельства о спокойном отношении старообрядцев к осаде и даже о сочувствии их к служилым людям, вынужденным исполнять непростые обязанности. Во время подготовки к самосожжению в феврале 1683 г. в Дорах Каргопольского уезда старообрядческий наставник Ивашко заявил присланным для захвата старообрядцев служилым людям: «Болши с того у нас с вами речей не будет никаких, подите де отколе пришли, пока целы, потому что де у нас не одной матки детки, и вы де нам люди знакомые, а что бы де приехали незнакомые, и мы б де их всех перебили, и от нас бы де они живы не уехали»⁶³.

Другой пример говорит о том же. Во время самосожжения в Каргопольском уезде (1754 г.) старообрядцы позаботились о сохранении жизней осаждающих: «говорили команде и понятым, чтоб отступили от избы немедленно, понеже де у них есть пуда з два пороху, что слыша и боялись (осаждающие. — М. П.), дабы и их могло от подорву пороху убить, от избы отступили». Предупреждение оказалось весьма кстати: «только отступили, тотчас порох и взорвало»⁶⁴. Во время самосожжения в Линдозерском погосте Олонецкого уезда в 1757 г. старообрядцы «из окон выметали несколько барановых шуб, сермяжных кафтанов поношенных, вовсе негодных, также и холста конца с три добровольно и объявляли, что де за труд салдатом». Неожиданный презент был принят, продан, а вырученные деньги «употреблены при сыщеских делах на бумагу, чернила, сургуч и свечи»⁶⁵. Перед самосожжением близ деревни Горка Олонецкого погоста в конце XVII в. собравшиеся в «згорелом доме» крестьяне «говорили, что они скорее испарятся как дым, чем пойдут в неволю, где им придется отказаться от своей веры»⁶⁶. Эти слова стали последними: вслед за ними постройка, в которой находились крестьяне, загорелась.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют опровергнуть существующее в литературе представление о том, что «всевозможные ругательства и брань»⁶⁷ были простым проявлением слабости старообрядцев, их неспособности оказать активный отпор осаждавшим их воинским командам. В действительности полемика с «увещевателями» стала существенным дополнением обрядов, предшествующих самосожжению. Но старообрядческий наставник в решающий момент обращался не только к врагам, «слугам Антихриста», пытающимся ворваться в «згорелый дом». У него имелась аудитория, ожидающая духовной поддержки в предсмертные минуты. Кроме обличения «слуг Антихристовых», на старообрядческого наставника возлагалась еще одна существенная роль: он должен был в последний, решающий раз убедить сторонников старообрядческого вероучения, собравшихся в «згорелом доме», в необходимости скорейшей, без отлагательств, «огненной смерти». Старообрядческие сочинения говорят об этом вполне определенно. Так, старец Пимен перед самосожжением в Березовом наволоке Шуезерского погоста (1687 г.), по утверждению Ивана Филиппова, усердно занимался приготовлением своих сторонников к скорой гибели: всех собравшихся в «згорелом доме» он «на терпение вооружает, на мучение воздвигает, на страдание помазует»⁶⁸. Эта миссия облегчалась существенной чертой мировоззрения русских людей в XVII–XVIII в.: страх вызывала не столько смерть, сколько муки на «том свете» — наказание за несправедливую жизнь. Так, в XVIII в. среди жителей Урала «весьма традиционным являлось то, что народ боялся не смерти, а умереть без покаяния, причащения и елеосвящения»⁶⁹.

Простые богословские рассуждения о том, что жизнь в «мире Антихриста» неизбежно приведет в ад, а «огненное крещение» позволит очиститься от всех грехов и избежать загробных страданий, зачастую оказывались вполне достаточными для того, чтобы спровоцировать самосожжение. Видения «потустороннего мира» здесь, как и полемических произведениях о самосожжениях, активно использовались. Так, перед самосожжением в скиту близ деревни Березовки Тобольского уезда старообрядческий наставник Данила убеждал готовых к смерти местных старообрядцев, что «ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыне постригаются»⁷⁰. Особенно важным средством убеждения стали ссылки на евангельский текст. Так, некий старец Иона, живший в конце XVII в., благословлял своих духовных детей «себя замаривати (голодом. — М. П.) и сожигатися», основываясь на словах Христа: «Аще кто хочет душу свою спасти, погубит ю»⁷¹.

Очевидно, что и в XVIII в. перед любым самосожжением проблемы убеждения тех, кто страшился «огненной смерти» выдвигались на первый план. В некоторых случаях мы имеем дело с явными свидетельствами о дискуссии внутри старообрядческого сообщества, в принципе готового к гибели, но все еще не уверенного в том, что именно *теперь* необходимо совершить последний, роковой шаг. Так, перед самосожжением 1743 г., произошедшим в Мезенском уезде, старообрядцы, выслушав увещевания присланной от Холмогорского преосвященного комиссии, стали рассуждать о предстоящей «гари». Одни утверждали, что гореть нельзя, «понеже де они все положены в подушный оклад», и платить подати придется оставшимся в живых «бедным сиротам и вдовицам». Другие возражали: «надобно сгореть», и не верить увещателям⁷².

Но в большинстве случаев в «згорелом доме» шел не диалог двух спорящих сторон, а слышался монолог одного человека — «учителя самогубительной смер-

ти». Начальные сведения об этой стороне деятельности старцев-наставников относятся к тому времени, когда самосожжение еще не превратилось в основную форму массовой гибели. Около 1665 г., по утверждению тогдашнего владимирского епископа Иллариона, на берегу озера Кшары (Вязниковский уезд) поселились старцы, которые, как говорилось в документе архиерея, адресованном царю, занимаются пропагандой старообрядческого вероучения: «без всякого опаства на твою благочестивую державу всякия хулы износят, и то невозможно и писанием известить, и сказывают они людям всемирную кончину в нынешнем году». Отчаявшихся, вырванных из привычной среды людей значительно проще было подтолкнуть к самоубийству. Для агитации в пользу самосожжений использовались все доступные возможности. Наиболее ранние свидетельства об этой составляющей подготовки к самосожжению относятся к последней четверти XVII в. В 1679 г. в Тюменском уезде близ Ялуторовской слободы на реке Березовке начало формироваться старообрядческое поселение. В нем старообрядческий наставник Данила «завел пустыню и поставил часовню и кельи». Регулярно совершались богослужения: «пели вечерни и часы», но обитатели скита категорически отказывались молиться за московского патриарха и сибирского митрополита.

Иногда главными действующими лицами в пустыни на первых порах становились истеричные «старицы и девки», которые словно заражали всех остальных своим фанатизмом. Они «бились о землю», и во время припадков выкрикивали, что видят «пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыни постригаются». Эта проповедь возымела действие: «многие из Тарска, из Тюмени и из других городов, и Тобольского уезду из слобод и Тюменских иных городов, из уездов всяких чинов людей, оставя дома с животы свои и скот, бежали к тому старцу Даниилу в пустыню с женами и детьми, и многие постригались». Лишь несколько человек не поверили старообрядческому наставнику и, как говорилось далее в документе, «роззнав, что в пустыни вся прелесть от диавола, возвратились и поехали в дома свои». Большинство прибывших остались в пустыни. Для них агитация продолжалась: «у того ж старца Даниила в келье пред иконами две черницы да две девки беснуются». При этом они произносили обычные для старообрядцев обвинения: «злою своею прелестью, возлагают хулу на церковь Божию, и троеперстное сложение, чем православные христиане знаменуют лице свое, называют антихристовою печатью, и новоисправленных книг принимать не велели». Особых проклятий удостоивались приходские церкви и обрядность: по словам женщин, «церкви де Божии осквернены и вся в них деетца скверная; и четвероконечный крест называют крыжем»⁷³. Узнав о создании нового старообрядческого поселения, тобольский воевода П. В. Шереметев распорядился послать служилых людей «для поимания того ж вора старца Даниила с его единомысленниками». Но эта акция не принесла успеха, а все собравшиеся старообрядцы, проведая о распоряжении воеводы, предпочли погибнуть в огне: «та пустыня с людьми до их приезде сторела»⁷⁴.

В большинстве случаев именно старец-наставник, а не его помощники, становился главным действующим лицом при планомерной подготовке к самосожжению. Его действия включали как демонстративное совершение обрядов по особым «раскольническим» правилам, без священника, так и проповедь самосожжения. Например, перед самосожжением 1693 г. в Пудожском погосте «чернец», руководивший подготовкой к самоубийству, «крестил вновь» всех

приходящих к нему, не останавливаясь перед тем, чтобы совершать обряд насильственно⁷⁵. Но самая главная его роль заключалась в проповеди: «говорил де он, чернец, всем людям, что ныне вера худая, и четвероконечный крест называет крыжем». Для того чтобы привлечь к самосожжению как можно большее число людей, старообрядческий наставник совершал регулярные поездки по окрестным деревням: «выежая же из тое пустынки, он, чернец, людей к себе подговаривает и всячески прелщает». Наконец, негативное восприятие «никонианской» церкви выразилось в кощунственных действиях по отношению к местному приходскому храму: «в Пудожском погосте церковь вновь пересвятил <...> из церкви антиминс вынес и церкви Божии обругал»⁷⁶.

Ругательства в адрес сторонников «никонианской» церкви вообще и оказавшихся поблизости от «згорелого дома» увещателей в частности резко контрастировали с высказываниями, призванными обосновать самосожжения в глазах тех, кто поддерживал основные идеи старообрядцев, но сомневался в необходимости принять «огненную смерть». Здесь шли в ход «словесы сладосердия», которые «яко стрелы пронзоша сердца незлобивых»⁷⁷. Как показывают данные старообрядческих самосожжений в Сибири (конец XVII в.), готовящихся к смерти старообрядцев наставник убеждал в том, что лучше сгореть «здешним огнем», чем вечно гореть в огне геенском⁷⁸. Перед крупнейшим сибирским старообрядческим самосожжением близ деревни Мальцевой старообрядческие наставники ежедневно устраивали общее моление для всех готовящихся к смерти людей, «после которого читали книги о горестных временах Антихриста». «Для поддержания бодрости» среди «насмртников» они «беспрестанно и сильно внушали, что по нынешним временам, когда каждому грозит осквернение антихристовою печатью (троеперстием), горение - необходимый и неизбежный исход»⁷⁹.

На Европейском Севере России эта сторона деятельности старообрядческого лидера также прослеживается по документам. Так, в 1764 г., во время самосожжения в Троицком Зеленецком монастыре Новгородской губ., старообрядческий наставник увещевал двух женщин, опасющихся мучений, следующими словами: «Огонь их не возьмет, а выйдет душа безо всего, и выйдет ангел, и на их главы венцы положит, и ладаном будет кадить»⁸⁰.

Тем, кто нуждался в детальных оправданиях самоубийства, этот же наставник охотно давал более подробные объяснения. Спасшийся в последний момент из «гари» старообрядец Павел Еремеев на допросе показал, что «слышал от объявленного наставника своего, что священномученик Мефодий, патриарх царьградский, в житии своем написал: “Вопросит царь с мертвых дань, в тья времена отрекутся люди православныя веры и святого крещения, и честного животворящего креста, без бою, без мук и ран. А овья не захотят отрещись православной веры, и святого крещения, и святого Креста Господня, волею своею будут собираться и огнем сожигаться. Всякого их Господь причтет с мученики”».

Теперь, утверждал старообрядческий наставник, древнее пророчество сбылось: «оное де святой Мефодий писал на нынешнее время, ибо ныне с мертвых дань берут, потому что государь Петр Первый узаконил ревизии и когда сколько в ревизии написано будет людей, то хотя ис того числа многие и помрут, однако ж народ принуждают подати до будущей ревизии платить». Совсем иначе поступали «благочестивые цари». Они «збирали с одних живых, а за мертвых не требовали». Но самое главное, император Петр I «оставил правую веру и старопечатные

книги, а принял новообъявленные», положив тем самым основу отступничества: «и к нему многие люди преклонились без бою, без мук»⁸¹. В рассуждениях старообрядческих наставников в данном случае прослеживается очевидное влияние сочинений об Антихристе. Так, самосожигатели активно использовали идею о недопустимости взимания «дани» с мертвых: «лжехристос содела от гордости живущего в нем духа, учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых»⁸². Однако «водители на гари» придавали этим зловещим аргументам свою собственную трактовку. Таким образом, как пишет акад. Н. Н. Покровский, неприятие и осуждение бытовых нововведений Петра I выражалось в народной эсхатологии. Из известных верующим текстов брались предсказания о воцарении Антихриста, которые «провозглашались сбывшимися»⁸³. Эта общая закономерность деятельности старообрядческих наставников проявлялась и в подготовке к самосожжениям.

Наконец, последний способ убеждения в необходимости «гари» заключался в описании грядущих гонений, уготованных тем, кто откажется добровольно сгореть. Так, перед самосожжением близ Чеусского острога, Томского уезда, в мае 1756 г., «управителю» острога Копьеву старообрядцы заявили: «ежели де нас не будете гонить, мы де будем жить, пока смерть Бог соизволит, а егда де на нас будет нападение хотя от трех человек, то, де нам и гонение, и предадимся огню». Это намерение вызвало гнев старообрядческих наставников, братьев Гречениных, которые решительно возражали против отказа от самосожжения: «Что де вы от них, антихристовых слуг, слушаете? <...> Велят вам возвратится в дома по-прежнему и обнадеживают де вас, что де вам за то никакого истязания не будет». Но на самом деле это сплошной обман: «ежели де в дома возвратитесь, то де будет вам великое мучение и розыски, и на колья вам будут садить и колесить, как де и напред сего в Таре чинено было». В результате старообрядцы, собравшиеся в 10-ти избах, погибли в огне устроенного ими же самими самосожжения⁸⁴.

Таким образом, гибель собравшихся в «згорелом доме» становилась в большинстве случаев неизбежной. Исследователю поэтому приходится совершить невозможное: выяснить на основе весьма скудных сведений, что происходило в предназначенной для самосожжения постройке в последние минуты перед «гарью».

Выбор между жизнью и смертью

Последние минуты перед самосожжением предельно драматичны, а сохранившиеся о них сведения крайне противоречивы: ситуация выбора между жизнью и смертью предельно обостряла противостояние как внутри «згорелого дома», так и вокруг постройки, в которой находились соискатели загробного блаженства. Возможность выбора отнюдь не была призрачной. В последние минуты жизни старообрядцы, готовящиеся к смерти, могли «передумать» и, как показывают источники, в некоторых случаях действительно отказывались от трагического решения. В отличие от чиновников — составителей отчетов и законодателей, старообрядческие публицисты крайне редко рассматривали тот вариант действий участников «гарей», при котором самосожжение не совершалось. И все же эта проблематика привлекала внимание следователей, результатом работы которых стало обширное делопроизводство, полное подробностей осуществления «гарей». Таким образом, у

исследователя появляется возможность выявить и тот и другой вариант развития событий: отказ от «гари» и «самогубительную смерть».

Крайне редко самосожжения удавалось предотвратить путем умелого вмешательства представителей местной власти. Один такой случай известен по материалам Томского края. В 1746 г. в деревне Тугозвоновой старообрядцы собрались для самосожжения. Катастрофу предотвратил специально для этой цели командированный из Кузнецка поручик Волков. Он прибыл с воинским отрядом, но спрятал своих людей в лесу. Обеспокоенным старообрядцам он объявил, что отправляется обучать драгун, а до них ему «дела нет». «Насмертники» повели себя необычным для такого рода ситуаций образом. Они, поверив офицеру, разошлись по домам. Тогда поручик с солдатами ночью «переловил зачинщиков дела — расколоучителей Терентия Бычкова и чернеца с Керженца Никодима с некоторыми из последователей. <...> Лишившиеся предводителей и товарищей раскольники присмирели и успокоились»⁸⁵.

Большинство самосожжений заканчивались совершенно иначе. Документы XVII–XVIII вв. описывают ситуацию деловым языком протокола. Чаще всего своеобразным сигналом к самосожжению становился штурм постройки, где находился наставник со своими последователями. Самые ранние свидетельства о подобном рода ситуациях относятся к 1672 г. После того, как стрельцы начали ломать двери избы, где собрались крестьяне деревни Вармалей Нижегородского уезда, самосожжение свершилось. Как говорилось в составленном по горячим (в буквальном смысле слова) следам событий, «пороху и лну у них было принесено и как у тои избы учали двери высекать, и оне сами себя в избе зажгли»⁸⁶.

Все другие свидетельства о последних минутах жизни участников «гари» существенно различаются. С одной стороны, сохранились данные, из которых следует, что старообрядцы относительно хладнокровно ожидали смерти и проводили последние минуты жизни в молитвах. Так, во время Дорской «гари», произошедшей 7 февраля 1683 г., стрельцы, ворвавшиеся в постройку, предназначенную для самосожжения, увидели следующее: «У них де в избы солома и скалвы и береста и лну и пеньки на полу и по грядкам навешено горит, а они де з женками и з девками обнявшись, стоя шатаются и стонут, а малые де робята на ошестках и по лавкам крычат и все де стонут, а никаких речей не говорят»⁸⁷.

Аналогичная картина сохранилась в описании другого самосожжения. Во время «гари» в Троицком Зеленецком монастыре, происшедшей немногим менее столетия спустя после первых каргопольских самосожжений, «как огонь стал весьма усиливаться, то все означенные бывшие в том собрании люди от великого дыму упали в той келье на пол и говорили: “Спаси, Господи, души наши грешные”»⁸⁸. Перед самосожжением 1756 г. близ сибирского села Каменки в Тобольской епархии старообрядческий наставник Андрей Шамаев «в назначенный час наутре взял большой пук зажженной лучины, поджег приготовленные в сенях солому и веники и остатки огня бросил под горницу. Когда пламя охватило здание, молившиеся поклонились последний раз до земли и затем легли на пол в ожидании смерти»⁸⁹.

С другой стороны, имеются достоверные свидетельства об успешных попытках старообрядческих наставников удержать в «згорелом» доме добровольно собравшихся и в особенности *насилно* приведенных туда людей. Так, в доношении в адрес Синода «обретающегося у сыску и искоренения воров и разбойников» пору-

чика Харитонов говорилась: старообрядцы «служа по расколу своему молебное пение, друг с другом прощались, и взяв по пуку лучины с огнем и имевшее у них для скорого зажжения, которое и под потолком имелось, а именно лучина и береста, и смолье, и прочее зажгли, и при том наставник во старческом одеянии, взяв ножи и роздал прочим со объявлением тем, ежели кто из них будет к окошкам подходить и кидаться вон, то б колоть и не выпускать из той гари никою»⁹⁰.

Приведенная цитата показывает, что состав участников самосожжения неоднороден: старец-руководитель самосожжения опирался на небольшую группу наиболее решительных сторонников, которые в ответственный момент поджигания находящейся под потолком бересты должны были удержать остальных участников массового самоубийства в здании, даже путем ножевых ударов. Вполне вероятно, что помощники были нужны старцу в основном для поддержки в последний момент: по мере приближения кульминации самосожжения старообрядцев одолевал вполне естественный, инстинктивный страх смерти, который нельзя преодолеть с помощью рациональных аргументов.

Это предположение подтверждается рядом доказательств. Как писал Евфросин, если бы перед началом самосожжения «да ворота отворили, ни один бы от страха и ужаса не остался, — все бы разбежались»⁹¹. На попытки старообрядцев в последний момент покинуть «згорелый дом» указывают и данные исторических исследований. Так, во время самосожжения в деревне Боранова Гора (Шведская Карелия, 1686 г.) старообрядческий наставник Пекка Ляпери «крикнул, что он сгорит вместе со всеми», надеясь личным примером удержать собранных им крестьян. Но даже это не помогло: «бывшие в избе люди бросились кто куда»⁹². Некоторые историки полагают, что такое поведение типично для старообрядцев-«насмртников». Так, по утверждению П. Н. Милюкова, в ряде случаев «предприятие (самосожжение. — М. П.) откладывалось или расстраивалось вовсе»⁹³. Для предотвращения такого рода неудач и привлекались «неведомые люди» — спутники старца.

В некоторых случаях отчаянные попытки спастись из «згорелого» дома достигали успеха. Это становилось возможным после того, как самосожжение начиналось. Чудом спасшиеся люди указывали на то, что их участие в массовом самоубийстве было принудительным. В числе сибирских самосожжений известностью среди исследователей пользуется «гарь», произошедшая в деревне Мальцевой, неподалеку от Барнаула. Одни шли в огонь из родственных чувств, других удерживали силой, и они получали возможность спастись лишь после гибели большинства самосожигателей. Так, одного из участников «гари» крестьянина Кубашева сняли с палисада после завершения самосожжения, обгоревшего и распухшего. На основании такого рода фактов историки отмечают, что далеко не все участники этого массового самоубийства разделяли старообрядческие убеждения⁹⁴.

Материалы Европейского Севера России подтверждают это предположение. Так, крестьянин Иван Губачев в 1765 г. «из дому ево отлучился от убожества хлебного и недороду для прокормления работой». Вскоре он нанялся в работники к богатому старообрядцу. Спустя некоторое время Губачев заметил, что «показанный раскольник с собравшимися к нему неведомыми людьми, коих было человек до тридцати, начал збираться к самосожжению и начал же носить в ту избу, в которой их зборище было, солому и бересту, то он, Губачев, просился

из дому вон, но оной Иванов (хозяин. — М. П.) его не выпустил»⁹⁵. В 1755 г. «вынятой из гари» крестьянин Аким Иванов сын Мохнатин объявил на допросе, что бежал из родных мест, чтобы избавиться от рекрутской повинности, и «от нестерпения великих морозов» поселился у старообрядцев. Узнав об их смертоносных намерениях, Аким пытался спастись, «но токмо прочими бывшими в той гари людьми не выпущен был, а когда зажгли, тогда вбежав в верхние жилища, бросился из окна»⁹⁶. Он спасся от гибели и дал детальные показания, которые помогли следственной комиссии, а затем и историкам, ставящим своей целью разобраться в обстоятельствах самосожжений.

Таким образом, изучение данных о последних минутах, предшествовавших самосожжениям старообрядцев, показывает, что сообщество самосожигателей не было единым. Преодолеть сопротивление тех, кто сомневался в спасительности «огненной смерти», помогала разработанная старообрядцами технология массового самоубийства.

Примечания

- 1 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 448. Л. 29–30.
- 2 ПСЗ РИ-І. Т. 12. СПб., 1836. № 9155.
- 3 Сырцов И. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 17–18. С. 361.
- 4 Сикорский И. А. Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. К., 1897. С. 5.
- 5 Доношение пономаря Федора Шиманова // ГААО. Ф. 1026. Оп. 5. Д. 526. Л. 1.
- 6 Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию о бывших раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 220–221.
- 7 Акты, относящиеся к расколу в Сибири // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. 10. № 3. С. 15.
- 8 Щепанская Т. Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 124.
- 9 Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII [в.] // Сочинения А. П. Щапова. Т. 1. СПб., 1906. С. 290.
- 10 Показания «крестьянской женки» Марьи Михеевой на допросе в Олонецкой духовной консистории // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 62.
- 11 Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965. С. 150.
- 12 История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 43.
- 13 Там же. С. 30.
- 14 Отписка Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, царям Ивану и Петру Алексеевичам // РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2364. Л. 1.
- 15 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 38.
- 16 Доношение Санкт-Петербургского губернского правления Синоду // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 73.
- 17 Сырцов И. Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 13–14. С. 258.
- 18 Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII [в.]). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891. С. 158.
- 19 Судное дело о разорении Палеостровского монастыря // Олонецкие губернские ведомости. 1849. № 8. С. 119.
- 20 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 448. Л. 26.
- 21 Иоаннов А. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях. СПб., 1794. С. 104.
- 22 О самосожжении в пещере см.: Добровольский И. О самосожигательстве раскольников // Православный собеседник. 1861. Т. 1. С. 436.

- 23 Островский Д. Каргопольские «бегуны» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 419.
- 24 Лопарев Хр. Предисловие // Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 31.
- 25 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 55.
- 26 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2364. Л. 2.
- 27 Шашков А. Т. Неизвестная «гарь» 1685 г. в верховьях Кокшеньги (к изучению истории старообрядческих самосожжений конца XVII в.) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 110.
- 28 Сырцов И. Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 365.
- 29 Доношение в Правительствующий Сенат обретающегося у сыску и искоренения воров и разбойников Санкт-Петербургского гарнизона Какорского полку поручика Харитонову // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 29.
- 30 Там же. Л. 9 об.
- 31 Акты, относящиеся к расколу в Сибири. № 3. С. 15.
- 32 Сырцов И. Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 13–14. С. 259.
- 33 Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 40.
- 34 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 39.
- 35 По доношению судии Новогородского архиерейского разряда архимандрита Андроника о потаенных раскольниках в Каргопольском уезде // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1901. С. 631.
- 36 Сырцов И. Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 368.
- 37 Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 73.
- 38 Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 145.
- 39 Шашков А. Т. Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 298.
- 40 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 9 об.
- 41 Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 283.
- 42 Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 238.
- 43 Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. «Жалобница» поморских старцев против самосожжений // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 59.
- 44 Дело о пудожских раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 378.
- 45 Там же. С. 380.
- 46 Там же. С. 389.
- 47 Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 271. Аналогичной точки зрения придерживается Е. М. Юхименко (См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 19).
- 48 Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 115.
- 49 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 28.
- 50 Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XIX в. Сыктывкар, 1960. С. 182.
- 51 Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 105.
- 52 Доношение Олонецкой воеводской канцелярии правительствующему Сенату // РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 180. Л. 1.
- 53 Показания крестьянина Ивана Кондратьева на допросе в Олонецкой воеводской канцелярии // Там же. Л. 30.

- 54 Рапорт Новоладожской воеводской канцелярии Правительствующему Сенату // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 16.
- 55 *Щитин В. И.* Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. С. 10–11.
- 56 *Сапожников Д. И.* Указ. соч. С. 49.
- 57 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 344.
- 58 Цит. по: *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 186.
- 59 Цит. по: *Есипов Г.* Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 10. С. 626.
- 60 Там же.
- 61 *Островский Д.* Указ. соч. С. 419.
- 62 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 364.
- 63 *Юхименко Е. М.* Указ. соч. С. 87.
- 64 Доношение Каргопольской воеводской канцелярии в Правительствующий Сенат // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 22 об.
- 65 НА РК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 220. Л. 45–45 об.
- 66 *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 33.
- 67 *Пругавин А.* Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе (Очерки, аналогии и параллели) // Русская мысль. 1885. Кн. 1. С. 103.
- 68 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 30.
- 69 *Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. М., 2000. С. 157.
- 70 Акты, относящиеся до раскола в Сибири. С. 216.
- 71 *Мальцев А. И.* Сочинения инока Евфимия как источник для изучения филипповского согласия // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 72.
- 72 *Есипов Г.* Указ. соч. С. 622.
- 73 Акты, относящиеся до раскола в Сибири. С. 217.
- 74 Там же.
- 75 Дело о пудожских раскольниках. С. 387.
- 76 Там же. С. 387.
- 77 *Демкова Н. С.* Указ. соч. С. 57.
- 78 *Иванов К. Ю.* Самосожжения на территории Кузбасса // Наука и образование: Материалы V Международной научной конференции. Ч. 3. Белово, 2004. С. 419.
- 79 *Беликов Д. Н.* Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 38.
- 80 Рапорт поручиков Овсянникова и Помогалова // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 56 об.
- 81 Там же. Л. 56.
- 82 Собрание от Святого Писания об Антихристе // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 310.
- 83 *Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX в. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 49.
- 84 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 7. М., 1890. С. 39.
- 85 *Беликов Д. Н.* Указ. соч. С. 36.
- 86 Цит. по: *Румянцева В. С.* Указ. соч. С. 186.
- 87 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1945. Л. 141.
- 88 Рапорт поручиков Овсянникова и Помогалова генерал-прокурору А. А. Вяземскому // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 55.
- 89 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 21–22. С. 399.
- 90 Доношение в Сенат обретающегося у сыску и искоренения воров и разбойников Санкт-Петербургского гарнизона Какорского полку поручика Харитонов // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 27.
- 91 Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. С. 25.
- 92 *Катаяла К.* Указ. соч. С. 26.
- 93 *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 76.
- 94 *Иванов К. Ю.* Указ. соч. С. 423.
- 95 Доношение Олонецкой воеводской канцелярии правительствующему Сенату // РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 180. Л. 1 об.
- 96 Протокол допроса Акима Иванова сына Мохнатина // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 30.

Р. И. Попов
Ярославль

Богатство как ценностная ориентация русского купечества в конце XVIII — первой половине XIX вв.

Богатство — обилие, изобилие, избыток, излишество, достояние, предметы, составляющие имущество человека, самый быт.

В. И. Даль

Отношение русского купечества к богатству и путям его приобретения является важным вопросом, неразрывно связанным с проблемой первоначального накопления капитала в России. Эта проблема до сих пор остается дискуссионной и закономерно интересует отечественных исследователей, поскольку ее изучение позволяет решить целый ряд вопросов, касающихся генезиса капитализма. Будучи связанной, прежде всего, с деятельностью русских купцов, процесс первоначального накопления происходил иначе, чем в западноевропейских странах. Свои особенности при этом имело и экономическое поведение русского купечества. Под экономическим поведением понимается система хозяйственных действий предпринимателя, отражающая цели его экономической деятельности и способы их реализации с точки зрения внутренних и внешних побуждений¹. Если внутренние побуждения можно рассматривать, в том числе, как проявление системы ценностей и представлений купцов в плане их отношения к богатству и собственности, то внешние побуждения отражают, прежде всего, общественное мнение, которое достаточно быстро и ярко реагирует на те или иные поступки.

В данной статье мы попытаемся выяснить, каким образом богатство характеризовало человека, какую роль оно играло в системе ценностей русского купечества, какими путями, с точки зрения морально-этических норм, происходило накопление материальных средств, и какой была реакция окружающих на этот процесс. За ответами на поставленные вопросы обратимся к документам купеческого делопроизводства, материалам доносов, судебно-следственной документации и устного народного творчества. Из приведенного комплекса источников особого внимания заслуживают материалы русского фольклора, представленные в работе сводом пословиц и поговорок о богатстве, почерпнутых из собраний В. И. Даля, И. Снегирева и Н. А. Иваницкого². Подчеркнем, что указанные источники достаточно противоречиво характеризуют личность обладателя материальных благ и зачастую относят стяжание богатства выше своей потребности к разряду тяжких грехов. Но, как заметил один из исследователей, «противоречиво не значит недостоверно»³. В данном случае, для наиболее адекватной оценки важно выделить такие пословицы и поговорки, которые связывали бы богатство с проявлением определенных деловых качеств человека, свидетельствовали о его успешности и характеризовали отношение окружающих к богатству и богачам. Определенный интерес представляют и такие источники, как донос и судебно-следственная документация. Они привлекательны тем, что содержат такую информацию относительно способов приобретения богатства, которую практически невозможно получить из других источников,

касавшихся предпринимательской деятельности купечества. Речь идет о содержании ее «теневой» стороны, реальных сведениях о прибылях и стоимости недвижимости с полным перечнем всего имущества. В комплексе с материалами купеческого делопроизводства все вышеназванные источники позволяют лучше понять ценностную ориентацию русских купцов, полнее раскрыть их морально-нравственный облик и определить спектр материальных потребностей в период ускорения первоначального накопления.

Переходя к теме исследования, следует отметить, что в сознании русских людей богатство было категорией полярной, и в отношении к нему «проявлялось противоречие, исконно живущее в русском характере»⁴. Подтверждение этому находим в материалах народного фольклора. Из обширного собрания дошедших до нас русских пословиц и поговорок мы выбрали и проанализировали 470, относящихся к теме богатства и приведенных в собрании В. И. Даля, и 37, опубликованных в сборнике И. Снегирева. Все это наследие устного народного творчества можно условно разделить на несколько групп. К первой группе были отнесены те поговорки, в содержании которых богатство подавалось как свидетельство ума, предприимчивости и деловых качеств его обладателя. Укажем некоторые из них:

*Без денег — бездельник;
Без денег — везде худенек;
Без рубля — без ума;
Добр Мартын, коли есть алтын;
Худ Роман, коли пуст карман;
Рубль есть и ум есть; нет рубля — нет и ума;
Рубль — ум, а два рубля — два ума;
Кормил лошадь, так и добра;
Богат мужик, так и умен;
Без ума торговать только деньги терять; и т. д.*⁵

При этом отметим, что имущество и достаток, полученные в ходе приложения определенных трудовых усилий, в традиционном народном сознании считались «праведными»: «Труд — отец богатства» и, в какой-то мере, свидетельствовали об успешности предпринимателя.

Отражением того, что «жизнь удалась» служат пословицы и поговорки, отнесенные нами ко второй группе:

*Одна рука в меду, другая в патоке;
Живут — золото весят;
Деньги четвериками пересыпают;
Ассигнациями трубку раскуривает;
Денег куры не клюют;
Сколотить денежку;
Как сыр в масле катается;
Гребет деньги лопатой; и т. п.*⁶

Из перечисленных поговорок одна особенно интересна, поскольку является не только выражением достатка. Речь идет о поговорке «Ассигнациями трубку раскуривает». Вполне возможно, она связана с известным устным преданием о купце, который поджег сотенную купюру для того, чтобы найти монету. Обыч-

но эта история передается как пример купеческого самодурства, хвастовства и тщеславия. Вместе с тем, она наглядно демонстрирует отношение купечества к условным деньгам. Исходя из событий русской истории денежных реформ, Н. И. Шейко объясняла такое побуждение купца поиском свободы, освобождением от иллюзий и обращением к тому, что ему понятно и чему он доверяет⁷. Разделяя отчасти это мнение, отметим, что с началом выпуска ассигнаций при Екатерине II российское правительство смотрело на них, как на временные свидетельства, и обещало беспрепятственно разменивать бумажные деньги на мелкую монету. Но с 1772 г. был прекращен обмен ассигнаций на серебро, и весь обмен стал производиться исключительно медной монетой. Сама по себе она не представляла той ценности, которая была на ней проставлена. В дальнейшем, в связи с чрезмерным выпуском бумажных денежных знаков начались неурядицы в финансовой системе, сопровождавшиеся падением курса ассигнаций (в 1777 г. 1 рубль ассигнациями обменивался на 98 коп. серебром, в 1786 — на 81,5 коп., а в 1794 г. за рубль давали лишь 68,5 коп.) и снижением уровня жизни⁸. В этой связи вполне понятно и объяснимо недоверие русских купцов к бумажным деньгам. Осознавая нестабильность курса ассигнаций, а также угрозы, исходившие от стихийных бедствий (пожаров, штормов, наводнений) и разбоя, купечество понимало неустойчивый характер богатства:

*Деньги что вода;
Богатство — вода: пришла и ушла;
Деньги пух — только дунь на них — и нет*

А потому различными путями предприниматели старались упрочить и увеличить нажитое. Зачастую не обращаясь к услугам банков, купцы предпочитали вкладывать свои финансовые средства в недвижимость (дома, земельные угодья), приобретать драгоценности⁹ или держать деньги в обороте, руководствуясь старой народной мудростью:

*Деньга на деньгу набегают;
Деньга деньгу наживает;
Куда деньга пошла там и скопится;*

Типичным примером тому является экономическое поведение тотемских купцов Григория Алексеевича и Петра Алексеевича Пановых. Они являлись владельцами лесопромышленного производства в Тотьме и хозяевами крупной промысловой компании, действовавшей на Тихом океане в 1764–1787 гг. Согласно «купчим крепостям», отложившимся в фонде 1160 (Пановых) Государственного Архива Вологодской области, предприимчивые тотмичи предпочитали приобретать на денежные средства, вырученные в ходе торговых операций в Сибири, земельные угодья в пределах своего города. В период с 1774 по 1778 гг. Пановыми было скуплено в городе Тотьме «пустопорожних дворовых земель» общей площадью 5565,95 кв. саж. общей стоимостью 865 рублей¹⁰. Кроме того, часть средств купцы держали в драгоценных украшениях. Косвенное указание на этот счет мы находим в описях приданого дочерей Петра Алексеевича Панова. Из содержания этих документов видно, что «3 ноября 1783 года Петр Алексеевич Панов отдал дочь свою Анну замуж за тотемского купца Ивана Андреевича Кузнецова и дал ей в приданое денег 5 тысяч рублей, жемчужных, бриллиантовых и алмазных вещей на 3 тысячи рублей»¹¹. А 12 сентября 1786 г. замуж за то-

темского купца Петра Алексеевича Нератова вышла младшая дочь П. А. Панова Елизавета с не менее богатым приданым в 7 тыс. руб. и драгоценными украшениями общей стоимостью 3 тыс. рублей¹². Значительную часть средств П. А. Панов держал в обороте, ведя торговлю как внутри России, так и за ее пределами. У него имелись конторы и склады мехов в Москве, Иркутске, на Камчатке и в Кяхте. В Кяхте китайские купцы большими партиями закупали камчатских бобров, чернобурых лисиц, соболей, котиков, выдру и белку. За рубеж шли преимущественно необработанные меха, а внутри государства торговля велась выделанными мехами. Размах предпринимательской деятельности П. А. Панова не остался незамеченным в Петербурге. Товарами купца заинтересовались фавориты императрицы Екатерины II братья Орловы, а впоследствии и «светлейший князь» Г. А. Потемкин. Его покровительство обеспечило П. А. Панову лидирующие позиции на российском рынке мехов¹³. Подобный успех был невозможен без приложения максимальных усилий не только самого тотемского купца, но и всех его компаньонов¹⁴.

Приобретение богатства и достатка посредством кропотливого труда и строгого соблюдения при этом христианских заповедей способствовало нравственному совершенствованию представителей русского купечества, открывало перед ними широкие возможности для своего проявления и не осуждалось в обществе:

*Денежка дорогу прокладывает;
Золотой молоток и железные ворота прокует;
Золото не говорит, да много творит;
Деньги — крылья; и т. п.*

В конце XVIII столетия в России, наряду с официальным делением купцов на три основные гильдии, было широко распространено такое понятие, как «совершенный купец». Под таковым подразумевали умного, предприимчивого и удачливого предпринимателя, умевшего не только вести коммерческие дела, но и активно участвовавшего в общественной жизни города, заседавшего в городской думе, работавшего в магистрате, занимавшегося благотворительностью. Имена и деяния «совершенных купцов» оставались в памяти горожан и, обрастая легендами, передавались из поколения в поколение. Неслучайно в известном поучении «О богатении», составленном одним из таких ярких представителей русского купечества, владельцем Трехгорной мануфактуры Т. В. Прохоровым (1797–1854), особо отмечалось: «Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно, когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неопределимо полезно. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных...»¹⁵.

Напротив, богатство, приобретенное и направленное исключительно на удовлетворение своих потребностей и тщеславия, вызывало резкое осуждение окружающих. Подавляющая часть пословиц и поговорок обличает владельцев такого богатства, но что интересно, не назидательно, как в протестантской этике, не назидательно утвердительно, как в восточной мудрости, а, по-русски, с определенной долей юмора, снисхождения и даже сочувствия в чем-то, видя в положении богача нравственное неудобство и даже ущербность:

*Богатому не спится, богатый вора боится;
Богатый не тужит, да скучает;
Богатому сладко естся, да плохо спится;
Меньше денег — меньше хлопот;
Денег нет, так подушка под головой не вертится;* и т. п.

Большое количество русских народных поговорок, в которых осуждается приобретение богатства неблагоприятными путями ради удовлетворения разных прихотей его обладателя, может косвенно указывать на то, что далеко не все купцы придерживались определенной этики в ведении своего дела.

Стремясь накопить капитал, они нередко прибегали к довольно грубым методам, например, к обману и воровству. Следует признать, что это было типичным явлением для периода ускорения первоначального накопления. Далеко не всегда честных методов в ведении своего дела придерживались не только отечественные, но и западноевропейские предприниматели. Достаточно вспомнить коммерческие сделки англичан, французов и голландцев с коренным населением своих колоний. В этой связи не вполне обоснованными выглядят мнения некоторых российских исследователей, сравнивающих подходы к торговому делу русских и западноевропейских купцов. В частности, отмечается, что представители западноевропейского капитала придерживались в коммерческой деятельности протестантской этики с ее упором на честность, трудолюбие, предприимчивость и определённые взаимные обязательства¹⁶. Не идеализируя приверженность купечества этим принципам, подчеркнем, что достаточно долгое время коммерческая деятельность за счёт обмана казны и покупателей не считалась большим грехом среди предпринимателей. В России, к примеру, в XVIII столетии даже была распространена поговорка: «Казна — шатущая корова, не доит её только ленивый»¹⁷. Ещё И. Посошков, говоря о русском купечестве, особо отмечал, что купцы «во время торга друг друга обманывают и друг друга обидят, товары худы, закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые, а цену берут непрямую и между собой союзнства не имеют, друг друга едят, и тако все погибают, а в зарубежных торгах компанейства не имеют, и у иноземцев покупают товар без согласия своего товарищества»¹⁸. Эти слова, сказанные в начале XVIII столетия, оставались актуальными на всем протяжении последующих десятилетий и отражали реалии эпохи первоначального накопления.

Наиболее часто злоупотребления встречались среди купцов, занимавшихся винными откупами и различными подрядами.

Типичным примером может служить дело, возбуждённое в 1784 г. правителем Архангельского наместничества генерал-майором Иваном Романовичем Ливеном в отношении архангелогородского первой гильдии купца Федора Ивановича Лобанова.

Содержатель питейных сборов в городе Архангельске Ф. И. Лобанов обвинялся в многочисленных нарушениях, связанных с продажей вина. Основанием к возбуждению следствия послужило письменное чистосердечное признание компаньона Ф. И. Лобанова купца И. Исупова в совершённых злоупотреблениях. Мотив своего поступка И. Исупов объяснял довольно просто — «угрызениями совести», а страх перед наказанием за совершённое тяжкое преступление являлся причиной долгого молчания¹⁹.

Со слов И. Исупова, нарушения начались с весны 1783 г., когда Ф. И. Лобанов, вступив в откуп, оборудовал в собственном доме подвал для хранения вина, которое возил туда вместе с И. Исуповым. Из каждой бочки служители Ф. И. Лобанова выливали 3–4 ведра, а недостающее количество возмещалось «ледовой водой», которая добавлялась в бочки из находившихся поблизости бадей²⁰. Разбавленное вино отпускалось на продажу в питейные дома через служителя Ф. И. Лобанова Илью Баранова. На 9 мая 1783 г., согласно выписке, представленной И. Барановым И. Исупову, из бочек было вылито 191 ведро вина²¹. 7 января 1784 г. от водочного мастера Л. Петрова и пивовара Ф. Костюрина И. Исупов узнал, «что по записям их вино разбавлено в 68 сороковых бочках»²². А 22 января Ф. И. Лобанов в разговоре со своим компаньоном объявил о том, что со времени вступления в откуп перепродали воды на 7 тыс. руб., добавив при этом такие слова: «Не тужи брат, есть из-за чего трудиться, слава богу»²³. В мае 1784 г. Ф. И. Лобанову стало известно, что излишнего вина числится по конторским книгам более 1000 вёдер и он, будучи сильно обеспокоен составлением отчётности, как-то оговорился И. Исупову о своих переживаниях²⁴. Вино отпускалось в продажу сначала через сидельца Тимофея Вешнякова, а после того, как он был направлен по неизвестным коммерческим делам в Устюг, его заменил И. Исупов. Судя по расчётам, которые были осуществлены кассиром Колесниковым, Т. Вешняков продал мимо конторы 51 бутылку вина, а чтобы о таких злоупотреблениях не узнали другие служители, в дальнейшем, в целях предосторожности стали вести две записные тетради. В одну из них записывалось отпускаемое из подвала прибыльное вино, по продаже которого деньги отдавались кассиру Колесникову. Он записывал их в приход, будто бы получил от Ф. И. Лобанова. Во вторую тетрадь вносили то количество вина, на которое, согласно записям в конторской книге, у подвального Ильи Баранова были ярлыки²⁵. Кроме того, Ф. И. Лобановым из оставшегося с ноября 1783 г. кислого пива, путём перегонки делалась водка и развозилась по питейным домам. Из общего количества денег, вырученных за проданное «домерами» вино, часть их ежемесячно выплачивалась в качестве жалования служащим²⁶. 19 декабря 1784 г. городской магистрат и нижний надворный суд получили предписание о проведении следствия, в соответствии с действовавшим законодательством, с целью расследования этих преступлений. Помимо этого, надворному суду было поручено провести освидетельствование дома на «предмет корчемного»²⁷. Дело получило широкую огласку и дошло до Петербурга. 11 марта 1786 г. И. Р. Ливеном было получено отношение от действительного тайного советника графа А. Р. Воронцова и тайного советника А. В. Нарышкина, в котором И. Р. Ливену было указано в шестидневный срок прислать отчёт по делу Ф. И. Лобанова²⁸.

29 мая 1786 г. И. Р. Ливеном была составлена и отправлена «премемория» генерал-губернатору Т. И. Туголмину, в которой сообщалось о сборе всех необходимых сведений и о скорой готовности вынести окончательный вердикт. Чем закончилась эта тяжба, неизвестно, однако, по-видимому, она сильно подорвала здоровье купца Ф. И. Лобанова, который вскоре умер, оставив на попечении брата свою малолетнюю дочь²⁹.

Еще раз подчеркнем, история с Ф. И. Лобановым была не единственной в своём роде. Злоупотребления в содержании винных откупов встречались практически во всех российских губерниях, в том числе самых отдаленных. В каче-

стве примера, следует указать на дело иркутского винного откупщика Передовщикова.

В начале XIX в. Иркутской губернской администрации стало известно о грубых нарушениях допущенных в содержании питейных продаж этим купцом. В руки высших губернских чиновников попали «книги ведомостей и исходящих бумаг», принадлежавших Передовщикову и его поверенным³⁰. В этих книгах были обозначены размеры денежных сумм и количество спиртных напитков, переданных, в качестве взятки, некоторым членам губернского административного аппарата, в том числе и губернскому прокурору надворному советнику Горновскому³¹.

Согласно содержанию этих книг, в период с 1804 по 1806 гг. Горновским было получено от доверенного купца Передовщикова некоего Игнатьева

в 1804 году:

12 января — «в одолжение денег» — 500 рублей.

27 августа — «с изъяснением, что Игнатьев должен хозяину объяснить» — 300 рублей.

24 декабря — без обозначения — 3 ведра вина и 2 ведра водки.

в 1805 году:

31 октября — 4 ведра вина.

31 декабря — в дом Горновского было направлено $4^{2/8}$ ведра вина и 2 ведра водки.

в 1806 году:

31 января — «для прокурора вина» 3 ведра.

27 февраля — 2 ведра.

31 марта — 4 ведра вина.

30 июня и 31 июля — по 3 ведра вина.

8 августа — 1 ведро водки.

27 сентября — 4 ведра вина.

29 октября — 3 ведра вина и 4 осьмины³².

В этих же документах были обнаружены: несвоевременный взнос Передовщикова в Иркутское уездное казначейство за принимаемое на продажу вино, и накопившееся за ним «немалозначущая» недоимка³³. Кроме того, Передовщикову вменялось в вину предоставление с санкции Горновского ссыльному Крушицкому в полное управление всю витимскую дистанцию питейной продажи, а также негласное распоряжение Передовщикова приказчику енисейскому купцу Болотову о перегонке спирта на Александровском и Илгинском винокуренных заводах, направленное «в явный ущерб казне»³⁴. На Александровском заводе Болотов «кроме положенной заводу сложности покупал хлеб и, получая оный заимообразно от бывшего исправника Старкова, купил в пользу Передовщикова вино и двоил ему спирт на счёт казённых издержек»³⁵, а «следующий по контракту для Нерчинска и Якутска спирт передваивал с перегаром от 4° до 6°»³⁶.

В результате, в соответствии со статьёй 126 Устава о вине, иркутский купец Передовщиков был признан виновным во всех злоупотреблениях и отдан под суд³⁷. Полностью признав виновность надворного советника Горновского, Иркутская палата уголовного суда постановила: «...за взятки и злоупотребления, выдержав в приставном месте 10 дней, впредь его ни к каким должностям не определять и не выбирать»³⁸.

Всё вышеизложенное неизбежно наводит на мысль о том, что способы формирования купеческих капиталов были далеко не идеальными, особенно в период первоначального накопления. В связи с этим даже кажутся странными «похвальные слова» купеческой дочери Е. А. Авдеевой-Полевой об иркутских купцах, которые «в Гостином дворе никогда не запросят с вас второе, не будут ворочать с дороги и говорить, что де для вас уступают, никогда не божатся при продаже и не стараются продать гнилой товар вместо хорошего»³⁹. Этому даже не соответствовала на первых порах коммерческая деятельность отца Е. А. Авдеевой-Полевой, иркутского купца А. Е. Полевого, служившего с 1782 г. приказчиком в Иркутске у своего дяди, знатного курского купца И. Л. Голикова (разбогатевшего на пушном тихоокеанском промысле). Зачастую злоупотребляя доверием своего старшего и уважаемого родственника, А. Е. Полевой присваивал себе значительные суммы денег, и сидел «по самые уши в неоплате долгов»⁴⁰. В итоге, И. Л. Голиков вызвал его к себе в Курск, где А. Е. Полевой, выдержав жёсткий разговор по поводу деятельности компании, вынужден был сознаться во всех своих злоупотреблениях: в присвоении крупных сумм денег, в выставлении И. Л. Голикову ложных счетов и неисполнении своих обязанностей⁴¹. И. Л. Голиков, поверив в якобы искреннее раскаяние А. Е. Полевого, вновь доверил ему исполнять свои обязанности в качестве приказчика в Сибири. Тем не менее, вся последующая деятельность А. Е. Полевого подтвердила лживость его уверений⁴².

Довольно часто купцы, испытывая затруднения в своих делах, прибегали к лжебанкротству. Однажды, один из иркутских купцов Д. Гагарин, побывав на Нижегородской ярмарке и набрав в кредит товаров на большую сумму, упаковал их и отправил в Иркутск, не подписав векселей, а сам скрылся из Нижнего Новгорода. Кредиторы, не дождавшись его подписи, решили навести о Д. Гагарине справки в Иркутске, куда беглец незадолго перед этим явился. На запрос кредиторов Д. Гагарин ответил, что иркутский купец первой гильдии Д. Гагарин умер, дело его ликвидировано, а вырученные суммы пошли на уплату долгов⁴³. Неслучайно поэтому в Иркутске о купцах Д. Гагарине и В. Казарине говорили: «Нет выше плутов, как Митька Гагарин да Васька Казарин»⁴⁴.

Вообще на всём протяжении исследуемого периода многие русские купцы в торговых операциях смотрели друг на друга как на потенциальных соперников, размышляя о том, как бы перехитрить другого:

*«...почти у всех в уме один расчёт: кого кто
лучше проведёт и кто кого хитрей обманет»⁴⁵.*

Однако это пристрастие к «плутовству» далеко не всеми осуждалось. Например, почётный гражданин и иркутский 1-й гильдии купец И. С. Хаминов всегда отмечал приказчиков, которые умели достать деньги не только для хозяина, но и для самих себя. Особенно он поощрял тех приказчиков, которые отправлялись на ярмарки. По возвращению ярмарочного доверенного, И. С. Хаминов приглашал его к себе и интересовался, сколько приказчик смог добыть для себя. Если доверенный называл какую-либо сумму, к примеру, 3 тыс. руб., И. С. Хаминов хвалил его и говорил, что толк из него выйдет. Если же приказчик не оставлял себе ничего И. С. Хаминов заявлял, что таких служащих ему не нужно, поскольку с ними «в торговле далеко не уйдёшь, да ещё и в трубу вылетишь» и на следующий день рассчитывал его⁴⁶.

Тем не менее, допуская существование не всегда честных способов накопления русскими купцами своих капиталов, чрезвычайно трудно распространить эти негативные для купеческой среды явления на сплошь всё сословие. Разделяя точку зрения В. Шахерова о том, что «даже в одном купеческом роде можно найти смешение различных факторов»⁴⁷, укажем, что дети иркутского купца А. Е. Полевого — Е. А. Авдеева-Полевая, Н. А. и К. А. Полевые — в дальнейшем стали известными писателями и внесли большой вклад в развитие русской литературы. Можно привести и другой пример. Основатели династии забайкальских купцов Кандинских «мало, чем отличались от бандитов с большой дороги», а их дети были уважаемыми коммерсантами. Они оказывали содействие декабристам. В дальнейшем из их рядов вышел известный художник В. В. Кандинский (1866–1944)⁴⁸.

Следует отметить, что сильное желание русского купечества разбогатеть на рубеже XIX–XX вв. стало сменяться заботой о чистоте репутации. И если в XVIII – первой половине XIX вв. обман большинством купцов воспринимался как нечто житейское, обыденное, то в начале XX в. обманывать напрямую многие уже не только опасались, но и стеснялись⁴⁹. Купцы осознали, что чистая репутация, наряду с благотворительностью и различного рода жертвованиями, может принести известность, авторитет в обществе и награду.

Однако, даже когда по отношению к друг другу купцы стали избегать обмана, полагаясь на «купецкое слово», в общении с остальными никаких перемен не произошло, и отношения с покупателем по-прежнему «уравнивались капиталом». Это означало, что у большей части русского купечества сформировался двойной стандарт деловой этики, «что порождало раздвоенность картины мира членов купеческой субкультуры»⁵⁰.

Подводя итоги, подчеркнем, что в период ускорения первоначального накопления капитала важной ценностью в среде русского купечества являлось стремление к обогащению. Объяснялось такое побуждение, в первую очередь, заботой о благополучии всех членов купеческой семьи. Руководствуясь этой ценностной установкой, купцы занимались своим профессиональным делом, которое служило источником их доходов и существования. То, насколько оно было успешным, зависело от самого купца, его знаний, опыта, усвоенных навыков и ценностей. В своей совокупности они определяли не только экономическое, но и социальное поведение предпринимателя изучаемой эпохи.

Примечания

- 1 Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 14.
- 2 Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2001; Русские народные пословицы и притчи И. Снегирева. М., 1995; Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960.
- 3 Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 19.
- 4 Шейко Н. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2006. С. 67.
- 5 Даль В. И. Указ. соч. С. 32–49; Русские народные пословицы и притчи... С. 14–16.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 68.
- 8 История торговли и промышленности в России: В 2-х т. / Под ред. П. Х. Спасского. СПб., 1910. Т. 1. С. 76–77.
- 9 По этому поводу, к примеру, народная мудрость гласит: «Кресты да перстни — те же деньги», «У молодца не без золотца, у красной девушки не без серебрца», «Шелк не рвется, булат не сечется, красное золото не ржавеет» (См.: Шейко Н. И. Указ. соч. 15).

- 10 ГАВологодО. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–13; Д. 8. Л. 1–9; Д. 9. Л. 1–1 об. Эти земельные участки покупались Пановыми у обедневших тотемских купцов, купеческих вдов и мещан, проживавших в районе Климантовской, Пробойной и Кузнечной улиц города Тотьмы.
- 11 Там же. Д. 9. Л. 5.
- 12 Там же. Д. 10. Л. 1.
- 13 *Сапрыгина Е., Корнилов П.* Пушное дело Пановых // Губернский дом. 1995. № 5. С. 68.
- 14 Желанием купца П. А. Панова было передать свое дело единственному наследнику — Василию Петровичу с тем, чтобы он продолжил его и приумножил нажитое состояние. Однако сын не проявлял ни малейшего интереса к коммерции и был полностью лишен деловой хватки. 1 января 1786 г. Василий записался в гвардии Преображенский полк, решив сделать карьеру военного. (См.: *Сапрыгина Е., Корнилов П.* Указ. соч. С. 68–69).
- 15 Цит. по: *Шейко Н. И.* Указ. соч. С. 14.
- 16 *Соколов К. Б.* Субкультура российского купечества: генезис субкультуры и своеобразие исторического пути // Мир психологии. 2001. № 2. С. 223; *Левандовская А. А., Левандовский А. А.* «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 147.
- 17 *Томили-Бразоль А.* Жизнь и судьба Федора Соймонова. Л., 1991. С. 402.
- 18 *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве (и некоторые более мелкие сочинения). М., 1911. С. 3.
- 19 ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 5 об.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 6.
- 26 Там же. Л. 6 об.
- 27 Там же. Л. 11–12.
- 28 Там же. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 552. Л. 1–1 об.
- 29 Там же. Ф. 49. Оп. 4. Д. 4. Л. 22 об.
- 30 РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 75. Л. 9.
- 31 Там же. Л. 9–9 об.
- 32 Там же. Л. 9–9 об.
- 33 Там же. Л. 10.
- 34 Там же. Л. 10–10 об.
- 35 Там же. Л. 11.
- 36 Там же. Л. 11–11 об.
- 37 Там же. Л. 12.
- 38 Там же. Л. 13.
- 39 *Авдеева-Полевая Е. А.* Записки и замечания о Сибири (с приложением старинных русских песен) // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 32.
- 40 Цит. по: История Русской Америки. 1732–1867: В 3-х т. / Под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1997. Т. 1. С. 132.
- 41 Там же. С. 144.
- 42 Там же.
- 43 *Старовер А.* Мелочи иркутской старины // Сибирский архив. 1913. № 4. С. 212.
- 44 Там же.
- 45 Цит. по: *Грот Я.* Сатира Крылова и его Почта Духов // Вестник Европы. 1868. № 2. Март. С. 215.
- 46 *Старовер А.* Указ. соч. С. 213.
- 47 *Шахеров В.* «Для пользы сообщества достаток истощая» // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 4.
- 48 Там же.
- 49 *Соколов К. Б.* Указ. соч. С. 224.
- 50 Там же.

Е. И. Сумбурова
Самара

Педагогические курсы и учительские съезды в Самарской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.)

Учительская профессия — дело в высшей степени живое и серьезное, требующее от педагога массы разнообразных сведений, постоянного обновления запаса своих знаний. Педагогу нельзя стоять на месте, почивать на лаврах от уверенности, что он все уже знает. Как он будет заботиться о развитии детей, если сам не занимается самообразованием? Особенно остро эта проблема во второй половине XIX — начале XX в. стояла среди учителей и учительниц начальных школ, так как они получили скудное образование и были лишены возможности пополнять его из-за отсутствия библиотек в селах и деревнях. Вопрос об улучшении профессиональной подготовки учителей занимал в этот период умы российской педагогической и земской общественности.

Русская начальная школа появлением учительских курсов и педагогических съездов была обязана, в первую очередь, земствам. Первые педагогические собрания были организованы не правительством, не учебной администрацией, а органами местного самоуправления¹. Причиной появления курсов стал недостаток педагогических кадров в начальных школах. Учительские собрания, на тот момент, являлись удобной формой кратковременной школы, где учитель не только ознакомился с улучшенными способами преподавания школьных предметов, но и при помощи обмена мнений достигал более правильного взгляда на свое назначение как учителя и на роль начальной школы в деле образования и воспитания народа.

В истории педагогических курсов, проходивших во второй половине XIX — начале XX в. в Самарской губернии, можно выделить два периода. На первом этапе учительские собрания были довольно распространенным явлением. Органы общественного самоуправления губернии постоянно устраивали педагогические съезды и курсы в 1869–1874 гг. Проходили они, как правило, в каникулы в уездных городах. Инициатором открытия курсов выступала местная учебная администрация. Активную роль в становлении педагогических съездов в Самарской губернии сыграл первый инспектор народных училищ П. Ф. Книзе. При его участии были организованы более десяти курсов в пяти уездах края: Бузулукском, Самарском, Ставропольском, Николаевском и Новоузенском².

Организация первых учительских собраний вызвала недоумение и живой интерес у представителей самарского земства. Они с любопытством узнали о новом деле. Например, П. Ф. Книзе сообщал в письме губернатору Г. С. Аксакову, что на его предложение Николаевскому уездному собранию провести в Николаевске летние курсы для учителей последовало двухминутное молчание, а затем — вопросы и оживленное обсуждение. В итоге, было принято решение организовать в Николаевске с 1 августа по 15 сентября 1870 г. учительские курсы, куда пригласить 31 учителя и выделить на их устройство 465 руб.³

На Новоузенском съезде 1874 г. присутствовало 56 учителей, два специалиста — педагога, инспектор народных училищ Самарской губернии. Расходы на организацию и проведение учительского собрания составили 1310 руб. 10 коп.⁴

Летом 1875 г. в Самарском уезде в течение 1,5 месяцев проходил учительский съезд. За это время наставники курсов — преподаватели Самарской учительской семинарии и земской школы по приготовлению сельских учительниц познакомили курсистов не только с методикой обучения, но и с новыми научными данными, пособиями и играми. Каждый учитель получил в качестве пособия на проживание в Самаре 7 руб.⁵

Занятия на самарских педагогических курсах проводились согласно программе, разработанной П. Ф. Книзе. Главной целью курсов, по его мнению, являлся показ приемов преподавания, при которых учащиеся легче бы справлялись с учебой. Исходя из этого, занятия делились на теоретические и практические. На теоретических занятиях речь шла о подготовке пробных уроков, обсуждались способы обучения чтению, письму и арифметике, учебные пособия и руководства. На практике учителя-курсисты в организованной при курсах школе давали уроки, иногда им предоставлялась дополнительная возможность познакомиться с переплетным мастерством, рукоделием, гимнастическим искусством или руководством детским хором⁶.

Слушатели курсов представляли собой людей, не получивших достаточно общего образования, не говоря о специальной подготовке. Поэтому программа курсов часто не выполнялась. Вместо ознакомления с лучшими методами и приемами преподавания руководителям приходилось знакомить слушателей с элементарными знаниями.

Земство на данном этапе не вмешивалось в руководство педагогических курсов и только оказывало им материальную поддержку. Оно обеспечивало проезд учителей к месту проведения курсов на земских лошадях, выплачивало пособия на проживание, закупало необходимую литературу. Расходы земских органов самоуправления на педагогические собрания, как правило, составляли от 250 до 500 руб. в год.

С 1875 г. педагогические курсы перестают созываться по ряду причин. Во-первых, в Самарской губернии начали функционировать две постоянных учительских школы: правительственная мужская семинария и женская земская школа, готовившие профессиональные кадры для начальных школ. Во-вторых, в политике правительства произошел поворот: 5 августа 1875 г. были изданы «Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ» (действовавшие до 1906 г.), которые регламентировали организацию курсов, но не содействовали их развитию. «Правила» сужали программу занятий, ограничивали роль руководителей, устанавливали чрезвычайно стеснительные правила для учредителей и для самих участников, подвергали предварительному утверждению в попечительствах учебных округов не только лекторов, но даже списки учителей. Характер учительских собеседований из этих курсов был совершенно устранен, вся организация курсов подлежала самой мелочной административной опеке⁷.

В период с 1875 по 1890 гг. число проводимых учительских собраний резко сократилось, и в основном устраивались учительские съезды. Так, например, в 1882 г. в Самарской губернии были созданы съезды в Бугурусланском уезде

под руководством бывшего инспектора народных училищ И. Я. Терсинского и в Бузулукском — под руководством П. Ф. Книзе. На Бугурусланском съезде обсуждались вопросы, касающиеся положения школьного дела (неудовлетворительное состояние школьных помещений, не отвечающих элементарным требованиям гигиены; разновременное поступление учеников в сельские школы; максимальное количество учащихся, приходящихся на одного учителя; вопрос о нравственном влиянии учителя на учеников и т. д.). Съезд, по отзывам участников и наблюдателей, произвел благоприятное впечатление характером своих занятий, в которых учащий персонал принимал самое активное участие⁸.

В 1890/91 учебном году в Самаре с разрешения попечителя Казанского учебного округа ежемесячно проходили собрания учителей городских приходских училищ. Целью этих встреч являлось посещение и последующее обсуждение показательных уроков своих коллег, что подвигло дирекцию народных училищ Самарской губернии инициировать педагогические собрания городских учителей. Директор училищ М. Н. Грифцов в одном из своих отчетов сообщал, что учителя отвыкли читать книги педагогического содержания и ведут свои занятия по давно наработанной методике. Участие в критической оценке увиденного урока послужит толчком к самоусовершенствованию, а также покажет пример неопытным учителям. Всего состоялось семь таких собраний⁹.

В 1897–1898 гг. педагогические курсы были устроены в Ставропольском уезде. В их работе приняли участие 83 человека под руководством инспектора народных училищ Г. А. Гравицкого. Из 130 пробных уроков, данных учителями на курсах, 114 были оценены руководством на «хорошо» и «отлично». На курсах обсуждались такие вопросы, как основные задачи народной школы и главные начала обучения в ней; сущность звукового метода и условия правильного его применения при обучении грамоте; дисциплина и внимание учеников; личность народного учителя и т. д.

Результаты курсов в педагогическом отношении были весьма благотворными. Участники сообщали, что курсы помогли им глубже понять свою деятельность, освежить и обновить в памяти педагогические познания, обменяться мыслями и опытом с товарищами¹⁰.

С конца 1890-х гг. педагогические собрания пережили второе рождение. Земства вновь вернулись к идее устройства учительских курсов, но под влиянием времени изменился их характер. Курсы получили научное содержание, так как слушатели имели специальную подготовку, и им требовалось лишь пополнить свой багаж знаний, расширить кругозор за счет предметов, не изучаемых в педагогических учебных заведениях, но необходимых для современной жизни. Курсисты являлись активными слушателями. Они вели конспекты, писали рефераты, участвовали в обсуждениях волнующих их тем.

Несмотря на все ограничения, которыми была обставлена организация курсов и учительских съездов, самарское земство понимало их крайнюю необходимость. В докладе Губернской земской управы 1899 г. прозвучало следующее: «Земство, идя навстречу запросам народной среды, а главное — изменившимся условиям экономической и общественной жизни страны, требует от современной начальной школы больших знаний, чем одна простая грамота. Народная школа должна не только учить, но и воспитывать, кроме того, народная школа не должна покидать крестьянских детей и после оставления ими школы. Воспитание и

внешкольное образование народа — вот две новые обязанности, возложенные на учителя народной школы»¹¹.

Это, конечно, идеальные представления о роли учителя. На самом деле, земские гласные знали о крайне тяжелых условиях самообразования народных учителей и учительниц. Лишенные общения друг с другом, не имеющие ни книг, ни журналов, ни учебных пособий, разбросанные по глухим селам среди некультурного, часто невежественного населения, народные учителя были предоставлены сами себе. Деревенская обстановка действовала зачастую разрушающим образом на стремление к самообразованию, а умственный застой нигде не имеет таких губительных последствий, как в педагогической деятельности. Выход из данной ситуации общественные деятели второй половины XIX — начала XX в. видели в организации учительских курсов и педагогических съездов, которые, по их мнению, обеспечивали бы участникам собраний необходимый подъем духа, любовь к своему делу и веру в себя. «Понятно для каждого, что учительская профессия и при более солидной общей и специальной подготовке требует безостановочной работы для расширения образования преподавателя, без чего последний неминуемо превращается в «мастера», шаблонно обучающего лишь механическим навыкам чтения, письма и счета»¹².

После неудачных попыток ряда земств организовать учительские курсы в уездах (Бузулукском, Новоузенском) было принято решение устроить общегубернский съезд с привлечением в качестве руководителей известных, опытных и талантливых российских педагогов. Новый период в истории курсов отличался более серьезным развитием и прочной организацией. Земство взяло на себя функцию устроителя педагогических съездов. Оно выходило с инициативой открытия курсов перед попечителем Казанского учебного округа и губернатором, выделяло средства на проживание приглашенных учителей и оплату труда лекторов. При этом земство старалось устраивать не только специально-педагогические курсы, но и общеобразовательные.

В 1901–1902 гг. в Самаре усилием губернских органов самоуправления и дирекции народных училищ были организованы педагогические курсы с широким участием народных учителей и учительниц края. Курсы прослушали более 400 человек. Расходы на их организацию за два года составили 16 500 руб., включая оплату труда лекторов, проживание и питание учителей в Самаре, организацию экскурсий и т. д. В работе педагогических курсов приняли участие профессор Московского сельскохозяйственного института Н. И. Боголюбский, преподаватель Пажеского корпуса Я. И. Ковальский, профессор Киевского университета И. А. Сикорский, профессор Юрьевского университета Г. В. Хлопин, а также лучшие силы местной педагогической школы.

В течение месяца в помещении Самарской губернской земской управы шли занятия по Закону Божьему, гигиене, психологии, русскому языку и мироведению (естествознанию). Для лучшего усвоения методических приемов при курсах была открыта образцовая школа с тремя отделениями (30 человек), где каждое утро с 8 до 10 часов велись учебные занятия. Кроме того, слушатели обучались хоровому пению, игре на скрипке и участвовали в практических занятиях по физике. Во время большой перемены курсисты пили чай с белым хлебом и отдыхали. Затем шло обсуждение уроков, беседы по волнующим учителей вопросам, обед и дополнительные занятия на скрипке. Проживали курсисты в помещении

Самарского 6-классного городского училища, а курсистки — в общежитии земской школы сельских учительниц¹³.

Наибольший интерес среди слушателей вызвали лекции по психологии профессора Киевского университета И. А. Сикорского. Слухи о нем, как о талантливом профессоре-психологе и сердечном человеке, основанные на отзывах студентов, учеников, и знакомстве с его печатными трудами, волновали курсистов и весь педагогический персонал Самары. Его лекции привлекли массу посторонних посетителей, желавших услышать живое слово авторитетного ученого. Несмотря на страшную летнюю духоту, переполненный слушателями зал с закрытыми дверями и окнами обращался в один слух и одно внимание. Курсисты с затаенным дыханием следили за каждым словом профессора, стараясь записать в тетрадь каждую его фразу. В благодарность за доставленное удовольствие и пользу от лекций слушатели педагогических курсов 1902 г. преподнесли И. А. Сикорскому адрес со словами восхищения и уважения¹⁴.

Педагогические курсы 1901–1902 гг. прошли с большим успехом и пользой для учителей Самарского края. Добросовестное отношение к занятиям курсистов, удачный выбор руководителей и талантливых лекторов, материальная поддержка Самарского губернского земства способствовали успеху этого начинания. В отзывах учителей — участников курсов сохранились самые теплые воспоминания о проведенном в Самаре времени. В заключение курсов устроители организовали для учителей и преподавателей речную прогулку по Волге с остановкой у Жигулевских гор, с военным оркестром и обедом¹⁵.

Среди всеобщего восхищения и радостного настроения в анкетах курсистов встречались и негативные отзывы о педагогических курсах. Так, например, по мнению одного участника, было затрачено огромное количество средств — лучше бы на эти деньги закупили книги и раздали их учителям. Другой учитель отметил, что в связи с большим объемом информации он ничего не смог усвоить, а третий указал на плохие условия проживания учителей: пыль, грязь, тесноту¹⁶.

Уже при организации педагогических курсов в 1902 г. Самарская губернская земская управа столкнулась с целым рядом трудностей. Например, ей было отказано в разрешении пригласить наиболее известных в то время знатоков педагогического дела, хотя от некоторых из них уже было получено согласие. Так, не смогли приехать в Самару Д. И. Тихомиров, Я. И. Душечкин, В. П. Вахтеров, Н. Ф. Бунаков, С. И. Шохор-Троцкий, С. Ф. Платонов. Министерство народного просвещения не одобрило участия знаменитых педагогов в провинциальных учительских курсах. Подобное отношение к педагогическим собраниям было вызвано общим направлением внутренней политики правительства, в частности в отношении земского самоуправления.

Самарское земство рассчитывало, что в течение 5–6 лет все учителя и учительницы края смогут посетить устраиваемые для них педагогические лекции. Но земству без объяснения причин не разрешили организовать курсы ни в 1903, ни в 1904 г. В итоге, разочаровавшись в устройстве педагогических съездов, местное самоуправление приняло решение не устраивать курсы у себя в крае, а выделять средства на командировки учителей в другие города. Желающих посетить столичные курсы было много, поэтому управы установили ряд условий. Командированные учителя должны были прослужить в земстве не менее 5 лет. Из одного села отправлялся один учитель, а уже бывший на курсах мог рассчиты-

вать на повторную поездку только в случае отсутствия других кандидатов¹⁷. Так, например, в 1912–1913 гг. 104 самарца посетили педагогические курсы в Киеве и Москве¹⁸. Курсы в Москве носили общеобразовательный характер, где за 34 дня были прослушаны лекции по 22 предметам. Курсисты отметили увлекательность и полезность курсов, но главным минусом организаторов, по их мнению, явилась слишком высокая плата за отдельные практические занятия. В целом учителя писали в своих отчетах, что «курсы дали толчок к самообразованию», «душа облагораживается, слетает темный налет». Ряд учителей пришли к выводу, что нужно устраивать педагогические собрания у себя в губернии. Пусть они проиграют в научном плане, но их сможет посетить большее число педагогов, которые приобщатся к общеземским делам¹⁹.

После издания «Временных правил о собраниях» в 1906 г., сложное и ответственное дело по организации учительских курсов в Самарской губернии взяло на себя Самарское общество народных университетов. Эта общественная организация обладала достаточно ограниченными средствами, и, если бы не поддержка Санкт-Петербургской педагогической академии, курсы в Самаре вряд ли бы состоялись.

Педагогическая академия, открытая в 1907 г., в основу своей деятельности положила новейшие принципы всестороннего изучения детской души. Основные положения нового направления педагогической науки — дать ребенку то, что требуется его природой, вести воспитание и обучение в соответствии с законами развития ребенка. Эти принципы Педагогическая академия распространяла во время выездных сессий в разные регионы страны.

В августе 1909 г. по приглашению Самарского общества народных университетов в Самаре в течение двух недель читали лекции преподаватели Санкт-Петербургской академии. В числе слушателей присутствовали 200 учителей и учительниц губернии, которые с неослабевающим вниманием занимались на лекциях и практических работах. С лекциями выступили: приват-доцент К. Н. Кржишковский (физиология и нервная система), Н. Е. Румянцев (экспериментальная психология), профессор А. П. Нечаев (педагогическая психология), приват-доцент А. С. Грибоедов (патологическая педагогика). В распоряжении Общества народных университетов отсутствовали специальные средства, поэтому за полный курс лекций была установлена плата в размере 6 руб. (для сравнения: в Нижнем Новгороде курс похожих лекций стоил 12 руб., а в Санкт-Петербурге и Москве — 30 руб.). Когда поступило частное пожертвование в 300 руб. для взноса за неимущих учителей, совет Общества снизил плату для нуждающихся до 3 руб., а некоторых и вовсе от нее освободил.

Ввиду огромного интереса, проявленного самарскими учителями к курсам, совет Общества принял решение организовать цикл лекций по разным педагогическим дисциплинам и в следующем 1910 г. В ответ на ходатайство Общества в Педагогическую академию пришел ответ, что в виде благодарности за щедрый дар самарского благотворителя, пожелавшего остаться неизвестным, все расходы, связанные с поездкой лекторов в Самару и высылкой необходимых пособий, будут оплачены Академией, а лекции для всех педагогов Самарской губернии будут бесплатными.

С 8 по 30 июня 1910 г. в Самаре вновь проходили педагогические курсы, где читали лекции столичные преподаватели. Лекции проходили в помещении

цирка, прекрасно приспособленного для чтения и предоставленного его владельцами — братьями Калининскими — бесплатно. Среди постоянных слушателей курсов, число которых составило 616 человек, 323 чел. (52 %) являлись учителями земских школ, 118 чел. (19 %) — преподавателями городских приходских училищ, 57 (9 %) — обучали детей в церковно-приходских школах. Остальные слушатели являлись учителями средних учебных заведений (28 чел.), министерских училищ (27 чел.), представителями других профессий. Если рассмотреть распределение учительского персонала по уездам Самарской губернии, то мы увидим, что больше всего учителей было из Самары и Самарского уезда — 256 человек. Из Новоузенского уезда — 100 чел., из Бузулукского — 80, из Бугурусланского, Бугульминского, Николаевского и Ставропольского — примерно по 30 чел. из каждого уезда. Не все желающие смогли попасть на педагогические лекции из-за отсутствия средств на дорогу до Самары: заявок на участие было принято больше, чем прибывших курсистов. Так, например, один учитель из Бугульминского уезда большую часть пути до Самары преодолел пешком, а это более 100 км.

Педагогические лекции 1910 г. состояли из двух частей. Первый цикл носил общепедагогический характер, где рассматривались вопросы по истории педагогики за рубежом и в России. Затем выступили уже знакомые самарцам преподаватели Академии с лекциями по педагогической психологии, физиологии нервной системы, школьной гигиене и другим наукам. После того, как были выяснены общие вопросы воспитания и обучения, начался ряд лекций по методикам главных предметов начальной школы: по математике (С. И. Шохор-Троцкий), по естествоведению (М. М. Соловьев), по русскому языку (Н. К. Кульман). В ходе занятий лекторы проводили практические работы с демонстрацией различных опытов, беседы по группам и при участии всех слушателей. Живой обмен мнениями, активное участие курсистов, деловая обстановка во время занятий — все это преисполнило как профессорский состав, так и учителей чувством глубокого удовлетворения, что проявилось в целом ряде адресов, телеграмм и речей. Закончились курсы экскурсией в Жигулевские горы на частном пароходе²⁰.

В ходе проведенного среди слушателей педагогических курсов анкетирования выяснились интересные и поучительные факты. Большинство на вопрос о предмете, которого не хватало на курсах, указали на общеобразовательные и общенаучные дисциплины: историю литературы, историю всеобщую и русскую, естествознание, математику. Некоторые опрашиваемые указали на такие предметы, как введение в философию, логику, социологию, историю искусств, медицину и др. Столь обширный перечень недостающих дисциплин, несомненно, указывает на то, какую потребность в знании испытывал народный учитель и как ограничена была получаемая им профессиональная подготовка. Ряд слушателей высказали пожелание, чтобы при лекциях была организована образцовая школа. Считалась желательной выставка руководств и наглядных пособий с продажей их по доступным ценам. Помимо проблем научного и организационного характера, были затронуты вопросы, которые ставили перед учителями жизнь и профессиональная деятельность. Так, прозвучала мысль о том, чтобы на лекциях освещались вопросы о детских болезнях, о закаливании детского организма, о борьбе с детскими пороками, ведении повторительных занятий с бывшими учениками, о личности учителя, его внешности, одежде и манере держаться и

проч. Была затронута и одна из наиболее чувствительных и болезненных проблем в жизни народного учителя — его материальная необеспеченность. Несмотря на то, что лекции для самарцев были бесплатными, расходы на проезд и проживание в городе для многих, особенно для семейных, оказались непосильными. В одной анкете было высчитано, что эти расходы превысили 11 % всего годового жалования учителя.

На самарских педагогических курсах 1909 г. присутствовал будущий автор повести «Ташкент — город хлебный» А. С. Неверов, тогда еще учитель Письмирьской школы грамоты Ставропольского уезда Александр Скобелев²¹.

Анкеты слушателей и удачный двухлетний опыт устройства педагогических курсов побудили руководителей Самарского общества народных университетов обратиться к профессорско-преподавательскому составу Санкт-Петербургской педагогической академии с предложением провести лекции и в 1911 г. В ответ поступило пожелание организовать в Самаре, как центре огромного района, своего рода летний филиал Академии, с тем чтобы в течение ряда лет все желающие учителя могли пройти полный курс Педагогической академии, не покидая своего города.

Педагогические курсы в Самаре в 1911 г. не были открыты из-за отсутствия средств²². Обратившись к уездным земствам с просьбой поддержать курсы и оказать финансовую помощь, совет Общества народных университетов получил практически от всех управ отказ по какой-либо причине, за исключением Бугульминской уездной и Бузулукской городской управ²³.

Самарское земство на этом этапе было увлечено идеей организовать в Самаре постоянные двухгодичные педагогические курсы. Для этого было решено познакомиться с организацией подобных курсов в других земствах России: Тверском, Ярославском, Харьковском, Воронежском. Но в дальнейшем этот проект был заменен решением об учреждении в Самаре Высшего женского педагогического института, открытие которого состоялось 29 октября 1917 г.²⁴

По примеру земств церковно-учебное ведомство, начиная с 1894 г., стало организовывать педагогические курсы для преподавателей церковно-приходских школ. Для этих целей в Самарской губернии был установлен ежегодный сбор с церквей — 3 руб., с причта и церковных попечителей — 1 руб.²⁵

Первый опыт педагогических курсов для учителей церковно-приходских школ показал, насколько необходимы были данные мероприятия. Курсист С. Знаменский в статье в местной газете поделился своими впечатлениями от курсов, прошедших в селе Екатериновке в 1895 г. Он писал, что учителя приехали на занятия с опаской, ожидая, что их будут экзаменовать, а за неправильные ответы наказывать. Но к концу первой недели все курсисты втянулись в работу. Занятия приняли характер оживленный, практиканты начали советоваться между собой, а кое о чем и спорить. В итоге, к окончанию курсов многие учителя заявили о пользе занятий и с благодарностью отзывались о руководителях и организаторах педагогического съезда²⁶.

Курсы для учителей церковно-приходских школ устраивались согласно утвержденным в 1898 г. Училищным советом при Синоде «Временным правилам для устройства учительских курсов» сроком на один месяц. Курсы для учителей проводились как в Самаре, так и в уездах. Например, в 1899 г., кроме самарских епархиальных курсов, на которых присутствовало 117 учителей, занятия прохо-

дили еще в 20 пунктах губернии для 480 преподавателей²⁷. Всего на содержание курсистов и проезд учителей к месту занятий было затрачено 2500 руб. из средств благотворительных округов. Главным недостатком курсов для учителей церковно-приходских школ можно считать отсутствие заранее подготовленных и продуманных программ учебных занятий, когда руководители на бегу и по ходу дела составляли планы лекций и практических уроков.

Курсы, в основном, носили церковно-певческий характер. Например, в Самаре с 15 июня по 20 июля 1913 г. проходили курсы под управлением епархиального наблюдателя церковных школ А. М. Никольского, в которых приняли участие 117 учительниц края. На курсах преподавались церковное пение (руководитель — И. В. Кусков из Оренбургской учительской семинарии), хоровое пение (учительница Обшаровской Свято-Екатерининской второклассной школы А. И. Анихнова), Закон Божий (инспектор курсов), русский и церковно-славянский языки и арифметика (преподаватели Самарской церковно-учительской школы В. Д. Бережков и А. Д. Воздвиженский). Кроме того, в качестве лекторов были приглашены: преподаватель Самарской духовной семинарии В. Я. Арёфьев для чтения лекций по педагогической психологии, преподаватель Самарской церковно-учительской школы П. И. Филатов для ознакомления слушательниц с методикой преподавания в начальной школе отечественной истории и географии. Доктор медицины Н. К. Иванов прочитал лекции по гигиене и борьбе с алкоголизмом, а с преподаванием гимнастики курсисток знакомила учительница Свято-Екатерининской второклассной школы С. Н. Васильева.

Занятия на курсах разделялись на теоретические (разбор уроков практикантов, методические беседы), практические (в организованной при курсах женской школе) и самостоятельные (составление конспектов уроков, чтение педагогической литературы).

Жили и питались слушательницы курсов в здании Самарской духовной семинарии. В свободное от занятий время курсистки посетили ряд самарских достопримечательностей — храмы города, музей императора Александра II, электрическую городскую станцию и свечной епархиальный завод. У учительниц, впервые приехавших в Самару, экскурсии вызвали откровенный восторг и восхищение.

По окончании курсов все слушательницы были подвергнуты экзамену по пению и, в зависимости от способностей, получили либо свидетельства на право управления школьным хором, либо удостоверения о посещении курсов²⁸.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы выделить следующие моменты. Во-первых, педагогические курсы, проводившиеся во второй половине XIX — начале XX в. в Самарской губернии, в своем развитии прошли несколько этапов. Различия касались, главным образом, характера и целей курсов. Так, курсы 1875–1890-х гг. были призваны знакомить малоподготовленных учителей с лучшими способами обучения и пополнять их сведениями о преподаваемых предметах. Педагогические собрания в данный период имели методический характер и были направлены на усовершенствование начального образования, например, знакомили курсистов со звуковым методом обучения чтению.

Курсы, организуемые в начале XX в., преследовали более широкие задачи. Они давали возможность учителям проверить свой опыт опытом известных педагогов-руководителей и вместе с тем ставили своей целью пробуждение в

учителях стремления к самообразованию, расширению мировоззрения при помощи лекций по истории, психологии и мироведению²⁹.

Во-вторых, организаторы педагогических собраний в Самарской губернии столкнулись с рядом трудностей: несовершенное законодательство, получение разрешения в Казанском учебном округе и Министерстве народного просвещения, поиск талантливых лекторов, обеспечение проезда и проживания учителей на время курсовых занятий и др.

В-третьих, необходимо отметить несомненную заслугу самарского земства, руководства самарской епархии, дирекции народных училищ губернии и общественных организаций в становлении и развитии педагогических курсов и учительских съездов Самарского края.

В целом, в истории народного образования России до 1917 г. учительские курсы сыграли значительную роль, позволяя в кратчайшие сроки восполнить пробелы в знаниях народных учителей, побуждая их к саморазвитию, усовершенствованию педагогической деятельности и способствуя подъему нравственного духа народного учителя и возвышению его личности в собственных глазах. Живое общение с коллегами, посещение лекций талантливых педагогов и ученых, убеждение в значимости своего труда укрепляли в учителях решимость заниматься обучением и воспитанием детей, несмотря на скудное содержание и полную необеспеченность в будущем.

Примечания

- 1 *Феликсов Н. А.* Педагогические и учительские съезды // Русская мысль. 1896. Кн. IX. С. 1–28.
- 2 ГАСО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–26; Д. 82. Л. 1–27; Д. 167. Л. 1–74 об.; Д. 180. Л. 2–37; Д. 196. Л. 1–9.
- 3 Самарские губернские ведомости. 1870. 30 мая.
- 4 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212 об.
- 5 Краткий исторический очерк деятельности Самарского уездного земства по народному образованию с 1865 по 1899 год. Самара, 1899. С. 19.
- 6 Самарские губернские ведомости. 1870. 13 июня.
- 7 Доклад Самарской губернской земской управы XL-му очередному губернскому земскому собранию. О педагогических курсах. Самара, Б. г. С. 1.
- 8 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212 об.
- 9 Там же. Ф. 360. Оп. 42. Д. 10. Л. 1.
- 10 *Гравицкий Г. А.* Краткосрочные педагогические курсы в посаде Мелекесе, Самарской губернии, летом 1897 и 1898 гг.: Материалы из отчета инспектора народных училищ, руководившего курсами. Самара, 1899. С. 3–14.
- 11 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212–212 об.
- 12 Там же.
- 13 НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2234. Л. 2–2 об.
- 14 Отчет о краткосрочных педагогических курсах, бывших в г. Самаре с 4 июня по 4 июля 1902 года. Самара, Б. г. С. 1–15.
- 15 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 213–214 об.
- 16 Там же. Ф. 360. Оп. 53. Д. 13. Л. 1–61.
- 17 Бюллетени справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы. Самара, 1914. Вып. 3. С. 224.
- 18 Самарское губернское земское собрание. XLIX очередная сессия: Доклад губернской земской управы. Б. г.; Известия по народному образованию. 1915. Май. С. 129–153.
- 19 *С. Р.* Летние курсы в Москве (что они дали народному учителю) // Вестник Новоузенского земства. 1912. № 5. С. 98–121.
- 20 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 215–217.
- 21 *Фатов Н. Н.* А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества. Л., 1926. С. 26.

- 22 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 217–218 об.
- 23 Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 32. Л. 197–206, 298.
- 24 Волжское слово. 1917. 31 октября. С. 3.
- 25 Самарские епархиальные ведомости. 1895. 1 сентября.
- 26 Там же. 15 октября.
- 27 Там же. 1900. 1 января; 1 июня.
- 28 *Никольский А. М.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1912–1913 учебном году. Самара, 1914. С. 58–63.
- 29 Первое дополнение к Сборнику постановлений Самарского губернского земского собрания по народному образованию за время с 1900 по 1903 г. включительно. Самара, 1904. С. 37.

О. Г. Герасимова
Москва

Общественно-политическая жизнь студенчества в эпоху «оттепели»: МГУ им. М. В. Ломоносова

Период середины 1950-х – середины 1960-х гг. в истории СССР ознаменовался рядом событий, повлиявших на многие стороны жизни не только в нашей стране, но и за рубежом. И среди них особое место занимает XX съезд КПСС с закрытым докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». По поводу значения XX съезда существует множество точек зрения о его роли в общественно-политической жизни страны — от преувеличенно подчеркивающих до низводящих ее на нет.

Выступление Н. С. Хрущева 25 февраля 1956 г. было продиктовано, в первую очередь, не стремлениями восстановить попорченную справедливость, а явилось тактическим шагом на пути сосредоточения полновластия в своих руках, что прекрасно понимала определенная часть советского общества, среди которой находились и студенты. Это понимание подтверждалось и дальнейшими событиями: «закручиванием гаек» во всех областях — идеологии, культуре, науке, политике, затронувшем немалое количество населения. Достаточно вспомнить закрытое письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда» от 16 июля 1956 г.; обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»; Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий»; реакцию советского руководства на события в Польше и Венгрии; еще одно закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Заметим, что в статье специально не рассматриваются отклики университетской молодежи на решения XX съезда. Влияние отмеченного политического события на умонастроения студенчества прослеживается в формах и характере выступлений последнего.

Одной из проблем изучения жизни советского общества в 1953–1964 гг. является проблема реконструкции жизни студенчества Московского университета, ее сути и динамики. Изучение поколения, в 1950–1960-е гг. переживавшего свою молодость и формирование мировоззрения, важно для понимания изменений, происшедших в нашей стране в перестроечный и постперестроечный перио-

ды. Познание процессов, протекавших в умах учащейся молодежи, возможно через призму исследования ее общественно-политической позиции, которая могла выражаться, по мнению автора, не только в ходе обсуждений самых разных вопросов на комсомольских собраниях, диспутах, конференциях, но и отчетливо проявлялась в выступлениях студентов во время обсуждений художественных произведений, выставок, материалов многотиражной газеты «Московский университет» и стенгазет.

Студенчество в качестве объекта исследования выбрано не случайно. Молодежь — это часть общества, его будущее. Ее воспитанию в Советском Союзе традиционно уделялось самое пристальное внимание со стороны партии и государства. Выбор Московского университета как объекта исследования объясняется, во-первых, тем, что в столице, где по традиции сосредотачиваются главнейшие властные и силовые структуры, информация обо всех изменениях «наверху» доходит до населения быстрее нежели в остальных городах. Во-вторых, МГУ — был и остается крупнейшим учебным заведением страны, готовящим высококвалифицированных специалистов почти по всем отраслям народного хозяйства, в том числе и управленческие кадры. Отсюда неизбежно следует необходимость пристального внимания к ним со стороны руководства страны. Выпускники вузов, по мнению государственных и партийных деятелей, должны были быть подготовленными не только профессионально, но и идеологически.

В данной статье на примере студентов трех факультетов — геологического, физического и филологического — автор рассматривает лишь некоторые аспекты общественно-политической жизни студенчества МГУ периода «оттепели». Оговоримся, что ряд форм студенческих выступлений нашел отражение в статьях и рукописи диссертации автора данной работы¹ и в данной статье не рассматривается. В качестве основных источников при написании статьи были задействованы материалы архивов, воспоминания участников и очевидцев рассматриваемых событий.

Рост политической активности студентов-филологов

Можно предположить, что на выбор кандидатуры докладчика о внутрикомсомольской работе на факультетском собрании III курса весной 1956 г. оказал влияние XX съезд КПСС с его осуждением и призывом к искоренению негативных явлений в социализме. Буквальное понимание вузовской молодежью демократии обусловило выбор в качестве докладчика студента А. Зверева, не являвшегося членом ВЛКСМ, но пользовавшегося уважением и авторитетом среди студентов. Как констатировалось позднее, доклад не проверялся и никем не утверждался, в нем не говорилось о внутрикомсомольской работе, а был он «полон голого критиканства и нападок на советскую действительность». Многие положения доклада были взяты из газет. Зверев утверждал, что «жизненный уровень в СССР падает»². Закончил он свое выступление ироническим высказыванием в адрес «прекраснодушно верящих в скорое наступление в нашей стране всеобщего изобилия и процветания»: «Человека, который с пеной у рта кричит о построении в нашей стране коммунизма, я считаю или дураком, или подлецом!»³.

Заместитель секретаря партбюро факультета Н. С. Чемоданов, присутствовавший на собрании, с осуждением докладчика не выступил.

Сокурсники Зверева вспоминают, что был он «постарше годами и побогаче жизненным опытом», работал до университета шахтером в воркутинских рудниках. «Познать жизнь на собственном трудовом опыте» он призывал и студентов, для чего советовал перейти с очного на заочное обучение, поработать с большинством народа в его условиях⁴. По воспоминаниям секретаря курсового бюро ВЛКСМ И. Кочеткова, утопичность предложения Зверева была ясна и ему самому, но, тем не менее, он уехал в Воркуту и стал шахтером. В 1959 г. А. А. Зверев (студент-заочник филологического факультета) был осужден по статье 58–10 за антисоветскую агитацию и пропаганду. Ему инкриминировалось написание в марте 1958 г. письма, а в мае того же года размножение на письменной машинке обращения к студентам Московского университета с критикой советской действительности⁵. Позднее университет он закончил⁶.

10 ноября 1956 г. в «Правде» в изложении редакции было опубликовано выступление Н. С. Хрущева на митинге московской молодежи, посвященном награждению комсомола орденом Ленина. Н. С. Хрущев напрямую увязал необходимость «уделять больше внимания правильному воспитанию молодежи» с событиями в Венгрии. Он привел два примера о том, как румынские рабочие убеждают учащихся с нездоровыми настроениями. Суть примеров Н. С. Хрущев выразил в следующих словах: «Если вам не нравятся наши порядки, которые мы завоевали своей кровью, тогда пойдите поработайте, а на ваше место придут учиться другие»⁷.

Студент IV курса филфака Л. Крысин⁸, выступая 30 ноября 1956 г. на комсомольском собрании, обсуждавшем вопросы внутрикомсомольской работы, не согласился с высказываниями Хрущева: «Зачем разделять рабочих и студентов. Кто такие студенты? — дети рабочих. Разве то, что они критикуют, — не общее дело всего народа?»⁹ Л. Крысин (сам сын рабочего-токаря. — О. Г.) заявил, что «положение рабочих хуже нашего, в отношении свободы высказываний. Каждая попытка критики со стороны рабочего отзывается на его материальном положении (его переводят на малооплачиваемую работу, увольняют “по собственному желанию”). Таких и подобных им средств целая система. Рабочий имеет меньшую возможность рассуждать открыто — слишком мало у него для этого времени, да и не дадут ему особенно разглагольствовать. Студент знает больше в отношении политических вопросов и может открыто делать какие-то обобщения»¹⁰.

Как отмечалось в протоколе собрания, при полном бездействии отдельных коммунистов, присутствовавших на этом собрании, нигилистические речи помимо Л. Крысина произносили студенты В. Страшненкова, Г. Давыдов, Г. Шевелев, Попов, А. Зверев, В. Халин и другие¹¹. Кроме того, Зверев, Страшненкова¹², Давыдов, Шевелев заявили, что «комсомол перестал быть политической организацией», что в стране существует социальное неравенство, «нет свободы печати», что «вера в коммунизм и в партию серьезно подорваны в народе», что нет ответственности и у рабочих, и у руководителей и т. д.

Как отмечается в материале к заседанию Бюро МГК КПСС по вопросу «О состоянии воспитательной работы среди студентов на филологическом и механико-математическом факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова», 6 сентября 1956 г. на собрании кафедры советской литературы филологического фа-

культета МГУ аспирантка Азизян утверждала, что «сейчас в стране резкое деление на два лагеря: отцов-охранителей и детей-нигилистов»¹³.

Из тех же материалов явствует, что выступления К. Симонова и В. Каверина, которые состоялись 29 октября 1956 г. в Центральном доме литераторов, сыграли «вредную роль в разжигании нездоровых настроений среди студентов Университета»¹⁴. На бюро Московского горкома говорилось о негативном влиянии современной литературы на сознание студентов, выступивших на диспуте¹⁵ 7 и 8 декабря 1956 г. по вопросам социалистического реализма. Аспирант Потемкин, основной докладчик, в своем выступлении «зачеркнул все достижения советской литературы и развязал нездоровые высказывания»¹⁶, студенты Л. Печко, Александрова, В. Леонович и другие выступили с «демагогическими высказываниями». Выступления большинства участников показали, что для многих из них вопрос о социалистическом реализме был только предлогом для «явно демагогических выпадов» против нашей действительности. Все выступление студента I курса В. Леоновича по сути дела «свелось к выпадам против руководителей партии и правительства»¹⁷. Отмечались «нигилизм и эстетство» участников литобъединения факультета, руководимого доцентом В. Д. Дувакиным, где предметом особого внимания являются стихи Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, «культивируется пренебрежительное отношение к советской поэзии»¹⁸. В литературном бюллетене в рассказе В. Непомнящего давался карикатурный образ некоего Великанова, «советского барина», по мнению автора, человека типичного для советского общества. Там же были помещены «вредные» стихи польского поэта Адама Важики в переводе члена факультетского литобъединения Н. Горбаневской: «Стекают потоки крови с тех, кто был замучен в застенках бюрократии...»¹⁹.

Зав. кафедрой советской литературы А. И. Метченко, выступая с отчетным докладом партбюро о работе за 1955/56 гг., отметил слабую подготовленность студентов-агитаторов, комсомольцев II курса, работавших среди строителей в Черемушках и на фабрике им. Сакко и Ванцетти. В 1956 г., в связи с решением XX съезда КПСС о преодолении последствий культа личности и обострением международной обстановки, рабочие стали задавать агитаторам «острые, злободневные вопросы». Это вызвало растерянность агитаторов и «так напугало, что на комсомольском собрании II-го курса было принято решение о прекращении агитационной работы в Черемушках»²⁰. Напрашиваются вопросы: а) виноваты ли были студенты, не знавшие ответов на вопросы рабочих; б) почему со стороны преподавателей факультета, в первую очередь членов КПСС, не последовало никаких разъяснений. Вероятно, преподаватели сами находились в растерянности, не зная, как и что говорить студентам. Как следует из справки «О роли преподавателей истории КПСС в деле идейно-политического воспитания студентов филологического факультета МГУ»²¹, об их неудовлетворительной работе говорили и студенты: «Даже в период венгерских и польских событий никто из преподавателей истории КПСС ни одной беседы с нами не провел, хуже того, отдельные преподаватели уходили от ответов по венгерским и польским событиям, а также о культе личности»²².

Выступая 10 января 1957 г. на закрытом партсобрании, бывший секретарь комсомольского бюро факультета, член КПСС А. Ф. Ермаков заявил следующее: «Я ожидал большего от письма ЦК (т. е. закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. — О. Г.)... В письме говорится о выступлении Симонова, как неверном,

ревизионистском. Но при обсуждении письма ЦК на предприятиях, многие не поймут суть вопроса, в письме нет анализа этих выступлений, а дается только оценка их. Это недостаток, который не принесет нам пользы»²³.

По мнению А. Ф. Ермакова, в своем закрытом докладе на XX съезде Н. С. Хрущев не дал конкретного анализа причин культа, в отличие от ЦК китайской компартии. А. Ф. Ермаков подчеркнул также, что члены КПСС ничего не знают о пленуме итальянской компартии и выступлении П. Тольятти.

Студенты по-своему трактовали «свободу слова». Четверокурсники просили партбюро разрешить полностью опубликовать в стенной печати материалы польской дискуссии о социализме. По мнению руководства, для выступлений студентов на комсомольских собраниях была характерна попытка «превратить все ясные вопросы в дискуссионные». Студент Ананьев пытался рассуждать на тему, что такое настоящая комсомольская работа, почему комсомол потерял свое политическое лицо. Он «выбросил лозунг: “Просыпайтесь!”»²⁴.

Студент II курса, кандидат в члены партии Мягченков, выступая на партийном собрании, критиковал «принцип партийной жизни, когда спорные вопросы решаются по большинству голосов». Несмотря на то, что Мягченкову были разъяснены его ошибки — «покушается на незыблемость одного из принципов демократического централизма, записанного в Уставе партии, талмудистски истолковывает известный лозунг “пусть расцветают все цветы”»²⁵, — на следующем комсомольском собрании он опять выступил с «ошибочными пространными» рассуждениями на тему о том, как на протяжении последних двадцати лет комсомол терял свое политическое лицо.

Архивы, остающиеся по сей день главным источником информации, иногда умалчивают или сообщают крайне скупо об имевших место проявлениях активности студентов. Наглядным примером тому служит история литературной группы «Sensus», о существовании которой на филологическом факультете можно судить лишь по воспоминаниям В. П. Кузнецова²⁶. История, закончившаяся арестом и осуждением двух ее участников, не получила какой-либо широкой огласки на факультете, как явствует из документов партийного и комсомольского архивов МГУ. Это наводит на мысль, что обсуждение поведения Кузнецова и Терехина на комсомольском и партийном собраниях филологического факультета имело место, так как деятельность В. П. Кузнецова и А. Н. Терехина квалифицировалась на суде как антисоветская, клеветущая на советскую действительность, но затем протоколы были кем-то изъяты. Вышедший недавно сборник воспоминаний однокурсников А. Н. Терехина дополняет историю ареста студентов.

Идея создания группы возникла в конце 1955 или в начале 1956 г. Инициатором, по воспоминаниям В. Кузнецова, был В. Панасюк, студент III курса. Он же придумал название — «Sensus» (лат. чувство) и написал программу, на взгляд В. Кузнецова, противоречивую, мало объективную. Например, в первом пункте было записано: «Всякое чувство имеет право на выражение...». В одном из последующих пунктов говорилось о том, что советская литература должна быть тенденциозна в отношении защиты интересов Советского государства, чтобы не допустить каких-то враждебных проявлений, поскольку чувства бывают разные²⁷.

В группу вошли: Б. Раевский, студент IV курса, сам Панасюк, А. Кузнецов, И. Максимова, Н. Горбаневская — студенты III курса, В. Кузнецов, В. Сипачев, М. Роговская — студенты II курса. «Sensus» ставил перед собой задачи только

литературного характера. Участники группы регулярно собирались в помещении редакции стенной газеты филологического факультета «Комсомолия», на балюстрадах 2-го и 3 этажей аудиторного корпуса старого здания МГУ, читали стихи — свои и чужие, обсуждали их. Центром группы был А. Терехин, по словам В. Кузнецова, не пропускавший ни одного заседания факультетского литобъединения: «Стихов писал много»²⁸.

При «среднем интересе» к политике (по словам В. Кузнецова) венгерские события потрясли членов группы. Возмущена была вся компания, но листовку на октябрьских праздниках написали двое — Кузнецов и Терехин. Начиналась она словами: «Друзья!.. Посмотрите вокруг: Польша и Венгрия тонут в крови подавленных революций...»²⁹. Потом шли стихи Терехина. А далее...

«Друг! Штыками твоих соотечественников уничтожены тысячи патриотов в Польше и Венгрии, сотни тысяч честных людей арестованы, замучены и убиты в других странах так называемой “народной демократии” и у нас в СССР»³⁰.

Заканчивалась листовка словами: «Тебе не стыдно, друг?»³¹. На пишущей машинке В. Сипачева и И. Максимовой (к тому времени поженившихся) напечатали одиннадцать экземпляров. Одну листовку приклеили в центре высотного здания МГУ, около лифтов. Остальные экземпляры разбросали по автобусам 7-го (8-го) ноября. Как отмечает сам В. Кузнецов, никакого результата от своей акции не ожидали, это был лишь всплеск, выброс эмоций. В известность о листовке поставили остальных участников группы. На проходившем на филфаке 7–8 декабря 1956 г. диспуте о соцреализме выступил Терехин с требованием «создания настоящего молодежного журнала с молодежной редколлекцией»³².

16 марта 1957 г. был арестован А. Терехин, 19-го — В. Кузнецов. В качестве вещественного доказательства на следствии фигурировали три экземпляра листовки, распространенной в Москве, которые были изъяты органами государственной безопасности. В них излагалась «злая клевета на политику, проводимую коммунистической партией, советским правительством, и содержался призыв к изменению существующего в СССР политического строя»³³. Также было установлено, что В. Кузнецов и А. Терехин вели антисоветские разговоры, распространяли злобные клеветнические измышления о руководителях КПСС и советского правительства. На этом основании судебная коллегия приговорила А. Н. Терехина к пяти годам лишения свободы³⁴, В. П. Кузнецова к трем годам лишения свободы.

В. Сипачева сразу же после случившегося исключили из рядов ВЛКСМ и МГУ и отправили служить в армию. После завершения военной службы на филфак он не вернулся, поступил на химический факультет. И. Максимова на год исключили из университета, затем восстановили.

Обстановка в комсомольской организации геологического факультета

Занимаясь темой общественно-политической жизни студенчества МГУ в 1950–1960 гг. автор статьи столкнулся с явлением, которое не нашло до сих пор своих исследователей — проблема гибели студенчества во время обучения в вузах, и в частности, в МГУ. Безусловно, случаи бывали разными, это: и гибель во

время работы в колхозах, и летальный исход в результате заболевания, и несчастные случаи во время туристических походов, и даже, на первый взгляд, такой нелепый случай, когда студент утонул во время обучения плаванию в университетском бассейне. Понятно, что причины таких случаев были самыми разными, но большую часть из них можно было предотвратить, соблюдая элементарную технику безопасности. В силу профессиональной специфики вопрос жизнедеятельности человека особенно остро стоял на двух естественных факультетах — геологическом и географическом, где летом 1955 г. во время пребывания в летних партиях погибло три человека. Это и послужило импульсом для описываемых далее событий.

2 марта 1956 г. в актовом зале главного здания в связи с публикацией 23 декабря 1955 г. в «Комсомольской правде» статьи «Завтра в трудный путь!», (университетская газета перепечатала этот материал 6 января 1956 г.), проходило открытое комсомольское собрание геологического и географического факультетов. В статье говорилось о целом ряде просчетов при подготовке студентов к летней практике, отмечались недоработки преподавателей и руководителей практик, недостаточная подготовка и несерьезное отношение со стороны студентов. На собрании выступили преподаватели факультетов: профессор географического факультета А. Д. Добровольский, заслуженный мастер спорта Абалаков, профессор Г. К. Тушинский, декан геологического факультета, профессор Е. М. Сергеев. Говорилось о недостаточной физической подготовке студентов, о неумении обращения с лошадьми (а для геолога в экспедиции это очень важно), об отсутствии навыка работы в горной, болотистой местностях, где была необходима взаимостраховка. Обсуждались учебные программы, в которых отсутствовали курсы обучения студентов вождению автомобильного транспорта и пользованию рациями. Отмечалось, что «кафедра физического воспитания и спорта забыла свою первейшую обязанность заниматься физическим воспитанием и развитием людей и занималась в основном спортом и рекордами»³⁵. Студентка IV курса геологического факультета Хисина уточнила, что после летней практики у них на курсе было комсомольское собрание, на котором обсуждались недостатки, разбиралось поведение товарищей, недостойно ведших себя во время практики. «После этого собрания, после этих взволнованных речей, после всего хорошего, что было на нем»³⁶, все шло по-прежнему, был принят ряд решений, о которых потом забыли — «и так ежедневно, и так каждый год»³⁷. По мнению Хисины, недостаток работы заключается именно в том, что «мы говорим, а потом забываем и ничего не делаем»³⁸.

О важности данного собрания свидетельствует присутствие на нем министра геологии и охраны недр СССР П. Я. Антропова и заместителя начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования СССР А. П. Шебанова. П. Я. Антропов сказал, что это большое заблуждение, будто на собрании «пошумели и все решилось», «что сразу все будет по-иному, т. е. куда он ни пойдет, всюду асфальтовые дороги, везде киоски с газированной водой и непременно присутствует бонна, — эти люди глубоко ошибаются»³⁹. Однако необдуманная фраза министра: «Если я сегодня ваш гость, то завтра — я ваш хозяин»⁴⁰ — оскорбила студентов. Понятно, что под словом «хозяин» Антропов имел в виду Министерство геологии и охраны недр в целом, а не только себя, но фраза прозвучала некорректно и потому задела студентов. Присутствовавшие на

собрании студенты до сих пор вспоминают это высказывание П. Я. Антропова и ответ какого-то студента с задних рядов: «Государство — наш хозяин, народ — наш хозяин!»⁴¹. По воспоминаниям М. П. Шебуняева, после этого высказывания Антропова раздался «свист пяти тысячного зала»⁴². Фраза министра вызвала негодование у аудитории, хотя геологический факультет в отличие от механико-математического и физического факультетов считался менее политизированным факультетом. Не способствовало успокоению собравшихся и обвинение Антропова, высказанное в адрес геологов, в их стремлении к легкой жизни. Таким образом, можно констатировать, что этой фразой министр нарушил необходимую связь с аудиторией, в зале стоял шум, поэтому его дальнейшие высказывания по существу дела уловили не все. Так, М. Раменская вспоминает его фразу: «А если вы не будете уметь плавать, то утонете с самыми лучшими новыми спальными мешками»⁴³.

Трудно предположить, что имел в виду министр под «легкой жизнью» — работу в суровых климатических условиях, постоянные перемещения с рюкзаком, нагруженным образцами найденных пород, отсутствие налаженного быта в экспедиционной жизни? Безусловно, профессии «геолога» присуща и определенная романтика: поиск неизвестных месторождений, товарищество и взаимопомощь в экспедициях. Судя по воспоминаниям бывших выпускников 1950-х гг., они действительно были романтиками: могли на комиссии по распределению попроситься на один рудник, вместо Москвы (откуда были родом или где могли найти работу в лабораториях НИИ) выбрав Сахалин или Чукотку. Но подобное обвинение из уст руководителя отрасли, работниками которой в ближайшем будущем должны были стать выпускники геологического и географического факультета МГУ, для студенческой молодежи показалось оскорбительным.

В. Маликов в статье «Начало большого разговора»⁴⁴, опубликованной в университетской многотиражке, отметил, что проведенное собрание, по сути, не вышло за рамки производственного совещания. На нем не разбирались конкретные недостатки комсомольской работы, недостатки в воспитании будущих специалистов. Свидетельством же существующих недостатков является тот факт, что на факультетах среди студентов стали появляться белоручки и стилиаги, а в экспедициях участились случаи пьянства.

Результатом опубликованной статьи и проведенного собрания можно считать приказы ректора об улучшении физической подготовки студентов геологического, географического и биолого-почвенного факультетов. В них говорилось об отсутствии у студентов навыков передвижения в сложных условиях, неумении преодолевать водные преграды, грести и управлять лодкой, выючить и седлать лошадей, управлять мотором. В приказе № 163 по МГУ от 20 марта 1956 г.⁴⁵ отмечалось, что серьезная ответственность лежит на кафедре физического воспитания и спорта, проводившей свою работу без учета специальных требований, предъявляемых к подготовке будущих геологов, географов и биологов. Для устранения недостатков предусматривалось помимо соблюдения общей программы, усилить спецподготовку: экономичное передвижение в разных условиях грунта и рельефа, ходьбу на лыжах с отягощением, обучение плаванию, оказанию помощи тонущему и т. п. Проректору М. С. Унаняну и заместителям деканов по административно-хозяйственной работе вменялось закупить

необходимое оборудование и обеспечить в районах проведения учебных практик простейшие заруды, причалы для лодок и плотов для обучения плаванию, изыскать возможность выделения лошадей из подсобных хозяйств для обучения студентов приемам седлания, правилам верховой езды и проч.

Несколько месяцев спустя руководитель подмосковной геологической практики у первокурсников профессор Д. И. Гордеев в своем докладе с удовлетворением констатировал: «Внимание со стороны комсомольской молодежи к физкультуре и спорту заметно усилилось после коллективного обсуждения статьи “Завтра — в трудный путь”»⁴⁶.

Надо отметить, что еще до собрания с обсуждением статьи вопросы организации производственной практики поднимались в 1954 г. на общефакультетском отчетно-перевыборном комсомольском собрании. Студенту-первокурснику Я. Юдовичу запомнилась жесткая критика старшекурсниками действий начальников отрядов и партий — преподавателей факультета. Особенно удивила студента (по сравнению с обстановкой на подобных школьных собраниях) реакция преподавателей на критику как к «чему-то нормальному и законному»⁴⁷.

Отсюда становится понятным отношение к критике как элементу устранения недостатков в организации практики студентов со стороны руководства геологического и географического факультетов.

Надо сказать, что для геологов (как и для географов) очень важны не только физическая подготовка или экспедиционная экипировка, но и моральные качества. На вопросы взаимоотношений между участниками экспедиций обращала внимание читателей Н. Пижурина (кстати, участница собрания 1956 г.) в газетной статье «С тобой в маршруте» (1960 г.), связывая вопросы безопасности в походе с моральными качествами студентов-геологов.

Следующий эпизод из жизни студентов-геологов в корне отличается от вышеизложенной ситуации — осенью 1956 г. на геологическом факультете произошел случай, ставший предметом неоднократного обсуждения на собраниях: студент III курса А. Калинин выступил на комсомольском отчетно-перевыборном собрании с критикой работы факультетского комитета ВЛКСМ. В своем выступлении он критиковал прием в комсомол в массовом порядке (когда принимают всех, комсомол утрачивает свое значение передового отряда молодежи, а виновата в этом общественная установка); отсутствие перед комсомолом больших задач (как, например, в годы Гражданской и Отечественной войны) и идеалов, настоящих комсомольских вожakov; плохую работу комсомольской прессы. А. Калинин поддержали и другие студенты — Ф. Каминский, А. Гаврилов. По словам декана факультета Е. М. Сергеева, коммунисты, присутствовавшие на собрании, дали отпор выступавшим комсомольцам, распространявшим недостатки вузовской комсомольской организации на весь комсомол. На собрании, состоявшемся через день, присутствовали уже представители парторганизации и деканата, а также привлеченные слухами студенты с других факультетов. Как вспоминает О. Амитров, ведущий протокол собрания, «на каждое воинственное выступление декан отвечал длинной и, надо отдать должное, по-своему логичной речью»⁴⁸. По мнению Е. М. Сергеева, резкое сокращение приема в комсомол будет неверным шагом: «ВЛКСМ — это массовая организация, объединяющая широкие слои передовой молодежи... МГУ, вуз, куда принимается лучшая часть молодежи, а товарищи высказываются за сокращение приема»⁴⁹.

В итоге, собрание приняло относительно мирную резолюцию, в которой комсомольцы оценили работу своего бюро как неудовлетворительную, но добавили, что другие работают еще хуже. Среди кандидатов на должность комсорга курса из «бунтарей» был выдвинут А. Гаврилов, в итоге же секретарем курсового бюро стал «идейный» Д. Порывкин. Тогда же Е. М. Сергеев предложил изменить уже принятую резолюцию: в ее новом варианте сохранилась отрицательная оценка работы бюро комсомола III курса, но исчезло добавление, что другие комсомольские организации работают еще хуже.

С сообщением об этом происшествии на собрании по обсуждению письма ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда и о ходе выполнения решений съезда» выступил профессор Д. И. Гордеев, подчеркнувший возросшее значение идеологической работы в связи с расширением научных контактов с зарубежными учеными. Д. И. Гордеев приводил в своей речи высказывание французского социалиста Жюля Мока, выступавшего перед студентами и преподавателями МГУ: «Не верьте всему тому, чему Вас здесь учат»⁵⁰.

Выступая в прениях по докладу секретаря партбюро геологического факультета Д. И. Гордеева, преподаватель А. А. Подкопаев заявил о том, что комсомольская работа на факультете поставлена плохо, секретарь бюро ВЛКСМ факультета В. И. Кузьмин только поучает, а не руководит. Это подтверждает такой факт, как организация митинга с критикой работы столовой (имелся в виду бойкот столовой в общежитии на Стромынке в мае 1956 г. — *О. Г.*).

Слабую работу в первую очередь факультетского комитета комсомола также отмечала на одном из партсобраний в 1957 г. член партбюро геологического факультета Т. С. Балякина: «Вопрос об отвратительно проведенном комсомольском собрании я поставила на партбюро, чтобы Кузьмин не прошел мимо этого факта. Кузьмин зазнался и начинает поучать. Необходимо проводить работу среди молодых коммунистов»⁵¹.

Отзвуком рассмотренного комсомольского собрания спустя два года стало еще одно событие. На геологическом факультете, как и на других факультетах университета, работало научное студенческое общество (НСО), курировавшееся факультетским бюро ВЛКСМ. По завершении работы одной из конференций НСО во время вручения дипломов от имени бюро один из награждаемых докладчиков К. Дорофеев отказался получать диплом, сказав, что комсомольская организация никакого отношения к этой конференции не имеет. Как замечает однокурсник Дорофеева, О. Амитров, этот инцидент могли бы «не заметить», но среди награждаемых был иностранец — студент из ГДР, который тут же вернул свой диплом. И отказ К. Дорофеева от диплома сразу приобрел политический контекст, поскольку немецкая молодежная организация «Союз свободной немецкой молодежи» (*Freie Deutsche Jugend*) во многом калькировала форму, структуру и деятельность ВЛКСМ. Этот поступок немца К. Лехерта другой однокурсник Дорофеева, Я. Юдович, охарактеризовал как проявление «международной солидарности». На партсобрании, где обсуждался проступок студента, профессор А. А. Богданов аттестовал К. Дорофеева как субъекта «распущенного и наглого»⁵². Можно предположить, что обвинение студента в подстрекательстве иностранного студента к отказу от комсомольской награды позже сыграло роль при распределении, когда К. Дорофеев не попал на работу в Геологический институт АН СССР.

Студенческая реакция на диспут о социалистическом реализме

Организация студенческих диспутов в 1950–1960-е гг. не была новой формой собраний учащихся. Диспуты стали проводиться с самого начала существования Московского университета. Между студентами в конце каждого месяца проводились диспуты по подготовленным тезисам, а в конце полугодия проводился большой диспут. Как отмечает А. Н. Чанышев, первый подобный диспут между студентами был проведен накануне зимних каникул 17 декабря 1756 г. и посвящен был философским темам. Он, действительно был организован: утвержденные куратором отпечатанные тезисы двух студентов опровергали четыре студента, была предусмотрена система поощрений⁵³.

В 1950–1960-е гг. диспуты являлись одной из форм воспитания молодежи. Порой эти диспуты возникали спонтанно — в студенческой аудитории во время семинаров или в комнате общежития, — и могли касаться совершенно разных вопросов: от обсуждения политической ситуации за рубежом до новинок культурной жизни. Диспуты устраивались не только стихийно, все чаще организацию за их проведение берет на себя партийное и комсомольское руководство университета. Выходили специальные тематические сборники, в которых давались советы по выбору тем и проведению диспутов, приводились примеры. Диспуты сами по себе не являлись характерной чертой только студенческой жизни, они проводились и в рабочих аудиториях, конторах служащих. Тематика диспутов была разнообразной. Так, студенты-физики II курса (2 потока) провели в мае 1961 г. диспут «Идем ли мы вровень с веком?», на котором обсуждали характерные черты советской молодежи и представления о человеке будущего. Широко известен диспут, получивший обсуждение на страницах «Комсомольской правды» по поводу ветки сирени в космосе. Инициатором диспута стало письмо инженера И. А. Полетаева⁵⁴.

Но не всегда ход проведения диспутов осуществлялся по намеченному сценарию, происходили и сбои. Выступления на прошедшем диспуте «Готов ли ты жить при коммунизме?» показали, что некоторые студенты «заражены нигилизмом». Один студент заметил, что среди молодежи есть три течения:

Одна категория догматиков, верящих в строительство коммунизма.

Другая — не верящих в строительство коммунизма.

Колеблющиеся⁵⁵.

В университете одним из ярких примеров проведения диспута, оставившем о себе память не столько устную, сколько зафиксированную следственными органами, является диспут осени 1956 г. Сам по себе он достаточно резко выделяется на общем фоне формальных и неформальных обсуждений, чем заслуживает отдельного рассмотрения на страницах данной работы.

27 октября 1956 г.⁵⁶ в гостиной 14 этажа общежития физического факультета МГУ (в Главном здании) прошел диспут о социалистическом реализме в советской литературе. Возник он, по свидетельству тогдашнего студента V курса кафедры молекулярной физики В. Завертайло, почти стихийно. После вступительного слова аспиранта В. Иванова выступили польские студентки с исторического и филологического факультетов, которые обвинили его в тенденциозном извращении смысла дискуссии в польских газетах. Диспут шел вяло. По словам

В. Завертайло, активного комсомольца, бывшего на I курсе членом факультетского бюро ВЛКСМ, он «выслушал пустопорожние речи и сказал, что не надо все валить на Сталина, это просчет партии»⁵⁷. Это почти спонтанное выступление вызвало резонанс в студенческой среде, Завертайло вызывали в партком факультета. Но поскольку факультеты «забурлили», а происходило все на фоне событий в Польше и Венгрии, было решено организовать в аудитории «А» общеуниверситетский диспут. На нем присутствовали представители не только вузкома, но и Ленинского РК КПСС. В. Я. Завертайло запомнилось сочувствующее молодежи выступление драматурга Н. Погодина⁵⁸: «Действительно, партия менялась..., но мы идем под знаменем Ленина. Оно должно быть незапятнанным, чистым, и мы должны сделать его чистым»⁵⁹. Позднее, на партийном собрании Завертайло приписывались слова о том, «что в советском обществе отсутствует свобода слова и печати, и подлинная демократия не может существовать при однопартийной системе, что народ потерял веру в партию» (сам В. Я. Завертайло этих слов не помнит).

Как отмечается в записке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепину, «Все выступления, кроме последнего вывода об отношении народа к партии, были сочувственно выслушаны аудиторией, и даже раздавались аплодисменты»⁶⁰. Выступивший после Завертайло доцент филологического факультета П. Ф. Юшин коснулся только вопросов литературы и «не дал должной отповеди антипартийным разглагольствованиям»⁶¹ Завертайло. Более того, и вопросы литературы Юшин осветил односторонне, преувеличив заслуги в развитии социалистического реализма писателей В. П. Ставского, Колесова и других, «тем самым дав повод студентам II курса физического факультета выступить в газете “Трибуна” с тезисом о том, что лучшие писатели из-за репрессий, процветавших в период культа личности, остались неизвестными молодежи»⁶².

Попытка дать отпор Завертайло со стороны присутствовавшего на диспуте работника Ленинского райкома КПСС Соколова оказалась неудачной и не вызвала поддержки не только аудитории, но и секретаря факультетского партбюро А. А. Семенова. Свои взгляды Завертайло продолжал отстаивать и в партийном бюро, где он, в частности, заявил, что он не один и выражает мнение широких масс, что его Украина (Завертайло был родом из Украины, поэтому имел представление о жизни в ней не понаслышке) разорена и народ страдает. На собрании 2 ноября комсомольской группы № 57, которое собрал факультетское бюро для обсуждения «антипартийных»⁶³ высказываний Завертайло на диспуте, его активно поддерживали комсомольцы А. Невский и Ф. Черемисин. Составители записки квалифицируют выступления секретарей комсомольского бюро (факультетского — В. Неудачина и курсового — В. Якименко) беззубыми и непринципиальными, отмечают резкую критику в адрес газет «Московский университет», «Комсомольская правда» (на собрании присутствовала представительница редакции «Комсомольской правды»).

Студенты и аспиранты физфака заступились за Завертайло, его не исключили из ВЛКСМ и МГУ, но затем он испытал трудности при распределении на работу, т. к. данная ему в университете характеристика была подобна «волчьему билету»⁶⁴.

Судя по дате, указанной в сборнике «58-10. Надзорные производства...», выступление аспиранта кафедры электродинамики и квантовой теории физическо-

го факультета А. П. Краснова⁶⁵ произошло не на диспуте о соцреализме. Но, поскольку эти два выступления (Завертайло и Краснова) по времени отстоят друг от друга достаточно близко, это дало нам право предполагать их определенную взаимосвязь. Суть выступления А. П. Краснова заключалась в следующем: 6 ноября он организовал стихийный митинг в общежитии, на котором заявил, что «советское правительство допустило незаконное вмешательство советских войск в Венгрию, что руки советских солдат обгажены кровью мирных жителей»⁶⁶. По поводу событий в Египте Краснов сказал, что «верит в западные державы, которые свернут шею этому авантюристу Насеру»⁶⁷.

События в Венгрии и Египте вновь фигурировали в выступлениях Краснова уже 21 ноября, когда он организовал еще одну беседу о международных событиях. Краснов «приветствовал то, что в западных странах были вывешены траурные флаги по поводу венгерских событий. На вопрос, почему же не вывешивали флаги в связи с кровавой агрессией в Египте, он ответил, что никакой агрессии там не было, а предпринимались лишь “полицейские меры”»⁶⁸.

О А. П. Краснове шла речь в закрытой части партийного собрания физического факультета 13 декабря 1956 г.: «Вопрос о Краснове давно возник, уже давно пора решить его отрицательно»⁶⁹. Коммунисты, жившие в общежитии, неоднократно вели с ним беседы, приводили конкретные факты из газет, журналов, «но он не хотел беседовать», считая приводимые аргументы коммунистической идеологией. «За три года Краснов не прочел ни одного номера “Правды”, питаясь исключительно передатками Би-би-си и заграничной прессой»⁷⁰. Но, когда партбюро предложило ряду аспирантов-коммунистов выступить со статьей в стенной печати с критикой Краснова, против пропаганды чуждых взглядов, то натолкнулось «на упорное нежелание вступить в активную борьбу с конкретным случаем враждебной пропаганды»⁷¹. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно.

Резюмируя приведенные факты студенческой активности, отметим, что часть комсомольских собраний и диспутов 1956 г. была вдохновлена XX съездом КПСС. Доклад читали и преподаватели и студенты. «Принимали к сведению», но обсуждений при этом не полагалось. Как записал 25 марта 1956 г. в своем дневнике преподававший на истфаке С. С. Дмитриев: «Никакого сколько-нибудь серьезного истолкования всех приведенных в докладе [Хрущева] фактов не дано. Его, так сказать, внешнеполитический смысл еще можно понять не без труда. Но внутреннее назначение?»⁷².

Пытаясь понять «внутреннее назначение» и не найдя ответов на свои вопросы у преподавателей, прежде всего общественных дисциплин, студенты проводили собрания и диспуты, принимавшие иногда радикальный характер, настораживавший руководство. А. Е. Бовин, аспирант философского факультета, о царившей тогда обстановке высказался так: «Университетский барометр фиксировал бурю, каждый вечер самостийные собрания и митинги... Парткомы в растерянности, события выходят из-под контроля»⁷³.

Что характерно, как правило, меры по отношению к наиболее активным участникам собраний принимались зачастую лишь по следам событий, а не превентивно. По поводу преподавания общественных наук долгое время царила неразбериха, так как никаких конкретных указаний «сверху» дано не было, и как вести занятия в столь непростой обстановке в аудитории, постоянно ставящей

вопросы, также было неясно. События международной жизни, остро волновавшие студентов, зачастую со стороны преподавателей не комментировались вообще. Не в последнюю очередь это было связано с нечеткой работой высших партийных органов, запаздывающих с разъяснением и установкой поведения в случае «каверзных» вопросов со стороны пытливающей молодежи.

От решения назревших вопросов у молодежи не мог уйти и ЦК ВЛКСМ. В феврале 1957 г. состоялся VII пленум ЦК ВЛКСМ, принявший постановление «Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди комсомольцев и молодежи». В нем говорилось о необходимости развития инициативы и самостоятельности членов ВЛКСМ, ведения работы не только силами платного аппарата, но, прежде всего, комсомольцев, расширении прав комсомольских организаций. В постановлении подчеркивалась важность непосредственного участия вузовских комсомольских организаций в воспитательной работе студентов: «в приеме молодежи в вузы, назначении стипендий, распределении общежитий, улучшении работы столовых и т. п.»⁷⁴.

Подводя итоги, отметим, что приведенные факты студенческой активности свидетельствуют о возросшем самосознании молодежи, ее стремлении к постижению сути событий. Но поскольку государственно-партийные решения нередко носили половинчатый характер, и при том никаких сопроводительных комментариев к ним не спускалось, местные партийные и комсомольские организации оказывались в сложном двояком положении: с одной стороны, нужно было следовать общим установкам, с другой — отвечать на конкретные вопросы студенческой аудитории. Образно говоря, годами работавший механизм «вуз — комсомол — партия» давал сбои. Необходимо было изменить само устройство, обновить, найти применение создаваемой механизмом энергии, а сделать это было непросто. Отсюда становится понятной активная поддержка со стороны ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС движения студенческих строительных отрядов, а также проведения разнообразных конкурсов студенческой самодеятельности.

Примечания

- 1 См.: Герасимова О. Г. Литература «оттепели» и студенчество МГУ // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 6; Она же. Биофак МГУ 1950-х: «дело сестер Ляпуновых» // Аспирант и соискатель. 2006. № 6.
- 2 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 14.
- 3 Там же.
- 4 Недзвецкий В. Что ярче память сохранила // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1953–1958 гг.: Воспоминания выпускников. М., 2004. С. 181.
- 5 58–10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 498.
- 6 Кочетков И. Жизнь взахлеб // Время, оставшееся с нами... С. 295.
- 7 Правда. 1956. 10 ноября. Первым обратил внимание историков на данное выступление Н. С. Хрущева научный сотрудник НИИПЦ «Мемориал» Г. В. Кузовкин. (См.: Кузовкин Г. В. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 99).
- 8 Позднее Л. Крысин участвовал в издании «Хроники», в частности, освещал события на Красной площади в 1968 г. (См.: Максимова И. Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами... С. 121).
- 9 Цит. по: Кузовкин Г. В. Указ. соч. С. 99.
- 10 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 108.
- 11 Там же. Л. 13.

- 12 В тексте протокола указана фамилия Стрешникова, но, вероятно, имелась в виду Страшенкова.
13 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 4.
14 Там же. Л. 5.
15 Э. Карпова, студентка IV курса филфака, вспоминает, что это была научная студенческая конференция по социалистическому реализму. В деканате никто не препятствовал, было вывешено объявление о предстоящей конференции, в котором были обозначены основные проблемы дискуссии. (См.: *Карпова Э.* Наставникам — низкий поклон // *Время, оставшееся с нами...* С. 99–100). Существует другая дата проведения диспута — 7 и 11 декабря 1956 г.
16 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 6.
17 Там же.
18 Там же.
19 Там же. Л. 12.
20 Там же.
21 О неудовлетворительном состоянии идейного воспитания студентов филологического факультета свидетельствует следующий факт (ставший предметом обсуждения ряда партийных и комсомольских собраний): выпускник 1956 г. А. М. Дольберг, находясь с группой туристов в г. Берлине, бежал в западный сектор. (См. подробнее: *Зубарев Д.* Из жизни филологов. 4. Опасный беглец // *Новое литературное обозрение.* 1997. № 24).
22 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 76.
23 Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 714. Л. 7.
24 Там же. Л. 3.
25 Там же.
26 *Кузнецов В. П.* История одной компании / Издание автора. М., 1995.
27 Из протокола допроса арестованного Кузнецова Владимира Петровича от 27 марта 1957 г. (См.: «...в результате увлечения упаднической поэзией» (Документы) // *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 27).
28 *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 8.
29 «... в результате увлечения упаднической поэзией» (Документы)... С. 20.
30 Там же. С. 21.
31 Там же.
32 *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 9.
33 Обвинительное заключение по следственному делу № 442 по обвинению Терехина Андрея Николаевича и Кузнецова Владимира Петровича в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 Ч. 1 УК РСФСР // *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 30.
34 Срок, больший по сравнению со сроком осуждения В. П. Кузнецова, объясняется не только большим вкладом в изготовление листовки, но и попыткой весной 1956 г. пройти на иностранное судно.
35 ЦАОПИМ. Ф. 6083. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
36 Там же. Л. 60.
37 Там же.
38 Там же.
39 Там же. Л. 65.
40 Там же. Л. 66.
41 *Гущин А.* Светлый путь // Из рукописи выпускников геологического факультета 1953–1958 гг.
42 См.: *Воспоминания о друзьях и молодости* // *Смирновский сборник-2001.* М., 2001. С. 210.
43 *Маршрут длиною в жизнь. Геологи МГУ (1951–1956) о времени и о себе.* М., 2006. С. 60.
44 *Машков В.* Начало большого разговора // *Московский университет.* 1956. 9 марта.
45 Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 234. Л. 48–52.
46 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 639. Л. 79–80.
47 Примечания Я. Юдовича к книге О. В. Амитрова «Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг.». С. 17. (Рукопись из архива О. В. Амитрова).
48 *Амитров О. В.* Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг. М., 2000. С. 68.
49 Там же.
50 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 639. Л. 102.
51 Там же. Л. 54.
52 Примечания Я. Юдовича к книге О. В. Амитрова «Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг.». С. 21. (Рукопись из архива О. В. Амитрова).

- 53 Чанышев А. Н. На заре Московского университета // Московский университет. 2004. Октябрь.
- 54 По свидетельству студентов, учившихся с его дочерью Ингой на биолого-почвенном факультете, диспут был спровоцирован Полетаевым и не являлся чьим-либо планом, но затем был ловко подхвачен всеми, в том числе и комсомолом, и получил широкую огласку и обсуждение.
- 55 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 997. Л. 20.
- 56 В протоколе заседания парткома МГУ от 31 октября 1956 г. значится другая дата проведения диспута — 28 октября (См.: Там же. Д. 633. Л. 8).
- 57 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 58 Н. Погодин работал в это время над пьесой о жизни студентов «Маленькая студентка». Поставлена она была в Театре Эстрады в 1958 г. А на физическом факультете МГУ в это время училась дочь драматурга, Т. Стукалова-Погодина.
- 59 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 60 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 192. Л. 196.
- 61 Там же.
- 62 Там же. Л. 197. Необходимо отметить, что на филологическом факультете 7–8 декабря 1956 г. прошла своя дискуссия по социалистическому реализму, которую открыл зав. кафедрой советской литературы А. И. Метченко. Формой дискуссии была выбрана конференция IV курса с приглашением студентов других курсов филфака.
- 63 Там же.
- 64 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 65 Был арестован, дальнейшая судьба неизвестна. Вместе с Красновым в отчетном докладе секретаря партбюро физфака А. А. Семенова 14 ноября 1957 г. упоминается также арестованный за антисоветскую агитацию среди студентов и сотрудников университета Д. И. Сотников, работавший радиотехником на физфаке. (ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 710. Л. 4). О Д. И. Сотникове см.: 58-10. Надзорные производства... С. 273.
- 66 58-10. Надзорные производства... С. 287–288.
- 67 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 650. Л. 27.
- 68 Там же. Л. 26.
- 69 Там же. Л. 5.
- 70 Доклад партийного бюро физического факультета МГУ «Об идейно-воспитательной работе среди молодежи» на партийном собрании физического факультета МГУ 13 декабря 1956 г. // Там же. Л. 26.
- 71 Там же. Л. 27.
- 72 Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 166.
- 73 Бовин А. Е. XX век как жизнь. М., 2003. С. 54.
- 74 Документы Центрального Комитета ВЛКСМ по работе среди студенческой молодежи (1918–1967 гг.). М., 1967. С. 154.

А. А. Фокин
Челябинск

«Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всенародного обсуждения» III Программы КПСС)

В октябре 1961 г. прошел XXII съезд КПСС, на котором была принята III Программа КПСС, провозгласившая, что в течение 20 лет в Советском Союзе будет построен коммунизм. В новой Программе партии были поставлены задачи, выполнение которых являлось необходимым для построения коммунизма. Тем самым обозначалось представление о коммунизме в официальной идеологии.

Целью данной статьи является сравнение двух распространенных на рубеже 50–60-х гг. XX в. типов рецепции коммунистических перспектив. В качестве источниковой базы выступают письма, присланные в разные инстанции в ходе «всенародного обсуждения» Программы партии, которые хранятся в РГАСПИ. В современной историографии изучению этого вопроса уделяется крайне мало внимания. Основными темами исследования хрущевского периода остаются доклад на XX съезде о культе личности И. В. Сталина и Карибский кризис. Однако, как нам представляется, именно «развернутое строительство коммунизма» было апофеозом хрущевского десятилетия, поскольку в нем соединились основные начинания того периода. Исследование восприятия «светлого будущего» необходимо для того, чтобы история не была только политическим и экономическим нарративом, ведь, исключая из событий население, мы тем самым представляем его как послушного выразителя воли власти. А население выступает как активный участник, поскольку даже «безмолвие» и «бездействие» населения могут играть существенную роль в жизни страны.

Если официальный дискурс о коммунизме должен был быть единым, дабы люди точно знали, куда и как двигаться, то у населения так и не сложилось однозначного понимания коммунизма, и поэтому в данной работе мы будем говорить о коммунизмах. Имеющиеся источники позволяют сделать ряд обобщений, выделить несколько общих моментов и на этом основании охарактеризовать основные варианты понимания населением коммунизма на рубеже 1950–1960-х гг. Для большего удобства в начале статьи представим общую классификацию «народных» образов коммунизма.

Несколько упрощая, что неизбежно при любой попытке упорядочить материал, можно констатировать, что население к коммунистическим перспективам Программы партии относилось либо положительно, либо скептически. Некорректно говорить, как поступают некоторые авторы, что население верило или не верило в обещание построить коммунизм в течение 20 лет. Сводить все к одному мнению неправомерно, поскольку источники позволяют проследить и положительное, и скептическое отношение населения к обещанному коммунизму.

Для данного исследования особый интерес представляет положительное отношение к коммунизму, поскольку в этом случае население должно было формировать свой образ будущего либо используя официальную модель, либо предлагая свою альтернативу. Положительное отношение также можно разделить на две большие группы. Первая представлена «аскетическим» коммунизмом «энтузиастов», готовых строить его, «не щадя живота своего», коммунизма, в котором все будут находиться в равных условиях. Их идеалом является идея коммуны с ее уравнительными тенденциями в духе булгаковского героя из «Собачьего сердца». Уравнительные тенденции официальным дискурсом всячески отрицались, поскольку были связаны с разнообразными утопиями. Но применительно к населению рубежа 1950–1960-х гг. это скорее рецидивы крестьянского сознания с его общинными традициями.

Вторая группа воспринимала коммунизм потребительски, видя в нем «кормушку», к которой можно было припасть и насладиться благами. Причем, чем ближе был обещанный срок завершения строительства коммунизма, тем больше и больше должна была это кормушка наполняться.

«Потребительский» коммунизм в своем стремлении к бесплатным благам тоже был не однороден. Одни хотели удовлетворить индивидуальные потребности, другие же ожидали благ для всех жителей страны. Но и в том, и в другом случае коммунизм выступает своеобразным символом, обращение к которому автоматически приводит к решению насущных проблем. В таком понимании коммунизм предстает как общество, где будут решены основные проблемы.

Можно обнаружить и гендерные различия в наполнении образа коммунизма. Если мужской вариант выражается, прежде всего, в образе героя-космонавта как прототипа человека будущего, то женский коммунизм выражен гораздо ярче. Связано это в первую очередь с тем, что в отличие от мужчин у женщин было больше специфических проблем, а значит — коммунизм должен был решить больше задач, что, естественно, приводит к лучшей разработке образа.

«Скептический коммунизм» также создает образ «светлого будущего»: в анекдотах можно обнаружить описание жизни в будущем. Однако, в отличие от позитивного отношения к коммунизму, «скептический» образ анекдотов завуалировано высмеивал настоящее, а значит, и возможность построения коммунизма.

«Скептический» образ коммунизма являлся образом для «внутреннего» пользования, который не должен был выходить за пределы народного дискурса и не вступать в контакт с официальным представлением о «светлом будущем», а отталкиваться от него для его же высмеивания. «Позитивное» отношение, напротив, изначально предполагало наличие официальных коммунистических перспектив, на основании которых можно было вести диалог с властью, используя идею коммунизма как медиатора.

Фактом, подтверждающим существование образа коммунизма или, точнее, нескольких его образов среди населения СССР, может служить обсуждение проекта Программы партии. Данная акция могла преследовать множество разнообразных задач, одной из которых выступала попытка проявить и использовать продукты коммунистических «фантазий» народонаселения. Так, например, И. А. Резник из Днепропетровска в ходе всенародного обсуждения предоставил целую работу на 119 страницах «Коммунистическое общество и Программа КПСС»¹. К сожалению, отыскать этот, как представляется, очень интересный документ не удалось, так же как и присланные Ф. Шаховым и тов. Сирадзе собственные готовые тексты новой Программы партии. Составлены они были еще до опубликования в печати проекта III Программы КПСС, одобренного Пленумом ЦК КПСС². Без сомнения, не имея представлений о перспективах строительства коммунизма в СССР, написать развернутый текст, выходящий за рамки жалоб или обычной риторики, было невозможно.

Источниками реконструкции образа коммунистического будущего в сознании населения Советского Союза рубежа 1950–1960-х гг. могут выступать: 1) письма, направленные в различные инстанции; 2) устное народное творчество. Однако при работе с этими источниками необходимо принимать во внимание то, что они в значительной степени нагружены коннотациями. При общении с властью происходила имитация мнения, которое было выгодно как власти, так и отправителю. Это достигалось использованием «ритуальных» и стереотипных приемов в данной политической культуре. Устное народное творчество, представленное в виде анекдотов, частушек, загадок, в своем содержательном аспек-

те подчинено жанровым особенностям. Непременное наличие юмора, который зачастую строился на сарказме и сатире, изначально не предполагало положительного отношения к выдвигаемым официальным дискурсом положениям о коммунизме. Таким образом, получается, что с одной стороны находятся тексты, подверженные «показному» оптимизму, с другой — те источники, над которыми довлел жанровый скептицизм.

Изначальное различие внутреннего характера источников предполагает наличие по крайней мере двух образов коммунизма в сознании населения. Довлеющему на рубеже 1950—1960-х гг. официальному представлению о коммунизме как о «светлом будущем», которое в ближайшем времени должно воплотиться в реальности, противостояло мнение, ставшее доминирующим после развала СССР, наиболее лаконично выраженное в анекдоте «самый короткий анекдот: коммунизм». Представляется, что такая дифференциация не исчерпывает весь комплекс бытовавших в сознании населения коммунистических перспектив. «Оптимистический» и «скептический» взгляды на коммунизм, в силу наличия различных групп в советском обществе, должны распадаться на дробные образы. Культурный капитал и мировоззрение партийного интеллигента отличались от мировоззрения беспартийного крестьянина, а значит, рецепция образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом, у них должна была проходить по-разному.

Четкое привязывание различных образов «светлого будущего» к конкретным социальным или профессиональным группам не представляется продуктивным, поскольку один и тот же человек мог днем, на работе, активно прославлять курс партии по строительству коммунизма и писать письма, в которых обещал взять повышенные обязательства, а вечером, на кухне, рассказывать антикоммунистические анекдоты. В то же время обычный политически малограмотный деревенский житель мог искренне верить в скорое пришествие «земного рая». Таким образом, при анализе коммунистических образов, характерных для советского населения, следует выявлять общие и часто повторяющиеся моменты, затем на их основе реконструировать коммунистические ожидания населения СССР рубежа 1950—1960-х гг. Естественно, необходимо осознавать, что таким образом создается модель, где разрабатывается один аспект объекта изучения, необходимый исследователю, а значит, должен учитываться субъективный фактор. Нельзя впадать в иллюзию возможности достоверной реконструкции, скорее, необходимо говорить о создании некой усредненной модели сознания человека исследуемой эпохи. Такая реконструкция, при отсутствии рефлексии со стороны историка, больше скажет об исследователе, чем об исследуемой теме.

В литературе можно выделить две тенденции в характеристике отношения населения к коммунизму. Ф. Бурлацкий пишет, что «новая Программа КПСС была встречена с энтузиазмом во всей партии и в народе, с надеждой и верой в то, что в короткие исторические сроки удастся добиться крупнейших результатов в экономическом и социальном развитии страны, радикально поднять уровень народного благосостояния. В этом были уверены, кажется, все»³. Этому мнению противостоит позиция других современников — П. Вайля и А. Гениса: «В самом прямом смысле в конкретные цифры Программы никто не поверил <...> Надо отдавать себе отчет в том, что никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на

месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной. И даже ортодокс понимал, что пейзаж не изменится радикально за два десятилетия»⁴. Обе точки зрения представляются равнозначными и имеющими право на существование, поскольку на рубеже 1950–1960-х гг. они не противостояли друг другу, а существовали параллельно. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов субъективный фактор в оценке эпохи: Ф. Бурлацкий как один из авторов III Программы КПСС должен был испытывать определенную гордость за свой труд, в отличие от эмигрантов П. Вайля и А. Гениса. Таким образом, важное значение здесь имеет не столько действительность, сколько та точка зрения, которую избирает наблюдатель.

Советская жизнь предоставляла достаточный материал как для оптимизма, так и для скептицизма. Практически любой автор, обращающийся к 1950–1960-м гг., отмечает, что в советской действительности происходили существенные изменения в лучшую сторону. В июне 1956 г. была введена новая система пенсионного обеспечения, увеличившая размер пенсии. К тому же был введен один из самых низких в мире пенсионных цензов: для мужчин — 60 лет, при стаже работы в 25 лет, для женщин 55 лет, при стаже в 20 лет. Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливалось государственное пенсионное обеспечение для колхозников⁵. 1961-й, год принятия новой Программы партии, начался с денежной реформы, в 10 раз укрупнившей рубль. Рост среднемесячной номинальной заработной платы рабочих и служащих составил за 10 лет практически 50 %: с 679 руб. в 1953 г. и до 98 руб. 50 коп. (985 руб.) в 1964 г. Возросло потребление мяса, молока, рыбы⁶. Успехи Советского Союза венчались полетом Ю. А. Гагарина в космос. Все это подготавливало почву для оптимистичного восприятия положений Программы партии.

Вместе с тем в советской действительности было множество нелицеприятных моментов, постоянные столкновения с которыми в повседневной жизни мешали процессу слияния с коммунистической «утопией». Об этих проблемах активно писал «Крокодил», но любой советский человек и без журнала знал, что недостатков в советском обществе еще предостаточно. Простые люди на себе ощущали, особенно после кризисных явлений первой половины 1960-х гг., невыполнимость поставленных задач. Данный факт можно проиллюстрировать письмами в редакцию журнала «Коммунист»: «Как можно требовать от советских людей какой-то социалистической идеологии, когда социализм не дал реального обеспечения для развития человеческой личности <...> Возьмем не вашу государственную статистику, а возьмем реальную жизнь советских людей в массе. Возьмем “конкретную экономику” советских людей, возьмем в массе советскую интеллигенцию: инженеров, врачей, учителей и т. д. Ведь это сплошная нищета»⁷.

В другом анонимном письме писалось, «часто по радио болтают, что у нас подходят к коммунизму, да подохнем до коммунизма. У Вас, конечно, коммунизм, ну а у нас голодизм и дороговизм»⁸. Подобный скептицизм бытовал не только среди обычных людей, но и среди партийно-государственных деятелей. Так, А. Т. Твардовский записал от публики в санатории «Барвиха» такие воспоминания: «Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках — люди больные и здоровые, но люди не рядовые, руководящие, видные партийные. И никогда не произносят слова “коммунизм” иначе, чем в шутку, — по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т. п.»⁹.

Параллельное сосуществование двух отношений к обещанному коммунистическому обществу, порожденное столкновением коммунистического идеала с действительностью, будило у носителя этого идеала стремление поскорее переделать эту действительность¹⁰. «Минусы» советской действительности самым своим существованием призывали к собственному уничтожению и к созданию общества без недостатков, а «плюсы» подтверждали верность выбранного курса, который уже сейчас начинал давать позитивный результат. И то, и другое могло стимулировать население на активное участие в решении поставленных Программой задач.

Ю. В. Аксютин провел интересное социологическое исследование, в ходе которого попытался выяснить отношение населения СССР к хрущевскому периоду и, в частности, к коммунистическому проекту. Два опроса проходили в 1998 и 1999 гг. Было задано два вопроса. Первый:

Таблица 1¹¹

**«Как вы вообще тогда относились к идее
создания общества всеобщего равенства и благоденствия?»**

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили в коммунизм	51,0 %	53,0 %
Сомневались	5,5 %	2,0 %
Не верили	18,5 %	16,0 %
Не задумывались	2,5 %	2,0 %
Нет ответа	17,0 %	17,5 %

Тем, кто положительно ответил на первый вопрос, задавался следующий:

Таблица 2¹²

**«Верили ли вы обещанию построить коммунизм
через 20 лет, т. е. к 1980 г. ?»**

Ответ	1998 г.	1999 г.
Верили	37,0 %	37,0 %
Сомневались	5,0 %	5,0 %
Не верили	26,0 %	39,0 %
Затруднились с ответом	1,0 %	2,0 %
Нет ответа	7,5 %	3,0 %

Согласно материалам опросов, число веривших в коммунизм вообще (51–53 %) в три раза превышало число не веривших (18,5–16 %), однако, провозглашенные на XXII съезде КПСС сроки его построения показались достижимыми только 35–37 %. Несмотря на прошествие определенного количества лет, в результате сравнения с комплексом письменных источников, результаты исследования могут быть признаны достоверными, следовательно, уверенность в неизбежности прихода к коммунизму уживалась со скепсисом по отношению к заявленным срокам.

Б. А. Грушин на основании собственных исследований общественного мнения 1960-х гг. выделяет по отношению к коммунизму 5 групп населения: 1) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма, искренне разделявшие

принципы этого движения и стремившиеся реализовать их на практике; 2) люди, осознававшие себя активными строителями коммунизма и хотя и не участвовавшие по тем или иным (преимущественно объективным) причинам в строительстве коммунизма, тем не менее активно поддерживавшие его принципы, испытывавшие к ним явный позитивный интерес; 3) люди, не ставившие под сомнение общую идею развития советского общества по направлению к коммунизму, более того, готовые активно участвовать в этом процессе, но не разделявшие принципов обсуждаемого движения, стоявшие в оппозиции (явной или скрытой) по отношению к нему, полагавшие, что у движения нет ни настоящего, ни будущего; 4) люди, участвовавшие в движении либо поддерживавшие его, однако делавшие и то, и другое (в силу определенных политических, идеологических причин либо из соображений выгоды, стремления быть как все и т. д.) лишь формально, на словах, без сколько-нибудь искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, стоявшие полностью в стороне от обсуждаемой проблематики — как правило, вовсе не верившие в победу коммунизма и, уж во всяком случае, не осознававшие себя участниками «коммунистического строительства»¹³.

Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества также было связано с возможностью творчески переработать образы официального дискурса. Этим могли заниматься не только писатели и публицисты, но и любой советский человек. Практически каждый мог найти в глобальном коммунизме свой отдельный кусочек «светлого будущего». Определенную роль в процессе «уверования» в коммунизм могла сыграть потребность человека в некоем идеале, мечте, надежде на лучшее, которую можно было противопоставить действительности. Как отметила Г. Н. Шербакова, «в хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться — коммунизм или нет — для нас было не важно»¹⁴. В существовании множества разноплановых образов коммунизма можно видеть одно из объяснений стремления власти придать импульсу строительства коммунизма единообразие и унификацию.

К тому же вера в «коммунистическое завтра», о которой люди заявляли как в 1960-е, так и в 1990-е гг. (что было выявлено в ходе социологического исследования), еще не определяла внутреннего содержания объекта веры. В «Крокодиле» приводилось высказывание одного человека о предстоящей жизни в коммунистическом обществе: «Вот это будет житуха! <...> Поди проверь, какие у меня способности. Скажу, что у меня их кот наплакал, и буду работать вполсилы! А по потребностям мне подай»¹⁵.

Потребительское отношение к коммунизму, с которым нещадно пытались бороться всеми возможными способами, базировалось как на психологии отдельной личности, так и на мифологизации коммунистических перспектив. Процесс мифологизации начался еще в первые годы советской власти и заложил основы для дальнейшего восприятия официальных постулатов. В результате преобразования идеологием ленинизма в крестьянском сознании складывался псевдорелигиозный тип миропонимания, в котором образы будущего выступали в языковых значениях традиционно христианской и марксистской терминологии. Марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовывался ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказывались синонимами. Тема «Коммунизм — рай земной», «Царство Божие на земле» была одним из часто употребляемых в прямом, а также метафориче-

ском и неявном виде комплексов-индикаторов, зафиксированных в письмах крестьян¹⁶. Сравнивая содержание писем крестьян 1920-х гг. и корреспонденцию, полученную в результате всенародного обсуждения проекта Программы партии, можно обнаружить множество совпадений. Так, изучая построения «народного теоретика» В. А. Вавилина, Н. Е. Шаповалова приходит к выводу, что даже при самом поверхностном прочтении в образах «светлого будущего» и путях его достижения обнаруживаются идеи, близкие тем характеристикам коммунизма, которые сформулированы в III Программе КПСС. Смысловая близость столь разных документов, по мнению исследователя, объясняется отнюдь не глубоким предвидением крестьянского теоретика, а содержанием и формой «утопического» проектирования, что подтверждается массовыми представлениями о мировой революции и ее результатах как продуктах мифологического сознания¹⁷.

Описание обращения населения к коммунистическому будущему как средству управления настоящим развивает теоретические построения М. А. Барга. Он, в первую очередь, рассматривал проблему исторического сознания в историографии, но представляется, что его идеи могут иметь более широкое применение. Для понимания советского дискурса представляется особо важным, что происходило совмещение трех времен в едином социальном конструкте. М. А. Барг в своей работе писал: «Общественный индивид в состоянии жить, смотря вперед, только в том случае, если его мысль оглядывается назад»¹⁸.

Будущее конструируется из элементов личного или социально усвоенного опыта. Человек как элемент социума одновременно является субъектом и объектом формирования социальной памяти, которая является хранителем социального прошлого. Сконструированное на основании прошлого представление о будущем является для настоящего эталоном, определяющим модусы поведения человека. Движение в будущее рассматривается как развитие положительных черт современности, приводящих к построению идеальной системы. Социальная память, как и природная, обладает способностью избирательно забывать некоторые факты прошлого. Потребности настоящего влияют на выбор элементов пережитого опыта, определяя образ социального прошлого. Все три времени оказываются взаимосвязаны.

Несмотря на то, что в построение коммунизма к 1980 г. верили не все граждане СССР, это не мешало им желать совершить как можно более быстрый рывок в «светлое будущее». Даже если совсем не верить в возможность завершения коммунистического строительства, то стремиться к коммунистическому изобилию можно. По словам Т. П. Кищенко, в 1960-х гг. «вера в лучшую жизнь вовсе не означала веру в коммунизм»¹⁹. Понятный обычному человеку «потребительский коммунизм», как показывают письма и активная борьба с ним со стороны официального дискурса, был одним из самых распространенных вариантов «светлого будущего». Выше отмечалось, что для населения самым популярным и распространенным был момент, выраженный в лозунге, который в сознании большей части людей связывался с коммунизмом, — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Поэтому Ю. М. Тихомиров своим письмом пытался закрепить в Программе партии следующее определение: коммунизм — это общество, где человек «волен работать или не работать вовсе»²⁰. Стремление к распределению по потребностям порождало у некоторых граждан нетерпение. Особенно это хорошо прослеживается в письмах людей пожилого возраста.

та, которые говорили, что они, к сожалению, не смогут дожить до коммунизма и поэтому хотели уже во время своей жизни посмотреть на жизнь в будущем и насладиться коммунистическим изобилием. Так, группа участников Гражданской войны и революционного подполья на основании своих былых заслуг перед Родиной предлагала предусмотреть в Программе льготы для себя: «бесплатное жилье, бесплатный проезд на всех видах городского транспорта, лечение в санаториях»²¹. Некто Н. Князев писал: «Очень хорошо, что молодежь будет жить при коммунизме. Но людям старым, участникам революции, следует тоже дать это почувствовать — надо сейчас установить единую для всех пенсию по старости, освободить от платы за воду, свет, баню, кино и за проезд по городу»²².

Некоторые люди предлагали уже в 1960-х гг. перейти к бесплатному снабжению населения товарами первой необходимости — дешевым хлебом, спичками, солью и т. п.²³

Официальный дискурс о коммунизме требовал от населения напряжения усилий и некоторых лишений, которые окупятся в будущем, а «потребительский коммунизм», наоборот, настаивал на том, что с построением социализма основные трудности в развитии уже преодолены и можно пользоваться плодами своего или чужого труда. Н. А. Чальян предлагал: «По мере достижения изобилия того или иного продукта переходить к его бесплатному распределению по потребностям»²⁴. К тому же, после опубликования проекта и его принятия XXII съездом КПСС по сути начинался обратный отсчет времени до наступления коммунизма, а значит, с каждым днем и часом коммунизм становился все ближе и ближе.

Необходимо подчеркнуть, что причина существования «потребительского коммунизма» заключается в его крайней доступности и понятности. Нормальный человек извлекал из текста Программы партии моменты, которые были для него близки и понятны. Современники отмечали, что для населения Советского Союза самыми впечатляющими положениями Программы партии были отнюдь не самые важные с точки зрения авторов. Все говорили о том, что будет бесплатный транспорт, бесплатные коммунальные услуги, бесплатные заводские столовые, а не о дальнейшем развитии принципов социалистической демократии. Данный факт объясняется тем, что Программу партии читали как художественный текст, в котором конкретные и вытканные детали брали на себя функцию пересказа²⁵.

Тот факт, что советское население хотело знать свое будущее, и знать его как можно точнее, демонстрируют многие письма. Комсомолец А. Игошин еще в 1926 г. обращался к И. В. Сталину с просьбой, чтобы тот написал ему, как лучше понять и представить себе коммунистическое общество. В письме был обозначен мотив обращения к И. В. Сталину: «Вы дадите нам оружие, которое поможет разогнать всю муть и увидеть во всей наготе коммунистическое общество, которое идет или нет?»²⁶. В 1960-х гг. поступали аналогичные просьбы: уже не в ответном письме, а в тексте Программы партии предлагали дать более детальное описание коммунистического общественного устройства и общежития²⁷. Помимо общей конкретизации коммунистического общества целиком, поступало значительное количество писем с просьбой уточнить частные вопросы коммунистического образа жизни. Следовательно, можно выявить еще одну бинарную оппозицию в рецепции образа коммунизма. Размытость официального дискурса подвигала часть людей на творческую активность, дабы своими силами более четко очер-

тить «светлое будущее» и создать на базе официального свой собственный образ коммунизма. По этому поводу комиссия, занимавшаяся обобщением поступивших писем, сделала следующее заключение: «Авторы некоторых писем на многих страницах формулируют свои, отличные от содержащихся в проекте, теоретические положения и предлагают даже целые разделы проекта Программы в собственных редакциях. Предлагаемые ими формулировки в большинстве случаев идут вразрез с основами марксистско-ленинского учения и свидетельствуют о недостаточной теоретической подготовке их авторов»²⁸.

Другая часть населения была вынуждена находиться в рамках расплывчатого образа коммунизма и обращением к власти пыталась обозначить будущее, которое определяло поведение в настоящем. Неопределенность с коммунизмом и его трактовкой населением была частично порождена официальным дискурсом и его противоречивостью. В письме В. Е. Виноградова описывается случай, произошедший в парторганизации г. Измаила, когда там обсуждался проект Программы партии и Устав КПСС. Один из коммунистов внес в проекты несколько незначительных поправок. Другой коммунист заклеил эти поправки как «вражеский наскок на линию партии, как бухаринщину». В ответ коммунист, вносивший поправки, назвал «врагом коммунизма» того «бдительного» товарища. В обоих случаях оппоненты ссылались на Устав КПСС, только на разные пункты. В заключение автор письма задается вопросом: «Вот и разберись, — кто враг коммунизма, а кто — друг»²⁹. Трудность восприятия официального образа побуждала некоторых людей обращаться с предложением более понятно изложить основные идеи Программы партии. Так, например, предлагали для большей наглядности, лучшего восприятия и доступности снять кинофильм в 4-х сериях «Программа КПСС»³⁰. Вносилось предложение о введении курса научного коммунизма в высших учебных заведениях³¹. Другие граждане, отмечая, что текст Программы партии рассчитан на сравнительно подготовленного читателя, считали абсолютно необходимым издать краткое популярное изложение проекта Программы партии для самого широкого круга читателя³², а Н. Н. Рипов предлагал выпустить коммунистические «молитвенники» и «евангелие» — популярные всеобъемлющие политобразовательные учебники для коммунистов и изучать их «как таблицу умножения»³³.

Имеющиеся источники позволяют провести разделение «светлого будущего» еще на два варианта: индивидуальный и общественный «потребительский коммунизм». В первом случае главными признавались личные потребности одного конкретного человека — автора послания. В сводке поступивших писем группа, в которой выделяется индивидуалистический вариант, охарактеризована следующим образом: «Имеются письма, появление которых обусловлено, видимо, личной неустроенностью, бытовыми трудностями, носящие по существу характер жалоб»³⁴. Зачастую личное неблагополучие авторов писем и их жалобы на свое положение в посланиях связывалось с коммунизмом. Примером может служить письмо О. Д. Гордова, где он, жалуясь на отсутствие в своем районе бани и прачечной, пишет: «Очевидно, через 20 лет, т. е. при коммунизме, люди вообще не будут мыться, если нас уже сейчас лишили этого элементарного гигиенического удобства»³⁵.

Таким образом, человек, обращаясь к официальным властям, апеллировал к коммунистическому будущему как к некому идеалу общественного устройства,

для того чтобы изменить свое настоящее. Помимо вполне обоснованных просьб по улучшению жилищных, продуктовых и других бытовых условий, попадаются весьма курьезные послания, демонстрирующие крайнюю степень «индивидуалистического потребительского коммунизма». Некоторые трудящиеся интересовались, будут ли при коммунизме бани и нельзя ли в 1960-х гг. уже ввести бесплатное пользование ими³⁶. Н. Я. Прилепов из Риги в своем письме обращал внимание на необходимость по мере продвижения к коммунизму улучшать сбор сырья с населения, поскольку в 1960-х гг. «с населения принимаются только утильсырье, макулатура, металл и бутылки исправные, отечественные. Отечественные я называю потому, что другие бутылки из братских стран не принимаются, а их очень много у нас»³⁷.

«Общественный потребительский коммунизм» заключался в получении благ не только конкретным индивидом, но и всем обществом в целом. Н. И. Шершов предлагал в течение 5 лет обеспечить гражданам Советского Союза и приезжающим в Советский Союз выдачу хлеба стоимостью до 17 коп. за 1 кг бесплатно³⁸. А Б. Л. Кербер прямо указывает, что он представляет себе коммунистическое общество не как общественную формацию, в условиях которой можно будет кушать все, что хочешь, и в неограниченных количествах. Это, на его взгляд, наименее значимая сторона, «но вот возможность быстро связаться по телефону в любое время суток как по служебным, так и по личным вопросам — это одно из очень важных обстоятельств»³⁹. Собственно, такой вариант «потребительского коммунизма» в значительной степени пересекался с официальным образом и образами в редакции ряда медиаторов. Предполагалось, что свойственное всей коммунистической формации противоречие между постоянно растущими потребностями членов общества и достигнутым в каждый данный момент уровнем производства должно было составить могучий стимул развития общества по пути прогресса⁴⁰. Естественно, что для нормального взаимодействия официального и народного образов коммунизма «общественный потребительский» вариант не должен был выходить за определенные границы.

Наличие в трактовке населением коммунистических перспектив индивидуалистическо-потребительского варианта мешало достижению коммунизма не только согласно официальному дискурсу. Сами советские граждане указывали, что такое мировоззрение не позволит выполнить поставленные Программой партии задачи, а тем более в установленные сроки. Студент А. С. Вершинин в своем письме выражал сомнение в том, что «наше поколение будет жить при коммунизме, считал это невероятным, так как еще слишком низкий уровень сознания и общей культуры населения»⁴¹. Ю. В. Аксютин в своей работе приводит следующие высказывания советских людей: «С нашими людьми строить коммунизм нельзя», «С такими людьми коммунизм не построить», «Коммунизм — это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины», «Ни фига мы не построим, все пропьем», «С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»⁴².

Частичное воплощение подразумевало постепенное внедрение коммунистического принципа распределения и его географическую локализованность: коммунизм в Советском Союзе предполагалось создавать первоначально не повсеместно, а в отдельных местах. В письмах имеются предложения приступить к строительству образцово-показательных предприятий и организовать широкое

распространение их опыта⁴³, а также «начать в виде эксперимента создание баз, районов и коллективов, где будут иметь место коммунистические отношения людей в производстве и в быту <...>, образовать на территории СССР опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым»⁴⁴. И. Романов при определенных условиях брался «возглавить, построить и сформировать производственный коллектив тысяч на пять рабочих с коммунистическим укладом общественной жизни на базе одной из новостроек»⁴⁵.

Более четкое выражение идеи наглядного, но территориально ограниченного коммунистического образа жизни можно обнаружить в двух письмах. Тов. Заброда предлагал: «В течение ближайших пяти лет, т. е. с 1962 по 1966 год, построить в различных местах на территории союзных республик СССР — в каждой ССР по одному, — по типовым проектам, характеризующим национальные особенности архитектуры республики, пятнадцать образцово-показательных городов-коммун. Люди, работающие в этих городах, отбираются проверочной комиссией ЦК КПСС. С 1968 г. все остальные граждане СССР, а также туристы из-за границы могут знакомиться с условиями и порядками в этих городах-коммунах»⁴⁶.

Е. И. Тимошенко обратился в редакцию «Комсомольской правды» со следующим соображением: «Где-нибудь в Сибири, на берегу Лены или Енисея, построить коммунистический город-лабораторию по всем правилам коммунизма, во всем отличающийся от современных городов. В этом городе, по-моему, должны жить только люди, которые по своим моральным и душевным качествам вполне соответствуют требованиям этих правил и принципов. Нельзя допускать в этот город пьяниц и хулиганов, с тем чтобы там их воспитывать. В основном, жителями этого города должна быть молодежь, чтобы как можно резче отделиться от всего старого, к сожалению еще имеющегося в жизни нашего социалистического общества. А такие коммунистические люди, новые люди, у нас уже есть. Вот и собрать их в один город, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так»⁴⁷.

В приведенных отрывках из писем явно проступают черты классической утопии наподобие «Города Солнца». Оба варианта народной утопии преследовали дидактические цели, описывая воплощенный в жизнь коммунистический уклад, они наглядно демонстрировали, насколько лучше будет жить в будущем.

В значительной степени построение коммунизма воспринималось в непосредственной связи с развитием производственно-бытовых коммун. В редакцию журнала «Коммунист» поступали письма о том, что «коммунистическое общество в высшей фазе своего развития будет состоять из производственно-бытовых коммун. Коммуны являются основным звеном коммунистического общества, организации, посредством которой будет практически осуществлен коммунистический принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”»⁴⁸. Е. А. Лиокумович в своей работе отмечает, что «коммунизм представлялся как жизнь в условиях всеобщего благоденствия, изобилия в братском единстве и без государственной власти. Это была утопия возврата к общине, что и было верным пониманием слова “коммуна”»⁴⁹.

Идею обобществления имущества и использования коммун как трамплина для прыжка в «светлое будущее» можно обнаружить не только в 1960-е гг., но и в первые годы советской власти, и даже в более ранний период в практике «уто-

пических социалистов», а также в сильной общинной традиции, характерной для народного сознания. Иногда стремление к равенству и стиранию всяческих различий приобретало на практике комические формы. Так, Ф. Панферов, посетивший в 1920-е гг. коммуну «Пролетарская воля» недалеко от Пятигорска, вспоминает, как захотел расспросить одну из коммунарок:

«— Как ее фамилия? — спрашиваю председателя.

— Фамилия? А у нас же частные фамилии ликвидированы. Единая у всех фамилия. Эта доярка Анна Пролетволя. Тут вон, на углу, Тихон Пролетволя. Я Николай Пролетволя. Так-то!»⁵⁰.

Создание изолированных от повседневной советской действительности поселений, обеспеченных всем необходимым, своеобразных анклавов справедливой жизни и всеобщего равенства, должно было предотвратить возможность морального падения кандидатов на роль «нового человека», одновременно, подобно линзе, фокусируя их стремления в одну точку.

Одним из главных положений в идее коммуны была справедливость, основанная на полном равенстве. Призывы к возрождению коммун, в которых отсутствует имущественное расслоение, и обращения к коммунистам отказаться в пользу общества от своего имущества, что тоже можно расценивать как некий вариант коммуны в масштабах целой страны, реализуют стремление населения к равенству и социальной справедливости.

Стремление к равенству и справедливости было обусловлено несоответствием образов, которые транслировала официальная власть, с образами, возникающими на основе восприятия населением окружающей обстановки. Например, С. Рудик, не обнаружив в проекте Программы партии прямого указания на отмену паспортной системы, спрашивал: «Неужели в коммунизм наши дети придут с паспортами и милицейскими прописками? Паспортная система, ограничивающая для советского гражданина право свободного выбора местожительства, никак не вяжется с тем новым отношением к труду, которое будет у человека в период коммунизма»⁵¹.

Нетерпение в ожидании обещанного «земного рая» не могло примириться с неустроенностью и бытовыми проблемами. Стремление к равенству как основе справедливого устройства общества, по материалам источников, в значительной степени основывалось на восприятии частью населения советской социальной системы как иерархической, где коммунисты и руководители занимают место на вершине. Многие противопоставляли простых тружеников руководству из числа коммунистов, паразитирующих на пролетариате, наживающих себе нечестным путем излишки благ, в то время как основная масса советских граждан зачастую испытывала дефицит основных продуктов. Б. И. Дунаевский предлагал выработать научно-обоснованные нормы, определяющие допустимый предел личной собственности, закрепить его специальным решением ЦК, ввести ответственность за превышение коммунистами этих норм, отменить закрытое распределение, которое распространяется и дает преимущества как раз наиболее обеспеченным категориям трудящихся⁵². С. И. Мажников выражает ту же мысль, отмечая существование в СССР некой «новой эксплуатации»⁵³. До этого бытовала народная расшифровка аббревиатуры ВКП(б) — всеобщее крепостное право (большевики). В свете этого можно понять авторов писем, предлагавших переименовать КПСС в ЛКПСС (Ленинская Коммунистическая Партия Совет-

ского Союза)⁵⁴, что подтверждает следующее предположение: образ В. И. Ленина неразрывно связывался с коммунистическим строительством и одновременно мог противопоставляться сталинской эпохе.

Призывы к созданию коммун и обобществлению имущества зиждились не только на восприятии коммунистов как «новых людей», для которых имущество уже неважно, но и на негативном отношении к разрыву в положении между различными группами населения при постоянном постулировании идей бесклассового общества, где преимущества даются только за личные заслуги. Если некоторые авторы писем предлагали коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, то другие настаивали на изъятии⁵⁵. Наибольшее раздражение у населения вызывало такое имущество, которое в Советском Союзе воспринималось как особая роскошь: автомобили, дачи, частные дома, гаражи и т. п. В адрес различных организаций поступило более 100 предложений с идеями изъятия имущества. К. В. Белкин в своем послании указывал, что в проекте Программы «мало сказано о непомерной личной собственности, которая как палка в колесе коммунизма. Дачники, “садоводы”, владельцы автомашин подобны паразитам на здоровом теле строителей коммунизма. Они удлиняют путь к нему»⁵⁶. Некоторые авторы развивали данную мысль, дополняя ее не только предложением одномоментного изъятия, но и запретом на дальнейшую продажу автомобилей, и изданием закона, запрещающего иметь собственные дома и сдавать жилье внаем⁵⁷. Особое неприятие вызывали люди, которые получали нетрудовые доходы от сдачи своих домов на юге в курортный сезон, поскольку они одновременно были и частновладельцами, и спекулянтами. Получение доходов нетрудовым путем отдельными гражданами, в то время как остальные прикладывали значительные усилия не только для строительства коммунизма, но и для собственного благополучия, также вызывало недовольство. Поэтому население жаждало справедливости и в финансовом вопросе. Поступали предложения проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах, и «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству для использования на строительство коммунизма»⁵⁸, а в будущем постепенно заменить наличные деньги «именными лимитными книжками»⁵⁹.

Всех тех, кого на своих страницах высмеивал «Крокодил», простой человек видел в своей жизни. И неприятие к людям, имеющим благосостояние, выливалось, в соответствии с коммунистическими идеями уравниательства, в ожидание экспроприации в духе первых лет советской власти. Многие трудящиеся спрашивали, почему бы не ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых работников и за этот счет повысить ее у низкооплачиваемых⁶⁰. Все то богатство, которое производило народное хозяйство СССР, должно было оседать где-то, если оно не доходило до обычного человека. С. К. Игнатьев в своем письме выразил данную мысль следующим образом: «Одни уже сейчас имеют по потребностям и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки»⁶¹. Г. Наканов писал, что руководители «утрачивают вкус к борьбе за счастье народа, за коммунизм. Если бы они были такими же простоватыми и наивными, как Галушка из “Калиновой рощи” Корнейчука, то они сказал бы, наверное: “Какой вам еще коммунизм нужен, мы и так уже в коммунизме”»⁶². Значит, те, кто пользуется этими богатствами, своим стремлением к излишкам и роскоши мешают осуществлению Программы партии. И если просто изъять все несправедливо нажитое

имущество и распределить его среди остального населения, согласно логике общины или коммуны, это будет практически коммунизм.

Подобная позиция советских граждан может быть рассмотрена как аналогия действиям жителей Англии XVIII в., описанным в работе Э. Томпсона. Он указывает, что народные восстания, возникающие из-за повышения цен или нехватки продовольствия, протекали в рамках народных представлений о законности или незаконности чего-либо. Общее согласие относительно этих представлений было основано на традиционном понимании социальных норм, а также на представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях некоторых членов общества. Сумма этих представлений и составляла то, что автор называет «моральной экономией бедноты» (*moral economy of the poor*). Грубые нарушения этих основных моральных понятий вызывали волнения столь же часто, сколь и действительная нужда. И главной целью бунтов было восстановление строгого соблюдения норм этой «моральной экономики»⁶³.

Все, что не устраивало советского человека в его жизни, автоматически не соответствовало коммунистическому идеалу, а значит, мешало его достижению, и в период «развернутого строительства коммунизма» должно быть изжито, причем как можно скорее. Кроме того, резкое неприятие многих людей, чей социальный протест под воздействием проекта Программы партии выражался в апелляции к коммунистическому будущему как идеалу справедливости, вызывало игнорирование частью населения одного из принципов «Кодекса строителя коммунизма»: «кто не работает, тот не ест». При этом под трудом подразумевался физический труд, и поэтому работники умственного труда, особенно бюрократы и руководители, воспринимались как лодыри и нахлебники. Недовольные этим авторы предлагали ввести порядок, при котором каждый руководящий работник должен был отработать один месяц в году в качестве рабочего⁶⁴. Или вообще ввести обязательный труд для всех трудоспособных граждан, в том числе для всех трудоспособных женщин, поскольку крайне нетерпимым считался тот факт, что многие женщины, являясь женами состоятельных людей и имея дипломы об образовании, не работают⁶⁵. Если официальный дискурс выстраивал коммунистические перспективы, исходя из постепенного сближения умственного и физического труда посредством облегчения физического и подъема его до умственного, то народная «коммунистическая справедливость» воспринимала официальный лозунг как руководство к действию и ожидала скорейшего вовлечения всех людей в трудовой процесс. Наиболее радикальное воплощение стремления к борьбе с тунеядцами можно обнаружить в письме К. К. Лавренко, который призывал упразднить такой «рассадник тунеядства», как 3-я группа инвалидности⁶⁶.

В контексте народного стремления привлечь к физическому труду как можно большее количество населения и, в первую очередь, восстановить справедливость, заставив работать тех, кто уклоняется от физического труда, выявляется отдельная тема, одновременно связанная с национальными отношениями в СССР. Некоторые авторы в этом контексте поднимали еврейский вопрос. В. Сыроваткин писал: «Евреи являются в СССР привилегированной нацией, т. к. они занимаются только умственным или легким трудом и не работают в шахтах, у станков, на тракторе и т. д., поэтому дружба с ними невозможна»⁶⁷. Показательно, что в сознании автора евреи выделяются из категории советских граждан, с которыми либо можно дружить, либо нельзя, это подчеркивает инородность

евреев в рамках Советского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальше В. Сыроваткин предлагает или выселить всех евреев в Израиль, или собрать их в автономной области.

Таким образом, необходимо отметить следующий факт: рассматривать трансляцию идей как однонаправленный процесс значит целенаправленно упрощать ситуацию, поскольку население не было простым приемником реципиентом властных посланий. Материалы «всенародного обсуждения» Программы партии демонстрируют, что население активно трансформирует официальные постулаты. Особенно ясно это видно, когда речь идет о «потребительском» коммунизме — одном из самых устойчивых и распространенных вариантов рецепции коммунизма, против которого был направлен пыл идеологической пропаганды. Но даже когда граждане говорили «по-большевистски», на одном языке с властью, их понимание коммунизма зачастую сильно отличалось от официального, что послужило причиной возникновения множества вариантов рецепции коммунизма в советском обществе. Все это позволяет ставить вопрос о необходимости нового осмысления III Программы КПСС, всего хрущевского десятилетия и истории КПСС в целом.

Примечания

- 1 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
- 2 Там же. Д. 298. Л. 33.
- 3 *Бурлацкий Ф.* Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 101.
- 4 *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 13, 16.
- 5 *Пыжиков А. В.* Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 97.
- 6 См.: *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественная настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 345.
- 7 Цит. по: *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 100.
- 8 Там же. С. 101.
- 9 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 332.
- 10 См.: Там же. С. 331.
- 11 См.: Там же. С. 333 — 335.
- 12 Там же С. 336 — 339.
- 13 См.: *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 252.
- 14 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 333.
- 15 *Шатров С.* Стоп! Дальше колымага не пойдет! // Крокодил. 1961. №. 24. С. 2.
- 16 См.: *Шаповалова Н. Е.* Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921 — 1927 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2001. С. 62, 65.
- 17 См.: Там же. С. 80 — 81.
- 18 *Барг М. А.* Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 13.
- 19 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 334.
- 20 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 84.
- 21 Там же. Л. 161.
- 22 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 75. Л. 4.
- 23 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 310. Л. 257.
- 24 Там же. Д. 302. Л. 10.
- 25 См.: *Вайль П., Генис А.* Указ. соч. С. 16–17.
- 26 Цит. по: *Шаповалова Н. Е.* Указ. соч. С. 75.
- 27 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. С. 2.
- 28 Там же. Д. 298. Л. 24.
- 29 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 97.

- 30 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.
- 31 Там же. Д. 300. Л. 198.
- 32 Там же. Д. 303. Л. 53.
- 33 Там же. Д. 300. Л. 79.
- 34 Там же. Д. 298. Л. 24.
- 35 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 211. Л. 40.
- 36 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 32.
- 37 Там же. Л. 73.
- 38 Там же. Л. 3.
- 39 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 179. Л. 42.
- 40 Там же. Д. 219. Л. 6–7.
- 41 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 303. Л. 14.
- 42 Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 336–337.
- 43 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 114.
- 44 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 86.
- 45 Там же. Д. 298. Л. 146.
- 46 Там же. Л. 142.
- 47 Цит. по: *Струков Э. В.* Человек коммунистического общества. М., 1961. С. 49–50.
- 48 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 81. Л. 79.
- 49 *Лиокумович Е. А.* Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. С. 51.
- 50 *Панферов Ф.* Что такое коммунизм // Октябрь. 1960. № 1. С. 106.
- 51 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. С. 23.
- 52 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 46.
- 53 Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 50.
- 54 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 62.
- 55 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 36.
- 56 РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 72. Л. 37.
- 57 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 302. Л. 26.
- 58 Там же. Л. 176.
- 59 Там же. Л. 12.
- 60 Там же. Д. 299. Л. 111.
- 61 Там же. Д. 302. Л. 150.
- 62 Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.
- 63 См.: *Оболенская С. В.* Философия практики, революция и история // http://www.situation.ru/app/j_art_725.htm
- 64 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 48.
- 65 Там же. Д. 302. Л. 10.
- 66 Там же. Д. 299. Л. 230.
- 67 Там же. Д. 301. Л. 26.

И. А. Арзуманов
Чита

Улан-Баторская община местнорусских в историко-религиоведческом контексте (XX–XXI вв.)

Историко-логический подход выявляет понимание термина «миссия» как свидетельство, пропаганду вероучения, осуществляемые на личностно-субъективном и организационном уровнях. В последнем случае свидетельство осуществляется через соответствующие структуры конфессиональных институтов христианства. Так, в целях «евангелизации населения нехристианских

стран»¹, создавались и создаются миссии католические, православные и протестантские².

Церковные и деноминационные миссионерские структуры, находящиеся под непосредственным руководством конфессиональных центров, соответственно «свидетельствовали» с конфессиональных же мировоззренческих позиций. Масштабы миссионерской деятельности в XX в. как католической, так и протестантской миссий позволяют говорить о глобальном охвате ценностными приоритетами Запада большинства стран мира. Американские протестантские миссии играют ведущую роль в финансировании и распространении протестантских миссий (они посылают около 50 % всех миссионеров). «Всего более 40 стран отправляли и более 100 принимали иностранных миссионеров»³. Но при этом около «60 стран полностью или частично ограничивали приезд иностранных миссионеров»⁴, общее количество которых к середине 90-х гг. XX в. составляло «более 53 тыс. человек»⁵. С самого начала своего организационного периода Западная миссия (как католическая, так и протестантская) непосредственно являлась составной частью политических процессов, связанных, во-первых, со стремлением метрополий создать некую промежуточную прослойку из местного населения, которая, «усвоив ценности европейской культуры, должна была стать опорой колониальных властей», и, во-вторых, — «со стремлением Ватикана упрочить свои позиции с помощью создания местных церквей»⁶ как составных частей Римско-католической церкви.

Таким образом, через мировоззренческий аспект инновационных процессов отмечается изначальная социополитическая направленность Западных миссий. Миссионерская деятельность Российской Православной церкви, в отличие от рассмотренных позиций Западной, не преследовала внешнеполитических задач в качестве приоритетных — в условиях пребывания вне границ конфессионального пространства России, преимущественно окормлялись россияне, оказавшиеся за ее пределами. Но, вместе с тем, необходимо отметить тот факт, что социополитические характеристики православной миссии имперского периода должны производиться с учетом социокультурной корреляции религиозного сознания (культовой практики) и форм политической культуры, закрепленной в правовом поле. При характеристике методологических аспектов процессов приобщения к православному христианству коренного населения Восточной Сибири и Дальнего Востока, выделяются следующие стадии взаимодополнявшие и более или менее последовательно переходившие друг в друга до начала 1920-х гг.:

1. Эпизодическое «обращение» (крещение) отдельных представителей коренного населения и даже целых этно-социальных групп (родов, племен), происходившее в результате активности православных священников, находившихся в составе экспедиции, группы переселенцев, воинской части и т. д.;

2. Обращение в целях поддержания устойчивых хозяйственно-практических отношений (систематическое использование пришельцами результатов охоты, рыбной ловли, транспортных услуг, предоставляемых местным населением, обучение его русскому языку, элементарным навыкам русской культуры и т. д.);

3. Последовательная религиозно-культурная деятельность православных миссий, укомплектованных штатом и опиравшихся в своей практике на поддержку стабильных общин русских поселенцев;

4. Систематическое противостояние на Дальнем Востоке «инославным» христианским конфессиям («обличение раскольников», христианских сектантов, попытки обращения в православие отдельных католиков, лютеран и т. д.) и устойчивым религиозно-культурным традициям нехристианских систем (конфуцианство, буддизм, даосизм, синтоизм, ислам — среди ссыльно-поселенцев и др.).

Говоря о социополитической природе миссионерства В. С. Глаголев отмечает: «Эти процессы развертываются во второй половине XIX — первые два десятилетия XX вв. и обусловлены геополитической экспансией России и ее стремлением создать устойчивую культурно-государственную основу в регионе, становившемся культурно неоднородным в результате ряда одновременно действовавших тенденций (колониизационный эффект пенитенциарной системы, массовое переселение крестьян с запада империи, включение в ее состав этнических китайцев и корейцев, активное противодействие японской и, возможно, китайской агентуры и др.). Таким образом, христианизация двух огромных регионов продолжалась с середины, по крайней мере, XVII в. до 1917 г. <...> Не было, однако, принудительного обращения в христианство. Тут, несомненно, сказались осторожность и государственный контроль к тому времени, когда эти процессы набирали силу и стали составной частью не только внутренней, но и внешней политики империи (т. е. с середины XVIII в.). Профессиональный характер иркутской миссии и ее ответвлений, ее лингвистическая и дипломатическая работа не оставляют сомнений в теснейшем взаимодействии государственно-политической и церковной политики на отдаленных территориях империи»⁷.

В силу этого, появление различных нетрадиционных религий и культов, благодаря миссионерской активности корейских, японских и американских миссионеров, воспринимается не как реализация права на свободу совести и вероисповедания, а как религиозная экспансия, угрожающая национальным интересам России⁸. Центрально-азиатский регион, частью которого является Забайкалье и Монголия, является миссионерским полем не только для западных конфессиональных образований, но и для традиционных религиозных страт, вследствие миграционных и ремиграционных процессов социополитического характера.

Рассмотрим эти положения на примере общины местнорусских в Монголии, принимая во внимание происходившие и происходящие в этой стране в XX–начале XXI вв. инновационные процессы. Спектральный обзор конфессионального поля Монголии показывает, что исторически Монголия ассоциировалась с ламаизмом — «жёлтой верой», одной из форм буддизма. До народной революции 1921 г. в стране насчитывалось почти 750 монастырей — дацанов. После культурной революции и репрессий против ламаистского духовенства в 1930–1940-х гг., десятилетий социалистических преобразований Монголия к началу 1980-х гг. действительно была атеистической страной. Сохранился всего 61 дацан⁹. Из них только один действующий в Улан-Баторе — Гандантекчинлинг, где располагалась школа по подготовке духовенства. Связи с Тибетом, Непалом, тибетскими ламами в изгнании в этот период не поддерживались.

На севере и северо-западе страны осталось четыре шаманских капища «черной веры» (хара-шаджин), посвященных Эрлэн-Хану, владыке ада. «Эрлэн-Хан» — по шаманистской мифологии бурят и алтайских тюрков, — самый злой дух из восточных хатов. Он считался владыкой загробного мира¹⁰. В самом за-

падном Баян Улэгэйском аймаке, населенном преимущественно казахами, и в соседнем с ним Кобдосском аймаке было четыре мусульманских мечети. В пяти аймаках Монголии поклонялись легендарному Гэсэр-Хану. В Улан-Баторе находился и католический костел¹¹.

Начальный этап истории формирования российской этнокультурной общности в Монголии в середине XIX — начале XX вв. достаточно хорошо освещен в литературе¹². Уже в 1860-х гг. в Урге (ныне — г. Улан-Батор) открылось постоянное русское консульство и начинал отстраиваться консульский поселок, где постоянно проживало от 30–40 до 100 русских и бурят, выходцев из Забайкалья и Иркутска. В 1863 г. ургинский консул Я. П. Шишмарев поставил вопрос перед Иркутским Архиереем о присылке священника и строительстве храма¹³. Первая Божественная Литургия была отслужена в Урге 22 марта (по ст. стилю) 1864 г. верхнеудинским священноиереем Иоанном Никольским с благословения Преосвященного Вениамина, епископа Селенгинского, начальника Забайкальской Духовной Миссии. Отец Иоанн Никольский имел особое поручение «...собрать нужные сведения о возможности учреждения православной миссии в Монголии»¹⁴. Иркутская Духовная консистория не нашла возможным в то время направить священника-миссионера для постоянного служения в Урге. Святейший Синод считал необходимым вести окормление русской общины Урги из Пекинской Духовной Миссии (ПДМ). Так, в 1865 г. сюда командировался член ПДМ иеромонах Сергей, пробывший здесь около года. Однако Литургия в Урге не служилась, поскольку не было св. антиминса. С 1866 по 1868 гг. в Урге служил иеромонах Геронтий, также являвшийся членом ПДМ. В 1872 г., во время дунганского мусульманского восстания (1862–1873 гг.), для охраны ургинского консульства из Забайкалья командировался значительный отряд русских войск. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Сидельников нашел нужным устроить при этом отряде Св. Троицкую церковь, которая и была построена силами казаков. Храм примыкал к главному зданию консульства с восточной стороны. Внутреннюю отделку храма и его украшение, включая написание икон, произвели иркутские мастера. В этом же году Преосвященный Парфений, архиепископ Иркутский и Нерчинский, выслал Святой антиминс. Но храм все же не был освящен. Время от времени в Ургу для совершения богослужений и отправления треб командировались иереи Иркутской епархии.

Постоянные Богослужения в Свято-Троицком храме начались 4 сентября 1893 г., после решения Святейшего Синода о назначении в Ургу бывшего миссионера Цакирского стана Забайкальской Духовной Миссии иерея Николая Шастина¹⁵. Заметно оживилась деятельность Православной Церкви после революции в Китае в 1911 г. и обретения Монголией автономии в 1912 г. Появилась часовня в г. Маймачене (Алтан-Булаке), встал вопрос о строительстве часовен и молитвенных домов в русских колониях городов Кобдо, Улясутай¹⁶. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не позволила исполнить задуманного. До 1921 г. Свято-Троицкий храм при российском консульстве в Урге находился в юрисдикции Иркутской епархии. В феврале 1921 г. погиб ургинский священник Федор Парняков. О назначении на служение в Монголию других священников в последующее время на данный момент информации нет.

Только летом 1995 г. группа пожилых граждан из местнорусской общины Улан-Батора обратилась через общество российских граждан к официальным

лицам российского МИДа с просьбой оказать помощь в деле восстановления православного прихода в Монголии.

16 марта 1997 г., по первой неделе Великого Поста, в Праздник Торжества Православия в монгольской столице после почти семидесятилетнего перерыва была отслужена Божественная Литургия. Большинство участвовавших в воскресном Богослужении принадлежало к улан-баторской общине местнорусских¹⁷. Местнорусские — это граждане бывшего СССР, а теперь России, постоянно проживающие в Монголии. До 1971 г. у них имелся только вид на жительство в этой стране. Затем местнорусские стали получать советские общегражданские загранпаспорта. Термин «местнорусские» надэтничен. Так называют себя и собственно русские, и буряты, и украинцы, и потомки смешанных русско-бурятских, русско-китайских, реже — русско-монгольских браков. Местнорусские противопоставляют себя «специалистам» (прежде их называли «контрактованные»), гражданам России, работающим в Монголии по контрактам и проживающим здесь временно, часто с семьями.

Несмотря на то, что подавляющее большинство местнорусских имеет российское гражданство, установить абсолютную цифру проживающих в Монголии через посольство невозможно. Связано это с тем, что местнорусские, используя благоприятный ныне для них паспортный режим, совершают миграции и рэмиграции через российско-монгольскую границу. Все же называется достаточно внушительная цифра: от 2,5 до 3 тыс. человек. Самый крупный анклав местнорусских находится в Улан-Баторе — почти 2 тыс. человек¹⁸. В Селенгинском аймаке проживает около 370 человек. Из них — более 100 — в г. Дархане и в соседней деревушке с тем же названием; от 80 до 100 человек живет в Ухэ-Баторе; около 40–45 местнорусских сейчас осталось в пос. Дзунхара на трассе Трансмонгольской железной дороги. Проживают наши соотечественники в городах Эрдэнэт и Чойболсан, в Багануре, на руднике Бэрх в Хэнтейском аймаке.

Согласно монгольским источникам, на территории республики в начале 1970-х гг. проживало 22,1 тыс. этнических русских¹⁹. Однако согласно переписи, проведенной в 1965 г. в Монголии, русских насчитывалось только 8,9 тыс. чел., что составляло 0,9 % от всего населения страны²⁰. Существенное сокращение русской этнокультурной общности Монголии произошло за последние 10–15 лет. Так, например, в Дзунхаре, появившейся в начале 1950-х гг. в результате сселения в нее жителей почти десятка ликвидированных перед этим русских деревень и заимок в долинах рек Иро и Хара, проживало до 10 тыс. местнорусских. Еще в начале 1980-х гг. здесь была русская десятилетняя школа. Взрослые работали на местном спиртзаводе, обслуживали железную дорогу, трудились в госхозе.

Некогда многочисленное торгово-промышленное население (по данным на 1919 г., около 4 тыс. человек из пятитысячного российского анклава) русских колоний в Урге, Кобдо, Хахыле, Улясутае, Дзаин-Шаби, Ван-Хурэне и мелких факторий, разбросанных по всей Монголии, уцелевшее в кровавых перипетиях Гражданской войны и «унгеровщины» в 1920–1921 гг., после установления народно-революционной власти выехало в начале 1920-х гг. в Маньчжурию, Китай, США, часть — вернулась в Россию²¹. Более стабильными оказались крестьянские поселения, основанные в начале XX в. по р. Иро в Северной Монголии. Куст этих поселений тяготел к деревне Корнаковке — бывшей фактории

кяхтинского купца И. И. Корнакова, где расселились 23 хозяйства забайкальских старообрядцев — «семейских» с р. Чикой²².

Сегодняшние местнорусские Монголии в большинстве своем являются потомками трех миграционных волн из Сибири. Первая связана с поражением Белого движения в Забайкалье в 1920–1922 гг. и уходом в монгольские лесостепи части иркутских и забайкальских казаков — как русских, так и бурят. Их закреплению в Северной и Восточной Монголии в первой половине 1920-х гг. способствовало то, что обживать и хозяйственно осваивать эти места они начали еще в XIX — начале XX вв.²³ Большинство казаков 1-го и 2-го Верхнеудинских полков Забайкальского казачьего войска в 1912–1915 гг. проходило действительную службу в Западной и Центральной Монголии. Эти же воинские части несли конвойную службу в Урге, Кобдо, Улясутае, Маймачене²⁴. Находясь в постоянных разъездах в составе топографических и рекогносцировочных партий, они в деталях узнавали страну. Именно из-за них до недавнего времени всех местнорусских, независимо от мест выхода, в Сибири называли «семеновцами», противопоставляя их, таким образом, «полноценным» советским гражданам, работавшим в Монгольской Народной Республике по контрактам.

Вторая волна переселенцев, также преимущественно из Восточной Сибири, выплеснулась в Северную Монголию во второй половине 1920-х гг. Связано это было с деятельностью советско-монгольских золотодобывающих концессий, развернувшихся в бассейне р. Иро и нуждавшихся в пришлой рабочей силе. Еще в предреволюционные годы на сезонные работы, с весны до осени, на прииски Северной Монголии нанималось от 1 до 2 тыс. жителей Кяхты и пограничной полосы Забайкалья. Это составляло около четверти всех приисковых рабочих. Основной контингент старателей состоял из китайцев. На ряде приисков, по свидетельству очевидцев, преобладали казаки из станиц Западного Забайкалья²⁵. В советское время стал практиковаться круглогодичный наем на старательские работы. Приисковые рабочие, вывезшие свои семьи из Сибири, положили начало многим деревушкам и выселкам в этой части Монголии. Повседневный быт здесь мало чем отличался от такового в деревнях русских старожилов Восточной Сибири. Да и сами селения, подворья, избы ставились на сибирский манер. Данное переселение шло не без содействия советских властей, стремившихся через такого рода миграции теснее привязать Северную Монголию к Бурят-Монгольской АССР.

Насильственная коллективизация в Сибири в начале 1930-х гг. и последовавший за ней голод породили третью волну мигрантов — беженцев из СССР. Они имели различную этноконфессиональную принадлежность: это и русские старожилы Сибири, и старообрядцы из «семейских» Забайкалья, казаки из русских и бурят, собственно буряты, а также эвенки. Оседание этих мигрантов шло в Северной и Центральной Монголии, в городах Алтан-Булак и Улан-Батор. С Алтая в Западную Монголию и в Восточный Туркестан (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) переселились кержаки — русские старообрядцы.

В 1934 г. советско-монгольская граница была закрыта. Однако все три волны переселенцев из России сохранили семейно-родственные связи с местами выхода в Восточной Сибири. Естественно, что местнорусские в Монголии жили под прессом коммунистической идеологии и в русских школах получали атеистическое воспитание. Остатки православного мировосприятия сохранились лишь в

семейном быту. По свидетельству очевидцев, в последний раз требы отправлялись в православном храме Св. Троицы в Улан-Баторе в 1928 г. Однако Пасха, Троица, Рождество Христово, Масляная (Сырная) неделя, Вербное Воскресенье, Родительские дни, Рождество и Покров Пресвятой Богородицы, Николины дни — все это отмечается до сих пор в качестве домашних праздников. Не единичны случаи, когда местнорусские, имеющие возможность выезжать в Россию, принимают там Таинство Святого Крещения сами и крестят своих детей, заочно отпевают усопших родственников. Повсеместно в квартирах можно встретить иконы, преимущественно Казанской иконы Божьей Матери и Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских чудотворца. В то же время, местнорусские, особенно женщины, несвободны от проявлений религиозного синкретизма. Считается нормой, в случае болезни, посетить буддийский монастырь и проконсультироваться на этот предмет у ламы. В 1990-е гг., под воздействием российских средств массовой информации, распространились гадания, ворожба, экстрасенсорика.

В силу явной полиэтничности местнорусских, в восприятии многих бурят и потомков от смешанных браков Русская Православная Церковь окормляет лишь русских, то есть является «церковью этнических русских». Понимание того, что, по сути, это Российская Православная Церковь, объединяющая православных людей независимо от их национальной принадлежности и проживающих в России, СНГ, Балтии — еще не укоренено.

В местнорусской общине Улан-Батора заметно доминирование женщин. Как правило, это бурятки, якутки, калмычки, алтайки, казашки, русские, вышедшие замуж в СССР в 1950–1990-х гг. Родившись в СССР и получив образование в русской школе, техникуме, вузе, они проявляют себя в Монголии носительницами культурной российской модели. Эта модель, в свою очередь, одной из своих составляющих имеет православный стереотип поведения и ассоциируется здесь, в Центральной Азии, с европейской поведенческой моделью, которой сейчас в монгольском обществе модно следовать²⁶.

Отчасти этим объясняется активное участие женщин, в большинстве своем не являющихся «этническими русскими» и ещё православно не воцерковленных, во всех мероприятиях, проводившихся Православной миссией в Улан-Баторе в 1996–1997 гг.

В аналогичной ситуации находятся и потомки от смешанных русско-китайских браков, первые из которых стали заключаться в 1920–1930-х гг. Тогда часть женщин — беженки из России — выходила замуж за китайцев, работавших на золотых приисках и проживавших в монгольских городах. После политических репрессий в Монголии в конце 1930-х гг., проводившихся Восточно-Сибирским управлением НКВД, и убыли мужского населения на фронтах Великой Отечественной войны у местнорусских наметился демографический дисбаланс — значительное число девушек и женщин брачного возраста осталось без брачных партнеров из своего этнокультурного социума. При заключении иноэтнических браков в то время предпочтение отдавалось китайцам, которые, в отличие от монголов-кочевников, обзаведясь семьей, оседали на земле и вели более привычный для русских женщин крестьянский образ жизни. Охлаждение отношений с Китаем в 1960-х гг. привело к массовой депортации китайцев из Монголии. Дети от смешанных браков, получив образование в русских школах, остались в стране. Они имеют четко сформированный русский менталитет и являются частью

своеобразной этнокультурной общности Монголии — местнорусскими. Обычно в таких браках дети наследовали фамилию матери²⁷. Как уже отмечалось выше, местнорусские никогда не теряли культурных, языковых, семейно-бытовых контактов с местами выхода из Сибири. Большинство лиц старшего возраста обучались в русских школах, куда преподаватели направлялись из СССР.

Последние 50 лет все без исключения дети местнорусских проходят через русскую школу, где обучаются дети российских специалистов — сотрудников дипкорпуса, работников торгпредств.

Основное поле деятельности местнорусских в Монголии: работа на железной дороге, в автохозяйствах, геологических партиях, школах, вузах, госпиталях и больницах, во вспомогательных подразделениях промышленных предприятий. Как правило, имея достаточный образовательный ценз, зная монгольский язык, они занимают престижные среднетехнические должности. Из них сложился своеобразный класс «синих воротничков». В силу этого, местнорусские занимают достойное место в монгольском обществе. По сути, до охлаждения советско-монгольских отношений в 1990–1991 гг. они были своеобразным буфером между миром простых монголов и многочисленными советскими организациями, учреждениями, действовавшими в МНР. Советские учреждения, несмотря на дискриминационный ярлык «семеновцы», охотно прибегали к услугам местнорусских, знающих язык и обычаи монголов, местные условия жизни и отлично ориентирующихся в поездках по стране.

В сегодняшней Монголии, после нескольких лет отчуждения, происходит перелом общественного мнения в пользу сближения с Россией. В общеобразовательных школах, согласно новой программе, русский язык опять, наряду с английским, введен в список обязательных предметов. По новому положению на вступительных экзаменах в вузы с 1996 г. в качестве иностранных языков принимаются русский и английский.

С началом демократических реформ в 1990 г., одним из первых появился «Закон Монголии об отношениях государства и церкви». Закон, либеральный по своей сути, исходя из исторических традиций в культуре монгольского народа и его цивилизации, признал позиции буддизма в стране преобладающими²⁸. При этом, государство оставило за собой право регулировать число лам — священнослужителей в дацанах и контролировать возведение новых храмов — дуганов и дацанов²⁹. В то же время, церкви запрещена любая политическая деятельность. Запрещено использовать ее авторитет в интересах политических партий, организаций и должностных лиц³⁰. При отправлении богослужений церковь может пользоваться памятниками истории и культуры, хранящимися в музеях и библиотеках³¹. Наряду с буддистами, Закон оговаривает особые права мусульман и шаманистов на ведение проповедей, обучение и пропаганду своего вероучения вне стен храмов³². Буддисты и мусульмане Монголии имеют собственные руководящие центры, представляющие интересы данных конфессий во взаимоотношениях с государством.

Несмотря на столь либеральный закон и благожелательное отношение со стороны государства, у буддистов имеются серьезные проблемы. По общему признанию, ламаизм сейчас недоступен большинству населения страны. Богослужения идут на непонятном для монголов тибетском языке. Те же из них, что были переведены на монгольский в XVI–XIX вв., написаны старомонголь-

ским (уйгурским) письмом, которое также незнакомо подавляющей части монголов. В сложившейся ситуации важен и такой фактор, как смена ценностных ориентиров у монгольской молодежи: с Востока на Запад. Ныне госчиновники, академическая интеллигенция с сожалением констатируют: переход к рыночной экономике в 1990–1993 гг. начался с того, что монгольское правительство открыло страну для Запада в надежде, что их инвестиции с успехом заменят прежние российские. Все советское, русское было в одночасье предано поруганию, стало ненужным. Вывод частей Забайкальского военного округа сопровождался анти-российской кампанией. Но, вместо обильных инвестиций, с Запада развернулась духовная экспансия в лице миссионеров и проповедников, преимущественно постпротестантских деноминаций. При этом, все они используют и весьма веротерпимый, лояльный Закон о Церкви, и обостренное желание молодежи изучать иностранные языки³³. Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ» от 30 марта 1996 г. в статье «Тайно функционирует около 30 церквей» отмечает, что «...имеет место такое явление, когда из-за рубежа по контракту по государственной, частной линии приезжают преподаватели иностранных языков и после нескольких дней занятий начинают проповедовать христианство». Эксплуатируются экономические трудности страны — практикуется заманивание людей на проповеди путем раздачи гуманитарной помощи, а то и просто платой в 3–5 долларов США за разовое посещение собраний.

Большинство миссий и сект, обосновавшихся в Улан-Баторе, уже имеет опыт работы в России и, пользуясь прорехами российского и монгольского законодательства о свободе совести, действуют из российских городов: Москвы, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Хабаровска. Так, иеговистский функционер из Красноярска, женившись на монголке и став местнорусским, каждое воскресенье ведет свои проповеди, привлекая и монгольских граждан.

Конфессиональная экспансия в Монголию постпротестантских миссионеров из России, США, Южной Кореи, Германии, Индии не прошла бесследно и для улан-баторской общины местнорусских. Большинство из ее состава на день сегодняшний не являются членами возрожденной православной общины Улан-Батора. Некоторые ее участники оказались втянутыми в секты. Итак, на территориях Бурятии и Монголии действуют одни и те же инославные миссии, проповедники, секты. Данное положение актуализирует историко-культурные исследования западной миссиологии в трансазиатском контексте.

Примечания

- 1 Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М., 1994. С. 280.
- 2 Там же. С. 280–282.
- 3 Там же. С. 281.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 282.
- 7 Глаголев В. С. Характер и подвиг Святителя // Иннокентьевские чтения. Чита, 1998. С. 34.
- 8 Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия. М., 2000; Кривельская Н. В. Религиозная среда обитания: оценка угроз и поиск мер защиты. М., 1998.
- 9 Этно-лингвистический атлас Монгольской Народной Республики. Т. 1, 2. Улан-Батор, 1979. Табл. 43.
- 10 Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978. С. 104.

- 11 Этно-лингвистический атлас... Табл. 44.
- 12 *Майский И.* Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 85–93.
- 13 *Шастин Н.* Возникновение и устройство православного храма при Русском Императорском Консульстве в Урге и торжество его освящения // Прибавление к Иркутским Епархиальным ведомостям. 1895. Июль. № 13. С. 325.
- 14 *Никольский И.* Записки о поездке русского священника в Монголию в 1864 г. // Труды православных Миссий в Восточной Сибири. Иркутск, 1883. Т. 1. С. 159–172.
- 15 *Шастин Н.* Указ. соч. С. 325–333.
- 16 ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 1–28.
- 17 *Арзуманов И., Бычков О.* Православная Церковь в Монголии. История и современность // Миссионерское обозрение (Белгород). 1998. № 1 (27). С. 7–10.
- 18 Информация предоставлена В. А. Дунаевым, в 1990-х гг. являвшимся председателем улан-баторской общины местнорусских.
- 19 50 лет Монгольской Народной Республике: статистический сборник. Улан-Батор, 1971. С. 51.
- 20 *Ральдин Х. Ц.* Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики // Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968. С. 14.
- 21 *Майский И.* Указ. соч. С. 88; *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 162–193.
- 22 *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия. Очерки Русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 273.
- 23 *Майский И.* Указ. соч. С. 85–93; *Райский Д.* Сношения забайкальских крестьян и казаков с Монголией и Маньчжурией // Русский Вестник. 1901. № 8. С. 516–596; *Даревская Е. М.* Указ. соч. С. 314
- 24 *Даревская Е. М.* Указ. соч. С. 61–83.
- 25 Там же. С. 61–83.
- 26 *Арзуманов И., Бычков О.* Зарегистрирована Православная община в Монголии // Миссионерское обозрение (Белгород). 1997. № 1 (15). С. 19–20.
- 27 Информация предоставлена В. А. Дунаевым.
- 28 Закон Монголии о взаимоотношениях государства и церкви // Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ» (Улан-Батор). 1996. 30 марта. С. 3–10. Гл. 2. Ст. 4. П. 2.
- 29 Там же. Гл. 2. Ст. 4. П. 8.
- 30 Там же. Гл. 2. Ст. 4. П. 6, 7.
- 31 Там же. Гл. 3. Ст. 11. П. 3.
- 32 Там же.
- 33 Правительственная газета «Засгийн газрын мэдээ» (Улан-Батор). 1996. 30 марта. С. 1.

ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

А. С. Сенявский
Москва

Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века*

К революциям относятся по-разному. Некоторые их «не принимают» заинтересованно (консервативные силы, предпочитающие status quo из-за собственного положения в обществе, которое их вполне устраивает), другие — «принципиально», «бескорыстно», по причине неприятия всяких социальных потрясений и «крови», а также из-за убеждений, что эволюционный путь развития предпочтительней. Третьи относятся к революциям дифференцированно: например, «демократические» (или либерально-демократические) принимают, а прочие, вроде «пролетарских», — нет. И т. д., и т. п. Но «ход вещей» мало зависит от наших предпочтений: революции в истории случаются, причем и те, которые кому-то, а нередко и всем — не нравятся. Некоторые из них вполне можно предсказать, а иные — «падают как снег на голову».

В истории мало тем, которым бы было уделено столько внимания со стороны историков, политиков, журналистов, как 1917 году в России. Этот год вместил в себя столько противоречивых событий, явлений и процессов разного масштаба, что они получили самые различные и названия, и оценки, вплоть до прямо противоположных. Даже сами названия общественных явлений, вставившихся в этот краткий исторический период, — «опознавательные ярлыки», — оказываются столь различными по содержанию, оценочной и эмоциональной окраске, что впору задаться вопросом: а об одних ли и тех же вещах идет речь... Революция или государственный переворот; прорыв к свободе или установление тирании; разрешение общественного кризиса или национально-государственная катастрофа; решительный шаг по пути прогресса или регресс, прерывание динамичного и поступательного развития России; закономерность или случайность. А если случайность, то еще и инспирированная какими-либо злокозненными силами: различными заговорщиками — придворной оппозицией, масонами, либералами, Государственной Думой, и т. д.; революционерами — марксистами разной окраски, эсерами, анархистами и т. п.; зарубежными спецслужбами, и прочее. Кроме того, упоминают и различные «демонические» персонажи в лице Керенского, Троцкого, Ленина и прочих «харизматиков» поменьше. Монархисты отвергают Февральскую революцию — как заговор и переворот, «либералы» и «демократы» приветствуют «Февраль», но проклинают «Октябрь», коммунисты противопоставляют «Февраль» и «Октябрь», считая первый лишь «предтечей». Прийти к единой точке зрения невозможно. Но это — в идеологии и политике, где кри-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 07-01-00303а

терии оценок — вне науки — в области социально-групповых интересов. Но в исторической науке, неужели невозможно?

Весь вопрос — в методологии изучения революций, да и вообще истории. Пока историк не отрефлексирует свои мировоззренческие позиции и не осознает свои пристрастия, пока не отринет личные социально-политические симпатии и антипатии, не займет позицию вне идеологий и над ними, он будет оставаться вне науки, постоянно скатываясь к субъективизму в анализе и оценках. Ведь невозможно понять и объяснить сложнейшие явления, просто навешивая на них любой опознавательный и оценочный «ярлык», извлекаемый из арсенала какой-либо категориальной конструкции, привязанной к любой из частей политико-идеологического спектра. Любая идеология — это всего лишь интеллектуальное выражение хотя бы и широких, но всегда — ограниченных социальных интересов. Без идеологии нельзя в социальной жизни, но привнесение идеологии в науку ведет к ее деградации. Можно даже сказать: наука заканчивается там, где начинается идеология. Именно поэтому историк-исследователь обязан стоять вне и над идеологиями, над социальными интересами, «над схваткой»¹.

Но это — лишь первое, исходное условие объективности и компетентности историка. Его одного — слишком мало. Другая задача — определение того инструментария, который обеспечит адекватность создаваемой исследователем картины исторической реальности. Это — особый предмет для большого разговора. Но некоторые позиции обозначить необходимо. Часто «историки-эмпирики» говорят: историк должен работать с источником, и этого вполне достаточно. Нет, недостаточно: как только историк выходит за рамки узких и мелких тем, да и то, даже реализуя простейшую функцию исторического исследования — описания, и начинает употреблять терминологию за пределами источника, он неосознанно использует категориальный аппарат тех или иных теоретических конструкций. А любое объяснение сколько-нибудь масштабных исторических проблем и явлений без теории вообще невозможно. Любая интерпретация предполагает «опознание», идентификацию явления, что означает — неизбежное, пусть хотя бы и невежественное, использование объяснительных моделей, т. е. использование теории. Значит, лучше делать это осознанно, понимая, что делаешь. Зная основные достоинства и недостатки, в том числе и ограничения, искажения, которые может принести использование данной избранной теоретической конструкции.

¹ Вот почему марксизм, имевший мощную научную основу, далеко продвинувшийся, прежде всего, в области политэкономии своего времени, все-таки изначально своей ориентацией на социальную практику (а значит, и политической, социально-экономической и т. п. ангажированностью) был ограничен в своих научных возможностях: он не соответствовал одному из ключевых требований науки — объективности. Вспомним «классическую» установку марксизма: «...философы лишь объясняли мир, тогда как задача — изменить его»... Считая, что определенная часть общества — пролетариат — «объективно» выражает перспективы развития общества, абсолютизируя эти перспективы и идеализируя их «социального носителя», классики марксизма все больше становились не исследователями, а идеологами, даже в своих научных поисках. Человеческая психика устроена так, что при наличии исходно заданной цели, весь познавательный процесс, даже на подсознательном уровне, подстраивается под поиск путей ее достижения, невольно «подгоняя» под него и картину мира, а значит, и искажая ее, отсекая то, что не укладывается в «нужный» образ, абстрагируясь от «лишнего». Не случайно марксизм не выдержал испытания практикой, причем не крахом социалистической системы — это иная тема. К. Маркс и Ф. Энгельс не смогли спрогнозировать ни одной революции, неоднократно претендуя на это. Более того: ни одна из революций не произошла «по Марксу».

Теперь, после призыва «пользоваться теоретической историей», сделаем одно «шокирующее» заявление: ни историческая наука сама не имеет сегодня адекватной теории, ни вся совокупность гуманитарных и общественных дисциплин не может предложить ей полноценный универсальный теоретический инструментарий. Марксизм дискредитирован (хотя отрицать полностью его научный потенциал, особенно теорию общественно-экономических формаций, было бы неверно). Цивилизационный подход ограничен акцентированием внимания на социокультурной специфике стран и народов, но не может предложить ключа к анализу механизмов их исторической динамики. Модернизационная парадигма предлагает свой вариант объяснения изменений материальной базы общества через изменение технологических доминант, но даже при ее очищении от идеологических наслоений, связанных с обстоятельствами ее возникновения в условиях холодной войны как альтернативы «марксизму-ленинизму», предлагает слишком упрощенную интерпретационную модель. В ней нет места ни социальным силам, ни социальным интересам, ни социальным институтам, не говоря уже о социокультурных особенностях развивающихся социальных организмов (или они «притянуты за уши»). Кроме того, как и марксизм, теория модернизации относится к категории прогрессистских концепций, и несет на себе печать «телеологизма», восходящего еще к гегельянству — как будто история имеет некую цель, фатально реализуемую историческим процессом. Отсюда и марксистское понимание исторического «закона», и модернистское, в какой-то степени «предопределенное», восхождение от менее совершенных к более совершенным «стадиям» развития. Однако «многие социальные теоретики нашего времени весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества»¹.

К тому же, история полна случайностей, в том числе и «мелких», которые могут развернуть вектор исторического процесса вплоть до противоположного — на 180 градусов. И здесь важны достижения, сделанные в последние десятилетия в рамках точных и математических наук: теория игр, теория катастроф, синергетика.

Историк, выходя на уровень теории, вынужден использовать различные научные парадигмы, в собственной исследовательской практике определяя их слабости и ограничения, выверяя возможности «стыковки» различных объяснительных моделей и инструментария, их применимость (границы и условия применимости) в каждом конкретном случае. Сегодня история во многом остается синтезом науки и искусства: историк использует научный инструментарий, но качество результата его научного поиска зависит от того, насколько «искусно» историк может его применять.

Как же подходить к исследованию революций в качестве исторического феномена? Что понимать под революциями и как их изучать? В общественных науках, в общем-то, есть консенсус относительно того, что понимать под этим явлением. При всем разнообразии дефиниций данного понятия, у него есть несколько составляющих, которые определяют его сущность. Обобщим их. Итак, революции — это глубокие, радикальные, качественные социальные изменения, как правило, имеющее насильственный характер, относительно ограниченные во времени (что позволяет определить их как «историческое событие»), сопрово-

ждающиеся сменой власти, масштабной сменой социальных элит, социальных отношений, государственных и общественных институтов, а также имеющие долговременные последствия для развития общества, меняющие вектор его развития. Настоящие (а не «имитирующие», не «политтехнологические» «цветные») социальные революции перетекают в долгосрочный революционный процесс, имеющий свою логику развития: радикализацию, подавление контрреволюционного сопротивления (как вариант — гражданская война), «термидор» или «само-термидор», то есть определенное отступление революционных элит относительно радикального апогея революции, результатом чего является стабилизация общества с новой конфигурацией социальных сил и общественных отношений. Настоящие революции всегда решают «объективные» задачи — то есть, разрешают те проблемы, которые долго не решались в рамках ранее существовавшей общественно-государственной модели, но давно назревшие в результате предыдущего эволюционного развития. Как правило, революции происходят потому, что не все «гордые узлы развязываются», есть такие, которые можно только «разрубить» — насильственными методами разрешить проблемы, в чем не заинтересованы старые элиты, в результате революции оказывающиеся «за бортом». Поэтому революции — это еще и смена элит.

Революцию можно понять и адекватно оценить только в рамках широкого отрезка исторического процесса, причем, чем масштабнее и социально значимее социальная революция, тем больший территориальный и исторический масштаб следует брать для ее оценки. Есть революции локального значения, а есть — всемирно-исторического. Здесь прямая связь и с масштабами, и с международной ролью той страны, где происходит революция. Следует подчеркнуть, что понять причины, ход и последствия конкретной революции можно только в рамках соразмерного ей исторического процесса: локальной — в границах конкретной страны в ограниченных хронологических рамках, международного значения — в существенно больших территориальных и временных масштабах.

Но вернемся к России, к событиям 1917 г. По отношению к событиям октября 1917 г. в перестроечный и постсоветский периоды нередко употребляли термин «переворот» — как правило, в негативном и даже уничижительном ключе. Да и сами большевики использовали эту терминологию в первые послереволюционные годы, под «октябрьским переворотом» понимая насильственный захват власти.

Но революция — это всегда «переворот», всегда — успешный захват власти антиправительственными силами. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Однако революция никогда не ограничивается сменой власти, а всегда — сопровождается более или менее радикальными общественными переменами.

В то же время, есть реформы революционного значения, какими были, например, Великие реформы Александра II. Но они не сопровождались ни насильственной сменой власти, государственных структур и властных элит, ни скоротечной, тем более одномоментной сменой общественных отношений и институтов, которая растянулась на многие десятилетия, приобретая эволюционный характер, с неоднократными консервативными отступлениями. То есть, действительно «великие» — по своей масштабности и глубине — преобразования остались в рамках реформационного процесса, имея, прежде всего, целью

предотвратить революцию, сохранить монархию и обеспечить плавную эволюцию элит.

По всем признакам «октябрь» 1917 г. — и «переворот», и революция. Так же как и «февраль» 1917 г.! Вопросы заключаются в том, как они соотносятся и какое место занимают на шкале российского и мирового исторического процесса. В феврале 1917 г. произошла насильственная смена власти — под влиянием верхушечного заговора и народных волнений (есть версии, что — тщательно подготовленных и инспирированных). Утрата контроля за ситуацией в столице была преподнесена Николаю II как революция, как разбушевавшаяся стихия, вернуть которую в мирные берега уже невозможно.

В результате монарх, под влиянием как определенных действий своего окружения и не вполне адекватной информации, доводимой до его сведения, так и под прямым давлением некоторых политических кругов, принимая решение фактически не самостоятельно, отрекся от престола за себя и своего сына-наследника (что не имел права делать!), а затем и брат его также не принял на себя «бремя власти». Налицо — по форме — государственный переворот, в котором можно усмотреть элементы заговора ряда внутренних и внешних сил: окружения государя, связанного с масонами, в ложи которых входило руководство едва ли не всех политических партий. Нити заговора тянутся также за границу, прежде всего, в Англию. Британская империя традиционно проводила политику «разделяй и властвуй», как и ранее, сталкивая друг с другом самые сильные континентальные державы, втянула и Германию, и тем более Россию в Первую мировую войну, в которой та совершенно не была заинтересована. Революция в России была вполне в духе британской стратегии.

Воздействовали внешние силы на внутреннее положение России и ситуационно: деньгами, агентурой, давлением на политических деятелей. Существует даже версия, вполне убедительная, что 1917 год — «не революция, а спецоперация» наших западных союзников². Убедительная при одной принципиальной оговорке: результатом «спецопераций» может быть переворот, смена власти, даже определенные шаги этой власти по развалу страны, но не масштабный революционный процесс. Вообще в революционном процессе в России в 1917 г. оказалось задействовано множество внутренних и внешних общественно-политических сил: одни силы использовали другие открыто или «втемную», причем «ситуационно», в «краткосрочном масштабе» нередко добивались своего, но в перспективе и они получали результат, на который совершенно не рассчитывали.

Столько разнородных сил по разным причинам оказались заинтересованными в свержении монархии, что судьба ее — при слабом правителе — фактически была предreshена. Аристократический заговор, направленный на простую замену Николая II иными персоналиями, но ставший толчком к дестабилизации в верхних эшелонах власти, увенчался успехом в том смысле, что Николай отрекся, но провалился по существу: старые элиты были мгновенно вышвырнуты ходом событий с политической сцены. Дело не могло ограничиться не только «сменой декораций» и «актеров», даже простой сменой власти и формы правления, которая, кстати, нелегитимно была утверждена Керенским 1 сентября 1917 г. — провозглашением республики. Ведь власть была передана либеральному Временному правительству, с тем, чтобы позднее, всенародно избранное Учредительное собрание решило коренные вопросы жизни страны и государства, в том числе и

то, что будет представлять собой государственное устройство России. Еще один признак верхушечного государственного переворота — теперь уже между «февралем и октябрем». Но верхушечный переворот с первых дней стал превращаться в революцию, в «ход событий», которыми пытались управлять многие, но в результате не управлял никто.

Механизм революции, единожды запущенный, имеет свою логику развития, которая состоит в нарастании радикальности процесса. А в этом были заинтересованы отнюдь не только «внешние» и «верхушечные» силы, но и самые широкие слои российского населения. Опять интересы разных сил сходились, и радикализация оказывалась неизбежной. Не только Германия, но и страны Антанты парадоксальным образом были заинтересованы в нарастании хаоса в России: Германия — как противник, а Англия и Франция — как союзники, но не желающие делиться плодами близкой победы, и уж тем более — послевоенным непомерным усилением России, неизбежным, если она окажется в рядах победителей. А революция — это хаос, и он должен нарастать... Заставить Россию продолжать воевать, сокращая потери западных союзников, но при этом при слабеющей и разлагающейся армии, которая должна терпеть поражения, а значит, вызывать нарастание внутреннего брожения в стране. Еще больше ослабить и вывести Россию из войны до заключения победного мира — вот в чем заключалась увенчавшаяся успехом английская политическая стратегия.

Заинтересованы в радикализации революции были и разные внутренние политические силы, боровшиеся за свою модель государственного устройства и стремившиеся утвердиться у власти, оттесняя соперников. Причем за этими силами стояла различная социальная база, разные массовые социальные категории, заинтересованные в разных сценариях дальнейшего развития страны. На этом фоне выглядят прекраснодушными мечтаниями наивные надежды либеральной интеллигенции в то, что революция действительно приведет к свободе, а затем и к утверждению демократии, либеральных ценностей, правовому государству, торжеству конституционализма. Свои иллюзии они безуспешно пытались внушать народным массам. Но удивляет не это — современники событий часто обманываются иллюзиями. Удивляет другое: как с высоты исторического опыта наши современные либералы творят «идеальный образ» из февральской революции, полной абсурдности, хаоса и неуправляемости, насилия и крови, погромов и самосудов, предательства национальных интересов и прямой государственной измены. И речь идет не о рядовых гражданах, а обо всей так называемой элите, вынесенной наверх волнами революционной смуты, о членах Временного правительства, почти поголовно сотрудничавших с «союзными» или германскими спецслужбами³. Воспеваемый ныне либералами А. Ф. Керенский проводил такую политику, как будто целенаправленно разваливал армию и государство, а апогеем его антигосударственных действий стала провокация генерала Л. Г. Корнилова на военное выступление с целью наведения порядка в столице, с объявлением его на другой день изменником. Тем самым, была сорвана последняя возможность предотвратить окончательный развал страны и приход к власти крайних леворадикальных элементов.

Бесконечно далеко от исторических реалий и более чем наивно выглядят умозрительные конструкции и современных либеральных историков. Например, такая: «Либеральная модель переустройства России, начавшая складываться

ся в ходе Великих реформ 60-х гг. XIX в. и получившая развитие в последующий период, стала практически осуществляться в ходе Февральской революции, столкнувшись с неподготовленностью общества и низкой политической культурой масс. Идеалы Февральской революции — гражданское общество, правовое государство, рыночная экономика, конституционные гарантии прав человека, возможность их защиты справедливым и независимым судом, — сохраняют непреходящее историческое значение»⁴.

Что ни фраза, то «бездна премудрости»! Во-первых, если «либеральная модель... получила развитие», то почему она стала «практически осуществляться» после Февраля? До этого, что — «не практически»? Во-вторых, общество действительно оказалось «неподготовленным». И это было очевидным для всех здравых людей, но только не для российских либералов, совершенно не знавших реальной жизни! Неужели не ясно, что в стране, где абсолютное большинство — более 80 % — в лучшем случае, малограмотного, в большинстве своем все еще общинного крестьянства, никакой либерализм утвердиться в принципе не может. А правовое государство, каким оно в значительной степени стало после реформ Александра II, с гражданским обществом и «гарантиями прав человека» могли существовать только при стабильной власти, каковой могла в принципе оставаться монархия, — если бы ее не «раскачали». И сама постановка вопроса о «неподготовленности» общества к принятию либеральных ценностей свидетельствует о идеологической заданности подобного подхода: как будто Россия, российское общество только и мечтало о том, чтобы оказаться достойным принятия либеральных ценностей, искусственно порожденных на совершенно чужой почве западной, преимущественно англо-саксонской цивилизации! А само российское общество — всего лишь пассивный материал для либеральных экспериментов! Реальная суть проблемы состояла в том, что российскому обществу было наплевать на либеральные свободы с их правовым оформлением (а свободу русские мужики понимали как волю — свободу от государства и безграничную возможность делать, что хочешь, в том числе и грабить «господ», «прижать» город тисками голода и т. д., и т. п.). Ведь были действительно насущные задачи, которые должно было, но так и не разрешило ни одно из либерально-меньшевистско-эсеровских правительств, стоявших у власти в условиях нараставшего революционного хаоса: дать землю крестьянам и прекратить войну, а вместо этого занималось болтовней и политико-правовыми абстракциями.

Более того, свергнув монархию, либеральные заговорщики подложили мину не только под все уже осуществленные либеральные инфильтрации в российское традиционное общество, сделанные на протяжении многих десятилетий, но и под государственность, и под цивилизованность как таковые. Все это очень точно «схватил» философ С. Л. Франк, характеризуя русское народное сознание: «Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма — монархия. <...> Все остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии — все это в том или ином отношении держалось на лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в

народном сознании... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное — вся русская общественность и культура»⁵.

Заметим: рухнуло не с приходом большевиков, а до них — с падением монархии и с приходом к власти либералов! А они так старались, свергли монархию, хотели облагодетельствовать русское общество, которое, неблагодарное, оказалось к этому «неготовым»! Русский народ оказался «плохим», непригодным для экспериментаторов — вестернизаторов.

Падение монархии было воспринято народом как избавление от государства, от налагаемых им тягот и ограничений, обязанностей и норм. Выйти из подобной ситуации революционного хаоса было невозможно на путях «конституционализма», но только на путях диктатуры — правой, генеральской или леворадикальной, — но одинаково жесткой и кровавой. Либералы во главе с А. Ф. Керенским «сдали» генерала Л. Г. Корнилова, довели до самоубийства (а может быть и убили) его соратника генерала А. М. Крымова, «закрыв» тем самым генеральскую альтернативу хаосу — возможность восстановления «порядка и дисциплины».

В результате победили леворадикальные социал-демократы — большевики, позиционировавшие себя как марксисты, но очень далеко отошедшие от ортодоксального марксизма и совершившие в октябре 1917 г. новый переворот. С этого момента революция развивалась уже в принципиально ином ключе. Можно сказать и так, что если Февральская революция имела, в общем-то, локальное историческое значение, хотя и в гигантских территориальных масштабах Российской империи, то Октябрьская — уже всемирно-историческое, ибо оказала колоссальное влияние на судьбу всего человечества в XX веке. Февральская «буржуазно-демократическая» революция, в результате которой к власти пришли либералы, была эпигонской: она повторяла своими лозунгами и задачами уже не раз свершавшиеся в мире революционные изменения. Октябрьская революция, как бы ее ни оценивать — со знаком плюс или минус — была уникальной, первопроточеской, открывшей миру новые перспективы и предложившей принципиально новую модель общественного развития.

Но без «Февраля» не было бы и «Октября». Революция 1917 года — включая «Февраль» и «Октябрь» в действительности — единый процесс, искусственно, по политико-идеологическим соображениям, разделенный на две «отдельные» революции. Поэтому, несмотря на то, что в историографической традиции устоялось выделение двух революций, с точки зрения автора, их нужно рассматривать как единую Великую русскую революцию 1917 года. Так же как и Великая французская революция, продолжавшаяся, кстати, несколько лет, она развивалась по пути радикализации, с дальнейшими отступлениями и «термидором». Да и сами политические силы, в ней участвовавшие, нередко видели во французской революции некий прообраз: по крайней мере, при принятии политических решений, опирались на ее опыт.

Но традиция все-таки устоялась, а потому будем оперировать также и этими понятиями — Февральская и Октябрьская революция, когда будем обозначать разные по степени радикализма стадии единого революционного процесса. Октябрьская революция как апогей развития событий от февраля к октябрю, оказалась закономерной в ситуации, когда буржуазно-демократические партии не захотели быстро и решительно разрубить «гордиевы узлы», которые монархия не сумела развязать в течение многих десятилетий. Пришедшие в результате

к власти — в лице большевиков — леворадикальные силы, сумели опереться на большинство населения страны и победили всех своих противников, в том числе в Гражданской войне.

И это главный вопрос, который при анализе революционных событий 1917 г. задавали и политики, и историки-исследователи, — почему победили большевики. Ответ на этот вопрос пытались дать участники и современники событий, затем — русские белые эмигранты, проигравшие в Гражданской войне; искали его и западные советологи, свой ответ давали советские историки⁶. Даже западные советологи проделали существенную эволюцию во взглядах на события октября 1917 г. — от представлений о них, как о верхушечном перевороте, к пониманию того, что произошедшее имело объективные основания — как глубокого, фундаментального порядка, кроющегося в десятилетиями зревших общественных противоречиях и недовольства масс, так и ситуационно сложившихся факторах, определивших широкую поддержку леворадикальному сценарию и большевистским силам. Советские историки, помимо объективных причин, «исток» Великого Октября», делали акцент на роли большевистской партии как авангарда главной революционной силы «социалистической революции» — пролетариата, на стратегии и тактике В. И. Ленина, и др.

На наш взгляд, вопрос о причинах победы большевиков следует разделить на три: 1) почему большевикам удалось взять государственную власть; 2) почему они смогли удержать государственную власть в ходе развития революции и в Гражданской войне; 3) почему они сумели не только удержать власть на многие десятилетия, но и преобразовывать страну в соответствии с собственным пониманием, как это следует делать. Они вызвали к жизни такие процессы и создали такую модель общественного развития, которые оказали колоссальное влияние на мировое развитие XX века. Можно сказать, что весь XX век прошел «под знаком России».

Но ответ на них эти вопросы следует искать в гораздо более широком историческом контексте, нежели 1917 год, в анализе российского исторического процесса — не только начала XX в., но хотя бы с середины XIX в.

* * *

Распад мировой системы социализма, крах СССР, прекращение существования двухполюсного мира, формальное окончание «холодной войны», — все эти и другие радикальные общественные трансформации 1990-х гг. заставили по-новому оценить события 1917 года в России, которые в советское время называли «Великая октябрьская социалистическая революция». В 1990-е гг. в рядах российских историков шли очень непростые процессы. Прежде всего, тема революции стала непопулярной среди профессиональных историков, и ею просто стали меньше заниматься. Кроме того, значительная часть историков пошла по наиболее простому пути, поддавшись новой политической конъюнктуре и просто проведя «идеологическую инверсию»: ранее позитивные оценки поменяли на негативные, и наоборот. Как и в радикальной публицистике, чем больше они находили негативного в советском прошлом, тем считалось лучше. Но это была не наука, а такая же мифологизация истории, как и в советское время, только с «противоположным знаком».

Проще всего было объявить то, что считалось великой революцией, обыкновенным верхушечным переворотом, обвинить большевиков в том, что они «изнасиловали историю», навязали огромной стране свою политическую волю. Однако в действительности это ничего не объясняло. Оставались вопросы: как маленькая, по сути, сектантская политическая группа из нескольких тысяч членов загнанной в подполье партии за несколько месяцев после свержения монархии и Февральской революции 1917 г., сумела не только совершить в октябре 1917 года политический переворот в столице, но и захватить власть во всей бескрайней стране, и, тем более, победить в многолетней тяжелейшей Гражданской войне, в которой их противники — Белые — были поддержаны иностранной военной интервенцией всех крупнейших держав мира. Кроме того, — и это много важнее самих событий 1917 г., — оставались вопросы о месте Октябрьской революции в историческом процессе XX века, о том, что из нее выросло — о советской модели развития, оказавшейся привлекательной для десятков стран и народов мира, подражавших Советской стране и входивших в сферу ее влияния.

По мере того, как, с одной стороны, схлынула основная «конъюнктурная пена», остыли политические страсти, с другой, — происходило накопление все нового фактического материала, во многом закрытого в советское время в архивах и спецхранах, суждения историков о революции становились более разнообразными, объективными и основательными. Некоторые историки обратились к анализу соотношения программ и политики партий и интересов масс, их социальных представлений и ожиданий⁷, другие — к взаимоотношениям народа и власти в революционном процессе⁸, третьи — к традициям русского бунтарства, вписав события 1917 г. в череду российских смут и крестьянских восстаний⁹, четвертые — к фактически доминирующей роли крестьянства в официально объявленной «пролетарской революции», к ее крестьянской сути¹⁰.

С точки зрения автора данной статьи, все эти аспекты и направления исследований должны быть учтены при разработке новой концепции революции 1917 г., они дополняют и уточняют целостную картину. Но ими ограничиваться нельзя, и все их следует вписывать в более широкий исторический контекст.

Ключевые проблемы России начала XX в. уходят корнями как минимум в середину XIX в. Именно тогда решался вопрос о путях трансформации России из страны патриархальной, аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. То был вопрос о модели модернизации, являвшейся для России во многом не продуктом внутреннего развития, которое было заторможено в силу многих, в основном объективных причин, а результатом внешнего давления, угрозы безнадежного отставания от ушедших вперед западных стран. Не случайно масштабные реформы в Российской империи со значительной модернизационной составляющей начинались после крупных военных поражений — в Крымской и русско-японской войнах.

Полуфеодальной, крепостнической России предстояло в короткий срок преобразовать все основы своей жизни. В середине XIX в. в обществе функционировало 4 социальных проекта (не всегда четко оформленных), опиравшихся по сути на 4 существовавших социальных силы. **Первый** был **патриархально-консервативный проект**, реакционный по сути, смыслом которого было ничего не менять. Он выражал интересы консервативного дворянства, помещичьего землевладения, стремившегося максимально долго оттянуть отмену крепостно-

го права. Верховная власть отвергла эту позицию как ведущую в тупик. *Второй* проект **революционных демократов, народовольцев**, продвигал в радикальной форме идею крестьянской войны и «черного передела» помещичьей, удельной, казенной земли между крестьянами, объединенными в общины. Императорская власть, естественно, не собиралась действовать самоубийственным способом — ущемлять слой помещиков, свою главную на тот момент социальную опору, а патриархальное крестьянство, весьма консервативное и пассивное в тот период, с монархическими иллюзиями, не возражало бы против тотального передела земли в свою пользу, и приняло бы ее, если бы вопрос был решен сверху; но к революционному решению проблемы оно тогда было не способно.

Следует сказать, что народнический проект, преемником которого позднее стал эсеровский проект, не имел модернистской перспективы. Выражая интересы крестьянства — сословия феодального общества, он, по сути, звал в прошлое. А будущее могло быть только за основными классами будущего индустриального общества. Это были формирующиеся классы промышленной буржуазии и пролетариата. В 1860-х — 1870-х гг. они находились в еще зародышевом состоянии, не имея никакого политического влияния.

Поэтому модернизация осуществлялась верховной властью во многом с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в обществе. И здесь действовали два оставшихся социальных проекта — либеральный и имперский модернизационные проекты, — и конкурировавшие, и взаимно дополнявшие друг друга. По сути, реализовался имперский проект модернизации (имевший и определенную либеральную «составляющую») при опоре на бюрократию: сильный контроль власти над обществом, энергичное государственное вмешательство в экономику с доминированием в решающих отраслях — железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.

Либеральная дворянская элита настояла на формировании основ институтов гражданского общества, социальная база для которых еще не созрела. Земская, городская, судебная, университетская и др. реформы создали основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, вовлекли их в более интенсивную идейно-политическую жизнь, стали полем социальной активности. Но главный для страны — крестьянско-земельный вопрос — отменой крепостного права решен не был.

«Великие реформы» Александра II явились компромиссом между всеми социально-политическими силами, между консерваторами и прогрессистами. Они начали лечить болезни страны, но не вылечили их. Напротив, сами они породили в перспективе трудно разрешимые проблемы. Реформы, а также целенаправленная политика государства стимулировали мощный индустриальный рынок, прогресс города, и в то же время законсервировали село, в охранительных и фискальных интересах монархии и помещиков сохранив патриархальный институт общины, выкупными платежами и временно-обязанным отношением поставив крестьянство в экономически ущербное положение.

Индустриализировавшийся и обуржуазивавшийся город и полуфеодальная деревня двигались в разных, во многом — противоположных направлениях. И это было главное противоречие, фактически предопределившее две революции и национально-государственную катастрофу 1917 г. К началу XX в. отнюдь не рабочий, а именно земельный вопрос был ключом к стабильности государства.

82 % подданных империи проживало в деревне, да и город более чем наполовину был связан с аграрным развитием. Но город богател, а деревня нищала. Объем крестьянского земельного фонда почти не рос, а демографический взрыв привел к резкому уменьшению личных наделов. Не было ни стимулов, ни материальных возможностей существенно улучшить агрокультуру.

Столыпинская реформа казалась новым средством, способным защитить интересы помещичьего землевладения, но теперь уже противоположным способом — не укрепляя, а разрушая общину. Однако такая политика вызвала ненависть крестьян уже не только к помещикам, но и к власти, ее проводившей. Монархия утратила в крестьянской среде былой авторитет, монархические иллюзии рассеивались. Позитивные последствия Столыпинских реформ оказались невелики, тогда как негативные — чрезвычайно значимы и масштабны. Не решив земельный вопрос, они радикально повысили уровень базовой социальной нестабильности в обществе, породили в рядах крестьянства социальную ненависть и к центральной власти, к монарху, чего раньше не было, а, с другой стороны, раскололи само крестьянство на меньшинство — выходцев из общины, и большинство — сторонников ее сохранения.

Раннеиндустриальная модернизация России не успела еще дать той критической массы позитивных перемен, которые бы обеспечивали стабильность общества, а напротив, породила базовую нестабильность — переходное, маргинальное состояние города и деревни. В таких условиях власть должна быть предельно осторожной, чтобы не развалить страну. Но столько ошибок в управленческих решениях, сколько было сделано в период правления Николая II, вероятно, в России за столь краткий срок не было сделано никогда. Он способствовал созданию внутренних условий для революционных потрясений, дал втянуть страну в две тяжелые войны, за которыми закономерно последовали две революции. Свою провокационную роль сыграли и «образованные классы» — либеральная элита, «интеллигенция», мечтавшие о «свободе» для себя, но не просчитывавшие последствий. К 1917 г. страна подошла с комплексом давно перезревших фундаментальных общественных противоречий разного масштаба и глубины, а также оказалась в ситуации затяжной, продолжавшейся уже почти три года войны, принесшей невиданные ранее человеческие жертвы, материальные трудности, возраставшее недовольство властью. Назревала «революционная ситуация», в которой к революции могла подтолкнуть любая «незначительная случайность», а воспользоваться могли различные политические силы, которым, однако, нужно было не только взять, но и удержать власть. Кто же был способен это сделать?

Прежде всего, поставим вопрос: а за какими социальными и политическими силами в 1917 г. в принципе могло быть политическое будущее в начале XX века в преимущественно аграрной стране? Наверное, за теми, которые, во-первых, выступали за утверждение в стране передовых форм развития, а, во-вторых, могли опереться на большинство населения страны. По сути, это были взаимоисключающие задачи, потому что будущее было за индустриальной модернизацией, за городом, а страна в то время была преимущественно аграрной, а преобладающим населением в ней являлось крестьянство. Крестьянство — социальная категория прошлого, фактически, также как и дворянство, помещики, — сословие средневекового общества, но низшее и самое массовое. Однако в мире — и в России в частности — уже давно шли процессы «капиталистического развития», с пер-

спективной превращения промышленности в доминирующую отрасль экономики. Отставание на этом пути было чревато потерей суверенитета, превращения в зависимую или даже полуколониальную страну.

Монархическая власть, выражая интересы, прежде всего, помещиков, была силой прошлого. Имперская, либерально-консервативная модернизация, которую проводила власть с середины XIX в., в России фактически провалилась. **Имперский проект модернизации** потерпел поражение, прежде всего, потому что он реализовывался властью, не сумевшей решить коренной для страны — земельный вопрос, и по-прежнему опиравшейся на реликтовый дворянско-помещичий слой. Кроме того, модернизация в форме вестернизации «сверху» насильно разрушала традиционализм внизу, оказалась чужда большинству народа, его менталитету, породила сложнейшие противоречия и вызвала — за кратчайший срок — две революции: 1905–1907 гг. и 1917 г. Эти революции показали несостоятельность царского режима, но что еще важнее — несостоятельность осуществлявшейся модели модернизации — по западному образцу, чуждому доминировавшему в обществе российскому традиционализму. Либерально-консервативные реформы Витте–Столыпина не принимались большинством населения, прежде всего, крестьянством. Реформы С. Ю. Витте означали наступление города на село, вестернизацию традиционалистского общества, реформы П. А. Столыпина — попытку «квазирешения» земельного вопроса, которое удовлетворило бы интересы в первую очередь помещиков — вопреки представлениям крестьян, считавших необходимым предоставление земли тем, кто ее обрабатывает, и на уравнительных началах, как издавна практиковалось в российской общине. Российская монархия, даже превратившись в конституционную в результате революции 1905–1917 гг., не смогла обеспечить разрешение коренных вопросов развития страны, особенно аграрного, давно «перезревшего» и являвшегося основной проблемой Российской империи. Он был вызван малоземельем крестьян, все еще живших в большинстве своем в условиях соседской общины, весьма медленно развивавших агрокультуру, и в ситуации демографического взрыва получавших при переделах земли все меньшие земельные наделы. Основная масса крестьянства видела решение проблемы не в интенсификации производства (на что у большинства и не было достаточных экономических возможностей), а в передаче крестьянам помещичьей и государственной земли. Однако монархия пыталась столыпинскими реформами сохранить помещичье землевладение, видя в дворянско-помещичьем слое свою главную социальную опору.

Именно столыпинская реформа, направленная на разрушение общины и перераспределение крестьянской земли в пользу более «сильных» хозяев, явилась фактором, окончательно настроивших крестьянское сословие против монархической власти. Своей негибкой политикой власть настроила против себя и город, причем не только низшие слои (например, устроив массовый расстрел демонстрантов 9 января 1905 г., после чего разразилась первая русская революция), но и буржуазно-либеральные круги, требовавшие большего участия во власти. Однако власть, пойдя с 1905 г. на уступки, позднее шла по пути ограничения данных ранее политических свобод. Не способна она была эффективно решить и национальный вопрос, в многонациональной империи, пожалуй, стоявший по значимости на втором месте после крестьянского. В решении рабочего вопроса также делались лишь первые робкие шаги под давлением социал-демократического

движения. Ввергнув страну в 1914 г. в кровопролитную мировую войну, монархия фактически подписала себе приговор: война до предела обострила все противоречия, ослабила центральную власть, дала оружие в руки крестьян, одетых в солдатские шинели, научила народ убивать. По мере затягивания войны, роста числа военных жертв и тягот, авторитет власти катастрофически падал. Многие социальные тормоза и запреты были сорваны, и в феврале 1917 г. прорвалась волна народного гнева, которая с легкостью смела царский режим и имперские структуры.

Однако, провозгласив республику, предоставив невиданные ранее политические свободы, либеральное Временное правительство так и не решило важнейших вопросов, действительно волновавших преобладавшую часть населения страны, и «ситуационных» — таких, как выход из мировой войны, и фундаментальных, «глубинных» — аграрного, национального и др.

Какова была расстановка политических сил весной 1917 г.?

Либерально-буржуазные партии были партиями «будущего», ибо они выражали интересы капиталистического, в том числе индустриального развития, однако они не имели сколько-нибудь существенной социальной опоры: в деревне — практически никакой, в городе — весьма слабо развитом (лишь 18 % населения) — среди ничтожно малых верхних буржуазных и интеллигентских слоев.

Почему проиграли либералы? Потому что, раскачивая государственную лодку, они не понимали, что в той, преимущественно крестьянской России, у них нет ни малейшего шанса. Основное население страны, крестьянство — патриархальное сословие — не интересовало гражданские свободы, конституция и прочие премудрости господ интеллигентов. Их интересовала помещичья, казенная и прочая земля, которую они хотели получить безвозмездно и навсегда. Либералы, волей исторической ситуации оказавшись у власти, не смогли ею адекватно воспользоваться и удержать, оказавшись с легкостью свергнутыми в октябре 1917 г. — фактически в ситуации безвластия в стране, доведенной ими всего лишь за полгода до фактического развала.

Эсеры были партией, выражавшей крестьянские интересы, их радикальное и наиболее популярное крыло — выступало за «черный передел». **Почему проиграли эсеры**, в целом готовые удовлетворить эти требования основной массы населения страны? Потому, что крестьянская партия в эпоху индустриализации не имела самостоятельных перспектив, а вопрос о власти все-таки решался в городе, где социальная база была у социал-демократов — от умеренных до радикалов. Крестьянство — как и помещики — являлось сословием средневековья, они звали не в будущее, а в прошлое, и их лозунги и программы были утопичны и консервативны, только, в отличие от монархизма, это был консерватизм низов. И эсеровский проект не имел будущего, он звал в прошлое. Эсеры были партией «прошлого», — не развития, а социальной крестьянской общинной утопии, по сути — партией регресса. Они не могли даже самостоятельно взять власть, вопрос о смене которой решался в столичных городах, где их влияние было относительно небольшим. Потому радикальные эсеры пришли к власти вместе с радикальными социал-демократами (умеренные социал-демократы, отрицая революцию, были, по сути, вторым эшелоном либералов).

Из других политических сил оставались социал-демократы, которые делились на умеренное реформистское крыло (меньшевики) и леворадикальное

крыло (большевики). Это были политические силы, «западники» и антитрадиционалисты, действовавшие на базе марксистской идеологии, выступавшие за индустриальную модернизацию страны, выражавшие «индустриальную перспективу», но с точки зрения не верхов, а низов капиталистического общества. Но и форма их организации, и стратегия, и методы политического действия были принципиально разными. Меньшевики — ортодоксально-доктринерское марксистское течение, реформистское по сути, — считали, что революция носит буржуазно-демократический характер, а значит, власть должна принадлежать либеральной буржуазии, то есть фактически отказывались быть самостоятельной политической силой, отдавая всю инициативу либерально-буржуазным партиям, проявившим после февраля 1917 г. свою полную несостоятельность.

Фактически единственной политической силой, заявившей претензию на власть и провозгласившей целью радикальное преобразование общества на пути индустриальной модернизации, но — снизу, выступили большевики, левые марксистские радикалы.

Почему победили большевики, не только сумев взяв власть, но и сумев прочно удержать ее? По двум простым причинам. 1) Они звали в будущее, но при этом сумели опереться на прошлое, на самую массовую социальную базу в стране — на крестьянство, на реликтовую категорию феодального общества. 2) Они предложили свой модернизационный проект, который удовлетворял интересам основной массы населения.

Большевики удовлетворили текущие интересы крестьянства, отдав ему землю. Они не были доктринерами, то есть, видя стратегическую цель, способны были прагматически корректировать свои политические установки сообразно обстоятельствам, тактически гибко реагировали на изменения общественной обстановки. Лидер большевиков В. И. Ленин понимал, что будущее было за городом, за индустриальным развитием, но судьба власти в условиях революции и гражданской войны в России определялась деревней. А это значит, что победить и прочно утвердиться у власти могла только та политическая сила, которая предлагала индустриальную перспективу, но ситуационно была способна привлечь на свою сторону деревню, крестьянство, составлявшее 4/5 населения страны. Являясь «партией будущего», «индустриальной перспективы», большевики сумели опереться не только на социальные слои будущего — «индустриальные низы», рабочий класс, но и на самые массовые социальные «слои прошлого», крестьянство.

Большевики оказались единственной партией, у которой и стратегия, и тактика оказались адекватны условиям России — ее текущей ситуации и перспективным задачам.

Большевики не столько совершили революцию, сколько «вписались» в нее, осознав объективные потребности, используя благоприятную ситуацию и настроения масс. Они пошли на заключение крайне невыгодного, «грабительского» Брестского мира, настроив против себя определенную часть патристически мыслящих слоев, но тем самым остались у власти и прекратили развал страны. Гибкой политикой и насилием они сплотили массовые низы общества и сумели победить в Гражданской войне всех своих противников, поддержанных интервентами — всеми крупными державами мира.

Идя на уступки крестьянам, в том числе введя новую экономическую политику (НЭП), большевики отбрасывали марксистские догмы, проявляя политику

ческую гибкость. Все это позволило большевикам не только прийти к власти, но и удержать ее в гражданской войне и после нее.

Большевики, чтобы взять власть в 1917 г., отказались от собственных доктринальных установок, фактически реализовав эсеровскую, то есть крестьянскую аграрную программу — программу «черного передела» и «социализации земли».

Однако крестьянская аграрная программа была паллиативом, а не реальным решением проблем, который находился в области развития, прогресса, а не примитивного уравнительного передела собственности. Магистральным путем в индустриальную эпоху была индустриализация и урбанизация, причем не только города, но и деревни, а для России — еще и вынужденно ускоренное, преодолевавшее отставание страны. Ни столыпинская реформа, ни решение земельного вопроса по крестьянским наказам большевиками этого не обеспечивало. Именно потому, что крестьянство в XX в. было социальной категорией прошлого, а не будущего, категорией консервации, стагнации, а не развития. Крестьянство по своей социальной природе, условиям и образу жизни не способно к прогрессу, именно город двигал технический и социальный прогресс.

А большевики не только взяли власть — с помощью крестьянства, но стали осуществлять модернизацию страны опять же в интересах города, но иных, чем прежде, его слоев. Вместе с тем, советская модернизация открыла перспективы социальной мобильности для самых низов общества, включая сельские низы. Массовый характер стали носить перемещения из села в город, из крестьян в рабочие, и тех и других — в состав интеллигенции. Для остававшихся на селе стали доступными среднее образование, технические и другие сложные профессии.

* * *

Революция 1917 года, — и Февральская, и Октябрьская, — это единый процесс. Можно одну называть буржуазно-демократической, другую — «пролетарской», социалистической. Но суть от этого не меняется: это была прежде всего великая крестьянская революция — за землю. Это была единая Великая русская революция 1917 года, прошедшая основные стадии «левой» радикализации.

Революция 1917 года — парадоксальна! Будучи объявленной «пролетарской», на деле — по социальной базе, лозунгам и полученным результатам — она была крестьянской! Главное, что обеспечила октябрьская революция, это *вынужденное* решение крестьянского вопроса в крестьянской по основной массе населения стране согласно крестьянским общинно-уравнительным представлениям. И позднее большевики — западники-марксисты, антитрадиционалисты по идейным основам, на деле реализовывали традиционалистскую модель модернизации, принципиально отличную от либерально-буржуазной. Они решали все ту же задачу превращения аграрной России в индустриальную и городскую, которую не удалось решить дореволюционной имперско-консервативной модернизации, а либералам, пришедшим к власти в 1917 г. и неадекватным российской социокультурной почве и исторической ситуации, не пришлось даже начать реализацию своих программ. Но опирались советские коммунисты на народные настроения и мировоззрение. Даже в коллективизации сельского хозяйства власть опиралась на традиционалистские «общинно-коллективистские» уравнительные

установки крестьянства, оказавшиеся основной массе сельских жителей ближе, нежели столыпинские реформы с утверждением частной собственности на землю. Большевики проводили в основном сугубо прагматическую и вынужденную политику, которую, как правило, потом пытались теоретически и идеологически объяснять.

Главным было не удержание власти, а реализация программы развития. Для этого понадобились глубокие перемены и в самой партии. Ведь большевистская партия «мировой пролетарской революции» позднее, в течение 1920–1940-х гг., когда у власти укрепился И. В. Сталин, трансформировалась в партию, выражавшую национально-государственные интересы, удержав власть на многие десятилетия и успешно реализовав свою мобилизационную модель индустриальной модернизации России. Выступая от лица «низших классов», советская власть обладала гораздо большими возможностями «социальной мобилизации», нежели имперская власть или буржуазные либералы, и проводила индустриальную модернизацию общества, не подавляя, а опираясь на основную массу населения — социальные низы.

Советское государство, при всем внешнем разрыве со старым имперским прошлым, получило в наследство все те же исторические задачи — индустриальной модернизации России. Конечно, большевики исходили из своей, адаптированной к условиям России марксистской доктрины. Но, по сути, они продолжили имперский, или квазиимперский модернизационный проект — на иной социальной базе, иными методами, под иным идейным оформлением. Чтобы удержать власть в аграрном по экономике и сельском по доминирующему населению государстве, им приходилось «строить социализм в отдельно взятой стране», то есть создавать индустрию, чтобы, расширяя собственную социальную базу в лице индустриального рабочего класса, обеспечить обороноспособность государства, управляемость и внутреннюю стабильность на основе новых социальных институтов и структур.

Идеология, безусловно, влияла на большевистскую политику, но отнюдь не в той степени, которую ей приписывали и сами коммунисты, и их противники. И военный коммунизм, и переход к НЭПу, и отказ от него с переходом к форсированной индустриализации, — все это были вынужденные шаги реальной политики, а отнюдь не продукты доктринальных установок. Эту политику лишь оформляли в соответствующей идеологической упаковке.

Отказ от НЭПа был неизбежным не столько в силу доктринальных установок, сколько в силу «хода вещей». НЭП мог быть инструментом восстановления экономики, но отнюдь не ее форсированного развития. А страна опять, как и в эпоху Столыпина, оказалась в ситуации исторического цейтнота. У П. А. Столыпина не оказалось 20-ти лет спокойствия для эволюционного преобразования России на базе либеральных экономических форм организации сельского хозяйства. У СССР не было десятков лет для постепенной индустриализации снизу, от накопления в сельском хозяйстве и создания легкой промышленности к дальнейшему созданию тяжелой индустрии. Главными в 1930-е гг. были оборонные задачи ввиду перспективы большой войны. Постоянная, вполне реальная внешняя угроза (а боялись даже слабой Польши, от которой не так давно потерпели поражение), требовала форсированной индустриализации. Страна находилась в условиях исторического цейтнота, что собственно и показала Вторая мировая

война. И все остальные элементы так называемого социалистического строительства (коллективизация, культурная революция), были лишь средствами обеспечения ключевой задачи — форсированного создания тяжелой индустрии и, на этой основе, современной боеспособной армии.

Но индустриализация предполагала использование только внутренних источников накопления, а значит и социальную мобилизацию во всех формах (добровольное и принудительное ограничение потребления, мощную пропагандистскую кампанию, распространение массового энтузиазма; репрессивный опыт гражданской войны был перенесен и на этот период, так что ГУЛАГ тоже оказался в ряду инструментов индустриализации). Отдельно стоит вопрос о коллективизации. Конечно, в целом она отнюдь не была добровольной. Но она оказалась принятой крестьянством в большей степени, нежели отвергнутая его большинством столыпинская реформа. Коллективистский менталитет, воспитывавшийся веками в патриархальной общине, привел к принятию коллективных форм хозяйствования, а колхозы стали не только новой формой организации производства, перевода мелкого крестьянского хозяйства в крупные, но и средством индустриализации деревни.

Было ли развитие советской модели модернизации некоей исторической аномалией? В сравнении с другими странами? Безусловно, нет. Думать так, значит становится на позицию западных идеологов холодной войны.

После революции в России была создана собственная, национально-ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной, и опирающаяся на социокультурные основы страны. Большевизм воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах страны, причем на ряде этапов не догоняющего, а опережающего развития. Если имперско-либерально-рыночная модель ранней индустриализации страны провалилась, то советская индустриализация оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Она была вполне адекватна задачам раннеиндустриального развития, обеспечила победу в мировой войне, выход СССР в разряд сверхдержав и гарантированную безопасность.

Советская модель оказалась преемственной имперской модели модернизации в ключевых моментах, в том числе, в доминировании государства в авангардных отраслях. Но либерально-имперская модель провалилась, приведя к революции, а советская гораздо больше опиралась на социокультурные и исторические условия страны, поэтому она в целом успешно реализовалась. Именно в рамках советской модели Россия стала индустриальной и городской страной, с высокоразвитым образованным населением, с передовой наукой и техникой. Сегодня нередко заявляют, что советская модернизация была неполноценной, так как она отвергла институт частной собственности, ряд демократических институтов гражданского общества. Но это — сугубо идеологическая позиция, которая объявляет западную модель неким образцом для всего мира. Мир был, есть и будет полицентричным, и ценности одних цивилизаций не могут быть абсолютным образцом для других. Во всяком случае, критерием успешности моделей модернизации является то, делают ли они свои страны сильными и конкурентоспособными в экономическом и военном отношениях, обеспечивают ли они безопасность для своих стран. И нет абсолютно «истинных», универсальных моделей развития для всех стран и всех времен. Это поняли китайцы, которые

словами Дэн Сяо-Пина выразили универсальный подход, показав относительность всех моделей развития: «Не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Не важно, какая идеология, или форма собственности, или политические институты. Важно чтобы они в конкретно-исторических условиях обеспечивали экономический рост, обороноспособность, социальную стабильность и безопасность.

При всех социальных издержках — массовых репрессиях, голоде начала 1930-х гг., — советская модель индустриальной модернизации оказалась весьма эффективной, обеспечив превращение отсталой России в передовую державу, что позволило СССР выиграть Вторую мировую войну против фашистской Германии и ее сателлитов, вывести человека в космос, стать второй сверхдержавой мира и противостоять в «холодной войне» мощнейшему блоку западных держав. Советская модель «забуксовала» позже, начиная с 1970-х гг. Она оказалась неприспособленной к решению новых, не менее сложных, чем ранее, исторических задач — при переходе к постиндустриальному обществу, но в этом уже вряд ли можно винить людей, совершавших Октябрьскую революцию 1917 г. Причины этого — предмет специального анализа.

Однако на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. К тому же целая цепь неграмотных управленческих решений, включая ставку на экспорт на энергоносители, привели к зависимости от внешних источников финансирования и при обвале цен на нефть СССР оказался банкротом. Положение усугубили гонка вооружений, ряд тяжких катастроф, включая Чернобыль, антиалкогольная кампания с огромными финансовыми потерями, законы о предприятии и кооперативах, разбалансировавшие двухсекторную модель советской экономики, вызвавшие всплеск инфляции и тотальный дефицит, и др.

Неизбежен ли был крах социализма в СССР? Вернее, той модели общественного развития и устройства, которая существовала? Думаю, что нет. Да и ни один западный советолог не предсказал возможность распада СССР еще за пару лет до этого события.

Советская модель развития не оставалась неизменной. Она обеспечила переход к индустриальному обществу. Но к «постиндустриальному», точнее — новой стадии индустриального, СССР перейти не успел. В чем причины? В том, что эта модель стала тормозом и не позволила? Или дело в конкретных управленческих решениях, которые оказались некомпетентными? Думаю, верно именно второе. Потенциал советской системы вовсе не был исчерпан. Да и как он мог быть исчерпан, если раннеиндустриальная стадия для половины страны еще не была завершена, оставались огромные резервы просто для экстенсивного роста экономики. Вся Средняя Азия, почти все Закавказье оставались резервом ручного неквалифицированного доиндустриального труда. Конечно, гонка вооружений отвлекала огромные дефицитные ресурсы СССР на непроизводительные военные расходы. Но ВПК одновременно нарабатывал колоссальные технологические прорывы по всем направлениям. Одной из ключевых ошибок советского руководства было то, что оно не смогло или не захотело создать такой организационный механизм, который задействовал бы достижения ВПК в гражданских отраслях.

Распад СССР не был неизбежен, но был закономерен в силу ряда причин. Камнем преткновения стал национальный вопрос, хотя не он один. Фундаментальной ошибкой большевиков было территориально-государственное деление по национальному принципу. Сформировав национальную элиту республик, создав всю административно-государственные институты, власть сама усилила центробежные факторы, по сути, создала все условия для распада. Любое исторически случайное, ситуационное ослабление центральной власти могло привести к краху, что и произошло к 1991 г.

Неверная экономическая стратегия в 1960–1980-е гг. привела к кризису в народном хозяйстве. Результатом «перестроечных» реформ стало сначала разрушение советской экономики, подрыв ранее объединявших общество ценностных начал, размывание, а затем разрушение «вертикали власти». Некомпетентность высшего руководства СССР (а частью и предательство им национально-государственных интересов) в период «перестройки» и привели к тотальному ослаблению государства, с последующей национально-государственной катастрофой.

Нередко события 1991 г. тоже называют революцией, по сути, подменяя понятия. Во-первых, социальные революции, так или иначе, совершаются в интересах широких народных масс, приводя к росту их материального благосостояния, повышению социального статуса и т. п. Во-вторых, настоящие революции открывают путь более успешному экономическому развитию, способствуют укреплению государства. И то, и другое мы видим в результате революции 1917 г., хотя в ходе Гражданской войны для ее победы и были принесены колоссальные человеческие жертвы. Распавшаяся ранее Российская империя была воссоздана в новом виде, на иной социальной основе; модернизация продолжилась в рамках новой модели развития; сила и внешняя безопасность государства увеличилась, что позволило СССР выиграть Вторую мировую войну.

Либеральный переворот 1990-х гг. привел к распаду СССР, потере геополитических позиций, подрыву цивилизационных основ общества. Процессы 1990-х гг. вызвали разрушение современной производственной базы, фактическое уничтожение высокотехнологичных отраслей экономики при общем падении уровня ВВП и производства более чем в 2 раза. Вместо модернизационного рывка постсоветская экономика деградировала в направлении «сырьевого придатка» продолжавших развиваться стран Запада, да и других, ранее отсталых стран. Россия потеряла почти 20 лет в развитии, тогда как другие страны мира далеко ушли вперед. В результате Россия вместо 2-го места в мире по уровню экономического развития, безнадежно отстав, оказалась во второй десятке, а по качественным социально-экономическим показателям — среди отсталых стран «третьего мира».

Современные геополитические реалии: возросший уровень мировой нестабильности, серия «политтехнологичных» «бархатных революций» как инструмент изоляции России на постсоветском пространстве, — отражают незавидное положение России в современном мире. «Холодная война» отнюдь не окончена с распадом СССР, а перешла в латентную стадию. При всех внешних реверансах Запада по отношению к постсоветской России последовательно велась политика максимального ослабления нашей страны, ущемления ее интересов, геополитического выдавливания из всех ранее имевшихся у СССР позиций.

Сравним: СССР за 20 лет развития не только восстановил хозяйство, но сделал колоссальный рывок в форсированной модернизации. Постсоветская Россия даже не восстановила своих позиций до катастрофы 1991 г. Лишь «счастливый случай» — благоприятная конъюнктура на энергоносители — спасла утвердившийся у власти режим и навязанную им стране модель общественного развития.

* * *

Таким образом, учитывая наработки российской историографии последних лет, мы можем сделать вывод: революция 1917 года отнюдь не была исторической случайностью, а реализовала наиболее вероятный потенциал развития российского общества со всеми его противоречиями, к которым пришла Россия к началу XX в., и оказала огромное влияние на судьбы всего мира.

Вся постсоветская история показывает, что сильная единая Россия Западу не нужна при любой идеологии и в любой форме — империи, социалистического СССР, либерального государства. Следовательно, нужно делать выводы — о том, что у России не может быть друзей, нет и не будет постоянных союзников, но были и есть постоянные, непреходящие интересы, которые напрямую не связаны ни с общественно-политическим устройством страны, ни с доминирующей идеологией, ни с формами собственности, ни с текущими социальными элитами. Все это — лишь переменные величины, которые зависят от того, обеспечивают ли они силу, конкурентоспособность и безопасность страны, адекватны ли они социокультурным и другим объективным реалиям и требованиям времени. В этом состоит главный исторический урок, который следует извлечь из истории России на протяжении последних полутора столетий.

С учетом этого урока следует оценивать и все российские революции, в том числе и революцию 1917 года, которую по ее значимости для судеб России и всего мира по праву можно назвать Великой русской революцией.

1 Общество и власть: проблемы взаимодействия. СПб., 2006. С. 45.

2 *Стариков Н. В.* 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007.

3 См.: Там же. С. 276.

4 *Медушевский А. Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3.

5 *Франк С. Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 213.

6 См.: *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1991; *Луначарский А. В.* Великий переворот (Октябрьская революция). М., 1919; *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Тт. I–II. М., 1997; *Вишняк М.* Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931; *Маклаков В.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006; *Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. М., 2006; Почему победили большевики. Ответ фальсификаторам истории Великого Октября. М., 1987.

7 См.: Анатомия революции 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

8 См.: *Герасименко Г. А.* Народ и власть (1917 г.). М., 1995.

9 См.: *Буддаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

10 См.: *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Люкшин Д. И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; *Сухова О. А.* «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.

А. В. Мамаев
Киров

Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе

Местное самоуправление представляет собой наиболее близкий к населению уровень власти. Потенциально оно может способствовать развитию политической культуры и правосознания людей, их включению в деятельность по управлению обществом. Как считал, например, В. В. Леонтович в отношении земского самоуправления, «...вся вообще работа земства и само его существование должны рассматриваться как преддверие конституционного строя»¹. По оценке историка-правоведа В. В. Куликова, не сверху, а именно снизу, в рамках местного самоуправления происходит формирование истинной элиты нации². «Местное самоуправление является необходимой предпосылкой и условием развития народного представительства, ибо оно, образно говоря, играет для установления демократии ту же роль, что начальная школа для науки», — полагает учёный-юрист В. И. Фадеев³.

Принципиальными являются отличия местного самоуправления от государственного управления на местах. В юридической науке выделяется ряд его признаков: как отмечал ещё в 1928 г. Л. Велихов, в противовес государственной власти самоуправление — власть подзаконная, т. е. действует в пределах и на основании государственных законов, в рамках закреплённых государством предметов ведения. Местное самоуправление имеет собственные ресурсы в виде самостоятельного бюджета и муниципальной собственности. Также в качестве важного признака стоит отметить выборность органов самоуправления местным населением⁴.

В центре нашего внимания находится тот исторический момент в истории городских самоуправлений, когда произошло падение монархии, традиционного политического режима, в рамках которого самоуправление в думском варианте просуществовало более 100 лет. В результате Февральской революции 1917 г., которую многие с нетерпением ждали, Россия оказалась «самой свободной из всех европейских стран». Политическая, экономическая, социальная ситуация в России в революционную эпоху в определённой степени стала показателем того, насколько успешно население страны усвоило уроки этой «начальной школы» демократии, свидетельством уровня сформированности «истинной» элиты нации. В деятельности муниципалитетов в период русской революции 1917 г. своеобразно соединились ставшая традиционной практика решения самоуправленческими различными повседневных хозяйственных проблем и попытки адекватно ответить на вызванные революционными событиями экстраординарные вопросы. Возникает необходимость тщательно рассмотреть то исходное состояние, с которого начался процесс трансформации городских самоуправлений в ходе революции 1917 г.

В истории России зарождение местного самоуправления в его европейском варианте относится к эпохе Екатерины II. В 1870 г. было принято Городовое положение, которое, по оценке некоторых современных правоведов, создало «...такую продуманную и эффективную систему самоуправления, которую по тем временам не знала и Европа...»⁵. По городовому положению 1892 г.,

действовавшему накануне революции 1917 г. и представлявшему собой урезанный вариант прежнего закона, усиливалась зависимость муниципалитетов от государства. Процедура проведения выборов контролировалась местной администрацией, список избранных населением гласных должен был утверждаться губернатором или министром внутренних дел. Члены городских управ считались государственными служащими, а многие думские решения нуждались в утверждении со стороны правительственной власти.

Оценки реформы 1892 г. и её практической реализации высказывались самые разные. Дореволюционный исследователь Г. И. Шрейдер отмечал, что «...городское общественное управление в решительную для режима минуту оказалось его твёрдым оплотом, верным и послушным орудием в руках бюрократии»⁶. В советское время доминировали резко критические оценки дореволюционных городских дум в соответствии с суждениями В. И. Ленина, который, отрицая значимость самоуправлений в условиях монархии, заявлял, что правительство допускает существование местных самоуправлений только пока они занимаются безвредным «лужением умывальников». Например, по характеристике историка В. В. Демидова, «...органы городского самоуправления являлись не органами народного управления на местах, а классовыми организациями буржуазии, действовавшими под надзором правительственной администрации»⁷.

Современный историк В. А. Нардова пришла к выводу о том, что «...к институту городского общественного самоуправления в том виде, в каком он функционировал после 1892 г., лишь условно применим термин “самоуправление” в его классическом понимании». Но, вместе с тем, она отмечает, что «...самоуправление, даже и такое усечённое, как в царской России, способствовало проявлению общественной инициативы в решении не только хозяйственных, но и социально-культурных проблем...»⁸. Как считает В. В. Ефимова, изучающая самоуправление Петрозаводска, «именно в период действия Городового Положения 1892 г. происходят положительные сдвиги в деятельности петрозаводского городского самоуправления. Оно начинает использовать новые способы и методы в управлении городской собственностью. Несмотря на всепронизывающую опеку губернаторов, среди петрозаводских голов находятся инициативные и самостоятельные личности»⁹. Ту же мысль, сравнивая различные периоды в истории самоуправления Москвы, высказывает Л. Ф. Писарькова: «...наиболее результативными для городского хозяйства были последние 25 лет существования Московской думы, когда действовало Городовое положение 1892 г. Именно в эти годы состав московских гласных отличался особенно высокой степенью профессионализма, а городское хозяйство развивалось небывалыми для предыдущего периода темпами»¹⁰.

В соответствии с Городовым положением 1892 г. система городского самоуправления формально была всеобщей, в качестве определяющего критерия был выдвинут имущественный ценз, который резко ограничивал количество избирателей. Участвовать в выборах могли физические и юридические лица либо имевшие в пределах города крупные торгово-промышленные предприятия, либо платившие ежегодно городской оценочный сбор за имущество, стоящее не менее 3 000 руб. в Москве и Петербурге, не менее 1 500 руб. в губернских городах с числом населения более 100 тыс. чел., не менее 1 000 руб. в остальных губернских и значительных уездных городах, не менее 300 руб. в прочих городских поселениях¹¹.

В Москве число потенциальных избирателей составляло в начале XX в. от 0,54 % (в 1916 г.) до 0,8 % (в 1904 г.) от общего числа жителей. Абсентеизм проявлялся весьма заметно: своим избирательным правом пользовалось от 20,8 % потенциальных избирателей в 1904 г., 33,8 % в 1912 г. до 40 % в 1908 г. Как отмечает Л. Ф. Писарькова, «...число москвичей, участвовавших в городских выборах, было во все годы очень незначительным, и введение Положения 1892 г. фактически не изменило сложившегося соотношения...»¹². Из 146 московских гласных, избранных в 1912 г., 38 чел. (26 %) принадлежали к числу дворян и чиновников, 96 (65,8 %) — являлись почётными гражданами и купцами и лишь 12 (8,2 %) — мещанами, цеховыми или крестьянами. Причём 56,2 % гласных были заняты в торгово-промышленной сфере, остальные относили себя к чиновникам или представителям интеллигенции (профессора, учителя, художники, врачи, инженеры и т. п.)¹³.

После поражения в русско-японской войне и революции 1905–1907 гг. возрастает политизация в столичных обществах и думах. Всё большее значение начинает играть партийная принадлежность гласных. В Московской городской думе происходит разделение на «умеренную» (близкую к октябристам) и «прогрессивную» (кадетскую) группировки. Показателем растущей политизации и роста либеральной оппозиционности среди думских избирателей стало быстрое укрепление в Московской городской думе позиций кадетов в ущерб «умеренным». Если в 1908 г. «умеренные» численно преобладали, составляя примерно 52 % думцев, то в 1912 г. укрепились «прогрессивная» группа — 52,7 % гласных, а после выборов 1916 г., не утверждённых администрацией, кадеты стали полностью доминировать — 93 % от общего количества избранных в гласные¹⁴.

В Петербурге в начале XX в. крайне малое число лиц, соответствовавших избирательному цензу, а также низкие показатели явки на муниципальные выборы привели к пересмотру Городового положения 1892 г. и приспособлению его к петербургским условиям. Было создано 2 разряда избирателей: в 1-й разряд включали наиболее богатых (2–3 % от общего числа избирателей), которые все вместе уплачивали третью часть налогов и получали треть мест в городской думе, во 2-й разряд — всех остальных, причём право голосовать предоставлялось и квартиронанимателям, уплачивавшим государственный квартирный налог определённого размера. Предоставление права голоса части квартиронанимателей, по мнению А. С. Сухоруковой, позволило включиться в деятельность думы многим высокообразованным и общественно-активным людям. В результате реформы число избирателей было увеличено, но при этом закреплялось преобладание «ничтожной горстки состоятельнейших горожан»¹⁵. Срок полномочий гласных составил 6 лет с ротацией половины их состава каждые 3 года. На выборах 1912 г. численность избирателей составила 18675 чел. (примерно 0,9 % от населения города), из них менее 30 % приняли участие в голосовании¹⁶. Купцы и почётные граждане составили 30 %, дворяне и чиновники преобладали — более 48 % гласных, остальные члены городской думы являлись представителями интеллигенции: врачи, инженеры, агрономы, профессора, присяжные поверенные и т. п.¹⁷

Постепенно нарастала политизация Петербургской городской думы: после 1905 г. появляются 2 группировки — выступающая за преобразование всей муниципальной деятельности, использование новых методов ведения городского хозяйства, оппозиционно настроенная группа гласных-«обновленцев», значи-

тельная часть которых входила в партию кадетов, и гласные-«стародумцы», в которых, как указывает А. С. Сухорукова, «правительство видело прежде всего лояльных по отношению к существующему режиму общественных деятелей», а полиция, по данным докладной записки марта 1916 г., «группу людей, стремившихся устроить свои дела за счёт города». На выборах 1912 г. впервые победили обновленцы, получившие 71 % мест в городской думе. Однако затем последовали неудачи в хозяйственной сфере, раскол, усилилась критика. По определению «стародумцев», «обновленцы» были «большими говорунами» и «неопытными управителями». На выборах 15 февраля 1916 г. победили «стародумцы», получив 92 места — почти 57 % состава городской думы¹⁸.

В Петрозаводске при общей численности населения в 18460 человек в 1913 г. избирательными правами в городскую думу обладали лишь 178 из них — 1 % от общего числа горожан, причём реализовали его лишь 50 избирателей (28 % от их общего числа). Как установила В. В. Ефимова, в среднем с 1893 г. лишь 1,1 % населения могли выбирать в самоуправления, а показатель явки составлял примерно 26–28 %. Из 23 гласных, избранных в 1913 г., 11 чел. были дворянами или чиновниками (47,8 % от общего числа гласных), 2 — купцами или почётными гражданами (8,7 %), 10 гласных происходили из числа крестьян, мещан или нижних чинов (43,5 %) ¹⁹. В. В. Ефимова считает, что в начале XX в. Петрозаводская дума стала выходить за пределы предписанной ей Городовым Положением 1892 г. «хозяйственной» деятельности и участвовать в политической. На заседании 25 января 1906 г. петрозаводские гласные принимают решение о своем единогласном присоединении к «Союзу 17 октября» ²⁰. Тем не менее, в 1910 г. губернатор Олонецкой губернии по отношению к Петрозаводску и ряду других городов губернии указал, что выборы прошли «без всякой видимой партийной борьбы, на хозяйственно-бытовой почве... ..не было никакой агитации со стороны какого-либо политического органа и не преследовалось политических целей» ²¹.

Состав Вятской городской думы, избранный в 1913 г. и встретивший Февральскую революцию 1917 г., из общего числа гласных в 56 чел., включал 9 купцов и их детей, 4 потомственных и 4 личных почётных гражданина (30 % от общего числа гласных), 14 чиновников (25 %), к числу крестьян, мещан, цеховых относился 21 гласный (38 %), по отношению к 4-м гласным указана не сословная, а профессиональная принадлежность: это 2 инженера-технолога, 1 провизор, 1 присяжный поверенный (7 %) ²². В списки избирателей на выборах 1913 г. было внесено 721 лицо (1,4 % от общей численности жителей города), из них проголосовало 244, следовательно, явка избирателей на выборы составляла примерно 34 % ²³. По мнению Т. В. Кожевниковой, после Первой русской революции деятельность Вятской городской думы «приняла более политизированный характер». Как она указывает, «...в связи с принадлежностью основной массы избирателей к имущим классам основную политическую силу в городе представляли монархисты и либералы. Причём монархисты вели предвыборную компанию куда активнее своих соперников, имели хорошую организацию, тем не менее, больше голосов обычно набирали люди либеральных взглядов» ²⁴.

В уездных городах Вятской губернии избирательными правами мог пользоваться немного больший процент населения: если в городах с числом населения более 10 тыс. чел. избирательные права принадлежали в среднем 1,9 % городского населения: в Сарапуле (28502 чел.) на последних накануне революции выбо-

рах в списки было внесено примерно 0,9 % горожан (ценз составлял 1 000 руб., как в губернских городах²⁵, в выборах участвовало 52,5 % имеющего такое право населения), в Елабуге (16 882 чел.) — 1,7 % (участвовало 44 %), в Слободском (10 691 чел.) — 3,6 % (участвовал 31 %), в Глазове (10 268 чел.) — 1,4 % (участвовал 41 %), то в менее населённых «малых» городах и «городах-сёлах» — в среднем 3,5 %: Уржуме (7 437 чел.) — 2,4 % (из них голосовало 54,8 %), в Котельниче (6 223 чел.) — 2,8 % (в выборах принимали участие 48,6 % горожан), в Яранске (5 795 чел.) — 3,6 % (47 %), в Орлове (5 315 чел.) — 2,7 % (47,6 %), в Нолинске (5 203 чел.) — 3,8 % (37,5 %), в Малмыже (3 899 чел.) — 3,6 % (53,4 %), в Царёвосанчурске (1 845 чел.) — 5,5 % (33,7 %) ²⁶. В небольших городах политической борьбы в думах практически не велось, возможно в силу того, что местное население не имело чётких политических взглядов и пассивно относилось к общественной деятельности не только до революции, но и после февраля 1917 г. Так, в газете «Малмыжская жизнь» весной 1917 г. отмечалось, что население города до сих пор «не проснулось» и не участвует в политической жизни, а «Крестьянская газета Вятского губернского земства» писала, что в Царевосанчурске в городских выборах 1917 г. приняло участие лишь около 30 % населения. «А надо сказать, что остальные-то 70 % и есть коренное население города» ²⁷.

На основе рассмотренных примеров можно говорить о том, что к началу 1917 г. городские самоуправления формировались крайне небольшой, наиболее зажиточной частью населения: в столицах — менее 1 %, в губернских городах процент был чуть больше 1 %, о чём говорят данные по Вятке, Петрозаводску, в уездных городах (на примере Вятской губернии) участвовать могли до 2–3 % населения, что можно объяснить более патриархальным характером городов, меньшим количеством пришлого населения, большим числом домовладельцев-хозяев и более низким избирательным цензом.

Среди избранных гласных преобладали дворяне (6,2 % городского населения согласно переписи 1897 г.), чиновники (вместе с воинскими чинами составляли 9,1 % населения городов), купцы (1,3 % от общего числа горожан) и почётные граждане (1,1 %) ²⁸, т. е. в составе органов общественного управления не было адекватного представительства всех горожан. Абсолютное большинство рабочих, проживавших в городе крестьян, а также «средних городских слоёв»: ремесленников, кустарей, мелких торговцев, предпринимателей, приказчиков, инженеров, учителей, художников, артистов, чиновников и служащих, музыкантов, студентов, врачей и т. п. были лишены возможности выбирать представителей в органы самоуправления.

К началу 1917 г. крайне высоким был уровень абсентеизма потенциальных участников избирательного процесса, что свидетельствует о низком авторитете самоуправлений, о том, что они не имели возможности влиять на решение насущных проблем социально-экономической жизни городов. Негативную роль играли традиционно характерное для обывателей равнодушие к политике и выборам, неверие в возможность своим голосом что-либо изменить. По мнению известного вятского кадета В. И. Лобовикова, высказанному в 1917 г., «исконный обыватель города всегда боялся высказывать свои мнения, справедливо опасаясь возмездия... начальства во всех видах...» ²⁹.

В губернских, а особенно в столичных городах постепенно набирал силу процесс политизации городских дум, причём разделение между гласными в своей

основе шло по вопросу о поддержке существовавшей власти, т. н. «старых порядков» в хозяйственном и политическом аспектах. Возможность эффективной хозяйственной деятельности связывалась «прогрессивными» гласными с изменениями в политическом строе.

Ущербоность и ограниченность самоуправления вызывали недовольство со стороны тех, кто не был сторонником самодержавной власти. В конце XIX – начале XX вв. появляются научные и публицистические работы либерально настроенных юристов, историков-правоведов, политических деятелей, в которых рассматривались недостатки существующей системы самоуправления и предлагались пути совершенствования полномочий, организации и деятельности муниципальных органов, различные варианты их развития.

В статье социал-демократа Л. Д. Троцкого 1906 г. «Какая городская дума нужна Петербургу» содержится острая критика деятельности Петербургской городской думы с социалистических позиций. Л. Д. Троцкий обвинял думу в том, что она защищает интересы только зажиточных слоёв населения, которые и участвуют в избрании депутатов: «В Петербурге миллион 250 тысяч душ населения, а избирательным правом в городскую думу пользуются только 7 тысяч человек»; относительно сущности дореволюционных городских дум Л. Д. Троцкий сделал пессимистический вывод: «Нынешние думы несут городам разорение и гибель: городское хозяйство — собственность кучки хищников; рабочие массы в полном забвении; в политической борьбе народа думы не участвуют, а нередко открыто, против воли всего населения становятся на сторону правительственного насилия».

Что же предлагал Троцкий? Он требовал создания демократических городских самоуправлений: «Нужна дума, свободно избранная всем взрослым населением без исключения... Голосование должно быть прямое и закрытое». А добиваться этого он считал необходимым путём упорной борьбы широких слоёв населения, в первую очередь рабочих, «со всей решительностью и энергией» против старой городской думы³⁰.

Почти те же недостатки в городском самоуправлении, указанные Л. Д. Троцким, фиксировал либерально настроенный правовед Г. И. Шрейдер. По его мнению, в силу малочисленности избирателей и гласных, думы отличались низкой работоспособностью, некомпетентностью. Это вело к отказу муниципалитетов от «хозяйственного» способа управления муниципальной собственностью и удовлетворения городских нужд и предпочтению менее выгодных, но более лёгких для дум и управ способов — откупного и концессионного.

«...Наряду с канцелярщиной и формализмом, — отмечал Г. И. Шрейдер, — возродилась блаженной памяти муниципальная волокита... в силу той же старой причины — отсутствия у городского управления права сделать шаг без надлежащего соизволения, разрешения, утверждения...».

Г. И. Шрейдер указывал на «...крайнюю осторожность и изумительную щепетильность, которые проявлялись городским управлением каждый раз, когда городское обложение могло бы серьёзно затронуть интересы правящего класса...», на стремление дум к возможно большему перемещению тяжести городского бюджета на плечи мелкого плательщика, на тяжёлое материальное положение городских рабочих и служащих. По оценке Г. И. Шрейдера, многие городские самоуправления практически не вели борьбу с фальсификацией и дороговизной продуктов, не решали квартирный вопрос, не открывали новых школ, больниц,

боролись под разными предлогами с мелкими торговцами, отдавая себе в убыток предпочтение крупному капиталу³¹.

В провинциальной печати накануне революции 1917 г. местные цензовые муниципалитеты также выступали предметами критики. Так, например, в одной из заметок либерально настроенной газеты «Вятская речь» утверждалось, что городская дума г. Вятки зачастую принимает важные решения медленно: после долгого рассмотрения в комиссиях думы, либо, наоборот, без достаточной обдуманности, просто так, «с кондачка». Отмечалось, что граждане «не имеют никаких со своей стороны прав — побуждать думу думать более успешно, чем она думает теперь»³².

Со страниц прогрессивной газеты «Кама» критиковались отдельные гласные Сарапульской городской думы, намеревавшиеся, правда безуспешно, отказать женской гимназии в выдаче очередного, компенсирующего затраты этого учебного заведения пособия. Финансовую помощь со стороны самоуправления предлагалось заменить повышением для учениц платы за обучение³³. Протест выражался и против повышения думой г. Сарапула для покрытия дефицита бюджета платы за воду. По словам анонимного «Плательщика», написавшего письмо в газету «Прикамская жизнь», «...Если Дума согласится с этим, то подтвердится истина, что наша городская Дума — есть “Дума цензовиков”, а не общественных польз и нужд...»³⁴.

Большое внимание муниципальному вопросу уделяли политические партии, легально действовавшие после 1905 г. В программных документах социалистических партий: энесов, РСДРП, эсеров содержалось требование демократизации, повсеместного введения организованного на широких демократических началах городского общественного управления и расширения полномочий органов самоуправления. Например, в программе Трудовой (народно-социалистической) партии указывалось на намерение добиваться «повсеместного введения организованного на широких демократических началах земского, городского и сельского самоуправления с передачей в его ведение всех местных дел (в т. ч. и полиции)»³⁵.

Партии либерального толка также заявляли, что необходимо «преобразование местного... самоуправления, с расширением его прав и круга деятельности, с приданием ему должной самостоятельности и упразднением административной опеки..., с привлечением к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц». Октябристы считали, что самоуправления могут стать «школой политической свободы для народа», а Партия демократических реформ даже выступила с идеей создания двухпалатного народного представительства, в котором одна из палат состояла бы из представителей органов местного самоуправления³⁶.

В какой-то степени даже монархисты поддерживали требование большей свободы на местах. Так, в своей программе Русская Монархическая Партия выступила за «...свободное, децентрализованное, плодотворное развитие местной хозяйственной и общественной жизни, не стеснённой ни правительственным, ни земским бюрократизмом, но и не вторгающейся в область государственной политики»³⁷.

Можно говорить о том, что накануне 1917 г. ведущие политические силы страны либерального и социалистического направлений выдвинули идею трансформации самоуправлений в сторону демократизации и большей самостоятельности, причём возможность преобразования муниципалитетов связывалась с по-

литическими изменениями в обществе, в системе центральной государственной власти. В условиях начавшейся революции 1917 г. закономерным стало то, что роль старых цензовых самоуправлений резко снизилась и различные политические силы попытались реализовать свои муниципальные взгляды на практике, обеспечив глубокую трансформацию местного самоуправления первоначально в либеральном направлении.

К марту 1917 г. городские самоуправления оказались в противоречивой ситуации. С одной стороны, можно отметить их недемократический состав, наличие у гласных и тех, кто за них голосовал, значительных имуществ, чинов, связей, возможностей. Это заставляло лояльно относиться к существующему строю, в рамках которого они получили это привилегированное положение, и который охранял их имущество и привилегии. Только сильная авторитетная власть могла защитить их от «бессмысленного и беспощадного» русского бунта и создать условия для дальнейшего развития и процветания.

С другой стороны, абсолютная монархическая власть полностью дискредитировавшего себя к началу 1917 г. императора также не устраивала многих гласных самоуправлений. Режим резко ограничивал самостоятельность городских дум, ревниво охранял свою монополию на власть, стремился сдерживать порывы буржуа, завладевших экономическими высотами и желавших усилить своё влияние в органах государственной власти. Во всём обществе осознавалась необходимость резких и решительных перемен, но самодержавная власть не проявляла гибкости, готовности идти на компромисс, способности мышления «на перспективу», всё новые и новые её действия убеждали, что она может подавлять, но не управлять. Накануне революции, как отмечает В. П. Булдаков, либералы заявляли: «...Соединиться с настоящей властью — это значит соединиться с мертвецом», «власть безответственна и ведёт Россию в пропасть»³⁸. На первой странице первого вышедшего после свержения монархии номера «Русских ведомостей» политика самодержавия была названа «диктатурой безумия», поставившей своей целью «не спасение страны, а сохранение губящего Россию порядка безответственного управления...»³⁹. Перспектива прихода к власти в результате революции сильного либерально-буржуазного правительства вполне устроила многих. Именно этим можно объяснить поведение городских дум в условиях начавшейся революции.

Петроградская городская дума оказалась в эпицентре революционного взрыва, но ведущую роль в столице играли стихийные силы и претенденты на овладение центральной властью. Думы остальных городов России, оставшиеся в результате революции единственными легитимными, действующими органами управления на местах, получив с опозданием известия о событиях в столице, фактически должны были оперативно решить, признавать им или нет ту революционную власть, которая победила в Петрограде. От этого решения зависело направление всех дальнейших действий.

В Петрограде господствовавшие в самоуправлении «стародумцы», опасаясь народного движения, 13 февраля 1917 г. выпустили резолюцию, в которой говорилось, что всякое уличное выступление в сложившихся условиях совершенно недопустимо. Тем не менее, 24 февраля полиции и казакам пришлось разгонять толпу демонстрантов у здания городской думы. Представители самоуправления участвовали в подготовке подавления революционных выступлений. 25 февра-

ля прошло очередное заседание думы, которое, по донесению охранного отделения, «приняло совершенно революционный характер» и закончилось принятием резолюций с требованием демократических свобод⁴⁰. 28 февраля, в разгар революции, в столице на думское собрание из многочисленной стародумской партии явилось лишь несколько человек, а городской голова П. И. Лелянов объявил себя больным. Тем не менее, оставшееся меньшинство гласных (явилось 40 гласных и 7 членов управы) объявило заседание правомочным. Как сообщают «Русские ведомости», «Дума единогласно постановила работать совместно с новым правительством и просит у него указаний для очередной текущей работы». Вместо П. И. Лелянова временно городским головой тут же на собрании был выбран Ю. Н. Глебов. Также был поднят вопрос об отчислении из состава управы В. Г. Конькова и А. Н. Шрейбера как назначенных министром внутренних дел. «Пусть уходят вместе с той старой властью, которая их назначила. Таков общий голос городской Думы», — отмечали «Русские ведомости»⁴¹. 3 марта председатель Думы кадет Л. А. Базунов произнёс речь, закончив её словами: «Да здравствует новая свободная Россия!». По решению гласных были посланы приветственные телеграммы Г. Е. Львову, А. И. Гучкову и А. И. Шингарёву.

Как считает В. М. Кручковская, в дни революции петроградские гласные были охвачены смятением и стремлением по возможности успеть за событиями⁴². Цензовый состав думы и её предыдущая деятельность не соответствовали лозунгам и духу народного движения с его стремлением к свободе и демократии. В ходе начавшейся революции городская дума Петрограда не смогла занять активную позицию и тем самым укрепить своё положение ещё и потому, что в её составе преобладали консервативные «стародумские» деятели. Их отсутствие в разгар революции, с одной стороны, развязывало руки «обновленцам», с другой — лишало оставшийся думский состав легитимности в принимаемых решениях. Без всяких правовых оснований, опираясь лишь на принцип «революционной законности», от участия в думской деятельности были устранены некоторые её члены. Оставшееся меньшинство гласных под влиянием извне, а также преследуя интересы определённых политических партий, от имени всей думы приняло ряд политических воззваний и решений. В марте 1917 г. дума пыталась активно участвовать в проведении всех экономических и общественно-политических мероприятий в столице. В начале апреля её состав был увеличен вдвое путём включения представителей районных дум Петрограда, однако, радикальное обновление думы оставалось неотложной задачей.

В Московском городском общественном управлении в феврале 1917 г. сложилось кризисное положение из-за того, что правительство в конце 1916 г., приравнявшись к процедурным нарушениям, отменило выборы, на которых сокрушительную победу одержали кадеты. Чтобы не допустить их усиления в городской думе, МВД объявило, что утверждённая им же инструкция о порядке проведения выборов нарушает закон, а поэтому выборы должны быть признаны подлежащими отмене. Старый, также преимущественно кадетский состав, не желая открыто конфликтовать с МВД, был, как отмечал А. Я. Грунт, явно деморализован бессмысленностью своего положения. Революция оказалась весьма кстати.

О событиях в Петрограде московским общественным деятелям стало известно уже днём 27 февраля из сообщения П. П. Рябушинского. Вечером 27 февраля состоялось чрезвычайное заседание городской думы. На нём присутствовали

гласные старого и нового составов, представители земского и городского союзов, организаций промышленников, кооперативов, рабочих больничных касс и т. д. Для того, чтобы поставить под контроль революционные выступления, «направлять движение в известное русло, не давая возможности развитию анархии, паники и всевозможных эксцессов», совещание избрало организационное бюро, которому было поручено определить состав учредительного заседания Комитета общественных организаций. И Комитет, и организованный в то же время Совет рабочих депутатов поместились в здании городской думы. 1 марта на сторону Комитета перешли войска Московского гарнизона, тогда же московский городской голова кадет М. В. Челноков получил телеграфное сообщение от М. В. Родзянко с указанием подчиниться Временному комитету Государственной думы, образованному в столице. После этого городской голова посетил командующего Московским военным округом генерала И. И. Мрозовского и уговорил его отказаться от сопротивления силам революции.

Итак, после получения известий о событиях в Петрограде, при бездействии старой власти, образованному при Московской городской думе Комитету удалось поставить под контроль, возглавить революционное движение. Когда ситуация с центральной властью прояснилась, дума поддержала новое буржуазное правительство.

В образованном при активном участии самоуправления и ещё 22 организаций Комитете представители ценовых организаций насчитывали лишь чуть более 20 % от общего числа членов, преобладали сторонники более левых течений. Городской голова М. В. Челноков не вошёл даже в Исполком Комитета, а когда в ночь на 2 марта он был назначен комиссаром города Москвы, то на него началось такое сильное давление, что уже 6 марта М. В. Челноков сложил с себя полномочия комиссара. 7 марта был приведен к присяге состав думы, избранный в декабре 1916 г. В конце марта новым городским головой стал кадет Н. И. Астров. Только 7 марта, намного позднее провинциальных дум, Московское самоуправление приветствовало «наступление свободы и нового порядка», выразив уверенность, что Временное правительство «вместе с народом приложит все силы и разумение к обеспечению победы и скорейшему созыву Учредительного собрания»⁴³.

Серьёзным препятствием, помешавшим более деятельному участию московского самоуправления в революционных событиях, стала неопределенность статуса гласных из-за отмены выборов 1916 г. Также, по мнению Л. Ф. Писарьковой, «хорошо усвоенная роль оппозиции правительству в новых условиях мешала им... использовать полученную власть... В условиях быстро менявшейся ситуации в стране Московская дума не руководила обществом, а <...> лишь отражала его настроения...»⁴⁴.

В провинцию сведения о состоявшейся революции достигали с опозданием. К тому же телеграммы из центра, пока исход восстания не определился, задерживались местными властями, стремившимися не допустить распространения революции. С получением известий из столицы, народ, нуждающийся в руководстве, как отмечает Г. А. Герасименко, «потянулся к тем учреждениям, которые были в наличии, существовали на деле и хоть в какой-то степени зарекомендовали себя в политической жизни»⁴⁵. Как правило, это были именно городские думы, тем более что и председатель Государственной думы М. В. Родзянко, и

премьер-министр Г. Е. Львов свои телеграммы в провинцию адресовали в первое время городским головам, что на местах рассматривалось как свидетельство их поддержки.

Как правило, вначале весть о революции обсуждалась в узком кругу руководства губернии в присутствии городского головы и председателя земской управы. После обнародования телеграмм из столицы созывались расширенные заседания городских дум с участием общественности, на которых принимались решения о разоружении полиции, отстранении наиболее одиозных фигур в губернском руководстве, создании общественных комитетов. Фактически эти комитеты, где представители цензовых дум оказывались в меньшинстве, при всеобщей поддержке получали власть в свои руки. После этого центр общественной жизни быстро перетекал в комитеты, политическая роль и значение цензовых дум резко снижалась. Конечно, на местах имели место свои особенности.

В Петрозаводске городская дума, узнав, чем закончились события в Петрограде, 4 марта опубликовала воззвание, в котором, поддерживая вновь образованное Временное правительство, просила жителей города сохранять полное спокойствие и не поддаваться никаким призывам к нарушению общественного порядка. На чрезвычайном заседании думы 4 марта был сформирован Комитет общественной безопасности, в состав которого, наряду с представителями нецензовой общественности, вошли городской голова и ещё трое гласных и которому передавалась вся власть в губернии. Следующие заседания дума зачастую проводила совместно с Комитетом⁴⁶.

В г. Вятке известия о революции были получены 1 марта, однако телеграммы были засекречены до особого совещания общественных деятелей на квартире губернатора. 3 марта на совещании у губернатора большинством против 3-х голов было признано необходимым напечатать объявления о происходящих событиях. Днём 3 марта состоялось частное совещание общественных представителей «наиболее революционного настроения и наиболее горячо откликающихся на явления общественного порядка», которые предложили городской думе провести совместное заседание, на что дума согласилась⁴⁷. Вечером это заседание состоялось. Было принято решение признать новое правительство, посланы телеграммы М. В. Родзянко, Г. Е. Львову и ряду других деятелей⁴⁸. Новую власть признал и находившийся на этом собрании полицмейстер А. В. Румянцев, поэтому дума единогласно решила не создавать новый орган по охране нового строя, а воспользоваться услугами старой царской полиции. Чтобы показать народу, что это всё же новый орган, было постановлено снабдить чинов полиции белыми повязками на рукавах. Только спустя несколько дней, под давлением общественности, полиция всё же была распущена.

По сообщению газеты «Вятская речь», дума г. Вятки на заседании 3 марта «...единогласно высказалась за признание нового правительства и выразила одушевлявшую всех гласных радость по поводу поражения старого ненавистного режима дружным ура...». Тогда же было принято решение создать Комитет общественной безопасности с функциями обеспечения города продовольствием и поддержания общественного порядка. В состав Комитета, состоявшего первоначально из 18 человек, вошли 3 представителя городской думы. После отстранения от должности царского губернатора Н. А. Руднева, ему городской думой даже была выражена благодарность за «...неизменное содействие городскому

общественному управлению и его деятельности...», высказано пожелание «...чтобы он занял и при новом правительстве достойный его пост...»⁴⁹. Как отмечалось спустя 10 лет в журнале «Спутник большевика», соглашение было найдено, «революцию решено в дальнейшем проводить семейным порядком»⁵⁰.

Особенностью установления новой власти в Вятке стало то, что активно действовать дума начала, фактически, только после согласия на это представителей царской администрации, под давлением со стороны общественности, стремясь лишь в минимальной степени изменить систему и аппарат местного управления.

В уездных городах Вятской губернии думы также поддержали переворот. В Сарапуле телеграммы не были никем задержаны и стали известны уже 1 марта. В чайной собрались представители общественности, которые, обсудив полученные сведения, начали вести переговоры с замещающим место городского головы П. Л. Смагиным с целью выработки совместной программы действий. 2 марта состоялось заседание думы с участием заместителя уездного исправника, прокурора окружного суда, представителей общественности. Как сообщает газета «Прикамская жизнь», П. Л. Смагин на чрезвычайном заседании городской думы 2 марта «...спросил: “— Выражает ли городская дума полное доверие новому правительству? Согласных — прошу встать”. Дума, как один человек, поднялась на ноги...». 3 марта было решено пополнить состав думы нецензовыми элементами, «чтобы думе было под силу провести в жизнь то, что требует данный исторической важности момент», а 5 марта был учреждён городской Комитет общественной безопасности⁵¹.

В Котельниче днём 4 марта также состоялось частное совещание гласных думы, жителей города, начальников правительственных учреждений по вопросу «о принятии мер к обеспечению спокойствия и правильного течения жизни». Поприветствовав новый строй, собрание «...выяснило, что свободных воинских чинов и городских полицейских служителей недостаточно в случае появления беспорядков, а потому собрание нашло необходимым учредить немедленно городскую милицию...». То есть полицейские рассматривались не как «последователи Протоплутовых с каиновой печатью»⁵², а как необходимая для обеспечения порядка сила. На заседании городской думы вечером 4 марта решения частного совещания были одобрены. В отличие от многих других городов на расширенном заседании думы никто не выступил с инициативой создания общественного исполнительного Комитета. Он был создан только 8 марта на частном совещании граждан с задачей «наблюдать и направлять деятельность управлений и организаций в русло, соответствующее видам и требованиям нового правительства, и укреплять новый государственный строй на началах права и справедливости», дума направила в Комитет лишь 1 представителя⁵³.

Участие дум в февральских событиях, политические речи, воззвания, дальнейшая деятельность по укреплению основ новой власти свидетельствуют, что самоуправления в те дни далеко вышли за пределы традиционных для них хозяйственных полномочий и достигли наивысшей степени политизации с момента их создания, что, конечно, отвлекало и негативно сказывалось на ведении ими городского хозяйства. Политизация неизбежно вела к межпартийной борьбе по различным вопросам, что существенно ограничивало творческую деятельность самоуправления. Политизация была опасна ещё и тем, что в случае победы сил, против которых выступали преобладавшие в думах политические течения, по-

бедители могли бы рассматривать самоуправления в первую очередь как политического врага, а уж потом как орган по управлению городом и его хозяйством, что создавало угрозу самому существованию самоуправлений.

Разрушившая строй, при котором были достигнуты серьёзные успехи и в то же время обнажились недостатки и проблемы городских самоуправлений России, революция создала предпосылки для радикальной трансформации муниципальных органов с целью ликвидации подвергшихся жёсткой критике недостатков и способствования развитию успехов. В то же время, уже в ходе революции проявились новые негативные факторы, которые в дальнейшем оказали разрушительное воздействие на функционирование местных самоуправлений: их чрезмерная политизация, акцент на глубокой демократизации, которая шла зачастую в ущерб деятельности в сфере городского хозяйства. 1917 год стал одной из самых ярких страниц в истории городского самоуправления в думской форме, но и одной из самых последних.

Примечания

- 1 *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 316–317.
- 2 *Куликов В. В.* Земское самоуправление. Киров, 1996. С. 4.
- 3 *Фадеев В. И.* Местное самоуправление и первое народное представительство в дореволюционной России // Журнал о выборах. Спецвыпуск «100-летие выборов Государственной думы: история и современность»: Материалы научно-практической конференции 3 мая 2006 г. М., 2006. С. 102
- 4 *Велихов Л. А.* Основы городского хозяйства. Ч. 2. М.; Л., 1928. С. 244.
- 5 Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 297.
- 6 *Шрейдер Г. И.* Городская контрреформа 11 июня 1892 г. // История России в XIX веке. Т. 5. СПб., 1909. С. 227.
- 7 *Демидов В. В.* Борьба московских большевиков за массы в период выборов в городскую и районные думы в 1917 г. // Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. Сер. Историческая. Т. 121. Вып. 1. Томск, 1952. С. 6.
- 8 *Нардова В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 156.
- 9 *Ефимова В. В.* Петрозаводское городское самоуправление (1870–1918 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 148.
- 10 *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998. С. 267.
- 11 ПСЗ РИ-III. Том XII. № 8708. С. 437.
- 12 *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 107–108.
- 13 Там же. С. 125–127.
- 14 На основе данных Л. Ф. Писарьковой. (*Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 141–142).
- 15 Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб., 2005. С. 134, 148–149; 159.
- 16 Там же. С. 154; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 93.
- 17 Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб., 2005. С. 156, 488–509.
- 18 Там же. С. 296, 299–301.
- 19 *Ефимова В. В.* Указ. соч. Приложение. Таблица 13.
- 20 Там же. С. 139.
- 21 Цит. по: Там же. С. 112.
- 22 Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 г. Вятка, 1916. С. 22–27.
- 23 Вятская мысль. 1917. 4 августа.
- 24 *Кожевникова Т. В.* Вятская городская дума между двух революций (1907–1916 гг.) // Развитие местного самоуправления в г. Кирове. Сб. статей. Киров, 2005. С. 61.
- 25 *Нардова В. А.* Указ. соч. С. 27.
- 26 Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 г. Вятка, 1916. С. 86; Вятская мысль. 1917. 4 августа.

- 27 Малмыжская жизнь. 1917. 5 мая; Крестьянская газета Вятского губернского земства. 1917. 4 августа.
- 28 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 122, 322.
- 29 ГАКировО. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 8. Л. 24 об.
- 30 *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Политическая хроника // *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 4. М.; Л., 1926. [Электронный ресурс]: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm019.htm>
- 31 *Шрейдер Г. И.* Указ. соч. С. 205–219.
- 32 Вятская речь. 1916. 5 ноября.
- 33 Кама. 1917. 10 января; 24 февраля.
- 34 Прикамская жизнь. 1917. 25 января.
- 35 Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003. С. 68.
- 36 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 188; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 21.
- 37 Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 205–206.
- 38 *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 46–54; *Он же.* «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 242.
- 39 Русские ведомости. 1917. 2 марта.
- 40 *Кручковская В. М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 17–19.
- 41 Русские ведомости. 1917. 2 марта.
- 42 *Кручковская В. М.* Указ. соч. С. 21.
- 43 Русские ведомости. 1917. 8 марта.
- 44 *Грунт А. Я.* Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 46, 50–51, 54–55; *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 254–255.
- 45 *Герасименко Г. А.* Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 31, 34.
- 46 *Ефимова В. В.* Указ. соч. С. 188–189.
- 47 Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. документов. Киров, 1957. С. 90.
- 48 ГАКировО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 1026. Л. 49–50.
- 49 Вятская речь. 1917. 5, 7, 9 марта.
- 50 Спутник большевика (Вятка). 1927. № 2. С. 63.
- 51 Прикамская жизнь. 1917. 3, 4, 5, 7 марта; Кама. 1917. 7 марта.
- 52 Вятская речь. 1917. 24 марта.
- 53 ГАКировО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–30.

Ю. А. Жердева
Самара

«Рожденные» в 1917-м: Общественно-политическое движение «Лига русской культуры»

Революции всегда сопровождаются глубоким общественным противостоянием, принимающим впоследствии форму широкомасштабного гражданского конфликта. В такое время неизбежно возникает потребность в формировании идейного фундамента для восстановления единства общества. Как правило, это формирование происходит в формах идейных, путем выражения партийной, национальной или правовой идеи единения, либо репрессивных, через навязывание какой-либо новой формы государственного устройства активными методами. Вряд ли стоит придавать возникающим в эти периоды национально-политическим проектам

(«идеям») статус «политической альтернативы», однако, необходимо отметить, что, в любом случае, они отражают многослойность общественных групп, которые в дальнейшем вступают в открытый гражданский конфликт.

В России 1917 г. возникло немало подобных общественно-политических движений, порой оформлявшихся в виде «партий», но все же имевших весьма ограниченный общественный резонанс. Одной из таких организаций являлась Лига русской культуры. Она объединила достаточно широкий спектр русской интеллигенции: сторонников либерально-консервативной славянофильской традиции (И. М. Гревс, П. Б. Струве, С. Л. Франк), христианских социалистов (С. Н. Булгаков), будущих евразийцев (А. В. Карташев и С. Н. Трубецкой), октябристов (М. В. Родзянко), правых кадетов (С. А. Котляревский).

Лига русской культуры представляла собой «внепартийное объединение», преследовавшее, по словам ее инициатора П. Б. Струве, «национально-культурные цели»¹. Важнейшей задачей этого объединения являлось восстановление утраченного «единства общества», возрождение «здорового патриотического инстинкта». Этот процесс, по мысли основателей, должен был проходить только через восстановление «религиозного чувства», упадок которого привел к разгулу «грубых и злобных инстинктов» (С. Л. Франк).

В отечественной историографии Лига исследована достаточно слабо. Пожалуй, наиболее полная характеристика ее деятельности была дана О. Н. Знаменским. Он рассматривал Лигу как интеллигентскую организацию, появившуюся на фоне поляризации политических сил и разочарования, постигшего часть русского общества после апрельского кризиса 1917 г.² О. Н. Знаменский связывал ее возникновение с активизацией «веховцев», которые уже в апреле переосмыслили ближайшие перспективы развития политической жизни и в конце этого месяца резко перешли на правый фланг общественной мысли.

В современной историографии работ, посвященных этой организации, практически нет. Эта организация не была включена и в энциклопедическое издание «Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века)», изданной под редакцией В. В. Шелохаева³. Исключение составляют небольшая заметка М. Колерова «"Лига русской культуры" в Москве в 1917 г.»⁴, а также обширная статья Е. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого «Духовная Русь», где эта организация упомянута (в духе ее основателей) как «оплот национального возрождения»⁵.

Между тем, в воспоминаниях эмигрировавших из России политических деятелей содержится немало упоминаний о Лиге русской культуры⁶. Определенное влияние эта организация оказала и на будущие эмигрантские проекты (к примеру, проект организации «Лиги русской культуры» Г. П. Федорова)⁷. Кроме того, основные идеи Лиги уходили корнями в славянофильскую традицию, религиозно-философские искания начала XX в., а позже — получили несомненное признание (чаще на уровне риторическом или даже демагогическом) в определенных кругах «белого движения».

Несомненным можно считать принадлежность Лиги к консервативно-либеральному направлению русской общественной мысли. Этот тип либерализма был ориентирован, прежде всего, на государственные, национальные и культурные ценности. Доминирующими в его мирозерцании были начала свободы и культуры, в соединении которых с православием и государственностью и могла только существовать Россия.

В условиях 1917 г. консервативные либералы призывали к духовному творчеству, созиданию, которое, по их мнению, единственное могло противостоять разрушению всех устоев общественной жизни. Они стремились противостоять рационалистическим и материалистическим построениям чисто либеральных и социалистических теорий, вернуться к религии, культуре и этатизму. Разобщенности, классовой вражде и взаимному озлоблению консервативно-либеральные мыслители противопоставили общенациональное единство, основанное на понимании общекультурных и общегосударственных интересов, стремление возродить величие России.

Во главе этого направления в 1917 г. стоял П. Б. Струве, в тесном сотрудничестве с которым находились бывшие «веховцы» (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. А. Котляревский и др.). Они объединялись вокруг старого и очень известного общественно-политического журнала «Русская мысль», редактором которого уже несколько лет являлся П. Б. Струве, и небольшого еженедельника «Русская свобода», издававшимся также П. Б. Струве с апреля 1917 г. как приложение к «Русской мысли». В анонсах П. Б. Струве утверждал, что «Русская свобода» «будет ставить и отстаивать ту задачу укрепления свободы через развитие духовной культуры, которую в 1905–1906 годах проводили еженедельники “Полярная звезда” и “Свобода и культура”»⁸. О. Н. Знаменский назвал «Русскую свободу» печатным органом Лиги русской культуры.

«Русская свобода» также объединяла авторов совершенно разных направлений. Здесь были: правые кадеты (А. С. Изгоев, С. С. Ольденбург, И. М. Гревс), религиозные мыслители (кн. Е. Н. Трубецкой, В. Муравьев, Д. В. Болдырев, В. Княжнин, С. Н. Булгаков и др.), «веховцы», политические публицисты (В. Гефдинг, И. О. Левин), монархист и националист В. В. Шульгин, Андрей, епископ Уфимский и т. д.⁹ С. Л. Франк вспоминал, что с самого начала ему было понятно, что этот журнал не сможет решить задачу объединения национальных сил, однако противостоять энергии П. Б. Струве было сложно¹⁰.

Как уже отмечалось, инициатором создания Лиги русской культуры выступил Петр Бернгардович Струве. 29 мая 1917 г. в Петрограде, в помещении редакций «Русской мысли» и «Русской свободы», состоялось «подготовительное собрание», которое вел М. В. Родзянко¹¹. П. Б. Струве произнес на нем программную речь о патриотизме и роли русской культуры. В ней он выразил убежденность, что культура и патриотизм неразрывно связаны с политическим строем и формой государства, то есть с «национальной идеей».

Идея создания организации родилась у П. Б. Струве еще в апреле 1917 г. 27 апреля он написал статью «Лига русской культуры», в которой, как и в речи на подготовительном собрании, обосновал историческую необходимость основания культурно-патриотической организации. П. Б. Струве указывал на главную беду времени: «в широких народных массах оказался утраченным здоровый патриотический инстинкт»¹², без которого невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства. Он полагал, что такое состояние умов — явление временное, хотя выход из него возможен только в далеком будущем. Поэтому ближайшей задачей всех сознательных русских граждан, по его мнению, должно было стать «построение русской культуры».

П. Б. Струве полагал, что именно культура может спасти Россию, потому что «культура есть то, что народу дает бытие, а государству смысл и оправда-

ние»¹³. Для него в категории «культура» переплелась связь времен, сплеталось творчество непрерывного ряда сменяющих друг друга поколений. Собственно говоря, это творчество и есть культура. Одновременно, П. Б. Струве не отрицал и связи культуры с политическим строем. Он утверждал, что проклятие русских заключалось в том, что на территории собственного государства они были «владыками вовне» и «рабами внутри»¹⁴. И только после падения самодержавия русское национальное сознание могло «свободно строить национально-русскую культуру в полном сознании ее исторического своеобразия»¹⁵. Именно в 1917 г., по его мнению, русская культура обрела адекватные политические условия для своего развития; форма «политического рабства», наконец, была разбита и русское национальное сознание освободилось. Поэтому П. Б. Струве призывал всех сознательно любящих русскую национальную культуру людей объединиться для творческой работы в «могущественную лигу русской национальной культуры»¹⁶. Он утверждал, что, помня о своем великом прошлом, русские люди обязаны творить великое будущее. Программным документом Лиги считается также статья П. Б. Струве «России нужно организованное патриотическое движение» («Русская свобода», № 9).

Учредительное собрание Лиги русской культуры прошло 7 июня 1917 г. В числе ее учредителей (22 человека) были М. В. Родзянко, епископ Уфимский Андрей, А. В. Карташев, П. Б. Струве, В. А. Маклаков, Н. В. Савич, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк, от. Ф. Д. Филоненко, Е. П. Ковалевский, В. Н. Муравьев, С. А. Котляревский, А. Ф. Зайцев, А. С. Изгоев, В. М. Латкин, Б. Ф. Никольский, С. Н. Булгаков, Н. Н. Львов, гр. В. Н. Бобринская, Н. А. Бердяев и В. В. Шульгин¹⁷.

Среди основателей Лиги оказались преимущественно представители петроградской общественности, за исключением С. Н. Булгакова, тогда профессора Московского коммерческого института, Н. А. Бердяева и графини В. Н. Бобринской, живших в Москве. В числе учредителей Лиги было много активных политических деятелей, членов Государственной Думы (В. А. Маклаков, Н. В. Савич, от. Ф. Д. Филоненко, Е. П. Ковалевский, Н. Н. Львов, В. В. Шульгин и М. В. Родзянко), писателей, экономистов, публицистов (В. Н. Муравьев, А. Ф. Зайцев, Б. Ф. Никольский, А. С. Изгоев и др.). В немалом количестве среди учредителей были крупнейшие ученые и мыслители: профессора Петроградских Высших женских курсов А. В. Карташев, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк, академик С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, профессор Московского университета С. А. Котляревский и т. д.

По мысли основателей, Лига не должна была преследовать никаких политических целей, поэтому могла включать в себя представителей всех политических направлений. Но, по мнению П. Б. Струве, все, кто туда войдут, должны прежде сойтись на признании определенных начал общественно-государственной жизни. Во-первых, их должно было объединить сознание того, что «без известных основ общественно-правовой культуры общество распадается на бессвязные толпы озверелых людей..., не сознающих никакой ответственности»¹⁸. Во-вторых, «эти люди должны чувствовать себя русскими, любить свою национальную культуру»¹⁹. При этом на третьем заседании Временного комитета Лиги было принято решение о принятии в состав одного из отделов «лиц нерусского происхождения», если они принимают § 1 Устава организации²⁰. В этом параграфе

было сказано о том, что задачей Лиги является «развитие и укрепление национальной русской культуры»²¹.

Стоит отметить, что члены Лиги, быть может, с различной силой аргументации, но с неизменным единодушием, противопоставляли свой «национализм» (можно сказать, славянофильский) «официальному национализму».

Скажем несколько слов о «славянофильской традиции» в Лиге. По словам О. Н. Знаменского, Лига русской культуры представляла собой попытку «опереться на идеи раннего славянофильства» (правда, далее он продолжал в духе советской историографической традиции: «сдобрив их идеями буржуазного национализма и конъюнктурной, рассчитанной на буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию, политической демагогией»)²². Выводы О. Н. Знаменского были небезосновательны, поскольку о своих «раннеславянофильских корнях» писали еще сами организаторы Лиги русской культуры. К примеру, И. М. Гревс в статье «Лига русской культуры» заявлял, что члены Лиги приемлют «заветы лучших отцов» славянофильства (И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова) и отвергают идеи «многих новых adeptов» славянофильства (Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева), которые перемешали свои воззрения с официальным национализмом, заразившись соседством с ним²³.

Несмотря на такую идейную обособленность, Лиге действительно удалось привлечь немало так называемых интеллигентских сил. С. Л. Франк вспоминал впоследствии, что «в приемной Петра Бернгардовича толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу русской культуры, и получалось много письменных заявлений»²⁴.

В уставе Лиги русской культуры говорилось, что она «ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры»²⁵. Лига была объявлена объединением неполитическим и неклассовым и принимала всех лиц не моложе 18 лет без различия пола и вероисповедания.

Кроме того, в уставе был оговорен ряд организационных вопросов²⁶. Лига состояла из действительных членов и членов-сотрудников. Во главе ее должен был стоять Совет из 15 человек, который избирался бы на 2 года на Общем собрании действительных членов Лиги в Петрограде. До созыва первого Общего собрания делами Лиги управлял Временный Совет из 5 лиц, избранных 7 июня 1917 г. В Журнале заседаний Временного Комитета (Совета) Лиги сохранились протоколы за период с 16 июня до 17 октября 1917 г.²⁷ Совет должен был избирать из своей среды председателя, который являлся бы и председателем Лиги, а также двух товарищей председателя, секретаря и казначея.

Действительная работа Лиги русской культуры должна была утверждаться на Съездах. Предполагалось проводить съезды разных масштабов и назначений — всероссийские и областные. Однако основным полем деятельности Лиги должно было стать культурно-просветительское, поэтому намечалось создание культурно-просветительских учреждений разных типов. Лига должна была иметь свою типографию и выпускать в свет книги и периодические издания. Намечалась также организация международных культурных сношений, лекций, экскурсий, поездок и других мероприятий.

В уставе оговаривались и сроки созыва Всероссийских съездов. Ежегодно на Рождественской неделе Совет должен был созывать съезд членов Лиги и ее

местных отделов. Эти годовичные съезды предполагалось собирать не в одном, а в различных городах России по установленной очереди. Кроме того, ежегодно, не позднее первого мая, Совет должен был созывать в Петрограде Общее Собрание, на котором он и должен был предоставить отчет о своей деятельности и деятельности отделов.

Лига оговаривала также источники своего финансирования. В § 10 Устава говорилось, что средства Лиги состоят из трех частей: 1) ежегодных членских взносов в размере 10 руб. с действительных членов и 1 руб. с членов — сотрудников; 2) доходов от различных предприятий Лиги; 3) пожертвований и др.²⁸ Здесь можно заметить, что стать действительными членами организации могли только те лица, которые обладали минимум средним годовым доходом (3–4 тыс. руб.). Для широких масс, особенно в условиях нестабильного положения и инфляции 1917 г., вход в Лигу был затруднен, поэтому задуманную массовую организацию создать так и не удалось. На первом заседании комитета было решено просить Б. А. Никольского принять на себя обязанности казначея. Денежные суммы на текущие расходы хранились в помещении Лиги, а текущий счет Лиги было решено открыть в Московском банке с тем, чтобы выдавать деньги по требованиям, подписанным П. Б. Струве и Б. А. Никольским²⁹. Таким образом, П. Б. Струве фактически управлял и политикой Лиги и ее административно-хозяйственными делами.

Стоит подробнее остановиться на списке лиц, вошедших в эту организацию. Процедура принятия в Лигу новых действительных членов, судя по протоколам заседания Временного Комитета, была довольно серьезна. На первом заседании Лиги 16 июня (?) по личному заявлению были приняты А. А. Гирс, Г. Ф. Чиркин, И. И. Левин, кн. А. М. Орбелиани, Н. В. Нагорский и А. И. Садов. Заявления же М. И. Бобровой, Н. Н. Павлицевой и Л. И. Ежовского удовлетворены не были, и комитет рекомендовал им прибыть к П. Б. Струве для личных переговоров³⁰. Н. Н. Павлицева была принята в число членов-сотрудников только 6 сентября, после повторного заявления и предложения о сотрудничестве с Лигой³¹. Граф Д. А. Олсуфьев, к примеру, был принят в действительные члены Лиги после того, как предложил внести в кассу 100 руб. Заявление А. Тихонова о желании принять участие в деятельности Лиги было направлено В. Н. Муравьеву³². В середине июля в действительные члены организации были приняты также П. А. Остроухов, В. Ф. Гефдинг, А. М. Сухотин, Н. А. Рейтлингер и А. А. Евдокимов³³.

Третье заседание Временного Комитета состоялось 3 сентября 1917 г. В состав Лиги были приняты Ф. К. Сологуб (Тетерников), Д. Д. Плетнев, Я. И. Смирнов, И. И. Бибииков, О. Ф. Трабина, И. И. Любименко, Н. П. Вишняков, Ю. А. Никольский и П. С. Мансветов. Тогда же, при содействии В. Н. Муравьева, в Лигу были приняты А. В. Солдатенков, Ю. Н. Данзас и Е. Н. Герздорф³⁴. Кроме того, в сентябре в качестве членов-сотрудников в Лигу были приняты председатель и члены Совета Никольского Братства при церкви 495 полевого передвижного госпиталя М. И. Андреевский, свящ. М. М. Степанов, И. М. Присман, И. Н. Молоснов, А. С. Лисач, А. З. Чуденко, А. И. Ефимов и Е. М. Васильев, направившие заявления о принятии во Временный комитет³⁵.

На четвертом заседании в число действительных членов Лиги по собственному заявлению и при содействии П. Б. Струве были приняты: И. М. Гревс, А. А. Смирнов, П. К. Губер и А. И. Гучков, при содействии В. Н. Муравьева —

И. Ф. Дубасова, а по рекомендации Н. Ф. Нагорского — М. А. Розанов, а также А. А. Ростиславов³⁶.

В целом, принятие в состав Лиги осуществлялось по заявлению и ходатайству одного из членов организации (чаще всего, П. Б. Струве и В. Н. Муравьева). С сентября после предложения В. Н. Муравьева (возможно, по инициативе П. Б. Струве) о «самой широкой популяризации деятельности Лиги» привлечение новых членов стало основной заботой Временного комитета, и Журнал заседаний фиксирует преимущественно списки лиц, к которым Лига обращалась с предложением о сотрудничестве, и лиц, подавших заявление о членстве³⁷.

Сразу же от П. Б. Струве поступило предложение просить вступить в число действительных членов Лиги Н. В. Болдырева, Д. В. Болдырева, В. П. Быстренина, В. П. Соколова, кн. Е. Н. Трубецкого, С. С. Ольденбурга, В. Н. Ивойлова, Я. Л. Барскова, бар. Б. Э. Нольде, св. К. М. Аггеева, М. И. Ростовцева, С. А. Алексеева-Аско[льдова], В. М. Гессена, И. О. Левина, Н. П. Кондакова, Н. А. Котляревского, В. В. Латышева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, Н. К. Никольского, Е. Ф. Карского, А. В. Никитского, И. П. Бородина, Ф. Ф. Зелинского, С. А. Жебелева, Б. А. Тураева, Е. Ф. Тураевой³⁸.

На пятом заседании комитета 20 сентября 1917 г. в число действительных членов были приняты А. Ф. и В. А. Чуйкевич, М. А. Стахович, А. Г. Щепетев, Е. Н. Бунге, А. А. Мусселиус, Н. С. Платонова, С. М. Сухотин, Н. П. Юдин и кн. Н. В. Голицын³⁹. По предложению П. Б. Струве в число действительных членов Лиги были приняты В. Н. Садыков, К. И. Арабажин и И. О. Левин, а также С. С. Ольденбург⁴⁰. Кроме того, согласно личным просьбам, были приняты Н. А. Котляревский, Я. Л. Барсков, С. А. Жебелев, Н. В. Болдырев, В. Н. Ивойлов, С. А. Алексеев-Аскольдов, А. С. Лаппо-Данилевский и Е. Ф. Карский, к которым Лига ранее обращалась с предложением о сотрудничестве⁴¹. В число членов-сотрудников были также приняты В. В. Мальцева, кн. А. Святополк-Мирский, протоиерей В. Гобчанский, П. А. Парфанык, Е. П. Репина и Н. С. Егорова.

Видя такой отклик, П. Б. Струве предложил направить подобные запросы также Г. В. Вернадскому, С. В. Рождественскому, М. Д. Приселкову, И. С. Пальмову, П. Н. Жуковичу, В. Т. Георгиевскому, гр. В. П. Зубову, А. А. Шапошникову, В. А. Дену, Н. Н. Ден, Н. В. Ястребову, А. И. Заозерскому, К. А. Поссе, А. А. Васильеву, П. Г. Васенко, М. А. Полиевктову, А. Е. Преснякову, Н. М. Каринскому, Д. К. Петрову, А. И. Малеину⁴².

Шестое заседание Временного комитета 29 сентября 1917 г. началось с принятия в число действительных членов Лиги М. А. Дьяконова, В. П. Быстренина и А. М. Быстрениной, бар. Б. Э. Нольде, Б. А. Тураева, гр. В. П. Зубова и Н. К. Никольского, приславших ответ на предложение Лиги о сотрудничестве⁴³. Помимо этого, по личным просьбам были приняты А. А. Кондратьев, В. К. Воронеж, М. Г. Саломе, С. А. Желобинов, а также Н. М. Родзянко, рекомендованный В. Н. Садыковым⁴⁴. В число членов-сотрудников по заявлению были приняты А. В. Пешехонова и А. П. Репина⁴⁵.

На последнем заседании комитета, 17 октября, в ответ на просьбу Лиги в действительные члены организации были приняты Д. К. Петров, В. Э. Ден, Н. Н. Ден, К. А. Поссе, Н. В. Ястребов, И. О. Левин, А. И. Заозерский, П. Г. Васенко и А. И. Малеин⁴⁶. Тогда же П. Б. Струве предложил пригласить Э. Д. Гримма. По личному заявлению были приняты М. И. Терещенко, А. Н. Чеботаревская,

кн. Г. Н. Трубецкой, С. А. Даниельбек, о. С. А. Вознесенский, Л. Н. Рейтлингер и прапорщик Абакумов⁴⁷. В число членов-сотрудников были приняты еще Е. Н. Пораделова, М. И. Волкевич, И. А. Домогатский, Н. П. Пользинский, Н. Д. Левитов и о. иеромонах Тихон (Созанов)⁴⁸.

Таким образом, Лига объединила весьма выдающиеся интеллектуальные силы страны. В ее состав вошло значительное число известных писателей, литераторов и публицистов.

Случались и курьезы. Так, например, С. Л. Франк описывает историю попытки включить в число членов Лиги А. Блока, но тот отказался, признав «странность» факта, что в Лиге русской культуры «есть Родзянко, но нет Горького», П. Б. Струве, однако, ответил на это, что «ужас положения» в том, что Горький возглавляет «явно антинациональное движение»⁴⁹.

На учредительном собрании 7 июня 1917 г. был избран Временный комитет в составе М. В. Родзянко, А. В. Карташева, В. В. Шульгина, Н. В. Савича и П. Б. Струве, а также принят устав и обращения «К русским гражданам» и «К русской молодежи»⁵⁰. 15 июля, в виду отсутствия В. В. Шульгина и Н. В. Савича, было решено ввести во Временный Комитет В. Н. Муравьева и Б. А. Никольского, 3 сентября, по предложению П. Б. Струве, — А. Ф. Зайцева, а 17 октября, по заявлению В. Н. Муравьева, — А. М. Сухотина, заменившего на посту казначея Б. А. Никольского⁵¹. Все перемены в составе Временного комитета были продиктованы невозможностью исполнения обязанностей членами комитета в связи с их отъездом. Иных оснований в документах не указано.

На первом заседании Временного Комитета присутствовали М. В. Родзянко, П. Б. Струве и А. В. Карташев; на втором — М. В. Родзянко, П. Б. Струве, В. Н. Муравьев; на третьем — П. Б. Струве, В. Н. Муравьев и Б. А. Никольский; на четвертом, пятом и шестом — П. Б. Струве, В. Н. Муравьев, Б. А. Никольский и А. Ф. Зайцев; на последнем, седьмом, — М. В. Родзянко, П. Б. Струве, А. Ф. Зайцев, В. Н. Муравьев и Н. В. Савич. Как видим, состав Временного Комитета был нестабилен. Его ядро составляли публицисты-сотрудники редактируемых П. Б. Струве журналов «Русской мысли» и «Русского слова» — В. Н. Муравьев, А. Ф. Зайцев и сам П. Б. Струве.

Интересно отметить, что, хотя идея создания этой организации и конкретные шаги по ее воплощению принадлежали П. Б. Струве, почетным председателем Временного Комитета Лиги все же являлся М. В. Родзянко. С одной стороны, это создавало Лиге авторитет и покровительство самого известного председателя Государственной думы, с другой стороны, не создавало критических ситуаций из-за известной «нетерпимости» П. Б. Струве. Фактически же у руля организации, «за председателя», как указывалось в Журнале заседаний, находился именно он, присутствуя на всех заседаниях Временного Комитета и принимая окончательные решения. Официально эта ситуация была улажена на четвертом заседании комитета, когда было зачитано письмо М. В. Родзянко к П. Б. Струве с просьбой «принять на себя исполнение обязанностей председателя на время его отсутствия»⁵².

Заседания Временного комитета проходили и с привлечением других действительных членов. Например, было принято решение 29 сентября организовать расширенное заседание с целью создания лекционной комиссии и привлечения к ее организации членов Лиги: А. С. Изгоева, Ф. К. Сологуба, И. И. Любименко, И. М. Гревса, Ю. Н. Данзас, Н. А. Котляревского, Я. Л. Барскова, С. А. Жебелева,

С. Ф. Платонова, Н. С. Платонову, В. Н. Ивойлова, С. А. Алексеева-Аскольдова, Н. С. Егорову, Е. П. Репину, С. Ф. и С. С. Ольденбургов⁵³.

Лига была заинтересована в распространении своих идей и создании организаций по всей стране, поэтому охотно шла на сотрудничество с провинциальными деятелями. К примеру, на первом же заседании Временного комитета было принято решение удовлетворить ходатайство В. В. Покровского о высылке ему в Бузулук (Самарская губ.) воззваний и устава Лиги русской культуры⁵⁴. Кроме того, в организацию был принят А. Л. Погодин, которому было поручено организовать в Харькове местный отдел Лиги⁵⁵, а в сентябре в ответ на его просьбу было выслано 10 экземпляров Устава⁵⁶. О деятельности этого отдела также ничего не известно. На шестом заседании Лиги в конце сентября было решено утвердить открытие отдела в Нижнем Новгороде, в ответ на просьбу прокурора Нижегородского окружного суда Н. П. Чернявского⁵⁷. Стоит отметить также, что с заявлением о желании войти в состав Лиги и сделаться ее местным отделом обратилось Закавказское Общество деятелей русской культуры и школы. Однако Временный комитет эту просьбу отклонил, сославшись на Устав, и предложил десяти членам общества вступить в Лигу в качестве действительных членов, а остальным стать ее членами-сотрудниками⁵⁸.

Согласно протоколам заседаний Временного Комитета Лиги, создание местных отделов Лиги являлось первоочередной задачей, однако, на деле она не слишком активно стремилась их создавать. Даже в Москве отдел Лиги появился очень поздно: только на пятом заседании Временного комитета П. Б. Струве был зачитан доклад об открытии московского отдела⁵⁹. Тем не менее, судьба этого отдела не очень ясна. О. Н. Знаменский отмечал, что Лига «могла бы записать в свой актив создание отдела в Москве, но на учредительном собрании 17 сентября были всего 20 человек, среди которых преобладали лица Петроградского комитета — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, П. Б. Струве, С. Н. Трубецкой, В. Н. Бобринская, а во Временный Комитет отдела вошли Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Евдокимов, В. Н. Иванов и П. И. Новгородцев»⁶⁰.

При этом, Лига всегда положительно отвечала на просьбы отдельных общественных деятелей отправить им устав организации. Например, содействие в отправлении Устава было оказано прапорщику С. Троценко, который из действующей армии обратился в комитет с просьбой прислать для офицеров и солдат химической команды Устав⁶¹. Однако таких просьб было немного. Идеи Лиги в армии было мало поддержаны, несмотря на привлечение армейских сил и сотрудничество Лиги с 10-й Армией. Устав Лиги был выслан св. Д. Савицкому, В. Дунаеву, В. Уварову, С. Ф. Иванову, Линдену, Н. Володкевичу, Е. Пораделовой, В. Мартынову, А. Танскому, а также председателю педагогического совета Новозыбковской женской гимназии А. Соболеву, направившим в комитет запросы⁶². Были удовлетворены аналогичные просьбы и других частных лиц.

Просьбы о проведении лекций на своих заседаниях Лига удовлетворяла не всегда. К примеру, было отказано в прочтении на одном из общих собраний доклада В. Е. Чешихина «О всероссийской русской национал-либеральной партии» на том основании, что этот доклад, «согласно уставу, не мог быть заслушан как носящий чисто политический характер»⁶³.

Стоит упомянуть о контактах Лиги с другими общественными институтами и организациями. По предложению еп. Андрея Уфимского было принято реше-

ние о проведении вечера-лекции Лиги, программу которого поручили разработать П. Б. Струве и А. В. Карташеву⁶⁴. Было решено также просить участвовать в вечере Л. Н. Андреева, А. А. Блока, Ф. К. Сологуба и принять их, по желанию, в Лигу (о чем речь шла выше).

Кроме того, по ходатайству А. В. Карташева к деятельности Лиги было решено привлечь существующие старообрядческие организации и просить о содействии в том С. П. Каблукова⁶⁵. Вопрос о сотрудничестве со старообрядческими организациями обсуждался и на одном из сентябрьских заседаний Временного комитета. В частности, Н. В. Нагорским был сделан доклад о «желании старообрядческих организаций присоединиться к деятельности Лиги русской культуры», для осуществления чего эти организации приглашали членов Лиги на общее собрание 11 сентября. Временным комитетом было выражено согласие на это мероприятие, но результаты его в журнале заседаний Лиги не отобразились⁶⁶.

В протоколах также сохранились сведения о том, что с предложением о сотрудничестве к Лиге обращался Южно-Русский демократический Союз в Киеве. Союз предложил деятелям Лиги приехать в Киев на совещание по украинскому вопросу и обсуждение «ряда мероприятий для борьбы с теми уродливыми формами, которые приняло за последнее время украинское движение», — говорилось в протоколе⁶⁷. Лига русской культуры выразила свое согласие с данным предложением и постановила организовать подобную встречу при первом удобном случае. О реализации этого плана нам ничего не известно.

Не удалось Лиге оформление «христианско-социалистического» движения, которое предлагали создать В. Н. Муравьев и епископ Уфимский Андрей. Во главе этого движения, по проекту, должен был стоять С. Н. Булгаков, но и он ограничился только выходом брошюры «Христианство и социализм»⁶⁸.

Судя по протоколам заседания Временного Комитета, призыв Лиги о сотрудничестве нашел некоторый отклик даже в армии. В частности, комитет подотдела Штаба 10-й Армии Союза офицеров Армии и Флота проявил явный интерес к лозунгам организации⁶⁹. В ответ на обращение Союза офицеров Армии и Флота в лице Комитета подотдела 10-й Армии «содействовать делу перевоспитания армии», Лигой было выработано обращение, в котором говорилось о создании при 10-й Армии отдела Лиги русской культуры.

Общего собрания Лига очень долго не проводила. Оно было запланировано лишь на 24 октября 1917 г. и должно было открыться речами А. В. Карташева и Н. А. Бердяева⁷⁰. Однако мы не располагаем информацией о том, состоялось ли оно и какие решения приняло.

В целом, практическая деятельность Лиги русской культуры не пошла далее образования двух центральных отделов (в Петрограде и очень поздно Москве), указанных выше трех известных нам местных отделов (в Бузулуке, Харькове, Нижнем Новгороде) и отдела при 10-й Армии, а также издания «Русской свободы».

Таким образом, Лига русской культуры по форме своей была организацией культурно-просветительской и не ставила ярко выраженных политических целей. Основатели ее полагали, что «только в созидательной культурной работе, освященной национальным сознанием, вдохновляемой живым национальным чувством, Россия и русский народ могут найти спасение от духовного распада и нравственного одичания»⁷¹. Конечной целью организации являлось «перевоспитание» народа и интеллигенции в духе патриотизма, глубокая перестройка пси-

хологии и сознания масс, форм общественной жизни и государственного строя, чтобы они в соответствии с «неподдельным национальным ликом родной культуры» пришли к национальной культуре, которую творили древние подвижники веры, писатели, самоотверженные борцы за свободу⁷².

Однако практическая деятельность Лиги оказалась почти незаметной и лозунги «возрождения культуры и государственности» были заглушены простыми и броскими призывами к справедливости и перераспределению собственности. Судьба Лиги, в конечном итоге, еще раз показала несостоятельность русской интеллигенции перед народной стихией, слово новых «почвенников», консервативных либералов, было слишком элитарным и мало понятным населению, а потому, очевидно, и не было им услышано.

Примечания

- 1 Струве П. Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 5.
- 2 Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 219–221.
- 3 См.: Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века). Энциклопедия / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 1996.
- 4 См.: Колеров М. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De visu. 1993. № 9. С. 55–57.
- 5 Тахо-Годи Е. А., Троицкий В. П. «Духовная Русь» // Вестник РХД. 1997. № 176. С. 125–147.
- 6 См., например: Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
- 7 Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991; Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. М., 1991.
- 8 Русская мысль. 1917. Кн. V–VI. Форзац.
- 9 См.: Русская свобода. 1917. № 1–25.
- 10 Франк С. Л. Указ. соч. С. 115.
- 11 Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 223.
- 12 Струве П. Б. Указ. соч. С. 3.
- 13 Там же. С. 4.
- 14 Там же. С. 4.
- 15 Цит. по: Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 224.
- 16 Струве П. Б. Указ. соч. С. 4.
- 17 См.: Русская свобода. 1917. № 9. С. 23–24.
- 18 Струве П. Б. Указ. соч. С. 4.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.
- 21 Устав Лиги русской культуры // Русская свобода. 1917. № 9. С. 21.
- 22 Там же.
- 23 Речь (Петроград). 1917. 20 августа.
- 24 Франк С. Л. Указ. соч. С. 116.
- 25 Устав Лиги русской культуры. С. 21.
- 26 См.: Там же. С. 21 – 23.
- 27 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–13.
- 28 См.: Устав Лиги русской культуры. С. 22.
- 29 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 30 Там же. В протоколе еще значится заявление Бабкина, сведения о котором было решено собрать у Л. А. Велихова, А. В. Карташева и других деятелей.
- 31 Там же. Л. 7 об.
- 32 Там же. Л. 7.
- 33 Там же. Л. 3.
- 34 Там же. Л. 6.
- 35 Там же. Л. 5 об.
- 36 Там же. Л. 7.
- 37 Там же. Л. 8.

- 38 Там же. Л. 8.
39 Там же. Л. 9.
40 Там же. Л. 9 об.
41 Там же. Л. 10 об.
42 Там же. Л. 10.
43 Там же. Л. 11.
44 Там же.
45 Там же.
46 Там же. Л. 12.
47 Там же.
48 Там же. Л. 12 об.
49 *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 116.
50 См.: Русская свобода. 1917. № 9. С. 20—23.
51 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6.
52 Там же. Л. 7.
53 Там же. Л. 10.
54 Там же. Л. 1.
55 Там же.
56 Там же. Л. 8.
57 Там же. Л. 11.
58 Там же. Л. 12.
59 Там же. Л. 9.
60 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 302—300.
61 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.
62 Там же. Л. 9.
63 Там же. Л. 5.
64 Там же. Л. 2.
65 Там же. Л. 1.
66 Там же. Л. 7.
67 Там же. Л. 3.
68 *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 22.
69 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
70 Там же. Л. 12.
71 Лига русской культуры. С. 21.
72 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 286—287.

В. М. Лавров
Москва

Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона

Простое русское крестьянское лицо с большим грушевидным носом, с просветленно-мудрым и спокойным взглядом и затаившейся доброй улыбкой. Так выглядел тот, кто не был ни богословом, ни историком, ни политиком, но которому предстояло осмыслить 1917 год, — духовный пастырь православной России не мог не сделать этого в Новомодном слове в первый день 1918-го года. Собравшиеся в храме Христа Спасителя православные верующие ждали этого.

«Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?» — начал

патриарх Тихон. — И наши строители желают «своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих, слепых и нагих (Апокалипсис. 3, 17)».

Причем патриарх говорил не только о большевиках, но о социалистах и демократах того времени в целом: «Вся эта разруха и недостатки оттого, что *без Бога* строится ныне Русское Государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на *свои силы*, желают сделать *имя себе*, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши».

И в заключение сформулирована принципиальная позиция Русской Православной Церкви: «Церковь осуждает такое строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха *у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге*, без Которого ничего доброго не может быть сделано...»¹.

Заметим при этом, что собственно парламент — Всероссийское Учредительное Собрание — еще не открыто, не работало и не разогнано большевиками и левыми эсерами. Произойдет это через четыре дня, однако духовный опыт Тихона не позволял надеяться на данное знамя российской демократии.

И хотя роспуск парламента явился значительной и показательной политической вехой, патриарх не счел нужным откликнуться на разгон как на политическое событие. Однако то, что сопровождало антидемократический переворот, стало последней точкой в цепи событий, заставившей патриарха не только открыто осмыслить происходящее (как 1 января), но обратиться с Посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Церкви Российской от 1 февраля 1918 г. Патриарх выступил против кровавых расправ в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и в других городах отчизны. Как известно, самой кровавой был расстрел мирной демонстрации в поддержку Учредительного Собрания в Петрограде.

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, — требовал православный пастырь. — Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властью, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствует вас...» — «извергов рода человеческого», «безбожных властелинов тьмы века сего».

Не светлое будущее (по языку безумцев), а *тьма века сего* — таково духовно и нравственно состоятельное определение строящегося социализма. А безбожные властелины того времени известны: это лидеры большевиков и левых эсеров.

Патриарх призвал не вступать с таковыми в какое-либо общение, противопоставить им силу веры и «всенародный вопль, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже

прямо противно совести народной». Патриарх выразил твердое упование в то, что «враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют Ей» (Матфей. 16, 18)².

Послание объявило духовную брань властелинам, служащим сатане и захватывающим Русскую землю. Читалось оно в церквях по всей России. И все же всенародного останавливающего вопля слышно не было. Народ не отказывался от общения с большевиками и левыми эсерами. С каждым днем эта страшная правда становилась все очевиднее.

Если в Послании патриарху пришлось говорить о властелинах (и казалось, что ничего дерзновеннее не может быть), то укрепление богоборческой власти заставляло сказать русскому народу правду о нем самом и в связи с этим дерзнуть говорить о Промысле Божиим. При этом была востребована более сердечная форма, чем послание или слово. С Открытым письмом сельскому священнику в Томской епархии Николаю Троицкому обратился патриарх 12 февраля.

В письме выражалась вера в то, что «как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями, так же пламенно и чисто будет раскаяние его, и никто не будет так любезен сердцу народному, как пастырь родной его Матери Церкви, вызволивший его из египетского зла».

Патриарх писал, что многие скорби и страдания послал Господь, «любовно наказуя нас и призывая к покаянию». Поэтому «будем терпеливо переносить все, веря, что не без воли Божией совершится это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову»³.

И вновь о падении народном пришлось проговорить правду в связи с заключением сепаратного Брестского мира с германским агрессором. «Куда же девалась бывшая мощь нашей Родины? — спрашивал патриарх в новом Послании пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви⁴. — Где вы, верные сыны ее, где вы, люди ратные, прежде грудью своей защищавшие землю родную? Неужели все вы погибли в кровавой борьбе, все полегли на полях боевых? Или, быть может, нет у вас уже более орудий в руках, нет у вас силы в мышцах, нет огня пылкого в сердце?» И сам дал ответ: «Иссякли в вас не крепость телесная, даже и не мужество духа вашего, а исчезла любовь к земле родной, погасло в сердцах ваших пламя веры святой, — той святой веры, которая воодушевляла предков ваших проливать кровь за отчизну и на всем протяжении тысячелетнего бытия Русской земли воздвигала среди них мужей силы и духа, достойных вечной и славной памяти в потомстве». Происходящий позор, по признанию патриарха, поразительно точно повторял картину татарского ига⁵.

А потому «Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир, — продолжал патриарх в Послании от 18 марта. — Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества». Церковь, помогавшая народу собирать и возвеличивать государство Русское, не благословит такой «мир, по которому даже искони Православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев,

мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской». Такой мир порожден расслаблением духа и крайним падением обольщенного и несчастного народа⁶.

Последний обольщен «тлетворными человеческими учениями», — уточняет патриарх Тихон в Послании Константинопольскому патриарху от 28 мая. Понятно, что идет речь о материализме, марксистской коммунистической идеологии. Однако каков же выход из «опасного народного потрясения»?⁷

В дни возгорания всероссийской гражданской войны, иностранной военной интервенции и одновременно в дни светлой Пасхи прозвучало Слово к богомольцам при служении в Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петрограде. 16 июня, впервые после петроградского большевистского переворота, патриарх Тихон приехал в лавру и обратился к множеству встречавших и ждавших патриаршего слова. «Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения... — констатировал Тихон. — Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение. Спасение в Церкви Божией, в вере нашей в Бога. Она только может нас спасти и избавить от тех несчастий, которые всюду облегают нас. Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное — это возрождение души нашей, об этом надо позаботиться прежде всего. Как Иов многострадальный потерял все, что имел, был терзаем, страдал, мучился, но не потерял веры в Бога, и вера эта спасла его и возвратила ему все потерянное и утраченное, так и нам Господь попустил переносить великое страдание, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше. Но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил Русский народ. Все возвратится ему, все будет у него, и восстанет он, как Иов от гноища своего. Пока будет вера, будет стоять и государство наше»⁸.

Удивительно откровенны, духовно прозорливы и просты слова русского православного патриарха. Да, социалистическая революция народна и неслучайна, точнее — псевдонародна и на горе неслучайна, а псевдонародность и неслучайность порождены духовным оскудением самого русского народа.

Народны не революция и рожденный революцией мир. Народна правда, высказанная народу и властелинам России.

Или слова о преобразованиях и реформах, оторванных от православного возрождения. В них духовный ключ к осознанию того, почему эпоха великих реформ императора Александра Освободителя завершилась великим крахом и возвратом крепостничества в псевдонародной форме. Сверх того — сегодняшние наши реформы при нравственном разложении и американизации русского народа ведут куда?

Или слова о зародышах новых войн. Ведь во множественном числе и о всем человечестве сказано, т. е. не только о том, что Брест провоцирует гражданскую войну в России. Самоисключение России и исключение нас Антантой из созидания послевоенного мира упрощало навязывание излишне тяжких и унижительных условий мира народу Германии, что объективно способствовало развитию зародышей национал-социализма. При этом патриарх и не думал о нацизме, но духовными очами видел, что без воспитанной в православии России (способной не только извлекать выгоду, а подниматься до всечеловеческого служения), без такой России мир чреват очередной войной, злом для всего человечества.

Одновременно можно заметить, что патриарх не отзывался на очень важные политические события. Вавилонское строительство, расстрел мирной демонстрации и делящий страну договор — события более чем политические, сверхполитические. События, которые в своей совокупности породили гражданскую войну и иностранное военное вмешательство с целями, простиравшимися вплоть до захвата природных богатств и расчленения российской державы.

И, наконец, новая сверхполитическая беда стряслась в подвале Ипатьевского дома в далеком Екатеринбурге. 21 июля в Казанском соборе на Красной площади в Москве совершалось патриаршее служение литургии по случаю храмового праздника. По свидетельству протоиерея П. Н. Лахостского, после чтения Евангелия патриарх произнес экспромтом Слово о том, что «совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководимая Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть закупают в тюрьму, пусть нас расстреливают».

Патриарх говорил с волнением и тихо. В соборе на Красной площади «почувствовали какое-то облегчение от сознания, что заговорили те, кому следует говорить и будить совесть. Правда, на улицах говорят различно, некоторые злорадствуют и одобряют убийство...» — свидетельствовал в те дни на Поместном соборе Русской Православной Церкви протоиерей Лахостский⁹.

При этом патриарх Тихон поверил в заявление ВЦИК о том, что решение о расстреле принято в Екатеринбурге. Однако телеграмма местных коммунистов вождю своей партии сформулирована так, что отсутствие ответной телеграммы с запрещением предстоящего расстрела рассматривалось как согласие на расстрел. Главный властелин дал как минимум молчаливую санкцию на совершение преступления. Есть также исторические источники, в которых утверждается, что Ленин послал ответную телеграмму с прямым предписанием расстрелять¹⁰.

Причем московские властелины сознательно ввали, что не расстреляны дети и супруга бывшего государя¹¹.

Какие бы слова сказал патриарх, зная, что невинные девушки зарезаны с последующим раздеванием и ограблением?

Нет таких слов.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках... земля упи-

вается неповинною кровью, проливаемою братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв о едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших...

О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями — помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов и весей, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для сего мира.

Где же ты, некогда могучий и державный русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты, великодушный и радостный совершал свой великий, указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду.

И вот, ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый твоими врагами, сгорающий в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы. Неужели ты не возродишься духовно и не восстанешь снова в силе и славе своей?

Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу?»¹².

Не слова, а благодать Плача Русского Иереи пролилась в Послании всем верным православным чадам пред святым Успенским постом, 8 августа.

Не бывшего государя с супругой и детьми истреблял председатель Совнаркома Ленин. Истреблял живые символы великой православной России, истреблял саму православную Россию.

Запредельная бесчеловечность потребовалась партии властелинов, чтобы партийностью и классовым подходом подменить совесть, сплотиться преступно пролитой кровью и выиграть разгоравшуюся гражданскую войну.

Ранее наступление 1918 года, а теперь первая годовщина Октябрьской социалистической революции «вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды», говорилось в патриаршем Обращении к Совнаркому от 7 ноября. «Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями», — писал патриарх Тихон. «Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя»¹³.

Кто и когда говорил правителям и самому русскому народу такую горькую правду!

И вновь, во время разнузданной кампании по вскрытию мощей (вслед за осквернением коммунистами мощей преподобного Саввы Сторожевского) патриарх не мог не обратиться к председателю совнаркома. Уже не с обличением и увещанием, а с заявлением:

«Вскрытие мощей Нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни и отечески вещать народу: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»¹⁴.

Заявление сделано 2 апреля 1919 г., в разгар наступления войск А. В. Колчака. В случае их победы, патриарх встречал бы белого адмирала как избавителя от ужасного владычества; продолжил бы плодотворную деятельность Поместный собор.

Однако не по годам постаревший духовный пастырь предпочитал не опережать события. Еще в 1918 г. в ответ на оптимистичные прогнозы бывшего обер-прокурора Синода А. В. Карташева Тихон ответил: «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!» Позднее в эмиграции А. В. Карташев признал: «Как сын народа, патриарх Тихон тогда уже инстинктивно чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»¹⁵.

Патриарх отказывался даже тайно благословить военных руководителей Белой армии, которая не определилась духовно, не стала русской православной народной армией, продолжательницей национально-освободительного движения гражданина Минина и князя Пожарского в предыдущую русскую смуту. Мужественный патриарх был готов открыто поддержать подобное движение, повторить подвиг патриарха Гермогена. Но отсутствовала подобная армия, а в Белом движении продолжился предреволюционный духовно-мировоззренческий разброд образованного общества (от студентов до министров и генералов), разброд, который ранее разжигал из искры пламя и потом предопределял поражение белогвардейцев.

О благословении Красной армии, созданной для поддержки Октябрьской и мировой социалистической революции и руководимой теми, кто подвергнут анафематствованию, не было и речи.

Отсюда аполитичность или невмешательство, а точнее — вынужденная и в известном смысле лишь внешняя отстраненность патриарха от схватки как в гражданской войне 1918–1920 гг., так и в политическом противоборстве 1917–1918 гг. Относительность внешней отстраненности того, кто вышел на духовную брань прекрасно осознавал Ленин; марксистско-ленинский подход отметал формально-юридические иллюзии. И коммунистический термин «тихоновщина» звучал как синоним «колчаковщины» и «контрреволюции», как смертный приговор.

Православный патриарх безусловно видел, что в действительно народных и государственных интересах России предпочтительна победа более вменяемых социалистов и демократов в политическом противоборстве и победа Белой армии в гражданской войне. Но патриарх не верил в полагающихся только на свои силы безбожников (социалистов, демократов и многих белогвардейцев), другая же альтернатива властелинам отсутствовала. Если патриарх Гермоген принес себя в жертву, которая пала на благодатную народную почву и возросла плодотворным, религиозно и политически состоятельным движением, то теперь были поколеблены основы.

Открытая поддержка белогвардейцев могла не перевесить чашу весов в пользу последних, но оставить Русскую Православную Церковь без патриарха в тяжелейшее время. Причем пред Тихоном имелся пример — Россия без царя...

И все же: если даже Тихон не попытался так перевесить чашу весов, то что говорить о других? Если даже Тихон..., то тем более тьма века сего заслужена нами?!

В постоянном и мучительном поиске богоугодной, духовно состоятельной и адекватной позиции патриарх обращался за вразумлением к Господу. И не исключено, что по молитвам Тихона вразумление могло иметь место. Если не по молитвам такого патриарха, то по чьим молитвам?

Поэтому позицию православного патриарха следует рассматривать весьма осторожно, ставя вопросы и избегая ставить все точки над «i». Тем более, что не нам судить. Принимать столь ответственные решения призван был он.

Отказываясь благословить белых, он одновременно содрогался от красных. «Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря... — говорилось в Послании от 21 июля 1919 г. — Мы содрогались, — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводятся в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань»¹⁶.

Одновременно для русского патриарха неприемлема иностранная военная интервенция. Так, 8 октября 1919 г. в Послании православному клиру и мирянам отмечалось, что никакое иноземное вмешательство не спасет Россию.

В целом, и особенно после поражения колчаковцев, патриарх пытался вести Церковь по пути гражданской лояльности существующей власти. В том же Послании говорилось: «Указывают на то, что при перемене власти [с красной на белую] служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви...

Памятуйте же, отцы и братие, и канонические правила и завет св. апостола: “Блюдите себя от творящих распри и раздоры”, уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, “повинуйтесь всякому человеческому начальству” в делах мирских (1 Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно повиноваться более, чем людям (Деяния. 4, 19; Галатам. 1, 10)»¹⁷.

Это Послание о невмешательстве в политическую борьбу направлено в разгар наступления Добровольческой армии А. И. Деникина на Москву и войск Н. Н. Юденича — на Петроград! Кажется, стоило обождать считанные дни до военной развязки: вдруг освободят столицы? Последнего не исключали и коммунисты, готовившиеся к уходу в подполье. Политик предпочел бы обождать до развязки. Однако духовный пастырь поступил иначе. И объяснение этому одно: патриарх не чувствовал, что народ переболел большевизмом, не чувствовал изжитости и обреченности коммунистической идеологии.

Послание предписывало подчиняться *и* советской власти. Однако подчиняться постольку, поскольку... Причем многочисленные веления, а главное — курс партии «дела сатанинского», «безбожных властителей тьмы века сего» не

могли не противоречить вере и благочестию православных. Отсюда опять же ответственность тогдашнего невмешательства Русской Православной Церкви.

В Заявлении содержащегося под стражей патриарха Тихона в Верховный суд РСФСР 16 июня 1923 г. говорилось правда: «Я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г.». Патриарх признал свои действия антисоветскими. И с этим тоже можно согласиться, тем более, что антисоветскими и заслуживающими расстрела признавались несравненно менее значимые действия.

Вынужденное нарушение заповеди «не лжесвидетельствуй» состояло в другом — в утверждении: «Я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя... я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»¹⁸.

«Раскаяться» и «решительно отмежеваться» от контрреволюции понадобилось, чтобы выйти из-под стражи и сломить обновленческое духовенство, приветствовавшее социалистическое строительство и под руководством ГПУ подчинявшее себе Русскую Православную Церковь.

Являться врагом советской власти и контрреволюционером значило не принимать дела сатанинского, выйти на духовную брань с антихристом. И это осознавал и патриарх, и патриаршая паства. Если князю Александру Невскому пришлось считаться с татарским игом, то патриарху Тихону — с татароподобным. В обоих случаях в памяти народной остались не вынужденные и тягостные попытки подстроиться под утвердившееся ужасное владычество, а дерзновенное отстаивание веры и благочестия Земли Русской.

В Послании 8 октября 1919 г. осталось поистине пророчество о том, что *«ни-какое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не предложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно...»*¹⁹ (курсив мой. — В. Л.).

9 октября 1989 г., в преддверии победы Демократической революции рубежа восьмидесятых-девяностых годов XX века и, соответственно, исторического поражения Октябрьской социалистической революции, Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых патриарха Тихона. В мучениках, исповедниках и подвижниках благочестия Русской Церкви выстояла Святая Русь.

Примечания

- 1 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 76–77. Слово патриарха Тихона произнесено перед началом новогоднего молебна.
- 2 Там же. С. 83, 84.
- 3 Там же. С. 88, 89.
- 4 О датировке Послания: на нем поставлено число (2) и год (1918), однако не указан месяц. Из текста Послания видно, что оно написано после принятия германских условий мира, а именно 2 марта по старому или 15 марта по новому стилю.

- 5 Акты Святейшего Тихона... С. 104.
- 6 Там же. С. 107, 108.
- 7 Там же. С. 130.
- 8 Там же. С. 137–138.
- 9 Там же. С. 142–143. Слово патриарха Тихона записано протоиереем П. Н. Лахостским, запись просмотрена и одобрена патриархом. Отсутствие какого-либо черновика Слова подтверждает наблюдение протоиерея о выступлении Тихона экспромтом. Разумеется, православный патриарх высказал то, о чем мучительно думал с 19 июля, когда ВЦИК объявил о расстреле.
- 10 См.: *Радзинский Э.* «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 384, 404.
- 11 Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.
- 12 Акты Святейшего Тихона... С. 144, 146.
- 13 Там же. С. 149, 150, 151.
- 14 Там же. С. 159.
- 15 *Карташев А.* Временное правительство и Русская церковь // *Современные записки.* Париж, 1933. С. 387, 388. См. также: *Сахаров А. Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 576–579.
- 16 Акты Святейшего Тихона... С. 161.
- 17 Там же. С. 164.
- 18 Там же. С. 280–281.
- 19 Там же. С. 164.

А. Н. Фёдоров
Москва

Социальное измерение пореволюционного российского города: проблемное поле исследования

В современных условиях на первый план выходят новые подходы к области исторических исследований, в том числе, социальная история, со своим понятийным аппаратом, методами изучения, комплексами источников. Является актуальным обращение к человеческому измерению истории, к тому, что «обычно делают обычные люди»¹. Для социального историка интерес представляет общество, как совокупность неповторимых индивидуальностей, как пространство обитания всех людей. Понимание роли и места человека в историческом процессе на сегодняшний день выступает одним из основных требований к познанию прошлого. Речь идет о такой «истории, которая позволяет ответить на следующие вопросы: как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома, во время работы или нахождении в своем привычном материальном окружении»². Сам факт «обычной» жизни приобретает качественно иное научное значение, он есть нечто большее, чем простое описание события. Применительно к пространственно-временному единству, которое занимало советское общество, можно говорить ещё о большом спектре малоизученных проблем. Свое начало оно ведет от революции 1917 года, а географически, на момент распада государства, занимает 1/6 часть обитаемого, сухопутного пространства. В первой части данной публикации будут предприняты попытки обобщить существующие в отечественной науке подходы к исследованию городского сообщества на послереволюционном этапе своего существования (1917–

1920 гг. — время от революционных потрясений и до окончания Гражданской войны). Должны быть получены ответы на такие вопросы, как: во-первых, в чем заключались непосредственные жизненные проблемы и интересы горожан, их ценностные ориентации в переломный момент истории? Во-вторых, как соотносилась деятельность индивидов по изменению и преобразованию собственной жизни с практическими действиями людей в повседневности? И, в-третьих, какие связи и взаимодействия субъектов совместного жизненного процесса определяют их существование? Понимание социального пространства города содействует адекватному освещению пути России в XX веке³, так как именно город станет определять вектор развития советского государства⁴.

Советская историческая наука при изучении текущих изменений в послереволюционном обществе основное внимание обращала на «конкретные социальные сдвиги»⁵. В 1920-е гг. первыми исследователями социальной стратификации выступают статистики, экономисты, а также ответственные работники. Необходимо сделать замечание, что статистические данные, относящиеся к 1917–1923 гг., страдают существенными недостатками, представлены неполно и «могут использоваться с большими оговорками при обязательном критическом подходе»⁶.

В июле 1918 г. был создан советский статистический орган — Центральное статистическое управление (ЦСУ), разработавший программу для губернских Статбюро по сбору сведений справочно-статистического характера на местах. Эта программа учитывала все главные стороны хозяйственной, социальной и культурно-бытовой жизни губерний. Сведения собирались по следующим позициям: территория и население, климат; организация промышленности, торговли, грузооборота, кооперации, коммунального хозяйства. Интересовались и статистикой труда, состоянием здравоохранения и уровнем образования, вопросами преступности, питания и страхования населения. Кроме недостатка в виде «дефектности» данных⁷, к их сбору на местах приступили в разное время, часто уже во второй половине 1920-х гг., что привело к полному отсутствию информации за 1917–1919 гг., в том числе, например, по ряду губерний Европейской России. ЦСУ предпринимало попытки наладить периодическое издание о положении труда. С этой целью в 1918 г. начинается выпуск журнала «Статистика труда». Благодаря ему освещение получили такие проблемы: рынок труда, безработица, заработная плата, производство, быт рабочих, обеспечение продовольствием и другое. Хотя в основном, издание обращалось к фабрично-заводской промышленности и к положению рабочих, ряд ценных сведений можно получить и по общегородской ситуации (например, о движении цен).

В историографии отмечается, что процесс изучения социальных отношений в 1920-е гг. проходил неравномерно. Большое внимание уделялось проблеме классового расслоения крестьянства, к «социальной структуре послереволюционного города интерес был невелик»⁸. Это может объясняться решающим численным преобладанием крестьянства среди всех социальных категорий в послереволюционном обществе. В числе немногочисленных работ по проблемам, связанным с городским населением, выделяются брошюры историка-экономиста С. Г. Струмилина (1919) и народного комиссара просвещения А. В. Луначарского (1924), посвященные выяснению состава пролетариата, и, соответственно, истории интеллигенции.

Собственно исторические труды по рассматриваемому вопросу появились только к середине 1930-х гг. (А. Е. Бейлин, М. И. Гильберт), но «и они не содер-

жали развернутой характеристики процесса становления социальной структуры»⁹ нового общества. В социально-экономической литературе первой половины 1930-х гг. обозначились трактовки вопросов об окончательной ликвидации эксплуататорских классов как уничтожении классов вообще. В противовес этой концепции «бесклассового общества» была выдвинута точка зрения о превращении рабочего класса и крестьянства в классы социалистические, качественно отличные по своей социальной природе, структуре и ряду основных признаков от пролетариата и крестьянства дореволюционной эпохи. Со второй половины 1930-х гг. осознается, что город представляет собой больший интерес для изучения, потому что здесь полнее, чем в деревне, были отражены элементы социальной структуры периода перехода от капитализма к социализму (1917–1936 гг.), а «противоречивость социальных отношений в городе ярче, социальные процессы динамичней»¹⁰.

Постепенно в науке складывается представление о том, что советское общество — есть совокупность двух классов (рабочих, колхозного крестьянства) и одной прослойки (интеллигенции). В период со второй половины 1930-х до конца 1950-х гг. появляются первые обобщающие работы по истории рабочего класса и крестьянства, выходит множество работ по частным вопросам¹¹. Во многом, совершенно справедливое понимание социальной расстановки, характерной для общества 1930-х гг. и последующего периода, искусственно переносилось на состояние социума в 1917–1920-х гг. Не учитывалось, что социальная структура длительное время оставалась аморфной, неопределенной, характеризовалась колоссальной социальной мобильностью, и утрата номинального статуса не всегда вела к утрате уважения со стороны окружающих, фактического положения. Вопрос обоснования критериев социальных границ, проблема выявления их подвижности для различных исторических периодов и для различных районов государства остались наименее разработанными.

В 1960–1970-х гг. выделяется ряд исследователей, занимающихся вопросами социальной структуры — В. З. Дробижев, Ю. А. Поляков, В. М. Селунская, О. И. Шкаратан и др. Они отмечают, что в период 1917–1920 гг. социальная структура России претерпела коренные изменения. Бывшие господствующие классы, ранее находившиеся у власти — помещики и городская буржуазия — были «ликвидированы как класс», лишившись политического господства, экономической базы и, «перестав существовать, как самостоятельная социальная сила»¹². В целом, в науке 1960–1980-х гг. исследование социальной структуры велось в двух направлениях. Изучались как общие закономерности развития общественного организма, так и история каждого из составляющих её элементов — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В меньшей степени обращались к средним слоям города («народной интеллигенции», мелким дельцам, частным домовладельцам и др.¹³

Так как «вопрос о месте и роли рабочего класса являлся одной из главных политических проблем современности, объектом острейшей политической борьбы»¹⁴, основное внимание историков концентрируется именно на нем. Восприятие «прослойки» городской среды (интеллигенции) становится более рассеянным. В 1960–1980-е гг. доминирует мнение, что российская интеллигенция, будучи в массе своей буржуазной, в процессе строительства социализма «преображается» и постепенно становится под руководством партии советской, социа-

листической¹⁵. Вместе с рабочим классом и крестьянством они образуют новую историческую общность — «советский народ». Таким образом, послереволюционный период советской истории следует рассматривать как начальный отрезок этого пути¹⁶.

Вплоть до 1990-х гг. отечественные исследователи рассматривали формирующуюся после революции социальную структуру в рамках системы «2+1» (рабочий класс, крестьянство + интеллигенция). В настоящее время большую популярность получает гибридная структура, которая лучше соотносится с историческим материалом. Можно выделить пять социальных страт в российском обществе, которые различались по объёму прав, привилегий, обязанностей¹⁷. Этими стратами являются: номенклатура, квазипривилегированный класс в лице рабочих; специалисты и служащие; крестьянство; дискриминированные категории. Из недавно вышедших работ, посвященных вопросам социальной структуры, отметим монографию Т. М. Смирновой «"Бывшие люди" Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы» (М., 2003).

По вопросам, сопряженным с непосредственными жизненными проблемами и интересами людей, с их субъективно-осмысленным опытом, советская историография не дала удовлетворительного ответа¹⁸. Нравственный облик строителя нового общества по определению не мог быть плохим. Можно говорить о создании некоего идеального эталона, к которому надо стремиться, где нормы поведения выводятся из интересов борьбы против капитала. Все, что делает такой индивид — «высоконравственно»: его отличают мужество, героизм, преодоление нравственных пороков, коммунистическая мораль, отказ от «обветшалых» норм религиозной морали и идущих от предков патриархальных нравов¹⁹.

Одним из первых, кто попытался снять своеобразный «запрет» с освещения подобных вопросов в отечественной науке, стал В. В. Канищев. Ученый обратил внимание на погромное движение в городах России в 1917–1918 гг.²⁰, и пришел к выводу, что оно не было вызвано потребностями строительства нового общества. Ценным является определение исследователем понятия «бунт», которое распространяется на начальный этап советской истории. Под ним В. В. Канищев понимает: «...выступление сравнительно широких слоев населения, стихийное по происхождению, насильственно-разрушительное по форме, с явным преобладанием эмоционального протеста ("бессмысленного") над идейным, осознанным протестом. Выступление, зачастую используемое различными политическими группировками в своих целях, направленное против непосредственного источника зла (господской или казенной собственности, отдельных господ или представителей власти), сопровождавшееся "беспощадным" истреблением противников и захватом их собственности»²¹.

Заметным явлением для отечественной науки стал выход в свет монографии В. П. Булдакова «"Красная смута": Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997), которая встретила неоднозначное, иногда полярное отношение научной общественности²². Традиционно революция 1917 г. рассматривалась как грандиозный эксперимент по созданию нового общества, которое должно было определить направление развития мировой цивилизации на многие годы вперед. Этим переломным событиям посвящена обширная историография с широким спектром рассматриваемых сюжетов, но ряд таких проблем, как: появление психологии вседозволенности, повседневная жизнь человека, его быт,

умонастроения, восприятие окружающего мира и другие, остались в тени. Автор предпринимает попытки переосмыслить события 1917–1920-х гг., которые рассматриваются как «общенациональная катастрофа». Выявление духовной составляющей России, рассмотрение исторически сложившейся специфики социального устройства приводят ученого к выводу, что Россия — это «крестьянская страна», где город был «пронизан» крестьянскими ценностями и образом жизни. Российское общество проявило способность умом, эмоциями и действиями возвратиться к архаичным пластам культуры первобытного общества²³. «Маленький» человек отвечает на вызовы изменившегося мира активизацией своей деятельности на основе древнейших императивов, главными из которых стали: «человек человеку волк», «твое — это мое», «для достижения цели все способы хороши» и т. п. Это «психосоциальное возбуждение» приобретает форму насилия, что приводит к анархии, потере всех «сдерживающих начал». Данная социокультурная трактовка революции 1917 г. и начального периода советской истории отмечает «архаизацию общества», «разруху в умах» и взрыв массового насилия, которые приводят к «смуте»²⁴ с кровавым («красным») содержанием.

Важную роль в нормальном функционировании общественного организма играют условия социальной жизни. Это понятие многомерно, охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека, начиная со сферы материальной и заканчивая сферой духовной. Применительно к истории послереволюционного общества в современной историографии вводится новое понятие — «стратегии выживания»²⁵. Под ним понимается совокупность техник, методов, форм приспособления населения к резко и постоянно меняющимся условиям жизни в нестабильное время. Первой монографией, где в центре исследования — реконструкция стратегий выживания, стала работа И. В. Нарского — «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.» (М., 2001). Данная работа принимается в качестве одной из знаковых для изучения послереволюционного социума²⁶. Сам автор объясняет интерес к исследованию тем, что «научной литературы о «маленьком человеке» в российской революции практически не существует»²⁷.

После изучения бытового окружения обитателей крупнейшего региона, ученый пришел к выводу, что для большинства населения основным содержанием революции и гражданской войны стало выживание в период разрушения привычного жизненного уклада. И. В. Нарский отмечает, что человеческая жизнь в этом обществе ценится «необычайно низко», ученый обнаруживает значительный кризис ценностных ориентаций населения, «провалы культурной памяти». Наиболее значимое место в данной работе занимает рассмотрение конкретных «стратегий выживания» переломного времени. Способы выживания представляли собой сложную комбинацию легального и наказуемого — они делились по сферам борьбы за существование, по степени лояльности к режиму, на активные и пассивные способы. Их техника была чрезвычайно многообразна, а происхождение и социальная принадлежность человека, несмотря на провозглашенную в России непримиримую классовую борьбу, «не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»²⁸.

Наибольший интерес при изучении послереволюционного общества представляет исследование практического измерения социальной жизни, которое связано с деятельностью людей в повседневности. История повседневности, как вполне полноправная область исторических исследований, получила признание

в отечественной науке относительно недавно, имеется объективная нехватка работ о повседневной жизни «маленького человека». Во многом это связано с тем, что продолжительное время в СССР и России сюжеты социальной истории носили не определяющий характер. В советской науке вся совокупность сущностных черт практического измерения подводилась под категорию «быт». Под ней понималась сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение. К сожалению, данная категория применительно к истории первых лет советской власти не получила полного раскрытия²⁹. Быт признается советской наукой в качестве составной части культуры нового общества, которое развивается прогрессивно от менее совершенного типа культуры к более совершенному типу. Городское население в период 1917–1920 гг. ведет борьбу за преодоление объективных трудностей (разрушительное влияние Гражданской войны, эпидемии и т. д.), что «является частью борьбы за социалистическую культуру»; основное внимание уделяется государственным мероприятиям по улучшению быта³⁰.

Современная историческая наука подчеркивает необходимость отойти от отождествления истории повседневности с «бытом и нравами». Для конкретных обитателей социального пространства в определенное историческое время «быт является привычным и естественным; он служит фоном, на котором реализуются жизненные планы человека, складываются отношения между людьми». Быт подразумевает совокупность материальных условий существования индивида. Выяснив эти материальные параметры жизни, исследователь должен сделать следующий шаг — «понять повседневные заботы, тревоги, надежды людей изучаемой эпохи; попытаться увидеть их мир “изнутри”, понять смыслы, которыми они его наполняли»³¹. История повседневности подразумевает, в отличие от исторического бытописания, скорее изучение «рутинности происходящего», «повторяемости действия на определенном временном отрезке»³², цикличности жизненных ситуаций.

В настоящее время все больше и больше появляется работ теоретико-методологического характера, а также конкретных исследований по истории повседневности России (в том числе советского города). В историографии повседневность в теоретическом плане рассматривается в двух аспектах. И как «реконструкция ментального макроконтекста истории», и «как реализация приёмов микроисторического анализа»³³; это совокупность событий и процессов, которые повторяются изо дня в день в историко-культурных, политико-событийных действиях человека, создают фундамент его жизнедеятельности и умонстроений³⁴. «Повседневность» выступает с одной стороны, естественным состоянием человека в виде его частной каждодневной жизни. С другой, предполагается общительность, «общежитие» повседневной жизни, в которых фиксируются способы понимания «другого» индивида³⁵.

Современная наука постепенно начинает «отходить от строгой институционализации социальной жизни»³⁶, когда деятельность человека рассматривалась исключительно во взаимодействии с государством, как следствие морального влияния религии, как фактор освоения культуры и т. п. Больше внимание уделяется конкретным характеристикам человека, его повседневному существованию, взаимодействию с другими субъектами. С методологической точки зрения представля-

ют интерес наработки Н. Б. Лебиной в рамках концепции девиантного поведения, которая прикладывается к повседневной жизни советского города³⁷. Исследователь использует «дихотомию»: «норма-аномалия», «социальное добро-зло». Основными составляющими городской жизни автор признаёт пьянство, преступность, проституцию, смерть. А также новый быт, дом, одежда, досуг, частная жизнь³⁸.

В историографии подчеркивается, что обращение к источникам, так или иначе затрагивающим проблему революционного насилия, может привести к неизбежному смещению внимания к патологическим сторонам реальности, а ученый «рискует выступить в роли смакователя девиантного поведения людей»³⁹. Советскую науку⁴⁰ справедливо упрекают в «лакировке» действительности, в игнорировании определенных болезней социума. Но «постсоветская историческая литература грешит чрезмерным увлечением именно аномалиями, якобы заменившими собой социальные нормы»⁴¹. Имеются веские критические замечания относительно наработок Н. Б. Лебиной⁴². С другой стороны, число сторонников дихотомии «норма-аномалия» достаточно велико⁴³.

«Норма» означает некий руководящий принцип, правило, образец поведения. Они вырабатываются на определенном историческом этапе, и предъявляются конкретным субъектам для того, чтобы регулировать общую социальную жизнь. Принимая нормы и старательно следуя им, человек получает возможность взаимодействовать с социумом в целом. Ответ на вопрос о допустимом, желательном и должном поведении в подавляющем большинстве случаев получается из сложившихся социальных норм, в которых аккумулируется опыт многих поколений. Они складываются исторически, например, в первобытную эпоху вполне «нормально» убить и съесть своего противника, но это недопустимо в современном, техногенном обществе, что свидетельствует об изменчивом характере нормативности.

«Аномалия» — это точка перехода от «старого» к «новому» состоянию вещей. Одновременно она является «отклонением» от привычного жизненного уклада. Такое «отклонение» может выступать и как проявление беспорядка, и как переход к другому, новому порядку⁴⁴. У авторов, работающих в рамках указанной дихотомии, «аномалия» обладает многозначностью: неясно, то ли она нарушение порядка, то ли выход за его пределы на иной уровень, когда появляется нечто новое. Кроме того, девиация не столько отклонение от общих социальных норм, сколько следование нормам, которые действуют в экономических отношениях, в общении между людьми, в отдельных субкультурах. Природа преступности, проституции, алкоголизма, наркомании и некоторых других аномалий связана с нарушением границ между частной и публичной жизнью⁴⁵. Определяющее место в девиантном поведении занимает психическая зависимость, например, от наркотиков, алкоголя, склонности к совершению преступления, преодолеть которую трудно даже с помощью специального лечения. Эти аномалии: во-первых, являются отраслями бизнеса, законы которого не связаны с моралью, здоровьем, где главной целью является получение прибыли (например, наркобизнес). Во-вторых, возникает зависимость, которая губительно воздействует на физическое и душевное состояние человека⁴⁶. В-третьих, формируется определенный образ жизни, специфическая система интересов, ценностей, следование которым дает основания выделять особую субкультуру⁴⁷. В-четвертых, такая субкультура активно присутствует в любом месте и времени, где есть человек.

Социологическое объяснение девиантного поведения состоит в том, что люди напрямую зависят от кризисных явлений в общественном развитии, радикальных социальных перемен. 1917–1920 гг. — время масштабного социального и экономического разложения России, вызванного последствиями революции, мировой и гражданской войн. Рядовой человек утрачивает нормативные идеалы и хоть какой-то смысл существования. Идет потеря ориентации в сложном окружающем мире, все мысли были лишь о дне сегодняшнем и о том, как его прожить. В этом плане, следует согласиться с И. В. Нарским, который определяет место девиантного поведения, как «способ, стратегию выживания слабейших»⁴⁸, что вызывалось общими условиями жизни в нестабильное время.

К познанию структур повседневности можно подходить с позиций исторической антропологии и социальной истории⁴⁹. Главной задачей исторической антропологии является «вербальная реконструкция поведения субъектов прошлого путем воссоздания присущего *им* способа восприятия действительности, знакомства с *их* возможностями осознания себя и мира». Поскольку «вопросы о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает, стали задаваться все реже», то вербальная реконструкция имеет большое значение как метод исследования, потому что идет апелляция к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса, значимым будет представляться лишь то, что было значимым с *их* точки зрения⁵⁰.

Так как любой человек вступает во взаимодействие с другими людьми, оформляется некое пространственно-временное единство, составляющее плоть хронотопа. Примерами хронотопов, которые имеют социальное значение, служат — дом (жилище), городской транспорт и т. п. Повседневную жизнь человека можно представить как циклическое движение по кругу хронотопов повседневности, например, дом — дорога — работа⁵¹, которые, в свою очередь, отделены друг от друга пространственными и временными границами⁵².

Социально-исторический подход в познании структур повседневности предполагает взаимозависимость макро-, мета- и микро- уровней рассмотрения общества. Материальные параметры жизни задают определенную «матрицу» повседневности, где для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни⁵³. Социальная стратификация, прежде всего анализ социальной структуры, дает общую типологию социальных категорий и общий ориентир в познании типов повседневности. Историческая демография (половозрастной состав населения) определяет ещё один срез изучаемого феномена. Значительную помощь могут оказать наработки социологов⁵⁴, статистиков. Сочетание историко-антропологических и социально-исторических позиций позволит воссоздать типологию и «образы» повседневности городской жизни⁵⁵.

На примере жизненного мира отдельной семьи, постоянно проживающей в 1917–1920 гг. в городе Москве, попробуем проследить взаимодействие исторической антропологии и социальной истории. Предмет рассмотрения — семья крупнейшего историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952), автора классических трудов по истории средневековой Руси, действительного члена Академии Наук СССР. В тот исторический момент он — доктор истории русского права, профессор Московского университета, ему чуть более сорока, женат, есть дети. Основным источником послужат синхронные событиям дневниковые записи главы семейства, ведшиеся непрерывно в период 1915–1923 гг.

Взгляды на произошедшие изменения, революцию, последствия войн были часто прямо противоположными у представителей разных социальных слоев российского общества. Множество оценок существовало и у представителей в целом социально однородных групп, в этом отношении, — наиболее сложную, многоликую картину являет собой русская интеллигенция, к которой принадлежали Веселовские. В структурном плане интеллигенция в начале XX века не представляла большинства общества, по подсчетам историков, к 1917 году этот показатель примерно на уровне — 2,4 %⁵⁶. В то же время она играла определяющую роль в развитии культуры и формировании общественного мнения. Уровень образования, широта мировоззрения, обеспеченные во многом личной незаурядностью, обострили остроту восприятия происходящих событий, усилили способность к критическому анализу. Особое положение занимает научная интеллигенция: специфика ее труда, поиск истины предполагают большую степень индивидуальной свободы, чем любой другой вид общественной деятельности. Итак, видим, что людей, которые способны грамотно, самостоятельно оценить новую обстановку, исходя из социальной стратификации, не могло быть много.

Мировоззрению нашего автора присущ изрядный субъективизм в плане оценки большевизма и политического устройства. Например, он отмечает, что «не видел ни одного коммуниста, про которого можно было бы сказать, что он удовлетворительный работник-трудящийся, партийная принадлежность стала форменным паразитизмом»⁵⁷. Стратификация помогает адекватно оценить суждения подобного рода. Социально-профессиональный статус, столичная среда обитания, дворянское происхождение, высокое материальное положение до революции, ярко выраженная либеральная позиция и т. п. показывают уникальность этого ученого, даже в лоне немногочисленной интеллигенции. С другой стороны, бытовой фон жизни семьи Веселовских является достаточно характерным для Москвы указанного периода. Глава семьи — основной кормилец в «доме» и историк на «работе». Попробуем представить его жизнь как движение по кругу хронотопов «дом» — «дорога» — «работа». Примерно такой же путь проходит любой человек среднего возраста в послереволюционной Москве, отпечаток накладывают лишь отдельные моменты, например, профессия, семейное положение, место проживания и т. п.

Люди творческого таланта, ученые в отличие от других профессий больше зависят от прочности и стабильности общества и государства. Новый, еще незрелый общественный строй Советской России, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, дикой разрухой, на первом этапе своего существования не нуждается в ученых; он забыл о них. Поэтому научным сотрудникам приходилось терпеть невероятную нужду и лишения. Перед С. Б. Веселовским альтернатива — «или остаться в прежней среде, но оставить всякую мысль о научной работе... или направить все свои силы и образование на материальное обеспечение»⁵⁸.

Наш персонаж вынужден читать лекции по пчеловодству, организовывать мастерскую ульев и пчеловодных принадлежностей, бросать занятия для того, чтобы помочь родным в уборке картофеля и т. п. В апреле 1919 г. ученый зарабатывал в университете три тысячи рублей в месяц, но еще столько же необходимо было добывать займами или продажей вещей. Чтобы купить необходимые продукты, историк станет продавать свои вещи: шкаф-классификатор для архивных документов, рукописи, старопечатные книги, шелковые занавески, столовый

сервиз, улы. Ему также пришлось осваивать азы торговли хлебом и медом. От черного хлеба и соли и заканчивая такими «предметами роскоши», как мыло, «обыватель должен добывать нелегально»⁵⁹.

После окончания рабочего дня человек возвращается в свой «дом». Внешние границы «жилища» в послереволюционном городе находятся под постоянной угрозой нарушения. К тебе могут пожаловать с обыском, и сложно понять, «то ли это бандиты, то ли большевики, когда приемы и цели у них одинаковые, а всевозможные мандаты и удостоверения личностей легко подделать». Тебя могут «уплотнить», при этом выгнать из квартиры. В конце концов, недвижимое имущество иногда «просто реквизируется»⁶⁰. Социальный статус в этом случае не имеет значения. Например, в ноябре 1918 г. в «рабочем» Сокольническом районе Москвы сложилась такая ситуация. В Президиум Сокольнического Совета Депутатов от жильцов дома № 32 по Красносельской улице поступил ряд заявлений на противоправные действия членов военной коллегии Северных железных дорог. Основной контингент нанимателей квартир дома № 32 — трудовой элемент, здание перенаселено, в сорока квартирах проживают более трехсот человек, так что дом «навряд ли может подлежать еще большему уплотнению». Члены военной коллегии в количестве пяти человек самовольно заняли необходимое им жилье, выселив прежних обитателей на улицу. Один из членов коллегии, т. Чернышев, занимая жилплощадь, всячески угрожал не желавшим съезжать людям, пообещав лично «дать в зубы» председателю домового комитета В. С. Самарину, который принял сторону жильцов. Другой военный, т. Зюзин, сулил «то тюрьму, то арест и даже расстрел». Сокольнический Совет Депутатов приостановил выселение, до выяснения всех обстоятельств⁶¹. Как дальше складывалось дело — неизвестно.

Или другой пример — в сентябре 1918 г. по доносу был арестован врач Л. С. Давыдов, проживавший по адресу Ивановская, 34, и вместе с сыновьями препровожден в Бутырскую тюрьму. Жена и мать А. Д. Давыдова ожидала их возвращения со дня на день, но участь выпущенных на свободу незавидна, так как уже было реквизировано движимое и недвижимое имущество семьи. Когда Л. С. Давыдов выйдет из тюрьмы «...у него не окажется ни кровати, ни стула, на котором он мог бы сидеть, ни даже профессиональных инструментов, чтобы кормить себя с семейством. Полное разорение и не известно за что»⁶². Схожие события произошли и в семье Веселовских ровно через год, в сентябре 1919 г. Ю. В. Готье вспоминал, что был «раскрыт» некий «кадетский заговор»⁶³, сопровождавшийся массовыми арестами. На квартире у известного историка Д. М. Петрушевского была устроена засада, в которую попали А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский с женами, С. Б. Веселовский вместе с сыном Всеволодом. Хозяева и гости были арестованы и направлены в Бутырку. В тюремной камере находилась «разномастная публика»: офицеры, профессора и преподаватели учебных заведений, и даже монгольский дипломатический представитель с секретарем китайцем⁶⁴. Обыски на дому у Веселовских не производились, и, спустя две недели, без предъявления каких-либо обвинений, они были выпущены на свободу. По сравнению с Давыдовыми, им повезло.

Предметом особого разговора являются стены домов, на которых отразились последствия революционных боев октября–ноября 1917 года. Например, дом № 5–6 по Скатертному переулку, «попав в сферу огня, сильно пострадал от орудийного огня (свыше двадцати попаданий) и был приведен почти в полную

негодность»⁶⁵. Не лучше пришлось и дому № 15 по Никитскому бульвару. Оказавшись в центре баррикадных боев, «пулеметный и даже артиллерийский огонь разрушили часть карниза дома, были выбиты все стекла и частью рамы в верхних этажах, изрешеченной оказалась вся крыша»⁶⁶. Непокойная атмосфера приносила колоссальные расходы. Врач З. Гозев из дома № 25 у Никитских ворот только на ремонт выбитых стекол потратил сумму, в три раза превышающую месячную ставку наемной платы за квартиру. От попавших в стену пуль заметно понизилась теплоемкость здания, и жителям дома № 25 пришлось пережить холодную зиму⁶⁷. Стрельба в Москве еще долго не будет утихать. В апреле 1918 г. в результате действий анархистов появилась пробоина в наружной стене дома № 23 по Малой Дмитровке, а «ниже этой пробоины другой снаряд не пробил стены и остался неразорвавшимся»⁶⁸. Физическое воздействие внешних обстоятельств на московский «дом» является очевидным.

Перейдем к внутреннему пространству «дома». С. Б. Веселовский свидетельствует, что, если вам оставят жилье, то не стоит «преждевременно радоваться». Во-первых, оно не отапливается. Приходится коротать зимние вечера в холодной квартире с пустым чаем и черным хлебом. Во-вторых, деревянные дома разрушают и жгут, так как не хватает топлива, а каменные становятся негодными, потому что разрушена, испорчена морозом система водопровода и канализации. В-третьих, опустившаяся публика будет проявлять в удовлетворении своих естественных нужд большой цинизм⁶⁹. Простой человек охраняет свою квартиру, хотя считалось, что это обязанность государства⁷⁰. Мелкое и крупное воровство стало «обыденным явлением и почти ни у кого не вызывает осуждения»⁷¹.

Жалобы жильцов на «неудобообитаемость», непригодность, ветхость значительной части квартир были характерны для Москвы 1917–1918 гг.⁷² Отсюда многие москвичи покинут столицу, и переберутся в провинцию, где было легче прокормить себя. Для историка это летняя дача в Подмоскovie. Огород, сад и пчельник — во многом то, что помогло выжить. Он постигает огородное дело, готовит парники, добывает первобытным способом муку, заготавливает дрова, изучает устройство русской печи и т. п.⁷³ Чтобы попасть к себе на дачу, С. Б. Веселовский постоянно пользовался железнодорожным транспортом. Поэтому он оставил много ярких зарисовок на тему «дороги». Вагоны с выбитыми стеклами, сломанными дверями, диваны без обшивки, пол загажен. Поезда ходят без расписания, царит сильный беспорядок в «правилах» выдачи билетов и посадки пассажиров, в вокзалы не пускают, присутствуют всевозможные злоупотребления и несправедливости⁷⁴. Народа внутри вагонов на порядок выше нормы. Те, кто не сумел втиснуться, располагались на буферах и крышах вагонов. По ним будет стрелять железнодорожная охрана и однажды даже убьет такого «крышника». Матросы и добровольцы из публики отомстят за убитого, остановят поезд и избыют до смерти красноармейца. Пример народного суда без всяких правовых формальностей⁷⁵.

Общий итог наблюдений ученого неутешителен: «Города и столицы совсем скоро будут островами недоступными извне. Ведь дело дойдет и до крыс... насколько живуча умирающая страна или, вернее, насколько приспособляем граждан 1/6 части вселенной»⁷⁶.

Фактически, в советском государстве ученый и его семья сами заботятся о своем существовании, главной задачей становилось прожить сегодня, что будет

завтра — уже не имело столь большого значения. Историческая антропология, таким образом, помогает понять внутренний мир «маленького» человека, его заботы и тревоги. Любая область исторических исследований (военная история, политическая история, экономическая история и др.) может быть подвергнута «оповседневиванию», и, таким образом, «станет более очевидным и ясным тот мир, в котором людям пришлось жить»⁷⁷. В изучении истории послереволюционной России наибольших успехов добилась политическая антропология⁷⁸.

В истории повседневности по-иному начинает восприниматься исторический источник. Существенно расширяется источниковедческая база исследований за счет новых подходов и работы с различными группами источников⁷⁹. С одной стороны, круг источников сравнительно многообразен, поскольку у каждого была «своя» повседневность, смыкающаяся на макроуровне в целостную повседневность эпохи. С другой стороны, в сложившемся документальном комплексе имеются существенные пробелы, порождающие несоответствия, неравномерность и отчасти несовместимость показаний между собой. Прежде всего, это касается источников личного происхождения⁸⁰. Люди могут оставить после себя различные виды и типы источников, отражающие историю их каждодневного существования. Особой выразительностью обладают эго-документы. Чтобы стать автором подобного источника, человек должен был обрести биографическую идентификацию⁸¹, осознать значимость своей судьбы для судеб государства. Такие источники зачастую велись тайно, и с позиции самосохранения благоразумнее было молчать, поэтому значительный круг источников по истории советской повседневности составляют воспоминания, созданные не синхронно, а через много лет после описываемых событий⁸².

В исторических исследованиях для создания конкретных «образов» понадобятся: специальная литература (например, данные о жилищном строительстве, акты технического осмотра домов и т. п.); материалы смежных дисциплин, статистика⁸³, а также архивные данные; массовая печать; художественная литература⁸⁴. В истории повседневности на первый план выходят массовые источники личного происхождения, которые ранее рассматривались как «второстепенные» и «субъективные»⁸⁵. Формализовать подобный материал можно следующим образом: в собранных однородных показаниях источников выделяются отрывки текста (секвенции). Затем они структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», и в дальнейшем формализованный материал подвергается анализу с точки зрения повторяемости встреченной информации⁸⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что историческая наука уже определила поле для конкретных исследований о городском обществе в послереволюционной России. Необходимо раскрыть проблемы взаимодействия людей в повседневности, изучить жизненное пространство «маленького» человека. Сочетание наработок исторической антропологии и социальной истории позволит в полной мере понять человеческое измерение истории.

Примечания

- 1 Холмс Л. Ю. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994. С. 22.
- 2 Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 89.

- 3 См.: *Сенявский А. С.* Российский город в 1960–1980-е годы.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 3, 5.
- 4 См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 8, 9.
- 5 Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920 гг. / Отв. ред. В. М. Селунская. М., 1976. С. 34.
- 6 Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 92.
- 7 См.: Труды ЦСУ. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1921. Т. VIII. Вып. 1. С. 3.
- 8 См.: Изменения социальной структуры советского общества... С. 35 – 39.
- 9 Там же. С. 43.
- 10 *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 4.
- 11 См.: Изменения социальной структуры советского общества... С. 49–52.
- 12 *Поляков Ю. А.* Изменение социальной структуры в СССР. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. 16–23 августа 1970 г. М., 1970. С. 7, 8.
- 13 В современной историографии отмечается практическая не изученность вопроса о городских средних слоях в послереволюционном городе. См.: *Канищев В. В.* Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Окт. 1917–1920-е гг. (По материалам Центра России): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 5.
- 14 *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975. С. 4.
- 15 См.: *Главацкий М. Е., Кондрашева М. И.* Интеллигенция и революция (историографические заметки) // Интеллигенция в советском обществе: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1993. С. 37.
- 16 «*Советский народ*» постепенно оформляется в качестве новой формы социальной общности после победы Октябрьской революции. В 1920-е годы это население, «сплоченное вокруг ленинской партии в процессе строительства социализма». См.: *Куличенко М. И.* Образование и развитие советского народа как новой исторической общности // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 4, 13, 17.
- 17 См.: *Саламатова М. С.* Методология анализа социальной структуры постреволюционного и современного российского общества // «Новые» и «вечные» проблемы философии. Сб. научных трудов второй конференции аспирантов и соискателей СО РАН, Новосибирск, 24 мая 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 39, 40.
- 18 Советская наука оперировала понятием «*социалистический образ жизни*», под которым понимался исторически сложившийся тип общественных и индивидуальных связей в общем контексте социалистического и коммунистического строительства. В начале переходного периода от капитализма к социализму «носителем и главной силой нового образа жизни выступал рабочий класс». (См.: *Касьяненко В. И.* Историография социалистического образа жизни в СССР // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 10).
- 19 См.: *Шишкин В. Ф.* Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976. С. 5, 10, 11, 13, 238, 239.
- 20 В советской науке считалось, что в погромном движении участвовали исключительно уголовные элементы, «за спиной которых, как правило, выступали силы контрреволюции». (См.: *Канн П. Я.* Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь — декабрь 1917 г.) // История СССР. 1962. № 3. С. 133). Канищев отметил, что в пьяных погромах активную роль играли рабочий класс, красногвардейцы и матросы.
- 21 *Канищев В. В.* Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 3.
- 22 См.: *Ахизер А. С.* Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1999. № 1; *Данилов А.* Красная смута: взгляд из толпы // Новая книга России. 1999. № 4; «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4; *Фурсов А. И.* О книге В. П. Булдакова «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» // Русский исторический журнал. 2000. Т. III. № 1–4 и др.
- 23 См.: *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8–24; *Он же.* НЭП как путь к деспотии: динамика и векторы психосоциальной напряженности // Русский исторический журнал. 2001. № 1–4. Т. IV. С. 171, 186.
- 24 Там же.
- 25 Авторство признается за В. В. Канищевым, исследователь предложил первую классификацию способов выживания — легальные, полуполигальные и нелегальные (запретные) способы. (См.:

- Канищев В. В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 100).
- 26 См.: Журавлев С. В. Размышление на заданную тему // Отечественная история. 2003. № 1. С. 137.
- 27 См. интервью с И. В. Нарским: Бавильский Д. Назад в будущее: Россия, которую мы и не думали терять // http://www.kultura-portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number=340&rubric_id=1000188&crubric_id=1000189&pub_id=173880
- 28 См.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 20–27, 387–390.
- 29 См.: Rosenberg W. G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical companion to the Russian revolution. London, Sydney, Auckland, 1997. P. 633.
- 30 См. обобщающую монографию под редакцией академика М. П. Кима: Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927 гг. М., 1985. С. 444–454.
- 31 Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 8.
- 32 См.: Сальникова А. А. Источники по истории советской повседневности: основные разновидности и особенности анализа // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук: Сб. статей. М., 2004. С. 264.
- 33 См.: Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 9.
- 34 См.: Савельева И. М., Поletaев А. В. История как знание о социальном мире // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 22.
- 35 См.: Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 56, 57.
- 36 См.: Останина О. А. Повседневность и историческое познание: методологические аспекты // Повседневность как текст культуры: материалы международной научной конференции, г. Киров, 27–29 апреля 2005 г. Киров, 2005. С. 6.
- 37 См.: Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2; Она же. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999.
- 38 Там же.
- 39 Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 14.
- 40 Хотя в историографии долгое время считалось, что в советском обществе некоторые формы отклоняющегося поведения не имели и не имеют места, все же появились отдельные работы по данной проблематике. Историки относят девиации к социально патологическим и социально опасным явлениям. (См.: Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы) // История СССР. 1989. № 1. С. 60, 73).
- 41 См.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 г. М., 2003. С. 5.
- 42 А. С. Сеняевский отмечает, что собственно нормальная составляющая городской жизни уходит от автора на второй план, практическое многообразие городской жизни сводится к патологическим или маргинальным проявлениям. «Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной, если задать простой вопрос: “Как же те же самые люди, жители Ленинграда, «погрязшие», если верить автору, в социальных аномалиях в 1920/1930 годы, лишь через несколько лет проявят массовый героизм, отстояв город, выдержав ужасную длительную блокаду?”». (См.: Сеняевский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макро- исторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 29).
- А. Иконников-Галицкий обращает внимание на противоречия между объективными данными, на которые опирается Н. Б. Лебина, и теоретической предвзятостью выводов, которые «подчинены определенной тенденции: сгустить краски вокруг зловещего монстра сталинской тоталитарной системы». Кроме того, подчеркивается качественная особенность монографии — «норма, хотя она и определяет поведение человека в девяноста пяти случаях из ста, не столь увлекательна и разнообразна, как отклонения от нее. Это придает книге, в общем, вполне научной, элемент занимательности и даже интригующей увлекательности». (См.: Иконников-Галицкий А. Высве-

- ченная повседневность: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999 // <http://www.bookman.spb.ru/11/Lebina/Lebina.htm>
В более поздней работе «Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан». (СПб., 2003), Н. Б. Лебина признала, что соблазны различного рода «занимали не у всех горожан и не все их свободное время, отличавшееся большим разнообразием». (См.: *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. С. 10).
- 43 См.: *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; *Пашин С. Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *Захарцев С. Н.* Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921–1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; *Пашин В. П.* Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006 и др.
 - 44 См.: *Сутырин М. А.* Междисциплинарность повседневности // Наука и повседневность: коммуникация, междисциплинарность, металингвистика: Материалы пятой межрегиональной научной конференции. Н. Новгород, 2003. Вып. 5. С. 15.
 - 45 См.: *Козырьков В. П.* Идеи социальной девиации в пространстве здравого смысла // Там же. С. 51.
 - 46 См.: Там же. С. 52, 63.
 - 47 См.: *Черников А. И.* Методические проблемы выявления ценностных ориентаций в повседневной деятельности населения // Ценности повседневной деятельности горожан. М., 2004. С. 81.
 - 48 *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 442.
 - 49 См.: *Керов В. В.* Дискурсивный анализ в социоисторическом подходе: потенции методологического синтеза // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002. С. 157.
 - 50 *Филлюшкин А. И.* Методологические инновации в современной российской науке // *Actio Nova*. М., 2000. С. 7, 26.
 - 51 См.: *Ярмахов Б. Б.* Дискурсивные формы в структуре повседневности // Наука и повседневность... С. 19, 21.
 - 52 Например, дом — это хронотоп вечера, ночи и утра. Он имеет вполне непроницаемые, внешние границы (стены), его внутреннее пространство определяет то, о чем разговаривают, проживающие в нем персонажи.
 - 53 См.: *Сенявский А. С.* Указ. соч. С. 28–31.
 - 54 Социологические обследования общества в период 1917–1923 гг. не проводились.
 - 55 См.: *Сенявский А. С.* Указ. соч. С. 28–31.
 - 56 См.: *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция (исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917–1925 гг.). Волгоград, 2006. С. 50.
 - 57 *Веселовский С. Б.* Записки 1924 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 221.
 - 58 *Веселовский С. Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов / Подгот. к публикации А. Г. Макаров, А. Л. Юрганов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105; № 6. С. 103; № 8. С. 96, 98, 105.
 - 59 Там же. № 6. С. 103, 105; № 8. С. 99, 100; № 9. С. 120, 123.
 - 60 Там же. № 3. С. 98, 103, 104; № 6. С. 101.
 - 61 ЦАГМ. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 10 об., 11.
 - 62 Там же. Д. 14. Л. 125, 125 об.
 - 63 *Готье Ю. В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 113.
 - 64 *Веселовский В. С.* Из воспоминаний 3. 09–11. 09. 1919 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 220.
 - 65 ЦАГМ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.
 - 66 Там же. Л. 119.
 - 67 Там же. Л. 4.
 - 68 Там же. Л. 9.
 - 69 *Веселовский С. Б.* Дневники... № 8. С. 87; № 9. С. 115, 119.
 - 70 Там же. № 8. С. 89; № 9. С. 120.
 - 71 Там же. № 3. С. 105; № 6. С. 103; № 8. С. 87; № 9. С. 119.
 - 72 ЦАГМ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
 - 73 *Веселовский С. Б.* Дневники... № 6. С. 103, 105; № 9. С. 120.
 - 74 Там же. № 6. С. 102; № 8. С. 103–105.
 - 75 Там же. № 8. С. 103.

- 76 Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / Под ред. С. А. Левиной, Б. В. Левшина. Сост. Л. Г. Дубинская, А. М. Дубровский. М., 1998. С. 433.
- 77 Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2004. С. 123.
- 78 См. общие работы: Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Лившин А. Я. Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории. 1917–1927 гг.). М., 2000; Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Лившин А. Я. Общественные настроения в Советской России. М., 2004; и др.
- 79 См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. М., 2004. С. 53.
- 80 Сальникова А. А. Указ. соч. С. 269, 270.
- 81 Там же. С. 272, 279.
- 82 Там же. С. 273.
- 83 Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 130, 131.
- 84 В первую очередь произведения непрофессионального прозаического и поэтического творчества.
- 85 Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 73, 74.
- 86 Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности... С. 15.

А. В. Мишина, А. С. Сенявский
Москва

Крестьянская политика большевиков в России и на Украине: общее и особенное (1917 – лето 1919 гг.)*

В годы Гражданской войны и военного коммунизма крестьяне оказались в крайне тяжелом положении. С одной стороны, в новом социалистическом государстве не предусматривалось места для мелкого земельного собственника, с другой стороны, захват помещичьей земли в 1917–1918 гг. («черный передел») навсегда закрыл крестьянам путь к отступлению. Для большевиков же крестьянское сословие было пережитком царской России, с которым пока приходилось считаться, поскольку оно не только составляло преобладающую часть населения страны, но и было основным производителем сельхозпродукции и источником людских ресурсов для формирования Красной армии.

Период Гражданской войны был также и периодом «военного коммунизма». Голод в городах и тяжелая обстановка на фронтах требовали от большевиков чрезвычайной политики, которая характеризовалась, прежде всего, чрезвычайными мерами в отношении деревни. Необходимость снабжения армии и городов продовольствием, отсутствие слаженного заготовительного механизма заставили новую власть при изъятии хлеба руководствоваться, прежде всего, методом принуждения. Сами большевики позже признавали, оценивая итоги этой политики, что «военный коммунизм» состоял в том, что государство брало у крестьян все «излишки», а нередко и часть необходимого для крестьянина про-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 07-01-00303а

довольствия для снабжения армии и рабочих. Брали большей частью за обесцененные бумажные деньги.

Историки советского периода В. П. Булдаков и В. В. Кабанов выделяют две фазы военного коммунизма: «Первую можно назвать “комбедовской”. Имеется в виду не хронологический период существования комбедов, а применение их методов работы в экономическом строительстве и общественно-политической жизни на протяжении 1919 года. Вторая фаза — “милитаристская” — охватывает 1920 год. Она характеризуется тем, что организация труда принимала военизированные формы, вся народно-хозяйственная жизнь осуществлялась военными методами»¹.

Для крестьян же «военный коммунизм» — это, прежде всего, государственная монополия на важнейшие продукты питания и товары, их нормированное распределение, трудовая повинность, твердые цены, установление разверсточно-го метода отчуждения сельскохозяйственного продукта от сельского населения.

Большевики не могли допустить ситуации, когда вопрос выживания Советского государства оказывается в прямой зависимости от отношения крестьянства к их политике в деревне, поэтому они стремились взять под свой контроль распределение хлеба. Так, большевистский деятель Карл Радек писал: «Крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству, весьма близкое к мнению, что такая дьявольская вещь, как государство, вообще не нужно крестьянину. Если бы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого у нас не было аппарата, а крестьянин добровольно бы ничего не дал. Нужно было разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»².

Большинство исследователей этой проблемы считают, что большевики относились к крестьянам крайне недоверчиво, воспринимая их как потенциальных врагов. Благо ни для кого не было секретом, какие требования к государственному устройству выдвигали крестьяне.

Все основные требования крестьян были сформулированы еще в годы первой русской революции 1905–1907 гг. в так называемом «приговорном» движении. Начало этому движению дал указ Николая II от 18 февраля 1905 г., согласно которому было предоставлено право всем «верноподданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных» подавать «виды и предположения» на высочайшее имя по «вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». При этом под термином «приговор» или «наказ» подразумевалось документально оформленное обращение в высшие инстанции сельских и волостных сходов, а также собраний и митингов, содержащее в себе общеэкономические и социальные требования. Расширению этого движения способствовала организация в 1905 г. Всероссийского крестьянского Союза (ВКС), а также выборы и деятельность I и II Государственной Думы (в адрес последних поступило наибольшее число крестьянских наказов).

В крестьянских наказах четко прослеживается антипомещичья направленность требований. Восстановление социальной справедливости крестьяне видели в том, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Основная

масса крестьян отвергала всякий выкуп, требуя безвозмездного отчуждения помещичьих земель. Необходимость бесплатного отчуждения земли аргументировалась крестьянами указаниями на то, что высокой арендной платой за помещичьи земли в течение 45-ти лет после реформы 1861 г. и дешевым наемным трудом уже оплачено больше ее действительной стоимости, что выкуп обозначал бы новую петлю для крестьянства. Здесь сразу нужно отметить, что в ряде приговоров крестьяне высказываются против частной собственности на землю, считая, что земля должна быть «отдана бесплатно всему народу и распределена в равномерное пользование между всеми трудящимися собственными силами без права продажи» («Крестьянская Россия». 1906. 11 июня)³.

Крестьянство также стремилось к ликвидации искусственных перегородок между сельскими жителями и лицами других сословий, то есть уравниванию сословий в гражданских правах. Даже в наказах прослеживается недовольство крестьян своим социальным положением. Их оскорбляли и неравномерность земского обложения, явная непропорциональность представительства в земствах и засилье в них помещиков. Они требовали, чтобы местная власть находилась под их контролем, как большинства населения, и принимала выгодные крестьянству решения.

Такой была в общих чертах негласная политико-экономическая программа крестьянства Российской империи:

1. Земля — для тех, кто на ней работает;
2. Безвозмездное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян;
3. Равное распределение земли в рамках общины или другого органа крестьянского самоуправления, причем крестьяне выступали против частной собственности на землю;
4. Уравнивание всех сословий в гражданских правах (равные повинности для всех сословий);
5. Пропорциональное представительство всех сословий в местных выборных органах власти (земствах).

Таким образом, мы видим, что к 1917 г. у крестьянства уже сложилось собственное видение справедливого государственного устройства и способа решения земельного вопроса, которые принципиально отличались от представлений большинства других социально-политических сил, как правых, так и левых. Основные крестьянские требования звучали так: земля для тех, кто на ней работает и самостоятельная организация местного самоуправления. Идеал России для крестьянства — страна, где вся сельскохозяйственная земля принадлежит крестьянам, разделена между ними и обрабатывается членами семьи.

Эти представления в корне отличались и от большевистских взглядов как по земельному вопросу, так и о государственном устройстве России. Но в 1917 г., пока шла борьба за власть, в стране, где пролетариат был малочисленным, а крестьянство составляло абсолютное большинство населения, большевики рассматривали беднейшие и средние слои крестьянства как своего очень ненадежного, но естественного союзника и вынуждены были идти навстречу крестьянским требованиям. Они перехватывали радикальные популистские лозунги, в том числе эсэровские, стремясь привлечь на свою сторону основную социальную категорию населения России, в том числе армию — «крестьян, одетых в солдатские шинели». Большевики были готовы временно удовлетворить требования

крестьян, с тем, чтобы сначала захватить власть, а затем и укрепить ее в борьбе с многочисленными и разнообразными противниками.

1917 год был периодом ломки устоявшейся государственной системы управления, время, когда центральная власть уже не могла контролировать ситуацию на местах, главным образом, в деревне. После Февральской революции в условиях распада государственной машины, когда никто уже не мог помешать, крестьяне получили возможность попытаться осуществить свой идеал, который начал реализовываться «явочным порядком».

1917 год — это действительно год осуществления большинства крестьянских требований, «черного передела» и насаждения в деревне советской власти. Идея народного самоуправления получила свое воплощение в организации Советов. Как отмечает Т. В. Осипова, «...крестьянам хватило двух месяцев для слома сословной системы власти... Крестьяне были непримиримы к старым органам власти, ибо в них они были сословием неполноправным. Волостные и сельские органы крестьянской власти создавались под разными названиями: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов»⁴. Это была действительно «своя власть», и крестьяне в этом отношении доверились большевикам, призывавшим не ждать Учредительного собрания, брать власть на местах и землю в свои руки.

Крестьянство захватывало все земли, пригодные для сельского хозяйства, которые передавались общинам или, там, где не было общин, новым местным органам крестьянского самоуправления — Советам, устанавливавшим уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или «трудовой нормой» (количеством работников в каждой семье).

Получив уже определенный политический опыт и в Первой русской революции, и в деятельности своих представителей в Государственной Думе, крестьянство понимало, что решение аграрного вопроса зависит от государственной власти. А потому стремилось не только на практике реализовать свои представления на местах, но и закрепить передел земли в свою пользу и свои формы землепользования политически и юридически.

После Февральской революции поднялась новая волна «приговорного» движения. С апреля, когда развернулась подготовка Всероссийского съезда крестьянских депутатов и начались выборы делегатов, стали также приниматься наказы делегатам и съезду в целом.

Сводка крестьянских наказов, составленная эсерами — членами редакции «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», была опубликована под заголовком — «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 г.».

По основному для крестьян земельному вопросу здесь повторялись требования 1905–1907 гг.: безвозмездная конфискация частновладельческих земель, обращение всех земель в общенародное достояние, запрещение купли-продажи земли, недопущение наемного труда, запрещение аренды, уравнильное распределение земель между трудящимися. Новыми были пожелание передачи высококультурных хозяйств в пользование государства, конфискации всего хозяйственного инвентаря.

Большевики в борьбе за власть, чтобы получить поддержку крестьян, взяли себе на вооружение этот документ. Раздел Наказа «О земле» вошел без изменений в текст первого акта советского аграрного законодательства «Декрет о земле» (27 октября 1917 г.) Декретом о земле II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов немедленно и без всякого выкупа отменил помещичью собственность. Вся земля, ее недра, леса и воды были обращены во всенародное достояние. Имена помещиков, а также все удельные, монастырские, церковные земли со всем их живым и мертвым инвентарем переходили в ведение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Высококультурные хозяйства должны были стать основой для крупного общественного хозяйства. Вся остальная земля переходила в пользование тех, кто ее обрабатывал.

Этот закон решал земельный вопрос в формах, подсказанных самим крестьянством. Он осуществил многовековую мечту крестьян о земле. Декрет о земле привлек многомиллионные массы крестьянства на сторону советской власти и дал огромный кредит доверия власти большевиков. Успех большевиков, по мнению историка К. В. Харченко, связан в очень большой степени с тем, что самочинным захватам крестьянами помещичьих земель они подыскивали весомое моральное оправдание. Лозунг: «Грабь награбленное» — превращал антисоциальные действия — массовые грабежи — в акт справедливого возмездия. Крестьяне мечтали установить царство справедливости, однако, другая ментальная черта — патернализм, принуждала к поиску силы, которая помогла бы это сделать, в результате чего осенью 1917 г. народные массы доверились большевикам⁵. Пока в первые месяцы после октября 1917 г. большевики утверждали свою власть в городах, им было не до деревни, и у крестьянства были развязаны руки для реализации своих представлений.

Однако ухудшение в России продовольственного положения и угроза голода в городах заставляет большевистское правительство в мае 1918 г. ввести продовольственную диктатуру. Отсутствие налаженного заготовительного аппарата и четкой системы налогообложения приводит к тому, что в деревню двинулись наделенные чрезвычайными полномочиями вооруженные продовольственные отряды из рабочих для изъятия «излишков». Стремясь найти опору в деревне, создать действующий аппарат снабжения продовольствием городов и армии, большевики в июне 1918 г. в деревнях организуют комбеды. Крестьянство не успело еще организовать и четко сформулировать свое отношение к новой власти, поэтому, несмотря на сопротивление, в России у большевиков хватило и административных, и человеческих ресурсов для проведения своей политики.

* * *

Несколько иначе развивались события на территории Украины. В марте 1917 г. власть в Киеве перешла под контроль Временного правительства. Старые высшие госчиновники были отстранены от управления. Высшей властью на Киевщине стала власть губернского комиссара, представителя Временного правительства, земца Михаила Суковкина, замом которого стал Дмитрий Дорошенко.

Параллельно этому, 7 марта 1917 г. на собрании украинских политических и общественных организаций в клубе «Родина» было объявлено о создании Центральной Рады — координационного и объединительного центра украинских

политических, кооперативных и общественных организаций. Лидерство в Центральной Раде захватили украинские прогрессисты, которым пришлось пойти на компромисс с украинскими эсдеками и эсерами. Главой Рады был избран прогрессист Михаил Грушевский.

26 мая 1917 г. Центральная Рада официально обратилась к Временному правительству с предложением признать автономию Украины в составе России. Категорический отказ подтолкнул Раду к решительным действиям: 10 июня 1917 г. она без согласования с Временным правительством приняла «Первый Универсал», который провозгласил автономию Украины, «не отделяясь от России, не разрывая с государством Российским». Стремясь заручиться поддержкой крестьян, Рада обещала в Универсале скорую национализацию и передел земли помещиков.

Универсал вызвал в Петрограде взрыв возмущения. Особое негодование вызвало создание самочинного Генерального секретариата Центральной Рады — параллельной власти на Украине. Коалиционный Генеральный комитет представлял собой подобие Совета министров для автономной Украины. Возгласил его и стал секретарем внутренних дел В. Винниченко, еще семь секретариатов (просвещения, юстиции, продовольствия, земледелия, межнациональных дел, военных дел, финансов) возглавили представители партий УСДРП, УПСР, федералистов. Симон Петлюра получил в Секретариате должность секретаря по военным делам⁶. Таким образом, с июня 1917 г. на Украине начало складываться двоевластие: Временного правительства и Центральной Рады.

21 сентября в Киеве прошел съезд народов России, на котором было заявлено о желании Центральной Рады перестроить Россию на федеративных началах. 24 сентября Генеральный секретариат заявил о переходе власти на Украине в руки Генерального секретариата. Но пока Временное правительство пыталось игнорировать это, считая Секретариат не государственной структурой, а общественной организацией.

26 октября пришло сообщение о взятии власти в Петрограде большевиками и возникновении новой власти — СНК во главе с В. И. Лениным. В ответ Генеральный секретариат издал воззвание против большевистского переворота, требуя передачи власти Учредительному собранию России и Учредительному собранию Украины.

С 1 ноября — властью на Украине становится Центральная Рада. Рада заняла враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции, и 11 января 1918 г. Украина была провозглашена независимой республикой (УНР). Также с января 1918 г. пост главы правительства занял В. К. Винниченко, С. В. Петлюра возглавил Министерство по военным делам. Советское правительство пыталось воспрепятствовать отделению Украины, 8 февраля войска В. А. Антонова-Овсеенко даже захватили Киев, но Центральная Рада послала свою делегацию в Брест-Литовск, где Германия и другие державы Четверного союза 9 февраля подписали с ней отдельный от России мирный договор. Правительству РСФСР ничего другого не оставалось, как признать независимость Украины и позволить там находиться войскам Германии и Австро-Венгрии.

В соответствии с условиями Брестского мира Украина была оккупирована австро-германскими войсками, которые 29 апреля 1918 г. разогнали Центральную Раду и во главе украинского правительства поставили гетмана Скоропадского.

Нужно отметить, что, несмотря на протесты Центральной Рады, к этому времени в деревне полным ходом шел раздел помещичьей земли. Многие крестьяне приняли большевистский Декрет о земле как руководство к действию.

Когда же Украину захватили австро-немецкие войска, и вместо Центральной Рады во главе страны был поставлен гетман Скоропадский, помещики стали возвращаться в свои имения и наводить порядок, наказывать крестьян «за самоуправство». Оккупация, возвращение помещиков не могли не вызвать озлобления крестьян. Несогласные стали уходить в леса, подполье. Крестьянство стало организовываться в боевые отряды во главе, которых встали местные вожаки. Как отмечает советский историк В. Руднев, «Нестор Махно, Григорьев, Зеленый и др. — все эти прославленные вожди атаманщины — начинали свою атаманскую карьеру в качестве руководителей партизанских отрядов, выступавших против гетмана Скоропадского и немцев, одни самостоятельно, как Махно, другие в составе петлюровских повстанческих войск, как, например, Григорьев и Зеленый»⁷. По словам лидера Белого движения А. И. Деникина, «деревня поднялась “за землю” против “пана”, против немца, как защищающего “пана” и отбирающего хлеб. Объектами жестокой расправы повстанцев были поэтому помещики, “державная варта” и австро-германцы, когда с последними можно было справиться»⁸.

Организации отрядов способствовала также демобилизация старой армии, которая наводнила деревню оружием. Деятели Центральной Рады ушли в оппозицию режиму Скоропадского и также принимали участие в формировании крестьянских отрядов партизан.

В ноябре 1918 г. произошла революция в Германии, и немецкие войска стали уходить с Украины. В результате, в середине ноября 1918 г. в центре Украины вспыхнуло мощное восстание против гетманского режима во главе с членами Директории В. Винниченко и С. Петлюрой. Вскоре на территории большей части Украины была установлена власть Директории и провозглашена Украинская Народная Республика (УНР).

Но Директория правила недолго. Крестьяне поддерживали Директорию в борьбе против оккупантов, но не против большевиков. Как пишет современный историк советского крестьянства А. Грациози: «Необычайная легкость, с которой досталась победа, была обусловлена поведением партизанских отрядов, покинувших Петлюру и перешедших массами на сторону “советской власти”. Начавшись с отряда численностью немногим больше 8000 человек, сформированного на волне сопротивления режиму Скоропадского, националистическая армия к концу года насчитывала уже более 100 000 бойцов. Но почти сразу начался ее драматический распад: уже в феврале Петлюра мог рассчитывать лишь на “Сичових стрільців” и на некоторые отряды с численностью воинского состава немногим более 20 000 человек. Между тем численность армии Антонова-Овсенко возросла с 8–9 000 человек в середине декабря 1918 г. до 46 000 в конце января 1919 г. ...»⁹.

Таким образом, при поддержке крестьянства в январе — августе 1919 г. на Украине установилась власть большевиков. Но то, что в Красной армии на Украине служили в основном крестьяне, причем, организованные крестьяне (чего стоят одни отряды Махно и Григорьева), вносило дополнительный элемент нестабильности, так как военный вопрос тесно переплетался с аграрной политикой советской власти в 1919 г.

Основным требованием, за которое боролись повстанцы, являлся переход всей земли трудящимся на ней крестьянам, т. е. безвозмездное отчуждение помещичьих земель в их пользу, и уравнильный передел ее по трудовой норме.

Но надеждам крестьян не суждено было сбыться. Как писал советский историк Н. И. Супруненко, «в январе–феврале 1919 г. Украинский совнархоз издал декрет о национализации сахарных и винокуренных заводов и конфискации земель, принадлежащей владельцам заводов... Все эти земли переходили в руки государства. Только двумя актами была изъята из фонда уравнильного раздела значительная часть земель. Декреты коснулись, прежде всего, тех районов Украины, где было много помещичьей земли и где крестьянство испытывало особенно острый земельный голод»¹⁰. Также, как отмечает А. Грациози, все поместья, где производились улучшения, были национализированы и превращены в совхозы. Он приходит к выводу, что, «принимая в расчет различные мероприятия, из пятнадцати миллионов десятин земли, включающей бывшие владения помещиков, государства, церкви, банков... и конфискованной в начале 1919 года, было оставлено “для временного уравнильного распределения” не более одной трети»¹¹.

Таким образом, общая направленность аграрной политики большевиков была не на безвозмездную передачу сельскохозяйственной земли крестьянам, а на организацию советских хозяйств. Лучшим свидетельством тому могут служить слова наркомзема В. Мещерякова в его брошюре «Земельная политика коммунистов»: «не делить землю на клочки, но соединить все поля в одно, не убиваться каждому хозяину в отдельности над своим клочком земли, но установить гораздо более выгодное по плану общее хозяйство, где каждый бы работал на одинаковых правах, под руководством выбранных Советов...»¹².

Разумеется, это не могло не вызвать недовольства крестьян. 15 июля А. А. Иоффе писал в своем письме Н. Н. Крестинскому: «От разрешения этого (земельного. — А. М., А. С.) вопроса зависит здесь многое. Здесь засеянной земли на Советских хозяйствах только около 500 тысяч десятин. Урожай небывалый и нужно считать, что одни Советские хозяйства могут дать не менее 40–50 миллионов пудов зерна. Но, нужно считаться также и с тем, что кулак, которого такое наше обогащение невероятно ослабляет, будет всячески препятствовать снятию нами этого урожая: усилятся не только кулацкие бунты, но пойдут поджоги, потравы и т. д., ибо кулак, который до сих пор нас бьет, отлично понимает, что раз мы будем иметь у себя этот урожай, мы его побьем. Нужно прямо признать, что Украинское Правительство, увлекшееся в направлении своего империализма, преступно бездействовало в смысле укрепления власти на Украине. Подобно тому, как ничего планомерного не было создано в военном деле, ничего планомерного не создано и в земельном вопросе. В деревне не на кого опереться и наоборот грабительски-партизанские армии, хотя и переименованные в дивизии, продолжают создавать своими грабежами контрреволюционное настроение в деревне...»¹³.

В качестве мер борьбы он предлагал воспользоваться кулацкими восстаниями для того, чтобы внести дифференциацию в деревню. А. А. Иоффе пишет, что «здесь склонны социально обобщать крестьянство и применять или пытаться применять к нему только силу. Я полагаю, что это было бы ошибкой. Нужно в спешном порядке отделить от кулаков середняка и бедняка, отделить в смысле разного нашего к ним отношения и, таким образом, попытаться теперь же внести

разлад в психологически, быть может, однородную, но социально экономически, несомненно, разнородную крестьянскую среду»¹⁴.

Из этого можно сделать вывод, что меры по расслоению деревни (комбеды, продразверстка) рассматривались как одно из решений крестьянского вопроса, а все увеличивающийся масштаб крестьянских восстаний расценивался как противодействие «кулаков» политике коммунистов.

Дополнительные осложнения добавляла продовольственная политика большевиков. Как отмечает А. Грациози, «подталкиваемый нуждой, недооценивая национального чувства украинцев, Ленин проводил по отношению к Украине политику, заключающуюся в требовании выжимать в более короткие сроки как можно больше зерна для России»¹⁵. Вместе со Шлихтером, назначенным Наркомпродом, на Украину выехали продотряды, основной задачей которых было снабжение советской России продовольствием, т. е. «выкачка» продовольствия происходила силами русских отрядов, что тоже не способствовало популярности советской власти на Украине. 12 апреля 1919 г. Наркоматом продовольствия был выпущен декрет, вводивший на Украине продразверстку на урожай предыдущих лет. «В первой части этого декрета заявлялось, что все делалось в интересах государственного планового снабжения населения республики (только городского, естественно) и для братской революционной помощи Северу... В заключении говорилось, что, начиная с сегодняшнего дня, несданное зерно будет отбираться силой, и что крестьяне, “злостно” скрывающие свои запасы, будут подвергнуты суровым мерам наказания “по всей строгости законов революционного времени”. Таким образом, продотряды всех типов официально получали абсолютную свободу действий»¹⁶. Наряду с резким падением производства и истощением запасов, экспедиции продотрядов в ряде районов весной 1919 г. способствовали наступлению голода на местном уровне.

Переход к хлебной разверстке сопровождался введением продовольственной диктатуры. 25 апреля 1919 г. ЦК КП(б)У утвердил исключительное право народного комиссариата продовольствия в проведении заготовительной политики, недопустимость самостоятельных заготовок нормированных продуктов другими учреждениями. В распоряжение Наркомпрода передавался весь местный заготовительный аппарат. На наркомат продовольствия также налагалась функция снабжения частей Красной армии, расположенных на Украине. С этой целью при наркомате был создан специальный Отдел снабжения армии и фронта — Укрснабарм и его органы на местах. Однако, по мнению Ю. И. Терещенко, в целом комиссариат не сумел наладить систематическое снабжение воинских частей продовольствием, и, в результате, армейские заготовительные органы были вынуждены прибегать к самостоятельным заготовкам, что способствовало дезорганизации работы продорганов¹⁷. Такая ситуация продолжалась достаточно долго, пока 9 июля 1919 г. Совет Рабоче-крестьянской обороны УССР был вынужден реорганизовать порядок снабжения армии. На Укрснабарм теперь возлагалась задача снабжения лишь частей, входивших в состав военных органов. Для этого был создан Совет по продовольственному снабжению военных округов, которому выделялись определенные уезды. Снабжение же воинских частей, расположенных во фронтовой и прифронтовой зонах переходило непосредственно в ведение военных органов — особых продовольственных комиссий по снабжению Южного и Западного фронтов (опродкомов)¹⁸.

Характеристику сложившейся ситуации можно найти в письме Х. Г. Раковского Ленину от 9 августа 1919 г., где он пишет:

«Особенно тяжело отражается неудовлетворенность нашего Нарпрода на армии, которая для того, чтобы существовать, грабит крестьян и питает этим кулацкие восстания. Не буду пускаться в подробности о причинах неудовлетворительности нашего продовольственного аппарата. Несомненно, часть ответственности падает на политику Шлихтера. Он с похвальным упорством и с юным задором защищает принципы продовольственной политики, и я его всемерно поддерживаю против той бучи, которая со всех сторон поднималась на него. Но у него нет достаточно организационного таланта, и, главное, достаточно системы и концентрированности.

С самого момента моего прибытия на Украину, я особенно внимательно следил за его работой. Главный дефект которой заключался в том, что он никогда не соразмерял задач, которые он ставил, со средствами, которыми располагал. Он сам не был в состоянии поставить хороший продовольственный аппарат, в то же самое время не давал другим поставить его для обслуживания своих нужд. Как настоящий Плюшкин, он делал коллекции уездов, в которых, однако, хлеб сгнивал, потому что он не был в состоянии его заготавливать и выкачивать оттуда. Наконец были созданы опродкомы, регулярный военный аппарат, находившиеся под непосредственным контролем и руководством Наркомпрода Шлихтера, неохотно согласившегося на это, и видевшим в этом нарушение своих суверенных прав, будировал, как он будет вести уборку хлеба прифронтовой полосы с помощью военных, хотя эти органы не в состоянии вести эту уборку. Теперь я узнаю, что в Москве по постановлению Цурюпы и Брюханова решено упразднить опродкомы и передать дело заготовки и для армии исключительно Наркомпроду. В русских условиях это мера может быть рациональная, но в украинских условиях — в стране, охваченной восстанием и взятой в тиски врагами с запада, востока и юга, где большинство уездов занято различными красноармейскими частями — Наркомпрод будет бессилен справиться со своими задачами. Здесь могли бы иметь достаточно авторитета только продовольственные военные организации»¹⁹.

Из этого можно сделать вывод, что для выкачки продовольствия у крестьян приоритет отдавался использованию военной силы. Свидетельством тому служат также слова самого наркома Шлихтера о том, что «вооруженная борьба, война за хлеб — вот единственный метод, которым могла быть обеспечена реализация нынешнего урожая. Организация продармии, участие в войне за хлеб частей Красной армии, революционная самодеятельность рабочих масс в виде активного участия в борьбе за хлеб — вот практические средства для разрешения продовольственного кризиса в общегосударственном масштабе»²⁰.

Такие методы также вызывали недовольство крестьян. В апреле начинаются массовые крестьянские восстания против советской власти. Особенно показателен здесь пример восстания атамана Григорьева, чьи войска, ранее вошедшие в состав Красной армии, не остаются в стороне. Григорьевские полки, стоявшие в Знаменке и Елисаветграде, вышли из-под контроля большевиков.

На Украине распространяются листовки, подписанные «партизаны атамана Григорьева»: «Трудовое крестьянство и пролетариат! К вам, наши братья, обращаемся мы с призывом прийти к нам на помощь в борьбе против насилия большевиков-коммунистов, в борьбе за свободно избираемые советы крестьян-

ских и рабочих депутатов, в борьбе за «землю и волю». Вооружайтесь, кто, чем может, и идите к нам в армию атамана Григорьева»²¹.

В Елисаветграде начались обыски, грабежи в учреждениях и в домах членов компартии, причем у обыскивавших имелись списки коммунистов. Был разоружен коммунистический батальон, разгромлено помещение КП(б)У. Наконец, 7–8 мая 1919 г. был выпущен «Универсал», составленный Григорьевым.

«Универсал» обращался к «народу украинскому», народу измученному, обманутому «политическими спекулянтами» (т. е. большевиками) в тот момент, когда он стал защищать «право свое на землю и волю»:

«Здесь политические спекулянты обманули тебя и ловким ходом использовали твою доверчивость: вместо земли и воли тебе насильно навязывают коммуны, чрезвычайку и комиссаров из московской обжорки и той земли, где распяли Христа... Обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя... с оружием в руках забирают твой хлеб, реквизируют скотину твою и нахально убеждают тебя, что все это для блага народа... Народ украинский, бери власть в свои руки. Пусть не будет диктатуры ни лица, ни партии. Да здравствует диктатура трудящегося люда... Да здравствует власть советов народа Украины... Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием, и немедленно займите все станции железных дорог и на каждой станции поставьте своих комиссаров. Каждая волость, каждое село формируйте отряды и идите в свой уездный город. От каждого уездного города, из ваших отрядов по четыреста человек лучших бойцов пошлите на Киев, по двести бойцов пошлите на Херсон. Если есть оружие, пошлите с оружием, нет оружия — пошлите с вилами. Но мой приказ прошу исполнить, и победа — за нами. Все остальное сделаю сам... Правительство авантюриста Раковского и его ставленников просим уйти от нас и не насиловать волю народа. Всеукраинский съезд Советов даст нам правительство, которому мы подчиняемся и свято исполним волю его»²².

«Универсал» призывал немедленно приступить к организации Советов в селах, волостях, уездах и губерниях. В Советы имели право быть избранными представители всех партий, стоящих на советской платформе, и беспартийные, признающие советскую власть. Права наций при выборах ограничиваются процентной нормой: «для украинцев предоставляется в Совете 80 % мест, для евреев — 5 % мест и для всех прочих национальностей — 15 % мест. Так как, «при таком распределении не будет засилья ни партий, ни наций». «Универсал» подхватил левоэсеровские лозунги о диктатуре трудящихся и лозунги украинских эсеров о национальной украинской советской власти, независимой от «московских комиссаров». Таким образом, в «Универсале» нашли отражение чаяния крестьян южного Правобережья, за которые они готовы были бороться. Именно поэтому большевикам было очень не просто справиться с восстанием.

После опубликования «Универсала» началась открытая борьба большевиков с григорьевцами. 10 мая 1919 г. вышло Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны Украины, в котором говорилось: «...устроив резню беззащитного населения в Знаменке, Елисаветграде и ряде других железнодорожных станций, Григорьев объявил себя полновластным хозяином Украины. Сам постоянно пьяный, самозванец Григорьев совместно со своим штабом возымел честолюбивые мысли стать новым гетманом на Украине. Но его постигнет участь худшая, чем Скоропадского и Петлюры: он со всех сторон окружен нашими

войсками, его предательская затея будет ликвидирована в самый кратчайший срок. Одновременно с мерами военного характера, которые принимаются без ущерба другим нашим оперативным задачам, Совет рабоче-крестьянской обороны постановил: 1) Григорьев и его ближайшие сотрудники объявлены вне закона; 2) Каждый гражданин Советской Украины и, в частности, каждый красноармеец обязан расстреливать их на месте; 3) Всякое оказанное содействие Григорьеву и его сообщникам будет караться со всей строгостью военно-революционного времени, вплоть до расстрела...»²³.

Как пишет историк гражданской войны Н. Е. Какурин, восстание атамана Григорьева, командовавшего бригадой численностью до 15 000 человек с артиллерией, пулеметами, положило начало выступлениям украинских атаманов против Советской власти и Красной армии. Его части, расположенные в районе города Александрии Херсонской губернии, захватили последний и начали продвижение к Херсону, Николаеву и Екатеринославу. Действуя по способу эшелонной войны, Григорьев быстро распространился на север, и уже 13 мая его отряды появились в Кременчуге и Черкассах, угрожая даже Полтаве²⁴.

Подробную картину мятежа дает в своей работе В. А. Савченко, в том числе описывает взятие Екатеринослава: «11 мая, когда войска атамана подошли к городу, к ним присоединился советский гарнизон Верхнеднепровска. В штабе 2-й советской армии началась паника, и он покинул Екатеринослав, скрывшись на станции Синельникове. Попытки организовать оборону Екатеринослава успеха не имели. Началось общее бегство. 12 мая в городе восстал Черноморский полк матроса Орлова и конный отряд анархиста Максюты; оставшиеся верными большевикам части и советские учреждения быстро покинули город. Восставшие отдали Екатеринослав во власть Григорьева, разгромили тюрьму и ЧК, назначили своего коменданта города. В штаб восставших вошли Максюта и матрос Орлов. Они стали фактическими правителями Екатеринослава. В городе и его предместьях бандиты убили около 150 русских и 100 евреев. Только 15 мая “красная” группа А. Пархоменко сумела отбить Екатеринослав. Каждый десятый пленный григорьевец или участник восстания был расстрелян, погиб и Максюта. Несколько тысяч восставших оказались в тюрьме. 16 мая, в преддверии новых расправ, пленные “григорьевцы” подняли бунт в тюрьме и, объединившись с уголовниками, разгромили тюрьму, захватили часть города, снова впустив отряды Григорьева в Екатеринослав, который на несколько дней оказался в руках мятежников»²⁵.

Большевики стали готовиться к эвакуации Киева, Полтавы, Одессы. Велика была опасность перехода всех украинских советских армий на сторону Григорьева. 15 мая началось восстание в Белой Церкви, 16 мая восстали матросы Очакова, и тогда же в Херсоне власть захватил переизбранный исполком Советов во главе с левыми эсерами (украинскими и русскими), которые присоединились к восстанию. На протяжении двух недель Херсон был «независимой советской республикой», которая боролась против большевиков.

На сторону мятежников перешел тогда городской гарнизон — 2-й полк и полк им. Дорошенко. 20 мая григорьевцы на один день занимают Винницу и Брацлав. Восстание распространяется на Подолье, где Григорьева поддерживали атаманы Волюнец, Орлик, Шепель. В соседнем Николаеве восстали матросы и солдаты гарнизона (5 тыс. чел.) во главе с левыми эсерами. Они разогнали ЧК, органы власти, большевистские комитеты и впустили в город григорьевцев. Возглавили

восстание матросы Евграфов и Проскуренок (это восстание в 1920-х гг. называли Южным Кронштадтом). В Александровске солдаты Красной Армии, посланные на борьбу с Григорьевым, заявили, что воевать с ним не будут, и разогнали ЧК, освободили повстанцев из тюрем.

Для разгрома «григорьевцев» были собраны все силы в Советской Украине, около 10 тыс. солдат было срочно направлено из России. 14 мая три группы войск (30 тыс. солдат), под командованием К. Ворошилова и А. Пархоменко, начали общее наступление из Киева, Полтавы и Одессы. Стремясь сохранить инициативу в своих руках, Григорьев прибегнул к опыту «молниеносной эшелонной войны». Посадив большую часть своих войск в эшелоны, он двинул их на Полтаву (не дошли 20 км), Киев (не дошли 80 км), на Екатеринослав. Однако у «эшелонной войны» были и серьезные недостатки: вооруженная сила растворялась в огромном пространстве Украины, атаман эту силу распылил, не выбрав направление главного удара, а только наводнив повстанцами огромный регион от Днестра и Подолья до Днепра, от Черного моря до окрестностей Киева. Через пять дней его наступление выдохлось²⁶.

Н. Е. Какурин по этому поводу пишет, что мятеж по времени совпал с напряженной борьбой на Южном фронте с наступающими армиями Деникина, для его ликвидации потребовалось стягивать части с различных сторон и даже мобилизовать население Одессы. Однако вскоре в отрядах Григорьева начался процесс внутреннего разложения, и они стали рассыпаться в пространстве, исчезнув как вооруженная сила, способная решать самостоятельные боевые задачи, но наводнив огромный район между Днепром и Днестром своими осколками. Борьба с ними приняла затяжной характер. В начале июня на правом берегу Днепра, кроме курсантских и специальных частей, борьбу с последствиями григорьевского мятежа вели полевые войска численностью до 7000 штыков, а на левом берегу Днепра сила отрядов, выполнявших то же назначение, достигала 7024 штыков, 13 орудий, 600 сабель²⁷.

Бороться с «кулацкими восстаниями» силами местных армий не удавалось. Как писал А. А. Иоффе в ЦК РКП(б) 13 августа 1919 г., «хуже обстояло дело в отношении кулака. Он уже отошел от нас, он уже бунтовал, он уже организовался, когда я приехал на Украину. Разбить его, опираясь на Украинскую партизанскую армию, было совершенно невозможно. Необходимы были русские части, которые одни только могли бы его терроризировать. Если бы вы тогда прислали хоть два хороших полка, игру, быть может, можно было еще выиграть. Но так их [и] не послали, несмотря на неоднократные просьбы. Далее, необходимо было и необходимо теперь помимо кровавой встряски кулаку, работать в интересах классового расслоения Украинской деревни»²⁸.

Крестьянское недовольство большевиками пагубным образом отражалось на боеспособности местных армий, что дало преимущество в борьбе А. И. Деникину, который, захватив Украину, начал поход на Москву. Анализируя причины сдачи Киева в августе 1919 г., А. А. Иоффе отмечал: «сдача Киева... показала, что на украинские части больше полагаться нельзя. Геройски дрались только курсанты. Если бы на Украине было больше российских полков... Киев не был бы сдан»²⁹.

Подробный анализ причин неудач большевиков в 1919 г. дается в письме украинских коммунистов в ЦК КП(б)У. Они пишут, что «на Украине решающим

моментом является настроение деревни. Центральная Рада, гетман, Директория, Советская власть как созданы, так и низвергнуты были не пролетариатом и буржуазией, а именно деревней. Несомненно, что пролетариат и буржуазия играли при этом крупную роль: им часто принадлежала инициатива (как во время геройского восстания киевского пролетариата в январе 1918 г., как при избрании гетмана), но последнее слово всегда принадлежало вооруженным крестьянским отрядам. Даже ставленник объединенной крупной буржуазии — Скоропадский — был избран на гетманство не непосредственно буржуазией, а съездом украинского сельского кулачества (хлеборобов-собственников). Если к этому прибавить, что города на Украине имеют в большинстве своем русско-еврейский характер, а деревня — чисто украинский, что борьба против помещиков сливается с борьбой с еврейством, что чиновник, полицейский, “пан” — ассоциируются так же с русским и поляком, то станет вполне понятной вся сложность и запутанность классовой и национальной борьбы на Украине»³⁰.

И далее добавляют: «...Априорная оценка Украины как страны кулацкой, не способной на самостоятельное революционное творчество, порождала политику, которую нельзя квалифицировать иначе как только колониальной. Украина рассматривалась исключительно как объект для выкачивания материальных ресурсов, причем совершенно игнорировались интересы классовой борьбы на Украине. Шли по линии минимального сопротивления. Круговая порука при усмирении восстаний (см. Постановление Сов. Оборона), декрет об урожае, по которому половинщики — элемент сравнительно самостоятельный — должны были отдавать государству 1/5 или 1/10 урожая, а сельская беднота должна была убрать хлеба помещичьего засева за деньги (за которые нельзя ничего купить), и ничего не получала натурой — все эти явления весьма характерные. Взять, что успеешь и что легче взять (помещичий хлеб), все мешающее — устранить силой, а что из этого выйдет — не все ли равно? Страна-то, все равно, кулацкая. Результатом такой политики были крестьянские восстания, которые происходили зачастую в наиболее пролетаризированных уездах (например, Трипольский район Киевского уезда, Звенигородский, Таращинский, Уманский уезды Киевской губ.) Жизнь показала, что такая политика была подрубливанием того сука, на котором сидишь»³¹.

И авторы письма в основном были правы в анализе и данных оценках.

* * *

Как и в России, большевики пришли к власти на Украине (в январе 1919 г.) в значительной степени в результате доверия, оказанного им крестьянами. Украина была крестьянской страной, поэтому устойчивость режима определялась, прежде всего, их поддержкой. От поддержки крестьян зависела и боеспособность Красной армии на Украине, состоящей в основном из партизанских крестьянских отрядов. Поэтому от большевиков требовалась большая гибкость в осуществлении своей политики, необходимо было учитывать местные особенности.

Однако они не смогли оправдать доверия украинского крестьянства. Продолжая оставаться в плену своей идеологической доктрины, большевики по-прежнему смотрели на крестьян как на потенциальных врагов, которым нельзя отдавать землю и в лагере которых необходимо проводить политику «расслоения». Прин-

ципиальные расхождения крестьянства с большевиками и во взглядах на государственное устройство, и на взаимоотношения деревни с властью, в том числе и по земельному вопросу, и по продовольственному снабжению городов, являлись главными причинами недовольства деревни политикой «военного коммунизма», где бы она ни проводилась. Причем методы, применявшиеся в России, были широко использованы и на Украине, без учета специфики ситуации.

Основой взаимоотношений с крестьянами стало вооруженное насилие. Чрезвычайные методы в деревне вызывали недовольство крестьян коммунистами, которые, с одной стороны, военной силой отбирали продовольствие для отправки на Север, с другой, не выполняли собственных обязательств по предоставлению крестьянам всей сельскохозяйственной земли. В результате крестьяне разочаровались в политике большевиков.

Все это создавало почву для массовых восстаний, которые на Украине имели такой масштаб, что были названы «внутренним фронтом». Результатом того, что крестьяне отвернулись от советской власти, стало временное поражение большевиков на юге: Добровольческой армии Деникина удалось прорвать фронт красных и начать свой знаменитый поход на Москву, который стал реальной угрозой для существования большевистского режима в стране.

Примечания

- 1 *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 46.
- 2 *Радек К.* Пути русской революции // Красная новь. 1921. № 4. С. 188.
- 3 *Сенчакова Л. Т.* Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 75 – 76.
- 4 *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 14–15.
- 5 *Харченко К. В.* Власть — имущество — человек. М., 2000. С. 30.
- 6 *Савченко В. А.* Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 77.
- 7 *Руднев В.* Атаманищина на Украине в 1919 году // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 523. Л. 34.
- 8 *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России (Очерки русской смуты) / Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Поход на Москву. М., 1996. С. 71.
- 9 *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997. С. 95–96.
- 10 *Супруненко Н. И.* Очерки гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966. С. 195.
- 11 *Грациози А.* Указ. соч. С. 130–131.
- 12 *Мещеряков В.* Земельная политика коммунистов. Харьков, 1919. С. 4.
- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 12. Л. 9–12 об.
- 14 Там же.
- 15 *Грациози А.* Указ. соч. С. 107.
- 16 Там же. С. 109–110.
- 17 *Терещенко Ю. И.* Великий Октябрь и становление социалистической экономики на Украине. К., 1986. С. 81–82.
- 18 Там же. С. 84.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 12. Л. 14–15.
- 20 *Шлихтер А.* Борьба за хлеб на Украине в 1919 г. // Літопис революції. Харьков. 1923. № 3. С. 135.
- 21 Цит. по: *Руднев В.* Указ. соч. Л. 108.
- 22 *Антонов-Овсеенко В. А.* Указ. соч. Т. 4. С. 202–203.
- 23 Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сб. док.: В 3 тт. Киев, 1967. Т. 2. С. 33–34.
- 24 *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 98–99.
- 25 *Савченко В. А.* Указ. соч. // <http://militera.lib.ru/bio/savchenko/04.html>.
- 26 Там же.

- 27 *Какурин Н. Е.* Указ. соч. С. 98–99.
28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 76. Л. 152.
29 Там же. Оп. 84. Д. 12. Л. 21–23 об.
30 Там же. Оп. 65. Д. 12. Л. 25.
31 Там же.

А. Л. Кубасов
Вологда

Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и оппозиционные политические партии на европейском Севере России (1918–1922 гг.)

В конце 1917 – начале 1918 гг. в России развернулась острейшая политическая борьба между большевиками и их политическими противниками из числа социалистических партий — правыми эсерами, народными социалистами, меньшевиками. Точками преломления стали два основных вопроса: отношение к продолжению войны с Германией и признание правомочности всенародно избранного Учредительного Собрания. Ни та, ни другая сторона не хотела уступать, не была готова к компромиссам и соглашениям.

На выборах в Учредительное собрание победили эсеры. Кандидаты от РСДРП(б) получили лишь 25 % голосов. В северных губерниях эсеров поддерживала основная масса крестьянства. Депутатами стали, в частности, член ЦК ПСР, председатель её Вологодского комитета С. С. Маслов и один из лидеров партии, бывший личный секретарь А. Ф. Керенского П. А. Сорокин. Успех сопутствовал также энесам. Так, от соседней с Вологодской Вятской губернии в Учредительное собрание прошел член ЦК Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский, ставший впоследствии одним из вождей антисоветского движения на Севере России.

Правые эсеры, народные социалисты и меньшевики, имевшие перевес в Учредительном собрании, полагали, что только оно вправе определить форму государственного устройства России. По иному думали большевики. Потерпев поражение на избирательных участках, они взяли курс на подготовку к роспуску созываемого всероссийского форума. Началась кампания по его дискредитации. Возглавлявшийся коммунистами ВЦИК заявил, что Учредительное собрание — «крепость богатых против бедных», «оплот имущих классов против рабочей и крестьянской власти», что к лозунгу «Вся власть Учредительному собранию!» присоединились «все без исключения контрреволюционные элементы»¹. В ночь с 6(19) на 7(20) января 1918 г. ВЦИК по докладу В. И. Ленина принял декрет о роспуске Учредительного собрания². Разгон Учредительного собрания стал прологом гражданской войны в России. Исчезла последняя возможность добиться единства партий социалистической ориентации.

В марте — апреле 1918 г. из Петрограда борьба стала перемещаться в Москву и регионы страны. Депутаты разогнанного Учредительного собрания, представ-

лявшие оппозиционные партии, разъехались в разные концы России. П. А. Соколин и Н. В. Чайковский уехали в Москву, М. А. Лихач — в Архангельск, С. С. Маслов — в Вологду. На Севере, также как и в Поволжье и на Урале, вокруг членов Учредительного собрания начали группироваться силы, не согласные с большевиками и готовые вступить с ними в бой.

Весной 1918 г. на Севере противники большевиков, объединившиеся в Союз возрождения России, заручившись поддержкой представителей стран Антанты, приступили к подготовке вооруженных выступлений для свержения Советской власти.

В. И. Ленин и его сподвижники действия «буржуазных» и «мелкобуржуазных» политических партий, направленные на оказание сопротивления большевистской политике, оценивали как «контрреволюцию». Для ее подавления были созданы ВЧК и её органы на местах.

Назначение Всероссийской чрезвычайной комиссии было закреплено в самом ее названии. Между тем, ни в постановлениях СНК о создании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г. и «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда» от 31 января 1918 г., ни в принятом ВЦИК 28 октября 1918 г. «Положении о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», содержание понятия «контрреволюция» не раскрывалось.

До октября 1917 г. понятие «контрреволюция» разрабатывалось в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Классики марксизма-ленинизма понимали под «контрреволюцией» реакцию «эксплуататорских классов» на социальную революцию, предпринимаемые ими попытки сохранить или реставрировать «отживший общественный и государственный строй».

Конкретные указания на то, какие политические силы и слои общества относились к «лагерю контрреволюции», содержались в дореволюционных выступлениях и трудах В. И. Ленина.

В июле 1905 г. в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин писал: «Против революции стоит двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати». Буржуазия, по его оценке, в тот момент поддерживала революцию, но «как только удовлетворятся её узкие, корыстные интересы», она неизбежно повернет «на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия, против народа»³.

После свержения в феврале 1917 г. царизма В. И. Ленин, рассматривая в новых исторических условиях соотношение сил революции и контрреволюции, указывал в газете «Правда»: «Буржуазия — это и есть контрреволюция. Она прячется от народа, она устраивает настоящие контрреволюционные заговоры против народа»⁴. В августе 1917 г. в статье «Политическое положение (Четыре тезиса)», опубликованной в газете «Пролетарское дело», В. И. Ленин выделил три главные силы контрреволюции: 1) партию кадетов; 2) «генеральный штаб и командные верхи армии»; 3) «черносотенную и буржуазную прессу». Здесь же он писал о том, что эсеры и меньшевики «предали дело революции», превратив свои партии в «фиговый листок контрреволюции»⁵.

После победы Октябрьской революции перечень контрреволюционных сил определялся в выступлениях и статьях руководителей ВЦИК и СНК, в декретах и постановлениях высших органов государственной власти и государственного управления.

Уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. СНК принял декрет о печати⁶, предусматривавший запретительные меры против «контрреволюционной» прессы «различных оттенков». Закрытию подлежали газеты, призывавшие к открытому сопротивлению или неповиновению Советскому правительству, сеявшие «смуту путем явно клеветнического извращения фактов», подстрекавшие к деяниям уголовного характера.

28 ноября (11 декабря) 1917 г. Совнарком объявил «партией врагов народа» конституционных демократов⁷. 3 декабря «Известия ЦИК» опубликовали резолюцию ВЦИК, в которой говорилось о необходимости «...самой решительной борьбы с буржуазной контрреволюцией, возглавляемой кадетской партией»⁸.

В декабре 1917 г., после поражения большевиков на выборах в Учредительное собрание, возглавлявшийся ими ВЦИК причислил к лагерю «замаскированной контрреволюции» социалистические партии — меньшевиков и правых эсеров⁹.

3 (16) января 1918 г. ВЦИК принял постановление, по которому как «контрреволюционное действие» рассматривалась «...всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти»¹⁰. Вслед за этим, вождями контрреволюции были объявлены генералы А. И. Дутов, А. М. Каледин и Л. Г. Корнилов, возглавившие вооруженные восстания против Советской власти.

Таким образом, к «внутренней контрреволюции» причислялись политические деятели, партии, организации и движения, в тех или иных формах выступавшие против «диктатуры пролетариата». Целые слои населения — буржуазия, «буржуазная» интеллигенция, зажиточное крестьянство и т. д. объявлялись «социальной базой контрреволюции». В ходу были термины «буржуазная контрреволюция», «мелкобуржуазная контрреволюция» и т. п. Под «внешней контрреволюцией» подразумевались иностранные капиталисты, правящие круги «буржуазных» государств, их разведки, осуществлявшие враждебную деятельность против Советской власти. Под борьбой с контрреволюцией понималась защита «пролетарского» государства от внешних и внутренних «классовых» врагов, подавление сопротивления «эксплуататорских» классов.

Первоначально партии большевиков удалось привлечь на свою сторону левых эсеров и анархистов. На Севере установление Советской власти поддерживали председатель региональной федерации анархистов А. Федоров, анархистские группы, действовавшие в г. Кириллове (Новгородской, а с апреля 1918 г. — Череповецкой губернии) и на Мурманской железной дороге, лидер Петрозаводской организации левых эсеров И. Балашев, левоэсеровский комитет в г. Тотьме Вологодской губернии¹¹. Но данный политический союз сохранялся недолго.

Уже весной 1918 г. обострились отношения большевиков с анархистами, которые считали необязательными для себя многие решения Советской власти, предпринимали самочинные обыски, аресты и конфискации. В ответ на это к ним применялись репрессивные меры.

После разоружения в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. анархистских групп в Москве по предписанию губисполкома аналогичная операция была проведена в г. Вологде. Руководил ею заместитель председателя губисполкома, в дальнейшем — председатель губернской ЧК П. Н. Александров. В ночь с 14 на 15 апреля входивший в состав гарнизона отряд латышских стрелков окружил гостиницу «Золотой якорь», где размещались штаб и общежитие Северной федерации

анархистов-коммунистов, произвел там обыск, изъял хранившееся оружие, арестовал 14 членов федерации.

На состоявшемся вслед за этим собрании анархисты обвинили большевиков в узурпации власти, измене делу революции и отозвали своих представителей из всех советских учреждений. Газета «Грядущее» опубликовала статью председателя Северной федерации анархистов А. Федорова с протестом против действий властей. От имени своих товарищей он писал: «Рассмотрев текущий момент, анархисты Северной федерации пришли к убеждению, что настоящая советская власть не является властью рабочих и крестьян, а есть не что иное, как диктатура партии большевиков, которые объявили неудержимый террор и тем самым парализовали всю политическую и экономическую жизнь страны. Поддерживать большевиков мы не можем, ибо власть скомпрометировала себя настолько, что ни один анархист не в состоянии иметь ничего общего с бывшими друзьями, ныне ставшими предателями»¹².

Реакцией на статью в газете стало возбуждение следственной комиссией при ревтрибунале уголовного дела по обвинению А. Федорова в агитации против Советской власти. Лидер анархистов бежал из города. Газета «Грядущее» была запрещена. Федерация распалась. Ревтрибунал передал дело в губчека. Розыск Федорова продолжался до ноября, когда дело на него было прекращено в связи с амнистией¹³.

В июне 1918 г. в Архангельске чекисты приняли меры против правых эсеров и меньшевиков, выражавших несогласие с роспуском городской думы. Более 40 активистов этих партий по приказу председателя Советской ревизии М. С. Кедрова были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Ликвидация думы сопровождалась запрещением оппозиционных газет «Вольное слово», «Наше дело», «Северный луч»¹⁴.

В Вологде чрезвычайная комиссия арестовала председателя городской думы правого эсера И. П. Ганабудского и члена президиума Д. И. Деларова, а также выступивших в её поддержку меньшевиков группы «Единство» Ф. И. Ломакина и А. А. Дроздову¹⁵. Заместитель председателя губисполкома П. Н. Александров отдал ЧК распоряжение о розыске и аресте за агитацию против Советской власти редактора меньшевистской газеты «Северная заря» В. Н. Трапезникова, протестовавшего против роспуска думы. 21 июня Вологодская губчека постановила подвергнуть заключению в тюрьму сроком на один месяц за «напечатание контрреволюционных резолюций городской думы» редактора «Вологодского листка» Н. А. Галкина. Газета была закрыта¹⁶.

В июле 1918 г., после подавления мятежа в Москве, СНК отнес к числу контрреволюционных партию левых эсеров¹⁷. Началось изгнание ее членов из советских органов и чрезвычайных комиссий. Так, в Петрозаводске по решению окружного комитета РКП(б) левых эсеров, имевших большинство в губернском совете и губисполкоме, изгнали из органов власти. Губисполком был преобразован в ревком. Возглавил его коммунист Анохин. Местная ЧК провела обыски в помещениях губкома ПЛСР и на квартирах его членов и изъяла имевшееся у них огнестрельное оружие¹⁸. В июле — августе левые эсеры, не заявившие публично об отречении от своего Центрального Комитета, были изгнаны из советов в других городах региона. Вся полнота политической власти в северных губерниях все более сосредотачивалась в руках одной партии — большевиков.

Таким образом, в ноябре 1917 — июле 1918 гг. в регионе происходил процесс поляризации политических сил. С одной стороны, укрепляли свои позиции большевики, постепенно завоевывавшие решающие позиции в советских органах власти и управления, с другой, сформировался политический блок внутренних и внешних противников РКП(б).

Кульминацией противоборства непримиримых политических сил стало 2 августа 1918 г. В этот день в Архангельске вспыхнуло антисоветское восстание, поддержанное интервенционистскими силами стран Антанты.

В августе — сентябре 1918 г. отношение коммунистов к представителям других партий стало еще более настороженным. Причины этого крылись в получении данных, свидетельствовавших об участии лидеров социалистов в заговорах против Советской власти. Так, при выяснении обстоятельств мятежа в Архангельске и в ходе следствия о подготовке «Союзом возрождения» вооруженного выступления в Вологде оказалось, что костяк действовавших в регионе подпольных антисоветских организаций составляли активисты правых эсеров и народных социалистов. Представители этих партий вошли в состав антибольшевистского правительства Северной области.

3 августа комиссар печати Союза коммун Северной области Н. Кузьмин направил в губернские исполнительные комитеты телеграмму, предписывавшую «...закрывать немедленно все буржуазные газеты до особого распоряжения»¹⁹. После этого на местах печатались лишь официальные партийно-советские издания. При выпуске очередного номера редакторы в обязательном порядке направляли его экземпляры в бюро печати губисполкома и губчека²⁰.

12 сентября газета «Северная Коммуна» опубликовала подписанные председателем Совета комиссаров Союза коммун Северной области Г. Зиновьевым «Правила об обществах и собраниях». Ими предусматривалась обязательная регистрация в советах всех политических, экономических, художественных и религиозных обществ с предоставлением уставов, списков имен и адресов их членов. Их руководители были обязаны не позднее чем за три дня сообщить властям обо всех предстоявших собраниях и заседаниях. Не выполнившие эти условия объявлялись контрреволюционерами и подлежали преследованию²¹.

После убийства 30 августа 1918 г. М. С. Урицкого и покушения на В. И. Ленина ВЧК направила в губернские ЧК телеграмму, требовавшую: «Арестовать всех видных меньшевиков и правых эсеров и заключить в тюрьму»²².

В г. Великом Устюге председатель Чрезвычайного революционного штаба Северо-Двинской губернии приказал следственной комиссии при ревтрибунале «в срочном порядке произвести предварительное следствие по контрреволюционной деятельности граждан: Городецкого, П. Сорокина, учителя Рязанова и директора Барышева и, если нужно, подвергнуть их аресту»²³. Им в вину вменялась агитация против роспуска городской думы. После этого П. А. Сорокин покинул город и на протяжении двух с половиной месяцев прятался у жителей окрестных сел. Бежать и в последующем скрываться от ареста вынужден был обвиненный в агитации против Советской власти редактор местной меньшевистской газеты «Волна» П. Н. Зепалов. Его отца Северо-Двинская ЧК арестовала и заключила в тюрьму в качестве заложника. В октябре 1918 г. П. Н. Зепалов был арестован и вскоре расстрелян чекистами²⁴.

С наступлением зимы П. А. Сорокин добровольно явился в губернскую ЧК. Произошло это после неудачной попытки группы его сторонников пробраться в Архангельск. В их числе заградительный отряд задержал и казнил брата П. Сорокина Василия. Питирим Сорокин содержался в городской тюрьме. После публичного отказа от политической деятельности и появления по этому поводу статьи В. И. Ленина в газете «Правда» он был этапирован в Москву в распоряжение ВЧК, а затем выпущен на свободу²⁵.

До марта 1919 г. Вологодской губчека разыскивался меньшевик В. Н. Трапезников. Дело было прекращено после обращения его жены лично к В. И. Ленину с просьбой не преследовать мужа²⁶.

После того, как 17 сентября 1918 г. Центральное бюро ПЛСР поставило задачу усилить борьбу против большевиков путем организации заговоров и восстаний, а также проведения террора, усилились репрессии против левых эсеров²⁷. Показательна в этом отношении судьба левоэсеровской организации в г. Тотьме Вологодской губернии. 26 сентября 1918 г. Тотемский уездный комитет РКП(б) рассмотрел вопрос о «принятии мер против левых эсеров». Комитет принял постановление: «Левые эсеры тотемской группы продолжают иметь отношения со своим центральным комитетом, который призывает к открытой борьбе против коммунистов, против Советской власти. Это является преступлением, и лица, имеющие к нему отношение, подлежат немедленному задержанию. Комитет просит председателя ЧК сего же числа произвести арест члена тотемской группы А. Помазова, проведя в его квартире обыск. Также произвести обыски у членов партии левых эсеров Л. Григ, Андреева, Смолина, Божкова, не подвергая последних аресту, при условии, если при обыске улик в их сношении с центральным комитетом получено не будет»²⁸.

27 сентября, заслушав доклад о результатах обысков, уком РКП(б) постановил: «А. Помазова считать за Чрезвычайной комиссией. Андреева, Божкова и Смолина освободить»²⁹. После этого левоэсеровская организация в Тотьме прекратила свою работу. Вскоре местные эсеры объявили о своем выходе из партии.

В сентябре 1918 г. Яренская группа РКП(б) и учрежденная незадолго до этого уездная ЧК предъявили обвинения в принадлежности к эсерам и бездеятельности руководителям исполкома местного совета. Были арестованы председатель исполнительного комитета Д. М. Козлов, комиссар продовольствия Митрошин, финансов — Соколов и др. Их места заняли коммунисты, до этого в исполком не входившие. «Это было Яренской Октябрьской революцией»³⁰, — писала о случившемся местная газета «Известия Яренского уездного Совета».

Начиная с осени 1918 г. в чрезвычайных комиссиях при ведении предварительного расследования установилась практика, согласно которой наиболее важные дела, в первую очередь касавшиеся политических противников большевиков — правых и левых эсеров, анархистов, меньшевиков, кадетов, брались под контроль комитетами РКП(б). Губернские ЧК докладывали в партийные инстанции о ходе расследования, согласовывали с ними свои решения об арестах, обысках и других действиях.

В соответствии с приказом ВЧК № 61 от 4 октября 1918 г. руководители и видные члены правых эсеров, кадетов, меньшевиков, буржуазных обществ и объединений, контрреволюционные офицеры, лица из «других групп буржуазного

класса», представлявшие «действительную ценность для белогвардейцев», подлежали задержанию в качестве заложников³¹.

В результате репрессивных мер партийные комитеты некогда влиятельных на территории северных губерний организаций правых эсеров, народных социалистов и меньшевиков прекратили своё существование. Их руководители, оставшиеся к тому моменту в районах, контролируемых советскими войсками, вынуждены были скрываться либо, подобно П. А. Сорокину и В. Н. Трапезникову, заявить об отказе от участия в политической деятельности. Первичные организации распались или ушли в подполье. Та же участь постигла левых эсеров и анархистов.

Весной 1919 г. в связи с наступлением войск Колчака и ввиду угрозы антисоветских восстаний в тылу Красной Армии ВЧК вновь направила на места распоряжение брать активных деятелей партий правых эсеров, меньшевиков и левых эсеров в заложники³².

30 ноября 1918 г. ВЦИК допустил легальное существование лояльных к Советской власти партийных организаций меньшевиков, а 26 февраля 1919 г. — эсеров³³. Но возможности реально влиять на события они не имели. Это был временный компромисс, действие которого ограничивалось в основном столичными городами. На Севере, большая часть территории которого входила в прифронтовую полосу или составляла ближайший тыл Красной Армии, отдельные попытки заявить о себе со стороны наиболее стойких представителей антибольшевистских партий, будь то организованная в январе 1919 г. эсерами забастовка железнодорожников на северной железной дороге или создание анархистами коммуны вблизи Вологды, немедленно подавлялись. За бывшими активистами оппозиционных партий и групп осуществлялся негласный надзор. При малейших подозрениях в проведении враждебной деятельности их арестовывали.

В отчете в ВЧК о работе за 1919 г. председатель Северо-Двинской губчека Иванов сообщал: «С ноября месяца ведется регистрация на карточки лиц, принадлежавших к враждебным партиям (теперь в губернии организаций, как таковых не существует)»³⁴. В сводке о положении в губернии за период с 15 декабря 1919 г. по 15 января 1920 г., подготовленной Вологодской ЧК, говорилось: «Организаций не обнаружено, за отдельными членами установлено наблюдение»³⁵.

В январе 1920 г. в Вологде по указанию ВЧК были задержаны 24 бывших эсера. В местах их проживания чекисты произвели обыски. Особое внимание обращалось на выявление возможных связей с партийными центрами в Москве и Петрограде. В этих целях тщательно изучалась вся захваченная переписка³⁶.

В феврале 1920 г. после 4-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий надзор за оппозиционными партиями был закреплен в ведомственных нормативных актах ВЧК как непосредственная, основная задача органов борьбы с контрреволюцией. Ее решение вменялось уполномоченным по политическим партиям следственно-розыскных частей губчека. В их обязанности входило выяснение личного состава, установление словесных портретов, адресов и регистрация по карточной системе членов местных отделений партий, выяснение состояния внутрипартийной жизни, влияние на их эволюцию в направлении раскола³⁷.

В марте – апреле 1920 г. после освобождения Архангельской губернии от белых сотрудники группы уполномоченного губчека по «антисоветским правым и левым партиям и духовенству» составили списки и взяли на учет лиц, ранее входивших в организации кадетов, меньшевиков и правых эсеров. Их оказалось

соответственно 63, 51 и 31 человек. «Согласно спискам, — докладывал в годовом отчете председатель ЧК Т. Смирнов, — была произведена фильтрация, проведены обыски и сделаны аресты»³⁸.

Весной 1920 г. в Вологде анархисты А. Д. Федоров, Н. А. Солнцев и М. П. Сучков организовали подпольную типографию, в которой приступили к печатанию анархистских воззваний и газеты «Борьба». Вскоре чекисты обнаружили помещение, в котором работала типография. При обыске у анархистов изъяли шрифт, печатный станок, большое количество готовой печатной продукции. Федоров и его товарищи были арестованы и по постановлению коллегии губернской ЧК направлены до окончания гражданской войны в концентрационный лагерь³⁹.

17 июня 1920 г. ВЧК потребовала от губернских ЧК «уделить самое усиленное внимание <...> антисоветским партиям, которые должны быть обезврежены и сведены на нет»⁴⁰.

В июне 1920 г. председатель Вологодской губчека докладывал в ВЧК:

«Политические партии и группы. 1) *Эсеры правые*. (Здесь и далее курсив наш. — А. К.) Организованной эсеровской группы как таковой в губернии не существует. Имеются отдельные личности. Из видных: Новиков Константин Андреевич, Деларовы Дмитрий Иванович и Елизавета Петровна, Бессонов Сергей, Огородников Александр Григорьевич, Звонков. Все они в различное время привлекались чрезвычайной комиссией, но за недостатком улик дела о них прекращались. В настоящее время они открытой деятельности не проявляют. Их отношение к Коммунистической партии выжидательное. 2) *Эсеры правые меньшинство*. Правоэсеровская группа, легализованная Губисполкомом. Распространяет партийную литературу. Прочей компрометирующей группу работы не замечается. Во главе группы стоит Панкратов Михаил Павлович⁴¹. Меры к выяснению личного состава группы и её деятельности со стороны ЧК принимаются. 3) *Эсеры левые*. Леоэсеровской группы в губернии не имеется. 4) *Меньшевики* некоторую активность проявляют на собрании профсоюзов. Наиболее видные из них: Долгова, Муравин, Савин, Коновалов и Студеницкая. 5) *Анархисты*. После разгрома местной анархистской организации всякая деятельность среди них заглохла»⁴².

Когда летом 1920 г. в Вологодских железнодорожных мастерских начала деятельность организация эсеров группы «Народ», возглавляемая М. П. Панкратовым, Вологодская губчека и ОРТЧК ст. Вологда установили за ними наблюдение. 20 октября руководители организации были вызваны в транспортную ЧК и подвергнуты допросу. Им в вину вменялось проведение нелегальных заседаний, внесение на собрании трудящихся предложения при выборах в городской Совет провести тайное голосование, агитация за уменьшение количества сверхурочных работ⁴³. Затем сподвижники Панкратова были арестованы⁴⁴.

В августе 1920 г. Вологодская губернская ЧК сообщила ВЧК о ликвидации в Вельском уезде «антисоветской» организации «Союз хлеборобов». В направленной в центр информационной сводке говорилось: «Послано распоряжение Вельскому политбюро об аресте организаторов Союза, каковыми являются: член уисполкома Н. П. Леонтьевский, И. П. Павлов, И. С. Шутов, В. В. Дмитриевский и С. Е. Куликов. Союз никаких культурных ценностей не преследует. Там есть определенное стремление крестьян, главным образом зажиточных, сделать его щитом против всякого рода реквизиций, налогов и прочих мероприятий Советской власти. Чрезвычайной комиссией по этому делу ведется следствие»⁴⁵.

Осенью 1920 – весной 1921 г. в обстановке острого политического и экономического кризиса оппозиция вновь оживила свою деятельность. В северном регионе в городах Вологде, Великом Устюге, Тотьме бывшие меньшевики и эсеры, выступая под флагом беспартийных делегатов, критиковали большевиков в ходе проведения профсоюзных и кооперативных конференций, призывали не голосовать при выборах в Советы за вносимые комитетами РКП(б) списки⁴⁶.

Активизация антибольшевистских сил поставила перед руководством РКП(б) вопрос о необходимости усиления работы по получению своевременной и достоверной информации о реальном положении дел в стране, сохранения контроля за обстановкой. В ноябре 1920 г. ВЧК направила на места циркуляр «О единой системе ведения дел антисоветских партий», требовавший от губернских ЧК предоставить данные в отношении всех активных членов оппозиционных партий⁴⁷. 28 февраля 1921 г. ВЧК дала указание губчека «в самый короткий срок разбить аппарат антисоветских партий»⁴⁸.

Как показывает изучение докладов в ВЧК губернских и транспортных ЧК северного региона, начиная с марта 1921 г. чекисты ужесточили надзор за бывшими активистами эсеров, меньшевиков, кадетов и других «противосоветских» партий. Особое внимание обращалось на тех из них, кто работал в Архангельском отделении Внешторга, Северолесе, в местных органах Наркомзема и в Союзах кооперации. Губчека затребовали из этих организаций списки служащих с указанием их политического прошлого. На сотрудников, когда-либо входивших в составы оппозиционных партий и групп, заводились специальные карточки-формуляры⁴⁹.

Губернские ЧК внимательно следили за ходом выборной кампании в Советы, профсоюзы, кооперативные органы, куда весной – летом 1921 г. нередко избирались лица, негативно настроенные к большевистской власти, бывшие меньшевики и эсеры. За ними велось наблюдение, производились аресты. Так, когда в мае в г. Тотьме Вологодской губернии в результате выборов в правление районного Союза кооперативов большинство мест в нем получили бывшие эсеры, местное политбюро провело их аресты. Освободившиеся в результате этого вакансии заняли коммунисты⁵⁰.

28 мая 1921 г. начальник Секретно-Оперативного Управления ВЧК В. Р. Менжинский и помощник начальника Управления А. Х. Артузов направили на места телеграмму, ориентировавшую губчека на борьбу с эсерами и меньшевиками, выступавшими «...не под своим флагом, а под флагом беспартийных». Секретно-оперативные отделы ЧК были обязаны: «Первое, на всех собраниях, митингах, конференциях, сборищах иметь свою <...> разведку, которой поручить следить и брать на учет всех выступающих, вносящих эсеровские и меньшевистские резолюции и предложения, производящих такие же выкрики. Второе, <...> заранее иметь учет всех съездов, митингов, сборищ и т. п., для чего договариваться с соответствующими учреждениями. Третье, у особо подозрительных личностей производить обыски, выемки для обнаружения документов их партпринадлежности <...>. Четвертое, прежде производства обыска пытаться влить осведомителей в среду подозрительных личностей. Пятое, при установлении той или иной партийности лиц, прикрывающихся беспартийностью, разоблачить в местной прессе, при чем указывать на подлое прошлое этих партий. Шестое, при установлении таких случаев каждый раз сообщать в ВЧК»⁵¹.

30 мая 1921 г. в губернские комитеты РКП(б) и губчека была послана телеграмма, подписанная секретарем ЦК РКП(б) В. М. Молотовым, заместителем председателя ВЧК И. С. Уншлихтом и начальником Секретно-Оперативного Управления ВЧК В. Р. Менжинским, требовавшая «предотвратить захват врагами трудящихся кооперации». Перед чекистами ставилась задача «очистки кооперации от засилья эсеров и меньшевиков», «установления тщательного контроля за деятельностью эсеров и меньшевиков, занимавших ответственные должности»⁵².

В июле 1921 г. в ВЧК поступили сведения об оживлении работы эсеров, в частности, о деятельности подпольного Центрального организационного бюро Партии социалистов-революционеров. Вскоре чекисты получили информацию о том, что в Москве под прикрытием съезда сельскохозяйственной кооперации состоялся Десятый совет ПСР, который избрал новый состав ЦК и Оргбюро партии. В связи с этим была проведена тщательная проверка всех делегатов съезда⁵³. В частности, Архангельская ЧК установила, что из губернии на съезд выезжал сотрудник губземотдела Морозов. По возвращению в город он был вызван в чрезвычайную комиссию, где его опросили о состоявшейся поездке. Для проверки Морозова, подозревавшегося в принадлежности к эсеровскому центру, за ним осуществлялось наблюдение⁵⁴.

Ход и результаты работы губернских ЧК по политпартиям регулярно докладывались губернским комитетам РКП(б). Так, 19 сентября 1921 г. председатель Череповецкой ЧК Морозов, выступая на собрании губпартактива РКП(б), подвел итоги деятельности комиссии в этом направлении следующим образом: *«Эсеровская партия.* (Здесь и далее курсив наш. – А. К.). В 17–18 гг. в Череповецком уезде была сильна тем, что члены её были во всех волостях. Работала эта партия энергично, но потом была снята головка. Если есть прежние эсеры, то они сидят в тюрьме, как например, Еремеев. *Меньшевики.* Лидер был Добряков, секретарь — Езерский. Число их доходило до 30–35 ч. Организация эта разбита вдребезги. *Анархистов* в губернии почти нет. Работу раньше они вели в клубах. *Кадетской работы* в губернии не замечается. Отдельные личности появляются, например профессор Закусеев в Тихвине, который там увлек молодежь и за это был изолирован...»⁵⁵.

Аналогичное положение сложилось к этому времени и в других северных губерниях.

В конце 1921 г. Секретно-оперативное управление ВЧК издало «Справочник № 1 по антисоветским партиям». Он был составлен на основе данных, полученных от губернских ЧК. В нем помещались сведения на остававшихся на свободе активистов оппозиционных партий. Так, по Архангельской губернии список «политических противников», как они именовались в предисловии к документу, составил 32 человека (5 бывших анархистов и 27 эсеров). Все они состояли на центральном учете. Об их перемещениях по стране губчека обязаны были немедленно сообщать в ВЧК и чрезвычайные комиссии тех районов, куда они выезжали или планировали выехать⁵⁶.

В 1921–1922 гг. органы ВЧК нанесли завершающие удары по некогда крупнейшим партиям России. Многие члены местных комитетов публично заявили о выходе из партии и прекращении политической деятельности, остальные ушли в глубокое подполье. В середине 1922 г. в Москве в Верховном Суде РСФСР состоялся процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров, обви-

нявшихся в антисоветской деятельности⁵⁷. Ряд видных меньшевиков и правых эсеров, в числе которых был и П. А. Сорокин, Советское правительство выслало за пределы страны. В 1923 г. бывшие эсеры и меньшевики созвали в Москве съезды, где заявили о самороспуске своих партийных организаций⁵⁸. К этому времени данные акты являлись уже простой формальностью.

Но и после этого чекисты на протяжении полутора десятилетий осуществляли оперативный контроль за активистами разбитых ими «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий. Так, в Вологодском управлении ГПУ–ОГПУ–НКВД дело по эсерам велось до 1938 г. и составило 20 томов, дело по меньшевикам — до 1931 г. (10 томов), по монархистам — до 1932 г. (7 томов), по кадетам и анархистам — до 1928 г. (6 и 10 томов соответственно)⁵⁹. Подавление оппозиции стало одним из основных условий сохранения установленного в стране политического режима.

Примечания

- 1 Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 61.
- 2 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 335.
- 3 Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 87.
- 4 Там же. Т. 32. С. 361.
- 5 Там же. Т. 34. С. 1.
- 6 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 24.
- 7 Там же. С. 165 — 166.
- 8 Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 138.
- 9 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 276–278.
- 10 Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 226.
- 11 См.: Мымрин Г. Е. Октябрь на Севере. М., 1967. С. 55–66; ВФ ГАВО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
- 12 Грядущее. Орган Северной федерации анархистов-коммунистов. 1918. 24 апреля.
- 13 Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. Оп. 1. Д. П-5837. Л. 8.
- 14 Летопись города Архангельска, 1584–1989. Архангельск, 1990. С. 147.
- 15 Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. Оп. 1. Д. 6914.
- 16 ГАВологодО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 13. Л. 203.
- 17 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 534–537.
- 18 КГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–16.
- 19 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.
- 20 ГАВологодО. Ф. 53. Оп. 1. Л. 27. Л. 160 об.
- 21 Северная Коммуна. 1918. 12 сентября.
- 22 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 62.
- 23 ВФ ГАВО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 24 Там же. Д. 2. Л. 41.
- 25 См.: Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1990. С. 125–127.
- 26 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 164.
- 27 См.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк). М., 1975. С. 272, 295–296.
- 28 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–35.
- 29 Там же. Л. 36.
- 30 Известия Яренского уездного Совета. 1918. 25 января.
- 31 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.
- 32 Там же.
- 33 Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. Сборник документов (1917–1926 гг.). М., 1977. С. 129.
- 34 Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 436.
- 35 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Ч. 2. Л. 19.
- 36 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 2; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 6. Л. 13–23.

- 37 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 6. Л. 331–333.
- 38 Отчет Архангельской губернской ЧК о деятельности за 1920 год. Архангельск, 1921. Типографский экземпляр. С. 29.
- 39 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Ч. 3. Л. 30–31.
- 40 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 6. Л. 331–333.
- 41 М. П. Панкратов принадлежал к группе «Народ», руководившей В. К. Вольским. Сторонники Вольского составили «меньшинство ПСР», заявившее о признании Советской власти.
- 42 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 20.
- 43 Там же. Оп. 5. Д. 80. Л. 32.
- 44 ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 45. Л. 100–102.
- 45 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 22.
- 46 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 216. Л. 42, 51.
- 47 Справочник № 1 по антисоветским партиям. М., 1921.
- 48 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 119–120, 200–201.
- 49 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–29, 79; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 5. Д. 5. Л. 134.
- 50 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 216. Л. 21.
- 51 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
- 52 ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 5. Д. 14. Л. 48.
- 53 Там же. Л. 112.
- 54 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 24, 42–43.
- 55 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1268. Л. 52.
- 56 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130.
- 57 ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 1339–1348. Верховный суд РСФСР. Процесс над правыми эсерами в 1922 году.
- 58 См.: Гусев К. В. Указ. соч. С. 366–367.
- 59 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.

М. В. Михайлюк
Киев

Немецкая пропаганда на Украине (1941–1944)

Тематика проведения немецкой агитационно-пропагандистской деятельности в оккупированной Украине относится как в украинской, так и в зарубежной историографии к категории малоизученной по ряду причин, среди которых выделяется главная: засекреченность материалов (документов немецких оккупационных структур, советских спецслужб, оккупационной прессы) в архивохранилищах СССР. Только после распада Советского Союза большинство украинских центральных и областных архивов частично «открыли» свои фонды широкому кругу исследователей. Тем не менее, на современном этапе еще сохраняется проблема доступа отечественных исследователей к фондам оккупационного периода. В частности остаются малодоступными материалы ведомственных архивов Службы безопасности Украины, Министерства внутренних дел, Министерства обороны.

Зарубежным историкам, труды которых долгое время основывались на трофейных материалах архивохранилищ Польши, Германии, США, мемуарной литературе, сегодня стали более доступными документы украинских архивных учреждений. Но, несмотря на это, зарубежная историография продолжает уделять недостаточно внимания этой теме. На каком именно этапе находится ее ре-

шение, и какие вопросы интересуют зарубежных коллег, можно проследить по их публикациях¹, современная часть которых, к большому сожалению, доступна украинским исследователям только в сети Интернет.

Российская историография изучает общие вопросы проведения нацистской пропаганды на территории Германии и РСФСР, а также власовское движение как ее инструментарий². Новейшие исследования российских коллег только частично касаются украинского вопроса. Фундаментальные труды, где бы наиболее подробно описывались особенности немецкой пропаганды в оккупированной Украине, пока отсутствуют.

В украинской историографии тематика проведения нацистской пропаганды в Украине стояла на повестке дня еще в начале 1990-х годов. Но, в тот переломный для страны период, существенного развития она так и не нашла, ибо исследователей интересовала разработка несколько других направлений в исторической науке, подчеркивающих национальную концепцию отечественной истории. На современном этапе заново пересматриваются немецко-советские договоренности накануне Второй мировой войны, история возникновения Карпатской Украины, присоединение Западной Украины к СССР, церковный вопрос и другие не менее важные исторические сюжеты. Все больший интерес среди исследователей приобретает изучение деятельности нацистов, как в социально-экономическом, так и в политико-идеологическом измерении. Ученых, прежде всего, интересуют вопросы социальной истории (вывоз трудоспособного населения в Германию, проблема коллаборации отдельных категорий граждан и т. д.), информационно-психологическое влияние немецкой оккупационной власти на различные социальные группы, включая советских военнопленных и военнослужащих Красной армии.

Определенным импульсом к анализу форм и методов нацистской информационно-психологической войны послужил ряд публикаций³ и диссертационных работ современных украинских исследователей⁴, что позволило выработать автору⁵ собственную методологию изучения немецкой пропаганды в оккупированной Украине. Среди последних научных разработок можно выделить публикации донецкого историка Д. Титаренко⁶, посвященные немецкой пропаганде в военной зоне оккупации, а также работы исследователей Ю. Смелянской, М. Тягло и И. Щупака⁷, изучающих ее антисемитскую направленность.

Необходимость написания работы объясняется, с одной стороны, определенным интересом к предмету исследования со стороны украинских, российских и зарубежных ученых (историков, филологов, психологов, философов, литературоведов, искусствоведов), труды которых так или иначе связаны, или пересекаются с темой исследования. С другой стороны, — изучением исторического опыта ведения пропаганды нацистской тоталитарной системой через свои структурные подразделения на местах.

Несмотря на отдельные сдвиги в этой тематической нише, агитационно-пропагандистское влияние на население Украины все еще остается актуальным, малоисследованным и перспективным направлением в системе изучения многовекторной политики немецкого оккупационного режима. Исходя из этого, автор предлагает вниманию собственное виденье проблемы, сформировавшееся на основе просмотра рассекреченной немецкой кинохроники, рассмотрения более двух тысяч архивных дел, 24-х подшивок периодической прессы, а также изучения мемуарной литературы тех, кто пережил нацистскую оккупацию Украины.

Территориальные границы охватывают земли УССР, составившие две немецкие административно-территориальные единицы — рейхскомиссариат «Украина» (зону гражданской администрации) и прифронтовую зону (территорию военной администрации), т. е. регион Северо-Центральной и Юго-Восточной Украины. Западная Украина оказалась за рамками предмета исследования, т. к. в виде дистрикта «Галиция» стала частью Генерал-губернаторства, а остальная территория была передана под управление румынской власти (Черновицкая, Измаильская, Одесская области, часть Винницкой, Запорожской и Николаевской областей).

* * *

В довоенной стратегии нацистской Германии руководством страны предусматривалась интенсивная психологическая обработка населения восточных оккупированных территорий, в частности Украины, методами агитации и пропаганды. Соответствующие функции возлагались на роты пропаганды Вермахта (Propaganda-kompanie). Впервые подразделения пропаганды были использованы во время захвата Судетской области и Чехословакии. Их обязанности включали в себя ведение активной пропаганды среди жителей оккупированной территории и войск противника.

Формы и методы пропаганды, которые планировалось применить в будущей войне, обсуждались 26 июня 1935 г. на заседании рабочего комитета Совета обороны Рейха. Предусматривалось проведение в мирное время постоянной пропагандистской разведки с целью изучения психологии и политической заинтересованности будущего врага, исследования всех его слабых мест, чтобы в ходе войны иметь возможность эффективно манипулировать сознанием населения оккупированных территорий. На случай военной мобилизации необходимо было создать пункты прослушивания радиопередач, собрать вражеский агитационно-пропагандистский материал (книги, грампластинки, архивные материалы, фотографии, кинофильмы и т. д.), дополнить их картотекой на деятелей мировой пропаганды и руководителей средств массовой информации. Планировалась подготовка военных корреспондентов, фотокорреспондентов, формирование рот кинопропаганды, создание органов военной цензуры для просмотра местной прессы, а также — организация полевой книжной торговли и доставка немецких газет в зону боевых действий. В случае затяжной войны предусматривалось создание на оккупированной территории фронтовых театров, радио и киносети⁸. Таким образом, для ведения психологической войны высшим руководством Рейха предусматривалась серьезная материально-техническая подготовка всего имеющегося пропагандистского арсенала, профессиональное обучение людского ресурса.

С началом Второй мировой войны Гитлер издал специальную директиву о ведении пропаганды на период войны. Директива подтверждала соглашение между Й. Геббельсом и В. Кейтелем, подписанное в 1938 г. и предусматривающее размежевание пропагандистских функций двух ведомств. Министерство пропаганды обязывалось предоставлять ежедневные указания по ведению пропаганды ротам пропаганды через отдел пропаганды Верховного командования Вермахтом (ОКВ), следить за их тесным сотрудничеством с органами военной разведки. В свою очередь ОКВ должно было обеспечить быструю доставку во-

енных сводок и всего собранного пропагандистского материала в Министерство пропаганды, нести ответственность за их цензуру.

Примерно за две недели до начала военной кампании против СССР руководитель штаба ОКВ А. Йодль подписал специальное распоряжение, в котором рассматривались вопросы ведения пропаганды среди жителей восточных оккупированных территорий и военнослужащих Красной армии. В распоряжении речь шла о необходимости проведения пропаганды не против народов Советского Союза, а против Компартии и еврейско-большевистского руководства страной, распространении лозунгов о непобедимости немецкой армии, ее освободительной миссии. Давались наставления о техническом обеспечении пропагандистской кампании: обязательном распространении листовок и брошюр, захвате радиопередатчиков, выпуске периодической прессы с обязательным проведением цензуры материалов. Главная задача — успокоить население, обеспечить охрану порядка и не допустить организации движения Сопротивления⁹.

На сотрудников отдела пропаганды ОКВ были возложены следующие функции: участие в подготовке военных пропагандистов; доведение до них ежедневных сведений из ставки Гитлера; контроль за выполнением поставленных задач ротами пропаганды Вермахта, работавших в зоне боевых действий, а в тылу немецкой армии — отдела пропаганды «U» (Украина), организованного при штабе командующего оперативным тыловым районом группы армий «Юг».

С началом военных действий на Восточном фронте в Министерстве пропаганды был сформирован «восточный» отдел, в составе которого функционировал подотдел «Винета» (Vineta, Propagandadienst Ostraum e. V). Штат сотрудников состоял, не считая немецких поданных, из эмигрантов (военнослужащих царской армии, армии Украинской народной республики (УНР), белогвардейцев), коллаборантов (гражданских лиц, завербованных в ходе оккупации восточных территорий или эвакуировавшихся вместе с немцами в процессе отступления), советских военнослужащих (перебежчиков) и оstarбайтеров.

Подотдел «Винета» включал несколько секторов: военный, радиовещания, радиопрослушивания и радиоперехватов, культуры, активной пропаганды, прессы и киноискусства. Например, в секторе радиовещания работали: российская, украинская, белорусская, литовская, латвийская, эстонская, татарская, киргизская, азербайджанская и калмыцкая группы. Каждая из них готовила агитационно-пропагандистские материалы (статьи, сообщения, доклады) для проведения радиопропаганды на восточные оккупированные территории, лагеря советских военнопленных и оstarбайтеров. Часы эфира распределялись между группами поровну. Так, российская группа вещала с 7. 00 до 7. 30; украинская — с 7. 30 до 8. 00; белорусская — с 8. 00 до 8. 30 и т. д. Радиопропаганду на российские территории также вело бюро «Альбрехта», проводя маскировку под волну одной из московских радиостанций¹⁰.

Долгосрочная оккупация восточных территорий привела к изменению эфирного времени. Вещание сократилось на 15 минут, но самих передач стало больше. Ретранслятором украиноязычных программ Берлина были радиостанции Варшавы, Белграда, Бухареста, Львова, Винницы, Киева, Днепропетровска, а также радиопередатчики Вермахта. Русскоязычные программы передавали варшавское радио «Вейксель», военные радиостанции в Харькове, Симферополе, Пскове и других крупных городах.

Сектор активной пропаганды занимался изготовлением листовок и брошюр, цензурой и рецензированием всех материалов, которые готовились к печати и дальнейшему распространению. Агитационную работу в лагерях советских военнопленных и остарбайтеров проводил собственный штат пропагандистов, состоящий с разных национальностей.

В секторе периодической прессы работало несколько групп, которые писали пронемецкие, антисоветские и антисемитские статьи на языках народов СССР. В бюллетенях «Ostraum-Artikeldienst» («Восточная служба прессы»), «Материалы для русских газет» и др., которые выходили на немецком, русском и украинском языках, акцентировалось внимание на том, что «Рузвельт и Сталин — прислужники мирового жидовства», а «Большевизм — это жидовское явление». В информационно-пропагандистских изданиях освещались социально-экономические, общественно-политические и культурные мероприятия, проходившие в европейских странах в условиях военного времени, а также идеологические вопросы, связанные с началом Второй мировой войны. Причины войны объяснялись предпринятыми контрмерами правительства Гитлера против подготовки Сталина к мировому господству¹¹.

Перепечатывать материалы берлинских изданий оккупационной прессе было разрешено цензурой, к тому же бесплатно, а обязательных ссылок на источник информации редакции не требовали. Наряду с возвеличиванием военно-экономической мощи нацистской Германии, печатались материалы антисоветского содержания, в которых советская система хозяйствования отождествлялась с колхозным и промышленным рабством (трудодни, стахановщина) и жестоким отношением к военнотружущим Красной армии (репрессии кадрового состава конца 1930-х гг.). Газета «Нова доба» часто публиковала рассказы пленных красноармейцев, которые находились в фильтрационных лагерях Германии и описывали свою жизнь в советском «раю»¹².

Таким образом, сотрудники «Винеты» изготавливали агитационно-пропагандистские материалы с целью воспитания у населения и военнопленных положительного отношения к новой власти и усиления уже существующих антисоветских настроений, активно используя при этом радиовещание, устную агитацию, периодическую прессу и мелкую печатную продукцию (листовки, плакаты, брошюры).

За пропаганду на восточных землях также отвечал отдел прессы и пропаганды Министерства восточных оккупированных территорий. Сотрудники отдела рассылали материалы пропаганды, согласовывали все пропагандистские акции с Министерством пропаганды Рейха, собирали данные о ходе нацистской пропаганды в Украине, контролировали работу подотдела прессы и пропаганды политического отдела рейскомиссариата «Украина», который обеспечивал функционирование пропагандистской машины на местах.

Отдел прессы и пропаганды Министерства восточных оккупированных территорий имел 7 подотделов: общих вопросов, немецкой прессы, местной прессы, иностранной информации, кино, радио и активной пропаганды¹³. Практически такую же структуру имел политический отдел рейскомиссариата. В немецкой документации он обозначался как «Па» и состоял из следующих подотделов: по вопросам национального меньшинства, фольксдойче, религии, а также — еврейского, информационного, молодежного, активной пропаганды, радио и фильмов,

культуры и театров, разведки, прессы. В ходе войны подотделы прессы и активной пропаганды были объединены в одну структуру, точно так же, как в восточном министерстве.

Возглавлял политический отдел рейхскомиссариата «Украина» Пауль Даргель. Референты отдела отвечали каждый за свою сферу деятельности. Так, еврейским вопросом занимался Хентшел, работу информационной службы контролировал Нестлер. Главным пресс-референтом был Пфафферот, а референтами прессы — Зиглер и Люхт. Переводчиком немецкого языка работал Пушкар¹⁴. На местах пропагандистские функции были возложены на сотрудников генеральных комиссариатов и гебитскомиссаров. Для усиления агитационно-пропагандистской работы среди населения средствами периодических изданий при генеральных комиссариатах выходили специальные бюллетени референтов прессы «Украинская служба прессы».

Но основная тяжесть в вопросах обеспечения необходимого влияния на население возлагалась на отделы пропаганды органов местного управления. Такие отделы были сформированы при городских управах в центрах генеральных округов. Например, в октябре 1941 г. сотрудники отдела пропаганды киевской городской управы подготовили специальное положение, в котором ближайшей целью пропаганды являлась «с одной стороны — беспощадная борьба с жидо-московским большевизмом во всех его формах и проявлениях, а с другой — воспитание новых людей труда, порядка и дисциплины, популяризация среди населения немецкой культуры и любви к ее народу»¹⁵.

Отдел пропаганды состоял из восьми подотделов: общих вопросов, женского, внешкольного образования, полиграфии, контроля печатной продукции, наглядной пропаганды, радиопропаганды и плакат-бюро¹⁶. Функции отдела пропаганды городской управы Киева заключались в контроле репертуара всех городских театров, кинотеатров, радиовещания и местной прессы, работы клубов и библиотек, художественной самодеятельности в учебных заведениях; в утверждении вывесок и объявлений, согласовании всех публичных выступлений в городе, планируемых украинскими организациями или частными лицами; в руководстве торговыми точками, которые распространяли печатную продукцию. Кроме того, отдел пропаганды проводил цензуру советских печатных изданий, накладывал запрет на их распространение, издавал брошюры на немецком языке, популяризовавшие культурное наследие украинского народа¹⁷. Заведующий отделом пропаганды обязывался постоянно отчетываться за проделанную работу перед главой городской управы, немецкой военной и гражданской властью, службой безопасности¹⁸.

В конце 1941 г. отдел пропаганды киевской городской управы был реорганизован в сектор информации при отделе образования и культуры. Согласно указу городского штадскомиссариата, функции сектора были расширены и заключались в проведении разъяснительной работы о структуре органов оккупационной власти и их мероприятий; сборе ведомостей о настроениях горожан, их восприятии пропагандистских акций и работы городских учреждений. Собранные пропагандистами данные направлялись в штадскомиссариат города. За сектором информации оставался контроль над прессой, проверка содержания афиш, объявлений, вывесок, грампластинок, книг, программ концертов и публичных выступлений¹⁹.

В секторе работали два художника — В. Дмитренко и М. Борисенко, которые писали пропагандистские лозунги, рисовали карикатуры, плакаты антисоветского и прогерманского содержания («Земля под сапогом еврея», «Молодежь с радостным видом добровольно едет в Германию» и т. п.). Летом 1943 г., во время отправки работников в Рейх, сотрудники отдела пропаганды на киевском вокзале раздавали им агитационно-пропагандистскую литературу и поздравляли цветами²⁰.

Сектор информации при каждой районной управе имел своих представителей, которые несли ответственность за проведение и контроль всех пропагандистских мероприятий в своем районе. В обязанности районных инспекторов информации входил контроль за наличием пропагандистской продукции на улицах города, чтение лекций и распространение литературы антисоветского содержания, агитация за выезд на работы в Германию среди рабочих промышленных предприятий, написание статей в киевскую газету «Новое украинское слово». Сотрудники сектора информации, как и предыдущий состав, публиковались в местной прессе. Так, статьи антисоветского содержания писали руководитель сектора Ю. Кандеев, его заместитель В. Гречко и другие лица²¹.

Таким образом, в процессе организации политического аппарата гражданской администрации — рейхскомиссариата «Украина», был создан отдел прессы и пропаганды, напрямую подчинённый Министерству восточных оккупированных территорий. Пропагандистские функции на местах были возложены на пропагандистов генеральных комиссариатов и лично на гебитскомиссаров. За распространение материалов идеологического содержания отвечали местные органы управления.

Для агитационно-пропагандистских целей активно использовалась оккупационная пресса, радио и киносеть. Работа всех печатных органов рейхскомиссариата контролировалась «Deutsche Verlags- und Druckereigesellschaft Ukraine m. b. H.» («Немецким издательско-печатным акционерным обществом Украины с ограниченной ответственностью», Луцк (Украина)) через систему филиалов в центрах генеральных округов. За функционирование радиоузлов отвечали местные органы управления, а за работу кинотеатров — акционерное общество «Украине-фильм». В дистрикте «Галиция» пресса находилась под таким же централизованным управлением, как в рейхскомиссариате «Украина». Издательский процесс контролировало акционерное общество «Издательство газет и журналов в Генеральной губернии» (Краков) с филиалом во Львове.

Деятельность органов пропаганды и редакций периодических изданий регламентировалась распоряжениями министра восточных оккупированных территорий и руководителей административно-территориальных единиц. В начале войны А. Розенберг подписал директиву о работе прессы и пропаганды на подведомственных ему территориях. Директива предусматривала издание местных газет под контролем рейхскомиссаров для того, чтобы население оккупированной территории не оставалось без источников информации, поскольку это считалось политически не выгодным. Положительное решение вопросов, связанных с выходом газет зависело от наличия политически надежных издателей и редакторов, а также достаточного количества немецких цензурных органов²².

Пресса и пропаганда обязаны были всеми средствами убедить население в политико-экономической мощи национал-социалистического Рейха, непобеди-

мости Вермахта, в том, что целью большевизма является разрушение социально-экономических достижений Германии и создание неудовлетворительных условий для существования людей. Жители Украины должны были поверить, что после освобождения от большевизма нацистская Германия наведет порядок в стране, ощутить который можно будет только в случае полного сотрудничества с новым режимом. Поэтому прямой обязанностью прессы и пропаганды было подчеркивание главного лозунга освобождения: «Работа и еще раз работа!»²³.

Распоряжение А. Розенберга было дополнено рекомендациями министра пропаганды. В частности, 6 июня 1941 г. Й. Геббельс в своем дневнике записал: «...никакого антисоциализма, возвращения к царизму. В пропаганде открыто не критиковать разгром Российской империи, поскольку тем самым мы наткнемся на армию, которая есть великорусской. <...> Землю [отдать] крестьянам, но оставить коллективные хозяйства, чтобы хотя бы сберечь урожай. Клеймить неспособность большевизма во всех сферах жизни, особенно Сталина и евреев, которые стоят за ним»²⁴.

Согласно инструкции Министерства восточных оккупированных территорий за март 1942 г., местная пресса обязывалась рассматривать антибольшевистскую тематику и сферу немецко-украинского сотрудничества. При этом вменялось учитывать следующие наставления: понятие «Украина» применять только в территориальном, а не государственном смысле; говорить о Рейхе как о защитнике, а не союзнике Украины; о Вермахте — как о освободителе, а не оккупанте; об Адольфе Гитлере — как о «фюрере-освободителе»²⁵.

16 декабря 1942 г. А. Розенберг дополнил предыдущие директивы положениями, которые предписывали возродить воспоминания о голодоморе 30-х гг., двадцатилетней непрерывной борьбе большевиков с украинским крестьянством — собственником земли; разъяснять населению, что их спасение от убогого состояния потребует немалого времени, и произойдет не за один день и не во время войны. Также следовало акцентировать внимание на последствиях двадцатилетнего большевистского террора, на том, что решение украинских дел фюрером произойдет только при содействии самих украинцев. Объяснить людям, что «выздоровление» государства в любом случае потребует длительного немецкого управления²⁶.

Во время войны были выданы отдельные директивы для русскоязычных оккупационных газет, которыми предусматривалось ведение пропаганды среди русского населения. Тематика материалов охватывала такие направления как: русский народ и большевизм, русский народ и Европа, будущее русского и других восточных народов. В пояснительных записках указывалось, что большевизм — враг русского народа и его интересов, поскольку понятие «русский» заменили на «советский», а термин «освободительная война» был придуман из идеологических рассуждений о необходимости создания видимости национального единства народов СССР и исчезнет, как только большевизм и еврейство добьются своей цели. Русский народ должен был понять, что большевизм и еврейство — одно целое, поэтому главной целью пропаганды являлось разъяснение этого единства.

Систему советского профессионального обучения следовало подавать не как результат заботы государства об образовании народа, а как необходимость для развития производства; цель индустриализации — как подготовку к мировому

господству и революции. Пресса должна была показывать недостатки колхозной системы, которую якобы придумали евреи, и пропагандировать идею Столыпина о частной собственности на землю, что соответствовало положениям нацистской аграрной политики. Предписывалось объяснять читателям, что большевизм изолировал Россию от Европы, лишил ее народы возможности пользоваться благами мирового прогресса. Красная армия воюет не за жизненные интересы и развитие собственного народа, а за мировую революцию и господство еврейства. Еще одно положение акцентировало внимание на праве русского народа на достойную жизнь в послевоенной «Новой Европе», будущее которой зависело от результата борьбы рабочих и солдат с большевизмом²⁷.

А. Розенберг постоянно говорил о необходимости проведения отдельной пропаганды для народов восточных территорий, подавая ее в историческом контексте, с провозглашением экономических задач для каждой нации отдельно. Относительно Украины он выступил за возрождение национальной самобытности (языка, культуры, образования), а главное — исторической памяти о борьбе украинцев за освобождение от Польши и Москвы во главе с запорожским казачеством. В тоже время руководитель восточного министерства не советовал сравнивать условия жизни советских людей с царским периодом, чтобы не породить идею монархизма. Цель пропаганды заключалась в постоянной критике советской системы с ее эксплуатацией трудовых ресурсов, использованием народных средств не по назначению, моральной деградации еврейского руководства, неудовлетворительного оснащения вооруженных сил, ликвидацией высшего офицерского состава. Критику необходимо было объединить с обещаниями после победы обеспечить гражданам оккупированной территории социальную справедливость²⁸.

Все эти директивы были стопроцентно реализованы в ходе проведения пропагандистских мероприятий в Украине, особенно в публикациях периодических изданий.

Периодическая пресса на восточных занятых территориях выходила как на немецком языке, так и на языках народов СССР. Например, в Украине издавалось более 19 немецких газет. В дистрикте «Галиция» выходила «Lemberger Zeitung» («Львовская газета»). Немецкая пресса рейхскомиссариата «Украина» была представлена газетами «Deutsche Ukraine-Zeitung» («Немецкая газета Украины», Луцк–Киев) и «Ukraine Post» («Немецкая почта», Луцк). Газеты информировали чиновников гражданской администрации (рейхс-, генерал- и гебитскомиссариатов), а также всех немецких граждан, пребывающих на оккупированной территории (банкиров, предпринимателей, обслуживающий персонал), о ходе военных действий с широким использованием политико-идеологических штампов. Из-за проблем с транспортным сообщением, некоторые генеральные комиссары были вынуждены сами изыскивать средства для выхода газет. Так, руководитель генерального округа «Николаев» контролировал выпуск «Deutsche Bug-Zeitung» («Немецкая газета “Буг”»). Для немецких ландвиртов (сельскохозяйственных руководителей) в Киеве и Ровно печатался журнал «Der deutsche Landwirt».

Изданием прессы для военнослужащих тылового района Вермахта занимались пропагандисты отдела пропаганды «U». В разное время референтами прессы выпускались «Deutsches Nachrichtenblatt» («Немецкий информационный

листок») и «Deutsche Krim-Zeitung» («Немецкая газета “Крым”»). Для военнослужащих действующей армии был организован выход 12-ти фронтовых газет, среди которых «Ostkurier», «Ost-Front», «Die Front», «Soldatenzeitung der Ukraine» и др. Более того, в Украину завозилась немецкая пресса Рейха: «Фолькишер беобахтер», «Дас рейх», «Дойче Альгемайне Цайтунг», «Франкфуртер Цайтунг», «Мюнхинер Цайтунг», «Кольнише Цайтунг», «Дрезднер Цайтунг», «Дер Анггрифф», «Дер фюрер», «Дер штурмер», «Гамбургер Tageblatt», «Берлинер иллюстрирте» и другие газеты.

Основные тематические сюжеты немецкой прессы Рейха условно можно разделить на три категории: материалы идеологического характера (антисоветские, антисемитские и пронемецкие статьи), хронику социально-экономических и военно-политических событий, произошедших в Германии за последний период. Немецкие газеты, издававшиеся в оккупированной Украине, кроме всего перечисленного, помещали огромное количество материала на местную тематику. Несмотря на то, что немецкая периодика предназначалась для представителей оккупационной власти, ее имели возможность читать местные жители. Как правило, это была незначительная часть той интеллигенции, которая до войны изучала немецкий язык в высших учебных заведениях СССР. Остальное же население (накануне войны — 89 %) имело начальное (4 класса), неполное среднее (7 классов) или среднее образование (10 классов). Программа советских школ не давала того объема знаний для свободного владения языком, а тем более — чтения немецкой прессы. Даже курсы немецкого языка, организованные оккупационной властью по всей Украине, не смогли кардинально изменить ситуацию. Исходя из этого, немецкоязычную прессу автор считает второстепенным пропагандистским элементом в системе информационно-психологического влияния на жителей республики.

Идеологическое влияние нацистов не ограничивалось немецкой прессой. В рейхскомиссариате «Украина» и зоне военной администрации выходило более 166 периодических изданий на украинском и русском языках. Функционирование местных издательств в условиях немецкой оккупации осуществлялось благодаря содействию, с одной стороны, немецкой гражданской и военной власти, а, с другой, — органов местного управления. Периодическую прессу рейхскомиссариата можно условно поделить на три категории: газеты всеукраинского значения; окружные газеты, что издавались для населения отдельно взятого генерального округа («Волынь-Подолія», «Київ», «Житомир», «Днепропетровск», «Николаев», «Таврія») и издания районного значения, выходившие в каждом гебите под контролем гебиткомиссаров. Периодика военной зоны была представлена городскими и районными газетами. Их выход контролировался ротами пропаганды отдела пропаганды «U», военными комендатурами и местными управами.

В тоже время пресса, как главный элемент немецкой пропаганды, имела влияние только в некоторых регионах Украины из-за того, что местные органы власти не смогли решить вопрос доставки газет в отдаленные населенные пункты. Пресса выходила небольшим тиражом из-за нехватки газетной бумаги, технического оборудования. Тираж районных газет рейхскомиссариата «Украина» в среднем колебался от 5 до 10 тыс. экземпляров, окружных — был намного больше. Так, русскоязычная газета «Мелитопольский край» и украиноязычная «Українська

думка» (генеральные округа (далее — г/о) «Таврия» и «Николаев») выходили тиражом в 12 тыс. экземпляров. Украиноязычные газеты «Голос Волині» (г/о «Житомир») и «Дніпропетровська газета» (г/о «Днепропетровск») имели тираж в 15 и 25 тыс. экземпляров. Окружная газета «Волинь» (г/о «Волинь-Подолія») издавалась тиражом в 35 тыс. экземпляров. Наибольший тираж в 50 тыс. имела газета «Новое украинское слово» (г/о «Киев»), так как являлась всеукраинской и теоретически обслуживала в информационном отношении население всего рейхскомиссариата.

Небольшой тираж оккупационной прессы привел к тому, что не все желающие имели возможность ее читать. Так, один номер газеты «Мозырские известия» (г/о «Житомир») и «Хабнівські вісті» (г/о «Киев») приходился на 8 чел., а изданий «Уманський голос», «Тальнівські вісті» (г/о «Киев»), «Промінь» (г/о «Днепропетровск») — на 35. Обеспечение окружными изданиями была еще хуже, поскольку один экземпляр «Дніпропетровської газети» приходился на 110 жителей округа, а «Української думки» — на 160. Но, несмотря на это, люди были достаточно информированы о формах и методах немецкой пропаганды и распоряжениях оккупационных властей.

Периодичность выхода газет колебалась от одного до трех раз в неделю и полностью зависела от запасов газетной бумаги. Правда, существовали исключения. Так, газеты «Нове українське слово», «Нова Україна» и «Голос Полтавщини» выходили 6 раз в неделю. Печать пирятинского издания «Рідна нива», «Донецкого вестника» и «Маріюпільської газети» происходила четыре раза в неделю. Периодические издания «Світлий промінь» (Антонины) и «Нове життя» (Старокостантинов) выходили только 6 раз в месяц.

На начальном этапе организации издательской деятельности количество страниц ограничивалось двумя. Только в середине 1942 г., с целью усиления немецкой пропаганды по просьбе многих гебитскомиссаров, редакции периодических изданий получили возможность расширить объем своих газет до четырех страниц. Исключением являлись юбилейные выпуски, которые занимали 6–8 страниц. В зоне военной администрации выход газет тоже во многом зависел от запасов бумаги. Так, харьковская газета «Нова Україна» издавалась то на двух, то на четырех страницах. Отдельные ее выпуски имели 6 страниц. Постоянным объемом в 8 страниц издавалась «Українська земля».

Еще одним негативным явлением при решении задач пропаганды посредством прессы было то, что редакции укомплектовывались малоквалифицированными журналистскими кадрами, поскольку не хватало людей с высшим филологическим образованием, особенно знатоков германской истории и филологии. На должность главного редактора мог претендовать только тот, кто хорошо знал украинский и немецкий языки, имел опыт работы в издательской сфере, был антисоветски настроен и проявлял готовность к сотрудничеству. Как правило, редколлегии городских газет состояли из представителей местной интеллигенции (историков, журналистов, писателей, научных работников), которые в силу разных причин остались в оккупации. В редакциях провинциальных газет работали учителя-филологи.

Редакции имели штатных и внештатных сотрудников. Первые работали на ставке или почасовой оплате, вторым — выплачивался гонорар. К постоянным кадровым относились должности литературного редактора, технического ре-

дактора, корректора, радиоинформатора-переводчика. Количество должностей секретаря-машинистки, курьера, корректора могло быть увеличено в зависимости от объема работы редакции. Штатные сотрудники обязывались приходить на работу ровно в 8 часов утра. За опоздание предусматривались штрафные санкции, вплоть до увольнения. Всем работникам запрещалось самовольно оставлять работу раньше 17 часов и без надобности покидать рабочее место. Если необходимо было работать после окончания рабочего времени, никто не имел право отказать. Саботажем считался отказ выполнять порученную работу, умышленная порча технического оборудования и материалов.

Внештатными сотрудниками считались представители украинской диаспоры, которые по собственному желанию присылали свои материалы в оккупационную прессу; местные жители, писавшие статьи, стихи, фельетоны в газету (поскольку издания сами приглашали их к сотрудничеству), а также работники органов местного управления (городских, районных, сельских управ), учреждений культуры и искусства, аграрно-промышленного сектора (кооперативов, лесничеств и т. д.). Редакции газет «Волянь» (Ровно) и «Відродження» (Тараща) активно агитировали граждан писать статьи на разные темы и присылать воспоминания о пережитом в советское время. Так, житель Таращанского района г/о «Киев» Йосип Лихуша написал антисемитскую статью «Геть с комуністическим обманом»²⁹, в которой обвинял евреев во всех бедах украинского народа. Среди причин такого явления, характерного и для других регионов Украины, можно выделить следующие: разочарование советским способом жизни; убеждение в том, что советская власть больше не вернется; ненависть к еврейским семьям, которые жили при ней лучше; финансовая заинтересованность. Последняя причина является наиболее актуальной, поскольку гонорар за такие публикации колебался от 100 до 500 карбованцев. Это были небольшие деньги, если учитывать уровень рыночных цен на все продукты питания и товары широкого потребления, достигшего мегаспекулятивных высот. В то же время дополнительное финансовое подспорье играло немаловажную роль.

Деятельность издательских предприятий на протяжении всего оккупационного периода не была убыточной благодаря финансово-материальной поддержке и рыночным подходам, установленным немецкой властью: продажа рекламных площадей на страницах периодических изданий, реализация тиражей (путем свободной продажи через киоски и оформление подписки), низкая зарплата сотрудников, незначительные хозяйственные расходы на аренду помещения и ремонт. Кадровая политика оккупационных властей привела к тому, что большинство людей за неимением реальной альтернативы в выборе работы были вынуждены трудиться на новых хозяев. Кроме того, постоянная потребность в деньгах, выдача по месту работы продуктовых пайков, возможность питаться в рабочей столовой, получение трудовых карточек с отметкой о работе, дававшие шанс избежать отправки в Германию, — все это вынуждало людей держаться работы, чтобы как-то выжить. Сложная ситуация оставалась в крупных городах Украины, где зимой свирепствовал холод и голод.

В начале немецкой оккупации цензуры местной прессы еще не было. Пропагандисты Вермахта не отягощали себя контролем прессы, а всю ответственность за помещенный материал возлагали на главных редакторов. Единственное, что их интересовало — это правильная подача политико-идеологических статей и использование терминологии согласно директивам А. Йодля. Главный редактор

газеты «Волянь» после войны вспоминал, что нельзя было писать о возрождении украинской государственности, организации украинских вооруженных сил, критиковать официальные распоряжения оккупационной власти, проводить независимую линию газеты. Разreshалось писать на хозяйственную, школьную и культурную тематику. Со временем начали поступать указания не обсуждать будущее Украины до окончания войны, а писать о большевистском предательстве Германии, негативном влиянии еврейства и деятельности III Интернационала. Запрещалось использовать большевистские названия городов. Предлагалось заменить «Куйбышев» на «Самару», «Кирово» — на «Елисаветград», не употреблять понятия «Россия», «русские», «русская земля», «белорусы», а заменить их на «Советский Союз», «москалы», «Московщина», «большевистская армия» и «белорусыны»³⁰.

В феврале 1942 г. рейхскомиссар Украины Эрих Кох издал распоряжение об обязательной цензуре периодической прессы, поскольку слабый контроль над публикациями газет украинских националистов привел к усиленной пропаганде их идеологии, что противоречило полученным указаниям из Берлина. Проведение политической цензуры возлагалось на референтов прессы генеральных комиссариатов и лично на гебитскомиссаров, военной — на представителей военных комендатур. В зоне военной администрации за цензуру отвечал отдел пропаганды «U» и местные комендатуры.

Просмотр материалов должен был проводиться постоянно, но без мелких придирок. Пресса обязывалась подавать ежедневные сводки немецкого информбюро, отчеты военных корреспондентов, а также военные репортажи пресс-референтов. Если местные газеты считали необходимым помещать информацию собственных корреспондентов военно-политического содержания, то они должны были получить разрешение на их публикацию от немецкого военного командования. Обязательной цензуре подлежали материалы на хозяйственную и транспортную тематику³¹. В дистрикте «Галиция» цензуру местных изданий ввели еще 17 июля 1941 г., а должность главного цензора занимал шеф прессы Г. Лемман³².

Тематика местной прессы имела четко выраженную политико-идеологическую и социально-экономическую направленность. Приоритетное положение занимало идеологическое направление. Воспитание у населения лояльности к новой власти происходило путем популяризации военно-политической мощи и всемирного культурно-исторического наследия Германии, Италии и Японии; внушения освободительной миссии Вермахта и вождя нации Гитлера; размещения обращений к народу лидеров стран-союзниц и Третьего рейха; популяризации идей А. Розенберга, особенно его положительного отношения к украинскому народу.

Оды в честь освободителей публиковались во всех газетах Украины. Например, в киевской газете «Нове українське слово» была помещена статья «Новая Украина», автор которой пытался убедить читательскую аудиторию в том, что немцы пришли как освободители, поэтому «заслуживают на всю любовь, доверие и благодарность украинского народа». В конце статьи предлагалось поверить в мужество Германии: «Украинцы! Мы хорошо знаем, что без помощи немцев нельзя установить новый порядок в Украине! С Германией Украина победит — без Германии она погибнет...»³³.

Подобные призывы сопровождали каждый номер газеты за 1941 г.

Издания военной зоны оккупации не отставали от своих коллег. Так, русскоязычная газета «Донецкий вестник» в начале декабря 1941 г. писала, что украинский народ «склоняет голову перед великой освободительной миссией непобедимой армии Великой Германии, которая освободила Украину от кровавого жидо-коммунистического ига, поэтому поможет немецкой армии в борьбе с большевизмом...»³⁴.

Жителей Украины знакомили с социально-экономической политикой нацистского правительства, направленной на поддержку граждан Рейха и немецкой оккупационной власти. Идеологический акцент в публикациях также предусматривал размещение критики американо-британского союза и уже упоминавшихся материалов антисоветского и антисемитского содержания. Пресса уделяла немало внимания национальной тематике, пыталась исторически довести спокон вековую дружбу украинского и немецкого народов еще со времен завоевания территории Украины готскими племенами.

Материалы социально-экономического направления включали агитационно-пропагандистскую поддержку вербовки рабочей силы в Третий рейх, пропаганду аграрной политики нового режима и агитацию населения к активному труду ради светлого будущего своих детей. Незначительное количество публикаций на тему возрождения украинской культуры, религиозной жизни, необходимости ведения борьбы с партизанским движением наводят на мысль, что они занимали в оккупационной прессе второстепенную роль по сравнению с другими сюжетами.

Практически все публикации идеологического содержания кодировались. Исключением являлась харьковская газета «Нова Україна», редакция которой не принимала к печати анонимные статьи или сообщения. Можно выделить несколько типов кодированных материалов: статьи без авторских подписей или подписанные аббревиатурой; публикации, имевшие в конце текста одну, две или три звездочки (*) — (**), и материалы, подписанные псевдонимами. Нам удалось установить, что одной звездочкой обозначались новости, записанные радиоинформаторами-переводчиками во время прослушивания немецкого эфира. Информация из берлинских, ровенских и луцких источников сначала помечалась двумя звездочками, но со временем стала открытой. Например, материал немецкого информбюро помечался как «ДНБ» или «Берлин»; статьи, перепечатанные из «Украинской корреспонденции» — как «УК» или «Ровно». Три звездочки в конце текста означали, что материал взят из других оккупационных газет Украины.

В бюллетене «Дойчес нахрихтен бюро» (ДНБ), филиала немецкого информационного агентства в Ровно, подавались каждодневные сводки ОКВ о ситуации на фронтах Второй мировой войны, военно-политические новости, обзор международных событий. Информация со штаба фюрера (в оккупационной прессе — это раздел «Главная квартира фюрера») должна была помещаться только на первой полосе газеты, но не все главные редактора придерживались данного положения. В соответствии с распоряжением Эриха Коха был арестован редактор газеты «Костопільські вісті» за то, что в номере за 10 июня 1942 г. на первой полосе оказалась не сводка ОКВ, а статья об украинском писателе Иване Франко³⁵. Этот случай полностью подтверждает наблюдения немецкой службы безопасности о крайне неудовлетворительной цензуре материалов местной прессы. Полиция безопасности и СД, в частности г/о «Киев», постоянно следила за тем, кто и что

печатал в оккупационной прессе, отслеживала реакцию населения на газетные публикации, отправляя ежеквартально тайные отчеты в Берлин. Часть материалов редакции местной прессы брали из немецких газет Рейха и Украины.

Оккупационная пресса обязывалась размещать материалы украиноязычного бюллетеня «Українська кореспонденція», также издававшегося филиалом немецкого информбюро в Ровно. Информация бюллетеня касалась всех сфер жизнедеятельности рейхскомиссариата «Украина»: сельского и коммунального хозяйства, культуры и искусства, мероприятий оккупационной власти относительно восстановления социально-экономической инфраструктуры региона, вербовки рабочей силы в Германию. В редакции «УК» переводились материалы с немецких изданий Рейха и рейхскомиссариата, а также изучались публикации «Винеты».

«УК» постоянно публиковала выступления А. Розенберга, Э. Коха, материалы сотрудников политического отдела рейхскомиссариата Пфafferота, Даргеля, религиозных деятелей, репортажи собственных корреспондентов. Среди сотрудников «УК» существовала негласная специализация. Например, Улас Самчук любил писать антисоветские статьи и фельетоны, освещать историческое прошлое Украины, особенно ее борьбу за независимость на протяжении 1917–1920 гг. Немало материала он посвятил освободительной миссии Германии, политико-идеологическим убеждениям Гитлера. Согласно воспоминаниям писателя, его негативное отношение ко всему советскому, ярко выраженная антикоммунистическая и антисталинская направленность публикаций подвергалась нещадной критике, особенно со стороны жителей Восточной Украины. Но, несмотря на это, У. Самчук продолжал усиленно работать. Р. Бжеский специализировался на статьях, в которых доказывал исторически сложившуюся дружбу между немецким и украинским народом. Особое внимание уделял изучению украинского лексикона, акцентируя внимание на том, что многие его слова были заимствованы из немецкого языка.

На протяжении всего периода оккупации спрос на газеты был высоким. Население активно интересовалось немецкими сводками о военных действиях на Восточном фронте, поскольку у многих из них там воевали родные и близкие. В тоже время, материалы идеологического характера подвергались детальному анализу и воспринимались критически, так как взрослое население страны, воспитанное на традициях и стереотипах советской системы, не всегда правильно понимало методику немецкой пропаганды (манеру и стиль подачи материала), которая использовалась в оккупационной прессе. Политико-идеологическое влияние прессы оказалось слабым еще и потому, что, начиная с 1942 г., газеты превратились в чисто информационный источник. Главные редактора, понимая, что являются разменной монетой в «немецкой игре», несмотря на свою внешнюю лояльность к новому режиму, не проявляли особых рвений и усилий, чтобы как-то улучшить агитационно-пропагандистское воздействие посредством периодической прессы.

Таким образом, оккупационная пресса, придерживаясь распоряжений А. Розенберга, Й. Геббельса, А. Йодля, Э. Коха, пыталась выполнять функции информационно-пропагандистского рупора, формировавшего негативное отношение ко всему советскому, особенно к «жидо-большевистской» верхушке страны. Оккупационные газеты возвеличивали образ Гитлера как «фюрера-освободителя» от коммунистического режима, представляли Германию и ее со-

юзниц непобедимой, могущественной военно-промышленной силой, агитировали население на работы в Рейх.

Немецкая пропаганда не ограничивалась использованием периодической прессы, а осуществлялась посредством радио и киносети. Использование радиосети с пропагандистской целью оказалось неэффективным, поскольку возможность слушать радио имели только жители больших городов и, в основном, с уличных громкоговорителей, подключенных к местным радиоузлам. В маленьких местечках и райцентрах Украины радиосеть вообще не работала. Это было связано с тем, что, во-первых, в начале войны материально-техническая база советской радиотрансляционной системы и украинского радиокомитета, которую не успели эвакуировать, подлежала уничтожению, а во-вторых, в начале оккупации немецкая власть конфисковала у населения большую часть радиоприемников и запчастей к ним, чтобы население не имело возможности слушать передачи советских радиостанций. Слушать радио разрешалось только в рамках служебной необходимости радиоинформаторам-переводчикам редакций оккупационной прессы, сотрудникам радиостанций и органов местного управления, которые прошли проверку на политическую благонадежность.

Использование немецких автомашин с громкоговорителями было незначительным из-за нехватки переводчиков, топлива, плохого состояния грунтовых дорог и транспортного сообщения. Программа радиопередач проходила цензуру. Большая часть эфирного времени отводилась каждодневным сводкам ОКВ, обзору прессы, объявлениям местных органов власти, трансляции религиозных богослужений, развлекательным музыкальным программам. Также по радио популяризировалась «счастливая» жизнь немецких граждан и работа остарбайтеров. Радиопередачи на украинском языке транслировались два-четыре раза в день и только по 15 минут. Но настроить население на лояльное отношение к оккупационной власти так и не удалось, так как наибольший интерес слушатели проявляли только к сводкам ОКВ.

Политико-идеологическое влияние посредством кинематографа предполагало использование трех его жанров: немецкой кинохроники («Дойче Вохеншау»), документально-пропагандистских и художественных фильмов, производства киноконцернов «УФА» и «ЦФО» («Центрального фильмообъединения “Восток”»). Немецкая кинопропаганда в Украине оказалась малоэффективной по ряду причин. Во-первых, негативную роль играла нехватка приспособленных к эксплуатации кинотеатров, их неудовлетворительная материально-техническая база, практическое отсутствие киносети в провинции. Во-вторых, местному населению демонстрировались в основном немецкие фильмы развлекательного жанра (любовные комедии, мелодрамы, мюзиклы), историко-приключенческие сюжеты, которые не могли оказать существенного пропагандистского эффекта. Например, в кинотеатрах Киева показывали фильмы «Розы в Тироле», «Венские истории», «Последняя Рунда», «На всю жизнь», «Пандур Тренк» и другие немецкие кинокартины³⁶.

В прокате не хватало сюжетов научно-популярного содержания, о социально-экономической политике нацистской Германии, а также изобличающих недостатки правления большевистского режима в Украине. Население и представители немецкой администрации были крайне недовольны таким положением дел. Комиссар г/о «Киев» Вальдемар Магуния в аналитическом отчете от 31 мая

1944 г. по этому вопросу писал так: «Ничего хорошего не могу сказать в адрес пропаганды средствами кино. В основном показывались, исходя из финансовых соображений, халтурные фильмы, которые могли вызвать у зрителя все что угодно, только не симпатии к нам. К сожалению, это было часто. Фильмы, посвященные вопросам культуры и научно-популярные картины, использовались крайне редко»³⁷.

Население проявляло некий интерес к военной кинохронике и документальным фильмам о жизни оstarбайтеров. Однако и здесь существовали недостатки. Немецкая кинохроника демонстрировалась с большим опозданием из-за необходимости перевода на украинский (русский) язык, поэтому теряла свою актуальность. Во время сеанса пленка часто рвалась, мерцала, люди не успевали прочитывать переведенный текст. Выпуски киножурнала нередко демонстрировали недостоверные данные о разрушениях советских городов, показывали убитых или плененных, измученных продолжительными боями красноармейцев, что в свою очередь негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии зрителей. Многие из них выходили из кинотеатров в подавленном виде. Идеологическая составляющая кинопропаганды (особенно антисоветского и антисемитского направления) ожидаемого результата не дала, поскольку большинство жителей Украины (не учитывая западные области, где ситуация являлась кардинально противоположной) были настроены к новому режиму враждебно, что особенно ярко выражалось в последние месяцы оккупации.

Нацистская агитация и пропаганда с помощью листовок, плакатов и брошюр пыталась обеспечить исполнение поставленных правительством Гитлера задач: срочно восстановить народное хозяйство Украины для обеспечения Вермахта всем необходимым за счет местных ресурсов и комфортного пребывания на оккупированной территории немецких властей; популяризировать немецкий способ жизни; пропагандировать идеи НСДАП, новой аграрной реформы, освободительной миссии Вермахта и его военных успехов; а также своевременное выполнение планов поставок рабочей силы для экономики Третьего рейха с обязательным информированием родственников и всего населения о положении оstarбайтеров в Германии. Немало агитационных материалов было направлено на борьбу с советским подпольно-партизанским и националистическим движением Сопротивлення.

Материалов наглядной пропаганды больше распространялось в сельской местности, жители которой не имели возможности читать оккупационную прессу. Значительная часть агитационно-пропагандистской продукции поступала из Берлина, но при наличии определенных материально-технических условий (бумаги, печатных станков, специалистов), изготовлялась на местах. Но в Берлине недостаточно владели информацией о тех проблемах, с которыми каждый день сталкивалось население оккупированной Украины. Там или не замечали важные актуальные вопросы или умышленно обходили их. Агитки, поступающие с Германии, пестрели грамматическими, стилистическими, историческими ошибками, не отображали политические настроения людей и социально-экономические мероприятия оккупантов. Например, один из полученных материалов был направлен на борьбу со спекуляцией, показывая торговца, сидящего на мешке с хлебом по цене 500 крб³⁸. Это только сместило население, поскольку цена буханки хлеба в свободной торговле (на рынке) колебалась от 120 до 170 крб, соответственно

мешок с хлебом стоил в два-три раза дороже той суммы, которая указывалась на агитке. Также в Украину присылались агитационно-пропагандистские материалы, предназначенные для крестьян Белоруссии и России.

Пропагандистские материалы, изготовлявшиеся на местах при отделах пропаганды органов местной администрации или отделах пропаганды Вермахта, носили более актуальный характер, лучше отображали оккупационную реальность. Согласно отчету генерального комиссара Киевского округа, только за период с 1 января по 31 июля 1942 г. в Украине было изготовлено 700 тыс. брошюр; 1 100 тыс. листовок; 142 тыс. воззваний и приказов немецких властей³⁹. Отдел пропаганды Вермахта до конца 1942 г. имел в распоряжении более 3-х млн экземпляров пропагандистской продукции.

На протяжении всего периода немецкой оккупации эффективность методов подачи информации была разной. На первом этапе действовали методы, которые поддерживали и углубляли антисоветские настроения среди населения. Многочисленные листовки-воззвания убеждали людей в том, что советская власть покинула их, оставив наедине со своими проблемами, разрушила всю инфраструктуру и уничтожила запасы продовольствия. Поэтому обещания нацистов освободить народ от еврейско-большевистской системы и возобновить нормальную жизнь воспринимались частью населения позитивно. Брошюры о прекрасной жизни в Германии, ее лидере Адольфе Гитлере интересовали граждан до того времени, пока не выяснились настоящие намерения новой власти — колонизировать восточные земли, сделать их сырьевым придатком Третьего рейха, а население превратить в покорных «рабов». Доброжелательное отношение оккупационных властей к сельскому населению должны были продемонстрировать листовки и брошюры о новом аграрном порядке. Но обещания выделить крестьянам землю в частную собственность в большей части регионов не оправдались, поэтому люди перестали их серьезно воспринимать.

В борьбе нового режима с подпольно-партизанским движением использовались методы запугивания жителей оккупированных территорий смертной казнью, штрафами, заточением за оказание им какой-либо помощи или чтение идеологических материалов врага, а также посредством клеветы на представителей советской власти, что большого успеха не имело. Контрпропагандистское влияние листовок и брошюр, изготовленных главным политуправлением Красной армии, отделами пропаганды ЦК КП(б)У и ЦК ЛКСМУ, а также обеими фракциями ОУН значительно ослабило усилия идеологической борьбы немцев за объекты психологического влияния. Советские агитационно-пропагандистские материалы (листовки и газеты «Коммунист», «Советская Украина», «За Советскую Украину» и др.) сбрасывались ночью из самолетов и распространялись среди жителей оккупированной территории подпольно-партизанскими группами. Тематика листовок была разнообразной — от лозунгов, призывающих к борьбе с гитлеризмом и немецко-фашистскими захватчиками до цитирования выступлений лидеров ЦК КПСС⁴⁰. То, что население их тайком читало и с нетерпением ждало прихода «своих», подтверждается воспоминаниями сельской учительницы Н. Рогулиной. Зимой 1942 г. ее односельчане (с. Знаменка Запорожской обл.) нашли в плавнях газету «За Советскую Украину», стали внимательно читать, передавая из рук в руки и надеяться на скорое возвращение советской власти⁴¹.

На эффективность немецкой пропаганды существенно влияли проблемы с распространением агитационно-пропагандистской продукции в регионы Украины. В отдаленные населенные пункты материалы пропаганды поступали редко из-за погодных условий (морозов, гололеда, наводнений), плохого состояния дорог и отсутствия необходимого транспорта. К тому же, голые обещания новой власти о светлом будущем Украины, лучших условиях труда в Рейхе не отвечали реальному состоянию дел. Методы вербовки трудоспособного населения носили в основном принудительный характер, напоминали «охоту на людей», поскольку оккупационная власть активно использовала облавы на рынках и площадях, в кинотеатрах и церквях. Транспортировка рабочих была далека от идеальной: рабочую силу вывозили в товарных вагонах, в антисанитарных условиях, а вместо продуктовых пайков люди получали агитационно-пропагандистскую литературу. Поэтому, согласно указанным обстоятельствам нацистская пропагандистская кампания с использованием мелкой печатной продукции оказалась малоэффективной в Украине.

Психологическое влияние средствами изобразительного искусства (плакатами, фотографиями, фотостенгазетами) отвечало тем же задачам, что были возложены на пропаганду мелкой печатной продукцией. Например, тематика фотостенгазет была типичной для немецкой пропаганды: «Фюрер и его народ», «Немецкие ландшафты», «Улицы А. Гитлера», «Немецкое село и промышленность», «10 лет национал-социализма», «Почему Германия победит» и другие⁴². Эффективность пропаганды также зависела от своевременной доставки материала из Берлина, возможности изготовления на местах, метеорологических условий, наличия транспорта, обеспечения клеем, досками для объявлений и стеклянными витринами. Контрольные функции за распространением пропагандистских материалов были возложены лично на бургомистров городов и старост сел.

Больше всего распространялось плакатов, которые пропагандировали Гитлера как освободителя Украины. В то же время, пропагандистов Вермахта не устраивал получаемый из Берлина материал, так как состоял он в основном из устаревших плакатов, фотоальбомов и стенгазет. А они нуждались в информационных плакатах о жизненном пути Гитлера и в материалах, которые давали бы ответ на вопрос «Кто виновен в этой войне?». Нехватку актуальной пропагандистской продукции пытались перекрыть за счет изготовления на местах. Из немецких документов известно, что по состоянию на 1 сентября 1942 г. в Украине было изготовлено 1,2 млн экземпляров плакатной продукции (из них 250 тыс. — в Киеве, 30 тыс. — в Чернигове, 20 тыс. — в Николаеве, 18 тыс. — в Днепропетровске, 5 тыс. — в Житомире)⁴³.

Некоторым спросом пользовались тематические выставки, организованные оккупационной властью в читальных залах, на предприятиях и музеях крупных городов и небольших местечек: в Киеве, Харькове, Николаеве, Кременчуге, Сумах, Полтаве, Миргороде, Лубнах, Яготине, Сорочинцах, Донецке (Сталино) и других населенных пунктах Украины. Приоритетным идеологическим направлением считалась антисоветская и антисемитская тематика. Ярким примером являются выставки: «Украина в ярме большевизма», «Настоящие виновники и зачинщики этой войны — жидаы». В Киеве весной 1942 г. для популяризации идеи освобождения города от «жидо-большевистского гнета», а также для усиления антисоветской пропаганды оккупационной властью был организован так

называемый «Музей-архив переходного периода». Его название, скорее всего, было связано с немецкими соображениями о том, что с их приходом в истории Украины наступил «переходной период» от большевистской до нацистской модели управления страной.

В июле 1942 г. Музей-архив провел первую пропагандистскую выставку под названием «Уничтожение большевиками культурных памятников Киева». Но выставка не пользовалась большим успехом у киевлян. Ее посетило всего 326 чел., учитывая представителей немецкой и местной администрации⁴⁴. Это притом, что в городе, согласно переписи населения по состоянию на 1 апреля 1942 г., проживало более 352 тыс. человек. Проведение второй выставки, запланированной на 19 сентября, т. е. в годовщину немецкой оккупации Киева, так и не состоялось. Можно только предположить, что пропагандистская цель первой выставки не была достигнута, поэтому на проведение второй не было выделено денег. К тому же, оккупационная власть активно отправляла население на работу в Германию. Вербовка осуществлялась, в том числе и за счет сотрудников городской управы, которой подчинялся Музей-архив.

Для вербовки трудоспособного населения в Третий рейх распространялись плакаты и организовывались выставки на манер «Как хорошо живет украинский рабочий в Германии». Один из русскоязычных цветных плакатов «Галина» агитировал украинских домохозяек ехать в Германию, как это сделала девушка Галя, писавшая домой о том, как ей весело живет в немецкой семье. Удалось установить, что плакат был изготовлен на основе фрагмента немецкого документально-пропагандистского фильма под условным названием «Жизнь оstarбайтеров», который сейчас хранится в Центральном государственном кинофотофоноархиве Украины. В то же время из воспоминаний Н. Коробенка известно, что, молодежь с. Бурты Кагарлыкского района Киевской области на плакатную пропаганду внимания не обращала, а наоборот, всячески пыталась избежать отправки в Рейх. «Прятались в лесах, в скирдах соломы, убегали в другие села, где их никто не знал. Некоторые родители выкупали своих детей у полицаев за самогон...», — рассказывает бывший оstarбайтер⁴⁵.

Для широкой популяризации германской политики в социально-экономической сфере, более эффективному привлечению рабочей силы с восточных территорий и улучшения трудовой дисциплины, в Берлине были подготовлены фотовыставки на военно-промышленную тематику: «Заводской профсоюз — основа успеха», «Все, что делаешь, делай старательно!», «Радость от работы»⁴⁶, которые знакомили украинских рабочих с немецким производством.

Некоторым спросом пользовались выставки продукции народного хозяйства Украины, промышленность которой была восстановлена и вновь запущена в работу немецким оккупационным режимом. На протяжении лета — осени 1942 г. такие выставки были организованы в Днепропетровске (генеральным комиссаром) и Кировограде (гебитскомиссаром). Их цель вполне понятна — продемонстрировать заботу новой власти о людях, которые обеспечивались рабочими местами, тем самым настроить их на лояльное отношение к оккупантам. Но несмотря на солидные финансово-материальные затраты при проведении тематических выставок, их посещали в основном представители органов местного управления и небольшой процент приверженцев новой власти, поэтому массового пропагандистского эффекта они не достигали.

Распространенным методом немецкой пропаганды было использование устной формы в агитационно-пропагандистской обработке гражданского населения. Его преимущество заключалось в высокой оперативности и конкретности, что не требовало использования специальных технических средств и давало возможность прямого общения с аудиторией. Как правило, устную агитацию проводили коллаборанты. Для популяризации немецкой культуры и западноевропейского способа жизни, оккупационная власть организовывала ознакомительные поездки по Германии. После возвращения в Украину, члены делегаций (представители органов местной администрации, периодической прессы, народного хозяйства) выступали по радио, в прессе и на массовых собраниях, где рассказывали о немецких городах, красоте местных ландшафтов, культуре и быте граждан Рейха, их благосклонном отношении к восточным рабочим. Например, летом 1942 г. в Винницком городском театре была организована встреча представителей одной из таких делегаций, что побывала в Западной Европе. Слушателями были представители немецкой власти и руководители общественных хозяйств. Как писала местная газета, пан Трохимец говорил, что Германия является носителем европейской культуры, науки и техники. Точность, аккуратность, добросовестность — характерные качества немецкого крестьянина. Агроном Коломиец рассказал о специфике ведения полевых работ в Рейхе⁴⁷.

С такой же целью 15 августа 1942 г. генеральный комиссар Днепропетровска Клаус Зельцнер организовал поездку в Германию делегации во главе с бургомистром города⁴⁸. Глава городской управы Л. Соколовский, который до войны работал начальником планового отдела Днепропетровского металлургического завода, после посещения Берлина и Дрездена выступал по радио с восхвалением нацистского режима, удачной организации промышленности и сельского хозяйства, трудолюбия немецких рабочих и крестьян⁴⁹. Осенью того же года генеральный комиссар лично агитировал 800 рабочих организации «Тодт» помочь немецкой армии победить большевизм, демонстрируя настойчивость в работе, опираясь на его личный пример⁵⁰. Гебитскомиссар Таращи отправку весной 1943 г. в Рейх нескольких фольксдойче и украинских агрономов объяснял тем, что «эти люди смогут принести желаемые сообщения о Германии, поэтому я считаю такую пропаганду в данное время наиболее эффективной»⁵¹.

Еще одним методом вербовки рабочих стали принудительные выступления самих остарбайтеров, которых отправляли в отпуск на родину с целью информировать население об удовлетворительных условиях их жизни и работы в Германии. Как писала «Днепропетровская газета», украинские девушки, работающие в Дрездене, Берлине и Нюрнберге, на собрании в помещении днепропетровского театра пытались развеять сомнения о плохом обращении немцев с восточными рабочими⁵². В мае 1943 г. с рассказами об экономической мощи Третьего рейха выступил перед крестьянами гебита «Лубны» один из сотрудников отдела пропаганды Вермахта. Тамошний гебитскомиссар констатировал неплохой эффект от работы оратора⁵³. В военной зоне оккупации выступления пропагандистов на рыночных площадях воспринималось населением также позитивно⁵⁴.

В то же время, несмотря на неплохие показатели устной агитационно-пропагандистской работы, она все же оказалась не очень результативной, поскольку требовала большого количества специально обученных людей, которых не хватало. Немецкие пропагандисты неважно владели украинским (русским)

языком, а услугам фольксдойче или украинских коллаборантов население доверяло мало.

По состоянию на 1943 г. немецкая пропаганда полностью утратила какой-либо контроль над общественным мнением. Из тайного донесения генерал-лейтенанта Деттлинга о настроениях населения известно, что молодежь относилась к немецкой пропаганде с недоверием. На нее было очень сложно оказывать влияние, поскольку она постоянно читала советскую литературу и понимала, что новая власть пытается превратить ее родную землю в немецкую колонию⁵⁵. Общую психологическую обстановку и настроения граждан Украины осенью 1943 г. четко отображает отчет 3-й оперативной команды полиции безопасности и СД от 4 октября: «Если в начале сентября настроение у населения уже было очень пессимистичным, то в последнее время <...> оно стало просто паникерским. Причины этого кроются в следующем: капитуляция Италии, пропаганда усиленного партизанского движения, эвакуация южных и центральных прифронтовых районов, фабрик, заводов, административных учреждений. Большинство жителей не сомневаются в том, что Германия проиграла войну»⁵⁶.

Из немецкого документа следует, что население пребывало в растерянном состоянии, отчетливо понимая, что войну Германия проиграла, обещанной лучшей жизни в «Новой Европе» уже не будет и советская власть скоро вернется. В возвращении советской системы управления одни видели улучшение своего материального положения, другие ожидали очередных репрессий. Но, так или иначе, грохот канонад предвещал скорое возвращение «своих».

Немецкая агитационно-пропагандистская кампания была рассчитана не только на взрослое население, но и на подрастающее поколение. В инструкциях о народных школах, составленных руководителями отделов культуры и образования Винницкой и Киевской городских управ, объяснялось, что цель школьного воспитания заключалась в привитии любви к Украине, дружеского отношения к фюреру и немецкому народу⁵⁷. В Полтавской области отделы образования городских (районных) управ обязывались ознакомить учителей с основными принципами национал-социалистического воспитания. В Донбассе новая власть приказала привить у детей уважение к Вермахту и немецкому народу, как к самой культурной расы мира.

Однако нацистская пропаганда в системе школьного образования оказалась неэффективной по ряду причин. В начале оккупации большинство городских и сельских школ не были подготовлены к работе, поскольку во время военных действий часть образовательных учреждений была повреждена взрывами, а уцелевшие школьные помещения оккупационная власть использовала под управы, медпункты, госпитали, склады. У школ забирались запасы топлива, которые передавались в распоряжение военных комендатур Вермахта.

Во время оккупации работа народных школ была возобновлена, но оставались проблемы со снабжением топливом и электричеством, не хватало финансовых средств на ремонт сантехники, водоснабжения и крыш. Некоторые школы занимали комнаты других учреждений, т. е. работали в две смены. Более того, быстро выяснилось, что в Берлине не успели подготовить учебники, программы и методические пособия по многим учебным дисциплинам. Оккупационная власть не смогла обеспечить школы канцелярскими принадлежностями (журналами, тетрадями, карандашами, чернилами и т. д.). В Полтавской области дети часто писали на ста-

рых газетах, а вместо чернил использовали сок бузины. Из школьных библиотек массово конфисковывалась советская литература, кроме произведений дореволюционных классиков, например, труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина и других последователей коммунистической идеи.

Один из ветеранов войны, переживший оккупацию, вспоминал: «В одном классе были дети с трех школ. Пришла учительница с немецким офицером, который говорил, а она переводила. Офицер говорил, что Германия заботится о детях Украины и хочет, чтобы они были грамотными. Когда офицер ушел, учительница сказала — дети, открывайте учебники и заклеивайте Ленина, Сталина, Ворошилова. <...> Учебники были очень толстые, ибо мы заклеивали их гнилой картошкой»⁵⁸.

Учитель школы г. Богуслава Киевской области Н. Ломакин свидетельствовал, что отдел образования городской управы разрешил пользоваться советскими учебниками только после проведения немецкой цензуры и редактирования текста. В них зачеркивались и заклеивались все портреты советских партийных лидеров, материалы из жизни СССР. Разрешалось использовать произведения П. Тычины и М. Рильского, написанные до 1929 г., а поздние труды подлежали запрету⁵⁹.

Киевские учителя были вынуждены самостоятельно составлять буквари, писать слова, предложения, даже отрывки из произведений, и вывешивать их в классе для чтения. Но, были и такие, кто продолжал пользоваться на уроках чтения советскими букварями. К тому же, нередко вместо учебников использовались публикации газеты «Нове українське слово», «Кобзарь» Т. Г. Шевченко, календарь на 1943 г. «Черноземный край» и художественная литература, что мало способствовало воспитанию у учеников ненависти к советской власти. В Хмельницкой области вместо советских учебников оккупационная власть предлагала использовать немецкие пропагандистские листовки на украинском или русском языках. В Луганской области материалом для чтения служила рубрика «Школьная страница» (со временем — «Уголок школьника») в местной газете «Новая жизнь».

Учебные заведения получили разработанную программу новой дисциплины «Отечественноеведение» — комплекс ведомостей по географии, природоведению, краеведению и истории Украины, которая была утверждена генеральными комиссарами. В программе подчеркивались исторически обусловленные дружественные украино-немецкие отношения, возникшие еще в ранней древности. Учебная программа, составленная школьным отделом г/о «Киев», была разослана всем отделам образования городских (районных) управ киевского региона.

Однако раздел «Наши друзья и враги» был рассчитан только на 6 часов (уроков), поэтому не мог оказать нужного антисоветского и пронемецкого идеологического влияния на детей. Руководитель секции школ и культуры Шевченковского района г. Киева Б. Полницкий в плановом отчете отметил, что «эту тему школы не успеют изучить, поскольку она поставлена на конец курса. Такое состояние дел является большим политическим минусом в учебно-воспитательном процессе киевских школ. На мой взгляд, весь материал с отечественноговедения нужно усилить боевым антижидо-большевистским содержанием, поскольку политическое воспитание учеников пока еще пустое место в работе наших школ»⁶⁰. К тому же, Б. Полницкий констатировал отсутствие острой ненависти к больше-

визму среди киевских учителей. На украинском языке они разговаривали только на уроках, а на переменах между собой пользовались русской речью. Ученики брали с учителей пример. На переменах и на улице можно было услышать исключительно русскую речь, даже от тех детей, которые дома разговаривали на украинском языке⁶¹.

Подсчеты по 11 народным школам Киева показывают, что большинство учителей по национальности были украинцами, а их средний педагогический стаж составлял 15 лет. Формирование личности у большей части педагогов происходило в досоветский период, а педагогический стаж нарабатывался в системе советского образования. Поэтому, несмотря на довоенные репрессии украинской интеллигенции, среди учителей не было выявлено ярких противников советской власти.

Неудовлетворительное состояние дел с наглядной пропагандой в системе школьного образования можно объяснить тем, что директора и районные инспектора школ не особенно вникали в учебный процесс — не инспектировали уроков и не заботились об оформлении классов нацистской атрибутикой. Учителя вместо подготовки к проведению уроков, массово просились в отпуска. Руководитель отдела культуры и образования киевской городской управы И. Солодовник 8 августа 1942 г. констатировал: «Я посетил школу № 18 Богдановского района города. Школа поразила полным отсутствием немецких воззваний и плакатов, хотя тексты воззваний, утвержденных штаттскомиссариатом, у директора есть. <...> В школьном помещении и в отдельных комнатах до сих пор висят учебные материалы, вывески, объявления, расписание занятий, что остались от прежней советской школы и написаны на русском языке»⁶².

Только в некоторых киевских школах можно было увидеть портреты Гитлера, фотоснимки, изображающие фюрера в роли «друга детей», жизнь немецких детей и их родителей, а также агитки и пропагандистские плакаты, что передавались отделом пропаганды в отдел культуры и образования городской управы. Сотрудники последнего рассылали материалы в районные управы города, школьные инспектора которых передавали их директорам школ. Но в полученных пропагандистских материалах практически не учитывалась возрастная специфика подрастающего поколения. Большая часть плакатов предусматривала обращение ко всему украинскому народу. Все воззвания сводились к одному тезису: «Работай, поскольку это необходимо фюреру и Германии». Детей убеждали в том, что именно Германия подарила им возможность хорошо учиться, поскольку школа закаляет волю, воспитывает дисциплину и прививает любовь к труду.

Инструкция областного инспектора г/о «Житомир» Т. Ямпольского от 29 марта 1942 г. разрешала использование «Истории Украины» М. Грушевского в качестве учебного пособия. Для проведения уроков отечественной истории учителя обязывались «выбирать интересные эпизоды с героической борьбы украинского народа за свое освобождение от русского и польского ярма»⁶³. В начале 1943 г. в Каменец-Подольском группой педагогов был разработан букварь для первого класса, который вмещал отрывки из биографии Гитлера и других идеологов нацизма. Городские школы получили по 2–3 экземпляра. В то же время, руководитель секции школ и культуры района «Киев-Центр» Г. Пархоменко в отчете за 1942/43 гг. писал, что политическое воспитание в большинстве школ

района занимало незначительное место. Директора 5 школ в своих годовых отчетах даже не упоминали об этом⁶⁴.

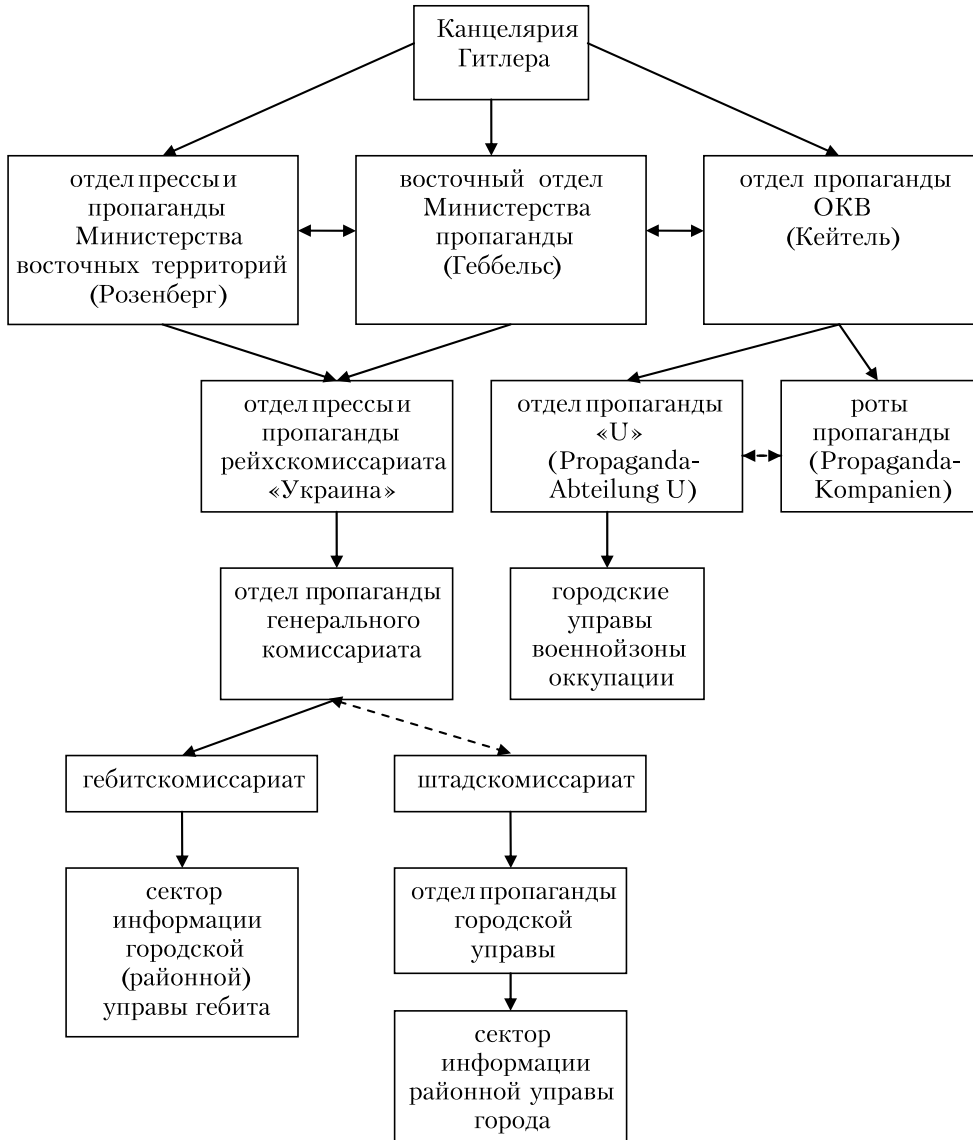
Проблемы, с которыми сталкивались городские школы, были типичными и для сельских учебных заведений. Многие сельские школы, которые открылись осенью 1941 г., с наступлением холодов закрылись из-за отсутствия топлива и передачи помещений для нужд Вермахта. Весной 1942 г. оккупационная власть разрешила работу четырехклассных школ, но учебных программ они не получили, а пропагандистский материал поступал в незначительном количестве и с большим опозданием. Учитель сельской школы И. Калита вспоминал: «...гебитскомиссар сказал, что сейчас война и школы работать не будут. На это нет денег. Кроме того, на наших глазах немцы в местечке Кагановичи уничтожили школьную библиотеку, физкабинет, а из школы сделали казарму. Учителство было полностью разочаровано. <...> Школа работала плохо, поскольку дети не посещали занятия»⁶⁵.

Немецкие плакаты и портреты, что были вывешены в сельских школах, никакого эффекта не давали, поскольку дети действительно редко посещали уроки из-за занятости в сельском хозяйстве. Несмотря на штрафные санкции или тюремное заточение, которые применялись к родителям, не пускающих детей в школу, ситуацию к лучшему изменить не удалось. Значительная часть детей продолжала работать в домашнем хозяйстве, пасти скот или стеречь дома. Родители не пускали детей учиться еще и потому, что списки учеников подавались на биржу труда, а это угрожало отправкой в Германию. Весной 1943 г. большинство сельских школ вообще закрылись. Безработных учителей оккупационная власть использовала на посевных полевых работах в качестве бригадиров, руководителей рабочих групп, а с приближением фронта — на работах по рытью окопов, траншей и других оборонительных сооружений.

Подводя общий итог, можно констатировать, что в рейхскомиссариате «Украина» и зоне военной администрации структура органов немецкой пропаганды имела четко выраженную вертикальную основу (см. схему). Центральное место в ней занимает «восточный» отдел Министерства пропаганды Рейха, который осуществлял общее идеологическое руководство в области пропаганды. Отдел тесно сотрудничал с отделом прессы и пропаганды министерства А. Розенберга и отделом пропаганды ОКВ по разработке и распространению пропагандистских материалов на оккупированной территории.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что малоэффективными оказались публикации оккупационной прессы, пропагандистские кинофильмы, листовки, брошюры, плакаты, устная агитация. Совершенно неэффективно использовалась радиосеть. В целом агитационно-пропагандистское влияние немецкой оккупационной власти на жителей указанного региона отличалось низкой результативностью. Это было связано с тем, что к концу оккупации население полностью разочаровалось в социально-экономической политике новой власти, перестало доверять немецким пропагандистским акциям и в основной своей массе оставалось индифферентным и нелояльным к новому порядку, поскольку реальное положение дел противоречило обещаниям нацистов улучшить жизнь простых граждан. Даже очевидные преступления большевиков против собственного народа, явные ошибки и просчеты советского руководства в ходе войны так и не смогли кардинально изменить политические убеждения жителей оккупированной Украины.

Схема органов немецкой пропаганды в Украине¹

¹ Схема приблизительная, в ходе дальнейшей работы будет уточняться. Первая пунктирная стрелка означает, что пока не удалось установить взаимосвязь рот пропаганды с отделом пропаганды «U»; вторая — показывает тесное сотрудничество штадскомиссариатов с отделами пропаганды генеральных комиссариатов по вопросам пропаганды. В рейхскомиссариате «Украина» штадскомиссариты представляли городскую военную власть, поэтому в организационном отношении подчинялись главным полевым комендатурам.

* * *

Известно, что эффективность немецкой пропаганды в Западной Украине была намного результативней, нежели в остальных зонах оккупации. Это объясняется более «мягким» нацистским управлением дистриктом «Галиция», деятельностью Украинского Центрального Комитета, стабильными антисоветскими настроениями в ходе войны и после нее. В тоже время, украинским историкам необходимо провести детальный компаративный анализ немецкого агитационно-пропагандистского влияния на жителей западных и восточных территорий, с целью выявления причин, по которым одни и те же методы пропаганды срабатывали в одном и не срабатывали в другом регионе Украины. Необходимо сравнить пропагандистские акции в немецкой и румынской оккупационных зонах Украины, а также провести параллели между формами и методами немецкой пропаганды в Украине с другими территориями СССР (Прибалтикой и Россией). Кроме того, украинских исследователей ждет работа по установлению роли пропаганды РОА во главе с генералом А. Власовым в северо-западном регионе Украины. Еще одной малоизвестной страницей является установление деятельности пропагандистов айнзацгрупп и II отдела Абвера. На все эти вопросы еще предстоит найти ответы.

Примечания

- 1 *Zazworka G.* Psychologische Kriegführung: Eine darlegung ihrer organisation, ihrer Mittel und Methoden. Deutscher Militärverlag. Berlin, 1961; *Wedel H.* Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht. Neckargemund, 1962; *Zeman Z.* Nazi Propaganda. London, 1965; *Bramsted E.* Goebbels and National Socialist Propaganda 1925–1945. Michigan University Press, 1965; *Hardy A.* Hitlers Secret Wehrmacht. The Managet Press and Propaganda Macshine of Nazi Germany. New-York, 1967; *Eckhardt H.* Die Frontzeitungen des deutschen Heeres 1939–1945. Wien; Stuttgart, 1975; *Buchbender O.* Das tötende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. Seewald Verlag Stuttgart, 1978; *Uziel D.* Wehrmacht Propaganda Troops and the Jews // *Yad Vashem Studies*. Vol. XXIX. Jerusalem, 2001. P. 27–63; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. London: The Belknap press of Harvard University Press, 2004; *Herf J.* The «Jewish War»: Goebbels and the Antisemitic Campaigns of the Nazi Propaganda Ministry // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 19. No. 1 (Spring, 2005). P. 51–80; и др.
- 2 *Жуков Д.* Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000; *Альтман И.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002; *Гозун А.* Чёрный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., 2004; *Шварцкопф К.* Эволюция системы национал-социалистической пропаганды в период установления нацистской диктатуры в Германии // <http://www.rusgermhist.ru>; *Вамлин А.* Германия в XX веке. М., 2005; *Пленков О.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005; *Филоненко С. И., Филоненко М. И.* Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. Воронеж, 2006; и др.
- 3 *Павлюк І.* Преса Волині, Полісся, Холмщини та Підляшшя 1941–1944 рр.: історико-типологічний та ідеологічний аналіз // *Збірник праць науково-дослідного центру періодики*. Львів, 2001. Вип. 9. С. 192–205; *Войцехівський Ю.* Київ в роки війни // *Історія в школі*. 2002. № 10. С. 39–48; № 11–12. С. 60–72; *Романько О.* Німецька пропаганда в Криму (1941–1944): органи, структура и деятельность // *Ялта: 1945–2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Международный научный симпозиум: Материалы*. Симферополь, 2001. С. 39–79; *Андрущенко О.* Окупаційна преса Дніпропетровщини (1941–1943 рр.): маніпулювання свідомістю аудиторії // *Вісник. Збірник наукових статей Київського міжнародного університету. Журналістика. Медіалінгвістика. Кіномистецтво*. Вип. 3. К., 2004. С. 157–165; и др.
- 4 *Винокурова Ф.* Фонди державного архіву Вінницької області як джерело з історії долі євреїв під час німецько-румунської окупації 1941–1944 рр.: Автореф. дис... канд. іст. наук. / Державний комітет архівів України. Український науково-дослідний ін-т архівної справи та документознав-

- ства. К., 2003. 19 с.; *Гончаренко О.* Голокост на території Київщини: загальні тенденції та регіональні особливості (1941–1944 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. / Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького. Черкаси, 2005. 20 с.
- 5 *Михайлюк М.* Агітаційно-пропагандистська діяльність органів німецької окупаційної влади серед населення України (1941–1944 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Національний університет «Києво-Могилянська академія». К., 2006. 20 с.
- 6 *Титаренко Д.* Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. / Донецький національний університет. Донецьк, 2002. 19с.; *Он же.* Звіти батальйону пропаганди У як джерело з питання про вплив нацистської пропаганди на населення окупованої України // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. К., 2005. С. 165–171; *Он же.* Діяльність батальйону пропаганди У щодо організації роботи періодичних видань на окупованій території України (1941–1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність. Львів, 2005. С. 220–223; и др.
- 7 *Смелянская Ю.* История одной редакции («Украинское слово» и «Новое украинское слово») // «Тень Холокоста»: Сборник научных статей второй международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». М., 1998. С. 140–145; *Она же.* Роль нацистской пропаганды в формировании и закреплении антисемитских стереотипов на территории Украины // Друга світова війна і доля народів України: Тези доповідей 2-ї всеукраїнської наукової конференції. К., 2006. С. 9–11; *Тяглый М.* Нацистская антисемитская пропаганда в оккупированном Крыму и ее место в системе мероприятий Холокоста // Холокост. Материалы 8-й ежегодной международной конференции по иудаике. М., 2001. С. 55–70 и др.; *Щупак И.* Нацистська антисемітська пропаганда серед місцевого населення України // Проблеми історії Голокосту: Науковий часопис фонду «Ткума». Дніпропетровськ, 2006. № 3. С. 147–175.
- 8 Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы / Автор-составитель В. Дашичев. Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М., 1973. С. 301 — 303.
- 9 Там же. / Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945. С. 193–196.
- 10 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 69305 фп. Л. 67.
- 11 ЦГАНОВУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 61. Л. 1 — 32.
- 12 Там же. Д. 156. Л. 1–17, 34.
- 13 Нова Україна (Харьков). 1942. 12 апреля.
- 14 ЦГАНОВУ. Ф. 3206. Оп. 2. Д. 22. Л. 25.
- 15 ГАКиївО. Ф. Р-2356. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 52. Л. 8, 11, 12, 16.
- 18 Там же. Ф. Р-2356. Оп. 3. Д. 6. Л. 9–11.
- 19 Там же. Д. 1. Л. 2.
- 20 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 66846 фп. Л. 28, 33, 34, 38.
- 21 Там же. Л. 24–29.
- 22 Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: збірник документів і матеріалів. Держв идавполітлітератури УРСР, 1963. С. 66–67.
- 23 ЦГАНОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 12. Л. 121–136.
- 24 *Гейбельс Й.* Дневник // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 216.
- 25 Україна в Другій світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів: Т. 2. / Упор. В. Косик. Львів, 1998. С. 159.
- 26 Україна в Другій світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів (1942–1943): Т. 3. / Упор. В. Косик. Львів, 1999. С. 38.
- 27 ЦГАНОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 12. Л. 48–56.
- 28 Там же. Д. 171. Л. 83, 86–87, 108, 113, 124–125.
- 29 Відродження (Тараша). 1941. 12 жовтня.
- 30 *Самчук У.* Так, як бачило око і відчувала душа. Зі споминів і вражень (1941–1943). К., 1998. С. 90, 108.
- 31 ЦГАОУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 112. Л. 2–4.
- 32 *Офіцинський В.* Дистрикт Галичина (1941–1944): Історико-політичний нарис / Упор. Р. Офіцинський. Ужгород, 2001. С. 177.
- 33 Нове українське слово (Київ). 1941. 14 грудня.
- 34 Донецкий вестник. 1941. 4 декабря.

- 35 ЦГАВОВУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 41. Л. 80.
36 ГАКиевО. Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.
37 ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 1. Д. 101. Л. 364.
38 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 75, 76.
39 Там же. Л. 60.
40 Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 95. Л. 3–5, 7–16.
41 Бондар В., Величко О., Козлова І. Запоріжжя під владою окупантів (за спогадами й свідченнями очевидців, учасників руху Опору на території області у 1941–1943 рр.) // Архіви України. 2005. № 1–3. С. 270.
42 ГАВолынО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 313. Л. 13, 35, 50.
43 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 60.
44 ГАКиевО. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 24.
45 «То була неволя...». Спогади та листи «остарбайтерів» / Упор. Т. Пастушенко, М. Шевченко. К., 2006. С. 392.
46 ГАВолынО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 313. Л. 39, 42, 43, 67.
47 Вінницькі вісті. 1942. 9 серпня.
48 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 106. Л. 17.
49 Там же. Ф. 1. Оп. 23. Д. 124. Л. 73.
50 Дніпропетровська газета. 1942. 29 жовтня.
51 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 99.
52 Дніпропетровська газета. 1942. 27 жовтня.
53 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 96.
54 ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 579. Л. 18.
55 См.: Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 268.
56 ЦГАООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 125. Л. 35–37.
57 ГАКиевО. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 56. Л. 33; ГА СБУ. Ф. 6. Д. 74843 фп. Л. 54.
58 Болибок П. Моє дитство в окупації // Одинадцята всеукраїнська наукова конференція «Велика Вітчизняна війна: маловідомі сторінки історії, імена, події» Київ–Хмельницький 14–16 жовтня 2004 р.: Збірник доповідей і повідомлень / Відп. ред. П. Т. Тронько. К.; Кам'янець-Подільський, 2004. С. 300, 302.
59 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 67163 фп. Л. 19.
60 ГАКиевО. Ф. Р-2356. Оп. 6. Д. 58. Л. 11, 13.
61 Там же. Л. 5, 6, 13.
62 Там же. Ф. Р-2362. Оп. 6. Д. 44. Л. 28.
63 Там же. Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.
64 ГА СБУ. Ф. 6. Д. 72382 фп. Л. 16, 17.
65 Там же. Д. 72896 фп. Л. 18.

Д. В. Спирин
Москва

Проблема Второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки»

Дипломатия периода Второй мировой войны уже в течение нескольких десятилетий является предметом исследования большого количества отечественных и зарубежных специалистов, сторонников различных подходов к исследуемой проблематике и самых разнообразных методологических парадигм.

Опыт складывания антигитлеровской коалиции по-своему уникален. Отношения, даже между США и Великобританией, оставались весьма напряженными вплоть до подписания главами этих государств Атлантической хартии 14 августа

1941 г. В то время, как Советский Союз внезапно и коренным образом изменил свой статус для этих стран 22 июня 1941 г.: крупнейшую социалистическую державу в силу необходимости консолидации сил в борьбе с гитлеризмом вынужденно признали союзным государством на период войны.

Проблема личностного фактора во взаимоотношениях как политических элит СССР, Великобритании и США в военные годы, так и различных социальных слоев трех держав активно разрабатывается в современной историографии. В отечественной историографии проблема взаимоотношений союзников в тех или иных аспектах освещалась преимущественно в общем плане, в рамках истории Второй мировой войны. Основное внимание уделялось дипломатическому и военно-политическому тематическим блокам. В большинстве существующих в настоящий момент работ, прямо или косвенно затрагивающих исследуемую нами проблематику, речь идет об аналитических исследованиях, методологически проводимых на базе исторической антропологии и социокультурной истории¹. В то же время, совмещение данных аспектов с целью анализа трансформации взаимовосприятия крупнейших политиков в процессе диалога по ключевым, наиболее дискуссионным и актуальным для государств — членов антигитлеровской коалиции вопросам представляется необходимым с точки зрения восполнения существующих пробелов в истории отечественной внешней политики периода Великой Отечественной войны. Все более популярным становится новое направление в историографии, связанное с исследованием проблем взаимовосприятия различных общественных слоев государств-союзников².

В центре нашего внимания — проблема личного контакта: его особенности, формы, влияние на развитие взаимного восприятия союзниками друг друга. Основной акцент сделан на изучение проблемы взаимодействия политиков на высшем государственном уровне (Председатель СНК СССР И. В. Сталин, Президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль), а также на уровне ведущих дипломатических представителей трех стран в период войны.

Этим сюжетам уделяет внимание Г. Киссинджер³ в своей работе «Дипломатия»⁴, получившей в 1994–1995 гг. статус национального бестселлера в Соединенных Штатах Америки. На его идеи во многом опираются также многие из современных западных исследователей. Автор делает акцент на выявлении и исследовании психологического аспекта в личных взаимоотношениях И. В. Сталина, В. М. Молотова, У. Черчилля, Ф. Рузвельта, а также А. Гитлера. Каждому из них Г. Киссинджер присваивает определенный «тип ментальности» — и на основании этого предполагает, каким образом эти типы соотносились между собой в реальности, и в чем именно данный фактор мог найти свое отражение. Итогом данного анализа стал вывод, согласно которому «лик Сталина» был в большей степени идентичен «психологическому портрету» Гитлера, — что априори упрощало как их заочную коммуникацию, так и диалоги, консультации по важнейшим политическим вопросам с участием их доверенных представителей. В то же время, предпринимавшиеся в течение 1930-х гг. попытки налаживания дипломатических контактов СССР с будущими партнерами по военному альянсу именуются автором поисками «союза от безысходности»⁵. Исходя из этого, он формирует свое отношение к перспективам широкой коалиции «противостояния и сдерживания». В этом отношении Г. Киссинджер солидаризируется

с Р. Легвольдом, утверждавшим, что И. В. Сталин стремился добиться, прежде всего, максимального содействия своим стратегическим замыслам со стороны капиталистического мира, а не искал примирения с ним.

В качестве альтернативного взгляда на интересующую нас проблематику, сформированного на основе методологии исследования, более свойственной позитивистской парадигме, можно рассматривать монографию Г. Фейса⁶. По мнению автора, реальная необходимость объединения и непременно совместной координации проводимых военных кампаний и операций тремя союзными державами возникла лишь в январе 1942 г. С этого момента Г. Фейс структурирует хронологические рамки Второй мировой войны на условные четырнадцать периодов, каждому из которых посвящена отдельная глава исследования. Анализируя богатый фактический материал, историк приходит к заключению, что отношения между членами «большой тройки» колебались в зависимости от хода дискуссий.

Проблема организации союзниками второго фронта в Европе с самого начала германской агрессии по отношению к Советскому Союзу являлась одной из основополагающих и наиболее острых тем в переписке и дискуссиях между И. В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем.

Для главы советского правительства в период 1941–1944 гг. решение именно данного вопроса имело первостепенную важность. От того, насколько быстро партнеры СССР по антигитлеровской коалиции осознавали необходимость удовлетворить многочисленные просьбы и требования И. В. Сталина о высадке крупного десанта на французском побережье, напрямую зависела степень их взаимного доверия. Главной проблемой для каждой из сторон являлось поддержание своеобразного баланса между необходимостью укрепления военно-стратегического сотрудничества в борьбе с Гитлером и геополитическими интересами стран в послевоенные годы. Соблюдение последних подчас требовало, прежде всего, от Ф. Рузвельта, У. Черчилля и их преемников действий, направленных на «сдерживание» Советского Союза и недопущение распространения его политического влияния на европейском континенте.

Проблема второго фронта трудно и сложно решалась с самого начала германской агрессии против СССР. Впервые этот вопрос был поднят в личном послании И. В. Сталина, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю⁷, в котором содержалось предложение создать фронты против Гитлера в Северной Франции и Арктике. Глава британского кабинета министров отклонил советское предложение, ссылаясь на недостаток имеющихся у Великобритании сил и угрозу неминуемого, по его словам, «кровавопролитного поражения десанта».

В сентябре 1941 г., ввиду по-прежнему высоких темпов немецкого наступления, Председатель Совнаркома СССР в личных посланиях У. Черчиллю от 3 и 13 сентября вновь вернулся к обсуждению этой темы. Указывая на колоссальные силы, задействованные противником на Восточном фронте, И. В. Сталин утверждал, что данное обстоятельство выступало свидетельством уверенности Гитлера и его штаба в невозможности в ближайшее время крупного контрнаступления союзников на Западе. В тот период речь шла, впрочем, лишь о проведении операции ограниченных масштабов с целью помощи СССР. Так, член британского военного кабинета лорд Бивербрук в свою очередь полагал, что для десанта английских войск открыто около 2 тыс. миль побережья.

В то же время разработка штабом армии США стратегического плана, который предусматривал расположение на территории Великобритании военного контингента с целью вторжения в Нормандию, была произведена уже в начале 1942 г., после объявления Соединенными Штатами войны Германии.

Этот план был обсужден 1 апреля 1942 г. на совещании в Белом доме и одобрен лично Ф. Рузвельтом, который придавал ему большое стратегическое и политическое значение. Он считал необходимым дать заверение советскому союзнику в вопросе о втором фронте в связи с новым готовящимся наступлением армий Вермахта на Восточном фронте. План учитывал также и общественное мнение в США, в котором превалировало стремление к открытию второго фронта на европейском континенте. Кроме того, в преддверии предстоящих в конце 1942 г. выборов в Конгресс, этот фактор имел немаловажное значение для демократической партии, к которой принадлежал действующий глава государства и верховный главнокомандующий.

Принятие данного плана президентом было обусловлено, прежде всего, его оценкой СССР как могущественного военного союзника для разгрома не только Германии, но впоследствии — и Японии. Он рассчитывал на активное советское участие в боевых действиях на тихоокеанском фронте⁸. Также Ф. Рузвельт в полной мере осознавал всю важность открытия второго фронта для Советского Союза, принявшего на себя основную тяжесть удара агрессора. Американский лидер не без оснований полагал, что мера эта, с одной стороны, поможет установить более прочный дипломатический контакт с руководством СССР и лично со И. В. Сталиным, а с другой — добиться от него уступок по ряду «хронически» спорных вопросов. Уже тогда на высшем уровне союзниками активно обсуждались: позиция Атлантических держав в вопросе о советских границах, де-факто установленных пактом Молотова–Риббентропа; предполагаемое устройство и политическая ориентация пострадавших от нападения гитлеровской Германии стран в послевоенной Европе.

В послании У. Черчиллю, датированном 3 апреля 1942 г., Ф. Рузвельт настаивал на необходимости открытия второго фронта, указывая на его несомненную выгоду для Атлантических держав, даже если операция «не завершится полным успехом». Президент одновременно подчеркивал, что высадку не следует откладывать до весны вследствие возможного ухудшения погодных условий.

С целью проведения оперативных консультаций по вопросу об открытии второго фронта, президент США, подчеркнув невозможность личной встречи с И. В. Сталиным, в личном послании от 12 апреля 1942 г. предложил ему направить с официальным визитом в Вашингтон В. М. Молотова в сопровождении «доверенного генерала»⁹. Он отметил особую важность скорейшего принятия решений, касающихся стратегического направления совместной военной акции. Почти одновременно, 8 апреля Г. Гопкинс и Д. Маршалл посетили Лондон с целью детального обсуждения проекта высадки десанта союзников через Ла-Манш.

В это время атмосфера внутри коалиции оставалась крайне напряженной, что было обусловлено наличием конфликта между СССР и Великобританией, вызванным, главным образом, неясностью вопроса о советских границах и территориальных притязаниях.

Тем не менее, после недельной паузы, взятой на размышление, И. В. Сталин ответил согласием на предложение президента, а также сообщил о своем желании

направить тех же эмиссаров в Лондон для проведения аналогичных консультаций с английским правительством, о чем сообщил У. Черчиллю 22 апреля¹⁰. И. В. Сталин мотивировал свое решение также недовольством советского правительства текстами предложенных Великобританией проектов военного и политического договоров с Советским Союзом, которые обсуждались, начиная с декабря 1941 г., когда Москву, находящуюся в эпицентре боевых действий, посетила британская дипломатическая миссия. Председатель СНК СССР утверждал, что существующие в двусторонних отношениях между государствами противоречия сложно разрешить посредством дальнейшей переписки, и настаивал на проведении личных переговоров по вопросам, «тормозящим подписание договоров».

В связи с этим, очевидной на тот момент представляется значительная степень недоверия И. В. Сталина по отношению к декларируемым политическими лидерами союзных держав заверениям. Визиты В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон должны были, в частности, обеспечить фиксацию договоренностей об открытии вооруженными силами Великобритании и США второго фронта в Западной Европе уже в 1942 г. Кроме того, предварительные консультации по этой проблеме наркома иностранных дел в британской столице и предполагаемое согласие Англии на проведение операции, по всей видимости, должно было способствовать более продуктивному течению переговоров В. М. Молотова в Соединенных Штатах.

Советская делегация находилась в Лондоне с 21 по 26 мая. В ходе дискуссий У. Черчилль не давал четкого ответа на вопрос — когда именно союзники планируют начать наступление, будет ли главная инициатива в его осуществлении исходить от Великобритании или же от США. В личном послании И. В. Сталину от 24 мая 1942 г. премьер-министр отметил плодотворность своих бесед с В. М. Молотовым как по военным, так и политическим вопросам, и предложил тому повторно посетить Великобританию, уже после визита в Вашингтон. И. В. Сталин ответил на это предложение согласием. Тем не менее, как известно, уже 26 мая в Лондоне был подписан договор о союзе в войне против гитлеровской Германии между СССР и Великобританией, а также о сотрудничестве и взаимной помощи в послевоенные годы, что, с одной стороны, явилось одним из ключевых и рубежных моментов на пути к формированию между державами полноценной военно-политической коалиции, но с другой — лишь отсрочило столкновение интересов Англии и Советского Союза по ряду наиболее остро обсуждаемых в течение войны проблем, в том числе и по вопросу о скорейшем открытии союзниками второго фронта в Европе.

Стоит отметить, что еще в декабре 1941 г. на конференции в Вашингтоне У. Черчилль активно продвигал проект совместной англо-американской операции во Французской Северной Африке. Его реализация, в сущности, сводила вероятность наступления союзников через Ла-Манш к нулю. Это, в свою очередь, неминуемо приводило к обострению напряженности в отношениях между Великобританией и Советским Союзом, руководство которого с первых же дней Великой Отечественной войны настаивало на выступлении Атлантических держав именно в рамках европейского театра военных действий¹¹.

По состоянию на конец марта 1942 г. военным штабом Соединенных Штатов Америки была разработана совершенно иная стратегия, предусматривающая скорейшее проведение широкомасштабной наступательной операции через Ла-

Манш, а «задачей максимум» декларировалось успешное завершение всей военной кампании осенью 1942 г.¹² Начальник генерального штаба Д. Маршалл выражал сомнение в том, что СССР сумеет вторично отразить германскую агрессию самостоятельно, и полагал, что уверенное продвижение армий Вермахта на Восточном фронте позволит противнику не только прочно захватить стратегическую инициативу, но и сохранить значительные резервы для того, чтобы в будущем отразить наступление союзников на Западе¹³.

Однако этот план встретил решительное противодействие со стороны правящих кругов Великобритании, с территории которой и предполагалось начать осуществление операции. Главным образом, британский штаб и лично У. Черчилль опасались, что противнику удастся успешно противостоять новому фронту, а это могло привести к изнурительной позиционной войне. В июне премьер-министр подчеркнул, что высадка во Франции в любом случае, с его точки зрения, не будет иметь смысла, пока для Германии не ухудшится положение дел на Востоке. И в дальнейшем, в переговорах как с американской, так и советской стороной, У. Черчилль многократно подчеркивал, что операция «Джимнаст» (наступление в Северной Африке) является наиболее ценной помощью Советскому Союзу, и что именно ее осуществление создаст тот самый второй фронт, который целесообразно создать в 1942 г. В личном послании Ф. Рузвельту от 27 мая премьер Великобритании также акцентировал внимание президента США на том, что союзным войскам уже противостоят 44 немецкие дивизии на иных театрах военных действий, и, с его точки зрения, отвлечение с восточного фронта значительных сил противника — сложно осуществимая задача.

Именно данный момент можно считать одним из основных факторов, предопределивших более позитивное и доверительное отношение И. В. Сталина к руководству Соединенных Штатов Америки и лично к президенту Рузвельту в годы войны. И это несмотря на то, что Великобритания первой предложила свою помощь, когда СССР подвергся нападению со стороны Германии, а военные и продовольственные поставки из США в Советский Союз были обычно менее надежны и своевременны, нежели английские, и, к тому же, уступали им в количественном отношении. Также в формировании позитивного восприятия И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и других представителей советской политической элиты Соединенных Штатов в качестве более надежного союзника немаловажную роль сыграла консолидация политических сил внутри США по вопросу о решительной борьбе до победного конца с державами «оси».

В частности, лидер республиканской партии, одновременно личный представитель Ф. Рузвельта и его предполагаемый оппонент на президентских выборах, У. Уилки посетил Москву с официальным визитом в самый разгар немецкого наступления — в сентябре 1942 г. На американского политика И. В. Сталин произвел впечатление «жесткого, но очень способного человека», который, оказавшись он в США, «был бы очень сильным конкурентом на выборах»¹⁴. На советского лидера У. Уилки в свою очередь произвел благоприятное впечатление. Симптоматично, что лидер республиканцев, еще находясь в Москве, решил сделать заявление, как для советских, так и иностранных средств массовой информации, в котором подчеркнул, что лучшей помощью союзнику со стороны Соединенных Штатов будет, несомненно, открытие в кратчайшие сроки реального второго фронта в Европе¹⁵.

Задолго до этого, 29 мая в Вашингтоне состоялась беседа между Ф. Рузвельтом и В. М. Молотовым, на которой советский представитель напрямую обратился к президенту с вопросом, намерены ли Соединенные Штаты открыть второй фронт в 1942 г., который мог бы оттянуть с Востока порядка 40 дивизий противника. После консультаций с Д. Маршаллом, подтвердившим подготовку американцами высадки во Франции, Ф. Рузвельт порекомендовал наркому иностранных дел СССР доложить И. В. Сталину о своем намерении открыть второй фронт в 1942 г., однако, не уточнил, где именно он будет располагаться. Одновременно президент подчеркнул, что в случае, если советское правительство будет готово пойти на снижение количества американских поставок по ленд-лизу — это заметно упростит США подготовку к проведению десантной операции. В. М. Молотов встретил это предложение без особого энтузиазма, а его вопрос: «Что будет, если поставки союзников в СССР сократятся, а второй фронт так и не будет открыт?»¹⁶, — свидетельствует о довольно высокой доле скептицизма в отношении планов и заверений американской стороны. Хотя, по свидетельству американского посла в Советском Союзе адмирала У. Стэндли, находясь в Вашингтоне, глава НКВД СССР фактически поверил в полномасштабное достижение главной цели своего визита, поскольку говорил, что 1943 г. наверняка поставит точку в истории Второй мировой войны.

Однако дальнейшие переговоры В. М. Молотова, и в Вашингтоне, и во время его повторного визита в Великобританию, вступили в фазу как дипломатического, так и во многом личного противостояния политических лидеров стран, входящих в антигитлеровскую коалицию. Представители Атлантических держав стремились любой ценой не допустить повторного охлаждения в отношениях с Советским Союзом, но при этом настойчиво отказывались брать на себя конкретные обязательства по скорейшему открытию второго фронта на европейском континенте. Но на последнем неуклонно продолжал настаивать от лица советского правительства В. М. Молотов, утверждая, что наибольшую выгоду не только для СССР, но и для его союзников, принесет именно высадка во Франции — вероятный разгром Советского Союза, в случае отсутствия «реального» второго фронта в 1942 г., неминуемо поставил бы в крайне затруднительное положение и его союзников.

Тем не менее, в результате сложных и напряженных переговоров В. М. Молотова с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом было принято решение о создании второго фронта в 1942 г., о чем было заявлено в англо-советском и советско-американском коммюнике¹⁷. Правда, предполагаемая операция «Следжхаммер» предусматривала высадку на французском побережье всего 8–10 англо-американских дивизий. В докладе И. В. Сталину народный комиссар иностранных дел замечал, что первоочередной задачей советского правительства является «втягивание» Атлантических держав в наступательную операцию как таковую на европейском континенте.

Но до «полного взаимопонимания относительно неотложных задач, связанных с открытием в Европе второго фронта в 1942 году», о достижении которого было заявлено в текстах обоих коммюнике, на деле было еще очень далеко.

Прежде всего, следует отметить заметное обострение в июне – июле 1942 г. англо-американских отношений: успехи африканского корпуса Роммеля недвусмысленно подсказывали союзникам необходимость реализовать британский

проект «реального второго фронта» — об этом заявил и У. Черчилль в личном послании Ф. Рузвельту от 8 июля.

В ответ президент Соединенных Штатов Америки дал указание своим представителям во главе с Д. Маршаллом на переговорах, состоявшихся в Лондоне, решительно отстаивать прежнюю позицию, подвергая критике инициативы британского кабинета министров. Однако, встретив столь же решительный отпор со стороны Великобритании, Ф. Рузвельт предпочел не усугублять конфронтацию и потребовал от участников переговорного процесса с американской стороны согласия на проведение в 1942 г. операции «Торч» в Северной Африке.

В начале августа У. Черчилль прибыл в Москву с миссией, которая заведомо дискредитировала Великобританию и его лично в глазах И. В. Сталина, советского правительства и общественного мнения. Ему предстояло довести до сведения руководства СССР о принятых на консультациях с американскими представителями решениях о невозможности открытия союзниками второго фронта в Европе в сентябре 1942 г. Сентябрь назывался крайним сроком для начала операции «Следжхаммер», так как в дальнейшем ее осуществление было бы существенно затруднено погодными условиями. Участие американских представителей в переговорах изначально не планировалось, но, в результате согласования этого вопроса между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, в обсуждениях принял участие личный представитель президента США А. Гарриман.

13 августа И. В. Сталин вручил им официальный меморандум, в котором снова отмечалось, что именно 1942 г. представляет наиболее благоприятные условия союзникам для создания второго фронта в Европе, так как лучшие силы противника заняты в развертывание новых наступательных операций на Востоке. У. Черчилль заявил об отказе Великобритании открыть второй фронт в 1942 г. вопреки прежним договоренностям, но заверил советскую сторону в том, что широкое вторжение на континент осуществится весной 1943 г. Это заявление премьер-министра было поддержано и А. Гарриманом. У. Черчилль акцентировал внимание советской стороны также на факте неудачной высадки ограниченного морского десанта союзников в районе города Дьеш. Многие исследователи полагают, что сама идея этой операции, задуманной У. Черчиллем, сводилась к тому, чтобы у И. В. Сталина сложилось впечатление, с одной стороны, о готовности Атлантических держав к проведению военных операций на европейском континенте, а с другой — о реальной опасности и временной нецелесообразности подобных действий.

В дальнейших беседах между И. В. Сталиным и У. Черчиллем обстановка по ходу дискуссий о проблеме второго фронта продолжала накаляться. Председатель Совнаркома СССР особо акцентировал внимание визитеров на тяжелом положении Красной Армии и серьезных коррективах, которые необходимо будет вносить в планирование осенней военной кампании в том случае, если высадка десанта союзников на французском побережье не осуществится. Одновременно И. В. Сталин выразил свое недовольство количеством и качеством британских поставок в советские порты. В итоге, У. Черчилль заявил, что, с его точки зрения, между лидерами двух союзных держав нет даже намек на дружеские отношения. И хотя 15 августа, в последний день пребывания премьер-министра Великобритании в Москве, политикам удалось вернуть диалог в русло внешне товарищеской беседы, но вновь установить доверительность во взаимоотношениях У. Черчиллю и И. В. Сталину было фактически невозможно. Одновре-

менно был поставлен крест на надеждах руководства Советского Союза относительно создания его союзниками второго фронта на европейском континенте в 1942 г. Британский генерал А. Уэйвелл в свою очередь отразил суть и атмосферу этого своеобразного противостояния в балладе под названием «Не будет второго фронта в 1942 году»¹⁸.

По всей видимости, наиболее точное определение этим переговорам и мотивировку поведения И. В. Сталина во время бесед дал в своем дневнике А. Гарриман, не без оснований полагавший, что советский лидер не мог извинить отсутствие второго фронта, но не захотел, чтобы У. Черчилль уехал в «недружественном расположении духа». В стратегическом отношении провоцирование кризиса в советско-английских отношениях действительно наносило значительно больший урон Советскому Союзу, вынужденному противостоять широкомасштабному наступлению армий Вермахта в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, активно прорабатывались стратегические планы, которые могли быть реализованы в случае, если СССР не смог бы выстоять. Обсуждения проходили на фоне обнародованного американскими дипломатами, посетившими Москву вместе с У. Уилки, сообщения о крайне негативном отношении советских лидеров к Великобритании и проводимой ею политике. В частности, И. В. Сталин сообщал в Лондон И. М. Майскому о том, что в Москве создавалось впечатление, будто У. Черчилль в действительности рассчитывает на поражение СССР в войне и готов в этом случае вступить в переговоры с А. Гитлером¹⁹. Это доказывает, что, с одной стороны, правительство и военный штаб США объективно оценивали положение дел на восточном фронте в августе – сентябре 1942 г., но, с другой, М. М. Литвинов полагал, что затягивание американцами открытия второго фронта также означает их стремление к максимальному изматыванию Советского Союза с целью уменьшения его роли в разрешении послевоенных проблем. Все это дает нам основания предполагать, что при всех существовавших противоречиях между военными советниками и политическими лидерами США и Великобритании в 1942 г. им удалось добиться значительно лучшего взаимопонимания по ключевым внешнеполитическим вопросам, и, в конечном итоге, обе державы преследовали сходные цели в политике по отношению к Советскому Союзу.

1943 г. по праву считается переломным в истории Второй мировой войны. Советский Союз одержал окончательную победу в грандиозной Сталинградской битве, а союзникам удалось сломить сопротивление крупной группировки германо-итальянских вооруженных сил в Северной Африке.

Вопрос об открытии США и Великобританией второго фронта в Европе по-прежнему не утрачивал своей актуальности (союзники опять же имели на этот счет взятые на себя обязательства), однако, в очередной раз был актуализирован целый ряд сдерживающих факторов. Во-первых, еще на стадии планирования операции «Торч» британским и американским генералитетом высказывались предположения, что ее осуществление автоматически будет означать перенос крупномасштабной десантной операции через Ла-Манш не на 1943, а на 1944 г.²⁰, о чем, в частности, был осведомлен У. Черчилль еще во время проведения переговоров с И. В. Сталиным в августе 1942 г. При этом, наименее заинтересованы в проведении десантной операции через Ла-Манш были Соединенные Штаты Америки ввиду неожиданно возникших для их «африканского» военного кон-

тингента трудностей в период проведения операции «Торч». У. Черчилль, в свою очередь, замечал, что отказ от начала активных боевых действий в Европе станет «страшным ударом» для И. В. Сталина, отметив, что посол И. М. Майский уже запрашивал правительство Великобритании о его планах по осуществлению обещанного в августе 1942 г. весеннего наступления союзников.

Действительно, советский лидер еще осенью 1942 г. задавался вопросом: каким образом немцам удалось консолидировать все свои силы и резервы, переправив их на восточный фронт. И приходил к естественному заключению, что этому как ничто другое способствовало отсутствие второго фронта в Европе, предоставившее противнику возможность осуществлять широкомасштабные наступательные операции против СССР безо всякого риска быть атакованными с Запада. В советской периодической печати, всецело подконтрольной партии и правительству, стали появляться, в частности, карикатуры, высмеивающие нерешительность и «осмотрительность» партнеров по антигитлеровской коалиции в данном аспекте. Причем в противовес «осторожности» британских политиков и лично У. Черчилля изначально приводились американские сторонники скорейшей высадки крупного десанта союзников в Европе.

Интересно, что вскоре после возвращения премьер-министра Великобритании на родину, Ф. Рузвельт предложил советскому лидеру встретиться для проведения двусторонних переговоров, без участия английских представителей. Таким образом, президент, вероятно, стремился поддержать веру И. В. Сталина в продуктивность дальнейшего сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, намереваясь частично сгладить негативную реакцию СССР на отрицательное решение вопроса о проведении союзниками операции «Следж-хаммер» в 1942 г.²¹ Стоит также отметить тот факт, что Ф. Рузвельт никогда не встречался с И. В. Сталиным лично — и, как следствие, оба лидера не могли сформировать полноценного субъективного мнения друг о друге. В свою очередь У. Черчилль приложил максимум усилий для того, чтобы сорвать прямые американско-советские переговоры на высшем уровне.

Встреча не состоялась, а очередная англо-американская конференция в Касабланке показала, что вероятность скорого осуществления союзниками наступательных операций в Европе крайне невелика. Хотя на прямой вопрос И. В. Сталина в личном послании У. Черчиллю и Ф. Рузвельту о сроках проведения операции²² премьер-министром Великобритании был дан вполне определенный ответ: она была запланирована на август — сентябрь. А в личном послании от 22 февраля 1943 г. Ф. Рузвельт заверял И. В. Сталина, что сразу же после успешного завершения «туниской кампании» военные усилия США будут направлены на осуществление операции по высадке на европейский континент.

Стоит отметить, что оба лидера Атлантических держав и, в особенности, Ф. Рузвельт настоятельно советовали лично И. В. Сталину принять участие в данной конференции. Опыт предшествующих этой встрече переговоров, несомненно, убеждал их в том, что посредством межличностной коммуникации на высшем уровне обсуждение наиболее трудно решаемых проблем становится гораздо более продуктивным. Однако И. В. Сталин не откликнулся на предложение коллег, мотивировав свое решение объективной невозможностью покинуть Советский Союз в тот момент даже на один день. Также он отмечал, что одновременно не видит особой необходимости в подобной встрече, так как по

ключевому вопросу (об открытии союзниками второго фронта в Европе), с его точки зрения, США и Великобритания и так должны были уже начать выполнение данных ими обещаний.

История в значительной мере повторялась: в преддверии очередного летнего наступления противника союзники заявили о переносе сроков открытия второго фронта, параллельно сокращая поставки военной техники Советскому Союзу.

По прошествии весны 1943 г. позиции союзников по вопросам стратегического планирования вернулись на прежние рубежи. У. Черчилль продолжал настаивать на дальнейших операциях, проводимых на второстепенных театрах военных действий: в частности, на конференции «Трайден» премьер-министр Великобритании предлагал развивать наступление англо-американских вооруженных сил в районе Средиземноморья и Балкан²³.

Американцы, в свою очередь, по-прежнему уделяли основное внимание подготовке операции форсирования Ла-Манша, и хотя де-факто они признавали, что ее осуществление будет возможно начать только весной 1944 г., Д. Маршалл требовал определения конкретных сроков. Ф. Рузвельт понимал, сколь негативную реакцию И. В. Сталина и советского правительства вызовут новые проволочки в решение ключевого для СССР военно-стратегического вопроса и, чтобы не допустить повторения кризисных моментов, едва не прервавших деятельность антигитлеровской коалиции в 1942 г., стремился вновь наладить как дипломатический, так и свой личный контакт с советскими руководителями. Момент для этого был выбран удачный. В ожидании новой наступательной операции армий Вермахта глава правительства СССР вполне мог согласиться на личную, конфиденциальную встречу с президентом, тем более что ее планировалось осуществить без участия каких-либо представителей Великобритании.

Эта беседа так и не состоялась, а вскоре стало очевидно, что все возможности для установления более доверительных взаимоотношений между союзниками вновь стали неосуществимыми. У. Черчилль и Ф. Рузвельт, после длительных консультаций, направили Председателю СНК СССР личное послание, в котором обосновывалась необходимость новой отсрочки проведения десантной операции через Ла-Манш. Одновременно, У. Черчилль предпринимал все усилия для того, чтобы не допустить предполагаемой встречи между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Это свидетельствует о наличии чувства серьезной тревоги у главы британского кабинета министров, а также о том, что он считал вполне вероятным заключение принципиального соглашения о высадке союзных войск во Франции в рамках двусторонних переговоров. Заметим, что при всех существовавших разногласиях итоговые позиции Соединенных Штатов по основным стратегическим вопросам в период Великой Отечественной войны фактически никогда кардинально не расходились с британскими.

11 июня 1943 г. И. В. Сталин повторно выразил свое неудовольствие очередной отсрочкой в решении вопроса формирования второго фронта и подчеркнул, что советское правительство не считает для себя возможным присоединиться к такому решению, принятому без его участия и без попытки совместно обсудить этот вопрос. Разумеется, дискуссии снова велись на повышенных тонах, а уровень доверия советского правительства к заверениям союзников постепенно снизился до нулевой отметки. Кроме того, И. В. Сталин обращал внимание на то обстоятельство, что отныне Ф. Рузвельт и У. Черчилль все чаще стали делать

совместные заявления, несущие крайне безрадостную информацию, которая вынуждала СССР и дальше рассчитывать исключительно на свои силы. Отсюда и происходит версия, неоднократно озвученная политическими руководителями СССР и отечественными средствами массовой информации, согласно которой США и Великобритания проводили в своей внешней политике единую линию, направленную де-факто против союзника.

Последующий обмен посланиями еще сильнее накалил обстановку — Атлантические державы более не располагали убедительными доводами, которые могли бы оправдать задержку с открытием второго фронта в глазах советского правительства и лично И. В. Сталина, который подчеркивал, что речь идет уже не просто о глубоком разочаровании, а о сохранении Советским Союзом доверия к союзникам, которое подвергается тяжелым испытаниям²⁴. Р. Шервуд, в частности, сравнивает сложившуюся на тот момент обстановку в коалиции с августом 1939 г. накануне подписания Советским Союзом и Германией пакта Молотова–Риббентропа.

Московская конференция, на которой главными действующими лицами были министры иностранных дел Великобритании, СССР и США, также не расставила всех точек над «i» в отношении сроков начала союзниками наступательной операции в Европе, однако, она позволила подготовить почву для личной встречи глав трех государств, которая и состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране. Стоит отметить, что на этом городе в качестве места проведения трехсторонних переговоров на высшем уровне решительно настаивал И. В. Сталин.

Решения Тегеранской конференции, в конечном итоге, способствовали формированию условий, необходимых для успешного разрешения основной стратегической задачи — скорейшего разгрома главного из общих противников. Принципиальная договоренность о сроках и деталях проведения операции «Оверлорд» в 1944 г. была, наконец, достигнута. Во многом этому решению способствовало заявление советского лидера о готовности СССР сразу же после капитуляции Германии активно выступить на тихоокеанском фронте. Хотя, в частности, И. М. Майский предлагал оставить разгром милитаристской Японии союзникам, что, с его точки зрения, несколько не повлияло бы на шансы Советского Союза установить по окончании войны свой контроль над Южным Сахалином и Курильскими островами. Одновременно, подобный демарш позволил бы нашей стране «реваншироваться» за многолетнюю неопределенность в позиции союзников по вопросу о втором фронте на европейском континенте²⁵.

Отмечая прочие положительные итоги Тегеранской конференции, возглавлявший посольство Соединенных Штатов в СССР А. Гарриман называл чрезвычайно важным установление личного контакта между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом. Более того, ему показалось, что советский лидер общался с президентом не только с большим уважением, но даже с изрядной симпатией к собеседнику, а взгляды американской стороны импонировали ему гораздо в большей степени, нежели позиции Великобритании и лично У. Черчилля²⁶.

В то же время, следует отметить, что, возможно, поворотным моментом в принятии союзниками исторического решения о проведении крупномасштабной десантной операции в Нормандии в 1944 г. стали текущие успехи Красной Армии на восточном фронте: перенесение активных боевых действий за пределы Советского Союза при одновременном продолжении собственной политики невме-

шательства в военные операции на европейском континенте не отвечало стратегическим интересам США и Великобритании. Ситуация, при которой Германия была бы вынуждена капитулировать, будучи не в силах отразить наступление советских армий, становилась все более реальной. Кроме того, озвучиваемая советскими руководителями позиция по вопросу о послевоенном устройстве Европы также стимулировала Атлантические державы именно к такому сценарию развития военной кампании.

Операция под кодовым названием «Оверлорд», начавшаяся 6 июня 1944 г., несомненно, приблизила завершение Второй мировой войны. Стоит отметить, что именно на первые месяцы, прошедшие с момента высадки союзных армий в Нормандии, пришелся период наиболее доверительных отношений между державами, входящими в антигитлеровскую коалицию, несмотря на то, что с точки зрения советского правительства эта мера была отнюдь не своевременной. Так, в американской периодической печати заметно увеличилось количество публикаций о СССР, а И. В. Сталин и вовсе стал одной из наиболее популярных фигур и главным героем множества журналистских авторских материалов²⁷. С большим воодушевлением был воспринят факт открытия второго фронта и в советском обществе.

Таким образом, мы можем констатировать, что, не взирая на ряд существовавших между, главным образом, военными советниками Великобритании и США противоречий в течение 1941–1943 гг., им удалось в конечном итоге выработать консолидированную позицию по вопросу о создании второго фронта в Европе. Ф. Рузвельт и У. Черчилль в конце концов пришли к заключению, что Советский Союз, с одной стороны, не пойдет на повторное сближение с Германией, а с другой — его вооруженные силы и военно-промышленный потенциал позволят СССР длительное время удерживать значительные силы Вермахта на восточном фронте. Лидеры Атлантических держав по мере развития событий во Второй мировой войне все отчетливее понимали, что несмотря на необходимость и важность поддержания хотя бы видимости партнерских, союзнических отношений с Советским Союзом в целом и непосредственно со И. В. Сталиным, они способны навязывать в обсуждениях одного из ключевых военно-стратегических вопросов свои условия советской стороне. СССР принимал на себя главный удар противника и потому не имел достаточно весомых аргументов, чтобы принудить союзников к столь необходимому стране открытию второго фронта в Европе. К тому же, Советский Союз в значительной мере зависел от выполняемых Соединенными Штатами и Великобританией поставок военной техники, сырья и продовольствия, что делало невыгодным крайнее обострение отношений с политическими лидерами союзников.

Одновременно степень доверия И. В. Сталина, советского правительства и народа к заверениям, обещаниям и даже официальным обязательствам западных союзников неуклонно снижалась. Если во время визита В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон его цель — склонить политических лидеров США и Великобритании к проведению десантной операции через Ла-Манш — называлась трудно достижимой, но вполне осуществимой с прицелом хотя бы на 1943 г., а ее отсутствие к концу лета 1942 г. едва не привело к по-настоящему серьезной конфронтации, по меньшей мере, между Председателем Совнаркома СССР и У. Черчиллем, то в дальнейшем И. В. Сталин воспринимал новые отсрочки вы-

садки хотя и подчас с осуждением и даже негодованием, но все же как данность, и предпочитал искать с партнерами по коалиции иные формы взаимодействия и компромисса.

Примечания

- 1 *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники, 1941–1945. Смоленск, 2000; *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; Россия в 20 веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005.
- 2 *Голубев А. В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 320–359.
- 3 Государственный секретарь США в 1973–1977 гг. Лауреат Нобелевской премии мира.
- 4 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- 5 Там же. С. 289.
- 6 *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003.
- 7 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 18.
- 8 *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 14.
- 9 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 19.
- 10 Там же. Т. 1. С. 55.
- 11 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1 С. 37.
- 12 *Кеннан Д.* Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 248.
- 13 *Фейс Г.* Указ. соч. С. 53.
- 14 *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 80.
- 15 Известия. 1942. 27 сентября.
- 16 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 57.
- 17 Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 274–276.
- 18 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 64.
- 19 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 294.
- 20 *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980. С. 106.
- 21 *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997. С. 206.
- 22 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 108.
- 23 *Фейс Г.* Указ. соч. С. 94.
- 24 Там же. С. 159.
- 25 *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 243.
- 26 *Борисов А. Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 56.
- 27 *Позняков В. В.* Американское общественное мнение и проблема сотрудничества СССР и Соединенных Штатов. М., 1991. С. 109.

Пятидесятилетие «Украинского исторического журнала»

Созданный в июле 1957 г. по инициативе исторической общественности УССР «Украинский исторический журнал» перешел полувековой рубеж своего существования. 50 лет — символическая дата, которая побуждает к критическому переосмыслению пройденного пути и на основе обобщения накопленного опыта, учета просчетов, имевших место в прошлом, дает возможность заглянуть в будущее, начертить новые перспективы и открыть новые горизонты.

В адрес юбиляра можно и нужно сказать много теплых слов. Начав свою работу в нелегкое для отечественной исторической науки время, этот единственный в бывшем СССР профильный республиканский исторический журнал, невзирая на жесткий диктат и неизменный контроль со стороны соответствующих идеологических структур, которые регламентировали как тематику, так и смысловое наполнение тех или иных публикаций, со временем сумел не только преодолеть вульгаризированные подходы к воссозданию национального исторического процесса и превратиться во флагамена отечественной историографии, но и засвидетельствовать высокий профессионализм и дееспособность научного потенциала республики.

Украинская историческая наука в полной мере ощутила на себе все те сложные, временами трагические общественно-политические перипетии XX века. Обстоятельства сложились так, что с начала 1930-х гг. и до 1957 г. в Украине не существовало своего постоянного периодического печатного органа в этой сфере. Становление тоталитарной коммунистической системы управления и господство «единолично верной» марксистско-ленинской идеологии, а также воинствующая борьба советской власти с «украинским буржуазным национализмом» способствовали закрытию в 1930-е гг. большинства изданий исторического профиля.

Однако уже с середины 1940-х гг. в Украине стала очевидной необходимость в периодическом издании исторической направленности. С того времени проблема основания республиканского исторического журнала, который был мечтой не только специалистов, но и широкой читательской аудитории, не раз обсуждалась в прессе, притом на всесоюзном уровне, ставилась перед высшим партийным руководством.

Дело сдвинулось с места с началом политики либерализации после XX съезда КПСС. После очередного обращения Института истории АН УССР, Института истории партии ЦК КП Украины и Архивного управления МВД УССР 1 февраля 1957 г. секретариат ЦК КПУ принял решение об издании «Украинского исторического журнала» периодичностью 6 номеров в год. С этого момента развернулась большая, кропотливая, подчас неблагодарная работа по организации и подготовке к печати первых номеров журнала, которая легла в первую очередь на плечи известного ученого, члена-корреспондента АН УССР (на то время — кандидата исторических наук), первого ответственного редактора журнала Ф. П. Шевченко. 16 июля 1957 г., когда состоялось первое заседание редколлегии, считается датой рождения «Украинского исторического журнала».

В передовой статье — «От редакционной коллегии» — указывалось, что выход «УИЖ» является знаменательным событием в общественно-политической жизни республики, «еще одним убедительным свидетельством заботы Коммунистической партии и Советского правительства о развитии исторической науки на Украине». Поэтому сразу же в деятельность «УИЖ» начали вмешиваться высшие партийные органы. Нередко доходило до «автоматизма», когда каждое компартийное постановление обязательно бралось на «вооружение», без учета того, касалось оно непосредственно деятельности жур-

нала или нет. Несмотря на то, что в 1960 — первой половине 1980-х гг. постоянно звучали голоса печатать больше проблемных статей, «полнокровно» освещать все периоды истории Украины, 70–80 % содержания «Украинского исторического журнала» представляли материалы новейшего периода, а в отдельных номерах вообще отсутствовали статьи по средневековью и новому времени в истории Украины, которые бы давали перспективы для будущих творческих поисков.

Содержание и наполнение журнала конца 1950-х — середины 1980-х гг. далеко не однозначно. Однако остается фактом — несмотря на влияние политической конъюнктуры относительно функционирования журнала, неблагоприятную для творческого поиска атмосферу «Украинский исторический журнал» продолжал оставаться центром научной жизни историков республики. В это время проходил, хоть и в некоторой степени заторможенный, процесс накопления и осмысления исторических знаний. Предыдущей политической заангажированности не под силу оказалось сдерживать поступательное расширение источниковедческой базы исследований, введение в научный оборот дополнительного массива материалов, наполнение потенциала для будущего объективного освещения фактов и событий прошлого.

Провозглашенная в 1985 г. в СССР «перестройка», несмотря на все присущие ей просчеты, открыла перспективы кардинальных изменений в сфере общественных наук. Происходит активизация творческих поисков, освещаются так называемые «белые пятна» истории и целые ее «пласты». На страницах «УИЖ» появляются публикации, авторы которых стремились пересмотреть и переосмыслить традиционные для советской историографии проблемы.

В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. происходит зарождение и становление новой школы медиевистики в Украине. При этом западные центры украинистики уступают приоритет научным институтам республики. В сложных и неоднозначных условиях разворачивания современных процессов государственного строительства возрос интерес не только ученых, но и общественности к политической истории страны. Редколлегия «УИЖ» предоставила страницы издания участникам дискуссий о возникновении и генезисе украинского этнического государства. В это время в журнале появляются статьи и выступления, авторы которых сфокусировали свое внимание на изучении вопросов формирования и становления тоталитарного режима в Украине, его негативного влияния в разных сферах общественной жизни, Украинской национальной революции. Ощутимо активизировалась деятельность журнала в деле пропаганды историографического наследия и публикации источников. Отдельно необходимо отметить вклад журнала в разработку проблем средневековья.

С этого времени, по утверждению главного научного редактора (с 1995 г.) академика НАН Украины В. А. Смолия, «УИЖ» стал доступен для публикаций любого направления, единственным критерием подбора которых, стал их научный уровень, новизна и вклад в фундаментальные исследования.

За последнее десятилетие создан ряд научных работ, в частности и монографического формата, посвященных истории журнала, тематическому наполнению тех или иных периодов украинской истории¹. Однако эта проблематика далеко не исчерпана и перед будущими исследователями открываются широкие возможности. В частности, наступило время проанализировать деятельность «УИЖ» в более широком общеоисториографиче-

¹ Гуржій О., Каніман Л. «Український історичний журнал» та проблеми вітчизняної медієвістики в другій половині ХХ ст. К.: Інститут історії України, 2004. 256 с.; Коваль М. В. Флагман вітчизняної історіографії (40-річчя «Українського історичного журналу» // Український історичний журнал. 1997. № 4. С. 11–19; Гуржій О. І., Донік О. М. «Український історичний журнал»: півстоліття в науці // Український історичний журнал. 2007. № 6. С. 6–18; Рубльов О. С. «Український історичний журнал»: історія офіційна й залаштункова // Український історичний журнал. 2007. № 6. С. 18–55; Сакада Л. Д. Два журнали українських істориків: «Український історичний журнал» та «Український історик» // Український історичний журнал. 1997. № 4. С. 58–68.

ском контексте, сравнить этот специализированный украинский журнал с аналогами в других странах, определить его место не только в отечественной, но и мировой историографии.

«Украинский исторический журнал» выстоял в условиях десталинизации историографии в годы хрущевской оттепели, последующей волны деукраинизации исторической науки в начале 1970-х гг. и фактической ее стагнации до середины 1980-х гг. Он выдержал проверку на прочность во время перестройки (1985 – начало 1990-х гг.), коснувшейся также идеологической и научной сфер. Новые перспективы, которые открылись перед исторической наукой в независимой Украине (в частности, свобода интеллектуального труда ученых) вскоре поставили ее, и в то же время центральный печатный орган украинских историков, перед испытаниями уже иного рода — журнал научился выживать в условиях отсутствия финансовой поддержки со стороны государства, при этом (как ни парадоксально) значительно повысился его профессиональный уровень. Бесспорным позитивом стала ликвидация диспропорции в освещении отдельных периодов и тем украинской истории. Расширилась проблематика научных исследований, укрепились их источниковедческая база, вырос теоретический и методологический уровень. Из забвения возвращались имена, которыми по праву может гордиться национальная историография. На страницах журнала воцарился плюрализм мыслей и взглядов. Издание оперативно отзывалось на тематические и методологические новации, начавшие появляться в научной практике, внося существенный вклад в расширение источниковедческой базы исторической науки, в формирование исторической памяти украинской нации.

Без сомнения, за 50 лет сделано достаточно много. И об этом нужно знать, нужно говорить. Однако еще более важно заглянуть в день грядущий, начертить новые перспективы в деятельности редколлегии, остановиться на вопросах, необходимость решения которых назрела. Так, неожиданным негативом в наполнении редакционного портфеля, как в количественном, так и качественном плане стало учреждение структурными подразделениями Института истории Украины НАНУ ряда тематических научных ежегодников. Заметно уменьшился на страницах издания удельный вес публикаций теоретического и методологического характера. В последнее время практически деактуализировалось развертывание по инициативе редколлегии дискуссий, проведение круглых столов по важным фундаментальным проблемам исторической науки. Существует дефицит на основательные аналитические обзоры, развернутые рецензии, которые бы побуждали к профессиональному обсуждению поднятой в монографическом формате проблематики.

Следует сказать несколько слов и о сотрудничестве российских историков с «УИЖ». За годы независимости Украины заметно снизились в количественном плане их публикации на страницах журнала, зато повысился теоретический и методологический уровень научных исследований, многократно расширилась их проблематика. Учеными из Санкт-Петербурга, Москвы, Владимира, Калуги, Воронежа и других городов на страницах «Украинского исторического журнала» все чаще поднимаются те вопросы и проблемы украинской истории, которые имеют дискуссионный характер, остаются еще недостаточно изученными, требуют дальнейших исследований, уточнений некоторых фактов. В первую очередь необходимо отметить источниковедческие публикации по украинской истории XVII–XVIII вв. доктора исторических наук Т. Г. Яковлевой-Таировой, директора Центра по изучению истории Украины в Санкт-Петербургском государственном университете (УИЖ № 6/2000, № 4/2006, № 3/2008), статьи доктора исторических наук Б. М. Флори (Москва) по дискуссионным вопросам церковных отношений на украинских землях, в частности истории подписания Брестской унии (№ 1/1996), кандидата исторических наук А. С. Гогуна (Санкт-Петербург) о малоизвестных страницах истории партизанского движения в Украине в годы Второй мировой войны (№ 3/2006), кандидата исторических наук А. К. Тихонова (Владимир) о еврейских погромах в украинских губерниях Российской империи (№ 5/2007). Редколлегия «Украинского исторического журнала» заинтересована в более плодотворном сотрудничестве с российскими истори-

ками, которое, к сожалению, в последние годы заметно снизилось, в том, чтобы в каждом номере «УИЖ» имели место высокопрофессиональные публикации коллег из России по различным, особенно дискуссионным, проблемам нашей совместной истории.

Сотрудничество с «Украинским историческим журналом» всегда было и остается вопросом чести и престижа для каждого украинского историка-профессионала. Хочется выразить слова благодарности бывшим главным редакторам журнала — Федору Павловичу Шевченко, Павлу Михайловичу Калениченко, Юрию Юрьевичу Кондуфору, Михаилу Васильевичу Ковалю, — разным по характеру, стилю мышления и убеждениям ученым, которые, однако, стремились сделать журнал лучшим, более профессиональным и фундаментальным.

В 2005 г. изменился внешний вид «УИЖ», увеличился общий объем отдельного номера. Редакция журнала привлекает лучших специалистов к освещению важных событий и юбилейных дат, связанных с историей Украины, историческими деятелями. Особое внимание, как и прежде, уделяется теоретико-методологическому изучению проблем украинской истории, историографическим и источниковедческим исследованиям, рецензиям на лучшие научные работы.

Искренней человеческой благодарности за свой подвижнический труд заслуживает весь сегодняшний состав научного совета и редакционной коллегии «Украинского исторического журнала», его научные редакторы, авторы электронной версии, благодаря которой, материалы журнала нашли более широкую читательскую аудиторию.

В условиях процесса интеграции украинской исторической науки в мировое историографическое пространство и перемещения инициативы по изучению национального исторического процесса из диаспорных научных центров в академические институты Украины перед «Украинским историческим журналом» стало новое важное задание — он должен выйти за пределы координатора исторических исследований лишь в национальном масштабе и мобильно реагировать на запросы и достижения мирового исторического содружества, оперативно знакомить с ними украинских ученых, привлекать к сотрудничеству иностранных исследователей, которые работают в сферах историософии и методологии истории.

*А. Н. Доник, к. и. н.,
заместитель главного редактора
«Украинского исторического журнала»
(Киев)*

«Российское предпринимательство в XIX — первой трети XX века»: Обзор международной научной конференции

Изучение истории российского предпринимательства за последнее десятилетие поднялось на качественно новую ступень в своем научно-историческом развитии. В научный оборот вводятся новые группы источников самого различного происхождения; разрабатываются и успешно используются новаторские методы и приемы исследования уже известных фактов и событий истории отечественного бизнеса; рождаются и утверждаются оригинальные концепции и теории экономического развития дореволюционной России¹.

¹ Вот лишь некоторые из последних работ: *Барышников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006; *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001; *История предпринимательства в России: В 2-х кн.* М., 2000; *Кружкова Т. И.* Деловой мир Урало-Сибирского региона (вторая половина XIX — начало XX в.): Науч.-исслед. очерки. Екатеринбург, 2000; *Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии.* Перевод с англ. / Отв. ред. Дж. Уэст, Ю. А. Петров. М., 2007; *Лебедев С. К. С.* -Петербургский

Столь интенсивная разработка нового для российской исторической науки направления — истории предпринимательства (или «business history», как именуется оно на Западе) — вызвана рядом объективных обстоятельств научно-исторического и практического характера, при том тесно взаимосвязанных. Образ российского предпринимателя получил свое негативное воплощение еще за долго до советских времен в русской классической литературе^I. Для советской исторической науки объективное и всестороннее изучение частнопредпринимательской деятельности дореволюционной России, за редкими исключениями^{II}, было невозможно по идеологическим причинам. В итоге, в российско-советском обществе за предреволюционные и советские годы прочно сформировался отрицательный стереотип в отношении предпринимателя и частной предпринимательской деятельности, что находит свой отклик и сегодня и требует переосмысления.

С другой стороны, научно-идеологическое умаление роли частного бизнеса в экономическом развитии России до 1917 года советскими историками фактически полностью исключило из анализа российской экономической системы один из важнейших ее сегментов, что не могло не привести к серьезным искажениям результатов исследований. Последний тезис подтверждается тем, что в 1990-е гг. представители таких отраслей знания, как экономическая история, история технологии, экономика, научный менеджмент и др., «единодушно пришли к одному очень важному для всех выводу. Конкурентные преимущества страны, как оказалось, рождаются на низовом и среднем уровнях структуры народного хозяйства. Это значит, что экономическое лидерство скорее зависит от стратегии и общего устройства фирмы или отрасли производства, от поддерживающих их институтов, усилий научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, а не от таких макроэкономических показателей, как валютные курсы, трудовые и капитальные издержки, цены и пр.»^{III}.

Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003; *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX — начало XX века. Ижевск, 2001; *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004; Петербург. История банков / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, З. В. Дмитриева и др. СПб., 2001; *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998; *Он же.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; *Поткина И. В.* На олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Садков С. М.* Менталитет российской деловой элиты в конце XIX — начале XX вв. М., 2001; *Саломатина С. А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М., 2004; *Сапоговская Л. В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь — модели развития. Екатеринбург, 1998; и др.

^I Очень подробно анализ образа предпринимателя в русской художественной литературе представлен в воспоминаниях П. А. Бурыйшкина. (См.: *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая. М., 2002. С. 17–31).

^{II} Чаще всего исследователи касались истории российского предпринимательства в контексте экономической политики царского правительства. Однако создавались и специальные труды, исследовавшие частный бизнес. (См., например: *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1984; *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982; *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948; *Корелин А. П.* Дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в пореформенной России (1861–1904 гг.) // Исторические записки. Т. 102. М., 1978; *Лаврычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М., 1974; *Лившин Я. И.* Монополии в экономике России. (Экономические организации и политика монополистического капитала). М., 1961; *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973; 2-е изд. СПб., 2006).

^{III} *Поткина И. В.* Современное состояние «business history» (истории предпринимательства) за рубежом // Экономическая история. Обзорение. М., 1999. Вып. 6. [Электронный ресурс:] <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB6/potkina.htm>

Все вышесказанное, во-первых, объясняет причины того неподдельного интереса, который проявляет Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета к истории отечественного предпринимательства. За период 2004–2007 гг. Высшей школой менеджмента совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН организовано и проведено четыре Международные научные конференции под общим названием «Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX века». К началу каждой из конференций были подготовлены и изданы сборники тезисов¹ участников форума, а по итогам работы — опубликованы сборники избранных статей¹¹.

Во-вторых, современное состояние российской истории отечественного предпринимательства предопределяет важность и необходимость подобных конференций. Именно поэтому представляется весьма уместным небольшой обзор последней из четырех конференций, несмотря на то, что с момента ее проведения прошел уже целый год.

Международная научная конференция «Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX века: личности, фирмы, институциональная среда» проходила с 19 по 21 октября 2007 г. в Санкт-Петербурге в здании Высшей школы менеджмента, расположенном по адресу Волховский пер., 3. Адрес здесь указан не случайно. Этот дом до революции 1917 г. принадлежал наследникам уральского горнозаводчика С. С. Яковлева, владевшим на Урале Алапаевскими и Невьянскими горными заводами. Данный исторический факт создавал особую атмосферу среди участников одного из крупнейших на сегодняшний день научных форумов исследователей истории отечественного бизнеса.

В Оргкомитет конференции вошли виднейшие представители российской «business history»: Б. В. Ананьич, М. Н. Барышников, Л. И. Бородин, А. Л. Дмитриев, Т. М. Китанина, Л. Е. Шепелев. Сопредседателем Оргкомитета выступила директор Социологического института И. И. Елисеева, Высшую школу менеджмента представляли А. В. Бухвалов и А. А. Семенов. Тяжелейшие обязанности секретаря Оргкомитета исполняла П. И. Эльяшева.

Четвертая по счету конференция собрала более 80 представителей семи государств (Великобритания, Германия, Юж. Корея, Норвегия, Россия, Украина, Франция). Приятно отметить тот факт, что российскую часть составляли ученые не только из Петербурга и Москвы, но и из 16 городов Западной, Северо-Западной, Центральной России, Юга, Поволжья и Урала. Это придало конференции, помимо ее международного статуса, реальный общероссийский представительный характер.

Несмотря на то, что конференция была посвящена истории предпринимательства, в ней приняли участие не только историки. С докладами выступили экономисты, юристы, и даже специалисты по географии, что отразило междисциплинарный подход к исследованию проблем и вопросов истории российского бизнеса.

Открывая пленарное заседание 19 октября, с приветственным словом к участникам конференции обратились академик РАН Б. В. Ананьич, директор Социологического института И. И. Елисеева и декан Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета В. С. Каткало.

В пленарном заседании прозвучали доклады российских и зарубежных исследователей. Л. И. Бородин и А. В. Коновалова (МГУ им. М. В. Ломоносова) в своем выступлении отразили механизмы финансирования российских металлургических компаний в конце XIX – начале XX в. посредством обращения их акций на европейских фондовых рынках. И. В. Поткина (ИРИ РАН) сделала акцент на институциональном аспекте эконо-

¹ Тезисы последней конференции опубликованы в сборнике: Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX века: личности, фирмы, институциональная среда: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 октября 2007 г., СПб., 2007. 368 с.

¹¹ См.: История предпринимательства в России: XIX – начало XX века. Вып. [1–4]. Сб. статей / Под ред. А. Л. Дмитриева, А. А. Семенова; Научно-исследовательский ин-т менеджмента СПбГУ. СПб., [2005–2008].

мического развития России — особенностях дореволюционного предпринимательского права, отмечая хотя и замедленную, но заметную либерализацию правовых условий предпринимательской деятельности. Очень ярким и эмоциональным получилось выступление *Кристофера Мондея* (Университет Донгseo, Ю. Корея), изложившим бизнес-стратегию индустриальной империи А. Н. Демидова. *Доминик Баржо* (Сорбонна, Франция) выступил с докладом о деятельности французских подрядчиков в России в сфере гражданского строительства. *Флорентина Харбо* (Норвежский институт стратегических исследований) представила свое видение роли государства в истории развития российского предпринимательства, впрочем, не искажающее традиционный подход к этой проблеме. Наибольший резонанс и острейшую дискуссию, которая даже перекинулась на заключительное заседание, вызвали доклады германских коллег *Георга Батена* и *Доменика Бея* (Университет Тюбингена, Германия). Их концепция факторов успешности фирм основывалась на статистических методах. Был приведен ряд детерминант различного свойства: состояние транспортной инфраструктуры, уровень урбанизации, здоровье населения и др. — взаимодействия которых и определяло заведомую конкурентоспособность фирмы. Дискуссию подытожил, уже на заключительном заседании, профессор *Л. И. Бородин*, признав, что абсолютизировать подобные методы исследования нельзя, но и отказываться от них не целесообразно и не научно.

После пленарного заседания участники конференции были распределены по секциям. В первый день их было две — «Государство и предпринимательство в России» и «Управление крупными предприятиями и банками», а на второй день заседаний (20 октября) к вышеозначенным добавилось еще две тематические секции — «Общественно-институциональные аспекты предпринимательства» и «Особенности предпринимательства в отдельных отраслях», в рамках которых прозвучали интереснейшие доклады и сообщения.

Заключительное заседание состоялось 21 октября в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН. Здесь были подведены общие итоги конференции. Среди обсуждаемых проблем на повестку был выставлен вопрос о необходимости введения курса истории российского предпринимательства в систему вузовского образования как базового. Этот вопрос, в свою очередь, порождал следующий — создание вузовского учебника. Дискуссия с германскими коллегами по методологии исследования истории предпринимательства, отмеченная выше, подвигла участников заключительного заседания к мысли о необходимости более тесных контактов с зарубежными историками «business history», обмена опытом исследований, что возможно осуществить в рамках подобных конференций, которые могли бы состояться в Париже или Берлине. Подобная перспектива весьма порадовала собравшихся.

В адрес Оргкомитета со стороны участников конференции были высказаны самые теплые слова благодарности и пожелания будущих встреч. Не обошлось и без критических замечаний, которые сразу же скупулёзно фиксировались А. Л. Дмитриевым в записной книжке. Организаторы также поблагодарили всех за активное участие, интересные научные доклады и обещали приложить все усилия, чтобы такие форумы продолжали свою жизнь.

По окончании заседания всех ожидала увлекательная экскурсия по зданию Санкт-Петербургского научного центра РАН (Университетская наб., 5), что тоже стало доброй традицией организуемых конференций: в 2006 г. участникам посчастливилось ознакомиться с особняком Яковлевых.

К сожалению, по объективным обстоятельствам в настоящем, 2008 г., конференция не проводилась. Надеемся, что в следующем году встреча историков-«предпринимателей» состоится вновь.

М. В. Друзин
(Санкт-Петербург)

Устноисторические проекты на Украине: изменение традиционных исследовательских перспектив

Устная история — это довольно распространенное сегодня и чрезвычайно динамично развивающееся направление социально-гуманитарных исследований, главным методом которого является субъективный опыт отдельного человека. Его основной исследовательский метод — интервью, и в этом смысле оно близко по своей профессиональной деятельности к другим социальным наукам: социологии, этнографии, этнологии, культурной антропологии. На сегодняшний момент не достигнуто консенсуса относительно окончательной дефиниции устной истории, но большинство ученых делают акцент именно на междисциплинарности этого направления. Подтверждением такого подхода могут служить хотя бы определения, предложенные Ассоциацией устной истории (США) и одним из ведущих институтов устной истории^I.

«Устная история — это отрасль исследований и метод сбора, хранения и интерпретации голосов и воспоминаний людей, групп и участников событий прошлого. Устная история является вместе с тем и древнейшим способом исторического исследования, который предшествовал письменности, и одним из наиболее современных, начиная от записей на аудио-ленту в 1940-х и до цифровых технологий XXI столетия»^{II}.

«Термин устная история касается (1) качественного процесса исследования, которое основывается на личном интервьюировании, которое дает возможность понимать смыслы, интерпретации связей и субъективного опыта, а также (2) продукта (аудио- или видеозаписи), который является настоящим историческим документом, новым первоисточником для дальнейших исследований»^{III}.

Таким образом, современное понимание устной истории охватывает как процесс устной передачи и записи воспоминаний, так и различные формы новообразованных исторических документов, а также дальнейший анализ полученных первоисточников^{IV}.

Процесс становления устной истории как отдельного направления исторических исследований прошел определенные этапы, и в каждой стране мира имел свои особенности. Первым государством, где устная история получила академическое признание, стали Соединенные Штаты. В 1948 г. в Колумбийском университете был создан Исследовательский центр изучения устной истории, который возглавил Алан Невинс, а в 1958-м — при Калифорнийском университете Архивный центр устных источников^V. Первыми устно-историческими исследованиями здесь были записи биографий известных людей — бизнесменов, политиков, ветеранов войны и т. д., собранные с целью дополнить существующие письменные источники. В Западной Европе устная история как самостоятельное академическое направление появляется в 1960-х гг. — как составляющая «истории снизу», в тесном сотрудничестве с левыми социальными политическими движениями. Так, в Великобритании наиболее известным исследователем устной истории стал Пол Томпсон, автор книги «The Voice of the Past» (1978)^{VI}, инициатор создания первого специализированного журнала «Oral History». Вообще для устно-исторических исследований 1960-х годов присуще внимание к истории рабочего класса, борьбе за гражданские права, женского движения, истории эмигрантов и разных, в том числе и национальных, меньшинств. Именно в то время появились первые исследования так называемой устной традиции, т. е. народов и обществ, которые не имели собственной письменности. Дру-

^I Цит. по: Кись О. Усна історія: становлення, проблематика, методологічні засади // Україна модерна. 2007. № 11. С. 8.

^{II} Oral History Association // <http://omega.dickinson.edu/organizations/oha/>.

^{III} Institute for Oral History, Baylor University, Texas // http://www.baylor.edu/oral_history/

^{IV} Кись О. Указ. соч.

^V Хрестоматія по усній історії / Пер., сост., вступне, общ. ред. М. В. Лоскутової. СПб., 2003. С. 6—7.

^{VI} Томпсон П. Голос прошлого: Устная история / Пер. с англ. М., 2003.

гой страной, где устная история получила мощный толчок к развитию в 1960-х гг., стала Италия. Первые шаги в этом направлении были сделаны местными центрами изучения движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, т. е. в исследованиях таких исторических событий, которые по своей природе не оставляли после себя достаточной документальной источниковой базы, но были чрезвычайно важны для трансформации национального самосознания после войны. Устная история в Италии развивалась вне стен университетов именно как история рабочего класса не с точки зрения политических процессов и партий, а с точки зрения культуры, образа жизни и самовыражения. «Классиками» устной истории, наиболее известными за пределами Италии считаются историки Луиза Пассерини и Алессандро Портелли^I.

Чуть позже направление устной истории начало развиваться в Германии, где ее позднее становление связывают с травматическим опытом нацистской диктатуры. Все воспоминания о 1930–1940-х гг. были достаточно мучительными и проблематическими для поколения следующих десятилетий. Даже считалось, что документы, которые касались этого периода, были менее опасные, чем память поколения, которое сосуществовало с национал-социализмом и принимало участие в его преступлениях. Только в начале 1980-х гг. в Германии возникает такое направление как «история повседневности» (Alltagsgeschichte), с характерным для него интересом к субъективному восприятию человека, культуры повседневности и живого опыта людей. Появляется и интерес к устной истории. Наиболее известные немецкие исследователи этого направления — Лутц Нитхаммер и Александр фон Плато^{II}.

Во Франции доминирование школы «Анналов», которое установилось после войны, продолжительное время «препятствовало» появлению устной истории. Там приобрели популярность другие историко-антропологические подходы: история ментальности, история идей, микроистория и т. п. Очевидно, по этой причине во франкоязычной литературе импульс шел с периферии: географически из Бельгии, в дисциплинарном отношении — из социологии. Вообще, метод устной истории уже несколько десятилетий наиболее успешно применяется зарубежными историками в первую очередь в исследовании таких тем, о которых недостаточно сведений, или они полностью отсутствуют в традиционных письменных источниках: политической истории последних десятилетий, социальной истории повседневной жизни, антропологических исследованиях, истории обществ, которые не владеют письменностью и т. п. Устно-исторические исследования последнего времени свидетельствуют, что устная история важна не только с точки зрения поиска *исторической правды* или средства политической деятельности, но как ценный источник информации о путях формирования социальной памяти^{III}.

Процесс институционализации устной истории как отдельного направления исторических исследований начался в странах Западной Европы и Америки в 1970-х гг. и завершился учреждением в 1996 г. Международной ассоциации устной истории (ИОНА) на 9-й международной конференции устной истории в Гетеборге (Швеция). В 2006 г. Ассоциации исполнилось десять лет, и на сегодняшний день она является крупной международной организацией со своей конституцией и руководящим органом^{IV}.

^I Passerini L. Fascism in Popular Memory. Cambridge, 1987; Portelli A. The Battle of Valle Giulia: Oral History and the Art of Dialogue. Madison; Wis., 1997.

^{II} Niethammer L. «Wir kriegen jetzt andere Zeiten»: Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern / Niethammer L., von Plato A. Berlin; Bonn, 1985. Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet; Bd. 3.

^{III} Той Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. М., 2000. С. 272.

^{IV} Главный интернет-ресурс новостей Ассоциации — это Newsletter, которые можно пересмотреть на сайте Ассоциации. Печатный орган — журнал Words and Silences — распространяется среди членов Ассоциации.

В 2007 г. к Международной ассоциации присоединилась и Украинская ассоциация устной истории (УОНА)^I. Целью создания Ассоциации стала необходимость объединения специалистов разных социально-гуманитарных дисциплин, которые разделяют принципы и подходы устной истории, и применяют соответствующие методы в своей исследовательской деятельности. Основными направлениями ее деятельности являются: обеспечение обмена профессиональной информацией и информационными ресурсами; содействие научным исследованиям разного уровня в рамках устной истории; поддержка высокого теоретико-методологического уровня научной дискуссии; помощь при публикации научных работ и материалов по устной истории (рецензии, рекомендации, редактирование); развитие образования в отрасли устной истории.

В данном обзоре предпринята попытка освещения основных исследовательских проектов и тематики украинских историков. Особенностью развития устно-исторических исследований в Украине, как и на всем постсоветском пространстве, является упор на разработку таких тематик, которые по обыкновению замалчивались официальной советской историографией. Первые публикации материалов, собранных методом опрашивания очевидцев, были посвящены наиболее трагическому событию в истории Украины XX столетия — Голодомору 1932–1933 гг. Среди десятков изданий воспоминаний о голодоморе, именно как устно-историческое исследование позиционировала себя работа американского культурного антрополога Вильяма Нолла «Трансформация гражданского общества. Устная история украинской крестьянской культуры 1920–30 годов» (1999)^{II}. В этой книге объемом в 560 страниц представлены результаты масштабного проекта, осуществленного в 1993–1995 гг., во время которого были собраны рассказы свыше 400 сельских жителей Центральной и Восточной Украины, переживших катастрофический процесс создания коллективных хозяйств и голодомора. Политика жестокой коллективизации, по мнению В. Нолла, разрушила не только жизни семей и отдельных крестьян, уничтожила их средства к существованию, но и привела к окончательному разрушению непосредственных основ и действующих структур гражданского общества в селе, которое существовало в Украине накануне прихода к власти коммунистов и было организовано вокруг института сельских громад.

Попытка показать бурные события XX века через биографические рассказы его современниц осуществлена в издании «Устная женская история. Возвращение» (2003)^{III}. В сборнике, представлены устные истории женщин из разных регионов Украины в возрасте от 70 до 90 лет, которые пережили кризисные общественно-политические ситуации в советский и переходной период. Эти воспоминания были записаны в 2001–2002 гг. в рамках международного проекта «Устная женская история», при поддержке Сетевой женской программы совместно с фондом «Сорос-Киргизстан»^{IV}. В проекте принимали участие 20 исследовательниц из Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Монголии, Таджикистана, Узбекистана. Украину представляла журналистка, председатель женского Центра «Спадщина» Галина Дацюк.

Следующие издания посвящены еще одной малоисследованной теме — феномену принудительного труда миллионов наших соотечественников в нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Сборник «Невыдуманное. Устные истории остарбайтеров» (2004)^V, в отличие от предварительно названных работ, — это полностью авторский про-

^I Сайт Ukrainian_Oral_History_Association: http://keui.univer.kharkov.ua/oral_history/index.html Электронный адрес: info.uoha@gmail.com

^{II} Нолл В. Трансформація громадянського суспільства. Усна історія української селянської культури 1920–30 років. К., 1999. 559 с.

^{III} Усна жіноча історія. Повернення: Історіографія сільських жінок в контексті суспільно-історичних факторів радянського і перехідного періодів. К., 2003. 372 с.

^{IV} Итоговое издание проекта: Женская устная история. Гендерные исследования. / Сост. А. Пето. Бишкек, 2004. 304 с. Сокращенный вариант украинского издания на русском языке, в котором представлено 29 биографий: Устная история. Возвращение. К., 2003. 124 с., іл.

^V Невигадане. Усні історії остарбайтерів / Ред., вступ. ст. Г. Грінченко. Харків, 2004. 236 с.

ект, задуманный и осуществленный от начала и до конца доценткой Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина Гелинадой Гринченко. Устные истории, которые вошли в данный сборник, были записаны в течение 2003 г., рассказчики — бывшие оstarбайтеры, а ныне члены Харьковского городского общества жертв нацизма. В сборник «"То была неволя..."». Воспоминания и письма оstarбайтеров» (2006) вошли эпистолярный военного времени, автобиографические рукописи бывших принудительных рабочих, а также их устные рассказы, записанные в течение 2003–2005 гг. сотрудниками Института истории Украины НАНУ и Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (г. Киев)¹. Биографические рассказы бывших оstarбайтеров представляют огромный интерес не только для реконструкции малоизученных в украинской историографии вопросов жизни во время нацистской оккупации, вербовки, принудительного труда, репатриации в СССР, послевоенной адаптации бывших принудительных рабочих. Они показывают совершенно иную, отличную от сложившейся в советской историографии и бытующей до сих пор картину войны. В тоже время представленные в изданиях интервью являются уникальным памятником роли и месту обыкновенного человека в истории.

На сегодняшний день в Украине завершено или завершается ряд общегосударственных и международных проектов по устной истории. В 2005–2006 гг. по инициативе фонда «Память и будущее», являющегося структурным подразделением фонда «Память, ответственность и будущее», был проведен Международный проект сбора документальных свидетельств о судьбах людей, в годы Второй мировой войны привлекавшихся к рабскому и принудительному труду на территории Третьего Рейха. Главной задачей этого проекта (International Slave and Forced Laborers Documentation Project), стал сбор устных свидетельств бывших принудительных рабочих в формате аудио- и видеointервью. В результате конкурсного отбора, состоявшегося в январе 2005 г., к участию в проекте были приглашены общественные и инициативные группы, научные, образовательные и просветительские организации 24 европейских стран, а также Израйля, США и ЮАР. Украина была представлена двумя организациями — Центром образовательных инициатив (г. Львов, руководитель группы — Татьяна Лапан, к. и. н., доцент ЛНУ им. Франко) и Восточным институтом украиноведения им. Ковальских (г. Харьков), который сотрудничал с отделом истории Украины периода Второй мировой войны Института истории Украины НАН Украины (руководитель этой группы — Гелинада Гринченко, докторант кафедры украиноведения ХНУ им. В. Н. Каразина). В Украине было проведено, сравнительно с другими странами, наибольшее количество интервью — 80 из общего числа 550.

В 2003–2006 гг. был реализован большой общеукраинский проект «Украина XX столетия в памяти женщин». Это исследование осуществлялось в Институте народоведения НАН Украины при поддержке Канадского Института Украинских Студий (руководитель проекта — Оксана Кись, к. и. н., научная сотрудница ИН НАНУ). В рамках проекта было записано 30 биографических интервью с женщинами старшего возраста во Львове, Харькове и Симферополе, а также осуществлен междисциплинарный анализ женских автобиографий. Другой исследовательский проект, который также осуществляется в Институте народоведения НАН Украины, направлен на изучение проблем социально-культурной адаптации украинцев, которые в послевоенные годы были принудительно переселены с территории Польши на западноукраинские земли (руководитель проекта — Галина Виноградская, младшая научная сотрудница ИН НАНУ). Сложную и противоречивую историю Украинской Повстанческой Армии (УПА) изучает методами устной истории другой научный работник Института народоведения НАН Украины Евгений Луньо.

С 2006 г. в Украине осуществляется международный проект «Книга памяти бывших узников концлагеря Дахау», задачами которого является проведение интервью и написание биографий граждан Украины, находившихся в годы Второй мировой войны в этом

¹ «То була неволя...». Спогади та листи оstarбайтерів. К., 2006. 542 с.

нацистском концлагере. Для реализации поставленных задач в Украине действует 7 рабочих групп: во Львове, Виннице, Киеве, Переяслав-Хмельницком, Симферополе, Полтаве и Харькове. Особенностью проекта «Книга памяти Дахау» является его педагогическое направление вместе с четкими практическими научными целями. Участники рабочих групп — в основном студенты и школьники старших классов, которые на сегодняшний день записали 60 интервью с бывшими узниками концлагеря и выполнили необходимую научную обработку аудиозаписей (транскрипции, составление протоколов и биографий). На основе собранного материала на данный момент идет создание передвижной выставки «Имя вместо номера», которая будет демонстрироваться в 2008 г. в Германии, Голландии, Франции, Бельгии и Украине.

Сочетание исследовательских и педагогических целей характерны для проектов, разработанных и проведенных Татьяной Величко, аспиранткой Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Украины, осуществленных Украинским центром изучения Холокоста (Киев)¹ благодаря финансовой поддержке Hanadiv Charitable Foundation. Это две Всеукраинские летние полевые школы по устной истории: «Холокост глазами нееврейского населения (русских, украинцев, крымских татар) на примере Крымского полуострова» (2006) и «История Холокоста на территории Хмельницкой области: свидетели и пережившие» (2007), которая проходила в г. Староконстантинове Хмельницкой области². За время работы школ было собрано около ста интервью, более двухсот фотографий и различных документов, с которыми уже сейчас можно ознакомиться в Украинском центре изучения истории Холокоста. Работа над анализом записанных интервью еще только начинается, но уже сейчас можно говорить о важном месте событий, связанных с Холокостом, в памяти нееврейского населения Украины.

В конце 2007 г. стартовал еще один всеукраинский проект «Устная история деколлективизации в Украине 1990-х г.: крестьянский опыт», который инициирует Центр исследований украинского наследия Саскачеванского университета (г. Саскатун, Канада). Координатор проекта — Наталья Ханенко-Фризен, профессор отдела культурной антропологии Саскачеванского университета. Этот проект можно считать тематическим продолжением исследований В. Нолла и его команды. Только на этот раз главной задачей исследователей будет изучение опыта новых социальных изменений в крестьянском обществе Украины, которые произошли вследствие так называемой де-коллективизации, или распада в течение 1990-х г. коллективных хозяйств.

Как видим, из представленного здесь краткого обзора, большинство устноисторических проектов в Украине были реализованы в последние годы, и еще не вышли на уровень интерпретации и публикаций собранных материалов. Но они существенно стимулировали развитие современного направления исторической науки в Украине, подготовку квалифицированных исследователей в этой отрасли.

В современной Украине большинство исследований, использующих методы устной истории, преимущественно сосредоточены в высших учебных заведениях и имеют локальный характер. В рамках научной деятельности преподавателей и аспирантов, студенческой практики проводятся исследования с использованием метода устной истории в области журналистики, социологии, этнологии, истории, музейной практики. Институт истории церкви при Украинском католическом университете (г. Львов) одним из первых начал использовать методику устной истории, и с 1992 г. осуществляет исследовательский и архивно-музейный проект под названием «Образ силы духа: живая история подпольной жизни Украинской Греко-католической церкви 1946–1989 гг.». Эта инициатива концентрируется на систематическом сборе и критическом анализе устных свидетельств

¹ Web: www.holocaust.kiev.ua

² Величко Т. Всеукраинская летняя полевая школа по устной истории «Холокост глазами нееврейского населения (русских, украинцев, крымских татар) на примере Крымского полуострова» // Голокост і сучасність. 2007. № 1. С. 174–178.

о религиозной жизни украинских греко-католиков в подполье. На данный момент в архиве Института насчитывается свыше 1800 интервью и соответственно заархивировано около 1750 персональных дел, каждое из которых имеет отдельную папку со всей необходимой документацией относительно содержания и обработки данного интервью. Звуковой архив интервью состоит из 3040 кассет, документальный архив включает около 4000 фотокопий из государственных архивных учреждений, личных документов граждан, около 5000 фотографий. На основе собранного во время опросов материала создана постоянная выставка «Катакомбная церковь»¹. На сегодняшний день Институт истории церкви имеет наибольший опыт и наилучшую материальную базу, апробированную методику сбора, сохранения и документального оформления устных свидетельств.

Институт исторических исследований, который был создан в 1992 г. для реформирования исследования и преподавания истории в Львовском национальном университете им. Ивана Франко, одним из направлений своей деятельности усматривает внедрение новых методик исторических исследований, в том числе и устной истории^{II}. С 1996 г. Институт регулярно издает свой научный журнал «Украина современная», в котором публикуются статьи, рецензии украинских и зарубежных ученых по истории Украины и Центрально-Восточной Европы нового и новейшего времени. Один из номеров этого издания (№ 11/2007) посвящен устной истории.

В Национальном университете «Киево-Могилянская академия» (г. Киев) проводится сбор устно-исторических источников при кафедре истории. В нем принимают участие, как преподаватели, так и студенты. В частности, в течение трех лет был реализован проект по исследованию Голодомора 1932–1933 гг. и, как результат, издан трехтомник «Украинский холокост 1932–1933: свидетельство тех, кто выжил» под редакцией Юрия Мыщика^{III}. В данное время продолжается проект по исследованию советской повседневности, а в планах — проект «Социально-культурные последствия Второй мировой войны для Украины».

В Запорожском национальном университете в рамках археографических экспедиций Запорожского научного общества им. Я. П. Новицкого и Восточного института украиноведческих студий им. Ковальских проводятся этнолокальные исследования болгарских поселений в Украине, татарского населения полуострова Крым с применением методов устной истории.

В Одесском национальном университете им. И. Мечникова при кафедре археологии и этнологии проводится ряд этнографических проектов с использованием методики биографического интервью: «Буджак: история и культура XIX – начало XXI столетия», «Формирование и развитие сообщества русских старообрядцев на Дунае: конец XVIII – начало XXI столетия» (руководители групп А. Пригарин, А. Ганчев, Г. Захарченко). Во время экспедиций в рамках этих проектов научные работники собрали уникальный эмпирический материал из устной истории XX столетия.

В Переяслав-Хмельницком государственном педагогическом университете им. Г. Сковороды (Киевская область) группой аспирантов с 2003 г. проводятся устные опросы жителей Переяслав-Хмельницкого района на предмет исследования бытовых условий жизни сельского населения данной территории в 1940-х гг. С 2005 г. в этом вузе при кафедре истории и культуры Украины действует Учебно-научный Центр устной истории. Работа Центра направлена на накопление, обработку и введение в научное обращение источни-

^I Інститут Історії Церкви. 1992–2002. Львів, 2002.

^{II} <http://www.franko.lviv.ua/institutes/instituteu.html>

^{III} Український голокост. 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив / Національний ун-т «Києво-Могилянська академія»; Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України; Державний комітет архівів України; Канадський ін-т українських студій Альбертського ун-ту (Едмонтон) / Юрій Мицик (упоряд.). К., 2003. 296с.; Український голокост 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив: У 3 т. / Юрій Мицик (ред.). Т. 2. К., 2004. 442с.; Т. 3. К., 2004. 432с.; Т. 4. К., 2005. 504 с.

ков по устной истории, создание электронных информационных ресурсов для работы с аудио- и видеозаписями устных историй и т. п. В 2007 г. силами сотрудников Центра был подготовлен первый выпуск историко-краеведческого альманаха «Источники памяти», посвященный памяти поколений переживших годы Второй мировой войны¹.

В Полтавском государственном педагогическом университете им. В. Г. Короленка с 2003 г. при кафедре истории Украины в рамках студенческой практики осуществляется два исследовательских проекта: «Маленькие люди на большой войне: устные истории оstarбайтеров Полтавщины» и «Жители Полтавщины — узники нацистских концлагерей». Студенты сами ищут респондентов — бывших жертв нацистских преследований, проводят с ними интервью и транскрипцию устных историй.

Впервые в Украине устная история заявила о себе в 1994 г., когда во Львове в Институте исторических исследований ЛНУ им. И. Франка состоялась международная конференция «Методология и методы устной истории — рассказы о жизни в социологии», в которой приняли участие 64 ученых из 17 стран. Приведенные в этой статье примеры свидетельствуют, что за последние десять лет ощутимо распространились устно-исторические исследования, увеличилось их тематическое разнообразие. Серия научных конференций и семинаров, проведенных в 2005—2006 гг., подтвердили *увеличение* значения и активное использование методов устной истории в социально-гуманитарных науках. На подобных собраниях ученые не только представляли результаты собственных исследований, но и обсуждали преимущества и предостережения относительно использования методов устной истории. Круг вопросов, который обсуждался специалистами разных гуманитарных дисциплин, касался достоверности устных свидетельств, проблем рекрутирования респондентов и репрезентативности выборки, методики проведения интервью, этических моментов общения интервьюера с рассказчиком, правовых аспектов использования устно-исторических материалов, проблем записи, атрибуции и интерпретации интервью, создания электронных информационных ресурсов и специального программного обеспечения для работы с источниками устного происхождения.

Появление диссертационных работ по истории, в которых использовались устные источники¹¹, свидетельствует о качественном наполнении данной отрасли исторических знаний. Но, тем не менее, основной проблемой украинских устноисторических исследований остается проблема интерпретации записанных интервью, отсутствие отечественных монографий, базирующихся на анализе рассказов информантов.

Метод устной истории успешно применяется украинскими учеными для сугубо позитивистских исследований таких исторических событий, но еще более значительные результаты методика устной истории продемонстрировала для таких сложных социально-гуманитарных исследований как: проблема идентичностей — исторических, этнонациональных, гендерных, социальных и т. п.

*Т. В. Пастушенко, к. и. н.
(Киев)*

¹ Джерела пам'яті: Істоико-краєзнавчий альманах. Вип. 1. Народжені для випробувань / Упор. Т. Ю. Нагайко. Тернопіль, 2007. 236 с.

¹¹ *Боднар Г. А.* Міграція сільського населення до Львова в 50–80-х роках ХХ століття: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. Львов, 2007. 19 с.; *Пастушенко Т. В.* Остарбайтери з України: вербування, примусова праця, репатріація (історико-соціальний аналіз на матеріалах Київщини): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут історії України НАН України. К., 2007. 20 с.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание / Гл. ред. д. и. н. А. В. Сперанский. Екатеринбург: Изд-во «РАРИТЕТ», 2008. 464 с., илл.

Сегодня на прилавках книжных магазинов можно обнаружить огромное количество литературы, посвященной развитию оружейного дела, как в России, так и в других странах, являющихся мировыми лидерами в обозначенной производственной сфере. Как правило, за редким исключением, все они не выходят за рамки каталожного жанра и ограничиваются в основном монотонным перечислением видов вооружений и их тактико-технических характеристик. Таким образом, «за кадром» остаются важнейшие и интереснейшие проблемы, составляющие суть исторического познания. На каких предприятиях производилось то или иное оружие, как шел процесс организации производства, как зарождалась и развивалась конструкторская мысль, какие трудности приходилось преодолевать оружейникам, чтобы в реальности увидеть плоды своего творчества, эти, и многие другие вопросы, не находят ответа в многочисленных изданиях, заполонивших книжный рынок современной России.

Среди этой литературы в самом выгодном свете предстает коллективная монография «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней», подготовленная уральскими учеными под руководством известного специалиста в области военной истории, доктора исторических наук профессора А. В. Сперанского. Ведущей организацией, принявшей участие в создании этой книги, был Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук.

В этом фундаментальном труде всесторонне проанализирован сложный и противоречивый процесс производства оружия в уральском регионе на различных этапах истории России, показано его практическое применение в военных конфликтах местного, локального и мирового значения. Авторам книги удалось выявить закономерности и особенности организации и функционирования производства вооружений на Урале, представить тактико-технические характеристики, выпускавшегося оружия, отразить эффективность его применения в период военных действий.

Основой структурирования текста монографии стал проблемно-хронологический принцип, давший возможность авторскому коллективу последовательно и полно осветить главные проблемы, связанные с совершенствованием и эволюцией уральской «оружейной палаты» от эпохи каменного века и раннего железа до «космического» двадцатого столетия.

Материал книги, сконцентрированный в пяти главах, наглядно демонстрирует читателю, что процесс производства вооружений на Урале осуществлялся на протяжении огромного исторического времени и активно трансформировался, как в соответствии с этногеографической, социально-экономической, институциональной и общественно-политической спецификой регионального развития, так и с объективными требованиями общероссийского и мирового военного искусства.

В первой главе «От каменного века до «сибирского взятия»» говорится о жизнедеятельности на территории Урала с V тыс. до н. э. по XVII в. н. э. своеобразных этносов, имевших особую организацию военного дела и уникальный комплекс вооружения, позволявший им не только безраздельно господствовать на «своей» территории, но и осуществлять успешную экспансию за ее пределы. Только в период XII–XVII вв. походы

новгородских и московских ратей в Югру, привели к постепенному утверждению русских воинских традиций в уральском крае.

Вторая глава «Арсенал Российской империи» показывает огромную роль Урала в перестройке военного дела в период модернизационной трансформации России, начатой преобразованиями Петра I и продолженной великими буржуазными реформами 1860–1870-х гг.

В условиях многочисленных войн, проводимых Российской империей в этот период, Урал, используя свои геополитические преимущества и экономические возможности, всегда стремился максимально удовлетворить потребности государства в высококачественном железе, обеспечить его армию боеприпасами, мощной артиллерией и эффективным стрелковым оружием. Этому во многом способствовало строительство на Урале крупных металлургических заводов (Каменский, Невьянский) и специализированных военных предприятий (Ижевский оружейный завод, сталепушечные заводы Златоуста и Перми).

В последующих главах монографии (гл. III. «На огневом рубеже»; гл. IV. «Броневая мощь Родины»; гл. V. «Ракетно-ядерный щит Отечества») показаны достижения Уральского военно-промышленного комплекса в двадцатом веке.

В этот период Русская, Красная, Советская, Российская армии всегда оснащались первоклассным стрелковым оружием, высокоэффективной бронетехникой и мощной артиллерией. Огромную роль в разработке и производстве этих видов вооружений сыграли уральские оружейники.

Технические инновации С. Г. Симонова, М. Т. Калашникова, Е. Ф. Драгунова, Г. Н. Никонова значительно подняли планку конструкторской мысли в области стрелкового дела и принесли созданному ими оружию всемирную славу.

Бронемашинные сделанные в уральских «танкоградах» по чертежам замечательных конструкторов Ж. Я. Котина, А. А. Морозова, Л. С. Троянова, М. Ф. Балжи, Л. Н. Карцева, А. С. Ермолаева, В. Н. Венедиктова, А. В. Колесникова, всегда прекрасно проявляли себя на полях сражений, успешно конкурируя с лучшими западными образцами.

В двадцатом столетии Урал превратился в артиллерийскую «кузницу» России, производящую буксируемые и самоходные артиллерийские установки, танковые и зенитные пушки, реактивные системы залпового огня и ракетно-зенитные комплексы. Благодаря творчеству В. Н. Сидоренко, Ф. Ф. Петрова, Л. И. Горлицкого, Ю. Н. Калачникова, Г. С. Ефимова, Ю. В. Томашова, В. А. Голубева, А. И. Яскина, эти виды вооружения стали настоящими символами уральской «оборонки», мощнейшим фактором сдерживания потенциального агрессора.

Во второй половине XX века, на основе масштабных научных открытий, в Уральском регионе сформировался целый научно-производственный ракетно-ядерный комплекс, аналогов которому не знала мировая история. Здесь были построены комбинаты по производству расщепляющихся материалов, наладились производство и сборка серийных ядерных боеприпасов. Под руководством выдающихся конструкторов В. П. Макеева, Н. А. Семихатова, Л. В. Люльева были разработаны разнообразные типы ракет, различного базирования, способные прорвать оборону и поразить неприятеля на любом расстоянии.

Таким образом, вышедшая в свет книга представляет собой первый обобщающий труд, комплексно воссоздающий историю производства на Урале различного рода вооружений и их использования в военных конфликтах разного масштаба на протяжении всей истории человечества.

Помимо текстового материала, рецензируемое издание снабжено уникальным иллюстративным материалом. Около 300 рисунков, черно-белых и цветных фотографий, графиков и таблиц наглядно отображают динамику военно-производственных процессов, демонстрируют внешний вид вооружений, представляют портреты их создателей. Следует отметить и высокий полиграфический уровень этого во многом уникального издания.

Обширный библиографический указатель, имеющийся на страницах данного труда, дает возможность читателю при необходимости обратиться к другим исследованиям по обозначенной проблематике.

В целом коллективная монография «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» убедительно доказывает, что Уральский регион, занимающий выгодное географическое положение, чем определяется и его геополитическая значимость, включающий в себя обширное евразийское пространство, располагающий богатейшими природными и людскими ресурсами, внес выдающийся вклад в создание военно-промышленного комплекса России.

Выход в свет этого научно-популярного труда является значительным успехом не только редакционной коллегии, исследовательского и авторского коллектива, но и всей уральской исторической науки. Вне всякого сомнения, этот фундаментальный труд будет востребован самыми широкими кругами общества и займет достойное место в историографии.

*А. С. Сениявский, д. и. н.
(Москва)*

**Е. С. Сениявская. Противники России в войнах XX века
(Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2006. 288 с., илл.**

Рецензируемая¹ монография посвящена комплексному изучению одной из актуальных проблем социальной и «ментальной» истории — эволюции восприятия «образа врага» русской и советской армией и обществом в целом в основных внешних войнах нашей страны в XX столетии. Книга Е. С. Сениявской продолжает цикл ее историко-психологических и военно-антропологических трудов^{II}. Если в одной из глав предыдущей книги автор осуществил постановку заявленной проблемы, то в новой книге она решается на качественно новом уровне. В ней, впервые в историографии, всесторонне и детально раскрываются как теоретико-методологические вопросы социокультурного и психологического феномена восприятия «чужого» в специфических, экстремальных военных условиях, так и конкретно-исторические аспекты проблемы в контексте войн России и СССР в XX в. — русско-японской, Первой мировой, иностранной интервенции в период Гражданской войны, советско-финляндской, Великой Отечественной, Афганской, а также военных кампаний против японской армии накануне и в ходе Второй мировой войны.

«Образ врага» в условиях войны аргументировано обоснован в качестве предмета историко-психологического исследования. Весьма ценен раздел введения, посвященный исторической имагологии, — междисциплинарной научной отрасли, которую автор рассматривает в качестве важнейшего элемента методологической основы исследования, дает оценку ее потенциалу и инструментарию. Показывая важность процесса взаимовосприятия в отношениях между народами, автор акцентирует внимание на механизмах формирования этнических и культурных стереотипов, которые в экстремальных условиях военного противостояния приобретают крайне острую, негативную окраску, превращая «образ чужого» в «образ врага».

¹ Здесь представлен полный вариант рецензии, в сокращенном виде опубликованной в журнале «Вопросы истории» (2008, № 2)

^{II} Сениявская Е. С. 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же*. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999.

Интерес к монографии вызывает и то, что она носит междисциплинарный характер, синтезируя возможности ряда областей знания — истории, психологии, военной науки, социологии и др. Безусловно, комплексный взгляд на проблему с применением подходов и инструментария нескольких научных дисциплин углубляет ее рассмотрение, обогащает историческую науку, и его следует отнести к удачам автора.

Исследование базируется на использовании широкого круга в значительной степени впервые вводимых в научный оборот источников, в том числе аналитических материалов военной цензуры, политсводок и политдонесений, боевых донесений и докладов, данных фронтовой и агентурной разведки, протоколов допросов военнопленных, материалов проведенных автором социологических обследований (интервьюирования и анкетирования участников и современников войн), а также источников личного происхождения, периодической печати, произведений литературы и искусства, и др. Привлекаются материалы Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, личных и семейных архивов участников разных войн, и др.

Для раскрытия проблемы автором избрано сочетание страноведческого и конкретно-исторического подходов: субъекты истории — страны и нации, являвшиеся военными противниками России (часть из них — неоднократно) — рассматриваются в исторической динамике в контексте их восприятия российским массовым (и социально-групповым) сознанием. Отдельные главы посвящены Японии, Германии и Финляндии, не раз в XX веке вступавшим в вооруженные столкновения с нашей страной. Такой «пролонгированный» опыт конфликтного взаимодействия стран и народов особенно интересен для исследователя, поскольку позволяет рассмотреть динамику имиджа противника в общественном сознании применительно к одному и тому же историческому субъекту, выявить общее и специфическое в этом явлении, — что с успехом и делает Е. С. Сенинская.

Не менее интересен конкретно-исторический анализ, предпринятый автором в отношении тех противников, которые вступали в военное противоборство с Россией лишь однократно, а некоторые на других этапах истории оказывались даже союзниками. Здесь и широкий круг союзников Германской Империи и Третьего Рейха в мировых войнах, и такие разные страны, как Польша и Афганистан. В том же ряду рассматриваются Англия, Франция и США, дважды оказывавшиеся союзниками России/СССР в мировых войнах, но после их окончания становившиеся военно-политическими соперниками, а сразу после Первой мировой — участвовавшие в интервенции против Советской России. Такое разнообразие исторических субъектов, являвшихся предметом восприятия в качестве врага в ситуациях военных конфликтов, дало богатую пищу автору монографии для анализа многочисленных и разнородных факторов, влиявших на формирование образа врага, его эволюцию и трансформацию в зависимости от конкретно-исторических условий.

В конкретно-исторических главах монографии нашли отражение многие аспекты проблематики, характеризующей механизмы формирования и динамики «образа врага», факторы, влиявшие на это явление. Среди ключевых задач монографии — изучение роли социальных институтов (государственных структур, СМИ, литературы и искусства, и т. д.) в формировании отношения к врагу и эволюции его образа, а также исследование влияния идеологических и психологических факторов на восприятие противника. Автор раскрывает закономерности эволюции «образа врага» — от пропагандистских стереотипов к личностному, эмоциональному представлению. В ряде случаев и исходный стереотип, и конечный образ оказывались различными, в чем-то даже противоположными, но вот механизм вышеупомянутой эволюции идентичен до мелочей. Этот вывод, прекрасно продемонстрированный на конкретном материале, — одна из удач книги.

Весьма ценен аспект исследования, касающийся ретроспективного отношения к бывшему военному противнику — стране и народу, а именно — проблема исторической памяти

ти в ее разных измерениях (институционализированном — в произведениях искусства; в официальной идеологии и политике государств; в массово-стихийном сознании и т. д.).

Весьма значим компаративный подход, который использует автор во многих тематических аспектах. Так, Е. С. Сеньявская, как правило, сравнивает восприятие врага российской стороной с обратным восприятием — как «синхронным», так и ретроспективным, фиксированным в исторической памяти. Например, в главе, посвященной основному противнику России в XX веке — Германии и немцам, компаративный анализ применяется трижды. Так, 4-й параграф назван «Сталинградские письма советских и немецких солдат: компаративный анализ ментальностей», т. е. сопоставляется психология своя и противника (структурно-смысловое сопоставление). В 5-м параграфе — «Общее и особенное в формировании образа врага в двух мировых войнах» — сравнивается имидж противника в рамках двух исторических событий (собственно историческое сопоставление). Наконец, в 6-м параграфе сопоставляются ретроспективные образы противника двух народов (русских и немцев), складывавшиеся в их исторической памяти, причем и память эта изучается в динамике — от Первой мировой войны к современности. Такой многообразный, «стереоскопический» взгляд на проблему, пожалуй, применен автором впервые в историографии, причем не только отечественной.

Исследование основано на широком круге архивных документов и историко-социологических источников, агитационно-пропагандистских материалов, источников личного происхождения и др. Материалы официальной пропаганды, являвшиеся активным элементом в воздействии на армию и население в целенаправленном формировании представлений о противнике; аналитические материалы, отразившие настроения отечественной армии и ее отношение к противнику; личные документы (письма, дневники, воспоминания) участников войн; произведения художественной литературы и искусства, — все эти и другие категории источников позволили автору проследить процесс формирования и эволюции «образа врага» в разных войнах и военных конфликтах XX столетия. Значительная часть используемых источников впервые вводится в научный оборот, в том числе данные авторских историко-социологических обследований участников Великой Отечественной и Афганской войн.

Все конкретно-исторические разделы книги обогащают наше историческое знание как о противниках России в XX веке (странах и народах), так и об особенностях российского менталитета, выявляющихся в том числе в ситуациях военных испытаний, а также об исторической памяти о прошедших войнах, которая по-разному фиксирует одни и те же события в разных странах, что имеет не только научное, но и политическое значение.

Вместе с тем, автору можно высказать ряд замечаний. Так, следовало бы более подробно осветить отдельные сюжеты, связанные с сатирической составляющей образа врага, например, с изображением противника в творчестве русских и советских карикатуристов. В книгу включены иллюстрации — агитационные плакаты, в которых воплотился визуальный пропагандистский образ внешнего врага России и СССР в разных войнах XX века. Однако в тексте этот весьма наглядный и выразительный материал, к сожалению, почти не комментируется.

Новая монография Е. С. Сеньявской вносит существенный вклад в современную историографию российских войн XX века, особенно в тот ее пласт, который все еще остается, пожалуй, наименее разработанным, — в «историко-психо-логическое измерение» войн. Талантливый молодой ученый своим исследованием не только существенно восполнил освещение важных конкретно-исторических пробелов, но и предложил свой системный взгляд на данную проблему и принципиально новые методологические решения.

*О. А. Ржешевский, д. и. н.
(Москва)*

**Г. М. Иванова. История ГУЛАГа, 1918–1958:
социально-экономический и политико-правовой аспекты.
М.: Наука, 2006. 438 с.**

Фундаментальный труд Г. М. Ивановой посвящен истории возникновения и деятельности ГУЛАГа как карательной системы нового — советского типа за весь период ее существования (1918–1958 гг.). Несомненной заслугой автора является то, что впервые в отечественной и зарубежной историографии ГУЛАГ исследуется комплексно: и как социально-экономический, и как политико-правовой феномен советской власти.

В работе всесторонне и глубоко проанализированы теоретические и правовые основы советской репрессивной системы, скрупулезно изучены причины и нормативная база создания и деятельности этого доселе невиданного карательного института. На основе ныне рассекреченных архивных материалов, включающих, в частности, бухгалтерско-финансовую документацию НКВД — МВД, детально рассмотрен процесс становления и функционирования советского лагерно-промышленного комплекса. Предметом тщательного изучения в монографии также стали так называемые специальные лагерные суды. Научный профессионализм автора, досконально исследовавшего широкий круг разнообразных источников, критически осмыслившего труды своих предшественников, убеждает в верности ее наблюдений и выводов.

Монография состоит из введения, девяти глав и заключения, а хронологически охватывает все 40 лет существования советской лагерной структуры. При этом, как справедливо подчеркивает автор, «основное внимание уделено периоду с конца 1920-х до середины 1950-х годов». Поскольку «именно в эти годы в СССР официально оформилась и функционировала система лагерного принудительного труда, ставшая основным каналом реализации карательной политики советского государства» (с. 13).

Территориальные рамки работы, как отмечает автор, «практически совпадают с территорией Советского Союза, поскольку подразделения ГУЛАГа были в каждой области РСФСР и союзных республиках. На сегодняшний день российские историки выявили и описали 476 лагерей, существовавших в разные годы на территории СССР. Как известно, почти каждый из них имел несколько филиалов, часто довольно крупных. К этому множеству лагерных подразделений следует прибавить не менее 2 тыс. колоний» (с. 13).

Глава первая: «История ГУЛАГа: проблема дискурса». В ней дается весьма исчерпывающий критический анализ практически всей вышедшей на сегодняшний день научной литературы (в том числе и зарубежной) по гулаговской теме. И в результате автор приходит к тревожному для молодой российской демократии выводу: «В современном российском обществе “лагерный дискурс” практически не поддерживается ни государством, ни зависящими от него прямо или косвенно средствами массовой информации, ни общественными деятелями», справедливо указывая в качестве одной из причин того — нежелание «общества и государства нести моральную и материальную ответственность за “грехи отцов”». И далее. Лагерная тематика, как «неприятная, практически полностью вытеснена из публичного пространства. Между тем проблема ГУЛАГа..., хотим мы этого или нет, до сих пор не утратила своего социального и политического звучания: ведь живы не только те, которые “сидели”, но и те, которые “сажали”, живы их дети и, что особенно важно, живы идеи, которые исповедовали и те и другие. В общественную жизнь регулярно вступают новые поколения молодых людей, и нетрудно заметить, что многие из них обнаруживают явную склонность к тоталитарным идеологиям. По этой причине нельзя допустить, чтобы ужасы лагерного прошлого были преданы забвению, “лагерный дискурс” должен быть продолжен в тех или иных формах» (с. 43).

Оценивая состояние источниковой базы исследования, автор подчеркивает: «тотальная секретность ушла в прошлое», что в значительной степени позволило строить исследование «на обширном комплексе архивных и опубликованных материалов как офици-

ального, так и личного происхождения» (с. 44), и «вести научный дискурс по проблеме ГУЛАГа объективно и достоверно» (с. 45).

Глава вторая: «Нормативная база политических репрессий». В ней автор, тщательно изучив и проанализировав все основные законодательные акты Советского государства, касающиеся карательной политики, от пресловутого «красного террора» (1918) до УК РСФСР (1961), приходит к следующему обобщенному выводу: «Нормативные акты, служившие основанием для политических репрессий, грубо нарушали не только нормы и принципы международного права, но и расходились с юридическими нормами советской правовой системы». Кроме того, как особо подчеркивается в главе, «эти противозаконные по своей сути нормативные акты систематически и грубо нарушались конкретными исполнителями. Действовавшее в СССР законодательство, сохранявшее в определенной мере видимость законности, недопустимым образом корректировалось в сторону ужесточения репрессий секретными приказами и ведомственными инструкциями, негласными распоряжениями “директивных органов”, устными указаниями партийного руководства». «Все эти “юридические новеллы”, а именно они в первую очередь регулировали деятельность карательных органов, не имели ничего общего с принципами правосудия, попирали элементарные нормы судопроизводства» (с. 90).

В главе третьей «Репрессивная политика и ее институционные основы» автор подробно излагает историю возникновения и раскручивания большевистского террора. Особое внимание уделено деятельности ВЧК, наделенной уже в феврале 1918 г., почти сразу после ее создания, внесудебными полномочиями, т. е. правом определять меру наказания без рассмотрения дела в суде. Почин был положен, и вскоре такие права получили и другие многочисленные «карающие мечи пролетариата» — чрезвычайные комиссии, президиумы исполкомов, революционные трибуналы, военно-полевые трибуналы, следственные комиссии, штабы армий, реввоенсоветы и др. Заметим, каждый такой «революционный орган» выносил в основном смертные приговоры, и вся эта правовая вакханалия творилась от имени «первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян». Как известно, от красного террора в годы Гражданской войны погибло во много раз больше людей, чем на всех ее фронтах.

После окончания братоубийственной войны ВЧК, полностью выполнившая свою «очистительную» миссию, была упразднена, а ее функции переданы НКВД и образованному при нем ГПУ, надзор за следственными действиями которого должен был осуществлять Наркомюст. Но это продолжалось недолго. Уже в октябре 1922 г. ВЦИК наделил ГПУ «правом внесудебной расправы вплоть до расстрела» (с. 103). Все вернулось «на круги своя», и так продолжалось до 1953 г. В последующие годы подобные органы больше не создавались, хотя, как известно, внесудебные репрессии практиковались достаточно широко.

С интересом читается **глава четвертая «Становление советской лагерной системы»**, охватывающая первое десятилетие советской власти. Как пишет автор, «большевики в своей карательной политике старались отойти от традиционной практики применения наказания в виде тюремного заключения. Постепенное разрушение исторически сложившегося тюремного аппарата... шло параллельно с формированием сети новых карательных учреждений, неизвестных ранее в России, — лагерей принудительного труда, ставших впоследствии карательной политикой советского государства» (с. 128). В работе подчеркивается, что теоретические и практические основы советской лагерной системы, главную часть которой составлял ГУЛАГ, были заложены еще в годы Гражданской войны.

И если как карательные учреждения (в теоретическом значении), лагеря принудительного труда начинались в «нуля» (в этой сфере большевики были «первопроходцами»), то материальная основа для их создания была обширная. За годы Первой мировой войны русская армия взяла в плен множество вражеских солдат и офицеров. Все они содержались в концентрационных лагерях, разбросанных по всей России, а после подписания Брестского мира в марте 1918 г. были выпущены на свободу (по крайней мере там,

где была установлена власть Советов). Освободившиеся места вскоре начали заполнять «врагами народа». Кроме того, для организации лагерей стали использовать монастыри. Автор отмечает, что декрет СНК «О красном терроре» (сентябрь 1918 г.), указавший на необходимость изолирования «классовых врагов» в концлагерях, придал новым карательным учреждениям официальный статус. «Главным инициатором использования концлагерей в качестве репрессивной меры, — справедливо утверждает исследователь, — был председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский... Именно он разработал концепцию советской лагерной системы и до конца своей жизни последовательно претворял ее в жизнь» (с. 129).

Одной из ключевых в работе является *глава пятая «ГУЛАГ — карательная система нового типа»*. В ней показано, что карательная политика всегда шла «в ногу» со временем, и «великий перелом» в этой области также произошел именно в 1929 г. В тот год ОГПУ (на основании решений Политбюро ЦК ВКП(б)) с особым рвением приступило к организации новых крупных лагерей. Как грибы после дождя, на территории СССР стали появляться различные УСЕВЛОНЫ, УВЛОНЫ, ДАЛЪУЛОНЫ, СИБУЛОНЫ и другие подобные места заключения. Их быстрый рост свидетельствовал о том, что власть круто изменила акценты в карательной политике, сделав ставку на создание глобальной системы принудительного труда, краеугольным камнем которой стал ГУЛАГ, а движущей силой — ОГПУ. Кроме лагерей и колоний, в 1930-е гг. в системе ГУЛАГа организовывали трудовые поселения и спецпоселки. По подсчетам автора, к концу 1940 г. в них находились около 1,2 млн человек, а в исправительно-трудовых лагерях и колониях — около 1,9 млн заключенных. Всего за годы существования ГУЛАГа в его сферу прямо или косвенно были втянуты десятки миллионов граждан. Тем не менее, как подчеркивает автор, «можно утверждать, что советское общество имело смутное представление об истинных масштабах и назначении гулаговской репрессивной системы» (с. 217). Именно ГУЛАГ позволял сталинскому руководству бесконтрольно насаждать в обществе любые чрезвычайные меры, держать народ в слепом повиновении и рабской покорности, уничтожать в зародыше ростки инакомыслия.

Весьма информативна *глава шестая «От “школ труда” к лагерно-промышленному комплексу»*. Идея использования труда заключенных, как показано в работе, принадлежала Ф. Э. Дзержинскому. Еще в феврале 1919 г. на одном из заседаний ВЦИК он предложил использовать труд заключенных путем создания в концлагерях «школ труда». И уже к середине 1921 г. в лагерях НКВД насчитывалось более 350 производственных мастерских и около 20 совхозов. При этом «было бы неверно утверждать, — подчеркивает автор, — что принудительный труд заключенных играл сколько-нибудь существенную роль в экономике страны в годы Гражданской войны или в период нэпа. Однако именно в те годы закладывались основы будущей лагерной экономики, ставшей впоследствии существенной частью хозяйственной системы Советского Союза» (с. 225–226). Уже к концу 1920-х — началу 1930-х г. в стране сформировалась сеть концлагерей, имевших четко выраженную отраслевую направленность — лесозаготовительные, сельскохозяйственные, строительные и т. д.

Говоря о развитии лагерной экономики, автор отмечает: «несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х г. были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников» (с. 233). Но в целом в лагерной экономике доля их труда «была хотя и значительной, но не определяющей. Основу гулаговского хозяйства, — справедливо утверждает автор, — составляли лагеря с их огромным резервуаром мобильной и практически бесплатной рабочей силы. За годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерных комплексов и колоний» (с. 234). «Условия труда» заключенных были поистине нечеловеческими. Только за годы войны в 1941–1945 гг., по подсчетам автора, в лагерях умерло свыше 1 млн человек (и это без учета расстрелянных) (с. 261).

В следующей, *седьмой, главе «Послевоенные репрессии и ГУЛАГ»* показано, что окончание войны не принесло политическим заключенным ни амнистии (по случаю по-

беды над Германией), ни облегчения участи. Наоборот, уже в первые послевоенные годы наметилось ужесточение карательной политики, острине которой было направлено в первую очередь против тех, кто по разным причинам сотрудничал с противником. Наиболее активную роль в карательной политике послевоенных лет стали играть военные трибуналы.

Как показано в работе, именно во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. были изданы десятки указов, постановлений, инструкций, приказов, грубо нарушавших советскую конституцию и элементарные права человека. Достаточно назвать указ о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами или об уголовной ответственности за хищение государственного имущества, по которому за 300 гр. похищенного с пола товарного вагона зерна давали 7 лет лагерей (с. 281).

В те годы объектом пристального внимания карательных органов стала молодежь. Один за другим следовали процессы по делам различных нелегальных молодежных организаций и групп («Коммунистическая партия молодежи», «Союз борьбы за дело революции», «Коммуна» и др.). И хотя следователи, как показал автор, так и не смогли доказать антисоветский характер ни одной из них, приговоры выносились самые суровые — до 25 лет лишения свободы.

После смерти Сталина, хотя и не сразу, наступили кардинальные перемены в системе ГУЛАГа. В 1954 г. ЦК КПСС издал ряд директив, направленных на «восстановление социалистической законности». Они способствовали, как показано в работе, некоторой гуманизации лагерной системы, заметно смягчили режим содержания политзаключенных, ограничили произвол лагерной администрации, ввели 8-часовой рабочий день и т. д. Началось и постепенное выборочное освобождение осужденных по политическим мотивам, но только после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) этот процесс получил идеологическое обоснование и стал протекать более интенсивно.

Хронологически **восьмая глава «Лагерная экономика в послевоенный период»** совпадает с предыдущей. По подсчетам автора, например, в 1949 г. валовая продукция «лагерной» промышленности составляла в среднем 10 % общей по стране, а по добыче платины и алмазов — 100 %, золота — 90 %, олова — 70 %. Однако, несмотря на столь высокие показатели, «лагерная экономика как целостный хозяйственный организм, — пишет автор, — могла существовать только в условиях административно-распределительной системы, когда правительственное постановление и партийная директива заменяли естественные хозяйственные связи, игнорируя закономерности развития производства» (с. 360). К тому же принуждение заключенных к труду основывалось преимущественно на силовых методах, не способных обеспечить ни выполнение производственных заданий, ни повышение качества продукции. Помимо всего прочего, как показано в работе, «производственная деятельность ГУЛАГа наносила материальный ущерб не только народному хозяйству, весьма серьезные потери наблюдались и в области экологии... ГУЛАГ одинаково не щадил ни людей, ни природу» (с. 381).

Как показано в работе, в целом «лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании разных видов принудительного труда прежде всего заключенных, к середине 1950-х годов прекратила свое существование. Ее символическим концом можно считать дату 4 июня 1956 г. В этот день Президиум ВС СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах» (с. 389).

Заключительная **глава девятая «Лагерная юстиция»** посвящена истории возникновения и деятельности лагерных судов. По мнению автора, их появление было обусловлено тем, что к концу Великой Отечественной войны «ГУЛАГ окончательно оформился в гигантский лагерно-промышленный комплекс, превратился в мощную структуру, действительно напоминающую “государство в государстве”. А всякое государство, как известно, создает свою собственную судебную систему». Именно поэтому создание специальных лагерных судов, по справедливому утверждению исследователя, «явилось закономерным этапом на пути дальнейшего развития и укрепления советской репрессивной системы»

(с. 395). Как доказано в работе, это были не органы правосудия в прямом смысле: их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех беззаконий, творившихся в лагерях. Именно они помогали лагерной администрации поддерживать на нужном уровне «дисциплину». По подсчетам автора, лагерные суды осудили около 200 тыс. человек (с. 419). Они были «чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор сталинского режима» (с. 419).

В заключение немного статистики. По подсчетам автора, максимальный уровень концентрации заключенных в местах лишения свободы отмечался летом 1950 г., когда там содержалось более 2,8 млн заключенных. Такое же число граждан находилось в ссылке и на спецпоселении. Всего же за 40-летнюю историю ГУЛАГа через лагеря, колонии и тюрьмы прошло более 20 млн человек, каждый пятый из которых был осужден за так называемые контрреволюционные преступления (с. 423).

Монография Г. М. Ивановой, результат многолетнего кропотливого труда, имеет большое научное и общественное значение, представляет собой оригинальное, во многом новаторское исследование, развивающее и обогащающее отечественную историографию. Еще одно бесспорное достоинство книги — хороший литературный язык, благодаря чему с ней могут познакомиться не только специалисты, но и все, кого интересует прошлое нашей Родины, в том числе одна из его трагических страниц — история ГУЛАГа.

С. Н. Базанов, д. и. н.
(Москва)

Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 351 с.

Солидарность рецензента с оценками последней по времени монографии Е. Ю. Зубковой «Прибалтика и Кремль. 1940–1953» возникла с первых же страниц книги, когда речь зашла о символических «балтийских» ассоциациях советской эпохи. Ныне, конечно, ассоциативный ряд видоизменился под влиянием новых геополитических реалий и современного «балтийского» дискурса. Демократические перемены в ряде стран Прибалтики неожиданно обернулись этнократическим реваншем и появлением на задворках Евросоюза далеко не политкорректных систем «балтапартеида», практикующих к своим «не гражданам» и гражданам дискриминационные нормы по этнолингвистическому принципу. Неоднозначный процесс исторической самоидентификации прибалтийских этносов, не лишенный определенных моральных издержек, а также «историческая» дипломатия прибалтийских государств стали в последнее десятилетие регулярным раздражителем для российской стороны. Вполне справедливо академик А. О. Чубарьян осуждает тенденцию политизации истории, характерную для Латвии¹, правда, слова именитого историка заставляют задуматься над тем, а не наблюдаются ли аналогичные процессы в самой России. К сожалению, реакция Москвы, порою запоздалая, не всегда прагматичная или последовательная, гораздо ощутимее влияет не на официальный Таллинн или Ригу, сколько на условия работы российских гуманитариев. Достаточно вспомнить историю с документальным сборником «СССР и Литва в годы Второй мировой войны»^{II}, кото-

^I Чубарьян А. О. Нельзя делать историю заложницей современной политики // Известия. 2006. 13 сентября.

^{II} СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика. Март 1939 – август 1940 гг. Сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006.

рый, по ряду причин, стал малодоступным для отечественных ученых. Именно поэтому вызывает уважение стремление российских историков подняться над преходящей двусторонней конфронтацией и соблюсти в своих работах сугубо научный подход, включая принцип объективности.

Новая книга Е. Ю. Зубковой, органично дополнившая её предшествующие монографии¹, подытожила многолетнее исследование темы советизации прибалтийских государств в 1940–1953 годах². Первые десять лет советской истории Прибалтики, на которые пришлось кардинальные политические и социально-экономические преобразования советского типа, по мнению автора, явились ключевыми для понимания последующих отношений между Кремлем и прибалтийскими республиками. Стратегическая задача инкорпорации Прибалтики в советскую систему определила *кремлевскую* модель поглощения Литвы, Латвии и Эстонии с сопутствующим формированием республиканских элит коммунистического образца, которые были привлечены к управлению регионом, в том числе к подавлению общественного сопротивления политике советизации. Настоящий комплекс взаимосвязанных проблем находит свое решение в шести главах монографии «Прибалтика и Кремль».

Несмотря на тот факт, что советское правительство де-юре признало независимость Литвы, Латвии и Эстонии, большевики де-факто продолжали рассматривать буржуазные прибалтийские государства как исконные *советские* территории, утраченные в годы гражданской войны и интервенции, как своего рода «географические новости», не имевшие идеологического оправдания. Когда в конце 1930-х гг. возникла реальная возможность вернуть прибалтийские окраины, Сталин ею решительно воспользовался, правда, к тому времени стратегические соображения доминировали над собственно идеологическими.

Механизм вовлечения Прибалтики в орбиту влияния СССР был запущен на этапе международного кризиса 1939 года. Латвия и Эстония (пока без Литвы) рассматривались Кремлем как стратегическое предполье, чью безопасность предполагалось обеспечить совместными англо-франко-советскими гарантиями. Автор исследования полагает, что в Москве понимали под такими гарантиями советское военное присутствие в Прибалтике. Такой вариант советского проникновения в регион (политику «свободных рук») могла поощрить дискутируемая на переговорах правовая норма «косвенной агрессии» (с. 46). Автор, по-видимому, отчасти демонизирует экспансионистский потенциал настоящей формулы. Советское определение «косвенной агрессии» действительно было весьма сомнительным с точки зрения международного права и имело реальную тенденцию к ограничению суверенитета прибалтийских стран, но — при этом СССР должен был взаимодействовать с Лондоном и Парижем и заручиться согласием союзников, чтобы *сообща* противодействовать факту «косвенной агрессии» в регионе. К тому же действие формулы, в случае организации антифашистского блока, распространилось бы на самих контрагентов пакта, что стало бы дополнительной гарантией прибалтийским странам (как ни парадоксально, именно легитимация настоящей формулы могла облегчить юридиче-

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

² Зубкова Е. Ю. Советский фактор в балтийском регионе: кадровая политика как механизм советизации (1944–1947 гг.) // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000; Она же. Проблемная зона: особенности советизации республик Балтии в послевоенные годы. 1944–1952 гг. // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. М., 2001; Она же. Феномен «местного национализма»: «эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // Отечественная история. 2001. № 3; Она же. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4; Она же. Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944–1953 годах // Труды Института российской истории. Вып. 4. М., 2004; Она же. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2, 3; Она же. Советская власть в Прибалтике: опыт 1940 года // Проблемы российской истории. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2007.

скую квалификацию последующих действий советской стороны в 1939–1940 гг.). Так или иначе, полемика вокруг определения «косвенной агрессии» рассматривалась в Лондоне и Париже, а потом в Москве, как удобный повод для затягивания переговоров. Коалиционные переговоры зашли в тупик, и, в конце концов, балтийский периметр безопасности Кремль согласовал с Германией на базе разграничения сфер интересов в Восточной Европе. Автор отмечает, что обозначенная «сфера интересов» не исключала доступ СССР к незамерзающим морским портам Латвии и Эстонии, откуда советский военно-морской флот мог выйти на балтийский простор.

Последующее проникновение СССР в прибалтийские страны обеспечили договоры о взаимопомощи, которые Кремль посредством дипломатического давления и демонстрации военной мускулатуры навязал балтийским правительствам в сентябре-октябре 1939 г. Эти договоры были первым шагом в направлении инкорпорации балтийских стран в советскую «сферу интересов». Согласно документальной реконструкции автора, на момент подписания соглашений в Кремле считали установление советского режима в Прибалтике преждевременным и пока не располагали детальным планом советизации региона (с. 339). К тому же можно предположить, что на примере Прибалтики Сталин и Молотов стремились убедить несговорчивых финнов в беспочвенности опасений относительно советского военного присутствия. В условиях европейской войны договоры о взаимопомощи позволяли Кремлю контролировать ситуацию в Прибалтике, а в скором будущем они, по словам автора, предопределили советскую аннексию Литвы, Латвии и Эстонии (с. 45).

Приближение фазы континентальной гегемонии Германии поторопили Кремль укрепить военно-стратегические позиции страны на Балтике через присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к Советскому Союзу. С учетом настоящего фактора действия советского руководства по отношению к Прибалтике в 1940 г. в значительной мере были продиктованы прагматичными соображениями собственной безопасности в духе *Realpolitik*¹. Для дестабилизации обстановки в регионе Кремль озвучил сентенции об угрозе, исходящей от фиктивной «прибалтийской Антанты», а также воспользовался фактами мнимых «похищений» красноармейцев, расквартированных в Прибалтике. Советские ультиматумы, предъявленные Каунасу, Риге и Таллинну, послужили исходной точкой решительного вмешательства Кремля во внутренние дела прибалтийских стран. Готовность Кремля использовать военную силу заставила прибалтийские правительства принять ультимативные требования Москвы. Капитуляция свела государственный суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии до номинального.

В соответствии с московским сценарием, который, по замечанию Е. Ю. Зубковой, буквально «на ходу» сочинялся сталинскими эмиссарами А. А. Ждановым, А. Я. Вышинским и В. Г. Деканозовым и попутно корректировался в Кремле, вопрос о советизации и инкорпорации Прибалтики планировалось решить формально легитимным путем. Технология поглощения предполагала несколько последовательных фаз: 1) формирование новых просоветских балтийских кабинетов — так называемых «народных правительств»; 2) проведение дискриминационных парламентских выборов; 3) провозглашение лояльными парламентами советской власти с последующим запуском процедуры присоединения к СССР. В монографии детально и всесторонне разбирается каждая фаза. Важным представляется вывод о том, что «балтийская» схема (1939–1940 гг.), исключая, впрочем, конечную стадию присоединения к СССР, была позднее апробирована сталинским руководством на странах «народной демократии» (с. 339).

Таким образом, Е. Ю. Зубкова опровергает «курьезный» историографический миф о «народных революциях» в Литве, Латвии и Эстонии и о «добровольном вхождении» бал-

¹ Наличие у сталинского руководства оснований опасаться нацистского проникновения в Прибалтику в дополнительный раз засвидетельствовали материалы, опубликованные генерал-майором Л. Ф. Соцковым: Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935–1945). Архив СВР. М., 2006.

тийских стран в состав СССР» (с. 44) (кстати, историк И. И. Минц, разделявший мнение о революциях 40-го года, однажды иронично прокомментировал внутрисоветскую полемику о характере социалистических революций в Прибалтике как «драку у Швифта между круглоголовыми и длинноголовыми»¹). С другой стороны, Е. Ю. Зубкова приходит к принципиальному наблюдению об известной предрасположенности региона к недемократической модели политического господства. На момент ультимативной дипломатии Кремля в прибалтийских странах существовали авторитарные режимы президентских диктатур Антанаса Сметоны, Карлиса Улманиса и Константина Пятса. В каждой из стран фактически сложилась однопартийная система, в рамках которой попирался политический плюрализм, отсутствовала действенная политическая оппозиция, практиковалась дискриминация по национальному признаку. Автор приходит к резонному выводу, что наряду с внешним диктатом авторитарная тенденция развития балтийских государств и политическая культура межвоенного периода также оказались естественной «предпосылкой» советизации региона (с. 31).

Государственные перевороты, по заключению Е. Ю. Зубковой, были закамуфлированы под «народные революции», что, однако, оставляет приоткрытым вопрос о мере соучастия населения прибалтийских стран политическим переменам 40-го года. Согласно авторской реконструкции, левое движение в Прибалтике не представляло сколько-нибудь заметной силы, и на какую-либо «массовую базу» в этих странах советскому режиму рассчитывать не приходилось. К тому же размещение советских военных гарнизонов способствовало формированию нелицеприятного образа «пришельцев» с востока¹¹. И, тем не менее, как отмечает сам автор, реакция литовцев, латышей и эстонцев на советское вторжение летом 40-го была *сдержанно-выжидательной* (с. 79). Думается, настоящая оценка общественной активности и политической позиции прибалтийского населения требует дополнительной аргументации. Когда осенью 1939 г. советские войска заняли восточные воеводства Польши, именно Красная Армия, чьи действия регламентировались «Полевым уставом», подразделения НКВД, а также тысячи особых уполномоченных, направленных на запад различными учреждениями, были основным инструментом советизации Западной Украины и Западной Белоруссии. В Эстонии, Латвии и Литве роль Красной Армии и советских делегатов была куда скромнее. Следовательно, летом 1940 г. советской стороне удалось заручиться временной поддержкой значительной части балтийского населения, которая, видимо, руководствовалась ситуационными настроениями.

Новые властные структуры, сменившие «народные правительства», и воссозданные балтийские компартии по указке Кремля определяют подходы к преобразованию конституционного строя, экономической и социальной системы прибалтийских республик на советский манер. Процесс «подключения» балтийского региона к советской системе, прерванный нацистской агрессией против СССР, получил свое продолжение в условиях распространения советского влияния на Восточную и Центральную Европу. Послевоенный курс Кремля, по мнению Е. Ю. Зубковой, имел свою стабильность. Примерно до середины 1947 г. Кремль пытался реализовать модель «осторожной советизации» региона, предполагавшую учет «национальных особенностей» и специфики развития Прибалтики. На данном этапе Москва стремилась избегать наиболее жестких методов обеспечения своего влияния в регионе, используя репрессии главным образом против вооруженной оппозиции, а задача коллективизации рассматривалась скорее как перспективная. С эскалацией «холодной войны» советизация Прибалтики проводилась уже с откровенным акцентом на унификацию региона по советским стандартам и силовыми методами, включавшими

¹ «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. М., 2007. С. 238.

¹¹ Документы и мемуары современников, наоборот, свидетельствуют о том, что до середины 1940 г. будничные и, кстати, намеренно ограниченные обеими сторонами контакты военных с населением, как правило, отличались взаимным интересом и доброжелательностью.

принудительную коллективизацию, массовые репрессии и депортацию балтийского населения.

Управление регионом Кремль перепоручил национальным коммунистическим элитам, конституирование которых пришлось на 1940 г. и 1944 г. Кандидаты на ключевые посты в структурах власти, по мнению Е. Ю. Зубковой, должны были принадлежать к титульному этносу, состоять в компартии и пользоваться доверием Кремля, быть влиятельными и компетентными исполнителями. Представителей правящей прибалтийской элиты «первого призыва» автор условно разделила на три группы: 1) «коммунисты-нелегалы»; 2) «интеллектуалы»; 3) «русские прибалты». К первой группе относились бывшие революционеры, которые, как правило, не покидали родину до 1940 г. («подпольщики» Хендрик Аллик, Арнольд Веймер) или время от времени курсировали между Москвой и Прибалтикой («коминтерновцы» Янис Калнберзиньш, Антанас Снечкус, Карл Сяре). Национальное гражданство времен независимости, а также статус пострадавших обеспечивали им симпатии той части общества, которая критически воспринимала прежние порядки. Настоящая категория лидеров, особенно бывшие «подпольщики», пыталась общаться с Москвой на равных и сочувствовала идеям национал-коммунизма.

«Русские прибалты» были представлены преимущественно латышами и эстонцами, которые исторически проживали в России (Йоханнес Кэбин, Алексей Мюрисепп). Как отмечает Е. Ю. Зубкова, благодаря своей социализации они оказались самым удобным «человеческим материалом» для проведения советизации региона. Чтобы не раздражать местное население, в чьем восприятии московские рекруты оказались этническими маргиналами, «русские прибалты» занимали во властных структурах в основном вторые и третьи позиции. Промежуточное положение в политической элите занимала группа «интеллектуалов», объединявшая представителей национальной интеллигенции — ученых и литераторов (Август Кирхенштейн, Вилис Лацис, Юстас Палецкис, Мечисловас Гедвилас, Йоханнес Варес-Барбарус, Ханс Круус). «Интеллектуалы» выступали как адепты национальных ценностей и одновременно проводниками советского влияния, к чему их побуждали левые убеждения. Автор предполагает, что такая дихотомия, в конце концов, привела к вымыванию большинства «интеллектуалов» из властных структур.

Неоднородность правящей элиты, личные качества и амбиции отдельных лидеров вызывали конфликтные ситуации внутри республиканского руководства. Порою клановые трения приводили к основательной ротации республиканских кадров. В монографии подробно рассматривается так называемое «Эстонское дело» (1949–1952 гг.), имевшее, по предположению Е. Ю. Зубковой, генетическую связь с «Ленинградским» (с. 303). Секретарь ЦК КП (б) Эстонии Йоханнес Кэбин обвинил конкурирующую группу «старых заключенных», проводившую компромиссную тактику на республиканском уровне, в притуплении политической бдительности и в мирном сожительстве с враждебными элементами. Кремль поддержал эти обвинения в «национализме» и санкционировал обновление республиканского ареопага. Ряд эстонских функционеров были привлечены к партийной и уголовной ответственности, в результате чего «старых заключенных» и «интеллектуалов» вытеснили «русские эстонцы» во главе с Кэбиным. Как отмечает автор, «эстонский» опыт не раз использовался Кремлем в дальнейшем, если вдруг в союзных республиках «обнаруживались» проявления «местного национализма» (с. 319).

Как показано в исследовании, коммунистические республиканские элиты, осуществлявшие свои управленческие функции, придерживались четкой субординации в отношениях с Кремлем. Значительная часть решений, утвержденных впоследствии в Москве, была результатом местной инициативы и нередко согласовывалась с посредническими структурами в виде Бюро ЦК ВКП (б) по Литве, Латвии и Эстонии, а потом — инспекторами ЦК ВКП (б). При этом республиканскому руководству приходилось лавировать между необходимостью четко следовать в фарватере Кремля и стремлением артикулировать национальный интерес в тех границах, которые были допустимы и безопасны в тех условиях. В борьбе за статус родного языка или при решении кадровых вопросов, согласно

Е. Ю. Зубковой, республиканские лидеры стремились минимизировать ущемление национальных интересов. От позиции прибалтийских лидеров также зависели масштабы полицейских акций, включая проведение массовых депортаций «неблагонадежных» и подавление вооруженного сопротивления режиму.

При освещении вопроса антикоммунистического повстанческого движения в Прибалтике Е. Ю. Зубкова дистанцируется от историографических штампов советского времени и частично порицает ангажированную прибалтийскую историографию и публицистику, подчищающих ныне историю антисоветского сопротивления от разного рода «неудобных» подробностей (с. 195). Анатомию настоящей проблемы автор раскрывает в отдельной главе «Война после войны: вооруженное сопротивление на территории Прибалтики».

Повстанческое движение, по мысли Е. Ю. Зубковой, было спровоцировано политической советизации Прибалтики. Сам феномен «лесного братства» стал активной формой отрицания советской действительности и своего рода способом выживания в условиях, напоминавших ситуацию гражданской войны. Генезис вооруженной оппозиции в монографии представлен в виде цепной реакции, исходная точка которой — 1940—1941 годы. В ответ на открытый и до поры ненасильственный протест местного населения и, — добавим, — с учетом активизации германской разведки в регионе, Кремль прибегает накануне нацистской агрессии к привычному «профилактическому» ресурсу — массовым депортациям «социально чуждых элементов». Депортация аккумулировала антикоммунистические и антирусские настроения, одухотворив, таким образом, будущее повстанческое движение. Существенную услугу антисоветской оппозиции оказала нацистская Германия, мобилизовавшая прибалтийских инсургентов на вооруженную борьбу против СССР. В годы войны часть латышских и эстонских легионеров, воевавшая на восточном фронте в рядах вермахта и подразделений СС, составила костяк партизанского сопротивления. В Литве ядро будущей повстанческой армии организационно сложилось и было вооружено германскими оккупационными властями. В ответ на попытку переподчинить территориальные силы обороны немецкому командованию, литовские волонтеры дезертировали вместе с оружием, которое вскоре было обращено против Красной Армии и советского аппарата.

Социальный и топографический портрет повстанческого движения, нарисованный в монографии, выглядит как сложномотивированный, социально-неоднородный, но преимущественно крестьянский, локализованный в сельской местности, т. к. города оказались бастионами советской власти. В 1944–1946 гг. партизанское сопротивление приняло в регионе, особенно в Литве, интенсивный и массовый характер. Литовским партизанам удалось заручиться поддержкой католической церкви и создать организацию, руководящую антисоветским сопротивлением в национальном масштабе. Именно Литва превратилась в подлинную прибалтийскую Вандаю.

Борьба советского режима с антикоммунистической фрондой практически исключала компромиссы и отличалась обоюдной жестокостью. Автор исследования справедливо оговаривает, что рассуждения о том, чьи репрессивные санкции против населения — советские или повстанческие — были «более оправданными», помимо моральной ущербности, просто лишены смысла (с. 242). На первом этапе государство терроризировало население войсковыми операциями, арестами и показательными судебными процессами. Периодически проводились кампании по легализации бывших партизан. С 1947 г. преобладание получает тактика разложения антисоветского подполья чекистскими методами, более филигранными и не менее эффективными. С переходом к массовой коллективизации с её «кулацкой» компонентой, были проведены операции «Весна» и «Прибой», подорвавшие социальную базу партизанского движения и разрушившие связь между «лесом» и «хутором». Именно массовые депортации крестьян в 1949 г. стали, по мнению Е. Ю. Зубковой, роковыми для движения национального сопротивления в его насильственных формах. В целом же, государственные репрессии затронули около полумиллиона человек. С дру-

гой стороны, жертвами партизанского террора нередко становились, как свидетельствует статистика, случайные люди, оказавшиеся, по определению автора, между советским молотом и повстанческой наковальней (с. 243, 244). Партизаны зачастую действовали как обычные преступники, не брезгуя разбоем и грабежом. Только в Литве жертвы среди гражданского населения в 1,5 раза превышали потери повстанцев. Всего жертвами партизанской активности стали 15 тысяч человек.

Прибалтика, по точному замечанию автора, оказалась почти усмирённым, но отнюдь не лояльным регионом (с. 256). Антисоветское сопротивление, прежде всего в Эстонии, а следом в Литве и в Латвии, примеряется к тактике гражданского неповиновения. Послесталинское руководство, обеспокоенное ситуацией в Прибалтике, задумывается над необходимостью реорганизации системы управления регионом. Партийный и советский аппарат в Прибалтике во многом был представлен служащими силовых структур, да к тому же «пришлыми», к каковым также относились «русские» эстонцы, латыши и литовцы. Настоящие кадры зачастую недооценивали специфику региона и значение национального вопроса.

Инициатором «нового курса» в прибалтийских делах выступил министр внутренних дел СССР Л. П. Берия, предложивший провести коренизацию местного партийного и советского аппарата, а также — корректировку налоговой политики и методов коллективизации в Прибалтике. Соображения Берии, частично выходившие за ведомственные рамки, отрабатывались по линии МВД и в аппарате ЦК КПСС, подконтрольном Н. С. Хрущеву. Прибалтийские проблемы стали рассматриваться как следствие пренебрежения национальной спецификой региона, экономических просчетов и огульной репрессивной практики. Советское руководство высказалось за более взвешенный учет национального фактора и отказ от репрессий, как ведущего инструмента советизации. В таком виде «новый курс» должен был стабилизировать ситуацию в Прибалтике.

В течение 1953–1956 гг. «классическая» общесоюзная модель инкорпорации балтийского региона сменяется на более «либеральный» проект превращения прибалтийских республик в подобие «советского Запада». Однако, у такого «экспозиционного» варианта, по убеждению Е. Ю. Зубковой, будущего тоже не было (с. 337). Отторжение советских порядков стало неотъемлемой частью общественного сознания многих литовцев, латышей и эстонцев, стало стимулом для консолидации прибалтийских народов в их стремлении восстановить утраченный государственный суверенитет.

Такова в целом концепция и важнейшие выводы исследования, подкрепленные широким кругом опубликованных источников и многочисленными архивными материалами из фондов РГАСПИ, ГАРФ и РГАНИ.

В дополнение позволю себе высказать несколько соображений о композиции монографии, а также об одном из центральных заключений исследователя.

В структуре исследования очевиден хронологический разрыв, связанный с отсутствием отдельной главы, посвященной событиям в Прибалтике в 1941–1944 гг. Ряд важных сюжетов о стремлении Кремля дипломатически урегулировать с союзниками балтийский вопрос в годы войны, а также о факторах распространения движения «лесных братьев», включены в другие разделы («Советская “зона влияния” и Прибалтика», «“Лесные братья”: кто они? Мотивы, состав, организация»). Однако тема этим, на наш взгляд, не исчерпывается. Нацистская оккупация с её отрицанием какой-либо видимости государственности Эстонии, Латвии и Литвы, с её режимом экономической дискриминации региона¹ и этническими чистками, с одной стороны, а также попытки Кремля и советского военного командования влиять на ситуацию в Прибалтике, с другой, вызвали новый виток дезориентации и раскола балтийского социума. Именно в условиях войны окончательно сложился «прибалтийский» комплекс проблем, повлиявший на последующий вариант «долгой» советизации региона и в целом на политическую судьбу Литвы, Латвии

¹ Автор оговаривает политику нацистских оккупантов по отношению к балтийским крестьянам (Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль... С. 167–168.)

и Эстонии. При таком подходе, военное лихолетье, превратившее советский эксперимент в Прибалтике, заслуживает отдельного рамочного изучения.

Из историографической триады оккупация — аннексия — советизация, принятой в зарубежной науке, автор исключил первый концептуальный элемент, наполнив последние конкретным содержанием и смыслом. На примере Эстонии, Латвии и Литвы, когда речь заходит о событиях 1939–1940 гг., по существу реконструируется механизм «косвенной агрессии» — той самой правовой нормы, которую французы и англичане заблокировали на коалиционных переговорах летом 39-го. Неоднократно автор использует понятия «советское вторжение» и советская «аннексия». В монографии подчеркивается, что «*вторжение Советского Союза на территорию стран Балтии в июне 1940 г., даже несмотря на соблюдение известных “формальностей”, было противоправной акцией*» (с. 99). В то же время на вопрос, можно ли оценивать советское вторжение как оккупацию и в силу этого считать установившийся в балтийских странах советский режим оккупационным, исследователь отвечает скептически. Со ссылкой на определение «оккупации военной», заимствованное из «Дипломатического словаря» (1986)^I, автор оценивает действия СССР как «военную оккупацию» по сути, но при этом оговаривает, что термин «оккупация» совершенно не соответствует ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе (с. 100). Авторская позиция, завязанная на терминологической дисциплине 80-х гг. XX века, к тому же дозированной мидовскими специалистами с поправкой на сталинскую ревизию восточноевропейского пространства в 1939–1940 гг., чревата модернизацией прошлого и выглядит дискуссионной^{II}. Чтобы избежать историзма при квалификации советских действий в Прибалтике, следует опираться на международно-правовую мысль *межвоенного* и *военного* времени, включая её советскую школу (в разное время определения «оккупации» были предложены Е. А. Коровиным, Л. Н. Ивановым, Е. Б. Пашуканисом, К. Антоновым)^{III}. В 1930-е гг. советские правоведы, преодолевшие бывшее искушение революционной фразой, проводили различие между военной оккупацией и аннексией, однако к исходу десятилетия, под впечатлением территориальной экспансии Японии и Германии, они устанавливали логическую взаимосвязь между оккупацией и аннексией, рассматривая оккупацию как предварительную фазу аннексии, без которой аннексия становится невозможной. К примеру, в «Политическом словаре» (1940), к изданию которого были причастны А. Я. Вышинский и В. П. Потемкин (под псевдонимом Гальянов), под оккупацией понималось «*занятие территории одного государства военными силами другого государства. Целью оккупации является либо захват чужой земли, либо давление на государство, с тем чтобы заставить его выполнить предъявленные ему требования. Оккупация обычно кончается полным присоединением (аннексией) оккупированной территории*»^{IV}. Иными словами, аннексия трактовалась, как насильственное присоединение предварительно *оккупированной* территории. В любом случае, прозвучавшие в монографии авторские оценки можно приветствовать как повод к обстоятельной полемике по данному вопросу.

Новая монография Е. Ю. Зубковой еще раз подтвердила аналитические таланты и высокую источниковедческую культуру историка, включая её археографический такт

^I Дипломатический словарь. В 3-х т. Т. II. М., 1986. С. 299. Обзор современных подходов, касающихся трактовки «оккупации» и связанных с ней правовых норм, см.: Дэвид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 376–397.

^{II} Отметим также, что название главы 5-ой — «Политическая элита Прибалтики: между коллаборационизмом и национал-коммунизмом» — независимо от воли автора оборачивается признанием факта оккупации, без которого не представляется возможным сам феномен коллаборационизма.

^{III} Коровин Е. А. Современное международное право. М.; Л., 1926; Оккупация [Л. Иванов] // Энциклопедия государства и права. Т. 3. М., 1925–1927; Пашуканис Е. Б. Очерки по международному праву. М., 1935; Оккупация [К. Антонов] // Большая советская энциклопедия. Т. 42. М., 1939.

^{IV} Политический словарь / Под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 386.

при использовании архивных сведений. Основательно документированный труд способствует концептуальному пониманию «прибалтийского» варианта советизации, принятой в СССР системы взаимоотношений республиканских и союзных структур, характера общественного сопротивления и т. п. Предложенная в книге модель изучения советских региональных элит вполне приложима к изучению доминантных групп в остальных союзных республиках, включая РСФСР. Необходимо отметить также литературные достоинства текста. Многие страницы читаются легко и не без увлечения. Наряду с работами ряда ученых (Ренальда Симоняна и др.) «Прибалтика и Кремль» относится к лучшим отечественным работам по новейшей истории Прибалтики, и, несомненно, настоящий труд Е. Ю. Зубковой будет тем научным аршином, которым будут оцениваться все последующие тематически близкие исследования. Напоследок добавим, что издательство РОССПЭН, открывшее монографией Е. Ю. Зубковой весьма перспективную серию «История сталинизма», задала остальным участникам проекта высочайшую научную планку, которую следовало бы выдержать.

*В. А. Токарев, к. и. н.
(Магнитогорск)*

Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918–2006 гг. / Автор-составитель А. В. Попов. М.: ИПВА, 2007. 630 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 12)

История русского зарубежья за последние годы сформировалась в одно из приоритетных направлений российской историографии. Раскрыты многие стороны жизни русской эмиграции, подняты огромные пласты документов, показаны непростые, порой, полные драматизма судьбы граждан бывшей Российской империи либо советской России (СССР) на всех континентах мира. Их политические и религиозные взгляды, условия быта, политическая, культурная и научная деятельность, психологическое состояние — все эти проблемы нашли отражение в современной историографии.

Особая страница в российской истории — православное зарубежье, феномен, возникший задолго до Февральской и Октябрьской революций в виде русских духовных миссий в Китае, Корее, Персии, США, приходов и русских церквей в различных странах Западной Европы. После революционных событий 1917 г. российское православие за рубежом приняло масштабные формы, приведшие к возникновению новых православных юрисдикций: Русской православной церкви за границей, Американской православной церкви, получившей автокефалию от РПЦ Московского Патриархата в 1970 г., Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе. Возникновение и развитие русского православия вне России привело к необходимости осмысления этого феномена, изучения его истории, механизмов функционирования, отличительных черт, его значения. Начиная с дореволюционной литературы, затем советской, и развивавшейся параллельно с ней в принципиально иных идеологических и мировоззренческих ключах эмигрантской историографии, современных российских и зарубежных исследований — история изучения российского православного зарубежья насчитывает уже более столетия. В этом смысле необходимой и весьма актуальной является задача систематизации и классификации литературы и источников по данной проблематике.

Рецензируемое издание — библиографический указатель литературы и источников, вышедших с 1918 по 2006 гг. по теме «Российское православие за рубежом» — блестяще решает эту задачу. Автором-составителем указателя является руководитель Центра по изучению русского зарубежья московского Института военного и политического анализа

А. В. Попов, много сделавший на ниве изучения источниковедения российского православного зарубежья и русской эмиграции в целом. Цель библиографического указателя — предоставить исследователям сведения о литературе, посвященной истории Русской православной церкви вне России, феномену «российского православного зарубежья», который автор определяет как «совокупность автономных, автокефальных и других Православных Церквей, имеющих историческую или каноническую связь с Русской Православной Церковью, а также зарубежных экзархатов, приходов и других организаций РПЦ Московского Патриархата, находящихся за пределами России» (с. 17). Критерием отбора публикаций для включения в издание служила степень полноты отражения в них истории российского православного зарубежья в XX в.

В основу указателя А. В. Поповым положен библиографический указатель «Российское православное зарубежье: Систематическая библиография книг, брошюр и статей, вышедших на русском и иностранных языках в России и за рубежом в 1918–2004 г.», опубликованный в качестве приложения к монографии автора «Российское православное зарубежье: история и источники» в 2005 г. Указатель рецензируемого издания более чем в два раза превосходит прежний по объему: в него включено 8110 (!) наименований монографий, книг, сборников статей, отдельных статей из сборников, альманахов и журналов. О масштабах проделанной автором-составителем работы говорит и подробная продуманная классификационная схема указателя, включающая четыре основных раздела: «Путеводители, справочники, указатели, обзоры», «Опубликованные источники», «Православная диаспора, общие вопросы» и «Литература по истории российского зарубежного Православия». В свою очередь разделы содержат рубрики и подрубрики, по которым исследователь без труда сможет найти книги и статьи по интересующим его вопросам российского зарубежного православия. Для удобства работы после основного библиографического указателя помещены также вспомогательные указатели авторов, редакторов, составителей и переводчиков, указатель персоналий, географический и хронологический указатели, а также хронологический указатель основных дат истории российского православия за рубежом. Возможность использования благодаря основному и вспомогательным указателям различных критериев поиска того или иного источника является несомненным достоинством издания.

Географически русское православие давно стало явлением общемирового характера. Проникая в разные уголки мира, оно везде оставляло свой духовный и культурный след. Присутствие русского православия в Австралии, Африке, Евразии, Северной и Южной Америке, регионах и городах каждого континента, так или иначе, становилось объектом внимания со стороны исследователей. Поэтому включенные в указатель работы, созданные, главным образом, русскоязычными авторами, охватывают все части мира. Автором-составителем проделана гигантская работа, ибо выявление материалов, обильно разбросанных по различным русскоязычным сборникам и журналам всего мира, нередко малотиражным и малодоступным, является весьма сложной задачей, требующей немалых сил и времени.

Впечатляет и тематическое разнообразие включенных в библиографический указатель работ. Они отражают вопросы взаимоотношений между различными ветвями русского православия, другими христианскими исповеданиями. Уделено внимание старообрядчеству и русскому сектантству за рубежом, духовному образованию и воспитанию, русскому богословию, правовому положению зарубежного русского православия. В соответствующих рубриках представлена литература по проблеме возвращения Русской православной церкви за границей на Родину и дискуссий о восстановлении единства Русской православной церкви. Включены в указатель книги и статьи по вопросам русского церковного искусства: православному храмостроительству и церковной архитектуре, иконописанию, церковному пению и духовной музыке и др. Наиболее обширным разделом указателя является раздел «Персоналии», включающий 2364 библиографические записи о различных церковных и светских деятелях русского православного зарубежья.

А. В. Попов выступает не только как библиограф, но и как историк-историограф. В авторском введении к изданию отмечается повышение интереса исследователей к истории Русской православной церкви и ее зарубежных частей. Подписание «Акта о каноническом общении» между РПЦ Московского Патриархата и РПЦЗ 17 мая 2007 г., придаст, по справедливому замечанию автора, новый импульс исследованиям о русских церковных разделениях в XX в.

Исторически первой формой присутствия русского православия за рубежом стали русские духовные миссии. Открытие первой такой миссии — в Китае — состоялось в 1715 г. Вскоре были предприняты попытки описать и оценить деятельность православных миссионеров в Китае, в частности, иеромонахом IV миссии (1745–1755 гг.) Феодосием (Сморжевским) была составлена «Выписка из замечаний о пекинских духовных миссиях». Дальнейшее продвижение русского православия за границами Российской империи также сопровождалось соответствующими историческими обобщениями и исследованиями. Дореволюционная литература по этому вопросу, отмечает А. В. Попов, представлена, в первую очередь, работами церковных историков — участников русских миссий или служителей русских зарубежных храмах. Все они носят информационный характер, отличаются единством концептуальных подходов. А. В. Попов объясняет это безупречным каноническим и церковно-административным положением зарубежных частей РПЦ до 1917 г., которое не оспаривалось ни в России, ни за рубежом.

Новый этап в изучении темы открыла Октябрьская революция. С этим этапом автор связывает прекращение объективного изучения русского православного зарубежья. В СССР по этой теме было создано весьма небольшое количество работ, написанных с позиций обличения Русской православной церкви за границей. Советская историческая наука, делает вывод А. В. Попов, не создала научной традиции изучения российского зарубежного православия, как и истории православия вообще.

С начала 1990-х гг. положение изменилась. В новой историографической ситуации российские историки получили возможность всестороннего и объективного изучения истории православной церкви за рубежом. Значительный шаг в возрождении утраченных за годы советской власти традиций в изучении истории РПЦ сделали православные историки (священник Георгий Митрофанов, протоиерей Владислав Цыпин, игумен Ростислав Колупаев, священник Дионисий Поздняев и др.).

Современные светские историки А. В. Беляева, М. В. Назаров, В. И. Косик, Э. Г. Саблина, М. В. Шкаровский, Н. П. Крадин, С. С. Левашко также активно разрабатывают проблемы истории русской зарубежной церкви и русской православной диаспоры. Большинство современных российских авторов придерживаются в своих исследованиях позиций Московской Патриархии. В результате, отмечает А. В. Попов, они не всегда могут видеть позитивные моменты в истории российского православия за рубежом и, в частности, Русской православной церкви за границей.

Эта ситуация сглаживается исследованиями зарубежных авторов, в т. ч. церковных историков и канонистов, принадлежащих к российской православной диаспоре. Объем работ, изданный за границей, значительно превосходит количество изданий в России. Однако здесь обнаруживается своя особенность. Пестрота и обилие православных церквей в странах рассеяния, пишет А. В. Попов, создавали специфическую ситуацию в эмигрантской историографии: «...Противоречия между историками лежали не в сфере научного, объективного исследования, а в сфере юрисдикционной принадлежности того или иного автора, отношения этой юрисдикции к Московской Патриархии и другим православным церквям» (с. 15). Одновременно эти работы отличает высокая историческая и каноническая подготовка авторов, хотя по своему публицистическому характеру они, как правило, не могут претендовать на научное исследование. Заслуживает внимания вывод автора о том, что общая основа таких произведений должна обязательно подвергаться научной критике с точки зрения принадлежности автора к той или иной юрисдикции.

Подводя итоги развитию российской и зарубежной историографии истории православного зарубежья, А. В. Попов отмечает значительные шаги в этом направлении, свя-

занные с накоплением исторического материала, доступностью эмигрантских журналов и газет, переизданием трудов историков-эмигрантов, активной работой современных российских исследователей. Однако как история российского зарубежья в целом, так и русского зарубежного православия находятся в стадии формирования как научные дисциплины. Продолжение процесса накопления знаний делает весьма своевременным появление библиографических указателей по проблематике российского православия за рубежом.

Разумеется, А. В. Попов не претендует на полноту учтенных в библиографическом указателе материалов. Такой цели автор-составитель перед собой не ставил. Несмотря на это следует подчеркнуть, что в настоящее время рецензируемый библиографический указатель является наиболее полным изданием по затронутой проблематике, необходимый любому исследователю истории православия и Русской православной церкви. Обращение к нему должно стать первичным и обязательным этапом на пути научного изучения того или иного вопроса российского православного зарубежья, ибо позволяет оперативно ориентировать исследователя на тот вклад, который был сделан в области его научных интересов предшественниками. Кроме того можно надеяться, что автор не оставит своих работ по поиску и систематизации литературы и источников по избранной тематике, а значит библиографический указатель будет расширяться и дополняться, что найдет свое отражение в его последующих изданиях.

*А. Б. Елисеев, В. И. Меньковский, д. и. н.,
(Минск)*

История России XX века в современных вузовских учебных пособиях республики Беларусь

Состояние исторического знания и формирование представлений об истории России в странах «ближнего зарубежья» в последнее время привлекает повышенное внимание не только профессиональных исследователей. Историческое сознание является основой для понимания и объяснения совместного прошлого, для будущего взаимодействия самостоятельных государств и проживающих в них народов. Немаловажно и то, какое место занимает история России в воззрениях будущих специалистов-историков, особенно белорусских. Интеграция Беларуси с Россией, в отличие от ряда других стран СНГ, отражает не только экономические интересы, но и ощущение взаимной этнической близости, «корни которой — и в истории многовекового проживания в едином государстве, и в накопленном позитивном опыте межнационального общения»¹.

В данной связи безусловный интерес вызывают два пособия для студентов, обучающихся на исторических специальностях вузов, изданные в Республике Беларусь в последние годы и посвященные российской истории XX в. и ее отражению в современной историографии. Первое из них представляет собой учебное пособие по истории России XX в., разработанное коллективом преподавателей кафедры истории России Белорусского государственного университета под редакцией В. И. Меньковского и О. А. Яновского^{II}.

Систематический курс истории России XX в. является составной частью общего курса истории восточных славян, изучаемого на I–III курсах исторических факультетов университетов Беларуси. В то же время, сами авторы пособия в предисловии подчеркивают

¹ Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 90.

^{II} История России. XX век: учеб. пособие / О. А. Яновский, С. В. Позняк, В. И. Меньковский и др. Под ред. В. И. Меньковского и О. А. Яновского. Минск: РИВШ, 2005. 704 с.

«понятийные и терминологические условности» данного курса, связанные с его наименованием, обозначающим историю различных государственных образований, «которые в течение XX века включали в себя территорию и этносы» России (с. 3–4). Однако подобный подход объясняется тем, что в белорусских университетах читаются самостоятельные курсы по истории Беларуси и Украины.

Задачей авторов данного пособия, по их собственным словам, являлось «системно расположить исторические факты», «определить их объективную обусловленность, обретенную и расцвеченную той субъективностью, которая предопределена неизведанными глубинами человеческого разума и характера» (с. 3). Ее успешному выполнению во многом способствовало то, что основной материал пособия в течение нескольких лет размещался на сайте истфака БГУ и апробировался в практике вузовской работы.

Пособие достаточно четко и логично структурировано, основной материал излагается в 25 достаточно объемных и информативно насыщенных главах — лекциях. Тематика и содержание лекций обусловлены общепринятой периодизацией истории России в XX в., каждый период российской истории находит отражение в отдельной главе, самостоятельные главы посвящены вопросам развития российской культуры и внешней политики.

В соответствии со сложившейся историографической и образовательной традицией, в первой главе рассматривается развитие России в начале XX в. Две главы раскрывают ход и значение событий драматичного для России 1917 года. Отдельные главы посвящены процессам установления советской власти в России и Гражданской войне.

Следующие главы характеризуют процессы становления советского государства и общества в 1920–1930-е гг. В первой из них рассматривается сущность новой экономической политики, внутрипартийная борьба и образование СССР (1921–1928 гг.). Другая глава раскрывает механизм свертывания НЭПа, принятие курса на индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и ее итоги, разработку и реализацию первых пятилетних планов, политическую систему советского общества. По две главы посвящено основным направлениям советской политики в области культуры, науки и образования, и советской внешней политике на фоне развития международных отношений в 1921–1941 гг.

Обращаясь к развитию советского общества в годы Великой Отечественной войны, авторы раскрывают ее основные этапы, преобразование жизни страны на военный лад. В следующих главах рассматриваются вопросы послевоенного развития советского общества. Период «оттепели» получил название времени «надежд и утраченных иллюзий» и рассматривается в трех главах. В пособии детально анализируются основные тенденции и противоречия общественно-политической и социально-экономической жизни страны в 1964–1985 гг.

Особое внимание уделено событиям последних двух с лишним десятилетий — перестройке и развитию современной России. В совокупности их освещение занимает примерно четверть всей основной части. Авторам удалось «уйти» от политизации в освещении данных проблем, отказавшись как от огульной критики, так и от прямой апологетики сущности и значения реформ, причины которых связываются, прежде всего, с обстоятельствами развития самой страны. В то же время, они показывают всю сложность и противоречивость проводимых преобразований, глубину порожденных ими проблем. В рамках отдельной главы рассматривается развитие культуры и науки в условиях реформирования общества.

Следует отметить, что продекларированное в предисловии «стремление к акцентированному изложению хода развития всех основных сфер общественной и государственной жизни с учетом главных внутренних и внешних факторов» (с. 5) не всегда получает соответствующее отражение в основном тексте работы. В частности, в главах, посвященных дореволюционному периоду в истории России, главный упор сделан на изложении политических событий, и гораздо меньше внимания уделено социально-экономическим процессам. Ничего не говорится о «русском экономическом чуде» как следствии столы-

пинских реформ, отсутствует характеристика знаменитого «серебряного века» русской культуры начала XX в. Эта неравномерность нашла отражение и в описании отдельных тем и сюжетов. В частности, «не повезло» такой традиционной для белорусской историографии теме, как история Великой Отечественной войны, описанной достаточно схематично. Возможно, это объясняется тем, что данные сюжеты находят соответствующее отражение в других учебных курсах.

Каждая глава снабжена кратким планом, ко всей работе составлен именным указатель, но без ссылок на страницы текста, что снижает эффективность его использования, а также хронология важнейших событий, которой авторы придают «особое назначение» (с. 4). В пособии также приводится достаточно полный список источников и литературы, включающий работы как советских, так и современных российских и зарубежных авторов на русском языке, учебные и справочные издания, источники и исследования (монографии, коллективные труды, сборники статей). Хочется надеяться, что вся указанная литература в полной мере доступна ее адресатам. К сожалению, этим и ограничен перечень методических элементов данного пособия. В качестве пожелания хочется порекомендовать авторам при последующих переизданиях составить различные контрольно-проверочные, творческие и познавательные вопросы и задания к отдельным главам и тексту в целом.

Своеобразным продолжением данной работы можно считать выход справочно-библиографического пособия о современной историографии новейшей истории России под редакцией В. И. Меньковского¹. Его основная часть представлена краткими очерками (главами), посвященными развитию историографии отдельных вопросов истории России XX в., снабженных достаточно полными, но, к сожалению, не всегда точными списками источников и литературы.

Источниковую базу учебного пособия составили труды российских и советских исследователей по истории России, а также работы иностранных авторов, переведенные на русский язык и изданные в России. Аргументируя свою позицию, авторы утверждают, что «формирование российского интеллектуального исторического пространства шло в тесном взаимодействии и при взаимовлиянии с ведущими мировыми школами изучения советской и российской истории» (с. 9). Не отрицая вышесказанного, следует отметить, что подобный подход оправдан, исходя из учебных задач пособия, но влечет за собой отсутствие четкости в определении самого предмета изучения.

Хронологические рамки издания охватывают период конца 1980-х – 2005 гг. и выглядят достаточно обоснованно, в связи с необходимостью осмысления, прежде всего, современных тенденций в изучении истории России XX в. Следует согласиться и с отказом исследователей от жесткой фиксации нижнего рубежа. Он определяется как время «начала принципиальных изменений советской и российской исторической науки и становления новых парадигм изучения советской и российской истории» (с. 8). Действительно, становление современной историографии представляет собой достаточно сложный процесс, связанный с переосмыслением предыдущих и формированием новых исследовательских подходов, его невозможно «привязать» к выходу какой-либо работы или, тем более, политическому событию, хотя наука и испытывает воздействие общественно-политической конъюнктуры.

В основном, содержание пособия соответствует структуре предыдущей работы. Исключение составляют несколько разделов, посвященных в основном вопросам внешней политики и культуры, хотя данные сюжеты находят достаточно широкое отражение в современной историографии. Тем не менее, в целом рецензируемая работа оказывается ценным дополнением к курсу истории России XX в., а само издание двух рассмотренных пособий представляется достаточно востребованным в учебном процессе в высшей школе.

¹ Современная историография новейшей истории России и истории СССР: справочно-библиографическое пособие для студентов исторических специальностей / В. И. Меньковский, О. А. Яновский, О. В. Бригадина и др. Под ред. В. И. Меньковского. — Минск: РИВШ, 2007. — 232 с.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание белорусских коллег на ряд содержательных недочетов, включая несоответствие между текстом глав и сопровождающими их списками литературы, которые в этом случае оказываются избыточными. Например, глава об историографии первых пятилеток оказалась полностью посвящена дискуссии о природе и сущности сталинизма. Среди факторов, оказывающих воздействие на развитие современной российской историографии, отсутствует ее «провинциальная» составляющая и новый язык позиционирования прошлого. Отмечая его складывание, авторы, к сожалению, так и не показали, каким образом появление нового дискурса отразилось на понимании и переосмыслении рассматриваемых ими сюжетов прошлого. Впрочем, подобного рода задача могла бы стать темой дальнейшего и самостоятельного исследования.

В целом же рецензируемые учебные пособия могут быть полезны и не только белорусским, но и российским студентам, аспирантам, специалистам, а также всем читателям, заинтересованным в изучении истории России XX века и ее освещении в современной историографии.

*Е. Ф. Кринко, д. и. н.
Т. П. Хлынина, д. и. н.
(Ростов-на-Дону)*

Сведения об авторах

Алеврас Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

Азбелев Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и археологии России Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Андреева Таисия Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

Анонасенко Анна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

Арзуманов Игорь Ашотович, кандидат философских наук, заведующий Центром религиозоведческих исследований Читинского государственного университета.

Базанов Сергей Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Бендин Александр Юрьевич, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Института теологии Белорусского государственного университета.

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Герасимова Ольга Геннадьевна, младший научный сотрудник кафедры Отечественной истории XX века Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Долгих Аркадий Наумович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета.

Доник Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Украины XIX – начала XX в. Института истории Украины Национальной Академии наук Украины; заместитель главного редактора «Украинского исторического журнала».

Друзин Михаил Викторович, научный сотрудник Мемориальной библиотеки князя Г. В. Голицына. mdruzin@mail.ru

Елисеев Алексей Борисович, аспирант Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической истории Самарского государственного экономического университета.

Козлов Петр Александрович, аспирант Института российской истории РАН.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

Кубасов Александр Леонидович, кандидат юридических наук, сотрудник УФСБ России по Вологодской области.

Лаас Наталия Александровна, аспирант Института истории Украины Национальной академии наук Украины.

Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН.

Мавродин Валентин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства.

Мамаев Андрей Владимирович, аспирант Института российской истории РАН.

Мартынюк Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор Иркутского государственного технического университета.

Меньковский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой историографии и методологии истории Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Михайлюк Марина Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Кировоградского института развития человека «Украина».

Мишина Алиса Владимировна, аспирант Института российской истории РАН.

Небрат Виктория Васильевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и прогнозирования Национальной Академии наук Украины.

Панеях Виктор Моисеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Пастушенко Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории Украины Национальной Академии наук Украины.

Петров Станислав Георгиевич, кандидат исторических наук, докторант СПбГУ, доцент Великолукского филиала Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения.

Попов Роман Игоревич, аспирант кафедры средневековой и новой отечественной истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Приходько Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, член Российского историко-правового общества, г. Москва.

Пулькин Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Ржешевский Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

Сенявский Александр Спартакович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Соколов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского государственного университета им. И. Канта, г. Калининград.

Спирин Дмитрий Владимирович, аспирант Института российской истории РАН.

Стрижкова Наталья Алексеевна, аспирант Института российской истории РАН.

Сумбурова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической истории Самарского государственного экономического университета.

Суржикова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Отечественной истории XX века Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Токарев Василий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета.

Фёдоров Алексей Николаевич, аспирант Института российской истории РАН

Федоровых Андрей Павлович, аспирант Института российской истории РАН

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета.

Хлынина Татьяна Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

Цамутали Алексей Николаевич, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН

Шабасова Марина Алексеевна, аспирант Белорусского государственного университета.

Шатохин Иван Тихонович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой российской истории Белгородского государственного университета.

Юсов Святослав Леонидович, младший научный сотрудник отдела истории Украины второй половины XX века Института истории Украины Национальной Академии наук Украины.

Юсова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной Академии наук Украины.

Список сокращений

Архив РАН	— Архив Российской Академии наук.
Архив МГУ	— Архив Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Архив СПб ИИ РАН	— Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
БАН	— Библиотека Академии наук
ВОАНПИ	— Вологодский областной архив новейшей политической истории
ВФ ГАВО	— Великоустюгский филиал Государственного архива Вологодской области
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАВологодО	— Государственный архив Вологодской области
ГАВолынО	— Государственный архив Волынской области
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКиевО	— Государственный архив Киевской области
ГАКировО	— Государственный архив Кировской области
ГАПО	— Государственный архив Пермской области
ГАРО	— Государственный архив Ростовской области.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГА СБУ	— Государственный архив Службы Безопасности Украины
ГАСО	— Государственный архив Самарской области
ГИАЛ	— Государственный исторический архив Литвы
ГИМ	— Государственный исторический музей
ИА НБУВ	— Институт Архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского.
ИР НБУВ	— Институт Рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского.
КГАНИ	— Карельский государственный архив новейшей истории (в 2007 г. присоединен к Национальному архиву Республики Карелия)
НАРК	— Национальный архив Республики Карелия
НАРТ	— Национальный архив Республики Татарстан
НИАБ	— Национальный исторический архив Беларуси
НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства

РГАНИ	— Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	— Российский государственный военный архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
СПбФ Архива РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
СПбФ РАН	— Санкт-Петербургский филиал Российской Академии наук
СЗРИ	— Свод законов Российской империи
СЗ СССР	— Собрание законов СССР
ЦАГМ	— Центральный архив города Москвы
ЦАОПИМ	— Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы
ЦА ФСБ России	— Центральный архив Федеральной службы безопасности России
ЦГАВОВУ	— Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины
ЦГАООУ	— Центральный государственный архив общественных объединений Украины
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ИСТОЧНИКИ

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

<i>К 100-летию со дня рождения Владимира Васильевича Мавродина.</i>	
Вспоминая В. В. Мавродина — не забываем других.....	7
<i>С. Н. Азбелев.</i> Воспоминания о В. В. Мавродине	13
<i>Н. А. Мининков.</i> Владимир Васильевич Мавродин (краткие воспоминания)	15
<i>В. М. Панеях.</i> В. В. Мавродин — руководитель работы по исследованию пугачевского восстания	17
<i>А. Н. Цамутали.</i> Несколько слов о Владимире Васильевиче Мавродине.....	20
<i>В. В. Мавродин.</i> Из несохранившегося архива Владимира Васильевича Мавродина.....	25
<i>Н. Н. Юсова, С. Л. Юсов.</i> Письма Владимира Васильевича Мавродина: предварительные заметки к реконструкции эпистолярного наследия.....	27
<i>В. В. Мавродин.</i> Письма к коллегам. <i>Публикация Н. Н. Юсовой</i>	35
<i>Т. А. Андреева.</i> Образ революций 1917 года в сознании Романовых (по мемуарам и дневникам представителей династии).....	57
<i>Н. А. Стрижкова.</i> Особенности взаимоотношений в среде пролетарских писателей в 1930-е годы (по материалам дневников Ф. В. Гладкова, А. Н. Афиногенова, А. К. Гладкова).....	73

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

<i>С. Г. Петров.</i> Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и местная пресса после выборов в I Государственную Думу (май – август 1906 г.).....	83
<i>Н. В. Суржикова.</i> Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.)	90
<i>П. А. Козлов.</i> Роль периодической печати в президентских выборах 1996 г. в Российской Федерации	122

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

<i>А. В. Мартынюк.</i> Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода.....	141
<i>В. А. Токарев.</i> Гуманистическая версия антипольской пропаганды в фильме «Мечта»	150

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

<i>Н. Н. Алеврас.</i> Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта)	171
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>А. Б. Елисеев.</i> Историография взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства (1943–1953 гг.)	185
<i>А. П. Федоровых.</i> Проблемы российско-украинских отношений в 1990-е гг. в отображении современной историографии	199

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>В. И. Меньковский.</i> Ревизионистское направление англо-американской историографии советской истории 1930-х гг.	215
<i>Н. А. Лаас.</i> История крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской «оттепели»: экскурс в англоязычную историографию.....	247
<i>М. А. Шабасова.</i> Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России (1991–2000 гг.).....	260

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. Н. Долгих.</i> Александр I и дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в первой четверти XIX в.	279
<i>А. Н. Апонасенко.</i> Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: изменение платежей и наделного землепользования крестьян	285
<i>В. В. Небрат.</i> Теоретические основы и практические результаты денежной реформы 1922–1924 гг.	300
<i>Л. И. Вавулинская.</i> Советская аграрная политика и реформы управления сельским хозяйством в 1950-е гг. (на материалах Карелии)	312

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>М. А. Приходько.</i> Учреждение министерской системы управления в России в 1802–1835 гг.: Правовой аспект	336
<i>А. Ю. Бендин.</i> Религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края в контексте процесса интеграции (1863–1914 гг.)	353
<i>И. Т. Шатохин.</i> Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX–XX вв.	370
<i>А. С. Соколов.</i> С. Е. Крыжановский и правая печать в Российской империи начала XX века.....	390
<i>М. Г. Меерович.</i> Неофициальное градостроительство: тайный аспект советской индустриализации (1928–1932 гг.).....	395

ОБЩЕСТВО: МЕНТАЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. В. Пулькин.</i> «Технология» массового самоубийства: старообрядческие самосожжения в конце XVII–XVIII вв.	415
---	-----

<i>Р. И. Попов.</i> Богатство как ценностная ориентация русского купечества в конце XVIII – первой половине XIX вв.	437
<i>Е. И. Сумбурова.</i> Педагогические курсы и учительские съезды в Самарской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	447
<i>О. Г. Герасимова.</i> Общественно-политическая жизнь студенчества в эпоху «оттепели»: МГУ им. М. В. Ломоносова	457
<i>А. А. Фокин.</i> «Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всенародного обсуждения» III Программы КПСС).....	472
<i>И. А. Арзуманов.</i> Улан-Баторская община местнорусских в историко-религиоведческом контексте (XX–XXI вв.)	488

ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ

<i>А. С. Сенявский.</i> Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века.....	598
<i>А. В. Мамаев.</i> Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе.....	519
<i>Ю. А. Жердева.</i> «Рожденные» в 1917-м: Общественно-политическое движение «Лига русской культуры».....	532
<i>В. М. Лавров.</i> Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона	543
<i>А. Н. Фёдоров.</i> Социальное измерение пореволюционного российского города: проблемное поле исследования	552
<i>А. В. Мишина, А. С. Сенявский.</i> Крестьянская политика большевиков в России и на Украине: общее и особенное (1917 – лето 1919 гг.).....	567
<i>А. Л. Кубасов.</i> Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и оппозиционные политические партии на европейском Севере России (1918–1922 гг.)	582
<i>М. В. Михайлюк.</i> Немецкая пропаганда на Украине (1941–1944).....	593
<i>Д. В. Спирин.</i> Проблема Второго фронта во взаимоотношениях «Большой тройки».....	621

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Н. Доник.</i> Пятидесятилетие «Украинского исторического журнала»	635
<i>М. В. Друзин.</i> «Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX века»: Обзор международной научной конференции.	638
<i>Т. В. Пастушенко.</i> Устоинисторические проекты на Украине: изменение традиционных исследовательских перспектив.	642

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. С. Сенявский.</i> Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней.	649
<i>О. А. Ржешевский.</i> Е. С. Сенявская. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества).....	651
<i>С. Н. Базанов.</i> Г. М. Иванова. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты.....	654
<i>В. А. Токарев.</i> Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953.....	658

<i>А. Б. Елисеев, В. И. Меньковский.</i> Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918–2006 гг.....	666
<i>Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина.</i> История России XX века в современных вузовских учебных пособиях республики Беларусь.....	669
Сведения об авторах	673
Список сокращений	676

Научное издание

**Проблемы отечественной истории:
Источники, историография, исследования**
Сборник научных статей

Отв. редактор *М. В. Друзин*

Корректор *П. В. Ильин*
Компьютерная верстка *Л. А. Филофова*
Оформление обложки *Л. А. Филофова*

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры «Великий князь Ярослав Всеволодович перед ханом Батыем» (Лицевой летописный свод, «Лаптевский» том).

Миниатюра любезно предоставлена А. В. Мартынюком.

Опубликована: *Martyniuk A. Die Mongolen im Bild. Hamburg, 2002. Иллюстрация 32.*

Подписано в печать 19.12.08. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Усл.-печ. л. 42,625. Тираж 200 экз. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23